МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

5

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том 5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Введение академика
Б. Н. ПОНОМАРЕВА

Издательство
«Мысль»

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том пятый

СОЗИДАТЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА, БОРЕЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Москва
1981

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

Б. Н. ПОНОМАРЕВ *председатель*
Т. Т. ТИМОФЕЕВ *заместитель председателя*
А. И. СОБОЛЕВ *заместитель председателя*
О. Т. БОГОМОЛОВ
В. М. ВОДОЛАГИН
В. В. ВОЛЬСКИЙ
А. А. ГАЛКИН
Ю. М. ГАРУШЯНЦ
Г. Г. ДИЛИГЕНСКИЙ
Е. М. ЖУКОВ
В. В. ЗАГЛАДИН
Г. Ф. КИМ
А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ
С. С. САЛЫЧЕВ
М. И. СЛАДКОВСКИЙ
П. Н. ФЕДОСЕЕВ
С. С. ХРОМОВ
А. С. ЧЕРНЯЕВ
А. Н. ШЛЕПАКОВ
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том пятый

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. С. САЛЫЧЕВ, *ответственный редактор*,
А. Б. ВЕБЕР, Б. И. МАРУШКИН,
Ю. А. ПОЛЯКОВ, А. И. СОБОЛЕВ,
А. С. ЧЕРНЯЕВ, Г. К. ШИРОКОВ

ББК 66.61 (0) 6
М 43

РУКОВОДИТЕЛЬ АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА
С. С. САЛЫЧЕВ, *докт. ист. наук*

ОСНОВНОЙ АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:
В. З. ДРОБИЖЕВ *докт. ист. наук*
Н. П. КАЛМЫКОВ *канд. ист. наук*
Н. П. КОМОЛОВА *докт. ист. наук*
В. Л. МАЛЬКОВ *докт. ист. наук*
Ю. А. ПОЛЯКОВ *чл.-кор. АН СССР*
Ю. Н. ПОПОВ *докт. экон. наук*
С. С. САЛЫЧЕВ *докт. ист. наук*
А. Л. СЕМЕНОВ *канд. ист. наук*
В. Б. ТЕЛЬПУХОВСКИЙ *канд. ист. наук*
А. С. ЧЕРНЯЕВ *канд. ист. наук*
К. К. ШИРИНЯ *докт. ист. наук*
Г. К. ШИРОКОВ *докт. экон. наук*
А. Н. ШЛЕПАКОВ *чл.-кор. АН УССР*
И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ *докт. ист. наук*

Над отдельными главами работали:
А. Г. БУДАНОВ *канд. ист. наук*
Л. Б. ВАЛЕВ *докт. ист. наук*
А. И. ВДОВИН *канд. ист. наук*
В. В. ГЕРБАЧ *канд. ист. наук*
В. И. ГЛУНИН *докт. ист. наук*
А. М. ГОЛДОБИН *канд. ист. наук*
В. П. ГОРОДНОВ *канд. ист. наук*
Н. А. ЕГОРОВА *канд. ист. наук*
М. Д. ЕРЕЩЕНКО *канд. ист. наук*
Е. П. ЗАКАЗНИКОВА *канд. ист. наук*
В. М. ИВАНОВ *докт. ист. наук*
Н. С. ИВАНОВ
Р. М. КАПЛАНОВ *канд. ист. наук*
М. Б. КОРЧАГИНА
Р. Г. ЛАНДА *докт. ист. наук*
Ю. О. ЛЕВТОНОВА *канд. ист. наук*
Ю. А. ЛЬВУНИН *докт. ист. наук*
Б. И. МАРУШКИН *докт. ист. наук*
Л. М. МИНАЕВ *докт. ист. наук*
В. П. МИХЕЕНКОВ *канд. ист. наук*
И. В. МОЖЕЙКО *докт. ист. наук*
М. М. НАРИНСКИЙ *канд. ист. наук*
Л. Н. НЕЖИНСКИЙ *докт. ист. наук*
В. Г. ОВЧИННИКОВ *канд. ист. наук*
М. Е. ОРЛОВА *канд. ист. наук*
С. П. ПОЖАРСКАЯ *докт. ист. наук*
А. Б. РЕЗНИКОВ *докт. ист. наук*
Ю. Н. РОЗАЛИЕВ *докт. экон. наук*
Т. А. САЛЫЧЕВА *канд. ист. наук*
Б. Г. САПОЖНИКОВ *докт. ист. наук*
Б. Г. СЕЙРАНЯН *канд. ист. наук*
С. В. СМИРНОВ
Н. Д. СМИРНОВА *докт. ист. наук*
А. И. СОБОЛЕВ *докт. филос. наук*
О. С. СОРОКО-ЦЮПА *докт. ист. наук*
Г. Д. СУХАРЧУК *докт. ист. наук*
П. П. ТОПЕХА *докт. ист. наук*
В. А. ТРОФИМОВ *докт. ист. наук*
Ф. И. ФИРСОВ *докт. ист. наук*
Л. Б. ХВОСТОВА
Г. В. ЦЫПКИН *канд. ист. наук*
К. А. ШЕМЕНКОВ
А. А. ЯЗЬКОВА *докт. ист. наук*
Г. С. ЯСКИНА *канд. ист. наук*

Главная редакционная комиссия, авторский коллектив и редколлегия тома выражают глубокую признательность Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и ряду институтов АН СССР, чьи ценные замечания и советы оказали существенную помощь в работе над книгой.

М $\frac{10302\text{-}191}{004(01)\text{-}81}$ подписное. 0905000000

© Издательство «Мысль». 1981

ПРЕДИСЛОВИЕ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции борьба за социализм стала практической задачей международного рабочего движения. Российский пролетариат, отстояв и утвердив свою политическую власть, успешно строил первое в мировой истории социалистическое общество. Революционный авангард рабочего класса — мировое коммунистическое движение продолжало консолидироваться на основе ленинизма, теоретически осваивая новые условия борьбы двух миров и перестраивая свою деятельность применительно к необходимости длительной осады капиталистического строя.

Авторы пятого тома стремились всесторонне показать характер и особенности выполнения рабочим классом своей всемирно-исторической миссии на данном этапе революционного преобразования мира. Естественно, что главное внимание они уделили двум его всемирно-историческим достижениям за эти два десятилетия. Во-первых, рабочий класс СССР, возглавив весь советский народ, *построил первое в мире социалистическое общество*, доказав тем самым осуществимость, реальность созидательной задачи социалистической революции. Во-вторых, представленный прежде всего государством победившего социализма, рабочий класс *внес решающий вклад в спасение цивилизации от самого чудовищного порождения старого мира — фашизма*.

Место и роль рабочего класса в мировом общественном развитии рассматриваются в томе сквозь призму этих двух исторических свершений.

В *первой части тома* освещается роль рабочего класса в строительстве социализма в СССР (1924—1937 гг.), его великий подвиг первопроходца нового пути исторического развития.

Беспримерные достижения СССР в годы первых пятилеток потрясали воображение. В ходе социалистической индустриализации и преобразования сельского хозяйства окончательно сформировались новые производственные отношения. Производительные силы перестали быть средством порабощения людей. Сложилась политическая система, в которой сознательные усилия трудящихся стали источником и опорой небывалого явления — планомерного руководства хозяйством. Функции государственного принуждения оттеснялись на задний план созидательными, организаторскими и воспитательными

функциями. Наращивалась материальная база для реального равноправия и свободы в экономической, политической, социальной, национальной и культурной сферах жизни.

В результате культурной революции многомиллионные трудящиеся массы стали активными участниками исторического процесса. Ликвидация неграмотности, невиданный до того в столь короткие сроки подъем образовательного уровня народа, расцвет науки, литературы, искусства, впечатляющий технический рост — таковы были основные составляющие рождения социалистической культуры. Происходила коренная переделка сознания людей, формировался человек новой, более высокой цивилизации.

За короткое время преобразился весь образ жизни в Стране Советов. Исчезли классовые антагонизмы, межнациональная рознь, сложились социалистические нации и народности, стали преобладающими новые отношения между людьми. Отличительной чертой общественных взаимосвязей на территории огромного государства стало добровольное сотрудничество и бескорыстная взаимопомощь.

Все это вместе, и в особенности ликвидация эксплуатации, безработицы, экономических кризисов, социальное законодательство, управление экономикой в интересах общества, энтузиазм и идейная устремленность строителей этого общества, придавало конкретный облик притягательной силе социализма, создавало совершенно новую атмосферу для классового противоборства в несоциалистической части мира.

Превращение социализма из идеала в реальность представляло собой в этот период самый значительный результат всемирного революционного процесса, стало самой главной гарантией его необратимости и самым крупным фактором его движения вперед.

Рассматриваемые во *второй части тома* классовые битвы пролетариата проходили, таким образом, в глубоко изменившейся обстановке, под воздействием уже оформившегося во всех своих чертах основного противоречия эпохи — между миром капитализма и миром социализма.

Буржуазия, отбив революционный натиск пролетариата, добилась временной стабилизации своего господства. Перенеся акцент с политики фронтальной борьбы против всех рабочих партий на политику раскола рабочего движения, она направила основной удар против коммунистического движения. В то же время значительно активизировалась практика сотрудничества с социал-демократическими лидерами с целью использования социал-демократии в качестве тормоза революционных процессов.

Первостепенной и неотложной задачей коммунистов было всемерное укрепление своих партий, расширение их влияния в массах в ходе борьбы за единение самого рабочего класса и привлечение на его сторону других демократических сил.

Определенные успехи в решении этой задачи были. Однако,

когда разразился мировой экономический кризис и возникла реальная угроза фашизма, решающего перелома в обеспечении необходимого к тому моменту минимума влияния рабочего класса на ход событий в капиталистическом мире не было достигнуто. Не обошлось и без ошибок, неправильных или неудачных политических установок.

Именно на плечи рабочего класса легла основная тяжесть защиты человеческого общества от новой, небывалой еще угрозы. В обстановке глубокого кризиса буржуазно-демократических институтов линия коммунистов на создание массового антифашистского движения предоставляла единственный выбор с шансами на успех в отпоре натиску фашистской реакции.

Коммунистам в целом удалось вовлечь передовую часть трудящихся в активную антифашистскую борьбу на платформе Народного фронта. Но социал-демократические партии, а также левобуржуазные политические силы проявили серьезные колебания и непоследовательность. Это тормозило развитие массового антифашистского движения, ослабляло народные фронты, стало одной из причин их поражения. Тем не менее именно народные фронты нанесли первые удары фашизму, наметив магистральное направление антифашистского сплочения всех демократов в дальнейшем.

Подъем национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке освещается в *третьей части тома*. Рабочему классу здесь предстояло, с одной стороны, выделиться из мелкобуржуазной массы в качестве самостоятельной политической силы, а с другой — сотрудничать с национальной буржуазией в борьбе против колониализма. Важнейшим достижением рабочего класса Азии и Африки в эти годы являлось его организационное становление, выражением чего было образование и развитие коммунистических партий. Это вынуждало национальную буржуазию занимать более решительные позиции против империализма. И именно в эти годы требования частичных уступок от империализма стали сменяться лозунгами полного национального освобождения.

Включение рабочего класса как более или менее организованной силы в национально-освободительное движение начало отражаться и на его социальном содержании. В программных документах появились положения об аграрных реформах, урезывании или ликвидации феодальных привилегий, ограничении рабочего дня, женского и детского труда и т. п. Рабочие организации привнесли в движение и свои пролетарские методы борьбы.

В освободительном движении Латинской Америки центральное место занимало требование экономической независимости. В силу более высокого по сравнению с Азией и Африкой уровня классовой борьбы на этом континенте буржуазия здесь проявляла еще большие колебания в отношении борьбы против империалистического господства. Пролетариат был сравнительно более многочислен и лучше ор-

ганизован, коммунистические партии возникли здесь, как правило, в первой половине 20-х гг. Рабочий класс уже имел определенный опыт и авторитет в антиимпериалистическом, демократическом движении, хотя и не сумел выйти на позиции руководителя всех патриотических и демократических сил.

Международному рабочему классу в годы второй мировой войны посвящена *четвертая часть тома*. Фашизм соединил свои захватнические, империалистические планы с классовыми целями разгрома коммунизма, прежде всего Советского Союза. Близорукость, попустительство и классовый эгоизм правящих кругов других капиталистических стран позволили агрессору развязать мировую войну.

Однако в отличие от того, что имело место в 1914—1918 гг., империалистическая реакция натолкнулась на несравнимо более мощное сопротивление сил демократии и мира. Во-первых, ее планам противостояла мощная миролюбивая социалистическая держава. Во-вторых, благодаря усилиям коммунистов империализму не удалось подорвать международную пролетарскую и демократическую солидарность и предотвратить возникновение организованного освободительного движения против оккупантов, агрессоров, против фашизма. В-третьих, сама буржуазия США, Англии, Франции, других нефашистских стран, отстаивая свои экономические и политические интересы, вынуждена была принять участие в войне с государствами фашистского блока, а патриотическая часть буржуазии в отдельных странах внесла свой вклад и в движение Сопротивления. В результате во второй мировой войне антифашистская, освободительная тенденция стала преобладающей, а первое пролетарское государство — детище мирового рабочего движения — стало главной, решающей силой в разгроме фашистской группировки империализма.

В Великой Отечественной войне советского народа выявилось всестороннее превосходство первого в мире социалистического общества, гегемоном и главной силой которого был рабочий класс. История знает немало примеров героизма в борьбе за правое дело, но невиданные масштабы массового героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны придали этому явлению новое качество, свидетельствовавшее о том, что в условиях социализма сформировался новый человек, впитавший в себя лучшие черты рабочего класса — преданность высоким гуманистическим идеалам, готовность к самопожертвованию ради них, социалистический патриотизм и интернационализм. И это были уже не единицы, не узкий слой общества, а десятки миллионов людей.

Решающая роль Советского Союза в антифашистской войне в огромной мере содействовала росту авторитета социализма, рабочего класса и его авангарда — коммунистического движения.

В капиталистическом мире выдвижение рабочего класса в качестве руководителя всех антифашистских сил проходило в обстановке острейшей политической борьбы, капитулянтства и коллаборацио-

низма части правящих классов. Растерянность, разброд и разногласия в период ошеломляющих побед гитлеровской военной машины затронули не только буржуазных противников фашизма, но и значительную часть социал-демократических лидеров.

В этот переломный момент именно коммунисты возглавили борьбу за создание единого антифашистского фронта. Они отдавали безусловный приоритет задачам организации боевого, вооруженного сопротивления, играли роль основной объединяющей и мобилизующей силы. В результате гегемония рабочего класса в антифашистской, освободительной борьбе была признана широчайшими массами, а также сплошь и рядом и антифашистами из буржуазного лагеря. Массовая антифашистская борьба, которая в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в Италии и Франции завершилась восстаниями, нанесла серьезные удары фашизму, создав предпосылки для такого подъема пролетарских, демократических масс, что замыслы буржуазии восстановить довоенные порядки во многих странах были сорваны. Даже во Франции и Италии буржуазия хотя и сохранила свое господство, но ценой значительных уступок требованиям трудящихся. В освобожденных Красной Армией странах Европы морально-политический авторитет рабочего класса и его революционного авангарда был настолько высок, а буржуазия настолько глубоко дискредитирована, что открылась для ряда этих стран перспектива развития по социалистическому пути.

В странах — участницах антифашистской коалиции, в нейтральных странах также в значительной мере возросло влияние коммунистических партий, зарекомендовавших себя наиболее последовательными борцами против фашистских агрессоров.

В колониальных и зависимых странах политика метрополий, входивших в антигитлеровскую и антияпонскую коалицию, объективно толкала национально-освободительное движение в сторону их империалистических соперников, держав фашистского блока. В этих особо сложных условиях коммунистические партии приложили усилия к тому, чтобы не позволить взрыву национальных чувств заслонить главную опасность, исходившую от Японии и Германии, удержать национально-освободительное движение в антифашистском русле. Последовательный антифашизм коммунистов стал ориентиром для всех подлинных борцов за национальное освобождение, а коммунисты, принявшие активное участие в Сопротивлении, выросли в значительную политическую силу в странах Азии и Африки.

В годы второй мировой войны *пролетарский интернационализм* прошел суровую проверку. Он не только выступил в качестве могучего фактора сплоченности и единства действий самого рабочего класса в тягчайших условиях мировой войны. Он, можно сказать, вышел за собственно пролетарские границы и стал могучим объединительным началом для широчайших демократических масс огромного числа стран. Благодаря интернационализму пролетариат

воочию, на практике смог продемонстрировать свою способность действовать как класс, выражающий жизненные, прогрессивные интересы всего общества.

Опыт антифашистской, освободительной борьбы неоценим для духовного и политического возвышения самого рабочего класса как класса гегемона. Миллионные массы трудящихся, убедившись в наличии у него воли, умения, морального права выступать в роли передовой силы общества, свободной от классового эгоизма, значительно продвинулись в понимании его исторической миссии.

Итак, в созидании социализма и в революционной борьбе формировались и развивались качества пролетариата как *ведущего класса новой исторической эпохи.* Построение социализма в Советском Союзе, классовая и антифашистская борьба на первом этапе общего кризиса капиталистической системы определили главный его вклад в мировой революционный процесс на протяжении 20-летия, которому посвящен данный том. В этом смысле политика Советского Союза и коммунистического движения отражала магистральное направление дальнейшего движения международного рабочего класса к своим великим целям, к идейной гегемонии в прогрессе человечества, а конкретно, в конце рассматриваемого периода,— к новому этапу мировой истории, когда социализм, перейдя границы одной страны, превратился в мировую систему.

В подготовке данного тома принимали участие авторы, представляющие следующие институты Академии наук СССР: Институт всеобщей истории, Институт истории СССР, Институт международного рабочего движения, Институт востоковедения, Институт славяноведения и балканистики, Институт экономики мировой социалистической системы, а также Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Часть I

СТРОИТЕЛЬ ПЕРВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава первая

ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА В СССР

Завершив восстановление народного хозяйства, советский рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, направил основные усилия на решение главной задачи пролетарской революции — строительство социалистического общества. Борьба за построение социализма вступила в новый этап. Социализму из теории, мечты трудящихся о лучшем будущем предстояло превратиться в реальность, воплотиться в экономической, социальной и духовной жизни миллионов людей на одной шестой части земного шара.

В. И. Ленин подчеркивал, что дорога к социализму «никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной...»[1]. Понятно, что наибольшие трудности — теоретического, практического и психологического характера — легли на плечи советского рабочего класса, который первым открыл путь в будущее.

Рабочему классу предстояло решить беспрецедентные по трудности и масштабам созидательные задачи. В буржуазных революциях пришедшему к власти передовому классу оставалось лишь привести политическую надстройку в соответствие со стихийно сложившимся в недрах старого общества новым экономическим базисом. Пролетарская революция совершалась при отсутствии готовых форм социалистического способа производства. В силу этого впервые в истории человечества рабочий класс приступал к созданию материально-технической базы социализма и управлению процессом формирования новых, социалистических производственных отношений. Ликвидировав всякую эксплуатацию человека человеком, рабочий класс должен был, укрепляя командные высоты, завоеванные в первые послеоктябрьские годы, развить принципиально новые основы экономического и общественного развития.

Социалистическое строительство в СССР осложнялось конкретными историческими трудностями. Уровень развития производительных сил дореволюционной России был относительно низким, экономическая жизнь страны дезорганизована разрушениями в результате первой мировой и гражданской войн, интервенции, экономической блокады, организованной мировой буржуазией. Капиталистическое окружение усиливало сопротивление свергнутых классов, колебания мелкобуржуазных слоев, активизировало контрреволюцию. Первое в мире пролетарское государство испытывало значительное внешнее давление. Империалистические круги не скрывали

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 47.

своих антисоветских, агрессивных замыслов. Рабочий класс, все трудящиеся СССР стояли перед выбором: либо ценой огромного напряжения сил в кратчайшие сроки создать мощную экономику и укрепить обороноспособность страны, либо быть уничтоженными мировым империализмом.

Рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, не отступил перед этой великой исторической задачей. Руководствуясь ленинской программой строительства социализма, предусматривающей развитие производительных сил, преобразование общественных отношений и перестройку духовного мира людей, трудящиеся СССР продолжали работу, не имеющую аналога в мировой истории.

Сила идей социализма, преимущества социалистических производственных отношений, сплоченность и организованность рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии, творческий энтузиазм народных масс были настолько велики, что даже при неблагоприятных условиях за короткие исторические сроки первое в мире социалистическое общество было построено. Это представляло собой исторический шаг в выполнении пролетариатом всемирно-исторической миссии.

Успехи социалистического строительства, практически доказывая осуществимость идеалов социализма, превосходство нового общественного строя, содействовали углублению мирового революционного процесса. Победа социализма в СССР наглядно продемонстрировала преимущества нового общественного строя в решении коренных проблем новой исторической эпохи и тем самым способствовала повышению авторитета рабочего класса как ведущей силы общественного развития, активизировала борьбу прогрессивных, демократических сил во всем мире. «Социалистические преобразования в России положили начало революционному изменению социального облика планеты, создали надежную государственную базу международного освободительного движения»[1].

Строя социализм, рабочий класс решал и основные проблемы эпохи, открывал человечеству новые горизонты общественного прогресса, прокладывал путь к освобождению трудящихся всего мира.

БОРЬБА ПРОТИВ АГРЕССИВНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА

Разгромив военную интервенцию мирового империализма, советский рабочий класс во главе с Коммунистической партией отстоял завоевания Великого Октября, добился мира, крайне необходимого для развертывания социалистического строительства. Однако внешнеполитическое положение Советского государства продолжало оста-

[1] «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза». М., 1970, стр. 18.

ваться сложным и напряженным. Потерпев неудачу в попытках удушить «коммунизм в его колыбели», лидеры капиталистического мира и думать не хотели о каком-либо длительном сосуществовании со страной, посягнувшей на вековые устои эксплуататорского общества.

Во второй половине 20-х гг. участились антисоветские акции империалистических держав. В 1927 г. были организованы провокационные нападения на советские представительства в Китае и Англии. В июне 1927 г. в Варшаве был убит советский полпред П. Л. Войков. Консервативное правительство Англии разорвало дипломатические отношения с СССР. Империалистические круги подстрекали сопредельные с Советским Союзом государства на вооруженные провокации. В 1929 г. китайские милитаристы совершили открытое вооруженное нападение на советскую территорию. Ряд капиталистических стран ввели дискриминационные ограничения на торговлю с СССР. Все это показывало, что старый мир не отказался от планов уничтожения государства рабочих и крестьян. Трудящимся СССР приходилось строить социализм, одновременно делая все возможное для обороны страны.

Главной внешнеполитической задачей рабочего класса и его Коммунистической партии являлось обеспечение наиболее благоприятных внешних условий для созидания нового общества. Решительно выступая против антисоветских военных, политических и экономических акций империалистов, давая им отпор, Советское государство активно проводило ленинскую политику мирного сосуществования с капиталистическими странами, установления с ними нормальных политических и экономических отношений.

Обеспечение максимально благоприятных условий для осуществления социалистических преобразований в стране, являющейся важнейшей базой мирового революционного процесса, способствовало выполнению важной интернациональной задачи советского рабочего класса — оказания всемерной поддержки и помощи революционной борьбе трудящихся.

Внешняя политика победившего пролетариата обладала огромным морально-политическим потенциалом. С момента своего рождения Республика Советов являлась главной опорой мира на земле, поскольку политика мира и дружбы выражает общую закономерность социалистического строя, не заинтересованного в агрессивных войнах, в порабощении других народов. В противоположность империалистической буржуазии, мыслящей и действующей в категориях военной силы и господства одних стран над другими, рабочий класс, придя к власти, выдвинул новые принципы во внешней политике, международных отношениях. В борьбе Советского Союза за мир нашла выражение гуманистическая сущность социализма, тот факт, что рабочий класс отстаивает не только классовые, но и общечеловеческие ценности и идеалы.

Рабочий класс СССР выступал за мир, против империализма и его наиболее агрессивного порождения — фашизма, с принципиальным осуждением всякой агрессии, колониализма, захвата чужих земель и порабощения их народов, вмешательства во внутренние дела других стран, за право каждой нации на самоопределение, т. е. предоставление ей возможности самой определять свою судьбу и вести революционную борьбу за национальное и социальное освобождение. Во внешнеполитической практике республики трудящихся со всей очевидностью сбылось предвидение К. Маркса о создании общества, «международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — *труд!*»[1].

Опираясь на растущую мощь социалистического государства и усиливающуюся поддержку международного рабочего класса, Страна Советов не только отбила наскоки империализма, но и укрепила свои международные позиции.

Потерпели крах попытки агрессивных кругов капиталистических стран организовать дипломатическую изоляцию Советского Союза. В 1924 г. был завершен прорыв дипломатической блокады, которая окружала Страну Советов начиная с 1918 г. К январю 1925 г. Советский Союз имел дипломатические отношения уже с 21 государством. Во второй половине 20-х гг. и в начале 30-х гг. Советский Союз заключил договоры о ненападении и нейтралитете с Турцией, Германией, Афганистаном, Ираном, Финляндией, Литвой, Латвией, Эстонией, Польшей, Францией.

Буржуазной пропаганде не удалось очернить социалистическое государство в глазах мировой общественности. Более того, капиталистические страны были вынуждены все в большей мере считаться с ростом международного влияния СССР и популярности советской внешней политики среди народных масс. В начале 30-х гг. с Советским Союзом установили дипломатические отношения США, Испания, Чехословакия, Румыния, Болгария, Бельгия и ряд других стран.

Свидетельством растущей международной роли СССР и авторитета его мирной политики явилось исходившее от 30 государств приглашение Советскому Союзу вступить в Лигу наций. Советское правительство в сентябре 1934 г. приняло это приглашение. Конечно, Советский Союз не мог не учитывать сложившееся в Лиге наций соотношение сил, нежелание представленных в ней империалистических государств конструктивно решать международные проблемы, прежде всего проблемы сохранения мира и разоружения. Не рассчитывая на изменение характера Лиги наций, Советский Союз ставил своей задачей поддержать государства, заинтересованные в борьбе против фашистской агрессии, использовать в этих целях трибуну и механизм Лиги наций.

Антисоветский курс империалистических держав проводился

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 5.

на фоне общего нарастания угрозы новой войны, стимулированной развернувшимся в 1929—1932 гг. мировым экономическим кризисом. Империалистические круги искали выхода из кризиса, из раздиравших капиталистическое общество антагонизмов и противоречий на путях установления фашистских диктатур, милитаризации экономики, развязывания агрессивных войн.

В начале 30-х гг. государства с тоталитарными, фашистскими режимами открыто встали на путь агрессии. В 1931 г. милитаристские круги Японии вторглись в Северо-Восточный Китай и оккупировали Маньчжурию, что привело к возникновению очага войны на Дальнем Востоке. После прихода в 1933 г. Гитлера к власти Германия встала на путь лихорадочной подготовки к войне. Так возник новый, главный очаг мировой войны. В 1935 г. фашистская Италия развязала захватническую войну против Эфиопии. Летом 1936 г. началось германо-итальянское вторжение в республиканскую Испанию. Война вступила и на территорию Европы. Подписание в 1936 г. военно-политических договоров между Германией и Италией («ось Берлин — Рим»), а также между Германией и Японией («антикоминтерновский пакт») знаменовало собой создание агрессивного блока, взявшего курс на развязывание мировой войны.

Фашистские государства открыто демонстрировали свой антикоммунизм, свои планы «крестового похода» против СССР. Тем временем правительства стран с буржуазно-демократическим строем — Англии, Франции и США — фактически потворствовали фашистским режимам в их агрессивных внешнеполитических устремлениях, рассчитывая использовать фашизм как ударную силу в борьбе против СССР.

Исторической заслугой советского рабочего класса, революционного пролетариата является то, что они первыми указали на чудовищную опасность фашизма не только для тех или иных стран, но и для человечества в целом. Исторически закономерно, что именно первая страна социализма стала во главе борьбы за обуздание фашистских агрессоров, за защиту социальных и демократических завоеваний народов, за сохранение мировой культуры и цивилизации.

Ориентация на мир как основу внешней политики социализма делала Советскую страну естественным союзником сил, выступавших против военной угрозы фашизма. Советский Союз, говорил на VIII Чрезвычайном съезде Советов в ноябре 1936 г. нарком по иностранным делам М. М. Литвинов, хочет «мира для себя и для других народов и поэтому предлагает им свое сотрудничество. Он ждет от других не слов о мире, а действий по организации всего мира»[1].

В борьбе за предотвращение агрессивной войны Советское правительство учитывало разногласия между империалистическими го-

[1] «Правда», 29 ноября 1936 г.

сударствами, пацифистские настроения, реалистическое понимание универсального характера угрозы фашистской агрессии отдельными представителями правящего класса стран Запада. Оно придавало первостепенное значение задаче объединения усилий миролюбивой внешней политики СССР, революционной борьбы рабочего класса капиталистических стран и национально-освободительной борьбы угнетенных народов и широкого демократического, антивоенного движения в благородных целях сохранения мира. Внешнеполитические акции Советского государства способствовали росту международного движения против войны.

Большое значение имело обсуждение по инициативе Советского Союза вопроса о всеобщем разоружении.

В 1928—1932 гг. советские предложения обсуждались в Подготовительной комиссии к конференции по разоружению, а также на Женевской конференции по разоружению (1932 г.). Хотя эти предложения не были приняты, они сыграли значительную роль в активизации антивоенной борьбы народных масс.

В 1933 г. Советский Союз выдвинул предложение о заключении коллективного соглашения о взаимной помощи в случае агрессии с Францией, Финляндией, Чехословакией, Прибалтийскими государствами. Такое соглашение могло бы стать основой системы коллективной безопасности в Европе. В 1935 г. удалось добиться подписания советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимной помощи. В 1936 г. был подписан протокол о взаимной помощи с Монгольской Народной Республикой, сыгравший большую роль в срыве агрессивных планов японского империализма, направленных против Монголии и СССР.

В Лиге наций советские представители выступали за создание системы коллективной безопасности, за принятие действенных мер против зачинщиков войны. В августе 1936 г. советская делегация в Лиге наций внесла предложение о мерах укрепления коллективной безопасности. СССР предложил заключить между государствами определенных географических районов региональные пакты о взаимной помощи.

Советский Союз упорно боролся за принятие действенных мер по пресечению итальянской агрессии в Эфиопии. Советское правительство предпринимало энергичные усилия с целью склонить правительства буржуазно-демократических государств в пользу решительного противодействия германо-итальянской интервенции в Испании.

Если в плане дипломатическом эти шаги СССР встречали противодействие правительств капиталистических стран, то невозможно переоценить их морально-политическое воздействие на международную общественность. Антивоенное движение в капиталистических странах, международные конгрессы сторонников мира, движения солидарности с народами Эфиопии и республиканской Испании и

другие акции миролюбивых сил всколыхнули широкие общественные круги, борьба которых сыграла немалую роль в международной изоляции фашистских агрессоров и срыве планов империалистической реакции образовать единый антисоветский фронт.

Верность пролетарскому интернационализму оставалась неизменной основой внешней политики советского рабочего класса.

От первого в мире социалистического государства шли основные импульсы, питавшие пролетарскую солидарность. Международная активность советского рабочего класса не имела ничего общего с созданным в буржуазной и реформистской историографии клише о «вмешательстве» Советского Союза во внутренние дела других стран. ВКП(б) решительно отвергла троцкистские теории «подталкивания» революции на Западе. СССР последовательно проводил ленинскую внешнюю политику мирного сосуществования стран с различными социальными системами.

Активное участие советского рабочего класса в движении международной пролетарской солидарности определялось общностью интересов трудящихся всего мира, а вовсе не геополитическими расчетами, как утверждают буржуазные идеологи.

В 20-х — 30-х гг. Советский Союз оказывал огромную помощь китайскому народу. Советский рабочий класс был инициатором всех крупных международных кампаний солидарности с китайской революцией. 5 сентября 1924 г., когда появились сообщения о подготовке английским империализмом вооруженной интервенции против революционного Китая, президиум ВЦСПС обратился к советским трудящимся и рабочим всех стран с призывом выступить против интервенции в Китае. Уже через четыре дня в организованном в Советском Союзе обществе «Руки прочь от Китая!» состояло свыше 1 млн. человек [1].

Выступления солидарности с китайской революцией поражали своей массовостью. Газета китайских коммунистов «Гунэнь чжиу» 7 июля 1926 г. писала, что «весь русский народ принимает участие в движении по оказанию помощи Китаю». Касаясь солидарности трудящихся СССР с национально-освободительной борьбой китайского народа, Сунь Ятсен писал: «Мы не должны забывать, что свободная Россия выдвинула лозунг «Руки прочь от Китая»... для лозунгов, раздающихся из Москвы, расстояний не существует. Молниносно они облетают всю землю и находят отклик в сердце каждого труженика... Мы знаем, что Советы никогда не становятся на сторону неправого дела. Если они за нас, значит, истина за нас, а истина не может не победить, право не может не восторжествовать над насилием» [2].

[1] См. «Ленинская политика СССР в отношении Китая». М., 1968, стр. 59.

[2] Цит. по: *Пын Мин.* История китайско-советской дружбы. М., 1959, стр. 146.

После нападения Японии на Китай в 1937 г. Советский Союз был единственной страной, изъявившей готовность оказать Китаю помощь в войне против захватчиков. Не получив поддержки со стороны западных держав, гоминьдановское правительство вынуждено было пойти на подписание в 1937 г. с Советским Союзом договора о ненападении, который предусматривал широкую советскую помощь Китаю.

Яркую страницу в историю международного рабочего класса вписала поддержка советским народом героической национально-революционной войны испанского народа. Советское правительство предприняло энергичные дипломатические усилия с целью пресечения германо-итальянской интервенции в Испании. Советский Союз присоединился к пакту о невмешательстве, рассчитывая локализовать гражданскую войну в Испании, помешать ее перерастанию в мировой конфликт, а также добиться прекращения вмешательства Германии и Италии во внутренние дела этой страны. Когда же стало очевидным, что политика «невмешательства» лишь прикрывает германо-итальянскую интервенцию, Советское правительство заявило, что считает себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения о невмешательстве[1].

Советский Союз оказывал широкую военную и экономическую помощь республиканской Испании. Из Советского Союза поступило в республиканскую Испанию за годы войны 648 самолетов, 347 танков, 60 бронеавтомобилей, 1186 орудий, 20 486 пулеметов, 497 813 винтовок, а также значительное количество боеприпасов и военного снаряжения[2].

По просьбе испанского правительства Советский Союз направил в Испанию большую группу военных советников, в том числе Я. К. Берзина, Г. М. Штерна, К. М. Качанова, К. А. Мерецкова, Б. И. Симонова и др. Советские инженеры, техники, рабочие оказывали большую помощь в создании и организации военной промышленности в Испании. Из 42 тыс. антифашистов-добровольцев из 54 стран мира, воевавших в Испании в Интернациональных бригадах, около 3 тыс. человек были добровольцами из Советского Союза. Советские добровольцы проявили исключительный героизм и мужество в борьбе за дело испанского народа, 59 из них были удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе 19 посмертно.

Советский народ шел в авангарде движения международной солидарности с республиканской Испанией. По всей стране проходили митинги солидарности с героическим испанским народом. На советских предприятиях заказы для Испании были самыми почетными и

[1] См. «История внешней политики СССР 1917—1945», т. I. М., 1980, стр. 323.

[2] *М. Т. Мещеряков.* Испанская республика и Коминтерн. М., 1981, стр. 51.

ответственными заданиями, они поручались лучшим производственникам.

В 1936 г. участники 120-тысячного митинга трудящихся Москвы обратились с призывом организовать сбор средств в фонд помощи испанским патриотам. В целом с августа 1936 по 1939 г. советские трудящиеся собрали и направили в Испанию более 274 млн. руб.[1] С марта 1937 г. в Советский Союз стали прибывать дети испанских антифашистов. Они получили образование, специальность, обрели в СССР вторую родину[2].

Оценивая помощь советского народа революционной Испании, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Незабываема славная эпопея боевого братства с революционной Испанией. Наша страна пришла на помощь испанскому народу всем, чем могла,— от дипломатической поддержки и экономической помощи до личного вклада тысяч советских добровольцев, до последнего дня вместе с испанцами защищавших баррикады Барселоны и небо Мадрида»[3]. Проникнутая пролетарским интернационализмом, позиция Советского Союза в высшей степени отвечала целям борьбы против фашизма, за мир и сохранение независимости народов.

Советская внешняя политика являла собой пример *соединения усилий партии, правительства и народа в решении проблем международных отношений*. Во всех эксплуататорских обществах вопросы внешней политики тщательно отгорожены от народных масс. В новом, социалистическом обществе партия и правительство предпринимали особые усилия для просвещения широчайших масс по внешнеполитическим вопросам и привлечения их к активному участию во внешнеполитической деятельности.

Рабочий класс и его организации играли ведущую роль в налаживании международных связей Советского Союза. Исключительно велика была активность советских общественных организаций в таких международных объединениях, как Красный Интернационал профсоюзов, Коммунистический Интернационал Молодежи, МОПР, Антиимпериалистическая лига, Красный спортивный Интернационал, Международное объединение бывших участников войны, Интернационал свободомыслящих пролетариев, Международный союз друзей СССР и др. Советские общественные организации принимали активное участие в международном антивоенном движении, в деятельности Международного комитета борьбы против войны и фашиз-

[1] *М. Т. Мещеряков.* Указ. соч., стр. 48.

[2] См. *В. А. Талашова.* Советский комсомол — активный участник движения солидарности с республиканской Испанией в период национально-революционной войны (1936—1939 гг.). Л., 1972, стр. 14.

[3] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 121.

ма, членами которого были А. М. Горький, Н. М. Шверник и Е. Д. Стасова. В СССР был создан национальный антивоенный комитет.

Годы развернутого строительства социализма в СССР отмечены интенсивным развитием интернациональных связей советского рабочего класса. Стали практиковаться поездки советских рабочих делегаций за границу[1].

Возникали и новые формы интернациональных связей. В августе 1929 г. гамбургские железнодорожники обратились к железнодорожникам СССР с призывом начать международное революционное соревнование. Призыв нашел широкий отклик. Были заключены сотни соглашений о международном революционном соревновании между рабочими коллективами СССР и пролетариями Германии, Франции, Англии, США, Швеции, Норвегии, Дании. Советские рабочие брали на себя обязательства по досрочному выполнению планов социалистического строительства. Трудящиеся зарубежных стран обещали усиливать антивоенную, антифашистскую борьбу, улучшать профсоюзную работу, пропагандировать достижения социалистического строительства, разоблачать антисоветские планы империалистов и т. п.

В мире не было сколько-нибудь значительной классовой битвы или выступления угнетенного народа, которые не вызвали бы живейшего отклика и активной поддержки советских трудящихся. Когда в 1926 г. в Англии началась всеобщая стачка, в Советском Союзе состоялись многолюдные демонстрации и митинги в поддержку английских рабочих. Из общей суммы 18,8 млн. руб., полученных английскими шахтерами во время забастовки, 61% составила помощь советских рабочих. «Многие оказали нам ценную поддержку...— говорилось в приветствии Британской федерации горняков VII съезду профсоюзов СССР,— но непосредственная великодушная помощь без всяких условий, оказанная нам нашими русскими товарищами, стоит совершенно особо и всегда будет вспоминаться с благодарностью горняцким населением Англии»[2].

Рабочий класс СССР оказывал моральную и материальную помощь бастовавшим рабочим Финляндии, Швеции, Норвегии, Дании, Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Италии, Франции, Бельгии, Индии, Японии, Сирии, Канады и ряда других стран.

Советские рабочие участвовали в международной кампании в защиту рабочих-активистов Н. Сакко и Б. Ванцетти, безвинно осужденных на смерть в США. В СССР прошли сотни митингов, на многих

[1] См. *Л. С. Озеров.* Строительство социализма в СССР и международная пролетарская солидарность (1921—1937 гг.). М., 1972, стр. 195—196.

[2] «Седьмої съезд профессиональных союзов СССР (6—18 декабря 1926 г.). Пленумы и секции. Полный стенографический отчет». М., 1927, стр. 835.

предприятиях проводился сбор средств, которые передавались МОПР на проведение кампании солидарности и на поддержку юридической защиты американских рабочих.

Летом 1927 г. советский рабочий класс оказал помощь участникам революционных боев пролетариата Вены.

Решительно протестовали советские трудящиеся против расстрела первомайской демонстрации в Берлине в 1929 г. По инициативе металлистов Москвы развернулась кампания по оказанию помощи семьям убитых и раненых немецких рабочих. Летом — осенью 1929 г. в Советский Союз по приглашению ЦК МОПР СССР прибыли несколько групп немецких рабочих. Они были направлены на лечение в советские здравницы[1].

Рабочий класс СССР был активным участником международных кампаний солидарности с жертвами буржуазного террора и репрессий, в том числе кампаний за спасение девяти несправедливо осужденных юношей-негров из Скотсборо, за освобождение Тома Муни, за предоставление права убежища политэмигрантам, против репрессий в отношении прогрессивных сил в Австрии и Испании[2].

Советские трудящиеся первыми откликнулись на призыв оказать помощь жертвам фашистского террора в Германии. Эта поддержка ярко проявилась в борьбе за освобождение Георгия Димитрова, Эрнста Тельмана, тысяч немецких антифашистов. «Мы знаем,— подчеркивал Г. Димитров,— кому были мы обязаны своим спасением. Если бы не Коминтерн, не международная пролетарская активность, не наша печать, не «Правда», если бы не грозная сила советского рабочего класса, не бывать бы нам живыми здесь»[3].

Советские люди гневно протестовали против репрессий австрийских властей в отношении участников восстания в Вене в феврале 1934 г., вели сбор средств для семей погибших рабочих. «Товарищи, своей мужественной борьбой с оружием в руках против фашистского режима, режима голода и нищеты, эксплуатации и белого террора,— подчеркивали трудящиеся Ленинграда в обращении к австрийским пролетариям в феврале 1934 г.,— вы вписали одну из самых прекрасных глав в историю революционного движения...»[4] По предложению завода «Красный путиловец» при ВЦСПС был создан фонд помощи австрийским борцам за рабочее дело. В связи с репрессиями против участников восстания Советский Союз предоставил политическое убежище большой группе рабочих боевых отрядов (шуцбун-

[1] «Правда», 7 июня 1929 г.; «Путь МОПРа», 1929, № 21, стр. 16.
[2] «Итоги деятельности Международной организации помощи борцам революции (МОПР) (1922—1947). Отчет Президиума ЦК МОПР СССР». М., 1948, стр. 34.
[3] «Правда», 28 февраля 1934 г.
[4] См. *Р. С. Мнухина.* Движение международной солидарности трудящихся с австрийским пролетариатом в феврале 1934 г.— «Ученые записки Ленинградского университета». Вопросы новой истории, серия ист. наук, 1955, № 194, вып. 23, стр. 193.

довцев). В 1934—1935 гг. в СССР прибыло с семьями около 800 участников февральских боев в Австрии. Приехало также 120 детей погибших или арестованных шуцбундовцев[1], которые воспитывались в детском доме в Москве. В феврале 1935 г. шуцбундовцы, работавшие в Ленинграде, обратились с письмом к Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину, в котором они писали: «...то, что сделали для нас рабочие и крестьяне Советского Союза, свидетельствует об искренности и ощутительной реальности международной пролетарской солидарности. Страна, где господствует диктатура пролетариата, повседневно дает нам доказательства того, что она является в подлинном смысле этого слова нашим социалистическим Отечеством»[2].

Советский рабочий класс, в свою очередь, получал растущую помощь со стороны международного пролетариата[3]. Широкие масштабы приняли посещения Советского Союза делегациями рабочих капиталистических стран: в 1924—1934 гг. в СССР побывало около 120 иностранных рабочих делегаций[4]. Поездки рабочих делегаций в Советский Союз давали сильнейшие импульсы движению в поддержку Страны Советов. Непосредственное знакомство с советской действительностью производило на зарубежных трудящихся огромное впечатление, подтверждая слова вождя германских коммунистов Э. Тельмана о том, что «наглядные примеры диктатуры пролетариата являются более убедительной агитацией за социализм, чем семьдесят лет терпеливой агитационной работы до ноября 1917 года»[5]. Не случайно именно рабочие делегации, посетившие СССР, выступили инициаторами создания в своих странах Обществ друзей СССР.

Трудящиеся капиталистических стран принимали участие в оказании конкретной помощи СССР, которая выражалась в сборе средств в фонд пятилетки, в приобретении и отправке в СССР техники, в передаче производственно-технической информации и технических изобретений, в работе на новостройках пятилетки по договорам и контрактам. При грандиозных масштабах социалистического строительства эта помощь в материальном исчислении была относительно невелика, но ее идейно-политическое воздействие было неоценимо. Братская поддержка зарубежного пролетариата усиливала созидательную энергию советских людей, вдохновляла их на трудовые подвиги.

[1] «Интернациональный маяк», 1934, № 19, стр. 11; 1935, № 3, стр. 11.
[2] «Дело трудящихся всего мира. Факты, документы, очерки о братской помощи и солидарности трудящихся зарубежных стран с народами Советского Союза». М., 1957, стр. 314.
[3] См. главу четвертую данного тома.
[4] «Профсоюзы СССР. Документы и материалы», т. 2. М., 1963, стр. 680; «Труд», 9 мая 1932 г., 11 ноября 1932 г., 1 мая, 10 и 14 ноября 1933 г.
[5] *Э. Тельман.* Избранные статьи и речи, т. I. М., 1957, стр. 191.

Вовлечение значительных масс зарубежных трудящихся в осуществление международных связей с Советским Союзом, в движения помощи первому в мире социалистическому государству имело для них огромное воспитательное значение. Международный пролетариат, отмечал М. И. Калинин на торжественном заседании Моссовета, посвященном 12-й годовщине Октябрьской революции, «с каждым годом все больше и больше начинает рассматривать Советский Союз как свое подлинное отечество, а дело Советского Союза, дело рабочего класса и крестьянства СССР как *свое кровное дело*, а нас, рабочих и крестьян, как свой революционный авангард»[1]. Интернациональная солидарность была отражением огромного прогресса в осознании рабочими всех стран своей принадлежности ко всемирной армии пролетариата, спаянной общностью классовых интересов и единой целью — борьбой за социализм.

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА

К середине 20-х гг. социалистический уклад занял прочные позиции в экономике страны: в 1925 г. на долю социалистического сектора в крупной промышленности приходилось 96,1% общей продукции, а во всей промышленности — 81%[2]. Успешно осуществлялся ленинский план ГОЭЛРО. Развитие планирования промышленности, а также регулирования сельского хозяйства позволило перейти к составлению плановых расчетов, охватывающих все народное хозяйство. Завершилось и восстановление крупной фабрично-заводской промышленности: в 1925 г. ее продукция составила $^3/_4$ довоенного объема. Посевная площадь почти достигла довоенного уровня, а валовая продукция сельского хозяйства превысила его, составив 112%[3]. Рабочие фабрично-заводской промышленности в основном восстановили свою довоенную численность, значительно возросла их политическая и трудовая активность. Улучшилось и материальное положение рабочих, трудящихся-крестьян и служащих. Складывались необходимые объективные предпосылки для создания материально-технической базы социалистического общества. Реализация этих объективных возможностей требовала мобилизации всех сил партии и трудящихся масс.

Переход к решению новых задач происходил в сложной обстановке. 21 января 1924 г. партия, советский народ, все международное рабочее движение понесли тяжелую утрату: ушел из жизни Владимир Ильич Ленин — «титан научной мысли и подлинно народ-

[1] *М. И. Калинин.* Избранные произведения, т. 2, 1926—1932 гг. М., 1960, стр. 361.
[2] См. «Краткая история СССР», часть вторая. М., 1972, стр. 183.
[3] «История Коммунистической партии Советского Союза», т.4, кн. 1. М., 1970, стр. 371.

ный вождь, пламенный революционер, создатель Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства»[1].

На следующий день ЦК РКП(б) принял обращение «К партии. Ко всем трудящимся». «Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг,— говорилось в обращении.— Все, что есть в пролетариате поистине великого и героического — бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть, ненависть до смерти к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений,— все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине, имя которого стало символом нового мира от запада до востока, от юга до севера»[2]. Траурные митинги и собрания прошли по всей стране. 27 января гроб с телом В. И. Ленина был установлен в Мавзолее на Красной площади. На пять минут прекратили работу все предприятия страны.

В Берлине, Париже, Лондоне, Праге, Варшаве, Гаване, Копенгагене, Пекине и других городах мира состоялись траурные митинги и демонстрации. «Скорбим вместе с рабочими всего мира по поводу величайшей утраты международного рабочего класса,— писали рабочие Чикаго в телеграмме Исполкому Коминтерна.— Ленин умер, но идеалы его живут в нас»[3]. Центральный Комитет Коммунистической партии Франции писал: «С именем Ленина на устах и с его образом в сердце пролетарии будут продолжать борьбу, не сворачивая с того пути, который намечен Лениным»[4].

В специальном воззвании Исполкома Коммунистического Интернационала содержался призыв: «Следуйте заветам Ленина, которые продолжают жить в его партии и во всем, что создано трудом его жизни»[5].

Для советского рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии следовать заветам Ленина значило прежде всего осуществить ленинский план построения социализма, который предполагал проведение социалистической индустриализации, социалистического преобразования сельского хозяйства и осуществление культурной революции.

После смерти В. И. Ленина в партии вновь активизировались противники ленинского учения о возможности победы социализма

[1] «О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление ЦК КПСС от 13 декабря 1979 г.». М., 1980, стр. 3.
[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 2. М., 1970, стр. 534.
[3] «Правда», 30 января 1924 г.
[4] «L'Humanité», 23. I. 1924.
[5] Экстренный выпуск газеты «Правда», 23 января 1924 г.

первоначально в одной, отдельно взятой стране. Несомненно, это осложняло борьбу Коммунистической партии за претворение в жизнь ленинского плана построения социализма. Однако благодаря идейно-политической зрелости руководящих кадров и рядовых коммунистов партия оказалась на высоте великих исторических задач.

Состоявшаяся в апреле 1925 г. XIV партийная конференция подвела черту под дискуссией о возможности победы социализма в одной стране. В декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б), определяя пути социалистического развития, постановил: «Вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства...»[1]. Провозглашение *курса на социалистическую индустриализацию* означало вступление СССР в период реконструкции всего народного хозяйства на новой технической и социальной основе. В резолюции XIV съезда партии отмечалось, что социализм все более превращается в реальную действительность, что налицо «*экономическое наступление* пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма»[2].

В современной буржуазной историографии широко распространен взгляд на социалистическую индустриализацию как на один из путей ликвидации технико-экономической отсталости, который принципиально не отличается от пути капиталистической индустриализации.

Действительно, в ходе социалистической индустриализации предстояло осуществить то, чего не сделал российский капитализм,— ликвидировать технико-экономическую отсталость страны, создать тяжелую промышленность, покончить с зависимостью от иностранного капитала. Однако по социальным целям и методам социалистическая индустриализация коренным образом отличалась от индустриализации капиталистической. Капиталистическая индустриализация вела к укреплению системы эксплуатации и господства буржуазии. Социалистическая индустриализация, сопровождавшаяся полным устранением эксплуатации человека человеком, призвана была обеспечить всестороннее возвышение рабочего класса как правящего класса общества.

Усиление эксплуатации трудящихся, разорение мелких производителей, беззастенчивое ограбление колоний и зависимых стран, даже торговля рабами — таковы были источники накопления капитала, необходимого для капиталистической индустриализации. В то же время аграрное перенаселение, безработица в городах и нищета на-

[1] «КПСС в резолюциях. . .», т. 3. М., 1970, стр. 245.
[2] Там же, стр. 246.

родных масс создавали жесточайшее экономическое давление на трудящихся, вынуждая их принимать тяжелые условия труда и подчиняться беспощадной капиталистической дисциплине. Но всемирно-историческая миссия пролетариата состоит как раз в том, чтобы ликвидировать всякую эксплуатацию, заменить дисциплину, основанную на экономическом принуждении, сознательной дисциплиной равноправных тружеников — творцов и хозяев своей судьбы.

В Советском Союзе ликвидировались эксплуатация, аграрное перенаселение, безработица, а отсталые национальные окраины, ранее эксплуатируемые, теперь получали экономическую помощь. В результате этих преобразований были устранены традиционные для капитализма источники накопления средств и объективно ослаблено воздействие экономического принуждения как фактора дисциплины труда.

Партии и рабочему классу предстояло найти принципиально иные методы индустриализации.

Ссылаясь на отсутствие в Советском Союзе условий для проведения индустриализации капиталистическими методами, буржуазные теоретики, не допускавшие возможности иных, кроме капиталистических, путей индустриализации, в свое время обосновывали вывод о неосуществимости советских планов.

Эта же догматическая абсолютизация капиталистических методов индустриализации питала внутрипартийную оппозицию, заявлявшую о нереальности поставленных партией задач. По мнению оппозиционеров, невозможность использования капиталистических источников накопления и методов стимулирования экономического развития не могла не сопровождаться снижением его темпов. Приводя подобные аргументы, Бухарин и его сторонники выступали за длительное сохранение частнокапиталистического сектора в экономике, а троцкисты — за политику прямой эксплуатации крестьянства.

Перед советским народом стояла задача проведения совершенно новой по типу индустриализации, которая бы подвела базу под диктатуру пролетариата и обеспечила победу социалистических форм хозяйства в городе и деревне[1].

В условиях советского общества возникли принципиально иные источники накопления средств и принципиально иные движущие силы, способные дать неизмеримо более мощный импульс экономическому развитию, чем все известные капитализму рычаги воздействия на экономику.

Ликвидация частной собственности на основные средства производства положила конец паразитическому потреблению буржуазии.

[1] См. «От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг.», т. II. М., 1981, стр. 61.

По подсчетам академика С. Г. Струмилина, норма чистой прибыли в промышленности России за 1885—1913 гг. составляла 16,2% ежегодно, а темп прироста основного капитала — только 7,2%[1]. Разница в этих показателях выражает огромные суммы прибавочной стоимости, уходившей в основном на паразитическое потребление имущих классов.

В результате национализации земли и ликвидации класса помещиков был положен конец колоссальным платежам крестьянства в виде всех форм феодальной и капиталистической рент, которые изымали из сельского хозяйства огромные ресурсы. Резко снизились налоги на крестьянство, получившее таким образом значительные средства для улучшения своей жизни и развития хозяйства.

Национализация предприятий иностранных капиталистов, аннулирование долгов, которые к концу 1917 г. составляли огромную сумму — 64 млрд. золотых рублей[2], способствовали созданию значительных ресурсов, необходимых для индустриализации.

Более устойчивым, а в последующем и решающим источником накопления стал социалистический сектор экономики. Начиная с 1929 г. общественное производство развивалось в основном за счет накопления, создаваемого в социалистическом секторе хозяйства.

Однако основные, качественные преимущества социалистического производства выявляются в самом процессе использования производственных накоплений. В условиях капитализма политика капиталовложений определяется погоней за прибылью и лишь стихийно приводит к общему экономическому прогрессу с огромными издержками для общества. Концентрация в руках пролетарского государства всех материальных ресурсов общества давала возможность сознательно и непосредственно направлять всю массу создаваемых в стране накоплений на решение наиболее важных для общества задач.

Целенаправленное, в интересах всего общества использование накоплений обеспечивало не только огромный экономический эффект, но и сочетание личных и общественных интересов. Это позволяло преодолевать психологию наемного работника, заменяя ее психологией хозяина производства, для которого труд из подневольного превращается в первейшую жизненную потребность, осознанную, созидательную деятельность. Как показал опыт строительства социализма, сознательное, социалистическое отношение к труду успешно решает вторую часть проблемы индустриализации — создание необходимого стимула труда, рождая такой трудовой энтузиазм, который немыслим в эксплуататорском обществе.

Таким образом, в советской экономике были заложены невиданные потенции ее развития. Однако в отличие от всех предшествую-

[1] См. «Основные закономерности построения социалистической экономики». М., 1967, стр. 237—238.
[2] См. там же, стр. 238.

щих формаций в советском обществе эти потенции могли реализоваться не стихийно, а лишь посредством сознательных усилий всех его членов, что в свою очередь выдвигало перед партией и рабочим классом новые идеологические и политические проблемы. В этой связи В. И. Ленин говорил: «Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,— превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма»[1].

Социалистическая индустриализация осуществлялась в истории впервые. В данном случае партия и рабочий класс шли неизведанным путем. Накопленный советским рабочим классом опыт революционной борьбы и созидательной деятельности свидетельствовал о том, что победа сознательности над стихийностью рождает как непреодолимую революционную, так и невиданную созидательную энергию. Капиталистическая организация общественного труда препятствует превращению сознательности в созидательную силу уже потому, что капиталист объективно заинтересован в том, чтобы скрыть истинные цели производства, движимого погоней за прибылью, отстранить трудящихся от управления производством и, следовательно, сохранить неосознанное отношение наемных работников к труду, сохранить и экономическое принуждение как главный стимул. Напротив, социалистическое государство заинтересовано в том, чтобы каждый труженик осознавал реальные цели производства и свою роль в их достижении, ибо в условиях социализма глубокая заинтересованность в общих результатах производства становится мощным стимулом трудовой деятельности. Социалистическое государство не только не отгораживает экономику от политики, но и рассматривает экономическое строительство как важнейшую идейно-политическую задачу.

Такой подход позволил найти конкретные пути осуществления созидательных функций государством диктатуры пролетариата. Определяя повышение производительности труда как главную задачу социалистического строительства, В. И. Ленин писал: «...социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом. Социализм должен *по-своему*, своими приемами — скажем конкретнее, *советскими* приемами — осуществить это движение вперед»[2].

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 382.
[2] Там же, стр. 178.

Эта историческая задача возлагала на партию роль организатора созидательной деятельности общества, руководителя массового движения вперед, к высшей производительности труда. Партийное руководство охватывало широкий круг вопросов: определение экономической политики, ее стратегии и тактики, обеспечение единства политической и хозяйственной работы, осуществление систематического контроля за выполнением хозяйственными и советскими органами принятых партией решений.

Партии пришлось преодолеть ожесточенное сопротивление антиленинских элементов в своих рядах. Троцкий, Зиновьев, Каменев и их сторонники прилагали все усилия, чтобы свернуть партию с ленинского пути. Троцкисты, потерпевшие поражение в 1923—1924 гг., зиновьевско-каменевская «новая оппозиция», разбитая в декабре 1925 г., объединились в капитулянтский троцкистско-зиновьевский блок. В острой борьбе оппозиционеры, пытавшиеся расколоть партию, были полностью разгромлены. XV съезд партии (декабрь 1927 г.) исключил из ее рядов лидеров и активных деятелей троцкистско-зиновьевского блока.

Партия отстояла и развила ленинский план строительства социализма. Всемирно-историческое значение имели разработка и принятие в 1929 г. первого пятилетнего плана развития народного хозяйства.

Первая пятилетка заняла особое место в осуществлении ленинской программы построения социализма в Советском Союзе. В экономической истории это был первый комплексный план, в котором дано научное обоснование темпов и пропорций экономического и социального развития страны. Отныне плановая система стала выражением коренных преимуществ социализма как нового общественного строя. Выдающееся историческое значение первого пятилетнего плана состоит также в том, что «он положил начало применению пятилетних заданий как основной формы планирования экономики, превратил их в большую организующую и мобилизующую силу коммунистического созидания, на деле доказал превосходство социалистических методов ведения хозяйства над капиталистическими» [1].

Плановая система хозяйства позволила сконцентрировать в руках социалистического государства основную часть национального дохода и использовать его для решения наиболее насущных и неотложных задач, учитывать в хозяйственной практике самые передовые тенденции в развитии мировой науки и техники, внедрять достижения научно-технического прогресса, осуществлять индустриализацию устойчиво высокими темпами.

[1] Постановление ЦК КПСС «О 50-й годовщине первого пятилетнего плана развития народного хозяйства». — «Правда», 18 марта 1979 г.

Партия направляла созидательную деятельность миллионов трудящихся в масштабе всей страны, на каждом заводе, каждой стройке, поднимала их на самоотверженную борьбу за высокие темпы социалистического строительства, за досрочное выполнение пятилетних планов. По призыву партии со всех концов страны могучий людской поток устремился к местам строительства промышленных гигантов. «Над страною в те годы стоял неумолчный скрип колес,— писал об этом времени писатель Борис Горбатов.— Все сдвинулось, стронулось, все было в дороге, все двигалось, ехало, плыло, брело, и вагон в пустыне становился вокзалом, брезентовая палатка — домом, землянки — городом... То были дни великих, мучительных и радостных потрясений и свершений»[1].

Курс на индустриализацию означал громадное возрастание социальной и политической мощи рабочего класса, прогрессивные изменения в его структуре и составе, рост численности, подъем культурно-технического уровня и творческой активности рабочих, повышение их материального благосостояния.

Закономерным результатом возраставшего влияния рабочего класса было его участие в государственном управлении. От выборов к выборам росла активность избирателей, повышался удельный вес рабочих в составе Советов. В 1927 г. по 986 горсоветам насчитывалось 52,1 тыс. (47,9%) рабочих-депутатов, в том числе 41,5 тыс. (38,1%) рабочих от станка, а в 1931 г. по 963 горсоветам — соответственно 78,8 тыс. (56,5%) и 58,6 тыс. (42%). Рос удельный вес представителей рабочего класса среди делегатов губернских, областных, краевых, республиканских и всесоюзных съездов Советов. Так, из 1576 делегатов с решающим голосом VI Всесоюзного съезда Советов (1931 г.) рабочих было 858, или 54,4%[2].

Происходил процесс усиления рабочего ядра среди руководящих кадров органов власти. Широкое распространение получило в начале 30-х гг. соцсовместительство — непосредственное участие посланцев рабочих коллективов в деятельности наркоматов и других звеньев центрального государственного аппарата. Активную роль в социалистической индустриализации играли профсоюзы — самая массовая организация трудящихся. Была осуществлена перестройка профессиональных союзов с целью повышения их роли в деле улучшения материального положения рабочих, подъема производительности труда, развития творческой активности рабочего класса. XVI съезд партии (1930 г.) принял резолюцию, в которой были четко определены задачи профсоюзов в области реконструкции народного хозяйства, улучшения материального положения и быта рабочих, культурно-просветительной работы и политического воспитания

[1] *Б. Горбатов.* Собр. соч., т. 3. М., 1955, стр. 13.
[2] «Рабочий класс в управлении государством (1926—1937 гг.)». М., 1968, стр. 75—76.

масс, укрепления пролетарской солидарности с рабочим классом капиталистических и колониальных стран.

С целью укрепления Центрального совета профсоюзов ЦК ВКП(б) направил в аппарат совета группу опытных партийных работников. К работе в руководящих профсоюзных органах было привлечено более полутора миллионов рабочих-производственников.

В 1933 г. профессиональным союзам были переданы функции упраздненного Наркомата труда, т. е. все дела и средства социального страхования, охраны труда, а также сеть санаториев и домов отдыха общесоюзного значения. К профсоюзам перешли все права низовых органов рабоче-крестьянской инспекции на предприятиях, контроль за рабочим снабжением, начислением заработной платы, бытовым и медицинским обслуживанием рабочих, борьба с хищениями и растратами[1]. Профсоюзы, таким образом, оказывали влияние на развитие экономики не только через государственные органы, но и путем непосредственного осуществления ряда функций управления.

Неуклонно расширялось прямое участие рабочего класса в управлении производством. Одной из форм такого участия были производственные совещания, возникшие еще в начале 20-х гг. Отмечая их роль, XIV съезд партии указал: «Наилучшей формой втягивания широких рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства, воспитания в них понимания тесной зависимости интересов трудящихся от степени хозяйственных успехов социалистического государства, выдвижения и воспитания новых кадров хозяйственников и администраторов из среды рабочих являются производственные совещания при фабриках, заводах и других крупных предприятиях и хозяйствах»[2].

Производственные совещания обсуждали и решали вопросы, касающиеся организации производства и труда, материального снабжения предприятия и т. п. На предприятиях проводились общественно-производственные смотры рационализации, направленные на повышение эффективности производства, увеличение выпуска продукции и снижение ее себестоимости, повышение качества и улучшение условий труда и подъем жизненного уровня рабочих.

Непрерывно росло число участников производственных совещаний. Если в конце 1925 г. в них участвовало примерно 10% рабочих, во второй половине 1928 г.— 26,7%, то в конце первой пятилетки производственными совещаниями было охвачено 70% рабочих[3]. Производственные совещания оказали большое влияние на повышение производительности труда.

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2. М., 1971, стр. 289—290.
[2] «КПСС в резолюциях. . .», т. 3, стр. 270.
[3] *И. Е. Ворожейкин, С. Л. Сенявский.* Рабочий класс — ведущая сила советского общества. М., 1977, стр. 195.

Участвуя в решении многообразных вопросов организации производства, рабочие приобретали навыки управления предприятиями, что в свою очередь позволяло лучших из них выдвигать на административно-хозяйственные должности. Так, производственные совещания Урала выдвинули в 1928 г. 1780, в 1929 г.— 2716, а в 1930 г.— 4220 своих участников на руководящие посты в промышленности[1].

Развитие демократических основ управления производством сочеталось с укреплением принципа единоначалия на производстве. Важную роль в решении этой задачи сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1929 г. «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия». В постановлении указывалось: «Проведение партийных директив о единоначалии на предприятиях в обстановке роста организованных форм участия рабочих в управлении производством должно быть теснейшим образом соединено с дальнейшим развитием творческой активности и инициативы масс в деле организации производства и управления им»[2].

Администрации вменялось в обязанность развивать творческую инициативу рабочих масс и вовлекать их в управление. Таким образом практически решалась поставленная В. И. Лениным задача «научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной* дисциплиной во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда»[3].

Деятельность партии, соединявшая руководство экономическим строительством с формированием сознательной, социалистической дисциплины труда, планирование производства в интересах всего общества, развитие социалистической демократии — таковы были конкретные пути управления экономическим развитием, повышения сознательности трудящихся масс и превращения ее в мощную созидательную силу.

Убедительным доказательством успешного решения задачи создания социалистической организации общественного труда было развитие социалистического соревнования трудящихся, питавшего невиданный массовый трудовой героизм.

Основоположники научного коммунизма связывали возникновение соревнования с появлением коллективной формы труда, кооперации в процессе труда. Как отмечал К. Маркс, «...при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии... увеличивающее индивидуальную производительность отдельных

[1] *М. Воскресенская, Л. Новоселов.* Производственные совещания — школа управления (1921—1965 гг.). М., 1965, стр. 51.
[2] «КПСС в резолюциях. . .», т. 4. М., 1970, стр. 311.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 203.

лиц...»[1]. Однако эксплуататорский строй в силу частного характера присвоения глушит соревнование. При капитализме соревнование принимает форму конкуренции, которая, как писал В. И. Ленин, «...означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся...»[2].

Принципиально иные отношения складываются в социалистическом обществе. «Социализм,— писал В. И. Ленин,— не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами»[3].

После Октябрьской революции ростки социалистического соревнования проявлялись в разнообразных формах: в самоотверженном труде по производству оружия, необходимого для защиты революции; в установлении революционного порядка на заводах и фабриках; в коммунистических субботниках, которые В. И. Ленин назвал «великим почином».

С началом индустриализации наиболее распространенной формой соревнования стало движение ударников. Первые ударные производственные бригады появились в 1926 г. по инициативе комсомола. К 1929 г. они имелись уже почти на всех крупных предприятиях Ленинграда, Москвы, Урала, Донбасса и других промышленных центров страны. Ударники стремились лучше организовать рабочий день, повысить производительность труда, укрепить трудовую дисциплину. Повсеместно возникли целые ударные цехи.

9 мая 1929 г. Центральный Комитет ВКП(б) принял постановление «О социалистическом соревновании фабрик и заводов». Оно конкретизировало выдвинутые В. И. Лениным принципы организации соревнования применительно к условиям социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. Постановление ориентировало участников соревнования, партийные организации, профсоюзы и комсомол на решение конкретных задач: выполнение и перевыполнение планов, снижение себестоимости продукции, повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины, развитие рабочего изобретательства. Документ указывал на особую важность инициативы самих рабочих в деле организации, развития и закрепления результатов соревнования, предостерегая от опасности превращения его в парадную перекличку. Предусматривались всяческая поддержка начинаниям рабочих, распространение передового опыта организации соревнования. Предлагалось ввести для лучших

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 337.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.
[3] Там же.

предприятий, цехов, коллективов и отдельных рабочих меры как материального (особый фонд премирования), так и морального (Красный список, Почетная грамота, переходящее знамя и т. д.) поощрения[1].

В конце 1929 г. в Москве состоялся Первый Всесоюзный съезд ударных бригад. Съезд обратился к рабочему классу страны с призывом добиться выполнения первого пятилетнего плана за четыре года. В мае 1930 г. возникли общественные «буксиры», получившие широкую поддержку как форма товарищеской помощи передовых коллективов отстающим. В связи с 6-й годовщиной со дня смерти В. И. Ленина был объявлен ленинский призыв ударников. В июле 1930 г. рабочие Ленинградского завода имени К. Маркса выступили с инициативой выдвижения встречных промфинпланов.

Все это предопределило огромный вклад рабочего класса в общее дело развития государственной промышленности, накопления средств. Встречное планирование явилось одной из наиболее действенных форм борьбы рабочего класса за выполнение и перевыполнение плана, за использование резервов производства и экономию. К концу 1930 г. ударники составляли 56,3%, а к началу 1932 г.— уже 64,2% всех рабочих[2].

Социалистическая индустриализация начиналась в трудных условиях. Мешало упорное сопротивление классовых противников и внутри страны, и за ее пределами. Не хватало современной техники, сырья, продовольствия. Сохранялось еще такое наследие прошлого, как безработица, аграрное перенаселение, низкая грамотность населения, в том числе значительной части рабочих. Серьезный урон наносили действия оппозиционеров, многие из которых занимали видные посты в партии и государственном аппарате.

Резкое обновление рабочих кадров, главным образом за счет выходцев из деревни, не приученных к промышленной дисциплине труда, не имевших промышленных специальностей, не могло не вести к снижению производственной дисциплины, общего уровня квалификации рабочих. Отрицательно сказывались и отдельные просчеты в управлении производством. Так, перевод производства на сокращенный 7-часовой рабочий день и непрерывную рабочую неделю без необходимой организационной подготовки сопровождался развитием обезлички в использовании основных средств и уравниловкой в оплате труда, ослаблением материальной заинтересованности и текучестью рабочих кадров. Плохие жилищные и бытовые условия, перебои в снабжении продовольственными товарами также порождали значительные трудности. Для ликвидации этих недостатков ЦК ВКП(б) наметил мероприятия, направленные на обеспечение организованного набора рабочей силы и механизацию производства;

[1] См. «КПСС в резолюциях. . .», т. 4, стр. 264—266.
[2] См. «СССР за 15 лет. Статистические материалы по народному хозяйству». М., 1932, стр. 243

устранение текучести рабочей силы, внедрение правильной организации труда и улучшение бытовых условий рабочих; ликвидацию уравниловки в оплате труда, усиление личной материальной заинтересованности работников в результатах работы.

Эффективность этих мер партии в большой степени определялась тем, что они опирались на творческий энтузиазм свободных тружеников. В трудных условиях тем более героическим было ударничество рабочих, которые ради победы социализма сознательно шли на повышение напряжения своих физических и духовных сил. Вот почему ударничество можно с полным основанием назвать героическим этапом в истории социалистического соревнования.

Буржуазные экономисты, историки, философы пытались очернить социалистическую организацию труда, извратить суть социалистического соревнования. Они умышленно абсолютизировали трудности и недостатки в использовании рабочей силы, представляли ударничество как результат вмешательства государства, направленного на интенсификацию труда средствами политического и экономического принуждения. Излюбленным методом буржуазных идеологов и средств массовой информации было восхваление капиталистической конкуренции и пресловутой теории «неизменности человеческой природы труда». Подобные рассуждения подогревали деятельность подпольных троцкистских групп внутри страны.

Социалистическое соревнование развивалось в условиях острой классовой борьбы. В конце лета и осенью 1929 г. на отдельных фабриках и заводах произошли выступления вражеских элементов, пытавшихся настроить отсталых рабочих против соревнования. Рабочий класс давал достойную отповедь своим классовым врагам. Рабочие тульских оружейных заводов в своем письме пленуму ВЦСПС писали: «В ответ на злопыхательство буржуазии и гнусные ее нападки на созданное рабочими руками социалистическое соревнование мы отвечаем: соревнование мыслим не как временную кампанию, а как систему нашего труда. Будьте спокойны, господа белогвардейские писатели, соревнование не сойдет со страниц наших газет, как не прекратится оно на фабриках и заводах»[1].

Буржуазные теоретики не могли, да и не хотели, понять тот пафос созидания, который охватил миллионы трудящихся и тем самым породил «героизм массовой и *будничной* работы» — важнейший фактор социалистического строительства[2]. Массовое участие рабочих в соревновании и его размах свидетельствовали о росте социалистической сознательности трудящихся. «Самое замечательное в соревновании,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVI съезду партии,— состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного

[1] «Правда», 29 мая 1929 г.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 18.

и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства»[1]. Трудовой подвиг рабочего класса, руководимого Коммунистической партией, обеспечил успешное выполнение первого пятилетнего плана.

Осуществление первого пятилетнего плана привело к созданию прочного материального фундамента для строительства социалистического общества. Замыслы империалистической реакции экономически удушить страну Октября были сорваны. Впечатляющие результаты пятилетки представлялись тем более значительными, что именно в это время капиталистические страны потряс небывалый по размерам и катастрофическим последствиям экономический кризис. Показательно, что даже буржуазная печать уже не решалась, как прежде, называть советскую пятилетку «фантазией» или «утопией». В августе 1931 г. в Амстердаме состоялся Международный конгресс по вопросам планирования. В его повестке среди главных значился пункт: опыт плановой работы в СССР.

Построив фундамент социалистической экономики, советский рабочий класс приступил к решению новых задач. Завершение технической реконструкции народного хозяйства, дальнейшее повышение производительности общественного труда, снижение себестоимости продукции, улучшение ее ассортимента и качества — таковы были основные направления развития производительных сил во второй пятилетке. Выполнение второго пятилетнего плана в решающей степени зависело от способности рабочего класса овладеть новой техникой, что выдвинуло на первый план задачу повышения культурно-технического уровня рабочего класса.

Изотовское движение было одной из первых форм социалистического соревнования, откликнувшейся на эту новую потребность. Донецкий шахтер-забойщик Н. А. Изотов, возглавив отстающий участок, на котором работали молодые рабочие, приехавшие на шахту из деревень, добился того, что через несколько месяцев его ученики, овладев новой техникой, почти в два раза перевыполняли нормы выработки. Почин донецкого шахтера был быстро подхвачен, и изотовское движение приобрело всенародный характер.

Задачам освоения новой техники служило также массовое участие рабочих в движении изобретателей и рационализаторов[2]. Развитие технического творчества трудящихся было сопряжено с немалыми трудностями. Новое движение пробивало себе дорогу в борьбе с неверием в творческие возможности «простых рабочих», которое проявляла часть старой интеллигенции. Развитие творческой инициативы рабочих тормозили также бюрократизм и волокита, а то и прямой саботаж контрреволюционных элементов.

[1] «XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчет». М.— Л., 1931, стр. 39.

[2] См. *Г. М. Алексеев.* Движение изобретателей и рационализаторов в СССР. 1917—1977. М., 1977.

Партия, государство и профсоюзы проводили большую работу по пропаганде рабочего изобретательства, по претворению в жизнь ленинского декрета «Положение СНК об изобретениях» (1919 г.).

С 1927 г. на промышленных предприятиях стали появляться бюро по рассмотрению рационализаторских предложений, организации экспертизы и технической помощи рабочим-изобретателям. На смену разрозненным, замкнутым ассоциациям изобретателей пришли крупные организации. Создание в 1932 г. Всесоюзного общества изобретателей (ВОИЗ) закрепило массовость новаторского движения[1]. В 1937 г. общество объединяло около 300 тыс. человек, в том числе многих рабочих[2].

Вопросы рационального использования новой техники, технического обучения рабочих широко обсуждались на партийно-технических конференциях, городских и заводских собраниях актива. Вспоминая об энтузиазме, с каким относились рабочие к учебе, крупнейший советский металлург И. П. Бардин писал: «Десятки тысяч людей впитывали в себя знания, как мудрость, как откровение, внезапно открывавшие им глаза на мир; они глотали книги, изучали формулы, задачи, как средство, дающее им силу, указывающее им путь победы, ведущее их к счастливой, радостной жизни, полной смысла, борьбы и интереса»[3].

Все предшествующие этапы социалистического соревнования создали благоприятные условия для его нового подъема. Осенью 1935 г. началось стахановское движение.

Начало новому этапу социалистического соревнования положили рабочий коллектив, партийная организация шахты «Центральная — Ирмино» Донецкой области на Украине. В ночь с 30 на 31 августа 1935 г. забойщик А. Г. Стаханов вместе с крепильщиками, по-новому организовав работу, добыл 102 т угля за смену, что в 14 раз превысило норму. Партком шахты, печать, Донецкий обком и ЦК КП(б)У дали высокую политическую оценку установленному рекорду, активно поддержали новатора, призвали шахтеров следовать его примеру.

В короткий срок почин передового рабочего был подхвачен партийными и профсоюзными организациями, рабочими многих шахт и рудников, заводов и фабрик, железных дорог и строек во всех республиках Советского Союза. В течение сентября — октября 1935 г. во многих отраслях промышленности появились инициаторы новых методов повышения производительности труда: у автостроителей — кузнецы Горьковского автозавода А. Х. Бусыгин, С. А. Фаустов, Ф. К. Великжанин; у станкостроителей — фрезеровщик Мос-

[1] См. *И. Е. Ворожейкин, С. Л. Сенявский.* Рабочий класс — ведущая сила советского общества, стр. 212.

[2] «От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг.», т. II, стр. 173.

[3] *И. П. Бардин.* Жизнь инженера. М., 1938, стр. 193.

ковского завода имени Орджоникидзе И. И. Гудов; на Куйбышевском карбюраторном заводе — токарь Н. Ф. Курьянов. В числе первых новаторов были обтяжчик обуви ленинградской фабрики «Скороход» Н. С. Сметанин, ткачихи фабрики имени Ногина в Вичуге Ивановской области Е. В. Виноградова и М. И. Виноградова. Зачинателем движения на транспорте стал машинист депо станции Славянск Донецкой железной дороги П. Ф. Кривонос[1].

В ноябре 1935 г. было созвано Первое Всесоюзное совещание стахановцев, в котором участвовало 3 тыс. человек[2]. Оно подвело первые итоги движения новаторов, раскрыло его огромное значение для ускорения темпов технической реконструкции народного хозяйства СССР, для социалистического строительства.

Движение новаторов производства быстро распространилось по всей стране. Менее чем за год, с ноября 1935 по август 1936 г., удельный вес стахановцев среди рабочих в основных отраслях промышленности возрос почти в 3—4 раза и в сентябре 1936 г. в целом по промышленности СССР составил 22% всех рабочих. В последующие годы движение новаторов производства продолжало расти. В 1938 г. в промышленности удельный вес стахановцев составил 29,1%, а в 1940 г.— 33,7%[3].

Стахановское движение явилось результатом победы социализма. Оно означало «организацию труда по-новому, рационализацию технологических процессов, правильное разделение труда в производстве, освобождение квалифицированных рабочих от второстепенной подготовительной работы, лучшую организацию рабочего места, обеспечение быстрого роста производительности труда, обеспечение значительного роста заработной платы рабочих и служащих»[4]. Социалистическое соревнование играло огромную роль в создании в стране атмосферы вдохновенного труда, преобразовывало психологию и сознание трудящихся.

Соединение усилий партии с трудовым героизмом миллионов трудящихся стало основой невиданных успехов в решении грандиозных задач первых пятилеток.

Главным достижением рабочего класса и его партии в области хозяйственного строительства явилось создание материально-технической базы социализма. Советский народ под руководством Коммунистической партии выполнил великий завет В. И. Ленина: в кратчайшие сроки Россия нэповская превратилась в Россию социалистическую. Эта историческая задача была решена благодаря героиче-

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 4, кн. 2, стр. 377.
[2] См. «Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. 14—17 ноября 1935 г. Стенографический отчет». М., 1935.
[3] «Основные закономерности построения социалистической экономики», стр. 159.
[4] «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», т. 2. М., 1957, стр. 483.

скому труду советского народа, и прежде всего рабочего класса, правильной политике Коммунистической партии.

Строительство Магнитки, Кузбасса, «Уралмаша», Днепрогэса, Турксиба, Сталинградского тракторного, Горьковского автомобильного заводов и тысяч других предприятий, освоение новой техники — все это незабываемые вехи на пути социалистического созидания, свидетельство энтузиазма и подлинного мужества советских людей. «**Индустриализация СССР**,— говорится в Программе КПСС,— **великий подвиг рабочего класса, всего народа**, который не жалел ни сил, ни средств, сознательно шел на лишения, чтобы вытащить страну из отсталости»[1].

В годы социалистической индустриализации Советский Союз продемонстрировал такие высокие темпы роста производства, которые не удалось достичь ни одной из капиталистических стран.

Высокие темпы социалистической индустриализации объясняются преимуществами социализма как наиболее прогрессивной системы развития экономики. Одним из основных преимуществ этой системы явилось создание в Советской стране впервые в мире планирования народного хозяйства. С победой социалистических производственных отношений в СССР стал действовать в полную силу закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Это вынуждены признать и некоторые буржуазные ученые. «Необычайно высокие достижения СССР в промышленности,— писал английский экономист А. Байков,— произошли вследствие выгоды планового использования сырьевых и трудовых ресурсов страны и планирования ее производственной деятельности. Потенциально Россия обладала теми же производственными ресурсами, что и СССР, однако СССР благодаря планомерному использованию этих же самых ресурсов за 12 лет (1928—1940 гг.) достиг результатов в развитии национальной экономики во много раз больше, чем могло достичь частное производство в предыдущий период, охватывающий более 50 лет»[2].

За период социалистической индустриализации Советский Союз ликвидировал технико-экономическую отсталость, унаследованную от старой России, и осуществил в основном техническую реконструкцию народного хозяйства. В 1937 г. свыше 80% промышленной продукции было произведено на предприятиях, вновь построенных или целиком реконструированных в годы первой и второй пятилеток[3].

В результате социалистической индустриализации была создана прогрессивная структура народного хозяйства. Удельный вес индуст-

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1976, стр. 13.
[2] *A. Baykov.* The Development of Soviet Economic System. Cambridge, 1946, p. 303.
[3] См. «Основные закономерности построения социалистической экономики», стр. 259.

риальных отраслей (промышленность, строительство, транспорт) в национальном доходе возрос с 43,3% в 1913 г. до 62% в 1937 г. Производство средств производства дало в 1940 г. более 61% продукции промышленности[1]. Вырос удельный вес машиностроения — важнейшей отрасли народного хозяйства. Возник ряд новых отраслей: автомобилестроение, авиационная промышленность, моторо- и турбостроение, станкостроение, почти все отрасли химической промышленности и т. д. На базе технической реконструкции народного хозяйства успешно осуществлялись перевооружение и организационная перестройка Советских Вооруженных Сил, что играло решающую роль в укреплении обороноспособности первого в мире социалистического государства.

Быстрый рост производительных сил коренным образом изменил соотношение между промышленностью и сельским хозяйством. В 1937 г. на долю промышленности приходилось около 79% общего объема производства против 42% в 1913 г.[2]

В Советском Союзе в кратчайшие сроки была создана промышленность, по техническому уровню не уступавшая промышленности развитых в технико-экономическом отношении капиталистических стран Европы. СССР стал первой промышленной державой в Европе и второй в мире.

Преодолевалось фактическое неравенство ранее отсталых национальных районов Советского Союза. Решающим условием ускоренной индустриализации Казахстана, республик Средней Азии и Закавказья являлась материальная, политическая и организационная помощь им со стороны Центральной России и индустриальных районов УССР. Несмотря на большие экономические трудности, трудящиеся центральных областей РСФСР и Украины, выполняя свой интернациональный долг, оказывали братским национальным республикам бескорыстную поддержку.

Благодаря планомерному перераспределению экономических ресурсов в пользу отсталых районов стал возможным быстрый подъем их экономики. Непосредственным итогом огромных вложений в промышленность этих районов было расширение технической базы индустрии. За 1927—1939 гг. основные фонды крупной промышленности возросли по стране в целом в 7,8 раза, в республиках Средней Азии — в 19,5, в Казахстане — в 22,9 раза[3]. В 1940 г. продукция крупной промышленности в Грузинской, Армянской республиках и в Казахстане возросла по сравнению с 1913 г. в десятки раз, а в Таджикской и Киргизской — в сотни раз. Это свидетельствовало о практическом претворении в жизнь политики подтягивания экономики отсталых районов до уровня экономики передовых промышленных районов

[1] См. «Основные закономерности построения социалистической экономики», стр. 260.
[2] См. там же, стр. 261.
[3] Там же, стр. 316—317.

страны. Опыт развития братского сотрудничества и взаимопомощи советских республик убедительно показывает преимущества социализма, который ликвидирует все формы эксплуатации и национального гнета и обеспечивает преодоление экономической отсталости в исторически короткие сроки.

В ходе индустриализации рабочий класс неуклонно расширял свое воздействие на весь ход социалистического строительства. Он оказал огромное влияние на осуществление труднейшей исторической задачи *социалистического переустройства сельского хозяйства*. Необходимость коллективизации крестьянских хозяйств определялась самим характером социалистического строительства. Так, задача завершения ликвидации эксплуататорских классов не могла быть решена без ликвидации кулачества как класса, составлявшего самый многочисленный отряд эксплуататоров. В то же время ликвидация кулачества как класса способствовала укреплению и расширению социальной опоры диктатуры пролетариата.

С другой стороны, господство частнособственнического сектора в сельском хозяйстве не могло не вызывать диспропорций в экономике, вставшей на социалистические рельсы. К середине 20-х гг. образовался огромный разрыв между темпами развития промышленного и сельскохозяйственного производства. В 1925/26 и 1926/27 гг. прирост сельскохозяйственной продукции составил соответственно 19,2 и 4,1%, тогда как выпуск промышленной продукции возрос соответственно на 42,2 и 18,2%[1].

В сельском хозяйстве стали накапливаться кризисные явления. Непрекращающийся процесс дробления крестьянских хозяйств вел к уменьшению их рентабельности. Органическая неспособность мелкого индивидуального хозяйства развиваться на основе новой техники обрекала крестьянина на тяжелый и малопроизводительный ручной труд.

Таким образом, не только общие социально-политические цели, но и конкретные экономические потребности ставили партию и рабочий класс перед острейшей необходимостью осуществления ленинского кооперативного плана.

В. И. Ленин показал, что в условиях диктатуры пролетариата кооперация дает возможность удачно сочетать личные интересы крестьян с общественными и в силу этого является для них наиболее простым, легким и доступным способом перехода к социализму. Кооперация, подчеркивал В. И. Ленин, служит школой практического опыта, вырабатывающей у широких крестьянских масс навыки коллективного хозяйствования, содействует укреплению смычки социалистической промышленности с сельским хозяйством, усилению руководящей роли города по отношению к деревне. Становясь

[1] *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 2. М., 1976, стр. 39.

мощным средством воздействия рабочего класса на экономическую, политическую и культурную жизнь деревни, кооперация выступает как главное звено в социалистическом преобразовании деревни[1].

Жизнь полностью подтвердила ленинский вывод о том, что массовое вовлечение трудящихся-крестьян в социалистическое строительство будет совершаться путем постепенного внедрения основ коллективизации через добровольное кооперирование крестьянских хозяйств. Партия и Советское государство уделяли большое внимание развитию массового кооперативного движения. В 1927 г., к началу реконструктивного периода, простейшая форма кооперации (потребительская кооперация), призванная экономически сомкнуть мелкое крестьянское хозяйство с социалистической промышленностью, объединяла 9,8 млн. пайщиков, или 39% крестьянских хозяйств[2]. Сельские потребительские общества основательно потеснили капиталистические элементы в сфере торговли. Основную роль в переходе крестьян от кооперирования торгового оборота к кооперированию производства играла сельскохозяйственная кооперация. В 1927 г. в сельскохозяйственных кооперативах насчитывалось свыше 8 млн. хозяйств, почти треть их общего количества[3].

Широкий размах кооперативного движения позволял рассчитывать на успех в деле вовлечения основной массы крестьян на путь социалистической кооперации. Социалистическое переустройство деревни стало практической задачей. Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), исходя из ленинского кооперативного плана, выработал курс на развертывание коллективизации сельского хозяйства. «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве *основной задачи* партии в деревне»[4],— говорилось в решении XV съезда ВКП(б). Классовая политика партии на данном этапе состояла в том, чтобы, опираясь на бедноту и вовлекая в колхозное движение середняка, в борьбе за социалистическое переустройство деревни сплотить вокруг рабочего класса широчайшие массы трудового крестьянства, изолировать кулачество, а затем ликвидировать его как класс.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства встретил ожесточенное сопротивление кулачества — самого многочисленного эксплуататорского класса, что вызвало значительное обострение классовой борьбы в деревне.

Против решений XV съезда ВКП(б) выступила группа Бухари-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.
[2] См. *Г. В. Шарапов.* Международное значение опыта КПСС по социалистическому преобразованию деревни. М., 1976, стр. 66.
[3] См. «Советское крестьянство. Краткий очерк истории» (1917—1970)». М., 1973, стр. 220, 222.
[4] «КПСС в резолюциях. . .», т. 4, стр. 57.

на, Рыкова, Томского. Пропагандируя «теорию самотека» в развитии общественных отношений в СССР, Бухарин отрицал необходимость сознательных усилий с целью социалистического преобразования сельского хозяйства. Он утверждал, что деревня без борьбы с кулачеством, без каких-либо революционных преобразований, через одну только снабженческо-сбытовую кооперацию стихийно пойдет за социалистическим городом и «врастет» в социализм. Состоявшийся в апреле 1929 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) отверг эти взгляды[1].

Партийные, государственные, советские, кооперативные и комсомольские организации развернули широкую агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу, заботясь прежде всего о том, чтобы коллективизация стала делом самих крестьянских масс. Никогда еще деревня не видела столько митингов, сходок, собраний и бесед, как на рубеже 20-х и 30-х гг.

В конце 1929 г. началась сплошная коллективизация сельского хозяйства. В октябре—декабре 1929 г. в колхозы вступило 2,4 млн. хозяйств, в январе—феврале 1930 г.— почти 10 млн.[2] Несмотря на широкую антисоветскую агитацию, кулакам не удалось привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительные массы населения, а их контрреволюционные выступления носили локальный характер и быстро подавлялись при энергичном содействии местных активистов органам Советской власти. Усилиями рабочего класса и деревенской бедноты в тесном союзе со средним крестьянством сопротивление кулачества было сломлено.

Решающее значение в социалистическом преобразовании сельского хозяйства имело стремительно возраставшее влияние рабочего класса, которое он оказывал на деревню через деятельность Коммунистической партии, Советы и различные общественные организации, через государственный аппарат, а также непосредственно через своих представителей в деревне.

Поднятию уровня организационной и идейно-политической работы в деревне способствовали такие мероприятия, как переход партийных организаций села с территориального принципа построения на производственный, широкое вовлечение в партию колхозных активистов, которые к середине 1931 г. составляли 60% членов сельских партячеек[3], развитие массового партийного просвещения. Вокруг партийных организаций складывался и укреплялся крестьян-

[1] См. «КПСС в резолюциях...», т. 4, стр. 185—187.

[2] См. *Н. А. Ивницкий.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929—1932 гг.). М., 1972, стр. 247—260, 271—279; *И. Я. Трифонов.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975, стр. 296—310.

[3] См. «Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917—1970)», стр. 294.

ский актив. К середине 1930 г. только в РСФСР он насчитывал около 4,5 млн. человек[1].

Создание в сжатые сроки таких отраслей промышленности, как тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, позволило в ходе колхозного строительства провести техническую реконструкцию колхозно-совхозного производства. Развертывание с 1929 г. широкой сети машинно-тракторных станций, возникших на базе тракторных колонн, стало могучим фактором в обобществлении сельскохозяйственного производства, в революционной перестройке всей системы социально-экономических отношений в деревне.

Центр тяжести шефской работы промышленного города над деревней переместился с культурно-просветительной деятельности на производственную. Расширение участия рабочих в посевных и хлебозаготовительных кампаниях, в работе ремонтных бригад и других мероприятиях усиливало пролетарское влияние в деревне.

Состоявшийся в ноябре 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о посылке на постоянную работу в деревню 25 тыс. рабочих, имеющих опыт организационно-политической работы. Начинание ведущего класса советского общества превратилось в массовое движение, в общегосударственное дело оказания помощи колхозам пролетарскими кадрами[2].

Среди посланных в деревню преобладали кадровые рабочие ведущих индустриальных профессий. Это были люди высокой производственной культуры, организованности и дисциплины, в подавляющем большинстве (свыше 70%) коммунисты[3]. Весной 1930 г. почти в каждом пятом колхозе страны работали двадцатипятитысячники[4].

Значительным почином рабочих стало движение за отправку добровольцев в районы сплошной коллективизации для укрепления сельских Советов. Учитывая широкий размах движения, Президиум ЦИК СССР постановил 16 февраля 1930 г. направить на руководящую работу в сельские Советы и районные исполнительные комитеты 7200 наиболее квалифицированных и подготовленных членов городских Советов[5].

В целом за два с половиной года коллективизации из города в деревню для проведения различных хозяйственно-политических ме-

[1] См. *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 2, стр. 227.
[2] См. *В. М. Селунская.* Рабочие-двадцатипятитысячники. М., 1964.
[3] См. там же, стр. 59.
[4] См. там же, стр. 81.
[5] См. *Ю. С. Кукушкин.* Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.). М., 1968, стр. 239—240.

роприятий и на постоянную работу было направлено примерно 250 тыс. человек[1].

Совместно с партийными и советскими организациями села посланцы рабочего класса всемерно развивали организационно-хозяйственную самодеятельность крестьян-коллективистов, выдвигали из их среды и воспитывали способных руководителей, помогали правильно поставить учет, планирование и организацию колхозного труда, совершенствовать все стороны сельскохозяйственного производства. Рабочие стремились творчески использовать применительно к сельскому хозяйству опыт социалистической организации труда в промышленности. В результате в деревне стали распространяться социалистическое соревнование и ударничество, помощь отстающим, премирование лучших бригад и ударников производства.

Опыт работы двадцатипятитысячников был использован ЦК ВКП(б) при организации в 1933 г. политотделов в МТС и совхозах. Политотделы провели огромную работу по расширению и укреплению сети партийных и комсомольских организаций села и формированию вокруг них массового беспартийного актива, по мобилизации тружеников сельского хозяйства на борьбу с враждебными антиобщественными элементами, за выполнение производственных планов.

Окрепшая социалистическая промышленность могла дать деревне подготовленные для политической и организационной работы кадры, что в значительной мере обусловило успешное завершение реконструкции сельского хозяйства.

К концу второй пятилетки колхозы объединяли свыше 99% крестьянских хозяйств[2]. Возник новый класс — колхозное крестьянство. Самая обширная и ранее отсталая отрасль хозяйства превратилась в передовую, образовав вместе с промышленностью однородную социально-экономическую основу планомерно развивающегося социалистического общества.

С завершением коллективизации сельского хозяйства социализм стал единой всеобъемлющей системой народного хозяйства страны. Социалистическая собственность на средства производства в двух ее формах — всенародной (государственной) и колхозно-кооперативной — превратилась в безраздельно господствующую экономическую основу советского общества. В 1937 г. удельный вес социалистических форм хозяйства в СССР составил в основных производственных фондах (без скота) 99,6% (в 1928 г.— 65,7%), в национальном доходе — 99,1% (в 1928 г.— 44,0%), в продукции промышленности — 99,8% (в 1928 г.—82,4%), в валовой продукции сельского хозяйства (включая личное хозяйство колхозников, ра-

[1] См. *С. П. Трапезников.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 2, стр. 223.

[2] См. *М. А. Вылцан.* Завершающий этап создания колхозного строя (1935—1937 гг.). М., 1978, стр. 66,

бочих и служащих) — 98,5% (в 1928 г.—3,3%), в розничном товарообороте торговых предприятий — 100% (в 1928 г.—76,4%)[1].

Завершился важнейший этап в истории Советской страны, всего международного рабочего движения. В результате двадцатилетней созидательной деятельности советского народа, при активной поддержке международного рабочего класса в Советском Союзе было в основном построено социалистическое общество. Переходный период от капитализма к социализму, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция, увенчался победой нового строя.

В ходе строительства социализма преобразовывался духовный мир трудящегося — творца нового общества. Утверждавшиеся социалистические производственные отношения, изменяя материальные условия жизнедеятельности людей, создавали объективные условия для коренного преобразования их мировоззрения, психологии, морали, для превращения ранее эксплуатируемых капитализмом, задавленных нуждой и нищетой масс в свободных, образованных, сознательных творцов истории.

Однако необходимы были титанические усилия Коммунистической партии и руководимого ею рабочего класса, чтобы использовать эти благоприятные объективные условия для свершения культурной революции.

Культурная революция началась сразу же после завоевания власти российским пролетариатом. «После решенной задачи величайшего в мире политического переворота,— писал В. И. Ленин,— перед нами стали иные задачи — задачи культурные...»[2] Определяя задачи культурного переворота, В. И. Ленин подчеркивал, что необходимо было поставить на службу строительства нового общества все лучшее, что было достигнуто в области материальной и духовной культуры, превратить накопленный капитализмом запас культуры, знаний и техники «из орудия капитализма в орудие социализма»[3], добиться того, чтобы весь человеческий ум, весь его гений, служивший ранее средством угнетения и насилия, стал могучим фактором революционного преобразования мира[4].

Трудность осуществления этих грандиозных задач заключалась прежде всего в том, что впервые в истории власть в свои руки взял класс менее образованный, чем класс свергнутый. «Если буржуазная революция против феодализма предполагает, что в недрах самого феодального общества имеется новый класс, по своей культурной зрелости стоящий выше господствующего класса и являющийся уже в пределах феодального общества гегемоном экономической жизни,—

[1] См. «Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник». М., 1977, стр. 9.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 168—169.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 382.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 289.

говорилось в Программе Коминтерна, принятой в 1928 г.,— то пролетарская революция развивается в других условиях. Будучи в капиталистическом обществе классом, экономически эксплуатируемым, политически угнетенным и культурно задавленным, рабочий класс лишь в переходный период, лишь после завоевания им государственной власти, лишь разрушая буржуазную монополию образования и овладевая всей наукой, лишь на опыте величайшей строительной работы переделывает свою собственную природу»[1].

Потеряв в России политическую, а затем и экономическую власть, старый мир продолжал оказывать серьезное влияние на общественное сознание, на различные стороны производства, распределения и потребления духовных ценностей, что особенно остро ощущалось в таких областях, как наука, просвещение, литература, искусство, мораль, препятствуя освобождению их от буржуазной идеологии, тормозя тем самым общее продвижение вперед. Трудности усугублялись и тем, что рабочему классу пришлось начинать строительство социалистического общества в стране с более низким уровнем развития, чем в основных капиталистических странах, где уже имелась развитая промышленность и было введено всеобщее начальное образование.

Завершение восстановления народного хозяйства и переход к социалистической индустриализации создали необходимую материальную основу для реализации ленинского плана культурного строительства. XV съезд партии поставил в качестве одной из важнейших задач первого пятилетнего плана задачу решительного повышения культурного уровня масс в городе и деревне, развития национальных культур народов СССР.

Успех культурного строительства обеспечивался прежде всего благодаря руководящей роли партии, вооруженной марксистско-ленинским учением, вобравшим в себя все самое ценное и передовое, что было достигнуто в ходе культурно-исторической деятельности людей, и энтузиазму пришедших в движение народных масс, раскрепощению их творческих потенций.

Основные усилия партии и государства были направлены на ликвидацию неграмотности и малограмотности. Была разработана и стала осуществляться программа введения всеобщего начального обучения. В 1928/29 учебном году на нужды просвещения было выделено вдвое больше средств, чем в предыдущем году. Особое внимание уделялось привлечению в школы детей рабочих, батраков и крестьянской бедноты.

Партийные и государственные органы в центре и на местах опирались на активную поддержку общественности, широко использовали в деле культурного строительства шефство рабочих над дерев-

[1] «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», вып. 6. М.—Л., 1929, стр. 35.

ней, всемерно поощряли и развивали различные формы соревнования между промышленными предприятиями, МТС, совхозами, коллективами учителей, стремясь к тому, чтобы борьба за ликвидацию неграмотности стала всенародным делом.

С началом первой пятилетки значительно расширилась система внешкольного образования взрослых, через которую в годы развернутого строительства социализма прошли десятки миллионов людей. Огромное значение для распространения грамотности среди нерусских народов и народностей имели создание и массовый выпуск учебной литературы на национальных языках. Для многих из них письменность создавалась впервые. Десятки народов получили таким образом возможность обучаться на родном языке.

К 1934 г. было осуществлено всеобщее начальное обучение и сложилась широкая сеть неполных и полных средних школ. В 1933—1937 гг. в городах и рабочих поселках было введено обязательное семилетнее обучение. Для подготовки педагогических кадров расширялись старые и открывались новые институты, техникумы, курсы. В начале и середине 30-х гг. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли ряд постановлений, укрепивших организационные и научно-педагогические основы советской школы. К 1939 г. проблема ликвидации неграмотности была в основном решена. Свыше 81% населения страны стало грамотным.

Благодаря неустанной заботе партии, превратившей всеобуч в дело всего народа, в СССР была создана подлинно демократическая общеобразовательная школа. Впервые в истории человечества доступ трудящихся к знаниям и культуре гарантировался их фактическим положением хозяев страны, социально-экономическим и политическим развитием общества.

Успехи в деле народного просвещения содействовали решению таких важных задач, как формирование человека социалистического общества, подготовка кадров народного хозяйства, науки, литературы, искусства, устранение унаследованной от эксплуататорского строя противоположности между умственным и физическим трудом.

В процессе культурной революции формировалась новая, советская интеллигенция.

Коммунистическая партия вела повседневную, кропотливую работу по вовлечению колеблющейся части старой буржуазной интеллигенции в строительство новой жизни. Важную роль в решении этой задачи сыграла основанная в 1927 г. группой видных представителей интеллигенции Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО). В 1929 г. в ней состояло 546 человек, а в конце 1932 г.— уже 11 тыс.[1]

[1] См. *П. И. Кабанов.* История культурной революции в СССР. М., 1971, стр. 97.

Важным источником формирования новой интеллигенции, особенно в промышленности, было массовое выдвижение на руководящую работу передовых, проявивших организаторские способности рабочих и крестьян. В 1926—1927 гг. более половины всех руководителей высших звеньев промышленности и три четверти директоров фабрик и заводов в недавнем прошлом работали у станка [1]. С годами, по мере развертывания культурной революции и укрепления системы образования, выдвиженчество утратило свою ведущую роль, уступив ее планомерной подготовке специалистов в средних специальных и высших учебных заведениях.

Ноябрьский (1929 г.) пленум ЦК ВКП(б) указал на необходимость расширить сеть специальных учреждений (рабфаки, школы, курсы) по подготовке рабочих и крестьян к учебе в вузах и техникумах. В 1928—1932 гг. широко применялись массовые мобилизации и командировки на учебу молодых рабочих, колхозников, красноармейцев.

Эти меры сыграли большую роль в демократизации социального состава студентов. Если в 1924/25 учебном году выходцы из рабочих составляли 17,8% студентов, то в 1930/31 г.— 46,6% [2]. По техническим вузам удельный вес студентов из рабочих и крестьян приближался к 70%, а в отдельных случаях достигал 80—90% [3]. Была проведена реформа высшего и среднего технического образования, приблизившая втузы и техникумы к производству.

Партия направила на преподавательскую работу значительный отряд коммунистов, совершенствовала политико-воспитательную работу среди профессоров и студентов. Осенью 1930 г. в вузах была проведена перестройка партийных и профсоюзных организаций, в результате которой укрепились связи между студентами, научно-педагогическими кадрами и техническими служащими. Большое значение имело введение новых общественных дисциплин — исторического и диалектического материализма, политической экономии, основ ленинизма.

За годы двух первых пятилеток вузами было выпущено свыше 500 тыс. специалистов, в подавляющем большинстве (80—90%) из рабочих и крестьян [4]. Вузы стали основным источником пополнения советской интеллигенции. Коренные сдвиги происходили и в науке. Во второй половине 20-х гг. была проведена перестройка главного научного учреждения страны — Академии наук. На основе ленин-

[1] См. «Советская интеллигенция. Краткий очерк истории (1917—1975 гг.)». М., 1977, стр. 57.
[2] См. «Народное хозяйство СССР. Статистический справочник». М.— Л., 1932, стр. 535.
[3] См. «Культурная революция в СССР 1917—1965 гг.». М., 1967, стр. 147.
[4] См. *Н. М. Катунцева.* Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. М., 1977, стр. 69.

ского «Наброска плана научно-технических работ» перед академией ставились новые задачи, приводившие ее деятельность в соответствие с практикой социалистического строительства[1].

В 1929 г. была основана Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). В 30-х гг. в национальных республиках и крупных хозяйственных центрах страны выросли академические базы и филиалы, отраслевые научно-исследовательские институты.

Значительно расширилась сеть учреждений, ведущих исследовательскую работу в области марксистского обществоведения.

Героический созидательный труд рабочего класса, всех трудящихся СССР нашел широкое отражение в произведениях советской литературы и искусства. Многие из них вошли в золотой фонд социалистической культуры.

К концу 30-х гг. в СССР в основном сформировалась социалистическая культура, опирающаяся на прочный фундамент социалистической экономики, стал господствующим новый тип общественного сознания, для которого характерны такие черты, как коллективизм, интернационализм и патриотизм, революционный гуманизм и устремленный в будущее исторический оптимизм.

Элитарности и классовой ограниченности буржуазной культуры, которая прямо или косвенно оправдывает систему угнетения и эксплуатации человека человеком, социализм противопоставил народность и коммунистическую партийность социалистической культуры в ее служении великим целям духовного освобождения и возвышения человека.

Крупным завоеванием социализма явилось создание национальной по форме и социалистической по содержанию советской культуры. Впервые в истории нации и народности, объединенные в братской семье народов СССР, получили возможность свободного развития и взаимообогащения своих культур в рамках единого социалистического государства. Все трудящиеся, все нации и народности Советской страны восприняли идеологию научного коммунизма, стали непосредственными участниками процесса культурно-исторического творчества.

Создание нового общества в СССР доказало на практике, что сознательная, одухотворенная высокими идеями социализма деятельность трудящихся является неотъемлемой чертой нового строя, формой его существования и развития.

Социалистическая культура вышла на международную арену не только как наследница лучших традиций мировой культуры, но и как продолжательница ее великого дела. Ее всемирно-историческое значение было признано мировой общественностью. Известный

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 228—231; «Уставы Академии наук СССР». М., 1975, стр. 120—140.

французский историк-коммунист и писатель Жан Фревиль подчеркивал, что, разбив цепи капитализма, советские люди «выполняют великую историческую миссию спасения мировой культуры»[1]. Американский прогрессивный ученый П. Слоан, оценивая роль советской культуры, писал: «Впервые в истории возникает действительно общечеловеческая культура, стремящаяся охватить все трудящееся человечество»[2].

Культурная революция в Советском Союзе, преобразовавшая духовный облик народа, дала ему новые силы для дальнейших великих свершений, стала надежным гарантом его будущих успехов и побед.

НОВЫЙ ОБЛИК СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

С завершением переходного периода была достигнута основная цель социализма — устранение эксплуатации человека человеком и превращение всех членов общества в трудящихся. Произошло глубокое преобразование облика советского народа.

Значительно изменился *правящий рабочий класс*. За годы пятилеток резко возросла его численность. Если в 1928 г. в народном хозяйстве СССР было занято 6,8 млн. рабочих, то в 1937 г.—17,2 млн., т. е. за девять лет численность рабочего класса увеличилась более чем в 2,5 раза[3].

Заметно усилилась концентрация рабочих на крупных предприятиях. К концу второй пятилетки почти 63% занятых в промышленности трудились на предприятиях, насчитывающих не менее 1 тыс. человек, а 25,9% обслуживали гиганты с числом рабочих от 5001 до 10 тыс. и более[4]. С превращением «России ситцевой» в «Россию металлическую» металлисты стали самым многочисленным отрядом советского рабочего класса. В 1937 г. они составляли 28,3% промышленных рабочих страны против 14% в 1928 г.[5]

Изменилась география размещения рабочей силы благодаря бурному росту рабочего класса в ранее отсталых национальных районах. Представление о численности рабочих крупной промышленности на тысячу человек населения в среднем по СССР и по союзным республикам дает следующая таблица:

[1] Цит. по: «Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества». Свердловск, 1974, стр. 77.
[2] Там же, стр. 77—78.
[3] См. «Народное хозяйство СССР. Статистический сборник». М., 1956, стр. 189—190.
[4] См. «Труд в СССР. Статистический справочник». М., 1933, стр. 73.
[5] См. «Промышленность СССР. Статистический сборник». М., 1957, стр. 24.

Таблица 1

Республики	Число рабочих на 1000 населения (в проц.)			1939 г. к 1926 г. (раз)
	1926 г.	1933 г.	1939 г.	
СССР	16,1	28,0	64,5	4,0
УССР	18,5	33,3	65,2	3,5
БССР	5,5	15,5	50,0	9,1
Республики Закавказья	10,5	15,7	32,2	3,1
Узбекская ССР и Таджикская ССР	2,4	7,1	22,2	9,3
Туркменская ССР	2,4	8,2	30,6	12,8
Киргизская ССР	0,8	Нет св.	21,6	27,0
Казахская ССР	1,7	Нет св.	31,3	18,4

Источник. *Ю. В. Воробьев.* Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М., 1965, стр. 139.

Если в первые годы Советской власти некоторые народы бывших национальных окраин находились на феодальной стадии развития, а в ряде районов сохранялся патриархально-родовой строй, то к концу второй пятилетки во всех советских республиках была ликвидирована многоукладность экономики, социалистические производственные отношения стали господствующими. Национальные республики превратились в экономически развитые районы страны, обладающие современной индустрией, крупным социалистическим сельским хозяйством. Особо важное значение для формирования социалистических наций имел рост национальных кадров рабочего класса.

Резко изменился культурно-технический облик рабочего класса. Тяжелое наследие получила Советская власть в этом отношении от дореволюционной России. По данным профессиональной переписи 1918 г., 36% всех рабочих были неграмотными. К концу переходного периода с неграмотностью рабочих было в основном покончено. Вместе с тем повысился общеобразовательный уровень рабочего класса. Систематически расширялись масштабы его профессионально-технической подготовки.

Неизмеримо выросли организованность и социалистическая сознательность рабочего класса, его политическая и трудовая активность. В 1936 г. более 83% рабочих и служащих были членами профсоюзов. Передовая часть рабочего класса была объединена в Коммунистическую партию — высшую форму его классовой

организации. В середине 30-х гг. каждый десятый рабочий состоял в рядах Коммунистической партии[1].

Для превращения пролетариата в социалистический рабочий класс потребовались многие годы целенаправленных усилий партии, государства и общественных организаций. Касаясь задач идейно-политического воспитания рабочего класса, Ленин в 1919 г. отмечал, что у него «сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно»[2]. Борьба за преодоление пережитков капитализма в сознании рабочего класса, и в первую очередь отсталых его слоев, заняла весь переходный период.

Освобождаясь от пережитков, не совместимых с положением рабочего класса в новом, социалистическом обществе, рабочий класс сохранял, развивал и умножал такие черты пролетариата, как революционность, ненависть к любым формам эксплуатации и несправедливости, несгибаемая воля и стойкость, высокая организованность и дисциплина, преданность идее социалистического переустройства мира.

Новые черты рабочего класса СССР наиболее ярко проявились в его отношении к труду и общественному достоянию, в утверждении сознательной трудовой дисциплины, в выработке нравственных норм, определяющих содержание обязанностей личности как члена социалистического общества. Передовые рабочие стали активными и сознательными строителями социалистического общества, политически зрелыми, культурными и технически грамотными, органически сочетающими труд в сфере производства с широкой общественно-политической деятельностью.

Занимая ключевые позиции в сфере материального производства, во всей системе политической организации общества, рабочий класс СССР в ходе строительства социализма все более усиливал свое целенаправленное влияние на социально-политическую и трудовую активность других классов и социальных групп, их идейную и нравственную жизнь. Силой своего примера, чертами и качествами, которые он развивал в себе в ходе социалистического строительства под воздействием организующей и направляющей деятельности своего авангарда — партии коммунистов, рабочий класс способствовал формированию у остальных трудящихся чувства ответственности за положение дел в своем трудовом коллективе и во всем обществе. Это коренным образом меняло психологию и мораль трудящихся.

[1] См. *В. Е. Полетаев, С. Л. Сенявский.* Рабочий класс — ведущая сила в строительстве социализма и коммунизма. М., 1972, стр. 30.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 449.

Утверждение пролетарского интернационализма в качестве основного принципа поведения советского рабочего класса позволило ему в значительной мере упрочить свое положение как передового отряда международного рабочего движения, всех сил демократии и общественного прогресса.

Под влиянием социально-политических и экономических факторов социализма изменились социальная природа, психология *крестьянства.* Был положен конец классовому расслоению деревни, сформировалось социально однородное колхозное крестьянство, ведущее крупное социалистическое хозяйство. После победы колхозного строя под политический союз рабочих и крестьян была подведена единая экономическая основа в виде всенародной (государственной) и кооперативно-колхозной собственности.

За годы социалистического строительства возникла новая, *советская интеллигенция.* В 1928—1937 гг. высшие учебные заведения СССР выпустили 568,6 тыс. специалистов для народного хозяйства. Число научных работников составило 80 тыс. человек, в то время как в дореволюционной России — 11,6 тыс.[1] Подавляющее большинство представителей советской интеллигенции были выходцами из трудовых классов, а социалистическая сознательность и идейная убежденность вошли в ее плоть и кровь. В этой связи Г. К. Орджоникидзе замечал: «...у нас инженер — это великий творец, который работает для своего рабочего, сам являясь рабочим, и для своего колхозника, сам являясь колхозником»[2].

Ведущую роль в радикальном изменении классовой структуры общества в переходный период сыграл рабочий класс. Взяв в свои руки государственную власть, он использовал ее для ликвидации эксплуататорских классов и причин, порождающих эксплуатацию человека человеком, для преобразования в социалистическом духе трудового крестьянства и всех остальных непролетарских слоев трудящихся.

Кардинальное преобразование классовых отношений в переходный период покончило с неизбежным при капитализме разъединением людей и привело к созданию подлинной общности коренных интересов всего народа.

Усилилось единство в национальных отношениях благодаря преодолению экономического и культурного неравенства народов Советского Союза. Народы бывших национальных окраин были вовлечены в общее русло социалистических преобразований.

В процессе утверждения марксизма-ленинизма в качестве господствующей идеологии формировалась единая социалистическая культура. Марксистско-ленинская идеология, выражающая социали-

[1] См. «Народное хозяйство СССР за 60 лет», стр. 141.
[2] *Г. К. Орджоникидзе.* Статьи и речи, т. 2. М., 1957, стр. 659.

стические интересы и коммунистические идеалы рабочего класса, явилась духовной основой сближения всех классов и социальных групп, наций и народностей.

В основном сложилась новая историческая общность людей, определяющей чертой отношений которых стало крепнущее социально-политическое единство всех членов общества.

5 декабря 1936 г. VIII Всесоюзный съезд Советов принял новую *Конституцию СССР*, которая законодательно закрепила победу социализма. В соответствии с достигнутым уровнем развития общества Конституция провозглашала, что экономическую основу СССР составляет социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства. Конституция зафиксировала безраздельное господство общественной собственности на средства производства, ликвидацию эксплуатации и эксплуататорских классов, осуществление важнейшего принципа социализма — «от каждого — по способностям, каждому — по его труду».

Политическую основу Советского Союза, отмечалось в Конституции, составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и установления диктатуры пролетариата. Конституция 1936 г. фиксировала, таким образом, достижение советским обществом социального единства в качестве итога построения социализма. В ней подчеркивалось, что Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

Конституция 1936 г. провозглашала в качестве высшего представительного органа государственной власти Верховный Совет СССР. С победой социализма отпала необходимость в тех ограничениях гражданских прав, которые существовали для нетрудовых элементов в переходный период. Устранив остатки ограничений при выборах в Советы, Конституция 1936 г. заменила многостепенные выборы прямыми, установила всеобщие равные и тайные выборы во все Советы депутатов трудящихся.

В Конституции 1936 г. отразились плодотворные результаты осуществления ленинской национальной политики, важнейшими принципами которой являются социалистический интернационализм, национальное равноправие, братская дружба и сотрудничество всех народов Советской страны.

Конституция 1936 г. гарантировала свободу слова, печати, собраний и митингов, свободу совести, объединения трудящихся в различные общественные организации, неприкосновенность личности, тайну переписки. Вместе с тем Конституция СССР исходила из принципа единства прав и обязанностей, базирующегося на совпадении личных и общественных интересов при социализме. Гарантируя советским гражданам их права, Конституция в то же время требовала от них выполнения законов и других обязанностей по укреплению и защите социалистического строя. Советское общество конституиро-

валось как общество, в котором нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.

Принципиальное значение имело закрепление в Конституции важнейших социально-экономических прав трудящихся — права на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости, равных прав женщины с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Многие из записанных в Советской Конституции прав и свобод включены и в конституции буржуазно-демократических государств. Однако в социалистическом обществе эти права и свободы имеют иное классовое и политическое содержание. Конституция СССР 1936 г. отличалась наибольшей демократичностью, ибо она, уничтожив всякие политические ограничения, впервые в государственно-правовой практике установила полное правовое равенство всех граждан независимо от их социальной, национальной и религиозной принадлежности. Но главное заключалось в том, что власть трудящихся и ликвидация эксплуатации, устраняя присущие буржуазной демократии формальный характер равенства и ограниченность, обеспечивали развитие высшего типа демократии — социалистической демократии.

Следует подчеркнуть, что победа социализма значительно обогатила содержание прав и свобод, завоеванных Октябрьской революцией.

Хотя всеобщее равное избирательное право провозглашается в конституциях многих буржуазно-демократических государств, трудящееся большинство отстранено от участия в управлении делами государства, ибо политическая власть принадлежит буржуазному меньшинству. Только в Советском Союзе демократия не ограничилась предоставлением гражданам избирательных прав, а нашла свое завершение в установлении народовластия. Поэтому провозглашенное Конституцией 1936 г. всеобщее избирательное право имело неизмеримо большую ценность для граждан, ибо оно одновременно означало и право на участие в управлении делами государства.

Победа социализма создала необходимое материальное обеспечение социально-экономических прав трудящихся. Так, с ликвидацией в 1930 г. безработицы Советский Союз стал первой в мире страной, где фундаментальное право человека — право на труд осуществлялось без каких-либо ограничений. С ликвидацией эксплуататорских классов к концу переходного периода стало реальностью полное устранение эксплуатации человека человеком. Преодоление экономической и культурной отсталости ранее угнетавшихся наций вносило новое качество в равенство наций, делая его фактическим. Наконец, ликвидация неграмотности и культурная революция обеспечили реализацию права каждого члена советского общества на образование.

Социально-политические достижения социализма, зафиксирован-

ные в Конституции, явились важной предпосылкой *усиления руководящей роли рабочего класса и его партии в новом обществе*. Исходя из всенародного признания роли, которую Коммунистическая партия сыграла в построении социализма, ее возрастающего значения как руководящей силы нового общества, Конституция 1936 г. закрепила ведущую роль Коммунистической партии в Советском государстве, отметив, что наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в Коммунистическую партию, «являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных»[1].

Состоявшиеся 12 декабря 1937 г. выборы в Верховный Совет СССР продемонстрировали полную поддержку советским народом социалистического строя: в выборах участвовало 96,8% избирателей, из них 98% проголосовало за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. В состав Совета Союза было избрано 45,3% рабочих, 23,7% крестьян и 31% служащих и представителей интеллигенции; в Совет Национальностей — 38% рабочих, 34% крестьян, 28% служащих и интеллигенции. Иными словами, состав Верховного Совета СССР выражал союз рабочего класса с крестьянством, морально-политическое единство народа.

Выходцы из рабочего класса возглавляли важнейшие отрасли государственного управления. В Верховном Совете СССР первого созыва 42% депутатов были рабочими. В городских Советах рабочим принадлежала половина депутатских мест. Более половины руководителей высших органов промышленности, $^3/_4$ всех директоров фабрик и заводов вышли из рабочих[2].

В развитии советского общества было немало трудностей. Вред делу социалистического строительства нанесли культ личности И. В. Сталина и связанные с ним нарушения ленинских норм общественной жизни и социалистической демократии. В условиях, когда социализм уже победил в Советском Союзе, а эксплуататорские классы и их экономическая база были ликвидированы, когда было достигнуто социально-политическое единство советского народа, И. В. Сталин выдвинул ошибочную формулу, будто по мере дальнейшего продвижения СССР по социалистическому пути классовая борьба будет обостряться. На практике эта ошибочная формула послужила обоснованием нарушений социалистической законности и массовых репрессий[3].

[1] «Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сборник документов», т. III (1922—1936 гг.). М., 1960, стр. 243.

[2] См. «От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг.», т. II, стр. 174.

[3] См. «О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС». М., 1956, стр. 16.

Однако нарушения ленинских норм партийной и государственной жизни при всех их тяжелых последствиях не могли изменить природу социалистического общества, идейных, политических и организационных основ деятельности Коммунистической партии. Коммунистическая партия, рабочий класс в главном твердо и неуклонно следовали курсом Ленина, подчеркивавшего, что Советская власть «дает возможность подняться тем, кого угнетали, и самим брать все больше и больше в свои руки все управление государством, все управление хозяйством, все управление производством»[1]. Только в подлинно свободном обществе был возможен беспримерный трудовой героизм миллионов людей, без которого немыслимо осуществление грандиозных планов социалистического строительства в такой короткий исторический срок. В то же время каждая победа в строительстве социализма вносила свой вклад в развитие социалистической демократии.

Построение социализма в СССР имело *всемирно-историческое значение*. Социализм впервые в истории воплотился в реально существующую систему общественных отношений. «В результате самоотверженного труда советского народа,— говорится в Программе КПСС,— теоретической и практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза **человечество получило реально существующее социалистическое общество и проверенную на опыте науку о построении социализма. Столбовая дорога к социализму проложена**»[2].

В ходе строительства социализма развивалось и обогащалось учение основоположников марксизма о социализме как о типе нового общественного строя, как о первой, низшей фазе коммунистической формации. На основе практики социалистического строительства были разработаны важнейшие разделы учения о социализме, касающиеся построения социализма в одной стране, путей создания материально-технической базы социализма и коллективизации сельского хозяйства, развития культурной революции, решения национального вопроса, перехода отсталых окраин к социализму, минуя капитализм.

Создание социалистического общества в СССР подтвердило глубокую правоту марксистско-ленинского вывода о том, что руководящая роль рабочего класса и его революционного авангарда — марксистско-ленинской партии, прочный союз рабочего класса с непролетарскими трудящимися массами жизненно необходимы для победы социализма.

За короткий исторический срок советский рабочий класс сумел подготовить, воспитать себя в качестве общепризнанной руководя-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 239.
[2] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 19.

щей силы нового, социалистического общества. Опыт Советского Союза убедительно доказывал, что рабочий класс способен не только разрушить старое и отжившее, но и успешно создавать новое, прогрессивное, управлять обществом без буржуазии.

Советские пятилетки были не только планами хозяйственного строительства, но и широкими программами социального прогресса. Они служили достижению высшей цели социалистического общественного производства — наиболее полного удовлетворения материальных и духовных потребностей людей.

С приобщением к социалистическому строительству народов бывших национальных окраин, находившихся к моменту победы Октябрьской революции на докапиталистической стадии развития, мировая революционная практика получила научно обоснованную теорию и реальный опыт перехода к социализму народов, отставших в своем экономическом развитии. Ленинское предвидение о возможности перехода ряда народов к социализму, минуя капиталистическую стадию, получило полное подтверждение.

Политические, социальные и экономические достижения первого в мире государства трудящихся стали для рабочих всего мира знаменем борьбы. В воззвании Исполкома Коминтерна «К двадцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции» говорилось: «...ныне социализм живой, во плоти и крови — перед вашими глазами, рабочие всех стран! Живой социализм — это уничтожение эксплуатации человека человеком. Живой социализм — это ликвидация безработицы и нищеты, это непрерывный рост материального и культурного уровня трудящихся масс... Живой социализм — это гарантированное каждому гражданину право на труд, право на отдых, право на образование»[1].

Невозможно переоценить воздействие страны победившего социализма на мировое развитие, воздействие, открывавшее новые горизонты общественного прогресса. В этой связи Долорес Ибаррури писала: «Так же, как идеи Французской революции 1789 г. пронизывали все буржуазные революции XIX века, хотя они и не были идентичны Французской революции по своей форме, дух Революционного Октября 1917 г. живет в политических и социальных завоеваниях, которые рабочие во всех странах вырывают у буржуазии, он проявляется в той неустойчивости, которую испытывает сегодня мир монополий и империализма»[2]. Огромный морально-политический авторитет Советского Союза, его экономический и оборонный потенциал использовались как действенное средство борьбы за мир, против империалистической политики агрессии, за установление равноправ-

[1] «Коммунистический Интернационал», 1937, № 10—11, стр. 9—10.

[2] *Д. Ибаррури.* Октябрьская революция и борьба за демократию и социализм.— «Великий Октябрь и мировой революционный процесс», М., 1967, стр. 76—77.

ных отношений между большими и малыми народами, как мощная поддержка революционным и национально-освободительным движениям в мире.

Сила преобразующего и созидательного примера Советского социалистического государства, высвободившего творческие потенции рабочего класса, всех трудящихся, превратилась в мощный революционизирующий фактор, оказывающий гигантское воздействие на ход мировой истории. Социализм в одной стране никогда не был и не остался социализмом лишь для одной страны. Он вошел в историю как важнейшее завоевание международного рабочего движения, всех прогрессивных сил. От победы социализма в СССР берет начало становление социализма как мировой системы, идущей на смену капитализму.

Глава вторая

КУРСОМ НА СОЦИАЛИЗМ

Создание социалистического общества в Советском Союзе пролагало трудящимся всего мира путь к социализму, и никакие усилия буржуазии не могли нейтрализовать огромное воздействие идей социализма на классовую борьбу в капиталистическом мире. Революционизирующее влияние первого пролетарского государства особенно ощущалось в Прибалтийских странах, которые в результате антисоветской интервенции были отторгнуты от Советской России. Рабочий класс Прибалтики, участвовавший вместе с российским пролетариатом в установлении Советской власти, сохранил огромный революционный потенциал, тогда как буржуазия проводила реакционную политику, демонстрировавшую ее неспособность решать назревшие проблемы общественного развития. Обострение всех социально-политических противоречий в Прибалтийских странах, влияние победы социализма в СССР, высокая боеспособность рабочего класса, падение морально-политического авторитета буржуазии подготавливали почву для социалистических революций в этом регионе.

Юго-восточный сосед Советского Союза — Монгольская Народная Республика, ориентируясь на опыт строительства социализма в СССР и на помощь советского рабочего класса, встала на путь глубоких демократических преобразований с целью подготовки к строительству социализма, минуя капиталистическую стадию развития.

Таким образом, исторические свершения советского рабочего класса помогли и народам других стран взять курс на социализм.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1940 года В ПРИБАЛТИКЕ

Республики Восточной Прибалтики — Литва, Латвия и Эстония были самыми слабыми звеньями в мировой системе капитализма.

Прибалтийская буржуазия пришла к власти в ожесточенной борьбе против нового общественного строя, олицетворявшегося Советами революционных рабочих и крестьян. Ликвидировав в 1919 г. с помощью иностранных интервентов советские республики в Литве, Латвии и Эстонии, буржуазия этих стран сразу же проявила себя как антинародная, откровенно реакционная сила.

Разрыв хозяйственных связей с Советской Россией, переориентация торгово-экономических отношений превращали Прибалтику по сути дела в аграрно-сырьевой придаток крупных империалисти-

ческих держав, закрепляли и усиливали ее зависимость от их агрессивной, антисоветской политики[1].

Наиболее передовые отрасли промышленности, такие, как судостроение, машиностроение, химическое производство, постепенно приходили в упадок. Почти двадцать лет понадобилось буржуазной Латвии, самой развитой в промышленном отношении из трех Прибалтийских стран, чтобы лишь восстановить общий объем промышленного производства 1913 г.[2] Производительность труда рабочего в Прибалтике была в несколько раз ниже, чем в основных капиталистических странах. Безработица оставалась значительной даже в годы частичной стабилизации капитализма.

Буржуазия широко использовала угрозу безработицы для наступления на жизненный уровень и права трудящихся: увеличивала норму выработки, замораживала или снижала заработную плату, урезывала законы о социальном страховании и т. п. С другой стороны, правящие круги, опасаясь взрыва социального недовольства, всячески поддерживали массовую эмиграцию, дававшую им известную возможность влиять на уровень безработицы, а заодно и избавляться от революционно настроенных трудящихся. Только из Литвы за годы господства в ней буржуазии эмигрировало около 100 тыс. человек[3].

Переориентация экономики Прибалтики на рынки Запада отразилась и на структуре населения. Бывшие ранее больше промышленными, чем земледельческими, Латвия и Эстония снова превратились в аграрные страны. Подавляющая масса населения (около 70% в Латвии и Эстонии и около 80% в Литве) была занята в сельском хозяйстве. Наиболее многочисленным классом была мелкая буржуазия — крестьяне-середняки, ремесленники, мелкие торговцы[4].

Несмотря на тяжелые потери, рабочий класс по-прежнему внушал страх местной буржуазии. Пролетариат имел богатый опыт классовых битв, накопленный им совместно с рабочими всей России в ходе трех революций и борьбы за Советскую власть в 1917—1919 гг. Политике буржуазии, делавшей ставку на разжигание частнособст-

[1] См. «Германия и Прибалтика. V Межведомственный сборник научных трудов». Рига, 1978; *А. Варславан.* Английский капитал в буржуазной Латвии. 1920—1929. Рига, 1972; *В. Сиполс.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919—1940 гг. Рига, 1968; *О. Сеппре.* Зависимость буржуазной Эстонии от империалистических стран. Таллин, 1960, и др.

[2] См. «История Латвийской ССР». Рига, 1971, стр. 538.

[3] См. «Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти». М., 1978, стр. 78; «Lietuvos TSR istorija», т. 3. «Nuo 1917 iki 1940 metų». Vilnius, 1965, p. 143.

[4] См. *Ю. Кирш.* Положение и борьба крестьянства в Прибалтике. М., 1933, стр. 4; «Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии», стр. 64—65.

веннических инстинктов и национальный розни, авангард рабочего класса противопоставлял марксистско-ленинские идеи социального освобождения трудящихся и самоопределения наций. Продолжали действовать загнанные в подполье коммунистические партии. В сознании широких народных масс были живы воспоминания о преобразованиях, осуществленных Советской властью в Прибалтике в 1917—1919 гг. Сам факт непосредственной близости первого в мире государства рабочих и крестьян накладывал определенный отпечаток на характер классовой борьбы в Латвии, Литве и Эстонии — вдохновлял угнетенных, усиливал страх местной буржуазии, постоянно опасавшейся, что народные массы последуют примеру трудящихся СССР.

Огромная армия сельскохозяйственного пролетариата, насчитывавшего в Эстонии 150 тыс., в Латвии 300 тыс., в Литве около 200 тыс. человек[1], также имела большой опыт классовой борьбы.

Стремясь ослабить социальную напряженность в деревне, правящие классы под давлением народных масс решились на проведение аграрных реформ, которое, однако, растянулось на целое десятилетие. Был осуществлен раздел крупных помещичьих имений, установлены предельные нормы неотчуждаемой земли, наделена землей значительная часть безземельных крестьян.

На какое-то время буржуазии удалось сбить остроту социальных конфликтов в деревне. Однако уже в ходе реформы стал выявляться ее ограниченный характер. Землю предоставляли прежде всего офицерам и солдатам буржуазных армий, руководителям националистических организаций, участникам антисоветской войны и лишь в последнюю очередь — сельским беднякам и батрачеству. Лишь немногим новопоселенцам удалось укрепить свое положение и выбиться в середняки. Основная же масса получивших землю пополнила ряды полупролетариев или вовсе лишилась своих хозяйств, снова став объектом жестокой эксплуатации[2]. Иллюзии, которые питала часть малоземельных крестьян и батраков в начале реформы, окончательно развеялись, уступив место разочарованию и глубокой ненависти к буржуазии.

Политика социального маневрирования и националистической демагогии в известной мере помогала буржуазии удерживать власть, но не могла устранить классовую борьбу, приобретавшую характер острых политических столкновений. Частая смена правительств свидетельствовала о слабости социальной и экономической базы буржуазии, о неустойчивости ее политической власти. В этих условиях в среде господствующего класса довольно рано проявились автори-

[1] См. *Ю. Кирш.* Указ. соч., стр. 5.

[2] См. «40 лет Прибалтийским республикам Союза ССР. Тезисы докладов и сообщений всесоюзной научной конференции, посвященной революциям 1940 г. и восстановлению Советской власти в Прибалтийских республиках Союза ССР (1—2 июля 1980 г.)». Вильнюс, 1980, стр. 20.

тарные тенденции. В 1926 г. в Литве была установлена диктатура фашистского типа. В Эстонии и Латвии сохранялись буржуазно-демократические режимы, однако рабочему классу и всем демократическим силам приходилось вести упорную борьбу против подрывных действий реакционных кругов. С наступлением мирового экономического кризиса правящие круги Эстонии и Латвии также обратились к фашизму как к последнему средству сохранения буржуазного господства. 12 марта 1934 г. был осуществлен фашистский переворот в Эстонии. В ночь с 15 на 16 мая 1934 г. был ликвидирован парламентарный режим в Латвии.

Фашистские режимы в Эстонии, Литве и Латвии провозгласили своей главной целью «оздоровление народнохозяйственной жизни» путем вмешательства государства во все отрасли экономики. На самом же деле «оздоровление» означало не что иное, как наступление реакции в области внутренней политики, усиление монополистического капитала в экономике страны и открытое подавление революционного движения масс.

Фашистские диктатуры в Прибалтике, опиравшиеся на верхушку городской и сельской буржуазии, не смогли создать себе необходимую социальную базу не только в городе, но и в деревне, где была сосредоточена основная масса трудящихся. Наиболее ярко это проявилось в Литве, где к середине 30-х гг. резко обострились классовые противоречия в деревне. Начавшись как экономическое, крестьянское движение в Литве вскоре приобрело характер крупного антиправительственного и антифашистского выступления[1].

Недовольство самых широких кругов общества ликвидацией буржуазно-демократических свобод, усилившееся стремление рабочих и других трудящихся к единству действий в защиту своих политических и социально-экономических прав привели к серьезным сдвигам в расстановке социальных и политических сил в Прибалтийских государствах. Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии, активно участвовавшие в подготовке и проведении в жизнь решений VII конгресса Коминтерна, добились значительных успехов в борьбе за единый рабочий и антифашистский Народный фронт[2].

Осенью 1934 г. в Латвии между коммунистической и социалистической рабоче-крестьянской партиями было подписано соглашение о едином рабочем фронте и совместной борьбе против фашизма. На многих предприятиях были созданы комитеты единства, деятельность которых координировалась Центральным комитетом, областными и районными комитетами единства действий. Аналогичные ко-

[1] См. *С. Атамукас.* Компартия Литвы в борьбе за Советскую власть (1935—1940 гг.). М., 1961, стр. 104—119.

[2] См. *А. К. Панксеев, А. Б. Либман.* Г. Димитров и некоторые вопросы революционного движения в Прибалтике.— В кн.: «Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец». М., 1974.

митеты появились в профсоюзах, а также для руководства борьбой сельскохозяйственного пролетариата. Летом 1936 г. произошло объединение Коммунистического и Социалистического союзов молодежи в единый Союз трудовой молодежи Латвии. Объединение сил рабочего класса, других трудящихся способствовало росту забастовочной борьбы. Забастовки все чаще приобретали наступательный, политический характер[1].

Несмотря на сопротивление правого руководства социал-демократической партии, в Литве в конце 1935 г. были созданы комитеты единого рабочего фронта из коммунистов, социал-демократов и членов христианских рабочих организаций в ряде отраслей промышленности. В мае — июле 1936 г. оживилось забастовочное движение. Всего в 1936 г. в экономических и политических забастовках в Литве участвовало 24 тыс. рабочих[2].

В январе 1937 г. была опубликована платформа антифашистского Народного фронта Литвы, одобренная компартией, комсомолом, а также левобуржуазными деятелями и народниками, молодежной организацией народников и социалистов и антифашистскими группами беспартийных интеллигентов. 23 марта 1939 г. ЦК КП Литвы призвал народ создать широкий фронт, способный мобилизовать патриотические силы нации для осуществления демократических преобразований в стране.

Многие забастовки рабочих Эстонии проходили под лозунгом единого фронта; в их организации и руководстве совместно участвовали коммунисты, левые социалисты, беспартийные активисты. В июле 1935 г. коммунисты и представители левого крыла из бывшей Эстонской социалистической рабочей партии подписали соглашение о единстве действий. Налаживание единства действий партийных и профсоюзных организаций рабочего класса благотворно сказалось на стачечной борьбе. В 1935 г. произошло 25 выступлений трудящихся за повышение заработной платы; в них участвовало 10 тыс. рабочих Эстонии[3].

В октябре 1935 г. в Москве состоялся пленум ЦК КП Эстонии, обсудивший проблемы создания антифашистского народного фронта. Как отмечалось в решении пленума, ядро народного фронта должны составлять коммунистическая партия и левые социалисты, но в него необходимо вовлекать и другие рабочие организации, а также объединение новопоселенцев, национальный центр и организации русского

[1] См. «Очерки истории Коммунистической партии Латвии», ч. 2. Рига, 1966, стр. 389—392; *А. А. Дризул.* Латвия под игом фашизма. Рига, 1960, стр. 176—185; *его же.* Очерки истории рабочего движения в Латвии (1920—1940 гг.). М., 1959, стр. 135—150.

[2] См. «Коммунист» (Вильнюс), 1977, № 1, стр. 98.

[3] Центральный государственный архив Октябрьской революции ЭССР, ф. 994, оп. 1, д. 23, л. 68—69.

национального меньшинства[1]. Пленум призвал бороться за новый аграрный закон, по которому десятки тысяч бедняков и батраков были бы обеспечены землей за счет раздела крупных земельных владений, а также из государственного земельного резерва.

В 1936—1937 гг. значительно укрепилось сотрудничество коммунистов Таллина с левыми социалистами и левым крылом культурного общества «Лихт» («Свет»), объединявшего прогрессивных еврейских рабочих и интеллигентов.

В целом фашистские режимы Прибалтийских стран обеспечили продление своего господства за счет значительного исчерпания морально-политических ресурсов буржуазии. С началом второй мировой войны стало особенно очевидным, что ориентация правящих кругов Прибалтийских стран на фашистскую Германию угрожает самому существованию этих государств и ведет к порабощению прибалтийских народов агрессорами. Революционная борьба рабочего класса все больше сливалась с общенациональным протестом против этой самоубийственной политики, содействуя вызреванию революционной ситуации. Правящие круги испытывали возраставшее давление трудящихся в пользу сближения с Советским Союзом. Следует отметить, что и патриотическая часть буржуазии на примере быстрого поражения и фашистской оккупации Польши наглядно убеждалась, что страны Прибалтики одни не в состоянии отстоять свою свободу и независимость перед опасностью фашистской агрессии.

В сложившейся обстановке правительства Эстонии, Латвии и Литвы вынуждены были принять предложения Советского Союза и заключить осенью 1939 г. пакты о взаимопомощи, по которым договаривающиеся страны обязались оказывать друг другу всевозможную, в том числе и военную, помощь. В целях реального обеспечения помощи Прибалтийским странам СССР получил право разместить на их территории определенные контингенты войск.

Подписание пактов не положило конец антинациональным действиям реакционных кругов Литвы, Латвии и Эстонии. Создавалась опасность втягивания гитлеровской Германией Прибалтийских стран в войну против Советского Союза и порабощения прибалтийских народов гитлеровскими захватчиками. Вместе с тем подписание пактов о взаимопомощи придало новые силы общенародной борьбе против антинациональных и антисоветских замыслов реакции, содействовало дальнейшему сужению социальной базы правящих фашистских клик, ускорило процесс их политической изоляции. Так, 9 октября 1939 г. общегородское собрание рабочих старост и представителей профсоюзов Таллина от имени эстонских трудящихся решительно высказалось за то, «чтобы в духе пакта о взаимопомощи, заключенного между Эстонией и Советским Союзом, в будущем происходило

[1] См. «Очерки истории Коммунистической партии Эстонии», ч. 2. Таллин, 1963, стр. 317.

еще большее сближение трудящихся обеих стран»[1]. В том же месяце на выборах в городские управы в Таллине, Тарту, Нарве и других городах одержали победу представители легальной оппозиции. То же самое произошло на дополнительных выборах в Государственную думу в октябре 1939 г. и в январе 1940 г.[2] К весне 1940 г. политическая обстановка в Эстонии крайне обострилась. Буржуазные деятели вынуждены были с парламентской трибуны признать, что ощущается «скрытая враждебность людей ко всему, что связано с государственной властью и управлением»[3].

Аналогичная ситуация складывалась в Латвии и Литве. Широкие массы осознавали необходимость радикальных перемен, проявляли готовность к решительным, революционным действиям.

1 Мая 1940 г., несмотря на усиленную полицейскую охрану, во многих районах Риги были вывешены красные флаги, распространялись листовки, призывавшие к свержению фашистского режима. В крупных городах Латвии состоялись забастовки и митинги рабочих. Характеризуя настроение рабочих весной 1940 г., латвийская охранка отмечала, что «среди них царит большое недовольство и они открыто стали презирать существующий государственный строй Латвии», симпатизируют СССР и уверены в неизбежности скорой революции. В это же время американский посланник в Риге писал своему правительству о резко возросшей в Латвии антиправительственной деятельности левых сил[4]. Весной и в начале июня 1940 г. в Каунасе, Вильнюсе, Паневежисе и других местах проходили забастовки рабочих, в ходе которых все чаще выдвигались требования отставки правительства.

В то время как народные массы все решительнее выражали свое нежелание жить по-старому, в правящих верхах все явственнее обнаруживались кризисные явления: внутренние распри, растерянность и смятение, лихорадочные поиски средств к спасению своего господства. В Латвии и Литве некоторые фракции буржуазии намеревались провести весной 1940 г. дворцовые перевороты, надеясь таким образом разрядить революционную ситуацию. В Эстонии, где сохранились известные возможности для легальной оппозиции, правящие круги еще осенью 1939 г. пошли на замену наиболее одиозных деятелей диктаторского режима политиками, демагогически обещавшими проведение реформ.

К лету 1940 г. разрыв между широчайшими народными массами и фашистскими правителями принял характер *общенационального*

[1] Цит. по: *О. Куули.* Революционное лето 1940 г. в Эстонии. Таллин, 1979, стр. 9.
[2] См. там же, стр. 11—12.
[3] «Riigivolikogu stenograafilised aruanded, I koosseis, V ja VI istungjark. 1939/1940». Tallinn, 1940, lk. 939.
[4] «Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии», стр. 276.

кризиса. В этих условиях единственной сплоченной и организованной силой, предложившей позитивное решение назревших коренных проблем, были коммунистические партии. В документах, принятых ими в конце 1939 и первой половине 1940 г., содержались четкие и ясные программы национального и социального спасения своих стран. Коммунисты разъясняли массам, что выход из создавшегося катастрофического положения следует искать не в возврате к буржуазно-демократическим порядкам, а в установлении республики народной демократии.

Компартии разоблачали клевету, будто сложившаяся обстановка тормозит введение демократических свобод, убедительно доказывая, что именно пакт с Советским Союзом и его честное осуществление могут способствовать демократизации общественной жизни в Прибалтике. Мужественно преодолевая разгул фашистской реакции, коммунисты возглавили борьбу рабочего класса, других трудящихся за их экономические и политические права, за радикальные преобразования всего общества.

Поскольку правящие круги Литвы, Латвии и Эстонии нарушали договоры о взаимопомощи с СССР, Советское правительство в июне 1940 г. поставило вопрос об удалении из правительств этих стран лиц, препятствовавших добросовестному проведению в жизнь договоров, и об увеличении численности советских гарнизонов в Прибалтийских странах[1]. Предложения СССР были приняты.

В Литве прибывшие 15 июня дополнительные части советских войск были восторженно встречены населением. Десятки тысяч трудящихся Каунаса и других городов вышли на демонстрации, приветствуя воинов как своих защитников и искренних друзей[2]. Диктатор Сметона и его приспешники бежали в Германию. На следующий день по призыву коммунистов начались массовые митинги и демонстрации, участники которых решительно потребовали положить конец антинародной деятельности реакционных сил, прекратить антисоветские провокации, отменить запрет на деятельность коммунистической партии и профсоюзов, создать новое правительство, которое бы защищало интересы народа. В Каунасе демонстранты потребовали немедленного освобождения из заключения антифашистов. В Паневежисе они штурмом взяли тюрьму и освободили политзаключенных.

Действия трудящихся парализовали деятельность буржуазного государственного аппарата. Правящий класс не мог прибегнуть к насилию. Армия перешла на сторону народа, а присутствие советских войск исключало возможность иностранной интервенции. В этих условиях при непосредственном участии ЦК КП Литвы было

[1] См. «История внешней политики СССР», ч. I. М., 1980, стр. 397.
[2] См. «Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии», стр. 278.

сформировано Народное правительство, в состав которого вошли видные общественные деятели во главе с Ю. Палецкисом[1].

В Латвии встреча советских воинских частей вылилась в массовое проявление народом дружеских чувств к СССР и ненависти к фашистскому режиму Ульманиса. В телеграмме английского посланника в Лондон от 18 июня 1940 г. отмечалось, что «значительная часть населения встретила советские войска приветственными возгласами и цветами»[2]. Власти бросили против безоружных демонстрантов конную полицию и воинские подразделения. Рига была объявлена на осадном положении. Однако, несмотря на репрессии и аресты, революционный подъем охватил и другие города Латвии. В Лиепае демонстранты заняли важнейшие учреждения города. Власть де-факто перешла в руки трудящихся, руководимых городским комитетом КП Латвии. Решительные действия народных масс предопределили падение буржуазного правительства К. Ульманиса. 20 июня было сформировано народное правительство во главе с А. Кирхенштейном. В стране проходили мощные политические демонстрации и митинги, в которых ярко проявилась революционная активность и воля народных масс[3]. По требованию народа из тюрем были выпущены политические узники. Революционное движение распространилось на крестьян, охватило армию. С каждым днем все более широкие массы включались в борьбу за создание нового строя[4].

В Эстонии советская нота от 16 июня 1940 г. явилась последним толчком, который привел к открытому взрыву негодования народных масс против предательской, антинародной политики фашиствующей буржуазии. 17 июня и в последующие дни проходили массовые манифестации трудящихся, требовавших создания нового правительства, которое будет четко выполнять пакт о взаимопомощи с СССР и проведет демократические преобразования во всех сферах общественной жизни[5].

Правящие круги пытались отстранить народные массы от участия в решении судеб страны, всячески затягивали формирование нового правительства. Тогда по призыву коммунистов трудящиеся провели 21 июня во всех важнейших центрах Эстонии забастовки и демонстрации. По сигналу заводских гудков и сирен десятки тысяч рабочих в Таллине, Тарту, Нарве, Кохтла-Ярве, Пярну и других городах оставили работу и вышли на улицы. К колоннам рабочих, шедших под старыми боевыми знаменами революций 1905 и 1917 гг., присоединялись все новые и новые массы трудящихся.

[1] См. *В. О. Миллер.* Победа Советской власти в Прибалтике в 1940 г. Рига, 1964, стр. 1—8.
[2] «Public Record Office», F. O. 419/34, p. 272.
[3] См. *А. А. Дризул.* Очерки истории рабочего движения в Латвии, стр. 158—159.
[4] См. там же, стр. 159—160.
[5] См. «Под знаменем Октября (Трудящиеся Эстонии в борьбе за Советскую власть 1917—1940 гг.)». М., 1959, стр. 190.

Требование рабочих о свержении фашистского правительства превратилось в требование всего трудового народа. «Долой правительство провокаторов войны!», «Требуем создать правительство, которое будет честно выполнять пакт о взаимопомощи с СССР!», «Работы, хлеба, свободы!» — таковы были основные лозунги масс. В Таллине рабочие захватили полицейские участки и склады с оружием, заняли дворец правительства. Началось формирование первых отрядов Народной самозащиты. Эстонский пролетариат в союзе с трудовым крестьянством, со всеми демократическими силами общества изолировал фашистскую верхушку буржуазии, которая, не имея возможности прибегнуть к контрреволюционной помощи извне, была вынуждена, как это произошло уже в Литве и Латвии, уступить политическую власть без вооруженного сопротивления. Вечером 21 июня президент К. Пятс объявил о создании нового правительства во главе с известным общественным деятелем И. Варес-Барбарусом.

Создание народных правительств открыло путь к постепенной *ликвидации органов диктатуры буржуазии, к революционным преобразованиям* во всех сферах общественной жизни. В декларациях, опубликованных новыми правительствами Литвы (17 июня 1940 г.), Латвии (20 июня) и Эстонии (22 июня), были определены главные направления этих преобразований — обеспечение власти, прав и свобод народных масс, улучшение их материального благосостояния и повышение культурного уровня, создание на основе подлинно демократических выборов органов народной государственной власти, роспуск и ликвидация всех реакционных организаций, развитие добрососедских отношений с Советским Союзом.

В основу деклараций были положены предложения коммунистических партий, которые неустанно заботились о том, чтобы деятельность новых правительств наиболее полно отражала волю народных масс. В первые же дни революций коммунисты Литвы, Латвии и Эстонии вручили народным правительствам наказы, принятые в ходе массовых манифестаций. В них содержались требования ввести контроль над банками и производством, демократизировать армию, создать рабочую милицию, конфисковать крупные земельные владения и передать их безземельным крестьянам, ликвидировать безработицу и т. д.[1]

Революционная активность масс, создание народных правительств и их первые шаги по выполнению провозглашенных программ обеспечили быстрый переход власти в центре и на местах в руки трудящихся. Уже в июне 1940 г. рабочий класс, ведущая сила революции, стал полновластным хозяином положения.

Опираясь на революционную решимость и активную поддержку масс, народные правительства, выполнявшие функции диктатуры про-

[1] См. «Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии», стр. 321—322.

летариата, без промедления проводили в жизнь рекомендации Компартий Литвы, Латвии и Эстонии, осуществляли мероприятия в политической, экономической, социальной, культурной и других областях. Исключительно важное значение для развития и углубления социалистической революции имели принятые народными правительствами законы об амнистии политических заключенных и легализации коммунистических партий, выход из подполья старых и создание новых профсоюзных, молодежных и других организаций трудящихся.

Сразу же после своего избрания народные правительства приступили к слому фашистской военно-государственной машины, к реорганизации и демократизации отдельных частей государственного аппарата. Из армии, полиции, министерств и других государственных учреждений были удалены наиболее реакционные элементы; их место заняли участники антифашистского и революционного движения — коммунисты, беспартийные демократические деятели, профсоюзные активисты. Постепенно ключевые посты во всех звеньях государственного аппарата перешли в руки коммунистов, передовых рабочих и крестьян, представителей прогрессивной интеллигенции[1].

В Литве и Эстонии были распущены существовавшие в годы фашизма парламенты. Крупным событием в политической жизни стало упразднение палат и камер, созданных по образцу итальянских фашистских корпораций. Та же участь постигла фашистские партии и военизированные организации. Большую роль в демократизации армии Литвы, Латвии и Эстонии сыграли принятые народными правительствами законы о введении в воинских частях института политических руководителей. По требованию трудящихся правительства приступили к коренной реорганизации полиции и замене ее народной милицией.

Чрезвычайно важное значение имели преобразования в экономической области. Для осуществления контроля за деятельностью администрации частных предприятий и учреждений назначались государственные уполномоченные. Государственный контроль над деятельностью частного капитала подготовил условия для национализации основных средств производства и банков.

Ряд важнейших акций был предпринят самими революционными массами, действовавшими под руководством коммунистов, и позднее получил законодательное оформление. К их числу относятся освобождение во всех республиках политзаключенных, создание рабочими Эстонии «Народной самозащиты», обеспечивавшей революционный порядок, и т. д. Творчество масс породило такие формы организации, как группы беспартийных активистов или сочувствующих. Эти группы, деятельность которых направлялась партийными органами

[1] См. «Очерки развития государственности Советских Прибалтийских республик (1940—1965 гг.)». Таллин, 1965, стр. 15.

или отдельными коммунистами, являлись фактическими проводниками политики партии там, где еще не было первичных партийных организаций.

Инициатива масс проявлялась и в создании новых органов власти на местах. В некоторых городах и волостях Латвии с первых дней революции и до конца июля действовали различные комитеты — распорядительные, революционные, рабочих депутатов [1]. В Вентспилсе, например, избранный на собрании рабочих распорядительный комитет осуществлял всю полноту власти в городе.

Большую помощь в установлении государственного контроля над частным капиталом оказали рабочие комитеты. Они создавались на предприятиях из представителей рабочих и служащих. Хотя прямой рабочий контроль существовал непродолжительное время, он имел существенное значение для обеспечения бесперебойной работы, сохранения оборудования и сырья, вовлечения трудящихся в активную политическую жизнь, подготавливал почву для обобществления средств производства [2].

Заметную роль в демократизации буржуазных армий Литвы, Латвии и Эстонии, в превращении их в народные армии сыграли солдатские массы. Активно действовали стихийно созданные в начале июля во многих воинских частях эстонской армии комитеты военнослужащих.

Выражением огромного политического подъема широчайших народных масс, их стремления к дальнейшему развитию революции явились выборы 14—15 июля 1940 г. в высшие представительные органы — Народные сеймы Литвы и Латвии и Государственную думу Эстонии. Буржуазия, за которой были сохранены избирательные права, потерпела полное поражение. За кандидатов избирательных блоков, руководимых коммунистическими партиями, проголосовало абсолютное большинство — свыше 90% всех участвовавших в выборах [3].

Победа кандидатов трудового народа убедительно свидетельствовала о радикальных переменах, происшедших менее чем за один месяц деятельности народных правительств. Рабочий класс и его революционный авангард заняли прочные руководящие позиции во всех сферах общественной жизни, значительно укрепился союз рабочего класса и трудового крестьянства. Сложились необходимые условия для восстановления Советской власти в Прибалтике и перехода к строительству социализма.

[1] См. *Э. А. Жагар.* Восстановление Советской власти в Латвии в 1940 г.— «Известия АН Латвийской ССР», 1970, № 8, стр. 11—12.

[2] См. «Общие закономерности Великого Октября и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Тезисы докладов и выступлений», вып. 2. М., 1976, стр. 42.

[3] См. «Очерки развития государственности Советских Прибалтийских республик», стр. 22.

Еще в период подготовки выборов избиратели в наказах своим кандидатам требовали, чтобы они поставили и положительно решили вопрос о восстановлении Советской власти в Литве, Латвии и Эстонии и обеспечили их воссоединение с братскими народами Советского Союза, приняли законы о национализации земли, банков, крупных торговых и промышленных предприятий.

На первых заседаниях Народных сеймов Литвы и Латвии и Государственной думы Эстонии 21—23 июля 1940 г. были приняты законодательные акты, в которых провозглашалась Советская власть в Прибалтике, были избраны полномочные комиссии для передачи Верховному Совету СССР деклараций о вхождении Прибалтийских республик в состав СССР. В начале августа 1940 г. Литва, Латвия и Эстония были приняты в состав Советского Союза.

События 21—23 июля 1940 г. завершили период установления в Прибалтике диктатуры пролетариата. Декларации высших органов государственной власти Литвы, Латвии и Эстонии о национализации банков, крупной промышленности и земли положили начало созданию социалистической экономики.

В конституциях, принятых советскими республиками Прибалтики в августе 1940 г., устанавливалось, что хозяйственная жизнь определяется и направляется государственными народнохозяйственными планами. Решение этой задачи обеспечивалось прежде всего тем, что основные средства производства — земля, ее недра, воды, леса, крупные заводы и фабрики, банки, транспорт и т. д.— стали к этому времени собственностью государства, возглавляемого рабочим классом. Кроме того, войдя в состав СССР, Литва, Латвия и Эстония могли опереться на всестороннюю помощь других советских республик, где уже победил социализм, шире использовать опыт Октября и революционных преобразований первого в мире социалистического государства. Благодаря этому переход к социализму в Прибалтике совершался быстрее, чем это было в свое время в Российской Федерации или на Украине. Уже к марту 1941 г. в Эстонии государственный сектор давал 99% всей промышленной продукции республики, в июне 1941 г. в Латвии — 93, в Литве — более 75% [1].

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии стали постепенно подготавливать условия для социалистического преобразования деревни, разъясняя крестьянам, что создание коллективных хозяйств может происходить только на добровольной основе. Движение за создание колхозов в Прибалтике зародилось по инициативе самих трудящихся крестьян, которые все больше убеждались, что политика Советской власти полностью соответствует их интересам.

Революции 1940 г. в Прибалтике явились знаменательной вехой в истории международного рабочего движения. Они продолжили на-

[1] См. *В. О. Миллер.* Указ. соч., стр. 97.

чатый российским пролетариатом процесс революционного обновления мира, стали первыми социалистическими революциями после Великой Октябрьской революции в России. Еще одно звено отпало от мировой капиталистической системы, новые народы вступили на путь строительства социализма.

Революционные события 1940 г. в Прибалтике подтвердили общие принципиальные положения ленинской теории социалистической революции. Здесь, как и в Октябре 1917 г., революции выросли из общенационального кризиса, затронувшего и эксплуатируемых («низы»), и эксплуататоров («верхи»).

Коммунистические партии Литвы, Латвии и Эстонии сумели на основе антифашистского Народного фронта объединить в один широкий поток классовую борьбу городского и сельского пролетариата, выступления трудового крестьянства, демократической интеллигенции, антифашистски настроенных кругов городской мелкой буржуазии. В условиях начавшейся второй мировой войны взгляды этих различных классов и социальных слоев совпадали в главном — в осознании необходимости свергнуть фашистские диктатуры и укрепить безопасность в этом регионе.

Характерной чертой этих широких объединений было то, что они строились под непосредственным руководством коммунистов на основе активных действий прежде всего рядовых участников борьбы. Коммунисты были в них фактически единственной хорошо организованной и идейно сплоченной силой. Социал-демократические и буржуазно-либеральные партии после фашистских переворотов перестали существовать. Рабочий класс с самого начала выступил не только как ведущая сила, но и как гегемон социалистической революции. Господствующее, а во многих случаях и безраздельное влияние на рабочий класс оказывали коммунисты. Лишь в Латвии в первые недели социалистической революции кроме Коммунистической партии действовала левая Социалистическая рабоче-крестьянская партия, которая затем приняла решение о самороспуске и рекомендовала своим членам вступить в КПЛ.

В годы Великой Отечественной войны трудящиеся Советской Прибалтики в единой семье советских народов героически сражались против немецко-фашистских захватчиков, отстаивая свободу и независимость своей Родины.

К СОЦИАЛИЗМУ, МИНУЯ КАПИТАЛИЗМ

Монгольская Народная Республика (МНР) была первым после Советского Союза государством, объявившим социализм своей целью. В 1924 г. III съезд Монгольской народно-революционной партии (МНРП) принял решение о развитии страны к социализму, минуя капитализм. В том же году был созван первый Великий народный ху-

рал, провозгласивший Монголию народной республикой и принявший первую конституцию. Конституция определила государственное устройство МНР, закрепив новый, народно-демократический тип государства с центральными и местными органами народной власти в форме народных хуралов. В функции хуралов народных представителей входило всемерное укрепление союза аратов с трудящимися Советского государства, обеспечение национальной независимости и достижение экономической самостоятельности, привлечение широких народных масс к созданию экономических основ некапиталистического развития — государственной и кооперативной промышленности, формирование национального рабочего класса, создание новой культуры и т. д.

IV съезд МНРП (1925 г.) принял Программу, определявшую основные направления общественного развития. До 1940 г. в МНР проводились глубокие антиимпериалистические и антифеодальные преобразования с целью ликвидации остатков феодализма, иностранного гнета и пережитков старой идеологии и подготовки условий для перехода к социалистическому строительству.

Под руководством МНРП монгольский народ успешно осуществил антиимпериалистические задачи, в стране была установлена монополия внешней торговли, полностью вытеснены из экономики страны многочисленные капиталистические фирмы, завершены антифеодальные преобразования.

На характер экономического строительства оказывали воздействие следующие факторы.

Во-первых, промышленность МНР создавалась в условиях перехода от феодализма к социализму, минуя капитализм, сразу как социалистическая отрасль народного хозяйства. Во-вторых, промышленное строительство в стране началось при отсутствии национального рабочего класса. В-третьих, благодаря помощи Советского Союза МНР получила и реализовала возможность развивать прежде всего рентабельные в ее условиях отрасли промышленности. При низких темпах накопления в стране фактор внешней помощи сыграл решающую роль.

В 1925 г. в Монголии было завершено строительство ряда заводов по переработке животноводческого сырья, оборудование для которых поставил СССР. В 1931 г. с помощью Советского Союза в МНР началось строительство первого крупного промышленного предприятия — Промышленного комбината в Улан-Баторе[1]. Комбинат стал базой организации крупных предприятий и становления промышленности как самостоятельной отрасли.

Развивалась и промысловая кооперация. В 1933 г. был создан

[1] См. *Г. С. Матвеева*. Создание материально-технической базы социализма в МНР. М., 1978, стр. 46.

Союз кустарно-промысловой кооперации, объединявший в 1934 г. 33 артели, а в 1940 г.— 151 артель[1].

Промышленность стала экономической базой формирования национального рабочего класса. Своеобразие этого процесса состояло в том, что рабочий класс Монголии «формировался не в условиях капитализма, а на базе молодой отечественной промышленности с социалистическими производственными отношениями»[2]. К 1940 г. в стране насчитывалось 33 тыс. рабочих и служащих, занятых в промышленности[3]. Большое значение в формировании национальных кадров имела деятельность советских специалистов, передававших монгольским рабочим свой опыт.

Важную роль в воспитании рабочего класса играли профессиональные союзы, первый съезд которых состоялся в 1927 г. К 1 июня 1928 г. в профсоюзах насчитывалось 5528 членов[4].

Профсоюзы принимали активное участие в строительстве народно-демократического государства, вели большую политико-просветительную и культурно-воспитательную работу, направленную на выработку классового самосознания рабочих и постепенное превращение их в главную силу общества, идущего к социализму.

В процессе формирования национального рабочего класса возникали и трудности. Рабочий класс не был потомственным, основным источником его формирования длительное время оставались батрацко-середняцкие слои аратства, далеко не сразу и с трудом утрачивавшие привязанность к своему единоличному хозяйству. Борьба против религиозных воззрений, порождавших пассивность, индивидуализм, неорганизованность, против мелкобуржуазных взглядов была важнейшей политической задачей Монгольской народно-революционной партии.

Экономической основой зарождения рабочего класса МНР была социалистическая промышленность. Это означало, что перед рабочим классом не стояла задача уничтожения эксплуататорского строя, он формировался как класс, свободный от эксплуатации. Всю свою силу и энергию он направлял на социалистическое переустройство общества мирным путем, на овладение социалистической идеологией, на борьбу за аратство как основного союзника в строительстве социализма.

Рабочий класс МНР сформировался и окреп, имея перед собой

[1] См. *Д. Загасбалдан.* Проблемы социалистической индустриализации Монгольской Народной Республики. М., 1973, стр. 41.
[2] *Ю. Цеденбал.* От феодализма — к социализму. Чему учит опыт некапиталистического развития Монголии.— «Проблемы мира и социализма», 1961, № 3, стр. 14.
[3] «Народное хозяйство МНР в 1962 г. Статистический сборник». Улан-Батор, 1963, стр. 48.
[4] См. *Б. Тудэв.* Формирование рабочего класса МНР. М., 1968, стр. 65.

пример советских рабочих, опыт которых в огромной степени способствовал становлению монгольского рабочего класса как авангарда трудящихся в социалистическом переустройстве общества. По примеру советских рабочих монгольские рабочие выступили инициаторами соревнования, развернули движение за обучение непосредственно на рабочих местах. В трудные для МНР дни событий 1939 г. на Халхин-Голе монгольские рабочие с оружием в руках защищали свободу и независимость своей родины.

Создание рабочего класса и рост удельного веса рабочих в партии имели решающее значение для укрепления МНРП. Рабочая прослойка постепенно стала ее ядром, опорой в борьбе против неустойчивых элементов, не способных противостоять давлению мелкобуржуазной стихии, главной силой в формировании марксистско-ленинского мировоззрения как у членов МНРП, так и у широких трудящихся масс.

Общедемократический этап развития Монголии завершился к началу 40-х гг. утверждением суверенного, независимого и экономически самостоятельного народно-демократического государства, ликвидацией экономических основ феодализма, зарождением социалистического сектора в народном хозяйстве. Одним из наиболее существенных результатов общедемократического этапа развития было создание отечественной промышленности и рабочего класса. Рабочий класс занял достойное место в государственном и партийном аппаратах, в составе народных хуралов, в массовых общественных организациях, через которые он стал осуществлять руководство монгольским обществом. В результате укрепления союза между рабочим классом и аратством монгольское народно-демократическое государство, представлявшее собой на общедемократическом этапе разновидность революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, стало постепенно перерастать в тип власти, осуществляющей функции диктатуры рабочего класса [1].

X съезд МНРП, состоявшийся в 1940 г., определил в новой Программе партии основные задачи по непосредственному строительству социалистического общества [2]. Для этого, отметил съезд, в стране сложились необходимые предпосылки: ведущие позиции в экономике занимал социалистический уклад, коренным образом изменилась классовая структура общества, которая стала состоять из двух дружественных классов — рабочего класса и трудового аратства, усилилась деятельность МНРП по руководству социалистическим строительством.

[1] См. Программа МНРП.— «XV съезд Монгольской народно-революционной партии». М., 1966, стр. 172.

[2] См. «Документы по истории Монгольской народно-революционной партии», т. 2 (1940—1960). Улан-Батор, 1967, стр. 16—18 (на монг. яз.).

X съезд МНРП признал необходимым принять новую конституцию, в которой законодательно закреплялись бы завоевания, достигнутые монгольскими трудящимися в 1924—1940 гг. Новая Конституция МНР была единогласно принята VIII Великим народным хуралом, состоявшимся в июне 1940 г. «Монгольская Народная Республика,— говорилось в статье 1-й новой Конституции,— есть независимое государство трудящихся (аратов-скотоводов, рабочих и интеллигенции), уничтоживших империалистический и феодальный гнет, обеспечивающих некапиталистический путь развития страны для перехода в дальнейшем к социализму». Тем самым курс на переход к социализму приобрел силу закона.

Монгольские трудящиеся приступили к решению новых исторических задач. «На основе сложных и глубоких антифеодальных, антиимпериалистических и антикапиталистических преобразований,— писал Генеральный секретарь ЦК МНРП Ю. Цеденбал,— к 1940 году в МНР в основном завершился первый этап народной революции и начался период постепенного перерастания демократической революции в социалистическую»[1].

Таким образом, была успешно пройдена первая часть пути по реализации научного предсказания В. И. Ленина о возможности перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию. Накопленный опыт революционных преобразований свидетельствовал о том, что для стран, находящихся на докапиталистической стадии развития, марксизм-ленинизм и политика революционного пролетариата глубоко жизненны, обеспечивают оптимальные решения конкретных проблем этих стран, создают наилучшие условия для общественного прогресса. Главным внутренним фактором, обеспечившим успех развития по некапиталистическому пути, была руководящая роль марксистско-ленинской Монгольской народно-революционной партии, внешним — «классовый союз между победившим пролетариатом и поднявшимся на освободительную борьбу крестьянством» [2] в межгосударственном масштабе.

Пример МНР имеет большое международное значение. Он практически доказал возможность перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, раскрыл преимущества, которые дает отсталой стране ориентация на социализм как историческую перспективу.

Само это обстоятельство стало фактором невиданного мобилизующего воздействия на народные массы колониальных и зависимых стран, борющиеся за национальное освобождение. Если враждебное отношение мирового империализма к национально-освободи-

[1] *Ю. Цеденбал.* Славная 60-я годовщина МНРП.— «Коммунист», 1981, № 4, стр. 94.
[2] Там же, стр. 93.

тельному движению, непоследовательность и колебания местной буржуазии затрудняли для народов многих отсталых стран достижение национального освобождения в рамках капиталистического развития, то опыт Монгольской Народной Республики, открывая новые горизонты национально-освободительной борьбы, многократно умножал их силы, содействуя нарастанию мощного потока, размывавшего устои системы колониального господства империализма.

Часть II

КЛАССОВЫЕ БИТВЫ ПРОЛЕТАРИАТА

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЛИК РАБОЧЕГО КЛАССА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

В новую историческую эпоху происходили важные изменения в социально-политическом облике рабочего класса капиталистических стран[1]. На его развитие оказывали решающее воздействие строительство социализма в Советском Союзе, общие условия классовой борьбы, изменения в организации капиталистической экономики. В 1924—1928 гг. в капиталистических странах наступил период относительной стабилизации, временного спада массовой борьбы. Рабочий класс вел тяжелые бои против наступления капитала и реакции на социальные и демократические завоевания трудящихся. В 1929—1939 гг. рабочему классу капиталистических стран пришлось пережить два экономических кризиса: 1929—1933 гг. и 1937—1938 гг., причем экономический кризис 1929—1933 гг. по своей глубине и масштабам не имел себе равных за всю историю капитализма. Экономические потрясения сопровождались наступлением фашизма и усилением опасности новой мировой войны. В такой обстановке рабочий класс и его авангард — коммунистические партии вынуждены были направлять основные усилия на организацию антифашистского и антивоенного движения.

Рост концентрации производства и капитала, капиталистическая рационализация, усиление государственного вмешательства в экономическую жизнь существенно влияли на структуру и положение рабочего класса.

Интернационализация производительных сил и методов эксплуатации, дальнейшее развитие международного капиталистического разделения труда, насаждение на основе экспорта капитала капиталистических отношений в колониальных и зависимых странах, возросшие миграционные потоки — все это создавало более широкую объективную основу для развития интернациональных связей пролетариата.

РОСТ РЯДОВ РАБОЧЕГО КЛАССА

В 20—30-х гг. в капиталистическом мире продолжала действовать тенденция пролетаризации населения. Если в начале XX в. в промышленно развитых капиталистических странах было 85 млн. наем-

[1] Речь идет о рабочем классе, сосредоточенном в главных центрах капиталистического мира: в Европе, Северной Америке, Японии. Характеристику рабочего класса стран Азии, Африки и Латинской Америки см. в седьмой и восьмой главах данного тома.

ных работников, то к началу второй мировой войны численность армии наемного труда достигла 141,2 млн., или около 65,9% самодеятельного населения[1].

Общее представление об увеличении доли наемных работников в активном населении основных капиталистических стран дает следующая таблица:

Таблица 2

Страна	Год		Страна	Год	
	1920 (%)	1940 (%)		1920 (%)	1940 (%)
США	68,3	77,5	Франция	56,0	59,7
Англия	86,8	89,1	Италия	45,2	51,9
Германия	66,5	68,3	Япония	37,8	46,0

Источник. «Статистика. Самодеятельное население и рабочий класс развитых капиталистических стран». — «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 7, стр. 154.

Как свидетельствуют приведенные данные, в 20—30-х гг. армия наемного труда составляла подавляющее большинство населения развитых капиталистических стран.

Неравномерность развития капитализма обусловила неодинаковые темпы роста армии наемного труда и ее удельный вес в различных странах. Так, в США, Англии, Германии и Франции трудящиеся, работавшие по найму, составляли абсолютное большинство самодеятельного населения. В Италии, Швеции, Бельгии, Японии, Канаде их доля приближалась к половине самодеятельного населения. В Испании, Португалии, в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы доля наемных рабочих также повышалась, хотя и значительно отставала от доли их в наиболее развитых капиталистических странах.

Важные изменения происходили и в структуре армии наемного труда: продолжала сокращаться численность наемных рабочих в сельском хозяйстве и одновременно быстро увеличивалась доля трудящихся, занятых в торговле, сфере услуг, интенсивно возрастала численность служащих.

Однако ядром армии наемного труда по-прежнему был фабрично-заводской пролетариат, составлявший более половины всех лиц, работающих по найму[2].

[1] См. «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 7, стр. 152, 154.
[2] См. там же, стр. 153.

Рост общей численности фабрично-заводского пролетариата происходил неравномерно в различных странах. Например, в Японии численность промышленных рабочих составляла в 1928 г. около 2 млн., а в 1938 г.— более 3 млн. человек[1]. Численность промышленных рабочих в США и Дании увеличилась почти вдвое, в Канаде, Англии, Нидерландах, Швеции, Австрии — в полтора раза. Медленнее росла численность промышленных рабочих в Италии, Испании, Греции, большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Незначительно вырос промышленный пролетариат во Франции, Бельгии, Швейцарии[2].

В рассматриваемый период повысился уровень концентрации промышленного пролетариата. Так, в США с 1914 по 1937 г. доля рабочих в обрабатывающей промышленности на предприятиях, насчитывающих до 50 человек, сократилась с 23,7 до 16,8%, в то время как доля рабочих предприятий, на каждом из которых было занято более 250 человек, увеличилась с 45,6 до 55,5%[3]. В Канаде доля занятых на предприятиях обрабатывающей промышленности (до 50 человек на каждом из них) в 1929 г. составляла 25,2%, в 1944 г.— только 17,4%. За этот же период доля рабочих и служащих, занятых на предприятиях с числом работающих 50 человек и более, увеличилась с 74,8 до 82,6%[4].

Все большая часть промышленных рабочих сосредоточивалась на предприятиях с числом работающих 500 и более человек. В Японии доля занятых на таких предприятиях увеличилась с 1930 по 1939 г. соответственно с 25,5 до 34,4%; в Германии (1925—1939 гг.) — с 35,8 до 43,8%; в Италии (1927—1939 гг.)—с 17,3 до 22,5%; во Франции (1921—1936 гг.) — с 19,2 до 20,7%; в Швеции (1920—1945 гг.) — с 19,7 до 28%[5].

Происходил рост «среднего» размера предприятий, менялось само понятие «крупное предприятие». В начале XX в. крупным предприятием считалось то, на котором работало свыше 50 наемных рабочих[6]. В последующие годы в связи с концентрацией производства и капитала, изменениями отраслевой структуры промышленности и технологии производства размеры «среднего» предприятия значительно возросли. «Средними» стали считаться предприятия, на которых работало от 100 до 300 и выше наемных рабочих, крупными — предприятия, где было занято 500 и более человек.

Однако наряду с крупными заводами и фабриками сохранялось большое количество мелких и мельчайших предприятий. Более того, их абсолютное число в отдельные периоды даже возрастало. Процесс

[1] См. «Рабочий класс Японии». М., 1959, стр. 245—249.
[2] Подсчитано по данным национальных статистик.
[3] «Census of Manufactures», 1947.
[4] Подсчитано по: «Canada Year Book», 1962.
[5] Данные по материалам национальных статистик.
[6] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 310.

капиталистической монополизации имел противоречивые последствия: он способствовал не только разорению мелких предприятий, но и образованию новых предприятий в самых различных сферах экономики. Так, становление монополизированной автомобильной промышленности привело к разорению десятков тысяч предприятий, занятых производством и обслуживанием старых средств транспорта, но автомобильные монополии сами же породили сотни тысяч мелких и мельчайших предприятий по производству отдельных деталей, мастерских по ремонту автомобилей, бензоколонок и т. д.

Концентрация рабочих на отдельных предприятиях и в рамках монополий сочеталась с территориальной концентрацией рабочей силы в крупных промышленных центрах.

Значительные сдвиги происходили и в структуре рабочего класса. Как и в предшествующий период, продолжала сокращаться доля сельскохозяйственных рабочих в общей численности рабочего класса. К концу 30-х гг. удельный вес сельскохозяйственных рабочих в развитых капиталистических странах снизился почти вдвое по сравнению с началом XX в. Иными словами, общая численность рабочего класса росла в основном за счет промышленного пролетариата.

Значительные изменения претерпела отраслевая структура промышленного пролетариата. В рассматриваемый период снижалась доля и численность рабочих, занятых в добывающей, пищевой, текстильной, кожевенно-обувной отраслях промышленности, т. е. в «старых» отраслях, которые наиболее бурно развивались на первых этапах формирования промышленного пролетариата. В то же время быстро рос пролетариат в металлургической, металлообрабатывающей и химической промышленности. Наиболее высокие темпы роста численности рабочих были характерны для машиностроительной, автомобильной, авиационной и электротехнической промышленности.

Так, в США за два десятилетия, предшествовавшие второй мировой войне, численность рабочих добывающей промышленности сократилась примерно на 300 тыс. человек, в то время как в машиностроении их численность увеличилась в полтора раза. За этот же период в Канаде численность металлургов и машиностроителей увеличилась более чем в три раза, в Испании численность металлистов — более чем в два раза [1]. Во Франции к середине 30-х гг. количество рабочих в отраслях тяжелой промышленности достигло уровня численности рабочих в отраслях легкой промышленности, которые еще в начале 20-х гг. численно преобладали в составе французского промышленного пролетариата [2].

Как известно, В. И. Ленин на материалах России показал последовательное становление, общие черты и различия трех главных

[1] Подсчитано по данным национальных статистик.
[2] См. *И. А. Витвер, А. Е. Слука, Г. П. Черников.* Современная Франция. М., 1969, стр. 102.

отрядов рабочего класса в сфере материального производства: пролетариата простой капиталистической кооперации; пролетариата капиталистической мануфактуры; фабрично-заводского пролетариата первой ступени крупного машинного производства (мелкосерийное производство на базе универсального оборудования). Дальнейшее развитие крупного машинного производства привело к появлению поточно-конвейерных линий, что непосредственно сказалось на эволюции фабрично-заводского пролетариата.

Внедрение новых технологических процессов и новая система организации производства существенно повлияли на характер труда, способствовали появлению и развитию нового отряда рабочего класса, занятого обслуживанием поточно-конвейерных линий[1].

Профессионально-квалификационная структура промышленного пролетариата все более усложнялась. Ее верхний слой составляли высококвалифицированные рабочие новых профессий: мастера-надсмотрщики, наладчики конвейерных линий, контролеры. Эта группа играла все возраставшую роль в производстве. К ней примыкали представители «старых» профессий: сталевары, вальцовщики, лекальщики, забойщики, модельеры, машинисты на железных дорогах, типографские рабочие и т. д.

Внедрение новых технологических процессов предъявляло особые требования к техническому и общеобразовательному уровню. От нового слоя высококвалифицированных рабочих требовалось не столько искусство физического ручного труда, сколько более высокий общеобразовательный уровень, организационные навыки, общая техническая грамотность, умение приспособиться к быстро меняющимся условиям производства.

К среднему слою принадлежали квалифицированные рабочие: слесари, котельщики, арматурщики, механики, ремонтные рабочие, электрики и др. Основную же часть квалифицированных рабочих составляли работающие у станков: фрезеровщики, токари, шлифовальщики, ткачи и др.

Наиболее быстро росла численность основной массы пролетариата поточно-конвейерного производства — полуквалифицированных или узкоспециализированных рабочих.

Широкое применение конвейерных систем позволило разделить производственный процесс на довольно простые технологические операции, которые могли выполнять полуквалифицированные рабочие. Так появились и начали быстро распространяться в различных отраслях обрабатывающей промышленности массовые профессии сборщиков. Например, на заводах Форда, где широко применялась конвейерная система, 43% всех работ требовали лишь однодневной

[1] Подробнее см.: *Ю. А. Васильчук.* Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме. М., 1980, стр. 12—13.

подготовки, 36% — от одного до восьми дней и лишь 1% — от года до шести лет[1].

Технология массового потока, основанная на преимущественном использовании ручного обслуживания конвейера на стадии сборки, оказала существенное воздействие на соотношение между квалифицированным и полуквалифицированным трудом. Квалифицированный рабочий-универсал постепенно уступал место полуквалифицированному рабочему.

На нижней ступени профессионально-квалификационной структуры находились чернорабочие: докеры, грузчики, подсобные рабочие и т. д., выполнявшие самые простые операции; их уделом был тяжелый физический труд. Удельный вес этой категории рабочих в общей численности пролетариата падал.

Об изменении профессионально-квалификационной структуры американского промышленного пролетариата дает представление следующая таблица:

Таблица 3

Квалификационные группы рабочих	1920 г. (%)	1940 г. (%)
Высококвалифицированные и квалифицированные	31,0	26,9
Полуквалифицированные	36,0	48,2
Неквалифицированные	33,0	24,8

Источник. Statistical Abstract of the United States. Washington, 1953.

Сокращение удельного веса квалифицированных и неквалифицированных рабочих в результате роста численности полуквалифицированных рабочих было характерно для большинства промышленно развитых капиталистических стран.

Объективные потребности развития капиталистического производства и усложнение технологии требовали применения более образованной совокупной рабочей силы. Подавляющая масса промышленных рабочих в странах Европы в 30-х гг. имела, как правило, 4—6-летнее, а в США 7—8-летнее образование. В Японии рабочие со средним образованием составляли уже почти $^1/_3$ пролетариата[2].

На рост общеобразовательного и профессионального уровня рабочего класса капиталистических стран оказывала значительное влияние и классовая борьба. Обострение социальных конфликтов

[1] См. *М. Рубинштейн.* Капиталистическая рационализация. М., 1930, стр. 55.
[2] См. *Масанори Хориэ.* Рабочий класс Японии. М., 1965, стр. 116.

в странах капитала, а также влияние достижений Советского Союза в области культуры заставляли буржуазию идти на известные уступки рабочему классу в деле школьного образования.

В рассматриваемый период произошли существенные изменения в половом и возрастном составе промышленного пролетариата. Возросла численность работниц, изменилось их распределение по отраслям промышленности. В текстильной, швейной, пищевой, кожевенной промышленности многих стран женщины по-прежнему составляли более половины всех работающих. В результате перехода к поточно-конвейерному производству женский труд стал использоваться и в других отраслях обрабатывающей промышленности. Женщины все чаще стали работать в качестве сборщиц, сортировщиц и упаковщиц, у конвейера, подручными рабочими и т. д. Недостаточная материальная обеспеченность рабочих семей вынуждала женщин искать работу и на предприятиях с тяжелыми условиями труда.

Доля работниц в составе промышленного пролетариата была в основном стабильной: $^1/_4$ всего рабочего класса в США, Франции, Италии, Бельгии, $^1/_5$ — в Канаде, Англии, Чехословакии. Меньше женщин было занято в экономике большинства Скандинавских стран. Напротив, в Японии женщины составляли перед второй мировой войной около $^1/_3$ численности промышленного пролетариата.

Под давлением рабочего движения правительства многих стран были вынуждены принять законодательство, запрещавшее использовать в промышленности труд детей в возрасте до 14 лет. Однако в текстильной, кожевенной, пищевой промышленности, особенно на мелких предприятиях, вопреки законодательству сохранялась практика использования детского труда, хотя и в гораздо меньшей степени, чем в начале XX в. Зато в это же время значительно возросло применение труда подростков в возрасте от 14 до 16 лет в обрабатывающей промышленности Японии, Франции, Германии, Италии и некоторых других стран. Так же как и женщины, рабочие-подростки трудились у конвейера и на поточных линиях.

В рассматриваемый период в целом продолжал расти слой служащих. Развитие этого процесса предвидел В. И. Ленин. «Капитализм,— писал он,— во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию»[1]. В США с 20-х гг. и до конца второй мировой войны число трудящихся, занятых только в торговле и в сфере услуг, удвоилось[2]. Во Франции доля служащих в самодеятельном населении страны за первые четыре десятилетия XX в. почти удвоилась[3]. В Бельгии с 1920 по 1945 г. численность трудящихся в тор-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 209.
[2] Подсчитано по: «The Handbook of Basic Economic Statistics», 1963, N 7; «Employment and Earnings», 1963, vol. 9, N 12.
[3] «Annuaire statistique de la Françe», 1959.

говле и финансах также увеличилась в два раза[1]. В Дании за два десятилетия (1920—1940 гг.) численность служащих в торговле, финансовой системе удвоилась, а в сфере услуг и государственных учреждениях — утроилась[2]. В Норвегии конторские и торговые служащие, инженерно-технические работники (без управленческого персонала) в 1920 г. составляли около 12% самодеятельного населения, а к 40-м гг. эта доля возросла до 17%[3].

Численность служащих увеличивалась не только в сфере услуг, торговле, государственных учреждениях, но и в промышленности большинства капиталистических стран.

Таблица 4

Удельный вес инженерно-технического персонала и служащих в промышленности
(в % к общему числу лиц наемного труда)

Годы	США	Англия	Германия	Франция
1921—1930	17,9	13,7	11,9	12,8
1931—1940	17,7	15,0	14,0	14,6

Источник. «Современный рабочий класс капиталистических стран». М. 1965, стр. 30.

Продолжала развиваться и международная миграция рабочей силы[4]. Хотя распределение трудовых ресурсов между различными звеньями системы мирового капитализма всегда носит в основном стихийный характер, в рассматриваемый период стало усиливаться государственно-монополистическое вмешательство в эти процессы. Буржуазные государства оказывали все большее влияние на вербовку и распределение иностранной рабочей силы.

Изменились основные потоки рабочей миграции. Наряду с продолжавшимся, хотя и менее интенсивно, чем прежде, процессом перемещения европейских мигрантов в США в 20-х гг. значительно усилилась миграция из стран Азии в Западную Европу и Америку, из менее развитых европейских стран в более развитые, из Северной Африки в Европу, из стран Латинской и Центральной Америки в США.

Иммиграция рабочей силы оказывала влияние на национальный

[1] «Annuaire statistique de la Belgique», 1960—1961.
[2] «Труд при капитализме», стр. 212.
[3] «Statistisk Årsbog for Norge», 1959.
[4] Для сравнения см.: «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. 2. М., 1976, стр. 10.

состав рабочего класса некоторых капиталистических стран. С тем чтобы нейтрализовать это влияние, в США в 20-х гг. была введена «система квот», согласно которой ежегодный приток иммигрантов не должен был превышать 3% численности каждой национальности, проживавшей в США в 1910 г.[1] Сокращение иммиграции рабочей силы в США ускорило «великую миграцию негров» с Юга на Север. К 1930 г. количество негров на Севере США удвоилось по сравнению с 1915 г.[2]

Монополистический капитал стремился использовать миграцию иностранных рабочих для раскола рабочего движения, для разжигания расовых и национальных предрассудков. Иностранные рабочие в США и странах Западной Европы в своей подавляющей массе были заняты в наиболее трудоемких отраслях: в угольной, горнорудной промышленности, в сельском хозяйстве, на погрузочно-разгрузочных работах, а также в качестве домашней прислуги, на уборке улиц и т. д. «Как раз для империализма,— писал В. И. Ленин,— такая эксплуатация труда *хуже оплачиваемых* рабочих из отсталых стран особенно характерна. Как раз на ней основан, в известной степени, *паразитизм* империалистских, богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплуатации труда «дешевых» иностранных рабочих»[3]. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал и объективно позитивную сторону миграционных процессов. Он отмечал, что монополистический капитализм вырывает миллионы рабочих «отсталых» стран из полусредневековой обстановки и ставит в ряды международной армии пролетариата[4].

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Еще К. Маркс писал, что в условиях деспотизма капитала положение рабочего класса «должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата»[5]. В. И. Ленин подчеркивал, что при капитализме растут эксплуатация и общественное неравенство, необеспеченность существования, безработица и разного рода лишения для все более широких слоев трудящихся масс, ограбление масс «в смысле образования, света и знания»[6].

[1] *С. В. Филиппов.* США: иммиграция и гражданство. М., 1973, стр. 41.
[2] *M. Eppse.* The Negro too in American History. Nashville, 1943, p. 318; *Y. S. Allen.* The Negro Question in the United States. New York, 1936, p. 55—93.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 371.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 89.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 660.
[6] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 428; т. 23, стр. 127.

Вместе с тем марксисты всегда отмечали, что борьба рабочего класса, всех трудящихся противодействует тенденции капитала ухудшать их положение, действует как контртенденция по отношению к закону прибавочной стоимости и всеобщему закону капиталистического накопления. В. И. Ленин писал: «Маркс говорил о росте нищеты, унижения и проч., указывая наряду с этим и противодействующую тенденцию и те реальные общественные силы, которые одни только и могут порождать эту тенденцию»[1].

Благодаря строительству социализма в СССР появился и качественно новый фактор, способствовавший усилению борьбы трудящихся капиталистических стран за свои жизненные права и тем самым модифицировавший проявление законов капитализма. Возникновение нового отряда рабочего класса — социалистического рабочего класса, сбросившего иго эксплуатации и уверенно строившего социализм, оказывало огромное революционизирующее влияние на весь ход мирового развития. Монополистический капитал все чаще вынужден был идти на известные уступки трудящимся, дабы предотвратить обострение социальных конфликтов.

Вместе с тем в условиях общего кризиса капитализма возросла склонность реакционных кругов финансового капитала прибегнуть к фашизму и войне как к крайнему средству спасения капитализма. Рабочий класс, еще не оправившись от последствий первой мировой войны, был ввергнут в пропасть новых бедствий и страданий.

В. И. Ленин подчеркивал циклический характер процессов ухудшения положения рабочего класса. «Кризисы и периоды промышленного застоя в свою очередь... еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса»[2]. На рассматриваемый период приходится мировой экономический кризис 1929—1933 гг., который означал для отдельных слоев рабочего класса не только рост нищеты, но и усиление угрозы моральной деградации, утраты чувства человеческого достоинства.

Именно в такие критические периоды развития капитализма рабочему классу капиталистических стран приходилось вести напряженные классовые бои, чтобы создать преграды на пути массовой пауперизации.

В результате развития государственно-монополистического капитализма отношение между наемным трудом и капиталом все в большей мере принимало форму отношения рабочего с организованным классом эксплуататоров, активно использующим в своих интересах политическую и экономическую мощь буржуазного государства.

В основе марксистского анализа положения рабочего класса при

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 208.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 148—149.

капитализме лежит выявление роста массы прибавочной стоимости, получаемой совокупным капиталом.

В целом масса прибавочной стоимости, производимой в экономике капиталистических стран, неуклонно возрастала. Так, в США вся масса прибавочной стоимости составила в 1910 г. 5,5 млрд. долл., а в 1929 г.— 36,4 млрд. долл.

Столь значительное увеличение массы прибавочной стоимости происходило в первую очередь за счет усиления эксплуатации работников наемного труда. В экономике США норма прибавочной стоимости, отражающая степень эксплуатации наемного труда, повысилась в 1910—1929 гг. со 112% до 143% [1].

Поточно-конвейерное производство, новые формы организации труда и приемы работы означали новую ступень эксплуатации наемного труда капиталом.

В документах VI конгресса Коминтерна отмечалось: «Не подлежит никакому сомнению значительный подъем техники капиталистических стран, в некоторых из них (Соединенные Штаты, Германия) принимающий характер технического переворота. Гигантский рост двигателей внутреннего сгорания, электрификация, химизация, новые методы синтетического добывания топлива и сырья (бензин, искусственный шелк и т. д.), применение легких металлов, широкое развитие автотранспорта — с одной стороны, новые формы организации труда, связанные с необыкновенно быстрым ростом конвейерной системы,— с другой, подняли вновь производительные силы капитализма» [2]. Монополистический капитал впервые в столь широких масштабах начал внедрять в производство интенсивные приемы эксплуатации рабочих, которые В. И. Ленин назвал «научной» системой выжимания пота [3].

В капиталистическом производстве стала широко внедряться система американского инженера Тэйлора, которую В. И. Ленин рассматривал как гигантский шаг вперед в развитии науки о труде и в выработке способов повышения эксплуатации рабочих [4].

Система Тэйлора ориентировалась в основном на «первоклассного» рабочего. Объясняя разработанные им принципы профессионального отбора, Ф. Тэйлор заявил в одном из комитетов конгресса США: «Под первоклассными рабочими я подразумеваю людей, способных на тяжелую работу, как ломовые лошади, которые всю жизнь тянут угольные вагонетки в шахтах. Для тех, кто не может работать так, как это от них требуется, нет места в новой организации труда» [5].

[1] См. *Ю. А. Васильчук.* Указ. соч., стр. 39—40.
[2] «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», вып. 6. М.— Л., 1929, стр. 57.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 18.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 140; т. 23, стр. 18.
[5] *C. Moison* (ed.) Scientific Management. New York, 1922, p. 755.

«Второстепенные» рабочие, не справлявшиеся с объемом и ритмом работы, увольнялись, а их места занимали другие.

Форд развил идеи Тэйлора, используя для этого конвейер, который механически определял скорость выполнения всех производственных задач. Наиболее полное выражение новые формы эксплуатации нашли в методе работы «непрерывным потоком», центральное место в котором принадлежит «прогрессивной сборке» на движущейся ленте конвейера [1].

Конвейерная система внесла качественно новые моменты в интенсификацию труда рабочих. Движение конвейера заставляло работать в том темпе, который предопределен для каждой операции скоростью машины и действиями соседних рабочих. Если отдельный рабочий снижал интенсивность труда, это вызывало перебой на всем конвейере. Таким образом, вся система организации труда в массово-поточном производстве была построена по принципу: все рабочие подгоняют друг друга. Конвейерная система дополнялась хронометражем движений рабочего. На этой основе вводились заранее разработанные нормы движений, использовались обязательные для рабочих схемы движений правой и левой руки и т. д.

Системы заработной платы также приспосабливались к конвейерной организации труда, становились дополнительным средством повышения его интенсивности. В 20-х гг. начинается широкое применение сложных «премиальных» систем заработной платы и так называемой «аналитической оценки видов работ». Каждый классификационный показатель работы теперь оценивался соответствующим баллом, а рабочий должен был напрягать все свои силы, чтобы добиться такой суммы баллов, при которой заработок обеспечивал хотя бы минимум средств существования. Особенной сложностью, нарочитой запутанностью, делающей ее недоступной контролю рабочих, отличалась система Бедо, по которой «научные» ставки заработной платы устанавливались в зависимости от ряда признаков: опыта, ловкости, напряженности труда, профессиональной вредности и т. д. Важную роль в этой системе, рассчитанной на крайнюю интенсификацию труда и «научный» обман рабочих, играло премирование мастеров, определяющих выработку подчиненных им рабочих. Премирование являлось, по сути дела, и формой подкупа надзирающего персонала. Система Бедо получила широкое распространение в капиталистическом мире.

Производительность труда и средняя выработка на одного рабочего существенно варьировались по странам. По данным 1932 г., один рабочий в хлопчатобумажной промышленности вырабатывал в среднем в неделю: в США — 0,7 кипы пряжи, в Германии — 0,5, в Япо-

[1] См. *С. А. Ершов.* США: развитие форм и методов капиталистической эксплуатации. М., 1974, стр. 98.

нии — 0,44, в Британской Индии — 0,16 кипы[1]. Но общей тенденцией для капиталистических стран был рост выработки на одного рабочего — один из важнейших показателей усиления эксплуатации наемного труда. В Германии часовая выработка выросла с 1925 по 1929 г. на 22%. В угольной промышленности Рурского бассейна добыча угля на человеко-смену подземного рабочего почти удвоилась к 1932 г. в сравнении с 1923 г.[2] Норма средней выработки особенно возросла в тех отраслях промышленности, где капиталистическая рационализация сопровождалась не столько развитием технического прогресса, сколько ростом интенсивности труда.

Таблица 5

Выработка на одного рабочего в США
(1923—1925 гг. = 100)

Год	Металлургия и машиностроение	Текстильная промышленность	Обувная промышленность	Вся обрабатывающая промышленность
1929	**125,1**	**115,5**	**116,3**	**113,2**
1932	**109,2**	**131,1**	**127,9**	**132,9**
1936	**164,0**	**148,7**	**176,6**	**138,2**

Источник. «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)», стр. 125.

Используя капиталистическую рационализацию, монополии получали огромные прибыли за счет сверхэксплуатации армии наемного труда, физического и нервного перенапряжения рабочих, что вело к росту профессиональных заболеваний и производственного травматизма. Количество пострадавших от производственных травм было велико. Например, в 1938 г. только в США число рабочих, получивших производственные травмы, превысило 1,6 млн. человек, в Италии — около 0,5 млн., в Германии — более 1,5 млн., во Франции — более 700 тыс., в Англии — более 300 тыс., в Финляндии — 50 тыс. человек[3].

К. Маркс считал ограничение рабочего дня «предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу»[4]. В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на необходимость организованной

[1] См. *Я. А. Певзнер*. Положение и борьба трудящихся классов в современной Японии. М., 1956, стр. 7.
[2] См. «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)». М., 1938, стр. 125.
[3] См. «Труд при капитализме. Статистический сборник». М., 1964, стр. 762, 765; *В. А. Алешкевич*. Всеобщий закон капиталистического накопления и обнищание трудящихся масс. Минск, 1974, стр. 72.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 196.

борьбы за сокращение рабочего дня и приемлемое для рабочего класса законодательство о рабочем дне[1]. В рассматриваемый период происходило известное сокращение продолжительности рабочего дня.

Усложнение производства и технологии, усиление нервного напряжения, увеличение выработки на одного рабочего — все это ставило физические пределы использованию рабочей силы. В то же время растущие интеллектуальные и социальные потребности рабочего класса объективно требовали возрастания свободного времени. Развитие более сложной совокупной рабочей силы, повышение общей культуры рабочего класса были необходимыми условиями для дальнейшего развития капиталистического производства. Казалось, интересы капитала объективно толкали его к «добровольному» сокращению рабочего дня. Даже такие теоретики новых форм эксплуатации, как Тэйлор, Эмерсон и Бедо, утверждали, что в условиях поточной системы рост производства мог наиболее успешно осуществляться при 8-часовом рабочем дне.

Но капиталист не был бы капиталистом, если бы он не стремился к эксплуатации рабочей силы, к удлинению рабочего дня за пределы его нормальной продолжительности. Сокращение рабочего дня явилось результатом многолетней борьбы пролетариата за свои права и воздействия социального законодательства первого в мире государства рабочих и крестьян.

Таблица 6

Период	Продолжительность рабочей недели (в часах)	Период	Продолжительность рабочей недели (в часах)
1900—1909 гг.	61	1920—1929 гг.	52
1910—1919 гг.	58	1930—1939 гг.	49

Источник. *Ю. Кучинский.* История положения рабочего класса при капитализме. М., 1970, стр. 136.

В Англии в 30-х гг. «обычная» рабочая неделя равнялась 47—48 часам в большинстве отраслей промышленности. Во Франции в первой половине 30-х гг. продолжительность фактической рабочей недели в промышленности составляла около 45 часов. В обрабатывающей промышленности США рабочая неделя сократилась с 44,2 в 1924 г. до 39,2 часа в 1936 г.[2]

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 290; т. 40, стр. 318.
[2] «Yearbook of Labour Statistics». ILO. Genéva, 1956—1959.

Весьма интересны данные о сокращении средней продолжительности рабочей недели в капиталистических странах в межвоенный период в сравнении с началом XX в. (см. таблицу 6).

Значительно возросло участие буржуазного государства в регламентации рабочего времени. Объектом государственного регулирования стала не только общая продолжительность рабочего дня, но и сверхурочная работа, а также продолжительность рабочей недели различных категорий рабочих. Однако в этом регулировании были весьма существенные изъяны: в большинстве капиталистических стран оно не распространялось на сельскохозяйственных и сезонных рабочих, государственных служащих и рабочих военной промышленности, работников здравоохранения и сферы обслуживания. Да и само буржуазное законодательство о 8-часовом рабочем дне не содержало достаточных гарантий против произвола предпринимателей. Допускались нарушения закона в случае «государственной необходимости» путем введения «добровольных» сверхурочных работ и т. д.

Вопрос о продолжительности рабочего дня оставался в центре классовой борьбы рабочего класса. В ряде стран монополистический капитал вел массированное наступление на социальные завоевания трудящихся. Натиск монополий особенно усиливался в периоды экономических спадов, когда позиции рабочего класса ослабевали.

В Германии, например, в конце 1923 — начале 1924 г. борьба между трудом и капиталом по вопросу о продолжительности рабочего дня окончилась в пользу предпринимателей. Новые тарифные соглашения нередко устанавливали 54- или 59-часовую рабочую неделю[1].

На положение рабочего класса оказывали воздействие и колебания в уровне занятости трудящихся. В межвоенный период количество безработных достигало невиданных масштабов. Только в шести крупнейших капиталистических странах (США, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Япония) оно составляло, по официальным данным (в тыс. человек): в 1929 г.— 5 360,3; в 1932 г.— 22 180,6; в 1938 г.— 13 327,0[2]. Положение пролетариата как эксплуатируемого класса общества усугублялось тем, что безработица стала хронической и массовой, она не рассасывалась даже в годы циклического подъема.

Особенно катастрофические размеры приобрела безработица во время кризиса 1929—1933 гг. Именно в этот период положение рабочего класса ухудшилось не только относительно, но и абсолютно.

Шведский рабочий так описывал обстановку в годы кризиса в своей стране, которая считалась одной из самых «благополучных» в капиталистическом мире: «Рабочие жили как животные. Обычно

[1] См. *Ф. Маркузон.* Очерки труда и быта рабочих в Германии М., 1925, стр. 53.

[2] См. *В. М. Колтунов.* Современный капитализм: положение рабочего класса. М., 1977, стр. 123.

семьи состояли из двух взрослых и пяти-шести детей. Часто они жили в ветхих домах-развалюхах, в квартирах, состоявших из одной комнаты и кухни, без каких-либо удобств. И кашляли же они в этой грязи! Чахотка, недоедание, алкоголизм. Очереди и голод были обычным явлением в начале тридцатых годов. Тогда свыше 30% членов профсоюзов были безработными. Отчаявшиеся рабочие частенько кончали жизнь самоубийством. Заряд пороха в рот был своего рода

Таблица 7

Германия		Англия		Франция		США	
Период	Индекс	Период	Индекс	Период	Индекс	Период	Индекс
1924—1932 гг.	86	1924—1932 гг.	91	1924—1934 гг.	99	1922—1933 гг.	117
1933—1939 гг.	88	1933—1939 гг.	96	1934—1939 гг.	95	1933—1939 гг.	117

Источник. *Ю. Кучинский.* История положения рабочего класса при капитализме. М., 1970, стр. 153.

символом того времени. Работа, которую предоставлял Комитет помощи безработным, означала унижение. Их заработок составлял 75% самой низкой заработной платы в данной местности. На рабочих, не имевших работы, смотрели как на зачумленных. Их всячески позорили. А каждый второй рабочий был безработным»[1].

В. И. Ленин подчеркивал, что «развитие капитализма неизбежно влечет за собой возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата»[2]. Резко возросшая интенсификация труда требовала увеличения затрат на восстановление рабочей силы, на питание, лечение и т. д. Существенно менялись и культурно-бытовые потребности рабочего класса. Его новыми общественными потребностями становились чтение газет и журналов, посещение кино, нормальные жилищные условия с необходимыми коммунальными удобствами и т. д.

Рабочий класс в классовой борьбе добивался частичного удовлетворения своих потребностей. В результате этой борьбы несколько улучшились жилищные условия рабочих, они стали лучше питаться и одеваться. Однако в целом разрыв между растущими производительными силами и потребностями, с одной стороны, и уровнем жизни основной части рабочего класса — с другой, не только сохранялся, но и возрастал. Кризисы перепроизводства резко ухудшали положение рабочего класса. На первом этапе общего кризиса капитализма

[1] *А. Рундберг.* Мемуары шведского рабочего. М., 1976, стр. 37.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 101.

реальная заработная плата длительные периоды находилась на уровне начала века или даже ниже этого уровня.

О том, как изменялась реальная заработная плата рабочих четырех крупнейших стран капиталистического мира 20—30-х гг., свидетельствует таблица на стр. 99 (1900 г.=100%).

Как видно из таблицы, рост реальной заработной платы был весьма неравномерным: в 1924—1939 гг. ее уровень снизился во Франции, почти не изменился в Германии, сохранился стабильным в США и несколько повысился в Англии (оставаясь везде, кроме США, ниже уровня начала XX в.). Лишь в отдельные периоды циклического развития наблюдалось некоторое увеличение заработной платы немецких и французских рабочих.

Уровень заработной платы в разных странах имел значительные различия. Например, недельный заработок американского рабочего в хлопчатобумажной промышленности (в 1932 г.) был в 2,7 раза выше заработка немецкого рабочего, занятого в той же отрасли, в 5,4 раза выше заработка японского рабочего и в 6,3 раза выше, чем у текстильщика Британской Индии[1]. По данным Международного бюро труда, средняя почасовая оплата квалифицированного рабочего в Турине перед второй мировой войной была на 43% ниже, чем в Париже, и на 61% ниже, чем в Лондоне[2].

Важным фактором, влиявшим на уровень заработной платы рабочих в капиталистических странах, было вовлечение женщин и подростков в процесс производства. Женский труд, как правило, оплачивался на $^1/_3$ — $^2/_5$ ниже мужского. В США и во Франции заработок женщин в процентах к заработку мужчин составлял в обрабатывающей промышленности 58%; в Германии оплата неквалифицированного труда женщин в промышленности и на транспорте была на $^1/_3$ ниже, чем мужчин[3].

Низкий уровень заработной платы был особенно характерен для таких стран, как Япония, государства Центральной и Юго-Восточной Европы. В этих странах был широко распространен найм временных и поденных рабочих, которые подвергались особенно жестокой эксплуатации. На них не распространялись законы о труде, им платили гораздо меньше, чем постоянным рабочим.

Доминирующей тенденцией в развитых капиталистических странах стало сокращение разрыва в уровнях заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Например, ставки заработной платы квалифицированных промышленных рабочих в США в %) по отношению к ставкам неквалифицированных рабочих изме-(нились следующим образом (в сравнении с 1907 г.).

[1] См. *Я. А. Певзнер*. Указ. соч., стр. 7.
[2] См. *С. М. Слободской*. Итальянский фашизм и его крах. М., 1946, стр. 153.
[3] См. «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)», стр. 140.

Таблица 8

Период	Ставки	Период	Ставки	Период	Ставки
1907 г.	205	1931—1932 гг.	180	1937—1940 гг.	165

Источник. *Harry Ober.* Occupational Wage Differentials 1907—1947.—«Monthly Labor Review», August, 1948, p. 130.

Буржуазия вынуждена была пойти на значительные уступки трудящимся, согласившись на создание системы государственного страхования, в том числе по безработице. В 20-х гг. в Австрии, Болгарии, Великобритании, Германии, Ирландии, Италии, Польше, Австралии, 12 кантонах Швейцарии было введено обязательное страхование по безработице. В ряде стран (Бельгия, Норвегия, Чехословакия, Франция и др.) существовало необязательное страхование по безработице.

Системы страхования по безработице не могли полностью удовлетворить рабочих. Страхование охватывало только часть рабочего класса, по преимуществу промышленных рабочих. Страховые фонды по безработице состояли в основном из средств самих рабочих. Выдача пособия по безработице ограничивалась определенным сроком и обусловливалась целым рядом обстоятельств: стажем работы до момента безработицы, размерами взносов в фонд страхования по безработице, длительностью проживания в данной местности и т. д. Его размер составлял лишь небольшую часть заработка рабочего.

История рабочего движения ясно показывает зависимость реформ от революционного развития. В Германии в революционном 1918 году пролетариат добился права на государственное пособие по безработице. При первом же спаде революционной волны осенью 1923 г. часть расходов на эти цели была переложена на плечи трудящихся. В июле 1927 г. государственное пособие было заменено системой страхования по безработице, финансировавшейся за счет отчислений от зарплаты рабочих в размере 3% и равных им взносов предпринимателей. Однако эта система не охватывала 2,5 млн. сельскохозяйственных рабочих, а также учеников. Чрезвычайный декрет правительства от 1 декабря 1930 г. предусматривал резкое ограничение дотации государства в фонд страхования по безработице. В то же время размер взноса в этот фонд работавших по найму повышался до 6,5%[1]. В годы мирового экономического кризиса (1929—1933) буржуазия, объявив о необходимости облегчить «социальное» бремя расходов по безработице, приступила к «реформам» в области страхо-

[1] См. «Германская история в новое и новейшее время», т. II. М., 1970, стр. 105, 106, 145.

вания, в результате которых целые слои рабочих лишались помощи по социальному страхованию, сокращались размеры пособий по безработице, увеличивались взносы работающих[1].

Ход классовой борьбы оказывал значительное влияние на положение рабочего класса. Так, английская буржуазия, воспользовавшись поражением всеобщей забастовки в мае 1926 г., развернула широкое наступление на права трудящихся. В наиболее тяжелом положении оказались горняки. Многие шахты в Южном Уэльсе были закрыты, тысячи шахтеров потеряли работу. Характеризуя положение английского рабочего класса в эти годы, Аллен Хатт писал: «В тех городах, где закрыты все шахты и где большинство горняков уже годами ходят без работы, массы убеждены, что работы никогда больше не будет... Этот упадок социальной и культурной жизни бросается особенно в глаза в вымирающих районах Южного Уэльса... Нужно пробыть некоторое время в городах Южного Уэльса, чтобы понять, как мучительно отражается безработица на психологии людей, привыкших к активной жизни»[2].

Наоборот, победа Народного фронта во Франции не только привела к улучшению положения французского рабочего класса, но и способствовала его моральному самоутверждению. Большое значение в этой связи имел закон 24 июня 1936 г. о коллективных договорах. По этому закону в сферу действия коллективного договора включались вопросы заработной платы, условия труда, соблюдение санитарных норм и безопасность труда, гарантии свободы деятельности профсоюза на предприятии, организация профессионального обучения и т. д. С июня по сентябрь 1936 г. было заключено 700, к декабрю 1936 г.— 2326, а к середине 1937 г.— 4595 коллективных договоров, в том числе около 600 в масштабе целого района или отрасли производства[3]. Правительство Народного фронта приняло закон о 40-часовой рабочей неделе при сохранении уровня заработной платы. Большое значение для трудящихся масс имел закон об отпусках, гарантировавший каждому проработавшему на предприятии не менее одного года двухнедельный отпуск за счет предприятия в летний период. В августе 1936 г. миллионы французских трудящихся впервые воспользовались правом на оплачиваемый отпуск.

В годы Народного фронта рабочий класс Франции добился крупных завоеваний. «Победа Народного фронта и июньские выступления трудящихся,— отмечал М. Торез,— повысили в рабочем классе чувство собственного достоинства. Коллективные договоры, система цеховых уполномоченных, фактическое признание прав профсоюзов,

[1] См. «Положение рабочего класса в капиталистических странах за 20 лет (1917—1937)», стр. 148—149.

[2] *А. Хатт.* Положение рабочего класса в Англии. М., 1934, стр. 72.

[3] См. *Ю. В. Егоров.* Народный фронт во Франции. Л., 1972, стр. 160.

авторитет Всеобщей конфедерации труда и ее активистов рассеяли атмосферу страха»[1].

В исключительно тяжелом положении оказался рабочий класс в тех странах, где к власти пришел фашизм. В Италии перед второй мировой войной реальная заработная плата всех категорий рабочих была на 10—25% ниже, чем в 1921 г. Число безработных в Италии даже в годы благоприятной экономической конъюнктуры никогда не опускалось ниже полумиллиона человек. Наряду с армией постоянно безработных имелось большое число частично безработных в промышленности и особенно в сельском хозяйстве[2].

В Германии еще в 1933 г. нацистским правительством было принято решение о «замораживании» тарифных ставок на уровне кризисного 1932 года. Широко использовалась практика сверхурочных работ. Был установлен 10-часовой, а затем 12-часовой рабочий день[3]. Непосредственным следствием роста интенсификации труда, увеличения продолжительности рабочего времени и хищнического использования рабочей силы было то, что за 12 лет господства фашизма производственный травматизм среди застрахованных немецких рабочих возрос почти на 70%[4].

В «третьей империи» рабочий класс был лишен всех экономических и политических прав. Он потерял свободу передвижения, выбора профессии и найма, право на забастовки. В 1935 г. была введена принудительная трудовая повинность для молодежи, а в 1938 г. ее распространили на все население. Законодательство о труде было полностью поставлено на службу подготовке к войне, ряд законов был направлен на скорейшую мобилизацию рабочей силы для военных целей. Над поведением и мировоззрением рабочего класса был установлен жесточайший контроль.

Фашистская диктатура представляла собой механизм чудовищного классового террора и насилия. Физическое уничтожение передовой части пролетариата, запрет политических партий рабочего класса и профессиональных союзов, ликвидация элементарных демократических прав и свобод — все это свело на нет в годы фашизма важнейшие результаты долголетней борьбы немецких, итальянских, испанских, португальских трудящихся.

Как показывает обзор основных аспектов положения рабочего класса капиталистических стран с 1924 по 1939 г., разрыв между потенциальными возможностями капиталистического производства в удовлетворении потребностей трудящихся и их реальными условиями жизни продолжал расти.

[1] *M. Thorez.* Oeuvres, l. 3, t. 13. Paris, 1954, p. 161.
[2] См., например, «La classe operaia durante il fascismo. Annali (1979—1980)». Milano, 1981.
[3] *D. Eichholtz.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft. 1939—1945. Bd. I, 1939—1941. Berlin, 1969, S. 77.
[4] См. *А. А. Галкин.* Германский фашизм. М., 1967, стр. 224.

УРОВЕНЬ БОРЬБЫ И ОРГАНИЗАЦИИ

Развитие борьбы рабочего класса во многом определялось уровнем его сознания.

Одной из важных задач международного коммунистического движения В. И. Ленин считал необходимость «*трезво* следить за *действительным* состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда), именно всей трудящейся *массы* (а не только ее передовых людей)»[1]. В тезисах об основных задачах II конгресса Коминтерна В. И. Ленин подчеркивал: «...к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы»[2].

Общественное сознание любого класса представляет собой продукт длительного исторического развития. Предшествующие этапы борьбы рабочего класса, его прошлый опыт, закрепленный в определенных традициях, накладывали свой отпечаток на классовое сознание различных отрядов пролетариата. Например, «французский революционный дух», по выражению К. Маркса, содействовал утверждению в сознании французского пролетариата революционных ценностей, широкому распространению социалистической идеологии среди трудящихся. Напротив, в США социально-психологическую атмосферу общества глубоко пронизывал культ индивидуализма, личного успеха. Этот культ оказывал большое влияние на значительные слои рабочих, создавая тем самым социально-психологические предпосылки для более широкого проникновения буржуазной идеологии в рабочее движение.

На сознание пролетариата воздействовали и конкретные проявления социально-экономических противоречий капитализма. Так, например, настроениям основной массы рабочих в период мирового кризиса 1929—1933 гг. был присущ высокий накал протеста против неприкрытого цинизма и жестокости капиталистической эксплуатации.

На формирование сознания рабочего класса оказывало влияние включение новых отрядов в армию наемного труда. Пролетаризация общества, увеличивая число и силу потенциальных противников капиталистического строя, одновременно вела к «дроблению» рабочего класса, возникновению большого числа «подгрупп» в среде пролетариата, отличавшихся друг от друга политической ориентацией, социально-психологическими установками и образом действий.

Увеличение доли трудящихся, занятых в сфере услуг и торговле, также накладывало известный отпечаток на социальную психологию пролетариата, ибо в этой сфере классовые противоречия проявлялись

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 42.
[2] Там же, стр. 192.

не столь отчетливо, условия для революционной закалки и консолидации рабочих были менее благоприятны.

Трансформация социальной психологии новых поколений трудящихся представляла собой длительный процесс, который отбирал значительные «запасы энергии, внимания, времени»[1] у кадрового пролетариата и его политического авангарда, направлявших свои усилия на то, чтобы воспитать в новых слоях революционное сознание и в то же время уберечь других рабочих от воздействия буржуазной психологии.

На идейную атмосферу в капиталистическом мире определяющее воздействие оказывало строительство социализма в Советском Союзе. Выход советского рабочего класса на международную арену в качестве государственно организованного класса явился событием огромного значения. «Советский Союз,— писал М. Торез,— означает для трудящихся капиталистических стран творческий труд, свободу, культуру — это страна героев труда, стахановского движения и это страна героев науки, мирного освоения полюса. Советский Союз — это действительно страна счастливого человека»[2]. Осознание широкими массами трудящихся капиталистических стран того, что в Советском Союзе рабочие сами управляют государством, сами являются хозяевами своей судьбы, пробуждало в них решимость бороться за ликвидацию бесчеловечной системы капиталистической эксплуатации, способствовало распространению идеалов социализма, росту авторитета коммунистических партий.

В то же время рабочий класс подвергался огромному идеологическому давлению буржуазии. Господствующие классы издавна клеветнически изображали революционных представителей пролетариата как «врагов государства», «предателей родины», «бродяг без отечества», «преступников» и т. п. После победы Великой Октябрьской революции сердцевиной антикоммунизма стал антисоветизм. Для всех противников социализма антисоветизм был отличительным признаком, определяющим существо их реакционной политики и идеологии. Волны антикоммунистической и антисоветской пропаганды в отдельные периоды захлестывали и определенные слои рабочих. «Рабочие становились легкой жертвой буржуазной пропаганды,— вспоминает об этом времени шведский рабочий-коммунист.— Даже в социал-демократической прессе коммунистов изображали безумными сторонниками крайних мер, только и ждущими момента, чтобы включить Швецию в Советский Союз. Нас обкатывал тяжелый пропагандистский каток»[3].

Неравномерность экономического и политического развития капиталистического мира, различия в положении отдельных отрядов

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 65.
[2] *M. Thorez.* Oeuvres, l. 3, t. 14. Paris, 1954, p. 184.
[3] *А. Рундберг.* Указ. соч., стр. 45.

пролетариата, в уровне их сознания составляли объективную основу для существования в рабочем движении различных идеологических течений и психологических настроений. Различные отряды трудящихся вовлекались в революционное движение разновременно. В обыденном сознании широких масс пролетариата подчас сосуществовали самые различные элементы марксистской, анархо-синдикалистской, реформистской и буржуазной идеологий. Однако во всей пестрой мозаике различных идеологических течений и психологических настроений в рядах международного рабочего класса пробивала себе дорогу основная тенденция — рост классового сознания пролетариата.

Высший уровень классового сознания пролетариата был достигнут в коммунистическом движении, объединявшем передовых революционных рабочих. Понятие «революционер» прочно слилось с понятием «коммунист». Рост коммунистического движения был отмечен консолидацией его идейного единства на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, повышением уровня всей идеологической работы коммунистических партий. Коммунистический Интернационал, ставший международным центром революционной мысли и действия, обобщал мировой опыт классовой борьбы, противодействовал идейному влиянию буржуазии в мировом масштабе, что представляло необходимую предпосылку для выполнения пролетариатом своей исторической миссии.

Коммунистические партии получали поддержку и довольно многочисленных групп трудящихся, которые еще не стали на позиции марксизма-ленинизма, но, как правило, были членами революционных профсоюзов или составляли левые течения в массовых организациях. Непримиримость к капитализму, верность социалистическим идеалам, пролетарской солидарности, готовность участвовать в классовых боях — таковы были типичные черты социальной психологии этой группы трудящихся.

Реформистское течение в рабочем движении было представлено социал-демократическими партиями, входившими в Рабочий социалистический интернационал (РСИ). Большинство влиятельных партий РСИ придерживалось реформистских воззрений. Господствовавшее в РСИ правое крыло пропагандировало реформистский социализм и открыто проявляло свою враждебность к революции. Центристские и левые лидеры хотя и декларировали свою приверженность марксизму, протестовали против крайностей оппортунизма, в целом проводили реформистскую политику, были заражены антикоммунизмом и антисоветизмом.

В рассматриваемый период ослабло влияние анархо-синдикалистского течения в рабочем движении Западной Европы. Это свидетельствовало, в частности, о том, что в сознании основной массы рабочих прочно утвердилось понимание важности политических действий для защиты своих повседневных требований и для борьбы за социальное освобождение.

Таблица 9

Забастовочное движение в капиталистических странах в 1924—1928 гг.

Страна	1924 г.			1925 г.			1926 г.			1927 г.			1928 г.		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Австрия . . .	426	294	2 770	314	66	1 152	179	21	74	216	35	687	266	38	658
Бельгия . . .	188	84		112	82		140	77		186	45	1 659	192	78	2 254
Великобритания	710	613	8 424	603	441	7 952	323	2 734	162 233	308	108	1 174	302	124	1 388
Германия . .	1 614	682	13 584	1 541	510	11 268	339	60	869	759	232	2 946	691	329	8 520
Италия * . . .	361	183		614	304										
Канада . . .	70	34	1 295	87	29	1 193	77	24	267	74	22	153	98	18	224
Нидерланды .	239	27	3 156	262	32	781	212	9	281	230	14	220	205	17	648
США	1 249	655		1 301	428		1 035	330		707	330	26 219	604	314	12 632
Франция . . .	1 083	275	3 863	931	249	2 046	1 660	349	4 072	396	110	1 046	816	204	6 377
Швеция . . .	261	24	1 204	239	146	2 560	206	53	1 711	189	9	400	201	71	4 835
Япония . . .	333	54	638	292	39	351	495	67	122	383	47	1 177	397	46	584

Примечание. I — число забастовок. II — число бастовавших (тыс.). III — число потерянных дней (тыс.).

* С 1926 г. фашистским режимом забастовки и локауты были объявлены вне закона. Отдельные данные, которые публиковались в последующие годы, не отражали размаха забастовочного движения, так как цифры показывали число участников, которые преследовались в уголовном порядке.

Источник. «Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в. — 70-е годы XX в. (статистика)». М., 1980.

Таблица 10

Забастовочное движение в капиталистических странах в 1929—1939 гг.

Страна	1929 г.			1930 г.			1931 г.			1932 г.			1933 г.			1934 г.	
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II
Австрия . . .	226	30	388	88	7	49	68	10	133	33	7	190	27	6	79	4	137
Бельгия . . .	168	61	799	93	65	782	74	23	399	63	163	581	87	39	664	79	37
Великобритания	431	533	8 287	422	307	4 399	420	490	6 983	389	379	6 488	357	136	1 072	471	134
Германия . .	431	151	1 852	345	208	3 602	473	137	1 572	643	129	1 127					
Канада	90	13	152	67	14	92	88	11	204	116	23	255	125	27	318	191	46
Нидерланды .	226	17	991	217	11	273	215	21	856	216	32	1 773	184	13	534	152	6
США	921	289	5 352	637	183	3 317	810	342	6 893	841	324	10 502	1 695	1 168	16 872	1 856	1 467
Франция . . .	1 213	240	2 765	1 093	582	7 209	286	48	950	362	72	2 244	343	87	1 199	385	101
Швеция . . .	180	13	667	261	21	1 021	193	41	2 627	182	50	3 095	140	32	3 434	103	14
Япония . . .	576	77	572	907	81	1 085	998	65	980	893	55	619	610	49	385	626	50

Продолжение

Страна	1934 г.	1935 г.			1936 г.			1937 г.			1938 г.			1939 г.		
	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Австрия . . .		3			5	1	2	5			—	—	—			
Бельгия . . .	2 441	150	104	623	999	565		209	82	648	126	33	241	68	46	157
Великобритания	959	553	271	1 955	818	216	1 829	1 129	597	3 413	875	274	1 334	940	337	1 356
Канада	575	120	33	284	156	35	277	278	72	886	147	20	149	122	41	225
Нидерланды . .	114	152	12	262	96	10	95	95	5	39	141	6	136	90	5	97
США	592	2 014	1 117	15 456	2 172	789	13 902	4 740	1 861	28 422	2 772	688	9 148	2 613	1 171	17 812
Франция . . .	2 393	376	109	1 182	16 907	2 423	—	2 616	324	—	1 220	1 333	—	—	—	—
Швеция	760	98	17	788	60	3	438	67	31	861	85	29	1 284	45	2	159
Япония	446	590	38	301	547	31	163	628	124	338	262	18	41	358	73	35

Примечание. I — число забастовок, II — число бастовавших (тыс.), III — число потерянных дней (тыс.).
Источник. «Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в. — 70-е годы XX в. (статистика)». М., 1980.

Значительные слои трудящихся продолжали находиться под влиянием буржуазных партий. Более того, наступление фашизма, и особенно установление фашистского режима в Германии, показало, что часть трудящихся поддалась воздействию фашистской идеологии.

Однако в целом рабочий класс добился несомненных успехов в достижении своей идейно-политической самостоятельности, сумев стать выразителем интересов общественного развития и руководителем всех демократических сил общества, о чем наиболее убедительно свидетельствовал опыт Народного фронта во Франции и национально-революционной войны в Испании. Эти успехи создавали идейные предпосылки для выполнения рабочим классом в дальнейшем роли руководителя в антифашистском Сопротивлении и в национально-освободительных фронтах.

В рассматриваемый период повысился уровень экономической и политической борьбы рабочего класса. Динамика забастовочной борьбы в годы частичной стабилизации капитализма отражена в табл. 9, а в 1929—1939 гг.— в табл. 10.

И в условиях спада революционной волны пролетариат продолжал вести борьбу против наступления капитала и реакции. Рабочие нередко проводили политические забастовки. Некоторые крупные экономические стачки перерастали в политические выступления. Примером может быть английская всеобщая стачка 1926 г., примечательная с точки зрения революционного творчества трудящихся. Так, в ходе этой стачки возникли Советы действия из представителей политических, экономических, профсоюзных, кооперативных организаций рабочего класса, многие из которых действовали как органы власти во время забастовки.

Изменение характера производства и его технологии вызвало к жизни новые формы забастовочной борьбы. Все чаще стали применяться забастовки в «шахматном порядке»: сначала бастовали рабочие одного цеха, затем другого и т. д. В целом же предприятие останавливалось на длительное время.

Во многих странах широко применялась так называемая итальянская забастовка: рабочие оставались на своих местах, но фактически не работали.

В 30-х гг. забастовочное движение в капиталистических странах было весьма неравномерным. Показательно, что даже в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. оно не только не прекращалось, но и в отдельные годы достигало внушительных размеров и было более эффективным, чем прежде. Например, во Франции в 1930—1933 гг. рабочие добились больших успехов: в 1930 г. 30% забастовок закончилось победой, в 1931 и 1932 гг. приблизительно 60% забастовок были успешными[1]. В Японии в 1926—1929 гг. по-

[1] *Ж. Брюа, М. Пиоло.* Очерки истории Всеобщей конфедерации труда Франции. М., 1959, стр. 104—105.

терпело поражение 39,9% забастовок, в 1930—1934 гг.— 34,1, в 1935—1938 гг.— 18,9% забастовок[1].

Расширился социальный состав участников забастовочного движения: активное участие в нем стали принимать государственные служащие, работники коммунальных служб и сферы обслуживания. Забастовочное движение приобрело более наступательный характер.

Новым аспектом стачечных боев этих лет стала поддержка бастующих безработными. В самые тяжелые годы экономического кризиса в США, Англии, Франции, Чехословакии, Бельгии, Польше и других странах безработные активно поддерживали забастовки, демонстрации и другие действия пролетариата. Эти совместные выступления срывали попытки буржуазии использовать безработных в качестве штрейкбрехеров. Без такого единства стачки в годы кризиса не могли быть успешными.

Новой формой пролетарской борьбы стали массовые движения безработных. Безработные вели борьбу против наступления капитала на страхование по безработице, против чрезвычайных декретов, ограничивавших право на получение пособия, за расширение числа застрахованных, выдвигали требования об обеспечении работой, оказании помощи в зимнее время, освобождении от квартирной платы, оплате расходов на уголь, газ, протестовали против выселений из квартир и т. д. Безработные организовывали демонстрации, голодные походы, подачу петиций властям[2].

Повысился уровень профессиональной организованности рабочего класса. Если накануне первой мировой войны в профсоюзах насчитывалось около 14 млн. членов, то в 1939 г.— 60 млн. Профессиональная организованность возросла за эти годы примерно с 10 до 30%.

В прошлом профсоюзы хотя и были самыми многочисленными организациями рабочего класса, объединяли в основном квалифицированных рабочих. В 20—30-х гг. почти во всех развитых капиталистических странах наблюдался прилив в профсоюзы неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих.

Изменились организационные принципы и методы работы профсоюзов. Повсеместным явлением стал переход от цехового к производственному принципу построения; даже в Англии цеховой принцип был основательно поколеблен: здесь начали создаваться профсоюзы по производственному принципу, хотя и цеховые профсоюзы сохранились. В США, где раньше преобладали цеховые союзы, 30-е годы были периодом бурного роста производственных профсоюзов.

Наряду с изменениями в организационной структуре профсоюзов усилилась тенденция к централизации профсоюзного движения, т. е. повышению роли национальных профцентров. Хотя террито-

[1] См. «Труд при капитализме», стр. 880.
[2] *Ж. Брюа, М. Пиоло.* Указ. соч., стр. 105.

риальные и отраслевые объединения профсоюзов во многих странах сохранили свою автономию, руководящие органы общенациональных профцентров добивались обязательного характера своих решений. Расширился и круг вопросов, входивших в компетенцию общенациональных центров.

В результате сближения экономической и политической борьбы создавались лучшие возможности для политического воспитания членов профсоюзов, но их реализация происходила в острейшей борьбе. Буржуазия стремилась крепче привязать профсоюзы к буржуазным партиям и государству и в то же время использовать существовавшие в рабочем движении политические разногласия, чтобы ослабить классовую общность членов профсоюзов, расколоть профсоюзное движение. Эта тактика давала известные результаты: позитивный процесс роста численности профсоюзов, преодоления их цеховой раздробленности и более активного вмешательства в политическую жизнь ослаблялся расколом профсоюзного движения.

Следует особо сказать о повышении уровня политической организации рабочего класса. Прежде всего значительно возросли численность рабочих партий и их влияние. До первой мировой войны в социал-демократических партиях состояло около 3,4 млн. членов. К концу 30-х гг. в капиталистических странах насчитывалось 1,7 млн. коммунистов и свыше 6 млн. социал-демократов.

В середине 20-х и в 30-х гг. возросли значение и роль *международных объединений массовых организаций трудящихся*[1].

Важные изменения произошли в международном профсоюзном движении, где действовало несколько профцентров: Красный Интернационал профсоюзов (Профинтерн), Амстердамский интернационал (Международная федерация профсоюзов — МФП), Международная ассоциация трудящихся (Берлинский интернационал профсоюзов — анархо-синдикалистское объединение), Международная конфедерация христианских профсоюзов (МКХП).

Красный Интернационал профсоюзов, сотрудничавший с Коммунистическим Интернационалом, объединял революционные профсоюзы. В 1928 г. в Профинтерне насчитывалось 17 млн. членов. К нему примыкали 3 млн. членов революционного меньшинства в реформистских профсоюзах.

Профинтерн внес значительный вклад в борьбу за повышение организованности пролетариата, расширение и укрепление его международной солидарности.

Профинтерн осуществлял руководство массовой забастовочной борьбой, выступлениями безработных, участвовал в кампаниях протеста против фашистского террора, проводил большую работу по

[1] Речь идет о непартийных массовых организациях трудящихся. Деятельность Коммунистического Интернационала и Рабочего социалистического интернационала рассматривается в последующих главах данного тома.

сплочению трудящихся и организации взаимопомощи рабочих. Большое внимание уделялось развитию профсоюзного движения в странах Азии, Африки и Латинской Америки. При этом Профинтерн особо указывал на обязанность профсоюзов развитых капиталистических стран активно бороться за независимость народов колоний и полуколоний. «Революционные союзы метрополий,— говорилось в решении III конгресса Профинтерна,— должны оказать самую решительную поддержку возникающим профсоюзам колониальных и полуколониальных стран. *Работа среди колониальных рабочих должна вестись под лозунгом независимости колонии от метрополии...* Чем интенсивнее будет борьба революционных союзов за независимость колоний, тем меньше подозрительности будет у колониальных рабочих по отношению к своим братьям по классу из метрополии»[1].

Борясь за осуществление единства профсоюзного движения, объединение рабочих всех политических убеждений, всех рас и национальностей в великую международную армию труда, Профинтерн подчеркивал: «Наша борьба должна идти под лозунгом *слияния* Профинтерна, Амстердамского Интернационала и Панамериканской федерации труда в единый, охватывающий профсоюзы всех стран, всех рас и всех континентов Интернационал. Такой Интернационал может быть создан путем *международного конгресса единства*, в котором должны принять участие профсоюзы, как входящие в один из существующих Интернационалов, так и стоящие вне их»[2]. Хотя реформисты отвергли эти предложения, Профинтерн не ослаблял усилий для достижения профсоюзного единства. В 30-х гг. многие красные профсоюзы слились с профсоюзами, в которых преобладало влияние социал-демократов[3]. Это способствовало усилению консолидации профсоюзного движения. В 1937 г. руководство Профинтерна, учитывая указанные благоприятные сдвиги и с целью содействия дальнейшему развитию процесса объединения профсоюзного движения, приняло решение о самороспуске.

Профинтерн участвовал в создании и деятельности ряда международных объединений трудящихся.

К числу таких объединений относилась *Международная рабочая помощь* (Межрабпом) — организация пролетарской солидарности, центральное место в деятельности которой занимала поддержка классовой и национально-освободительной борьбы трудящихся капиталистических и зависимых стран.

В капиталистических странах Межрабпом подвергался же-

[1] «Резолюции III конгресса Профинтерна». М., 1924, стр. 26.
[2] «IV сессия Центрального Совета Красного Интернационала профсоюзов 9—15 марта 1926 г. Отчет». М., 1926, стр. 120.
[3] См. *Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня.* Поворот в политике Коминтерна. Историческое значение VII конгресса Коминтерна. М., 1975, стр. 378.

стоким преследованиям, клеветническим нападкам реакционной печати. В особенно тяжелом положении Межрабпом оказался после прихода фашистов к власти в Германии, где он ранее базировался. В 1935 г. Межрабпом был реорганизован в специальную комиссию Коммунистического Интернационала [1].

В аналогичных условиях действовала МОПР — *Международная организация помощи борцам революции*. В 1927 г. в 44 секциях МОПР за рубежами СССР состояло около 4,2 млн. членов. В СССР число членов этой организации превышало 3,5 млн. [2]

МОПР вела работу по оказанию помощи жертвам репрессий, по поддержке и защите прав политзаключенных в капиталистических странах. Она способствовала усилению борьбы за единый фронт пролетариата [3]. В 1929 г. с помощью МОПР был создан Международный юридический союз (МЮС), объединявший прогрессивных адвокатов многих государств. Адвокаты — члены МЮС повсеместно оказывали юридическую защиту политическим заключенным и их семьям.

Активно действовал на международной арене Красный спортинтерн, ставивший своей задачей развитие спорта среди революционных рабочих мира. Спортинтерн объединял около 2 145 тыс. человек, в том числе 2 млн. рабочих СССР [4].

Профинтерн имел также тесные связи с такими организациями, как Интернационал свободомыслящих пролетариев, Международный кооперативный альянс, и другими международными объединениями.

Амстердамский интернационал (Международная федерация профсоюзов — МФП), ориентировавшийся на Рабочий социалистический интернационал, проводил политику классового сотрудничества. Устав, принятый III конгрессом МФП в 1924 г., провозглашал основной задачей федерации содействие развитию международного социального законодательства и образованию рабочих.

В годы мирового экономического кризиса (1929—1933) руководство МФП выдвинуло под давлением масс ряд конкретных требований: повышение заработной платы, установление 40-часовой рабочей недели, увеличение страхования по безработице и т. д. Однако путь к достижению этих целей оно видело не в действиях самих трудящихся, а в использовании механизма буржуазного государства, в развитии системы национального и международного арбитража во главе с Международной организацией труда. Лидеры Амстердамского интернационала по существу игнорировали профсоюзное движение за

[1] См. *Д. Мичев.* Межрабпом — организация пролетарской солидарности, 1921—1935. М., 1971.
[2] См. *А. И. Аврус.* МОПР в борьбе против террора и фашизма. 1922—1939. Саратов, 1976, стр. 81.
[3] См. *К. Цеткин.* Десятилетие МОПР. М., 1932; *Е. Д. Стасова.* 10 лет МОПР. М., 1933; *Ф. Кон.* Как был основан МОПР. М., 1932.
[4] См. Малая энциклопедия по международному профдвижению. М., 1927, стр. 623—627.

пределами Европы. В МФП в ходили только три неевропейских профсоюзных объединения (из Аргентины, Канады и Палестины).

Отказ от активной защиты интересов рабочего класса ослаблял влияние МФП. Если в 1920 г. федерация насчитывала 23 млн. членов, то в 1926 г.— 13,3 млн.[1]

Международная ассоциация трудящихся (Берлинский интернационал профсоюзов — МАТ). Оплотом этой анархо-синдикалистской организации были Испания, Португалия и латиноамериканские страны (Аргентина, Уругвай, Мексика). Группы МАТ имелись также во Франции, Германии, Голландии, Скандинавии и некоторых других государствах. В 1924 г. из 400 тыс. членов Берлинского интернационала 200 тыс. состояли в Национальной конфедерации труда Испании, 50 тыс.— в ВКТ Португалии и 60 тыс.— в ФОРА в Аргентине. В 1928 г. численность членов Берлинского интернационала снизилась до 162 тыс.[2] В дальнейшем МАТ превратилась в объединение мелких групп анархо-синдикалистов.

Международная конфедерация христианских профсоюзов (МКХП), опиравшаяся в своих действиях на концепцию классового сотрудничества, стремилась содействовать разрешению конфликтов между рабочими и предпринимателями в рамках государственных институтов. Вопреки своему руководству члены христианских профсоюзов нередко проводили забастовки, выступали в едином строю с остальными пролетариями. Неспособность христианского синдикализма последовательно и эффективно защищать интересы угнетенных классов приводила к отходу от него широких масс. С 1920 по 1937 г. численность конфедерации снизилась с 3,6 млн. до 1,5 млн. человек. В мае 1940 г. она прекратила свое существование[3].

Женское движение. Трудящиеся женщины составили значительный отряд международного рабочего класса. В рассматриваемый период заметно возросло влияние коммунистов в женском пролетарском движении. Постоянной формой организационной и идеологической работы компартий среди трудящихся-женщин были делегатские собрания, комитеты действия, контрольные комиссии, женские кружки, женские школы, клубы, уголки в жилых кварталах и на предприятиях. Издавался международный женский журнал на немецком языке «Ди коммунистише фрауэнинтернационале».

По решению IV конгресса Профинтерна (1928 г.) был создан Международный профсоюзный комитет работниц, в который вошли представительницы 12 стран, в том числе четыре — от профсоюзов СССР. Для усиления работы по вопросам, связанным с женским тру-

[1] См. «История международного рабочего и национально-освободительного движения», ч. II (1917—1939 гг.). М., 1969, стр. 648.
[2] См. *У. З. Фостер.* Очерки мирового профсоюзного движения. М., 1956, стр. 341—342.
[3] См. *М. Я. Домнич.* Очерки истории христианского синдикализма. М., 1976, стр. 139—142.

дом, был образован также Секретариат Международного профкомитета работниц.

Женское коммунистическое движение оказывало большое воздействие на все фракции международного женского движения и активизацию борьбы женщин во всем мире, что особенно интенсивно проявилось в 30-х гг., когда женское коммунистическое движение стало использовать более гибкие формы установления контактов и совместной борьбы революционных, социал-демократических, пацифистских, прогрессивных антивоенных и антифашистских организаций женщин.

В 1930 г. Коминтерн провел Международную женскую конференцию европейских стран, на которой была выработана тактика женского рабочего движения в борьбе против войны[1].

В августе 1934 г. в Париже состоялся Всемирный конгресс женщин против войны и фашизма. 1096 его делегаток представляли многомиллионное антифашистское и антивоенное женское движение, объединившее в своих рядах борцов различных политических направлений, идейных течений и религиозных убеждений.

На Конгрессе был учрежден Международный женский комитет против войны и фашизма, который активно действовал вплоть до сентября 1939 г.

Реформистское течение в женском рабочем движении представлял Международный женский социалистический секретариат, действовавший под руководством международной социал-демократии. При Амстердамском интернационале профсоюзов был создан Международный комитет работниц, при Лондонском кооперативном альянсе — Международная женская кооперативная гильдия.

Движение рабочей молодежи. В авангарде борьбы рабочей молодежи мира шла коммунистическая молодежь. Состоявшийся в июле 1924 г. IV конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ) взял курс на идейно-организационное укрепление коммунистических союзов молодежи, превращение их в подлинно ленинские организации, способные вести за собой широкие массы молодежи. Значительно оживилась работа секций КИМа на предприятиях, в профсоюзах, районах, школах, в различных массовых юношеских организациях.

КИМ добился заметных успехов в борьбе за создание единого антифашистского фронта молодежи. Весной 1933 г. КИМ обратился к руководству Социалистического интернационала молодежи (СИМ) с предложением об организации совместного отпора фашистской реакции. Это предложение встретило широкую поддержку социалистической молодежи.

В сентябре 1933 г. в Париже был проведен Международный конгресс молодежи против войны и фашизма, на котором впервые после

[1] См. «Женское коммунистическое движение в капиталистических странах». М., 1931.

первой мировой войны собрались представители коммунистических, социалистических, христианских и буржуазных организаций молодежи[1].

Состоявшаяся в апреле 1935 г. в Париже Международная юношеская конференция за мир, свободу и прогресс высказалась за создание Всемирного объединения молодежи и созыв в этой связи интернационального слета. В июне 1935 г. в Женеву прибыли представители Коммунистического, Социалистического и Христианского интернационалов молодежи, Мирового студенческого комитета борьбы против войны и фашизма и других организаций, с тем чтобы потребовать от сессии Международной организации труда, обсуждавшей проблему безработицы среди молодежи, энергичных мер по борьбе с этим социальным злом. Впервые представители крупнейших международных объединений молодежи выступили сообща.

VI конгресс КИМа (сентябрь—октябрь 1935 г.), на котором присутствовали комсомольцы из 52 стран, представлявшие 223,5 тыс. членов комсомола из капиталистического мира и 3,5 млн. членов ВЛКСМ[2], высказался за сотрудничество союзов коммунистической и социалистической молодежи, за создание единого Интернационала молодежи[3]. КИМ поддержал предложение Международного объединения союзов друзей Лиги наций созвать в Женеве Всемирный конгресс молодежи. И хотя руководители СИМа и некоторых его секций предпочли остаться в стороне, I Всемирный конгресс молодежи за мир, состоявшийся в августе—сентябре 1936 г. в Женеве, оказался весьма представительным: на нем присутствовало 700 делегатов из 36 стран и 11 международных объединений[4]. Участники конгресса приняли обращение к молодежи всех стран с призывом объединить свои силы в защиту мира.

В конце декабря Комитет, переименованный в Совет движения Всемирного конгресса молодежи, выступил с обращением превратить 1937 год в год похода молодежи за мир на основе пропаганды и защиты одобренных конгрессом принципов: уважение международных, свободно принятых обязательств; организация коллективной безопасности и разоружения; союз всех молодежных сил против всякой агрессии, откуда бы она ни исходила[5]. Призывы конгресса и его

[1] См. «Против войны и фашизма. Материалы Мирового антивоенного и антифашистского конгресса молодежи», Париж, 22—24 сентября 1933». М., 1934. стр. 23—24.
[2] См. «Коминтерн, КИМ и молодежное движение (1919—1943)». Сборник документов, т. 2. М., 1977, стр. 306.
[3] См. «Молодежь в борьбе за единый фронт. Материалы VI Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала Молодежи». М., 1938, стр. 155—159.
[4] См. *М. Вольф*. Всемирный конгресс молодежи. М., 1936, стр. 16—20.
[5] См. «Коминтерн, КИМ и молодежное движение», т. 2, стр. 189—190.

постоянного органа нашли широкий отклик: только за 2 года после конгресса национальные молодежные комитеты мира появились в 26 странах[1].

На II Всемирный конгресс молодежи в Вассар-колледже (близ Нью-Йорка) в августе 1938 г. приехали посланцы из 54 стран, представлявшие 40 млн. молодых сторонников мира пяти континентов[2]. В резолюции II конгресса в защиту мира, известной как Вассарский пакт, содержался призыв к объединению молодежи и мобилизации общественного мнения против военной агрессии[3].

КИМ провел большую работу по организации в различных странах кампаний солидарности с испанскими антифашистами. В апреле 1937 г. руководство Исполкома СИМа после неоднократных обращений Объединенной социалистической молодежи Испании и КИМа приняло решение войти в Международную комиссию помощи испанской молодежи и присоединиться к движению Всемирного конгресса молодежи за мир[4]. С поворотом СИМа к политике сотрудничества почти все крупнейшие международные объединения молодежи, за исключением католических, нередко проявлявших непоследовательность и колебания[5], оказались вовлеченными в движение, направленное против фашизма, за мир, свободу и прогресс. Сближение коммунистической и социалистической молодежи привело в целом ряде стран к их организационному объединению.

Борьба КИМа за создание антифашистского единства способствовала огромному росту коммунистических организаций молодежи во всем мире. За 5 лет, с 1934 по 1939 г., число членов секций КИМа и примыкавших к нему организаций (без ВЛКСМ) выросло со 110 тыс. до 746 тыс.[6]

Самоотверженная работа организаций КИМа способствовала сближению прогрессивных сил молодежи, и прежде всего ее пролетарских отрядов, мобилизации на антивоенную и антифашистскую борьбу миллионных масс молодых людей и тем самым оказала значительное воздействие на ход исторических событий.

В рядах Социалистического интернационала молодежи (СИМ)

[1] См. «Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ», т. 1 (1918—1941 гг.). М., 1969, стр. 580.

[2] «Основные этапы международного молодежного движения (80-е годы XIX в.— 70-е годы XX в.)». М., 1976, стр. 36.

[3] См. «Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945)». М., 1962, стр. 90.

[4] См. *М. Вольф.* Три года борьбы за единство трудящейся молодежи. М., 1938, стр. 18—19.

[5] Христианский интернационал молодежи не принял участия во II Всемирном конгрессе молодежи в 1938 г.

[6] «Ленинский комсомол. Очерки по истории ВЛКСМ», т. I (1918—1941 гг.), стр. 580.

в 1926 г. состояло 179,7 тыс. членов[1], в 1939 г.— 287 тыс.[2] Движение практически не выходило за рамки Европейского континента. Организационно СИМ не входил в состав Рабочего социалистического интернационала, но следовал в фарватере его общей политики. СИМ поддерживал тесные отношения с Амстердамским интернационалом профсоюзов.

В 30-х гг. в широких массах социалистической молодежи, несмотря на противодействие правых лидеров РСИ и СИМ, усилились левые настроения, тяга к единству действий с молодыми коммунистами.

В 1937 г. СИМ согласился на контакты с КИМом, стал принимать участие в отдельных совместных выступлениях рабочей и демократической молодежи. Это позволило руководству СИМа сохранить определенный контроль над своими секциями, но фактически оно не было готово к активной антифашистской борьбе. В первые же месяцы войны СИМ прекратил свое существование.

Так называемый Христианский, или Католический, интернационал молодежи объединял национальные федерации молодежи 25 стран, насчитывавшие в своих рядах около 3 млн. членов.

В 1924 г. в Бельгии, а в последующие годы и в других странах были основаны организации христианской рабочей молодежи, так называемые ЖОК, а к концу 20-х гг.— организации сельской молодежи, которые обычно действовали в составе более крупных национальных и международных объединений. Лидеры ЖОК заявляли, что «цель жосистов — рехристианизировать массы, введенные в заблуждение материалистическим социализмом»[3]. Вместе с тем давление масс заставляло лидеров ЖОК выдвигать конкретные социальные требования. Некоторые местные организации жосистов, особенно во Франции, шли на контакты с социалистической и коммунистической молодежью.

Опорой левой оппозиции руководству католического движения была Мировая католическая лига молодежи (МОКА). МОКА, выступавшая под лозунгом «Католики всех стран, соединяйтесь!», в значительной мере отражала пацифистские настроения части рабочей молодежи. Члены организации поддерживали отдельные акции компартий против милитаризма и гонки вооружений.

В 30-х гг. многие рядовые католики вопреки официальным установкам Ватикана примкнули к всемирному движению молодежи против войны и фашизма, за мир и сотрудничество между народами. На I Всемирном конгрессе молодежи за мир в 1936 г. их представители признали возможность сотрудничества с коммунистами.

[1] *Г. Конрад.* СИМ. Социалистический интернационал молодежи. М., 1931, стр. 19.
[2] *R. Luza.* History of the International Socialist Youth Movement. Leyden, 1970, p. 54.
[3] *F. Godefroid.* Le Jocisme. Bruxelles, 1930, p. 11.

В 20-х и 30-х гг. во всем мире происходил бурный рост *кооперативного движения*. Накануне второй мировой войны число кооператоров превысило 143 млн.

Большое значение имело вступление в Международный кооперативный альянс (МКА) советских кооперативов. Деятельность представителей советских кооперативов и кооператоров-коммунистов других стран оказывала значительное воздействие на развитие кооперативного движения во всем мире в пользу пролетарской тенденции. Хотя коммунисты составляли меньшинство организаций Международного кооперативного альянса, их идеи и взгляды пробивали себе путь в кооперативном движении. Так, руководство МКА, вначале встретившее в штыки требование отказаться от принципа «политической нейтральности», вынуждено было в дальнейшем вносить коррективы в свою политику. В 1927 г. на конгрессе Альянса в Стокгольме, а затем в 1928 г. на заседаниях Исполкома рассматривались вопросы противодействия кооперативных организаций капиталистическим трестам, монополиям и их международным объединениям. В 1930 г. конгресс МКА в Вене принял резолюцию, в которой осуждалась эксплуатация потребителей капиталистическими картелями и трестами и содержался призыв к трудящимся-кооператорам требовать установления контроля за деятельностью монополий. Руководство МКА обратилось в Лигу наций с просьбой допустить его представителей для участия в Международной конференции по разоружению в Женеве (1932 г.), и эта просьба была удовлетворена.

В 1933 и 1936 гг. МКА обращался к кооператорам с призывом отстаивать свои права и свободы, объединяться в защиту кооперативных организаций.

В решении состоявшейся в июне 1933 г. в Базеле чрезвычайной конференции МКА подчеркивалось, что «мир является целью международного кооперативного движения и главным условием восстановления хозяйства», провозглашался принцип солидарности кооператоров в борьбе с реакцией[1]. Представители МКА участвовали в конференции сторонников движения за мир, проведенной в Париже в 1936 г., и в своих выступлениях потребовали, в частности, сокращения производства вооружений.

В 1937 г. Пражский конгресс МКА большинством голосов отверг «политический и религиозный нейтралитет» как всеобщий принцип кооперативного движения и тем более как обязательное условие для приема той или иной кооперативной организации в Альянс.

Существенные сдвиги, происшедшие в структуре рабочего класса, в уровне его классового сознания и организованности, во многом определили важнейшие черты всего рабочего движения в рассматриваемый период.

[1] *W. P. Watkins.* The International Cooperative Alliance. 1895—1970. London, 1970, p. 200.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ВРЕМЕННОЙ, ЧАСТИЧНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА

ПРОТИВОРЕЧИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

Частичная стабилизация капитализма, начавшаяся в США и некоторых других странах в 1922—1923 гг., охватила с 1924 г. почти весь капиталистический мир. Экономика капиталистических стран вступила в фазу циклического подъема, сопровождавшегося ростом концентрации и централизации капитала. Уже в 1925 г. индекс мирового промышленного производства был на 20% выше довоенного показателя.

Быстро росла экономическая мощь монополий, в руках которых сосредоточилась подавляющая часть национальной продукции во всех важнейших отраслях промышленного производства. В ведущих отраслях промышленности возникли монополии-гиганты: «ИГ Фарбениндустри» и «Стальной трест» в Германии, Имперский химический трест в Англии, мощные автомобильные объединения в автомобильной промышленности: «Форд» — в США, «Ситроен» и «Рено» — во Франции. Процесс концентрации капитала шел сравнительно быстрыми темпами и в сельском хозяйстве.

Происходило относительное укрепление буржуазных государственных режимов. Неудача прямого штурма капиталистического строя в ряде стран в предшествующий период, поражение революционных выступлений в Европе в 1923 г. были одним из важнейших факторов, обусловивших переход к полосе замедленного развития революционного процесса, к упрочению власти капитала.

Частичная стабилизация охватила и сферу международных отношений капиталистических стран. В результате создания Версальско-Вашингтонской системы договоров мир был поделен и перекроен на основе нового соотношения сил между империалистическими державами. Принятый в 1924 г. «план Дауэса», освобождавший Германию от значительной части репарационных платежей, временно смягчил наиболее острые противоречия Германии с державами-победительницами. В то же время этот план исходил из намерения превратить Советский Союз в рынок сбыта для промышленных товаров Германии и сорвать индустриализацию СССР. По Локарнским соглашениям (октябрь 1925 г.) империалисты Антанты гарантировали неприкосновенность границ на западе Германии, но отказались дать такую гарантию в отношении границ на востоке, указывая тем самым направление для будущей экспансии германского империализма. Это

была политика, рассчитанная на разрешение части межимпериалистических противоречий путем антисоветского сговора.

Частичная стабилизация капитализма сопровождалась также усилением идейно-политического воздействия буржуазии и социал-реформизма на трудящихся, распространением буржуазно-парламентских и реформистских иллюзий в массах. Питательной почвой для этих явлений были подъем капиталистической экономики, улучшение материального положения части мелкой буржуазии города и деревни, повышение заработной платы некоторых отрядов рабочего класса [1].

Эти черты частичной стабилизации капитализма, не отражавшие всех глубинных противоречий развития, были истолкованы буржуазными идеологами и политиками как наступление эры «вечного процветания», стирания противоречий между классами. Генри Форд, ставший властителем дум буржуазии, уверял, будто капиталисты и рабочие стали теперь партнерами, из которых одни вкладывают в производство деньги, а другие — «свою энергию и мастерство», и их сотрудничество основано-де «на общем интересе к производимой работе»[2]. Буржуазные идеологи утверждали, что капитализм окончательно залечил свои раны, ему не грозят теперь революционные потрясения, так как разрешение всех общественных вопросов все больше осуществляется «конструктивными методами» и путем компромиссов.

Социал-демократия рассматривала процессы стабилизации как начало периода, ведущего к постепенному реформистскому преобразованию капитализма. В выступлениях К. Каутского, Р. Гильфердинга и других социал-демократических теоретиков в 1924—1927 гг. была изложена концепция, согласно которой рост монополий и государственно-монополистических тенденций ограничивает конкуренцию, ведет к преодолению анархии производства и означает переход к «организованному капитализму»; государство при этом якобы все больше превращается в надклассовый орган. Путем расширения представительства рабочего класса в государстве, в хозяйственных органах монополий, утверждали лидеры социал-демократии, можно достичь постепенной передачи руководства «организованным капитализмом» самому обществу, что и явится-де переходом к социализму [3].

[1] В Англии реальная заработная плата работающих по найму повысилась в 1924—1929 гг. с 87 до 92 пунктов (1920 г.=100), во Франции — со 107 до 109 (1914 г.= 100), в Германии — с 74 до 98 (1913/14 г. = 100). Улучшились условия жизни трудящихся в Скандинавских странах, особенно в Швеции, хотя рост жизненного уровня коснулся главным образом высококвалифицированных рабочих (см. «Реальная заработная плата в период общего кризиса капитализма». М., 1962, стр. 48, 163, 246).

[2] *Генри Форд.* Сегодня и завтра. М.— Л., 1927, стр. 17.

[3] «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz». Berlin, 1925, S. 7, 283; «Sozialdemokratischer Parteitag 1927 in Kiel. Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz». Berlin, 1927, S. 166—170; *К. Каут-*

На этом «теоретическом фундаменте» строилась вся социал-реформистская политика. Правой социал-демократии удалось в большей мере, чем когда-либо прежде, увлечь массовые реформистские организации на путь классового сотрудничества с буржуазией.

Новый исторический период, по мнению буржуазных и правых реформистских лидеров, не оставлял почвы для революционной борьбы.

В этих условиях чрезвычайно важное значение приобретал марксистско-ленинский анализ стабилизационных процессов. Только на его основе можно было правильно оценить перспективы исторического развития, пути мирового революционного процесса и сформулировать задачи революционного рабочего движения. Коминтерн и компартии смогли принципиально верно охарактеризовать основные черты капиталистической стабилизации. Видные деятели коммунистического движения, среди них К. Цеткин, П. Тольятти, Г. Димитров, У Галлахер, О. Куусинен, В. Коларов, Э. Тельман, Е. Варга, Д. Мануильский, С. Лозовский, Ж. Жакмот и др., обобщая данные о развитии капитализма, о его противоречиях, о противоборстве двух систем в мире, выдвигали положения, творчески развивавшие ленинский анализ новой исторической эпохи. Исследуя изменения в социально-экономическом и политическом развитии капитализма, углубляя критику буржуазных теорий «процветания» и социал-реформистской теории «организованного капитализма», Коминтерн и компартии выработали на основе ленинского учения научную концепцию общего кризиса капитализма. Ее создание явилось важным вкладом коммунистов в идейно-теоретическое развитие революционного рабочего движения[1].

Характеризуя капиталистическую стабилизацию, коммунисты подчеркивали, что она происходит в рамках общего кризиса капитализма, а поэтому частична, временна и неизбежно несет в себе возможность новых социальных взрывов и межимпериалистических столкновений.

Кардинальное значение имел тот факт, что мировая система капитализма уже не была безраздельно господствующей. Устои капиталистического порядка подрывало само существование и развитие СССР, строившего новую, более высокую форму общественной жизни. В мире развертывалась борьба двух противоположных социально-экономических систем. Это противоборство с чрезвычайной остротой проявлялось в политической области: классовая борьба поднялась на

ский. Материалистическое понимание истории, т. II. М.— Л., 1931, стр. 463, 471, 474, 599; *Р. Гильфердинг*. Капитализм, социализм и социал-демократия. М.— Л., 1928, стр. 106—108.

[1] См. *Б. Н. Пономарев*. Историческое значение Коминтерна.— «Коминтерн и его революционные традиции. Материалы научной сессии, посвященной 50-летию образования Коммунистического Интернационала. Москва, 25—26 марта 1969 г.». М., 1969, стр. 17.

новый уровень, ибо на мировой арене теперь выступал рабочий класс, имевший свое государство[1]. Никакие стабилизационные процессы капитализма не могли устранить из жизни величайший всемирно-исторический факт прорыва цепи империализма и рождения мира социализма.

Циклическая фаза подъема капиталистической экономики, увеличение производства и рост технического прогресса происходили в условиях нарастания внутренних противоречий, усугублявшихся в связи с воздействием общего кризиса капитализма. Создание новых производственных мощностей, дальнейшая концентрация капитала и усиление монополий, все большее сосредоточение богатства и доли национального дохода в их руках, расширение масштабов эксплуатации, рост государственно-монополистических тенденций, появление международных монополий — все это неизбежно вело к расширенному воспроизводству капиталистических противоречий.

Скрытое назревание взрыва этих противоречий сказывалось в пролетаризации все большей массы населения, увеличивающейся недогрузке производственных мощностей, нарастании диспропорций в экономике, хронической безработице, отставании платежеспособного спроса от роста производства и т. д. Исходя из такого анализа, Коминтерн уже в 1928 г. отметил начавшееся расшатывание капиталистической стабилизации и предсказал наступление глубокого экономического кризиса.

Развертывание и углубление кризиса колониальной системы империализма также подрывали стабилизацию капитализма. Пробужденные Октябрем народы Востока поднимались на борьбу против империалистического господства, наносили удары по тылам империалистической системы. Буквально в тот год, когда частичная стабилизация распространилась на капиталистический мир, развернулась национально-освободительная революция в Китае. За ней последовали и другие вспышки освободительной борьбы масс в ряде угнетенных стран. Рост эксплуатации колоний, карательные меры империалистов против национально-освободительного движения вели к углублению и обострению противоречий между империализмом и народами угнетенных стран. VI пленум ИККИ (февраль—март 1926 г.) констатировал, что в ослаблении стабилизации громадную роль играет «рост антиимпериалистического движения в колониях и полуколониях»[2].

Неустойчивый, временный характер стабилизации обусловливался также тем, что усиливалась неравномерность, скачкообразность развития капиталистических стран. Перемещение экономического

[1] См. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933, стр. 13.

[2] См. «Шестой расширенный Пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля — 15 марта 1926 г.)». Стенографический отчет». М.— Л., 1927, стр. 607.

центра капиталистического мира в США; падение удельного веса Англии в мировом капиталистическом производстве и топтание на месте Франции; возвращение Германии, ущемленной Версальским договором, на путь империалистической политики; быстрый рост экономической мощи Японии; усиление борьбы за нефть и другие источники сырья, милитаризация экономики и т. д.— все эти процессы неотвратимо вели к углублению межимпериалистических противоречий, к образованию новых военных блоков.

Капиталистическая стабилизация не могла «отменить» объективно действующие законы капитализма и устранить из жизни классовую борьбу. Само отступление рабочего класса капиталистических стран носило относительный характер. Спад революционной волны и экономический бум объективно способствовали временному разочарованию масс в революционных методах классовой борьбы и росту иллюзий о возможностях реформистской политики. Все это вызвало снижение политической и социальной активности значительных масс трудящихся по сравнению с первыми послевоенными годами. Но в целом уровень организованности рабочего класса был намного выше, чем до первой мировой войны. Возросшее влияние рабочих партий, а главное, формирование революционного авангарда международного пролетариата, усиление профсоюзов, общее повышение политической активности масс позволили рабочему классу вести энергичную борьбу за свои социальные и политические интересы. Стремление буржуазии взвалить все издержки стабилизации на плечи трудящихся, осуществление предпринимателями капиталистической рационализации, связанной с дальнейшей интенсификацией труда, вызывали отпор со стороны рабочего класса.

Капиталистическая стабилизация, таким образом, не могла вывести капитализм из состояния общего кризиса. Она не давала никаких оснований для реформистских пророчеств о том, что капитализм якобы вновь укрепился на целую историческую эпоху. К тому же капиталистическая стабилизация являлась не только объективным процессом, но и объектом классовой борьбы: на ее ход оказывало большое воздействие то, насколько сильно, организованно и целеустремленно выступает против буржуазной политики революционное рабочее движение.

В большинстве капиталистических стран укрепление политического господства буржуазии осуществлялось в эти годы в рамках буржуазно-демократических режимов. Но в ряде стран существовали фашистские или военно-авторитарные режимы, установленные в начале 20-х гг. (Италия, Болгария, Венгрия, Испания и др.). Здесь гражданские права были значительно урезаны или ликвидированы, парламенты или распущены, или фашизированы, рабочие партии и классовые профсоюзы либо запрещены, либо ограничены в своей деятельности, причем коммунисты преследовались наиболее ожесточенно. Внедрялась единая реакционная система пропаганды и воспита-

ния. Ее отличительными чертами были антикоммунизм, враждебность демократии, шовинизм и милитаризм. Фашистская идеология была насквозь пропитана демагогией, в том числе демагогией социальной. Усиление (или даже всесилие) исполнительной власти в ряде случаев вело к установлению личной диктатуры. Особую роль в жизни общества и государства при фашистском режиме играла фашистская партия, располагавшая своими вооруженными формированиями[1]. Фашизм стремился также опереться на армию и наиболее реакционные круги военщины.

Режимы фашистского типа или военно-авторитарные режимы в годы частичной стабилизации капитализма были установлены в Португалии (1926 г.), а также в некоторых странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где классовые противоречия приобрели особенно острый характер. Это свидетельствовало о том, что фашистские движения вовсе не сошли на нет и не перестали быть актуальной опасностью по крайней мере в ряде стран.

В большинстве же капиталистических стран фашистские движения и партии в обстановке частичной стабилизации капитализма вынуждены были отойти на задний план[2]. Мелкобуржуазные массы, материальное положение которых несколько улучшилось, стали покидать фашистские формирования. Буржуазия этих стран не рассматривала в то время фашизм как свое главное орудие. Коммунисты видели, что в этих странах при сложившихся условиях фашизм, как писал П. Тольятти, «не соответствует цели наступления против пролетариата... Борьба в этих странах ведется по другому плану, более «экономическими» средствами»[3]. Однако и в этих странах партии крупного капитала, не отказываясь от буржуазно-демократических форм правления, попустительствовали фашистскому движению, поддерживали его в той или иной мере в качестве своего резерва на случай обострения классовой борьбы.

В политике буржуазии крупнейших стран в годы частичной стабилизации капитализма происходят значительные изменения методов борьбы против рабочего класса и его революционных партий. Фронтальные насильственные методы уступают место комбинированным методам, сочетающим драконовские меры против рабочих с уступками, с изощренными приемами раскола рабочего движения, обхаживания реформистских рабочих лидеров. Если в прошлом буржуазия в целом отрицательно относилась к участию социал-демократов в правительстве, то после первой мировой войны формирование социал-демократических правительств стало обычным в политической жизни ряда стран. Это свидетельствовало не только о возросшем влиянии реформистских партий на избирателей, но и о сужении социаль-

[1] См. *П. Тольятти.* Лекции о фашизме, М., 1974, стр. 65—66.
[2] См. «История фашизма в Западной Европе». М., 1978, стр. 397.
[3] *П. Тольятти.* Фашизм и стабилизация.— «Коммунистический Интернационал», 1926, № 10—11, стр. 67.

ной опоры буржуазных партий, утративших способность управлять страной без сотрудничества с реформистскими рабочими лидерами. Буржуазия вынуждена была учитывать изменившееся соотношение сил и использовать блоки с социал-демократией в своей политике. Но это несло с собой и серьезную опасность для рабочего движения.

Расширение возможностей реформистской деятельности в рамках классового сотрудничества способствовало усилению оппортунистических тенденций в политике и идеологии социал-демократии. Сотрудничество с социал-демократическими лидерами позволяло буржуазии маневрировать, расширять социальную базу своего политического господства. Большинство социал-демократических лидеров, поддерживая основные буржуазные оценки капиталистической стабилизации, фактически взяли курс на приспособление к капиталистическому развитию.

Правое крыло международного социал-демократического движения, выдвинув концепцию постепенного врастания в социализм в результате деятельности социалистов в буржуазном парламенте и буржуазном правительстве, считало приемлемым участие социал-демократов в правительстве практически на любых условиях.

Однако итоги правительственной деятельности социал-демократов были весьма скромными. Добившись принятия ряда частичных социальных мер, отвечающих наиболее неотложным нуждам трудящихся, социал-демократические лидеры нигде не обеспечили реализацию демократических социально-экономических реформ, которые они декларировали. Национализация промышленности или отдельных ее отраслей в период вхождения социал-демократов в правительства практически не была осуществлена нигде. Социал-демократы не смогли ни существенно смягчить, ни тем более решить проблему безработицы. Выдвинутые социал-демократами лозунги прогрессивного налога на капитал и гарантированной государством «справедливой» заработной платы остались пустым звуком.

Результаты правительственной деятельности социал-демократов были настолько далеки от обещанной борьбы против капиталистического господства, что породили разочарование в самом социал-демократическом движении, вызвали в его рядах критику политики сотрудничества с буржуазией на правительственном уровне.

В сложившейся обстановке рабочее движение остро нуждалось в политике, способной обеспечить идейно-политическую самостоятельность рабочего класса от буржуазии, эффективность его борьбы за социальный прогресс, демократию и мир.

ПОЛИТИКА КОММУНИСТОВ НА НОВОМ ЭТАПЕ

Частичная стабилизация капитализма означала, что время революционного штурма сменилось периодом позиционной классовой борьбы. Наступила, как отмечал в своих решениях Коминтерн, полоса

«более или менее затяжного развития мировой революции»[1]. На первый план выдвинулись задачи отпора наступлению капитала, защиты ближайших экономических и политических требований трудящихся, всесторонней подготовки рабочего класса и его организаций. Перед коммунистами с большей настоятельностью, чем прежде, встала задача консолидации коммунистических партий, их всестороннего идейно-политического и организационного укрепления, расширения и упрочения связей с массами.

Коммунисты понимали, что в сложившейся обстановке не могло быть речи об осуществлении политики революционного штурма; но они не менее решительно отвергали и социал-реформистский курс, лишавший рабочий класс политической самостоятельности и сковывавший его путами классового сотрудничества с буржуазией. Необходимо было, развивая решения III и IV конгрессов Коминтерна, выработать боевую классовую политику, учитывающую новые условия и задачи, а также перспективу обострения классовых битв в будущем.

Коммунистическое движение начало обсуждение задач рабочего движения в изменившихся условиях на *V конгрессе Коминтерна.* Он работал в Москве с 17 июня по 8 июля 1924 г. 504 делегата представляли 50 коммунистических и рабочих партий и 10 международных организаций. Это был первый конгресс, собравшийся без основателя и руководителя Коммунистического Интернационала В. И. Ленина. Смерть вождя международного коммунистического движения, великого продолжателя учения К. Маркса и Ф. Энгельса была невосполнимой утратой для рабочего класса всего мира, для всего прогрессивного человечества. Но Ленин оставил коммунистам непобедимое оружие — учение, поднявшее марксистскую революционную теорию на высшую ступень, соответствующую потребностям новой исторической эпохи.

На следующий день после открытия V конгресса Коминтерна его делегаты собрались у Мавзолея В. И. Ленина, где перед ними с докладом «Ленинизм и Коминтерн» выступил М. И. Калинин. Докладчик подчеркнул великую преобразующую силу ленинизма — «этого лучшего орудия, которое выковано пролетариатом в его борьбе за свое освобождение»[2]. На V конгрессе Коминтерна и V расширенном пленуме ИККИ (март—апрель 1925 г.) с особой силой было обосновано положение о том, что ленинизм есть марксизм новой исторической эпохи, что он является новым этапом в развитии учения Маркса и что помимо ленинизма, *«без ленинизма в нынешней обстановке не может быть революционного марксизма»*[3]. Был дан решительный от-

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 475.
[2] «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. I. М.— Л., 1925, стр. 33, 40.
[3] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 479.

пор оппортунистическим попыткам оторвать ленинизм от марксизма, истолковать ленинизм как национально-специфическое учение, порожденное российскими условиями. Был подчеркнут универсальный, международный характер ленинской теории, основанной на историческом опыте всего мирового революционного движения[1].

Центральным вопросом, который обсуждался на V конгрессе Коминтерна и V расширенном пленуме ИККИ, был вопрос об идейно-политическом и организационном укреплении коммунистических партий, о превращении их в действительно боевые партии нового типа, о создании массового пролетарского движения под знаменем идей Маркса — Энгельса — Ленина.

Ход предшествующих классовых битв показал, что коммунистические партии хотя и шли в первых рядах борющегося пролетариата, но еще не были достаточно закаленными, сильными и опытными, умело владеющими всем арсеналом марксистско-ленинской политики. Большинство компартий не были массовыми. Борьба за идейно-политическое и организационное укрепление компартий приобретала особое значение также в связи с тем, что в условиях частичной стабилизации капитализма, замедления темпов революционного развития и усиления реформистского влияния необходимо было «создать оплот против колебаний, удержать в наших рядах лучшие элементы пролетарского авангарда и увеличить их число, удержать самое знамя пролетарской революции и тем самым суметь в самой трудной обстановке сплотить такое пролетарское ядро, которое будет подготовлять и организовывать пролетарскую революцию *при всех и всяких условиях*»[2].

Задачи укрепления коммунистических партий были сформулированы в тех исторических условиях как политика «большевизации секций Коммунистического Интернационала». В документах Коминтерна по этому вопросу суть большевизации была определена как усвоение секциями Коминтерна всего того, «что в русском большевизме было и есть международного, общезначимого»[3], как учет и применение «опыта РКП(б) в трех русских революциях, а также, разумеется, и опыта каждой другой секции, имеющей за собою серьезные битвы»[4]. Этим отвергались домыслы противников коммунизма и оппортунистов, будто большевизация нацеливала только на овладение российским опытом и игнорировала значение уроков борьбы в других странах. Само усвоение опыта большевиков также мыслилось как творческое, а не догматическое. Указывалось, что большевизацию «надо проводить, верно следуя заветам Ленина и *учитывая при этом конкретную обстановку в каждой стране*[5].

[1] См. «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 480.
[2] Там же, стр. 475.
[3] Там же, стр. 412.
[4] Там же, стр. 477.
[5] Там же, стр. 396.

Задачи идейно-политического и организационного укрепления своих рядов компартии связывали с использованием и развитием революционных традиций своих народов, всего лучшего в идейном наследии рабочего класса. Для сознательного участия в борьбе необходимо было, говорилось в решениях Коминтерна, чтобы французский коммунист знал сочинения Лафарга и наиболее сильные стороны гедизма, чтобы английские коммунисты воспитывались в духе уважения к чартизму, чтобы германские коммунисты знали опыт борьбы германской социал-демократии в эпоху исключительного закона против социалистов, умели использовать произведения В. Либкнехта, Л. Бебеля и других рабочих лидеров против оппортунизма, чтобы русские коммунисты не забывали блестящие страницы в деятельности Плеханова тех времен, когда он был марксистом. «Большевизировать партию означает... сделать ее на основе ленинизма сознательной продолжательницей всего того, что было подлинно революционного и подлинно марксистского и в I, и во II Интернационалах»[1]. Лозунг «большевизации», таким образом, не только не предполагал нивелировки тактики по какому-то единому образцу, отказа партий от своего индивидуального лица, от своих национальных революционных традиций, а как раз требовал творческого усвоения и развития этих традиций.

Чрезвычайное значение придавалось тому, чтобы компартии стали действительно массовыми. Коминтерн осудил мнения, будто массовость неизбежно ведет к оппортунистическому перерождению. В строительстве компартий могут возникнуть опасности: с одной стороны, «угроза превратиться в «секты «чистых» коммунистов, обладающих «хорошими» принципами, но не умеющих прийти в соприкосновение с массовым рабочим движением данного периода; с другой стороны, опасность превратиться в бесформенную полусоциал-демократическую партию в тех случаях, когда партия не умеет сочетать борьбу за завоевание широких рабочих масс с верностью принципам коммунизма»[2]. Указывая на необходимость вести борьбу на два фронта — против правого и «левого» оппортунизма, Коминтерн подчеркивал, что при правильной политике и правильной идейно-воспитательной работе партия будет развиваться и крепнуть на здоровой основе.

Как важнейшая предпосылка превращения компартий в массовые боевые партии рассматривалась их организационная перестройка на основе производственных ячеек; территориальные (уличные) ячейки оценивались как подсобные формы. Были сделаны также принципиальные выводы о воспитании и отборе партийных кадров, сплочении руководящего ядра партии, методах работы партийного аппарата, взаимосвязи партийной дисциплины и внутрипартийной демократии. Указывалось, что многие внутрипартийные кризисы возникали

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 480.
[2] Там же, стр. 476.

в отдельных партиях вследствие отсутствия необходимого минимума внутрипартийной демократии, что сковывало инициативу снизу. «Система демократического централизма,— говорилось в решении VI пленума ИККИ,— должна функционировать так, чтобы не только *сверху вниз* шли директивы и руководство, но и *снизу вверх* шло бы подлинное, свободное выражение мнений и воли всей массы членов нашей партии.

Демократический централизм есть не только дисциплина, но дисциплина плюс подлинная выборность руководящих органов, плюс свобода обсуждения внутри партии всех вопросов (кроме моментов непосредственного действия, когда вопрос уже разрешен), *плюс* подлинная самодеятельность рядовых членов партии»[1].

Коминтерн рассматривал большевизацию в единстве с практикой. Он отмечал, что идейно-воспитательная работа, закалка коммунистов могут вестись правильно только в нерасторжимом единстве с живой повседневной классовой борьбой, как ее часть.

Решения Коминтерна о большевизации определяли тот максимум, к которому необходимо было стремиться в борьбе за идейно-политическое и организационное укрепление компартий. Далеко не везде удалось добиться намеченных целей, так как буржуазия повсюду подавляла или серьезно ограничивала деятельность компартий, а внутри рабочего движения коммунистам активно противодействовали социал-демократические лидеры. Само коммунистическое движение встречалось с определенными внутренними трудностями, связанными с появлением правых и «левых» уклонов. Несмотря на это, в целом политика большевизации сыграла весьма важную роль в развитии компартий, в повышении их боеспособности. Эта политика продолжалась и в 30-х гг. Ее главным результатом явилось воспитание у компартий способности вырабатывать на основе марксизма-ленинизма верную политическую линию, творчески применять ее в условиях различных стран.

В ходе большевизации была проведена огромная работа по марксистско-ленинскому воспитанию кадров коммунистических партий; компартии добивались глубокого усвоения членской массой марксистско-ленинского учения и принципов революционной политики. Большую роль в этом сыграла созданная Коминтерном система подготовки партийных кадров. С марта 1926 г. начались занятия в Международной ленинской школе ИККИ в Москве (МЛШ), а вскоре и в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). Учеба в МЛШ и КУТВ строилась таким образом, чтобы теоретические положения усваивались на основе всего международного опыта, увязывались с конкретными проблемами своих стран, с творческим ис-

[1] Коммунистический Интернационал в документах», стр. 553—554.

пользованием опыта ВКП(б)[1]. Во всех компартиях была создана сеть партийной учебы.

Активизировалась издательская деятельность Коминтерна и компартий. Издания ИККИ выходили до конца 20-х гг. на 40 языках. Сочинения Маркса, Энгельса и Ленина получили широкое международное распространение.

Марксистско-ленинская подготовка, связанная с практикой классовой борьбы, перестройка партий по производственному принципу, приведшая к тому, что производственные организации рабочего класса стали действительно главными звеньями партий, явились важнейшими завоеваниями компартий в это время[2]. Большевизация способствовала тому, что в большинстве компартий сложилось прочное марксистско-ленинское руководящее большинство, утвердились марксистско-ленинские принципы руководства: неразрывная связь теории и практики, революционность, непримиримость к оппортунистическим уклонам, организованность, коллективность. В рядах Коминтерна «сформировались, прошли боевую закалку кадры испытанных руководителей рабочего движения ленинского типа, выдающихся пролетарских лидеров»[3].

Опираясь на содействие Исполкома Коминтерна, компартии разгромили правооппортунистический уклон, сторонники которого фактически скатывались к социал-демократическим оценкам капиталистической стабилизации и к реформистской политике. С сильными правооппортунистическими группами в рядах партии пришлось вести острую борьбу коммунистам Норвегии, Швеции, Чехословакии, Югославии, США, Японии и ряда других стран. В ряде партий серьезной опасностью были «левые» и ультралевые уклоны, носители которых, игнорируя условия частичной стабилизации, пытались навязать авантюристический курс. Такие группы были разбиты в Компартиях Германии, Италии, Франции, Голландии, США, Японии и др. Выброшены были из компартий также троцкистские группы.

Борьба за утверждение партий нового типа помогла, как отмечал позже П. Тольятти, «продвинуть вперед дело организации компартий и их руководящих кадров, удалить из этих партий группы и отдельных членов, которые уклонялись от глубокого усвоения принципов марксизма-ленинизма, не подчинялись дисциплине и не считались с методами работы, свойственными революционной партии»[4].

В сложных условиях частичной стабилизации капитализма, усиления влияния реформизма на массовое рабочее движение ком-

[1] См. *Г. З. Соркин, К. К. Шириня.* Коминтерн — школа интернационалистского воспитания кадров.— «Вопросы истории КПСС», 1977, № 1, стр. 75—76.
[2] См. *Жак Дюкло.* Мемуары, т. I, 1896—1952. М., 1974, стр. 112.
[3] *Б. Н. Пономарев.* О 60-й годовщине образования Коммунистического Интернационала.— «Революционное наследие Коммунистического Интернационала». М., 1980, стр. 6.
[4] «Проблемы мира и социализма», 1959, № 11, стр. 49.

партии благодаря политике большевизации не только удержали авангард рабочего класса на революционных позициях, но и добились идейно-политического укрепления этого авангарда.

Что касается организационного развития международного коммунистического движения, то оно было более трудным. Из рядов компартий ушли неустойчивые и колеблющиеся элементы. В ряде партий произошли отколы значительных групп, не сумевших преодолеть свои реформистские взгляды. Борьба с оппортунистическими уклонами, приобретавшая в тех условиях чрезвычайно острый характер, приводила не только к исключению или отколу оппортунистов, но иногда и к потере части заблуждавшейся членской массы. С другой стороны, коммунистическое движение продолжало распространяться на новые страны и регионы. На VI конгрессе Коминтерна (1928 г.) в качестве секций Коминтерна были приняты Компартии Кореи, Кубы, Новой Зеландии, Парагвая, а также Ирландская рабочая лига, Социалистическая партия Эквадора, Революционная социалистическая партия Колумбии. Хотя за период 1924—1928 гг. число коммунистов в капиталистическом мире уменьшилось почти вдвое, секции Коминтерна в капиталистических странах объединяли 445 тыс. человек — наиболее сознательную часть рабочего класса, прочно вставшую на путь марксизма-ленинизма.

Политика большевизации явилась в целом обогащением, дальнейшим развитием ленинского учения о партии нового типа, о роли субъективного фактора в революционной борьбе рабочего класса.

Одной из важнейших задач Коминтерна и компартий в связи с частичной стабилизацией капитализма была разработка вопроса о путях мирового революционного процесса в новых исторических условиях, об изменении взаимосвязей между главными силами этого процесса. От верного решения этого кардинального вопроса зависела вся стратегия и тактика международного революционного рабочего и коммунистического движения.

Дело осложнялось тем, что в 1926 г. выступила троцкистско-зиновьевская оппозиция, которая потребовала пересмотра генеральной линии ВКП(б) и попыталась навязать Коминтерну свои представления о перспективах развития мировой революции.

Оппозиция исходила из пресловутой теории «перманентной революции» Троцкого, согласно которой только победа революции в международном масштабе могла спасти Советскую страну от восстановления капиталистических отношений, только подталкивание мировой революции любыми средствами, вплоть до развязывания войны, могло обеспечить успех мирового социализма. Оппозиционеры объявили курс на строительство социализма в СССР отказом от перспективы мировой революции, противопоставляя таким образом задачу построения социализма в СССР интересам мирового революционного процесса. Они запугивали коммунистов опасностью усиления зависимости СССР от мирового капиталистического хозяйства,

заявляли, что в рамках СССР не удастся разрешить противоречия между рабочим классом и крестьянством. Внешнюю политику Советского государства, направленную на борьбу против войны, за сохранение мира, оппозиционеры именовали отходом от революционной линии[1]. Троцкистские группки стремились разжечь фракционную борьбу в компартиях. Капитулянтский курс на отказ от строительства социализма в СССР и авантюристический курс на подталкивание мировой революции, не считаясь с объективными условиями,— такой путь предлагала троцкистско-зиновьевская оппозиция. Ее платформа, прикрытая левацкими лозунгами, могла привести коммунистов и все международное рабочее движение лишь к самым тяжелым поражениям, к утере основных завоеванных позиций.

Известно, что еще на III и IV конгрессах Коминтерна при обсуждении вопросов о взаимодействии Советской России и других отрядов мирового революционного процесса коммунисты пришли к твердому выводу, что Советская страна является главным фронтом мировой социалистической революции, что она начинает и развертывает строительство социализма, рассчитывая, что через ряд лет революционные выступления пролетариата развитых стран увенчаются новыми прорывами цепи империализма. В. И. Ленин в своих последних работах подчеркивал, что в Советской стране есть все условия для строительства и победы социализма. Однако практически вопрос о победе социализма в СССР в условиях капиталистического окружения не был тогда предметом широкого обсуждения. Теперь проблема встала в острой форме: можно ли победоносно довести до конца строительство социализма в СССР при сохранении капиталистического окружения, какую роль играет строительство социализма в СССР на этом отрезке истории, какие цели должны поставить перед собой другие силы мирового революционного процесса? Необходимо было выработать ясное представление о том, каким маршрутом в силу сложившихся обстоятельств пойдет развитие мировой революции.

В борьбе против троцкистского блока, в которой ведущую роль сыграла ВКП (б), коммунистическое движение отстояло марксистско-ленинское учение о мировой революции, о роли реального социализма. VII расширенный пленум ИККИ (1926 г.), на котором с докладом выступил И. В. Сталин, нанес сокрушительный удар по троцкизму как течению, объективно содействовавшему международной буржуазии. Опираясь на решения XV Всесоюзной конференции ВКП (б), пленум всесторонне обосновал ленинское положение о том,

[1] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 258; «Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября». М., 1968, стр. 150—151.

что СССР «имеет внутри страны «все необходимое и достаточное» для построения полного социалистического общества»[1].

Эта мысль была обстоятельно аргументирована в выступлениях на пленуме ИККИ видных деятелей коммунистического движения — К. Цеткин, Б. Шмераля, В. Коларова, Э. Тельмана, П. Тольятти, Сэн Катаямы, Т. Бела, Ф. Денгеля, Д. Мануильского и др. Международный форум коммунистов полностью поддержал курс ВКП (б) на построение социализма в СССР.

В то же время Коммунистический Интернационал раскрыл основные стороны воздействия Советской России на мировой революционный процесс. Подчеркивалось, что всестороннее укрепление Страны Советов означает «продолжение, усиление и развертывание *международной социалистической революции*»[2], что СССР объективно является главным центром международной революции и что успехи строящегося социализма оказывают огромное революционизирующее воздействие своим примером и вызывают передвижку в реальном соотношении сил в мире, ослабляя мировой капитализм.

Существование и укрепление Советской страны способствовали тому, что рабочее движение капиталистических стран сумело отстоять и закрепить ряд социальных завоеваний, достигнутых в период послевоенного революционного подъема. Влияние Советской страны сказывалось и в международных отношениях, в укреплении сил, выступающих за мир. Продвижение Советской России на пути социалистического строительства, хозяйственного укрепления открывало все большие возможности для помощи и содействия революционной освободительной борьбе в мире. Наконец, сам первый опыт социалистического строительства имел неоценимое значение для революционного рабочего движения: он давал основу для более глубокого познания реального содержания и задач перехода к социализму, для разработки целостной концепции этого перехода и для определения практических форм решения множества конкретных социально-экономических и политических задач социалистического строительства.

Идейный разгром антиленинских взглядов троцкизма, развитие марксистско-ленинских установок по вопросам о путях мировой революции и строительстве социализма в СССР явились одним из важнейших моментов борьбы за правильную стратегию коммунистического движения в тот период. Это было также необходимой предпосылкой дальнейшего идейно-политического укрепления компартий.

Выводы коммунистического движения по проблемам развития мировой революции были суммированы в Программе Коммунистического Интернационала, принятой *VI конгрессом Коминтерна*.

[1] «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. II. М.— Л., 1927, стр. 447.
[2] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 32.

Конгресс работал в Москве с 17 июля по 1 сентября 1928 г. 532 делегата представляли 57 партий и 9 международных организаций. На конгрессе были рассмотрены все важнейшие вопросы коммунистического движения того периода, в том числе о положении СССР, о мерах борьбы против опасности империалистических войн, о революционном движении в колониях и полуколониях[1]. Главным пунктом повестки дня конгресса был пункт о Программе Коммунистического Интернационала. Впервые Коминтерн принимал документ, обобщавший весь исторический опыт международного революционного рабочего движения и намечавший перспективы его дальнейшего развития.

Программа Коминтерна исходила из того, что мировая революция «складывается из разновременных и разнородных процессов: чисто пролетарских революций, революций буржуазно-демократического типа, перерастающих в революции пролетариата, освободительных национальных войн, колониальных революций»[2].

С учетом разнообразия объективных условий в Программе было сформулировано положение о трех типах стран и соответствующих путях перехода к пролетарской власти. К первой группе были отнесены страны высокоразвитого капитализма с мощными производительными силами и высокой степенью централизации производства, относительно малым значением мелкого хозяйства и давно сложившимся буржуазно-демократическим политическим строем. Вторую группу составляли страны со средним уровнем развития капитализма (Испания, Португалия, Польша, Венгрия, Балканские страны и т. п.), для которых было характерно существование значительных остатков полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве, наличие известного минимума материальных предпосылок для социалистического строительства, незавершенность буржуазно-демократических преобразований. В третью группу входили колониальные, полуколониальные и зависимые страны с зачатками, а иногда и со значительным развитием индустрии, недостаточным, однако, для самостоятельного социалистического строительства, страны с преобладанием феодально-средневековых отношений и наиболее отсталые страны с остатками первобытнородовых форм[3].

В соответствии с этим делением формулировалась и стратегическая линия революционного рабочего движения в каждой из групп. В странах развитого капитализма основным требованием Программы было непосредственное осуществление социалистической революции. В странах среднего уровня развития капитализма цель определялась или как пролетарская революция с большим объемом задач буржуазно-демократического характера, или как относительно быстрое пере-

[1] О политике Коминтерна в национально-освободительном движении в эти годы см. главу седьмую данного тома.
[2] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 29.
[3] См. там же, стр. 29, 30.

растание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Для колоний и зависимых стран путь к победе пролетариата считался возможным лишь через ряд подготовительных ступеней и этапов, через целый период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую[1].

Эти выводы имели важное идейно-политическое значение. Они подчеркивали зависимость стратегических и тактических установок от типа социально-экономических и политических отношений, господствующих в данной стране, от объективно вытекающих из этих отношений задач рабочего класса и всех трудящихся и угнетенных. Всемирно-историческая перспектива развития ясно связывалась с задачами классовой борьбы пролетариата — решающего класса новой исторической эпохи, с развитием к социализму. Программа была проникнута боевым революционным духом и ориентировала компартии на активизацию революционной борьбы рабочего класса и его союзников.

Вместе с тем ряд принципиальных вопросов еще ожидал своего решения. Это касалось прежде всего переходных политических лозунгов и требований, в частности лозунга рабоче-крестьянского правительства. На V конгрессе Коминтерна, как известно, было принято толкование рабоче-крестьянского правительства как синонима диктатуры пролетариата, и таким образом было утрачено понимание этого лозунга как переходного. Тем не менее в практике революционной борьбы компартии сталкивались с необходимостью выработки переходных лозунгов. Вопросы о поиске переходных форм к пролетарской власти обсуждались в компартиях Италии, Бельгии, Венгрии, Литвы и других стран.

Однако к концу 20-х гг. поиски коммунистическим движением переходных политических ступеней в странах развитого капитализма приостановились и были подменены общей формулировкой конечной цели. В Программе Коммунистического Интернационала стратегические установки для первого типа стран слишком прямо и непосредственно связывались с социально-экономической характеристикой, недостаточно учитывались идейно-политические факторы. Это порождало определенный схематизм и негибкость. Выработанный при активном участии Ленина лозунг рабоче-крестьянского правительства как лозунг перехода к пролетарской власти теперь не считался приложимым к условиям развитых капиталистических стран. Программа не предусматривала также возможности выдвижения переходных требований при отсутствии революционной ситуации[2].

Но именно в борьбе за переходные требования, как показала жизнь, накапливался политический опыт, способный подвести миллионные массы к новым рубежам, к взятию рабочим классом поли-

[1] См. «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 29, 30.
[2] См. там же, стр. 44.

тической власти. Отказ от выдвижения переходных лозунгов затруднял перевод революционных установок коммунистов на язык революционной практики. Эти затруднения являлись в свою очередь питательной средой для «левого» сектантства.

Некоторому схематизму и «левизне» в стратегических установках, узкому пониманию подходов к социалистической революции соответствовала в эти годы и определенная недооценка самостоятельного значения общедемократических требований. Революционное рабочее движение вело энергичную борьбу за отдельные из таких требований: против угрозы войны, против реакционных мероприятий буржуазных правительств, за расширение избирательных прав трудящихся и т. д. Однако эти задачи ставились, как правило, лишь в прямой связи с пропагандой необходимости социалистической революции.

VI конгресс Коминтерна, характеризуя общий кризис капитализма и определяя пути борьбы, дал анализ фашизма и фашистской опасности. Коммунисты всегда указывали, что фашистская опасность таится в присущей империализму тенденции ко все большей реакционности и угроза фашизма быстро растет при резком обострении классовой борьбы. Компартии разоблачали деятельность фашистских организаций в Германии, Австрии, Франции, США и других странах, требовали разоружения и запрещения фашистских банд, наказания фашистских террористов.

Дискуссии о фашизме, которые развернулись в Компартиях Италии, Польши и в руководящих органах Коминтерна в 1926—1928 гг., помогли преодолеть некоторые неверные взгляды, в частности преувеличение степени самостоятельности мелкой буржуазии в фашистском движении. Коммунисты стали более тщательно учитывать специфические черты фашизма в различных странах, они подвергали критике социал-демократическую концепцию об отсутствии опасности фашизма в странах, где мелкобуржуазная прослойка незначительна.

VI конгресс, подводя итоги дискуссиям о фашизме, записал в Программе Коминтерна, что процесс наступления буржуазно-империалистической реакции приобретает форму фашизма при особых исторических условиях. Такими являются: «неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата. Чтобы обеспечить себе большую устойчивость власти, ее твердость и постоянство, буржуазия все более вынуждается переходить от парламентской системы к независимому от межпартийных отношений и комбинаций фашистскому методу»[1].

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 11—12.

Конгресс обратил внимание на стремление фашизма создать себе массовую базу, опереться на мелкую буржуазию города и крестьянство, хотя эти слои не играли в фашистском движении самостоятельной роли и являлись орудием в руках буржуазной реакции. В то же время на конгрессе отмечалось, что не следует считать фашизмом любое реакционное политическое течение.

Указывая на несостоятельность буржуазных и социал-реформистских концепций о некапиталистической природе фашизма, коммунисты отвергали также и взгляды на фашизм как на исторически неизбежный этап политического развития капиталистического общества; в документах VI конгресса говорилось, что фашизм порожден эпохой общего кризиса капитализма, но его нельзя рассматривать как адекватную политическую надстройку, соответствующую монополистическому капитализму. Это означало бы выводить фашизм с автоматической неизбежностью непосредственно из экономических отношений империализма, отрывая проблему от социально-политических факторов и общественной борьбы[1].

Таким образом, Коминтерн предупреждал как против недооценки фашистской опасности, так и против пассивности, рождаемой ложными представлениями о неизбежности прихода фашизма. В такой постановке вопроса борьбе рабочего класса и его союзников отводилась решающая роль в предотвращении угрозы фашизма.

Стремлением развивать политическую активность рабочих и демократических масс были проникнуты взгляды коммунистов по вопросу о путях борьбы за мир. Коммунисты призывали массы не доверять утверждениям социал-демократических лидеров, будто буржуазно-демократические правительства являются прочными гарантами мира, и активно включаться в борьбу против угрозы войны. Коммунисты разъясняли, что межимпериалистические противоречия и антисоветские устремления империалистических держав создают постоянную угрозу миру. VI конгресс Коминтерна выработал для условий того времени детальную политическую платформу по вопросам войны и мира. В ней был дан ответ на вопрос о причинах войн, охарактеризованы различные их виды и отношение к ним пролетариата, проанализирована конкретная обстановка на мировой арене. Подчеркивалось, что «главный фронт политики всех империалистических держав все более открыто направляется против Советского Союза и китайской революции». В то же время указывалось на возможность «столкновения между двумя империалистическими группами государств в борьбе за мировую гегемонию»[2]. Была намечена целая система мер, которые должны осуществлять компартии как в условиях мирного времени, так и в условиях, когда империалисти-

[1] См. «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», вып. 3. М.— Л., 1929, стр. 60.

[2] «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», вып. 6, стр. 84.

ческая война, особенно война против СССР, разразится. Работа в буржуазной армии имела целью повернуть вооруженных пролетариев против своей буржуазии, затеявшей преступную войну. Коммунисты выдвигали задачу «создания и расширения революционных блоков пролетариата, крестьянства и угнетенных народностей, направленных против капитализма и против опасности империалистской войны»[1].

Правильно ориентируя массы на активную борьбу за мир, антивоенная программа Коминтерна, однако, слишком прямо и непосредственно связывала борьбу против войны с борьбой за свержение буржуазии и установление власти пролетариата, что ограничивало антивоенное движение силами, поддерживавшими коммунистов или близкими к ним. Создание единого антивоенного фронта затруднялось заострением коммунистами удара против руководителей социал-демократии и пацифистских движений, родившимся не в последнюю очередь под влиянием антисоветской и антикоммунистической позиции многих социал-демократических и буржуазных руководителей этих движений. В целом же намеченные коммунистическим движением контуры политики борьбы против фашизма и войны, курс коммунистов на развертывание массовой антифашистской и антивоенной борьбы имели громадное значение с точки зрения воспитания в рабочем классе ответственности за судьбы мира, которая в последующие годы позволила рабочему классу встать во главе всенародной борьбы против фашизма и войны.

Период сравнительного затишья в революционной борьбе требовал от компартий сосредоточения внимания на отстаивании частичных требований рабочего класса и всех трудящихся. Важнейшими при этом были требования повышения реальной заработной платы, сокращения рабочей недели, введения или улучшения государственного страхования безработных, переложения налогового бремени на имущие классы, улучшения материального положения трудового крестьянства, служащих и обедневших слоев мелкой буржуазии, обеспечения прав профсоюзов, борьбы в ряде стран против монархизма и фашизма. Эти лозунги коммунистов во многом совпадали с социал-демократическими требованиями (правда, более умеренными), хотя за этим совпадением скрывались различия в характере политической линии.

В буржуазной и социал-реформистской историографии полностью искажаются эти различия. В частности, за аксиому принимаются утверждения, будто социал-демократы отличались приверженностью к демократии, тогда как коммунисты якобы отрицательно относились к демократии[2].

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 802.
[2] В буржуазной историографии такие позиции пытаются отстаивать и авторы, принадлежащие в большей или меньшей степени

Однако если отвлечься от деклараций и анализировать существо политики, то различия политических курсов коммунистических и социал-демократических партий выглядят совершенно в ином свете. Неоценима роль именно коммунистов в воспитании в рабочем классе чувства ответственности за положение трудящихся, за судьбы человечества, что составляет самую солидную основу подлинной демократичности.

Реформистской линии на получение уступок в рамках классового сотрудничества с буржуазией компартии противопоставляли боевую политику отстаивания ближайших требований, предпринимая большие усилия, чтобы поднять готовность рабочего класса, вырвать реформистских рабочих из пут классового сотрудничества. Эта позиция компартий ярко проявилась в крупнейших стачечных конфликтах, а также в борьбе против последствий капиталистической рационализации.

В рабочем движении в эти годы по вопросу о капиталистической рационализации шли острые дискуссии. Правые реформистские лидеры поддерживали капиталистическую рационализацию, заявляя, что прогресс капиталистического производства выгоден и рабочему классу. Они закрывали глаза на такие социальные последствия капиталистической рационализации, как более интенсивное потребление рабочей силы, т. е. жизни самого работника, сокращение рабочих мест, увольнения и т. д.

Коминтерн и компартии неоднократно обсуждали вопросы борьбы против капиталистической рационализации. Этому уделил большое внимание VII пленум ИККИ. На пленуме отмечалось, что рационализация имеет две стороны: организационно-техническую и социальную. Коммунисты, естественно, никогда не были противниками технических улучшений, лучших машин и лучшей организации труда. О. Куусинен говорил, что нужна «не борьба против всякой рационализации производства, но борьба против такой рационали-

к объективистскому направлению: *E. H. Carr.* The Bolshevik Revolution 1917—1923, vol. 1—3. London, 1951—1953; *K. Mckenzie.* Comintern and World Revolution 1928—1943. The Shaping of Doctrines. London — New York, 1964; *C. Landauer.* European Socialism. Berkley and Los Angeles, 1959. Эта же концепция характерна для сборника «The Communist International. Historial Highlights». New York—Stanford, 1969, для книг Б. Лазича и М. Драшковича, Х. Сетона-Уотсона (см. *H. Seton-Watson.* From Lenin to Khrushchev. The History of World Communism. New York, 1961).

Наиболее усердно пытаются обосновать тезис «о демократизме социал-демократии и антидемократизме коммунистов» авторы социал-реформистского направления, начиная от К. Каутского, Р. Гильфердинга, Ф. Адлера, Э. Вандервельде и других и кончая социал-демократическими историками Ю. Брауналем, Т. Пиркером, Д. Лихтхеймом и др.

зации производства, которая ухудшает положение рабочих»[1]. Представители ряда компартий предложили рассмотреть эту проблему в общем контексте частичных требований рабочего класса, выдвинув лозунг: рационализация — за счет буржуазии. Вносились, однако, и предложения поставить этот лозунг в непосредственную связь с социалистической революцией[2]. В таком случае основное внимание переносилось бы на период революции, а практические задачи борьбы против капиталистической рационализации недооценивались. Пленум ИККИ рекомендовал компартиям ряд конкретных мер, но выдвинул также как общий лозунг «не капиталистическая, а социалистическая рационализация»[3].

Коммунисты ставили в это время и лозунг рабочего контроля. VI и VII пленумы ИККИ указывали на необходимость добиваться расширения прав фабзавкомов и профсоюзов вплоть до контроля над производством и распределением, противодействовать закрытию предприятий, бороться за национализацию банков и командных отраслей промышленности под контролем рабочих и служащих. Компартии пропагандировали лозунг рабочего контроля. Сложнее был вопрос о том, когда и в каких условиях переходить к практическому осуществлению этого лозунга. Отдельные шаги в этом направлении предпринимались главным образом в момент острых стачечных конфликтов. В коммунистическом движении существовали опасения, что в условиях капиталистической стабилизации этот лозунг может выродиться в сотрудничество рабочих с предпринимателями. Возможность установления рабочего контроля связывалась поэтому лишь с обстановкой непосредственного приближения борьбы за власть или с самой этой борьбой.

Важнейшим методом мобилизации рабочего класса на борьбу против капиталистической эксплуатации и политической реакции оставалась политика единого рабочего фронта. Однако условия для осуществления этой политики в большинстве капиталистических стран значительно изменились. Поскольку в системе власти буржуазии на первый план в эти годы выдвинулись партии и силы, действовавшие методом соглашений с социал-демократией и мелкобуржуазными партиями, наиболее реакционная часть буржуазии, непосредственно угрожавшая завоеваниям рабочего класса, оказалась в политической сфере на втором плане, в тени. Социал-демократические лидеры пытались внушить трудящимся мысль, что этот враг уже сходит с общественной сцены. Поэтому нет-де никакого противника, для сокрушения которого требовался бы единый фронт, а путь вперед лежит якобы через совершенствование, постепенное

[1] «Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. I, стр. 121.
[2] См. там же, стр. 189, 248, 256.
[3] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 633.

реформирование «организованного капитализма», через политические блоки социал-демократии с буржуазными партиями.

Социал-демократия категорически отвергала единый фронт с компартиями. Таким образом, сами объективные условия периода частичной стабилизации капитализма, а также социал-демократическая политика классового сотрудничества с буржуазией создавали значительные препятствия на пути политики единого фронта.

В этих условиях коммунистическая политика единого фронта не могла развиваться в отрыве от задачи противодействия социал-демократической политике классового сотрудничества с буржуазией. Ясно, что при этом трудно было избежать заострения борьбы компартий против социал-демократии. К тому же в Коминтерне и в ряде компартий в связи с поражением революционных выступлений осенью 1923 г. в Германии, Болгарии, Польше стало широко распространяться мнение, что в социал-демократии становится все меньше элементов, способных пойти на создание единого фронта.

В силу названных причин политика единого фронта имела в эти годы более узкие, чем прежде, рамки.

V конгресс Коминтерна подчеркивал необходимость того, чтобы коммунисты кропотливой и постоянной работой добивались единства действий пролетариев снизу, и не исключал при этом возможность переговоров с верхами социал-демократии. «Единство *снизу* и *одновременно* переговоры с *верхами* — этот метод,— указывалось в решениях конгресса,— необходимо применять довольно часто в тех странах, где социал-демократия является еще значительной силой»[1].

В соответствии с этой задачей конгресс указал, что «*завоевание, а не разрушение профессиональных союзов, борьба против бегства из профессиональных союзов, борьба за обратное вступление в союз ушедших, борьба за единство* остаются в силе и должны со всей решительностью и энергией проводиться в жизнь»[2]. Конгресс призвал вести работу в реформистских профсоюзах, несмотря на противодействие правореформистской бюрократии, и предложил целую платформу ближайших задач, борьба за которые могла укрепить единство рабочих[3]. Профсоюзы рассматривались коммунистами как главный плацдарм борьбы за единый рабочий фронт.

Однако под давлением «левых» в тезисы конгресса были внесены формулировки, ставившие границы применению этой тактики, преувеличивавшие опасность ее превращения в оппортунизм и требовавшие рассматривать ее главным образом как маневр, направленный против вождей социал-демократии. Сама социал-демократия оценивалась как партия, переживающая «процесс превращения из

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 408.
[2] Там же, стр. 439.
[3] См. там же, стр. 442—444.

правого крыла рабочего движения в левое крыло буржуазии, а местами и в крыло фашизма»[1].

Практика классовой борьбы подсказывала, что такой подход сужает возможности единых действий. Поэтому на VI расширенном пленуме ИККИ вновь развернулась острая дискуссия о тактике единого фронта. Многие участники пленума критиковали сведéние этой тактики к разоблачению социал-демократии. Была осуждена позиция «ультралевых» в Германии (группа Р. Фишер — А. Маслова), которые считали единый фронт лишь орудием обострения отношений между коммунистами и социал-демократами. Критиковалась боязнь совместных с социал-демократией действий. Последовательно выступила против левацких искажений политики единого фронта К. Цеткин. Она возражала против употребления формулы о социал-фашизме, которая, по ее мнению, вызывала совершенно ненужные столкновения, лишь вредившие делу единого фронта[2].

Пленум рекомендовал компартиям достигать соглашения с социал-демократическими рабочими, всегда проявлять к ним «товарищеское, корректное отношение». Предлагалось выдвигать для раскачки масс только такие лозунги, которые будут приняты рабочими всех политических направлений, и такие частичные требования, «которые способны привлечь также некоторые полупролетарские и мелкобуржуазные слои»[3].

Компартиям вменялось в обязанность искренне идти навстречу честным стремлениям социал-демократических рабочих к единству. В решениях говорилось, что Коминтерн «с большей силой, чем когда бы то ни было... будет проводить тактику единого фронта, т. е. будет предлагать социал-демократическим рабочим (и беспартийным) совместную борьбу, совместные выступления против буржуазии по всем наиболее важным вопросам политики и экономики, по которым может быть достигнуто соглашение между социал-демократическими рабочими и коммунистами»[4].

Но чем дальше продвигались по пути соглашательства с буржуазией социал-демократические партии, тем труднее становились условия для организации единых действий рабочего класса. Социал-демократия, втянувшая в орбиту политики классового сотрудничества с буржуазией миллионные массы рабочих и двигавшаяся все дальше вправо, подрывала возможности единых действий на платформе классовой борьбы. Антикоммунизм правой социал-демократии углублял политический раскол рядов рабочего класса, вел к обострению отношений между коммунистическими и социал-демократическими пар-

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 401.
[2] «Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна. Стенографический отчет», стр. 228, 229.
[3] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 566, 543, 551.
[4] Там же, стр. 542—543.

тиями. В Германии, например, социал-демократические лидеры не останавливались перед использованием буржуазных репрессивных органов для преследования коммунистов.

В такой обстановке усилились левосектантские настроения в коммунистическом движении. Начиная с 1927 г. в Коминтерне стала разрабатываться тактика, которая получила впоследствии название тактики «класс против класса».

На IX пленуме ИККИ (февраль 1928 г.) тактика «класс против класса» была изложена в решениях по английскому и французскому вопросам. Подчеркивалась необходимость резко заострить борьбу против социал-демократии как «агента империализма и опоры реакции», а также против ее левого крыла, которое рассматривалось как преграда, мешающая социал-демократическим рабочим перейти на сторону компартии[1]. Предлагалось усилить борьбу против реформистских политиков в избирательных кампаниях. Если в 1925—1926 гг. компартии некоторых стран практиковали выдвижение общих с социал-демократией кандидатов в противовес кандидатам реакционных буржуазных партий, то теперь подобная тактика рассматривалась как недопустимая. Был взят также курс на то, чтобы каждая стачка стала «*ареной борьбы за руководство между коммунистами и реформистами*»[2]. Стала исключаться какая бы то ни было возможность обращения к социал-демократическим партиям с предложениями о единстве действий. Единый фронт стал пониматься как вовлечение социал-демократических рабочих в борьбу под лозунгами коммунистов и против руководства реформистских организаций. Несомненно, это было узкое понимание тактики единого фронта.

Эти тактические установки были подтверждены и усилены VI конгрессом Коминтерна. Он охарактеризовал верхи социал-демократии как последовательных выразителей интересов буржуазного государства, а левых социал-демократических лидеров назвал наиболее опасными врагами коммунизма и проводниками буржуазной политики в рабочем классе[3].

Политика «класс против класса» в момент ее выработки не предполагала отбрасывания идеи единого фронта. Напротив, новая политика была задумана как средство отрыва рабочих, идущих за социал-демократией, от классового сотрудничества с буржуазией, что привело бы к противопоставлению единых усилий всего рабочего класса фронту буржуазии, позволило бы повысить боеспособность пролетариата, поднять его сознательность. При этом учитывалось, что начался процесс отрезвления части реформистских рабочих, связанный с тем, что буржуазия, использовав социал-демократию для политической стабилизации капитализма, для насаждения политики партнерства, теперь в ряде стран ликвидировала социал-демократические

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 760.
[2] Там же, стр. 750.
[3] См. там же, стр. 776, 777.

правительства или стала вытеснять социал-демократию из коалиционных правительств. Однако коммунистические партии исходили из предпосылки, будто реформистские организации уже полностью перешли на сторону класса буржуазии. Не проводилось должного различия между правыми лидерами и рядовыми социал-демократами. Сектантство, проявленное при практическом применении тактики «класс против класса», привело к обострению отношений с членами социал-демократических организаций. Все это создавало известные трудности в борьбе за установление сотрудничества рабочего класса со всеми промежуточными группами населения, которые объективно являются его союзниками в борьбе против власти монополистического капитала [1].

К концу 20-х гг. в коммунистическом движении получили широкое распространение взгляды, будто главный удар компартий должен был на всех этапах революции направляться против промежуточных, соглашательских сил и партий. Эти взгляды, отражавшие недооценку роли общедемократических задач в борьбе рабочего класса и его союзников, не соответствовали ленинской мысли о необходимости решать в революции двуединую задачу: сломить сопротивление главного врага и парализовать неустойчивость колеблющихся, промежуточных сил [2]. В ряде компартий сектантские группы под видом более резкого отмежевания от социал-демократии требовали, чтобы партии отказались от борьбы за ближайшие нужды трудящихся. «Пора борьбы за бифштекс миновала!» — заявляли они и чуть ли не каждую стачку объявляли началом решающих боев [3].

Сектантство нанесло немалый ущерб борьбе за единый рабочий фронт. Однако совершенно необоснованны попытки буржуазных, реформистских и ревизионистских авторов использовать самокритичный анализ коммунистами указанных ошибок, чтобы взвалить на коммунистическое движение ответственность за сохранение раскола и снижение боеспособности рабочего движения [4]. На деле именно Коммунистический Интернационал активно пропагандировал мысль о том, что достижение рабочего единства является крайне необходимым и что к этому единству следует искать реальные пути. Руководимые этой идеей, коммунистические партии в своей практической деятельности нередко преодолевали сектантские установки, добиваясь единства рабочих и демократических масс в борьбе за отдельные социальные и демократические требования. Напротив, руководство Рабочего социалистического интернационала усматривало в самом факте наступления стабилизации капитализма аргумент для ужесточе-

[1] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 285.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 90.
[3] См. *М. Торез.* Сын народа. М., 1960, стр. 69.
[4] *J. Braunthal.* Geschichte der Internationale, Bd. II. Hannover, 1963, S. 248, 408—409.

ния борьбы против коммунистического движения и углубления раскола.

Коммунистическое движение в сложных условиях частичной стабилизации капитализма было единственной политической силой, прокладывавшей рабочему классу путь самостоятельной политики, жизненно необходимой для защиты как классовых интересов пролетариата, так и общественного прогресса. В крупнейших классовых конфликтах того времени коммунистические партии выступали с позиций решительного борца против политики капитала и стремились играть авангардную роль.

Несмотря на то что отдельные проблемы коммунистической политики решались недостаточно последовательно, в целом коммунисты смогли наметить и твердо отстаивать линию классовой пролетарской политики. Они продолжали накапливать опыт борьбы, воспитывали в своих рядах и в передовой части рабочего класса готовность к будущим классовым битвам.

КЛАССОВЫЕ БОИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

В *Англии* в отличие от ряда других капиталистических стран промышленный подъем в годы частичной стабилизации капитализма был незначительным. К 1929 г. промышленное производство едва достигло уровня 1913 г. В стране насчитывалось более 1 млн. безработных.

Углубился кризис двухпартийной системы, в результате чего произошло дальнейшее ослабление позиций либеральной партии и выдвижение лейбористов на роль второй после консерваторов правительственной партии. Этот сдвиг был вызван тем, что под влиянием классовых боев послеоктябрьского революционного подъема рабочий класс Англии стал все более активно проявлять себя в политической жизни. Вместе с тем правящие круги старались в своей политике социального маневрирования использовать лейбористскую партию, доверив ее реформистским лидерам рычаги правительственной власти.

Политическая линия партии была изложена в программном документе «Лейборизм и нация», принятом в 1927 г. Программа призывала лейбористов «шаг за шагом — экспериментальными методами, без всякого насилия или беспорядков, на основе всестороннего использования научных знаний и административного искусства — утвердить социальный порядок, при котором ресурсы будут организованы и будут управляться с единственной целью — обеспечить всем его членам максимум экономического благоденствия и личной свободы»[1].

[1] «The Labour Party. Labour and the Nation». London, 1927, p. 6.

Левые лейбористы группировались в основном вокруг Независимой рабочей партии (НРП), имевшей в составе лейбористской партии известную автономию. В 1926 г. конференция НРП одобрила документ «Социализм в наши дни», в котором выдвигались требования об установлении гарантированного законом минимума заработной платы и о введении за счет государства пособия многосемейным. В документе предлагалась национализация банков, угольной промышленности, электростанций, транспорта и земли, а также планирование экономики [1]. Реализацию этой программы левые связывали не с массовой борьбой, а главным образом с созданием лейбористского правительства. Иными словами, НРП не шла дальше попытки некоторой радикализации политики лейбористов.

Английский пролетариат обладал мощными профсоюзами. В середине 20-х гг. Британский конгресс тред-юнионов (БКТ) насчитывал около 5 млн. рабочих. Однако в руководстве БКТ большинство принадлежало правым реформистам. Стихийная тяга трудящихся к прямым действиям в защиту своих интересов приходила в открытое столкновение с растущей враждебностью правого руководства БКТ к массовым выступлениям.

Истинными защитниками интересов трудового народа были коммунисты. Они проводили курс на развитие забастовочной борьбы пролетариата, принимали активное участие в ее организации, разоблачали антирабочую политику лейбористов. Коммунистическая партия Великобритании (КПВ) вела большую работу по укреплению партийных рядов. В 1925 г. она насчитывала 5 тыс. человек. Была начата реорганизация партии по производственному принципу. На предприятиях действовало около 100 производственных ячеек КПВ.

Коммунисты вели большую работу внутри левых профсоюзов — так называемого Движения меньшинства. В августе 1924 г. конференция Движения меньшинства, представлявшая 250 тыс. рабочих, приняла решение активизировать борьбу профсоюзов за экономические и социальные права трудящихся, повышение зарплаты, установление 44-часовой рабочей недели и создание боевых фабрично-заводских комитетов [2]. Движение меньшинства заявило о присоединении к Профинтерну и провозгласило своей конечной целью ликвидацию капитализма [3]. Председателем движения был избран Том Манн, а секретарем — один из руководителей КПВ, Гарри Поллит. Движение меньшинства играло важную роль в организации стачечной борьбы.

Однако левым течениям не удалось подорвать господство правого

[1] *H. N. Blailsford, J. A. Hobson* and *oth.* The Living Wage. A Report Submitted to the National Administrative Council of the Independent Labour Party. London, 1926.

[2] См. *Г. Поллит.* Избранные статьи и речи (1919—1939). М., 1955, стр. 57—58.

[3] См. «Красный Интернационал профсоюзов», 1925, № 7—8, стр. 52.

оппортунизма в рабочем движении. Это давало английской буржуазии широкое поле для маневров. На парламентских выборах в декабре 1923 г. консерваторы получили 259 мест в палате общин, либералы — 155, а лейбористы — 191 место. Формирование правительства было поручено лидеру лейбористской партии Макдональду. 23 января 1924 г. он сформировал первое лейбористское правительство.

Буржуазия рассчитывала, опираясь на заинтересованность лейбористских лидеров в сохранении правительственной власти, принудить их до минимума сократить свою программу реформ и использовать лейбористскую партию для приглушения экономической и политической борьбы трудящихся.

Первое лейбористское правительство пошло на установление дипломатических отношений с Советским Союзом в феврале 1924 г., провело закон, предусматривавший расширение муниципального жилищного строительства, улучшило распределение пособий по безработице и пенсий по старости и инвалидности. Был принят закон о заработной плате сельскохозяйственных рабочих, расширялись общественные работы. Этим, собственно, и ограничивались мероприятия первого лейбористского правительства, не смевшего посягнуть на привилегии и собственность буржуазии. Министр финансов Сноуден прямо отмечал, что разработанный лейбористским правительством государственный бюджет «облегчил душу богачей, боявшихся, как бы их класс не задушили налоги»[1]. Правительство Макдональда ревностно защищало интересы буржуазии и в области внешней политики. Были увеличены ассигнования на военно-воздушные силы и продолжено начатое консерваторами строительство крейсеров. В странах Британской империи правительство следовало по стопам консерваторов. Правда, при лейбористах был выпущен из тюрьмы тяжелобольной Ганди, но одновременно репрессиям подверглись рядовые участники национально-освободительного движения.

Политика лейбористов вызвала глубокое разочарование масс. Этим воспользовалась в первую очередь консервативная партия, завоевавшая на выборах осенью 1924 г. подавляющее большинство мест в парламенте. Лейбористы хотя и собрали 5,5 млн. голосов, но потеряли 40 мест в парламенте. К власти пришло консервативное правительство Болдуина.

В этой политической обстановке развивались стачечные бои английского пролетариата. В 1924 г. в забастовках участвовало 613 тыс. рабочих (710 стачек) против 405 тыс. в 1923 г. (628 стачек)[2]. Повышения заработной платы требовали железнодорожники, докеры, работники городского транспорта. Широкий размах приобрела борьба за увеличение занятости. В 1924 г. движение безработных приняло Хартию безработных, которая требовала организации общественных

[1] *P. V. Snowden.* An Autobiography, vol. 2. London, 1934, p. 647.
[2] См. *В. Г. Трухановский.* Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 117.

работ, создания государственных предприятий для увеличения занятости, сокращения рабочего дня, организации профессионального обучения. 1 июля 1924 г. в поддержку этой программы прошли демонстрации рабочих и безработных.

Крупнейшей классовой битвой в период временной, частичной стабилизации капитализма была всеобщая стачка 1926 г. В июне 1925 г. шахтовладельцы заявили о своем намерении заменить национальный коллективный договор с шахтерами системой местных договоров, снизить заработную плату (от 4 до 13% для разных категорий рабочих), отменить минимум зарплаты. В ответ на это 30 июня 1925 г. специальная конференция исполкомов тред-юнионов одобрила план Генерального совета БКТ наложить эмбарго на импорт угля с 31 июня и предоставила Генеральному совету полномочия объявить забастовку в поддержку требований горняков.

Правительство, не ожидавшее такого оборота дела, пошло на уступку: оно предоставило шахтовладельцам государственные субсидии, чтобы обеспечить им возможность в течение девяти месяцев выплачивать шахтерам зарплату в прежнем размере. Об этом решении было объявлено в пятницу, 31 июля. Частичная победа рабочих вошла в историю под названием Красной пятницы.

Однако, временно отступив, правительство сразу стало готовиться к подавлению рабочего движения. По всей стране развернулась вербовка добровольцев в штрейкбрехерские организации. Готовясь спровоцировать рабочих на всеобщую забастовку, правительство руководствовалось не только экономическими соображениями. Горняки были самым боевым отрядом пролетариата, и их разгром в открытом столкновении отвечал задачам стабилизации политического господства капитала, дискредитации всеобщей стачки — этого грозного орудия борьбы рабочего класса, как и любых других прямых массовых действий.

Против самых решительных сторонников мобилизации сил пролетариата проводились репрессивные меры. В октябре 1925 г. 12 руководящих деятелей коммунистической партии, в том числе Г. Поллит и У Галлахер, подверглись аресту и были преданы суду. Все это должно было, по замыслу буржуазии, серьезно ослабить рабочее движение.

Руководство лейбористской партии также враждебно относилось к коммунистам. Осенью 1925 г. на конференции лейбористской партии была принята резолюция, запрещавшая избрание коммунистов делегатами на лейбористские конференции от тред-юнионов. Лейбористские лидеры относились отрицательно ко всеобщей забастовке как средству борьбы. Еще большие опасения вызывала у них перспектива превращения всеобщей забастовки в политическое столкновение. Лейбористская верхушка была обеспокоена растущим влиянием компартии и Движения меньшинства, которое в то время насчитывало около миллиона рабочих. Всеобщая стачка, несомненно,

способствовала бы усилению коммунистов и Движения меньшинства. Руководство лейбористской партии оказалось перед дилеммой: либо отстаивать требования шахтеров, идя на риск дальнейшего усиления левого течения в рабочем движении, либо принести шахтеров в жертву своей реформистской политике. Не решаясь сделать ясный выбор, лейбористские лидеры колебались, а эти колебания, порождая бездеятельность руководства лейбористской партии, давали выигрыш консервативному правительству.

Иную позицию занимала коммунистическая партия. В январе 1926 г. коммунисты разработали и опубликовали план подготовки рабочих к всеобщей стачке, в ходе которой предлагали создать фабрично-заводские комитеты и советы профсоюзов, сформировать дружины рабочей самообороны, наладить связи рабочих с кооперативами и т. д. Этот план получил поддержку Движения меньшинства. Принятая им в марте 1926 г. программа действий сыграла известную роль в подготовке рабочего класса к надвигавшемуся открытому столкновению.

В начале марта 1926 г. был опубликован доклад королевской комиссии, изучавшей положение дел в угольной промышленности. Комиссия высказалась за снижение заработной платы горняков, хотя и меньшее по сравнению с предложениями шахтовладельцев. Генсовет БКТ склонялся к тому, чтобы принять рекомендации комиссии как основу для переговоров с предпринимателями. Однако горняки были непреклонны. 4 мая 1926 г. началась всеобщая стачка. Забастовали железнодорожники, транспортники, печатники, рабочие других отраслей промышленности. Впервые в истории страны выступления трудящихся приняли столь массовый характер. Число участников стачки достигло около 3 млн. человек.

Вместе с тем забастовка обнажила слабые стороны английского рабочего движения, руководимого реформистскими лидерами, остро поставила проблему организации политического руководства движением. Генсовет стремился ограничить забастовку чисто экономическими задачами. В первом номере стачечного бюллетеня Генсовета заявлялось: «Настоящая стачка носит характер экономической борьбы»[1]. Напуганное стихийным движением масс, руководство БКТ призвало забастовщиков не выходить из дома, чтобы избежать уличных выступлений.

На местах руководство движением взяли на себя заводские стачечные комитеты и советы действия, возникавшие зачастую вопреки установке Генсовета. Стачечные органы создавались по инициативе масс при активном участии коммунистов и сторонников Движения меньшинства. Решения об организации стачечных комитетов выносились рабочими на многолюдных собраниях, а советы действия выбирались на конференциях делегатов профсоюзов. В некоторых ок-

[1] «The British Worker», 5.V.1926.

ругах для общего руководства борьбой создавались организации более крупного масштаба — объединенные стачечные комитеты.

Деятельность местных стачечных органов носила боевой характер. Советы действия формировали пикеты и отряды рабочей самообороны, собирали среди горожан средства в пользу забастовщиков, вели агитационную работу среди населения, выпускали, несмотря на запрет Генсовета, стачечные бюллетени, игравшие большую роль в деле мобилизации масс.

В ряде случаев советы действия выполняли некоторые функции местных органов власти. Они контролировали железные дороги, порты и предприятия, налаживали нормальную жизнь в городах. В Ньюкасле стачечные комитеты открыли столовые и установили контакты с кооперативами, чтобы обеспечить население округа продовольствием. В Блейдоне и других соседних городах, по сообщениям газет, вся власть во время всеобщей забастовки фактически перешла в руки советов действия[1].

Логика борьбы ставила в повестку дня необходимость выдвижения политических лозунгов. Именно на эту перспективу ориентировали рабочих коммунисты. «Совет действия,— говорилось в опубликованном 6 мая манифесте КПВ,— должен выставить ясные лозунги: «Национализировать шахты без компенсации, установив над ними рабочий контроль!»»[2] В отдельных случаях лозунги коммунистической партии становились лозунгами местных стачечных органов. В Чопуэлле совещание шахтеров, механиков и машинистов потребовало отставки правительства Болдуина. Однако в целом КПВ не имела необходимого влияния, чтобы повести за собой массы и изолировать правых реформистов.

Лидеры Генсовета, опасавшиеся потерять контроль над движением, стремились как можно скорее прекратить борьбу. За спиной бастующих они вели переговоры с правительством и готовили капитуляцию. 12 мая члены Генсовета, встретившись с Болдуином, заявили, что забастовка прекращается, и разослали соответствующие циркуляры местным организациям.

Стачка была прекращена правыми лидерами профсоюзов в момент, когда для этого не было никаких оснований. В борьбу включились машиностроители и судостроители. Рабочие были полны решимости продолжать борьбу. Стачечные организации укреплялись, налаживалась координация действий между ними. Учитывая это, компартия осудила соглашательскую роль Генсовета и призывала не прекращать борьбу[3]. Коммунисты предлагали созвать экстренное совещание советов действия, стачечных комитетов, чтобы возобновить забастовку.

[1] «The Labour Monthly», June 1926, p. 383.
[2] *R. Arnot.* The General Strike May 1926; Its Origin and History. London, 1926, p. 180—181.
[3] *R. Arnot.* Op. cit., p. 233—234.

Решение лидеров профсоюзов вызвало замешательство и возмущение стачечников. Объединенный стачечный комитет Нортумберленда и Дургама распространил воззвание, в котором говорилось, что Генсовет оставил рабочих «беззащитными перед самыми жестокими преследованиями со стороны местных предпринимателей». В документе подчеркивалась важность всеобщей стачки как метода активного наступления. «Борьба не кончилась! Если жертвы необходимы, идите на них»[1],— заявил комитет в обращении к рабочим. Вопреки указаниям Генсовета в течение нескольких дней рабочие многих промышленных предприятий продолжали забастовку. Необычайную стойкость и героизм проявили шахтеры, бастовавшие до декабря 1926 г. Только моральная и материальная поддержка со стороны международного пролетариата, рабочего класса Советского Союза дала им возможность продержаться так долго[2].

Однако судьба всеобщей стачки была предрешена. Лишенные поддержки со стороны Генсовета и тред-юнионов, углекопы были вынуждены выйти на работу.

Срыв стачки правыми лидерами тред-юнионов и лейбористской партии развязал руки буржуазии. Начались массовые увольнения рабочих-активистов. Сотни организаторов и участников стачки подверглись арестам и тюремному заключению. Главный удар приняла на себя коммунистическая партия. Число арестованных коммунистов достигло 1200 человек. К преследованию коммунистов присоединился и Генсовет. Он отдал распоряжения своим секциям порвать все контакты с профсоюзами, принадлежащими к Движению меньшинства.

Последствия поражения забастовки были для английского рабочего класса весьма тяжелыми. Летом 1926 г. парламентским актом рабочий день шахтеров был увеличен с семи до восьми часов. В 1927 г. парламент принял реакционный закон «О промышленных конфликтах и тред-юнионах», который запрещал проведение стачек солидарности или политических стачек. Организаторам и участникам «незаконных» стачек грозило тюремное заключение. Закон фактически легализовал штрейкбрехерство, запретил организацию пикетов. В 1928 г. был принят закон о безработных; многие из них были лишены пособия, а размер его сокращен.

И все же, несмотря на поражение, всеобщая стачка в Англии имела большое историческое значение. Выйдя за рамки обычного экономического конфликта, она превратилась в беспрецедентное в истории страны классовое противоборство пролетариата и буржуазии. Будучи самым мощным выступлением пролетариата Западной Европы в период капиталистической стабилизации, английская всеобщая забастовка имела огромный международный резонанс. Она

[1] *П. В. Гурович.* Всеобщая стачка в Англии 1926 года. М., 1959, стр. 163.

[2] См. главу первую данного тома.

нанесла сильнейший удар по буржуазным мифам о «затухании классовой борьбы» и «наступлении эпохи социального мира».

Во *Франции* буржуазия имела значительные резервы для укрепления своего господства. Экономика страны меньше пострадала от войны и послевоенных потрясений. Франция получила значительный приток финансов за счет репараций из Германии. Выпуск промышленной продукции составлял в 1924 г. 109%, а в 1930 г.— 140% к уровню 1913 г.

В политической жизни произошел некоторый сдвиг влево. 11 мая 1924 г. на парламентских выборах большинство мест получили радикалы и социалисты, объединившиеся в избирательный союз «Левый блок». Выдвинутая им программа предусматривала проведение амнистии для участников революционного движения, предоставление государственным служащим права на объединение в профсоюзы, восстановление на работе железнодорожников, уволенных во время стачек 1920 г., создание единой системы социального страхования за счет предпринимателей, проведение в жизнь законодательства о 8-часовом рабочем дне, отделение церкви от государства и т. д. Левые партии обещали также установить дипломатические отношения с СССР.

Победа Левого блока на выборах привела к сформированию правительства во главе с радикалом Э. Эррио. Хотя правительство Э. Эррио провело ряд демократических мер, оно не выполнило значительную часть социальной программы Левого блока. Более того, были развязаны колониальные войны в Марокко и Сирии.

Неутешительные итоги политики Левого блока вызвали разочарование в рядах его сторонников и распад коалиции. На смену ей в 1926 г. к власти пришло правительство «национального единения» во главе с Пуанкаре, опиравшееся практически на поддержку всех буржуазных партий. Очередные парламентские выборы 1928 г. закрепили победу правых сил.

В период частичной стабилизации наметился спад рабочего движения. Стачки в основном носили экономический характер. В 1924 г. бастовали рабочие-металлурги Шербура и Сент-Этьена, текстильщики Руана, рабочие автомобильного завода «Ситроен» в Париже. В 1925 г. в стачках участвовали строители, рабочие текстильной и керамической промышленности. В течение шести недель бастовали 40 тыс. банковских служащих. Рабочий класс выступал против сокращения заработной платы и усиления эксплуатации, за улучшение охраны труда. В ряде случаев забастовки приобретали политический характер. Наиболее ярко это проявилось в выступлениях рабочих против колониальной политики правительства.

Забастовки проводились в обстановке массированного наступления предпринимателей, поэтому большинство из них не давало ощутимых результатов. Борьбу трудящихся затрудняло и усиление центробежных тенденций в профсоюзном движении, вызванных глав-

ным образом политикой реформистского руководства Всеобщей конфедерации труда (ВКТ).

Реформистское руководство ВКТ прибегало к исключениям из ВКТ революционных профсоюзов, и поэтому в 1922 г. революционные профсоюзы были вынуждены создать новый профсоюзный центр — Унитарную всеобщую конфедерацию труда (УВКТ). По решению III съезда УВКТ (конец 1925 — начало 1926 г.) Конфедерация подверглась организационной перестройке, ее первичной основой стала фабрично-заводская профсоюзная организация. Революционное профсоюзное объединение во Франции было подлинно массовой организацией. Наибольшее влияние УВКТ имела среди рабочих металлургов и железнодорожников.

УВКТ, считая профсоюзное единство своей первейшей задачей, предлагала созвать общий съезд двух конфедераций в целях их объединения. Лидеры ВКТ отвергли это предложение. Тогда по предложению революционных профсоюзов на местах стали создаваться смешанные комитеты из представителей обоих профцентров, которые отстаивали требования трудящихся. В ряде отраслевых профсоюзов ВКТ возникли левые течения. В апреле 1925 г. УВКТ предложила провести слияние низовых профцентров под контролем обеих конфедераций, а затем созвать объединительный съезд. 50 низовых союзов ВКТ поддержали этот план. Съезд ВКТ (август 1925 г.) отверг, однако, и эти предложения[1].

В годы стабилизации в расстановке политических сил в рабочем движении перевес оказался на стороне социалистов. В то же время руководство СФИО, вынужденное считаться с революционными настроениями французского пролетариата, воздерживалось от крайностей антикоммунизма, свойственных правому крылу международной социал-демократии. Руководство СФИО неизменно отклоняло предложения буржуазных партий войти в коалиционное правительство, что помогало партии сохранять известную независимость по отношению к буржуазной политике. В 1924—1929 гг. центристское руководство СФИО чаще блокировалось с левыми течениями, тогда как правое крыло партии оставалось в оппозиции.

Однако, отказываясь входить в буржуазные правительства, лидеры СФИО не проводили и политики классовой борьбы[2]. Избирательный союз с радикалами ограничивал их способность к самостоятельной политической борьбе, лишал их возможности серьезно противодействовать антирабочей политике этих правительств.

Лидеры СФИО принимали меры для свертывания массовой борьбы. В этом отношении показательна их позиция в связи с колониаль-

[1] См. *С. Н. Гурвич.* Рабочее движение и Левый блок во Франции (1921—1926). М., 1966, стр. 135.

[2] См. *С. С. Салычев.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940. М., 1973, стр. 75—98.

ной войной французского империализма в Марокко (1925—1926 гг.). В парламенте и в печати лидеры социалистической партии осудили войну и выступили за мирное урегулирование конфликта. Вместе с тем они отказывались от любых действий, самостоятельных или совместных с ФКП, по развертыванию массового антивоенного движения. В августе 1925 г. чрезвычайный съезд СФИО запретил членам партии сотрудничать с коммунистами в комитетах действия, руководивших антивоенной массовой борьбой, и обязал всех социалистов под угрозой исключения из партии выйти из них. Фактически возражения против сотрудничества с коммунистами использовались руководством СФИО, чтобы замаскировать свое отрицательное отношение к участию рядовых социалистов в массовой борьбе.

По отношению к правительству Пуанкаре руководство СФИО проводило, говоря словами Л. Блюма, политику «благожелательной оппозиции»[1]. Один из деятелей партии, Д. Лигу, признавал: «Удивительно, насколько критика СФИО в адрес Пуанкаре была умеренной, почти всегда доктринальной и теоретической, скорее академической, чем воинственной»[2].

Социалистическая партия, собиравшая около 18—20% голосов избирателей и опиравшаяся на самое крупное профсоюзное объединение (ВКТ), представляла собой внушительную силу, с которой вынуждены были считаться правящие круги. Однако боязнь лидеров СФИО выйти за рамки парламентской борьбы значительно снижала потенциальные возможности этой силы в отстаивании социально-экономических интересов трудящихся, а главное, реформистская политика лидеров СФИО подрывала политическую активность рабочих масс и тем самым боеспособность рабочего класса. Социалистические лидеры устранились от практической подготовки пролетариата к самостоятельной политической борьбе.

Решению этой главной и самой сложной задачи рабочего движения была подчинена деятельность Французской коммунистической партии (ФКП). Только с учетом новизны и чрезвычайной сложности указанной задачи можно правильно оценить значение достижений и неудач французских коммунистов в поисках путей подвода масс к самостоятельной политической борьбе.

Прежде всего предстояло завершить формирование партии нового типа. В 1924 г. реорганизация ФКП на основе производственных ячеек превратила партийные ячейки в опорные центры политической инициативы и организации масс, позволила укрепить в партии пролетарское ядро. В ходе реорганизации ленинскому ядру ФКП приходилось преодолевать упорное сопротивление как пра-

[1] Цит. по: «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)». М., 1968, стр. 86.

[2] *D. Ligou.* Histoire du socialisme en Françe (1871—1961). Paris, 1962, p. 367.

вой внутрипартийной группировки (Лорио, Паз и др.), так и группы синдикалистов (Монатт, Росмер и др.). Все это осложняло положение партии и стало одной из причин временного уменьшения ее численности[1]. Однако в целом реорганизация партии и создание марксистско-ленинского руководства, в состав которого вошли Ж. Дюкло, М. Кашен, П. Семар, М. Торез, значительно укрепили боеспособность партии.

Большим достижением ФКП была организация массовой борьбы против колониальных войн французского империализма в Марокко и Сирии. Сразу же после начала военных действий в Марокко весной 1925 г. ФКП выдвинула требование немедленного мира, независимости Республики Риф, вывода французских войск из Марокко. Коммунисты призывали французских солдат брататься с повстанцами[2]. Для координации борьбы против колониальных войн был создан Комитет действия во главе с Морисом Торезом. В него вошли ФКП, УВКТ, Ассоциация бывших фронтовиков (АРАК) и группа «Кларте», объединявшая передовую интеллигенцию. Такие же комитеты возникли на местах. Комитеты действия организовывали антивоенные митинги, призывали докеров бойкотировать отправку военных грузов в Марокко, вели агитацию в войсках, готовившихся к посылке в Марокко. Призывы комитетов нашли отклик среди докеров Гавра, рабочих и матросов других портов[3].

В начале июля по инициативе комитетов действия в ряде крупных городов страны были проведены антивоенные конференции рабочих. Однако более широкому развертыванию массовой борьбы препятствовало отсутствие единства рабочего движения. Руководство СФИО отклоняло предложения ФКП о совместных выступлениях[4].

Раскольническая линия социалистов и лидеров ВКТ, репрессивные меры правительства затруднили, но не сорвали проведение антивоенной кампании. Назначенная на 12 октября 1925 г. массовая политическая забастовка против войны в Марокко состоялась. В ней участвовало 900 тыс. рабочих. Антивоенную стачку поддержали некоторые местные профсоюзы ВКТ. На предприятиях были сделаны первые шаги в применении политики единого фронта.

Кампания против войны в Марокко под руководством коммунистов явилась важной вехой в истории французского рабочего и коммунистического движения. Передовой отряд рабочего класса, пор-

[1] См. «Histoire du Parti communiste français (manuel)». Paris, 1964, p. 170—181.
[2] См. «История Франции», т. 3. М., 1973, стр. 117.
[3] См. там же, стр. 118—119; см. также: «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)», стр. 77.
[4] См. «Очерки рабочего движения во Франции (1917—1967)», стр. 79, 80.

вав с идеологией колониализма и шовинизма, впервые в истории страны оказал действенную поддержку национально-освободительному движению народов колоний[1].

Целям политического воспитания рабочих масс были подчинены избирательная тактика и парламентская деятельность ФКП. В преддверии парламентских выборов 1924 г. ФКП обратилась к СФИО с предложением об образовании избирательного рабоче-крестьянского блока, противостоящего буржуазным партиям.

Предложение коммунистов было отвергнуто руководством СФИО, и тогда коммунистическая партия провела предвыборную кампанию под лозунгом: «Рабоче-крестьянский блок — орудие освобождения труда»[2]. Это был первый опыт участия в избирательной кампании.

На выборах ФКП собрала около 10% (875 тыс.) голосов. В палату депутатов было избрано 26 коммунистов. Это был немалый успех для партии, начавшей овладевать методами парламентской борьбы. Вместе с тем ФКП допустила некоторые тактические просчеты. Разъясняя основные цели партии, коммунисты недостаточное внимание уделяли повседневным требованиям трудящихся. В предвыборной агитации коммунистов не всегда делались различия между объединением правых партий (Национальным блоком) и Левым блоком. Все это снижало эффективность предвыборной работы коммунистов[3].

После выборов 1924 г. избирательная тактика ФКП приобрела большую гибкость. IV съезд ФКП в Клиши (январь 1925 г.), обсудив линию партии в связи с предстоящими муниципальными выборами, постановил, что в отдельных случаях ФКП должна поддерживать Левый блок[4]. Допущение частичных соглашений с социалистами и радикалами было началом новой тактики, которая получила затем название «тактики Клиши». Эта новая тактика, выдвинувшая идею союза левых партий, была важным завоеванием ФКП.

В ноябре 1925 г. ЦК ФКП выпустил манифест, в котором заявил о готовности «защищать против всяких нападок реакции любое правительство Левого блока или чисто социалистическое» при условии, что оно встанет на путь демократических социальных реформ и прекращения колониальных войн в Сирии и Марокко[5].

На выборах 1925 г. и дополнительных выборах 1926 г. коммунисты выдвигали вопрос об избирательном блоке трех левых партий (коммунистической, социалистической, радикальной). На дополнительных выборах в палату депутатов (в частности, в Париже) во

[1] «Histoire du Parti communiste français», p. 183—184.
[2] Ibid., p. 148.
[3] Ibid., p. 147.
[4] См. *С. Н. Гурвич.* Рабочее движение и Левый блок во Франции (1921—1926), стр. 101.
[5] См. «История Франции», т. 3, стр. 122.

втором туре голосования три левые партии оказывали поддержку друг другу и добились проведения своих кандидатов.

V съезд ФКП (июнь 1926 г.) признал возможным временные соглашения ради определенных целей (например, борьба против фашизма) с буржуазно-демократическими организациями.

В целом коммунистическая партия сумела в годы частичной стабилизации капитализма сохранить и даже упрочить свое влияние среди избирателей. На парламентских выборах 1928 г. за кандидатов ФКП было подано 1 063 тыс. голосов, т. е. на 181 тыс. больше, чем в 1924 г. На муниципальных выборах 1925 г. коммунисты победили в 70 муниципалитетах.

Однако в деятельности ФКП было немало трудностей. Сама обстановка частичной стабилизации капитализма, укрепление экономических и политических основ буржуазного господства создавали огромное политическое и идейное давление, порождая колебания среди части коммунистов. Правящие круги всемерно усиливали эти колебания, проводя политику изоляции и репрессий в отношении коммунистической партии, сотрудничества и благожелательности в отношении реформистского течения. К лету 1929 г. правительственные репрессии достигли своего апогея. В конце июля 1929 г. полиция арестовала М. Тореза и ряд других руководителей партии, блокировала операции Рабоче-крестьянского банка, в котором находились финансовые средства «Юманите», наложила аресты на здания ЦК и «Юманите». ФКП перешла на полулегальное положение.

Репрессии не запугали партию. Коммунисты провели запрещенную правительством антивоенную демонстрацию 1 августа 1929 г., развернули массовое движение протеста против полицейских репрессий. Вместе с тем полицейские акции, временно ослабив руководство ФКП, способствовали активизации оппортунистических внутрипартийных течений. Группа Барбе—Селора воспользовалась арестами, чтобы захватить руководство партии, навязать ФКП сектантский курс на разжигание взаимной вражды между коммунистами и социалистами, на замену терпеливой работы в массах революционной фразеологией. Нарушая все нормы внутрипартийной демократии, Барбе и Селор насаждали административные методы руководства. Деятельность оппортунистических течений, и особенно группы Барбе—Селора, нанесла огромный вред партии.

Германия оставалась наиболее уязвимой частью капиталистической системы в Европе. Веймарская республика, возникшая в результате острых классовых битв Ноябрьской революции, была построена на шатком фундаменте. Ее здание сотрясали не только социальные конфликты, порождаемые классовым антагонизмом между трудом и капиталом, но и борьба между сторонниками и противниками буржуазно-демократического парламентарного строя.

После поражения революционного авангарда в 1923 г. рабочие вели главным образом экономические бои. Число забастовок в 1924 г.

уменьшилось по сравнению с предыдущим годом почти на $^1/_4$, а число забастовщиков — почти в 2,5 раза. В 1927 г. был достигнут довоенный уровень промышленного производства.

Руководители СДПГ и реформистских профсоюзов прилагали немало усилий, чтобы убедить рабочих, будто стабилизация экономики, и в частности капиталистическая рационализация, способствует решению насущных социальных проблем. На Берлинском съезде СДПГ летом 1924 г., несмотря на протесты оппозиции, правые лидеры провели решения о поддержке «экономического восстановления», «плана Дауэса» и сотрудничества с буржуазными партиями. В то же время было отклонено какое-либо сотрудничество с коммунистами.

На съезде германских профсоюзов в Бреслау в августе—сентябре 1925 г. вопреки требованиям ряда делегатов противодействовать нажиму предпринимателей на заработную плату, их стремлению удлинить рабочий день и ограничить права профсоюзов посредством обязательного арбитража, разрушить систему тарифных договоров были приняты решения о сотрудничестве профсоюзов с организациями предпринимателей в паритетных «экономических палатах» и поддержке капиталистической рационализации.

На съезде СДПГ в Гейдельберге в сентябре 1925 г. была одобрена новая программа партии, в которой утверждалось, будто буржуазная Веймарская республика представляет собой самую благоприятную почву «для осуществления социализма»[1].

В докладе о программе Р. Гильфердинг утверждал, что в Германии буржуазный характер государства преодолен и что успехи СДПГ на парламентских выборах и политика сотрудничества с буржуазными партиями на правительственном уровне приведут к усилению влияния социал-демократии и профсоюзов на государственную власть, к подчинению капиталистических монополий общественным интересам.

Курс на интеграцию социал-демократии в систему буржуазного общества и парламентского режима сопровождался решительным отказом от какого-либо сотрудничества с коммунистами, усилением антикоммунистических тенденций, ориентацией на углубление раскола рабочего движения.

Единственной политической партией, которая в условиях отлива революционной волны призывала рабочий класс оказывать организованное сопротивление и отстаивать свои жизненные интересы, была Коммунистическая партия Германии. Она разоблачала империалистический характер «плана Дауэса» и «духа Локарно», который по замыслу западных держав должен был превратить Германию в ударную силу против СССР, вела борьбу против наступления монополи-

[1] «Sozialdemokratischer Parteitag 1925 in Heidelberg. Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz». Berlin, 1925, S. 5—10.

стического капитала на демократические права и социальные завоевания трудящихся, ориентировала пролетариат на организацию действенного отпора фашизму, справедливо видела в нем главного врага рабочего класса[1].

Немалый ущерб партии нанесло временное усиление группы «ультралевых». Они отвергали политику единого фронта и классовых союзов пролетариата, выступали против реорганизации партии на основе производственных ячеек. Тем самым они толкали партию на опасный путь, ведущий к изоляции от масс. К концу 1925 г. при содействии Исполкома Коминтерна КПГ справилась с внутренними трудностями. На I партийной конференции 31 октября — 1 ноября 1925 г. «ультралевые» были удалены из партийного руководства. Председателем партии был избран Эрнст Тельман. Создание Центрального Комитета из стойких коммунистов-ленинцев знаменовало серьезный поворот в истории партии. Началась работа по внедрению идеологических и организационных принципов ленинизма, по перестройке партийной структуры на основе производственных ячеек. Создавались предпосылки для развертывания широкой работы в массах путем борьбы за единый рабочий фронт и активного участия коммунистов в деятельности профсоюзов[2].

В середине 20-х гг. в Германии возникло движение протеста против возвращения собственности династиям, свергнутым после Ноябрьской революции. Когда прусское социал-демократическое правительство внесло законопроект о выплате семье бывшего кайзера и прусского короля Гогенцоллерна «возмещения» в 185 млн. марок (сверх ежегодной пенсии в 600 тыс. марок), это вызвало большое возмущение. КПГ внесла в рейхстаг проект закона о полном и безвозмездном отчуждении собственности бывших князей и обращении этих средств на улучшение положения нуждающихся крестьян, на пособия безработным, больным, инвалидам войны и семьям погибших.

2 декабря 1925 г. ЦК КПГ направил открытое письмо правлениям СДПГ и профсоюзов с призывом развернуть совместную борьбу за проведение народного референдума о безвозмездном отчуждении имущества князей. Поскольку призыв остался без ответа, многие местные организации КПГ стали обращаться к низовым организациям СДПГ, массовым рабочим организациям, а также к различным демократическим объединениям с предложениями действовать сообща. На местах создавались единые комитеты, в которых участвовали коммунистические, социал-демократические, беспартийные рабочие и активисты молодежных организаций, выступавшие под лозунгами: «Ни пфеннига князьям!», «Замки — народу, князьям —

[1] «Faschismus Forschung. Positionen, Probleme, Polemik». Berlin, 1980, S. 324.

[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4. Berlin, 1966, S. 98—104.

ночлежки!» В кампанию включились виднейшие представители прогрессивной интеллигенции, в том числе Альберт Эйнштейн, публицисты Карл фон Осецкий и Курт Тухольский, художники Кете Кольвиц и Генрих Цилле, драматург Эрвин Пискатор и многие другие. Для проведения опроса общественности был создан специальный комитет под председательством профессора Роберта Кучинского. Движение приобрело общенародный характер.

Руководство СДПГ и Объединения профсоюзов было вынуждено поддержать требование компартии о проведении опроса. В январе 1926 г. было достигнуто соглашение о совместных действиях КПГ, «комитета Кучинского», СДПГ и Объединения профсоюзов.

Несмотря на яростную клеветническую кампанию и террор реакции, в марте 1926 г. 12,5 млн. граждан, имеющих право голоса, поставили в официальных списках свои подписи, требуя закона о безвозмездном отчуждении имущества князей.

20 июня 1926 г. 14,5 млн. избирателей высказались за безвозмездное отчуждение имущества династий. Несмотря на то что во время референдума не удалось собрать требуемых по конституции 20 млн. голосов, его результаты свидетельствовали о крупном успехе коммунистов. Партии, отмечал Э. Тельман, удалось всколыхнуть широкие массы рабочего класса и мелкой буржуазии, сплотить их в единый фронт.

Осенью 1926 г. КПГ направила свои усилия на поиски методов борьбы против социальных последствий капиталистической рационализации. Проведенная в октябре стачка 18 тыс. докеров Гамбурга была, по оценке Тельмана, первой в Германии крупной пробой сил в борьбе против капиталистической рационализации. Она показала возможность установления единства «снизу» вопреки линии профсоюзных руководителей и лидеров СДПГ.

Для того чтобы упрочить единый фронт рабочего класса и его союз с трудящимся крестьянством и городскими средними слоями, сложившиеся в дни референдума, КПГ развернула кампанию за созыв Всегерманского конгресса трудящихся. Конгресс трудящихся, работавший в Берлине 3—5 декабря 1926 г., принял боевую программу борьбы против капиталистической рационализации. Выдвинув лозунг «Долой диктатуру трестов!», конгресс высказался за национализацию банков и трестов, за 47-часовую рабочую неделю и повышение зарплаты, за расширение прав производственных советов, за вовлечение в борьбу против капитала рабочих, крестьян и городских средних слоев. В работе конгресса участвовали 2000 делегатов: коммунисты, социал-демократы, беспартийные рабочие, представители крестьянских организаций.

Успехи коммунистов, организованного рабочего движения не смогли, однако, воспрепятствовать консолидации реакционных сил. На президентских выборах весной 1925 г. президентом Веймарской республики был избран закоренелый монархист, бывший кайзеров-

ский фельдмаршал П. фон Гинденбург. Избрание Гинденбурга свидетельствовало об усилении реакционных тенденций во внутренней и внешней политике Германии.

В начале 1926 г. был создан «Союз обновления империи», который выдвинул программу борьбы за дальнейшее усиление власти президента и правительства, за ужесточение репрессий против революционных организаций и т. п.[1] Опорой реакционно-милитаристских кругов был «Стальной шлем», насчитывавший более 500 тыс. членов.

Гитлеровцы, ушедшие после провала «нацистского путча» на время в тень, осуществляли перегруппировку своих сил. В 1925 г. Гитлер объявил о возрождении НСДАП, в рейхстаге была образована фракция нацистской партии. Укреплялись связи нацистов с банками и концернами, а также военщиной и представителями юнкерства. Оставаясь важнейшим политическим резервом монополистического капитала, гитлеровцы в 1924—1929 гг. готовились к борьбе за власть.

Для «защиты республики и республиканской конституции» в феврале 1924 г. социал-демократами был образован «Союз республиканских участников войны» («Рейхсбаннер»), объединявший антимилитаристски и антимонархически настроенных рабочих и служащих. Однако он далеко не всегда использовался для противодействия милитаристско-фашистскому движению. Уставом 1926 г. было запрещено принимать в него коммунистов и участвовать в совместных с ними акциях.

Лидеры социал-демократии, ослепленные антикоммунизмом, не только не боролись против нацизма, но и потворствовали ему. В 1927 г. председатель рейхстага П. Лебе выступил за «справедливость» в отношении гитлеровцев, против ограничения их провокационной деятельности. Министр внутренних дел Пруссии А. Гржезинский предоставил фашистскому главарю полную свободу действий, мотивировав это тем, что нацисты не представляют особой опасности для республики[2].

В условиях наступления империализма коммунистическая партия продолжала развертывать работу в массах, ориентируясь на завоевание большинства рабочего класса. В 1924 г. коммунисты создали массовую боевую организацию рабочего класса «Союз красных фронтовиков» и молодежную организацию «Красный юнгштурм». Первая конференция Союза состоялась в феврале 1925 г. в Берлине, его председателем был избран Э. Тельман. К весне 1927 г. «Союз красных фронтовиков» имел 1640 местных групп и насчитывал свыше 100 тыс. человек.

[1] *В. Руге.* Гинденбург. Портрет германского милитариста. М., 1981, стр. 215.

[2] См. *Л. И. Гинцберг.* Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919—1933 гг.). М., 1978, стр. 188.

Члены Союза защищали рабочие собрания и демонстрации от налетов реакционных сил, охраняли пикеты стачечников, вели разъяснительную работу среди трудящихся. Эти объединения, мужественно противостоящие милитаристским и реваншистским происках, были боевой опорой и надежным резервом КПГ.

В 1927 г. период спада забастовочного движения в Германии закончился. Новый этап ознаменовался значительным усилением стачечной борьбы. Число бастовавших рабочих достигло в 1928 г. 329 тыс. против 60 тыс. в 1926 г., а число потерянных рабочих дней выросло в 9,5 раза и составило 8,5 млн. Рабочие требовали пересмотра коллективных договоров, повышения заработной платы, восстановления 8-часового рабочего дня. Росло влияние коммунистической партии, революционной профоппозиции и других массовых организаций трудящихся. В социал-демократической партии образовалась «левая оппозиция».

На усиление забастовочной борьбы предприниматели отвечали массовыми увольнениями[1]. В ноябре 1928 г. объединение работодателей северо-западной группы Союза немецкой сталелитейной промышленности и черной металлургии, бесцеремонно отклонив требования рабочих об увеличении зарплаты и восстановлении 8-часового рабочего дня, объявило о немедленном увольнении 213 тыс. металлистов. Это был не только удар по жизненным интересам рабочих, но и прямое посягательство на трудовое законодательство, в конечном счете — вызов республике.

Коммунистическая партия приложила большие усилия для организации бастующих и развертывания движения солидарности рабочих. По инициативе коммунистов был создан центральный комитет борьбы, который поддержали 118 тыс. рабочих[2]. Однако соглашательская политика правых лидеров СДПГ и Объединения немецких профсоюзов, отклонивших предложение комитета борьбы объявить всеобщую стачку, помешала рабочим отстоять свои права и интересы.

Конфликт в металлургической промышленности Северо-Запада, продолжавшаяся 14 недель забастовка металлистов Хеннигсдорфа (начало 1929 г.) и другие экономические стачки этого периода носили ожесточенный характер. Возникшие в ходе классовых боев комитеты борьбы выступали как органы единства действий рабочего класса.

Усиление классовой борьбы в Германии совпало по времени с выборами в рейхстаг, состоявшимися весной 1928 г. На этих выборах СДПГ получила 9 млн. голосов (29,8%), коммунисты — более

[1] См. *В. Руге.* Германия в 1917—1933 гг. От Великой Октябрьской социалистической революции до конца Веймарской республики. М., 1974, стр. 212.

[2] См. там же, стр. 213; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4, S. 189—193.

3 млн. голосов. Формирование кабинета «большой коалиции» было поручено социал-демократу Г. Мюллеру.

Социал-демократы продолжали политику правительств буржуазного блока. В августе 1928 г. было объявлено о решении кабинета начать постройку первого из четырех крупных военных кораблей — броненосца А. Известие об этом решении, означавшем шаг на пути возрождения германской военной машины, вызвало взрыв негодования в стране. КПГ призвала к массовой кампании протеста против милитаризма и подготовки войны, к народной инициативе и референдуму против строительства броненосцев. Многие социал-демократические организации заявили протест и потребовали отставки правительства и исключения министров из СДПГ. Снова, как во время кампании против князей, по стране прокатилась мощная волна митингов и демонстраций. В движение активно включились представители демократической интеллигенции, в том числе А. Эйнштейн, Г. Манн, А. Цвейг, Б. Келлерман, К. Кольвиц и Г. Цилле. Начался сбор подписей о проведении референдума. Однако из-за противодействия руководства СДПГ и буржуазных партий кампания не достигла поставленной цели.

Противодействуя росту боевого духа рабочих, реакция требовала принятия суровых мер против трудящихся. Полицей-президенты и министры внутренних дел земель, посты которых часто занимали социал-демократы, запрещали коммунистическую печать, демонстрации, собрания. Печальную известность приобрел полицей-президент Берлина социал-демократ К. Цергибель, приказавший расстрелять мирную демонстрацию трудящихся 1 мая 1929 г. Возмущенные полицейским произволом, рабочие Веддинга и Нойкёльна стихийно взялись за оружие, строили баррикады. В ходе столкновений с полицией был убит 31 рабочий, многие сотни получили ранения[1].

КПГ возглавила самооборону берлинских рабочих, предостерегая, однако, от действий, могущих привести к гражданской войне. По призыву компартии в Берлине, Хемнице, Гамбурге, Галле и других городах впервые после 1923 г. вновь состоялись массовые политические забастовки и демонстрации протеста против кровавой расправы в Берлине.

Состоявшийся в июне 1929 г. в берлинском районе Веддинг XII съезд КПГ предупреждал об опасности фашизма, о курсе крупного капитала на уничтожение демократических свобод и установление открытой диктатуры. Ближайшей целью коммунистов съезд определил завоевание основных слоев рабочего класса на сторону КПГ, сплочение всех трудящихся в борьбе против реакции и военной опасности[2].

Стабилизация в *Австрии*, как подчеркнул И. Копленig, носила

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4, S. 199.
[2] Ibid., S. 204—209.

более шаткий характер, чем в других капиталистических странах[1]. В 1927 г. добыча угля составляла 114% по сравнению с 1923 г., но она покрывала только $^1/_3$ потребности страны. Добыча железной руды достигала лишь 81,3% уровня 1913 г. Главная тяжесть стабилизации ложилась на плечи трудящихся. Сбалансирование государственного бюджета проводилось за счет налога с товарооборота, являвшегося косвенным налогом на потребителя. Повсеместно снижалась заработная плата рабочих.

Экономическая политика буржуазного правительства встречала сопротивление народа. В ответ на это буржуазия все чаще прибегала к методам фашистского террора. В стране активизировались организации фашистских вооруженных отрядов — хеймверов, ориентировавшихся на политику итальянских фашистов, национал-социалистов, державших курс на германский фашизм, на аншлюс Австрии с Германией.

В этих сложных условиях австрийский рабочий класс не имел надлежащего революционного руководства. В 1926 г. Социал-демократическая рабочая партия Австрии (СДРПА) насчитывала более 600 тыс. членов, из которых 52% составляли рабочие. За нее обычно голосовали около 1,5 млн. избирателей, в парламенте она была второй партией, имея только немногим меньше мест, чем правящая партия. Но лидеры социал-демократии не смогли, а из-за своего антикоммунизма побоялись привести в действие весь тот боевой классовый потенциал рабочего движения, который в большей степени, чем во многих других странах, сохранился от периода революционного подъема. Между тем в своих декларациях и документах СДРПА выступала довольно радикально. В 1926 г. съезд партии принял новую программу, в которой было даже заявлено, что, если партия придет к власти и на пути осуществления социальных реформ встретит сопротивление буржуазии, она вынуждена будет сломить его «средствами диктатуры». В центральном органе партии в адрес буржуазии заявлялось: «Если понадобится, мы покажем этим господам, что думает и чего хочет подлинно рабочая Вена». Так создавалась иллюзия среди рабочих, что их социал-демократические лидеры — боевые революционеры.

Коммунистическая партия Австрии была малочисленной: она насчитывала не более 4 тыс. членов. Фракционные разногласия, раздиравшие ее много лет, удалось преодолеть лишь к началу 1927 г.

По мере эскалации фашистских насилий крепли боевые настроения широких масс трудящихся. Гнев и возмущение рабочих по всей Австрии вызвали события в поселке Шаттендорф. Здесь в пятницу 30 января 1927 г. фашисты открыли стрельбу по

[1] См. «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», вып. I, стр. 134.

безоружной рабочей демонстрации. Один рабочий и восьмилетний ребенок были убиты, несколько демонстрантов ранены. Уже в понедельник 2 февраля начались забастовки протеста на предприятиях Вены; во Флоридсдорфе (рабочий район Вены) прошли демонстрации. Массовый митинг протеста состоялся перед ратушей[1]. Лидеры СДРПА призвали прекратить на 15 минут работу в день похорон шаттендорфских жертв фашистских насилий.

В сложившейся обстановке компартия придавала большое значение созданию единого антифашистского фронта. 7 марта 1927 г. компартия обратилась к правлению СДРПА с открытым письмом, в котором обещала поддержать кандидатов этой партии на предстоящих парламентских выборах, если она заявит о своей готовности начать борьбу за роспуск фашистских организаций, за удаление фашистов из государственного аппарата и армии, за вооружение рабочего класса и улучшение его экономического положения. Однако Отто Бауэр в ответе, опубликованном в «Арбайтер-Цайтунг», заявил, что никакой фашистской опасности не существует[2].

Руководство социал-демократии шло к выборам, надеясь на победу. В 1923 г. после парламентских выборов, когда СДРПА получила на 300 тыс. голосов больше, чем в 1920 г., О. Бауэр заявил, что, завоевав дополнительно 300 тыс. голосов, социал-демократы смогут создать свое правительство[3]. Но надежды Бауэра на приход к власти парламентским путем не оправдались. На выборах 24 апреля 1927 г. победу снова одержала христианско-социальная партия.

Новый кабинет во главе с Зейпелем был еще более реакционным, чем прежний. В июне руководители республиканского шуцбунда — организации отрядов рабочей самообороны, созданной СДРПА по требованию членов партии в апреле 1923 г. для охраны рабочих собраний и демонстраций от нападения фашистов, уступили требованиям правительства и сдали ему хранившееся в арсенале организации оружие. 14 июля суд оправдал убийц из Шаттендорфа. На следующий день на заводах Вены начались стихийные митинги. Ко дворцу юстиции двинулись демонстрации протеста. Полиция открыла огонь по безоружным демонстрантам. Рабочие ответили градом камней. Преследуя полицейских, они проникли во дворец юстиции и начали выбрасывать через окна документы. Прибывшие полицейские силы открыли огонь по собравшимся. Возникли баррикады. Около 20 тыс. рабочих, в том числе и часть шуцбундовцев, ве-

[1] *O. Leichter.* Glanz und Ende der Ersten Republik. Wien, 1964, S. 45—46.

[2] *Э. Цуккер-Шиллинг.* Он служил своему классу. Иоганн Копленинг (1891—1968). Жизнь и деятельность. М., 1974, стр. 36—37, 104—109; *И. Копленинг.* Избранные произведения (1924—1962 гг.). М., 1963, стр. 10—21.

[3] *O. Leichter.* Op. cit., S. 36.

ли бои против фашистов на улицах Вены. Железнодорожники старались не допустить ввода войск из провинции. В этих боях активную роль играли коммунисты, показавшие себя стойкими борцами против фашизма. В листовке, написанной Генеральным секретарем КПА Иоганном Копленигом и распространявшейся 15 июля среди демонстрантов, КПА призывала добиваться разоружения и роспуска всех фашистских организаций[1].

Правление социал-демократической партии и профсоюзы объявили о 24-часовой всеобщей забастовке, ограничив тем самым в сроках забастовочное движение протеста. Одновременно они призывали к прекращению демонстраций, а в полночь 18 июля добились прекращения забастовки рабочих железных дорог, почты, телеграфа и телефона.

За два дня июльских боев 1927 г. пролетариат Вены потерял 85 человек убитыми, свыше тысячи рабочих получили ранения. Был арестован и предан суду И. Копленig.

Выступление рабочих Вены имело ограниченные цели — выразить свой гнев против фашистского террора. Оно не выдвигало революционных требований и было объективно направлено в защиту буржуазной демократии. Борьбе рабочих недоставало организованности, руководства. Хотя рабочий класс потерпел поражение, июльские события сыграли важную роль в австрийском и международном рабочем движении. Это было первое массовое антифашистское выступление, в котором выявилась возможность единого фронта рабочих социал-демократов и коммунистов. Июль 1927 г. стал первой репетицией антифашистского единства действий.

В *Бельгии* после успеха на парламентских выборах 1925 г. Бельгийская рабочая партия (БРП) вместе с католиками и либералами вошла в правительство. В этот период БРП представляла собой объединение самостоятельных местных организаций: лиг, профсоюзов, кооперативов, касс взаимопомощи и т. д.

Войдя в правительство, социалисты отказались от большинства своих предвыборных обещаний. Были введены новые налоги, снижена заработная плата некоторым категориям рабочих и служащих, сняты ограничения на продолжительность рабочего дня. Наступление правящих кругов на права и жизненные интересы трудящихся вызвало широкое недовольство рядовых членов БРП реформистской политикой ее лидеров. В 1926 г. в результате давления масс социалисты вышли из состава правительства и перешли в оппозицию.

Во второй половине 20-х гг. выступления рабочих носили, как правило, оборонительный характер, но отличались массовостью и упорством. Яркой страницей рабочего движения Бельгии стала забастовка шахтеров Уртской долины, начавшаяся в 1927 г. Два с по-

[1] *И. Копленig.* Избранные произведения (1924—1962 гг.), стр. 158—160.

ловиной года шахтеры вели упорную борьбу, увенчавшуюся победой. Активное участие в забастовке принимали бельгийские коммунисты. В 1928 г. бастовали текстильщики Гента, рабочие военных предприятий Льежа, судоремонтники Антверпена, трудящиеся промышленных предприятий Брюсселя, Монса, Намюра и других городов. Правительство было вынуждено принять ряд мер по улучшению социального страхования.

Наиболее влиятельными в рабочем движении Бельгии были два профсоюзных объединения, ориентировавшиеся на католическую и социалистическую партии. Руководство этих профсоюзов выступало за разрешение социальных конфликтов посредством переговоров с предпринимателями, через паритетные комиссии, выполнявшие функции посредника между рабочими и предпринимателями.

Как лидеры католических профсоюзов, так и руководство профсоюзов, входивших в БРП, враждебно относились к коммунистам. В августе 1924 г. высший орган профсоюзов БРП — Профсоюзная комиссия запретила членам КПБ занимать руководящие должности в примыкающих к комиссии профсоюзных объединениях. Для укрепления своих позиций в профсоюзном движении коммунисты были вынуждены создавать автономные профсоюзы. Так, например, ценой огромных усилий беззаветно преданному делу классовой борьбы пролетариата Ж. Ляо удалось в 1926 г. создать автономный профсоюз «Рыцари труда», в который вошли около 6 тыс. металлургов и шахтеров Валлонии. Коммунисты образовали и несколько других автономных профсоюзов.

Бельгийские коммунисты были наиболее активными организаторами и участниками массовых выступлений трудящихся, хотя они и не сумели добиться заметного расширения своего влияния в рабочем движении. Деятельность коммунистов значительно осложнялась позицией руководства БРП, отказывавшегося от любых форм сотрудничества. КПБ переживала и значительные внутрипартийные трудности. Во второй половине 20-х гг. численность партии уменьшилась, в ее руководстве шла острая борьба с представителями сектантских и троцкистских группировок. Деятельность троцкистов во многом препятствовала выработке коммунистами правильной тактики политической борьбы. В марте 1928 г. троцкисты были исключены из рядов КПБ.

Социал-реформистский курс лидеров БРП во главе с Э. Вандервельде вызывал недовольство членов партии. Особую активность в критике руководства БРП проявляла группа левых социалистов. Однако у них не было четкой программы: критикуя традиционный реформизм, левые социалисты чурались подлинно революционной политики, были заражены антикоммунистическими предрассудками. Сильные позиции левые социалисты имели в Брюссельской федерации БРП, где заметную роль играла Изабелла Блюм. В период перегруп-

пировки сил в БРП возникло неосоциалистическое течение, «духовным отцом» и апостолом которого стал Анри де Ман, выступивший с идеями «авторитарного социализма»[1].

Бельгийские социалисты играли большую роль в международном социал-демократическом движении. Э. Вандервельде был председателем II Интернационала и с 1929 по 1936 г.— Рабочего социалистического интернационала. После его смерти этот пост занимал другой видный деятель бельгийской социал-демократии, Луи де Брукер, затем, с 1939 г.,— снова бельгиец — К. Гюисманс.

В *Нидерландах* после массовых выступлений трудящихся в 1923 г. в рабочем движении наметился спад, обусловленный благоприятной экономической конъюнктурой, наступлением буржуазии на социальные и демократические завоевания рабочего класса. Рабочее движение оказалось ослабленным не только снижением активности масс, но и глубоким расколом.

Разобщенность рабочего класса проявлялась прежде всего в профсоюзном движении. Наиболее крупным профсоюзным объединением была примыкавшая к Социал-демократической рабочей партии (СДРП) Нидерландская федерация профсоюзов, насчитывавшая в 1926 г. 184 тыс. человек. Подавляющее большинство трудящихся-католиков входило в католические профсоюзы (117 тыс. в 1926 г.), в протестантском Христианском национальном союзе в том же году было 67 тыс. членов. Руководство трех ведущих профсоюзов переводило всю свою деятельность в плоскость борьбы за решение мелких социально-экономических вопросов. Влияние входившего в Профинтерн Национального секретариата рабочих было незначительным: в 1926 г. он объединял около 12 тыс. человек.

В 1926 г. католическая Всеобщая лига, объединявшая многочисленные автономные ассоциации католических избирателей, конституировалась в партию — Римско-католическую государственную партию (РКГП). Жесткая партийная дисциплина, запрещавшая католикам сотрудничество с другими партиями и профсоюзами, вела к изоляции поддерживавших РКГП трудящихся от других отрядов рабочего движения.

Бóльшая часть голландских рабочих входила в СДРП, лидеры которой проводили реформистскую политику, противодействовали массовым выступлениям рабочих.

Авангард рабочего класса — Коммунистическая партия Голландии (КПГ) переживала трудные годы. Левацкие тенденции лидеров КПГ Д. Вайнкопа, Г. Гортера и Г. Роланд-Голст, стоявших на позициях «левых коммунистов», вели к падению влияния коммунистов в профсоюзах, отрыву партии от масс.

В 1925 г. Д. Вайнкоп вышел из партии и возглавил так называемую Коммунистическую партию Нидерландов. На съезде КПГ в

[1] Подробнее см. главу шестую данного тома.

1926 г. левацкий уклон был осужден и «левые коммунисты» исключены из партии. В 1927 г. из КПГ была исключена группа троцкистов во главе со Снефлитом. Однако и после этого КПГ не удалось выработать правильную тактическую линию. К руководству пришли Ван Рил и его сторонники, вставшие на путь правого оппортунизма. Очищение рядов КПГ от различных сектантских и оппортунистических групп во второй половине 20-х гг. создало предпосылки для выработки правильного политического курса. На парламентских выборах 1929 г. КПГ получила 37,6 тыс. голосов, группа Вайнкопа — 29,9 тыс., группа Снефлита — 21,8 тыс.

В период частичной стабилизации капитализма голландский рабочий класс в силу разделявших его политических и религиозных барьеров не сумел выступить объединенным фронтом. Забастовки рабочих на электрозаводах фирмы «Филипс», на предприятиях текстильной промышленности и выступления рабочих на крупных сельскохозяйственных предприятиях провинции Гронинген носили локальный характер.

В *Швейцарии* после экономического кризиса 1920—1923 гг., связанного с реконверсией, наступил период относительно устойчивого роста экономики. Экономическое положение трудящихся улучшилось, хотя индекс стоимости жизни так и не достиг довоенного уровня. Несколько повысилась заработная плата рабочих, особенно в экспортных отраслях промышленности.

Благоприятная экономическая конъюнктура породила у значительной части швейцарского пролетариата иллюзию бескризисного развития. Это сказалось на общем снижении уровня борьбы. Если в 1920 г. было проведено 174 забастовки (220,7 тыс. участников), то в 1925 г. их было 42 (161,2 тыс.), а в 1926 г.— 31 (127,8 тыс.)[1].

В условиях спада массовой борьбы усиливались репрессивные функции государства. В стране создалась обстановка антикоммунизма и антисоветизма, особенно обострившаяся после убийства в Лозанне в 1923 г. советского дипломата В. В. Воровского.

Руководство Объединения швейцарских профсоюзов (ОШП) и Социал-демократической партии Швейцарии (СДПШ) действовало в русле соглашательской политики. В 1926 г. оно обратилось в парламент с предложением арбитражного разрешения всех «промышленных конфликтов», установления «классового мира».

Коммунистическая партия Швейцарии, образованная в 1921 г., ставила своей главной задачей в условиях стабилизации капитализма установление единого фронта трудящихся в борьбе против наступления буржуазии. Эта линия была сформулирована в решениях ее III съезда, состоявшегося в 1924 г.

После навязанного империалистами раскола *Ирландии* в 1921 г.

[1] *Г. П. Драгунов.* Швейцария: история и современность (Очерк новейшей истории). М., 1978, стр. 47.

в получившей права доминиона части страны (26 графствах) было провозглашено Ирландское свободное государство. В 1923 г. на выборах в новый парламент к власти пришла партия сторонников договора 1921 г. Кумман-на Гэл (Гэльская лига). Возглавляемое лидером этой партии У. Косгрейвом правительство проводило антинародную политику, тормозившую развитие страны, приносившую невыносимые лишения трудящимся города и деревни. Были приняты законы, резко сокращавшие пособия по безработице, пенсии по старости, отвергались требования трудящихся об установлении минимума заработной платы.

Наступление буржуазии на жизненный уровень трудящихся встретило резкий отпор рабочих. Консолидация передовых сил рабочего движения была связана с возвращением из США 30 апреля 1923 г. популярнейшего рабочего лидера Джима Ларкина. Ларкин повел смелую кампанию против антирабочего курса «национального» правительства. По инициативе Ларкина была основана профсоюзная организация Ирландский рабочий союз и пролетарская политическая организация Ирландская рабочая лига, к которой примкнули и коммунистические группы. В 1928 г. Рабочая лига вступила в Коминтерн. Ирландский рабочий союз присоединился к Красному Интернационалу профсоюзов.

В 1924 г. железнодорожники, строители, докеры, работники городского хозяйства, возглавляемые Ирландским рабочим союзом, провели длительные массовые забастовки. Правительство отказывалось признать Ирландский рабочий союз. Демонстрации и митинги рабочих нередко превращались в арену кровавых столкновений забастовщиков с полицией и солдатами.

Однако средствами одной лишь экономической борьбы рабочие не могли противостоять мощному экономическому и идейно-политическому давлению правительства и реформистского руководства Ирландского конгресса тред-юнионов (ИКТ). Во второй половине 20-х гг. активность рабочих пошла на убыль. Настроения разочарования и апатии охватили широкие слои трудящихся. Вследствие соглашательского курса лидеров профсоюзов и лейбористской партии, их равнодушия к борьбе за национальную свободу численность тред-юнионов и лейбористской партии в 1925—1926 гг. сократилась.

Однако спад рабочего движения отнюдь не свидетельствовал об ослаблении недовольства антинародной политикой Косгрейва. Это недовольство обеспечило успех агитации новой политической партии —«Фианна файл» («Солдаты судьбы»), объединившей в своих рядах республиканцев — противников договора 1921 г. Партия выдвинула программу мер, направленных на ликвидацию ограничений национального суверенитета Ирландии и на преодоление экономической зависимости страны от Англии. «Фианна файл» призывала народ к строительству национальной промышленности на основе наиболее полного использования национальных ресурсов и внутреннего рын-

ка при государственной поддержке и под защитой покровительственных пошлин, оказания немедленной государственной помощи мелкому фермерству, отмены несправедливой системы земельных выплат и т. д.

Национальные, антиимпериалистические лозунги «Фианна файл», ее социальные требования находили отклик среди рабочих и фермеров. На выборах 1927 г. партия «Фианна файл» прошла в парламент.

МАССОВАЯ БОРЬБА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В странах Центральной и Юго-Восточной Европы особенно наглядно проявились черты относительности и неустойчивости стабилизации капитализма, которая ознаменовалась в этом регионе не только сохранением, но и возрастанием остроты капиталистических противоречий, увеличением объема задач демократизации социально-экономических и политических отношений, дальнейшим вызреванием объективных предпосылок революционного преобразования общества. Последствия насильственного разрешения империалистических противоречий на первом этапе общего кризиса капитализма особенно пагубно сказались на этих территориях, являвшихся в годы первой мировой войны ареной длительных военных действий. Послевоенное восстановление экономики оказалось особенно сложным, так как аграрные и аграрно-промышленные страны, определявшие социально-экономический облик этой части Европы, не успели использовать начатые в 1918—1923 гг. преобразования для существенного рывка вперед. Почти для всего региона были характерны недоразвитость капитализма, обремененность экономики пережитками феодализма, многоукладность и неустойчивость социально-экономической структуры. Капиталистические формы встраивались в прежнюю систему, которая оставалась застойной, мало динамичной, консервировавшей многие тормозившие ее развитие отношения. В силу непоследовательности, незавершенности проведенных преобразований, а также восстановления прежнего порядка сохранялась запутанность социальных отношений, стоявшая на пути общественного прогресса. Социальная структура перестраивалась крайне медленно.

Очищение социально-экономических отношений по-прежнему тормозилось, с одной стороны, сохранением помещичьей собственности и традиционных форм принуждения, выступавших как формально-капиталистические, а с другой — зависимостью от иностранного капитала, который не только грабил эти страны, выкачивая часть прибавочной стоимости, но и препятствовал созданию более развитых форм производства, будучи заинтересован в дешевой рабочей силе, в аграрно-сырьевой специализации региона, в сохранении его отсталости и однобокости производства. Кроме Чехословакии и Венгрии, где австрийский (а в Словакии и

венгерский) капитал был заменен местным, иностранный капитал везде превышал одну треть, а в ряде стран его доля равнялась почти половине местного капитала. Заторможенное развитие капитализма вглубь, сохранение узкого внутреннего рынка в свою очередь консервировали многоукладность экономики, усиливали диспропорции в развитии национального хозяйства, снижали эффективность общественного производства. Несмотря на расширение экономических функций государства, темпы социально-экономического развития в ряде случаев еще более снизились. В большинстве стран и в середине 20-х гг. не был достигнут довоенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства.

Долго не было нормализовано продовольственное снабжение, не поднимался резко упавший в годы войны и без того низкий жизненный уровень трудящихся. Правящие круги стран этой части Европы стремились преодолеть экономические трудности главным образом путем дальнейшего ограбления трудящихся, ведя ожесточенное наступление на их социальные права и всемерно урезывая политические свободы.

Незавершенность буржуазно-демократических преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы постоянно тяготела над политическими отношениями.

Политической системе большинства стран региона была свойственна постоянная нестабильность, развивался кризис не имевшего прочных традиций буржуазного парламентаризма. Это касалось и тех стран, которые сохранили или восстановили форму конституционной монархии довоенного периода (Болгария, Румыния, Венгрия, Югославия), и некоторых вновь образованных республик. В ряде стран (Албания, Греция) республиканский строй вскоре уступил место монархии. Лишь в Чехословакии буржуазно-демократические институты оказались сравнительно прочными. В целом в большинстве стран преобладала тенденция к усилению исполнительной власти. Правящие классы проявляли склонность к реакционным, авторитарным методам правления.

Политическая напряженность усугублялась внутренними межнациональными конфликтами, ибо большинство новых или получивших новые границы государств оказались национально неоднородными.

Испытывая значительные трудности на пути достижения стабилизации, господствующие классы все энергичнее обращались к расширению и укреплению аппарата насилия, к опоре на армию. В предшествующий период армия формировалась как ударная сила контрреволюции. После утверждения версальской системы спорные вопросы продолжали решаться силой оружия. Сохранялись очаги различных конфликтов. Это влекло за собой продление введенного для борьбы с левыми силами военного положения, усиление влияния армии, активизацию в ней правых, реваншистских и националистических группировок, рост ее веса в политической жизни. Особенно дол-

го военное положение не было отменено в Румынии. В результате почти во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы (кроме потерпевших поражение в войне) существовали большие армии. Милитаристские группировки, явные и тайные военные организации (болгарский «Военный союз», сербская «Белая рука» и др.) являлись весьма влиятельными группами давления. Офицерский корпус, милитаристы, сыграв большую роль в подавлении революционной борьбы масс, проявляли тенденцию к активному участию во внутренних делах. В монархических Болгарии, Румынии и Югославии армия была тесно связана с двором. С 1919 г. она контролировала положение в Венгрии, в 20-х гг.— в Польше.

Милитаристы играли определяющую роль в установлении авторитарных диктатур. Кроме кровавого режима Хорти в Венгрии в 1925 г. возникла военно-авторитарная диктатура генерала Пангалоса в Греции, а в 1926 г.— маршала Пилсудского в Польше. В Румынии в том же направлении действовал неоднократно возглавлявший правительство генерал Авереску. Хотя в Чехословакии летом 1926 г. путч генерала Гайды не удался, в этой стране также усилились политические позиции правых сил в армии.

С момента возникновения фашизма в Италии правые военно-авторитарные режимы и реакционные политики стран Центральной и Юго-Восточной Европы стали черпать средства и методы из его арсенала. Рост фашистских тенденций наблюдался повсеместно. Наиболее ранняя фашизация государства происходила в Венгрии, хотя в 20-х гг. этот процесс еще не был закончен. Все шире пользовались фашистскими методами «санация» в Польше, военно-монархический режим в Югославии, королевская власть и железногвардейцы в Румынии. Повсеместно возникли фашистские группировки и организации, хотя в годы временной стабилизации фашистские течения, как правило, не выросли в массовые движения. В некоторых странах, например в Югославии, фашистские группировки находились в прямом конфликте с правящими силами. Относительно ранняя и быстрая фашизация стран Центральной и Юго-Восточной Европы была связана с резким накалом классовых боев 1918—1923 гг., с особой реакционностью правящего буржуазно-помещичьего блока, остротой противоречий и сохранением напряженности социальных отношений в последующий период, который не принес «замирения» массовых выступлений рабочих, крестьян и всех демократических слоев. Эти выступления отражали свойственное региону сочетание возраставшего пролетарски-революционного потенциала с сохранившимся в силу нерешенности аграрного и национального вопросов революционно-демократическим потенциалом значительной части общества.

Однако на пути объединения этих потоков массовой борьбы стояло немало препятствий. Рабочий класс региона, игравший самую активную роль в демократических, национально-освободительных революциях предшествующего периода, но не сумевший по объектив-

ным причинам подняться до роли гегемона[1], находился в отступлении. Он собирал силы для организации отпора наступлению капиталистов на его жизненный уровень, на социальное законодательство, для противодействия резкому усилению капиталистической эксплуатации. Наступление реакции, установление реакционных режимов, нередко прибегавших к расстрелам забастовщиков и демонстрантов, арестам и другим жестоким репрессиям, лишение трудящихся политических и социальных прав или значительное урезывание их крайне затрудняли борьбу рабочего класса, организацию и развитие рабочего движения. Вместе с тем в такой обстановке многие экономические выступления приобретали политический характер, подводили массы к пониманию необходимости борьбы против существующих режимов. Однако добиться успеха далеко не всегда удавалось, так как рабочий класс был расколот и ослаблен. Доля рабочего класса в общей массе населения в регионе оставалась сравнительно небольшой (за исключением Чехословакии, где в Чехии она достигала 25%, а в Словакии — 15% населения). В Венгрии рабочие составляли 14%, в Польше — 13%. В аграрных странах этот процент был еще ниже: в Югославии — 8,7%, в Болгарии и Румынии — около 8%. В большинстве стран значительную часть пролетариата составляли сельскохозяйственные рабочие.

Опыт прямого участия социал-демократических лидеров в подавлении революционных выступлений оказывал пагубное воздействие на социал-демократические партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, занимавшие правый фланг международной социал-демократии. Проводимая этими лидерами политика классового сотрудничества нередко означала поддержку ими реакционных режимов. В конце периода частичной стабилизации большинство социал-демократических партий перешло в оппозицию к этим режимам, но и это обстоятельство не побудило их лидеров изменить антикоммунистический курс, препятствовавший борьбе за единство действий рабочего класса. Коммунисты почти повсюду вынуждены были работать в подполье и, пользуясь очень ограниченными возможностями опоры на легальные организации, преодолевать антикоммунистические настроения, препятствовавшие росту рабочего и демократического движения. Деятельность компартий осложняло и то, что в крестьянстве региона преобладали антирабочие, аграристские настроения, широко распространялась насаждаемая авторитарными режимами концепция классового «солидаризма», якобы гармонического разрешения всех и всяческих антагонизмов и противоречий на национальной основе, которая была призвана помешать росту классового сознания пролетариата.

Уточняя в напряженной идейной борьбе свои задачи, свой курс, коммунистические партии стран Центральной и Юго-Восточной Ев-

[1] См. «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. 4. М., 1980, стр. 183.

ропы намечали пути борьбы против фашизма и военно-авторитарных режимов, наиболее последовательно защищали повседневные нужды трудящихся.

* * *

В *Польше* с конца 1923 г. начался экономический кризис: быстро сокращалось производство, целый ряд предприятий бездействовал, росла безработица. Неблагоприятная конъюнктура сохранялась до середины 1926 г. Политическая жизнь страны характеризовалась нарастанием кризиса парламентарной демократии, демократизация общественного строя была непоследовательной, действие конституции 1921 г. значительно ограничено.

Правящие классы, стремившиеся переложить тяготы стабилизации на трудящихся, встали на путь откровенно антирабочей политики, притеснения национальных меньшинств, составлявших треть населения Польши. 1924—1928 годы были временем массированного наступления реакции на завоевания трудящихся. В январе 1924 г. правительство санкционировало увеличение продолжительности рабочего дня для ряда категорий пролетариата, а летом 1924 г.— введение 10-часового рабочего дня в горнодобывающей и металлургической промышленности Силезии. Одновременно была снижена зарплата рабочим этих отраслей.

Действия правительства и капитала вызвали упорное сопротивление трудящихся. В первый год капиталистической стабилизации рабочий класс сохранял довольно высокую активность. В 1924 г. бастовало более полумиллиона трудящихся[1].

Крупнейшими выступлениями, благодаря которым при объединении усилий коммунистов и социалистов удалось сохранить прежнюю заработную плату, были стачки 11 тыс. нефтяников Борисова, Станиславова и Кросна, а также стачка 120 тыс. текстильщиков Лодзи и округа, поддержанная всеобщей стачкой лодзинских рабочих. Бастующие добились принятия законов о страховании от несчастных случаев, об обеспечении в случае безработицы и об охране труда женщин и молодежи.

Забастовочное движение натолкнулось на резкое противодействие правительства, пытавшегося ограничить и даже ликвидировать стачки, заменив их принудительным арбитражем. Правительство было поддержано соглашательскими лидерами социалистических и христианских профсоюзов, раскольнические действия которых сыграли немалую роль в том, что бастовавшим горнякам и металлургам не удалось добиться выполнения своих требований.

В авангарде борьбы масс шла Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП), в 1925 г. переименованная в Коммунистичес-

[1] «Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1964», t. I. Warszawa, 1967, s. 350—351; «100 lat polskiego ruchu robotniczego. Kronika wydarzeń». Warszawa, 1978, s. 115.

кую партию Польши (КПП). Коммунисты, вытесненные после объединения профсоюзного движения из большинства профсоюзов, проводили работу в массах, опираясь на комитеты действия и советы коллективов предприятий, на комитеты безработных, и прилагали усилия к тому, чтобы организационно объединить их для руководства забастовочным движением.

Назревшие задачи классовой борьбы пролетариата были сформулированы в решении Центрального Комитета КРПП в июле 1924 г. Коммунисты требовали сохранения 8-часового рабочего дня и уровня зарплаты, установления контроля фабричных комитетов над производством и использованием государственных кредитов, секвестра и пуска закрытых предприятий под контролем рабочих организаций, обеспечения работой и пособиями безработных и т. д. Созванный по инициативе коммунистов в июне 1924 г. Первый конгресс советов коллективов предприятий, образовавший Центральный комитет действия («Комитет 21»), а затем и Второй конгресс призвали к организации единых выступлений всех трудящихся в защиту своих социальных и политических прав. Однако попытки «Комитета 21» созвать рабочий съезд в масштабах всей страны были сорваны социалистами, а члены Комитета арестованы. По инициативе коммунистов в сентябре 1924 г. состоялся конгресс безработных Верхней Силезии, избравший Центральный комитет безработных. Этот комитет организовал 14 октября поход 10 тыс. безработных в Катовице для предъявления своих требований воеводским властям[1].

Хотя компартия проводила курс на создание единого фронта рабочего класса, преодолеть раскол не удалось из-за противодействия правого руководства Польской социалистической партии (ППС), занимавшего антикоммунистическую позицию. В августе 1924 г. во время рабочего митинга участниками боевой группы ППС был убит член Варшавского комитета КРПП В. Бялый. Кроме того, существенным препятствием на пути достижения единства действий коммунистов и социалистов была различная оценка ситуации: КРПП, еще не видя процесса стабилизации, по-прежнему ориентировалась на близость социалистической революции, ППС переоценивала стабилизацию, считала ее переходным этапом между капитализмом и социализмом[2].

Осенью 1925 г. руководство ППС приняло решение войти в правительство, что вызвало рост недовольства рабочих. Подобные действия ослабляли влияние ППС и реформистских профсоюзов. В 1925 г. численность руководимого социалистами Союза профессиональных объединений сократилась на одну треть. Начался отход рабочих от ППС. К 1931 г. число ее членов уменьшилось вдвое[3].

[1] «100 lat polskiego ruchu robotniczego», s. 114.
[2] См. *Ч. Козловский.* Очерки истории польского рабочего движения. М., 1980, стр. 117, 121.
[3] «100 lat polskiego ruchu robotniczego», s. 118.

Участившиеся поражения забастовок, рост безработицы вели к спаду стачечной борьбы. В 1925 г. число бастующих снизилось до 149 тыс.[1]

Вместе с тем буржуазии не удалось сломить боевой дух польского пролетариата. В 1925 г. более половины стачек закончилось победой бастующих. Особенно крупной была организованная коммунистами стачка варшавских металлистов. К участию в ней подключился руководимый социалистами профсоюз. После упорной, почти месячной борьбы она завершилась заключением коллективного договора на выгодных для трудящихся условиях. В декабре по стране прокатилась волна массовых выступлений безработных.

Все более активизировались непролетарские слои трудящихся, национальные меньшинства. Земельный голод, саботаж правительством аграрной реформы, налоговый гнет и инфляция резко усиливали недовольство среди крестьян. Весной 1924 г. в повятах Кольно и Остроленка произошли кровавые столкновения между крестьянами и полицией[2]. Активизировались крестьянские партии и организации, оформилась Независимая крестьянская партия (НКП) во главе с А. Фидеркевичем и С. Воевудским, которая стала сотрудничать с коммунистами, выдвинув лозунги борьбы за рабоче-крестьянское правительство, за раздел помещичьей земли без выкупа, национализацию лесов, свободу для белорусского и украинского нацменьшинств, за бесплатное обучение и др.[3] В июне 1925 г. в сейм был внесен от имени коммунистической фракции, депутатов НКП и белорусской «Громады» законопроект о проведении аграрной реформы без выкупа.

Белорусская крестьянско-рабочая «Громада», возникшая в этот же период, являлась крупнейшей белорусской партией. Она, будучи одной из самых активных левых национальных организаций, взаимодействовала с КПП. Ее программа включала революционное изменение существующего строя, раздел помещичьей земли без выкупа, самоопределение и объединение белорусских земель (воссоединение с Советской Белоруссией). Все более расширяли свою деятельность компартии Западной Белоруссии и Западной Украины. Борьба белорусских и украинских трудящихся, принимая все более массовый характер, выливалась в сопротивление взиманию налогов, бойкот представителей властей и даже открытые партизанские действия. Для усмирения белорусских и украинских деревень был создан специальный карательный «корпус охраны пограничья».

IV конференция КПП (конец 1925 г.) обратила особое внимание на необходимость укрепления связей партии с широкими массами,

[1] *J. Kowalsku.* Zarys historii polskiego ruchu robotniczego. 1918—1939. Warszawa, 1962, s. 313.
[2] Ibid., s. 286.
[3] См. *B. Dymek.* Niezależna Partia Chłopska. 1924—1927. Warszawa, 1972.

союза рабочего класса с крестьянством, в том числе с середняком, и взаимодействия с национально-освободительным движением национальных меньшинств — белорусов и украинцев, требовавших воссоединения с советскими республиками. В состав руководства партии вошли А. Варский, Ю. Ленский, Э. Прухняк, А. Данилюк и др.

В условиях сохранения высокого уровня классовой борьбы пролетариата и крестьянства и роста национально-освободительного движения правительство все чаще прибегало к репрессиям — запрещению профсоюзов, массовым арестам коммунистов, левых деятелей и т. д. С каждым днем очевиднее становилась неспособность правящей группировки обеспечить сколько-нибудь прочную экономическую и политическую стабилизацию в стране. Обстановка в стране накалялась, перманентные смены правительства свидетельствовали об усилении кризиса парламентской системы.

В мае 1926 г. маршал Пилсудский произвел государственный переворот. Пилсудчики, выступавшие до этого как милитаристская внепарламентская и внепартийная группа давления, вырвали у традиционных буржуазных политических партий представительство интересов польских имущих классов и стали широко использовать армию как важный фактор насильственной стабилизации положения в стране. Заявляя о необходимости «очищения» («санации») страны от «скверны грязной политической игры, от воров и мошенников», Пилсудский создал диктаторский, военно-авторитарный режим, означавший постепенную фашизацию страны.

Вначале демагогические заявления Пилсудского ввели в заблуждение широкие слои населения, в том числе трудящихся. Социалисты безоговорочно поддержали переворот[1]. КПП считала Пилсудского представителем интересов мелкой буржуазии, а его приход к власти — определенным прогрессом на пути демократизации страны. Однако уже в июне 1926 г. пленум ЦК исправил майскую ошибку, призвав массы к борьбе за свержение диктатуры «санации» и создание рабоче-крестьянского правительства.

Вопреки постоянным нападкам и травле коммунистическая депутатская фракция, НКП, белорусская «Громада», украинские «Сельсоюз» и «Народная воля» (объединившиеся в октябре 1926 г. в «Сельроб») выступали в сейме единым фронтом, реализуя на практике идею борьбы за рабоче-крестьянский союз, за объединение демократических сил в борьбе с режимом «санации», за права трудящихся и национальных меньшинств.

Подлинное лицо пилсудчиков довольно быстро было раскрыто их все более тесным сотрудничеством с финансово-промышленным капиталом, поддержкой капиталистической рационализации за счет

[1] *A. Tymieniecka.* Polityka Polskiej Partii Socjalistycznej w latach 1924—1929. Warszawa, 1969, s. 192.

рабочих, еще более жестоким применением принудительного государственного арбитража. Режим «санации» широко прибегал к репрессиям. Рабочие собрания запрещались, издания конфисковывались, митинги и манифестации разгонялись. Была разгромлена белорусская «Громада». Тысячи коммунистов и деятелей других прогрессивных организаций были заключены в тюрьмы.

Усилились антикоммунистические действия правых лидеров ППС и террористическая деятельность боевых групп правых социалистов.

Внутри социалистического движения шли сложные процессы дифференциации сил. В июне 1926 г. левая оппозиция в ППС и профсоюзах выделилась в самостоятельную партию ППС-левицу, которая взяла курс на сотрудничество с коммунистами. Ее программа предусматривала борьбу за социалистический строй, обобществление промышленности, аграрную реформу без выкупа.

В конце 1926 г. руководство ППС приняло решение о переходе в оппозицию к режиму «санации». В следующем году правые социалисты образовали просанационную партию — так называемую ППС — бывшую революционную фракцию. XXI конгресс ППС (ноябрь 1928 г.) высказался за укрепление связей с левыми силами крестьянства и социалистами национальных меньшинств, хотя одновременно принял решение об усилении борьбы с КПП.

Улучшение с 1926 г. экономической конъюнктуры, снижение безработицы и небольшое повышение заработной платы привели лишь к временному спаду стачечной борьбы. В 1927 г. рабочие вновь стали развертывать контрнаступление: росла численность революционных профсоюзов, повышалась боеспособность рабочего класса, ширилась кампания протеста против репрессий, за амнистию политзаключенных. Крупнейшим событием забастовочной борьбы стала мартовская стачка 150 тыс. лодзинских текстильщиков, добившихся, несмотря на серьезные столкновения с полицией, некоторого повышения заработной платы.

В 1928 г. число бастующих достигло 354 тыс. человек, $^3/_4$ стачек окончились успешно[1]. Наиболее массовой и бескомпромиссной снова была почти трехнедельная стачка 100 тыс. лодзинских текстильщиков, в которой ведущую роль сыграли коммунисты. Бастующие рабочие устраивали многолюдные уличные манифестации, митинги и массовки, выдвигали антивоенные лозунги, призывали к дружбе и сотрудничеству с советским народом. Собрание фабричных делегатов приняло решение обратиться за материальной поддержкой к международному пролетариату, и прежде всего к рабочему классу СССР. Средства поступили, однако правые социалисты — руководители профсоюза отказались принять помощь. Только на заклю-

[1] *J. Kowalski.* Op. cit., s. 414; «Historia polskiego ruchu robotniczego», t. I, s. 394.

чительном этапе стачки левой профсоюзной оппозиции удалось передать эти средства рабочим. Подготавливаемая коммунистами всеобщая стачка солидарности была сорвана соглашателями.

Своей последовательной борьбой против антинародной политики пилсудчиков коммунисты завоевывали растущую поддержку масс. В июле 1927 г. коммунисты, несмотря на изощренные преследования, одержали победу в Челяди на выборах в городское самоуправление и несколько месяцев удерживали этот плацдарм[1]. В марте 1928 г. на выборах в сейм коммунисты в Варшаве и Домбровском бассейне заняли по числу голосов первое место среди рабочих партий. Власти не могли с этим смириться. Во время открытия сейма полиция арестовала депутатов-коммунистов. В дальнейшем сейм неоднократно принимал решения о передаче членов коммунистической фракции судебным властям.

После выборов 1928 г. в сейме был образован блок ППС и двух крестьянских партий — ПСЛ-«Вызволене» и Крестьянской партии. Тем самым оформлялась все более сильная оппозиция режиму Пилсудского. КПП не входила в левую парламентскую оппозицию[2]. Социальные конфликты в Польше в 1924—1928 гг. по существу не затихали, способствуя накоплению горючего материала для нового взрыва классовой борьбы в 30-х гг.

Чехословакия экономически и политически отличалась от большинства государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Высокоразвитая в промышленном отношении страна обладала более чем трехмиллионным рабочим классом, который был самым многочисленным классом общества. Трудящиеся Чехословакии, где утвердился буржуазно-демократический строй, пользовались рядом завоеванных в годы революционного подъема 1918—1923 гг. демократических прав. В стране существовали и легально действовали политические, профсоюзные и иные массовые организации трудящихся.

В 1925 г. промышленное производство Чехословакии приблизилось к довоенному уровню. Рост производства сопровождался незначительным улучшением экономического положения народных масс[3]. В 1924 г. парламент принял закон о социальном страховании. Правящие круги, сделав некоторые уступки трудящимся, усиленно распространяли в массах идеи общенационального единства и гармонии классовых интересов. Однако под прикрытием фраз о «гармонии классов» буржуазия резко усилила эксплуатацию трудящихся. Некоторое повышение номинальной заработной платы многократно перекрывалось чудовищной интенсификацией труда, которая на обувных предприятиях Бати, например, достигала предела физических возможностей человека.

[1] «100 lat polskiego ruchu robotniczego», s. 122, 123.
[2] См. *Ч. Козловский.* Указ. соч., стр. 124—125.
[3] «Přehled hospodárského vývoje Československa v letech 1918—1945». Praha, 1961, s. 273, 285.

Чешская буржуазия, занимавшая господствующее положение в стране, препятствовала развитию промышленности в Словакии и Закарпатской Украине, превращая эти районы в аграрно-сырьевые придатки промышленно развитых чешских земель. Жизненный уровень народных масс этих районов был значительно ниже, чем в Чехии. Вместе с тем чешская буржуазия пыталась противопоставить чехов и словаков другим национальным меньшинствам, составлявшим свыше трети населения страны. Националистическая политика чешской буржуазии способствовала обострению национальных противоречий в стране. Особенно серьезной политической проблемой являлся немецкий вопрос, прежде всего в северных и северо-западных районах Чехии. Неспособность правящих кругов разрешить национальный вопрос в демократическом духе вела к расшатыванию всей системы буржуазно-демократической республики.

Рабочий класс Чехословакии отличался высоким уровнем профессиональной организованности: профсоюзы объединяли 40—45% всех рабочих и служащих. Однако эффективность их действий ослаблялась расколом профсоюзного движения. В стране насчитывалось около 12—15 профсоюзных центров, примыкавших к различным политическим партиям. Крупнейшим из них было Чехословацкое профсоюзное объединение, входившее в Амстердамский интернационал и находившееся под идейным руководством правой социал-демократии. Оно насчитывало около 350 тыс. членов. Революционные профсоюзы объединились в Межнациональный общепрофессиональный союз, насчитывавший в 1924 г. свыше 200 тыс. членов и входивший в Профинтерн.

Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) пользовалась большим авторитетом в рабочем классе. Коммунисты играли решающую роль в организации массовой борьбы трудящихся и руководстве ею. Добиваясь создания единого рабочего фронта, коммунисты способствовали развертыванию движения заводских комитетов и превращению их в органы классовой борьбы. Осенью 1924 г. в Праге состоялся I Общегосударственный съезд заводских комитетов и заводских советов. Съезд призвал рабочих к объединению для борьбы против растущей дороговизны, ухудшения условий труда, снижения заработной платы и в защиту прав представительных органов рабочих на предприятиях.

В 1924 г. рабочий класс в основном вел экономические бои. Забастовки проходили во многих отраслях промышленности. По сравнению с 1923 г. их число даже увеличилось, хотя количество участников уменьшилось более чем вдвое. Только одна восьмая часть стачек закончилась победой рабочих. В 1925 г. забастовочное движение активизировалось. Рабочие требовали повышения заработной платы, заключения коллективных договоров, а в ряде случаев установления рабочего контроля на производстве. 10 февраля 1925 г. демонстрация рабочих Праги завершилась столкновением с полицией, в ходе

которого шесть демонстрантов получили тяжелые ранения. Самой массовой была руководимая КПЧ забастовка 50 тыс. рабочих Остравы, которая вследствие террора властей и раскольнической политики реформистов окончилась поражением[1]. В 1926 г. рост забастовочного движения приостановился в связи с частичным экономическим кризисом и увеличением безработицы. Число бастовавших и количество забастовок уменьшились по сравнению с предыдущим годом в 2 раза. Только 4% забастовок были успешными. В последующий период борьба снова усилилась, стала наступательной и упорной, нередко охватывая целые промышленные районы[2].

Основными организаторами массовой борьбы трудящихся были коммунисты, самоотверженная борьба которых в защиту интересов народных масс содействовала неуклонному росту влияния партии. На парламентских выборах в ноябре 1925 г. КПЧ получила 934 тыс. голосов, выйдя на второе место по числу избирателей. Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия собрала 631 тыс. голосов, Немецкая социал-демократическая рабочая партия — 411 тыс. голосов[3].

Однако для дальнейшего продвижения революционных сил необходимо было добиться единства рабочего класса, его союза с крестьянством и всеми демократическими слоями общества. Для достижения этой цели коммунистам приходилось вести борьбу не только против раскольнической политики буржуазии, но и против раскольнической линии в самом рабочем и демократическом движении, проводимой прежде всего руководством Чехословацкой социал-демократической рабочей партии. Социал-демократические лидеры, активно сотрудничавшие с буржуазными партиями, отличались непримиримым антикоммунизмом и всемерно противодействовали консолидации рабочих и демократических сил.

Руководя классовой борьбой пролетариата, коммунистическая партия накапливала необходимый опыт, способствовавший идейно-организационному укреплению КПЧ. Важным этапом в развитии партии стал ее II съезд, состоявшийся в октябре-ноябре 1924 г. Съезд нацелил партию на расширение влияния коммунистов на предприятиях и создание там партийных организаций. Был сформирован состав Центрального Комитета КПЧ. В него вошли представители старого руководства и левого крыла, ядро которого составляло новое поколение пролетарских революционеров — К. Готвальд, Я. Шверма, Я. Гарус и др. Съезд подчеркнул необходимость добиваться установления союза рабочего класса с трудящимися крестьянами и неуклонно защищать их повседневные требования и интересы. Он осудил концепцию так называемой «единой чехословацкой

[1] См. *И. Н. Мельникова.* Классовая борьба в Чехословакии в 1924—1929 гг. М., 1962, стр. 166—170.
[2] См. там же, стр. 270, 308.
[3] «Přiruční slovník k dějinám KSČ», sv. II. Praha, 1964, s. 964.

нации» и выдвинул лозунг права наций на самоопределение. Вместе с тем съезд показал, что КПЧ предстояло еще пройти длительный путь идейно-политического и организационного укрепления, чтобы стать подлинной партией нового типа[1].

Линия партии встретила упорное противодействие оппортунистов, сопротивлявшихся курсу на развертывание массовой борьбы и создавших антипартийную фракцию с целью раскола КПЧ. Когда Политбюро ЦК КПЧ приняло решение об исключении из партии председателя Пражского областного комитета КПЧ Й. Бубника за антипартийную деятельность, против партийного руководства выступил ряд областных комитетов (Брно — Кладно и др.), где большинство принадлежало оппортунистическим элементам. В партии возник серьезный кризис.

Платформа правых была изложена в так называемом Брненском меморандуме, в котором отрицалась необходимость демократического централизма и организационной перестройки партии по производственному принципу, выдвигалось требование смены партийного руководства. Оппортунисты утверждали, что в условиях наступившей стабилизации капитализма КПЧ следует отказаться от курса на развертывание массовой борьбы и ограничиться в основном парламентской деятельностью.

В преодолении внутрипартийного кризиса КПЧ большую роль сыграл V расширенный пленум Исполкома Коминтерна, состоявшийся в марте—апреле 1925 г. Пленум поддержал руководство КПЧ в борьбе с правыми оппортунистами, содействовал его консолидации. Подчеркнув необходимость борьбы против правой опасности как главной, пленум ИККИ указал, что укрепление партии неразрывно связано с развертыванием широкой массовой борьбы.

Однако процесс идейно-политического и организационного сплочения партии и в дальнейшем встречал серьезные трудности.

В конце 20-х гг. в руководстве КПЧ возобладала группировка Илека-Болена, которая, прикрываясь левой фразой, насаждала в партии настроения самоуспокоенности, пассивность, формализм и шаблон, ослабляла политическую активность коммунистов. Серьезные ошибки были допущены в осуществлении тактики единого рабочего фронта; подчас руководители красных профсоюзов ограничивались переговорами с реформистскими лидерами и пренебрегали непосредственной мобилизацией масс.

В противовес группе Илека в партии возрастала роль марксистско-ленинского ядра во главе с К. Готвальдом. На заседании ЦК КПЧ в июле 1928 г. оно подвергло обоснованной критике оппортунистические ошибки, допущенные руководством партии. Марксистско-ленинское ядро потребовало повести решительную борьбу про-

[1] «Очерк истории Коммунистической партии Чехословакии». М., 1979, стр. 130.

тив оппортунизма, за очищение партии от груза социал-демократических пережитков.

Чехословацкий вопрос обсуждался в специальной комиссии ИККИ во время VI конгресса Коминтерна. Итоги работы комиссии были изложены в Открытом письме ИККИ членам КПЧ, в котором выражалась поддержка позиции марксистско-ленинского ядра партии.

Важную роль в борьбе за консолидацию партии на революционной платформе сыграл V съезд КПЧ, состоявшийся 18—23 февраля 1929 г. V съезд стал решающим рубежом в превращении КПЧ в партию ленинского типа. Съезд выработал революционную линию, направленную на вовлечение большинства трудящихся в борьбу против капитализма, на сплочение масс вокруг компартии, на активизацию движения против военной опасности и в защиту СССР. Центральный Комитет КПЧ возглавил К. Готвальд.

В *Болгарии* после подавления Сентябрьского восстания 1923 г. установилась открытая террористическая диктатура. Наступление реакции приняло формы прямого насилия — политического террора, репрессий в отношении демократических организаций, введения чрезвычайного законодательства, ограничения прав представительных учреждений.

В январе 1924 г. был принят так называемый «Закон об охране государства». На основании закона в апреле того же года были запрещены Болгарская коммунистическая партия (БКП), созданная незадолго до этого под ее руководством Партия труда, Коммунистический союз молодежи, ВРПС и рабочий кооператив «Освобождение». В марте 1925 г. в «Закон об охране государства» были внесены изменения, еще больше ужесточившие репрессии за революционную деятельность. В результате полицейского террора погибли тысячи коммунистов, деятелей левого профсоюзного движения и других антифашистов.

Ущемление политических прав народа сопровождалось наступлением крупного капитала на жизненные интересы трудящихся. После кровавого подавления Сентябрьского восстания 1923 г. материальное положение болгарского рабочего класса значительно ухудшилось. Заработная плата основной массы рабочих снизилась на 20—30%, рабочий день был удлинен до 10—14 часов, возросла безработица.

Сентябрьское восстание со всей очевидностью обнаружило шаткость и неустойчивость режима. Жестокие репрессии углубили пропасть между фашистскими правителями и народными массами. Стремясь укрепить социальную базу режима, правящие круги пошли в начале 1926 г. на замену скомпрометировавшего себя правительства А. Цанкова правительством А. Ляпчева, которое, не меняя существа режима, несколько ограничило масштабы репрессий.

Изменение соотношения классовых сил в пользу реакции и временный отлив революционного движения требовали от организаций рабочего класса перехода к новым формам борьбы, к работе по восстановлению своих рядов, упрочению влияния в массах и подготовке их к будущим классовым боям. В этот период в руководстве БКП в стране и особенно в Военном центре партии большое влияние приобрели ультралевые элементы. Недооценивая организованную массовую борьбу, они проводили ставший уже нереальным курс на вооруженное восстание, развертывание партизанского движения. Вопреки предостережениям Заграничного бюро ЦК БКП в стране участились террористические акты против представителей властей, которые становились лишь поводом для усиления фашистского террора.

Вместе с тем БКП сохраняла положение руководителя борьбы против реакции. Преодолевая трудности и исправляя ошибки сектантского характера, она вырабатывала политическую линию, направленную на объединение и сплочение демократических сил страны, на защиту жизненных интересов рабочих и крестьян. Значительную роль в преодолении ультралевых ошибок сыграли решения Московского (июль—сентябрь 1925 г.) и Венского (сентябрь 1926 г.) совещаний ЦК БКП. Сняв с повестки дня прежний курс на вооруженное восстание, партия сосредоточила усилия на укреплении своих связей с рабочим классом и широкими народными массами.

Несмотря на постоянное давление со стороны фашистского правительства, демократические силы сумели все же добиться восстановления некоторых своих организаций. В 1927 г. была образована легальная Рабочая партия, стоявшая на принципах классовой борьбы и пролетарского интернационализма и являвшаяся формой легального проявления БКП. Стал выходить ее легальный печатный орган — газета «Работническо дело». В 1928 г. был создан Рабочий союз молодежи.

В июле 1925 г. ЦК БКП принял решение о воссоздании массового революционного профсоюзного движения. В последующие месяцы был учрежден ряд отраслевых профсоюзов — типографских рабочих, пекарей, поваров, официантов и др. На их основе в октябре 1925 г. была создана Независимая рабочая федерация Болгарии, а созванная в августе 1926 г. национальная конференция приняла решение о переименовании федерации в Независимые рабочие профессиональные союзы (НРПС). В августе 1925 г. начал легально выходить печатный орган НРПС газета «Единство». В 1925 г. НРПС послали своего неофициального представителя в Центральный совет Профинтерна. Через Профинтерн НРПС поддерживали тесные связи с ВЦСПС.

На руководящую профсоюзную работу БКП направила своих видных деятелей: А. Иванова, Х. Халачева, А. Стоянова, Й. Милева и др. С 1927 по 1933 г. ответственным за профсоюзную работу в ЦК БКП и секретарем НРПС являлся Асен Бояджиев.

НРПС, несмотря на свою сравнительную малочисленность (в начале ноября 1927 г. они насчитывали около 7 тыс. членов)[1], пользовались значительным влиянием в среде болгарского рабочего класса. Они были важной легальной формой связи коммунистической партии с рабочими массами. Под их руководством проводились массовые рабочие собрания, направлялись в парламент и правительственные инстанции специальные делегации, петиции и обращения, в которых рабочие протестовали против произвола предпринимателей, незаконных поборов, притеснений и насилий, требовали демократизации общественного и политического строя.

С 1926 г. постепенно начало оживляться стачечное движение. Особенно широко развернулась стачечная борьба в табачной и текстильной промышленности. В мае — июне 1927 г. рабочие требовали увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий труда. Стачечники добились частичного удовлетворения своих требований. Это массовое выступление болгарских рабочих под руководством БКП и НРПС свидетельствовало о начале контрнаступления трудящихся[2].

В последующие годы борьба продолжала разрастаться. В мае 1929 г. была успешно проведена забастовка 27 тыс. рабочих Хаскова, Стамимаки (Асеновграда), Кырджали, Пловдива и других центров табачной промышленности. Почти одновременно с ней поднялись на борьбу текстильщики и обувщики Сливена.

Руководство НРПС настойчиво добивалось установления профсоюзного единства рабочего класса. В этих целях представители НРПС вступили в переговоры с правлением реформистского Свободного союза профсоюзов. В июле 1926 г. на совместном рабочем собрании представителей обоих союзов была принята платформа объединения. Профсоюзы заявили, что, будучи организационно независимыми от политических партий, они вместе с тем признают необходимость политической организации пролетариата и стоят на почве классовой борьбы. Объединенные профсоюзы, говорилось далее в платформе, ставят своей задачей защиту интересов рабочего класса посредством классовой борьбы и уничтожения наемного рабства. Они будут бороться за интернациональную солидарность рабочих и осуществление международного единства профсоюзов[3]. Однако достигнутая договоренность о создании объединенного Всеобщего рабочего профессионального союза была сорвана руководителями социал-демократической партии и Амстердамского интернационала профсоюзов, которые заставили Свободный союз профсоюзов отказаться от соглашения.

[1] «История на профсъюзното движение в България». Второ преработено и допълнено издание. София, 1973, с. 341—342.
[2] «История на Българската комунистическа партия». София, 1979, с. 308—309.
[3] *Г. Димитров.* Съчинения, т. 8. София, 1953, с. 251—252.

В годы временной, частичной стабилизации капитализма под руководством БКП и легальной Рабочей партии развернулась борьба за сплочение рабочих, крестьян и других слоев трудящихся для совместного отпора капиталистическому произволу, реакции и фашизму. В специально разработанной политической платформе Блока труда, который должен был стать организационной формой единого фронта всех трудовых слоев общества, были выдвинуты требования восстановления гражданских и политических свобод народа, полной и безусловной политической амнистии, прекращения преследований классовых организаций трудящихся, обеспечения свободы союзов, слова и печати, ликвидации фашистского режима, защиты рабочего класса и мелких производителей от эксплуатации хищническим капиталом, борьбы против ростовщичества, за сокращение налогов, повышение заработной платы, строгого соблюдения трудового законодательства, оказания помощи безработным и др. В платформе провозглашались лозунги борьбы за мир, установления дружественных отношений с Советским Союзом[1].

Центральный Комитет Рабочей партии обратился с предложением о сотрудничестве к руководящим органам Земледельческого союза, Социал-демократической партии, Партии ремесленников. Когда же это предложение было ими отвергнуто, Блок труда начал создаваться снизу, при участии рядовых членов упомянутых партий. Комитеты Блока труда, особенно активно создававшиеся во время муниципальных и парламентских выборов 1927—1928 гг., были серьезным шагом вперед в создании единого фронта[2].

Рассматривая отношение к СССР как принципиальный вопрос первостепенной важности, БКП организовала широкую кампанию солидарности с советским народом, активно пропагандировала опыт социалистического строительства в Советском Союзе, его миролюбивую политику.

Важную роль в политической активизации масс сыграло развернувшееся в 1927 г. в связи с 10-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции движение за отправку рабоче-крестьянских делегаций в СССР для ознакомления с достижениями советского народа в хозяйственном и культурном строительстве, за установление дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом. 21 октября 1927 г. по инициативе БКП была созвана конференция, избравшая специальный комитет. Движение охватило широкие народные массы. БКП использовала его для разоблачения распространявшейся буржуазной пропагандой клеветы о первом социалистическом государстве рабочих и крестьян. Однако отъезд делегации был запрещен правительством Ляпчева. Об оживлении ра-

[1] «История на Българската комунистическа партия», с. 307.
[2] См. *В. Бонев.* О едином, народном и Отечественном фронте в Болгарии, М., 1973, стр. 108—117.

бочего и демократического движения в стране свидетельствовали также первомайские демонстрации в Софии в 1928—1929 гг., в которых участвовало более 15 тыс. человек. Правительству Ляпчева не удалось пресечь развитие массового движения рабочих, крестьян и всех демократических слоев против ненавистного фашистского режима.

В *Венгрии* капиталистическая стабилизация проходила в условиях господства реакционного режима Хорти. Власти запрещали стачки и демонстрации, усиливали репрессии против коммунистов и комсомольцев, устраивали массовые судебные процессы над патриотами, выступавшими против реакционного строя, преследовали оппозиционную прессу. В 1925 г. хортистские власти арестовали четырех руководящих деятелей КПВ (И. Гёгёша, М. Ракоши, К. Ёри, К. Хамана), секретаря ЦК Коммунистического союза рабочей молодежи З. Ваша и предали их военно-полевому суду. Арестованным грозила смертная казнь. Поднявшаяся в стране и во всей Европе мощная волна пролетарской солидарности остановила руку палачей.

В то же время правящие круги всемерно поощряли деятельность различных националистических и откровенно фашистских террористических организаций.

Венгрия очень медленно выбиралась из послевоенного кризиса. Даже в годы частичной стабилизации капитализма ее экономика не обрела устойчивости. С помощью иностранных займов, в значительной мере закабаливших страну экономически и политически[1], усиления эксплуатации трудящихся, прямого ограбления рабочих, широких слоев мелкой буржуазии города и деревни господствующим классам Венгрии удалось несколько стабилизировать финансовую систему, улучшить положение в промышленности и сельском хозяйстве.

Господствующие классы настойчиво внедряли в умы населения националистические и шовинистические идеи с целью посеять иллюзии о доминировании «единых», «общенациональных» интересов всех венгров над классовыми интересами и противоречиями. В межвоенные годы националистический угар довольно глубоко проник в среду не только господствующих классов, мелкой буржуазии города и деревни, но и немалой части трудящихся.

В тяжелых условиях подполья венгерские коммунисты подготавливали воссоздание коммунистической партии. Этому активно

[1] По подсчетам венгерского экономиста Д. Мароша, в 1924—1931 гг. Венгрия выплатила иностранным монополиям в виде процентов и дивидендов 1 623 млн. пенге, что равнялось 55,7% полученных из-за границы займов и кредитов (см. *Д. Марош.* Роль западных империалистических держав в укреплении режима Хорти.— «Конгресс венгерских историков», т. 2. Будапешт, 1953, стр. 238).

содействовала венгерская коммунистическая эмиграция, основные ячейки которой находились в СССР и Австрии. В августе 1925 г. в Вене состоялся I съезд Коммунистической партии Венгрии, закрепивший восстановление партии как боевого авангарда революционных сил страны. Съезд вынес решения, нацеливавшие коммунистов на борьбу за свержение контрреволюционного режима и создание рабоче-крестьянского правительства. Своей главной стратегической целью КПВ считала установление «революционной диктатуры пролетариата в тесном союзе с беднейшим крестьянством»[1].

Неизменность главной стратегической цели партии означала, что съезд не принял во внимание одного важного обстоятельства: после падения Венгерской советской республики в 1919 г. и установления контрреволюционного режима обстановка в Венгрии коренным образом изменилась и на повестку дня встали задачи прежде всего демократической революции, успешное осуществление которой могло ускорить борьбу и за социалистическую революцию. В то же время, не снимая лозунга революционной диктатуры пролетариата в качестве стратегической цели, в тактическом отношении партия выдвигала на передний план задачи общедемократической борьбы. Съезд призвал членов партии вести борьбу за всеобщее избирательное право, за демократическую республику, за земельную реформу и налогообложение крупных собственников[2].

Это открывало партии возможность укрепить свое влияние в народе, развернуть борьбу за выполнение требований, поддерживаемых широкими слоями трудящихся. Учитывая уроки Венгерской советской республики, КПВ выступала за экспроприацию без выкупа крупных земельных владений и бесплатный раздел земли среди крестьян. Партия считала целесообразным поддержать борьбу за удовлетворение частичных требований пролетарских и полупролетарских масс села и тем содействовать привлечению их на сторону революционной борьбы. В резолюции съезда об отношении партии к профсоюзам отмечалось, что, несмотря на коррумпированность профбюрократов, их антирабочую политику и тактику, «никогда, ни на минуту нельзя рассматривать профсоюзы как антирабочие организации, непригодные для целей революции»[3]. Съезд высказался за активное участие коммунистов в жизни профсоюзов.

Съезд принял Устав партии, базировавшийся на ленинских принципах партийного строительства, избрал Центральный Комитет КПВ, в состав которого вошли Б. Кун, Е. Ландлер, И. Гёгёш, К. Хаман и другие. В дни съезда начал издаваться политико-теоретический журнал партии «Уй марциуш» («Новый март»). Материалы, пуб-

[1] «Dokumentumok a magyar forradalmi munkásmozgalom történetéből 1919—1929» (далее — DMFMT). Budapest, 1964, 278. old.
[2] Ibid., 270—279. old.
[3] «История венгерского революционного рабочего движения» (далее — ИВРРД), т. 2. М., 1973, стр. 79.

ликуемые в журнале, издававшемся в Вене, а затем нелегально переправлявшемся на родину, содействовали распространению революционных идей среди венгерского населения.

КПВ стремилась использовать в своей деятельности как нелегальные, так и легальные формы борьбы. При этом коммунисты учитывали растущее недовольство левых социал-демократов соглашательской политикой лидеров Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ).

На конференции профсоюзов (март 1924 г.) и XXII съезде СДПВ (апрель 1924 г.) левая оппозиция открыто выступила против социал-демократического руководства. Представители левого крыла партии, программные установки которого изложил Иштван Ваги на XXII съезде СДПВ, резко критиковали реформистское руководство за забвение интересов рабочего класса, пресмыкательство перед хортистами. Левая оппозиция требовала от партийного руководства покончить с такой политикой и повернуть партию на путь классовой борьбы, активной защиты интересов трудящихся. В ответ на критику руководство СДПВ прибегло к репрессиям. При таких обстоятельствах часть оппозиционно настроенных членов СДПВ во главе с И. Ваги вышла из партии и стала искать пути к созданию организации, которая действительно боролась бы за дело рабочего класса.

В апреле 1925 г. по договоренности между коммунистами и исключенными или вышедшими из СДПВ и профсоюзов левыми социал-демократами была создана легальная рабочая партия под названием Социалистическая рабочая партия Венгрии (СРПВ). Не касаясь вопроса о борьбе за государственную власть, программа СРПВ ставила задачи борьбы за демократические права: за право на союзы, собрания, всеобщее избирательное право при тайном голосовании. СРПВ требовала всеобщей политической амнистии, свободы деятельности Компартии Венгрии, высказывалась за обеспечение государственной помощи безработным, повышение реальной заработной платы, законодательное установление 8-часового рабочего дня, защиту женского и детского труда, введение прогрессивного налога на имущество, за демократическую земельную реформу[1]. Первым секретарем ЦК СРПВ был избран Иштван Ваги, являвшийся одновременно членом ЦК КПВ.

Весной 1926 г. СРПВ организовала в нескольких городах демонстрации безработных, депутации к властям с требованиями помочь безработным. Коммунисты и члены СРПВ организовали известный поход шалготарьянских шахтеров на Будапешт.

СРПВ предпринимала серьезные усилия, чтобы укрепить профсоюзное движение, добиться избрания в руководящие органы профсоюзов деятелей, стоящих на позициях классовой борьбы. В октябре

[1] DMFMT 1919—1929, 254—257. old.

1926 г. руководство СРПВ обратилось к руководству СДПВ с предложением установить единство действий обеих партий в борьбе за республику, за полную свободу союзов и собраний, за новую земельную реформу и другие демократические требования. Предлагалось также выступить совместно на предстоявших в декабре 1926 г. выборах в парламент. Однако руководство СДПВ отклонило предложение СРПВ о единстве действий[1].

Важное значение имела деятельность КПВ и СРПВ по изданию и распространению в Венгрии произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документов международного рабочего движения, материалов, рассказывавших правду о Советском Союзе. Для пропаганды идей марксизма-ленинизма использовалась также периодическая подпольная печать КПВ (журнал «Уй марциуш», газета «Коммуништа») и легальная пресса СРПВ (газета «Социалишта мункаш», выходившая и под другими названиями). Пропаганда идей марксизма-ленинизма содействовала росту классового сознания пролетариата и трудящегося крестьянства, укреплению их революционного духа, консолидации прогрессивных сил страны в революционной борьбе.

Формально не запрещая СРПВ, хортистское правительство принимало меры, которые фактически парализовали деятельность ее руководства и низовых организаций. Руководитель СРПВ Иштван Ваги и его товарищи неоднократно подвергались арестам. Десятки активистов были заключены в тюрьмы. Буржуазная пресса вела клеветническую кампанию против партии, в чем ей активно помогали оппортунисты из СДПВ. Угрозами и прямым террором власти лишали СРПВ возможности проводить агитационно-пропагандистскую работу среди населения. В 1928 г. СРПВ вынуждена была прекратить свою деятельность. Часть членов СРПВ, перейдя на нелегальное положение, влилась в КПВ. Другие продолжали действовать вместе с коммунистами в профсоюзах, в низовых социал-демократических организациях, разного рода культурно-просветительских объединениях. Обстановка в венгерском рабочем движении оставалась сложной. В социал-демократической партии Венгрии господствовало правое руководство в лице К. Пейера, Д. Пейдля и их сторонников, соглашательская политика которых, направленная на сотрудничество с буржуазией, наносила большой вред революционному движению. Левое крыло СДПВ, хотя и пользовалось определенным влиянием в массах, не могло изменить общий курс партии.

Трудности борьбы порождали в рядах КПВ ликвидаторские настроения, фракционную междоусобицу, сектантские взгляды. У части коммунистов отсутствовала ясность по вопросу о путях создания единого рабочего фронта и дальнейшей революционной борьбы.

[1] См. «История венгерского революционного рабочего движения», т. 2, стр. 87—88.

Пленум ЦК КПВ, состоявшийся в июле 1928 г., уделил главное внимание вопросам дальнейшей борьбы революционных сил Венгрии. Осудив тенденции к ликвидаторству и фракционности, пленум обязал всех членов партии крепить единство партийных рядов и добиваться усиления влияния КПВ среди трудового населения. Пленум поставил целый ряд конкретных организационных задач, призванных активизировать работу партии в профсоюзах, среди крестьянства, молодежи, в культурно-просветительских союзах. ЦК КПВ призвал всех коммунистов разоблачать реакционную внешнюю политику хортистов, активно выступать против возраставшей военной опасности[1].

В *Румынии* в годы частичной стабилизации капитализма сохранялся монархический строй. Принятая в 1923 г. конституция провозгласила демократические права и свободы, но на деле эти права были существенно урезаны. Роль парламента была крайне незначительной. Конституция предусматривала право короля распускать неугодный ему парламент. В последующие годы были еще более ограничены демократические права и свободы.

Временная стабилизация капитализма была достигнута в Румынии прежде всего за счет усиления эксплуатации трудящихся, интенсификации их труда, удлинения рабочего дня. Обеспечению относительно высокой экономической конъюнктуры и известной стабилизации политического положения способствовали и другие причины. В результате территориальных приращений после первой мировой войны промышленный потенциал страны вырос более чем в два раза. Проведение декретированной в 1918—1921 гг. аграрной реформы укрепило позиции капиталистической верхушки в деревне.

Однако господствующим классам не удалось остановить борьбу трудящихся. В 1925 г. было зарегистрировано 319 трудовых конфликтов, в которых участвовало более 80 тыс. человек[2]. Наиболее длительными и упорными были забастовки металлургов «Решицы», лесопильщиков долины Муреша, текстильщиков «Бухуша».

Крупнейшим выступлением трудящихся, оказавшим влияние на общий уровень политической борьбы в стране, было Татарбунарское восстание в оккупированной Бессарабии (сентябрь 1924 г.), происходившее под лозунгами создания рабоче-крестьянских Советов и воссоединения Бессарабии с Советской Россией. Войска жестоко расправились с повстанцами, более 3 тыс. человек было убито. ЦК Коммунистической партии Румынии (КПР) в специальном манифесте призвал трудящихся к борьбе за социальное и национальное освобождение[3]. Татарбунарское восстание получило широкий международный резонанс. Волна протестов против террора королевских властей

[1] DMFMT 1919—1929, 397—405. old.
[2] *L. Patrăşcanu.* Texte social-politice (1921—1938). Bucureşti, 1975, p. 146.
[3] DI PCR 1923—1928, vol. II. Bucureşti, 1953, p. 198—201; «История Молдавской ССР», т. II. Кишинев, 1968, стр. 262.

не только захлестнула Румынию, но и вызвала движение солидарности демократической общественности европейских стран.

Идейным вождем трудящихся Румынии и главным вдохновителем их борьбы была КПР, подвергавшаяся суровым репрессиям. В апреле 1924 г. коммунистическая партия была запрещена. Антикоммунистический «закон Мырзеску» предусматривал тюремное заключение за пропаганду коммунистических идей. Вынужденная уйти в подполье, коммунистическая партия направила свои усилия на организацию выступлений трудящихся. В 1925 г. ею была создана легальная организация Рабоче-крестьянский блок, в задачу которого входила борьба против полицейского террора, за амнистию политических заключенных, проведение свободных выборов, 8-часовой рабочий день, наделение безземельных и малоземельных крестьян землей, введение прогрессивного налогообложения. Действуя при поддержке и под непосредственным руководством КПР, Рабоче-крестьянский блок сыграл большую роль в укреплении связей Коммунистической партии Румынии с трудящимися массами. На парламентских выборах 1926 г. Рабоче-крестьянский блок получил 30 тыс. голосов и 5 мест в парламенте для депутатов-коммунистов[1].

К концу 20-х гг. частичная стабилизация стала расшатываться. Румыния втягивалась в глубочайший экономический кризис.

С середины 20-х гг. *Югославия* вступила в период сравнительно благоприятной экономической конъюнктуры. Несколько увеличилось количество рабочих мест, повысились заработки некоторых категорий работающих, хотя реальная заработная плата и в 1926 г. не достигала уровня 1913—1914 гг.[2] В то же время усилилась эксплуатация малоквалифицированных рабочих, женского и детского труда, активизировалось наступление капитала на социальные завоевания трудящихся.

Власти жестоко преследовали прогрессивные рабочие организации, пресекали всякую попытку пролетариата оказать отпор наступлению капиталистов на остатки рабочего законодательства. «Добровольческие» фашистские банды нападали на рабочие кварталы в промышленных центрах и шахтерских поселках, помещения профсоюзов.

На авансцене политической жизни господствовали буржуазно-националистические и мелкобуржуазные партии и группировки. В Хорватии значительно возросло влияние партии С. Радича. В первый период деятельности этой партии ее руководство выступало против политики великосербских правящих кругов. Под давлением трудовых крестьянских масс, составлявших основную политическую

[1] «Intrebări şi răspunsuri pe teme din istoria Partidului Comunist Român şi a mişcării muncitoreşti din România». Bucureşti, 1974, p. 150.

[2] Преглед историје Савеза комуниста Југославије. Београд, 1963, с. 142.

армию партии, оно приняло лозунг борьбы за демократическую республику и изображало свою платформу как программу национально-освободительной и социальной революции. Партия рекламировала себя как якобы единственного борца за национальное равноправие, и значительные слои трудящихся Хорватии восприняли ее требования как практическое применение лозунга права наций на самоопределение. Однако в дальнейшем становилось все яснее, что верхи партии С. Радича, особенно после убийства ее лидера в 1928 г., вовсе не собирались выполнять своих обещаний, они вели беспринципную политическую игру. За спиной буржуазных политиканов, возглавлявших партию, до поры до времени прятались темные силы — крайние шовинисты, нащупывавшие связи с империалистической реакцией, итальянскими и германскими фашистами. Такое развитие событий было чревато катастрофическими последствиями для рабочего класса и всего народа страны. В этих условиях перед рабочим движением встала задача, усиливая борьбу в защиту интересов трудящихся, одновременно мобилизовать все силы, способные противодействовать опасному скольжению страны в направлении к фашистской реакции.

Особенность югославского рабочего движения состояла в том, что в нем ничтожным было влияние правых социал-демократов, окончательно скомпрометировавших себя угодничеством перед монархией, эксплуататорскими классами, милитаристским деспотизмом. Трудящиеся не верили реформистам, открыто пользовавшимся покровительством властей.

Фактически единственной рабочей партией в стране была находившаяся в подполье Коммунистическая партия Югославии (КПЮ). Она смело выступала против реакционной внутренней политики правящего режима, против полицейских репрессий и эксплуатации на предприятиях. Она разоблачала реакционную, проимпериалистическую и антисоветскую внешнюю политику югославского правительства, одного из инициаторов создания так называемой Малой Антанты, которая, по выражению выдающегося деятеля КПЮ Ф. Филиповича, была «чем-то вроде общества взаимного страхования от революции»[1].

Коммунисты возглавили борьбу рабочего класса за свои права. Летом 1924 г. по инициативе КПЮ по всей стране прошли митинги протеста и забастовки против террористических акций полиции и фашистских банд. В Загребе состоялась всеобщая забастовка. В последующие годы происходили массовые выступления за пересмотр тарифных ставок, забастовки с требованиями улучшения условий труда и повышения заработной платы.

Рабочие наиболее крупных предприятий, несмотря на поли-

[1] *Б. Бошкович.* Малая Антанта. М., 1934, стр. 9 (Б. Бошкович — литературный псевдоним Ф. Филиповича).

цейские преследования, ежегодно праздновали 1 Мая. Организаторами выступлений трудящихся были независимые (революционные) профсоюзы и подпольные организации КПЮ. На митингах и демонстрациях трудящихся они выступали за создание единого фронта, против подготовки новой мировой войны. Югославские рабочие отметили 10-летие Октябрьской революции. В ноябре 1928 г. в ряде городов состоялись демонстрации солидарности с Советским Союзом.

Жизненной необходимостью для рабочего класса оставались сплочение его сил на базе классовой борьбы, преодоление национальной розни, установление прочного союза с трудящимся крестьянством и городскими средними слоями. Решение этих задач требовало укрепления революционного авангарда, выработки правильной стратегии и тактики.

Однако этому препятствовали националистические настроения, получившие в КПЮ довольно широкое распространение. Правая группировка во главе с Симой Марковичем насаждала в партии откровенно австромарксистские взгляды по национальному вопросу. В 1925 г. Ф. Филипович, наиболее авторитетный в те годы деятель партии, решительно выступив против подобных тенденций, заявил, что КПЮ «слабо реагировала на великосербскую идеологию», в результате чего партия «оторвалась от широких трудящихся масс Хорватии, Словении, Македонии» и в ней «развился кризис... коренные причины которого надо искать в социал-демократических пережитках, в идейной отсталости партийных членов и в отрыве партии от масс»[1].

Интернационалистское ядро КПЮ получило полную поддержку со стороны Коминтерна. Коминтерн разъяснял: без полного и безусловного признания ленинского положения о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения немыслимо проведение компартией эффективной политики в национальном вопросе. На V расширенном пленуме ИККИ (март — апрель 1925 г.) была дана глубокая критика взглядов С. Марковича и его сторонников. В частности, осуждались попытки С. Марковича низвести национальный вопрос «на почву конституционную» в рамках существующего реакционного государства, что по сути дела означало отказ рассматривать национальный вопрос как часть общего вопроса о пролетарской революции, как вопрос по сути дела крестьянский. «Основой и ядром национального вопроса является не капиталистическая конкуренция, а крестьянский вопрос, и существенной основой национального движения, особенно в Югославии, является движение крестьянское»[2],— говорилось в резолюции пленума ИККИ. «Пролетарская революция в Югославии не может победить, если югославская

[1] *Б. Бошкович.* Положение в Компартии Югославии.— «Коммунистический Интернационал», 1925, № 4, стр. 55.

[2] «V расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (21 марта — 6 апреля 1925 г.). Стенографический отчет», М.— Л., 1925, стр. 594.

коммунистическая партия не сумеет увлечь за собой широкие массы крестьянства в активную борьбу против монархии, против сербского империализма и капитализма»[1]. На пленуме подчеркивалась необходимость включения в национальную программу КПЮ пункта о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения и в то же время указывалось, что право на отделение вовсе не является обязанностью отделиться. V конгресс Коминтерна, рассматривая положение в компартиях Балканских стран, осудил «партикуляристский уклон в разрешении национального вопроса», считая, что «осуществление права наций на самоопределение вплоть до отделения ничего общего с партикуляризмом не имеет и не противоречит развитию производительных сил»[2].

Принципиально выдержанная позиция марксистско-ленинских сил КПЮ и поддержка со стороны Коминтерна расчистили путь к принятию правильных в своей основе установок по национальному и крестьянскому вопросам на III съезде КПЮ (май 1926 г.). В 1959 г. И. Броз Тито отмечал: «Благодаря помощи Коммунистического Интернационала наша партия могла сориентироваться на правильные позиции по национальному и крестьянскому вопросам»[3].

Однако и решения III съезда КПЮ все же не привели к оздоровлению обстановки в партии: в ее руководстве продолжалась ожесточенная фракционная борьба.

В мае 1928 г. ИККИ обратился ко всем членам КПЮ с Открытым письмом, призвавшим покончить снизу с фракционной борьбой, препятствовавшей идейному и численному росту партии, а также упрочению ее связей с рабочим классом и крестьянством. Во всех партийных организациях были проведены дискуссии по Открытому письму, содействовавшие осуждению и изоляции фракционеров. IV съезд КПЮ (октябрь 1928 г.) избрал новое руководство партии. Секретарем по организационным вопросам стал Джуро Джакович.

Во второй половине 1928 г. внутриполитическая обстановка в Югославии накалилась до предела. Усилилась борьба угнетенных народов за национальное равноправие. Летом начались массовые антимонархические и антифашистские выступления в Словении и Хорватии. Солидарность с бастующими открыто выражали студенчество и многие представители средних слоев. В конце года произошли демонстрации рабочей молодежи; в Словении горняки объявили «коммунистический поход» на Любляну.

6 января 1929 г. король Александр совершил государственный переворот, была отменена конституция, распущены скупщина и органы общинного управления, запрещены все партии и прогрес-

[1] V расширенный пленум Исполкома Коммунистического Интернационала (21 марта—6 апреля 1925 г.). Стенографический отчет, стр. 597.

[2] «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. II, стр. 124—125.

[3] «Socijalizam», 1959, br. 2, str. 51.

сивные организации. Этими драконовскими мерами реакция пыталась остановить нараставший кризис государства, разгромить революционное движение.

Ряды КПЮ редели под ударами контрреволюционного террористического режима. Погибло множество лучших борцов коммунистического движения, среди них секретари ЦК Союза коммунистической молодежи Мио Орешки, Пайя Марганович, Иосип Колумбо. В апреле 1929 г. от рук жандармов пал Джуро Джакович.

Новое наступление реакции на рабочий класс было тяжелым ударом для компартии и классовых профсоюзных и молодежных организаций. Однако и в этой обстановке кровавого террора КПЮ и Союз коммунистической молодежи пополнялись новыми кадрами, выраставшими в повседневной революционной борьбе и упорно искавшими путей укрепления связей с массами. Это сказалось уже в ближайшие годы, когда партия все увереннее выходила из изоляции и неуклонно расширяла свое влияние.

Процесс стабилизации капитализма в *Греции* в силу ее значительной зависимости от иностранного капитала наступил с опозданием и по сравнению с другими европейскими странами носил еще более кратковременный и неустойчивый характер. Большие экономические трудности, рост недовольства трудящихся своим нищенским и бесправным положением, непрекращавшаяся борьба народа против капиталистического гнета — все это вело к обострению противоречий в стране. Пытаясь сбить волну классовой борьбы, буржуазия прибегла к помощи крайней реакции. 25 июня 1925 г. реакционный генерал Ф. Пангалос совершил государственный переворот. Был смещен президент, арестованы прогрессивные общественные деятели, запрещена компартия.

Однако диктаторский режим, опиравшийся лишь на военную силу, не сумел обеспечить себе сколько-нибудь широкую социальную опору. 12 августа 1926 г. диктатура Ф. Пангалоса была свергнута, восстановлена парламентарная президентская республика, объявлена политическая амнистия. 7 ноября 1926 г. состоялись парламентские выборы. КПГ выступила на выборах в составе единого фронта «рабочих — крестьян — беженцев», по спискам которого было избрано 10 депутатов.

2 июня 1927 г. была принята новая конституция, которая юридически закрепляла республиканский строй в Греции и декларировала основные демократические права граждан. Вместе с тем материальное и социальное положение трудящихся продолжало оставаться тяжелым. Низкая заработная плата, отсутствие действенного социального страхования, дороговизна, безработица, произвол фабрикантов и землевладельцев — все это неизбежно порождало недовольство широких слоев населения, создавало объективную основу для развертывания классовой борьбы.

Несмотря на жестокие гонения властей и фактически полулега-

льное существование, греческие коммунисты приняли активное участие в крупнейших выступлениях рабочего класса и трудового крестьянства — всегреческой забастовке железнодорожников в 1925 г., всегреческой забастовке рабочих-табачников в 1927 г., требовавших повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и улучшения условий труда, массовой манифестации крестьян в Салониках (1927 г.), добивавшихся отмены десятины.

Правительство ответило на активизацию массовой борьбы усилением репрессий, острие которых было направлено против коммунистов. В начале 1928 г. правительство подготовило антикоммунистический законопроект, в соответствии с которым принадлежность к коммунистической партии трактовалась как особо тяжкое преступление, вследствие чего члены КПГ и ее сторонники подлежали административной высылке без суда и следствия.

КПГ резко осудила реакционный законопроект и призвала трудящихся к борьбе. Призыв коммунистов получил широкий отклик в массах. Летом 1928 г. в стране развернулось массовое забастовочное движение, в котором участвовало свыше 85 тыс. табачников, строителей, пищевиков, обувщиков, моряков и др. В результате этих мощных выступлений голосование в парламенте антикоммунистического законопроекта было сорвано. 4 июля 1928 г. правительство А. Займиса было вынуждено уйти в отставку.

В целях ослабления борьбы трудящихся правящие круги стремились нанести удар по профсоюзному движению, находившемуся в значительной степени под влиянием КПГ. В 1928 г. им удалось расколоть профсоюзное движение и добиться исключения революционных профсоюзов из Всеобщей конфедерации труда Греции (ВКТГ), которые в феврале 1929 г. образовали самостоятельную Унитарную всеобщую конфедерацию труда Греции (УВКТГ).

В *Албании* малочисленный рабочий класс, рассеянный по мелким, в основном полуремесленного типа, предприятиям, не имел своих организаций и партий. Социалистические идеи проникали в Албанию через прогрессивную эмигрантскую печать, однако их влияние в то время было невелико. Только к концу 20-х гг. оказалось возможным организационное оформление первой коммунистической группы в г. Корче, основной костяк которой составляли рабочие. Рабочие принимали участие в деятельности общедемократических организаций и групп, возникших в начале 20-х гг. Самой крупной и влиятельной из них было общество «Башкими» («Единение»), созданное в 1922 г. Основную массу членов общества составляли учителя, служащие, представители мелкой буржуазии города.

Программа общества предусматривала борьбу за осуществление демократических преобразований, проведение аграрной реформы, защиту отечественной промышленности. «Башкими» возглавляла оппозицию правительству, во главе которого стоял выразитель интересов феодально-помещичьих кругов полковник Ахмет Зогу.

20 апреля 1924 г. в Тиране выстрелом из-за угла был смертельно ранен один из лидеров оппозиции, Авни Рустеми. Его похороны вылились в общенародную антиправительственную демонстрацию, ставшую сигналом к восстанию во всей стране. Так началась буржуазно-демократическая революция.

Во главе административного комитета, возглавлявшего восстание, встал видный политический и общественный деятель, епископ православной церкви Фан Ноли. Его поддержало общество «Башкими», выступавшее за проведение чистки государственного аппарата, «обеспечение экономической независимости крестьянства посредством широких аграрных реформ», «восстановление подлинной демократии» и т. п.[1]

Правительство Фана Ноли выдвинуло программу демократических и социально-экономических преобразований, пошло на установление дипломатических отношений с Советской Россией. Народные массы с энтузиазмом восприняли программу правительства. Не дожидаясь распоряжений центральных властей, крестьяне нередко самовольно производили раздел помещичьих земель, отказывались платить подати. Однако местный административный аппарат, в котором главенствовали представители свергнутого режима, саботировал проведение демократических преобразований. В итоге правительственные декларации оставались на бумаге.

Положение усугублялось международной изоляцией, в которой оказалось демократическое правительство. В декабре 1924 г. при активной и решающей поддержке международной реакции был реставрирован феодально-помещичий режим во главе с полковником Ахметом Зогу. Прогрессивные организации были запрещены, их лидеры были вынуждены эмигрировать. В Вене ими была создана организация «Конаре» («Национально-революционный комитет»), воспринявшая программу «Башкими»[2].

ТРУДНЫЕ ПУТИ ОРГАНИЗАЦИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ РЕАКЦИИ И ФАШИЗМУ

В исключительно тяжелых условиях вели борьбу трудящиеся *Италии*. После прихода в октябре 1922 г. к власти Муссолини в стране установился фашистский режим, выражавший интересы крупного монополистического капитала. И хотя первое время в стране формально сохранились парламент и многопартийная система, на деле буржуазно-демократические институты использовались как прикрытие для политики террора.

Фашисты расправлялись с профсоюзными и политическими организациями рабочего класса, направив главный удар против его

[1] «Dokumenta e materiale historike nga lufta e popullit shqiptar për liri e demokraci. 1917—1941». Tiranë, 1959, f. 150, 151.
[2] См. «Краткая история Албании». М., 1965, стр. 212.

революционного авангарда. Коммунистической партии Италии (КПИ) пришлось перевести на нелегальное положение большую часть своих первичных организаций еще до того, как она была запрещена официально[1]. Численность КПИ в начале 1924 г. упала до 12 тыс. человек[2]. Резко сократились ряды Всеобщей конфедерации труда. К декабрю 1924 г. в ВКТ насчитывалось 270 тыс. членов[3].

В то же время активно насаждались фашистские профсоюзы, членство в которых гарантировало трудящимся получение работы. Боеспособность рабочего класса упала, уровень забастовочной борьбы резко снизился. Опираясь на поддержку фашистского правительства, предприниматели начали наступление на экономические завоевания трудящихся, достигнутые в период революционного подъема[4]. В октябре 1924 г. уровень стоимости жизни в Италии заметно возрос по сравнению с 1920 г.[5] 8-часовой рабочий день не соблюдался. Стремительно росли налоги.

Итальянский рабочий класс мог отстоять свои экономические интересы, только нанеся политическое поражение фашизму. Задача организации антифашистского сопротивления осложнялась политикой попустительства фашизму со стороны партий буржуазной демократии, к которым примкнули и социал-демократы. Пассивность буржуазно-демократической оппозиции в отстаивании остатков буржуазно-демократических свобод и институтов от натиска фашистских сил определялась главным образом тем, что она видела в фашизме заслон против угрозы социалистической революции.

Среди социал-демократических лидеров было широко распространено мнение, будто победа фашизма в Италии представляла собой расплату за недооценку пролетариатом возможностей буржуазной демократии. Даже после того как фашисты пришли к власти, социал-демократические лидеры продолжали утверждать, будто защита демократии неотделима от борьбы против революционного авангарда пролетариата. Более того, и это признавал, например, один из идеологов социал-демократии, Р. Мондольфо, в ее рядах были и такие, кто считал фашизм «обновительной силой»[6], полагая, что впоследствии он «уступит свое место обществу труда».

В обстановке капитулянтства буржуазно-демократической оппозиции только коммунисты могли возглавить антифашистское сопротивление. Заслуга КПИ состояла в том, что в труднейших усло-

[1] *P. Spriano.* Storia del partito comunista Italiano, vol. I. Torino, 1967, p. 338.
[2] Ibid., p. 414.
[3] Ibid., p. 415.
[4] *R. Romeo.* Breve storia della grande industria in Italia. Bologna, 1961, p. 101.
[5] *P. Spriano.* Op. cit., p. 416.
[6] *R. Modigliani.* Una battaglia per il socialismo. Bologna, 1971, p. 72.

виях разгула фашистской реакции, растерянности в рабочем и демократическом движении она взяла единственно верный курс на поворот революционного пролетариата к выполнению новой исторической задачи — сплочения всех сил для борьбы против фашизма.

В свое время В. И. Ленин, предупреждая итальянских коммунистов об угрозе фашизма, высказал предположение, что итальянские коммунисты извлекут из этой реальности необходимый урок и выработают линию борьбы, усвоив и «часть русского опыта» и применив его к условиям своей страны. «Как это произойдет,— размышлял В. И. Ленин,— этого я не знаю. Может быть, нам окажут большие услуги, например, фашисты в Италии, тем, что разъяснят итальянцам, что они еще недостаточно просвещены и что их страна еще не гарантирована от черной сотни»[1]. Глубокий смысл этих последних слов В. И. Ленина, обращенных к итальянским коммунистам, становился особенно очевидным в свете дальнейшего опыта борьбы международного, в том числе и итальянского, рабочего класса против фашизма.

Поворот в политике КПИ к единому рабочему фронту был связан с деятельностью А. Грамши и П. Тольятти. В июне 1923 г. по решению расширенного пленума ИККИ было создано новое руководство партии при участии Грамши, Тольятти, Скоччимарро, Дженнари и др. Грамши стал Генеральным секретарем партии. Весной 1924 г. он получил возможность вернуться в Италию и непосредственно возглавил антифашистскую борьбу компартии. Новое руководство КПИ, опираясь на решение Коминтерна, провело огромную работу по повышению политического уровня коммунистов в борьбе с сектантской идеологией Бордиги, по расширению рядов КПИ, по упрочению ее связей с массами.

Важное внимание Грамши и Тольятти уделяли в эти годы анализу сложившейся в Италии обстановки. Они стремились выявить специфику складывавшегося фашистского режима, определить все возможные силы антифашистской оппозиции и с учетом этой реальности выработать тактику антифашистской борьбы пролетариата. Опираясь на известные положения Коминтерна о классовой сущности фашизма, Грамши указывал в августе 1926 г., что «современный фашизм — типичный образец абсолютного господства финансового капитала, стремящегося подчинить себе все производительные силы страны»[2]. Еще до издания в 1926 г. исключительных законов Грамши квалифицировал режим Муссолини как «фашистскую диктатуру»[3], создавшую мощную полицейскую организацию, разоблачал фашистскую политику уничтожения кадров пролетариата. Он отмечал также, что «характерная особенность фашизма заключается в том, что ему

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 293.
[2] А. *Грамши.* Избранные произведения. М., 1980, стр. 222.
[3] См. там же, стр. 155.

удалось создать массовую организацию мелкой буржуазии»[1]. При этом Грамши подчеркивал, что «это произошло впервые в истории»[2]. Вместе с тем Грамши распознал и другую неотъемлемую черту фашистского режима — его «контроль за всеми видами массовой деятельности»[3].

Определяя характер антифашистской борьбы и ее движущие силы в Италии, Грамши развенчивал иллюзии, будто борьбу против фашизма можно вести на парламентской основе. Он убеждал, что с фашизмом необходимо бороться «путем прямого действия», т. е. путем его революционного свержения, что «реальное противодействие фашизму может оказать лишь рабочий класс»[4]. Грамши решительно выступал против сектантства Бордиги, за проведение политики единого фронта в антифашистской борьбе пролетариата.

Уже в феврале 1924 г. Грамши, учитывая реальное соотношение сил в стране, ставит вопрос о возможности промежуточной фазы между победой над фашизмом и установлением диктатуры пролетариата[5]. Развивая этот тезис в докладе на заседании руководства КПИ в августе 1926 г., Грамши говорил, что «не представляется бесспорным, более того, вероятным, что произойдет немедленный, непосредственный переход от фашизма к диктатуре пролетариата»[6]. Допуская возможность такого развития антифашистской борьбы, Грамши вместе с тем считал, что партия должна всемерно бороться за гегемонию в отношении других антифашистских сил, чтобы «все более возрастала вероятность свержения фашизма революционным путем»[7].

В начале 1924 г. КПИ, опираясь на решения Коминтерна, приступила непосредственно к осуществлению тактики единого фронта[8].

В январе 1924 г. КПИ обратилась к двум социалистическим партиям (максималистской ИСП и реформистской УСП) с предложением создать единый избирательный блок трех партий на предстоящих выборах. Однако обе партии ответили отказом. Тем не менее в феврале 1924 г. «блок пролетарского единства» был создан, хотя и на значительно более узкой основе: это был избирательный блок КПИ с частью левого крыла ИСП — группой «третьеинтернационалистов», т. е. сторонников Коммунистического Интернационала, во главе с Дж. М. Серрати и Ф. Маффи. На парламентских выборах в апреле 1924 г. коммунисты вместе с «третьеинтернационали-

[1] *А. Грамши.* Избранные произведения, стр. 165.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 199—200. Подробнее о взглядах А. Грамши на природу фашизма и характер антифашистской борьбы см. в кн.: *И. В. Григорьева.* Исторические взгляды Антонио Грамши. М., 1979, стр. 157—164.
[4] *А. Грамши.* Избранные произведения, стр. 156.
[5] См. там же, стр. 142.
[6] Там же, стр. 223.
[7] Там же, стр. 224.
[8] *М. А. Додолев.* Демократическая оппозиция и рабочее движение в Италии (1922—1926 гг.). М., 1975, стр. 57.

стами» получили 19 мест в палате депутатов [1]. Отныне парламентская трибуна мужественно использовалась ими для разоблачения фашистского режима [2].

В мае 1924 г. в Комо состоялась подпольная конференция КПИ. Выступивший с докладом А. Грамши заявил, что в существующей обстановке перед итальянским пролетариатом не стоит задача непосредственного штурма. Главное — превратить КПИ в массовую партию и последовательно проводить линию на завоевание пролетариатом роли гегемона в антифашистской борьбе [3]. Большинство ЦК КПИ встало на сторону политической линии, предложенной Грамши.

Серьезному испытанию политика нового руководства КПИ подверглась в период острого политического кризиса фашистского режима в 1924—1925 гг., известного как «кризис Маттеотти». Толчком к кризису послужило убийство фашистами лидера социал-демократов депутата Дж. Маттеотти после его разоблачительной речи в парламенте. В знак протеста против этой фашистской расправы депутаты оппозиции — представители радикальной и либеральной буржуазии, а также католики, социал-демократы и социалисты покинули парламент и объявили себя Комитетом оппозиционных партий. Эта антифашистская коалиция, созданная 13 июня, получила название Авентинского блока [4]. Депутаты-коммунисты присоединились к Авентинскому блоку, чтобы побудить его пойти по пути организации массовой антифашистской борьбы и использовать для упрочения связей с массами.

Города Италии, особенно Юг, были охвачены острым недовольством фашистским режимом. В первые дни кризиса бастовали рабочие Генуи, строители Рима, металлурги и докеры Неаполя, металлурги Бари [5]. На Юге страны — в Катании и Фодже состоялись стихийные народные демонстрации [6], в Неаполе — многолюдный митинг протеста против фашистской расправы, стычки демонстрантов с чернорубашечниками. С антифашистскими заявлениями выступили многие студенты и профессора. Над университетами были подняты траурные флаги в память о жертвах фашизма. На Севере в первые месяцы политического кризиса достаточно крупных выступлений рабочих не произошло, так как фашисты удерживали контроль над массами.

Линия Компартии Италии в период «кризиса Маттеотти» вырабатывалась при участии Коминтерна. V конгресс Коминтерна уделил

[1] P. *Spriano*. Op. cit., p. 340—341.
[2] См. *Б. Р. Лопухов*. Фашизм и рабочее движение в Италии. 1919—1929. М., 1968, стр. 220.
[3] «L'Unità», 5.VI. 1924.
[4] По ассоциации с Авентинским холмом, куда, по преданию, удалились плебеи Древнего Рима во время борьбы с патрициями.
[5] *P. Spriano*. Op. cit., p. 390.
[6] Ibidem.

значительное внимание итальянскому вопросу, обсудив его на заседании Итальянской комиссии.

Конгресс поставил перед Компартией Италии задачу «вырвать из-под фашистского влияния недовольные и разочарованные пролетарские и мелкобуржуазные слои», предложил уделить основное внимание работе среди крестьян, особенно на Юге[1]. Вместе с тем разработанная Итальянской комиссией «Программа действий Итальянской компартии» не была еще полностью свободна от остатков «левизны». Например, в этом документе говорилось, что КПИ должна «удалить с политической арены» в течение «кризиса Маттеотти» партии конституционной оппозиции и реформистов и сплотить вокруг себя рабочие и крестьянские массы «для классового выступления в целях завоевания власти»[2]. Такое забегание вперед в определении политических целей затрудняло компартии борьбу за создание широкой антифашистской коалиции.

На первом же заседании Авентинского блока 14 июня 1924 г. Грамши предложил превратить его в средоточие власти и опереться на эффективные действия масс — на всеобщую забастовку. Поскольку это предложение не было принято, компартия самостоятельно обратилась к массам и выдвинула лозунги: «Долой правительство убийц, разоружить белую гвардию, создать правительство рабочих и крестьян!»[3] Комитет оппозиции вопреки коммунистам принял резолюцию, осуждавшую стихийные выступления трудящихся против режима. Два дня спустя Комитет оппозиции постановил, что его решения «обязательны для всех партий... и исключают любую инициативу или выступления, противоречащие этим решениям»[4]. Комментируя это постановление, Ф. Турати в письме к своей жене и соратнице по партии А. Кулишовой от 18 июня 1924 г. писал: «Коммунистам поставили условие: или с нами, или вон отсюда»[5]. В тот же день представители КПИ вышли из Комитета оппозиции, чтобы «утвердить самостоятельность пролетариата и создать условия, при которых рабочий класс сможет позднее осознать свою историческую функцию руководителя других антикапиталистических классов в борьбе против фашизма и капиталистического строя»[6].

С этого момента компартия повела борьбу на два фронта: против фашизма и против Авентинского блока. По решению Комитета оппозиции 27 июня 1924 г., когда отмечался день памяти Маттеотти,

[1] «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. II, стр. 168.
[2] Там же.
[3] *P. Spriano.* Op. cit., p. 389.
[4] «Avanti!», 19.VI. 1924.
[5] *F. Turati, A. Kuliscioff.* Carteggio, vol. VI. Torino, 1959, p. 212.
[6] «Partito comunista d'Italia. Relazione della Centrale al III Congresso», S. l., s. d., p. 7.

компартия провела 24-часовую всеобщую забастовку, в которой участвовало свыше 270 тыс. человек[1].

Линия компартии на развитие массовых выступлений вполне отвечала реальной атмосфере в стране: возмущение фашистским режимом охватило тогда широкие слои. В докладе на пленуме ЦК КПИ в августе 1924 г. А. Грамши выдвинул идею противопоставить фашистской палате депутатов Народный парламент (или Антипарламент). Была поставлена также задача создать рабоче-крестьянские комитеты как низовые органы борьбы против фашистской диктатуры[2].

Комитет оппозиции отказался рассмотреть предложения компартии. Тогда руководство КПИ приняло решение о возвращении депутатов-коммунистов в фашистский парламент, с тем чтобы использовать его трибуну для разоблачения фашизма. Одновременно коммунисты начали создавать рабоче-крестьянские комитеты. В июне 1925 г. КПИ обратилась к руководству левых партий Авентинского блока с предложением выработать общий план борьбы с фашизмом. КПИ предложила созвать республиканскую ассамблею на основе рабоче-крестьянских комитетов. Речь шла, таким образом, не о восстановлении буржуазной демократии, а о создании передового республиканского строя, гарантирующего страну от возрождения фашизма. Созыв республиканской ассамблеи, по мнению коммунистов, мог открыть переходный демократический период с перспективой перерастания в борьбу пролетариата за власть на основе рабоче-крестьянских комитетов. Предложение КПИ не было принято руководством левых партий Авентинского блока.

К осени 1924 г. численность КПИ возросла до 25 тыс. человек[3] (против 10—12 тыс. к концу 1923 г.[4]). Партия была перестроена по производственному принципу. В августе 1924 г. в компартию влилась группа «третьеинтернационалистов», исключенных из ИСП. В их числе были Дж. М. Серрати, Ф. Маффи, Дж. Ди Витторио, Дж. Ли Каузи. Тираж газеты «Унита» возрос до 400 тыс. экземпляров. И все же влияние КПИ было еще недостаточным, чтобы поднять широкие массы на антифашистскую борьбу.

Между тем пассивность Авентинского блока позволила Муссолини преодолеть политический кризис. Фашистский парламент возобновил свою работу, а Муссолини заявил о намерении расправиться с оппозицией при помощи силы. Обращение буржуазных партий Авентинского блока к королю с просьбой оказать содействие в восстановлении конституционного режима успеха не имело. Король не только не откликнулся на этот призыв, но и, напротив, оказал поддержку

[1] *P. Spriano.* Op. cit., p. 393.
[2] Ibid., p. 401.
[3] Ibid., p. 414.
[4] Ibid., p. 401.

Муссолини. В сентябре — октябре 1925 г. Авентинский блок после выхода из него социалистов и республиканцев фактически распался.

Состоявшийся в январе 1926 г. в Лионе (Франция) III съезд КПИ поставил в центр внимания проблемы превращения партии в массовую и установления гегемонии пролетариата в антифашистской борьбе. На съезде, указывая на необходимость создания массовой партии рабочего класса, Грамши отмечал, что первоочередная задача партии — привлечь на сторону пролетариата крестьянство экономически отсталого Юга, где были сконцентрированы основные массы безземельных крестьян, готовых подняться на борьбу с помещиками[1].

Тольятти выдвинул смелое предложение: коммунисты должны проникнуть в фашистские профсоюзы и повести внутри их работу по размыванию массовой базы фашизма.

В тезисах, подготовленных Грамши и Тольятти и одобренных подавляющим большинством делегатов съезда, была поставлена задача создания единого фронта рабочих и крестьян при гегемонии пролетариата для борьбы за свержение капиталистического строя. Принятие Лионских тезисов означало переход большинства КПИ на марксистско-ленинские позиции.

После Лионского съезда Компартия Италии развернула широкую политическую и организационную деятельность. Особое значение имел первый опыт работы КПИ среди крестьян Юга, где еще осенью 1924 г. была создана Ассоциация защиты крестьян[2].

Во второй половине 20-х гг. итальянские коммунисты начали также проводить политику союза с левыми элементами католических крестьянских организаций. КПИ удалось добиться сотрудничества на Севере Италии между красными профсоюзами и «белыми» католическими организациями, руководимыми левым католиком Г. Мильоли[3]. Однако в ноябре 1926 г. Муссолини ввел исключительные законы. Фашистская диктатура приняла тотальный характер: все партии оппозиции и их органы печати были запрещены, последовали массовые аресты. Значительная часть руководства КПИ была брошена за решетку. В ноябре был арестован А. Грамши, которого фашисты в течение десяти лет гноили в застенках. Компартии был нанесен тяжелый удар.

В новой политической обстановке социалистические и оппозиционные мелкобуржуазные партии отказались от активной борьбы в стране и перенесли свои центры за границу. В Париже эти партии объединились в Антифашистскую концентрацию, деятельность которой ограничивалась антифашистской пропагандой среди итальянских эмигрантов во Франции и других странах. Показательно, что со-

[1] См. *А. Грамши.* Избранные произведения, т. 2. М., 1957, стр. 479.
[2] См. «40 лет Итальянской коммунистической партии». М., 1961, стр. 148.
[3] «L'Unità», 1.VI.1926.

циалистические лидеры в эти годы фактически отказались от организации антифашистской борьбы у себя на родине, считая ее невозможной в условиях фашистской диктатуры.

Что касается реформистских лидеров профсоюзного движения, то многие из них открыто поддержали фашистский режим. 4 января 1927 г. Исполком ВКТ заявил о самороспуске Конфедерации, а 16 января семь бывших руководителей ВКТ заявили о своей готовности сотрудничать с фашистским режимом и создали в этих целях «Общество по изучению проблем труда»[1].

В результате капитулянтства буржуазной и реформистской оппозиции на КПИ пала вся тяжесть организации антифашистской борьбы в стране.

В январе 1927 г. в Париже был создан заграничный центр КПИ во главе с П. Тольятти, который вскоре установил контакты с партийными организациями, действовавшими в подполье в Италии, и стал руководить антифашистской борьбой в стране.

В эти годы Тольятти уделял большое внимание теоретическим вопросам, сосредоточив внимание на анализе сущности фашизма и определении путей борьбы с ним[2]. Своеобразие итальянского фашизма Тольятти видел в том, что тот стремился укрепить и расширить свою массовую базу, в том числе среди рабочего класса, и создавал в этих целях подчиненные фашистскому государству массовые организации. Фашизм превращался таким образом в реакционный массовый режим, приобретающий тоталитарный характер. Отсюда Тольятти делал вывод о необходимости работы коммунистов внутри массовых фашистских организаций. Эта задача ставилась им в связи с проблемой завоевания гегемонии рабочего класса в антифашистской борьбе. Тольятти считал, что фашизм может пасть только в результате насильственного свержения, которое по форме будет антифашистской революцией[3].

Тольятти указывал на необходимость учитывать две перспективы развития антифашистской революции: или она будет сразу же развиваться как пролетарская революция, если рабочему классу удастся завоевать гегемонию в антифашистском движении, или же в этом процессе будет возможен «переходный период» между падением фашизма и установлением диктатуры пролетариата. Ход развития революции будет зависеть от уровня гегемонии рабочего класса в отношении других антифашистских сил, а «это руководство,— заявлял Тольятти,— мы сможем завоевать только в борьбе».

[1] См. *Б. Р. Лопухов.* Фашизм и рабочее движение в Италии, стр. 279.

[2] См. *Н. П. Комолова, Г. С. Филатов.* Пальмиро Тольятти — выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического движения.— «Новая и новейшая история», 1980, № 4, стр. 87.

[3] *P. Togliatti.* Opere, vol. II. Roma, 1972, p. 526,

Постепенно налаживалась подпольная работа компартии в стране. Несмотря на жестокие репрессии, в Милане действовал нелегальный Внутренний центр коммунистической партии, непосредственно руководивший подпольной антифашистской работой. Наиболее активной была антифашистская деятельность коммунистов в промышленном треугольнике Турин — Милан — Генуя. Нелегально распространялась газета коммунистов «Унита».

Коммунисты, осудившие решение ВКТ о самороспуске, взяли на себя инициативу организации в феврале 1927 г. в подполье новой революционной профсоюзной организации, которая унаследовала традиционное название ВКТ. В целях единства профдвижения руководство ВКТ заявило, что Конфедерация готова остаться в рядах Амстердамского интернационала профсоюзов. Однако руководство международного реформистского центра отказалось признать новую ВКТ в качестве своей секции. Более того, лидеры бывшей ВКТ, эмигрировавшие во Францию, заявили вскоре о восстановлении в Париже реформистской ВКТ под руководством заграничного центра. С тех пор стали действовать два итальянских профсоюзных объединения с одноименными названиями. Революционная ВКТ взяла курс на организацию забастовок, проводившихся несмотря на запреты и террор фашистской диктатуры. Наиболее крупной в эти годы была забастовка работниц рисовых полей в долине По, проведенная под руководством коммунистов 1 июня 1927 г.[1] Коммунисты, хотя пока еще и в ограниченном масштабе, также начали проводить работу внутри фашистских профсоюзов.

Массовые аресты нанесли компартии большой урон. В мае — июне 1925 г. были арестованы почти все руководители Внутреннего центра КПИ. Тогда же в Риме был организован судебный процесс над 37 итальянскими коммунистами, в том числе над Грамши. Особым трибуналом Грамши был осужден на 20 лет тюремного заключения. Однако полностью разгромить компартию фашистам не удалось. В глубоком подполье сохранились низовые коммунистические группы, ставшие затем опорными пунктами разветвленной нелегальной сети компартии и сыгравшие важную роль в развитии антифашистского движения Сопротивления.

В трудных условиях развивалась борьба рабочего класса *Испании*. После установления в 1923 г. военной диктатуры Примо де Риверы кортесы и муниципалитеты были распущены, конституционные гарантии отменены. Все партии, кроме социалистической, не выступавшей против режима, были запрещены. Тяжелый удар обрушился на компартию[2]. Более $^1/_5$ испанских коммунистов и сотни

[1] См. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». Сборник статей и документов. М., 1953, стр. 644.
[2] См. «История Коммунистической партии Испании». М., 1961, стр. 40.

рабочих-активистов оказались за решеткой[1]. Было загнано в подполье самое крупное профсоюзное объединение — Национальная конфедерация труда, возглавлявшаяся анархо-синдикалистскими лидерами.

Правительство Примо де Риверы стремилось придать государству корпоративный характер. На заводах создавались «смешанные комиссии» из представителей рабочих и хозяев для нормирования труда и заработной платы. Целям интеграции рабочего движения в корпоративную систему служили попытки Примо де Риверы установить сотрудничество с лидерами социал-демократии. В октябре 1924 г. секретарь Всеобщего союза трудящихся (ВСТ) Ларго Кабальеро был включен в качестве советника в Государственный совет диктатуры[2]. В Национальной ассамблее, учрежденной в 1927 г., представителям ВСТ и Социалистической рабочей партии (ИСРП) было предоставлено шесть мест. Социал-демократические лидеры поддерживали корпоративную политику Примо де Риверы и участвовали в арбитражных «смешанных комиссиях». Однако рядовые социалисты и многие активисты враждебно относились к диктаторскому режиму. В результате при первых же признаках кризиса диктатуры Примо де Риверы Социалистическая рабочая партия перешла в оппозицию к режиму.

Коммунистическая партия без колебаний выступила против диктатуры Примо де Риверы. Уже в сентябре 1923 г. коммунисты Мадрида приняли манифест, в котором предупреждали, что «реакция готовится к репрессиям против рабочего класса»[3], и призывали трудящихся к единому фронту для борьбы с диктатурой. Усилия КПИ, направленные на сплочение антифашистских сил, к началу 1926 г. дали первые результаты. В 1926 г. компартия вместе с Союзом коммунистической молодежи, Национальной конфедерацией труда и автономными профсоюзами, примыкавшими к Коминтерну, приняли воззвание, призывавшее все оппозиционные силы к единству в целях свержения диктатуры[4].

К 1926—1927 гг. стачечная борьба пролетариата активизировалась. В октябре 1927 г. в Стране басков под руководством коммунистов прошла 24-часовая всеобщая забастовка против закона о корпорациях и пересмотра конституции. В 1928 г. в результате всеобщих забастовок в Барселоне и Севилье рабочие добились от правительства решения о 8-часовом рабочем дне и отмены подоходного налога на зарплату. В забастовках стали принимать участие и рабочие из реформистских профсоюзов, примыкавших к Всеобщему союзу трудящихся.

[1] «Испания 1918—1972». М., 1975, стр. 37.
[2] *С. П. Пожарская.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939. М., 1966, стр. 6.
[3] См. «История Коммунистической партии Испании», стр. 37, 38.
[4] *С. П. Пожарская.* Указ. соч., стр. 8.

В августе 1929 г. в подполье проходил III съезд Коммунистической партии Испании. Съезд правильно определил политическую перспективу в стране, указав, что в Испании назревает буржуазно-демократическая революция, успешное развитие которой возможно только при гегемонии рабочего класса в этой революции.

В середине 20-х гг. в *Португалии* продолжался затяжной экономический и политический кризис. Стоявшая у власти демократическая партия не смогла обеспечить развитие страны по буржуазно-демократическому пути. Экономическая политика правительства больно била по интересам трудящихся. Рабочий класс ответил усилением стачечной борьбы. Господствующим влиянием в португальском рабочем движении пользовались анархо-синдикалисты. Возглавляемая ими Всеобщая конфедерация труда насчитывала около 100 тыс. членов. Преобладание анархистских взглядов в рабочем движении препятствовало превращению выступлений трудящихся в независимое политическое движение[1]. Созданная в 1921 г. Португальская коммунистическая партия (ПКП) была еще сравнительно слабой и малочисленной. С другой стороны, широкие массы трудящихся, крестьян и часть городской буржуазии стали разочаровываться в демократической партии, проявившей неспособность нормализовать экономическое и политическое положение в стране.

Противоречиями в республиканском лагере воспользовались реакционные организации, опиравшиеся на крупных аграриев и финансово-промышленную элиту. 28 мая 1926 г. армия произвела фашистский переворот и установила диктатуру. Находившиеся в оппозиции к демократам республиканские партии, не исключая и социалистов, приветствовали новый режим. Лишь коммунистическая партия выступила против переворота, но она была слишком слаба, чтобы мобилизовать массы на борьбу против фашистской угрозы. Всеобщая конфедерация труда заняла позицию нейтралитета. Вскоре ясно проявилась реакционная сущность военной диктатуры. Анархистские организации, социалистическая и другие партии самораспустились или были ликвидированы в результате репрессий. Партийные организации еще не окрепшей ПКП распались, большинство руководителей партии прекратили свою деятельность. С 1929 г. партия под руководством Т. Б. Гонсалвеса, опираясь на помощь Коминтерна, наладила работу в нелегальных условиях и действовала как подлинно марксистско-ленинская партия[2]. ПКП была единственной партией, сумевшей в условиях подполья вести борьбу против фашистской диктатуры.

[1] См. *А. Куньял.* Страницы борьбы. М., 1977, стр. 10.
[2] См. там же, стр. 11.

ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

Послевоенный кризис в *Скандинавии* сменился повсеместным ростом производства, усилением концентрации и монополизации в промышленности. Наиболее высокие экономические показатели были характерны для Швеции. По темпам роста промышленности (до 7% в год) Швеция во второй половине 20-х гг. обогнала США и все страны Западной Европы. Удельный вес рабочего класса постоянно возрастал. К концу 20-х гг. промышленные и сельскохозяйственные рабочие составляли свыше 50% населения страны[1].

Несмотря на рост производства, проблема безработицы не потеряла своей остроты. В 1925—1927 гг. ее средний показатель в Швеции составлял 11,5% от общего числа членов профсоюзов, в Дании — 16, в Норвегии — около 21%[2]. Трудящиеся жили под постоянной угрозой потерять работу. Неуверенность в завтрашнем дне проявлялась в прогрессирующем замедлении роста численности населения в Норвегии и Швеции. К концу 20-х гг. в Швеции была самая низкая рождаемость в Европе.

Огромный резерв рабочей силы создавал сильное экономическое давление на рабочих. Буржуазия, получая в условиях благоприятной экономической конъюнктуры высокие прибыли, широко практиковала политику уступок экономическим требованиям рабочих для предотвращения социальных конфликтов и воспитания их в духе классового сотрудничества. Политика уступок сочеталась с курсом на проведение законов, ограничивающих право рабочих на защиту своих интересов посредством забастовок и других форм массовой борьбы. В конце 20-х гг. правительства всех Скандинавских стран утвердили антирабочие законы.

В 1927 г. норвежский стортинг принял новое законодательство, согласно которому создавался трудовой суд для решения споров о толковании коллективных договоров. Законом предусматривалось усиление репрессий против профсоюзов за «дикие» выступления рабочих, что фактически поощряло штрейкбрехерство. В Дании наступление буржуазии на права рабочих сопровождалось принятием в 1928 г. закона в защиту «свободы труда»[3]. В 1928 г. в Швеции были приняты два антирабочих закона — о коллективных договорах и о принудительном арбитраже по трудовым конфликтам. Законы

[1] См. *А. С. Кан.* Новейшая история Швеции. М., 1964, стр. 79, 86.

[2] См. «Международное профдвижение за 1924—1927 гг. Отчет Исполбюро IV конгрессу Профинтерна». М., 1928, стр. 517; *E. Lorenz.* Arbeiderbevegelsens historie. 2 del. 1930—1973. Oslo, 1975, s. 214.

[3] См. *А. С. Кан.* История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1980, стр. 190, 192.

были нацелены на ограничение прав рабочих на забастовки и другие формы экономической борьбы.

Политика буржуазного реформизма, лишение рабочих права на массовую борьбу объективно совпадали с прагматическими расчетами социал-демократических лидеров, которые выступали за улучшение материального благосостояния рабочих, но отрицательно относились к массовым действиям как средству борьбы. Экономические требования трудящихся реализовались путем длительной процедуры переговоров между профсоюзными лидерами и предпринимателями. В результате победы рабочих в борьбе за свои экономические требования далеко не всегда подкреплялись соответствующими успехами в политическом воспитании трудящихся масс.

В Швеции лидеры социал-демократической партии, пришедшие к руководству после смерти Я. Брантинга в 1925 г. (П. А. Ханссон, Э. Вигфорс, Р. Сандлер), отбросили всякую революционную фразеологию, к которой иногда прибегали их предшественники. Руководитель партии П. А. Ханссон утверждал, будто классовая борьба уступила место классовому сотрудничеству, а сама революция становится ненужной, так как открылся «демократический путь»[1] превращения буржуазного государства в «дом для народа»[2].

Стирая грань, отделявшую идеологию и политику этих партий от буржуазной идеологии и политики, социал-демократические лидеры ограничивали свои разногласия с буржуазными партиями конкретными практическими вопросами. Революционные течения в рабочем движении этих стран были недостаточно влиятельны, чтобы оказать серьезное сопротивление дрейфу социал-демократии вправо. В силу этого в Скандинавии утверждение социал-демократии на позициях классового сотрудничества вызвало меньшие разногласия, чем в других европейских странах.

В годы временной, частичной стабилизации капитализма социал-демократические партии Скандинавских стран приобрели опыт участия в правительстве.

С 1924 по 1926 г. правительство Швеции в третий раз возглавили социал-демократы. В результате выборов 1924 г. Социал-демократическая партия Швеции (СДПШ) впервые получила более 100 мест во второй палате риксдага.

Дважды в годы временной, частичной стабилизации капитализма приходили к власти датские социал-демократы. В 1924 г. социал-демократы Дании, собрав 40% голосов, стали крупнейшей партией страны. Лидер СДПД Т. Стаунинг сформировал первое социал-демократическое правительство (1924—1926). Однако партии крупной буржуазии, обладавшие устойчивым большинством в верхней палате

[1] *P. A. Hansson.* Vår väg till seger. Stockholm, 1935, s. 8.
[2] *S. Hadenius. o. a.* Sverige efter 1900. En modern politisk historia. Stockholm, 1968, s. 139.

парламента — ланстинге, по существу парализовали реформистскую деятельность социал-демократического правительства.

В 1927 г. Норвежская рабочая партия объединилась с Социал-демократической партией Норвегии. Новая партия сохранила название Норвежской рабочей партии (НРП). На выборах 1927 г. единая НРП получила 37% голосов[1]. В начале 1928 г. было образовано первое в истории Норвегии рабочее правительство во главе с Кр. Хорнсрюдом. Заявление правительства о желании в интересах рабочего класса и всех трудящихся «облегчить и подготовить переход к социалистическому обществу»[2] привело к финансовой обструкции со стороны буржуазии. Продержавшись 18 дней у власти, правительство Хорнсрюда пало.

Стабилизация экономики и курс социал-демократических лидеров на сотрудничество с буржуазией вызвали спад рабочего и демократического движения. К концу 20-х гг. уровень забастовочной и других форм массовой борьбы снизился.

В условиях укрепления классового господства буржуазии, реформистского влияния в скандинавском рабочем движении коммунистические партии переживали серьезные трудности.

Два тяжелых раскола пережила в эти годы Коммунистическая партия Швеции (КПШ). Перед лицом временного поражения революционного пролетарского движения в Западной Европе появились признаки растерянности и ликвидаторские настроения среди старых руководителей компартии (Хёглунд, Стрём). Хёглунд и его сторонники были склонны к абсолютизации парламентской деятельности и недооценке массовой борьбы, возражали против основных принципов организации Коминтерна. В августе 1924 г. группа Хёглунда — Стрёма вышла из Коминтерна и приняла старое название — Социал-демократическая левая партия Швеции. В 1926 г. она влилась в СДПШ. Компартию — секцию Коминтерна — возглавили К. Чильбум, Х. Силлен, О. Самюэльссон и др. Новое руководство партии быстро ликвидировало последствия раскола 1924 г., и во второй половине 20-х гг. партия добилась немалых успехов. Численность ее рядов увеличилась с 7,9 тыс. в 1925 г. до 18 тыс. членов осенью 1928 г.[3] На выборах 1928 г. компартия собрала свыше 150 тыс. голосов (6,4%) и получила 8 мандатов во второй палате риксдага, тем самым вдвое увеличив свое представительство в парламенте[4].

Партия была на пути превращения в массовую, когда ее постиг новый кризис. Период «процветания» способствовал укрепле-

[1] *H. F. Dahl.* Norge mellom krigene. Det norske samfunnet i krise og konflikt 1918—1940. Oslo, 1973, s. 62.
[2] «Norges Kommunistiske partis historie», Bind I. Oslo, 1963, s. 227.
[3] «Zenit», 1971, Nr. 23, s. 54.
[4] *K. Kilbom.* Cirkeln slutes. Ur mitt livs äventyr III. Stockholm, 1955, s. 19.

нию реформистского мышления не только у социал-демократов. Оппортунистические тенденции проявлялись и в КПШ. Секретарь партии К. Чильбум выдвинул концепцию «исключительности» шведского капитализма, отстаивая тезис о возможности эволюционного врастания капитализма в социализм[1]. Чильбумовцы отождествляли единство рабочего и профсоюзного движения с соглашением «в верхах» и с социал-демократическими лидерами. Они ослабили поддержку влиятельной левой оппозиции в профсоюзах (Комитет единства), ссылаясь на то, что деятельность Комитета вызвала недовольство реформистских профлидеров. Против такой капитулянтской позиции выступила группа Линдерута — Силлена, представлявшая марксистско-ленинское ядро партии.

Исполком Коминтерна, поддержав сторонников Линдерута, рекомендовал развернуть открытую дискуссию и провести съезд для подведения итогов этой дискуссии. Поскольку группа Чильбума — Самюэльссона не рассчитывала на поддержку большинства в открытой полемике, она пошла на раскол. В октябре 1929 г. соратники Линдерута были исключены из КПШ. Последовательные сторонники Линдерута — Силлена составили ядро коммунистической партии — секции Коминтерна.

Во второй половине 20-х гг. в Компартии Норвегии развернулась острая борьба с правым оппортунизмом. Самое тяжелое положение создалось в Компартии Дании (КПД). Лидеры партии были заражены правооппортунистическими ликвидаторскими настроениями. В 1929 г. Исполком Коминтерна в Открытом письме призвал КПД покончить с внутренним кризисом. После ухода группы лидеров партии в СДПД компартию возглавили А. Ларсен, М. Нильсен и др.

Несмотря на эти трудности, коммунистические партии Скандинавии внесли заметный вклад в укрепление рабочего движения. Наибольших успехов скандинавские коммунисты добились в профсоюзах. В Швеции заметно укрепилось влияние коммунистов в профсоюзах: за ними шла $^1/_5$ рабочих, входивших в Центральное объединение профсоюзов Швеции (ЦОПШ). КПШ имела большинство в двух крупнейших профсоюзах металлистов Гётеборга и Стокгольма. В 1929 г. по инициативе коммунистов состоялась общенациональная Рабочая профсоюзная конференция, представлявшая 100 тыс. трудящихся из 477 профорганизаций. Был создан Комитет единства, в котором руководящая роль принадлежала коммунистам[2]. Революционная оппозиция в профдвижении Дании под руководством КПД направляла свою деятельность на вовлечение новых «независи-

[1] См. *О. В. Чернышева.* Рабочее движение в Швеции накануне второй мировой войны (1929—1939 гг.). М., 1971, стр. 27.
[2] «Zenit», 1971, Nr. 23, s. 61—63.

мых» рабочих организаций в Совет датских профсоюзов, боролась за ориентацию профсоюзного движения на политику классовой борьбы. В Норвегии революционную оппозицию в профсоюзах поддерживала приблизительно третья часть из 93-тысячной армии организованных рабочих[1]. В 1927 г. в Осло революционная оппозиция оформилась политически, создав Объединенную партию рабочего класса. В организацию вошли коммунисты, беспартийные и представители левого крыла НРП.

Коммунистические партии Скандинавии вели неустанную работу по установлению дружеских контактов рабочих своих стран с первым в мире социалистическим государством.

Одним из главных завоеваний коммунистов в эти годы было упрочение их связей с массами. Хотя скандинавские коммунистические партии были сравнительно малочисленными, им принадлежала ведущая роль в организации массовых выступлений трудящихся.

В Швеции в этот период максимальные цифры забастовочных человеко-дней приходятся на 1925 г.— 2 560 тыс. и на 1928 г.— 4 835 тыс.[2] Значительными были выступления не организованных в профсоюзы рабочих. Например, в 1927 г. они составили 38% из общего числа забастовщиков[3]. В 1926 г. произошла длительная забастовка на руднике в местечке Стрипа. В 1928 г. горняки Норботтена полгода бастовали, проявляя классовую солидарность с уволенными во время локаута рабочими Средней Швеции. В том же году КПШ выступила с призывом «единый фронт против закона», предполагавшим организацию единых выступлений всех трудящихся против антирабочих законопроектов правительства Экмана. Противодействие реформистских рабочих лидеров снижало эффективность борьбы против антирабочих законопроектов. С 1 января 1929 г. они вступили в силу.

В середине 20-х гг. в Дании общее число бастовавших и локаутированных рабочих превысило 100 тыс. человек[4]. Наибольшую известность получила 16-дневная стачка транспортников, руководимых Датским союзом неквалифицированных рабочих. В результате этого конфликта был нарушен экспорт сельскохозяйственных продуктов, предприниматели вынуждены были ослабить нажим на трудящихся.

В Норвегии 1924 год был отмечен рядом крупных забастовок,

[1] См. «Международное профдвижение за 1924—1927 гг. Отчет Исполбюро IV конгрессу Профинтерна», стр. 215.
[2] «Statistisk årsbok för Sverige 1929». Stockholm, 1929, s. 227; «Statistisk årsbok för Sverige 1932». Stockholm, 1932, s. 242.
[3] «Under världspartiets fana. Teser och resolutioner antagna av Sveriges kommunistiska partis (sektion av Komintern) åttonde kongress 30 nov.— 2 des. 1929». Stockholm, 1930. s. 58.
[4] *H. Karlsson.* Dansk arbejderbevægelse 1871—1939. København, 1975, s. 28.

причиной которых явилось намерение владельцев предприятий снизить зарплату рабочих. Особое место занимали «незаконные», т. е. в нарушение коллективного договора, выступления трудящихся. В открытой борьбе с предпринимателями участвовало 63,1 тыс. рабочих. В результате локаутов и забастовок было потеряно 5,2 млн. рабочих дней[1].

В *Финляндии* в 1924—1928 гг. валовая продукция промышленности возросла на 47,7%. Реальная заработная плата промышленных рабочих, хотя и превысила довоенный уровень, была одной из самых низких в Европе.

Установив свою диктатуру в результате победы в гражданской войне, финская буржуазия не могла, однако, преодолеть страх, пережитый в период рабочей революции 1918 г.

Политическая жизнь страны была нестабильной. За первое десятилетие после революции у кормила власти побывали 14 правительств. В течение одного года (с декабря 1926 г.) у власти находилось социал-демократическое правительство во главе с В. Таннером. Как и буржуазные правительства, оно проводило политику в интересах крупного капитала, преследовало коммунистов и других участников революционного движения, расправлялось с оппозиционно настроенными членами своей партии. Во внешней политике Таннер проводил антисоветский курс.

Хотя в стране сохранялся буржуазно-демократический режим, правящие круги широко прибегали к прямому насилию против трудящихся. Оставалась запрещенной Коммунистическая партия Финляндии (КПФ), подавлялись левые тенденции в профсоюзах, в женских, молодежных, спортивных и других организациях рабочего движения.

Несмотря на преследования, КПФ успешно вела поиск новых форм работы в массах. Усилия партии по осуществлению легальной политической деятельности были перенесены в местные рабочие организации, избирательные комитеты, просветительные, спортивные и другие организации. Через них она, в частности, участвовала в издании общенациональной политической газеты «Вестник рабочих организаций», выходившей 6 раз в неделю. Был налажен выпуск иллюстрированного журнала для рабочих «Восток и Запад» и молодежного журнала «Пламя».

Политика единства действий, которую настойчиво проводила компартия, способствовала укреплению влияния профсоюзных организаций. Коммунистам удалось сохранить единый центр — Организацию профсоюзов Финляндии (ОПФ). Борьба между левым и правым течениями в нем привела к усилению влияния левых. На съезде ОПФ весной 1926 г. $^3/_4$ избранных делегатов были левыми и

[1] *E. Lorenz.* Arbeidcrbevegelsens historie. 2 del. 1930—1973. Oslo, 1975, s. 213.

лишь $^1/_4$ — социал-демократами[1], а на следующем съезде в мае 1929 г. левых поддержало уже $^4/_5$ делегатов. Одновременно происходил значительный рост числа членов единой ОПФ. Если в 1926 г. эта организация объединяла более 62 тыс. рабочих, то к 1929 г. в ее рядах насчитывалось 90 тыс. человек.

Влияние коммунистов и левых социалистических сил неуклонно расширялось. На парламентских выборах 1924 г. социалистический избирательный блок рабочих и мелких земледельцев, созданный коммунистами, собрал более 90 тыс. голосов и получил 18 мандатов. В 1927 г. этим же блоком было получено 109 тыс. голосов и 20 мест в парламенте, а в 1929 г.— свыше 128 тыс. голосов и 23 места.

Нарастали массовые выступления рабочего класса, проходившие под экономическими и политическими лозунгами. Так, в 1924—1927 гг. состоялось 220 забастовок, общее число участников которых превысило 29,6 тыс. человек. Большинство выступлений рабочего класса закончилось победой. 1927 год был ознаменован всеобщей забастовкой металлистов, начатой в ответ на объявленный предпринимателями локаут на верфи в Турку. Бастующие требовали повышения заработной платы. Борьба длилась 30 недель и окончилась победой благодаря стойкости рабочих Финляндии и интернациональной помощи трудящихся других стран. Из 8 млн. марок, полученных бастующими в помощь из-за рубежа, более половины было собрано советскими металлистами. В 1928 г. число бастующих увеличилось более чем в 2 раза по сравнению с предыдущим годом и достигло 27 тыс. человек. Особым упорством отличались крупные забастовки рабочих резиновой промышленности и портовиков. Их борьба длилась почти год. В стране множились симптомы истощения резервов капиталистической стабилизации.

РАБОЧИЙ КЛАСС В США, КАНАДЕ, ЯПОНИИ И АВСТРАЛИИ

Буржуазные круги *США* оптимистично определяли капиталистическую стабилизацию как начало эры «вечного процветания» американского капитализма. Действительно, за десятилетие (1920—1930 гг.) национальный доход США почти удвоился. В то же время реальная заработная плата рабочих фактически топталась на месте[2]. Трудящихся явно обделили плодами «просперити», созданного их трудом, хотя реальная заработная плата американских рабочих оставалась намного выше заработной платы рабочих в Западной Ев-

[1] См. «Из истории Коммунистической партии Финляндии». М., 1960, стр. 62.

[2] См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. I. М., 1970, стр. 135.

ропе. Относительно высокий уровень жизни в США широко использовался буржуазными идеологами как доказательство преимущества системы «свободного предпринимательства». Во имя защиты «свободы труда» от «покушений» профсоюзов была развернута пропаганда «открытого цеха», направленного на ликвидацию профсоюзов. Были легализованы контракты, в которых содержалось обязательство рабочих не вступать в профсоюз, активно насаждались компанейские союзы. С беспредельной жестокостью подавлялись всякие проявления социального протеста. Казнь Н. Сакко и Б. Ванцетти олицетворяла всю меру бесправия рабочего в американском обществе.

С помощью политического давления на рабочий класс правящим кругам удалось добиться резкого снижения массовой, и прежде всего забастовочной, борьбы. В 1924—1926 гг. количество стачек и число участвующих в них сократились в 3 раза по сравнению с 1918—1920 гг. И все же стачечная борьба продолжалась. Ежегодно в среднем бастовало около 500 тыс. рабочих[1].

Главной ареной классовых битв стали угольные районы. В сентябре 1925 г. бастовали 150 тыс. шахтеров антрацитных копей, протестовавших против нарушения шахтовладельцами заключенного годом раньше коллективного договора. В апреле 1927 г. началась крупнейшая стачка на угольных шахтах в десяти штатах страны.

Левое крыло Объединенного союза горняков предложило выдвинуть следующие требования: установление пятидневной рабочей недели и 6-часового рабочего дня, создание фонда помощи безработным, ликвидация арбитража. Эти требования не были поддержаны реформистскими лидерами союза горняков. Тем не менее вопреки их воле около 175 тыс. шахтеров более 15 месяцев вели забастовку за принятие этих требований[2]. В ходе стачки возникали новые низовые профсоюзы шахтеров, которые возглавили деятели левого крыла.

Угольные компании использовали в борьбе против стачечников частную полицию и штрейкбрехеров. Около 70 тыс. семей забастовщиков в разгар зимы были выселены из домов, принадлежавших шахтовладельцам. Беззакония, творимые на шахтах, всколыхнули общественное мнение. В начале 1928 г. была создана комиссия сената, обследовавшая положение в угольных шахтах. Комиссия вынуждена была признать, что в районе стачки царит террор угольных компаний, нарушаются гражданские свободы[3]. Реальная помощь бастующим не была, однако, оказана, и шахтовладельцам удалось подавить стачку.

Крупные стачки охватили текстильную промышленность, где условия труда также были весьма тяжелыми. Особенно трудным было

[1] См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. I, стр. 150.
[2] «The American Labor Year Book 1929». New York, 1929, p. 137.
[3] Ibid., p. 137—138.

положение рабочих-текстильщиков на Юге. Уровень профессиональной организации рабочих был здесь весьма низким, так как предприниматели жестоко попирали права профсоюзов. Лидеры Объединенного союза текстильщиков проводили соглашательскую политику, отказываясь от стачек. В этих условиях стачки на текстильных предприятиях, как правило, возникали стихийно и вопреки руководству профсоюза.

В 1926—1927 гг. бастовали рабочие шерстяных фабрик в Пассеике. Они требовали сохранения заработной платы, введения 40-часовой рабочей недели, признания прав профсоюза. В ходе стачки возникла новая профсоюзная организация, которая, однако, не была принята в Объединенный союз текстильщиков. Лидеры Американской федерации труда (АФТ) требовали исключить коммунистов из руководства нового профсоюза. Полиция применяла слезоточивые газы для разгона пикетчиков и митингов, более 200 рабочих были арестованы, избиты. Вице-губернатор штата запретил стачку. Но рабочие стойко держались. Газета коммунистов «Дейли уоркер» призывала «рассматривать борьбу пассеикских рабочих как свою собственную, поддержать их деньгами путем взносов в фонды помощи стачке»[1]. Под руководством левого крыла профсоюзов происходил сбор денег и продуктов, были открыты кухни для забастовщиков и их семей. Руководство АФТ также вынуждено было оказать помощь бастующим. Сопротивление фабрикантов удалось сломить: хозяева признали за рабочими право на объединение в профсоюзы и восстановили прежнюю заработную плату[2].

В 1929 г. в борьбу включились текстильщики штатов Теннесси, Южная и Северная Каролина. Особенно острый характер принял конфликт в местечке Лори. В руководстве борьбой активную роль играли коммунисты и Лига профсоюзной пропаганды. Забастовка была подавлена с помощью отрядов национальной гвардии и Американского легиона. Организаторы забастовки по ложному обвинению были преданы суду. Только митинги протеста против незаконного судебного преследования спасли лидеров забастовки от смертной казни.

Вместе с тем развитие профсоюзного движения отставало от уровня экономической борьбы трудящихся. В США успешнее, чем в других странах, осуществлялось насаждение «желтых» компанейских профсоюзов, численность которых к концу 20-х гг. достигла 1,5 млн. человек, или 40% всех организованных рабочих.

Большинство организованных рабочих было объединено в Американской федерации труда (АФТ), руководство которой находилось под буржуазным политическим влиянием. Профсоюзные лидеры взяли

[1] «Daily Worker», 14.IV. 1926.
[2] См. *И. Маркс.* История одной большой стачки в Соединенных Штатах. М.— Л., 1927, стр. 34—35.

на вооружение разработанную буржуазным экономистом Т. Карвером «высшую стратегию труда». Согласно этой концепции, профсоюзы должны стремиться к налаживанию сотрудничества рабочих и предпринимателей, которое, способствуя росту производства и повышению производительности труда, автоматически сопровождается, по утверждению Карвера, увеличением заработной платы[1]. Руководство АФТ одобрило введение на многих предприятиях принципа зависимости заработной платы от прибыльности производства. В результате переговоров предпринимателей и лидеров профсоюзов железнодорожного транспорта было достигнуто соглашение, запрещавшее стачки на железных дорогах. Это соглашение легло в основу принятого в 1926 г. закона Уотсона — Паркера.

Левое крыло профсоюзного движения представляла Лига профсоюзной пропаганды, в которой активную роль играли коммунисты. В декабре 1927 г. численность Лиги составляла 300 тыс. человек (из 3,5 млн. членов АФТ). Лига упорно противостояла соглашательскому курсу руководства АФТ. В сентябре 1928 г. в Питтсбурге был созван съезд левых профсоюзов (в нем участвовало более 700 делегатов), провозгласивший образование прогрессивного национального союза горнорабочих. В декларации съезда разоблачалась соглашательская политика лидеров АФТ и ставилась задача организации классовой борьбы шахтеров[2]. Влияние революционного течения было, однако, недостаточным для подрыва господства реформистских профсоюзных лидеров.

Поскольку в США большинство рабочих находилось под влиянием буржуазных партий, правящие круги не проявляли присущей европейской буржуазии заинтересованности в сотрудничестве с социалистами.

Лидеры Социалистической партии США (СП США) приняли буржуазную теорию «американской исключительности» и отказались от принципов классовой борьбы. На съезде СП США в 1928 г. из Устава партии был исключен пункт о том, что условием принадлежности к партии является признание классовой борьбы. В результате СП США оказалась в стороне от решения основных социальных и политических проблем, а ее влияние стремительно падало. Численность партии к концу периода стабилизации снизилась до 7 тыс. человек (против 104 тыс. в 1919 г.). На президентских выборах 1928 г. кандидат социалистической партии собрал лишь 267 тыс. голосов (0,73%) против 920 тыс. голосов (3,5%) в 1920 г. Характеризуя положение социалистической партии в годы частичной стабилизации капитализма, ее лидер М. Хилквит признавал: «Дух апатии и неуверенности сковывал наши силы»[3].

[1] AFL, Proceedings. . ., 1925, p. 35.
[2] См. «Красный Интернационал профсоюзов», 1928, № 11, стр. 453.
[3] «New Leader», 24.VIII.1929.

Мощное давление буржуазной политики и идеологии на американский рабочий класс создавало огромные препятствия на пути развития Коммунистической партии США. Идейно-организационное укрепление ее рядов осуществлялось в острой борьбе против оппортунистической группы Л. Лоре, которая выступала против реорганизации партии по территориально-производственному принципу, игнорировала роль трудящихся-фермеров как союзника пролетариата[1]. Партия вела также борьбу против оппортунистической фракции во главе с Дж. Ловстоном и Дж. Пеппером, пропагандировавшими теорию «исключительности» американского капитализма. Троцкистская группа Дж. Кеннона выступила против тактики единого фронта и требовала выхода коммунистов из реформистских профсоюзов.

В 1928—1929 гг. правые оппортунисты и троцкисты были исключены из партии, и она обрела единство. Большой вклад в борьбу против ультралевого и правого уклонов и формирование ленинского ядра партии внес У Фостер. Во второй половине 20-х гг. была осуществлена ее организационная перестройка на основе фабричных ячеек и территориальных секций. Хотя численность партии оставалась небольшой (в 1929 г. она насчитывала 14 тыс. членов), активность ее в массах повысилась. Помимо центральной газеты «Дейли уоркер», основанной в 1924 г., издавались 27 фабрично-заводских газет и журналов.

Коммунисты деятельно участвовали в организации стачек рабочих угольной, текстильной и швейной промышленности, в организации новых, прогрессивных профсоюзов, в движении за гражданские права и свободы.

Оценивая мужественную позицию коммунистов в годы капиталистической стабилизации, У Фостер писал: «Эта решительная борьба против политики классового сотрудничества АФТ. являлась одной из наиболее ярких страниц в истории Коммунистической партии Соединенных Штатов»[2].

В годы относительной стабилизации капитализма экономическое развитие *Канады* ускорилось. Изменения в технико-экономической структуре и упрочение господства монополий завершили перерастание канадского капитализма в монополистическую стадию. После кризиса и застоя 1920—1923 гг. страна вступила в полосу высокой экономической конъюнктуры. Широкая экспансия американского капитала, главным образом в форме прямых инвестиций, придала канадскому «просперити» известную односторонность, усиливая тенденцию к сырьевой специализации Канады и ее ориентации на рынок США.

[1] См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. I, стр. 179.

[2] *W. Z. Foster*. History of the Communist Party of the United States. New York, 1968, p. 247.

Экономический подъем способствовал росту занятости, но сохранялась безработица и характерные для Канады сезонные колебания спроса на рабочую силу. С американской технологией импортировались и новейшие методы интенсификации труда (фордизм).

Рабочее движение приняло оборонительный характер. Снизилась, особенно во второй половине 20-х гг., забастовочная активность, сократилась продолжительность стачек. Ежегодно в среднем проходило 80 стачек с 25 тыс. участников[1]. О характере забастовочного движения говорят причины трудовых конфликтов — против сокращения заработной платы, против «открытого цеха», за коллективный договор и признание профсоюзов.

Самым боевым отрядом рабочего класса Канады были шахтеры. В 20-х гг. на них приходилась почти половина всех участников забастовок и потерянных человеко-дней. Бастовали также печатники, швейники, докеры, лесозаготовители и др. В автомобильной, химической и ряде других отраслей массового производства, где господствовала система «открытого цеха» и предприниматели ожесточенно противились признанию профсоюзов и института коллективных договоров, стачек почти не было[2].

Организованную борьбу рабочего класса затруднял ряд объективных причин: «очаговый» характер размещения промышленных предприятий и их разбросанность на большой территории, незавершенность процесса внутренней консолидации рабочего класса, формировавшегося в значительной части из многоязычной иммиграции. К субъективным факторам следует отнести прежде всего низкий уровень организованности. В течение 20-х гг. канадское профсоюзное движение охватывало лишь около 300 тыс. членов, что составляло не более 12% армии наемного труда[3]. К тому же и эти организованные отряды рабочего класса были разобщены. Имелось множество межнациональных цеховых союзов, входивших одновременно в Американскую федерацию труда и Профсоюзный и рабочий конгресс Канады (ПРКК), католические синдикаты, объединявшие франкоканадских рабочих в Квебеке, и независимые национальные профсоюзы. Большинство организованных рабочих входило в цеховые союзы. Объединяющие квалифицированных рабочих, эти организации ограничивались рамками «делового юнионизма», были склонны к классовому сотрудничеству. Распространение изощренных методов эксплуатации, пропаганда буржуазного национализма, теории «американской исключительности» создавали почву для упрочения оппортунизма в профсоюзах и реформистских иллюзий в рабочем движении.

Потребности и задачи рабочего движения наиболее последовательно выражали Коммунистическая партия Канады (это название

[1] «Strikes and Lockouts in Canada 1969». Ottawa, 1971, p. 12.
[2] *S. M. Jamieson.* Times of Trouble: Labour Unrest and Industrial Conflict in Canada. 1900—1966. Ottawa, 1968, p. 192—213.
[3] «Labour Organizations in Canada 1970». Ottawa, 1970, p. XIII.

Рабочая партия Канады приняла на III съезде в 1924 г.) и левые силы в профсоюзном движении. КПК проделала большую работу по консолидации левого крыла в профсоюзах, пропаганде необходимости профсоюзного единства. Одновременно она доказывала преимущества производственного типа организации и важность развития независимого политического действия рабочего класса, отстаивала идею автономии канадских секций межнациональных профсоюзов. Большую роль в этой деятельности сыграла Лига профсоюзной пропаганды под руководством Т. Бака и ее газета «Лефт уинг». Эта политика упрочила влияние компартии в профсоюзах.

Положительное значение имело образование в 1927 г. Всеканадского конгресса труда (ВКТ), который объединил ряд национальных профсоюзов, провозгласил задачу организации производственных профсоюзов и необходимость деятельности на политическое поприще. Однако реформистское руководство нового профцентра не смогло обеспечить реализацию этих планов. В отличие от компартии, которая призывала к созданию единого профцентра в стране, ВКТ занимал сектантскую позицию в отношении других профсоюзных центров[1].

В первой половине 20-х гг. в Канаде начали складываться основы единого политического фронта рабочего класса. Различные местные рабочие партии и местные отделения профсоюзов, традиционно участвовавшие в избирательных кампаниях, стали координировать свою деятельность в провинциях, городах и в общенациональном масштабе в рамках федеративной Канадской лейбористской партии. Представители Коммунистической партии Канады, входившей с 1922 г. в Канадскую лейбористскую партию (КЛП), занимали видное место в провинциальных секциях КЛП в Онтарио, Британской Колумбии, Альберте и ряде других провинций. Тим Бак отмечал, что «дальнейшее укрепление этого единства привело бы к превращению организованного рабочего движения в мощную парламентскую силу»[2]. Однако начавшееся во второй половине 20-х гг. наступление на левые силы в рабочем движении Канады, гонения на коммунистов подорвали Канадскую лейбористскую партию. Правое крыло ПРКК и профбюрократы АФТ добились выхода из КЛП десятков межнациональных профсоюзов, а за ними вышли из партии умеренно центристские, социал-демократические группировки. К началу 1929 г. прекратили свое существование все провинциальные секции КЛП.

В *Японии* стабилизация капитализма привела к новой расстановке сил в правящем лагере. Начался восьмилетний период так называемого «конституционного правления», в течение которого

[1] О профцентрах см.: *О. С. Сороко-Цюпа.* Рабочее движение в Канаде (1929—1939 гг.). М., 1977, стр. 67—97.

[2] *Тим Бак.* Тридцать лет коммунистического движения в Канаде (1922—1952). М., 1954, стр. 38.

лидеры двух главных буржуазно-помещичьих партий — Кэнсэйкай и Сэйюкай поочередно становились премьер-министрами.

Однако японская буржуазия, опасавшаяся развития революционного движения, не вела последовательную борьбу против монархии. Выдвигая весьма скромную программу расширения политических свобод, буржуазные партии одновременно поддерживали реакционные монархические круги, выступавшие за ужесточение политики репрессий в отношении рабочего класса. В мае 1925 г. был принят реакционный закон об охране общественного спокойствия, который предоставлял правительству широкие полномочия для подавления рабочего и демократического движения.

Сравнительная отсталость политических условий и политика жестоких репрессий, направленных в первую очередь против революционного авангарда пролетариата, создавали серьезные трудности для развития рабочего движения. Массовые аресты и убийства коммунистов, социалистов и других активистов рабочего движения, черносотенные погромы, полицейские расправы нанесли сильный удар по рабочему движению, породили колебания и неуверенность среди части его руководителей. Пораженческие тенденции возникли и внутри Коммунистической партии Японии (КПЯ). Ее тогдашние лидеры Ямакава, Акамацу и другие выступили за роспуск компартии, образование которой они считали преждевременным, за создание вместо нее широкой легальной рабоче-крестьянской партии (ямакаваизм). В феврале 1924 г. Ямакава и его сторонники приняли решение о роспуске компартии. Революционное движение лишилось своего боевого штаба [1].

Воспользовавшись ослаблением левого течения из-за массовых арестов коммунистов и самороспуском КПЯ, правые профсоюзные лидеры перешли в наступление. В феврале 1924 г. на очередном съезде крупнейшего в то время профобъединения — Японской федерации труда (Содомэй) они предложили проект декларации «об изменении курса», в котором цели профсоюзной борьбы ограничивались узкими рамками тред-юнионизма. Правые лидеры настаивали на полном разрыве с революционным движением и изгнании из профсоюзов революционных элементов.

Против нового курса правого руководства Содомэй выступили левые профсоюзы района Кансай. Местные профсоюзы, не согласные с новым курсом Содомэй, образовали оппозиционную организацию (Какусин домэй).

В мае 1925 г. правые лидеры Содомэй, очутившись перед угрозой утраты своих позиций в руководстве, приняли решение об исключении 32 профсоюзов, примыкавших к левой оппозиции. Исключенные из Содомэй профсоюзы в мае 1925 г. создали свою организацию —

[1] «Нихон кёсанто-но 50 нэн» («50 лет КПЯ»). Токио, 1975, стр. 32 (на япон. яз.).

Японский совет профсоюзов (Хёгикай). Таким образом профсоюзное движение в Японии оказалось расколотым на два течения: правое объединение — Содомэй и левое — Хёгикай. Позже, в конце 1926 г., ряд профсоюзов, выступавших против исключений из Содомэй, но отказавшихся примкнуть к Хёгикай, вышли из Содомэй и образовали центристское объединение — Японский конгресс профсоюзов (Нихон родо кумиай домэй).

Коммунисты, поддерживавшие тесные связи с профсоюзами, выступали против раскола Содомэй, подчеркивая необходимость сохранения единства профсоюзов и мобилизации широких масс на борьбу против раскольнической политики правых.

В марте 1926 г. возникла легальная Рабоче-крестьянская партия (Родо номин то) во главе с правым руководством. Однако уже в октябре этого года Содомэй, оказавшись в меньшинстве в споре по вопросу о приеме в партию членов левых организаций (по вопросу о так называемых «открытых дверях»), вышло из Родо номин то и 5 декабря 1926 г. создало Социал-демократическую партию (Сякай минсю то). Освободившись от правых элементов, Рабоче-крестьянская партия, во главе которой стал видный ученый Ояма Икуо, приняла левую платформу и развернула активную деятельность.

В декабре 1926 г. была восстановлена Коммунистическая партия Японии. Однако в период, когда многие руководящие работники КПЯ были брошены в тюрьмы, в партии в качестве реакции на ямакаваизм возобладало левооппортунистическое течение, получившее название «фукумотоизм», по имени его основателя Фукумото Кадзуо[1].

Фукумото рассматривал революционную партию как узкое, замкнутое объединение интеллигентов, «марксистски мыслящих» людей. Принижая значение практической работы, Фукумото утверждал, будто одна лишь теоретическая деятельность, формируя подлинное «марксистское сознание», создает тем самым и революционную партию. Хотя платформы Фукумото и Ямакавы представляли различные идеологические течения, в основе их лежало неумение применить марксизм-ленинизм к японской действительности.

Большую помощь в преодолении этих уклонов оказал Коммунистический Интернационал. В июле 1927 г. Исполком Коминтерна в сотрудничестве с представителями КПЯ Ватанабэ, Токудой и Фукумото принял тезисы по японскому вопросу, которые были единодушно одобрены расширенным пленумом ЦК КПЯ в декабре 1927 г. Тезисы отвергали как ямакаваизм, так и фукумотоизм, признав эти уклоны несовместимыми с марксистско-ленинскими принципами. В тезисах указывалось, что ямакаваизм растворяет классовую партию пролетариата в профсоюзах и массовой рабоче-крестьянской партии, тогда как фукумотоизм преувеличивает значение теорети-

[1] «50 лет КПЯ», стр. 40.

ческой борьбы, недооценивает массовое революционное движение, ведет к отрыву партии от масс и к ее изоляции[1].

Тезисы положили конец внутрипартийной дискуссии и указали путь организационного и идеологического укрепления партии. В них впервые был дан марксистско-ленинский анализ особенностей японского капитализма, определен характер предстоящей революции как буржуазно-демократической с тенденцией быстрого перерастания в социалистическую. Главными задачами первого этапа революции назывались демократизация японского государства, упразднение монархии, проведение аграрной реформы и т. д.

Вооруженная программой действий, КПЯ приступила к перестройке своей организации по производственному принципу, созданию партийных ячеек на промышленных предприятиях, в учреждениях и университетах, активизации работы среди организованных рабочих, в крестьянских союзах, организациях студенчества и интеллигенции. В феврале 1928 г. был основан нелегальный орган ЦК КПЯ газета «Сэкки» («Красное знамя»).

В феврале 1928 г. в Японии состоялись первые всеобщие выборы. Находясь на нелегальном положении, коммунистическая партия не могла участвовать в широкой кампании от своего имени, но она опиралась на Рабоче-крестьянскую партию, на поддержку профсоюзов, женских, молодежных, творческих организаций, находившихся под влиянием КПЯ. В избирательной кампании коммунистическая партия выступала с программой, предусматривавшей ликвидацию монархии и установление демократической республики, предоставление избирательных прав всем мужчинам и женщинам старше 18 лет, свободы слова, печати, собраний и организаций, установление 8-часового рабочего дня, ликвидацию частной собственности на крупные землевладения, борьбу против угрозы империалистической войны, предоставление независимости японским колониям и т. д.[2]

Несмотря на сложную обстановку, пролетарские партии добились известных успехов на выборах. Из 500 тыс. голосов, поданных избирателями за 8 левых партий, выставивших своих кандидатов, 200 тыс. голосов получила Рабоче-крестьянская партия.

Разумеется, 4,7% общего количества голосов, полученных всеми рабочими партиями, не могли существенно подорвать позиции буржуазных партий в парламенте. Однако необычайная политическая активизация трудящихся вызвала чувство страха у господствующих классов, и они вновь прибегли к широким репрессиям. 15 марта 1928 г. правительство Танаки провело по всей стране массовые аресты коммунистов и сочувствующих им лиц. Было арестовано более 1000 человек. Были запрещены Рабоче-крестьянская партия,

[1] См. *И. И. Коваленко.* Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. М., 1979, приложение, стр. 231, 233.
[2] «50 лет КПЯ», стр. 47.

Японский совет профсоюзов, Коммунистический союз молодежи и другие организации, находившиеся под влиянием КПЯ. В июне 1928 г. специальным императорским указом закон об охране общественного спокойствия был дополнен такими мерами наказания за принадлежность к компартии, как смертная казнь и пожизненное тюремное заключение. Была учреждена политическая тайная полиция. Эти меры нанесли тяжелый удар рабочему и демократическому движению в стране.

Рабочий класс *Австралии* формировался из английских переселенцев. Господствующее положение в рабочем движении занимала Австралийская лейбористская партия (АЛП). Рабочее движение испытывало также влияние политической эмиграции, с которой в страну проникали идеи научного социализма.

В 1922 г. образовалась Коммунистическая партия Австралии (КПА). В период стабилизации коммунисты вели трудную работу по революционному воспитанию трудящихся. КПА поддержала инициативу профсоюзов, направленную на сплочение рабочего класса вокруг требований об увеличении зарплаты, сокращении рабочего дня, улучшении условий труда.

Выступая против цеховой разобщенности профсоюзного движения, против синдикализма и реформизма, КПА вела энергичную борьбу за создание единого профцентра австралийских трудящихся. В 1927 г. на Всеавстралийском конгрессе профсоюзов конституировался Австралийский совет профсоюзов (АСП), объединивший около 400 тыс. человек[1]. В руководство АСП вошли левые лейбористы и коммунисты. Создание АСП привело к слиянию отдельных мелких профсоюзов на производственной основе, к созданию единых отраслевых профорганизаций, к росту организованности трудящихся. Но в исполкоме АСП господствующее положение занимали реформистские лидеры. В профдвижении оформилось и революционное меньшинство (в 1928 г. оно насчитывало 130 тыс. человек), примкнувшее к Профинтерну.

Коммунисты играли активную роль в проведении акций международной солидарности трудящихся. В Австралии была создана организация «Помощь узникам международной классовой войны».

Однако успехи партии были еще скромны. Трудности усугублялись и необходимостью вести борьбу с группой Дж. Каванага, которая выступила против самостоятельной политической линии компартии в массовых организациях трудящихся и проповедовала теорию «исключительности» Австралии. На IX съезде КПА в декабре 1929 г. Дж. Каванаг и его сторонники потерпели поражение. В руководстве партии оформилось марксистско-ленинское ядро во главе с Дж. Б. Майлсом, Л. Шарки, Р. Диксоном.

[1] См. «Профсоюзы Австралии и стран Океании». М., 1967, стр. 13.

ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

В годы временной, частичной стабилизации капитализма продолжало развиваться движение международной пролетарской солидарности. Его осью была поддержка и защита первого в мире социалистического государства. Растущее понимание международным пролетариатом всемирно-исторического значения созидательной деятельности советского рабочего класса было могучим стимулом развития движения интернациональной солидарности[1].

Во второй половине 20-х гг. акции пролетарской солидарности приняли подлинно всемирные масштабы.

Мировой пролетариат оказал активную поддержку национально-освободительной борьбе китайского народа в период революционного подъема в 1925—1927 гг. В Англии на съезде тред-юнионов в сентябре 1925 г. была принята резолюция с требованием вывода английских войск из Китая. В сентябре 1926 г. трудящиеся Лондона провели митинг, единодушно потребовав прекращения военных действий английских властей в Китае. В январе 1927 г. Коммунистическая партия Великобритании, разоблачая политику английского правительства в Китае, призывала рабочих расширить сеть комитетов «Руки прочь от Китая!» и добиваться отзыва вооруженных сил интервентов. Трудящиеся Лондона на митинге 14 февраля 1927 г. потребовали «немедленного вывода вооруженных сил Англии с территории и из территориальных вод Китая...»[2].

22 марта 1927 г. в Париже участники митинга приняли воззвание к французским солдатам и морякам. «Китайские революционеры,— говорилось в воззвании,— ваши товарищи по борьбе! Братайтесь с ними против вашего общего врага — империализма! Будьте начеку против интервенции империализма в Китае!»[3] 1 марта 1927 г. о солидарности с китайской революцией заявила Унитарная всеобщая конфедерация труда Франции, выразившая протест «против агрессии объединившихся империалистов Европы и Америки, против нарушения неприкосновенности китайской территории».

Манифестация против действий английского империализма в Китае состоялась 17 апреля 1927 г. в Гамбурге. С воззванием к международному пролетариату 15 апреля 1927 г. обратился Профинтерн. Воззвание заканчивалось призывами: «Требуйте вывода войск из Китая! Да здравствуют рабочие Шанхая! Да здравствует китайская революция!»[4]

[1] Подробнее об этом см. главу первую данного тома.
[2] «Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью (1925—1927)». М., 1959, стр. 133, 268, 309, 312.
[3] Там же, стр. 320, 321, 332.
[4] Там же, стр. 357.

Широкое движение пролетарской солидарности развернулось в связи со всеобщей забастовкой 1926 г. в Англии. Еще за две недели до стачки Профинтерн предложил Амстердамскому интернационалу профсоюзов организовать совместные действия в поддержку английских шахтеров. После отказа лидеров Амстердамского интернационала Профинтерн предложил Генсовету британских тред-юнионов проявить инициативу созыва «международного совещания всех рабочих профессиональных организаций, желающих оказать помощь горнякам»[1].

Но и это предложение не нашло поддержки. Между тем помощь мирового пролетариата могла бы стать, учитывая упорное сопротивление английской буржуазии, одним из важнейших условий победы борющихся шахтеров. Это понимали и лидеры английских профсоюзов. Генсовет Британского конгресса тред-юнионов уже в начале забастовки обратился к Амстердамскому интернационалу профсоюзов с просьбой о «любой возможной помощи — финансовой и другой». В послании подчеркивалось: «Особенно важно сделать все, чтобы помешать экспорту и погрузке угля на британские корабли»[2]. Но МФП фактически ограничилась переводом Генсовету тысячи фунтов стерлингов.

Амстердамский интернационал профсоюзов своей позицией облегчил Генсовету Британского конгресса тред-юнионов принять решение о прекращении стачки. Как только это решение было принято, МФП заявила о прекращении интернациональных сборов в пользу английских трудящихся. Вопрос о помощи горнякам, продолжавшим единоборство с предпринимателями еще в течение семи месяцев, МФП передала на рассмотрение своей международной секции профсоюзов горняков. Помощь эта оказалась весьма незначительной — около 3,5% всех интернациональных поступлений в фонд английских шахтеров. Остальные суммы были собраны трудящимися различных стран по инициативе революционных профсоюзов[3].

Иную позицию в отношении всеобщей стачки в Англии заняли революционные профсоюзы. Еще до начала забастовки, 30 апреля 1926 г., Профинтерн призвал примыкающие к нему национальные секции начать движение солидарности с английскими горняками. Профинтерн выдвинул лозунг: «Ни одного килограмма угля в Англию!»[4]

Всеобщую стачку в Англии активно поддержали компартии и революционные профсоюзы других стран. Секции Коминтерна пропагандировали необходимость организации всемирной помощи анг-

[1] «Красный Интернационал профсоюзов», 1926, № 5, стр. 724.
[2] *П. В. Гурович.* Всеобщая стачка в Англии 1926 г., стр. 185—186.
[3] Подробнее о помощи советского рабочего класса см. главу первую данного тома.
[4] См. «Красный Интернационал профсоюзов», 1926, № 5, стр. 724.

лийским рабочим, предлагали реформистским организациям выступить единым фронтом в защиту английских горняков.

В авангарде движения солидарности шел советский рабочий класс. Выступления солидарности с горняками Англии состоялись во Франции, Германии, Бельгии, Чехословакии и других странах Европы. Сбор средств в пользу стачечников проводили трудящиеся США, Индии, Китая. В Японии движение солидарности с английскими горняками поддерживали объединение левых профсоюзов, а также союз горнорабочих и съезд профсоюзов Восточной Японии.

В адрес Генерального совета тред-юнионов из разных стран шли телеграммы с сообщениями о посылке денег и о других мерах в поддержку всеобщей забастовки в Англии. Газета «Лейбор мансли» писала впоследствии: «Казалось, что боевой лозунг рабочего класса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» переведен на практический язык и стал фактом»[1]. Исполком Коминтерна подчеркивал большую значимость международной помощи английской стачке. Новый опыт закрепил уже сложившиеся раньше формы выступлений пролетарской солидарности, подтвердил их важность не только в условиях революционного подъема, но и в условиях временного отлива революции. С особой отчетливостью в этом движении выявился и новый важнейший фактор пролетарской солидарности: трудящиеся СССР выступили как верный союзник мирового пролетариата в его борьбе против наступления капитала.

Показателем укрепления пролетарской солидарности стало движение в защиту Н. Сакко и Б. Ванцетти. Массовые выступления против несправедливого приговора классового суда США состоялись в СССР, Канаде, Англии, Германии, Франции, Швеции, Латинской Америке. Трудящиеся Англии в августе 1927 г. провели 158 демонстраций и митингов протеста. В Берлине перед посольством США в течение нескольких дней трудящиеся Германии выражали свое негодование по поводу готовящегося злодеяния. Тысячи возмущенных людей осаждали посольства и консульства США в других столицах мира[2]. Казнь Сакко и Ванцетти вызвала волну возмущения трудящихся во всем мире, повсюду проходили траурные митинги. «Негодование против американских провокаторов и палачей,— говорилось в журнале «Коммунистический Интернационал»,— достигло такой высоты и такого напряжения, что оно захватило широчайшие круги населения, и в целом ряде стран движение приняло воистину всенародный характер»[3].

Выступления международного пролетариата против наступления реакции были тесно связаны с борьбой против военной опасности.

[1] «Labour Monthly», July 1926, p. 441.
[2] См. «Международная солидарность трудящихся в борьбе с наступлением реакции и военной опасностью», стр. 428—438.
[3] «Коммунистический Интернационал», 1927, № 35, стр. 8.

В 20-х гг. еще не сложились условия, для того чтобы исключить войну из жизни общества. Тем не менее с возникновением первого социалистического государства, которое отныне противостояло капиталистическому миру и проводило политику мирного сосуществования, борьба за мир приобрела качественно новый характер. Крепнущее коммунистическое движение становилось важной силой, последовательно выступавшей против военной опасности. Борьбу рабочего класса против угрозы войны коммунисты неразрывно связывали с борьбой в защиту первой страны социализма, с поддержкой национально-освободительного движения в колониях.

Особое внимание борьбе против опасности империалистических войн было уделено на VI конгрессе Коминтерна[1]. Конгресс призвал коммунистов организовать борьбу масс против военной опасности, связывая ее с повседневными требованиями рабочего класса, координировать антивоенные революционные выступления в отдельных странах, придать международный характер борьбе против угрозы империалистической войны. Конгресс заявил, что борьба против военной угрозы неотделима от защиты Советского Союза. VI конгресс постановил ежегодно отмечать 1 августа как день борьбы против опасности империалистической войны.

Заслуга VI конгресса Коминтерна состояла в том, что он выдвинул задачу мобилизации масс в целях предотвращения угрозы империалистической войны, положив в основу антивоенного движения идею единого рабочего фронта. В отличие от социал-демократов, целиком полагавшихся на пацифистские декларации буржуазно-демократических правительств и деятельность Лиги наций, коммунисты видели возможность предотвращения войны в возрастании мощи страны социализма, в массовой антивоенной борьбе, в сплочении всех социалистических и антиимпериалистических сил. Коммунисты неразрывно связывали идею предотвращения войны с защитой Советского Союза, оплота мира и социализма.

В годы частичной стабилизации капитализма борьба рабочего класса против военной опасности еще не получила достаточно широкого размаха ввиду раскола рабочего движения. Но уже в эти годы коммунистическими партиями был накоплен важный позитивный опыт по организации антивоенных выступлений пролетариата в отдельных странах.

В 1927 г. усиление антисоветских провокаций со стороны Англии и других империалистических держав вызвало массовые демонстрации и митинги протеста. Во многих странах возникло движение друзей СССР. В ноябре 1927 г. по случаю празднования десятилетия Октябрьской революции в Москве был созван конгресс друзей СССР. В нем приняли участие 957 делегатов из более 30 стран мира. Значительное число делегатов (22%) были социал-демократическими рабо-

[1] «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», вып. 2.

чими. Участники конгресса приняли Воззвание против империалистической войны. Они обратились к трудящимся с призывом отстаивать завоевания Октября и защищать СССР — оплот социализма. Собравшиеся заявили, что трудящиеся всего мира будут рассматривать войну против СССР как преступление против человечества [1].

В соответствии с решением VI конгресса Коминтерна в 1929 г. коммунисты начали подготовку к проведению первого международного дня борьбы против опасности империалистической войны. В мае 1929 г. в Брюсселе состоялась конференция 13 коммунистических партий. Она назначила проведение международной антивоенной кампании на 1 августа текущего года. X пленум ИККИ (июль 1929 г.) подчеркнул, что это международное выступление рабочего класса должно быть тесно связано с экономической и политической борьбой рабочего класса, иметь революционную направленность [2].

1 августа 1929 г. выступления рабочего класса против империалистической войны и в защиту СССР успешно прошли в ряде стран, положив начало международным кампаниям трудящихся за предотвращение империалистической войны. Они были направлены также в защиту Советского государства. В основу нового движения была положена идея единого рабочего фронта. Антивоенные выступления второй половины 20-х гг. показали, что стремление непосредственно связать антивоенную борьбу с задачей свержения господства капитала суживало возможности вовлечения масс в антивоенное движение. По самой своей сути борьба против угрозы войны требовала не только выступлений пролетарского авангарда, но и сплочения самых различных слоев трудящихся и непролетарского населения, выдвижения более широких лозунгов, близких и понятных тем слоям населения, которые еще сохраняли верность буржуазным порядкам, старому строю. К этому выводу международное коммунистическое движение пришло позднее. Но чтобы сделать этот вывод, необходимо было приобрести определенный практический опыт. В этом смысле антивоенные выступления пролетарского авангарда во второй половине 20-х гг. проложили курс к последующему этапу более широкого демократического движения борьбы за мир.

[1] См. «Правда», 13 ноября 1927 г.

[2] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 308.

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА И УГРОЗЫ ВОЙНЫ

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929—1933 гг. И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Мировой экономический *кризис 1929—1933 гг.* проложил глубокую межу в экономическом и социально-политическом развитии капиталистического мира. По силе своего влияния на все стороны общественной жизни, на всю систему классовых и межгосударственных отношений он не имел себе равных в истории капитализма. Внутренние противоречия в капиталистических странах резко обострились, вызвав поляризацию социально-политических сил.

Необычайные глубина и разрушительные последствия кризиса 1929—1933 гг. объясняются рядом причин. Главнейшая из них состояла в том, что он разразился в условиях общего кризиса капитализма. Победа Великой Октябрьской социалистической революции подорвала устои капитализма, который перестал быть единственной и всеохватывающей системой мирового хозяйства. Уже одним своим существованием первое в истории социалистическое общество создавало мощную материальную и моральную опору для международного рабочего класса, народов колониальных и зависимых стран в их борьбе против капиталистической эксплуатации и угнетения.

К числу важных особенностей экономического кризиса 1929—1933 гг., которые непосредственно влияли на условия классовой борьбы, должны быть отнесены его необычайная глубина, универсальность (кризис поразил все капиталистические страны и все сферы экономики) и продолжительность. Даже после того как нижняя точка кризиса была пройдена, падение производства не перешло в устойчивый подъем. Депрессия 30-х гг. была прервана лишь бумом военного производства накануне второй мировой войны.

Говоря о конкретных проявлениях кризиса 1929—1933 гг. в различных отраслях капиталистической экономики, оправданно сравнить его с пандемией разрушения. Материальный ущерб, нанесенный кризисом развитию производительных сил капиталистического мира за какие-нибудь 2—3 года, достиг колоссальных размеров. Он исчислялся многими сотнями миллиардов долларов, что намного превышало сумму материального ущерба, причиненного человечеству первой мировой войной[1]. Экономика многих стран была

[1] См. «XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет». М., 1934, стр. 4.

отброшена к уровню первого десятилетия XX и даже конца XIX в.[1] С 1929 г. индекс промышленной продукции (1913 г.=100) упал к низшему уровню 1932 г. в США со 182,6 пункта до 81,2, в Англии —со 104,4 до 70,7, в Германии — со 108,3 до 51,8, во Франции — со 144,0 до 92,0[2]. Банковская система была ввергнута в состояние полного хаоса, вызванного волной крахов. Международный валютный кризис подорвал финансовое положение капиталистических стран. Промышленный кризис слился с кризисом аграрным, усилилась борьба за рынки сбыта, обострились межимпериалистические противоречия. Огромных размеров достигла безработица. По явно заниженным данным Международного бюро труда Лиги наций, армия безработных насчитывала 30 млн. человек. Огромные массы рабочих были заняты неполную рабочую неделю.

Влияние безработицы на положение занятой части рабочего класса было поистине катастрофическим. Страх потерять работу, увидеть своих детей умирающими с голоду, преследовавший трудящихся, облегчал капиталистам проведение политики наступления на позиции рабочего класса. Эксплуатация наемного труда усилилась многократно. Производственный травматизм, число смертельных случаев в результате аварий и катастроф на предприятиях возросли. Резко упали номинальная заработная плата и реальные доходы занятых на производстве рабочих — в отдельных странах соответственно на 40 и 50% докризисного уровня[3]. Получили распространение (даже в таких высокоразвитых странах, как США) долговая кабала и другие докапиталистические формы эксплуатации, выплата зарплаты особыми купонами или бонами на получение продовольствия в лавках компаний и т. д.

Опоясывающие целые кварталы очереди безработных за чашкой благотворительного кофе или тарелкой супа, эпидемии, голод (при наличии огромных нереализованных запасов продовольствия), массовая миграция, обезлюдевшие города и рабочие поселки, колонии бездомных людей, обитавших в жалких лачугах и добывавших себе пропитание на городских свалках, милостыней, проституцией и воровством, принудительная распродажа «с молотка» имущества фермеров, разорение городской мелкой буржуазии, сельского населения, стремительный рост всех видов задолженности, физическое истощение, болезни и полуголодное существование, разбитые судьбы и искалеченные души — вот что скрывалось за сухими цифрами о всеобщем падении производства, свертывании торговли, потрясениях

[1] См. *Е. С. Варга.* Современный капитализм и экономические кризисы. Избранные труды. М., 1962, стр. 38—39.
[2] См. там же, стр. 38.
[3] См. *Е. С. Варга.* Избранные произведения. Экономические кризисы. М., 1974, стр. 264, 265, 268; *В. Л. Мальков.* Рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса. 1929—1933. М., 1961, стр. 66, 67 и др.

валютно-финансовой системы, увольнениях, росте интенсификации труда и т. д. Абсолютное обнищание пролетариата стало явлением общим для всех капиталистических стран.

Невиданных масштабов достигло разорение мелких собственников в городе и деревне, огромные тяготы легли на плечи интеллигенции, служащих.

Вместо обещанных перманентной эры процветания и «классовой гармонии» капиталистический мир столкнулся с небывалой хозяйственной разрухой и резким обострением противоречий между трудом и капиталом, усилением классовой борьбы.

Годы экономического кризиса 1929—1933 гг. стали начальной фазой нового подъема международного рабочего движения, периодом перегруппировки сил, проверки новых форм и методов массовой борьбы, организационного и идейно-политического укрепления рабочих организаций, пробуждения к творческой активности целых пластов трудящихся масс, вчера еще пассивных, политически нейтральных. В угнетенных и зависимых странах вновь высокой волной поднималось национально-освободительное движение.

Особенности массового рабочего движения в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. во многом были связаны с тем, что в условиях резкого усиления наступления капитала на экономические и социальные права трудящихся, безудержного роста безработицы многократно возросли трудности, с которыми приходилось сталкиваться организаторам и участникам забастовок. Жизнь, однако, опровергала тезис реформистов о том, что во время экономического спада существуют непреодолимые преграды для организации таких выступлений. Несмотря на трудности, забастовочное движение не затухало, хотя и носило преимущественно оборонительный характер. Главными лозунгами борьбы трудящихся стали требования о прекращении снижения зарплаты и увольнений. За три года кризиса в 15 крупнейших капиталистических странах произошло 18 794 стачки, в которых участвовало 8 515 100 человек[1].

Значение важнейшего политического фактора в годы кризиса приобрела борьба безработных. Никогда прежде она не достигала такого огромного размаха, не принимала столь организованного и целеустремленного характера. Свою роль здесь сыграли не только условия нищенского существования трудового населения, но и самоотверженная работа левых сил, и прежде всего коммунистов, по мобилизации масс на борьбу с безработицей и ее социальными последствиями. Даже там, где компартии были малочисленными, с самого начала кризиса они сумели возглавить это великое движение против нищеты и голода. Благодаря этому оно развивалось по восходящей линии, с каждым годом все сильнее воздействуя на политическую

[1] См. *К. К. Ширия*. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.). М., 1979, стр. 18.

обстановку в капиталистическом мире. Сами лозунги и требования движения безработных — борьба за хлеб, за пособия, за социальное страхование по безработице, против выселений, за организацию общественных работ и т. д.— имели не локальный, не частный характер, а характер общенациональный, классовый, придавая особое звучание каждому мало-мальски крупному выступлению[1]. Исключительно важную роль движение безработных играло в таких странах, как США, Англия, Германия, Канада, Франция, Австрия, Польша, Голландия.

В начале февраля 1930 г. на конференции в Дюссельдорфе представители западноевропейских коммунистических партий предложили объявить 6 марта 1930 г. Международным днем борьбы с безработицей. Призыв коммунистов нашел горячий отклик в массах. В назначенный день на улицах и площадях промышленных городов Европы и Америки состоялись многотысячные демонстрации и митинги безработных, показавшие, что рабочий класс не намерен и не будет мириться с политикой правящих классов, стремившихся переложить всю тяжесть кризиса на плечи трудящихся[2].

Международный день борьбы с безработицей послужил сигналом для развертывания новых массовых выступлений. Компартии повсеместно создавали организации безработных, которые руководили борьбой на местах, проводили съезды представителей этих организаций. Массовые голодные походы и демонстрации стали распространенной и весьма действенной формой движения безработных. Каждый день промышленные города и рабочие поселки капиталистических стран становились свидетелями бурных выступлений масс, которые требовали от властей помощи, протестовали против выселения из квартир, уменьшения пособий по безработице, унизительных процедур проверки нуждаемости и т. д.

Важная роль в выработке организационных принципов, приемов и методов борьбы принадлежала Пражской конференции представителей коммунистических партий Франции, Англии, Германии, Чехословакии, Австрии, Польши, Голландии, Скандинавских стран, Дании и Болгарии (август 1931 г.). Конференция обсудила вопрос о движении безработных, вскрыла недостатки в деятельности компартий и, исходя из накопленного опыта, выступила с рядом рекомендаций. Ведущим лозунгом движения провозглашалась борьба за создание всеохватывающей и эффективной государственной системы социального страхования по безработице за счет капиталистов. Специально было оговорено, что эта система должна быть распространена и на те элементы мелкой буржуазии, которые оказались полностью лишен-

[1] См. «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. III. М., 1933, стр. 170.

[2] «L'Humanité», 7, 8.III, 1930; «Die Rote Fahne», 8.III.1930.

ными средств к существованию в результате экономического кризиса [1].

На фоне краха капиталистической экономики, нищеты и пауперизации миллионов тружеников, обострения классовых антагонизмов и классовой борьбы в странах капитала особенно впечатляющими были успехи Советского Союза. В великих свершениях созидателей социализма, в кратчайший срок превративших нищую, обескровленную войнами и хозяйственной разрухой страну в передовую промышленную державу, была воплощена мечта человечества. Это вынуждены были признать даже далекие от марксизма рабочие лидеры. Рабочую печать всего мира обошло заявление известных деятелей английского лейбористского движения Сиднея и Беатрисы Вебб, побывавших в Советском Союзе в июне 1932 г. «На нас произвело самое сильное впечатление,— говорилось в нем,— всеобщее чувство оптимизма, в наши дни неизвестное в других странах, замечательный дух деятельности, который преображает облик Советской России, и высокая степень единства в помыслах и деяниях» [2].

Выявление преимуществ реального социализма укрепляло уверенность трудящихся капиталистических стран в необходимости революционной перестройки общества. Мужественный сын американского рабочего класса Том Муни писал в редакцию московской газеты «Труд»: «По мере того как мировой капитализм опускается все глубже в трясину порождаемых им самим бедствий, коррупции и безжалостной эксплуатации трудящихся, вы, победители царской тирании, строители лучшего мира, принеся невероятные жертвы и выдержав битвы, сделали возможными великие успехи социалистического строительства в Советском Союзе, которые стали величественным и вдохновляющим примером для всех рабочих. Вы укрепили надежды мирового пролетариата. Нас разделяет огромное расстояние, но дистанция не может служить непреодолимой преградой — наша борьба носит всемирный характер. Я с вами душой и сердцем. Я стою рядом с вами во всех ваших битвах. Я радуюсь успехам вашей социальной революции. Я с вами безоговорочно и без колебаний» [3].

В ходе борьбы за свои насущные интересы трудящиеся повсеместно встречались с ужесточением охранительной политики буржуазии. Меры репрессивного характера подкреплялись необузданной пропагандистской кампанией с использованием всех новейших средств и приемов обработки массового сознания в духе воинствующего антирадикализма, антикоммунизма и «классового сотрудничества». Ограничения политических свобод и полицейский террор сочетались с разжиганием национальной розни, реваншистских и шовинистических настроений. Активизировался необычайно разбухший аппарат на-

[1] «International Press Correspondence», vol. 11, N 48 (10th. Spt. 1931), p. 884; vol. 11, N 56 (30th. Oct. 1931), p. 1003—1018.
[2] «International Press Correspondence», vol. 12, N 30 (7th July 1932), p. 620.
[3] «Labor Defender», November 1931, vol. VII, N 11, p. 207.

силия диктатуры буржуазии, опиравшийся на многочисленные «добровольческие» военизированные формирования «бдительных», «патриотов» и т. д.

В Германии с лета 1932 г. рейхсвер открыто вмешивался в обострявшиеся классовые конфликты, угрожая обрушить железный кулак на участников революционных выступлений[1]. Под предлогом борьбы с «красной опасностью» 20 июля 1932 г. Берлин был объявлен на осадном положении, а генералу рейхсвера Рундштедту была вручена вся исполнительная власть в городе, где вот-вот могла вспыхнуть всеобщая забастовка. Президент США Гувер подавление мятежных выступлений масс силой оружия возвел в принцип государственной политики. Судебно-полицейская машина Третьей республики во Франции еще в 1929 г. обрушила град репрессий на компартию, вынудив ее перейти на полулегальное положение[2]. «Национальное» правительство в Англии провело через парламент ряд законов, урезывающих свободу печати. В Канаде консервативное правительство Беннета пошло значительно дальше и в 1931 г. заточило в тюрьму руководителей компартии, сама же партия была объявлена вне закона. Одним из первых декретов буржуазной республики, пришедшей в 1931 г. на смену монархии в Испании, было принятие ряда антидемократических законов, в том числе ограничивающих свободу профсоюзов и регламентирующих право на стачку[3].

Стремительно изменившиеся условия, обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов, наступление капитала на завоеванные ими гражданские права и свободы вызывали не только заметную активизацию масс, но и политизацию их требований и лозунгов. Экономическая и политическая борьба трудящихся против наступления капитала в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. всколыхнула рабочее движение во всех странах буржуазного мира. Это был сложный период избавления от укоренившихся иллюзий и предрассудков, период собирания сил на платформе классовой борьбы, проверки дееспособности партий и профсоюзов, новых форм и методов борьбы, идейных программ и лозунгов. С точки зрения накопления опыта он дал очень много.

Традиционно экономический кризис, приводя к обесценению основного капитала, создавал основу для его обновления и нового циклического подъема производства. В 30-х гг. такой механизм автоматического выхода капиталистической экономики из кризиса дал сбой. В финансово-промышленных кругах капиталистических стран, среди буржуазных политиков завоевывали все большую популяр-

[1] См. *Д. С. Давидович.* Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы. М., 1971; *Л. И. Гинцберг.* Тень фашистской свастики. Как Гитлер пришел к власти. М., 1967.

[2] См. *Ю. И. Рубинский.* Тревожные годы Франции. М., 1973, стр. 157, 158.

[3] См. «Проблемы испанской истории». М., 1971, стр. 43.

ность идеи усиления вмешательства буржуазного государства в хозяйственную жизнь, макроэкономического регулирования и «социальной ответственности» правительства за судьбы своих граждан, преподносимые буржуазными идеологами в качестве спасительного средства от полной катастрофы.

Государство, указывал В. И. Ленин, всегда воздействовало на процессы хозяйственной жизни и никогда не было пассивным в отношении защиты интересов господствующего класса[1]. Годы «великой депрессии» стали началом качественно нового этапа в развитии государственно-монополистических тенденций в странах капитала. В разных странах они выявляли себя в различных формах и с неодинаковой силой. Но суть повсюду была одна: стремление вернуть капитализму утраченную устойчивость, продлить его существование путем приспособления к новым реальностям в сочетании с мерами «социального умиротворения». И в этом отношении разнообразие методов и приемов было самым широким — от либерального реформаторства до установления тоталитарной, фашистской диктатуры. Во многих странах господствующие классы отдавали предпочтение промежуточным формам.

Все острее давали себя знать кризис «верхов», метания буржуазии, утратившей точку опоры, терявшей веру в созданные ею же самой государственные институты, партии, нормы права и морали, теории. Монополистическая буржуазия стремилась найти выход из кризиса на путях насильственного разрешения всех основных противоречий как внутри страны, так и на международной арене, т. е. на путях войны и фашизма[2].

Сильнейший пароксизм кризиса буржуазной демократии, реакционного преобразования всех ее политических институтов подготовлялся давно. Развитие империализма и общего кризиса капитализма сделали буржуазию особенно склонной к авторитарным методам сохранения своего господства. Прежние, традиционные формы управления обществом становились в ее глазах не эффективными, даже опасными. «Буржуазия вынуждена восставать против творения своих собственных рук,— говорил П. Тольятти в лекциях о фашизме, прочитанных в Москве в августе 1935 г.,— поскольку то, что прежде представляло для нее элемент развития, ныне становится помехой для сохранения капиталистического общества»[3].

В целом развитие *фашизма в Западной Европе* носило волнообразный характер, с чередованием подъемов и спадов. Первая

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 369.
[2] См. «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. III, стр. 163.
[3] *П. Тольятти.* Лекции о фашизме. М., 1974, стр. 10; см. также: *Н. П. Комолова, Г. С. Филатов.* Пальмиро Тольятти — выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического движения.— «Новая и новейшая история», 1980, № 4, стр. 89, 90.

волна пришлась на 1919—1923 гг. В период относительной стабилизации капитализма экспансия фашизма хотя и не прерывалась, но проходила в большинстве стран в менее открытой форме. Вторая волна фашизма поднялась в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., причем самым мощным катализатором процесса фашизации на континенте стала узурпация фашизмом власти в Германии в январе 1933 г.[1]

Фашистское движение в той или иной форме, в тех или иных масштабах охватило весь капиталистический мир. В условиях усилившейся нестабильности капиталистической системы буржуазная реакция делала ставку на фашизм, с тем чтобы упредить нарастание сил социалистической революции. При всей специфике фашизма в отдельных странах и регионах, несхожести путей развития и методов завоевания власти фашизм по самой своей сути повсюду имел единую классовую основу. На ранних стадиях фашизм популяризовал себя как движение «снизу» и даже как антикапиталистическое движение, с помощью крикливых обещаний, театральных эффектов и шовинистической пропаганды сманивая на свою сторону широкие мелкобуржуазные слои, деклассированные элементы, молодежь, рядясь в тогу борца за интересы «униженных и оскорбленных», демагогически связывая идею нации с идеей класса[2]. Достигнув своей цели, фашизм сразу же раскрывал свой классовый характер как власть наиболее реакционно настроенной крупной монополистической буржуазии и связанных с ней кругов.

В противоположность социал-демократическим теоретикам и троцкистам, видевшим в фашизме либо бунт взбесившегося от экономических тягот мелкого собственника[3], либо нечто эпизодическое и быстро преходящее, Коминтерн еще задолго до прихода Гитлера к власти распознал и раскрыл классовую природу этого явления, рассматривая его прежде всего как порождение империалистической реакции, как орудие монополистического капитала.

Программа Коминтерна, принятая VI конгрессом, констатировала: «Комбинация социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистской агрессивностью в сфере внешней политики являются характерными чертами фашизма. Используя в особо критические для буржуазии периоды антикапиталистическую фразеологию, фашизм, упрочившись у руля государственной власти, все более обнаруживает себя как террористическая диктатура крупного капитала, теряя по дороге свои антикапиталистические побрякушки»[4].

[1] См. «История фашизма в Западной Европе». М., 1978, стр. 8, 9.
[2] См. «Рабочий класс и современный мир», 1973, № 4, стр. 146.
[3] См. *Л. Б. Москвин.* Рабочий класс и его союзники. М., 1977, стр. 91.
[4] «VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет», вып. 6. М.— Л., 1929, стр. 18.

Уже сам факт, что рабочий класс, его политические и экономические организации становились главными объектами фашистского террора, указывал на то, из какого классового источника пришли новые кавеньяки и цезари, в жестокости и коварстве которым не было равных в истории. За ненавистью, которую фашистские руководители всегда питали к Советскому Союзу, к международному коммунистическому движению, за их планами уничтожения первой в мире социалистической державы легко угадывалось стремление международного империализма задушить революционные силы, лишив их главной опоры.

Известно также о широкой поддержке фашистского движения крупной буржуазией. Эта поддержка проявлялась в разных формах — от выражения политических симпатий до прямого пособничества (материального и политического). Документальные источники и многочисленные факты показывают, что бóльшая часть финансовых средств, которыми располагали фашистские организации в Италии в 1922 г., поступила к ним в результате добровольных пожертвований промышленников и аграриев[1]. В дальнейшем связи между фашистским государством и монополистическим капиталом Италии стали прочными и устойчивыми[2]. В Германии с середины 20-х гг. фашистское движение получало все растущую поддержку со стороны промышленных магнатов и крупных финансистов[3]. С начала же 30-х гг. благодаря усилиям в первую очередь Тиссена, Флика, Шрёдера, Шахта и других фашисты заручились поддержкой хозяев рейнско-вестфальской тяжелой промышленности. Огромные средства стекались на счета национал-социалистской партии для проведения избирательных кампаний, вооружения штурмовиков и т. д. Осенью 1932 г. требование предоставить руководящую роль в правительстве гитлеровцам стало общим для большинства ведущих группировок германской тяжелой промышленности[4].

В глазах крупной буржуазии фашизм в годы мирового экономического кризиса приобрел особую привлекательность благодаря двум обстоятельствам.

Во-первых, в лице фашистских партий она получила орудие подавления рабочего и революционного движения. Во-вторых, эти же партии позволяли ей небезуспешно проводить политику идеологического обмана и гашения леворадикальных настроений среди широких масс населения. В фашизме крупная буржуазия, панически ощущавшая ослабление контроля над массами в результате кризиса старых парламентарных режимов, увидела средство сохранения и расширения социальной базы своего господства.

[1] См. «История фашизма в Западной Европе», стр. 60, 62.
[2] См. там же, стр. 87—98, 98—107.
[3] См. там же, стр. 172.
[4] См. там же, стр. 209.

Приход Гитлера к власти послужил сигналом к широкому наступлению фашизма во многих капиталистических странах. События показали, что в ходе этого наступления он стремился уничтожить не только рабочее движение и его политические организации, но и демократические институты вообще, включая парламент, избирательное право и т. д. Смертельная опасность, нависшая над рабочим движением капиталистических стран, не могла быть приравнена к уже известным ранее вспышкам реакционности господствующего класса. Она носила тотальный характер, угрожая всем духовным и культурным ценностям, накопленным человечеством за многие столетия и составившим его великое достояние. Встал вопрос о существовании целых народов и государств, поскольку программа фашизма основывалась на человеконенавистнической теории расизма и проповеди территориальных захватов. Используя фашизм в качестве своей ударной силы, международная империалистическая реакция стремилась реализовать давно вынашиваемый план ликвидации первого в мире социалистического государства [1].

Размеры угрозы превосходили все представления. Но она же послужила стимулом для развития стремления к единству рядов рабочего класса и единых действий всех антифашистских, демократических сил. Диктатура фашизма в Италии, переворот Цанкова в Болгарии, крах Веймарской республики в Германии говорили прежде всего о губительности раскола рабочего класса, недостаточности его связей с крестьянством, средними слоями города. Дорогой ценой приходилось расплачиваться за разобщение демократических сил, за недооценку тесной диалектической связи между борьбой за демократию и борьбой за социализм. Само развитие событий преподнесло суровый урок международному рабочему движению, всем миролюбивым силам.

Изменения в политической обстановке были связаны, конечно, не только с ростом угрозы фашизма. При сохранении основной тенденции в политике государственно-монополистического капитализма, характеризующейся реакцией по всей линии [2], в различных странах капитала она видоизменялась в зависимости от соотношения классовых сил, особенностей внутренней и внешней обстановки, политических традиций и т. д. В ряде стран, где буржуазия чувствовала себя в большей безопасности, она находила для себя выгодным (отнюдь не отказываясь в принципе от методов террора и насилия) в борьбе с нарастающей волной народного возмущения прибегнуть к социальному маневрированию.

Классическим примером такого социального маневрирования была политика президента США Ф. Д. Рузвельта («новый курс»),

[1] См. *П. И. Лебедев.* Великий Октябрь и перестройка международных отношений. М., 1978, стр. 102.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27. стр. 408.

пришедшего к власти в 1933 г. Рузвельт заявил, что видит свою миссию в том, чтобы спасти капитализм от угрозы его полного краха путем «обновления» всей экономической структуры общества, модернизации трудового права и организации широкой помощи массам трудящихся. Если в США буржуазный либерализм драпировался в тогу истинно «народного» политического движения, то в ряде других стран буржуазия либо «пропускала» к власти «рабочие» правительства, возглавляемые правореформистскими социал-демократическими лидерами (второе лейбористское правительство Р. Макдональда в Англии в 1929—1931 гг.; правительство Торвальда Стаунинга в Дании в 1932—1940 гг.; социал-демократические кабинеты в Швеции и т. д.), либо любезно приглашала представителей социал-реформистских партий занять место в так называемых правительствах «национального единения» или в коалиционных кабинетах (Бельгия, Голландия), возглавляемых буржуазными лидерами. Показательны события в Испании, где в январе 1930 г. правящие круги пошли на отстранение от власти диктатора Примо де Риверы, а затем и на ликвидацию монархии, чтобы сменой режима предотвратить народную революцию, близость которой предвещали усиливавшееся общественное брожение и признаки нового подъема рабочего движения.

В предельно накаленной атмосфере 30-х гг., в условиях роста притягательной силы идеалов социализма буржуазный реформизм обретал новые черты. Сфера социальной деятельности буржуазного государства расширялась, его функции усложнялись. Правосоциалистические теории «социального партнерства» получили признание у имущего класса. Либеральная буржуазия стала охотно заимствовать у социал-реформистов лозунг борьбы за «народоправие», «полную занятость», «перераспределение доходов», «приобщение к собственности» и т. д. Реформы «нового курса» в США повсюду преподносились как образец мирной революции, якобы уравнивающей все социальные слои и делающей доступными для всех блага высокоразвитой капиталистической экономики. Эта социальная стратегия буржуазии была нацелена на то, чтобы затушевать подлинный характер власти, безраздельное политическое господство монополий и финансовой олигархии, сделать рабочее движение младшим партнером, слепым орудием буржуазной демократии.

Вскрывая причины этой мимикрии буржуазии, В. И. Ленин еще в 1905 г. прозорливо писал: «В основе всего этого гигантского (по широте воздействия на массы) буржуазного подмена лежит тенденция свести рабочее движение преимущественно к профессиональному движению, удержать его подальше от самостоятельной (т. е. революционной и направленной к демократической диктатуре) политики...»[1] Однако никогда еще до 30-х гг. XX в. стремление буржуазии к «обезвреживанию» рабочего движения путем навязывания ему

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 111.

идеи «классового сотрудничества» не проявлялось в столь значительных масштабах.

Все это предъявляло особые требования к боеготовности рабочего класса, его революционной сознательности и идейной закалке. Испытанию на прочность классовых позиций и теоретическую зрелость были подвергнуты и организации пролетариата, его партии и профсоюзы. Во весь рост встала задача овладения революционным авангардом рабочего движения всеми формами отпора идеологическому и политическому наступлению капитала. То, что достаточно и правильно было вчера, становилось либо недостаточным, либо невозможным в новых условиях. Иными словами, историческая действительность, изменившаяся обстановка заставляли по-новому формулировать конкретные задачи собирания политических сил социалистической революции.

Международная обстановка также по-особому ставила вопрос о роли и тактике рабочего движения *в борьбе с империализмом и его политикой развязывания новой мировой войны*, насильственного передела мира, в первую очередь путем организации военного похода против СССР и уничтожения первого в мире социалистического государства. Более того, мировой экономический кризис 1929—1933 гг. вызвал столь значительные последствия и перемены в области международных отношений, что проблемы войны и мира приобрели ключевое значение. К числу этих перемен следует прежде всего отнести крушение Версальско-Вашингтонской системы послевоенного устройства мира, углубление межимпериалистических противоречий, обострение борьбы между двумя системами, рост милитаризма и военной опасности как результат усиления экспансионизма правящих олигархий в странах капитала, образование блока агрессивных держав — Германии, Италии, Японии. Хотя агрессивные устремления держав «оси» затрагивали интересы других западных стран, в первую очередь Англии, Франции и США, последние не принимали действенных мер для организации отпора агрессии. Более того, в правящих кругах этих стран все большее влияние стали приобретать сторонники сговора с агрессорами на антисоветской основе.

Из-за противодействия западных держав длительная борьба СССР за обуздание агрессоров не привела к созданию эффективной системы коллективной безопасности[1]. Однако нельзя не видеть, что благодаря в первую очередь существованию Советского Союза, росту его экономического и военного могущества, успехам его внешней политики возможности для реализации реакционных замыслов империализма сузились.

Возросла способность международного пролетариата противостоять угрозе порабощения человечества наиболее агрессивными си-

[1] См. «История внешней политики СССР, 1917—1975», т. I. М., 1980, стр. 322, 327, 330—331.

лами империализма. Рост организованности и сознательности рабочего класса срывал планы сторонников крайне правых группировок капитала и правящих олигархий сколотить единый антисоветский фронт и разрушить оплот мира и социализма. В результате развитие событий не пошло по тому пути, на который его хотели направить творцы политики «умиротворения»,— по пути изоляции СССР и войны всех империалистических государств против страны социализма. В крепнущем единении реального социализма и антифашистских, антиимпериалистических сил во всем мире во главе с международным рабочим классом нашла свое наиболее яркое выражение историческая неотвратимость поражения ударной силы империализма — фашизма.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА БОРЬБЫ ПРОТИВ ФАШИЗМА И СИЛ ВОЙНЫ

В обстановке глубочайших социально-экономических потрясений и кризиса буржуазной демократии коммунистическое движение являлось единственной организованной политической силой, которая решительно и непримиримо вела борьбу против империалистической реакции и фашизма. XI пленум Исполкома Коминтерна (март — апрель 1931 г.), отметив усиление противоборства двух систем — идущего вперед социализма и оказавшегося в тисках разрушительного кризиса капитализма, указал, что буржуазия усиливает наступление «не только против рабочего класса, но и против других широчайших слоев трудящихся города и деревни», «организует террористические фашистские банды»[1], громит рабочие и все другие революционные организации.

Разрабатывая антифашистскую политику, пленум выступил против взглядов, будто фашизм есть лишь признак разложения капитализма, а фашистская диктатура — неизбежная историческая ступень, ускоряющая гибель капиталистического строя. Фашизм, говорил представитель ВКП(б) в ИККИ Д. Мануильский,— это не только признак разложения и кризиса капитализма, он также «есть одна из форм наступления капитала, содержащая в себе элементы преодоления этого кризиса... Фашизм есть и офензива и оборона капитала»[2]. Установление фашистской диктатуры означало бы временное поражение пролетариата. Перед компартиями ставилась задача всеми силами бороться не только против существующих фашистских диктатур, но и против всякого наступления фашизма, против фашизации, против всех мероприятий реакционных правительств, усиливающих позиции фашизма.

[1] «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 гг.». М., 1933, стр. 954, 955.

[2] «Компартии и кризис капитализма. XI пленум ИККИ. Стенографический отчет», вып. I. М., 1932, стр. 606.

В обстановке тех лет еще не все процессы, связанные с перегруппировкой классовых сил и выдвижением на первый план антифашистско-демократических задач, выкристаллизовались с достаточной ясностью.

XI пленум ИККИ записал в своих решениях, что «развитие классовой борьбы в условиях дальнейшего развертывания мирового экономического кризиса ставит широчайшие трудящиеся массы перед *решающим* выбором: или диктатура буржуазии — или диктатура пролетариата; или экономическое и политическое рабство — или конец капиталистической эксплуатации и угнетения...»[1].

Стратегия коммунистов в основных капиталистических странах в начале 30-х гг. была следующей: цель данного этапа борьбы — социалистическая революция; главный классовый враг — буржуазия; союз общественных сил, решающий основную задачу,— рабочий класс, сельскохозяйственный пролетариат, полупролетарские массы города и деревни. В решениях XI пленума ИККИ говорилось о назревании второго тура революций и войн и о том, что этот тур «должен потрясти мир гораздо глубже и шире, чем подъем 1918—1919 гг.»[2]. Проводилась аналогия создавшегося положения с условиями 1918—1919 гг. Несомненно, это было преувеличенной оценкой степени и темпов назревания революционного кризиса; недостаточно учитывалось то, что расстановка сил в результате фашистского наступления менялась, становилась гораздо более сложной и противоречивой.

Выводы Коминтерна и компартий опирались на определенные тенденции в общественной борьбе. Коммунисты видели, что происходит поляризация классовых сил и буржуазия идет все дальше по пути фашизации, в то время как партии, претендовавшие на роль защитников буржуазно-демократических свобод, оказываются неспособными сопротивляться наступающей реакции и фашизму. Росло ожесточение рабочих против реакционных буржуазных порядков, обрекающих трудящихся на нищету и бесправие. Среди передовой части рабочих все более популярным становился лозунг уничтожения капитализма и установления власти пролетариата. Однако все эти тенденции рассматривались коммунистами как безраздельно господствующие в общественной борьбе, что не соответствовало действительности. Компартии полагали, что кризис и фашизация в капиталистических странах, с одной стороны, и успехи социализма в СССР — с другой, толкают рабочий класс к решительной борьбе против всех форм диктатуры капитала, в том числе и против буржуазной демократии[3]. Поэтому пропагандировался самый радикальный путь выхода из кризиса — социалистическая революция. Борьба революционных

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 956.
[2] «Компартии и кризис капитализма. XI пленум ИККИ», вып. I, стр. 42—43.
[3] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 326—327.

рабочих за свои экономические требования и за свои права, против наступления реакции и фашизма рассматривалась как непосредственная подготовка социалистической революции.

В этом духе XI пленум ИККИ определил отношение коммунистов к буржуазному лагерю. Указав на определенные тактические разногласия среди буржуазии, пленум недооценил противоречия между буржуазной демократией и фашизмом. В своих решениях он записал, что необходимо решительно покончить с либеральным противопоставлением «фашизма буржуазной демократии и парламентских форм диктатуры буржуазии ее открыто фашистским формам»[1].

В связи с тем что правая социал-демократия выступала против революционного пролетарского движения и бездействовала перед лицом рвавшегося к власти фашизма, Коминтерн и компартии еще более негативно, чем прежде, оценивали роль социал-демократии. Коминтерн и его секции считали, что в сложившихся условиях есть еще больше, чем прежде, оснований рассматривать социал-демократию как основную социальную опору буржуазии. В соответствии с этим были сформулированы некоторые конкретные тактические решения, еще больше заострявшие удар против социал-демократии.

Широкое распространение в коммунистическом движении получила оценка социал-демократии как социал-фашизма. Эта оценка явилась не только следствием схематического, сектантского подхода коммунистов к социал-демократии, но и реакцией революционных рабочих на политику правых лидеров социал-демократии. Политика классового сотрудничества с буржуазией, которую проводили эти лидеры, нередко принимала такие формы, когда социал-демократические верхи участвовали в террористических расправах с революционными рабочими, наподобие того как это делали фашисты. Совершенно очевидной была также тенденция части правой социал-демократии в начале 30-х гг. выдвигать платформы, близкие фашистским корпоративным планам. В ряде социал-демократических партий появились политические группы, защищавшие планы установления «авторитарной власти». Многие правые лидеры социал-демократии стремились приспособиться к фашистскому режиму, а в отдельные периоды, как, например, в Болгарии, вместе с фашистами входили в правительство[2].

Касаясь отношения коммунистов к социал-демократии в это время, член Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслов подчеркивал: «Неоправданным был тезис о том, что социал-демократия представляла наибольшую опасность, и поэтому против нее в определенный период

[1] «Коммунистический Интернационал в документах», стр. 957.
[2] *J. Schleifstein.* Die «Sozialfaschismus»-These. Zu ihrem geschichtlichen Hintergrund. Frankfurt /Main, 1980, S. 22—89; *H. Schumacher.* Die Kommunistische Internationale (1919—1943). Grundzüge ihres Kampfes für Frieden, Demokratie, nationale Befreiung und Sozialismus. Berlin, 1979, S. 100—103.

был нацелен главный удар, что, по сути, явилось одним из выражений сектантских тенденций»[1]. Определение «социал-фашизм», несмотря на то что его заслуживали своим поведением некоторые вожди социал-демократии, было ошибочным. Оно мешало вовремя заметить, что в рядах социал-демократии растут антифашистские настроения и в условиях фашистского наступления социал-демократия, за исключением ее правых лидеров, может встать на сторону антифашистской борьбы.

Пленум поддержал также решения V конгресса Профинтерна (август 1930 г.) о необходимости превращения революционных профсоюзных оппозиций в ряде капиталистических стран в самостоятельные революционные профсоюзы, которые и должны были возглавить экономические бои пролетариата. Эта рекомендация также сужала возможности работы коммунистов в массах, отделяла революционное меньшинство от основной профсоюзной массы.

Тактика единого рабочего фронта в эти годы рассматривалась главным образом как тактика разоблачения, направленного не только против правых лидеров, но и против низовых функционеров социал-демократических организаций. Недооценивались возможности достижения союза с крестьянством и городскими мелкобуржуазными слоями. В связи с ростом фашистского влияния на мелкобуржуазные круги города и деревни их стали нередко рассматривать даже как резерв фашизма. Появился тезис об «аграрном фашизме».

Все эти установки мешали коммунистическому движению использовать наилучшим образом возможности, открывшиеся в годы мирового экономического кризиса, для вовлечения широчайших масс трудящихся в борьбу против реакции и фашизма. Но это были ошибки и недостатки борющейся партии, не жалеющей усилий для организации отпора классовому врагу и не страшащейся жертв. Коммунисты выступали как самые последовательные противники фашизма и играли авангардную роль в массовой борьбе против капитала и реакции. Везде, где рабочие, безработные, служащие, труженики села, передовая интеллигенция и т. д. начинали борьбу хотя бы за минимальные требования, везде, где вспыхивали острые классовые столкновения, где разворачивались настоящие сражения против наступления капитала, коммунисты шли в первых рядах.

Коминтерн и компартии стремились противопоставить натиску капитала и наступлению фашизма международную солидарность. 6 марта 1930 г. и 25 февраля 1931 г. были проведены международные дни борьбы против безработицы. Неоднократно обсуждались вопросы координации антифашистских выступлений. По инициативе ИККИ с 1 августа 1929 г. стал проводиться Международный день борьбы против империалистической войны.

В массовой борьбе, в конкретных политических акциях комму-

[1] *М. А. Суслов.* Избранное. Речи и статьи. М., 1972, стр. 558.

нисты накапливали опыт, имевший важное значение для поиска путей мобилизации масс против реакции и фашизма. Эти поиски выразились прежде всего в попытках расширить тактику единого рабочего фронта и в критике сектантских ошибок, затруднявших сплочение рабочих-антифашистов.

В 1931—1932 гг. были идейно и организационно разгромлены левацко-сектантские группы, мешавшие разработке массовой антифашистской политики: группа Х. Бульхоса — Г. Трилья в Испании, группа А. Барбе — П. Селора во Франции, группа Г. Неймана — Г. Реммеле в Германии и некоторые другие.

На XII пленуме ИККИ (август — сентябрь 1932 г.) были сделаны шаги к преодолению некоторых препятствий политике единого фронта. Подчеркивалось, что компартии должны развить, расширить контакты с массами беспартийных, социал-демократических и синдикалистских рабочих, завоевать их доверие. Пленум осудил как неверные взгляды, будто происходит фашизация даже низовых социал-демократических организаций и поэтому с ними невозможен единый фронт. О. Куусинен говорил на пленуме, что нужно обращаться с предложениями о единстве действий к низовым реформистским профсоюзным организациям и даже к местным социал-демократическим организациям и при этом было бы неверным требовать от членов этих организаций разрыва со своими руководителями[1]. К. Готвальд доказывал на пленуме, что, добиваясь единого фронта, нельзя выдвигать в качестве предварительного условия требование о руководстве движением со стороны компартии. Такого руководства партия может добиться только в ходе длительной самоотверженной борьбы в защиту интересов рабочих[2]. Э. Тельман подчеркнул необходимость ведения боев за частичные требования и осудил лозунг «разгрома реформистских профсоюзов» и взгляд на эти союзы как своего рода «школу капитализма»[3].

Таким образом, пленум пересмотрел ряд прежних сектантских установок, нацелил компартии на мобилизацию масс против фашизма, реакции и войны; но он в то же время сохранил в силе некоторые выводы, которые давали почву для преувеличенных оценок темпов назревания революционного подъема, для направления главного удара против социал-демократии и т. д.

События в Германии, приход гитлеровцев к власти в январе 1933 г., дикий разгул фашистских банд и кровавые расправы над пролетарскими революционерами и демократами, усиление наступления фашистов в других странах, крушение социал-демократиче-

[1] «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. I. М., 1933, стр. 30.
[2] См. *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 302—303.
[3] См. «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. I, стр. 56—57.

ской политики «меньшего зла» — все это глубоко потрясло международное рабочее движение.

13 февраля 1933 г. компартии Франции, Германии и Польши совместно обратились к социал-демократическим рабочим с призывом «ковать непобедимый единый фронт пролетарской борьбы»[1].

Перед лицом трагедии, постигшей Германию, предложения коммунистов о единых действиях против фашизма стали находить у социал-демократических рабочих все больший отклик. Рабочий социалистический интернационал, будучи не в состоянии игнорировать настроения рабочих, обратился 19 февраля 1933 г. с воззванием к рабочим всего мира, в котором сообщил о согласии вести переговоры с Коминтерном в целях общих антифашистских действий. Однако воззвание не содержало конкретной программы, предлагало лишь прекратить «взаимные нападки» коммунистов и социал-демократов, т. е. заключить нечто вроде «пакта о ненападении».

Исполком Коминтерна в воззвании к рабочим всех стран от 5 марта 1933 г. выдвинул конкретную боевую программу антифашистской борьбы рабочих партий как платформу единства их действий. ИККИ призывал компартии «сделать еще одну попытку установления единого фронта совместно с социал-демократическими рабочими массами при посредстве социал-демократических партий»[2], чтобы отразить наступление капитала и фашизма. Коминтерн, таким образом, предлагал впервые за много лет заключить соглашение на уровне руководства коммунистических и социал-демократических партий. Это был серьезный шаг к более широкой политике единства действий рабочего класса. Однако сначала Секретариат, а затем Исполком РСИ ответили отказом[3]. Социалистические партии, к которым коммунисты обращались с предложениями создать единый антифашистский фронт, отклонили их под разными предлогами.

Несмотря на отказ, коммунисты продолжали поиски путей сплочения антифашистски настроенных рабочих. Значительным шагом к сближению рабочих-коммунистов и социал-демократов явился Европейский антифашистский рабочий конгресс, состоявшийся в июне 1933 г. в Париже в зале Плейель. Созванный по инициативе коммунистов, конгресс привлек также часть социал-демократических рабочих и передовую антифашистскую интеллигенцию. Новые импульсы к сплочению дала международная кампания в защиту Г. Димитрова, ложно обвиненного в соучастии в поджоге рейхстага[4].

[1] «L'Humanité», 13.II. 1933.

[2] «Правда», 6 марта 1933 г.

[3] «Internationale Information, herausgegeben vom Sekretariat der Sozialistischen Arbeiterinternationale» (Zürich), 1933, N 17, 31. März.

[4] См. об этом подробнее: *М. Семков, П. Раденкова.* Победитель в поединке с фашизмом на Лейпцигском процессе.— «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения». М., 1972, стр. 132—178.

В конце 1933 г. XIII пленум Исполкома Коминтерна призвал усилить борьбу за единый рабочий фронт, против фашизма, учитывая сдвиги, происходившие в рабочем движении. Пленум поставил перед компартиями задачу мобилизации против войны широчайших масс трудящихся. Один из важнейших выводов состоял в том, что пролетариат своей борьбой может «задержать, оттянуть войну». Компартии должны были бороться против фаталистического взгляда, будто наступлению империалистической войны помешать нельзя, что настоящая революция начнется только в итоге новой империалистической войны.

В данном на пленуме определении классового характера фашизма как открытой террористической диктатуры наиболее реакционных групп монополистической буржуазии содержалась идея о том, что фашизм — враг не только революционных рабочих, но и широких масс трудящихся и демократических слоев. От этой идеи коммунисты вскоре пришли к пониманию того, что борьба против фашизма будет общедемократической борьбой широких слоев населения.

Важным был вывод о том, что фашистское правительство в Германии — главный поджигатель войны в Европе.

Однако во многих пунктах своих решений XIII пленум исходил из старых установок. Он по-прежнему переоценивал степень созревания революционного кризиса. На пленуме говорилось, в частности, что в Германии в связи с приходом фашистов к власти «начинается новый революционный подъем»[1]. Несмотря на изменение условий в связи с наступлением фашизма, пленум продолжал оценивать социал-демократию как главную социальную опору буржуазии (даже в фашистских странах).

Таким образом, несмотря на то что жизнь дала уже немало нового опыта и компартии сделали ряд верных шагов, отвечающих изменившимся условиям, коммунистическое движение несколько запаздывало с выработкой новой стратегии.

Коминтерн и компартии большинства капиталистических стран проводили стратегический курс на осуществление социалистических революций. Верный как конечная цель движения, этот курс, однако, не отвечал конкретно складывавшейся в то время ситуации и еще далеко не завоевал поддержки большинства рабочего класса и других трудящихся[2]. Необходим был поиск переходных лозунгов, способных объединить всех антифашистов.

В обсуждение новых проблем включились лучшие умы коммунистического движения. Г. Димитров, герой Лейпцигского судебного процесса, вырванный из рук гитлеровских тюремщиков, фактически возглавил коллективную разработку Коминтерном новых политиче-

[1] «XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет», стр. 591.
[2] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 327.

ских решений. Эта разработка велась в самом тесном контакте с Политбюро ЦК ВКП(б).

Основные усилия направлялись на то, чтобы найти пути к решению практической задачи, поставленной жизнью: разрушить стену между коммунистическими и социал-демократическими рабочими, мешавшую им объединиться в борьбе против фашизма и реакции.

Развернулась деятельность подготовительных комиссий к VII конгрессу Коминтерна. В комиссии вошли многие выдающиеся деятели международного коммунистического движения и ВКП(б): Г. Димитров, В. Пик, П. Тольятти, Д. З. Мануильский, О. В. Куусинен, Ван Мин, Ф. Геккерт, Б. Шмераль, Бела Кун и др.

На первом заседании подготовительной комиссии, 14 июня 1934 г., по первому пункту повестки дня VII конгресса О. Куусинен и Д. Мануильский подняли вопрос о необходимости серьезных изменений в тактике компартий и международного революционного рабочего движения. Д. Мануильский отмечал, что лозунг непосредственной борьбы за власть пролетариата не отвечал условиям, сложившимся во многих капиталистических странах. Провозглашая социализм конечной целью движения, говорил Мануильский, «мы должны иметь более конкретную программу борьбы: не пролетарская диктатура, не социализм», но программу, которая «подводит массы к борьбе за пролетарскую диктатуру и социализм»[1].

В письме от 1 июля 1934 г. в ИККИ и в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину Г. Димитров поставил на обсуждение целый комплекс вопросов. Он предложил пересмотреть прежние оценки социал-демократии, особенно тезис о социал-фашизме, и высказался за объединение революционных и реформистских профсоюзов, за превращение тактики единого фронта в действенный фактор развертывания массовой борьбы против фашизма.

Выдвижение и восприятие новых идей были связаны с пересмотром и ломкой уже устоявшихся и казавшихся безошибочными прежних представлений. В разработке новой ориентировки объединились два потока: один — идущий снизу, от самих компартий, другой — идущий сверху, от руководства Коминтерна. Большую роль в постановке новых вопросов в Коминтерне, в развернувшихся в ИККИ обсуждениях играли представители ВКП(б). Проблемы оценки ситуации, задач рабочего движения в борьбе против фашизма, подготовки конгресса были предметом неоднократного обсуждения в руководстве ВКП(б), и результаты этих обсуждений находили затем отражение в работе подготовительных комиссий, в проектах докладов и решений[2].

[1] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 377.

[2] Подробнее о роли ВКП(б) в подготовке VII конгресса см.: *К. К. Шириня.* Из истории подготовки VII конгресса Коммуни-

Летом и осенью 1934 г. Коминтерн и компартии уже сделали важные выводы о необходимости сосредоточения главного удара рабочего движения против наступающего фашизма, о расширении политики единого рабочего фронта, о необходимости единства действий с социал-демократическими партиями в борьбе против фашизма, о слиянии в ряде стран революционных профсоюзов с реформистскими, о вовлечении крестьянства и городских средних слоев в активные антифашистские выступления. Соглашение ФКП о едином фронте с Социалистической партией Франции, провозглашавшее обязанность применять против фашизма и реакции совместные действенные методы классовой борьбы, было важнейшим поворотным фактом, имевшим первостепенное международное значение.

Следующим шагом была разработка политики народного фронта. Идея расширения единого рабочего фронта до союза, объединяющего также крестьянство и средние слои города, была высказана уже многими деятелями коммунистического движения. М. Торез, формулируя на митинге в Париже 9 октября 1934 г. предложение создать антифашистский народный фронт, объединяющий и мелкобуржуазные слои, указал таким образом на политическую формулу, выражавшую эту идею. В принятых 15 октября Политической комиссией Политсекретариата ИККИ документах говорилось о том, что компартии должны расширить политику единого рабочего фронта, бороться за создание «самого широкого антифашистского фронта трудящихся масс». Для Франции выдвигалось предложение создать рабоче-крестьянский блок, или блок труда[1]. Формулировалась конкретная программа требований, рассчитанная на сплочение всех трудящихся страны, вплоть до мелкой буржуазии.

Опыт борьбы ФКП за создание антифашистского фронта стал в декабре 1934 г. предметом всестороннего обсуждения в ИККИ и был горячо поддержан большинством его членов.

Установка на то, что в борьбе против фашизма, империалистической реакции и сил войны компартии выдвигают на первый план широкую платформу общедемократических и ближайших экономических требований, т. е. платформу народного фронта, получила в конце 1934 — начале 1935 г. практически почти единодушную поддержку в Коминтерне и руководстве компартий. На обсуждение встала ключевая проблема: будет ли такая борьба общедемократического, антифашистского содержания только тактическим моментом или составит целую переходную стратегическую фазу развития на пути к социалистической революции.

ИККИ сформулировал вывод о том, что антифашистские, общедемократические задачи выдвинулись на первое место и необходима

стического Интернационала. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 8, стр. 49—61.

[1] См. «Вопросы истории КПСС», 1975, № 8, стр. 57—58.

в ряде стран фаза общедемократической борьбы, которая позволит объединенным силам сокрушить фашизм, что откроет путь к следующему этапу — социалистической революции. Это положение явилось краеугольным камнем новой стратегической ориентировки коммунистического движения в капиталистических странах.

Ее всесторонне обосновал *VII конгресс Коминтерна* (25 июля — 21 августа 1935 г.), в работе которого приняли участие 513 делегатов, представлявших 76 компартий и ряд международных организаций. Ко времени конгресса в мире насчитывалось 3 140 тыс. коммунистов, в том числе 785 тыс. в капиталистических странах. Из компартий капиталистических стран только 22 (11 — в Европе) работали легально или полулегально, остальные находились в подполье.

Характеризуя расстановку сил на арене всемирной классовой борьбы, конгресс указывал на решающее значение победы социализма в СССР для мирового развития. Конгресс особо подчеркнул влияние Советского Союза на международные отношения, на борьбу рабочего класса и всех трудящихся за мир, против фашистских поджигателей войны[1].

Подтвердив вывод XIII пленума ИККИ о том, что фашизм у власти есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала, конгресс указал, что эта формула выражает классовую суть фашизма, раскрывает вопрос о том, чьим орудием он является[2]. Вместе с тем конгресс указал также на противоречия между фашизмом и буржуазной демократией. Приход фашизма к власти, говорил Г. Димитров в докладе на конгрессе,— это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии — другой ее формой — открытой террористической диктатурой. Конгресс «в полную силу высказался против того, чтобы игнорировать качественную разницу между фашизмом и буржуазной демократией...»[3].

Коминтерн вернулся к ленинским положениям о двух методах господства буржуазии и отказался от тех упрощенных оценок, сог-

[1] См. «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935, стр. 39—41.

[2] Для всесторонней оценки фашизма большое значение имели обсуждения в рамках подготовительных комиссий, выступления Р. Палм Датта и А. де Леува в коммунистической печати, а также лекции П. Тольятти о фашизме, прочитанные им в Ленинской школе (см. *Пальмиро Тольятти.* Лекции о фашизме. М., 1974).

[3] *Б. И. Пономарев.* К 60-й годовщине образования Коммунистического Интернационала.— Революционное наследие Коммунистического Интернационала. Научная конференция, посвященная 60-летию основания Коммунистического Интернационала. М., 1980, стр. 8.

ласно которым вся буржуазия фашизировалась, а буржуазно-демократические режимы являлись-де утверждением фашизма с выдвижением на первый план его умеренного социал-демократического крыла.

Фашизм рассматривался на конгрессе как одна из форм политической надстройки монополистического капитала, связанная с периодом чрезвычайного обострения классовых противоречий и возникновения неустойчивости буржуазных режимов. Коммунисты выработали ясное представление о месте фашизма в социально-экономическом и политическом развитии империализма, осудив мнения о фатальной неизбежности фашизма.

На конгрессе был подтвержден вывод, что мелкобуржуазные и деклассированные элементы, образующие массовую базу фашизма, используются фашизмом вопреки их действительным интересам в качестве ударной силы против рабочего и демократического движения; охарактеризованы идеология фашизма, сердцевину которой составляли воинствующий буржуазный национализм, шовинизм и расизм, его внешняя политика, провозгласившая своей целью порабощение и даже уничтожение других народов и уже поставившая человечество перед пропастью новой мировой войны; определены специфические черты фашизма как социально-политического феномена, поразному проявляющегося в различных странах, имеющего различия в социальной базе, в некоторых аспектах идеологии, опирающегося в ряде случаев также и на реакционные помещичьи круги, военную верхушку[1].

На конгрессе были проанализированы причины победы фашизма в ряде стран, причины роста фашистского движения и прежде всего дан ответ на вопрос, почему рабочий класс — антипод фашизма — не сумел своевременно организовать ему отпор. Фашизм смог прийти к власти прежде всего потому, отмечалось в докладе Г. Димитрова, что рабочий класс вследствие политики классового сотрудничества с буржуазией, которую вели лидеры социал-демократии, оказался расколотым, политически и организационно разоруженным перед лицом наступающей буржуазии. Коммунистические же партии были недостаточно сильны, чтобы помимо и против социал-демократии

[1] Современные исследования фашизма историками-марксистами подтверждают основные выводы VII конгресса Коминтерна по этому вопросу. См., например, *А. А. Галкин.* Германский фашизм. М., 1967, стр. 395—396. О методологии анализа фашистской диктатуры подробнее см.: *K. K. Schirinja, H. Schumacher.* Der Kampf der internationalen Arbeiterbewegung gegen den Faschismus.— „Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung", 1975, N 1, S. 3—26; *E. Lewerenz.* Die Analyse des Faschismus durch die Kommunistische Internationale. Die Aufdeckung von Wesen und Funktion des Faschismus während der Vorbereitung und Durchführung des VII. Kongreßes der Kommunistischen Internationale, 1933—1935. Berlin, 1975.

поднять массы и повести их на решительный бой против фашизма[1]. Конгресс подчеркнул историческую вину правой социал-демократии за то, что большинство рабочего класса, которое шло за социал-демократическими партиями, бездействовало в момент, когда фашистские банды рвались к власти. Фашизм победил, потому что пролетариат оказался изолированным от своих естественных союзников, в то время как фашистским партиям удалось увлечь демагогией значительные массы.

Конгресс самокритично заявил, что известная вина лежит и на самих коммунистических партиях, которые хотя и выступали всегда как последовательные борцы против фашистской опасности, но не избежали ряда ошибок.

Выступая против «всякой недооценки фашистской опасности», конгресс предостерег против «опасных иллюзий автоматического крушения фашистской диктатуры»[2]. При этом указывалось, что фашизм стремится установить свою диктатуру *до* решающего поворота масс к социалистической революции.

Как одну из опаснейших тенденций международной ситуации конгресс охарактеризовал начатую агрессивными силами мирового империализма, возглавляемыми фашистскими государствами, подготовку к империалистической войне, к контрреволюционной войне против СССР.

Центральная задача коммунистических партий, революционного рабочего движения состояла в создании единого рабочего и широкого народного фронта против фашизма. Единый рабочий фронт был определен конгрессом как ведущая сила и центр объединения всех антифашистских элементов. «Защита непосредственных экономических и политических интересов рабочего класса, защита его против фашизма должна быть исходным пунктом и составлять главное содержание единого фронта рабочих во всех капиталистических странах»[3],— говорилось в решениях конгресса. Одновременно указывалось, что там, где позволяет обстановка, единый фронт может быть использован для подготовки к социалистическому перевороту. Таким образом, если раньше политика единства связывалась с задачей завоевания большинства рабочего класса для непосредственной подготовки и осуществления социалистической революции, то теперь ее содержанием становилась преимущественно антифашистская борьба.

Подчеркнув, что успех единого рабочего фронта зависит прежде всего от взаимоотношений между коммунистическими и социал-демократическими партиями, конгресс нацелил коммунистов на выработку нового отношения к социал-демократии. Не замалчивая роко-

[1] См. *Г. Димитров.* Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 384.
[2] «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 11, 12.
[3] Там же, стр. 13.

вых последствий политики социал-демократии, ее исторической ответственности за поражения пролетариата в ряде стран, VII конгресс сосредоточил внимание на общедемократических, антифашистских потенциях социал-демократии, которые делали возможным ее единый фронт с коммунистами, обновление социал-демократических партий в процессе борьбы единым фронтом, преодоление антикоммунистических предрассудков в их рядах.

Конгресс показал весь диапазон, в рамках которого в зависимости от конкретных условий движется политика социал-демократии: от классового сотрудничества с буржуазией (что для характеристики исторического пути социал-демократии было определяющим), антикоммунизма и капитуляции перед фашизмом до совместных с коммунистами антифашистских действий.

Добиваясь соглашения с социал-демократическими партиями, конгресс не предлагал им единства для провозглашения пролетарской власти. Он ясно заявил, что единство действий рабочих партий будет направлено против фашизма, против наступления капитала и угрозы войны, что не противоречит и целям социал-демократических партий. Единство облегчило бы отпор масс фашистскому натиску, увеличило бы политический вес рабочего класса, оказало бы мощное воздействие на ряды католических, анархистских и неорганизованных рабочих, вселило бы колеблющимся средним слоям веру в силу рабочего класса, оказало бы великую поддержку движению угнетенных народов колоний и полуколоний, сыграло бы существенную роль в борьбе против угрозы войны[1]. Предлагалось добиваться единства действий коммунистов и социал-демократов на всех уровнях: на предприятии, в городе, в национальном масштабе и на уровне Интернационалов.

Ориентируя компартии на борьбу за единство профсоюзного движения, за создание единых профсоюзов, конгресс выдвинул лишь два условия: классовая борьба и внутрипрофсоюзная демократия. Коммунисты соглашались отказаться от создания в профсоюзах партийных фракций, заявляли, что будут придерживаться принципа организационной независимости профсоюзов от политических партий, отвергая, однако, нейтральность профсоюзов в отношении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Политика единого фронта с социал-демократией отнюдь не отменяла борьбы против идеологии и практики классового сотрудничества с буржуазией, работы по коммунистическому просвещению и мобилизации масс. «Совместные действия с социал-демократическими партиями и организациями,— говорилось в резолюции,— не только не исключают, но, наоборот, *делают еще более необходимыми* серьезную обоснованную критику реформизма, социал-демократизма как идеологии и практики классового сотрудничества с буржуазией и

[1] См. *Г. Димитров.* Избранные произведения, т. I, стр. 394, 395.

терпеливое разъяснение социал-демократическим рабочим принципов и программы коммунизма»[1]. В решении напоминалось, что с развертыванием практического единства действий может возрастать опасность правых ошибок.

Единый фронт не исчерпывался совместными действиями коммунистических и социал-демократических партий. Ставилась задача вовлечения в него всех рабочих независимо от их политических взглядов и религиозных убеждений, развертывания постоянной работы среди масс, находившихся в фашистских союзах. Конгресс рекомендовал компартиям в странах фашистской диктатуры найти пути для развертывания легальной и нелегальной работы в фашистских организациях, проникать в них с целью создания там антифашистской оппозиции.

Коммунисты предвидели, что развитие политики единого рабочего фронта сможет привести к такому положению, когда на повестку дня встанет задача объединения рабочих партий. Конгресс призвал компартии смело взять в свои руки дело сплочения сил рабочего класса в единой революционной партии. Коммунисты понимали, что это задача трудная, что она «потребует упорной работы и борьбы и будет по необходимости более или менее длительным процессом»[2]. Были определены условия, обеспечивающие марксистско-ленинский характер объединенных партий.

В неразрывной связи с политикой единого рабочего фронта была всесторонне обоснована политика народного фронта как политика создания широкого межклассового союза всех сил, выступающих против фашизма.

Коммунисты, говорилось на конгрессе, отстаивают в борьбе против фашизма буржуазную демократию, защищая в ней прежде всего те завоевания, которых достигли трудящиеся в тяжелой многолетней борьбе.

Г. Димитров заявлял: «Сейчас фашистская контрреволюция атакует буржуазную демократию, стремясь установить над трудящимися режим самой варварской эксплуатации и подавления их. Сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать *конкретно* на сегодняшний день не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»[3].

Лозунг защиты буржуазной демократии выдвигался не ради увековечения буржуазно-парламентарного строя, а во имя разгрома фашизма и продвижения рабочего класса к новым рубежам борьбы, ибо в сложившейся обстановке антифашистские, общедемократические требования масс все больше выходили за рамки обычных бур-

[1] «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 16.
[2] *Г. Димитров.* Избранные произведения, т. I, стр. 446.
[3] Там же, стр. 468.

жуазно-демократических свобод, сближаясь с требованиями рабочего класса, с социалистическими целями.

Народный фронт рассматривался на конгрессе в самых различных аспектах: как союз различных социальных сил, как боевое массовое движение, как коалиция общественно-политических организаций, имеющая определенные организационные формы, и, наконец, как режим новой антифашистской власти или зародыш такого режима. Антифашистский народный фронт, объединявший рабочий класс, трудящееся крестьянство, ремесленников, мелкую буржуазию города, служащих и интеллигенцию, не имел ничего общего с прежними блоками мелкобуржуазных и социал-демократических партий, выступавшими под руководством буржуазии, или с реформистской политикой коалиции с буржуазией. Он родился как объединение нового типа, в котором рабочий класс играл ведущую роль.

В решениях конгресса подчеркивалось, что правительства народного фронта, возникающие на гребне борьбы масс против реакции и фашизма, не могли не отличаться от обычных левобуржуазных правительств, лишь несколько смягчавших гнет капитала. Классовый характер правительства народного фронта (или однотипных ему) состоял в выражении и осуществлении общедемократических интересов широчайших масс трудящихся, мелкой буржуазии и интеллигенции. В лозунге правительства народного фронта формулировалась переходная политическая цель, близкая и понятная массам, достижение которой означало бы создание могучего рычага для глубоких общедемократических преобразований, подрубающих корни фашизма и монополистической реакции в политике и в экономике.

Обосновывая этот лозунг, VII конгресс опирался на идею «рабоче-крестьянского правительства», выработанную в свое время Коминтерном при участии Ленина. Правительство народного фронта, указывал конгресс, в зависимости от конкретного соотношения классовых сил, зрелости и размаха массового движения сыграет в разных странах неодинаковую роль. В одних — оно организует отпор фашизму и реакции и расширяет права трудящихся, первоначально не затрагивая основ буржуазного режима, а затем будет развиваться дальше. В других странах оно сыграет не только оборонительную роль, но и может стать правительством демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Это было наиболее вероятным для стран, где антифашистская борьба переплеталась с задачами буржуазно-демократической революции. Но переходным к этапу борьбы за социализм режим народного фронта мог стать и в стране, где буржуазно-демократическая революция давно завершилась.

Правительство народного фронта не рассматривалось компартиями как обязательное для всех капиталистических стран на пути к власти рабочего класса. Конгресс не исключал возможности в соответствующих благоприятных условиях прямого перехода к социали-

стической революции, хотя и полагал, что в большинстве капиталистических стран прежде придется пройти антифашистскую, общедемократическую фазу.

Новая стратегическая ориентировка коммунистического движения не была, как подчеркивал М. А. Суслов, «оборонительной, продиктованной только задачами отпора наступающему фашизму и угрозе войны. Она исходила из важнейшего вывода о том, что борьба рабочего класса и его союзников против фашизма, империалистической реакции приведет к укреплению демократических сил, к созданию режимов народного фронта или подобных им антифашистско-демократических режимов, которые явятся подходом и переходом к социалистическому этапу борьбы. Эта стратегическая ориентировка была конкретизацией и развитием ленинского учения о взаимосвязи борьбы за демократию с борьбой за социализм, о широком единстве рабочего класса и других слоев трудящихся в этой борьбе. Она глубоко учитывала изменения, происходившие в мире, дальнейшее объективное сближение и переплетение общедемократических и социалистических задач»[1]. Решения VII конгресса глубоко раскрыли это более тесное соединение демократии и социализма. Первая, антифашистская фаза революции в случае ее последовательного осуществления становилась прологом социалистической революции[2].

Разработка идеи о режиме антифашистского народного фронта как переходном режиме, подготавливающем социалистические преобразования, явилась важнейшим вкладом Коминтерна в развитие ленинского учения о путях подхода к социалистической революции. Конгресс обязал коммунистов всемерно поддерживать правительство народного фронта, которое будет вести борьбу против реакции и фашизма. Было признано для определенных условий правильным и желательным, чтобы коммунисты участвовали в таком правительстве. При этом подчеркивалось, что успешная борьба правительства народного фронта за осуществление его программы возможна лишь при условии прочной и постоянной опоры на движение трудящихся.

Решения VII конгресса определяли новую стратегическую линию: цель данного этапа борьбы — разгром фашизма и установление антифашистско-демократических режимов; главный классовый враг — наиболее реакционные круги монополистического капитала; союз общественных сил, выступающих против главного врага,— рабочий класс, крестьянство, мелкая буржуазия, интеллигенция, все антифашистско-демократические элементы. Эта стратегия не означала откладывания борьбы за социалистическую революцию. Нао-

[1] «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение. К 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1976, стр. 7—8.
[2] См. *Ю. А. Красин.* Ленин, революция, современность. Проблемы ленинской теории социалистической революции. М., 1967, стр. 358—359.

борот, именно через общедемократическую, антифашистскую фазу борьбы пролегал реально возможный и наиболее правильный в данных условиях путь к социалистической революции.

VII конгресс Коминтерна внес значительный вклад в развитие политики коммунистов колоний и зависимых стран. Рассматривая борьбу угнетенных народов в неразрывной связи с задачами других революционных сил в мире, он определил характер и этап борьбы в угнетенных странах как антиимпериалистическую, национально-освободительную революцию, имеющую в социальном плане антифеодальное, буржуазно-демократическое содержание. Главным здесь был лозунг создания единого антиимпериалистического фронта. В связи с этим были уточнены оценки антиимпериалистических возможностей различных социально-политических сил в угнетенных странах, в том числе национальной буржуазии. Компартии получили принципиальный ответ на вопрос о политической платформе единого антиимпериалистического фронта. Все это создало базу для идейно-политической подготовки коммунистов угнетенных стран к новому подъему национально-освободительных революций.

Особое значение конгресс придавал тому, чтобы союз национально-освободительных революций и международного рабочего движения строился на прочных интернационалистских основах, чтобы в этот союз не проник шовинизм, вызывающий трещины и расколы и ослабляющий единый фронт против империализма и фашизма.

В решении конгресса по вопросу о борьбе против войны говорилось: «*Центральным* лозунгом коммунистических партий должен быть лозунг: борьба за мир»[1].

Конгресс рассматривал антивоенную борьбу как общедемократическую, отвечающую в то же время полностью классовым задачам революционного рабочего движения. Указывая на необходимость направить основной удар против германского фашизма как главного поджигателя войны, высший форум коммунистов отметил, что острые межимпериалистические противоречия, усиление агрессивности фашистских государств создают обстановку, при которой возможно сотрудничество между СССР и капиталистическими державами, заинтересованными в данный момент в сохранении мира, или даже теми, кто не ставит перед собой немедленных завоевательных целей. Была обоснована необходимость создания широкого фронта мира, охватывающего не только рабочий класс, трудящихся и демократические слои, но и те государства, которым угрожает фашистская агрессия. Коммунисты призывали присоединиться к этому фронту всех пацифистов, готовых на деле бороться против войны. Конгресс указал на возможность национально-освободительных войн в Европе против фашистского агрессора.

[1] «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 30.

Коммунистическое движение выступало против левооппортунистической недооценки борьбы за мир, против взглядов на войну как на средство, якобы расчищающее путь революции. Новые, более благоприятные перспективы борьбы против войны связывались при этом непосредственно с ростом могущества СССР, усилением международного рабочего движения и расширением общедемократического движения за мир.

Существенные изменения были произведены конгрессом в области взаимоотношений компартий и руководящих органов Коминтерна. Резолюция предлагала ИККИ перенести центр тяжести своей деятельности на выработку основных политических и тактических установок коммунистического движения, исходить при решении всех вопросов из конкретных условий и особенностей каждой страны и избегать, как правило, непосредственного вмешательства во внутриорганизационные дела коммунистических партий. На Исполком Коминтерна возлагалась обязанность систематически помогать воспитанию кадров в коммунистических партиях, с тем чтобы партии «могли на основе решений конгрессов Коммунистического Интернационала и пленумов ИККИ при крутых поворотах событий быстро и самостоятельно находить правильное решение политических и тактических задач коммунистического движения»[1]. Линия конгресса на то, чтобы оперативное политическое руководство полностью сосредоточилось непосредственно в самих партиях, а Коминтерн сконцентрировался на выработке основных политических и тактических установок мирового рабочего движения, соответствовала новому, более высокому уровню развития компартий. При этом конгресс подчеркивал, что бóльшая самостоятельность партий требует от них овладения всем международным опытом, постоянной борьбы против опасности национальной изоляции.

Эта линия отвечала насущной задаче активизации компартий, повышению их роли и ответственности в борьбе против фашизма и войны; она предусматривала также совершенствование их политического и тактического мастерства.

Конгресс продемонстрировал единство международного коммунистического движения, его тесную сплоченность на основе марксизма-ленинизма, его глубокую способность дать творческие ответы на вопросы, выдвинутые общественным развитием. «В главных, определяющих вопросах это был *ленинский конгресс*, конгресс, вернувшийся к идеям В. И. Ленина (разумеется, с учетом изменившихся условий), к выводам, которые на протяжении ряда предшествовавших лет были забыты или отодвинуты на задний план в результате

[1] «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 4.

деятельности правых или «левых» элементов в коммунистическом движении»[1].

В переломный исторический момент коммунистическое движение разработало верную стратегию и тактику, идейно и политически вооружившую рабочий класс и всех трудящихся для борьбы в новых условиях.

Новая стратегическая ориентировка, творчески применяемая в конкретных условиях своих стран, позволила коммунистам сразу занять более активные позиции на общественной арене. Новая политика коммунистов превратилась в мощный рычаг развития борьбы рабочего класса и других демократических слоев. Хотя не удалось добиться сколько-нибудь заметного перелома в борьбе против фашистской диктатуры в Германии и Италии, антифашистские выступления народных масс в Испании, Франции, Чехословакии и ряде других стран стали быстро нарастать и крепнуть.

Политика народного фронта способствовала значительному развитию коммунистами их тактики на выборах. Компартии ряда стран заключили блоки на общедемократической, антифашистской платформе с социалистическими, мелкобуржуазными и антифашистскими буржуазными партиями. Особенно эффективными были эти соглашения во Франции (1936 г.), Испании (1936 г.), Чили (1938 г.). В тех странах, где не удалось достичь этого, компартии предлагали социалистам временные соглашения, а в ряде случаев компартии призывали своих сторонников отдавать голоса за социалистов, чтобы не допустить победы реакционных партий.

Исполком Коминтерна оказывал постоянную помощь компартиям в последовательном и творческом осуществлении новой политики, в ее дальнейшей разработке. Когда бурный подъем движения Народного фронта охватил в 1936 г. Францию и Испанию, среди части рабочего движения этих стран возникли мнения, что дело быстро идет к социалистической революции, а значит, нужно выдвинуть соответствующую платформу. ИККИ, тщательно анализируя ситуацию в этих странах и указывая при этом на громадные различия в их условиях, подчеркивал, что на очереди дня здесь стоят антифашистско-демократические преобразования. На заседаниях Президиума и Секретариата ИККИ в конце мая 1936 г. при обсуждении испанского вопроса была подтверждена установка на доведение до конца буржуазно-демократической революции в Испании и на создание правительства народного фронта.

Блестящую победу Народного фронта на парламентских выборах во Франции в начале мая 1936 г. и победу Народного фронта в Испании, а затем и борьбу против фашистского мятежа в этой стране Коминтерн, коммунистические партии восприняли как

[1] *В. В. Загладин.* Изменения в мире и коммунистическое движение.— «Рабочий класс и современный мир», 1975, № 5, стр. 3.

события, подтверждающие глубокую правильность и жизненность решений VII конгресса.

То, что испанские рабочие, выступив против мятежников, получили в свои руки оружие, имело огромное значение. Позиции рабочего класса в общественной борьбе значительно укрепились. Но ИККИ советовал испанским товарищам не сходить с позиций демократической республики. Попытка ставить на том этапе задачу создания Советов и установления власти пролетариата, говорил Г. Димитров в ИККИ, была бы роковой ошибкой: сил одного рабочего класса недостаточно для разгрома фашизма; необходимо сохранить единство и с мелкой буржуазией, и с крестьянскими массами, и с радикальной интеллигенцией на базе установления и укрепления демократической республики на данном этапе при полном разгроме фашистских контрреволюционных элементов[1]. Эту установку предлагалось учитывать при решении всех конкретных проблем, в том числе национализации промышленности, конфискации собственности, организации армии и т. д. Только осуществление политики народного фронта могло обеспечить разгром фашизма и дальнейшее развитие революции.

И в условиях Франции, как подчеркивал ИККИ, победа партий Народного фронта открывала возможность энергичного осуществления его программы, но не давала еще достаточных оснований для выдвижения лозунга перехода к социалистической революции. Такой лозунг был бы преждевременным уже потому, что еще не были достигнуты цели антифашистско-демократического этапа борьбы, а также потому, что лозунг социалистической революции в тех условиях сразу вызвал бы раскол Народного фронта, отход от него средних слоев и части рабочего класса; все это привело бы к поражению трудящихся.

На заседаниях высших форумов ИККИ 16—19 сентября 1936 г. революция в Испании оценивалась как глубокая демократическая революция, проходящая при таком сильном воздействии рабочего класса и других трудящихся, что ее результатом не могла уже быть буржуазно-демократическая республика. Новая власть представлялась как власть, идущая дальше революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и в то же время как власть, опирающаяся на более широкие социальные силы. Участники обсуждений — Г. Димитров, Д. Мануильский, М. Торез, О. Куусинен, Г. Поллит, В. Кодовилья и др.— исходили из указания Ленина, что нельзя все многообразие революций сводить к схематическому противопоставлению буржуазной революции пролетарской, что могут быть различные формы «*перехода* или *подхода* к пролетарской революции»[2]. Творческая мысль коммунистов увидела уже первую реаль-

[1] См. *К. К. Ширина*. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.), стр. 147.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77.

но наметившуюся возможность создания переходного режима, подготавливающего почву для социалистического этапа борьбы.

Г. Димитров, подводя итоги обсуждения, с наибольшей последовательностью сформулировал ряд положений. Он говорил, что при существующей расстановке классовых сил в мире, при наличии Советского Союза, с одной стороны, и фашистской диктатуры в ряде крупных государств — с другой, при современных классовых отношениях вопрос о буржуазно-демократической революции и буржуазно-демократическом государстве должен ставиться не так, как раньше. Испанская республика, за победу которой борется народ, в случае этой победы «будет особым государством с подлинной народной демократией. Это еще не будет советское государство, но государство антифашистское, левое, с участием подлинно левой части буржуазии»[1]. Г. Димитров высказался против старых представлений о том, что государство по своему содержанию всегда или капиталистическое, или социалистическое, так как жизнь показала, что возникают переходные формы к социалистическому государству, которые могут существовать на сравнительно протяженном отрезке революционного развития. Он говорил, что теперь рождается такое демократическое государство, где «народный фронт имеет решающее влияние». Мы не должны быть жертвой старых, социал-демократических или сектантских представлений о том, что невозможно существование такой демократической республики.

Определялась в главных чертах социально-экономическая и политическая структура государства и режима народной демократии. Здесь «стоит вопрос об организации производства без уничтожения окончательно частнокапиталистической собственности. Организация производства с участием и при контроле рабочего класса и его союзников... т. е. мелкой буржуазии и крестьянства. Теоретически это, может быть, будет правильно выразить как особую форму демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства...»[2].

В связи с появлением в печати публикации, по-старому освещавшей проблемы испанской революции, ИККИ поручил П. Тольятти в кратчайший срок подготовить статью, отражающую выводы ИККИ. 16 октября 1936 г. в «Правде» была помещена статья П. Тольятти «Об особенностях испанской революции», доказывавшая, что в Испании рождается новый тип демократической республики, «новая демократия», при которой «будет сломлена материальная основа фашизма» и будут созданы «гарантии для дальнейших экономических и политических завоеваний трудящихся...»[3]. Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании Х. Диас также отмечал, что

[1] См. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 3, стр. 13.
[2] Там же.
[3] «Правда», 16 октября 1936 г.

в Испании борьба идет «за *демократическую республику нового типа*»[1], в которой будут уничтожены корни фашизма и реакции, ликвидировано господство привилегированных классов и открыта дорога для дальнейшего социально-экономического прогресса трудящихся.

Антифашистско-демократическая революция направляла свой главный удар не столько против остатков феодальных отношений (хотя в Испании и эта задача имела немалый удельный вес), сколько против наиболее реакционной части крупного капитала. Эта революция отражала новый уровень взаимосвязи общедемократических и социалистических задач и обладала, следовательно, огромным антикапиталистическим потенциалом. Разумеется, коммунисты исходили из того, что между капитализмом и социализмом нет какой-то особой общественно-экономической формации, но переходы к социализму возможны самые различные; правительство Народного фронта, народная демократия мыслились как связующее звено между задачами антифашистской борьбы и социалистической целью.

Создание основ теории антифашистско-демократической революции явилось обобщением новейшего опыта борьбы рабочего класса и его союзников, творческим развитием марксизма-ленинизма, ленинских идей о перерастании демократической революции в социалистическую, о формах подхода или перехода к пролетарской революции.

Подъем борьбы за Народный фронт во Франции в 1936—1937 гг., национально-революционная война в Испании означали, что политика народного фронта начала проходить испытание практикой, обогащаясь и расширяя тот магистральный путь, по которому борьба рабочего класса и всех трудящихся капиталистических стран пошла в будущем.

ИККИ уделял огромное внимание программам политических преобразований, выдвинутых коммунистами в Испании и во Франции. Он одобрил участие Компартии Испании в правительстве Народного фронта; он неоднократно давал советы и рекомендации по укреплению сотрудничества КПИ с другими партиями Народного фронта на правительственном уровне, по налаживанию сотрудничества с анархо-синдикалистами. Подчеркивалось, что компартия должна при этом действовать как самая последовательная сила народного фронта, всей антифашистской борьбы, вносить в эту борьбу твердое организующее начало, оттеснять капитулянтов и неспособных, сдерживать псевдореволюционный авантюризм леваков, предлагать массам ясную политику в интересах рабочего класса и всех трудящихся[2].

[1] *Хосе Диас.* Под знаменем Народного фронта. Речи и статьи. 1935—1937. М., 1937, стр. 160.

[2] См. *М. Т. Мещеряков.* Вся жизнь — борьба (о Хосе Диасе). М., 1976, стр. 107—115.

На опыте событий в Испании, борьбы за Народный фронт во Франции и в других странах коммунистическое движение определило как одну из важнейших задач антифашистско-демократических режимов глубокую демократизацию государственного аппарата, включающую в себя упразднение, ликвидацию той части государственного аппарата, которая была приспособлена к функции насильственного угнетения масс, обновление органов исполнительной, законодательной и судебной власти и включение в государственный аппарат новых структур и форм, порожденных самой борьбой трудящихся масс. Придавая большое значение этим новым структурам, Коминтерн предлагал создавать и укреплять организацию Народного фронта снизу, начиная с местных комитетов, доверху — до национального комитета Народного фронта.

Особое внимание при строительстве нового государства уделялось армии. Платформы Народного фронта, предложенные компартиями, выдвигали требование демократизации армии как важнейшей и неотъемлемой части процесса демократизации политической жизни[1]. Опыт Испании показал, что именно коммунисты выработали наиболее действенную программу строительства республиканской армии и с величайшей энергией добивались ее осуществления[2].

Коминтерн постоянно поддерживал линию Компартии Испании на концентрацию сил рабочего класса, всего Народного фронта для разгрома фашистского мятежа, ибо только победа в войне могла обеспечить полную победу демократической революции, установление народно-демократической власти и ее перерастание во власть рабочего класса. Этот тезис подчеркивался с огромной силой в решении Секретариата ИККИ от 19 сентября 1936 г. В письме советских руководителей от 21 декабря 1936 г. правительству Ф. Ларго Кабальеро высказывались предложения, направленные на сплочение всех сил народа для разгрома мятежников и итало-германских интервентов[3]. Без победы в войне не может быть победы в революции — таков был лозунг испанских коммунистов. Он отвечал жизненным требованиям момента.

Коминтерн и компартии формулировали программы преобразований, осуществляемых Народным фронтом или антифашистско-демократическим режимом, в зависимости от конкретных исторических условий, и прежде всего от уровня борьбы масс. Так, программа народного объединения во Франции не предусматривала немедленного уничтожения власти монополистического капитала, но содержала первые шаги в этом направлении, провозглашая национализацию Французского банка и военной промышленности, демократическое

[1] См. «Коммунист», 1969, № 2, стр. 6—9.
[2] См. *С. П. Пожарская.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939. М., 1966, стр. 147—149.
[3] См. «Война и революция в Испании. 1936—1939», т. I. М., 1968, стр. 419—420.

государственное регулирование важнейших отраслей производства, проведение налоговой реформы и ряда мер по борьбе с безработицей[1].

ИККИ горячо одобрил программу мер, предложенных ФКП, которые постепенно вели бы к подрыву мощи финансовой олигархии. Вместе с тем ИККИ советовал при проведении этих мер учитывать общую экономическую конъюнктуру, не допускать, чтобы осуществление названных мер вызвало отход средних слоев от Народного фронта. На заседании Секретариата ИККИ летом 1936 г. Г. Димитров говорил в связи с этим, что реакция будет усиленно атаковать правительство народного фронта, особенно его меры, затрагивающие позиции крупного капитала: «...капитал имеет силы, имеет возможности подрывать позиции такого правительства, нападая на народный фронт, создать атмосферу недоверия к народному фронту. Мы должны массам об этом говорить правду и должны предлагать мероприятия и в парламенте и в правительстве для того, чтобы своевременно встречать эти попытки реакции»[2].

Демократическая республика нового типа в Испании осуществляла, разумеется, более глубокие социально-экономические преобразования, чем правительство Л. Блюма во Франции. Но и здесь коммунисты, исходя из интересов сплочения всех республиканских сил, выступали против поспешности в национализации монополий и конфискации земли. Это нашло отражение во многих документах КПИ и Коминтерна[3].

Борьба за осуществление политических и социально-экономических требований Народного фронта во Франции и Испании явилась первой практической проверкой реальных путей к народно-демократической республике. Этот опыт обогатил стратегию и тактику международного коммунистического и рабочего движения.

Коммунисты учитывали возможность создания различных переходных типов правительств между обычным буржуазным правительством и пролетарской властью. На заседании Секретариата ИККИ 5 июня 1936 г. указывалось, что нужно различать на этом пути: 1) левобуржуазное правительство; 2) правительство, зависящее от народного фронта, но еще не являющееся правительством народного фронта; 3) правительство народного фронта. Грани между этими типами нельзя рассматривать как застывшие[4]. Подвижность форм политической власти на этапе общедемократической, антифашистской революции — от левобуржуазного правительства в начале этого этапа

[1] «L'Humanité», 11.I.1936.
[2] «Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец». М., 1974, стр. 158.
[3] См. «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (сборник документов)». М., 1975, стр. 442, 453.
[4] См. «Из истории Коминтерна». М., 1970, стр. 152.

до правительства народного фронта, воплощающего в себе антифашистскую демократию завершающего этапа — ярко отражала переходный характер антифашистской фазы борьбы.

Было определено и отношение коммунистов к правительству народного фронта, к правительствам, опирающимся на народный фронт. Вопрос об участии ФКП в правительстве дважды подробно обсуждался в ИККИ. Коммунисты связывали свое участие в правительстве с размахом борьбы масс, с процессом превращения правительства в действительное правительство народного фронта. Они считали, однако, политически нецелесообразным преждевременное вхождение в левобуржуазное правительство или даже в правительство, опирающееся на народный фронт, в условиях, когда незрелость борьбы и соответствующая этому расстановка политических сил обрекали бы компартию на роль придатка реформистских и левобуржуазных партий.

В Испании в крайне трудной обстановке национально-революционной войны компартия взяла на себя правительственную ответственность. В документе, принятом Компартией Испании в конце 1936 г. и известном под названием «Восемь условий победы», подчеркивалось стремление коммунистов развивать сотрудничество на всех уровнях, в том числе и на правительственном, со всеми республиканцами.

Опыт показал, что участие компартии в правительстве народного фронта играло огромную положительную роль в развитии антифашистской борьбы, в осуществлении демократических преобразований и в укреплении единства всех антифашистов.

Одним из сложнейших вопросов антифашистской политики было определение в соответствии с реальными условиями той или другой страны главной политической цели борьбы трудящихся.

Учитывая соотношение классовых сил в странах с буржуазно-парламентарными режимами, коммунисты приходили к выводу, что в большинстве этих стран общая стратегическая установка на создание антифашистско-демократических режимов не может быть реализована сразу в силу объективных причин. Большинство масс здесь также еще не осознавало необходимости достижения этой цели. Поэтому формулировалась ближайшая, непосредственная политическая цель — добиться путем создания Народного фронта общего политического сдвига влево, образования левобуржуазных или социал-демократических правительств, которые способны осуществить энергичные меры против внутреннего и внешнего фашизма и удовлетворить ближайшие социально-экономические нужды трудящихся и средних слоев населения. Подчеркивалась необходимость конкретизации этой общей установки, определения позиции компартий по отношению к социал-демократическим правительствам или к правительствам с участием социал-демократии. ИККИ советовал выработать максимально гибкое отношение к такому правительству, ис-

пользовать воздействие на него массовых организаций для осуществления через правительство и парламент ряда мер в интересах трудящихся. В то же время компартии наряду с тактикой давления на такое правительство применяли и тактику поддержки некоторых его шагов, направленных против реакции и фашизма.

В странах тотальной фашистской диктатуры, а также в странах с режимами фашистского типа и с фашизировавшимися режимами лозунг борьбы за антифашистско-демократическую республику Народного фронта, сравнительно быстро расчищающую путь к власти рабочего класса, также не мог быть поставлен в качестве непосредственной политической задачи.

ЦК КПГ, реализуя советы ИККИ, подготовил в июне 1936 г. «Директивы для выработки политической платформы Немецкого народного фронта», в которых предлагалось положить в основу программы народного фронта положение о том, что «новое государство будет демократической республикой, в которой народ будет свободно решать все вопросы хозяйства, внутренней и внешней политики, а правительство будет определяться решением трудящегося народа на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»[1]. КПГ исходила из того, что объективные и субъективные факторы требуют пройти прежде фазу глубокой общедемократической борьбы, которая создаст предпосылки для социалистического переворота. Выдвижение лозунга демократической республики в качестве основной политической установки означало, что компартия считает необходимым общедемократический, антифашистский этап революции не только в смысле определенной фазы борьбы за свержение гитлеровской диктатуры, но и в смысле устанавливаемой после этого власти.

На заседании Секретариата ИККИ 11 мая 1936 г. было принято письмо к ЦК КП Австрии, в котором говорилось: «Для мобилизации народных масс на свержение фашистской диктатуры КП Австрии должна выдвинуть лозунг демократической республики. Партия должна отдавать себе отчет в том, что соотношение классовых сил в Австрии в настоящий момент не ставит в порядок дня борьбу за диктатуру пролетариата»[2].

Создание антифашистской демократической республики было главной политической целью антифашистской борьбы во многих странах, хотя характер конкретных политических лозунгов определялся в зависимости от расстановки классовых сил и условий в каждой стране.

Так, Коммунистическая партия Италии, учитывая, что лозунг демократической республики, способствовавший сближению коммунистов, социалистов и республиканцев, оставляет за пределами дви-

[1] «Die Internationale» (Prag), 1937, Heft 1—2, S. 79.

[2] См. «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение. К 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 156.

жения Народного фронта антифашистские элементы, не являющиеся республиканскими, поставила в центр непосредственной борьбы ближайшие политические требования: завоевание демократических свобод, выполнение социальных обещаний фашистской программы 1919 г.[1] ЦК Компартии Болгарии на пленуме в феврале 1936 г. не формулировал требование демократической республики, а выдвинул лозунг немедленного восстановления Тырновской конституции, предусмотренных ею прав и свобод. Коммунисты рассчитывали этим «сплотить в народный фронт все нефашистские силы, включая и тех, кто был сторонником монархии, для ликвидации невыносимого положения в стране, созданного фашистскими правящими кругами, восстановления попранных прав и свобод народа»[2].

Компартии колониальных и зависимых стран также по-новому сформулировали свои стратегические цели, подчеркнув при этом ведущее место национально-освободительных, антиимпериалистических и антифеодальных задач в борьбе угнетенных масс колоний и полуколоний. Здесь развернулась мобилизация масс на создание национальных антиимпериалистических фронтов. Исполкому Коминтерна принадлежала видная роль в осуществлении этого поворота, в определении конкретного содержания политики единого антиимпериалистического фронта в странах этого региона[3].

Борьба за сплочение антифашистских сил в рамках народного фронта требовала решения вопросов о том, какие социальные и политические силы могут войти в Народный фронт в той или другой стране, в каких формах, каким путем может быть достигнуто такое объединение и какие лозунги нужно выдвигать в этих целях.

Руководство ИККИ указывало, что необходимо стремиться к объединению в рамках Народного фронта самого широкого спектра классов, социальных слоев, групп и политических течений. Когда в некоторых странах обнаружилась тенденция компартий добиваться единства действий только с левым крылом других антифашистских партий и организаций, Коминтерн резко выступил против этой тенденции, назвав ее остатком левачества и сектантства в политике, линией, которая грозила углубить раскол в демократическом лагере[4]. В то же время ИККИ решительно осудил попытки строить народный фронт как обычный блок, возглавляемый нефашистскими буржуазными партиями. Такие попытки предпринял один из тогдашних руководителей Компартии США, Э. Браудер, утверждав-

[1] См. «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение. К 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 158—159.
[2] «История Болгарской коммунистической партии». М., 1971, 388—390.
[3] Подробнее см. главу седьмую данного тома.
[4] См. «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977, стр. 205—207.

шии, что центром народного фронта должны быть силы, сплачивающиеся вокруг Рузвельта и демократической партии, а сам народный фронт не должен-де выходить организационно за рамки этой партии. При обсуждении этих вопросов в ИККИ весной 1937 и в начале 1938 г. Г. Димитров, Д. Мануильский и другие указали на опасность хвостистского следования за политикой Рузвельта, идеализации этой политики. Компартии США были даны рекомендации сочетать борьбу за создание широкой рабоче-фермерской партии как формы народного фронта с поддержкой прогрессивных движений внутри демократической партии[1]. ИККИ советовал поддерживать прогрессивные лозунги Рузвельта, его меры, отвечающие интересам трудящихся, и выступать с открытой критикой его шагов, которые противоречат этим интересам.

Вопросы о том, насколько широк может быть народный фронт в той или другой стране, Коминтерн и компартии решали, исходя из тщательного анализа конкретной расстановки классовых сил. В Латинской Америке, например, речь должна была идти о народном фронте, близком по своему содержанию и рамкам к единому антиимпериалистическому фронту, но имеющем в то же время большой объем внутренних антифеодальных, антиолигархических задач, направленных против сравнительно сильной местной реакции, латифундистов и проимпериалистической буржуазии[2].

В ряде стран в ходе борьбы против фашизма возникали различного рода левые буржуазные блоки. Коминтерн и компартии видели негативные моменты в деятельности этих блоков, их шатания, их боязнь развития широкой массовой борьбы против фашизма и реакции, их склонность к компромиссам с реакционными буржуазными партиями. Тем не менее коммунисты рассматривали соглашения с этими блоками в целом как возможную ступень к созданию народного фронта. Компартии считали, что такие соглашения позволят воздействовать на развитие этих блоков, добиваться их перехода на платформу народного фронта. Компартии стремились к тому, чтобы в такие блоки вступили все прогрессивные партии и организации, а также профсоюзы[3].

Гибкая тактика помогла компартиям теснее связаться с оппозиционными фашизму массами, войти в контакт с крестьянскими партиями, оказать в ряде стран серьезное воздействие на левые блоки.

Коминтерн и компартии всегда выделяли как центральную проблему создания и укрепления единого рабочего фронта, ибо только

[1] См. *К. К. Шириня*. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны, стр. 226—227, 345—346.

[2] См. «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», стр. 263.

[3] См. подробнее: *К. К. Шириня*. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны, стр. 204—207, 227—229.

единый рабочий фронт мог быть становым хребтом прочного антифашистского союза сил. ИККИ выступал за максимально гибкое отношение компартий к социал-демократическим партиям, за использование каждой благоприятной возможности для практического сближения рабочих партий в антифашистской борьбе, изменения политики социал-демократии в антифашистском духе. Не замазывая пороков социал-демократии, компартии, как указывал ИККИ, должны были поддержать в политике социал-демократии все отвечающее хотя бы частично интересам трудящихся.

Последовательно проводили компартии политику профсоюзного единства. После категорического отказа реформистских лидеров Чехословакии, Бельгии, Швейцарии и некоторых других стран пойти на переговоры об объединении с революционными союзами компартии дали совет членам революционных союзов вступать индивидуально или коллективно в существовавшие реформистские профсоюзы.

В Германии, Италии, Австрии и других странах проводилась работа по созданию нелегальных антифашистских профсоюзов. Вместе с тем в этих странах коммунисты боролись за использование в фашистских профсоюзах малейших легальных возможностей для деятельности в интересах рабочего класса.

Коминтерн рекомендовал компартиям бороться за то, чтобы превратить определенные звенья фашистских профсоюзов в опорные пункты классовой борьбы и антифашистского движения. В результате в фашистских профсоюзах Германии, Италии, Австрии удалось сохранить или даже расширить очаги антифашистского Сопротивления. А в Болгарии коммунисты добились того, что в казенных (фашистских) профсоюзах были завоеваны низшие и даже средние звенья и в результате была создана одна из важнейших опор единого рабочего фронта[1]. Предпринимались усилия для достижения международного профсоюзного единства[2].

Важной страницей борьбы коммунистов за единство рабочего класса была политика, направленная на объединение рабочих партий. Коммунисты, однако, не стремились искусственно форсировать этот процесс. Они были убеждены, что объединение возможно лишь на основе полного разрыва социал-демократов с политикой классового сотрудничества и перехода их на марксистско-ленинские позиции. А темпы этого перехода зависели как от развития самой массовой борьбы рабочего класса, так и от сознательных усилий левых социалистов и правильной тактики коммунистов. Так, одобряя установку Компартии Испании на создание единой революционной партии, ИККИ подчеркивал, что объединение КПИ и Испанской

[1] *Г. Радев.* Единият пролетарски фронт 1934—1939. София, 1967, стр. 180—184.

[2] См. главу третью данного тома.

социалистической рабочей партии решается не столько в переговорах с левыми вождями ИСРП, сколько в ходе массовой борьбы в городах и деревнях, в процессе усвоения социалистами марксистско-ленинских идей. ИККИ советовал испанским коммунистам «не форсировать слияние с социалистической партией», а исходить из главного — единства действий обеих партий на всех уровнях в борьбе против интервентов и мятежников. Точно так же и во Франции в момент, когда борьба за создание единой партии нашла широкий отклик в рядах СФИО и в 1937 г. в десятках городов возникли снизу объединенные секции ФКП — СФИО, называвшие себя социалистическо-коммунистическими секциями, компартия не выдвигала на первый план задачу создания единой партии, считая, что главное — это обеспечить развитие единства действий рабочего класса, консолидировать Народный фронт.

В других странах, где в рабочем движении преобладало социал-демократическое влияние, путь к единой революционной рабочей партии был, разумеется, еще труднее и длительнее и мог проходить через целый ряд этапов. Одним из таких этапов могло быть вступление компартии в социал-демократическую партию на правах коллективного члена, имеющего политическую самостоятельность. По этому тактическому рисунку развертывалась, например, борьба Компартии Англии за вхождение в лейбористскую партию. Ясно, что в результате такого объединения лейбористская партия не превращалась еще в революционную, а становилась лишь формой единого рабочего фронта, но при этом создавались бы предпосылки ее обновления.

Неотъемлемой частью новой политики коммунистов была активная борьба за создание всемирного фронта мира против фашистской агрессии. Выступая на заседании Президиума ИККИ 23 марта — 1 апреля 1936 г., Г. Димитров поставил задачу на основе принципиальной платформы VII конгресса Коминтерна выработать конкретную программу борьбы против войны, программу, отвечающую сложившейся обстановке. В ходе заседаний были сформулированы выводы о путях консолидации всех миролюбивых сил, о необходимости преодолеть негативное отношение коммунистов к оборонительным мероприятиям буржуазных правительств тех стран, которым угрожало фашистское нападение, о коммунистической платформе в области обороны против фашистской агрессии и создания системы коллективной безопасности.

В постановлении Президиума ИККИ от 1 апреля 1936 г. подчеркивалось, что «*обуздание фашистских зачинщиков войны, борьба за сохранение мира* — сегодня *центральная задача* всего международного пролетариата»[1]. Компартии обязывались теснейшим образом увя-

[1] «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны», стр. 421—422.

зывать вопросы обороны своих стран с требованиями расширения демократических прав трудящихся, демократизации армии, ее чистки от фашистских и реакционных элементов, удовлетворения насущных требований рабочих и крестьянских масс.

Коминтерн вновь заявлял о своей готовности вместе с РСИ и Амстердамским интернационалом профсоюзов бороться за всеобщий пакт о взаимопомощи с включением в него СССР.

Эти решения, в разработку которых важный вклад внесли ВКП(б) и другие компартии, конкретизировали и развили ряд установок VII конгресса о борьбе за мир, дали теоретическое обоснование активной политике компартий в вопросах обороны страны от фашистской агрессии, наметили контуры политики национального фронта в целях отражения такой агрессии.

Постановление Президиума ИККИ имело важное теорети ское значение и потому, что в нем были сформулированы исходные критерии для определения характера надвигавшейся войны. Указывалось, что сложившаяся обстановка не похожа на обстановку 1914 г.: «...теперь имеются: 1) пролетарское государство, являющееся величайшим оплотом мира; 2) определенные фашистские агрессоры (Германия, Италия, Япония); 3) ряд стран, стоящих под непосредственной угрозой нападения на них со стороны фашистских агрессоров и утери своей государственной и национальной независимости (Бельгия, Чехословакия, Австрия и т. д.); 4) другие капиталистические государства, которые в данный момент заинтересованы в сохранении мира»[1]. Наличие этих факторов означало, что новая мировая война, которую готовил фашизм и империалистические круги, по своему характеру должна была явиться более сложной и противоречивой, чем первая, и что в ней с самого начала будут присутствовать не только империалистические, но и освободительные, антифашистские тенденции.

В условиях, когда империалистическая реакция и фашизм на всех парах шли к мировой войне, Коминтерн и компартии разъясняли народам своих стран, что внешняя политика Советского Союза, направленная на обеспечение интересов страны социализма, всего мирового социализма, отвечает в то же время стремлениям не только революционного пролетариата всех стран, но и чаяниям всех демократических сил, всех сторонников мира. В коммунистической политике важное место заняли лозунги борьбы за коллективную безопасность, за заключение договоров о взаимопомощи с СССР (по типу франко-советского и советско-чехословацкого договоров), за поддержку миролюбивой политики СССР, за тесный союз с ним.

Переход фашистских держав к прямым актам агрессии (захват Италией Эфиопии, германо-итальянская интервенция в Испании,

[1] «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны», стр. 429.

захват гитлеровцами Австрии, Судетской области и расчленение Чехословакии) поставил рабочее и демократическое движение перед срочной задачей организации отпора этой агрессии. Коминтерн и компартии прилагали огромные усилия, чтобы мобилизовать движение сторонников мира на борьбу за создание прочной системы коллективной безопасности, за тесный союз народов с СССР, достичь единства действий международных рабочих организаций для борьбы против войны и фашизма, развернуть конкретные кампании в защиту Испанской республики, в защиту других жертв фашистской агрессии.

Коммунистический Интернационал руководил осуществлением мероприятий, направленных на оказание боевой поддержки Испанской республике, уделял постоянное внимание созданию и действиям Интернациональных бригад, которые пришли на помощь борющемуся испанскому народу и стали воплощением боевого народного фронта в международном масштабе. Коминтерн настойчиво добивался соглашения с руководством РСИ о совместной помощи Испанской республике. Переговоры представителей Коминтерна и РСИ летом 1937 г. дали позитивные результаты[1]. Однако лидеры международной социал-демократии не пошли на практическую реализацию соглашения, а вскоре правые вожди РСИ взяли курс на фактическую поддержку политики умиротворения фашистских агрессоров, проводившейся правящими кругами западных держав.

Коммунисты разоблачали Мюнхенское соглашение как заговор империалистов против всеобщего мира, как тяжелейший удар по политике коллективной безопасности, удар по политике народного фронта, силам мира и демократии, движению сторонников мира, как шаг к мировой войне. ИККИ рекомендовал компартиям усилить борьбу за объединение всех патриотических сил против фашистских агрессоров, за обуздание реакционных империалистических клик и капитулянтов в собственных странах, за единую международную политику рабочего класса против войны, за укрепление союза народов и стран с СССР — оплотом мира, демократии, социализма и национальной независимости.

В изменившихся условиях Коминтерн и компартии выступили за то, чтобы расширить политику народного фронта, привлечь к народному фронту все патриотические силы, способные противостоять фашистской агрессии и бороться за национальные интересы своих народов. В ИККИ были приняты решения, одобрявшие политику национального единения в Испанской республике (3 сентября 1938 г.), курс на создание фронта защиты независимости республики в Чехословакии (май 1938 г.), борьбы за национальный фронт во Франции и в малых европейских странах, которым угрожала гитлеровская агрессия. Коммунисты увидели возможность создания в ряде стран демократически-патриотических блоков, фронтов или движений, ко-

[1] См. «Коммунистический Интернационал», 1937, № 5, стр. 16.

торые могли привлечь в свои ряды широкие круги населения и даже те патриотически настроенные элементы буржуазии, которые до сих пор вели себя пассивно или примыкали к правящим группировкам.

Политика национального фронта являлась единственной альтернативой наступлению сил фашизма и войны; всякий другой политический курс, всякие попытки найти путь к миру за счет соглашения с агрессорами вели к катастрофе.

После Мюнхенского соглашения политика национального фронта становилась определяющей, главной линией Коминтерна и компартий. Рассматривая ее важнейшие аспекты, Исполком Коминтерна обращал внимание компартий на необходимость активизации борьбы за укрепление обороноспособности народов, над которыми гитлеровцы заносили свой меч. Развертывались поиски новых форм сплочения антифашистских и патриотических сил, давления на правительства с целью побудить их к защите независимости своих стран, к переговорам с СССР о коллективной безопасности.

Однако сопротивление правой социал-демократии, поддержавшей прямо или косвенно правительственную политику попустительства агрессорам, парализовало все усилия, направленные на создание единого антифашистского и антивоенного фронта международного рабочего класса.

Определенного рода трудности возникли в самом коммунистическом движении в связи с культом личности Сталина и сопутствовавшими ему отрицательными явлениями, необоснованными репрессиями в отношении ряда деятелей международного коммунистического движения, роспуском Компартии Польши. Негативные явления, связанные с культом Сталина, не меняли, однако, социалистической сущности общественного строя в СССР, и они ни в коей мере не могли служить оправданием саботажа правыми лидерами социал-демократии важнейшей исторической задачи создания международного единого рабочего фронта против фашизма и войны. Отказ подавляющего большинства социал-демократических партий от единства действий с коммунистами, от политики народного фронта, отход от линии на создание коллективной безопасности, нежелание содействовать мобилизации масс на самостоятельные выступления против реакции, фашизма и поджигателей войны, антикоммунизм — все это подрывало усилия и возможности рабочего движения.

Выработанный коммунистическим движением курс на создание единого рабочего, народного и национального фронта указывал единственно возможный путь отпора фашизму и силам войны. Борьба за осуществление этого курса имела огромное историческое значение.

Политика коммунистов стала основой организации отпора фашистскому наступлению в ряде стран, особенно во Франции и в Испании. Все это серьезно замедлило продвижение фашизма, осуществление его планов развязывания войны, не позволило фашизму за-

нять уже в предвоенное время те наиболее выгодные стратегические позиции, к которым он стремился.

Под лозунгами борьбы за единый рабочий и широкий народный фронт, за осуществление программ народного фронта трудящиеся ряда стран добились серьезных социальных завоеваний. Укрепились связи рабочего класса с его естественными союзниками, повысилась его роль как класса, наиболее последовательно защищающего интересы всех, кто страдает от гнета монополий.

Политика единого рабочего и широкого народного фронта, расширенная в условиях непосредственной угрозы фашистской агрессии до политики национального фронта, привела в ряде стран к подъему общенационального патриотического движения, направленного на защиту свободы и независимости народов от порабощения фашистскими агрессорами, способствовала формированию во всем мире антифашистского общественного мнения. Это явилось также подготовкой рабочего класса, всех антифашистов и патриотов к надвигавшейся вооруженной борьбе с фашизмом, к тесному сотрудничеству с СССР в этой борьбе. Осуществление этой политики показало возрастающую роль рабочего класса в судьбах национального развития, в защите общенациональных интересов.

Борьба компартий за единый рабочий и широкий народный фронт в 30-х гг. явилась осуществлением новой стратегии, обогатившей политику и боеспособность коммунистического движения. Коминтерн и компартии накопили опыт борьбы за режимы народного фронта как режимы, подготавливающие почву для движения вперед — к социалистическим преобразованиям. И хотя первые правительства Народного фронта — в Испании, Франции, Чили — не смогли по разным причинам развиться настолько и достичь такой степени зрелости, чтобы стать правительствами перехода к социалистической революции, жизнь доказала их огромные потенциальные возможности в области антифашистских, демократических преобразований и подготовки предпосылок для перехода к социализму. Разработка основ теории антифашистско-демократической революции явилась важнейшим вкладом Коминтерна в развитие марксистско-ленинской теории и коммунистической стратегии.

Политика единого рабочего и антифашистского народного фронта внесла огромный вклад в идейно-политическую подготовку коммунистов к осуществлению политики антифашистских национальных фронтов, отечественных фронтов в грозные годы вооруженной борьбы против фашизма, она была также подготовкой курса компартий на народно-демократические и социалистические революции 1944—1949 гг.[1]

[1] См. *Б. Н. Пономарев.* Георгий Димитров в борьбе против фашизма и войны в период второй мировой войны.— «Воспоминания о Георгии Димитрове». София, 1972, стр. 258—275.

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА ГЕРМАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

В Германии экономический кризис 1929—1933 гг. привел к особенно глубоким социально-политическим потрясениям. Спад хозяйственной активности в этой стране в силу ряда причин достиг наибольшей глубины среди развитых капиталистических государств Европы. Германия побила европейский рекорд и по уровню безработицы. К началу 1933 г., по официальным данным, число безработных приблизилось к 9 млн., что составляло половину лиц наемного труда[1]. Между тем мизерные пособия по безработице получало не более 20% общего числа безработных[2]. Пожалуй, ни в какой другой стране кризис не вызвал столь тяжелых последствий для мелкобуржуазных масс города и деревни, служащих, крестьян и т. д. Ряды безработных непрерывно пополнялись за счет ремесленников, строителей, владельцев кустарных мастерских, торговцев, лиц свободных профессий. Эта категория безработных была почти полностью лишена права на пособия. Материальное положение занятых на производстве рабочих и служащих было немногим лучше. Повсеместно резко снизилась реальная заработная плата, возросли налоги, усилилась эксплуатация.

Экономический кризис, тяготы и лишения, выпавшие на долю трудящихся, своекорыстная политика буржуазии, открыто сделавшей ставку на репрессии, нацистский террор[3] вызвали поляризацию классовых сил, усиление борьбы рабочего класса. В авангарде этой борьбы повсюду шли коммунисты.

Огромную активность проявило движение безработных, не прекращалась забастовочная борьба, проходили массовые демонстрации и голодные походы. В октябре 1930 г. в Берлине бастовало 130 тыс. металлистов, к которым присоединились рабочие ряда других отраслей. В 1931 г. самым значительным событием в политической жизни страны была забастовка горняков Рура и Верхней Силезии, в которой участвовало около 300 тыс. человек. Высшей точкой движения стала носившая ярко выраженный политический характер забастовка 22 тыс. берлинских транспортников в ноябре 1932 г., парализовавшая всю транспортную систему Берлина, крупнейшую в Европе[4].

Массовый и сплоченный характер сопротивления рабочих наступлению капитала, проявленная ими решимость в борьбе вызвали у буржуазии глубокую тревогу. Поскольку предпринимавшиеся в рамках буржуазной конституции средства экономического и поли-

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4. Berlin, 1966, S. 335.

[2] «International Press Correspondence», vol. 12, N 30 (7-th July 1932), p. 606; vol. 12, N 39 (1-st Sept. 1932), p. 829.

[3] См. *Э. Тельман.* Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения, т. II. М., 1958, стр. 361.

[4] «International Press Correspondence», vol. 12, N 51 (17-th Nov. 1932), p. 1102.

тического давления на рабочий класс не давали эффекта, в кругах монополистической буржуазии наметился поворот к установлению «сильной власти» и ликвидации парламентской демократии. Конечно, это происходило не без борьбы в рядах самой буржуазии. Но германская буржуазия, пережившая страх в период Ноябрьской революции, в целом была больше других отрядов буржуазии склонна к тому, чтобы прибегнуть к помощи крайней реакции для сохранения своего господства. Главным препятствием на пути осуществления этих планов было рабочее движение. Однако проводимая социал-демократическими лидерами политика классового сотрудничества и антикоммунизма, раскола рабочего класса давала империалистической реакции широкие возможности для наступления на демократию.

Пришедшее к власти в марте 1930 г. на смену коалиционному правительству социал-демократа Г. Мюллера правительство во главе с лидером партии Центра Г. Брюнингом встало на путь систематического подрыва буржуазно-парламентарного режима. Умело играя на страхе социал-демократических лидеров перед массовой внепарламентской борьбой, на их приверженности буржуазной легальности, Брюнинг постепенно разрушал авторитет рейхстага и расширял прерогативы исполнительной власти.

Буржуазия не ограничивала свою политику рамками легальности. В стране резко активизировалась нацистская партия, поддерживаемая финансово-промышленными магнатами. Фашисты, именовавшие себя «национал-социалистской рабочей партией», широко прибегая к социальной демагогии, развернули яростную шовинистическую, антикоммунистическую агитацию. Рабочим они сулили ликвидацию безработицы и справедливую заработную плату, крестьянам — ослабление долгового бремени и прекращение продажи земли с торгов, мелким торговцам и ремесленникам — закрытие универмагов, устранение «процентного рабства» и т. п. Они играли на ущемленных Версальским договором национальных чувствах немцев, взывая к «справедливости» и к возрождению военного «престижа» Германии, разжигали звериный расизм и антисемитизм. Вовлекая в свои ряды прежде всего мелкобуржуазные слои, доведенные до отчаяния экономическим кризисом, представителей военной касты, деклассированные элементы, нацисты создали многочисленные вооруженные формирования, проводили террор в отношении пролетарских организаций, нагнетали напряженность, создавали в народе чувство неуверенности и страха.

Империалистическая реакция, делая ставку на фашизм, видела в нем средство превентивной контрреволюции. Фашизм обещал также стать ударной силой в борьбе против Советского Союза. Преодолев известную неприязнь к антикапиталистической демагогии гитлеровцев и получив соответствующие заверения, влиятельные магнаты капитала с конца 20-х гг. встали на путь субсидирования нацистской партии, что позволило ей значительно усилить свои позиции.

Выборы в рейхстаг в сентябре 1930 г. отразили резкую поляризацию политических сил. Число голосов, поданных за КПГ, достигло почти 4,6 млн. (на 1,4 млн. больше, чем в 1928 г.), причем в Берлине за нее голосовало большинство избирателей. Социал-демократы собрали 8,6 млн. Вместе с тем резко возросло число голосов, полученных нацистами: по сравнению с 1928 г. оно увеличилось в 8 раз и достигло более 6,4 млн. (18,3% избирателей)[1]. Фашистская опасность резко возросла.

В условиях роста нацистской угрозы КПГ выдвинула на первый план идею создания широкого антиимпериалистического, антифашистского фронта. На пленуме ЦК КПГ в октябре 1929 г. Э. Тельман подчеркнул, что крупные капиталисты осуществляют реорганизацию нацистской партии, и охарактеризовал ее как орудие монополий[2]. Националистической, реваншистской программе фашистов КПГ противопоставила свою «Программу национального и социального освобождения немецкого народа», принятую в августе 1930 г. Программа разоблачала демагогию гитлеровцев о «немецком социализме», призывала к объединению всех демократических сил на антифашистской основе, к свержению власти монополий. Программа характеризовала нацистскую партию как партию крайней реакции и войны, доказывала, что ее поддерживают наиболее реакционные круги финансового капитала[3]. Это был важный шаг на пути выработки стратегии и тактики, отвечающей новым условиям.

Борьбу за единый антифашистский фронт затрудняло наличие в самой партии левосектантской группы Г. Неймана и его сторонников, отстаивавшей взгляд на социал-демократию как на фракцию фашизма. Необходимость вести борьбу одновременно против капитулянтства социал-демократических лидеров и их отказа от единых действий против фашистов, а также против сектантства в собственных рядах осложняла задачи руководства КПГ. Однако, преодолевая эти трудности, партия настойчиво искала пути объединения рабочего класса и всех демократических сил против наступления фашизма. «Наша задача,— говорилось в письме Секретариата ЦК КПГ,— как можно скорее организационно сплотить все антифашистские силы на предприятиях и вне их в широкое массовое движение»[4].

В этой связи обращалось особое внимание на первостепенное значение установления единого рабочего фронта. «Мы призываем всех

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik», Bd. II, S. 259—260.

[2] *K. Mammach.* Bemerkungen über die Wende der KPD zum Kampf gegen den Faschismus.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1963, № 4, S. 664.

[3] *L. Berthold.* Das Programm der KPD zur nationalen und sozialen Befreiung des deutschen Volkes. Berlin, 1956.

[4] Цит. по: *Л. И. Гинцберг.* Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919—1933). М., 1978, стр. 163.

социал-демократических рабочих, всех рабочих-христиан и беспартийных рука об руку с коммунистами покончить с разбойничьим фашизмом»[1],— говорилось в воззвании ЦК КПГ. Осенью 1930 г. по инициативе КПГ был создан Союз борьбы против фашизма, в котором объединились отряды антифашистской самообороны. В первой половине 1931 г. численность Союза борьбы против фашизма достигла 100 тыс. человек. Несмотря на запрет руководства СДПГ, в отряды Союза вступали и рабочие социал-демократы.

В мае 1931 г. КПГ разработала обширный план расширения занятости рабочих, который открывал возможности совместных выступлений рабочих и безработных. Была также опубликована «Программа помощи крестьянам», предусматривавшая погашение огромного долга мелких крестьян, снижение арендной платы, безвозмездное отчуждение собственности помещиков и раздел земли между крестьянами-бедняками. Предпринимались и другие шаги для установления прочного союза между рабочим классом и крестьянством. В январе 1932 г. под руководством коммунистов в Берлине прошел Первый Всегерманский крестьянский конгресс, который призвал к созданию крестьянских комитетов. Компартия, выросшая численно (в конце 1932 г. она имела 360 тыс. членов), вела большую идеологическую работу, разъясняя ошибочность тезиса «чем хуже, тем лучше», расхожих мнений о том, что, если фашисты придут к власти, они сразу же обанкротятся.

Компартии удалось в это трудное время укрепить связи и с демократической антифашистской интеллигенцией, виднейшие представители которой — Томас и Генрих Манны, Лион Фейхтвангер, Арнольд Цвейг, Курт Тухольский, Карл фон Осецкий — вели активную борьбу против угрозы фашизма. В ряды писателей-коммунистов вступили Анна Зегерс и Людвиг Ренн. Бертольт Брехт стал автором антифашистских пьес и известной песни «Солидарность». Усиливалась деятельность руководимых коммунистами или близких к ним культурных и спортивных организаций.

Весной 1932 г. КПГ предложила социал-демократам выдвинуть общую кандидатуру на президентских выборах, выразив готовность поддержать лидера социал-демократов Пруссии О. Брауна. Но правому руководству СДПГ была настолько ненавистна мысль о сотрудничестве с коммунистами, что оно предпочло вообще отказаться от борьбы за пост президента республики. Если в 1925 г. социал-демократические лидеры заявляли: «Кто отдает голос Гинденбургу, совершает предательство», то теперь руководство СДПГ призвало голосовать за Гинденбурга, проявляя тем самым прямо-таки преступную близорукость[2]. Председатель социал-демократической фракции прусского

[1] «Die Rote Fahne» 17.IX.1930.

[2] См. *В. Д. Кульбакин.* Германская социал-демократия. 1924—1932. М., 1978, стр. 216—227.

ландтага Э. Гейльман уверял даже, что Гинденбург «никогда (!) не будет президентом... при национал-социалистском правительстве»[1]. Прошло менее года, и президент Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, а Гейльман некоторое время спустя погиб в концлагере.

Однако и тогда, когда 20 июля правительство Папена совершило в Пруссии государственный переворот, сместив социал-демократическое правительство, руководители СДПГ отказались от совместного выступления с коммунистами. Эта акция руководства СДПГ привела к деморализации части сторонников партии.

26 мая 1932 г. ЦК КПГ опубликовал воззвание об «Антифашистской акции», в котором компартия призывала рабочий класс напрячь силы, чтобы «сорвать кровавый план гитлеровского фашизма, который хочет установить в Германии открытую фашистскую диктатуру». Предлагались меры массовой самозащиты, создания единого фронта рабочих и всех других слоев населения[2].

Существенный вклад в выработку этой новой линии внес Эрнст Тельман. «Установление единого пролетарского фронта для революционной массовой борьбы против фашизма,— говорил он на пленуме ЦК,— стало настоятельной необходимостью, чтобы закрыть гитлеровскому фашизму путь к участию в правительстве. И вопрос сейчас в том, насколько нам удастся наряду с методами, известными ЦК, выступить с большой, для Германии новой, особенной акцией»[3].

Движение «Антифашистская акция» распространялось по всей стране, охватывая и деревню. Руководители КПГ Э. Тельман, В. Пик, В. Ульбрихт, И. Шеер выступали на десятках собраний. Они встречались также с социал-демократическими функционерами и, отвечая на их вопросы, разъясняли позицию КПГ. Единый фронт коммунистов не маневр, подчеркивали они, а искренняя политика, направленная на сплочение всех пролетарских сил.

Эрнст Тельман разъяснял, что «Антифашистская акция» — это «надпартийное объединение всех рабочих, готовых к беззаветной борьбе против фашизма. Это не организация, а массовое движение». Различие мнений по разным вопросам не должно отвлекать от главного: «Самая неотложная, животрепещущая проблема, общая для всех рабочих,— как помешать установлению в Германии фашистской диктатуры»[4].

В ноябре 1932 г. Эрнст Тельман на заседании руководства Коммунистического союза молодежи, предостерегая от переоценки зрелости субъективных предпосылок революции, высказал важные мысли о необходимости найти правильный тон в работе с массами и под-

[1] *Л. И. Гинцберг.* На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972, стр. 248.
[2] «Die Antifaschistische Aktion. Dokumentation und Chronik. Mai 1932 bis Januar 1933». Berlin, 1965, S. 33.
[3] «Ernst Thälmann. Eine Biographie». Berlin, 1979, S. 570—571.
[4] Ibid., S. 163—171.

ходящие методы политической агитации. Он призывал крепить чувство товарищества в рабочей среде: «Массы нельзя завоевать простой схемой, и только правильной генеральной линии для этого недостаточно, это вопрос применения правильных психологических методов, понимания психологии масс». Борьба за частичные требования, говорил Тельман,— важный этап подвода масс к решающим сражениям. Критикуя нежелание некоторых молодых коммунистов работать среди молодежи, уже подпавшей под влияние фашистов, Тельман сказал: «Конечно, легче и проще призывать: «Бейте фашистов, где вы их ни встретите!» Но, товарищи, если так легко их побить, почему же они растут?» Он звал молодежь крепить единый рабочий фронт[1].

В разных городах стали создаваться единые комитеты «Антифашистской акции». В землях проходили конференции. 10 июля 1932 г. в Берлине состоялся Конгресс антифашистского действия.

Стремясь установить с социал-демократическими рабочими добрые, товарищеские отношения, Тельман специально обратился к ним со словами: «Вы, социал-демократические товарищи, включились в Антифашистскую акцию, не перестав быть социал-демократами... Мы верим вам, что вы исполнены решимости и готовы с нами вместе осуществить то, чего вы хотите так же, как и мы, коммунисты, а именно: разбить фашизм!»[2]

На выборах в рейхстаг 31 июля 1932 г. КПГ получила 5,4 млн. голосов (выиграв 700 тыс.), а на выборах в ноябре 1932 г.— около 6 млн. голосов. На выборах в ноябре обе рабочие партии получили на 1,3 млн. голосов больше, чем в июле. За гитлеровцев, собравших в июле 13,7 млн. голосов, в ноябре было подано 11,7 млн. Это свидетельствовало о начавшемся отрезвлении тех слоев населения, которые были обмануты фашистской пропагандой. Обозначившаяся перспектива упадка влияния фашистской партии вызвала у господствующих классов тревогу и усилила их стремление к ускорению фашистского переворота[3].

В январе 1933 г. реакционные круги монополистического капитала и руководители главных буржуазных политических организаций за спиной народа договорились о передаче власти Гитлеру. Правда, предстояло нейтрализовать сопротивление германского пролетариата, но буржуазия рассчитывала на раскольническую позицию руководства СДПГ, которое блокировало возможность объединения сил рабочего класса для отпора фашизму. 28 января ушло в отставку правительство К. Шлейхера. В тот же день социал-демократический

[1] «Ernst Thälmann. Eine Biographie», S. 624—626.
[2] «Die antifaschistische Aktion. Dokumentation und Chronik. Mai 1932 bis Januar 1933», S. 173—174.
[3] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik», Bd. II, S. 296, 302; см. также: «История фашизма в Западной Европе», стр. 208—210.

«Форвертс» писал: «Конституционность может быть обеспечена, если только Гитлер создаст парламентское большинство...»

В противовес этим легалистским иллюзиям КПГ взывала к бдительности, к решительному отпору реакции. С 20 июля 1932 по 30 января 1933 г. КПГ многократно предлагала Правлению СДПГ и руководству других демократических организаций совместно провести всеобщую политическую забастовку в качестве превентивной меры, способной остановить фашизм. В критические недели конца 1932 и начала 1933 г. Тельман предостерегал рабочих и всех трудящихся Германии от иллюзорных надежд на мирное разрешение кризиса, разоблачал успокоительные заверения лидеров СДПГ, настойчиво призывал к единым пролетарским действиям.

В день назначения Гитлера рейхсканцлером, 30 января 1933 г., ЦК КПГ в своем новом обращении к социал-демократической партии и АДГБ призвал их присоединиться к трудящимся-коммунистам в общегерманской антифашистской акции. Прекращение работы, массовые манифестации, другие решительные выступления могли вынудить гитлеровцев отступить. Однако обращения коммунистов были отклонены руководством социал-демократической партии под предлогом необходимости сосредоточить все усилия на чисто конституционных, парламентских действиях. Состоялись лишь отдельные совместные выступления, но всего этого было недостаточно[1].

Приход Гитлера к власти не был простой сменой правительства. В Германии воцарился «новый порядок» — террористическая фашистская диктатура. Тяжелый удар был нанесен не только немецкому рабочему классу, но и всей системе буржуазно-демократических институтов Веймарской республики. У власти встала партия, выражавшая интересы наиболее агрессивных кругов монополистического капитала, главной целью которых была подготовка новой мировой войны за установление мирового господства германского империализма. Приступив к осуществлению программы военных приготовлений, гитлеровцы всемерно разжигали реваншистские настроения, пропагандировали идеи расового превосходства немцев.

Главным направлением внутренней политики нацистской клики был курс на разгром рабочего движения и других демократических сил. 27 февраля 1933 г. фашисты инсценировали поджог рейхстага. В поджоге, осуществленном нацистами, были обвинены коммунисты. В ту же ночь подверглись аресту свыше 10 тыс. человек и в их числе группа болгарских коммунистов во главе с Г. Димитровым. Чрезвычайным декретом в стране было введено осадное положение.

Однако, несмотря на чудовищный террор, фашистам не удалось сломить силы рабочего класса. 5 марта на выборах в рейхстаг КПГ собрала 4,8 млн. голосов, а СДПГ — 7,2 млн. Коммунисты получили

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5. Berlin, 1966, S. 13—15.

81 мандат. Хотя нацисты собрали 17,3 млн. голосов, абсолютного большинства они не имели[1]. Чтобы его обрести, Гитлер аннулировал мандаты депутатов-коммунистов. 23 марта рейхстаг принял закон о чрезвычайных полномочиях, тем самым лишив себя на будущее какого-либо значения. Глубокий раскол рабочего класса в результате политики сотрудничества с буржуазией, проводимой правыми лидерами СДПГ, помешал германским трудящимся дать отпор своим злейшим врагам.

После прихода Гитлера к власти часть лидеров социал-демократии и профсоюзов все еще надеялась приспособиться к фашистскому режиму. Сказывались многолетняя приверженность к парламентским методам, неверие в возможности внепарламентской массовой борьбы. В конце марта 1933 г. председатель СДПГ О. Вельс демонстративно подал в отставку с поста члена бюро Рабочего социалистического интернационала с целью отмежеваться от критики фашистского режима, содержавшейся в документах РСИ. В марте О. Вельс, Ф. Штампфер и другие посетили ряд европейских стран, выполняя позорную миссию успокоить общественное мнение, возмущенное зверствами фашистов. В апреле был избран новый состав Правления СДПГ, из которого были исключены лица, эмигрировавшие за границу. В мае социал-демократическая фракция в рейхстаге проголосовала за внешнеполитический курс Гитлера. Однако изъявление готовности сотрудничать с правительством Гитлера не спасло СДПГ. 22 июня 1933 г. она была запрещена наряду с другими партиями. Были «унифицированы» профсоюзы: «Трудовой фронт» объявлялся частью национал-социалистской партии. 20 января 1934 г. был принят закон о национальном труде, согласно которому владелец предприятия становился высшей инстанцией для рабочих в решении всех производственных вопросов.

Руководство СДПГ, эмигрировавшее в Прагу, вынуждено было признать: «Социал-демократия, будучи единственной организованной силой, которую не подорвали события (Ноябрьской революции.— *Ред.*), беспрепятственно получила государственную власть и с самого начала стала сотрудничать с буржуазным государством, с бюрократией и даже с реорганизованным военным аппаратом. Серьезная историческая ошибка рабочего класса, дезориентированного обстановкой войны, состояла в том, что он захватил старый государственный аппарат, не преобразуя его»[2].

Однако такая самокритика была поверхностной и не повлекла за собой практических выводов. Руководство СДПГ рекомендовало своим сторонникам тактику выжидания, по-прежнему оставаясь глубоко

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik», Bd. II, S. 316.

[2] Цит. по: *W. Abendroth.* Aufstieg und Krise der deutschen Sozialdemokratie. Mainz, 1974, S. 116.

враждебным к любому сотрудничеству с коммунистами[1]. Словесные раскаяния не сочетались с решимостью покончить с раскольнической политикой. Пагубное воздействие такого политического курса СДПГ имело далеко идущие последствия, мешая развертыванию антифашистской борьбы.

Только коммунистическая партия придерживалась последовательно антифашистской линии. 6 февраля 1933 г. на пресс-конференции Вильгельм Пик от имени ЦК КПГ повторил предложение о создании единого рабочего фронта коммунистов, социал-демократов, Всеобщего объединения немецких профсоюзов и христианских профсоюзов. Идея рабочего единства и организации массового сопротивления фашистской диктатуре пронизывала решения собравшегося нелегально в Цойтене 7 февраля 1933 г. пленума ЦК КПГ[2].

Чрезвычайно важным являлось выдвинутое на пленуме ЦК Э. Тельманом положение о том, что свержение фашистской диктатуры не обязательно должно рассматриваться как нечто тождественное пролетарской революции в стране: «Мы ставим вопрос о борьбе за свержение гитлеровского режима, вопрос о ликвидации власти Гитлера — Гугенберга в качестве непосредственной задачи»[3]. Преодоление раскола рабочего движения, единство всех антифашистских сил выдвигались в качестве основного условия решения ключевого вопроса — свержения фашизма.

27 февраля в Открытом письме социал-демократам и членам свободных и христианских профсоюзов, рейхсбаннеровцам Э. Тельман заявлял: «От имени сотен тысяч членов коммунистической партии, от имени более чем 6 млн. рабочих, работниц и заводской молодежи, оказавших на последних выборах в рейхстаг доверие коммунистической партии и отдавших ей свои голоса, я протягиваю всем вам, членам и функционерам социал-демократической партии, свободных профсоюзов и миллионам беспартийных рабочих, братскую руку для совместной борьбы против фашизма... Если мы, рабочие, работницы и заводская молодежь, чьими руками создаются все ценности, будем бороться совместно плечом к плечу, то мы будем непобедимы. Если мы будем бороться совместно, то нам удастся вовлечь в единый фронт освободительной борьбы миллионные массы крестьян-бедняков, служащих, чиновников, мелкой буржуазии городов»[4].

[1] «Klassenkampf, Tradition, Sozialismus». Berlin, 1974, S. 446—448.

[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 15, 16, 21, 23, 24.

[3] *E. Thälmann.* Geschichte und Politik. Artikel und Reden, 1925 bis 1933. Berlin, 1973, S. 214; см. также: *А. С. Бланк.* Коммунистическая партия Германии в борьбе против фашистской диктатуры (1933—1945). М., 1964, стр. 59.

[4] Цит. по: *О. Винцер.* 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956, стр. 28, 29; см. также: «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 23, 24.

Вынужденная уйти в подполье, КПГ продолжала борьбу. Руководство нелегальной работой в Германии было возложено на Э. Тельмана, И. Шеера, Г. Шуберта, Ф. Шульце и В. Ульбрихта. В антифашистском движении в стране КПГ была единственной серьезной силой. Постепенно налаживалась деятельность коммунистов в Берлине и промышленных центрах Западной Германии. Выходили нелегальные газеты, печатались многочисленные листовки, часть литературы с огромными трудностями доставлялась из-за границы. На стенах зданий появлялись антифашистские надписи, на фабричных трубах взвивались красные флаги. Эта борьба стоила тяжелых жертв. 3 марта 1933 г. был арестован Э. Тельман. В ноябре 1933 г. в руки гестапо попал Ион Шеер. Своим палачам он бросил в лицо: «Я был и останусь врагом фашизма!» Он был расстрелян 1 февраля 1934 г. [1]

Перегруппировка сил рабочего движения Германии для организации сопротивления фашизму проходила в исключительно трудных условиях. Помимо беспримерного, жесточайшего террора, который обрушился на рабочий класс, существовали и иные причины, затруднившие организацию антифашистской борьбы. Значительные слои немецкого народа были ослеплены, сбиты с толку шовинистической, реваншистской пропагандой и социальной демагогией нацистов и в силу одного только этого оказались отброшенными в лагерь противников активной борьбы с «новым порядком», занимали выжидательную позицию. Часть рабочего класса разделяла иллюзии, что Гитлер недолго удержится у власти. Правые лидеры СДПГ поддерживали эти иллюзии, внушая мысль об эволюции фашистского режима в сторону умеренного консерватизма. Даже после того как правые лидеры СДПГ вынуждены были уйти в подполье или эмигрировать, они продолжали упорно отказываться от предложений ЦК КПГ о совместной борьбе, афишируя свой антикоммунизм и антисоветизм. В обстановке военной истерии и призрачных успехов Гитлера, писал В. Ульбрихт, «только часть немецкого народа с коммунистами во главе осталась на антифашистских, демократических позициях, не утратила способности трезво оценивать политическую действительность» [2].

На основе анализа изменившихся соотношения сил, условий и форм классовой борьбы в стране руководство КПГ сформулировало новую политическую линию партии. Немецкие коммунисты активно участвовали в разработке VII конгрессом Коминтерна проблем единого рабочего фронта и народного фронта борьбы против фашизма и войны.

В октябре 1935 г. состоялась первая после установления фашистской диктатуры общегерманская конференция КПГ [3].

[1] «Der lautlose Aufstand. Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes 1933—1945». Hamburg, 1954, S. 178.
[2] *В. Ульбрихт.* К истории новейшего времени. М., 1957, стр. 8.
[3] В целях конспирации конференция получила название «Брюссельской».

В основу работы Брюссельской конференции КПГ легли решения VII конгресса Коминтерна. В качестве главного ЦК КПГ вынес вопрос «Новый путь к совместной борьбе за свержение гитлеровской диктатуры»[1]. Выступивший с докладом В. Пик проанализировал сильные и слабые стороны деятельности КПГ и дал ответ на вопрос, в чем конкретно состоит сущность и практическое содержание политики единого фронта в условиях фашистской диктатуры. Брюссельская конференция выдвинула лозунг сплочения всех антифашистских сил Германии на общей платформе народного фронта, предусматривавшей в качестве первоочередной цели борьбы создание новой, свободной, демократической Германии как важнейшей предпосылки перехода к социализму[2].

Боевая политическая программа создания антифашистского народного фронта на приемлемой для всех демократических сил Германии платформе была положена в основу деятельности КПГ, нацеленной на преодоление раскола рабочего класса и приобщение к антифашистской борьбе самых широких слоев германского народа. Претворяя в жизнь решения Брюссельской конференции, КПГ предпринимала настойчивые усилия установить отношения сотрудничества с СДПГ. В конце 1935 г. по инициативе коммунистов был создан Комитет по подготовке Германского народного фронта во главе с писателем Генрихом Манном. В его работе принимали участие коммунисты, социал-демократы, видные деятели культуры и т. д. Под документом, призывавшим к совместной борьбе против фашизма под знаменем народного фронта, рядом с именами Вильгельма Пика, Вильгельма Флорина, Вальтера Ульбрихта стояли имена видных социал-демократов Рудольфа Брейтшейда, Альфреда Брауналя, Альберта Гржезинского, писателей Лиона Фейхтвангера, Арнольда Цвейга, Генриха Манна и др. Комитет развернул широкую пропаганду идеи единства действий против общего врага немецкого народа — фашизма[3].

Героический отпор испанского народа франкистским мятежникам и германско-итальянским интервентам вызвал горячее сочувствие и солидарность во всем мире, в том числе и у немецких борцов против нацизма. 7 августа 1936 г. ЦК КПГ призвал всех немецких антифашистов, имеющих военную подготовку, поддержать освободительную борьбу Испанской республики. Из эмиграции и из самой Германии в состав Интернациональных бригад влились почти 6 тыс. бойцов. Около 3 тыс. из них погибли на испанской земле.

[1] *W. Pieck.* Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitler-Diktatur. Referat und Schlußwort auf der Brüsseler Parteikonferenz der Kommunistischen Partei Deutschlands, Oktober 1935. Berlin, 1960.

[2] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 119.

[3] См. *Л. И. Гинцберг, Я. С. Драбкин.* Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1931—1945 гг.). М., 1961, стр. 44—46.

Постепенно и в Германии налаживались контакты между антифашистами. Несмотря на невероятные трудности, в стране создавались очаги сопротивления, связанные с антифашистской эмиграцией. В некоторых крупных промышленных центрах (Берлине, Мангейме, Дортмунде) удалось достигнуть соглашений о совместной борьбе между действовавшими в глубоком подполье коммунистами и социал-демократами. Коммунисты устанавливали связи и с католиками, выступавшими против Гитлера. В 1938/39 г. возникла одна из самых крупных и широких по социальному составу организаций — группа Шульце-Бойзена — Харнака («Красная капелла»)[1]. С того же примерно времени в подполье Нойкёльна (округ Берлин-Бранденбург) действовала группа Иона Зига, Герберта Гроссе и Отто Грабовски, поддерживавшая связь с ЦК КПГ. С середины 30-х гг. в Берлине работали группа молодых антифашистов во главе с коммунистом Г. Коппи (коммунисты, социал-демократы, католики), подпольная молодежная организация В. Тисса, издававшая нелегальную литературу. На юго-западе страны подпольными молодежными антифашистскими организациями руководил Эрих Хонеккер[2]. КПГ, овладевая методами подпольной работы, сумела обеспечить издание ряда газет, центральных и местных.

Несмотря на жесточайший террор и пропаганду «трудового мира», в Германии не прекращалось забастовочное движение, в организации и руководстве которого активное участие принимали коммунисты. В 1935—1939 гг. произошли забастовки на военных заводах Круппа в Эссене, стачки рабочих химических предприятий в Берлине, гамбургских судостроителей, рабочих завода «Опель» и т. д.[3]

Большое значение в выработке нового политического курса КПГ имела Бернская конференция (30 января — 1 февраля 1939 г.)[4]. В момент, когда Гитлер готовился развязать вторую мировую войну, партия предупреждала немецкий народ о грозящей катастрофе и призывала всех истинных патриотов объединиться для совместной борьбы против угрозы войны. Бернская конференция, развивая идеи

[1] *K. H. Biernat, L. Kraushaar.* Die Schulze-Boysen — Harnack Organisation im antifaschistischen Kampf. Berlin, 1970; *K. Mammach.* Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung 1933—1939. Berlin, 1974; *А. С. Бланк.* В сердце «третьего рейха». Из истории антифашистского Народного фронта в подполье. М., 1974; *Г. Шеель.* Из истории антифашистской организации Шульце-Бойзена — Харнака.— «Ежегодник германской истории. 1973». М., 1974, стр. 301—308.

[2] *E. Honecker.* Aus meinem Leben. Berlin, 1980.

[3] См. *Г. Н. Горошкова.* Из истории забастовочного движения в фашистской Германии (1935—1936 гг.).— «Германское рабочее движение в новейшее время». М., 1962, стр. 158—201; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 139, 140.

[4] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 216—224.

Брюссельской конференции о политическом устройстве и характере будущей Германии, сформулировала тезис о борьбе за демократическую республику, которая рассматривалась как наиболее приемлемая форма государственной власти, соответствующая буржуазно-демократическому этапу революции после уничтожения фашистского режима и обеспечивающая подход к социалистическому ее этапу.

В резолюции конференции говорилось: «...в новой демократической республике в противоположность Веймарской республике будут выкорчеваны все корни фашизма. С отчуждением собственности фашистского монополистического капитала фашизм лишается своей материальной базы. В новой республике в противоположность Веймарской республике армия, полиция и административный аппарат станут надежными защитниками демократических свобод и демократических прав народа. В новой демократической республике, опять-таки в противоположность Веймарской республике, не крупная буржуазия, которая под прикрытием коалиции с одной из рабочих партий покушалась на экономические и политические права народа, а рабочий класс, преодолевший свой раскол и объединенный в народном фронте с крестьянством, мелкой буржуазией и интеллигенцией, возьмет судьбу страны в свои руки»[1].

КПГ делала все от нее зависящее, чтобы ознакомить немецкий народ с решениями Бернской конференции, укрепить подпольный антифашистский фронт. В страну выезжали видные партийные работники, что позволило значительно активизировать нелегальную работу в Берлине, Дюссельдорфе, Штутгарте, Мюнхене и других крупных городах[2]. Участились забастовки и акты саботажа, в частности в Сааре и Рейнско-Вестфальском промышленном бассейне, а также в Берлине, Гамбурге, Верхней Силезии. Однако, ослабленные кровавым террором, немецкие антифашисты не смогли воспрепятствовать развязыванию Гитлером второй мировой войны. КПГ потеряла к этому времени большинство своих испытанных и опытных кадров. Фашистам в результате бешеной националистической и антикоммунистической пропаганды удалось заразить шовинизмом значительные массы населения. Трудности, которые испытывали все истинные немецкие антифашисты в своей работе по мобилизации масс на борьбу, умножались в связи с благоприятной для гитлеровского режима международной обстановкой после мюнхенского сговора. Потворство фашистской агрессии со стороны мюнхенцев в Англии, Франции, США привело к

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 220.
[2] *H. Laschitza, S. Vietzke.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung 1933—1945. Berlin, 1964; *K. Mammach.* Zum antifaschistischen Kampf der KPD.— «Faschismus Forschung. Positionen, Probleme, Polemik». Berlin, 1980.

такому усилению разбойничьего режима фашистской диктатуры в Германии, которое делало практически невозможным его обуздание и разгром внутренними силами немецких антифашистов. Эта историческая задача могла быть решена теперь только на основе сплочения демократических, миролюбивых сил всего мира вокруг Советского Союза — главного оплота международной безопасности, прогресса и социализма.

АНТИФАШИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1934 г. В АВСТРИИ

Уроки борьбы в период кризиса 1929—1933 гг., ее успехи и поражения не прошли даром для международного рабочего движения. Если еще недавно угроза фашизма зачастую воспринималась широкими массами трудящихся как отвлеченная проблема либо как тяжелая, но скоропроходящая болезнь, то после прихода Гитлера к власти все представлялось в ином свете. Главный вывод, который вытекал из самого общего анализа причин успеха фашизма, состоял в том, что преградить путь его дальнейшему распространению могут только согласованные усилия всех отрядов рабочего движения и других демократических сил с упором на непарламентские решительные действия и все доступные методы борьбы, не исключая и вооруженные. Австрийский пролетариат одним из первых дал открытый бой фашизму, показав, что в лице рабочего класса в каждой стране есть сила, способная с оружием в руках отстаивать завоевания демократии.

Экономический кризис 1929—1933 гг. оказал катастрофическое воздействие на экономику Австрии. В мае 1932 г. была потушена последняя из пяти действовавших в стране в 1929 г. доменная печь. К концу 1932 г. закрылись все сталелитейные заводы[1]. Огромных размеров достигла безработица: на 6 млн. населения приходилось 600 тыс. безработных[2].

Возникшее в стране крайне неустойчивое равновесие политических сил и страх перед рабочим движением побуждали правящий класс искать выход в авторитарной диктатуре и в помощи извне — у итальянского и германского фашизма. С каждым годом усиливался террор военизированных отрядов австрийских фашистов — хеймверовцев. Правящая христианско-социальная партия во главе с канцлером Дольфусом обрушила репрессии на рабочие партии и организации, добиваясь их изоляции и роспуска.

[1] См. *В. М. Турок.* Политический кризис в Австрии в 1932—1933 гг. и борьба рабочего класса против реакции.— В кн.: «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958, стр. 734.

[2] «International Press Correspondence», vol. 12, N 43 (29-th Sept. 1932), p. 920.

С начала марта 1933 г., ободренная успехом национал-социалистов в Германии, реакция в Австрии перешла в наступление. Правительство Дольфуса запретило публичные демонстрации и митинги, ввело предварительную цензуру газет, были распущены парламент, республиканский шуцбунд, объявлена вне закона компартия.

11 сентября Дольфус объявил о создании «социального христианского немецкого государства на корпоративной основе». Его политической опорой стал так называемый отечественный фронт, куда вошли христианско-социальная партия, католические организации и хеймвер. С января 1934 г. правительство приняло решение о назначении во все земли комиссаров с диктаторскими полномочиями. Хеймвер приступил к захвату власти на местах. Вместе с полицией фашисты производили погромы в помещениях рабочих организаций. Руководители шуцбунда были заключены под стражу.

Атаки буржуазной реакции не встречали должного отпора со стороны социал-демократической партии. По признанию О. Бауэра, руководство СДРПА пыталось идти средним путем между революционной политикой и политикой германской социал-демократии. Однако политическое развитие не оставляло места для такого пути. Лидеры СДРПА не хотели нарушать «правил демократической игры», хотя буржуазия и ее ударные силы — фашистские группировки относились к ним без всякого почтения. Большинство австрийского рабочего класса шло за социал-демократией, считая, что ее руководство в решающий момент возглавит борьбу за демократию и социализм. И жестоко ошиблось.

Хотя лидерами СДРПА, писал А. Райсберг, «революционная классовая борьба в принципе признавалась, но в каждом конкретном случае она отвергалась как небезопасная и связанная с жертвами»[1]. Пока выборы и парламентская деятельность были на первом плане политической борьбы, это противоречие в идейно-политических позициях СДРПА не слишком бросалось в глаза. Однако в начале 30-х гг., когда поворот буржуазии к антипарламентаризму поставил руководство СДРПА перед необходимостью сделать основной упор на развертывание внепарламентской массовой борьбы, оно стало явным.

Коммунистическая партия Австрии была единственной политической партией, выступившей за организацию немедленного отпора наступлению реакции. Под руководством коммунистов создавались антифашистские комитеты, проводились антифашистские конгрессы. Коммунисты неоднократно обращались к социал-демократической партии и ее организациям с предложением о совместных действиях против фашизма. На Венской конференции КПА 8 августа 1932 г. И. Копленинг заявил: «Отныне самым важным является борьба против фашизма. Мы не ставим никаких условий, кроме одного — продол-

[1] *А. Райсберг.* Австрия, февраль 1934. М., 1975.

жение борьбы»[1]. Коммунисты выступали против всех проявлений настроений в пользу аншлюса, разделяемых и социал-демократией (что в глазах многих простых тружеников делало ее неотличимой от национал-социалистов). Непоследовательной политике, носившей название «с винтовкой у ноги» и проводимой руководством социал-демократии, коммунисты противопоставили линию на подготовку к решающей схватке с фашизмом[2].

Лидеры СДРПА заверяли, что события не могут застигнуть их врасплох, что штаб партии начеку и внимательно следит за происками врага. На съезде социал-демократической партии в октябре 1933 г. было утверждено решение, согласно которому социал-демократия брала на себя обязательство призвать рабочих начать всеобщую стачку, если налицо будет какая-либо из следующих предпосылок: 1. Провозглашение фашистской конституции; 2. Ликвидация прав венского муниципалитета и введение должности правительственного комиссара для Вены; 3. Роспуск социал-демократической партии; 4. Роспуск свободных профсоюзов[3]. Внешне это звучало радикально. На деле же эти правила «устройства» революции обезоруживали рабочих, обрекая на бездействие перед лицом растущей реакции, достаточно маневренной и гибкой, чтобы извлечь для себя выгоды из выжидательной и пассивной тактики социал-демократии.

События показали, что установки компартии были единственно верными. Когда в начале февраля 1934 г. правительство сместило с поста бургомистра Вены социал-демократа Зейца, арестовало командиров шуцбунда и, в сущности, отменило действие конституции, компартия призвала массы начать всеобщую забастовку. Руководство СДРПА вопреки провозглашенным им же самим тактическим установкам не согласилось с этим призывом.

Во многих городах, особенно в Вене, массы и местные организации СДРПА готовы были вести активные контрдействия, оказать организованное вооруженное сопротивление фашизму. Взрыв вылился в серию стихийных выступлений сначала на местах, а затем и в столице. Постоянные колебания руководства СДРПА хотя и вносили замешательство, но не могли удержать массы, рвавшиеся к борьбе. 12 февраля 1934 г., когда полиция г. Линца напала на партийный дом СДРПА, отряды местного шуцбунда поднялись на борьбу, не дожидаясь указаний центра. Известие о боях в Линце всколыхнуло рабочую Вену. Сразу же прекратили работу рабочие газовых заводов, Зиммерингской электростанции и многих других предприятий. Остановились трамваи. Правление СДРПА большинством в один голос приняло решение о всеобщей забастовке, но решение даже не было

[1] Цит. по: *И. Шиллер*. Компартия Австрии и 12 февраля 1934 г. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, стр. 100.
[2] *А. Райсберг*. Указ. соч.
[3] *В. М. Турок*. Очерки истории Австрии. 1924—1938. М., 1962, стр. 216; *А. Райсберг*. Указ. соч., стр. 223.

сообщено массам, и фактически ничего не предпринималось для его реализации. Руководство СДРПА по-прежнему было больше всего озабочено тем, чтобы добиться переговоров с правительством.

К вечеру 12 февраля боевые действия развернулись и в столице Австрии. Целые районы Вены на короткое время оказались в руках восставших. Костяк боевых порядков восставшего пролетариата составили шуцбундовцы и коммунисты. Рядовые члены обеих рабочих партий сражались бок о бок на баррикадах Вены, ряда городов Верхней Австрии, Штирии, Нижней Австрии. Рабочая Вена мужественно держалась до 15 февраля. Но силы были неравны. Ожидавшаяся всеобщая забастовка была сорвана. Вскоре правительственные войска подавили последние очаги сопротивления[1].

В ходе боев было убито 1200 рабочих, около 5 тыс. ранено, больше 10 тыс. арестовано и отправлено в концлагеря. Девять командиров шуцбундовцев, и среди них Георг Вейсл, Эмиль Свобода, Коломан Валлиш, Карл Мюнихрейтер, Франц Станек, были расстреляны по приговору военного суда. Многие участники восстания были казнены. Все рабочие организации оказались под запретом.

Усилий коммунистов оказалось недостаточно, чтобы побороть дух пассивного оборончества и преодолеть колебания лидеров социал-демократии. Выступление рабочих не имело руководящего центра, его отдельные очаги вели борьбу несогласованно, в большинстве случаев не имея ни ясного плана взаимодействия, ни четкой политической программы. Значительная часть шуцбундовцев не присоединилась к восставшим. Руководство социал-демократической партии фактически покинуло восставших в разгар сражения. Георгий Димитров, находившийся в дни февральского восстания в берлинской тюрьме, писал шуцбундовцам: «Нет, не вооруженная борьба австрийских рабочих была ошибкой. Ошибкой было то, что борьба эта не была организованной и не велась революционным, большевистским способом... Вооруженное сопротивление австрийского пролетариата фашизму не превратилось в настоящее вооруженное восстание. В этом и состоит главная ошибка»[2].

Февральские события 1934 г. в Австрии оставили глубокий след в истории международного рабочего движения. Это было первое крупное вооруженное выступление европейского пролетариата против фашизма. Оно выявило готовность рабочего класса к сопротивлению и в то же время продемонстрировало банкротство тактики выжидания и хвостизма.

Компартия Австрии оставалась единственной политической партией в стране, высоко несущей знамя борьбы против фашизма. После

[1] См. *Ф. Фюрнберг.* Уроки героической борьбы рабочего класса Австрии.— «Коммунист», 1974, № 7, стр. 88; *И. Шиллер.* Компартия Австрии и 12 февраля 1934 г.— «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, стр. 99—104.

[2] «Коммунист», 1974, № 7, стр. 91.

февраля 1934 г. в трудных условиях подполья лучшие элементы австрийского рабочего движения прилагали усилия к реализации идеи единого рабочего фронта на постоянной основе. В рядах социал-демократической партии сложилась левая оппозиция «революционные социалисты», протянувшая руку коммунистам. Осенью 1934 г. эта часть социал-демократической партии заявила, что рабочий класс должен революционным путем завоевать власть и теми же методами отстоять ее в борьбе с контрреволюцией[1]. Совместно с коммунистами «революционные социалисты» создали подпольный шуцбунд. При поддержке нелегальных «свободных профсоюзов» они повели борьбу с австрофашизмом, за восстановление демократических свобод, против нависшей над страной новой опасности — захвата Австрии гитлеровской Германией. Однако всего этого уже оказалось недостаточно, чтобы полностью восстановить силы рабочего движения и успешно противостоять угрозе аншлюса. К тому же последовательная линия компартии, нацеленная на сплочение и мобилизацию масс, наталкивалась на сопротивление части влиятельных правых лидеров социал-демократов (К. Реннер и др.), церковных кругов, буржуазной печати.

Воспользовавшись тем, что террор реакции сковал рабочее движение, а также предательством буржуазии и колебаниями социал-демократов, гитлеровская Германия в несколько этапов осуществила операцию по насильственному присоединению Австрии. 11 марта 1938 г. на территорию страны вступили германские войска. 13 марта 1938 г. Австрия прекратила существование как самостоятельное государство.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ ВО ФРАНЦИИ

Предыстория февральских боев 1934 г. в Австрии внешне во многом совпадает с развитием событий во Франции. В обеих странах почти синхронно происходил процесс вызревания фашистского заговора против демократических институтов и мобилизации сил сопротивления. Даже момент для решающей схватки с рабочим и общедемократическим движением реакция и фашистские группировки во Франции выбрали тот же, что и Дольфус в Австрии,— начало февраля 1934 г.

Однако за этим внешним сходством скрывались существенные различия в расстановке классовых и политических сил во Франции, с одной стороны, в Австрии и Германии — с другой. Экономический кризис не имел во Франции таких катастрофических последствий, как в Германии и Австрии. Общий индекс промышленной продукции во

[1] «International Press Correspondence», vol. 15, N 16 (9th February 1935), p. 159.

Франции упал со 108,4 пункта в 1930 г. до 79,5 пункта в 1935 г. (1928 г.=100). Однако наряду с отраслями, где падение производства достигало 50—60% от докризисного уровня (строительство, производство стали, алюминия и т. д.), существовали и сравнительно благополучные (такие, как угольная, где добыча сократилась лишь на 15%). Общее число безработных к 1933 г. составляло свыше 1 млн. человек, а к 1935 г.— свыше 2 млн. человек[1].

Таким образом, сама экономическая ситуация еще не создавала у крупной буржуазии Франции настроений абсолютной безысходности. К тому же французская буржуазия несравненно лучше, чем правящая олигархия в Германии, приспособила механизм парламентской демократии для защиты своих классовых интересов и поэтому не спешила отказываться от него. И еще одно. Хотя приход Гитлера к власти способствовал активизации сил французского фашизма, реваншистская программа нацистов отпугивала французского буржуа, видевшего в Германии извечного врага Франции.

Если классовые расчеты побуждали влиятельные круги монополистической буржуазии Франции поддерживать фашистские течения, то национальные чувства средней буржуазии и мелкобуржуазных слоев, несомненно, затрудняли расширение массовой базы фашизма. Традиционные партии, прежде всего партии радикалов и радикал-социалистов, удерживали эти слои под своим влиянием[2]. К тому же рабочее движение во Франции исторически всегда оказывало на мелкую буржуазию и все средние слои гораздо большее влияние, чем это было, например, в Германии. Все это объясняет, почему во Франции фашизму не удалось создать себе значительную массовую базу. Не удивительно, что уже сам факт осознания угрозы со стороны правых сил породил сильное антифашистское движение[3]. Огромное значение имело усвоение уроков германского и австрийского опыта. Становлению традиции совместных действий рабочего класса и других демократических слоев содействовало также участие представителей всех здоровых сил нации в возникшем еще в 1932 г. антифашистском и антивоенном движении «Амстердам-Плейель»[4].

Выдающуюся роль в организации этого движения сыграла компартия. Летом 1932 г. ФКП поддержала призыв Ромена Роллана и

[1] «International Press Correspondence», vol. 13, N 4 (26th January 1933), p. 111, 112; «История Франции», т. 3. М., 1973, стр. 139.

[2] См. «История фашизма в Западной Европе», стр. 353.

[3] *J. Chambaz.* Le Front populaire pour le Pain, la Liberté et la Paix. Paris, 1961, p. 25.

[4] «Histoire du Parti communiste français (manuel)». Paris, 1964, p. 226; *С. С. Салычев.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940 гг. М., 1973, стр. 240, 241; *С. А. Покровская.* Из истории Амстердам-Плейельского движения во Франции (1932—1933 гг.).— «Французский ежегодник 1968 г.». М., 1970.

Анри Барбюса, предложивших созвать антивоенный конгресс рабочих, культурных, социальных и профсоюзных организаций. На самом конгрессе, открывшемся в Амстердаме в августе 1932 г., французская делегация, состоявшая главным образом из представителей ФКП и УВКТ, выдвинула конкретную программу борьбы с военной опасностью, которая была принята конгрессом.

К началу 1933 г. ФКП, очистив свои ряды от сектантов и умело увязывая борьбу за общедемократические требования с борьбой за социализм, сумела вовлечь в это массовое патриотическое движение многие низовые звенья СФИО. В ряде мест контакты между коммунистами и социалистами были скреплены формальными соглашениями вопреки нежеланию руководства СФИО. К октябрю 1932 г. во Франции было создано 213 местных антивоенных комитетов, в которых сотрудничали коммунисты, социалисты и беспартийные[1].

4 июня 1933 г. в Париже в зале Плейель состоялся антифашистский конгресс. Среди его участников было много социалистов, откликнувшихся на призыв организаторов конгресса вопреки враждебной позиции руководства Рабочего социалистического интернационала[2]. Успех конгресса подтвердил правильность взятого коммунистами курса на сближение всех антивоенных и антифашистских сил. В самой Франции укрепились контакты между коммунистами и другими левыми группами в рамках сложившегося к тому времени единого Амстердам-Плейельского движения. К февралю 1934 г. в стране действовало уже 650 местных комитетов Амстердам-Плейельского движения[3]. Была пробита брешь в стене непонимания и враждебности, разделявшей социалистов и коммунистов.

В августе 1931 г. ЦК ФКП заявил о своей готовности пойти на взаимное снятие кандидатур социалистов и коммунистов во втором туре выборов на основе совместной программы[4]. Призыв компартии получил отклик в партийных низах и в среднем звене руководителей СФИО. Значительная часть партийных активистов, примыкавшая к левому течению (Зиромский и др.), все решительнее стала требовать возврата к революционным идеалам и преодоления раскола французского рабочего движения. Банкротство социал-демократической политики классового сотрудничества в Германии и усвоение этой горькой истины привели к еще большему усилению влияния левых течений в СФИО. В ноябре 1933 г. из СФИО была исключена правая фракция «неосоциалистов», на протяжении многих лет сопротивлявшаяся

[1] См. *С. А. Покровская.* Движение против войны и фашизма во Франции. 1932—1939 гг. М., 1980, стр. 32.
[2] *J. Duclos.* Mémoires, t. I, 1896—1934. Le chemin que j'ai choisi. De Verdun au Parti communiste. Fayard, 1968, p. 391.
[3] «Histoire du Parti communiste français (manuel)», p. 226.
[4] См. *Ж. Конье, В. Жоанес.* Морис Торез — человек, борец. М., 1975, стр. 85.

всякому сближению с коммунистами. Тем самым было устранено серьезное препятствие к единству рабочих и левых сил[1].

Когда с конца 1933 г. многочисленные фашистские группы и правая буржуазная печать, воспользовавшись скандальными разоблачениями коррупции в правительственных сферах («дело Ставиского»), усилили антипарламентскую пропаганду и выступили с призывом установить «сильную власть», французский пролетариат ответил на это повышением готовности к отражению натиска реакции. Пристально следившие за развитием событий коммунисты призвали массы в любой момент быть готовыми встать на защиту республики.

В первых числах февраля 1934 г. предводители многочисленных фашистских лиг, и в первую очередь «ударных сил» фашистского движения во Франции — «Боевых крестов», пришли к выводу, что их час настал. Мятеж был назначен на 6 февраля. В этот день, вечером, многотысячные вооруженные колонны фашистов повели наступление на Бурбонский дворец, где в палате депутатов происходили дебаты в связи с утверждением полномочий нового правительства Даладье. Стремясь полностью дезорганизовать работу парламента и вызвать паралич исполнительной власти, правые прибегли к обструкциям. С каждым часом положение в столице становилось все более угрожающим. Тем временем группы фашистов начали штурм Бурбонского дворца, преследуя цель захватить его и продиктовать Франции условия «нового порядка»[2]. В результате столкновения фашистов с полицией и республиканской гвардией несколько человек было убито и свыше двух тысяч ранено. Только к полуночи центральные площади Парижа были очищены от путчистов.

Планы реакции были сорваны. Однако выступление фашистов запугало парламент. Утром 7 февраля правительство Даладье, накануне получившее поддержку большинства парламента, подало в отставку. Новое правительство было сформировано ставленником реакции Г. Думергом.

Получив известие о первых вылазках фашистов, Секретариат ЦК ФКП в обращении к членам партии заявил, что «место каждого коммуниста на улице, во главе борющихся масс». Листовка УВКТ рекомендовала своим членам «немедленно организовать группы антифашистской обороны и быть готовыми к немедленному выступлению»[3]. Во многих районах Парижа по призыву коммунистов тысячи рабочих участвовали в схватке с фашистскими бандами. С огромной силой внутренней убежденности в решимости народа сорвать заговор фа-

[1] *Cl. Willard, J. Chambaz, J. Bruhat...* Le Front populaire. Paris, 1972, p. 27.

[2] См. *Ю. В. Егоров.* К вопросу о целях фашистского мятежа в феврале 1934 г. во Франции (Критический анализ некоторых концепций буржуазной историографии).— «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 307. Л., 1969, стр. 33—49.

[3] *Е. Кравченко.* Народный фронт во Франции. М., 1972, стр. 28.

шизма прозвучала в палате депутатов страстная речь Мориса Тореза. «Предоставьте возможность действовать пролетариям Парижа,— говорил он,— эти люди быстро покончат с фашистскими бандами»[1]. Генеральный секретарь компартии адресовал свой призыв «ко всем пролетариям и братьям социалистам». В ходе дебатов, мотивируя решение фракции социалистов голосовать за правительство радикала Даладье, лидер СФИО Л. Блюм заявил, что его партия намерена сделать все, чтобы «как на парламентском, так и на других уровнях закрыть дорогу яростному наступлению реакции»[2].

Общее понимание масштабов нависшей угрозы стало важной предпосылкой нового шага в процессе сближения между коммунистической и социалистической партиями, хотя, как показали события, представление лидеров СФИО о допустимости прямых действий масс в антифашистской борьбе резко отличалось от того, которое было у коммунистов. Правые и центристы в руководстве СФИО занимали нерешительную, колеблющуюся позицию. Они по-прежнему отдавали предпочтение парламентской борьбе. Этим, в частности, объяснялась и отмена СФИО собственного решения о проведении 9 февраля антифашистской демонстрации, запрещенной правительством, и перенесение ее на 12 февраля. Напротив, компартия исходила из известного положения марксизма-ленинизма о том, что «*сила* революционного пролетариата, с точки зрения воздействия *на массы* и увлечения их на борьбу, несравненно *больше* во *внепарламентской* борьбе, чем в борьбе парламентской»[3]. Таким образом, вопрос о сроках совместной антифашистской акции приобрел принципиальное политическое значение[4].

Сознавая, как важно не упускать инициативу, компартия в отличие от спасовавшей СФИО не отменила назначенную ею на 9 февраля антифашистскую демонстрацию, запрещенную правительством Думерга. В этом первом большом выступлении рабочих Парижа участвовало около 60 тыс. человек — коммунистов и социалистов. В кровопролитных схватках с полицией погибло 6 рабочих, свыше тысячи получили ранения. Но жертвы были не напрасны. Демонстрация 9 февраля всколыхнула всю трудовую Францию и побудила руководство СФИО отказаться от выжидательной позиции. Принятое ранее решение о проведении всеобщей стачки протеста 12 февраля уже никто не мог бы отменить. Кровь, пролитая на улицах Парижа 9 февраля, взывала к бдительности, решимости и единству в борьбе с нависшей опасностью фашизма, в защиту республики.

12 февраля 1934 г. стало важнейшей вехой в социально-политической истории Франции. В этот день 4,5 млн. трудящихся — более

[1] «Annales de la chambre . . . Débats parlementaires. Session ordinaire de 1934», t. I, p. 411.
[2] Цит. по: *С. С. Салычев.* Указ. соч., стр. 269.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 219.
[4] См. *С. С. Салычев.* Указ. соч., стр. 270.

половины рабочих и служащих всей страны — приняли участие во всеобщей забастовке и вышли на улицы, чтобы сказать фашизму «нет!». В демонстрациях и общем грандиозном митинге коммунистов и социалистов в Париже приняло участие свыше 150 тыс. человек. В числе ораторов от коммунистов выступали М. Кашен, Ж. Дюкло, от социалистов — Л. Блюм, В. Ориоль и др. Массовые выступления состоялись в большинстве других городов Франции. Во многих резолюциях антифашистских митингов выражалась готовность защищать демократические свободы любой ценой и «всеми без исключения средствами». Одной из характерных черт антифашистской акции 12 февраля было то, что к ней присоединились те социальные слои и категории трудящихся, на пассивность которых рассчитывала реакция. В стачках, митингах и демонстрациях активно участвовали представители мелкой буржуазии (крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники и т. д.)[1].

Историческое значение февральских выступлений трудящихся было огромно. Был отбит натиск фашизма и сорван его замысел добиться консолидации сил внутренней реакции. Потерпели провал планы международных империалистических кругов привести Францию в лагерь фашистских держав и сделать ее оплотом в борьбе с СССР, «большевизмом». В ходе массовых выступлений окрепло единство рабочих рядов, были разрушены многие перегородки, разделявшие демократов и антифашистов разной партийной принадлежности. Февральские события послужили отправной точкой для могучего движения Народного фронта. Пример французского пролетариата дал новый импульс международному рабочему движению.

ФКП твердо взяла курс на установление единства действий с низами и верхами всех антифашистских, демократических партий и групп, и прежде всего СФИО. Обстановка складывалась благоприятным образом. Повсюду создавались комитеты антифашистской борьбы, комитеты бдительности, в которых вместе работали коммунисты и социалисты, католики и протестанты, представители самых различных сословий и профессий. Объединение сил пролетариата диктовалось всеми условиями политического момента, интересами нации

23—26 июня 1934 г. в парижском пригороде Иври состоялась Национальная конференция ФКП, сыгравшая важную роль в рабочем движении и в политической жизни страны вообще. Подвергнув острой критике сектантские ошибки[2], компартия назвала фашизм главной опасностью и призвала к созданию единого рабочего фронта снизу и сверху, отвергнув толкование этой формулы в духе тех, кто предпочитал видеть в ней лишь тактический прием, рассчитанный на разоблачение оппортунистических лидеров. В решениях конференции красной нитью проводилась идея о создании широкого антифа-

[1] См. *Е. Кравченко.* Указ. соч., стр. 44, 45.
[2] «Histoire du Parti communiste français (manuel)», p. 268.

шистского блока, объединяющего вокруг пролетариата крестьянство и средние слои.

Открыто провозглашая свои конечные цели[1], партия выдвинула программу антифашистской борьбы, которая носила общедемократический характер и к которой могли бы присоединиться мелкая буржуазия и средние слои. Компартия указывала, что в возникшей обстановке не видит возможности для выдвижения лозунгов и требований, идущих дальше тех, которые в тот момент готово было признать своими значительное большинство французов: рабочие Парижа и Лиона, крестьяне долины Соммы, портовики Марселя, мелкие торговцы и кустари Перпиньяна, католики и атеисты, обманутые фашистской демагогией ветераны войны, пестрые группы пацифистов, интеллигенции, молодежи и т. д.

Означало ли это, что Французская компартия, как утверждали ее критики слева, избрала оборонительную тактику, исключавшую продвижение вперед? Решительно нет. Разъясняя свою позицию, ФКП указывала, что в отсутствие непосредственно революционной ситуации она выступает за мероприятия переходного характера, которые, сплачивая народ, призваны были «еще сильнее поколебать экономическую и политическую власть буржуазии и умножить силы рабочего класса»[2]. Только социализм способен дать народу подлинное благосостояние, мир и свободу, но путь к нему лежит через создание демократии, хотя и не являющейся пролетарской, однако уже служащей интересам трудящихся, ограничивающей власть капитала, противостоящей фашизму и опирающейся «в значительной степени на внепарламентские действия»[3]. Такова была центральная идея новой программы антифашистского действия, за которую проголосовала конференция в Иври.

При всем многообразии задач, которые призваны были решать французские коммунисты, важнейшей являлась задача преодоления раскола и враждебности между двумя ведущими организациями рабочего класса — ФКП и СФИО, между двумя основными профцентрами — ВКТ и УВКТ. Начиная с 1923 г. ФКП 28 раз обращалась к СФИО с предложением провести переговоры о создании единого рабочего фронта. Но каждый раз эти предложения отвергались руководством СФИО. Однако в изменившихся условиях после февраля 1934 г. лидеры СФИО уже не могли уклониться от диалога с коммунистами. Слишком далеко в ходе антифашистских выступлений на местах зашло сближение низовых организаций обеих партий. Соглашения о единстве действий были подписаны в столичном департаменте Сена, Марселе, Лионе и других городах. Какая участь ждала бы руковод-

[1] См. *М. Торез* и *Ж. Коньо*. Народный фронт во Франции. М., 1937, стр. 13.
[2] «Коммунистический Интернационал», 1935, № 25, стр. 18.
[3] См. *М. Торез*. Избранные произведения, т. I, 1930—1944. М., 1959, стр. 85.

ство СФИО и саму партию, если оно и впредь чинило бы препятствия к объединению рабочего класса вокруг лозунга борьбы с фашизмом? Сами события подсказывали однозначный ответ. Блюм писал в начале июля 1934 г.: «Во весь голос заявлено о стремлении достичь соглашения. Возможно ли в сложившейся обстановке ответить ей (ФКП.— *Ред.*) отказом? Возможно ли непризнание стихийного стремления к единству, исходящего от народных масс? Что касается меня, я считаю такую позицию невозможной»[1]. Большинство членов Национального совета СФИО согласилось с доводами Блюма. 11 июля 1934 г. между представителями ФКП и СФИО начались официальные переговоры.

27 июля 1934 г. коммунистическая и социалистическая партии подписали Пакт о единстве действий, предусматривавший совместные действия партий в борьбе против опасности фашизма и войны.

Пакт о единстве действий двух партий открыл путь для слияния профсоюзных центров. После весьма длительных переговоров и проволочек со стороны лидеров ВКТ в сентябре 1936 г. съезды ВКТ и УВКТ приняли решение о слиянии. Объединительный съезд состоялся в Тулузе в марте 1936 г. При всех изъянах выработанной им на компромиссной основе хартии объединенного профсоюзного движения акцент в ней делался на классовом характере единой ВКТ. Съезд в Тулузе высказался также в поддержку союза антифашистских сил. После объединения профдвижения стремительно выросла организованность рабочего класса. Если в момент объединения в обоих профцентрах состояло около 900 тыс. рабочих, то через год в объединенной ВКТ насчитывалось уже 5 млн. членов.

Трудно переоценить значение ликвидации раскола рабочего движения Франции. Впервые после долгих лет конфликта и отчуждения коммунисты и социалисты на основе борьбы против общего врага — фашизма сумели договориться о единстве действий в защиту демократии, чести и достоинства нации, насущных экономических интересов трудящихся. Уже одно это необычайно подняло роль рабочего класса Франции в политической жизни страны и послужило мобилизующим примером для рабочих других капиталистических стран. И наконец, образование единого рабочего фронта означало создание важнейшей предпосылки союза рабочего класса со средними слоями.

Коммунисты делали все возможное, чтобы развить успех, вовлечь в борьбу те пролетарские элементы города и деревни, которые стояли в стороне от антифашистской борьбы. В октябре 1934 г. компартия предложила привлечь к Пакту о единстве действий новые силы и создать «против фронта реакции и фашизма народный фронт свободы, труда и мира»[2]. Коммунисты выступили с инициативой не-

[1] Цит. по: *Е. Кравченко.* Указ. соч., стр. 69.
[2] *М. Торез.* Современная Франция и Народный фронт. М., 1937, стр. 101.

замедлительно начать создание сети низовых комитетов Народного фронта, широко привлекая к ним демократов без различия партийной принадлежности при одновременном установлении контактов с руководством крупнейших политических организаций мелкобуржуазных слоев. Речь шла прежде всего о партии радикалов и радикал-социалистов, которые вели за собой основную массу мелкой буржуазии города и деревни. Последовательно и терпеливо коммунисты добивались все более полного и разностороннего соединения под эгидой «широкого народного объединения» усилий всех искренних борцов против фашизма и войны.

Эта единственно верная линия вскоре принесла свои плоды. В ноябре 1934 г. Думерг был вынужден подать в отставку. После этого последовал крупный успех левых партий на муниципальных выборах весной 1935 г. и падение двух правоцентристских кабинетов (Фландена и Буиссона). Сдвиг влево вынудил французское правительство пойти на подписание 2 мая 1935 г. франко-советского договора о взаимной помощи, с ликованием встреченного всей прогрессивной Францией. Внепарламентские выступления трудящихся под антифашистскими и антивоенными лозунгами, в ходе которых еще более окрепло боевое сотрудничество коммунистов, социалистов и радикалов, отличались необычайным размахом и организованностью. Стало обычным, что во время массовых манифестаций красные знамена развевались рядом с трехцветными. В парламенте оформился блок демократических партий — ФКП, СФИО, группы «пролетарского единства», республиканско-социалистического союза, радикалов и «независимых левых».

Антифашистский Народный фронт во Франции окончательно сложился в ходе грандиозных массовых манифестаций в защиту республики 14 июля 1935 г., с инициативой которых выступили компартия и движение «Амстердам-Плейель». В одном только Париже в них приняло участие около полумиллиона человек. На митинге на стадионе «Буффало» представители антифашистских организаций, прибывшие со всех концов страны, приняли торжественную клятву Народного фронта. Шествие участников демонстрации возглавляли руководители основных партий Народного фронта — Морис Торез (коммунист), Леон Блюм (социалист), Эдуард Даладье (радикал).

Главный успех дня 14 июля 1935 г. состоял в том, что компартия добилась поставленной цели — соединения в сознании широких масс идей политической демократии, патриотических чувств, с одной стороны, и социальной справедливости, интернационализма — с другой[1]. Рабочее движение получило поддержку общедемократического движения, и это сложение сил при сохранении за рабочим классом ведущей роли немедленно дало эффект. Реакция вынуждена была отступить. Фашизм во Франции не прошел.

[1] См. *Ю. И. Рубинский.* Тревожные годы Франции, стр. 306.

Народный фронт во Франции нес на себе печать национальных условий и исторических традиций Франции, тем не менее своим опытом французский пролетариат и его революционный авангард — компартия внесли ценный вклад в разработку международным коммунистическим движением проблем стратегии и тактики антифашистской борьбы. Выступая с докладом на VII конгрессе Коминтерна в августе 1935 г., Георгий Димитров говорил: «*Франция* — это страна, где, как известно, рабочий класс дает пример всему международному пролетариату, как нужно бороться против фашизма. Французская компартия показывает всем секциям Коминтерна пример того, как нужно проводить тактику единого фронта, а социалистические рабочие — пример того, что нужно делать сейчас социал-демократическим рабочим других капиталистических стран в борьбе с фашизмом»[1].

12 января 1936 г. программа Народного фронта, разработанная совместно ФКП, СФИО и радикальной партией, была обнародована. По своим целям она шла дальше Пакта о единстве действий между коммунистами и социалистами. Программа предусматривала национализацию крупных банков, проведение реформы налоговой системы с перенесением главной тяжести обложения на крупных капиталистов, отмену декретов, ограничивающих свободу печати, объявление политической амнистии, разоружение и роспуск фашистских организаций, улучшение положения народов колоний. В программу был включен также целый комплекс мер, направленных на улучшение условий труда, социального страхования, положения мелких собственников и профсоюзов и т. д. В области внешней политики программа уделяла главное внимание проблеме укрепления безопасности Франции и защите ее от возраставшей угрозы со стороны фашистской Германии. В этой связи указывалось на необходимость всемерно укреплять советско-французские отношения, выражалась поддержка идее коллективной безопасности. В качестве важнейшей меры выдвигалось требование национализации военной промышленности.

ФКП на своем VIII съезде (январь 1936 г.) в Виллербане сделала новый важный шаг в творческом применении ленинской тактики широких классовых союзов. Компартия торжественно заявила о намерении проводить политику «протянутой руки» по отношению ко всем здоровым элементам нации, для которых дороги честь и достоинство нации, все то, что составляет величие Франции, и прежде всего ее вековые традиции борьбы за независимость и свободу[2].

Большое значение имело создание Национального комитета Народного фронта, а также департаментских и местных комитетов Народного фронта, что закладывало организационную основу развер-

[1] *Г. Димитров.* Избранные произведения, т. I, стр. 407.
[2] *М. Торез* и *Ж. Конью.* Народный фронт во Франции, стр. 15.

вания массового антифашистского движения. Касаясь характера Народного фронта, М. Торез подчеркивал: «Народный фронт — это не парламентская коалиция. Это движение народных масс, объединившихся в борьбе за хлеб, свободу и мир, которое находит свое выражение в области законодательной и исполнительной власти»[1]. В той мере, в какой Народный фронт способствовал организационному оформлению массового движения, он утверждал пролетарские революционные средства антифашистской борьбы, открывая перед ним политические перспективы[2]. Правда, коммунистам не удалось добиться создания самостоятельной непартийной массовой организации трудящихся из-за сопротивления социалистов и радикалов, которые настояли на том, чтобы органы Народного фронта формировались на основе представительства от партий, а не на основе выборности, как это предлагали коммунисты. Принцип представительства от партий стал в дальнейшем основным источником слабости организационной структуры Народного фронта.

Рождение Народного фронта стало фактором, обеспечившим перевес демократических сил над реакцией. На состоявшихся в апреле—мае 1936 г. выборах в парламент три основные партии Народного фронта — коммунисты, социалисты и радикалы, сформировав избирательный блок, одержали внушительную победу. За их кандидатов было подано свыше 5,1 млн. голосов, за правые партии — 4,2 млн.[3] Эта победа была обеспечена главным образом за счет крупного успеха компартии, получившей 1,5 млн. голосов, т. е. в 2 раза больше, чем на предыдущих выборах в 1932 г.; число депутатов-коммунистов в парламенте возросло примерно в 7 раз. В июне 1936 г. было сформировано первое правительство Народного фронта во главе с Л. Блюмом, состоявшее из социалистов и радикалов и опиравшееся на поддержку демократического большинства в парламенте и на движение Народного фронта.

Сформирование первого правительства Народного фронта совпало с развертыванием невиданного по масштабам забастовочного движения. Если с января по май 1936 г. ежемесячно бастовало 9—13 тыс. человек, то в июне — около 2 млн. человек[4].

Новой формой борьбы стали забастовки с занятием предприятий. Они возникали стихийно под влиянием таких факторов, как стремление бастующих более эффективно бороться против штрейкбрехеров, держаться вместе, лишить предпринимателей возможности шантажировать или подкупать отдельные группы рабочих. Однако идейно-

[1] *М. Торез.* Избранные произведения, т. I, стр. 268.
[2] *Р. Мартелли.* Коммунисты во французском обществе.— «Проблемы мира и социализма», 1981, № 3, стр. 33.
[3] См. *Ю. И. Рубинский.* Тревожные годы Франции, стр. 317.
[4] См. *Ю. В. Егоров.* Народный фронт во Франции. Л., 1972, стр. 123—124.

политический эффект таких забастовок вышел далеко за рамки первоначальных целей.

Хотя бастующие выдвигали экономические требования, сама обстановка придавала забастовкам политический характер. Движимые верным классовым чутьем, французские трудящиеся стремились прямыми действиями закрепить победу левых сил на парламентских выборах. Как ни велико было политическое влияние результатов этих выборов, именно массовые выступления трудящихся стали тем решающим фактором, который вынудил правящие круги пойти на серьезные уступки рабочему классу.

7 июня 1936 г. между ВКТ и предпринимателями было заключено Матиньонское соглашение, предусматривавшее значительное повышение заработной платы рабочим, признание прав профсоюзов и т. д.[1] Опираясь на небывало высокую активность рабочего класса и победу на выборах, правительство Народного фронта сумело в беспрецедентно короткий срок провести через парламент значительную часть согласованной коммунистами, социалистами и радикалами программы внутренних преобразований. Был принят закон об оплачиваемых отпусках (14 дней в году), о 40-часовой рабочей неделе, об обязательных коллективных договорах; улучшено пенсионное обеспечение престарелых и инвалидов войны; увеличены расходы на общественные работы и улучшена система пособий по безработице. На 7—15% была повышена заработная плата рабочим. Ряд законов отвечал интересам мелкой буржуазии. Был введен льготный кредит для крестьян, мелких торговцев и ремесленников, им была предоставлена отсрочка по уплате долгов. Были повышены закупочные цены на сельскохозяйственные продукты. Законом стало одно из основных требований программы Народного фронта — реформа Французского банка. Права «двухсот семейств» были ограничены. Во вновь созданном Генеральном совете банка заседали представители правительства, экономических и общественных организаций. Был принят закон о национализации крупнейших предприятий военной промышленности. 18 июня правительство подтвердило изданный несколько ранее закон о запрещении фашистских организаций.

Народный фронт принес рабочему классу и всему французскому народу такие завоевания, которых они не могли добиться долгие годы после Парижской коммуны. Был нанесен сильнейший удар по фашистскому движению. Формирование правительства Народного фронта, проведение социальных и демократических реформ происходили в обстановке небывалой политической активности широчайших народных масс, которая ставила известные пределы экономической и политической власти буржуазии, обеспечивая и гарантируя общий прогресс в демократическом развитии[2].

[1] «Bulletin du ministère du travail», 1936, p. 222.
[2] *M. Thorez.* Oeuvres, l. III, t. 14. Paris, 1954, p. 251.

В связи с успехами движения Народного фронта перед коммунистами встал ряд новых задач. Влияние ФКП на все стороны общественной жизни неизмеримо возросло. Впервые руководству компартии пришлось решать вопрос и об участии в коалиционном правительстве вместе с социалистами и радикалами. Руководители ФКП воздержались от участия в правительстве Блюма, ограничившись парламентской поддержкой. Такая осторожная позиция до сих пор служит предлогом для спекуляции буржуазных и социал-демократических исследователей на тему о «неискренности» и «нелояльности» коммунистов по отношению к своим союзникам. Между тем вскоре ФКП изменила свою точку зрения и именно в самое трудное для Народного фронта время выражала готовность разделить правительственную ответственность, но встречала отказ со стороны социалистов и радикалов [1].

Приход к власти правительства Народного фронта способствовал росту политической активности масс и одновременно поставил перед рабочим движением ряд сложных задач. Успешное развитие всеобщей забастовки в мае—июне 1936 г. породило опасные настроения среди части рабочих, поддавшихся призыву леваков: «Все возможно!» Такие призывы обрекали рабочий класс на изоляцию от его непролетарских союзников и как следствие — на поражение. Учитывая это, руководство ФКП после подписания Матиньонского соглашения призвало рабочих к прекращению забастовки. В противоположность безответственному лозунгу «Все возможно!» М. Торез заявил: «Необходимо уметь заканчивать забастовки» [2].

Вопреки широко распространенной в буржуазной и социал-демократической литературе легенде ФКП успешно преодолевала левацкие настроения среди масс и добивалась того, чтобы массовая борьба способствовала укреплению позиции правительства Народного фронта перед лицом яростного сопротивления реакции.

Труднее было преодолеть реформистскую недооценку значения массовой борьбы. Создание правительства Народного фронта и его первые успехи породили среди части трудящихся реформистские иллюзии, будто с приходом к власти этого правительства отпала надобность в массовой борьбе. Эти иллюзии активно поддерживались не только радикалами, но и лидерами СФИО. Понимая, что основной источник силы Народного фронта — в опоре на широкие народные низы, социалисты и радикалы не возражали против использования массового движения для обеспечения победы на выборах. Однако они противились развертыванию этого движения после сформирования правительства Блюма, утверждая, что это затруднило бы деятельность правительства по осуществлению про-

[1] « Histoire du Parti communiste français (manuel) », p. 335—336.
[2] *M. Thorez.* Oeuvres, l. III, t. 12. Paris, 1954, p. 48.

граммы Народного фронта. Из рядов этих партий раздавались призывы распустить комитеты Народного фронта.

Вскрывая несостоятельность реформистских взглядов, коммунисты подчеркивали, что только консолидация движения Народного фронта способна гарантировать претворение его программы в жизнь, и принимали меры к активизации Народного фронта и укреплению его структуры. В конце июля 1936 г. руководство ФКП обратилось с призывом расширить Народный фронт и образовать французский фронт, который объединил бы всех защитников национальной независимости. Этот лозунг, как подчеркивается в «Истории Французской коммунистической партии», «соединяет пролетарский интернационализм с защитой демократии и национальных интересов, которым угрожал гитлеровский фашизм»[1]. Выдвинув идею французского фронта, коммунисты подняли знамя единства французской нации в борьбе за независимость страны, против агрессии Германии и предательства новых версальцев, толкавших страну на путь капитуляции перед фашизмом.

Летом 1937 г., когда резко активизировались противники Народного фронта, ФКП высказывалась за созыв Национального конгресса комитетов Народного фронта, одна из задач которого «обеспечить правительству поддержку масс в борьбе против 200 семейств»[2].

Курс ФКП на всемерное развитие массового движения в защиту демократии и национальных интересов поддержали массы. Свидетельством этого был бурный рост рядов ФКП (с 30 тыс. в 1934 г. до 341 тыс. в 1937 г.[3], т. е. более чем в 11 раз!). Однако коммунистам не удалось полностью преодолеть сопротивление лидеров социалистической и радикальной партий, делавших основную ставку на сотрудничество с буржуазией и приглушение массовой борьбы.

Сложная международная обстановка накануне второй мировой войны, гражданская война и итало-германская интервенция в Испании, разногласия по этим вопросам между партиями Народного фронта усложнили его деятельность. Л. Блюм был одним из творцов печально знаменитой политики «невмешательства», позволившей фашистской Германии и Италии организовать интервенцию против Испанской республики. Это вызвало резкую критику со стороны коммунистов и представителей прогрессистских групп. Противоречия в Народном фронте углубились и в связи с разным пониманием экономической политики правительства. Призыв коммунистов расширить и укрепить Народный фронт путем вовлечения в него всех патриотических сил и создания системы низовых комитетов не был поддержан руководителями социалистов и радикалов.

[1] «Histoire du Parti communiste français (manuel)», p. 328.
[2] Ibid., p. 336.
[3] Ibid., p. 307, 343.

Правые и центристские лидеры СФИО и руководители партии радикалов стремились ограничиться верхушечными комбинациями, тормозили развязывание инициативы масс и позволили тем самым крупному капиталу восстановить свои позиции. Последний не без успеха разжигал противоречия в Народном фронте, сея в широких кругах мелкой буржуазии недоверие к его ведущей силе — рабочему классу. Ослабление движения Народного фронта было вызвано также тем, что оно оставалось блоком на уровне руководства партий и не опиралось на сеть низовых комитетов[1].

Начиная с весны 1937 г. движение Народного фронта, испытывая все большие трудности, идет на спад. Руководители СФИО, отклонив предложение компартии организовать сопротивление натиску реакции, предпочли встать на путь капитуляции. В июне 1937 г. Блюм ушел с поста премьер-министра. Последующие кабинеты радикалов Шотана и Даладье выступили против продолжения политики Народного фронта. 29 сентября 1938 г. Эдуард Даладье от имени правительства Франции поставил свою подпись под позорным Мюнхенским соглашением о расчленении Чехословакии. Социалисты и радикалы в парламенте одобрили этот акт, противоречивший программе Народного фронта. Коммунисты голосовали против внешней политики, извращающей саму суть идеи антифашистского единства, назвав ее триумфом классового эгоизма. Парламентское большинство 1936 г. распалось, коммунисты перешли в оппозицию. В октябре 1938 г. на своем съезде в Марселе партия радикалов приняла решение о разрыве с Народным фронтом. Все это сопровождалось ростом антикоммунистических и антисоветских тенденций во внутренней и внешней политике Франции. Когда в конце ноября 1938 г. ВКТ призвала массы на всеобщую 24-часовую забастовку протеста против наступления реакции, правительство обрушило на рабочий класс всю мощь машины подавления. В стране было введено чрезвычайное положение, последовали массовые локауты и аресты, раздута антикоммунистическая пропаганда. Все это, вместе взятое, оказало дезорганизующее влияние на участников забастовки.

Триумф Народного фронта во Франции был недолгим, но его роль в истории страны и международного рабочего движения огромна. Внутри страны движение Народного фронта привело к коренному качественному сдвигу всей французской политической жизни влево. Была сорвана попытка реакции установить фашистскую диктатуру. Союз рабочего класса и средних слоев укрепил демократические институты страны. Сплочение левых сил и в условиях буржуазного правопорядка принесло важные результаты в плане улучшения социальных условий жизни трудящихся.

За годы Народного фронта рабочий класс Франции значительно укрепил свои позиции. Компартия окончательно превратилась в

[1] См. «Вопросы истории КПСС», 1973, № 8, стр. 83.

ведущую силу французского пролетариата, во всевозрастающей степени определяющую все политическое развитие страны. Опыт и традиции Народного фронта подготовили боевое сотрудничество всех патриотических сил нации в антифашистском движении Сопротивления.

НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Кульминацией подъема рабочего и демократического движения капиталистических стран во второй половине 30-х гг. явилась национально-революционная война испанского народа.

Борьба прогрессивных сил за новую, свободную, республиканскую Испанию была необычайно сложной, изобиловала подъемами и спадами, успехами и поражениями, обусловленными расстановкой классовых сил в стране, особенностями ее политических традиций, степенью согласованности действий рядов пролетариата и прочности его связей с другими угнетенными классами и слоями, прежде всего с крестьянством.

Два лагеря противостояли друг другу: один, опирающийся на рабочий класс, часть крестьянства, демократическую интеллигенцию, мелкую буржуазию, население национальных окраин (баски, каталонцы, галисийцы), и другой во главе с буржуазно-помещичьим блоком, сплотивший вокруг себя все наиболее реакционные элементы испанского общества — от профашистски настроенной военщины, монархистов, бюрократии, традиционалистов и духовенства до наиболее отсталых слоев крестьянства и попавшей в сети националистической клерикальной пропаганды части средних слоев [1].

В начале 30-х гг. городской пролетариат в Испании насчитывал около 2 млн. человек, большая его часть была сосредоточена в Каталонии, Басконии и Астурии, а также в Мадриде, портовых городах и центрах горнодобывающей промышленности на юге страны. Вместе с сельскохозяйственными рабочими общая численность рабочего класса составляла примерно 4—4,5 млн. человек. Городские и сельскохозяйственные рабочие объединялись в общие профцентры социалистического или анархо-синдикалистского направлений.

Мировой экономический кризис оказал глубокое воздействие на хозяйственную систему Испании. Более чем вдвое снизившийся объем экспорта товарной продукции привел к огромному дефициту торгового баланса страны, к расстройству финансовой системы. К началу 1933 г. в стране насчитывалось свыше 1,2 млн. безработных.

[1] См. *С. П. Пожарская.* Тайная дипломатия Мадрида. М., 1971, стр. 20—28.

Ни одна из категорий испанских трудящихся не пользовалась правом на пособия по безработице[1].

Ухудшение экономического положения страны, рост безработицы и экономические трудности вызвали усиление социальной борьбы трудящихся. Однако ее действенность ослаблялась разобщенностью в лагере демократии.

Самой крупной рабочей партией была Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП). Социалисты осуществляли руководство и самым крупным профсоюзным центром — Всеобщим союзом трудящихся (ВСТ). По мере развития политического кризиса ИСРП, руководство которой сотрудничало с диктатурой Примо де Риверы, стала переходить в оппозицию к режиму и в октябре 1930 г. заключила союз с республиканскими буржуазными партиями с целью совместной борьбы против монархии. Но и перейдя в оппозицию, руководство ИСРП продолжало отрицать самостоятельную политическую роль пролетариата, рассматривая его лишь как вспомогательную силу в составе антимонархической коалиции. В результате такой позиции самой влиятельной рабочей партии образовался разрыв между руководящей ролью пролетариата в массовой борьбе и его подчиненным положением в политической системе. Преодоление этого разрыва заняло немало времени[2].

Второй влиятельной силой была Федерация анархистов Иберии (ФАИ), проповедовавшая «либертарный коммунизм», который предполагалось установить посредством стихийного бунта масс и уничтожения государственности. Анархисты руководили вторым крупнейшим профцентром — Национальной конфедерацией труда (НКТ)[3]. Выступая против монархии, анархисты отрицательно относились и к буржуазно-демократическому государству, отказывались сотрудничать с антимонархической оппозицией и в 1930—1931 гг. не принимали участия в выборах, что также снижало вес пролетариата при решении вопроса о политической власти. Серьезно ослабляли рабочее движение острые разногласия между социалистами и анархистами, а также присущий обоим течениям антикоммунизм.

Только Коммунистическая партия Испании (КПИ) боролась за гегемонию пролетариата в революции. III съезд КПИ (август 1929 г.), указывая на приближение буржуазно-демократической революции, подчеркивал, что пролетариату должна принадлежать в ней руководящая роль. Однако жестокие репрессии серьезно

[1] «International Press Correspondence», vol. 13, N 4 (26-th January 1933), p. 87.

[2] См. «История Коммунистической партии Испании. Краткий курс». М., 1961, стр. 45—46; *Д. Ибаррури.* Октябрьская социалистическая революция и испанский рабочий класс. М., 1960, стр. 70; «Испания. 1918—1972. Исторический очерк». М., 1975, стр. 58, 59.

[3] *P. Preston.* Los Origenes del Cisma Socialista. 1917—1936.— «Cuadernos de Ruedo Iberico», 1976, N 49—50, p. 12—40.

затрудняли деятельность КПИ и ослабили ее. Она не изжила еще элементов сектантства в своей работе[1].

Неуклонное повышение роли рабочего класса в массовом антимонархическом и антидиктаторском движении, хотя и носило стихийный характер, с самого начала наложило сильный отпечаток на ход событий, спутав планы тех, кто помышлял лишь о верхушечных «революциях» и дворцовых переворотах с помощью армии или путем политических комбинаций. В этом стремлении пролетариата быть на высоте задач времени, хотя оно и не находило еще адекватного организационного и политического выражения, заключалась причина исключительной жизнестойкости испанской революции.

В конце января 1930 г. в обстановке растущей политической активности рабочего класса, крестьянских волнений, студенческих беспорядков и антимонархического брожения в армии Примо де Ривера, оказавшийся в полной изоляции, заявил о своей отставке. Но это дало лишь временный выигрыш. Новый революционный кризис не заставил себя долго ждать. Он проявился в бурных забастовках, в захватах крестьянами и батраками помещичьих земель, в подготовке буржуазными республиканцами серии военных восстаний. В августе 1930 г. на совещании лидеров республиканских партий был взят курс на насильственное низвержение монархии. Однако до этого дело не дошло. Муниципальные выборы 12 апреля 1931 г., превратившиеся фактически во всенародный плебисцит, принесли полную победу единому списку республиканцев и социалистов. Сразу же после обнародования итогов выборов во многих крупнейших городах муниципалитеты провозгласили республику. 14 апреля 1931 г. король Альфонс XIII, не отрекаясь от престола, выехал за границу[2].

Свержение монархии было осуществлено мирным путем. Но было очевидно, что исход революции, начавшейся с установления буржуазно-демократической республики, в наибольшей степени зависел от того, будет ли и в какой мере решена проблема единства рабочего класса.

Ослабленный расколом испанский рабочий класс в 1931 г. оказался не в состоянии превратить отступление реакции в ее полный разгром. Он не сумел тогда завоевать гегемонию в шестой испанской революции, обеспечить выполнение ее основных задач. В значительной мере стихийный характер борьбы масс за республику позволил республиканской буржуазии подчинить своему руководству народное движение и на какое-то время уклониться от преобразования социальной и политической структуры страны. Нетронутыми остались помещичье землевладение, экономическая мощь финансовой олигархии, позиции реакции в решающих звеньях госаппарата, армии.

[1] См. *Д. Ибаррури.* Единственный путь. М., 1962, стр. 117.
[2] См. «Испания. 1918—1972. Исторический очерк», стр. 66.

В результате после частичных успехов (принятие республиканской конституции, отделение церкви от государства, прогрессивное рабочее законодательство и др.)[1] начался попятный процесс. Спекулируя на экономических трудностях, ловко используя недовольство трудящихся противоречивой и непоследовательной политикой правительства республиканско-социалистической коалиции, реакция усиливала свои позиции.

С установлением фашистского режима в Германии политические устремления испанской реакции стали приобретать профашистский характер. В феврале—марте 1933 г. правые католические группы создали Испанскую конфедерацию автономных правых сил (СЭДА), объявившую «социализм, марксизм и масонство» пороками, подлежащими искоренению. В конце октября 1933 г. была создана фашистская партия «Испанская фаланга». Объединенные силы реакции повели широкое наступление на завоевания революции. На выборах в кортесы в ноябре 1933 г. победу одержали правые партии, которые умело сыграли на недовольстве крестьянства, не получившего от революции существенных выгод. С приходом правых партий к правительственной власти началось «черное двухлетие», в течение которого наблюдались резкая поляризация социально-политических сил и обострение классовой борьбы.

Революционное развитие в предшествующий период позволило рабочему классу накопить богатый политический опыт. Изживались иллюзии, порожденные установлением буржуазно-демократического режима, в сознании рабочих масс крепло убеждение в необходимости развертывания массовой борьбы объединенным фронтом всех рабочих и демократических сил.

С начала 1933 г. по всей стране развернулась борьба народных масс за демократический путь преодоления кризиса[2]. Официальная статистика зафиксировала в 1933 г. 1127 стачек, 843 тыс. забастовщиков и 14,5 млн. потерянных рабочих дней.

В социалистической партии значительно усилилось левое течение — кабальеризм, бросившее вызов реформистскому руководству ИСРП. В январе 1934 г. Ф. Ларго Кабальеро, возглавивший с октября 1932 г. ИСРП, был избран генеральным секретарем ВСТ. В рабочей среде произвели большое впечатление и получили сочувственный отклик несколько выступлений Кабальеро, в которых он призвал к решительной борьбе с реакцией. Председатель ИСРП заявил, что, если СЭДА придет к власти, социалистическая партия ответит на это организацией всеобщей забастовки вплоть до вооруженного восстания[3]. Эти позитивные изменения в ИСРП и ее руко-

[1] См. *С. П. Пожарская.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939. М., 1966, стр. 42—45.
[2] «International Press Correspondence», vol. 13, N 4, p. 87.
[3] См. *С. П. Пожарская.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939, стр. 102.

водящих органах значительно расширяли возможности для улучшения отношений между ИСРП и КПИ.

Новое руководство Компартии Испании во главе с Хосе Диасом взяло курс на создание широкого антифашистского Народного фронта. С начала 1934 г. КПИ неоднократно обращалась к ИСРП, ВСТ, НКТ и ФАИ с призывами создать единый рабочий фронт. Эти призывы находили все более широкий отклик в рабочих низах.

В октябре 1934 г. произошла первая открытая проба сил. Вступление в правительство представителей СЭДА вызвало в стране широкое движение протеста, которое приняло форму всеобщей забастовки, сопровождавшейся в ряде мест вооруженными восстаниями. Самую яркую страницу в октябрьские события вписал пролетариат Астурии. Здесь была создана Красная гвардия, которая разоружила правительственные войска, овладела рядом арсеналов и военных заводов, захватила г. Овьедо и передала власть в руки рабоче-крестьянского правительства Астурии. Однако отсутствие единства пролетариата в масштабах всей страны, разобщенность между рабочим классом и крестьянством, недостаточная техническая подготовленность восстания предопределили конечное поражение астурийского пролетариата[1]. Реакционным силам удалось подавить всеобщую забастовку. На рабочий класс и его организации обрушился жесточайший террор.

Однако успех реакции оказался кратковременным, и уже в 1935 г. в Испании назревала новая революционная ситуация. Ширились политические выступления против террора властей, в защиту его жертв, за амнистию политзаключенных. После очередного правительственного кризиса кабинет министров в июне 1935 г. под давлением масс был вынужден отменить военное положение и предоставить рабочим организациям некоторые свободы.

В социалистической и республиканской партиях усилились левые течения и настроения в пользу образования блока всех демократических сил, включая и КПИ. В декабре 1935 г. по инициативе коммунистов был создан Национальный комитет по связи между коммунистической и социалистической партиями. В июне 1935 г. КПИ выдвинула идею создания Народного фронта с программой, отвечающей насущным интересам рабочих, крестьян, угнетенных народностей Испании. В качестве программы объединения антифашистских сил компартия предложила провести отчуждение (без выкупа) помещичьей земли и передачу ее беднейшему крестьянству и батракам, предоставить право на самоопределение народностям Каталонии, Эускади и Галисии, обеспечить общее улучшение условий труда рабочих и крестьян, объявить всеобщую амнистию политзаклю-

[1] *Е. М. Тепер.* Пламя над Овьедо (Астурийская эпопея). М., 1965.

ченным. Эта программа нашла горячий отклик у всех, кому были дороги судьбы демократической, республиканской Испании.

Совместная борьба за освобождение политзаключенных после восстания в октябре 1934 г., сближение профсоюзных и молодежных организаций подготовили условия для следующего шага — совместных манифестаций в крупнейших городах Испании осенью 1935 г. и создания системы альянсов, в которых были представлены все рабочие организации.

Важную роль в процессе сближения между коммунистами и социалистами сыграл VII конгресс Коминтерна[1]. 15 января 1936 г. представителями компартии, социалистической и левореспубликанской партий, Республиканского союза, Всеобщего союза трудящихся, Объединенной марксистской рабочей партии (ПОУМ) и ряда других политических группировок был подписан Пакт Народного фронта. Программа Народного фронта была весьма умеренной и предусматривала проведение амнистии политзаключенных, восстановление конституционных свобод, различные меры государственной помощи крестьянству, повышение жизненного уровня народа, улучшение социального законодательства и системы школьного образования, восстановление закона об аграрной реформе в Каталонии, поддержку мелкой буржуазии, проведение программы общественных работ и т. д.[2]

Коммунистическая партия не была вполне удовлетворена программой Народного фронта. Главный ее недостаток она видела в отсутствии ясно выраженного требования аграрной реформы[3]. В программе не были учтены также предложения рабочих партий о национализации банков, рабочем контроле, помощи безработным. Тем не менее коммунисты твердо верили, что и эта компромиссная платформа может послужить делу единства народных сил и в конечном счете победе над силами реакции и фашизма.

Выборы 16 февраля 1936 г. принесли внушительную победу Народному фронту. При поддержке левых партий было образовано левореспубликанское правительство М. Асаньи, заявившего, что оно в своей практической деятельности будет руководствоваться программой Народного фронта.

Рабочие в городах, крестьяне в деревнях явочным порядком, снизу, приступили к решению жгучих общественных проблем. В ходе выступлений масс устанавливался рабочий контроль на предприятиях, освобождались политзаключенные, проводилась конфискация помещичьей земли. Прямое давление трудящихся вынудило правительство Асаньи принять ряд важных декретов, отвечавших интере-

[1] См. «Коммунистический Интернационал», 1935, № 31—32, стр. 13.
[2] См. «Испания. 1918—1972. Исторический очерк», стр. 203.
[3] См. «История Коммунистической партии Испании. Краткий курс», стр. 107.

сам народа. Было положено начало проведению аграрной реформы, прекращался сгон крестьян с арендованных ими земель. В апреле 1936 г. правительство торжественно провозгласило право всех народов Испании иметь свое автономное управление. Несколько повысился жизненный уровень трудящихся.

Коммунистической партии принадлежала выдающаяся роль в мобилизации масс, всех прогрессивных сил нации на выполнение программы Народного фронта. Коммунистическая партия прилагала огромные усилия для дальнейшего укрепления единого рабочего фронта. При ее полной поддержке в конце марта 1936 г. произошло слияние Федерации социалистической молодежи и Коммунистического союза молодежи в организацию «Объединенная социалистическая молодежь». В Каталонии четыре рабочие партии, включая коммунистов и социалистов, объединились в одну — Объединенную социалистическую партию Каталонии.

Испанский пролетариат стал бесспорным гегемоном демократической борьбы. Однако изживание оппортунистических, сектантских, сепаратистских тенденций и «ультралевых» настроений, культа стихийности и децентрализации давалось с трудом. Из всех течений рабочего движения лишь коммунистическая партия выработала четкую и, как показали дальнейшие события, единственно верную и реалистическую программу борьбы. Коммунисты дали пример строгой, подлинно революционной дисциплины в труде и бою, без которой немыслима победа народной революции. Остальные партии Народного фронта непростительно медленно осознавали ошибочность и пагубность безответственных импровизаций сторонников «либертарного коммунизма», антикоммунизма и политической неустойчивости центристов и «левых» в социалистической партии.

Между тем военные заговорщики в союзе с монархистами тайно подготовили военный мятеж, к которому активно примкнула фаланга. Он начался 17 июля 1936 г. в испанской зоне Марокко. Поддержка со стороны фашистских держав Германии и Италии, предоставивших мятежникам уже в конце июля транспортные самолеты, позволила им высадиться в Испании и распространить мятеж на всю территорию страны.

Однако планы генерала Франко, рассчитывавшего быстро захватить власть, были сорваны героической борьбой народных масс, рабочего класса, организатором которой была Коммунистическая партия Испании. Сопротивление масс было столь сильным и решительным, что фашизм сразу же оказался в положении обороняющейся стороны. 18 июля по всей стране была объявлена всеобщая забастовка. Ее поддержали все рабочие организации. В крупнейших промышленных центрах рабочие создавали отряды народной милиции, смело атаковали мятежные гарнизоны и уничтожали эти гнезда контрреволюции. Происходило самостоятельное вооружение рабочего класса. К началу августа под ружьем находилось около 300 тыс. трудящихся,

в основном рабочих [1]. К 30 июля 1936 г. мятеж был подавлен на большей территории республики. Положение мятежников стало критическим. От полного разгрома их спасли фашистские державы, начавшие интервенцию в Испанию.

Военная помощь и военная интервенция Германии и Италии изменили характер борьбы испанского народа. Она стала войной национально-революционной. «Национальной потому,— писала Д. Ибаррури,— что народ боролся против сил иностранной интервенции, грозившей превратить Испанию в колонию итало-германских империалистов; революционной потому, что испанский народ боролся за сохранение, укрепление и развитие демократических свобод, завоеванных в ходе длительной и жестокой борьбы с испанской реакцией» [2].

Отличительной чертой начала вооруженной борьбы народных масс против военно-фашистского путча явились единство действий пролетариата и руководящая роль рабочего класса и его партий в организации отпора мятежникам. Выдающееся значение имела деятельность коммунистической партии, численность которой с февраля по июль 1936 г. выросла в 4 раза — до 102 тыс. С первых же дней она вела огромную практическую работу по организации отпора фашизму. Провозглашая необходимость выполнения широкой программы социально-экономических революционных преобразований, КПИ выдвигала на первый план общедемократические и национальные, антифашистские цели борьбы. Партия коммунистов, опираясь на решения VII конгресса Коминтерна и трезво учитывая объективные и субъективные условия борьбы, выдвинула лозунг «демократической республики нового типа», в которой при сохранении парламентарного режима будут ликвидированы экономические основы господства помещиков, крупной буржуазии, церкви, трудящиеся будут привлекаться к управлению политической и экономической жизнью страны и будут созданы необходимые гарантии упрочения нового строя, в частности народная армия.

Борьба с мятежниками и отражение иностранной интервенции требовали высшего напряжения и концентрации всех сил. Однако в этот ответственный момент внутреннее единство Народного фронта оказалось недостаточно прочным. Если компартия делала все возможное, чтобы организовать сопротивление и защитить республику, то анархисты и кабальеристы взяли курс на «углубление революции», отстаивали лозунги установления диктатуры одной партии (ИСРП) или превращения Испании одним махом в страну «либер-

[1] См. *К. Л. Майданик.* Испанский пролетариат в национально-революционной войне. 1936—1937 гг. М., 1960, стр. 99.

[2] *Д. Ибаррури.* Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников 1936—1939 гг.— «Вопросы истории», 1953, № 11, стр. 35.

тарного коммунизма». Громко заявляя о намерении «довести революцию до конца» и одновременно выступая против строгой революционной дисциплины, за децентрализацию власти, против создания вооруженных сил защиты республики, они препятствовали тем самым укреплению тыла.

В Каталонии, Арагоне, Леванте анархисты, троцкисты из «Объединенной марксистской рабочей партии» проводили насильственную «коллективизацию» в деревне, обобществляли без всякой надобности мелкие предприятия, проводили линию на «самоуправление», создавая неразбериху и путаницу. Эти действия ослабляли связи, которые установились между рабочим классом, крестьянством, городскими средними слоями в дни формирования Народного фронта.

Положение усугублялось пассивной позицией первого правительства Народного фронта во главе с Ларго Кабальеро (сентябрь 1936 — май 1937 г.) в отношении «экспериментов» левацких элементов, неумением установить централизованный контроль над экономикой, слабостями военной политики. Сторонники Ларго Кабальеро противились демократической аграрной реформе. Боясь усиления влияния коммунистической партии, вошедшей в правительство, кабальеристы долго препятствовали созданию регулярной армии. Только настойчивость коммунистов заставила их решиться на этот шаг и на создание института политкомиссаров. Эти меры значительно повысили боеспособность республиканской армии. На всех фронтах борьбы с мятежниками коммунистическая партия была главной и решающей силой сопротивления. Она жертвовала своими лучшими людьми. Созданный ею знаменитый 5-й полк и другие воинские соединения стали ядром республиканской армии, придавшим ей сплоченность, дисциплину и боевой дух.

В критические дни обороны Мадрида и в последующий период на помощь испанским трудящимся пришло международное революционное движение. Коммунистические партии всего мира и Коминтерн рассматривали оказание помощи испанской демократии как свой первейший интернациональный долг, как важнейшее направление борьбы против фашизма, за всеобщий мир и демократию. Руководство Коминтерна оказывало ЦК КПИ серьезную помощь опытными в теоретическом и политическом отношении кадрами. В анализе испанских событий Президиум ИККИ исходил из того, что главная задача КПИ заключается в борьбе за демократическую республику и достижение полной победы демократических и революционных сил над фашизмом и контрреволюцией[1]. В резолюции от 10 октября 1936 г. Секретариат ИККИ обратил внимание ЦК КПИ на необхо-

[1] См. *М. Т. Мещеряков.* Коммунистический Интернационал и борьба Компартии Испании против фашизма (1936—1939 гг.).— «Вопросы истории КПСС», 1969, № 2, стр. 48.

димость решительной борьбы с экстремистскими экспериментами анархистов и сторонников Л. Кабальеро, создававшими угрозу единству Народного фронта и всем завоеваниям испанской революции. По инициативе Коминтерна во всем мире развернулось мощное движение солидарности с республиканской Испанией[1]. Особое значение имела помощь со стороны СССР — дипломатическая, материальная, военная[2].

На стороне Испанской республики выступил международный пролетариат и все антифашисты мира. В Париже был создан Международный комитет помощи Испанской республике. Высшим проявлением солидарности с испанским народом явилась организация интернациональных бригад, в состав которых вошли добровольцы из 54 стран.

Народ Испании вместе с интербригадовцами осенью 1936 г. отстоял Мадрид. 25 ноября фашистское наступление захлебнулось. Победа под Мадридом позволила стабилизировать положение на фронтах, привела к внутренней консолидации Испанской республики. Был подавлен левоэкстремистский путч в мае 1937 г. в Каталонии, сорваны попытки кабальеристов подорвать единство Народного фронта. Ларго Кабальеро был вынужден уйти в отставку. В мае 1937 г. при участии коммунистов было создано второе правительство Народного фронта во главе с социалистом Хуаном Негрином. В августе 1937 г. представители КПИ и ИСРП подписали Пакт о единстве действий. Значительно продвинулся процесс очищения профсоюзных организаций от правых и «левых» оппортунистов.

Второе правительство Народного фронта провело важные социально-экономические преобразования. «Было уничтожено,— писала Д. Ибаррури,— господство финансово-помещичьей олигархии, церкви и армии в политической и экономической жизни страны; была создана народная армия; была проведена аграрная реформа; часть промышленных предприятий, транспорт и банки были переданы в руки демократического государства; были удовлетворены в общей форме национальные чаяния Каталонии и Эускади; двери институтов и университетов были открыты для народа. Эти преобразования были гарантированы новой властью при активном и прямом участии народных масс. Это уже не была власть буржуазии. Это была народная власть, осуществляемая партиями рабочего класса и мелкобуржуазными республиканскими партиями, каталонскими и баскскими националистами, при участии профсоюзных организаций. Государство претерпело глубокие преобразования, которые, хотя и не выходили из рамок буржуазной конституции 1931 г., превратили его в демократическую парламентскую республику нового типа,

[1] См. *М. Т. Мещеряк* Испанская республика и Коминтерн. М., 1981, стр. 49.

[2] Подробнее см. главу первую данного тома.

провозвестницу того, чем позднее, на первом этапе их существования, стали возникшие после второй мировой войны в Европе страны народной демократии»[1].

Собственный опыт масс, уроки войны и революции ускорили начавшийся осенью 1936 г. поворот основной части пролетариата к принятию главных положений программы, выдвинутой КПИ. Рабочее движение освобождалось от реформистских иллюзий и ультралевых настроений, культа стихийности и партикуляризма. Авангард рабочего класса — коммунистическая партия заняла ведущее положение в Народном фронте, получив вместе с тем возможность влиять на самые широкие слои населения. Ухудшение военного положения республики, угроза утраты национальной независимости страны в связи с расширяющейся итало-германской интервенцией подтолкнули коммунистическую партию к поиску новой формы антифашистской патриотической коалиции на базе широкого национального единства, ставящего на первый план вопрос о защите суверенитета нации. Новый курс компартии нашел свое воплощение в лозунге и политике Национального фронта[2].

Однако для осуществления новой линии не хватало времени, серьезно ухудшилась и международная обстановка. К концу 1937 г. положение на фронтах складывалось не в пользу Испанской республики, чему способствовали итало-германская интервенция, политика «невмешательства», проводимая западными державами, и пораженческие настроения части элементов в Народном фронте.

Трагедия затянувшейся войны породила в некоторых слоях населения, преимущественно буржуазных и мелкобуржуазных, чувство усталости, потерю веры в победу. В этой среде с осени 1937 г. явственно проявились капитулянтские настроения, ставшие преобладающими в марте 1938 г., когда после прорыва франкистами Арагонского фронта Республика оказалась расчлененной на две части. После утраты Севера в октябре 1937 г. в Народном фронте активизировались правоцентристские и правые элементы. Капитулянтская кампания развертывалась под лозунгом борьбы за компромиссный мир любой ценой, включая отказ от социально-экономических и политических завоеваний республики.

В последний год войны истекавшему кровью, голодному, но по-прежнему мужественному народу, и прежде всего рабочему классу, пришлось вести борьбу не только на фронтах, но и против активизировавшихся капитулянтов. В их среде и созрел заговор полков-

[1] «Международная встреча, посвященная 30-летию VII Конгресса Коминтерна, в Праге 21—23 октября 1965 г.». Прага, 1966, стр. 206, 207. См. также: «Испания. 1918—1972 гг. Исторический очерк», стр. 231—233.

[2] См. *М. Т. Мещеряков.* Испанская республика и Коминтерн, стр. 142—151.

ника Касадо, ставшего во главе хунты, которая совершила в ночь на 5 марта 1938 г. государственный переворот. После предательского удара в спину Республика уже не могла оправиться[1].

Значение героической борьбы испанского рабочего класса против фашизма, за новую демократическую Испанию огромно. Испанский пролетариат, опираясь на движение международной солидарности, первым дал вооруженный отпор международному фашизму. Г. Димитров писал в июле 1938 г., что своей борьбой испанские республиканцы задержали развязывание второй мировой войны. «Если бы германские и итальянские фашисты,— продолжает он,— добились в Испании той быстрой победы, на которую они рассчитывали, то, безусловно, это усилило бы в огромной степени наглость и агрессивность этих зачинщиков войны в отношении других народов»[2]. Национально-революционная война в Испании была великим испытанием, в огне которого закалялись многие выдающиеся деятели движения Сопротивления периода второй мировой войны.

Опыт рабочего класса Испании оказал огромное влияние на выработку коммунистическим движением общей платформы демократической антифашистской революции. Компартии проанализировали испанский опыт под углом зрения выработки стратегии и тактики борьбы за социализм в условиях развития демократии до конца и в формах, которые в наибольшей степени соответствовали традициям той или иной страны[3]. В результате этого было выдвинуто положение об особом характере родившейся в горниле классовой борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией и при наличии социалистического Советского Союза государственной власти, представляющей собой подлинную «народную демократию», «демократическую республику нового типа»[4].

Национально-революционная война в Испании и тот факт, что в течение 32 месяцев, находясь в крайне неблагоприятных условиях, Испанская республика смогла отражать яростные атаки внутренней реакции и международного фашизма, свидетельствовали об огромной мощи, заложенной в Народном фронте, в политике национального единения патриотических сил. Важной отличительной особенностью Народного фронта в Испании явилось как раз то, что он, по словам Д. Ибаррури, «был более широкой организацией... он являл собой

[1] Подробнее см.: *С. П. Пожарская.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939, стр. 167, 169—171, 182—183, 193—211.

[2] «Коммунистический Интернационал», 1938, № 7, стр. 16.

[3] См. выступление Г. Димитрова на заседании Секретариата ИККИ 18 сентября 1936 г. по испанскому вопросу («Вопросы истории КПСС», 1969, № 3, стр. 13); см. также: «Коммунистический Интернационал», 1938, № 8, стр. 14).

[4] *Х. Диас.* Под знаменем Народного фронта. Речи и статьи. 1935—1937. М., 1937, стр. 160; см. также: *J. Diaz.* Tres Años de Lucha. Paris, 1970, p. 349.

классический пример, подтверждающий революционное значение единства всех демократических слоев»[1]. Испанский опыт дал богатейший исходный материал для разработки коммунистическим движением в годы второй мировой войны политики антифашистских национальных фронтов, которая сыграла выдающуюся роль в развертывании движения Сопротивления.

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ

В фашистской Италии активное вмешательство государства в экономику не смогло спасти ее от разрушительных ударов кризиса. Наиболее трудным для Италии был 1932 год, когда объем валовой продукции страны упал на 26% по сравнению с 1928 г. По официальным данным, безработица в стране в отдельные периоды превышала 1 млн. человек; фактически каждый четвертый итальянский рабочий длительное время оставался полностью безработным. К этому следует добавить примерно миллион безработных сельскохозяйственных рабочих[2].

В условиях фашизма политическое бесправие, распространявшееся на всех граждан, наиболее сильно ударяло по рабочему классу. Отсутствие буржуазно-демократических прав и свобод наносило прямой ущерб экономическим и социальным интересам трудящихся, делало их беззащитными перед наступлением капитала. Через корпорации и фашистские профсоюзы проводились меры по интенсификации труда, снижалась заработная плата, глушилась экономическая борьба рабочих. Террор, запрещение партий, митингов и любых массовых выступлений крайне затрудняли организацию сопротивления этой антирабочей политике.

Буржуазная оппозиция фашизму была крайне робкой. Часть либеральной буржуазии не прочь была заняться «моральной критикой» фашизма, но решительно выступала против практических действий. Хотя фашизм в чем-то и ущемлял права отдельных капиталистов или даже фракций буржуазии, он выступал защитником всей буржуазии против пролетариата. Что же касается экономической политики фашизма, то она служила интересам капитала.

Только пролетариат оставался самым последовательным противником фашизма. Экономические выступления трудящихся закладывали фундамент движения антифашистского Сопротивления. В 1930 г. 10 тыс. текстильщиц в Варано и Борга провели восьмидневную забастовку протеста против сокращения заработной платы. Стачки,

[1] «Коминтерн и его революционные традиции». М., 1969, стр. 161.
[2] «International Press Correspondence», vol. II, N 59/19-th Nov. 1931/,p. 1056; *Н. П. Комолова.* Новейшая история Италии. М., 1970, стр. 93.

демонстрации, походы безработных, выступления батраков и ремесленников произошли и в ряде других мест. В 1933 г. состоялось 100 забастовок, в 1934—1937 гг.— 70 забастовок ежегодно. В ходе этих выступлений трудящиеся обретали политический опыт, подводивший их к участию в антифашистском Сопротивлении. Именно рабочие, крестьяне, ремесленники составляли подавляющее большинство участников антифашистского подполья.

Из всех запрещенных партий только коммунистическая партия сумела организоваться в подполье как национальная политическая сила, возглавившая антифашистское Сопротивление. Начальник политического отдела фашистской тайной полиции Г. Лето признавал: «Почти все жертвы Особого трибунала были, естественно, коммунистами, поскольку все другие партии в стране не подавали признаков жизни»[1]. К концу 1933 г. подпольные ячейки коммунистической партии, в которых состояло 4 тыс. коммунистов, работали во всех крупных городах и на многих предприятиях. Коммунисты стремились использовать легальные возможности для ведения антифашистской борьбы, начали работать в массовых фашистских организациях, и прежде всего в фашистских профсоюзах.

Будучи единственной партией, имевшей в Италии общенациональную подпольную организацию, а следовательно, и высокий авторитет среди антифашистов, коммунистическая партия оказывала значительное влияние на все другие антифашистские силы. Признание ведущей роли рабочего класса в антифашистской борьбе, указания на необходимость подпольной антифашистской работы в самой Италии, организация массовых антифашистских действий, создание единого антифашистского фронта — все эти основные установки коммунистической партии стали встречать все большее понимание в широких демократических кругах.

Особенно значительные сдвиги произошли в позициях находившихся в эмиграции социал-демократических партий. В июле 1930 г. в Париже состоялся съезд, объявивший о слиянии Итальянской социалистической партии (максималисты), Унитарной социалистической партии (реформисты) и «партии Маттеотти» в единую Итальянскую социалистическую партию (ИСП) во главе с П. Ненни и Дж. Сарагатом. Новая партия объявила себя марксистской и признала восстание законным средством борьбы пролетариата, хотя практическое значение этого признания обесценивалось тем, что в основном политическом докладе съезду ИСП не было даже упоминания о возможности нелегальной борьбы против фашизма. Новое руководство ИСП взяло, однако, курс на сближение с коммунистами[2]. В августе 1934 г. между ИСП и КПИ был заключен первый пакт о единстве действий.

[1] *G. Leto.* OVRA. Rocca San Casciano, 1952, p. 166.
[2] См. *Г. С. Филатов.* Крах итальянского фашизма. М., 1973, стр. 83.

Новый импульс борьбе за создание антифашистского фронта дали решения VII конгресса Коммунистического Интернационала. На заседании ЦК КПИ в октябре 1935 г. Генеральный секретарь Р. Гриеко заявил, что, поскольку борьба против фашизма носит демократический характер, победа над фашизмом может привести к созданию правительства Народного фронта, переходного к революционному правительству. Такое уточнение цели антифашистской борьбы снимало возражения союзников рабочего класса, не готовых рассматривать установление диктатуры пролетариата как непосредственную цель антифашистской борьбы.

На состоявшемся в октябре 1935 г. Брюссельском конгрессе итальянских антифашистов, находившихся в эмиграции, выявилась своеобразная расстановка сил. Коммунисты настаивали на том, чтобы программа антифашистского объединения носила демократический характер и учитывала возможность присоединения к ней оппозиции, намечавшейся в фашистских организациях. Напротив, социалисты заняли сектантскую позицию, считая необходимым придать социалистический характер программе антифашистского объединения. Представители группы «Справедливость и свобода», объединявшей демократическую интеллигенцию, считали, что коммунисты переоценивали возможности создания оппозиции внутри фашистских организаций.

Отнюдь не сверхреволюционность определяла подобную позицию социалистов и левобуржуазных антифашистов. Подпольным организациям ИСП и группы «Справедливость и свобода» не удалось наладить связь с широкими массами, сколь-нибудь прочно соединить подпольную антифашистскую деятельность с массовым движением. Сравнительная узость и слабость этих подпольных организаций социалистов и мелкобуржуазных демократов создавали почву для взращивания в их среде сектантских настроений, недооценки антифашистских потенций широких народных масс. Напротив, только коммунисты имели серьезные успехи в разложении фашистских организаций. Они были фактическими руководителями формировавшейся в них оппозиции.

В целом в антифашистском подполье течение, выступавшее за антифашистскую революцию, имело неизмеримо более прочные социально-политические связи и представляло более широкие социальные слои, нежели другие политические отряды антифашистского движения.

Ведущая роль коммунистов в антифашистском движении привела к созданию первого антифашистского объединения, в котором они играли ведущую роль. Летом 1936 г. во Франции был создан Итальянский народный союз, в который вошло около 50 тыс. коммунистов, социалистов и антифашистов. Позднее к союзу примкнули антифашисты-католики. В то же время было заключено соглашение о слиянии Всеобщей конфедерации труда с социалистической Итальянской всеоб-

щей конфедерацией труда. Создание Итальянского народного союза способствовало сближению различных антифашистских течений, которые сообща организовали ряд выступлений против агрессии итальянского фашизма в Эфиопии.

Начавшаяся летом 1936 г. германо-итальянская интервенция в Испании вызвала единодушный протест итальянских антифашистов всех течений. Около 3,5 тыс. итальянских антифашистов сражались на стороне республиканской Испании. В Испании впервые было достигнуто почти полное единство действий всех левых антифашистских сил. Этот опыт совместной борьбы оказал благотворное воздействие на развитие антифашистского единства в Италии. В июле 1937 г. КПИ и ИСП подписали новый пакт о единстве действий. В нем говорилось, что обе партии выступают за создание Народного фронта и развертывание массового антифашистского движения с целью свержения фашизма и установления демократической республики.

Поражение республиканской Испании привело к усилению фашистского террора в Италии, вырвавшего из рядов антифашистов многих борцов. В 1937 г. в результате длительного пребывания в фашистском застенке умер Антонио Грамши. Спад массовой борьбы в Италии и повсеместная активизация реакционных сил, нагнетание антисоветских и антикоммунистических настроений накануне второй мировой войны вновь ухудшили атмосферу в итальянском антифашистском движении. Было ясно, что перспектива антифашистской революции в Италии, так же как и в других странах, отодвигалась. На повестку дня были поставлены в качестве первоочередных вопросы войны и мира, приковавшие к себе внимание международного рабочего движения. В ходе их обсуждения внутри итальянского антифашистского движения наметились резкие расхождения. Уступая антисоветским настроениям, лидеры ИСП повели дело к ликвидации антифашистского единства. В сентябре 1939 г. руководство ИСП разорвало пакт о единстве действий коммунистов и социалистов, а вскоре распался и Итальянский народный союз.

И все же усилия по объединению антифашистских сил не пропали даром. Общая антифашистская программа, контуры которой определились уже накануне войны, стала впоследствии программой левого крыла движения Сопротивления. Звенья антифашистского подполья хотя и оказались разобщенными, но сумели сохранить свою боеспособность, причем компартия всем ходом развития выдвигалась как ведущая его сила. «...Наша борьба,— отмечал Л. Лонго,— пусть еще ограниченная, недостаточная и трудная, способствовала воспитанию народных масс в духе ненависти к фашизму, способствовала, в частности, становлению классового, антифашистского сознания среди рабочих и трудящихся, национально-патриотического антифашистского сознания среди наиболее просвещенных представителей интеллигенции, среди студентов и молодежи, которые с энтузиазмом шли сражаться за обновление и прогрессивное

развитие Италии, униженной и опозоренной многими годами фашистской власти»[1].

Накопленный ценнейший опыт совместной антифашистской борьбы в огромной мере ускорил формирование фронта антифашистского Сопротивления в Италии в годы второй мировой войны.

БОРЬБА ПРОТИВ РЕАКЦИИ И НАСТУПЛЕНИЯ ФАШИЗМА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Предвоенное десятилетие оказалось для этого региона периодом нового резкого обострения всех противоречий общественного развития. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы были слабым звеном в системе мирового капитализма. Вследствие узости внутреннего рынка, зависимости от иностранного капитала и колебаний внешнеэкономической конъюнктуры они были особенно глубоко поражены кризисом. В «пике» кризиса спад промышленного производства достиг в Польше 48%, в Чехословакии — 44, в Румынии — 40, в Болгарии — 35, в Венгрии — 22,3% и т. д. В Чехословакии на улицу была выброшена почти половина рабочих и служащих, занятых в промышленности, в Польше — 43,5% и т. д. Безработица затронула подавляющее большинство трудового населения городов, позволяя предпринимателям резко усиливать эксплуатацию. Интенсивность труда значительно возросла, а номинальная заработная плата сократилась в среднем от 15 до 55% [2]. Особенно тяжелым было положение рабочих, занятых в мелком и ремесленном производстве.

Сельское население, составлявшее большинство во всех странах региона, оказалось в столь же тяжелом положении, как и трудовые массы городов. Сокращались посевные площади и поголовье скота, земледелие и скотоводство деградировали. Повсеместно шла продажа имущества за долги и недоимки. Вплоть до конца 30-х гг. во всех странах региона при некоторых колебаниях сохранялась хроническая безработица.

Реакционные режимы пытались преодолеть кризис, усиливая контроль над экономикой, расширяя и укрепляя позиции государственно-монополистического капитализма. Однако главной в экономической политике оставалась тенденция переложить тяготы кризиса на плечи трудящихся, на национальные меньшинства. Такая политика, чреватая дальнейшим падением жизненного уровня, порождала невиданную остроту социальных конфликтов в обществе, которые власти старались подавить, загнать внутрь.

[1] *Л. Лонго.* Могучая преобразующая сила.— «Проблемы мира и социализма», 1976, № 4, стр. 9.

[2] См. «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», стр. 26, 30.

Политические режимы стран Центральной и Юго-Восточной Европы становились все более реакционными. Углублялся кризис парламентарной демократии. Подавляющее большинство граждан было отстранено от участия в политической жизни. Нарушение законности, ущемление политических прав и свобод, ограничение демократических принципов, в том числе законодательной и контрольной функций парламента, уменьшение роли самоуправления сужали социальную базу парламентарной формы правления. Она оказалась прочной только в Чехословакии, где уровень политизации масс был глубже, существовали массовые левые политические партии.

Государственно-бюрократический аппарат все энергичнее вмешивался во все области политической жизни, пытаясь путем концентрации власти в руках одного лица, усиления авторитарности режима обеспечивать реализацию реакционного курса. В Болгарии, Румынии и Югославии прерогативы институтов власти все более ущемлялись в пользу монархов, в других странах региона — в пользу все более бесконтрольных правителей, так же тесно связанных с армией. На завершающем этапе кризиса диктаторские военно-авторитарные режимы были установлены в Болгарии и Греции. Все эти режимы склонялись к сближению с фашистскими государствами — Италией и Германией, что еще более усиливало фашистскую опасность.

Фашизация стран региона шла в нескольких направлениях. Все более фашизировались диктаторские режимы, заимствуя у фашистских стран террористические методы правления, фашистские идеологические клише и политический опыт в деле создания партии по фашистскому образцу («беспартийный блок сотрудничества с правительством», а затем «лагерь национального объединения» в Польше; «фронт национального возрождения», потом «партия нации» в Румынии; «югославская радикально-крестьянская демократия» и «югославская народная партия»; «глинковская народная партия» в Словакии и т. д. В Венгрии на роль такой партии претендовала правительственная партия национального единства). Правда, все эти партии, как правило, остались верхушечными бюрократическими образованиями, не сумевшими расширить свою социальную и массовую базу. Коммунистические партии везде, кроме Чехословакии, были поставлены вне закона. Немалые усилия прилагались к тому, чтобы лишить рабочий класс профессиональных организаций. Правящие классы настойчиво пытались подчинить себе рабочее движение, создать систему «корпораций», унифицировать профсоюзы, ввести принудительный арбитраж. И то и другое удавалось провести лишь частично (в Болгарии и Румынии вместо запрещенных профсоюзов были созданы корпорации, аналогичные соответствующим институтам фашистской Италии).

В поисках эффективных методов осуществления функции насилия в отношении народных масс имущие классы все больше склонны

были в той или иной мере воспринимать опыт «классического» фашизма. В большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы фашистские группировки и организации все более активизировались, оказывая давление на правящие круги и стремясь прорваться к власти: «железная гвардия» Кодряну в Румынии, «воля нации» (1934 г.), переименованная в 1939 г. в «скрещенные стрелы» в Венгрии, «национально-радикальный лагерь» в Польше, запрещенный в июле 1934 г., но продолжавший действовать в подполье, и т. д. Используя демагогию, фашистские группировки в Румынии получили в условиях фальсификации итогов выборов 1937 г. 16% голосов; венгерские национал-социалисты на выборах 1939 г.— четверть голосов. Социальная база подобных организаций в других странах была более узкой. Как правило, она почти не включала крестьянство. Еще меньшее влияние имела группировка генерала Гайды в чешских землях. Растущая фашизация политических режимов представляла собой сложный и противоречивый процесс, что порождалось особенностями социально-экономического и политического развития региона, спецификой становления в нем государственно-монополистического капитализма, сравнительно низким уровнем политизации масс.

Вследствие многоукладности экономики, чрезвычайно запутанной социальной структуры (она состояла как из типичных для капитализма, так и из оставшихся в наследство от феодализма слоев и классов), распыленности политических сил (представительство интересов различных слоев и классов все еще оставалось нечетким, недостаточно оформившимся политически), отсутствия прочных демократических традиций в странах региона сложилась крайне неустойчивая политическая система: ни одна из партий или групп, претендовавших на власть, не имела стабильного превосходства, правили постоянно сменявшиеся коалиции. Как правило, это был конгломерат не всегда выкристаллизовавшихся до конца политических образований, склонных к прагматическим соглашениям и компромиссам, что отражало неустойчивость политической позиции тех или иных социальных групп и слоев. Кабинеты сменяли друг друга, беспомощность парламентов становилась все более очевидной.

Компенсируя слабость господствующих классов и органов власти, армия все энергичнее брала на себя ряд функций государственного аппарата в рамках военно-авторитарной диктатуры — не только военную функцию, но и функцию насилия. Руководящие политические круги чувствовали себя увереннее, опираясь непосредственно на штыки. Использование воинских частей для расправы с безработными и бастующими, усмирения массовых выступлений крестьянства, подавления освободительного движения национальных меньшинств стало повседневным явлением. Нередко вводилось чрезвычайное положение, действовали военно-полевые суды и т. д.

Выступая в качестве весьма хорошо организованной политиче-

ской силы, реакционные военные круги все более активно вмешивались в политическую жизнь этих стран. Прямым подавлением масс, предвыборным террором они, как правило, обеспечивали преимущество правым силам. Политические позиции армии подкреплялись пропагандой идеи мощного национального государства и высокого авторитета вооруженных сил — гаранта его прочности внутри страны и на международной арене. Все более ставя под свой контроль различные сферы государственной жизни, армия форсировала придание юридической формы отказу от ряда демократических институтов, от соблюдения гражданских прав и свобод. В Польше (1935 г.), Румынии (1938 г.), Югославии (1931 г.) и некоторых других странах были приняты новые конституции, ущемлявшие права представительных органов и увеличивавшие правомочия авторитарной власти и поле деятельности армии и всего аппарата насилия. Возрастала роль и власть бюрократического аппарата.

Принятие новых правовых актов отнюдь не означало более строгого соблюдения правопорядка. Представительные органы неоднократно распускались, во время выборов широко практиковалась отмена результатов голосования или прямая их фальсификация (Румыния, Венгрия, Польша и др.). Периодически повторялись расстрелы рабочих митингов и демонстраций, вооруженное подавление стачек, кровавые расправы с крестьянами, представителями национальных меньшинств. Аппарат насилия все активнее вмешивался в классовые конфликты, поскольку система их «мирного» принудительного регулирования не давала нужных результатов.

Ограничение политических возможностей легальных и полулегальных левых партий (социал-демократических, крестьянских и других мелкобуржуазных партий) все более сужало их деятельность, способствовало освобождению масс от иллюзий в отношении демократизма правящих режимов и возможностей парламента. Однако, находясь в оппозиции, эти партии по-прежнему испытывали страх перед внепарламентскими выступлениями трудящихся и не апеллировали непосредственно к народу. Сплочению оппозиции и результативности начатой на рубеже 30-х гг. борьбы за демократизацию политического строя мешали дробность политических сил и узость каналов взаимодействия масс со своим политическим представительством. В результате этих причин реакционным режимам удавалось быстро справиться с оппозицией.

В 30-х гг. многопартийная политическая система всюду понесла значительный урон. Только в Венгрии и Польше она формально продолжала существовать, однако в Венгрии она была ущемлена и ослаблена, парламентское представительство социал-демократов систематически сокращалось путем подтасовки результатов выборов. Оппозиционные партии в Польше в 1935 г. были вытеснены из парламента и практически потеряли возможность воздействовать на правительство. В других странах оппозиционные левые партии влачили

еще более жалкое полулегальное существование. В Югославии, формально распущенные после реакционного переворота 1929 г., они продолжали проявлять себя в политической жизни, используя юридические лазейки, оставленные конституцией 1931 г. В Болгарии политические партии были распущены в июне 1934 г., однако ухитрялись получать на парламентских выборах немало голосов (в 1938 г.— третью часть). Оппозиционные партии были распущены в Греции (1936 г.) и Румынии (1938 г.).

В этих условиях социал-демократия и крестьянские партии вели оборонительную борьбу за сохранение демократических институтов, социальных и политических завоеваний предшествующего периода. Предпринимались попытки собрать силы оппозиции (без коммунистов) для отпора реакции, создать общий с либеральной буржуазией фронт для возрождения парламентарной системы на демократических основах. Однако лишь в Чехословакии рабочему и демократическому движению удалось сохранить парламентарную демократию.

В обстановке роста фашистской опасности коммунистические партии Центральной и Юго-Восточной Европы начинали все более широко трактовать свои политические задачи. Прошедшие большую школу классовой борьбы в годы послеоктябрьского революционного подъема, они отличались стойкостью и боевитостью. Из-за разгула белого террора коммунистам приходилось работать в глубоком подполье, часто рисковать жизнью, платить многими годами тюремного заключения за возможность распространять свои убеждения, поддерживать связи с трудящимися.

Политическая подготовка пролетариата к выполнению его всемирно-исторической миссии имела в регионе определенную специфику из-за большой социальной и производственно-отраслевой неоднородности рабочего класса. Его отдельные отряды принадлежали к разным укладам и различным по зрелости социально-экономическим формам — от полуфеодальных и низших форм капиталистического производства до государственно-монополистического капитализма. Это вело к распылению и изолированности сил пролетариата. К тому же он постоянно пополнялся за счет выходцев из других слоев и классов, что тормозило консолидационные процессы в рабочем движении, в той или иной мере сохраняло политическую многоликость рабочего класса.

Коммунистические партии предпринимали попытки обойти запрет пролетарских революционных партий и опереться на массовые легальные организации. В Болгарии, например, легально действовала до 1934 г. Рабочая партия (вновь восстановленная в 1936 г.), через которую удалось достичь сотрудничества с социал-демократами, установить контакт с оппозиционным блоком буржуазных и мелкобуржуазных партий. В Югославии коммунисты принимали меры по созданию легальной Единой рабочей партии (1935 г.), а затем Партии трудового народа (1937 г.).

Накал классовых боев, рост оппозиционных настроений в обществе, накопление компартиями опыта позволили коммунистам в период между VI и VII конгрессами Коминтерна встать на путь поисков новой, более отвечавшей историческим условиям стратегии и тактики.

Опираясь на решения VII конгресса Коминтерна, коммунистические партии выдвинули в качестве первоочередной задачу ликвидации реакционных диктатур и последовательной демократизации (в Чехословакии — защиты республики). Решение этой задачи предусматривало сплочение рабочего класса в едином рабочем фронте, объединение всех прогрессивных, антифашистских сил в рамках народного фронта.

Призывы коммунистов к единству действий рабочего класса и созданию народного фронта находили все более широкий отклик в рабочих массах, на митингах и собраниях, в комитетах единого фронта на предприятиях, в стачкомах и во время массовых антифашистских кампаний. Однако многократные предложения коммунистов о сотрудничестве, как правило, наталкивались на резкое противодействие руководства социал-демократических партий и профсоюзных лидеров ввиду их антикоммунизма и определенной недооценки фашистской опасности, а также стремления не рисковать потерей остатков своих легальных политических возможностей. Формальное соглашение о сотрудничестве удалось заключить только в Чехословакии, где компартия была легальной и обладала несравненно большими политическими возможностями. В Венгрии коммунисты не смогли добиться даже временных контактов с руководством социал-демократии и курс на единство реализовался через профсоюзное движение, в частности путем вступления членов Объединенной профсоюзной оппозиции в реформистские профсоюзы. Коммунисты добились в них немалого влияния и не допустили огосударствления профсоюзов по фашистскому образцу. В Румынии те же задачи решались через объединение классовых профсоюзов, путем контактов (1935—1937 гг.) с социал-демократической и унитарной социалистической партиями. В Польше дело ограничилось временным устным соглашением между коммунистами и социалистами о «ненападении». Переговоры и временные соглашения имели место также в Болгарии и Югославии. Повсюду стремление к единству действий усиливалось после отказа от организационного обособления профсоюзной левой (красных профсоюзов), принятия курса на работу в реформистских профсоюзах (последние не пошли, однако, на слияние революционных и реформистских профсоюзов). В Болгарии коммунистам удалось развернуть работу внутри государственного Болгарского рабочего союза и лишить власти возможности бесконтрольно манипулировать им. Хотя организационно не удалось в национальном масштабе достичь антифашистского единства рабочего класса, оно осуществлялось снизу, в ходе классовой борьбы.

Коммунистические партии выступили инициаторами организации борьбы всех прогрессивных сил против реакции и фашистской опасности, выдвинув лозунг Народного фронта. Компартия Польши в середине 1935 г. предложила социалистам и людовцам программу совместной борьбы за свержение режима «санации»[1]. В середине 1936 г. КПВ взяла курс на создание Народного фронта, на борьбу за венгерскую демократическую республику. КПР в 1938 г. выдвинула лозунг борьбы за установление народной демократической республики. БКП в начале 1936 г. сформулировала требования восстановления во всем объеме демократической Тырновской конституции, проведения выборов в Народное собрание на основе прежнего избирательного закона, отмены антиконституционных актов, изданных после переворота 19 мая 1934 г.[2] Коммунисты Болгарии и Югославии при разработке платформы Народного фронта не провозглашали лозунга республики. КПЮ выдвинула концепцию федерации на демократической основе, имея в виду перспективу создания демократической федеративной республики. Обращаясь к другим антифашистам, КПЮ в январе 1937 г. заявила, что она является противницей монархии, но не включает в программу Народного фронта лозунг республики из-за отсутствия готовности у других антифашистских сил принять его.

Принципиально важным было последовавшее за принятием аграрной программы на VI конгрессе Коминтерна новое решение вопроса о взаимоотношениях с крестьянством. В 30-х гг. в крестьянстве произошли важные сдвиги, выросли оппозиционные настроения, развернулось крестьянское движение. Коммунисты стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где крестьянство составляло большинство, но его партии одно время причислялись к «аграр-фашистам», все более полно учитывали социальную структуру деревни и революционные возможности различных слоев крестьян. Большинство компартий признало, что не только бедняки, но и середняки могут стать союзниками рабочего класса в пролетарской революции. БКП предприняла энергичные усилия к установлению сотрудничества с сопротивлявшимся фашизации страны Болгарским земледельческим народным союзом, КПП—с последовательно выступавшим против режима «санации» Стронництвом людовым. КПЮ выступала за вовлечение в Народный фронт крестьянских партий. КПВ учитывала возможности партии мелких сельских хозяев в мобилизации крестьянства на борьбу с фашизмом. КПР установила связи с «Фронтом земледельцев». Компартии поддерживали попытки создания демократических крестьянских организаций. К концу 30-х гг. коммунисты

[1] «Historia polskiego ruchu robotniczego. 1864—1964», t. 1. Warszawa, 1967, s. 486.

[2] См. *К. К. Шириня*. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.), стр. 194.

добились успехов в установлении контактов с левыми течениями в крестьянских партиях и организациях, был приобретен определенный опыт руководства выступлениями крестьян. Начался поворот в настроениях трудовых слоев деревни. Хотя основная масса крестьян продолжала следовать за буржуазными и мелкобуржуазными партиями, начался отход части крестьянства из-под влияния враждебного идее и линии Народного фронта реакционного руководства традиционных крестьянских партий. Набирали силу левые течения, склонявшиеся к рабоче-крестьянскому союзу, сотрудничеству с коммунистами[1].

В среде интеллигенции формировалась демократическая антифашистская оппозиция, с которой коммунисты налаживали контакты.

Четкая патриотическая позиция компартий в связи с ростом фашистской опасности в регионе укрепляла авторитет коммунистов. Компартии вели целеустремленную борьбу против подготовки новой мировой войны, разоблачали политику фашистской Германии и Италии, угрожавшую национальному суверенитету стран Центральной и Юго-Восточной Европы. КПЮ призвала к ликвидации антинародного режима и созданию правительства национальной обороны. БКП выдвинула лозунг национального фронта защиты родины. КПР настаивала на невключении Румынии в орбиту гитлеровской политики. КПВ, проводя аналогичную линию, выступала за создание фронта независимости и т. д. Компартии стран Центральной и Юго-Восточной Европы ориентировали антифашистские силы на взаимодействие с СССР как мощным союзником в борьбе против агрессивной внешней политики держав «оси»[2].

Накануне второй мировой войны в странах региона возникли оппозиционные антифашистские блоки с участием буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партий («Пятерка» в Болгарии, Блок народного согласия в Югославии, Инициативный комитет по координации борьбы против диктатуры Метаксиса в Греции и др.). Коммунисты поддерживали такие блоки, стремясь организовать нажим масс и не допустить отступления этих сил на позиции сотрудничества с реакционными, диктаторскими режимами[3]. Коммунисты считали демократические блоки факторами расширения антифашистской борьбы, а сотрудничество с ними — возможной ступенью к созданию народного фронта.

[1] См. *В. В. Марьина.* Аграрно-крестьянский вопрос в политике коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы между двумя мировыми войнами.— «Советское славяноведение», 1974, № 4, стр. 38—50.

[2] См. *И. В. Михутина.* Вопросы борьбы против фашизма и угрозы войны в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1935—1939 гг.— «Советское славяноведение», 1979, № 1, стр. 15—21.

[3] См. там же, стр. 15.

Обнародованная компартиями программа антифашистской борьбы позволила добиться возникновения начальных форм Народного фронта (его широкое организационное оформление было невозможно без единства действий рабочих партий). Она способствовала вызреванию субъективного политического фактора грядущей революции, создавала политические основы линии национального фронта, которая в годы второй мировой войны сплотила вокруг авангарда рабочего класса в борьбе за национальное и социальное освобождение прогрессивные и демократические силы стран Центральной и Юго-Восточной Европы[1].

* * *

В начале 30-х гг. *Польша* наряду с Германией была страной, где классовые бои пролетариата отличались особой напряженностью. Причиной этого были чрезвычайная глубина и продолжительность экономического кризиса в стране. Резко ухудшилось положение всех категорий трудящихся. В разгар кризиса уровень занятости в Польше оказался самым низким в Европе. К 1932 г. каждый третий рабочий лишился работы. В 1933 г. количество безработных значительно превосходило число занятых в крупной и средней промышленности. Из числа работающих каждый третий (в текстильной промышленности каждый второй) был занят неполную рабочую неделю[2]. В 1934 г. уровень заработной платы равнялся 44% уровня 1928 г. Пролетарий, оставшийся без средств к существованию, обрекался на медленную голодную смерть: пособие по безработице получали лишь 6% потерявших работу, его ничтожные размеры и срок получения систематически сокращались[3].

Аграрный кризис, продолжавшийся до 1935 г., сопровождался ростом задолженности крестьянского хозяйства и массовым разорением крестьян. Наиболее тяжелым было положение крестьянства на национальных окраинах.

Сменявшие друг друга в годы кризиса правительства пилсудчиковских полковников взяли курс на ликвидацию остатков демократических свобод, рабочих и крестьянских объединений, жестокое преследование революционных организаций, подавление парламентской оппозиции, суровые репрессии против выступлений трудящихся, введение чрезвычайных судов, усиление милитаризации и фашизации страны.

На фронтальное наступление реакции рабочий класс и другие слои трудящихся ответили усилением классовой борьбы.

[1] См. *К. К. Шириня*. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.), стр. 203—204, 207.
[2] *Z. Landau, J. Tomaszewski*. Druga Rzeczpospolita. Gospodarka. Społeczeństwo. Miejsce w świecie. Warszawa, 1977, s. 144.
[3] «100 lat polskiego ruchu robotniczego. Kronika wydarzeń». Warszawa, 1978, s. 134, 138, 144.

Первыми вступили в борьбу безработные. Вначале массовые выступления были в значительной степени стихийными. Коммунисты, возглавив движение безработных, придали ему организованный характер. По инициативе коммунистической партии 6 марта 1930 г. в стране был проведен объявленный Коминтерном День борьбы с безработицей. Демонстрации и митинги при участии депутатов-коммунистов состоялись в этот день в Варшаве, Грудзендзе, Саноке, Влоцлавеке, Пабьяницах, Катовицах и других городах. Они сопровождались столкновениями с полицией. На рубеже 1930—1931 гг. по стране прокатилась новая волна массовых демонстраций. Их участники требовали выплаты пособий безработным, обеспечения топливом, прекращения выселения из квартир. Вопреки противодействию полиции безработные Варшавы в новогоднюю ночь пытались пройти «голодным маршем» по улицам столицы. Безработные повсеместно участвовали в забастовках и антифашистских выступлениях, придавая им особое упорство и боевой дух. Движение безработных активизировало другие отряды рабочего класса, было важным фактором противодействия наступлению фашистской реакции.

Стачечное движение, вначале испытавшее спад, с середины 1931 г. вновь обнаружило тенденцию роста, продолжавшегося 7 лет[1]. Это были прежде всего экономические бои, хотя часто выдвигались и политические лозунги, направленные против режима «санации», ограничения гражданских свобод и ущемления завоеваний рабочего класса.

В начале 30-х гг. по размаху стачечных боев Польша вышла на одно из первых мест в капиталистическом мире. Борьбу возглавил пролетариат крупных промышленных предприятий. Стачки становились все более длительными и упорными: если в 1930 г. только 8 из них продолжались более 30 дней, то в 1932 г. таких стачек было 29. Власти применяли все более жесткие меры для подавления стачечных выступлений, одновременно пытаясь ввести для решения конфликтов принудительный арбитраж.

В обстановке кровавых репрессий с 1931 г., когда были введены военные суды, стала широко применяться новая форма стачки, получившая название «оккупационная» (в других странах эта форма борьбы именовалась «польская стачка»). Дабы избежать кровавого подавления стачки, рабочие занимали предприятия и никого туда не допускали в течение многих дней и даже нескольких недель.

В 1931 г., по официальным данным, были 4 оккупационные стачки с 7,2 тыс. участников, в 1932 г.— 48, а в 1933 г.— 137 стачек, охвативших соответственно 43,3 тыс. и 45 тыс. человек[2]. 70—80% стачек закончилось частичной или полной победой рабочих[3].

[1] «100 lat polskiego ruchu robotniczego...», s. 158.
[2] «Historia polskiego ruchu robotniczego...», t. 1, s. 431.
[3] Ibid., s. 439.

Важную роль в исходе борьбы играли рабочие организации. В 1929—1933 гг. численность профсоюзов упала. Ряд профсоюзов, например металлистов, строителей и деревообделочников, потеряли до половины своих членов. Дабы активизировать профсоюзное движение, эффективнее защищать интересы рабочего класса в столь трудный для него период, коммунисты по инициативе Профинтерна создали в 1931 г. «Профсоюзную левицу», объединившую более 50 тыс. человек. Это объединение, как и руководимые ППС «классовые профсоюзы», активно участвовало в организации выступлений трудящихся. Стачки часто проходили под руководством избираемых рабочими органов рабочего представительства — комитетов действия, стачечных комитетов и других, в которых было сильно влияние коммунистов. В ходе массовых стачек удавалось достигать единства действий коммунистов и социалистов.

16 марта 1932 г. в ответ на обнародование правительственных проектов антирабочих законов (предусматривавших ухудшение социального законодательства и системы социального обеспечения, увеличение рабочей недели и т. д.) была объявлена общенациональная стачка протеста. Она охватила более 300 тыс. рабочих и сопровождалась многолюдными демонстрациями и стычками с полицией[1]. Рабочим удалось оттянуть на год принятие сеймом антирабочих законов.

1933 год был годом самых напряженных классовых боев пролетариата. 6 марта в Лодзи началась стачка текстильщиков, которая быстро распространилась на округ, на смежные отрасли, на металлистов, строителей, ремесленников. Стачка носила бурный характер: перед фабриками шли настоящие бои с полицией и штрейкбрехерами. Антифашистские рабочие демонстрации прошли перед германским консульством в Лодзи. Во время стачки сложились элементы рабоче-крестьянского союза: окрестные крестьяне принимали участие в митингах и демонстрациях, привозили забастовщикам продукты.

Более острые формы приняло в годы кризиса и крестьянское движение. Рост недовольства крестьян политикой «санации» способствовал консолидации крестьянских политических партий: 15 марта 1931 г. польские крестьянские партии объединились в Стронництво людове (СЛ).

В апреле 1932 г. в большинстве воеводств прошла однодневная стачка сельскохозяйственных рабочих, протестовавших против снижения оплаты труда на 35%. В ее организации участвовали профобъединения различной ориентации. Во многих повятах выступлениями руководили коммунисты. В 1932 г. массовый характер приняли крестьянские выступления, во главе которых стояли как деятели СЛ, так и коммунисты. Летом 1933 г. крестьянское движение еще больше усилилось. Возросла его политическая, антисанационная направлен-

[1] «100 lat polskiego ruchu robotniczego...», s. 135.

ность. В Западной Украине и Западной Белоруссии крестьянское и национально-освободительное движения сливались в один поток.

Массовой борьбой трудящихся руководили коммунисты, работавшие в подполье. Жестокие репрессии не сломили их волю. В 1930 г. на свободе нелегально действовало 6,5 тыс. коммунистов, а в тюрьмы было заключено 3,8 тыс.; в 1933 г. на 17,8 тыс. работавших на свободе членов коммунистических организаций (КПП, КПЗБ, КПЗУ, Коммунистического союза молодежи Польши) приходилось около 10 тыс. отбывавших тюремное заключение[1].

Коммунисты опирались на легальные массовые организации — на левую рабочую партию ППС-левицу, на объединение крестьянской левицы «Самопомоц», массовую украинскую организацию «Сельроб» и белорусский революционный депутатский клуб «Змаганне». Однако в феврале 1931 г. ППС-левица была распущена, а ее активисты и руководители брошены в тюрьму. Вскоре были распущены «Самопомоц», «Сельроб», «Змаганне» и связанные с ними организации.

Ограничение парламентской демократии, попытки изменить конституцию в духе утверждения всевластия режима «санации» вызвали рост легальной оппозиции в сейме. Ее левое крыло составляла ППС, которая в 1929 г. приняла решение, призывавшее к борьбе за ликвидацию режима «санации». Депутатам левых партий и центра удалось создать блок «Центролев», располагавший более чем 40% голосов депутатов и выразивший вотум недоверия правительству. В июне 1930 г. состоялся Конгресс защиты прав и свободы народа, выступивший за ликвидацию существующего режима и создание правительства «доверия сейма и общества». «Центролев» пытался апеллировать к массам, назначив на сентябрь проведение митингов по всей стране[2]. Однако этот блок оказался неспособным дать отпор начатому реакцией наступлению. Лидеры «Центролева» боялись народного движения, отгораживались от коммунистов, от всего революционного направления демократической борьбы.

Во время выборов в сейм в ноябре 1930 г. было арестовано 4 тыс. коммунистов и сочувствующих им, 5 тыс. деятелей оппозиции, в том числе много депутатов распущенного сейма. Избирательные списки коммунистов и сотрудничавших с ними организаций, а также часть списков «Центролева» были аннулированы. В результате более половины мест в сейме получила созданная пилсудчиками партия «беспартийный блок сотрудничества с правительством». Сокращение представительства левых сил в сейме ускорило распад «Центролева». Следует помнить, что коммунисты недооценили в это время значение демократических лозунгов и сплочения всех демократических сил, не проявляли должной последовательности в борьбе за создание

[1] «Historia polskiego ruchu robotniczego...», t. 1, s. 441; «100 lat polskiego ruchu robotniczego. .», s. 139.
[2] *A. Czubiński*. Centrolew. Poznań, 1963.

единого антифашистского фронта. Они стремились объединять рабочих только снизу, перескочить необходимые этапы исторического развития и форсировать курс на пролетарскую революцию[1]. Однако осмысление опыта классовых боев, поиски политических решений, способных остановить наступление фашизма, позволили КПП выработать более совершенную политику борьбы за единство действий рабочего класса, за повседневные экономические интересы и политические права, против диктатуры «санации» и роста опасности со стороны гитлеризма, за объединение всех антифашистских сил.

В послекризисное пятилетие забастовочное движение продолжало нарастать и достигло своего пика в 1936—1937 гг., когда произошло более 4 тыс. стачек, а число их участников превысило 1,2 млн. человек[2]. Рабочий класс срывал попытки правительства свести на нет стачечное движение при помощи принудительного фашистского арбитража, объединить профсоюзы по образцу фашистских корпораций. Он вел упорную борьбу против антирабочих законопроектов, в частности против законопроекта, предусматривавшего резкое ограничение избирательных прав трудящихся.

Одновременно с попытками ослабить накал классовой борьбы при помощи антирабочего законодательства власти по-прежнему старались запугать рабочих террором. В 1931—1937 гг. от пуль полиции погибло 250 рабочих[3]. Поэтому пролетариат все чаще применял форму «оккупационной» стачки. В предвоенные годы «оккупационные» стачки являлись важной составной частью экономических выступлений рабочего класса Польши. О широком распространении «оккупационных» стачек свидетельствуют следующие данные:

Таблица 11

	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	Всего
«Оккупационные» стачки	193	390	963	1 093	713	3 352
Бастующие (тыс.)	25	45	138	162	83	453

Источник. «100 lat polskiego ruchu robotniczego...», s. 154.

Число «оккупационных» стачек росло вплоть до весны 1938 г., когда было издано решение Верховного суда, признавшее «оккупа-

[1] Подробнее см.: *J. Kowalski.* Trudne lata. Problemy rozwoju polskiego ruchu robotniczego. 1929—1933. Warszawa, 1966.
[2] «100 lat polskiego ruchu robotniczego...», s. 158.
[3] *J. Borkowski.* Nie wykorzystane szanse II Rzeczypospolitej.— In: «Nie wykorzystane szanse II Rzeczypospolitej». Warszawa, 1978, s. 97.

ционные» стачки противозаконными. Однако власти не смогли задавить стачечное движение. Сильное противодействие масс вызвало также намерение правительства фашизировать профсоюзы. Против правительственного проекта выступили как коммунисты, так и профсоюзные руководители из ППС и даже лидеры правого Союза профсоюзов. Правительству не удалось провести унификацию профсоюзов по фашистскому образцу. Тяга масс к объединению профсоюзов для организации совместного отпора политике властей заметно возросла. Начиная с 1935 г. во многих стачках было достигнуто единство действий различных профсоюзов. Выдвинутое в 1934 г. «Профсоюзной левицей» предложение о слиянии с Союзом профессиональных объединений получило широкую поддержку членов профсоюзов. Руководство Союза профессиональных объединений было вынуждено пойти на это. В сентябре 1935 г. ЦК КПП принял решение о роспуске созданной в 1931 г. «Профсоюзной левицы» и вхождении ее профсоюзов в соответствующие отраслевые профсоюзы Союза профессиональных объединений. В 1935 г. в этот союз входило 222 тыс., в 1937 г.— 348 тыс. человек[1]. VI пленум ЦК КПП (февраль 1936 г.) высказался за объединение с рабочими, состоявшими в правых профсоюзах.

Широкий размах забастовочной борьбы и консолидация профсоюзного движения способствовали укреплению позиций рабочего класса. Правящим кругам пришлось отказаться от новых попыток законодательно ограничить право на стачку в пользу принудительного арбитража. В 1937—1939 гг. сейм принял законы о коллективных договорах, о сокращении рабочего дня в горнодобывающей промышленности, об оплате работы в сверхурочное время.

Компартия, совершенствуя свою тактику, принимала энергичные меры к созданию единого фронта, выступала с инициативой выработки его программы. В 1933—1934 гг. руководство КПП неоднократно обращалось к ЦИК ППС с предложениями о сотрудничестве в борьбе против фашизма, за демократизацию страны. В ноябре 1934 г. компартия выдвинула лозунг Народного фронта. Эти инициативы способствовали усилению тяги рядовых социалистов к сотрудничеству с коммунистами.

В ППС заметно окрепли позиции левого крыла. Среди левых социалистов, сплотившихся вокруг Н. Барлицкого, А. Прухника и С. Дюбуа, проявлялось критическое отношение к соглашательству, рос интерес к марксизму-ленинизму, к опыту Великой Октябрьской социалистической революции. Левые социалисты, отвергавшие реформизм правых лидеров, взяли курс на активизацию борьбы против режима «санации» и вовлечение в нее трудового крестьянства. На XXIII конгрессе ППС (февраль 1934 г.) выявилось стремление значительной части делегатов к изменению политики партии. Был принят лозунг рабоче-крестьянского правительства.

[1] «100 lat polskiego ruchu robotniczego...», s. 165.

Среди левых социалистов усилились настроения в пользу координации действий рабочих партий, заключения соглашения о едином фронте между КПП, ППС, Бундом и другими социалистическими организациями в борьбе против режима «санации» с перспективой выработки общей программы революционного преобразования общества. Запреты руководства ППС не смогли предотвратить складывания единства действий социалистов и коммунистов на уровне низовых организаций.

Летом 1934 г. в рабочих районах основных промышленных центров — Варшавы, Лодзи, Верхней Силезии — проходили встречи социалистов с коммунистами и были заключены соглашения между ними. 17 февраля 1935 г. состоялось впервые после 1919 г. совещание рабочих — делегатов Варшавы, избранных 75 тыс. пролетариев. Организованное социалистами и деятелями «классовых» профсоюзов при активном взаимодействии с КПП, оно высказалось против внутренней и внешней политики режима «санации» и определило позиции рабочего класса по отношению к экономическим, социальным и политическим проблемам. В работе этого совещания участвовали КПП, ППС, Бунд и профсоюзы.

В июне 1935 г. на Главном совете ППС левые выступили с предложением установить соглашение с другими рабочими партиями, в том числе с КПП, по вопросам борьбы с фашизмом, против внешнеполитической ориентации режима «санации» на гитлеровскую Германию. В августе 1935 г. в результате встреч представителей Секретариата ЦК КПП и ЦИК ППС было заключено устное соглашение о прекращении взаимных нападок (так называемый «пакт о ненападении»), а также о совместных кампаниях в защиту демократических свобод и по пропаганде «классовых» профсоюзов[1]. Хотя в ноябре 1936 г. правое руководство ППС приняло решение об односторонней отмене «пакта о ненападении», левые социалисты не отказались от курса на сближение с коммунистами. Большой победой левых сил ППС было выдвижение в 1936 г. общего с коммунистами списка на выборах в городской совет Лодзи. За этот список было подано самое большое количество голосов. Президентом Лодзи стал ведущий деятель левых социалистов Н. Барлицкий, который вскоре занял пост главного редактора созданного по инициативе коммунистов органа единого фронта «Дзенник популярны»[2].

Движение за создание единого фронта стало массовым. КПП выступила инициатором объединения всех демократических и патриотических сил нации против наступления фашизма[3], сделала вывод

[1] *J. Kowalski.* Komunistyczna Partia Polski. 1935—1938. Warszawa, 1975. s. 127—128.

[2] Подробно см.: *Р. Абрамович.* «Дзенник популярны» в борьбе за народный фронт в Польше. 1936—1937 гг.— «Зарубежная печать». М., 1964, стр. 49—88.

[3] Подробно см.: *И. В. Михутина.* Революционные и демократи-

о том, что сплоченный в едином рабочем фронте пролетариат, защищающий общенациональные интересы, действующий в союзе с трудовым крестьянством, мелкой буржуазией и интеллигенцией, станет ведущей силой общества. Уточняя свой стратегический курс, партия исходила из необходимости противодействовать гитлеризму, усилившему притязания на Гданьск и оказавшему прямую помощь Франко в подавлении Испанской республики, что было оценено КПП как предвестие покушения на независимость польского народа. Коммунисты первыми оценили масштабы фашистской угрозы, нависшей над страной, указали на пагубность политики «санации», которая вела к экономическому и политическому закабалению Польши, к ускорению ее фашизации. В принятом IV пленумом ЦК КПП в феврале 1936 г. манифесте указывалось: «Только рабоче-крестьянская Польша, за которую борются коммунисты, будет действительно независимой и сможет защитить себя от любой агрессии»[1].

Коммунисты выступили за отмену фашистской конституции 1935 г., восстановление демократических свобод, наделение крестьян землей, отказ от сотрудничества с гитлеровской Германией и заключение союза с СССР. На своем V пленуме в феврале 1937 г. партия отказалась от непосредственной установки на социалистическую революцию и разработала концепцию широкого демократического фронта как варианта народного фронта. В решениях пленума важнейшее место заняли требования защиты независимости и безопасности страны, образования «любого демократического правительства», в том числе по инициативе социалистических партий и Стронництва людового[2], переориентации внешней политики Польши на систему коллективной безопасности (вместе с СССР, Францией и Чехословакией).

В борьбе за создание народного фронта коммунисты делали упор на практическое единство действий и участие в работе всех антифашистских организаций. Коммунисты сыграли важную роль в массовых крестьянских выступлениях. Начиная с осени 1935 г. им удалось установить отношения сотрудничества с местными, повятовыми и воеводскими организациями крестьянской партии Стронництво людове, несмотря на антикоммунистическую позицию руководства этой партии[3].

В борьбу за создание народного фронта стала включаться демократическая интеллигенция. В мае 1936 г. во Львове состоялся антифашистский съезд работников культуры, созванный по инициативе

ческие силы Польши в борьбе за народный фронт.— «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», стр. 258—290; *J. Kowalski.* Komunistyczna Partia Polski. 1935—1938.

[1] «Dokumenty KPP. 1935—1938». Warszawa, 1968, s. 132.

[2] *J. Kowalski.* Op. cit., s. 338.

[3] *W. Matuszewska.* Chłopski czyn u schyłku II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1973, s. 53.

КПП и левых деятелей ППС. На очередном, XXIV конгрессе в 1937 г. ППС приняла программу, содержавшую лозунг рабоче-крестьянского правительства. Руководство КПП считало, что при условии опоры такого правительства на массовое движение этот лозунг может наполниться содержанием, близким к народному фронту[1].

Хотя в общенациональном масштабе не удалось преодолеть раскол рабочего класса, добиться объединения рабочего и крестьянского движений, были сделаны важные практические шаги в этом направлении. Борьба за объединение всех рабочих и демократических сил подготавливала идейно-политические предпосылки установления гегемонии пролетариата в революционном движении.

В июне 1938 г. ЦК КПП обратился с воззванием, в котором указывалось на угрозу польскому народу и государству со стороны гитлеровской Германии. Оно содержало призывы к созданию правительства спасения Польши, опирающегося на доверие народных масс.

Социалисты приблизились к такой трактовке национальных задач в месяцы, предшествующие нападению гитлеровской Германии на Польшу. 23 марта 1939 г. ЦИК ППС потребовал укрепления обороноспособности страны путем восстановления гражданских свобод и создания коалиционного правительства национальной обороны. Коммунисты — политзаключенные в тюрьмах Варшавы, Равича и других городов страны — заявляли о своем желании вступить в ряды армии для защиты страны и проводили сбор своих скромных средств в фонд национальной обороны. Более широкие политические акции коммунисты проводить не могли, ибо летом 1938 г. Исполком Коминтерна, руководствуясь необоснованными (как было установлено впоследствии) подозрениями, будто в ряды руководящего партийного актива КПП широко проникла вражеская агентура, принял решение о роспуске КПП. Но и после роспуска КПП польские коммунисты продолжали действовать, «используя все существующие организационные формы массового рабочего и крестьянского движения»[2]. В мае 1939 г. Исполком Коминтерна специальным решением рекомендовал ускорить подготовку восстановления партии. Однако начавшаяся вторая мировая война задержала реализацию этого решения. За день до вторжения гитлеровской армии в Польшу, 30 августа, ЦИК ППС и Центральная комиссия профсоюзов издали воззвание «К трудовому народу городов и деревень Польши», призывая его к борьбе за свободу страны. Однако понадобился шестилетний опыт Сопротивления, чтобы в условиях разгрома фашистской Германии польский рабочий класс сплотил свои силы для завершения национального освобождения и революционного преобразования общества в союзе с крестьянством и трудовой интеллигенцией.

[1] *J. Żarnowski.* Polska Partia Socjalistyczna w latach 1935—1939. Warszawa, 1969, s. 205—208.

[2] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 473—474.

В *Чехословакии* экономический кризис вызвал резкое падение промышленного производства и снижение жизненного уровня трудящихся. По официальным данным, в стране в начале 1933 г. было около 1 млн. безработных. Общий размер заработной платы работающих в 1933 г. составлял 65% от уровня 1929 г. Особенно опустошительное воздействие кризис оказал на Словакию, Закарпатскую Украину и районы с немецким населением. Следствием кризиса было резкое обострение классовых и национальных противоречий в стране. Установление фашизма в Германии дало сильный толчок активизации реакционных сил в Чехословакии. В буржуазных партиях усиливалось реакционное крыло, укреплялись позиции фашистских группировок. В районах, где проживало немецкое население, действовала гитлеровская агентура, создавшая осенью 1933 г. так называемый судето-немецкий фронт (с 1935 г.— судето-немецкая партия) под руководством Генлейна. Развернув яростную шовинистическую фашистскую пропаганду, генлейновцы распространили свое влияние на значительную часть населения этих районов. Фашистские элементы возобладали и в руководстве клерикальной партии Глинки в Словакии. Реакционная национал-демократическая партия предприняла попытку создать массовую организацию чешских фашистов — национальное объединение.

Однако в Чехословакии массовая база фашистского движения была несравненно у́же, чем, например, в Германии. Распространению фашизма противодействовал не только пролетариат, но и патриотически настроенные непролетарские массы, сознававшие прямую угрозу аннексионистских планов фашистской Германии независимости страны. Проводя политику урезывания демократических свобод, правящие круги не решались делать ставку на фашистскую реакцию, опасаясь ослабления своих позиций на международной арене. Главным фактором, воспрепятствовавшим перерастанию реакционных тенденций в ликвидацию буржуазно-демократического строя, была активная борьба рабочего класса за свои социальные права, в защиту демократических свобод и национальной независимости.

Политическое влияние чехословацкого рабочего движения было довольно значительным. На парламентских выборах осенью 1929 г. коммунистическая партия завоевала 753 тыс. голосов, или 10,2% от общего числа избирателей. Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия получила 963 тыс. голосов. Чехословацкая национально-социалистическая партия набрала 767 тыс. голосов. За Немецкую социал-демократическую партию было подано 506 тыс. голосов. Однако проводимая социал-демократическими лидерами политика классового сотрудничества на основе антикоммунизма серьезно подрывала позиции рабочего класса. Лидеры социал-демократии заявляли, что капиталистическое общество идет к тому, что «интересы социализма будут тождественны интересам промышленного капитала и представители рабочих и промышленности будут находиться

в одном совместном политическом фронте»[1]. В условиях экономического кризиса, утверждали они, обязанностью социал-демократии является «забота о сохранении производства и нормального функционирования экономического организма»[2]. Выступая против стачек и других форм классовой борьбы, лидеры социал-демократии и находившихся под их влиянием профсоюзных объединений уверяли, будто путем соглашения с предпринимателями можно обеспечить защиту интересов трудящихся. Враждебность социал-демократических лидеров к массовым политическим действиям и антикоммунизм затрудняли мобилизацию рабочего класса и всех демократических сил для отпора реакции.

Борьбу трудящихся за свои права возглавила Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ). Коммунисты прилагали огромные усилия, чтобы придать движению безработных массовый характер. Было создано свыше 1500 комитетов действия безработных[3]. 15 марта 1931 г. в Праге состоялся общегосударственный съезд безработных. Съезд выдвинул программу, включавшую требования введения пособий по безработице за счет государства и предпринимателей, прекращения увольнений и сокращения рабочего дня до 6—7 часов, без снижения зарплаты[4].

КПЧ сплотила значительные массы безработных на основе борьбы в защиту их требований. Партия сумела связать движение безработных с борьбой рабочих на предприятиях. Подчас движение безработных перерастало в общенародную борьбу против голода, сливаясь с выступлениями против фашистской опасности.

Ширилось забастовочное движение. Стачка рабочих каменоломен Фривальдова в ноябре 1931 г. после расстрела жандармами демонстрации рабочих и безработных переросла во всеобщую политическую стачку, охватившую весь район. В марте 1932 г. вспыхнула стачка горняков Северочешского угольного бассейна. Несмотря на террор буржуазии, саботаж и раскольническую деятельность реформистских лидеров, забастовка охватила весь район, стала всеобщей. Центральный стачечный комитет превратился в своеобразный орган пролетарской власти на территории бассейна. Для руководства стачкой по инициативе ЦК КПЧ был создан в Мосте организационно-политический центр. В руководстве стачкой принимали участие К. Готвальд, А. Запотоцкий, В. Носек и другие видные деятели партии и красных профсоюзов[5]. В самом начале были выдвинуты наиболее простые и понятные всем рабочим требования против увольнения гор-

[1] «Těsnopisecké zprávy o schůzích poslanecké sněmovny Národního shromáždění Republiky Československé. III volební období, 4 zasedání. 115 schůze, 27.III. 1931». Praha, 1931, s. 47.
[2] «Dělnická rovnost», 5. VII. 1931.
[3] *K. Gottwald.* Spisy. sv. IV. Praha, 1951, s. 64.
[4] «Rudý dělnik», 16.III. 1931, s. 83.
[5] *A. Zápotocký, J. Šverma.* Hornická stávka. Praha, 1932, s. 51.

няков. По мере расширения масштабов борьбы конкретные экономические требования были дополнены рядом политических требований. В ходе забастовки рабочие выступали единым фронтом. Широкий размах получило по всей стране движение солидарности с забастовкой. Стачка была организованно прекращена, когда шахтовладельцы приняли бóльшую часть требований горняков.

XII пленум Исполкома Коминтерна охарактеризовал стачку как одну из самых значительных европейских стачек в период мирового экономического кризиса, как «пример образцового... проведения политики единого фронта снизу»[1]. В годы кризиса это была «наиболее значительная в политическом отношении массовая борьба не только в Чехословакии, но и на всем Европейском материке»[2].

Стачечное движение пролетариата сочеталось с борьбой трудового населения деревни. В Словакии неоднократно бастовали сельскохозяйственные рабочие, в движении участвовала сельская беднота[3]. В 1932 г. происходили выступления крестьян Чехии и Моравии против насильственной реквизиции имущества за неуплаты. Особенно массовыми были волнения крестьян Закарпатской Украины, где выступления безработных, рабочих и крестьян переросли в общенародную борьбу против социального и национального гнета[4].

Возглавив борьбу в защиту насущных интересов трудящихся, коммунисты добивались создания единого рабочего фронта. Хотя реформистское руководство профцентров всемерно противодействовало усилиям коммунистов, был достигнут известный прогресс в борьбе за единый рабочий фронт. Основные выступления рабочих проходили под знаком единства действий. Стремясь подавить нарастание классовых конфликтов, правящие круги неоднократно прибегали к использованию вооруженной силы против демонстрантов и забастовщиков. В 1929—1933 гг. 27 раз жандармерия, полиция или войска стреляли по демонстрантам. Было убито 30 человек, десятки получили тяжелые ранения.

Со второй половины 1932 г. все большее значение приобретала задача предотвращения фашистской угрозы. Пленум ЦК КПЧ в июле 1932 г. ориентировал партию на усиление борьбы в защиту политических прав рабочего класса, против буржуазного террора и фашизма. 24 июля была опубликована статья К. Готвальда «Объединиться, бороться, победить!». «Мы, коммунисты,— говорилось в ней,— протягиваем руку всем людям доброй воли, всем, кто действительно хочет бороться за хлеб и работу, за права и свободы трудящихся, против фашизма и буржуазного террора, всем, кто хочет предотвратить то,

[1] «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет», т. 1, стр. 50.
[2] «Коммунистический Интернационал», 1932, № 10, стр. 3.
[3] См. *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. I. М., 1957, стр. 280.
[4] *V. Král.* Historické mezníky ve vývoji Československa. Praha, 1978, s. 55.

что происходит сегодня в Германии. Всем этим людям мы протягиваем руку и призываем их к совместной борьбе. Мы того мнения, что в момент, когда новая волна кровавой фашистской реакции грозит затопить всю Центральную Европу и принести всем слоям трудящихся бесконечные мучения, рабочие в первую очередь должны найти общий язык, выступить сообща»[1]. В марте 1933 г. ЦК КПЧ предложил руководству всех социалистических партий совместно бороться против фашизма и опасности войны[2]. Хотя инициатива КПЧ встретила широкий отклик среди рядовых членов социалистических партий, коммунистам не удалось сломить сопротивление социал-демократических лидеров. В борьбе за создание единого фронта коммунисты не избежали ошибок. Не делая должного различия между социал-демократическими лидерами и реакцией, коммунисты оценивали социал-демократию как «социал-фашизм», что давало противникам единства аргументы, с помощью которых дискредитировались усилия коммунистов по объединению рабочих и демократических сил.

В конце 1933 г. в связи с усилением реакции в стране КПЧ перешла на полулегальное положение[3]. Умело сочетая нелегальную деятельность с легальной работой в профсоюзах и других массовых организациях, парламенте, муниципалитетах и т. д., опираясь на рост антифашистских настроений среди трудящихся, КПЧ удалось отбить натиск реакции и восстановить свое легальное положение.

Осенью 1934 г., когда активизировались фашистские элементы, поставившие своей целью добиться победы на предстоящих парламентских выборах, КПЧ сконцентрировала все силы на организации отпора фашистской реакции. В ноябре 1934 г. КПЧ предложила образовать блок КПЧ и социал-демократических партий против фашизма[4]. По инициативе коммунистов в стране возникали комитеты антифашистского фронта. В ответ на бесчинства фашистов в ноябре 1934 г. в Праге, Брно и других городах состоялись массовые антифашистские демонстрации, в которых приняли участие и некоторые социал-демократические организации. На парламентских выборах в мае 1935 г. компартия получила 850 тыс. голосов, на 100 тыс. больше, чем на выборах 1929 г. Чехословацкая социал-демократическая партия получила 1034 тыс. голосов, Чехословацкая национально-социалистическая партия — 755 тыс. голосов, немецкие социал-демократы — 300 тыс. голосов. В то же время значительно выросло число голосов, поданных за генлейновскую партию. Она получила 1 250 тыс. голосов. Это свидетельствовало об укреплении влияния фашистов среди немецкого населения Чехословакии. Однако фашизм не мог победить, опираясь лишь на силы внутренней реакции.

[1] *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. I, стр. 287—288.
[2] «Dokumenty moderní doby». Praha, 1978, s. 256—262.
[3] «Přéhled dějin KSČ». Praha, 1976, s. 162.
[4] «KSČ — predvoj nového života». Bratislava, 1971, s. 53—54.

Во второй половине 30-х гг. защита национальной независимости выдвинулась на первый план политической борьбы. Коммунисты, указывая на неразрывную связь между национальными интересами народных масс и борьбой против социального и национального гнета, выступили за создание Народного фронта труда, свободы и мира.

VII съезд КПЧ (апрель 1936 г.) разработал линию на защиту Чехословацкой республики против угрозы гитлеровской агрессии, на защиту демократии против фашизма и сформулировал стратегическую ориентацию на сочетание борьбы за демократию и национальную свободу с борьбой за социализм. Как отмечал Г. Гусак, «основная линия партии заключалась в развитии самых разнообразных форм демократического движения трудящихся слоев и завоевании гегемонии рабочего класса»[1].

Коммунисты рассматривали ликвидацию национального гнета как важное направление борьбы против маневров внутренней и внешней фашистской реакции. Они отстаивали лозунг единения трудящихся всех национальностей. Летом 1936 г. под этим лозунгом прошли манифестации по всей стране. В ноябре 1936 г. КПЧ обнародовала меморандум по вопросу о положении немецкого меньшинства, в мае 1937 г.— план хозяйственного, социального и культурного подъема Словакии[2]. Выступая против шовинизма чешских правящих кругов и за удовлетворение справедливых национальных и культурных требований национальных меньшинств, партия решительно осуждала национализм и сепаратизм словацких и немецких фашистских кругов, добивавшихся расчленения страны. В документах КПЧ подчеркивалось, что выравнивание социально-экономического уровня различных районов страны, обеспечение полного национального равноправия открывали вернейший путь к укреплению единства всех народов страны и тем самым служили делу защиты национальной независимости Чехословакии.

Коммунисты уделяли особое внимание борьбе за единство профсоюзного движения. В феврале 1937 г. съезд красных профсоюзов призвал осуществить объединение профсоюзных организаций страны. Однако реформистское руководство, возглавлявшее наиболее массовые профцентры, воспрепятствовало этому объединению.

С установлением фашизма в Германии предупреждения коммунистов, указывавших, что антисоветский курс правящих кругов Чехословакии создавал угрозу независимости страны, стали встречать понимание в широчайших слоях общества. Возможность потери национальной независимости, возросшее давление народных масс вынудило чехословацкое правительство установить в июне 1934 г. дипломатические отношения с СССР и подписать в мае 1935 г. советско-чехословацкий договор о взаимопомощи.

[1] *Г. Гусак.* Избранные статьи и речи. М., 1973, стр. 155.
[2] «Prehľad dejín KSČ na Slovensku». Bratislava, 1971, s. 232—233.

КПЧ воспитала в массах понимание того, что судьбы Чехословакии тесно связаны с всемирной борьбой против фашизма и реакции, за свободу и независимость народов. В стране проводились демонстрации протеста против гитлеровского террора, в защиту Э. Тельмана, Г. Димитрова и других антифашистов, ставших жертвами нацистского террора в Германии, митинги солидарности с антифашистским движением в Венгрии, Польше и других странах. Трудящиеся оказывали всемерную помощь антифашистам, вынужденным эмигрировать из своих стран. На территории Чехословакии печатались издания Компартий Германии, Австрии, Польши и Венгрии, которые затем переправлялись в эти страны[1]. КПЧ возглавила движение солидарности с борьбой испанского народа против фашизма, выдвинув лозунг «У Мадрида идет сражение за Прагу». В состав комитетов помощи демократической Испании, созданных в Чехословакии, входило в конце 1936 г. около 750 тыс. индивидуальных и коллективных членов[2]. В национально-революционной войне испанского народа приняли участие 2,5 тыс. добровольцев из Чехословакии.

В то время как над страной все более нависала опасность гитлеровской агрессии, только КПЧ выступала как последовательный, самоотверженный защитник интересов народов Чехословакии, независимости республики.

Весной 1938 г. в связи с новыми угрозами гитлеровской Германии против Чехословакии ЦК КПЧ призвал: «Пусть по всей Чехословакии прозвучит сегодня громким кличем: «Да здравствует независимая и свободная Чехословакия! Будем держаться, чего бы это ни стоило! Отдадим свою кровь и жизнь за свободу народа Чехословакии! Долой пораженчество и трусость!»»[3] КПЧ обращалась ко всему трудовому народу, к социалистам, ко всем демократическим партиям с призывом совместными действиями защитить республику. Выдвижение компартией лозунга единого фронта в защиту республики и независимости Чехословакии с участием всех прогрессивных, демократических сил означало переход к политике национального фронта, закладывавшей основы объединения антифашистских сил в движении Сопротивления.

По стране прокатились бурные демонстрации в защиту независимости страны. Под давлением масс в мае 1938 г. правительство было вынуждено объявить частичную мобилизацию. Расчет гитлеровцев захватить пограничные области с помощью угроз и шантажа провалился. После того как правительство под давлением Англии и Франции все-таки заявило о принятии территориальных требований Гит-

[1] См. «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», стр. 324—325.

[2] См. «Солидарность народов с Испанской республикой 1936—1939 гг.». М., 1971, стр. 305.

[3] «Коммунистический Интернационал», 1938, № 3, стр. 118.

лера, КПЧ призвала народ выйти на улицу и потребовала отставки капитулянтского правительства. 22 сентября всеобщая забастовка охватила страну. Народ требовал создания правительства, способного организовать защиту республики. Правительство Годжи вынуждено было уйти в отставку. Тогда на помощь фашистскому агрессору поспешили западные державы. 29—30 сентября 1938 г. состоялась позорная Мюнхенская конференция, на которой Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини договорились о разделе Чехословакии и передаче Судетской области Германии, а также части территории страны буржуазно-помещичьей Польше и хортистской Венгрии.

Эта величайшая трагедия в жизни народов Чехословакии означала банкротство политики правящей буржуазии, доказавшей свою неспособность сохранить независимость страны. КПЧ была единственной в стране политической силой, отмечал Г. Гусак, которая решительно выступила против мюнхенского предательства западных держав и капитулянтства крупной чехословацкой буржуазии[1].

В период после подписания Мюнхенского соглашения вплоть до полной оккупации страны гитлеровцами Чехословакия являлась зависимым от Германии государством, во внутренней политике которого проводился курс на установление тоталитарного режима. Правые социал-демократы создали национальную партию труда, открыто сотрудничавшую с реакцией. Правительство объявило о запрете коммунистической партии. КПЧ ушла в подполье.

15 марта 1939 г. германские войска оккупировали территорию Чехии и Моравии, которые были объявлены протекторатом Германии, в Словакии был установлен марионеточный фашистский режим, а Закарпатскую Украину захватила хортистская Венгрия. Борьба за избавление от чужеземного фашистского ига, за национальное освобождение стала отныне главной задачей рабочего класса, всех патриотических сил страны.

В *Болгарии* экономический кризис привел к значительному падению жизненного уровня трудящихся. Катастрофически упала заработная плата рабочих, резко ухудшились условия их труда, особую остроту приобрела проблема безработицы. Недовольство масс вылилось в широкую волну демонстраций протеста и забастовок, на базе которых начался новый подъем революционной борьбы.

Накануне парламентских выборов 1931 г. лидеры буржуазной оппозиции образовали коалицию под названием «Народный блок» (в нее вошли партии демократов, национал-либералов, радикалов и основная часть Земледельческого союза), которому удалось одержать победу. Правительство «Народного блока» пошло на некоторые уступки трудящимся. Была объявлена условная и частичная амнистия.

[1] См. *Г. Гусак.* 60 лет борьбы за счастье народа.— «Правда», 14 мая 1981 г.

Ослабление позиций реакции в стране и рост революционных настроений привели к укреплению рабочих организаций.

Численность Рабочей партии выросла с 6180 членов в 1931 г. до 35 тыс. в 1932 г., а Рабочего союза молодежи — с 3 до 18 тыс. человек[1]. Окрепли действовавшие в подполье БКП и комсомол. Были созданы Союз друзей СССР, Рабоче-крестьянская солидарность, Союз борющихся писателей, Болгарский общий народный студенческий союз и др. Марксистско-ленинские кружки объединяли более 12 тыс. юношей и девушек. Довольно широкое распространение в стране получила болгарская марксистская и советская литература. В 1932 г. в Болгарии выходило около 60 партийных, профсоюзных и других прогрессивных газет и журналов.

К концу 1932 г. в НРПС насчитывалось уже 10 тыс. членов[2]. Что касается реформистского «Свободного союза профсоюзов», то к 1934 г. в нем состояло не более 2—2,5 тыс. человек. Потерпели провал попытки лидера «национально-социального движения» Цанкова создать фашистские профсоюзы, а также усилия участвовавшего в правительстве «Народного блока» правого крыла Земледельческого союза, которое стремилось насадить так называемые «гичевские профсоюзы» (по имени его лидера Д. Гичева).

Вместе с тем правительство «Народного блока» оставило в силе пресловутый «Закон об охране государства» и другие реакционные чрезвычайные законы, игравшие роль заслона на пути демократического развития страны. В 1933 г. из болгарского парламента (Народного собрания) были изгнаны депутаты Рабочей партии. Полиция совершала массовые аресты членов БКП и активистов революционного профсоюзного движения. Была развязана кампания террора. Устраивались покушения на рабочих деятелей. От рук полицейских агентов и террористов погибли секретарь ЦК БКП Никола Кофарджиев, член ЦК Георгий Москов, секретарь ЦК Рабочей партии Петко Напетов и многие другие.

Правительство «Народного блока» оказалось бессильным найти выход из экономического кризиса, приостановить обнищание трудящихся, рождавшее резкое недовольство и обострение социальных конфликтов.

Со второй половины 1931 г. с новой силой разгорелась стачечная борьба текстильщиков Ямбола и Сливена, табачников Пазарджика, рабочих Варны, Габрова и других городов. Благодаря твердой позиции рабочих 70% стачек завершилось полной или частичной победой бастующих[3]. Активизировалось и движение безработных. Они устраивали демонстрации протеста против массовых увольнений,

[1] «История на профсъюзното движение в България», с. 379.
[2] Там же, стр. 404—405; «История на Българската комунистическа партия», с. 331.
[3] «История на профсъюзното движение в България», с. 389—390.

требовали от властей эффективных мер для обеспечения занятости, прекращения роста цен и облегчения положения безработных.

Огромное влияние на развитие рабочего движения и антифашистского единства действий болгарских трудящихся имело героическое поведение Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе. Фашистское судилище в Лейпциге вызвало волну негодования в Болгарии. Началось движение солидарности в защиту Георгия Димитрова и его товарищей. Легальная рабочая трудовая печать посвящала Димитрову восторженные статьи, публиковала многочисленные письма трудящихся[1]. В июне 1933 г. в София был создан Комитет защиты жертв германского фашизма с участием представителей всех массовых легальных организаций трудящихся. Организованные комитетом собрания и митинги в защиту Димитрова и других антифашистов были ярким свидетельством тяги демократических сил к единству действий[2]. «Это были лучи живого единого фронта, проникшие в мою тюремную камеру»[3],— отмечал Г. Димитров, имея в виду подобные проявления солидарности.

Успехи болгарского революционного рабочего движения могли быть гораздо более значительными, если бы с осени 1929 г. руководством БКП не овладели левые сектанты, ошибочные установки которых наносили партии большой вред. Левосектантское руководство требовало от бастующих рабочих доведения забастовок до уличных боев и выдвижения политических требований, когда объективных условий для этого не было. Оно огульно рассматривало Земледельческий союз как аграрно-фашистский, а социал-демократическую партию — как главную опасность для рабочего движения и поэтому отказывалось от единства действий с ними. Такие методы руководства затрудняли вовлечение в борьбу широких масс трудящихся.

В условиях разобщенности демократических сил страны, наступления фашизма в международном масштабе, углубления капиталистических противоречий реакционные круги вновь обратились к фашистским методам подавления рабочего и демократического движения. 19 мая 1934 г. в Болгарии произошел военно-фашистский переворот. В ноябре 1935 г. у власти утвердилось правительство Кьосеиванова, являвшееся верным орудием монархо-фашистской диктатуры. После переворота в стране были распущены политические партии и профсоюзные организации, установлена свирепая цензура, ликвидированы остатки местного самоуправления. Правительственными декретами было объявлено об организации государственных профсоюзов фашистского типа. 11 января 1935 г. был опубликован декрет о создании

[1] «История на Българската комунистическа партия», с. 345.

[2] *Т. Живков.* Георги Димитров беше винаги с нас.— «Работническо дело», 20.V.1972; *Н. Недев.* Лайпцигският процес и българското антифашистко движение. София, 1972, с. 119—193.

[3] *Г. Димитров.* Съчинения, т. 9, с. 390.

контролируемых режимом рабочих профсоюзных организаций, которые в октябре того же года были объединены в Болгарский рабочий союз (БРС). В «казенные» профсоюзы насильственно загонялись также государственные и муниципальные служащие. Ремесленники объединялись в Союз ремесленников, а крестьяне — в Общий союз сельскохозяйственных задруг. Были созданы союзы промышленников и торговцев. Вся деятельность БРС и профсоюзов государственных служащих была поставлена под прямой контроль министерства торговли, промышленности и труда, а также фашистской полиции.

Правящим кругам удалось путем демагогии, принуждения и террора вовлечь в «казенные» профсоюзы значительное число рабочих и служащих (к 1939 г. БРС насчитывал в своих рядах 163 тыс. членов). В августе 1936 г. правительство Кьосеиванова запретило забастовки[1].

Пассивное отношение левых сектантов в БКП к действиям фашистских заговорщиков вызвало резкое недовольство партийных масс. Под руководством Георгия Димитрова и Васила Коларова, которые после Лейпцигского процесса вновь возглавили БКП, испытанные кадры партии повели борьбу за преодоление левого сектантства, за выработку нового подхода к проблеме единства антифашистских сил. 1 октября 1935 г. ЦК БКП обратился ко всем партийным организациям, членам партии и сочувствующим с Открытым письмом, в котором ставилась задача активизации борьбы против фашистской диктатуры, за восстановление демократических прав и свобод народа. Поражение фашизма, указывалось в письме, может быть достигнуто только путем совместной борьбы трудящихся-антифашистов, идущих за компартией, за Земледельческим союзом, за социал-демократической партией, за другими нефашистскими организациями. ЦК БКП заявил, что создание единого народного фронта возможно только при самом энергичном и руководящем участии пролетариата[2].

Состоявшийся в феврале 1936 г. в Софии VI расширенный пленум ЦК БКП, присоединившись к решениям VII конгресса Коминтерна, подчеркнул значение создания единого рабочего и широкого народного фронта против фашизма и войны, против наступления капитала и наметил меры по осуществлению профсоюзного единства рабочего класса[3].

Болгарские коммунисты проводили энергичную работу по укреплению своих организаций и расширению связей с широкими массами.

[1] *В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев.* Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, с. 513.

[2] «Нелегални позиви на БКП». София, 1954, с. 126—130.

[3] «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК», т. 3. София, 1954, с. 331.

После двухлетнего бездействия была восстановлена распущенная левыми сектантами Рабочая партия[1].

В 1935 г. в подполье было возобновлено издание печатного партийного органа Рабочей партии газеты «Работническо дело», которая приобрела большую популярность. Представители Рабочей партии наладили контакт с руководителями других демократических партий в целях установления единства действий всех антифашистских сил, ее члены вступали в массовые легальные организации трудящихся и проводили в них работу. В 1938—1939 гг. было проведено слияние КП и РП. Образовалась единая марксистско-ленинская Болгарская рабочая партия (БРП).

Одной из важнейших задач болгарские коммунисты считали установление профсоюзного единства рабочего класса. Они вели упорную и систематическую работу в государственных профсоюзах, используя любую легальную возможность для организации борьбы рабочих и разоблачения антирабочей политики лидеров фашистских профсоюзов. Летом 1936 г. в целях сосредоточения всех сил для работы в Болгарском рабочем союзе и других государственных профсоюзах ЦК БКП принял решение о роспуске существовавших нелегально Независимых профсоюзов (НРПС). Руководство всей антифашистской профсоюзной деятельностью было возложено на специально созданную при ЦК БКП Центральную профсоюзную комиссию, в которую вошли видные деятели болгарского революционного профсоюзного движения Начо Иванов, Борис Благоев, Тодор Прахов, Йордан Милев, Никола Пенев, Драгой Коджейков, а также на комиссии в отраслевых союзах и на местах[2]. Отказ от существования отдельных подпольных профсоюзов и курс на развертывание работы в «казенных» профсоюзах позволяли партии теснее связаться с массами, более эффективно вести борьбу за их насущные интересы.

В результате этих усилий руководящие органы ряда организаций БРС и других профсоюзов оказались в руках коммунистов и передовых рабочих-антифашистов. Накануне второй мировой войны антифашистски настроенные рабочие сумели занять прочные позиции в руководстве ряда отраслевых организаций в Пернике, где была сосредоточена основная масса болгарских шахтеров. Большое влияние антифашисты имели в руководстве профсоюзных организаций табачников Пловдива и Хаскова, рабочих Габрова и других фабрично-промышленных центров.

Одним из результатов деятельности болгарских коммунистов по сплочению и организации единства действий рабочего класса явилась развернувшаяся в предвоенные годы стачечная борьба. В середине мая 1936 г. забастовали табачники Пловдива. К ним присоединились

[1] *С. Колев.* Борбата на БКП за народен фронт 1935—1939. София, 1959, с. 23.

[2] *Д. Коджейков, В. Хаджиниколов, Я. Йоцов.* Революционното професъюзно движение в България. София, 1957, с. 244—245.

рабочие табачных предприятий Хаскова, Асеновграда, Дупницы, Горна-Джумаи, Петрича, Пазарджика. Стачка в табачной промышленности послужила мощным толчком для развертывания классовых боев текстильщиков Сливена и Габрова, рабочих-швейников Софии и Пловдива, шоферов, строительных рабочих, обувщиков и многих других[1]. В 1937 г. проходила забастовка рабочих-сапожников в Софии и Пловдиве, в 1938 г.— софийских строительных рабочих и др. Только в 1938 г. имели место 57 стачек, в которых приняло участие около 25 тыс. человек. 52 стачки закончились победой рабочих[2].

Конец 1938 и начало 1939 г. ознаменовались волнениями шахтеров Перника и на рудниках, расположенных в Панагюрской околии Пловдивской области. Доведенные до отчаяния тяжелыми условиями труда и нищенским заработком, которого не хватало для удовлетворения самых элементарных нужд, рабочие прекратили работу и после упорной борьбы добились победы.

Самоотверженная борьба болгарских трудящихся заставила правительство принять законы о минимальной заработной плате, об индивидуальном и коллективном трудовом договоре, об оплачиваемом недельном отпуске, о создании фонда по оказанию помощи безработным табачной промышленности и т. д.

В то же время в ответ на рост влияния коммунистов в БРС и других официальных профсоюзах усилились репрессии против отдельных деятелей и целых местных организаций БРС. Тысячи рабочих, активно боровшихся против фашистского гнета и эксплуатации, были исключены из БРС. Однако эти действия не достигли намеченной цели. Они вызывали лишь возмущение и гневные протесты рабочих, являвшиеся ярким свидетельством того, что фашизму не удалось добиться «социального мира», подавить волю рабочего класса к борьбе.

Стремясь к достижению широкого антифашистского единства народных масс, коммунисты проводили активную работу в кооперативных, просветительных, женских, молодежных, спортивных и других массовых организациях трудящихся. Попытки фашистских элементов проникнуть в эти организации встречали решительный отпор демократически настроенных масс. Под лозунгами борьбы против фашизма, за национальную независимость коммунисты сплачивали массы, используя также народные традиции и празднования знаменательных дат истории и культуры болгарского народа. Особенно широко отмечался день международной пролетарской солидарности 1 Мая. Он проходил под лозунгом борьбы против фашизма и угрозы войны, за демократические права и свободы, за жизненные интересы трудового народа.

[1] «История на Българската комунистическа партия», с. 373.
[2] См. *Д. Коджейков, В. Хаджиниколов, Я. Йоцов.* Рабочее и профсоюзное движение в Болгарии. М., 1959, с. 265—266.

Болгарские коммунисты немало сделали, чтобы, прорвав заслоны буржуазной пропаганды, донести до трудящихся правду о Стране Советов. Под давлением широкого движения за дружбу с советским народом и исходя из некоторых конъюнктурных соображений, связанных с политическими и экономическими нуждами, болгарское правительство в июле 1934 г. пошло на установление дипломатических отношений с Советским Союзом. Правящие круги Болгарии были вынуждены несколько умерить антисоветскую пропаганду. В этот период создавались и активизировали свою деятельность общества болгаро-советской дружбы.

Болгарский народ энергично выступал против усилившихся в предвоенные годы происков международной реакции.

В период гражданской войны в Испании трудящиеся Болгарии вопреки репрессивным мерам правительства проводили кампанию протеста против фашистской интервенции, в защиту испанского народа. 450 болгар отправились добровольцами в Испанию, более 100 из них отдали свою жизнь за свободу испанского народа. Болгарские рабочие собирали и направляли через МОПР денежные средства республиканской Испании. Трудящиеся массы гневно протестовали против позорной мюнхенской сделки и оккупации Чехословакии фашистской Германией. Эти акты интернациональной солидарности болгарского народа, организаторами которых неизменно выступали коммунисты, укрепляли авторитет и влияние коммунистической партии.

Направляя основные усилия на создание антифашистского народного фронта в низах, коммунисты вместе с тем стремились достичь соглашений и с лидерами нефашистских партий — Земледельческого союза, социал-демократической, радикальной, демократической и других партий. Учитывая настроения масс, лидеры оппозиционных партий вынуждены были менять свое открыто враждебное отношение к идее народного фронта и соглашаться в ряде случаев на совместные с коммунистами действия. Так, летом 1936 г. было достигнуто соглашение о создании конституционных комитетов, сборе подписей под петициями в пользу восстановления Тырновской конституции, проведения свободных парламентских выборов. В результате энергичной работы коммунистов в Софии были созданы общегородской конституционный комитет, который фактически являлся общенациональным, конституционные комитеты демократических женщин, студентов, писателей. В ряде софийских кварталов возникли районные конституционные комитеты. Городские и районные конституционные комитеты действовали во многих городах и селах. Были созданы также молодежные конституционные комитеты во главе с Центральным молодежным конституционным комитетом. Образованный сторонниками запрещенных демократических партий при участии коммунистов Конституционный блок развернул активную деятельность в период выборов общинных советников, состоявшихся

в марте 1937 г., и выборов в Народное собрание в 1938 г. Программа блока включала требования: восстановление Тырновской конституции со всеми зафиксированными в ней правами и свободами, отмена антиконституционных декретов, роспуск фашистских организаций, ликвидация непосильной задолженности трудового крестьянства, облегчение налогового бремени и т. п.

Несмотря на террор монархо-фашистского правительства, кандидаты Конституционного блока собрали на парламентских выборах около 1 млн. голосов. Лишь в результате мошеннических махинаций и фальсификации результатов выборов, незаконного лишения мандатов депутатов-коммунистов и части членов Земледельческого союза, а также привлечения на сторону правительства некоторых политических перебежчиков правящим кругам удалось получить большинство в парламенте.

С началом второй мировой войны часть руководителей буржуазной оппозиции, встревоженная ростом влияния коммунистов и особенно размахом возглавленного ими всенародного движения за заключение болгаро-советского договора о дружбе и взаимопомощи, отошла от складывавшегося Народного фронта.

В годы мирового экономического кризиса *Венгрия*, как и другие капиталистические страны, испытывала катастрофический спад промышленного и сельскохозяйственного производства, финансовый хаос, небывалое сокращение объема внутренней и внешней торговли. Разорение и обнищание трудовых масс приняли невиданные масштабы. По неполным данным, в годы кризиса армия безработных составляла в Венгрии примерно 750—780 тыс. человек, а вместе с семьями — 2—2,5 млн. человек[1], т. е. около 25% населения. Пытаясь найти выход из кризиса, господствующие классы ужесточали эксплуатацию трудящихся, усиливали тоталитарные черты хортистского режима, который после захвата фашистами власти в Германии пошел на открытое сближение с гитлеровским рейхом.

Начало кризиса ознаменовалось взрывом массовых забастовок трудящихся и крестьянских выступлений, основными требованиями которых были: ликвидация безработицы, повышение заработной платы, предоставление земли тем, кто ее обрабатывает. 1 сентября 1930 г. в Будапеште была проведена массовая демонстрация, в которой участвовало около 100 тыс. рабочих, мелких ремесленников, прибывших из окрестных сел крестьян. Демонстранты провозглашали лозунги: «Работы и хлеба!», «Требуем помощи безработным!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует Советский Союз!» В ряде мест были сооружены баррикады, на которых развевались красные знамена с красноречивыми цифрами «1919». Начались кровопролитные схватки рабочих с жандармами, полицейскими, отрядами войск. «1 сентября 1930 г. коммунисты и левые социал-демократы,— отмечается в тезисах

[1] *Kádár Iván*. A munkásosztály helyzete a Horthy—rendszer idején. Budapest, 1956, 148. old.

ЦК ВСРП к сорокалетию компартии,— совместно организовали и провели демонстрацию, которая всколыхнула *сотни тысяч людей* и явилась замечательным боевым подвигом венгерского пролетариата, имеющим также международное значение»[1].

Правящие круги ответили террором и репрессиями на массовые выступления трудящихся. В июле 1932 г. были арестованы и после жестоких пыток казнены секретари ЦК КПВ Имре Шаллаи и Шандор Фюршт. Злодейское убийство венгерских коммунистов вызвало волну возмущения во всей Европе[2]. В 30-е гг. возрос размах забастовочной борьбы. В 1935 г. в забастовках участвовало свыше 16 тыс. человек, а количество потерянных рабочих дней составило более 110 тыс.; в 1936 г. бастующих насчитывалось уже около 21 тыс. человек, а потерянных рабочих дней — свыше 332 тыс. Главными требованиями рабочих были повышение заработной платы и оказание помощи безработным. В 1936 г. 20% стачек закончились полной победой рабочих, 55% — частичной, 25% — поражением бастовавших[3].

В 1937 г. стачечное движение трудящихся еще более усилилось. Ширились антиправительственные выступления трудового крестьянства, требовавшего проведения земельной реформы, введения всеобщего избирательного права при тайном голосовании, демократизации общественной жизни страны. В 1936 г. 39 раз бастовали сельскохозяйственные рабочие, добивавшиеся улучшения условий труда. 33% этих забастовок завершились победой стачечников[4].

В условиях реакционной диктатуры любая стачка неизбежно приобретала политический характер. Забастовки свидетельствовали об огромных потенциях трудящихся в борьбе против хортистского режима. Однако реализации этих потенций мешали не только жестокие репрессии, но и трудности в венгерском рабочем движении. Руководство социал-демократической партии фактически противодействовало выступлениям трудящихся и ориентировало их на сотрудничество с хортистским режимом. Буржуазные партии еще менее были склонны к борьбе против реакционной диктатуры.

Единственной политически организованной силой, выступавшей против хортистского режима, была загнанная в подполье коммунистическая партия. С помощью Коммунистического союза рабочей молодежи коммунистам удалось установить и поддерживать свое доминирующее влияние в легально действовавшей молодежной социал-демократической организации Венгрии. Состоявшийся в марте 1930 г. II съезд КПВ принял программу конкретных требований, отвечав-

[1] «К 40-й годовщине образования Коммунистической партии Венгрии».— «Новая и новейшая история», 1959, № 1, стр. 160.
[2] «История Венгрии», т. 3. М., 1972, стр. 273.
[3] «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», стр. 231.
[4] См. там же, стр. 232.

ших интересам широчайших слоев трудового народа. В программе, в частности, речь шла об увеличении реальной заработной платы, о введении государственных пособий по безработице, о равной оплате за равный труд женщин и мужчин, об освобождении от налогов беднейшего крестьянства и снижении налогов для середняков, о свободе слова, печати и объединений для промышленных и сельскохозяйственных рабочих. II съезд КПВ принял новый устав, вводивший новый порядок приема в партию и новый принцип ее внутреннего построения — объединение коммунистов в низовые парторганизации не по месту жительства, как это было ранее, а по производственному принципу, т. е. на заводах, предприятиях и т. д. Организационной работой партии руководили Загранбюро и находившийся в стране подпольный ЦК, которые должны были тесно координировать свои действия [1].

В то же время принятые съездом решения ставили в порядок дня борьбу за «свержение фашистской государственной власти буржуазии и провозглашение вместо нее диктатуры пролетариата» [2], что сужало массовую базу движения против хортистского режима, так как далеко не все оппозиционно настроенные массы были готовы поддержать диктатуру пролетариата. Ориентация на союз рабочего класса лишь с беднейшим крестьянством также искусственно сужала круг союзников рабочего класса, ибо накопленный опыт доказывал возможность привлечь на сторону революционного пролетариата значительно более широкие слои крестьянства.

Левосектантские ошибки КПВ затрудняли борьбу против раскольнической линии правого руководства СДПВ в рабочем и демократическом движении. Венгерские социал-демократические лидеры отличались крайним антикоммунизмом. Называя коммунистов «левыми фашистами», центральный орган СДПВ газета «Непсава» призывала усилить борьбу не только против компартии, но и против левых социал-демократов, выступавших за союз с коммунистами [3]. Нередко отвечая социал-демократическим лидерам такой же враждебностью, коммунисты по существу снижали эффективность своих усилий по объединению рабочих. Сектантской была установка II съезда КПВ на создание самостоятельных красных профсоюзов.

Однако под воздействием практического опыта коммунистическая партия находила пути к организации массовой экономической и политической борьбы в защиту интересов трудящихся, против реакционной диктатуры. Важное изменение в политике КПВ последовало летом 1933 г., когда коммунисты изменили тактику в отношении наиболее значительных легальных рабочих организаций — профсоюзов. Отказавшись от попыток создания особых нелегальных или

[1] DMFMT 1929—1935. Budapest, 1964, 48—62. old.
[2] ИВРРД, т. 2, стр. 125.
[3] См. «История Венгрии», т. 3, стр. 264.

полулегальных красных профсоюзов, ЦК КПВ выдвинул лозунг «В профсоюзы!».

О позитивных изменениях в политической линии КПВ свидетельствовало обращение в декабре 1934 г. ЦК КПВ к руководству СДПВ и Совету профсоюзов с предложением о единстве действий, о совместной борьбе в защиту интересов трудящихся, о прекращении взаимных нападок. Правое руководство СДПВ отклонило предложение компартии.

Для дальнейшего развития рабочего движения Венгрии большое значение имели решения VII конгресса Коминтерна. В декабре 1935 г. Секретариат ИККИ направил руководству КПВ письмо, в котором указывалось на необходимость принять более энергичные меры к выполнению решений VII конгресса Коминтерна. В январе 1936 г. ЦК КПВ обратился с «Товарищеским письмом» ко всем членам партии и организациям компартии и Коммунистического союза рабочей молодежи, в котором призывал к решительному повороту во всей практической деятельности коммунистов и членов Коммунистического союза рабочей молодежи в духе решений VII конгресса Коминтерна. В письме указывалось на необходимость поддерживать «каждую партию, борющуюся за буржуазную демократию, любое устремление, направленное на объединение демократических сил в Венгрии»[1].

Подвергнув самокритике прежнюю оценку социал-демократии, ЦК КПВ призвал коммунистов искать пути сближения с нею. Практическим шагом в этом направлении явилось закрытое письмо КПВ к руководству СДПВ в январе 1936 г., в котором вновь предлагалось установить сотрудничество между коммунистами и социал-демократами. Компартия предлагала совместные действия в борьбе против террора хортистского правительства, за свободу легальной деятельности профсоюзов, в защиту арестованных революционеров, против ориентации Венгрии на фашистскую Германию и Италию[2]. Несмотря на то что руководство СДПВ отклонило эти предложения, компартия не оставляла попыток «снизу», явочным порядком установить единство действий с социал-демократами в профсоюзах и на предприятиях. В конце 1935 г. КПВ удалось приобрести легально издававшийся общественно-политический и литературный журнал «Гондолат» («Мысль»), вокруг которого вскоре объединилась часть интеллигенции, поддерживавшая борьбу против фашизма и войны.

Однако часть руководителей КПВ тормозила претворение в жизнь генеральной линии VII конгресса. Ссылаясь на это, Коминтерн в мае 1936 г., выразив недоверие Б. Куну и руководству КПВ, вынес решение о роспуске ЦК КПВ[3].

В июне 1936 г. по поручению Коминтерна в Праге был создан временный ЦК и временный секретариат ЦК КПВ во главе с Золта-

[1] DMFMT 1935—1945, 41. old.
[2] Ibid., 58—61. old.
[3] ИВРРД, т. 2, стр. 210.

ном Санто. Временному секретариату было поручено обеспечить реализацию решений VII конгресса Коминтерна и подготовить партконференцию, на которой должен быть избран новый Центральный Комитет КПВ. В июне 1936 г. временное руководство КПВ приняло решение о генеральной политической линии партии, наметив следующие первоочередные задачи: 1. Борьба в защиту и за расширение демократических прав, развитие движения Народного фронта путем вовлечения в него «всех партий, организаций, групп и отдельных элементов, которые могут быть мобилизованы для борьбы против реакции и фашизма, за венгерскую демократическую республику»[1]. Тем самым менялась стратегическая цель партии. Основным ее требованием на данном этапе провозглашалась ликвидация фашизма, а не непосредственное установление диктатуры пролетариата в результате социалистической революции. 2. Борьба за сохранение мира, против угрозы развязывания империалистами, в том числе и венгерскими, новой войны. 3. Борьба в защиту повседневных интересов рабочего класса, за улучшение условий труда, за обеспечение безработных. 4. Борьба за земельную реформу, в результате которой земли крупных помещиков должны быть безвозмездно переданы беднейшему крестьянству.

Опираясь на выводы VII конгресса Коминтерна, коммунисты все шире стали сочетать необходимую критику политики СДПВ с такой предвыборной политикой на выборах в центральные и местные органы власти, которая способствовала совместным выступлениям коммунистов и социал-демократов. Новая линия партии постепенно давала результаты. Вопреки позиции руководства СДПВ все чаще стало осуществляться единство действий коммунистов и рядовых социал-демократов на платформе народного фронта. Коммунисты были избраны в руководящие органы ряда профсоюзов.

Венгерские коммунисты расширяли связи с прогрессивной интеллигенцией, налаживали сотрудничество с антиправительственной оппозицией. В марте 1937 г. в Венгрии образовалось объединение демократических сил типа Народного фронта, получившее название «Мартовский фронт». В его создании участвовала и КПВ. Ведущую роль в «Мартовском фронте» играла группа прогрессивных литераторов, известная под названием «исследователей деревни».

Важной стороной деятельности КПВ была постоянная борьба против реваншистской внешней политики хортистского режима и его германо-итальянской ориентации. С апреля 1937 г. компартия стала издавать в Праге и распространять в Венгрии нелегальную газету «Долгозок лапья» («Газета трудящихся»). Газета разоблачала преступные планы агрессоров, реакционную внутреннюю и внешнюю политику хортизма, призывала к сплочению всех демократических сил в борьбе против фашизма и войны, разжигаемой блоком фашистских государств.

[1] DMFMT 1935—1945, 61—64. old.

«Отпор фашистской диктатуре и защита мира,— отмечала газета «Долгозок лапья»,— восстановление единства рабочего класса, создание народного фронта, борющегося за демократическую Венгрию,— вот та великая задача, за осуществление которой должна ныне вести борьбу Коммунистическая партия Венгрии»[1]. С этой целью коммунисты считали необходимым вовлечь в народный фронт наряду с рабочим классом, трудящимся крестьянством мелкую буржуазию города, прогрессивную интеллигенцию и другие силы, выступавшие против фашизма. Идея создания народного фронта такого социального состава и с такими целями находила поддержку у левого крыла партии мелких сельских хозяев, возглавляемого И. Доби[2], у ряда левых функционеров СДПВ, у возникшей в июне 1939 г. национальной крестьянской партии, выступавшей в защиту интересов мелкого и среднего крестьянства.

После аншлюса Австрии и над Венгрией нависла угроза ее независимости. Вследствие этого коммунисты внесли коррективы в политику народного фронта. Выдвинув лозунг «Отечество в опасности!», компартия призвала бороться за национальное единство демократических сил — главный оплот борьбы не только против хортизма, но и против угрожавшего независимости Венгрии германского нацизма. Борьба за сохранение независимости страны стала главным направлением политики народного фронта, расширявшего свои рамки, становившегося в новых условиях национальным фронтом, или, как его именует Д. Каллаи, Демократическим фронтом[3] национального единства. В этой связи КПВ считала возможным вовлечь в национальный фронт наряду с указанными классами и социальными слоями те группы сельской и городской буржуазии, которые были недовольны линией хортистов на тесный союз с фашистской Германией.

В 1938—1940 гг. хортистская Венгрия с помощью гитлеровской Германии и фашистской Италии совершила территориальные захваты у Чехословакии, Румынии и Югославии, еще теснее привязавшие Венгрию к колеснице агрессивного германского империализма[4]. В обстановке националистического угара в стране КПВ была единственной партией, поднявшей голос протеста против аннексионистских действий хортистов, предметно показавшей, какими пагубными последствиями для венгерского народа может обернуться такая политика[5].

Правящие круги использовали националистическую волну, захлестнувшую Венгрию, для подавления революционного движения.

[1] «Dolgozók Lapja», 1937, aprilis, 1 sz.
[2] *Révai J.* Marxizmus, népiesség, magyarság. Budapest, 1955, 350—351. old.
[3] См. *Д. Каллаи.* Движение за независимость Венгрии. 1936—1945. М., 1968, стр. 76—77.
[4] См. подробнее: «История Венгрии», т. 3, стр. 330—345.
[5] DMFMT 1935—1945, 183—204. old.

Еще более ухудшилась обстановка, когда в сентябре 1939 г. началась вторая мировая война. Хотя Венгрия первоначально непосредственного участия в войне не принимала, в стране было объявлено чрезвычайное положение, расширена система полицейского надзора, введена принудительная трудовая повинность. Резко усилилась клеветническая антисоветская кампания в буржуазной печати, в которую включилось и правое руководство социал-демократической партии. Воспользовавшись чрезвычайным положением, правительство обрушило новые репрессии на коммунистов, на левые силы, в результате которых компартия понесла тяжелый урон.

В сентябре 1940 г. секретариат Исполкома Коминтерна вынес решение о необходимости усиления централизованного руководства КПВ, которое обеспечило бы более четкое и активное управление работой разобщенно действовавших коммунистических групп и способствовало бы усилению деятельности КПВ в целом[1]. В январе 1941 г. в условиях подполья был создан постоянный Центральный Комитет КПВ, а также территориальные комитеты партии. Тем самым прекращалось состояние той организационной раздробленности, в которой пребывала КПВ во второй половине 30-х гг. Реорганизовав и восстановив свои ряды, компартия повела борьбу за свободную, независимую и демократическую Венгрию.

Экономический кризис, обрушившийся на *Румынию*, затронул основные отрасли ее хозяйства. Только к середине 30-х гг. экономика страны начала выходить из кризиса. В 1934 г. промышленное производство увеличилось по сравнению с докризисными годами почти в 1,5 раза. В послекризисные годы в Румынии усилились государственно-монополистические тенденции, составлявшие внутреннюю основу движения правящей верхушки в сторону реакции, милитаризма и фашизма. Это предопределяло дальнейшее обострение экономических и социальных противоречий.

Национал-царанистские правительства (правившие в 1928—1933 гг.) под прикрытием демагогической «гражданской и моральной программы» вели широкое наступление на жизненный уровень трудящихся. Практическим результатом осуществления этой программы было дальнейшее снижение уровня заработной платы и значительное ухудшение положения народных масс.

Попытки господствующих классов найти выход из кризиса за счет трудящихся вызвали отпор с их стороны. Уже в 1929 г. число забастовок, их участников и количество потерянных рабочих дней более чем вдвое превысили соответствующие показатели 1927 и 1928 гг. В отличие от предшествующих лет многие забастовки сопровождались захватом предприятий, столкновениями с полицией и войсками. Особенно широкий размах приобрели выступления безработных. Дви-

[1] «Párttörténeti Közlemények» 1962, N 2, 182—189. old; DMFMT 1935—1945, 233—242. old.

жение протеста проявлялось и в таких формах, как политические демонстрации, которые нередко заканчивались уличными боями демонстрантов с полицией. Одним из наиболее значительных выступлений рабочего класса в годы кризиса была забастовка шахтеров Лупени (август 1929 г.). Возглавленные коммунистами, рабочие выступили единым фронтом, потребовав возвращения уволенных товарищей, повышения заработной платы, введения 8-часового рабочего дня. Бастующие заняли электростанцию, парализовав все работы на шахтах. Посланные правительством войска учинили расправу над шахтерами. «Ленским расстрелом в Румынии» назвала лупенские события советская газета «Правда». Выступление шахтеров Лупени было поддержано рабочими Бухареста, Галаца, Клужа, железнодорожниками Ясс.

Кульминационным пунктом борьбы румынского пролетариата в годы кризиса были возглавленные КПР в феврале 1933 г. бои железнодорожников Гривицы (Бухарест), к которым присоединились нефтяники Плоешти, горняки Клужа, текстильщики Бухуша и Ясс. Забастовки проходили под лозунгом «Да здравствует рабочая солидарность!». Выступлениями рабочих руководили избранные на основе тактики единого фронта комитеты действия во главе с видными деятелями КПР Г. Георгиу-Дежем, И. Пинтилие и др. Забастовщики требовали прекращения увольнений, повышения заработной платы, отмены штрафов. Перед лицом растущего единства действий бастующих дирекция железнодорожных мастерских Гривицы была вынуждена обещать, что их требования, в том числе и признание комитетов действия, будут удовлетворены.

Стремясь подавить забастовку, правительство прибегло к чрезвычайным мерам: в крупнейших промышленных центрах было введено осадное положение, распущены революционные организации, начались аресты членов стачечных комитетов и коммунистов. В ночь с 14 на 15 февраля 1933 г. было арестовано около 1600 коммунистов, в том числе 13 руководящих деятелей КПР и Центральный комитет действия забастовщиков во главе с Г. Георгиу-Дежем. Компартия призвала рабочий класс к сопротивлению. Утром 15 февраля свыше 7 тыс. рабочих Гривицы заняли мастерские и при активной поддержке пролетариата Бухареста в течение двух дней вели героическую борьбу против правительственных войск и жандармерии, штурмовавших баррикады бастующих железнодорожников. Сотни рабочих были убиты и ранены[1]. Февральские бои 1933 г. явились замечательной страницей в истории рабочего движения Румынии. Как отмечается в Программе РКП, они продемонстрировали «рост революционного сознания и боевого духа рабочего класса, повышение способности партии организовать пролетариат и руководить им»[2].

[1] *Fl. Draghe.* 45 de ani de la luptele petroliştilor şi ceferiştilor.— «Era socialistă», 1978, N 3, p. 49.

[2] «Программа Румынской коммунистической партии по постро-

Не стояли в стороне от борьбы и крестьяне. Доведенные до отчаяния голодом и нуждой, они захватывали помещичьи земли, самовольно рубили государственные леса, отказывались выплачивать долги и налоги. Во многих случаях против крестьянских движений в уездах Ботошань, Романаць, Сибиу, Бихор, Горж были направлены полиция и жандармерия. Эти волнения свидетельствовали о том, что трудовое крестьянство становилось активным участником революционного движения в стране. В январе 1933 г. была создана массовая демократическая организация крестьянства «Фронт земледельцев», бессменным руководителем которой являлся П. Гроза.

В 1934 г. крестьянскими волнениями были охвачены уезды Ильфов, Дымбовица, Долж, Хунедоара и др. Длительный и упорный характер имели выступления румынских и венгерских крестьян в долине Гимеша. Поддержанные рабочими местных лесопилен, крестьяне захватывали и делили помещичьи земли. На подавление выступлений правительство посылало войска.

В конце 20-х гг. боеспособность находившейся в подполье Коммунистической партии Румынии значительно снижалась фракционной борьбой. В августе 1930 г. Секретариат ИККИ принял резолюцию, призывавшую коммунистов принять меры к оздоровлению рядов партии[1]. Это способствовало преодолению внутрипартийного кризиса. В декабре 1931 г. состоялся V съезд КПР, который проанализировал положение в партии, восстановил ее единство и наметил перспективы борьбы. В резолюции съезда указывалось, что перед Румынией стоят задачи завершения буржуазно-демократической революции, осуществление которых должно привести к установлению революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Исходя из этих основных положений, съезд признал необходимым завоевание на сторону пролетариата основных слоев трудящихся города и деревни и прежде всего сплочение рядов рабочего класса путем последовательного проведения снизу тактики единого фронта. Съезд рекомендовал использовать новые формы организационной деятельности партии: создавать комитеты действия, забастовочные комитеты, отряды самообороны для защиты рабочих демонстраций и забастовок, антифашистские комитеты, превращая эти организации в политические органы борьбы за единство рабочего класса, демократических сил страны, против усиления политики эксплуатации и террора[2].

В 1934—1935 гг. КПР повела борьбу за единство профсоюзного движения в рамках Всеобщей конфедерации труда. Эти усилия увен-

нию всесторонне развитого социалистического общества и движению Румынии к коммунизму». Бухарест, 1975, стр. 41.

[1] «DI PCR 1929—1933», vol. III. Bucureşti, 1955, p. 79—92; Intrebări şi răspunsuri pe teme din istoria PCR şi a mişcării muncitoreşti din România. Bucureşti, 1974, p. 135.

[2] DI PCR 1929—1933, p. 281.

чались успехом. До роспуска в 1938 г. ВКТ, согласно официальным данным, объединяла более 80 тыс. членов, состоявших в 13 профцентрах страны[1]. Компартия стремилась активизировать работу среди крестьян с помощью и через посредство «Фронта земледельцев».

Коммунистическая партия Румынии прилагала большие усилия с целью создания массовых демократических организаций. По инициативе коммунистов были созданы Национальный антифашистский комитет, Лига труда, общество «Друзья СССР» и др. Однако их деятельность вскоре была запрещена правительством.

Наиболее влиятельной демократической организацией трудящихся Румынии был в эти годы Демократический блок, созданный по инициативе КПР в мае 1935 г. Комитеты блока были образованы во всех крупных городах страны, а председателем ЦК избран видный деятель антифашистского движения, коммунист, профессор П. Константинеску-Яшь. После запрещения Демократического блока его деятельность и традиции были продолжены гражданскими комитетами, которые взяли на себя функции контроля за общественным порядком в городах и в ряде случаев успешно отражали террористические вылазки фашистских банд.

Под руководством компартии в 30-х гг. действовало несколько организаций помощи политзаключенным и защиты их — Красная помощь, Комитет борьбы за освобождение антифашистов и др. В эти организации входили известные представители науки, культуры, прогрессивные политические деятели[2].

В целом в 1933—1938 гг. под руководством КПР было создано и активно действовало более 20 массовых демократических, культурных, молодежных, женских, спортивных обществ, которые, уделяя большое внимание нуждам и интересам трудящихся, позволили компартии теснее связаться с массами и способствовали общему подъему антиимпериалистической, антифашистской борьбы в стране[3].

Большую работу по сплочению в единый народный фронт сил, боровшихся против фашизма и угрозы войны, КПР провела после VII конгресса Коминтерна. По инициативе компартии в ноябре—декабре 1935 г. были подписаны соглашения о единстве действий ряда демократических, антифашистских организаций (Демократический блок, «Фронт земледельцев», МАДОС, группа левых социалистов), положившие начало созданию единого демократического фронта в стране[4]. Единство действий помогло демократическим силам Румы-

[1] Anuarul statistic al Pomăniei 1939 şi 1940, Bucureşti, 1940, p. 698.
[2] *Gh. Ioniţă*. Pentru front popular antifascist în România. Bucureşti, 1971, p. 89.
[3] «Probleme fundamentale ale istoriei patriei şi a Partidului Comunist Român». Bucureşti, 1977, p. 182.
[4] См. *А. А. Языкова*. Румыния накануне второй мировой войны. М., 1963, стр. 113—114; *Gh. Ioniţă*. Pentru front popular antifascist în România, p. 143—144.

нии одержать победу на частичных парламентских выборах в уездах Хунедоара и Мехединци в феврале 1936 г.

Состоявшийся в августе 1936 г. V расширенный пленум ЦК КПР призвал к сплочению всех демократических сил вокруг пролетариата как наиболее последовательного борца против фашизма и войны и выдвинул «Платформу борьбы народного антифашистского фронта за мир, землю и свободу»[1].

Борьба коммунистической партии за сплочение антифашистских сил серьезно затруднялась из-за отсутствия единства рабочего движения, отрицательного отношения лидеров социал-демократической партии к идее народного фронта и организационной слабости КПР[2]. Объединению демократических сил страны мешало также то, что значительная часть крестьянства находилась под влиянием национал-царанистской идеологии.

Несмотря на эти трудности и правительственные репрессии, в ряды антифашистского движения все более активно включались передовые силы Румынии. На страницах демократических газет и журналов регулярно появлялись антифашистские статьи и репортажи прогрессивных румынских журналистов, многие из которых стали в эти годы коммунистами. В начале 1937 г. крупнейший румынский писатель М. Садовяну выступил в защиту республиканской Испании и Народного фронта. На фронтах республиканской Испании сражались лучшие представители антифашистского движения Румынии, в стране действовали комитеты помощи испанским антифашистам.

Во второй половине 1937 г. реакционные тенденции в политической жизни страны особенно усилились. Правящие верхи Румынии шли на открытое сближение с фашистскими государствами. Внутренняя реакция перешла в наступление. В декабре 1937 г. Кароль II сформировал внепартийное правительство, подчинявшееся лично ему, что означало установление его персональной диктатуры. Была отменена конституция 1923 г., упразднены политические партии, а затем и профсоюзы, замененные так называемыми корпорациями по образцу фашистской Италии. Вводилась смертная казнь за «преступления против безопасности государства». В декабре 1938 г. была создана единая политическая партия фашистского образца — «фронт национального возрождения» (ФНВ). Тем самым были заложены основы фашистского режима в стране.

Новый режим принес с собой значительное ухудшение положения трудящихся. Рабочий день был повсеместно увеличен до 12—14 часов и более. Был принят закон об «аграрной мобилизации», который предоставлял властям право посылать крестьян на принудительные работы в помещичьи хозяйства.

[1] «DI PCR 1934—1937», vol. IV. Bucureşti, 1957, p. 412—463.
[2] *E. Sonea, G. Sonea.* Viaţa economică şi politică a României. 1933—1938. Bucureşti, 1978, p. 236; *Gh. Ioniţă.* PCR şi masele populare, p. 168.

Коммунистическая партия Румынии была единственной партией, которая призвала трудящихся, все прогрессивные, демократические силы к борьбе за свержение монархо-фашистской диктатуры. В апреле 1938 г. КПР обратилась с воззванием к населению страны, ко всем распущенным политическим партиям и организациям, вновь подчеркивая насущную необходимость образования широкого народного фронта для борьбы за восстановление конституционно-парламентского строя, гражданских прав и свобод[1].

Стремясь добиться единства действий рабочего класса и обеспечить условия для сотрудничества с другими политическими силами, КПР предпринимала настойчивые усилия к достижению соглашения с руководством социал-демократической партии. Однако правые лидеры СДПР стали на путь открытого сотрудничества с режимом королевской диктатуры, некоторые из них заняли высокие посты в государственном аппарате и правительственной партии ФНВ. Своей поддержкой режима королевской диктатуры СДПР в значительной степени скомпрометировала себя в глазах рабочих, членов профсоюзных организаций.

Ухудшение экономического положения вызвало подъем борьбы румынских трудящихся. Несмотря на ужесточение политических условий, в 1938 г. было зарегистрировано более 200 трудовых конфликтов, из них около 80 крупных забастовок[2]. В защиту своих интересов и прав бастовали металлурги Клужа, железнодорожники Ясс, рабочие обувной промышленности Бухареста. Их выступления были поддержаны крестьянами в уездах Ильфов, Брашов, Прахова и др., требовавшими завершения аграрной реформы 1921 г. и облегчения налогового гнета[3]. 1939 год был вновь отмечен достаточно высоким подъемом рабочего движения: в забастовках и трудовых конфликтах участвовало около 70 тыс. человек[4].

КПР вела активную борьбу против капитулянтской и прогерманской политики правительства, призывала к созданию патриотического фронта борьбы против надвигавшейся военной опасности, за проведение внешней политики в союзе с СССР, Францией, Чехословакией. Важным событием в истории рабочего и антифашистского движения Румынии было празднование 1 Мая 1939 г., когда в Бухаресте и других крупных городах страны были проведены демонстрации трудящихся против политики национального предательства, которую проводили правящие круги королевской диктатуры, против экспансии фашистской Германии. Используя опыт борьбы за антифашистский

[1] «Scînteia», 1.IV. 1938.
[2] «Anuarul statistic al României 1939 şi 1940», p. 324, 329.
[3] «Scînteia», 24.I.1939; *Al. Savu.* Dictatura regală. Bucureşti, 1970, p. 264.
[4] «Intrebări şi răspunsuri pe teme din istoria...», p. 164; *Al. Savu.* Dictatura regală, p. 367.

народный фронт, Коммунистическая партия Румынии продолжала неустанно бороться за сплочение всех демократических и патриотических сил страны.

В *Югославии* экономический кризис начался позже, чем в других странах, но его пагубные последствия ощущались здесь значительно дольше. Кризис обнажил все коренные противоречия существовавшего тогда социально-экономического строя. Югославия продолжала оставаться аграрной страной с неразвитой промышленностью и архаичным сельскохозяйственным производством. Низкая заработная плата, аграрное перенаселение, огромная скрытая безработица не стимулировали технический прогресс как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

Бедственное положение трудящихся усугублялось чудовищным политическим гнетом реакционного монархического строя. В таких условиях каждое экономическое выступление рабочих превращалось в ожесточеннейшую битву. Начиная с 1931 г. участились организованные выступления рабочего класса против снижения заработной платы, удлинения рабочего дня, сокращения рабочих мест. Бастовали рабочие железнодорожного узла в Загребе; в Боснии рабочие лесопильных заводов, протестуя против массовых увольнений, пытались захватить предприятия. В 1932 г. в Сербии, Боснии, Далмации вновь вспыхнули стачки. Год от года росла активность рабочего класса, укреплялся его боевой дух.

В такой стране, как Югославия, решающим для успеха борьбы рабочих было ее сочетание с борьбой крестьян. Именно поэтому огромное значение имело то обстоятельство, что со второй половины 1933 г. к бастующим рабочим стали присоединяться голодающие малоземельные крестьяне и батраки. Трудящиеся совместно устраивали политические демонстрации под лозунгом «Хлеба и работы!». В 1934 г. всю страну взбудоражили крупные стачки горняков в Трбовле (Словения) и рабочих цементных заводов в Далмации. Борьба рабочего класса все чаще сливалась с бурными политическими демонстрациями студентов и массовыми волнениями крестьянства.

1934—1935 годы дали реальные доказательства того, что различные социальные силы, выступавшие против диктаторского режима, практически начали объединять свои действия: забастовки промышленных рабочих происходили одновременно с крестьянскими волнениями и выступлениями прогрессивной интеллигенции и студенчества. Рабочий класс готовился выйти на арену политической борьбы как ведущая сила.

1936 год стал годом массовых стачечных выступлений, достигших наибольшего после 1920 г. уровня. Стачки охватывали не только отдельные предприятия, но и целые отрасли (забастовки строителей в Белграде, Загребе и Любляне, стачки на 57 текстильных предприятиях в Словении). В 1937 г. под руководством коммунистов развернулось массовое движение трудящихся против попытки властей отме-

нить право на забастовки. За год прошло свыше 200 забастовок во многих отраслях производства. Стачки происходили на этот раз не только в крупных центрах, но и в малонаселенных пунктах. Рабочий класс отразил покушения правящего режима на свои права, закрепленные в коллективных договорах.

В 1938 г. было около 200 забастовок, многие из которых отличались особенным упорством (например, двухмесячная забастовка строителей в Сплите). В апреле 1938 г. сторонники профсоюзного единства одержали внушительную победу на конгрессе Объединенного рабочего союза профсоюзов, оттеснив правых социал-демократов, проводивших при поддержке властей раскольническую, антикоммунистическую линию.

Ячейки КПЮ были образованы на многих предприятиях и в мастерских, в рабочих кварталах. Они устанавливали связи с сельскохозяйственным пролетариатом, трудящимся крестьянством, вовлекали в революционное движение прогрессивную интеллигенцию. Будучи главными организаторами и руководителями борьбы народных масс, коммунисты играли решающую роль в объединении самых разнородных движений протеста в единый революционный поток.

Курс на союз рабочего класса и крестьянства был генеральной линией Коммунистической партии Югославии, один из руководителей которой, Ф. Филипович, пророчески писал: «Вся нынешняя обстановка в Югославии с железной необходимостью толкает трудовое крестьянство на совместную борьбу с рабочим классом против фашистской буржуазно-помещичьей диктатуры»[1].

Принципиальное значение имели решения IV партийной конференции (декабрь 1934 г.) о создании в рамках единой КПЮ коммунистических партий Словении и Хорватии, а также, как говорилось в резолюции, в ближайшем будущем и Коммунистической партии Македонии. Эти решения стояли в ряду тех мер, которые обеспечивали практическое осуществление программы партии по национальному вопросу и учитывали особенности положения в различных частях государства, выдвигая специфические формы борьбы и различные подходы к решению общих задач партии.

В результате деятельности коммунистов в массах крестьянства и городской мелкой буржуазии начинало складываться новое представление о путях освобождения: эти массы все теснее связывали борьбу за равноправие всех народов страны с борьбой за социальное освобождение и демократические преобразования.

Усилия по реализации решений VII конгресса Коминтерна о создании широкого народного фронта для борьбы с фашизмом и реакцией, за единство рабочего класса шаг за шагом вели к укреплению и обновлению КПЮ.

[1] *Б. Бошкович.* За возглавление крестьянского движения в Югославии.— «Аграрные проблемы», 1932, № 7, стр. 28.

Влияние коммунистов на политическую жизнь непрерывно возрастало. Самоотверженная деятельность КПЮ готовила почву для создания широкого антифашистского фронта [1].

Пленум ЦК КПЮ в январе 1937 г. принял специальную резолюцию, в которой говорилось: «Партия должна стать действенным фактором во внешней политике Югославии. Она должна показать всем народам Югославии, особенно угнетенным народам, что гитлеровский фашизм является для них жизненно опасным, он несет им рабство, грабежи и уничтожение. Одной из важнейших задач партии является организация мощного антигитлеровского движения в Югославии, общенародной борьбы против гитлеровской политики и правительства, конкретное разоблачение этой политики и происков гитлеровских агентов» [2].

КПЮ призывала все нефашистские партии к сотрудничеству и установлению единства действий против опасности, угрожающей независимости и суверенитету страны, к созданию демократического блока для борьбы против реакционной диктатуры. Буржуазные партии отвечали отказом на все предложения КПЮ. Однако многие деятели партий, находившихся в оппозиции к правительству, и рядовые члены этих партий вступали в контакты с коммунистическими организациями, содействовали расширению движения за создание народного фронта. Представители левого крыла ряда буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп нередко участвовали вместе с компартией в организации массовых выступлений.

Весной 1938 г. было создано новое руководство Коммунистической партии Югославии во главе с И. Броз Тито. Новое руководство КПЮ повело решительную борьбу против фракционеров, за организационное и идейное укрепление партии.

По мере нарастания опасности мировой войны КПЮ стала уделять все большее внимание разоблачению происков международного империализма против рабочего класса всех стран, планов антисоветской интервенции, агрессивных замыслов фашизма в отношении Югославии. В марте 1937 г. КПЮ организовала массовые демонстрации протеста в связи с визитом Чиано, министра иностранных дел фашистской Италии. 14 декабря 1939 г. в Белграде состоялась многотысячная демонстрация рабочих и студентов, которую возглавляли коммунисты. Демонстранты шли под лозунгом КПЮ «За мир, хлеб и свободу!». Правительство приказало открыть огонь по демонстрантам — три студента и один рабочий были убиты, несколько десятков человек ранено [3].

[1] См. *М. М. Сумарокова.* Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны. 1929—1939. М., 1980.
[2] «Преглед историје Савеза комуниста Југославије», стр. 249.
[3] «Naš put. Pola veka revolucionarne borbe Saveza komunista Jugoslavije», str. 367—369.

КПЮ показывала, что монархисты и эксплуататорская верхушка связывали судьбу страны с самыми реакционными империалистическими силами. В обстановке непрерывных преследований со стороны реакционного режима партия принимала решительные меры к консолидации своих рядов, сплочению своих организаций, укреплению дисциплины, идейно-политическому росту коммунистов. Это было необходимым условием подготовки рабочего класса, всех трудящихся масс к надвигающимся историческим испытаниям. В канун второй мировой войны в Югославии нарастало широкое и боевое народное антифашистское движение, создавался демократический и патриотический фронт.

Состоявшаяся в октябре 1940 г. V конференция КПЮ приняла решения, имевшие исключительно важное значение для дальнейшей деятельности партии. Она заняла решительную позицию по вопросам осуществления полного единства и равноправия всех наций и народов Югославии, указала на опасность фашистской агрессии и приняла необходимые решения по всем основным вопросам жизни и работы КПЮ. Конференция, которая по характеру обсуждавшихся ею вопросов и принятых решений имела значение съезда партии, показала, что КПЮ в основном преодолела внутренние трудности и способна реально осуществлять роль организатора и вождя рабочего класса.

Это подтвердилось во время мартовских событий 1941 г. Профашистское правительство Цветковича—Мачека 25 марта 1941 г. присоединилось к Тройственному пакту держав фашистской «оси» (Германия — Япония — Италия). КПЮ организовала 26—27 марта грандиозные антифашистские манифестации, и правительство национальной измены было свергнуто. Новое правительство 5 апреля заключило с СССР Договор о дружбе и ненападении.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. глубоко поразил экономику *Греции*. Его влияние на хозяйство страны вследствие сильной зависимости ее от иностранного капитала и положения в мировой капиталистической системе в качестве поставщика сельскохозяйственных продуктов и промышленного сырья было катастрофическим. 1 мая 1932 г. правительство даже было вынуждено объявить страну банкротом. Греческая буржуазия стремилась переложить на плечи трудящихся бремя кризиса. Повсеместно нарушался закон о 8-часовом рабочем дне: на многих предприятиях рабочий день длился 10—11 , а на некоторых даже 12—13 часов. Росла интенсификация труда. Огромных размеров достигла безработица. Одна треть пролетариата оказалась выброшенной на улицу.

Экономический кризис исключительно тяжело сказался на положении крестьян, составлявших 67% населения страны. На уплату долгов и налогов уходило $^2/_3$ валового дохода крестьян. Такое невыносимое бремя вело к обнищанию и разорению многих хозяйств. Резко ухудшилось положение средних слоев города.

С началом экономического кризиса в Греции начался новый революционный подъем. В 1929 г. произошли массовые забастовки рабочих в Афинах и Салониках, выступления рабочих-табачников Агриниона, горняков Лавриона, поход безработных о. Тасос. Рабочие требовали соблюдения 8-часового рабочего дня, принятия мер по социальному обеспечению, выплаты пособий по безработице, профсоюзных свобод. В 1930 г. бастовали сапожники Ларисы, строители Коринфа. Была проведена 40-тысячная манифестация крестьян против уплаты налогов, имели место столкновения крестьян с жандармерией в Копаиде. В 1931—1932 гг. бастовали обувщики Афин, Пирея, Каламаты, докеры Пирея, табачники Салоник, Волоса, Патраса. Десятки тысяч крестьян участвовали в «голодных походах в города», а также в выступлениях против ростовщичества и произвола помещиков.

В 1932 г. в Греции были проведены 200 забастовок, в которых участвовало 80 тыс. человек, в 1933 г.— 470 забастовок с участием свыше 100 тыс. рабочих и служащих. Число бастовавших в 1934 г. достигло 184 тыс. человек, в 1935 г.— 220 тыс. Организатором и руководителем массового забастовочного движения была Коммунистическая партия Греции.

В новой сложной внутриполитической обстановке перед КПГ со всей остротой встали задачи выработки четкой стратегической и тактической линии, вокруг которой могли бы сплотиться сами коммунисты и все демократические силы страны. Такая линия была выработана на VI пленуме ЦК КПГ в январе 1934 г. при непосредственной помощи Коминтерна. На основе марксистско-ленинского анализа пленум ЦК КПГ определил, что грядущая революция в Греции будет носить буржуазно-демократический характер с тенденцией к быстрому перерастанию в социалистическую революцию»[1]. V съезд КПГ (март 1934 г.) констатировал, что «фашизм и война с каждым днем становятся все более ощутимой угрозой», и выдвинул в качестве центральной «решающей задачи момента... мобилизацию трудящихся с целью воспрепятствовать установлению фашистской диктатуры»[2].

Руководствуясь решениями V съезда, КПГ выступила инициатором проведения политики антифашистского единства национальных сил, организатором борьбы против фашизма. Большим достижением в этом направлении были созыв 5 июля 1934 г. первой всегреческой антифашистской конференции и подписание 5 октября того же года соглашения о единстве действий представителями КПГ, аграрной, социалистической и рабочей социал-демократической партий, а также тремя профцентрами — Всеобщей конфедерацией труда Греции, Унитарной всеобщей конфедерацией труда Греции и Независимыми профсоюзами. Совместное обращение КПГ, аграрной и социалистиче-

[1] «Неос космос», 1968, № 9, стр. 15 (на греч. яз.).
[2] Там же, стр. 16.

ской партий в ноябре 1934 г. к трудящимся с призывом о единстве действий против происков реакции привело к срыву намечавшегося на 4 февраля 1935 г. выступления фашистских группировок.

Исключительно важное значение для революционного движения Греции имели решения VII конгресса Коминтерна. Опираясь на эти решения, IV пленум ЦК КПГ, состоявшийся в сентябре 1935 г., поставил перед коммунистами задачу борьбы за единый антифашистский фронт. Пленум заявил также о том, что компартия в борьбе против агрессии итальянского или германского фашизма готова сотрудничать со всеми организациями и партиями, которые действительно будут отстаивать национальную целостность и независимость. Пленум ЦК КПГ обратил внимание на возросшую угрозу фашизма и реставрации монархии в Греции, указав, что «КПГ выступает сегодня в защиту буржуазной демократии и против фашизма... за демократические права народа и свободу, завоеванную многолетней борьбой...»[1].

Начавшиеся по инициативе КПГ переговоры с лидерами буржуазно-демократических партий завершились 9 октября 1935 г. выработкой соглашения об образовании общереспубликанского союза совместных действий против угрозы фашизма. Состоявшийся в декабре 1935 г. VI съезд КПГ одобрил решения пленума и подчеркнул необходимость создания единого антивоенного фронта.

Развитие событий в Греции подтверждало правоту коммунистов, призывавших к объединенному отпору происка реакции. 10 октября 1935 г. силы реакции при активной поддержке английского империализма совершили правительственный переворот. Путчисты из «Военного союза» свергли правительство П. Цалдариса, созвали парламент, который принял постановление о проведении плебисцита и временном восстановлении монархической конституции 1911 г. Раскол демократических сил помог монархистам на плебисците одержать победу. 25 ноября 1935 г. король Георг II возвратился в Грецию.

Однако победа монархистов еще не означала, что исход борьбы между силами демократии и реакции окончательно решен. 19 февраля 1936 г. КПГ подписала соглашение о совместных действиях с либеральной партией, а в июле — с аграрной партией И. Софианопулоса, в котором предусматривалось усиление борьбы за предотвращение опасности установления фашистского режима, за удовлетворение основных демократических требований народа. Большое значение имело принятое в том же месяце решение об объединении трех самостоятельных профсоюзных конфедераций в одну — ВКТГ.

В 1936 г. в стране развернулось широкое антифашистское движение, усилилась забастовочная борьба. Высшим проявлением его явились массовые забастовки и манифестации 9 и 10 мая в Салониках,

[1] «40 лет КПГ. 1918—1958. Сборник документов», стр. 412 (на греч. яз.).

которые были жестоко расстреляны полицией. В последующие дни по всей Греции прокатилась мощная волна политических выступлений народа против произвола властей.

Нарастание революционного подъема, неспособность правительства контролировать положение внутри страны вызвали серьезную тревогу в кругах греческой олигархии и ее иностранных покровителей. 4 августа 1936 г. генерал И. Метаксас, занимавший пост премьер-министра, совершил военный переворот и навязал греческому народу диктаторский режим фашистского типа. В Греции было введено чрезвычайное положение, распущен парламент, установлена строжайшая цензура. 16 сентября был опубликован декрет «О мерах борьбы с коммунизмом и его последствиями», на основании которого подлежали запрету КПГ, другие политические партии и демократические организации. Профсоюзы были поставлены под контроль государства. Начались массовые аресты противников диктатуры. Тысячи активистов КПГ и других антифашистов были брошены в тюрьмы или сосланы на пустынные острова.

Несмотря на террор, слежку и жестокие преследования, греческий народ не смирился с диктаторским режимом. Коммунистическая партия вела непримиримую борьбу против диктатуры. 25 декабря 1936 г. из глубокого подполья КПГ призвала все прогрессивные силы страны к единой и координированной борьбе за свержение антинародной, антинациональной диктатуры, за спасение Греции от непоправимой катастрофы. Коммунисты были в числе организаторов и активных участников антифашистских выступлений весной 1937 г. у Пропилей, на Афинском стадионе, на Парнасе. КПГ сыграла важную роль в крупнейшем выступлении антифашистских сил — народном восстании против диктатуры в Ханиа (о. Крит) в июле 1938 г. Однако лидерам либеральных партий удалось расколоть Революционный комитет. Они отвергли предложения КПГ о распространении восстания на территорию всего острова, отказались опереться на народные массы, с самого начала восстания вступили в переговоры с представителями правительства королевского двора и Англии в целях достижения компромисса. Все это предопределило поражение восстания.

После критского восстания буржуазные партии почти полностью прекратили сопротивление режиму диктатуры. Только КПГ, несмотря на тяжелые потери, продолжала борьбу против монархо-фашизма, за объединение антидиктаторских сил. «Наша партия,— говорилось в резолюции V пленума ЦК КПГ (февраль 1939 г.),— ставит своей первоочередной задачей объединение всех политических и народно-военных антидиктаторских сил страны на координированную решительную массовую борьбу за свержение диктатуры и сформирование антидиктаторского правительства»[1]. КПГ проявила себя непримири-

[1] «40 лет КПГ. 1918—1958. Сборник документов», стр. 459.

мым борцом против фашизма, наиболее последовательной антифашистской силой, внеся самый значительный вклад в создание предпосылок мощного антифашистского движения в годы войны.

Положение *Албании* в годы мирового экономического кризиса было чрезвычайно тяжелым. Кризис и неурожай привели к резкому падению экспорта сельскохозяйственных продуктов, составлявших основную его статью. Разорялись мелкие предприниматели и ремесленники, увеличивалась армия безработных. В ряде районов страны начался голод. Недовольство охватило все слои общества.

Первая албанская коммунистическая группа была создана политэмигрантами в Москве в августе 1928 г. с помощью Коминтерна, Балканской коммунистической федерации и лично Г. Димитрова. В записке Балканскому секретариату ИККИ от 12 сентября 1928 г. он предложил развернутый план работы по созданию в стране Албанской коммунистической партии. Тогда же была организационно оформлена первая группа внутри страны в г. Корче.

Принятие албанскими коммунистами тактики народного антиимпериалистического фронта[1] в сочетании с объективными тенденциями нараставшего в стране массового движения против диктаторского режима короля Зогу способствовало росту сознательности и организованности борьбы. Это проявилось во время восстания в Фиери в 1935 г. Тайная организация, возглавлявшая подготовку восстания, объединила в своих рядах людей, придерживавшихся различных политических взглядов. Коммунисты сотрудничали с ней, имея свою программу переустройства страны в случае успеха восстания: народная демократическая республика, аннулирование всех кабальных договоров с фашистской Италией, ликвидация монополий и концессий, амнистия политическим заключенным[2].

Восстание началось 10 августа 1935 г. и потерпело поражение. Однако, как отмечалось на заседании балканской секции Коминтерна в декабре 1936 г., восстание было удачной попыткой организации общенародного фронта борьбы против реакции. В целом в конце 30-х гг. отмечалась активизация деятельности коммунистических групп. Окрепла и расширила свое влияние среди трудящихся Корчинская коммунистическая группа. В 1934 г. возникла коммунистическая группа в Шкодре. Кроме двух основных групп существовали и другие, более мелкие организации, называвшие себя коммунистическими, но по сути дела таковыми не являвшиеся.

Попытки добиться единства действий групп на принципиальной, марксистско-ленинской основе, предпринимавшиеся с 1937 г., не привели к успеху, что ослабляло албанское рабочее и демократическое движение. Оккупация Албании фашистской Италией 7 апреля

[1] См. *Н. Д. Смирнова.* Восстание в Фиери в 1935 г.— В кн.: «Балканские исследования», вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978, стр. 153—154.

[2] «Historia e Shqipërisë», vol. II. Tiranë, 1965, f. 615.

1939 г. обострила противоречия внутри албанского общества и поставила на повестку дня новую проблему — борьбу за восстановление независимости.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ В ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

Экономика *Англии* в меньшей степени пострадала от кризиса 1929—1933 гг., чем экономика США или Германии, но положение английских трудящихся на протяжении 30-х гг. оставалось крайне тяжелым. Огромная армия безработных, составлявшая свыше 3 млн. человек, в сущности была предоставлена самой себе, ибо существовавшая система пособий по безработице не обеспечивала и малой доли ее материальных потребностей. Пауперизация, бесчеловечные формы эксплуатации стали обычными явлениями в Англии.

Учитывая тяжелое экономическое положение и растущее недовольство трудящихся, правящие круги довольно благосклонно отнеслись к сформированному летом 1929 г. второму лейбористскому правительству во главе с Р. Макдональдом. Они полагали, что «рабочее» правительство будет способно эффективнее любой буржуазной партии сдерживать протест трудящихся. К тому же, по расчетам буржуазных политиков, проведение непопулярной политики «экономии» за счет народных масс неизбежно должно было подорвать влияние лейбористской партии, породить разочарование рабочих и вновь толкнуть их в сторону консерваторов.

Политика лейбористского правительства не опровергла эти расчеты. В июле 1931 г. созданная правительством Комиссия по экономии предложила уменьшить государственные расходы в бюджете на 1932/33 г. на 120 млн. ф. ст. за счет сокращения пособий по безработице, снижения зарплаты, сокращения общественных работ и т. д. Антирабочая политика Р. Макдональда вызвала сильное возмущение рабочих. Генсовету БКТ и исполкому лейбористской партии пришлось высказаться против правительственного плана экономии. Р Макдональд и ряд его сторонников, отказавшихся подчиниться этому решению, были исключены из лейбористской партии. Лейбористское правительство вышло в отставку. Сформированное новое «национальное» правительство во главе с Р. Макдональдом опиралось на поддержку консерваторов, либералов и 13 депутатов-лейбористов [1].

Добившись ослабления лейбористской партии и нанеся ей тяжелое поражение на парламентских выборах, буржуазия рассчитывала внести разброд и в массовое движение. Однако она натолкнулась на сопротивление рабочего класса, которое было столь упорным, что даже буржуазная пресса заговорила о возвращении эпохи чартизма.

[1] См. *Р. Милибенд*. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964, стр. 270.

Забастовки в текстильной и угольной промышленности, восстание военных моряков в Инвергордоне 15—17 сентября 1931 г. свидетельствовали о том, что традиции 1926 г. живы. Важным событием, наложившим отпечаток на все развитие рабочего движения, стал «голодный поход» безработных на Лондон в январе—феврале 1934 г. В столице к его завершению был приурочен Национальный конгресс действия против голода, фашизма и войны (24—25 февраля 1934 г.) [1]. Стотысячная демонстрация лондонских трудящихся в воскресенье 25 февраля 1934 г. в поддержку требований безработных и массовые демонстрации протеста во всей Англии в начале 1935 г. заставили правительство приостановить действие реакционного акта о страховании, серьезно ущемлявшего интересы рабочих. Коммунистическая партия играла инициативную и организующую роль в этих событиях. Именно благодаря ее усилиям в рамках сложившегося Национального движения безработных смогли сотрудничать различные левые политические течения, профсоюзы и кооперативные общества [2].

Рабочий класс Англии решительно выступил против фашизма. Грандиозные антифашистские демонстрации рабочих Лондона 9 сентября 1934 г. и 4 октября 1936 г. еще раз убедительно продемонстрировали волю английских трудящихся не допустить разрастания правой опасности в стране.

Оживление деятельности профсоюзов в защиту экономических интересов трудящихся, антивоенные и антифашистские выступления были звеньями единого процесса возрождения боевого духа английского рабочего движения. Политические последствия новых настроений и подъема массовых внепарламентских действий не заставили себя ждать.

С начала 30-х гг. политика лейбористской партии оказалась под огнем критики, идущей снизу. Ряд крупных профсоюзов (горняки, машиностроители) заявили о своей оппозиции антикоммунистической линии Генсовета тред-юнионов и поддержали идею о возобновлении контактов английского и советского профдвижений на основе общей платформы антифашистской борьбы и профсоюзного единства. Левое крыло в лейбористской партии (Дж. Макстоун, Г. Ласки, С. Криппс, Д. Н. Притт, М. Фут и др.) требовало пересмотра программных документов партии, настаивало на усилении звучания в них антикапиталистических лозунгов.

После исключения группы Макдональда из партии исполком лейбористской партии назначил политический комитет для подготовки «совершенно новой политики». В 1932 г. руководство лейбористской партии торжественно заявило, что оно ставит своей целью созда-

[1] «International Press Correspondence», vol. 14, N 14 (2nd March 1934), p. 336; *A. Hutt.* The Post-War History of the British Working Class. London, 1937, p. 253.

[2] «International Press Correspondence», vol. 14, N 19 (23rd March 1934), p. 490—491.

ние «могучей силы социализма»[1]. Однако это обещание не было подкреплено практическими делами[2], что и явилось одной из причин выхода из лейбористской партии НРП, заявившей о своем разрыве с политикой классового сотрудничества и желании идти по «новому революционному пути». НРП объявила о своем присоединении к Коминтерну в качестве сочувствующей организации[3]. Внутри лейбористской партии продолжала действовать так называемая Социалистическая лига во главе со Стаффордом Криппсом, которая благожелательно относилась к выдвинутой КПВ идее единства всех левых сил в борьбе против фашизма и угрозы войны[4], выступала против засилья тред-юнионизма.

Шаг за шагом коммунисты Англии добивались расширения своих контактов с низовыми организациями лейбористской партии, профсоюзами. Немало было сделано коммунистами и для пропаганды марксизма[5]. 17 марта 1933 г. между КПВ и НРП было достигнуто соглашение о немедленном объединении усилий обеих партий в мобилизации рабочего класса на борьбу против фашизма и угрозы войны. В январе 1935 г. Г. Поллит и У. Галлахер от имени компартии, а также Дж. Макстоун и Ф. Броквей от имени НРП подписали совместное обращение обеих партий к английскому рабочему классу с призывом активизировать все формы борьбы с капиталом[6].

Многолетние усилия с целью достигнуть такой же договоренности о единстве действий с лейбористской партией не дали результата из-за сопротивления ее лидеров. Однако, стремясь показать, что лейбористская партия идет в ногу со временем, ее лидеры пошли на пересмотр некоторых пунктов своей программы. В предвыборный манифест лейбористской партии в 1935 г. были включены требования национализации банков, ключевых отраслей промышленности и земли. И хотя лейбористская партия из-за пассивной тактики не сумела на выборах 1935 г. добиться победы над консерваторами, тем не менее число поданных за ее избирательный список голосов по сравнению с 1931 г. возросло на 2 млн. Впервые в английский парламент от округа Уэст-Файт (Шотландия) был избран коммунист У. Галлахер.

[1] См. *Р. Милибенд.* Парламентский социализм, стр. 323; *И. Н. Ундасынов.* Рабочее движение и лейбористская партия Великобритании в период мирового экономического кризиса. М., 1961.

[2] См. *В. А. Рыжиков.* «Социализм» по-лейбористски: мифы и реальность. М., 1971, стр. 80—90.

[3] См. «Коммунистическая партия Англии в борьбе за массы и единый фронт пролетариата». М., 1935, стр. 52.

[4] *P. Strauss.* Cripps: Advocate Extraordinary. New York, 1942.

[5] Именно в те годы английским коммунистам удалось получить в свое распоряжение дом, в котором жил в Лондоне К. Маркс, и основать Дом Маркса, ставший центром по изучению социальных проблем.

[6] «International Press Correspondence», vol. 15, N 2 (12th January 1935), p. 48.

Вторая половина 30-х гг. была ознаменована рядом крупных выступлений английских рабочих. В ноябре 1936 г. состоялся большой «голодный поход» безработных. В конце 1936 г. компартия и НРП начали переговоры с Социалистической лигой о единстве действий. В январе 1937 г. был опубликован «Манифест единства», в котором была намечена широкая программа борьбы против капиталистической эксплуатации, за мир, против войны. В рабочем классе усиливались настроения в пользу совместных решительных действий, направленных против всей внутренней и внешней политики так называемого национального правительства[1]. Кампания единства в 1938—1939 гг. вылилась в формы широких коалиционных действий всех демократических и прогрессивных сил нации, последовательное развитие которых могло бы привести к созданию народного фронта и устранению Н. Чемберлена и его кабинета от власти. Только раскольническая линия правых лейбористских лидеров мешала сплочению народной оппозиции, боровшейся за то, чтобы свернуть Англию с самоубийственной дороги антисоветизма и потворствования фашистской агрессии[2]. Такая линия развязывала руки «умиротворителям», которые сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать созданию фронта мира — единственной силы, способной остановить фашистскую агрессию.

Компартия ясно видела источник смертельной опасности и добивалась объединения всех здоровых сил нации на платформе активного антифашизма. Главным условием радикальной перегруппировки общественных сил страны в пользу подлинного мира и демократии компартия считала выход рабочего движения из своеобразной изоляции, преодоление в нем разброда и решительное вмешательство с его стороны во все сферы национальной политики.

В *Бельгии* последствия мирового экономического кризиса вызвали дестабилизацию хозяйственной жизни: сократилась добыча каменного угля, закрылась почти треть металлургических предприятий, с хронической недогрузкой работали заводы стекольной и текстильной промышленности. К 1932 г. объем промышленного производства составил 37% от уровня 1929 г., более чем вдвое возрос дефицит государственного бюджета, резко сократился экспорт. Тысячи бельгийцев остались без работы.

Правящие круги Бельгии развернули наступление на социальные и демократические права трудящихся. В декабре 1932 г. правительство добилось принятия закона о «чрезвычайных полномочиях», на

[1] Характерно, что лейбористская партия, несущая ответственность за политику поощрения германского реваншизма, проводившуюся английским правительством на протяжении 20—30-х гг., вынуждена была выступить с публичным осуждением подготовляемого участия Англии в мюнхенском сговоре.

[2] См. *Г. Поллит.* Избранные статьи и речи (1919—1939). М., 1955, стр. 308—324.

основе которого были введены новые налоги и значительно сокращены расходы на социальные нужды. Эти меры ухудшили и без того тяжелое положение безработных, пенсионеров и инвалидов.

Политика правящих кругов вызвала рост недовольства трудящихся. В забастовочном движении участвовали не только рабочие, но и служащие, крестьяне, безработные. В июле 1932 г. в Боринаже бастовало более 220 тыс. шахтеров, металлургов и рабочих других отраслей. Во многих районах бастующие проводили массовые демонстрации, давали отпор штрейкбрехерам, возводили баррикады и вступали в открытые бои с жандармерией и войсками, брошенными на подавление забастовки. Новой формой классовых выступлений трудящихся стали марши протеста безработных и так называемые голодные марши.

Вместе с тем рабочее движение оставалось расколотым. Против единых массовых акций бельгийских трудящихся выступали правые лидеры БРП и руководство католической партии. Единству действий препятствовала и деятельность фламандских националистов. В 1931 г. была создана экстремистская группа «Фердинасо», двумя годами позднее — Фламандский национальный союз, выступавший за автономию Фландрии в рамках федеративной Бельгии.

Бельгийские коммунисты вели активную борьбу за единство выступлений трудящихся. К 1930 г. КПБ преодолела внутренний кризис, связанный с ошибочной политикой руководства партии в отношении работы в профсоюзах. С таких преданных борцов за интересы пролетариата, как Ж. Ляо и Ж. Жакмотт, было снято обвинение в «профсоюзном легализме». В 1931 г. на съезде КПБ, получившем название съезда единства, Ж. Жакмотт был вновь введен в состав руководства партии.

Определенную эволюцию претерпевала Бельгийская рабочая партия. В кризисные годы стала остро выявляться несостоятельность политики реформистского руководства партии, которое стремилось при сохранении «классового мира» завоевать большинство избирателей и занять доминирующее положение в политической жизни страны. Среди членов БРП резко возросло недовольство политическим курсом партии. Наиболее активными критиками официального курса БРП выступили «неосоциалисты» во главе с Анри де Маном, который предложил пересмотреть основы идеологической и политической деятельности партии. Де Ман выдвинул «Пятилетний план безболезненной социализации страны» («План труда»), направленный на выведение страны из экономического кризиса путем «авторитарной социализации» экономики в условиях капиталистического хозяйства. «План труда» был одобрен и принят в качестве нового политического курса партии на съезде БРП в конце 1933 г.[1]

[1] *H. de Man.* Le plan du travail. Paris — Bruxelles, 1934, p. 23.

В 1935 г., после того как социалисты вошли в правительство «национального единения» католика ван Зееланда, они отказались проводить социальные реформы в интересах трудящихся. Получив в парламенте чрезвычайные полномочия, кабинет ван Зееланда девальвировал франк и принял ряд антирабочих законов, устанавливавших «режим ограничения и экономии».

К началу 1936 г. внутриполитическая обстановка в стране значительно обострилась. К массовому недовольству политикой правительства прибавилась усиливавшаяся национальная рознь, а также выступления профашистских объединений и организаций.

На валлонскую политическую арену вышла партия рексистов во главе с Л. Дегреллем. Сочетая в своей программе идеи национализма и тоталитаризма, рексисты подогревали антифламандские настроения, выступали за «сильную власть короля и порядок», обрушивались на демократические институты и рабочие организации. В октябре 1936 г. рексистская партия предприняла попытку государственного переворота, но потерпела неудачу в результате решительных действий бельгийского рабочего класса, и в первую очередь социалистов и коммунистов.

В июне 1936 г. началась массовая забастовка горняков, продемонстрировавшая способность бельгийского рабочего класса к единству действий: в ней плечом к плечу боролись около полумиллиона трудящихся — коммунистов, социалистов, католиков и либералов. Под влиянием классовых выступлений бельгийского пролетариата и победы Народного фронта во Франции в стране был проведен ряд прогрессивных социальных реформ.

В сложившихся условиях вопрос о единстве действий рабочего класса стал одним из центральных в рабочем движении страны. На конференции КПБ в 1935 г. старое руководство подверглось суровой критике за сектантские ошибки. Генеральным секретарем нового состава ЦК КПБ был избран Ж. Жакмотт. Новое руководство начало активно проводить курс на объединение всего рабочего класса и демократических сил в борьбе против фашизма. Движение за единство действий различных отрядов рабочего движения получило новый импульс. Летом 1936 г. организации «Социалистическая молодая гвардия» и «Коммунистическая молодежь» объединились в «Объединенную молодую социалистическую гвардию». Осенью 1936 г. во многих промышленных центрах были созданы комитеты Народного фронта, в которые вошли коммунисты, социалисты, католики и представители различных рабочих и демократических организаций. В Брюсселе и Льеже местные федерации КПБ и БРП заключили соглашение о единстве действий и успешно провели ряд совместных антифашистских митингов и демонстраций.

Активизация работы в массах способствовала успехам коммунистов на выборах. Так, на парламентских выборах в мае 1936 г. коммунисты, выступавшие под лозунгом укрепления единства в борь-

бе против фашизма и войны, получили 9 мандатов, т. е. в 3 раза больше, чем на выборах 1932 г. Бельгийские коммунисты организовали несколько демонстраций и митингов протеста против итальянской агрессии в Эфиопии. В Интернациональных бригадах в Испании сражалось около 2 тыс. бельгийских коммунистов, социалистов, мелкобуржуазных демократов.

В мае 1938 г. впервые в истории Бельгии во главе коалиционного правительства встал социалист П. А. Спаак, который накануне избрания откровенно признавал: «Я больше не социалист. Классовая борьба и марксизм — старые, изжившие себя теории, которые сегодня не имеют никакого смысла».

На выборах 1939 г. социалистам удалось провести в парламент лишь 64 депутата — наименьшее число за весь межвоенный период. Парламентские выборы 1939 г. показали, что недовольство политикой классового сотрудничества, проводившейся лидерами БРП, приобрело массовый характер.

В *Нидерландах* мировой экономический кризис остро проявился в 1930 г. Сильно зависевшая от поставок сырья, международных экономических и финансовых связей голландская экономика вступила в затяжной кризис, длившийся до 1936 г. Оказались парализованными целые отрасли, работавшие на колониальном сырье. В 1932 г. по сравнению с 1929 г. объем промышленного производства сократился более чем на $^1/_3$, а экспорт — на 64%. Объем судостроения за те же годы сократился в 8 раз. Огромных размеров достигла безработица: в 1932 г. почти каждый третий трудящийся не имел работы.

Правительственная политика «экономии» за счет трудящихся, рост цен и налогов привели к активизации рабочего движения. В 1931 г. в ответ на 30-процентное снижение зарплаты рабочим-текстильщикам началась всеобщая стачка в центре текстильной промышленности страны — Твенте. Стачки и демонстрации солидарности с бастующими прошли по всей стране. В 1932 г. началась крупная забастовка трудящихся Амстердама, Роттердама и Гронингена. В ходе забастовки активную роль сыграли голландские коммунисты. В провинции Гронинген состоялась крупнейшая в истории страны забастовка сельскохозяйственных рабочих, длившаяся пять с половиной месяцев. По всей стране проходили выступления безработных, которые организовывали митинги и демонстрации, проводили марши протеста.

Важнейшим революционным событием предвоенного десятилетия стало восстание моряков голландского военного флота в Индонезии, начавшееся в феврале 1933 г. Против восставших матросов приняли карательные меры: около 300 человек было отправлено в тюрьму. Когда известие об этом дошло до экипажей других военных кораблей, моряки броненосца «Де Зевен провинсиен» арестовали офицеров и подняли красный флаг. Восставшие взяли курс на Су-

рабаю, где томились в тюремном заключении их товарищи. На пятый день после выхода в море корабль был подвергнут атаке с воздуха, и после гибели более 20 человек команда прекратила сопротивление. Восстание голландских моряков и жестокость, с которой оно было подавлено, всколыхнули всю страну. Во многих городах Нидерландов были проведены забастовки солидарности. По инициативе коммунистов была развернута кампания за освобождение арестованных матросов.

В июле 1934 г. в Амстердаме и Роттердаме произошли крупные выступления безработных. Трудящиеся оказывали поддержку безработным: проводили стачки солидарности, организовывали сбор средств помощи, провели сбор подписей под петицией протеста правительству (под ней подписалось более 1,5 млн. человек).

Хотя в 30-х гг. профсоюзное движение оставалось расколотым, ведущие профобъединения страны значительно окрепли и усилили свое влияние. Примыкавшая к СДРП Нидерландская федерация профсоюзов в 1940 г. насчитывала 369 тыс. членов, католические профсоюзы объединяли 186 тыс. человек, протестантские — 119 тыс.

Коммунисты играли ведущую роль в организации массовых выступлений трудящихся. В феврале 1930 г. было избрано новое руководство, ориентировавшее коммунистов на укрепление связей с массами. Было принято решение о необходимости широкого участия коммунистов в работе на фабриках и заводах, в кооперативах и армии. На парламентских выборах 1933 г. КПГ провела в парламент четырех депутатов.

В 1935 г. съезд КПГ принял новое название партии — Коммунистическая партия Нидерландов (КПН). Свою главную задачу коммунисты видели в том, чтобы защитить страну от фашистской угрозы. Этот курс подтвердил и развил очередной съезд КПН, состоявшийся в 1938 г.

Политика КПН принесла ей успех: за десятилетие число коммунистов возросло в 10 раз, достигнув к 1940 г. 11 тыс. На выборах 1939 г. за кандидатов компартии проголосовало 117 тыс. избирателей, что в 3 раза превышало число голосов, полученных в 1929 г.

В 30-х гг. активизировалась деятельность различных полуфашистских и фашистских партий, крупнейшей из которых была созданная А. Мюссертом в 1931 г. партия «национал-социалистское движение» (НСД). На парламентских выборах 1935 г. НСД получила около 8% голосов. Однако успех оказался недолговременным: на выборах 1937 г. НСД собрала около 4% голосов, в 1939 г.— еще меньше. Одной из причин поражения национал-социалистов было возраставшее единство антифашистских выступлений голландских трудящихся.

Антифашистские выступления заставили правительство Колейна уже в 1933 г. принять законы, несколько ограничивавшие деятельность НСД. Походы, террористические акты и другие вылаз-

ки штурмовиков из НСД получали растущий отпор со стороны демократических сил: вместе с коммунистами в контрдемонстрациях и митингах протеста участвовали трудящиеся различных политических и религиозных убеждений. Коммунисты и представители левых сил создали «Союз борьбы против фашизма».

Со второй половины 30-х гг. против угрозы фашизма вместе с коммунистами стали выступать левые социалисты. Антифашистскую направленность приобрели журналы СДРП «Фрейхейд» и «Арбейд». Летом 1935 г. социалисты и либералы создали антифашистскую организацию «Единство через демократию». Шел процесс складывания единства «снизу»: в 1937 г. коммунисты и левые социалисты образовали Комитет бдительности в отношении национал-социализма. Хотя сопротивление руководства СДРП, отказавшегося от сотрудничества с коммунистами, помешало образованию широкого антифашистского фронта, деятельность компартии внесла значительный вклад в мобилизацию всех антифашистских сил, сыгравших немалую роль в том, что к концу 30-х гг. влияние фашистских организаций в стране резко упало.

В *Швейцарии* в годы экономического кризиса также наблюдалось оживление забастовочной борьбы. В ответ на произвол предпринимателей, искавших выхода из экономических трудностей за счет трудящихся, в Цюрихе, Базеле, Женеве и других промышленных центрах прокатилась волна забастовок. Наиболее крупными были выступления строителей в Базеле в 1930 г. и слесарей по теплооборудованию в Цюрихе в 1931—1932 гг.[1]

Коммунисты возглавили ряд забастовок, отстаивали права рабочего класса в парламенте и в печати[2]. В 1936 г. компартия поддержала движение, участники которого искали защиты от последствий кризиса в организации широких общественных работ. В то же время коммунисты разоблачали попытки возглавивших это движение лидеров СДПШ и ОШП представить его как «социалистическое», решающее все проблемы.

В условиях кризиса и депрессии активизировались фашистские силы. В стране легально действовали фашистские организации — национальный фронт, национальный союз и швейцарская фашистская партия.

Федеральный совет, терпимо относясь к фашистским организациям, обрушивал репрессии на прогрессивные силы, прежде всего на коммунистов. В ряде кантонов в 1937 г. деятельность коммунистов была запрещена, учинялись судебные расправы над бойцами Интернациональных бригад.

[1] См. *Г. П. Драгунов.* Швейцария: история и современность (очерк новейшей истории). М., 1978, стр. 51.
[2] *M. Bodenmann.* Zum 40. Jahrestag der Gründung der Kommunistischen Partei der Schweiz. Zürich, 1961, S. 30—31.

В борьбе против фашистской опасности происходило сближение коммунистов и левых социал-демократов. Выборы 1936 г. в ряде городов Швейцарии прошли под знаком единства левых сил против наступления фашистов.

В 1939 г. КПШ выступила с программой защиты Швейцарии от фашистской угрозы, которая предусматривала чистку государственного аппарата и армии, запрещение фашистских организаций. Программа привлекла внимание демократической общественности.

В *Португалии* в начале 30-х гг. завершилось создание фашистского режима во главе с А. ди Оливейрой Салазаром, в 1932 г. занявшим пост премьер-министра. В 1930—1932 гг. была организована фашистская партия «национальный союз» (единственная легальная). В 1933 г. была принята авторитарная конституция. Режим пытался заменить классовые профсоюзы новыми «национальными» профсоюзами, которые должны были основывать свою деятельность на корпоративных принципах и тесно сотрудничать с предпринимательскими гильдиями — «гремиу». В ответ на планы создания «национальных» профсоюзов рабочие объявили всеобщую забастовку, в организации которой совместно участвовали коммунисты, анархосиндикалисты и социалисты. В ряде районов страны забастовка переросла в вооруженное восстание. После подавления забастовки и несмотря на полицейский террор в стране продолжали действовать подпольные профсоюзные организации. Хотя вербовка членов в фашистские профсоюзы подвигалась довольно туго, режиму удалось в целом осуществить свой план создания корпоративных профсоюзов. Несмотря на жестокий террор, Португальская коммунистическая партия продолжала нелегальную деятельность, сочетая ее с использованием легальных и полулегальных организационных возможностей. Значительные усилия прилагались для создания партийных организаций, распространения нелегальной печати. В то же время коммунисты играли активную роль в создании комиссий единства на предприятиях, которые добились признания их в качестве представителей трудящихся, работали в фашистских профсоюзах. Все это позволило ПКП поддерживать связь с массами и возглавить их борьбу против диктатуры[1]. Рабочий класс Португалии не сложил оружия в борьбе против португальского фашизма, после начала гражданской войны в Испании прибегавшего все чаще к открытому террору в отношении масс.

Экономика *Ирландии* значительно пострадала от кризиса, ухудшившего и без того тяжелое положение трудящихся. Наследие колониализма в хозяйственной структуре Ирландии наложило отпечаток на социально-политический облик рабочего класса. Отсутствие современной индустрии, преобладание мелкого производства,

[1] См. *А. Куньял.* Страницы борьбы. М., 1977, стр. 11—13.

исключительная текучесть состава и ограниченность круга кадровых рабочих препятствовали развитию классового сознания, росту рабочего движения.

Незавершенность национально-освободительной революции, раскол страны оказывали противоречивое воздействие на сознание ирландских трудящихся. С одной стороны, участие в патриотическом движении активизировало народные массы. Однако незрелость рабочего класса делала его подверженным влиянию национальной буржуазии с ее лозунгами общенационального антиимпериалистического единения. В обстановке строительства независимой экономики популярные в народе призывы партии «Фианна Файл» отодвигали на задний план классовые противоречия и на первое место выдвигали общность национальных задач.

В 1939 г. ирландские профсоюзы насчитывали около 250 тыс. членов. Как правило, они создавались по цеховому принципу. На предприятиях действовало несколько союзов, объединявших рабочих разных профессий. Организационная раздробленность усугублялась крайне слабой централизацией цеховых союзов.

Главная исполнительная власть в тред-юнионах осуществлялась Национальным исполкомом Ирландского конгресса тред-юнионов — всеирландским центром профсоюзного движения. Ему подчинялись и тред-юнионы освободившейся части Ирландии (Эйре), и те союзы, которые имели штаб-квартиру в Северной Ирландии, а также отделения крупных общебританских союзов[1].

Значительная часть ирландских профсоюзных деятелей стремилась в условиях раскола страны сохранять организационное единство рабочего движения. Правые профсоюзные лидеры У. О'Брайен и У Форэн добивались изменения структуры Конгресса с целью организации ирландских тред-юнионов на сугубо национальной основе и образования отдельного профцентра, объединяющего тред-юнионы Эйре. Борьба между приверженцами существующей структуры профсоюзной организации и сторонниками организации рабочего движения на чисто национальной основе была объективно борьбой между левым крылом, стремившимся обогатить профсоюзное движение Ирландии опытом международного пролетариата, и правым крылом, которое преувеличивало специфические особенности ирландского рабочего движения, подчиняло профсоюзное движение национально-буржуазным партиям, усиливая тем самым его изоляцию, замкнутость в национальных рамках.

Влияние лейбористской партии в стране было незначительным. Лейбористская партия страдала от тех же внутренних раздоров, что и профсоюзы. Она так и не выдвинула национальной программы,

[1] «Irish Trade Union Congress, 1944—1945», p. 16—17.

предлагающей свой путь воссоединения страны, решения насущных задач строительства национальной экономики и т. д. Отсутствие эффективного руководства в рабочем движении привело к тому, что недовольство трудящихся своим положением не получило должного развития в забастовочной борьбе. Ирландские рабочие поднимались на защиту своих прав. Однако эти забастовки возникали и проводились, как правило, стихийно, в отрыве от борьбы трудящихся других отраслей.

В 30-х гг. на арене классовой борьбы появились новые силы, давшие выход настроениям недовольства соглашательской линией руководства рабочего движения и приобщившие ирландских рабочих и крестьян к самому передовому течению современности.

В 1930 г. в главных городах Ирландии — Дублине, Белфасте, Корке и др.— были созданы революционные рабочие группы — марксистские ячейки, объединенные единым руководством. В 1930—1931 гг. члены этих групп активно участвовали в выступлениях рабочих против попыток правительства переложить бремя экономического кризиса на плечи трудящихся. Революционные рабочие группы проводили большую организационную работу в деревне, разъясняя трудящимся крестьянам и батракам неразрывную связь борьбы за землю с борьбой против капитализма, за радикальные преобразования в деревне, необходимость союза трудового крестьянства с городскими рабочими. При активном участии рабочих групп в деревне стали возникать комитеты трудящихся фермеров, и в начале апреля 1930 г. был проведен их первый общеирландский съезд.

В 1933 г. революционные рабочие группы объединились в Коммунистическую партию Ирландии (КПИ). Она призывала рабочих и крестьян к сплочению в борьбе за ликвидацию раскола страны, за национальную независимость и социальное освобождение трудящихся. Ирландские коммунисты ставили перед рабочим классом задачу борьбы за гегемонию в национально-освободительном движении. Коммунисты взяли на себя инициативу сплочения демократических сил Ирландии против активизировавшихся с начала 1933 г. фашистских отрядов «синерубашечников». Созданную на массовом митинге трудящихся в 1934 г. Ирландскую антифашистскую рабочую лигу возглавил один из руководителей КПИ — Родерик Коннолли. При непосредственном участии коммунистов демократические силы Ирландии организовали массовый отпор «синим рубашкам» и преградили путь ирландскому фашизму.

Мировой экономический кризис начался в *Скандинавии* в 1930 г. Банкротство крупнейших компаний — Трансатлантической в Дании и концерна Крейгера в Швеции — символизировало конец «процветания» на севере Европы. Кризис вызвал резкий спад промышленного производства. В 1929—1932 гг. его объем в Норвегии снизился на 25%, в Швеции — в среднем на 21%. В Дании, где промышленность работала главным образом на внутренний рынок, объем про-

изводства сократился на 13%[1]. Для рабочего класса Скандинавии кризис обернулся массовой безработицей. В разгар кризиса зимой 1932/33 г. за воротами предприятий оказалось 43,8% членов профсоюзов Дании, около 42% — Норвегии и 20% — Швеции[2].

К концу 1933 г. кризис в Скандинавских странах был преодолен и началось оживление экономики. Значительно увеличился общий объем промышленного производства, чему в немалой степени способствовал повышенный спрос на стратегическое сырье этих стран.

Поскольку в Скандинавских странах экономический кризис отличался меньшей глубиной и продолжительностью, положение рабочего класса в Скандинавии было несколько лучше, чем в других капиталистических странах, более совершенной была здесь и система социального обеспечения. Уровень жизни в Скандинавии перед второй мировой войной был выше, чем во многих странах Европы.

Как и другие регионы капиталистического мира, Скандинавия стала ареной активизации фашистской реакции, но здесь фашизм не имел значительной массовой базы. Фашисты сумели приобрести некоторые позиции лишь в Дании, где непосредственно сказывалось влияние германского фашизма. В 1930 г. в этой стране образовалась датская национал-социалистская рабочая партия во главе с Фр. Клаусеном. В Норвегии в 1933 г. была создана открыто фашистская партия «национальное единение», во главе которой встал бывший министр обороны В. Квислинг. В Швеции фашистские организации были созданы уже в 1924 г. На протяжении 20-х и 30-х гг. в стране существовало свыше 90 объединений фашистского направления, издававших свыше 70 газет[3].

В сложившихся условиях наиболее влиятельные фракции скандинавской буржуазии взяли курс на преодоление кризиса путем усиления государственного вмешательства в экономику в условиях сохранения буржуазно-демократических институтов. Новый курс приветствовали социал-демократические лидеры. На выборах 1932—1933 гг. социал-демократы Швеции, Дании и Норвегии одержали внушительную победу, получив около 40% голосов и увеличив число мандатов в парламентах. В Швеции в результате выборов 1932 г. началась эра бессменного 44-летнего правления СДПШ. Социал-демократы выступали с антикризисными программами, в основе которых лежал принцип усиления государственного вмешательства в экономическую и социальную сферы. Господствующие фракции буржуазии, соглашаясь с социал-демократической программой преодоления кризиса и финансирования социальных реформ, получали вза-

[1] См. *А. С. Кан.* История Скандинавских стран. М., 1971, стр. 218.
[2] *B. Erichsen.* Om arbejderbevægelsen. En introduktionsbog til dansk arbejderbevægelsens historie. København, 1977, s. 116.
[3] *H. Carlsson.* Nazismen i Sverige. Ett varningsord. Stockholm, 1942, s. 199—216.

мен содействие социал-демократических лидеров в проведении политики классового сотрудничества.

Социал-демократические лидеры Скандинавских стран активно содействовали буржуазии в ее усилиях по пресечению массовой борьбы рабочих. В 1934—1936 гг. правительство Дании решало исход конфликтов между рабочими и предпринимателями путем принятия единовременных законов о принудительном арбитраже. В Норвегии (1935 г.) и Швеции (1938 г.) были разработаны соглашения между центральными организациями предпринимателей и профсоюзов, определявшие порядок заключения коллективных договоров. Эти соглашения затрудняли открытую борьбу между трудом и капиталом, они ярко продемонстрировали забвение принципов классовой борьбы реформистскими профлидерами. Забастовки, бойкоты стали возможны лишь после сложной согласительной процедуры, предусмотренной соглашениями.

Борьба рабочего класса Скандинавии в предвоенное десятилетие шла в двух направлениях: противодействия рабочих натиску буржуазии, пытавшейся переложить на трудящихся тяготы кризиса, и борьбы против фашистской опасности и войны. Особенностью массовых выступлений 30-х гг. было то, что они носили главным образом экономический характер, хотя в ряде случаев приобретали политическое звучание.

Наиболее острый конфликт разразился весной 1931 г. в лесопромышленном районе Одален (Швеция). В поддержку стачечников, не согласных с условиями предложенного им нового коллективного договора, рабочие объявили стачки солидарности. Одна из них проходила в центре округа Одален в городе Крамфорс, где мирная демонстрация стачечников была обстреляна солдатами. Четверо мужчин и одна женщина были убиты, около десяти человек ранено[1].

Весть об этих трагических событиях разнеслась по всей стране. На севере и в столице проходили демонстрации и забастовки протеста, сопровождавшиеся столкновениями с полицией. В демонстрации 19 мая в Стокгольме приняло участие 150 тыс. человек — фактически все организованные рабочие города[2]. В траурный день 21 мая руководство профсоюзов призвало всех рабочих Швеции к 5-минутному прекращению работы[3]. 100 тыс. рабочих откликнулись на призыв компартии и бастовали целый день. 10 тыс. не работали полдня. По всей стране около 70 тыс. рабочих участвовали в демонстрациях протеста[4].

Забастовка в Одалене продолжалась с 15 по 26 мая 1931 г. В это время власть во всем районе фактически перешла к центральному забастовочному комитету, в состав которого было избрано 19 чело-

[1] *B. Dahlgren.* Skotten i Ådalen. Stockholm, 1968, s. 21, 24.
[2] *F. Lager.* Ådalen 1931. Stockholm, 1956, s. 74.
[3] *A. Vretling.* Arbetarmorden i Ådalen. Stockholm, 1931, s. 13.
[4] *F. Lager.* Op. cit., s. 94, 95, 72.

век. Многие из них были коммунистами. Требование забастовщиков — вывести войска и удалить штрейкбрехеров — было выполнено. События в Одалене вписали яркую страницу в историю шведского рабочего движения.

Важное значение для рабочего движения Швеции 30-х гг. имели выступления рабочих, занятых на общественных работах. Большим успехом трудящихся Швеции было проведение в мае 1934 г. общенациональной конференции, на которой присутствовали представители 20 тыс. рабочих, занятых на общественных работах, и безработных. Конференция приняла программу действий, включавшую предложения коммунистов[1].

Результатом упорной борьбы рабочего класса Скандинавии были введение прогрессивного социального законодательства и отмена антирабочих законов, принятых в конце 20-х гг. В Дании в 1933 г. были приняты «законы Стейнке» (по имени министра социального обеспечения), устанавливавшие всеобщее страхование по болезни. Размер социальных пособий регулировался с учетом индекса стоимости жизни. Малоимущие трудящиеся получали бесплатное медицинское обслуживание и больничные пособия. Аналогичные социальные реформы были проведены в Швеции и Норвегии. С 1938 г. в Норвегии страхование по безработице стало обязательным. В этом же году норвежские женщины первыми в Скандинавии получили формальный доступ ко всем государственным должностям. В 1936 г. здесь были введены пенсии по старости (с 70 лет). Из реформ 30-х гг. в Швеции следует отметить пенсионную, повысившую размер пенсий.

Большим завоеванием рабочих и служащих Скандинавии явились законы об оплачиваемых за счет предпринимателей летних отпусках: 9-дневного в Норвегии (1936 г.) и 12-дневного в Дании (1937 г.) и Швеции (1938 г.); 8-часовой рабочий день получили сельскохозяйственные рабочие, моряки и продавцы в Норвегии (1936 г.) и Швеции (1938 г.). Был отменен ряд антирабочих законов.

Скандинавский рабочий класс принял активное участие в антифашистской и антивоенной борьбе, сдерживавшей силы фашистской реакции и милитаризма.

Существенным вкладом трудящихся Скандинавских стран в антифашистскую борьбу было движение солидарности с республиканской Испанией в 1936—1939 гг. В Швеции, Дании и Норвегии были созданы комитеты по оказанию материальной и моральной помощи сражающимся республиканцам. Движение отличалось массовостью, в нем участвовали различные слои населения Скандинавских стран.

Наибольшего успеха в борьбе за создание единого фронта до-

[1] См. подробнее: *О. В. Чернышева.* Рабочее движение в Швеции накануне второй мировой войны (1929—1939 гг.). М., 1971, стр. 111—115.

бились рабочие Швеции. В октябре 1936 г. был создан Шведский комитет помощи Испании под председательством Георга Брантинга. В конце 1938 г. в его состав входило 354 региональных отделения. Комитет выпускал журнал «Солидарность», тираж которого достигал 22 тыс. экземпляров. За три года им было собрано 4,3 млн. крон[1].

Сотни скандинавов сражались на испанской земле в составе Интернациональных бригад. В 1938 г. был образован особый Скандинавский батальон. Из 500 шведов, воевавших в Испании, 164 человека погибли[2]. Из 600 датчан погибло 220 человек[3]. В Испании сражалось около 400 норвежцев[4].

Подъем массовых выступлений трудящихся Скандинавских стран проходил при активнейшем участии коммунистов и, как правило, под их руководством. Последовательная позиция коммунистов в деле отстаивания прав рабочего класса способствовала повсеместному усилению влияния компартий. В 30-х гг. возросла численность компартий, увеличилось количество собираемых ими голосов и их представителей в парламентах.

После VII конгресса Коминтерна компартии Скандинавских стран развернули энергичную борьбу за единство рабочих и демократических сил. Хотя в ходе предвыборных кампаний 1935—1936 гг. курс компартий на единый с социалистами избирательный блок не встретил поддержки со стороны правящих социал-демократических партий, коммунистические партии призывали избирателей голосовать за социал-демократов в тех округах, где собственных кандидатов не выдвигали. В результате гибкой тактики коммунистам удалось значительно улучшить отношения с рядовыми социал-демократами — рабочими и левой интеллигенцией.

Проявления мирового экономического кризиса *Финляндия* ощутила уже в 1928 г. Спад производства в отдельных отраслях промышленности привел к значительному ухудшению положения трудящихся и росту безработицы, достигшей в разгар кризиса 100 тыс. человек. Реальная заработная плата снизилась за четыре кризисных года на 52%, докризисный уровень 1928 г. был достигнут лишь в 1937—1938 гг.

С началом экономического кризиса в Финляндии усилились внутриполитическая реакция и антисоветские тенденции во внешнеполитическом курсе. С приходом к власти летом 1930 г. правительства Свинхувуда этот курс достиг апогея. Новое правительство отдало распоряжение об аресте всей парламентской фракции

[1] «Arkiv för studier i arbetarrörelsens historia», 1973, N 4, s. 7, 8, 9.
[2] *G. Nilsson.* Svenskar i spanska inbördeskriget. Stockholm, 1972, s. 5.
[3] *B. Erichsen.* Op. cit., s. 129.
[4] См. *М. Т. Мещеряков.* Испанская Республика и Коминтерн. М., 1981, стр. 63.

избирательного блока социалистических рабочих и мелких землевладельцев. Летом 1930 г. был организован большой судебный процесс по делу почти 1200 профорганизаций, обвиненных в содействии коммунистам. В течение года было распущено более 1 тыс. местных отделений профсоюзов[1], а затем решением суда была запрещена Организация профсоюзов Финляндии (ОПФ), руководящую роль в которой играли коммунисты и другие левые деятели рабочего движения. Разгрому ОПФ во многом способствовала откровенная заинтересованность в этом правых лидеров социал-демократии.

Трудности, с которыми в 30-х гг. встретилось рабочее движение Финляндии, усугублялись действиями лидеров социал-демократической партии, занимавших правые позиции, проповедовавших оголтелый антикоммунизм и антисоветизм. Правые лидеры социал-демократов фактически помогали буржуазии в наступлении на жизненный уровень трудящихся и способствовали деморализации рабочего класса, призывая его к жертвам в период экономического кризиса. Руководство СДПФ не вскрывало общую антидемократическую и подлинную сущность профашистского (так называемого лапуаского) движения. Фактически это была капитуляция перед фашизмом.

Однако буржуазии не удалось усмирить финских трудящихся. 1 мая 1930 г., несмотря на запрет правительства, практически во всех городах страны состоялись антифашистские демонстрации рабочих. Стычки с полицией и волнения продолжались в течение всего мая. В ноябре 1930 г. в Хельсинки состоялся многотысячный митинг безработных. Между демонстрантами и полицией имели место столкновения. Стычкой с полицией закончилась также и демонстрация молодежи.

В 1933—1934 гг. усилилось забастовочное движение лесорубов, строителей и металлистов. Накануне второй мировой войны в Финляндии ежегодно бастовало 5—6 тыс. рабочих. Многие выступления трудящихся заканчивались их победой, рабочим удавалось добиться увеличения зарплаты и улучшения условий труда.

Принимая активное участие в организации массовой борьбы, коммунисты проводили линию на достижение рабочего единства и создание антифашистского фронта всех демократических и рабочих сил.

Состоявшаяся в 1931 г. VIII конференция КПФ поставила перед партией задачу поднять рабочий класс на борьбу против фашистского террора. Центр тяжести партийной организационной работы КПФ был перенесен на предприятия.

После разгрома ОПФ в октябре 1930 г. был создан новый профцентр — Центральное объединение профсоюзов Финляндии (ЦОПФ). В него вначале вступило около 15 тыс. человек, что составляло приб-

[1] См. *Я. Крастынь*, Финляндия под игом фашизма. М.— Л., 1942, стр. 26.

лизительно $^1/_6$ членов запрещенной ОПФ. Призвав своих членов и всех рабочих вступать в реформистские профсоюзы, КПФ направляла свои усилия на превращение ЦОПФ в боевую массовую организацию рабочего класса Финляндии. В 1931 г. количество членов ЦОПФ удвоилось, а к концу 30-х гг. достигло уже 70 тыс.

Наиболее крупным политическим достижением единых действий финских трудящихся стала борьба в защиту видного деятеля рабочего движения, одного из руководителей КПФ Тойво Антикайнена, приговоренного к смертной казни. Движение против законопроекта о введении смертной казни и смертного приговора по делу Антикайнена стало массовым выступлением против фашизма. Правительству так и не удалось провести законопроект через парламент.

Состоявшийся в ноябре 1935 г. VI съезд КПФ, исходя из решений VII конгресса Коминтерна, заявил о готовности КПФ сотрудничать со всеми сторонниками мира и демократии. Компартия призывала всех граждан к борьбе за создание союза демократических сил на парламентских выборах 1936 г., к выдвижению по спискам социал-демократической партии кандидатов, выступающих за создание антивоенного и антифашистского фронта.

Борьба компартии способствовала укреплению антифашистских сил. В социал-демократической партии усилились левые тенденции. Компартия наладила сотрудничество с молодежной организацией «Академическое социалистическое общество», с «Товарищеским обществом», а также со многими окружными организациями социал-демократической партии.

Однако сдержать антисоветские устремления буржуазии Финляндии рабочему классу не удалось. Против единства действий рабочего класса открыто выступило руководство СДПФ. В 1937 г. исполком СДПФ исключил из партии «Академическое социалистическое общество» и многих других сторонников единого фронта и дружбы с СССР. На съезде партии в 1939 г. руководители СДПФ поддержали требования буржуазии об увеличении ассигнований на военные цели.

В результате политики реакционной верхушки финской буржуазии и содействия ей со стороны правого руководства социал-демократии осенью 1939 г. Финляндия оказалась ввергнутой в войну против Советского Союза.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В США, КАНАДЕ, ЯПОНИИ И АВСТРАЛИИ

Экономика *Соединенных Штатов Америки* подверглась наиболее жестоким ударам мирового экономического кризиса. Национальный доход страны снизился с 87,4 млрд. долл. в 1929 г. до 41,7 млрд. в 1932 г., промышленное производство упало до уровня 1905—1906 гг. К 1932 г. в стране насчитывалось 17 млн. безработных, т.е. практи-

чески каждый второй работающий по найму лишился своего места[1]. С полной силой проявили себя законы расовой дискриминации. Рабочие с черной кожей были первыми, кого увольняли, и последними, кого принимали на работу вновь. Отсутствие в стране даже зачатков системы социального обеспечения и помощи по безработице делало положение трудящихся особенно тяжелым, даже безвыходным. В 1929—1933 гг., писал У. Фостер, «Соединенные Штаты, в прошлом страна хваленого капиталистического процветания, стали страной, где властвовал кошмар голода, болезней, нищеты и пауперизма»[2].

В условиях кризиса ведущей формой рабочего движения в стране стала борьба масс за введение социального страхования по безработице, оказание материальной помощи миллионам обездоленных людей, против прекращения выселений и прочих притеснений со стороны властей, предпринимателей, домохозяев. Благодаря своему размаху, организованности и целеустремленности борьба безработных приобретала всевозрастающее политическое значение. Важную роль здесь сыграли не только объективные условия, но и самоотверженная деятельность левых сил, прежде всего коммунистов. Несмотря на свою малочисленность, Компартия США уже в самом начале 30-х гг. сумела возглавить невиданное в истории страны движение против нищеты и голода.

6 марта 1930 г. в демонстрациях протеста против безработицы в промышленных центрах США, организованных по инициативе компартии, участвовало свыше миллиона человек. Коммунисты повсеместно создавали боевые массовые организации безработных (советы безработных), ставшие застрельщиками многих выступлений[3]. В декабре 1931 г. и в декабре 1932 г. состоялись общенациональные походы безработных на Вашингтон. Ведущую роль в их организации играли коммунисты. Компартия приняла также деятельное участие в движении ветеранов первой мировой войны, кульминацией которого был грандиозный «голодный поход» на Вашингтон летом 1932 г.

Не проходило дня, чтобы промышленные города и поселки в сельской местности не становились ареной бурных выступлений безработных, разорившихся фермеров, потерявшей всякую надежду найти свое место в жизни молодежи. Все более упорное сопротивление расистскому террору и дискриминации оказывали негритянские трудящиеся. На резкое обострение классовой борьбы в стране правящие круги США ответили усилением полицейского террора, который, однако, не дал ожидаемых результатов. Банкротство экономической и социальной политики республиканской партии предопределило поражение президента Гувера на президентских выборах

[1] «Labor Fact Book, 3». New York, 1935, p. 49—51.
[2] *W. Z. Foster*. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 279.
[3] См. *В. Л. Мальков*. Рабочее движение в США в период мирового экономического кризиса. 1929—1933. М., 1961.

в ноябре 1932 г. Победу одержали демократы и их кандидат на пост президента Франклин Д. Рузвельт. Своим политическим успехом они были обязаны широкому распространению мятежных, бунтарских настроений в народных низах, небывалому размаху борьбы безработных, фермерского протеста, наконец, подъему общедемократического движения. Рузвельт и его ближайшие сотрудники не скрывали, что в обещанной ими политике реформ они видят единственную возможность избежать общего взрыва народного возмущения, способного вызвать крупнейшие социальные потрясения и привести к гибели «старого уклада», капитализма[1].

Опасаясь дальнейшего резкого сдвига масс влево, предвидя неминуемые последствия радикализации народных низов для устойчивости двухпартийной системы, новый президент стал осуществлять политику «оздоровления» экономики и устранения наиболее вопиющих проявлений социального бесправия трудящихся США. Провозглашенный им «новый курс» предполагал активное вмешательство буржуазного государства в механизм общественного воспроизводства, его регулирование и принудительное картелирование в сочетании с разнообразными мерами в социальной области, включая развертывание системы общественных работ для безработных, расширение прав профсоюзов и т. д. Хотя эти реформы и позволили несколько улучшить положение трудящихся, они были всего лишь паллиативом. В стране продолжали бурно развиваться и движение безработных, и забастовочная борьба, и процесс обновления профдвижения, его радикализации. Начиная с 1934 г. всеобщие забастовки на предприятиях крупных промышленных центров или в отдельных отраслях следовали одна за другой. Популярным средством борьбы стала сидячая забастовка. Особенно широкое распространение она получила на предприятиях автомобильной промышленности[2].

В лучших традициях классовой солидарности, в обстановке всеобщего подъема антимонополистических настроений рабочие США боролись за повышение заработной платы, за сокращение продолжительности рабочего дня, за право на коллективный договор и создание массовых профсоюзов в основных отраслях промышленности. Всеобщие стачки в Толидо, Миннеаполисе и в особенности всеобщая стачка рабочих в Сан-Франциско (1934 г.) открыли новую страницу в

[1] «F.D.R., His Personal Letters, 1928—1945», vols. I—II. New York, 1950, vol. I, p. 281, 282, 450; *T. H. Greer*. What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideals of Franklin D. Roosevelt. Michigan State University Press, 1958, p. 210, 211; *В. Л. Мальков, Д. Г. Наджафов*. Америка на перепутье. 1929—1938. М., 1968.

[2] См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. 1. М., 1970, стр. 423—431; *В. Л. Мальков*. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М., 1973; *S. Fine*. The General Motors Strike of 1936—1937. Ann Arbor, 1969.

истории рабочего движения США. Они знаменовали рост его боевого духа и вновь обретенную уверенность в собственных силах. Во многих случаях столкновения рабочих с полицией, войсками, охранными отрядами корпораций кончались кровавыми стычками. Буржуазная печать писала о «малой гражданской войне», в которую оказались ввергнутыми целые промышленные округа, шахтерские поселки, портовые города.

Предвоенные годы стали важной вехой в развитии классового самосознания американского пролетариата. Длительное время воспитываемый в духе гомперсистских догм, в духе преданности буржуазным институтам и политического «нейтрализма», он сделал важный шаг к осознанию своих классовых интересов. Идейно-политическая направленность выступлений рабочих проявилась, как никогда, четко и определенно: рабочий класс США был решительно на стороне тех сил, которые выступали в защиту курса на социальный прогресс, и, напротив, резко отмежевался от консервативных и правоэкстремистских сил. В рабочих низах все более широкое распространение получали идеи глубоких общественных преобразований, идеи социализма и коммунизма, антивоенные и антифашистские настроения[1].

К 1937 г. был достигнут пик стачечной активности за всю предшествующую историю рабочего движения в стране (около 2 млн. участников). В труднейших условиях хронической массовой безработицы американские рабочие проявили высокую стойкость, единство помыслов, понимание целей борьбы.

В 1933 г. возникло самое массовое в истории рабочего класса США движение за организацию в производственные профсоюзы миллионов трудящихся. В этом движении проявились осознание рабочими необходимости организованной борьбы за улучшение условий жизни и в то же время протест против консервативной цеховщины и политики «делового тред-юнионизма», проводимой руководством АФТ. На автозаводах, на предприятиях металлургической, химической и радиотехнической промышленности и в других ключевых отраслях возникли новые массовые профсоюзные организации, которые в отличие от консервативных профсоюзов АФТ ориентировались на решительные действия и более активное вмешательство в политическую борьбу. Как правило, они строились на основе объединения рабочих по производственному принципу. В ноябре 1935 г. сторонники производственных профсоюзов создали в рамках АФТ Комитет производственных профсоюзов (КПП) во главе с Джоном Льюисом.

[1] См. *Д. Г. Наджафов.* Народ США против войны и фашизма. 1933—1939. М., 1969; *Len De Caux.* Labor Radical. From the Wobblies to the CIO. A Personal History. Boston, 1970; *W. Mortimer.* Organize: My Life as a Union Man. Boston, 1972; *R. Keeran.* The Communist Party and the Auto Workers Unions. Bloomington, Ind., 1980.

К концу 1937 г. численность профсоюзов КПП достигла 2 млн. членов.

Часть лидеров АФТ во главе с Дж. Льюисом считали необходимым возглавить новое движение, чтобы предотвратить возможность перехода «нового тред-юнионизма» на позиции революционной классовой борьбы. Большинство же старых лидеров АФТ, рассматривая производственные профсоюзы как опасного соперника и враждебную силу, стремилось развалить их.

Враждебное отношение руководства АФТ к производственным профсоюзам и дальнейшая радикализация входящих в них рядовых членов сделали неизбежным раскол профдвижения. В ноябре 1938 г. в Питтсбурге собрался съезд производственных профсоюзов, который учредил новый профсоюзный центр — Конгресс производственных профсоюзов (КПП). Дж. Льюис был избран президентом КПП. Поскольку КПП формировался в ходе ожесточенных классовых боев и опирался на рабочие низы, в первые годы он представлял собой боевую профсоюзную организацию и воплощал в своей деятельности лучшие традиции рабочего движения США. Коммунисты играли выдающуюся организующую роль в борьбе за создание производственных профсоюзов. Во многих случаях они возглавляли различные их звенья — от низовых ячеек до руководящих органов отраслевых союзов. Именно в эти годы в партию пришли мужественные борцы за дело трудящихся Г. Холл, Г. Уинстон, Дж. Джексон, Г. Грин, Б. Дэвис и др. Боевое крещение они получили в пикетах стачечников на крупных промышленных предприятиях, в первых рядах многочисленных политических манифестаций[1].

Заметных успехов в борьбе за социальное страхование и помощь добилось движение безработных. 4 февраля 1934 г. в Вашингтоне по призыву компартии был созван Национальный съезд безработных (900 участников от 35 штатов). Многие местные организации АФТ высказались в поддержку выработанного компартией билля о социальном страховании. 5—7 января 1935 г. в Вашингтоне начал работу Национальный конгресс в защиту социального страхования, собравший рекордное число делегатов (около 2500) от самых различных рабочих организаций и политических партий. Выдвижение этим форумом законопроекта о социальном страховании по безработице открывало важную фазу в борьбе за главную социальную реформу «нового курса»[2].

В марте 1936 г. произошло слияние организаций безработных, созданных социалистами, с организациями (более многочисленными), в которых руководящую роль играли коммунисты. Единая органи-

[1] *G. Morris.* Sixty Years of Communist Trade Union Work.— «Political Affairs», Aug.—Sept., 1979, p. 8—9.

[2] «International Press Correspondence», vol. 15, N 6 (9th February 1935), p. 156, 157.

зация приняла название «Рабочий альянс». Его численность и роль в рабочем движении были весьма внушительными[1].

Под давлением борьбы рабочего класса администрация Рузвельта была вынуждена провести ряд социальных реформ. В 1935 г. конгресс принял закон Вагнера, закрепивший права рабочих на организацию в профсоюз и на коллективный договор, закон о социальном страховании по безработице и пенсиях по старости, о правительственном контроле над угольной промышленностью, о дополнительных ассигнованиях на общественные работы и т. д.

Влиятельные фракции монополистической буржуазии предприняли яростную атаку против «нового курса». Однако наскоки реакционных сил лишь ускорили процесс поляризации политических сил в стране и складывания организационно не оформленной демократической коалиции «нового курса». Сплочение демократических сил принесло на президентских выборах 1936 г. крупную победу Рузвельту. Эффективную поддержку ему оказала созданная нью-йоркскими профсоюзами Американская рабочая партия штата Нью-Йорк, мобилизовавшая голоса рабочих в поддержку президента. Хотя руководители Рабочей партии всячески подтверждали свою приверженность Рузвельту как национальному лидеру, в самом факте создания этой партии воплотилась идея независимой политической организации рабочих.

Развитие новых тенденций в классовой и политической борьбе, сдвиги в рабочем движении потребовали к себе пристального внимания руководства Компартии США.

Большую роль в разработке и обосновании новой тактической линии сыграл выдающийся деятель американского и международного рабочего движения У. Фостер. Учитывая тенденции внутреннего и мирового развития, преодолевая сектантские ошибки, Компартия США с 1934 г. взяла курс на сплочение рабочего класса, фермерства, негритянских масс, средних слоев в борьбе за социальный прогресс[2]. Особое значение в этой связи приобрела защита тех завоеваний, которые нашли свое воплощение в социальных реформах «нового курса».

В преддверии имевшей огромное политическое значение избирательной кампании 1936 г. компартия выступила в поддержку «нового курса» Ф. Рузвельта. Резолюция съезда партии, собравшегося в июне 1936 г., отмечала, что коммунисты стремятся к «всемерному объединению и концентрации всех сил рабочего класса и его союзников в борьбе против политической комбинации, представляющей республиканскую партию, Лигу свободы и прессу Херста», т. е. наиболее консервативные круги крупной буржуазии. В порядке

[1] См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. 1, стр. 453—461.

[2] *H. Winston.* Front-Rankers in the Class Struggle.—«Political Affairs», November 1974, p. 16, 17.

полемики с основным лозунгом социалистической партии («социализм против капитализма») компартия открыто заявила, что главным вопросом политического момента является вопрос о борьбе в защиту демократии и против ее врагов.

Время доказало правильность этой тактики. Привлекая к себе сторонников из непролетарских слоев и принимая действенное участие в широких общедемократических движениях (антивоенном, негритянском, студенческом и т. д.), компартия активнейшим образом содействовала кристаллизации организационно не оформленной прогрессивной коалиции «нового курса»[1]. Поддержка общедемократического движения вела к укреплению связи партии с массами, превращению ее в важный фактор политической жизни страны. При этом компартия не растворилась в широком движении за социальные реформы, хотя ревизионистские элементы во главе с Э. Браудером с конца 30-х гг. пытались вести линию на слияние с буржуазной демократией, извращая тактику антифашистского, антимонополистического блока, зафиксированную в соответствующих партийных решениях. И в идейной борьбе, и в практике повседневной деятельности Компартия США не затушевывала разнородность целей и задач различных классовых и политических сил, составлявших прогрессивный блок. Развивая политическую инициативу и сохраняя идейную самостоятельность, компартия защищала прогрессивные аспекты рузвельтовского «нового курса» от нападок справа. Одновременно с последовательно классовых позиций она критиковала либеральную буржуазию и ее лидеров, показывая ограниченность их политики и зависимость от интересов финансово-промышленного капитала.

Три раза на протяжении предвоенного десятилетия (1932, 1936 и 1940 гг.) демократическая коалиция, сложившаяся вокруг программы реформ «нового курса», одерживала внушительные победы на президентских выборах и добилась реализации многих важных преобразований: признания права рабочих на организацию в профсоюзы, введения системы социального страхования по безработице, пенсий престарелым, организации общественных работ, запрещения детского труда, установления максимума продолжительности рабочего дня и минимума заработной платы, помощи мелким фермерам и т. д. Важнейшей опорой этого блока всех демократических элементов общества был рабочий класс США, хотя в силу собственной недостаточной идейной и политической зрелости он не смог стать его руководящей и направляющей силой.

30-е годы были периодом оживления в рабочей среде, в профдвижении США тенденций к самостоятельному политическому дейст-

[1] «Communist», March 1938, p. 214—219; см. также: *В. Л. Мальков.* Коммунисты, социалисты и «новый курс».— «Новая и новейшая история», 1974, № 5, стр. 39—54.

вию, к созданию массовой партии трудящихся, противостоящей двухпартийной системе[1].

Достижения 30-х гг. (при всей их ограниченности) были вырваны рабочими в тяжелой и упорной борьбе. В ходе событий между рабочим классом и другими демократическими слоями населения сложились такие отношения и такое взаимодействие, которые позволили сорвать планы реакции и сохранить у власти либерально-прогрессистское крыло демократической партии во главе с Ф. Рузвельтом. Развитие творческой инициативы народных низов, и в первую очередь рабочего класса, достигло весьма высокого уровня. Историческая заслуга в этом принадлежит коммунистам, которые, не жалея сил, трудились в самой гуще масс, пробуждали в них волю к борьбе, учили распознавать друзей и врагов, правильно оценивать политическую обстановку.

Для экономики *Канады*, ориентированной в большей степени на экспорт в США и Великобританию, мировой экономический кризис 1929—1933 гг. имел катастрофические последствия. К началу 1933 г. объем промышленного производства в стране сократился почти наполовину, безработица, по официальным данным, составила 700 тыс. человек, что означало потерю рабочего места каждым третьим работающим по найму. Заработная плата сохранивших работу тружеников в среднем сократилась на 23%[2]. Кризис в промышленности сочетался с резким обострением аграрного кризиса. О масштабах нужды говорит уже тот факт, что до конца 30-х гг. в Канаде из 10 млн. населения ежегодно свыше 1 млн. человек обращалось к той или иной форме государственного вспомоществования[3].

Коммунистическая партия Канады сыграла важную роль в преодолении настроений пассивности, которые были характерны для многих рабочих в начальный период кризиса, и пораженчества лидеров цеховых профсоюзов в условиях наступления предпринимателей на рабочий класс. В конце 1929 г. была создана Лига рабочего единства (ЛРЕ) в качестве нового центра производственных профсоюзов. ЛРЕ создала ряд прочных производственных профсоюзов, ее численность достигла 35 тыс. членов[4]. Деятельность Лиги рабочего единства в первой половине 30-х гг. оказала существенное влияние на ряд межнациональных и национальных профсоюзов, побудив их перейти к активным формам борьбы. ЛРЕ возглавила примерно

[1] «International Press Correspondence», vol. 15, N 15 (6th April, 1935), p. 416, 417.

[2] «Wages and Hours of Labour in Canada (Report N 17), 1929, 1932 and 1933». Ottawa, 1934. p. 112; «Canada Year Book», 1939, p. 385.

[3] «National Employment Commission. Final Report». Ottawa, 1938, p. 47.

[4] См. «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом» (материалы). М., 1935, стр. 384.

75% стачек в стране[1]. При ее участии движение безработных приняло организованный и массовый характер[2]. Одним из главных требований рабочего движения в эти годы стало введение социального страхования и страхования по безработице, организация правительством общественных работ и помощи нуждающимся.

Консервативное правительство Р. Б. Беннета, вынужденное выделить мизерные средства на оказание вспомоществования и организацию общественных работ, одновременно обрушило репрессии против забастовщиков и движения безработных. Главный удар был направлен против КПК. В августе 1931 г. лидеры компартии были арестованы. Компартия была объявлена незаконной организацией, а ее руководители, в том числе Генеральный секретарь КПК Тим Бак, брошены в каторжную тюрьму. Вплоть до 1936 г. КПК действовала на нелегальном или полулегальном положении.

Правительственные репрессии затруднили, но не прервали процесс консолидации профсоюзных сил. ЛРЕ подготовила почву для дальнейшего развития движения за создание производственных профсоюзов во второй половине 30-х гг. Прогрессивные тенденции в профсоюзном движении США, связанные с деятельностью Конгресса производственных профсоюзов (КПП), положительно отразились на эволюции Профессионального и рабочего конгресса Канады. Учитывая это, компартия объявила о роспуске ЛРЕ и призвала все ее организации влиться в ПРКК и таким образом стать частью процесса обновления в профсоюзном движении Канады, который выражался в создании производственных профсоюзов. Этот дальновидный шаг содействовал укреплению позитивных сдвигов в ПРКК и росту рядов профсоюзов. С 1935 по 1938 г. число членов профсоюзов в Канаде увеличилось на 100 тыс. и достигло рекордной численности — 382 тыс. человек[3].

В отличие от США в Канаде удавалось сохранить единство ПРКК, сотрудничество в Конгрессе цеховых и производственных профсоюзов. Однако в январе 1939 г., уступая давлению руководства АФТ, исполком ПРКК принял раскольническое решение об исключении из Конгресса ряда производственных профсоюзов, насчитывавших десятки тысяч членов. Эти профсоюзы создали Канадский конгресс производственных профсоюзов, который в 1940 г. слился с ВКТ в Канадский конгресс труда (ККТ).

В 30-х гг. в Канаде наблюдался подъем демократической борьбы масс против войны и фашизма, социальной борьбы городских средних слоев и фермерства, возродилось движение за создание третьей партии. Новое массовое политическое движение, выступавшее в оп-

[1] См. «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом» (материалы), стр. 385.
[2] См. «Канада. 1918—1945. Исторический очерк». М., 1976, стр. 203—222.
[3] «Labour Organizations in Canada. 1970». Ottawa, 1970, p. XIII.

позиции к традиционной двухпартийной системе, первоначально приняло форму конгломерата различных политических организаций. В июле 1932 г. в Калгари состоялась конференция возродившихся независимых рабочих партий Альберты, Саскачевана, Манитобы, вновь воссозданной Социалистической партии Британской Колумбии, а также представителей фермерских организаций Альберты и Манитобы. На этом собрании была провозглашена Федерация кооперативного содружества (ФКС) как коалиция рабочих и фермерских организаций. Первый съезд ФКС состоялся 19—21 июля 1933 г. в Реджайне. Манифест ФКС выражал антикапиталистические, антимонополистические и социалистические устремления масс, смутный идеал «нового социального порядка», который для многих воплощался в термине «кооперативное содружество»[1]. К лету 1935 г. политическая оппозиция, представлявшая главным образом городскую мелкую буржуазию, консолидировалась в другую политическую партию, названную партией реконструкции, выступившую за принятие государственных мер по ограничению засилья монополий.

Состоявшиеся в октябре 1935 г. федеральные выборы отразили глубокий кризис партийно-политической системы Канады. Консервативная партия потерпела сокрушительное поражение. Победа досталась либеральной партии; она получила большинство мест в парламенте. Почти 25% голосов (или 1 млн. голосов) собрали ФКС, партия реконструкции, компартия, социал-кредитовцы.

Новое, либеральное правительство У. Л. Макензи Кинга под давлением массовой борьбы вынуждено было принять ряд мер по демократизации общественной жизни (легализация компартии, изъятие у министерства обороны трудовых лагерей и затем их ликвидация, ограничение применения насилия против забастовщиков и пр.). В целом же канадское правительство и монополии делали лишь весьма скромные шаги в направлении развития государственно-монополистического регулирования, избегая проведения таких назревших реформ, как социальное страхование, признание коллективнодоговорной практики, профсоюзов и т. д. Сказывалось недостаточное давление со стороны рабочего и демократического движения.

Коммунистическая партия Канады искала пути применения к своеобразным условиям Канады тактики и стратегии народного фронта, выдвинутой VII конгрессом Коминтерна, с тем чтобы обеспечить единый фронт различных движений — ФКС, профсоюзов, фермерских организаций, коммунистического движения, социального протеста городских средних слоев. На пленуме ЦК КПК в ноябре 1935 г. указывалось, что в условиях Канады проблема единого и народного фронта может решаться через создание федеративной рабоче-фермерской партии и что в такую партию может быть превращена ФКС. КПК выражала готовность войти в ФКС на правах коллек-

[1] См. «Канада. 1918—1945. Исторический очерк», стр. 223—247.

тивного члена[1], хотя мелкобуржуазное руководство ФКС отказывалось от всяких контактов с коммунистами, рассчитывая навязать антимонополистическому движению масс свою реформистскую политику.

Курс на сотрудничество КПК с ФКС основывался на учете реальных возможностей единства демократических сил в стране и тенденций к единству действий в защиту экономических и политических требований народных масс в самом движении, представленном ФКС. Вопреки запретам руководства ФКС местные отделения ФКС и рабочих партий участвовали вместе с коммунистами во многих акциях единого фронта — в движении безработных, в борьбе против репрессивного законодательства, за страхование по безработице, в местных и провинциальных выборах и т. д. Во второй половине 30-х гг. заметно возросло сотрудничество демократических сил в борьбе за мир, против фашизма и войны.

Антивоенное и антифашистское движение в Канаде представляло собой одну из важных форм общедемократического движения, в котором помимо рабочего класса участвовали фермерство и широкие мелкобуржуазные слои города. Коммунисты были самой активной силой в этих движениях. Связи компартии с массовыми движениями окрепли. За период 1934—1937 гг. ее численность возросла с 5,5 тыс. до 15 тыс. членов. В канун второй мировой войны канадский народ в своей основной массе был настроен антифашистски, в стране складывалась организационно не оформленная демократическая коалиция сил, выступающих за мир, демократию, против фашизма, за социальный прогресс.

Экономический кризис затронул также *Японию*. С 1929 по 1931 г. промышленное производство Японии сократилось примерно на 33%[2]. Количество безработных и полубезработных превысило 3 млн. человек.

В условиях кризиса японская буржуазия стала на путь дальнейшего урезывания и без того низкого жизненного уровня трудящихся. На предприятиях вводилась потогонная система, изнурительная интенсификация труда. С началом захватнической войны в Китае 1 сентября 1931 г. наступление предпринимателей на рабочий класс проводилось под лозунгом «родина в опасности» и т. п.

Массовые увольнения, неслыханный террор и прямое ограбление трудящихся масс вызвали отпор со стороны японского пролетариата. Число трудовых конфликтов и стачек возросло за годы кризиса вдвое. Почти все стачки сопровождались массовыми демонстрациями, ми-

[1] «Toward A Canadian People's Front. Report and Speeches at the Ninth Plenum of the Central Committee Communist Party of Canada». November 1935, p. 5, 28; см. также *Тим Бак*. Избранные произведения. М., 1972, стр. 160.

[2] См. *Иноуэ Киеси* и *др*. История современной Японии. М., 1955, стр. 121.

тингами, схватками с полицией и шайками наемных громил. Наряду с ростом стачечной борьбы усиливалось движение безработных. Борьба безработных тесно переплеталась со стачечной борьбой и антивоенным движением. Брожение охватило также городскую мелкую буржуазию, студенчество.

С первых же дней войны компартия организовала активную антивоенную борьбу рабочих и крестьян. По призыву компартии повсеместно проходили антивоенные демонстрации, нелегальные собрания, участники которых требовали немедленного вывода японских войск из Маньчжурии, Кореи и Тайваня. Компартия опубликовала воззвание к рабочим, крестьянам и солдатам всей страны, призывая их к повсеместным выступлениям под лозунгами «Долой империалистическую войну!», «Руки прочь от Китая!», «Защитим революционный Китай и Советский Союз!»[1]. Партия создала свои организации в каждом пехотном полку в Токио, Осаке, на военно-морских базах Иокосука и Курэ, на многих военных кораблях и в казармах[2]. Однако деятельность компартии осложнялась массовыми арестами в 1932—1933 гг., в результате которых было брошено в тюрьмы более 3 тыс. членов коммунистической партии, комсомола и национального совета профсоюзов («Дзэнкё»). В 1935 г. ЦК КПЯ был разгромлен, и с этого времени вплоть до 1945 г. организованная деятельность компартии в национальном масштабе была фактически прервана[3].

Социал-демократическая партия фактически поддерживала войну под лозунгом «Превратить интересы, за которые Япония борется в Маньчжурии и Монголии, в интересы народа»[4]. Социалистическая массовая партия («Сякай тайсюто») в своих печатных органах также поддержала политику военщины, демагогически утверждая, что военные круги якобы настроены против капитализма и фашизма и поэтому пролетариат должен заключить с ними союз. По мере усиления фашистской реакции лидеры социалистической массовой партии все более скатывались на позиции милитаризма и шовинизма. Ее лидеры Абэ, Мацуока, Нисио заявили о безоговорочной поддержке войны в Китае, назвав ее «священной войной японской нации». Руководимая ими Всеяпонская федерация труда («Дзэнсо») на своем съезде в октябре 1937 г. приняла декларацию о запрещении забастовок рабочих на весь период войны в Китае[5].

Только коммунистическая партия продолжала мужественную борьбу против захватнической войны японского империализма в Китае.

Мировой экономический кризис тяжело поразил *Австралию*.

[1] «Нихон кесанто-но годзю нэн» («50 лет КПЯ»). Токио, 1975, стр. 61, 62 (на япон. яз.).
[2] См. там же, стр. 66.
[3] Там же, стр. 85—86.
[4] Там же, стр. 62.
[5] Там же, стр. 91.

Национальный доход страны в 1930/31 г. уменьшился на треть. К 1933 г. число безработных составило около 0,5 млн. человек, или 30% общей численности рабочих [1]. Находившееся у власти в первые годы кризиса лейбористское правительство Дж. Х. Скеллина проводило антирабочую политику. На федеральных выборах 1931 г. победила Объединенная австралийская партия Д. Лайнса, которая, выйдя из АЛП, открыто перешла на буржуазные позиции. Одновременно в стране активизировалась фашистская организация «Новая гвардия».

Трудящиеся ответили на это усилением борьбы. Большой резонанс в стране вызвала забастовка шахтеров севера Нового Южного Уэльса [2]. Руководство Австралийского совета профсоюзов фактически устранилось от организации отпора наступлению предпринимателей, что вызвало резкое недовольство профсоюзных масс и привело к значительному падению влияния реформизма в профсоюзном движении.

Верные лозунгу единого фронта трудящихся, коммунисты работали в профсоюзах, поддерживали забастовки, возглавляли движение безработных, активно участвовали в борьбе против выселения за неуплату квартплаты. Особенно большим влиянием коммунисты пользовались среди рабочих горной промышленности. Здесь по инициативе КПА возникали комитеты для организации борьбы за сокращение рабочего дня и увеличение зарплаты. Федерация горняков стала первым профсоюзом Австралии, избравшим в свое руководство коммунистов Уильяма Орра и Чарльза Нельсона.

В условиях нарастания угрозы фашизма и войны, прежде всего в связи с военными приготовлениями Японии, коммунисты выступили за активную борьбу против фашистской опасности в Австралии, осуждали антинародную политику правительства, которое следовало в фарватере английского курса «умиротворения» агрессора. КПА содействовала формированию «рабочих корпусов обороны».

Благодаря политике единого фронта в активные политические действия включались новые отряды рабочих, фермеров, интеллигенции. Молодая Коммунистическая партия Австралии значительно окрепла. Более прочными стали ее связи с массами, возросла численность ее рядов.

ЗА ЕДИНСТВО В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ

По мере утверждения рабочего класса в роли решающей силы в борьбе против фашизма и войны идеи пролетарского интернационализма находили все более широкий отклик, содействуя формированию

[1] См. *К. В. Малаховский.* История Австралийского Союза. М., 1971, стр. 224—225.

[2] См. *Э. Росс.* Великий Октябрь и рабочее движение Австралии. М., 1967, стр. 101—102.

движения антифашистской солидарности, сплочению миролюбивых сил. Нарастание фашистской и военной опасности дало сильный толчок дальнейшему развитию *движения международной солидарности трудящихся*, принимавшего разнообразные формы и вовлекавшего в борьбу все новые социальные слои. В разных странах этот процесс развивался по-разному, но повсюду его застрельщиком были рабочий класс и его авангард — коммунисты, а наиболее общей тенденцией — рост массовости, организованности, тяга к единству.

Важной вехой на пути к объединению демократических сил стало движение в поддержку борьбы китайского народа против японских милитаристов, захвативших осенью 1931 г. Северо-Восточный Китай и создавших прямую угрозу нападения на СССР. По призыву левых общественных организаций во многих странах мира прошли собрания и манифестации[1].

Выдающееся значение для организации отпора фашизму и милитаризму имело движение демократических сил, развернувшееся в 1933 г. в связи с Лейпцигским процессом. Организуя судебный процесс против Г. Димитрова и двух других болгарских коммунистов, фашистские власти руководствовались не только внутриполитическими расчетами. Они намеревались осудить и дискредитировать в глазах мировой общественности саму идею международной солидарности революционного пролетариата. Лейпцигский судебный процесс над Г. Димитровым замышлялся нацистами как крупнейшая пропагандистская акция. Их планы потерпели полный провал.

Фашисты просчитались дважды. Они находились в абсолютном неведении в отношении личности главного обвиняемого — Г. Димитрова, человека несгибаемой воли и великой преданности высоким идеалам коммунизма. Они ошиблись временем. Изменился мир, и общественное мнение во многих странах Запада стало намного менее восприимчивым к пугалу «мировой революции» и, напротив, более трезво оценивающим реальную угрозу основам цивилизации, исходящую от буржуазной реакции, и особенно фашизма. На Лейпцигском процессе обвинители и обвиняемые как бы поменялись ролями[2]. Пламенное слово Г. Димитрова буквально пригвоздило к позорному столбу организаторов фашистского судилища и режим кровавого террора в Германии. Это был призыв к разуму и чувству ответственности за судьбы человечества. И он был услышан.

Вопреки расчетам устроителей Лейпцигского процесса возмущение мировой общественности обратилось против фашизма. Особенно

[1] См. «Международная пролетарская солидарность в борьбе с наступлением фашизма (1928—1932 гг.)». М., 1960, стр. 280—281, 332, 339 и др.

[2] См. *Г. Димитров.* Лейпцигский процесс. Речи, письма и документы. М., 1961; *А. Курелла.* Димитров против Геринга. По материалам Г. Димитрова о Лейпцигском процессе 1933 года. М., 1966.

широкий размах движение за освобождение Димитрова приняло в СССР. В крупнейших городах Европы и Америки прошли стачки, демонстрации и митинги протеста. Во Франции все передовые силы нации включились в него. Коммунисты, социалисты, радикалы, деятели науки и культуры, и прежде всего Поль Ланжевен, Анри Барбюс, Поль Вайян-Кутюрье, Андре Мальро и др., решительно осудили позорное судилище в Лейпциге[1]. Германские посольства забрасывались письмами и телеграммами, требующими освобождения Димитрова и его товарищей. На широкой представительной основе был создан Международный комитет помощи жертвам германского фашизма, который организовал Лондонский контрпроцесс. Авторитетная следственная комиссия в Лондоне, тщательно проанализировав все материалы обвинения, пришла к выводу о невиновности коммунистов и причастности к поджогу рейхстага «руководящих личностей из национал-социалистской партии». Резонанс, который вызвал этот вердикт, был огромен[2].

Освобождение Димитрова и других коммунистов усилило выступления во всем мире в защиту узников фашизма. Кампания в защиту жертв фашизма стала важным фактором в создании международного антифашистского фронта. В середине 30-х гг. большой размах приобрела кампания за освобождение Э. Тельмана и других германских рабочих лидеров, томившихся в фашистских застенках. Жестокое подавление восстания австрийского пролетариата в феврале 1934 г. вызвало международное движение солидарности под лозунгом «Руки прочь от героического рабочего класса Австрии!». «Тяжелые, кровавые уроки, которые получили рабочие всех стран от позорной капитуляции социал-демократии в ряде стран перед фашизмом,— писала «Правда» 1 мая 1935 г.,— способствовали тому, что во всех странах значительно расширилась возможность установления единого фронта. Это и есть ценное, важное и новое в международном рабочем движении»[3]. Коммунисты стремились использовать эти настроения, с тем чтобы наладить конструктивный диалог с социал-демократами, и добиться тем самым решающего перевеса на главном направлении в битве против реакции, за мир и социализм.

Призывы Коминтерна подняться выше предрассудков и предубеждений нашли понимание и благоприятный отклик среди рядовых социал-демократов. В социал-демократических партиях многих стран идея единства становилась столь популярной, что лидеры этих партий не могли, не рискуя остаться в одиночестве, игнорировать эти настроения. Так было, например, во Франции, где 11 июля 1934 г.

[1] *Cl. Willard.* Le mouvement de solidarité en France pour la liberation de Dimitrov en 1933.— «Cahiers de l'Institut Maurice Thorez», 28 septembre—octobre 1934, p. 88—95.

[2] См. *Ф. И. Фирсов.* Коммунисты против фашизма и войны. М., 1975, стр. 7.

[3] «Правда», 1 мая 1935 г.

лидер СФИО Леон Блюм сделал следующее признание на страницах газеты «Пёпл»: «В течение многих лет, пока шли разговоры о единстве действий, мы думали и рассуждали об этом следующим образом: нет, нет единству действий, нет организационному единству. И мы стремились положить в долгий ящик и уйти от любого предложения о частичном или временном единстве действий до того момента, пока полное и абсолютное единство не будет признано возможным. Я лично придерживался такого мнения и неоднократно высказывался по этому поводу. Я чувствую, что эта точка зрения сейчас неоправданна...»[1]

Линия коммунистов на восстановление единства профдвижения также встречала все более значительную поддержку в реформистских профсоюзах. Все чаще национальные центры профсоюзов выступали с инициативой восстановления единства в рамках отдельных стран и в более широких масштабах. 20 декабря 1934 г. Исполнительное бюро Профинтерна получило письмо от Национального объединения профсоюзов Норвегии, в котором говорилось, что последний съезд профсоюзов Норвегии признал единство профдвижения жизненной необходимостью и высказался за организационное объединение на основе классовых позиций.

В своем обращении от 1 февраля 1935 г. к секретариату Норвежского объединения профсоюзов Исполбюро Профинтерна заявило: «Профинтерн в целом и его крупнейшая секция — профсоюзы СССР — являются самыми активными сторонниками быстрого и полного восстановления единства профдвижения в каждой стране и в международном масштабе»[2]. Далее, сославшись на имеющийся уже положительный опыт борьбы за единство во Франции, Испании, Чехословакии, Профинтерн высказался за объединение параллельных организаций в национальном масштабе, что могло бы стать «важным шагом на пути к созданию единого профсоюзного Интернационала на основе классовой борьбы»[3].

Антивоенная деятельность с момента возникновения очагов второй мировой войны находилась в центре внимания международного коммунистического движения, Коминтерна. Не было более последовательных и более мужественных борцов против зреющих повсюду заговоров международной реакции, ее захватнических планов, чем коммунисты.

Коммунисты были главной силой, которая содействовала успеху Всемирного антивоенного конгресса в Амстердаме (27—29 августа 1932 г.), с воззванием о созыве которого выступили Анри Барбюс и Ромен Роллан. Конгресс явился мощным рычагом для дальнейшего развития антивоенного движения и вовлечения в него самых широ-

[1] Цит. по: «International Press Correspondence», vol. 14, N 42 (3rd August 1934), p. 1085.
[2] «Правда», 10 февраля 1935 г.
[3] Там же.

ких масс, в том числе рабочих, организованных в реформистских профсоюзах и в социал-демократических партиях[1]. «Антивоенный конгресс в Амстердаме,— писал Г. Димитров,— и амстердамское движение против войны... еще в 1932 г. дали первый массовый толчок к установлению единого фронта и поставили этот вопрос более конкретно среди социал-демократических масс и внутри социал-демократических партий»[2].

Захват Гитлером власти в Германии и открытое провозглашение им реваншистских, человеконенавистнических замыслов выдвигали задачу борьбы за мир на первый план. На всех континентах вопрос «мир или война» становился самым острым и самым жгучим. В июне 1933 г. по инициативе компартий ряда стран в зале «Плейель» в Париже собрался Европейский антифашистский конгресс. Доклад «Против голода, фашизма и войны» сделал Марсель Кашен, выдающийся лидер французских коммунистов. В конгрессе участвовало много социал-демократов, хотя руководство Рабочего социалистического интернационала отказало ему в поддержке.

Коминтерн призвал компартии рассматривать желание простых людей во всем мире сохранить мир как самую большую силу, объединяющую народ в борьбе за создание единого фронта. Именно на этом пути коммунистические партии многих стран сумели укрепить свои связи с массами и достичь взаимопонимания между различными потоками рабочего и общедемократического движения.

Отдельные неудачи не заставили коммунистов отступить, не сделали их пленниками фаталистической установки на то, что невозможно помешать возникновению империалистической войны. С выдержкой и упорством вели они борьбу за умы людей, за мобилизацию масс, преодолевая пассивность одних и равнодушие других. Использовались различные формы и методы агитации, способные усилить бдительность трудящихся, народов в отношении замыслов и заговоров врагов мира. В двадцатую годовщину с момента начала первой мировой войны компартии Франции, Англии, Германии и Польши выступили со специальным манифестом, в котором разоблачали планы международного империализма развязать войну[3]. Обвинением, брошенным в лицо буржуазии, в подготовке преступления и одновременно грозным предупреждением звучали его строки.

1 августа 1934 г. был объявлен всеми компартиями Международным днем борьбы с войной. Во многих столицах капиталистических стран в этот день были проведены массовые демонстрации и митинги. В Нью-Йорке в манифестации на Юнион-сквер приняло

[1] См. «Антивоенные традиции международного рабочего движения». М., 1972, стр. 297.
[2] Там же, стр. 298.
[3] «International Press Correspondence», vol. 14, N 38 (6th July 1934), p. 989, 990.

участие более 20 тыс. трудящихся[1]. В Париже рабочие крупнейших предприятий остановили работу на короткий период, с тем чтобы сказать войне «нет!». По инициативе компартий 4—7 августа 1934 г. в Париже был проведен Всемирный конгресс женщин против войны и фашизма. В самом составе его участников, широком и представительном, в содержании его основных документов, призывавших все миролюбивые силы оградить человечество от надвигающегося на него «величайшего бедствия», нашла яркое отражение идея согласованных действий всех общественных элементов, которым дороги мир и судьба будущих поколений[2].

Особое значение в определении стратегии и тактики коммунистов в антивоенном движении имел VII конгресс Коминтерна. Конгресс решительно выступил против недооценки движения за мир, создающего лучшие возможности для сплочения антифашистских сил, а также против левацко-троцкистских взглядов на войну как на самый верный путь к революции. Отметив, что в условиях существования и постоянного укрепления СССР борьба за мир не является безнадежной, конгресс ориентировал компартии на создание широчайшего единого фронта миролюбивых сил.

VII конгресс сделал ряд выводов, имевших долговременное значение для стратегии коммунистического движения в борьбе за мир. Главный из них состоял в том, что фашистская агрессия угрожает не только Советскому Союзу, но и национальной независимости и самому существованию большинства других стран, больших и малых. Исходя из этого, конгресс записал в резолюции, что если какое-либо слабое государство подвергнется нападению со стороны одного или нескольких империалистических государств, стремящихся уничтожить его национальную независимость «или произвести его раздел, то война национальной буржуазии такой страны для отпора этому нападению может принять характер освободительной войны, в которую рабочий класс и коммунисты этой страны не могут не вмешаться». Коммунистические партии, подчеркивалось в резолюции, должны в случае возникновения войны с агрессивными державами стать «в первые ряды бойцов за национальную независимость...»[3].

VII конгресс Коминтерна дал новый импульс поискам организации отпора военной опасности путем совместных усилий двух Интернационалов[4]. 26 сентября 1935 г. Исполком Коминтерна, обращаясь к Секретариату Рабочего социалистического интернационала,

[1] «Daily Worker», 2.VIII. 1934.
[2] См. «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937)». М., 1961, стр. 223—225.
[3] «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», стр. 42.
[4] См. подробнее: *К. К. Шириня.* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.), стр. 284—306.

подчеркнул необходимость объединения усилий обоих Интернационалов во имя сохранения мира, во имя предотвращения «чудовищной катастрофы, к которой толкают человечество фашистские преступники». Коминтерн предлагал немедленно созвать совместное совещание представителей обоих Интернационалов и обсудить вопрос о реализации намеченных ими мер для сохранения мира [1].

Несмотря на отказ руководства РСИ, Коминтерн не переставал добиваться устранения всех препятствий для достижения международного единства действий рабочего класса в интересах мира и антифашистской борьбы.

Линия Коминтерна и компартий на вовлечение в движение против войны самых различных сил, придерживающихся разных политических взглядов и религиозных убеждений, способствовала расширению антивоенного движения. При активном участии коммунистов успешно прошли Международный конгресс мира в Брюсселе (3—6 сентября 1936 г.) и Международный конгресс молодежи в Женеве (31 августа — 6 сентября 1936 г.). ИККИ в своих решениях и в практической деятельности исходил из необходимости вовлечения в движение сторонников мира самых широких слоев населения и самого широкого спектра пацифистских, религиозных, молодежных, женских, кооперативных организаций, представителей колониальных народов [2].

Важным шагом в деле укрепления международной солидарности антифашистских и антивоенных сил явились активные совместные выступления трудящихся разных стран против нападения фашистской Италии на Эфиопию, в поддержку предложения СССР об организации коллективного отпора агрессорам [3].

Стремление к единению всех антиимпериалистических сил нашло яркое выражение в созыве весной 1936 г. в Париже Европейской конференции помощи жертвам итало-эфиопской войны, на которой были представлены самые различные политические течения — коммунисты, социалисты, демократы, пацифисты и т. д.— свыше 100 участников из Франции, Голландии, Скандинавии, Испании, представители германских и итальянских антифашистов, посланцы Эфиопии, Гаити, североамериканских негров и колониальных наро-

[1] «L'Humanité», 26.IX.1935; см. также «Правда», 27 сентября 1935 г.

[2] См. подробнее в кн.: «История второй мировой войны 1939—1945», т. 2. Накануне войны. М., 1974, стр. 258; *К. К. Шириня.* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.), стр. 292—296.

[3] См. *Г. Грюнвальд.* МОПР в борьбе против войны. М., 1936, стр. 38; «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937 гг.)», стр. 316; *А. И. Аврус.* МОПР в борьбе против террора и фашизма. 1922—1939. Саратов, 1976, стр. 236.

дов [1]. В работе конференции участвовали Международная рабочая помощь и Фонд Маттеотти.

В связи с гражданской войной и интервенцией фашистских держав в Испании Коминтерн вновь и вновь обращался с призывом к сплочению всех течений в международном рабочем движении. Организацию эффективной помощи испанскому народу путем преодоления раскола и осуществления единства действий международного пролетариата против общего врага — фашизма руководители Коминтерна считали важнейшей задачей. В телеграмме Тольятти в октябре 1936 г. Димитров писал, что «нужно энергично и дальше продолжать кампанию за совместные действия между II, Амстердамским и Коммунистическим Интернационалами для спасения Испанской республики... Мы не должны никоим образом удовлетворяться только простой регистрацией саботажа и отказа социалистических вождей, а нужно с тем большей энергией и настойчивостью непрерывно вести разъяснительную работу и борьбу за международное единство пролетариата» [2].

Коминтерн выступил инициатором организации семи Интернациональных бригад, в состав которых вошли добровольцы почти из 60 стран. Рабочие составляли их костяк, коммунисты и социалисты — командные кадры. Командирами и комиссарами Интернациональных бригад были многие видные деятели международного рабочего движения — Л. Лонго, Ф. Далем, Л. Ренн, М. Залка, Р. Фокс, К. Сверчевский, Л. Штерн, В. Чопич, Г. Баймлер, Ф. Мюнних и др. Преодолевая все препятствия, свыше 40 тыс. антифашистов из разных стран прибыли в Испанию и мужественно сражались на самых трудных участках фронта. Это было живое воплощение международной солидарности. «За вашу и нашу свободу» было написано на знамени Интернациональных бригад.

Атмосфера в международном рабочем движении, хотя и медленно, улучшалась. Во многих странах проходили рабочие собрания и массовые митинги, на которых принимались резолюции, содержащие требования установления единства действий между Коминтерном и Социнтерном, между Профинтерном и Амстердамским интернационалом профсоюзов. В Нью-Йорке, Париже, Лондоне, Женеве, Брюсселе, Стокгольме, Праге и Амстердаме, в других городах Европы и Америки трудящиеся — коммунисты и социалисты, либералы и католики — шли вместе в колоннах антивоенных демонстраций, выступали с трибун совместных антивоенных и антифашистских митингов.

Эти совместные выступления содействовали оздоровлению отно-

[1] См. «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933—1937 гг.)», стр. 349—351; *Г. Грюнвальд.* Указ. соч., стр. 42; *А. И. Аврус.* Указ. соч., стр. 236.

[2] См. «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», стр. 362—363.

шений между рабочими партиями. Но этого оказалось недостаточно, чтобы создать мощное международное движение, способное служить неприступной преградой для агрессоров и заставить их тайных и явных пособников отказаться от пресловутой политики «умиротворения» фашистских агрессоров. Нельзя не учитывать, что правые социалисты во многих странах настойчиво распространяли идею о том, что решительные санкции против фашистских Италии и Германии могут лишь ускорить начало второй мировой войны и что лучший способ предотвратить ее — это пожертвовать «ради спасения мира» отдельными территориями и даже странами. В этом нельзя не видеть важную причину относительного неуспеха пролетарских выступлений против итальянской агрессии в Эфиопии, уклонения многих влиятельных социал-демократических партий от решительного противодействия германо-итальянской интервенции в Испании и агрессии милитаристской Японии в Северном Китае, наконец, особой легкости, с которой страны-агрессоры добивались для себя все новых и новых уступок со стороны правительств западных держав.

Стремясь усыпить бдительность и подыгрывая антисоветчикам и противникам единого антифашистского фронта на Западе, фашистские правители развязали настоящую психологическую войну против СССР, международного коммунистического движения, всех революционных сил, обвиняя их в подрыве стабильности в мире.

Грозная опасность придвигалась все ближе. Испанская Герника символизировала кошмар будущей войны на истребление народов во имя фашистского «нового порядка». Сознавая свою историческую ответственность, коммунистические партии, Коминтерн неустанно боролись за создание прочного и нерушимого блока всех антифашистских сил, цементирующим началом которого могло быть только рабочее единство. Сама жизнь подтвердила, что там, где в рабочей среде побеждала классовая солидарность, фашизм и реакция либо отступали, либо терпели поражения.

Борьба коммунистов за создание антивоенного и антифашистского фронта имела поистине историческое значение. Ее результат в полной мере сказался в могучем размахе антифашистского, освободительного движения в годы второй мировой войны.

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

В 20—30-х гг. реформистское течение в международном рабочем движении представляли социал-демократические партии, большинство которых входило в Рабочий социалистический интернационал (РСИ). В 1931 г. в РСИ насчитывалось 36 партий, имевших 6 204 112 членов и собиравших 26,4 млн. голосов на выборах [1]. За время деятельности РСИ было созвано четыре конгресса. В мае 1923 г. в Гамбурге состоялся Учредительный конгресс РСИ. На Втором конгрессе в Марселе (август 1925 г.) была разработана внешнеполитическая программа и приняты решения о борьбе против реакции, в защиту повседневных требований трудящихся. Третий конгресс в Брюсселе (август 1928 г.) опубликовал обращение «К трудящимся мира!», в котором излагались позиции РСИ по актуальным экономическим и политическим проблемам, одобрил программу борьбы против милитаризма и по колониальному вопросу. Состоявшийся в Вене в июле 1931 г. Четвертый конгресс выработал программу борьбы за разоружение, в защиту демократии в Европе и решение о мерах борьбы против экономического кризиса. На проходившей в августе 1933 г. в Париже конференции РСИ было принято решение с призывом к борьбе против фашизма. Практически с этого времени деятельность РСИ была парализована разногласиями между ведущими социал-демократическими партиями. 3 апреля 1940 г. Рабочий социалистический интернационал официально прекратил свою деятельность [2].

В отличие от Коминтерна, влияние которого распространялось практически на весь мир, РСИ объединял в основном социал-демократические партии стран Европы. По признанию видного теоретика английского лейборизма Дж. Коула, социал-демократическое движение «сохраняло по существу европейский характер» [3]. В РСИ входило лишь пять неевропейских партий: одна из США и по две из Азии и Латинской Америки. Их влияние было незначительным как в своих странах, так и в РСИ.

В межвоенный период в социал-демократическом движении попрежнему сохранялось три течения: правое, центристское и левое.

[1] «L'Internationale Socialiste (Supplément au Bulletin intérieur N 94). Edité par le Bureau International». Paris, [s.a.], p. 23.
[2] См. *И. М. Кривогуз.* Рабочий социалистический интернационал (1923—1940). М., 1979.
[3] *G.D.H. Cole.* A History of Socialist Thought, vol. IV, part II: Communism and Social-Democracy. 1914—1931. London, 1958, p. 875.

Соотношение этих течений в партиях менялось, хотя в целом преобладало правое крыло, опиравшееся на социал-демократические партии в Германии, Великобритании, Скандинавии, а также в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Центристские позиции занимали лидеры социалистических партий Франции и Австрии. И лишь в Испании лидер левого крыла Ларго Кабальеро возглавлял в 1932—1935 гг. Испанскую социалистическую рабочую партию.

Характерным для идейно-политических позиций партий, входивших в РСИ, был разрыв между официально провозглашенными социалистическими целями и оппортунистической практикой. В целом эволюция социал-демократии определялась стремлением ее руководства сократить этот разрыв за счет приспособления к политике демократического крыла буржуазии.

УСИЛЕНИЕ ОППОРТУНИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

В годы временной стабилизации капитализма практиковались жестокие репрессии против коммунистических партий, подавлялись массовые выступления трудящихся. Вместе с тем правящие круги многих капиталистических стран вынуждены были искать более активной поддержки со стороны социал-демократии.

Оппортунистическое руководство социал-демократии рассчитывало извлечь для себя политические выгоды как из временного спада классовой борьбы в годы частичной стабилизации капитализма, так и из порожденного страхом перед возросшей мощью революционного движения курса буржуазии на более активное сотрудничество с социал-демократическими лидерами. Реформистские лидеры рассчитывали, что их доступ к правительственной власти и в государственный аппарат значительно расширит арсенал средств укрепления социал-демократического влияния и они смогут отвоевать часть избирателей не только у коммунистов, но и у буржуазных партий, доказав свое умение управлять делами капиталистического общества не хуже прямых представителей буржуазии.

В годы временной стабилизации капитализма *политэкономическая мысль* социал-демократии приобрела эклектичный характер, позволявший делать самые противоречивые выводы для политической практики. В документах РСИ, многих влиятельных социал-демократических партий еще содержались ссылки на Марксов анализ противоречий капитализма, указывалось на необходимость классовой борьбы и социального освобождения трудящихся. Однако это были абстрактные, оторванные от реальности догмы. Что же касается исследования конкретных экономических процессов, то они опирались преимущественно на буржуазную политэкономию.

Показательна оценка РСИ капиталистической рационализации.

«В капиталистической экономике,— говорилось в резолюции Третьего конгресса РСИ,— рационализация неизбежно приобретает два аспекта: с одной стороны, она представляет собой средство повышения производительности труда и означает технический прогресс в производстве, с другой — для капитализма она есть средство компенсировать повышение зарплаты, сокращение рабочего дня и развитие социальных реформ посредством увеличивающейся экономии на рабочей силе и растущего принуждения трудящихся интенсифицировать свой труд» [1]. Далее признавалось, что капиталистическая рационализация сопровождается безработицей. В проекте резолюции Четвертого конгресса РСИ отмечалось: «Рабочий класс выступает не против самой рационализации, а против извращений, которые происходят в условиях капиталистической экономики. Пролетариат требует для себя права участия в решениях, касающихся его судьбы, равномерного распределения прибавочного продукта, получаемого от рационализации...» [2]

Правильное указание на необходимость помешать капиталу присваивать плоды научно-технического прогресса было, однако, слишком общим, оставляло открытым вопрос о конкретных путях борьбы против наступления буржуазии, которая использовала технико-экономические успехи рационализации для насаждения взглядов об исчезновении классовых противоречий и наступлении эры «классового мира».

Правые лидеры социал-демократии бурно приветствовали капиталистическую рационализацию. Один из лидеров СФИО, Ш. Спинасс, уверял, будто под воздействием рационализации вместо капиталистического рынка образуется социальный рынок, регулируемый не прибылью, а «социальными целями» общества [3]. Напротив, левые, а также такие центристские лидеры, как О. Бауэр и Л. Блюм, давали критическую оценку капиталистической рационализации. «Наука,— писал Л. Блюм,— развивается, беспредельно растет производительность труда, но если социальные отношения остаются в основе несправедливыми, то, увеличивая богатство, мы только увеличиваем несправедливость. Если основа распределения несправедлива, несправедливость увеличивается с ростом продукции производства, которую надо распределить...» [4] Исходя из этого общего принципа, Л. Блюм подчеркивал: «... рационализация ускоряет внутреннюю эволюцию, которая подводит капитализм к социальной ре-

[1] «Troisième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste. Bruxelles, du 5 au 11 août 1928. Deuxième volume. Section V—IX». Zürich, 1928, p. IX. 19—IX. 20.
[2] «Quatrième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste. Rapports présentés au Quatrième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste. Vienne, juillet 1931, par le Secrétariat de l'I.O.S.». Zürich, 1931, p. I.41.
[3] «La vie socialiste», 1928, N 89, p. 6.
[4] «La revue de Paris», 20.V. 1924.

волюции. Рационализация есть средство концентрации и пролетаризации...»[1].

Однако все социал-демократические лидеры были согласны в том, чтобы не придавать серьезного значения теоретическим разногласиям по вопросу о характере рационализации и капиталистического развития в целом. Это способствовало утверждению прагматического, тред-юнионистского подхода, который расчищал путь к дальнейшему укреплению оппортунистических тенденций в социал-демократических партиях.

Широкое распространение получила выдвинутая лидером и идеологом СДПГ Р. Гильфердингом концепция «организованного капитализма». В 1927 г. он заявил, будто развитие государственно-монополистического регулирования означало «принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства» [2]. Он отмечал, что в «организованном капитализме» сохранятся противоречия, порождающие борьбу, но, по его словам, в новых условиях противоречия будут преодолеваться эволюционным путем «превращения иерархически организованного хозяйства в демократически организованное» [3]. Решение указанной задачи потребует, по словам Гильфердинга, перехода «от научного к конструктивному социализму», при котором отпадает необходимость в революции.

По мнению Р. Гильфердинга, для построения социализма достаточно будет «преобразовать ... с помощью сознательного общественного регулирования это организованное и руководимое капиталистами хозяйство в хозяйство, руководимое демократическим государством» [4]. Утверждая, что «теперь в профсоюзном движении господствует принцип борьбы за фабричную и хозяйственную демократию», Р. Гильфердинг делал вывод: «В эпоху организованного капитализма из самого развития профсоюзов выросла социалистическая цель» [5].

Иными словами, борьба за социализм сводилась к расширению государственного вмешательства в экономику и к обычной профсоюзной деятельности. По существу Р. Гильфердинг отрицал необходимость революционного преобразования буржуазного государства, предлагая ограничиться дополнением существовавшей якобы в Веймарской республике «политической демократии» «экономической демократией».

Хотя в 20-х гг. лозунг «экономической демократии» еще не получил всеобщего признания, он активно использовался правыми со-

[1] «Le populaire de Paris», 23.IV. 1927.
[2] «Sozialdemokratischer Parteitag 1927 in Kiel. Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz». Berlin, 1927, S. 168.
[3] *Р. Гильфердинг.* Капитализм, социализм и социал-демократия. Сборник статей и речей. М.— Л., 1928, стр. 35.
[4] Там же, стр. 128.
[5] Там же, стр. 135.

циал-демократическими лидерами для идеологического обоснования оппортунизма в политике.

В кругах правой социал-демократии усилилось стремление отделить экономическую борьбу от идейно-политической, а некоторые правые социал-демократические лидеры при случае подвергали сомнению целесообразность всеобщих забастовок. «Я не поклонник всеобщих забастовок»[1], — публично заявлял, например, лидер лейбористской партии Великобритании Рамсей Макдональд. Негативное отношение ко всеобщим забастовкам оправдывалось ссылками на то, что посредством классового сотрудничества можно отстаивать экономические интересы трудящихся более эффективными и не такими дорогостоящими для общества и рабочих средствами, как забастовки. Фактически социал-демократических лидеров пугала перспектива перерастания забастовочной борьбы в массовые политические выступления, невозможность удержать ее в реформистских рамках. Именно подобные опасения питали по существу отрицательное отношение руководства лейбористской партии и Генерального совета БКТ ко всеобщей забастовке 1926 г. в Англии, что и привело к прекращению забастовки на условиях, означавших капитуляцию рабочих [2]. Иными словами, реформистская стратегия отстаивания экономических интересов трудящихся попала в такую зависимость от буржуазной политики, что буржуазия, прибегая к политическим средствам решения экономических конфликтов в своих интересах, не только не встречала сопротивления реформистских лидеров, но и могла рассчитывать на их сотрудничество.

Такие проявления оппортунизма отражали общую тенденцию в политике социал-демократических лидеров, все больше склонявшихся к тому, чтобы рассматривать свою деятельность в парламенте и правительстве, соглашения с предпринимателями и правительственными органами в качестве главных методов отстаивания экономических интересов трудящихся. Узко тред-юнионистский подход реформистских лидеров к защите повседневных требований трудящихся и их усилия по приглушению массовой экономической борьбы снижали боеспособность рабочего класса, ослабляли его позиции в борьбе против капиталистического господства.

В условиях спада классовой борьбы этот порок реформистской политики не бросался в глаза. К тому же проведение в ряде стран социальных реформ создавало преувеличенное представление о возможностях реформистской политики. В результате в социал-демократическом движении не было заметных разногласий по проблемам экономической борьбы.

Иное положение сложилось на уровне политической борьбы. По-

[1] Цит. по: *R. P. Arnot.* The Miners: Years of Struggle. A History. of the Miners. Federation of Great Britain (from 1910 onwards). London, 1953, p. 430.

[2] Подробнее см. главу четвертую данного тома.

ворот большинства социал-демократических лидеров к сотрудничеству с буржуазными партиями на правительственном уровне, происходивший в обстановке спада классовой борьбы, наглядно демонстрировал связь между политикой классового сотрудничества и наступлением реакции. Это вызывало недовольство социал-демократических масс оппортунистическим курсом своих лидеров. Не случайно именно вопрос о *сотрудничестве с буржуазией на правительственном уровне* стал предметом острейшей борьбы в партиях РСИ.

Еще в начале XX в., во время обсуждения казуса Мильерана, в социал-демократическом движении выявилось правое течение, рассматривавшее любое вхождение социал-демократов в правительство как частичное завоевание пролетариатом власти. Согласно взглядам этого течения, получение большинства мест в парламенте и сформирование социал-демократического правительства обеспечивают передачу пролетариату политической власти.

До первой мировой войны большинство лидеров II Интернационала высказывалось против «парламентского пути к социализму». Участие правосоциалистических лидеров в буржуазных правительствах военного времени вызвало резкий протест левых течений. По мере дискредитации социал-шовинизма в глазах масс не только левые, но и центристы стали выступать против участия в буржуазных правительствах. Однако позиция центристских лидеров не была последовательной, она не предполагала выбора в пользу массовой революционной борьбы как главного стратегического направления. Отрицая за «парламентскими правилами игры» способность обеспечить политические условия для перехода к социализму, центристы фактически не выдвигали никакой альтернативы. Упрекая правых социалистов в игнорировании значения массовой борьбы, центристские лидеры не решались подчинить или хотя бы тесно увязать парламентскую деятельность с массовой борьбой. На Учредительном конгрессе РСИ разногласия по этому вопросу не были преодолены и вопрос остался открытым. Такое решение было выгодно правым лидерам. Главным союзником правого крыла была оппортунистическая практика руководства социал-демократических партий, в которой парламентская деятельность фактически заняла основное место, подчинив себе все остальные направления работы. Из крупных партий Рабочего социалистического интернационала только СФИО и СДРПА не участвовали в правительствах в 1924—1929 гг.

«Парламентский социализм» основательно внедрился в политическую практику социал-демократических партий, особенно таких стран, как Англия и Швеция, в рабочем движении которых были сравнительно слабы марксистские традиции. Лейбористское руководство с наибольшей откровенностью отвергало марксизм и революцию. «Я принимаю парламентаризм и отвергаю коммунизм» [1],— заявлял

[1] *J. R. MacDonald.* Parliament and Democracy. London, 1920, p. VIII.

Р. Макдональд, и в этой фразе была спрессована вся политическая философия правого крыла социал-демократии.

С точки зрения Р. Макдональда, преимущество парламентской демократии заключается в том, что она отрицает прямую демократию, не допускает народные массы к рычагам управления государством. Утверждая, что массы невежественны и не способны управлять государством, Р. Макдональд заключал: «Поэтому могло бы показаться величайшей глупостью и порочностью позволить этим массам выносить важные политические суждения по высочайшим и сложнейшим делам государства и управлять делами, которые весьма далеки от их повседневных забот». Он усматривал преимущество парламентского режима именно в том, что он не совершает такой «глупости». «Истина состоит в том, что представительные институты формируют своих обученных работников. Народная толпа без соответствующих знаний и умения управлять может, однако, обеспечить себе свободу, а обществу — безопасность и достоинство посредством представительных институтов при условии, что заметная часть народных масс понимает язык свободы, безопасности, достоинства и что этот язык разумен» [1]. Естественно, что в деятельности первого лейбористского правительства не было ничего социалистического и она вполне оправдывала характеристику лейбористской партии как «умеренного рабочего крыла британского либерализма» [2].

В странах континентальной Европы, где значительные массы трудящихся с недоверием воспринимали прямую апологетику буржуазного государства, социал-демократические лидеры испытывали потребность в иных, более гибких концепциях, обосновывавших необходимость участия социал-демократов в буржуазных правительствах.

На эту потребность откликнулся К. Каутский. На словах К. Каутский отмежевался от «парламентского пути к социализму». «Парламентаризм, — писал он,— всегда будет разочаровывать тех социалистов, которые хотели бы, чтобы парламент совершил вместо них революцию, не создавая для пролетариата необходимости внепарламентской борьбой развивать свои силы и добиться власти» [3]. Если Р. Макдональд утверждал, что невежество народа лежит в основе недостатков парламентаризма, то К. Каутский писал: «Буржуазия стала консервативной. Отсюда — бесплодие парламента» [4].

Однако это заявление фактически было лишь словесной данью марксистской традиции, революционным настроениям рабочих, ибо

[1] *J. R. MacDonald.* Socialism: critical and constructive. London, 1924, p. 224.
[2] *A. Sturmthal.* The Tragedy of European Labor. 1918—1939. New York, 1943, p. 104.
[3] *К. Каутский.* Пролетарская революция и ее программа. Берлин, 1922, стр. 166.
[4] Там же, стр. 166—167.

Каутский по существу одобрял участие социал-демократов в буржуазных правительствах на любых условиях и их ориентацию преимущественно на парламентскую деятельность. Он утверждал, что наступило состояние равновесия классов, «когда пролетариат не в силах еще завоевать для себя политическую власть целиком, но уже достаточно силен, чтобы помешать любой из буржуазных партий удержаться у власти вопреки воле рабочего класса»[1]. В таких условиях социалисты, по мнению К.Каутского, вынуждены участвовать в буржуазном правительстве. Рассуждения К. Каутского о необходимости учета соотношения классовых сил, подготовки революции, придавая «марксистскую окраску» идее «коалиционного правительства», фактически не накладывали на социал-демократическое руководство обязательств по использованию правительственной власти в революционных целях. Ссылка на опасность гражданской войны заранее оправдывала оппортунистическое поведение социал-демократов в правительстве.

Однако на практике было невозможно соединить марксистские убеждения и революционные настроения масс с оппортунистической политикой.

Деятельность «коалиционных» правительств не содействовала ни подготовке революции, как это обещал К. Каутский, ни политическому продвижению рабочего класса. Социал-демократические партии целиком приняли правила парламентарной игры со всеми их последствиями. Участие социал-демократов в правительствах не смогло предотвратить неуклонного сдвига вправо оси политической жизни в большинстве капиталистических стран.

Не удивительно, что результаты правительственной деятельности социал-демократических лидеров вызывали среди социал-демократических масс разочарование и даже тревогу за судьбы социалистического движения и демократии. Именно этим объясняется тот факт, что сотрудничество с буржуазией на правительственном уровне так и не получило официального одобрения в документах РСИ. Особенно энергично выступали против такого одобрения Французская социалистическая партия и Социал-демократическая рабочая партия Австрии.

Теоретической основой позиций социал-демократических противников идеи «коалиционного» правительства была концепция «исполнения» и «завоевания» власти, выдвинутая лидером СФИО Л. Блюмом. Не будучи марксистом, Л. Блюм занял по важнейшему политическому вопросу более левые позиции, нежели К. Каутский. Более того, на рубеже 20—30-х гг. Л. Блюм боролся против «неосоциалистов», выступавших за открытый разрыв с марксизмом, а Каутский фактически поддерживал «неосоциалистов» против Л. Блюма[2]. Смы-

[1] *К. Каутский.* Пролетарская революция и ее программа, стр. 128.

[2] См., например, «La vie socialiste», 1930, N 172, p. 6.

кание позиций К. Каутского и открытых активных противников марксизма само по себе было символическим явлением, свидетельствовавшим о том, что даже формальное признание марксизма становилось обременительным для руководства СДПГ.

Взгляды Блюма отражали особенности идейно-политической эволюции Французской социалистической партии, определявшиеся, с одной стороны, боевыми традициями французского пролетариата, а с другой — тем, что французский оппортунизм не достиг такой степени зрелости, как германский оппортунизм, ибо французским оппортунистическим лидерам не приходилось выступать в роли душителя революции, как это произошло в Германии[1].

Выдвигая концепцию «исполнения» и «завоевания» власти, Л. Блюм стремился теоретически обосновать политику неучастия в буржуазных правительствах и наметить основные контуры будущей стратегии завоевания политической власти. Л. Блюм высказывался за революцию и диктатуру пролетариата[2]. «... История учит,— писал он,— что всякая политическая революция, т. е. переход от одного политического строя к другому, почти всегда связана с тем, что я назвал бы отсутствием законности: старые институты низвергнуты, тогда как новые еще не в состоянии работать. Эти периоды отсутствия законности по своей природе есть периоды диктатуры... Мы предвидим, что социальная революция окажется перед той же практической необходимостью, и именно поэтому мы считаем диктатуру пролетариата почти неизбежным следствием пролетарской революции» [3].

Указывая на принципиальное различие между чисто парламентским путем прихода социалистов в правительство и революционным завоеванием политической власти, Л. Блюм писал: «Завоевание власти — это полный захват политической власти, возможная прелюдия и необходимое условие для преобразования отношений собственности, т. е. революции... Завоеванию власти я противопоставил исполнение власти в условиях буржуазного строя, которое не носит революционного характера и которое есть следствие самой парламентской деятельности...»[4]

В результате завоевания социалистами большинства мест в парламенте или изменения расстановки сил в нем социалисты могут оказаться вынужденными сформировать социалистическое правительство, которое, однако, не сможет проводить в жизнь социалистическую программу из-за отсутствия других необходимых социаль-

[1] См. *С. С. Салычев.* Французская социалистическая партия в период между двумя мировыми войнами. 1921—1940 гг. М., 1973; *D. Blumé, R. Bourderon e.a.* Histoire du réformisme en France depuis 1920, t. I. Paris, 1976.
[2] *L. Blum.* Radicalisme et socialisme. Paris, 1928, p. 7, 11.
[3] Ibid., p. 19.
[4] «La nouvelle revue socialiste», 1926, N 3, p. 23.

но-политических условий. Это и есть, по определению Л. Блюма, типичный случай «исполнения» власти. Соглашаясь на «исполнение» власти, социалисты попадают, однако, в трудное положение. В условиях, когда массы «будут ожидать от исполнения власти таких результатов, которые может им дать лишь завоевание власти»[1], реформистский характер действий социалистического правительства вызовет недовольство масс и приведет к падению влияния социалистической партии.

Кроме «исполнения» власти перед социалистами может возникнуть и возможность участия в коалиционном правительстве. Называя это простым участием в правительстве, Л. Блюм писал: «...в участии я усматриваю те же неудобства (что и в «исполнении» власти.— *Ред.*), но не вижу аналогичных преимуществ, их компенсирующих»[2]. И в данном случае приход социалистов в правительство будет воспринят массами как завоевание власти, тогда как социалисты будут иметь неизмеримо меньшие возможности для проведения реформ в интересах трудящихся, нежели в случае «исполнения» власти. Исходя из этих соображений, Л. Блюм подчеркивал, что социалисты не могут уклониться от «исполнения» власти, но должны, как правило, избегать простого участия в правительстве[3].

Концепция Л. Блюма получила довольно широкое признание в рядах международной социал-демократии. Положительное значение имели критика Блюмом «парламентского пути к социализму», его указания на невозможность завоевания политической власти без революции и диктатуры пролетариата. В противовес многим влиятельным лидерам РСИ, переоценивавшим значение участия социалистов в правительстве, Л. Блюм вполне правомерно отмечал ограниченный, сугубо реформистский характер подобного участия.

Однако в концепции Л. Блюма были заложены и все присущие центристам слабости. Сказывалось глубоко укоренившееся в социал-демократическом движении преклонение перед буржуазным государством.

Признавая необходимость разрушительной, насильственной функции революционных масс, Л. Блюм не верил в их созидательную способность. Он допускал первенствующую роль масс в сокрушении старого строя, но не в строительстве нового, социалистического общества.

В результате революция приобретала в его интерпретации довольно мрачный вид. Революционная власть, апеллирующая к народу

[1] *L. Blum.* L'exercice de pouvoir. Discours prononcés de mai 1936 à janvier 1937. Paris, 1937, p. 332.
[2] «La nouvelle revue socialiste», 1926, N 3, p. 27.
[3] Л. Блюм допускал исключения лишь для чрезвычайных обстоятельств, создаваемых либо внешней угрозой, либо наступлением крайне правых сил (L'oeuvre de Léon Blum. 1934—1937. Paris, 1964, p. 196).

в борьбе за свержение старого строя, вступает в противоречие с массами, как только переходит к строительству нового, социалистического общества. Иными словами, революционная власть, ограничивая права свергнутых классов, ограничивает и права народных масс, а это неотвратимо ведет революцию к поражению: становясь на путь ограничения прав народных масс, революционная власть лишается своей основной опоры в борьбе против свергнутых классов, которые еще долго будут сильнее ее. Л. Блюм, смело прибегавший к революционным формулам и понятиям, каждый раз отступал перед необходимостью делать революционные выводы для политической практики.

Поставив вопрос о противоречии между революционными целями и реформистской политикой социал-демократических партий, Блюм не разрешил этого противоречия, а попросту предложил отложить его решение до того момента, когда социалисты примут участие в правительстве. Между тем в этом случае разрыв между программными установками и политической практикой социалистической партии становится особенно нетерпимым. Партия сталкивается с дилеммой: либо свертывать свои революционные лозунги, либо преодолевать ограниченность реформистской политики. Фактически Л. Блюм склонялся к первому решению. Критикуя некоторые наиболее одиозные стороны оппортунистической политики, Л. Блюм, как и другие лидеры центристского течения, не покидал почвы реформизма.

Противоречия между центристским и правым течениями в социал-демократических партиях нередко принимали острый характер. Однако в условиях временной стабилизации капитализма, общего спада классовой борьбы, при наличии глубоких антикоммунистических настроений в рядах центристов разногласия в социал-демократическом движении преодолевались посредством дальнейшего сдвига вправо идейно-политических позиций центристского течения.

Следует отметить, что если по вопросу об участии социал-демократов в правительстве еще шли острые дискуссии и правым не удалось навязать свою точку зрения, то по таким первостепенным проблемам, как *оценка реакционных тенденций в буржуазной политике* и путей борьбы против них, *отношение к коммунистическому движению*, правое крыло социал-демократии более успешно продвигало свои взгляды.

Хотя нарастание реакционных тенденций в буржуазной политике вызывало в социал-демократических массах тревогу, отразившуюся, в частности, в заявлении Гамбургского конгресса РСИ о превращении буржуазии в основной источник реакции, настроения масс не оказали серьезного воздействия на политическую практику социал-демократических партий. Поскольку социал-демократическое руководство предпочло пугающей его перспективе революционного развития реформистскую политику сотрудничества с буржуазными партиями, тезис о том, что буржуазия стала основным источником реакции, оставался декларативным. На Третьем конгрессе РСИ Э. Ван-

дервельде, объявив фашизм продуктом экономической и политической отсталости капиталистических стран, утверждал: «В фашизме нет ничего нового, кроме слова. Это победивший буланжизм, бонапартизм...»[1]

Содействие буржуазии фашизму объявлялось случайностью, проявлением недальновидности определенных ее фракций. «Итальянская буржуазия,— говорил лидер итальянских социалистов Ф. Турати,— способствовала победе фашизма. Она раскаивается в этом, но слишком поздно... Фашизм стремится жить только для себя, над всеми и против всех классов во имя интересов единственного политического класса, который он создает сам»[2]. Рисуя образ кающейся буржуазии, Ф. Турати не остановился перед инсинуацией в адрес коммунистов. «Фашизм...— клеветнически утверждал он,— есть реальный большевизм, находящийся на службе любой реакции. Он помогает коммунизму, борясь против него, чтобы обеспечить себе алиби в глазах простофиль»[3].

Герои антифашистского подполья объявлялись соучастниками фашизма, а буржуазные столпы фашистского режима провозглашались потенциальными союзниками в антифашистской борьбе! И как ни одиозны высказанные Ф. Турати идеи, они оказались созвучными концепциям Э. Вандервельде и других антикоммунистически настроенных социал-демократических лидеров, получившим достаточно полное отражение в решениях Третьего конгресса РСИ. В одном из них, в частности, говорилось: «Интернационал безоговорочно выступает против диктатуры секты или одного человека независимо от формы этой диктатуры»[4]. При этом осуждению подвергались не только фашистские режимы, но и политический строй Советского Союза, который квалифицировался как «диктатура террористического меньшинства»[5].

Клеветническое отождествление коммунизма с фашизмом невозможно было объяснить лишь воздействием буржуазной пропаганды, ожесточением, вызванным расколом рабочего движения или же искренним заблуждением. Решающую роль играло сознательное стремление правого социал-демократического руководства дискредитировать с помощью антикоммунизма всякие революционные действия и убедить массы в том, что классовое сотрудничество совместимо с защитой демократии.

На конгрессах РСИ, с парламентских трибун, в прессе социал-демократические лидеры неизменно обращали внимание общественности на необходимость борьбы против реакции, на грабительский

[1] «Troisième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste», p. VI. 19.
[2] Ibid., p. VI.52.
[3] Ibid., p. VI.54.
[4] Ibid., p. IX.6.
[5] Ibidem.

характер Версальского договора, осуждали агрессивные замыслы империализма, протестовали против колониальной войны французского империализма в Марокко, против американской интервенции в Никарагуа, против империалистической политики США и западноевропейских стран в Латинской Америке, Азии, Африке. Но в вопросе об отношении к массовому движению против или за что-либо социал-демократические лидеры неизменно оказывались в одном лагере с буржуазными политиками. Отвергая массовую борьбу, социал-демократическое руководство уверяло рабочих, что буржуазно-демократическое государство якобы имеет достаточно средств для обуздания фашистской реакции. В соответствии с этой установкой либеральная буржуазия объявлялась главным союзником рабочего класса в борьбе против фашизма, а коммунисты — врагами демократии.

Антикоммунизм, усугубляя свойственное реформистам недоверие к массовой политической борьбе, использовался и как маскировка политики ее приглушения, отстранения масс от активного участия в «большой политике».

Рабочий социалистический интернационал высказывался за ликвидацию «рокового раскола»[1]. Многие видные социал-демократические лидеры подчеркивали, что разногласия между коммунистами и социал-демократами не выходили за рамки рабочего движения[2].

Однако на практике все выглядело иначе. Достаточно напомнить об отношении социал-демократических лидеров к проблеме единого рабочего фронта. Выдвинутая коммунистами концепция единого фронта, усилия коммунистов в Германии, Франции, Италии и других странах создавали реальные возможности для сближения всех рабочих сил[3]. Социал-демократические лидеры не воспользовались указанными возможностями и в общем отвергали всякую мысль об этом.

В годы временной, частичной стабилизации капитализма в социал-демократическом движении укреплялись оппортунистические и антикоммунистические тенденции. Курс на сотрудничество с буржуазными партиями и антикоммунизм составили общую платформу, объединившую все течения социал-демократии на условиях ее правого крыла. Буржуазные партии со своей стороны принимали все меры к тому, чтобы пресечь всякую возможность сближения социал-демократов и коммунистов. С самого начала антикоммунизм был той монетой, которой социал-демократические лидеры расплачивались за получение более широких возможностей для политических действий в рамках буржуазной парламентской демократии. Реформист-

[1] «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in Hamburg 21. bis 25. Mai 1923». Berlin, 1923, S. 102.
[2] «SFIO. XVIII-e congrès national. Compte-rendu sténographique». Paris, 1921, p. 275.
[3] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969; *Ю. Л. Молчанов.* Коминтерн: у истоков политики единого пролетарского фронта. М., 1969.

ские установки социал-демократического руководства в сочетании с антикоммунизмом серьезно дезориентировали массы.

Соответственно менялся облик социал-демократических партий, они все больше преобразовывались в механизм по завоеванию избирателей на свою сторону. Усилилась связь социал-демократических партий с парламентом и всеми буржуазно-демократическими институтами, но резко упала их способность к организации массовой политической борьбы, а следовательно, и к независимым от буржуазной политики действиям. Свои успехи социал-демократия оплатила возросшей зависимостью от буржуазии. Пагубные последствия этой зависимости выявились позже, когда капитализм вступил в полосу экономических кризисов, обострения классовой борьбы и когда эта зависимость обезоружила рабочее движение перед лицом фашистской опасности.

ПЕРЕД ЛИЦОМ КРИЗИСА И ФАШИСТСКОЙ ОПАСНОСТИ

Разразившийся в конце 20-х гг. мировой экономический кризис застал врасплох социал-демократических лидеров, не предвидевших резкого изменения обстановки [1]. В этом также проявился разрыв между теорией и практикой социал-демократии. Содержавшиеся в документах социал-демократических партий обличения противоречий капиталистического производства и указания на неизбежность экономических кризисов имели сугубо пропагандистское значение, тогда как политика социал-демократии была рассчитана на отстаивание интересов трудящихся в условиях сохранения благоприятной экономической конъюнктуры посредством приспособления к политике буржуазии. «... Когда анализируешь веру социалистов (в марксистскую теорию прибавочной стоимости.— *Ред.*),— писал Ф. Гоше,— то убеждаешься, что она представляет собой могущественный миф, вовлекающий массы в борьбу, но в то же время она не мешает некоторым социалистическим экономистам предпочесть ей теорию предельной полезности или любую другую более эклектическую концепцию» [2].

Правые социал-демократические идеологи уяснили лишь мысль о возможности расширенного капиталистического воспроизводства и интерпретировали марксистскую критику сисмондистской теории экономических кризисов таким образом, чтобы доказать возможность бескризисного развития капитализма, самопреодоления его основных противоречий и врастания в социализм. Напротив, некоторые идеологи левого крыла социал-демократии были склонны абсолютизировать экономические противоречия капитализма, выдвигая идею

[1] *F. Gaucher*. Contribution à l'histoire du socialisme français (1905—1933). Paris, 1934, p. 244.
[2] Ibid., p. 231.

неизбежности автоматического краха капиталистической экономики под тяжестью противоречий. Левых социал-демократов привлекала в этой концепции ярко выраженная идея неразрешимости капиталистических противоречий, усиливающая пропаганду социалистических целей.

Нередко одни и те же социал-демократические теоретики в зависимости от изменения обстановки пропагандировали то одну, то другую концепцию. Так, ранний К. Каутский придерживался мнения о невозможности реализации всей продукции в сфере капиталистического производства и необходимости для этого некапиталистических рынков [1]. Однако в период временной стабилизации капитализма К. Каутский поддержал выдвинутую Р. Гильфердингом теорию «организованного капитализма», которая исходила из тезиса о возможности бескризисного развития капитализма и его мирном врастании в социализм.

Несколько позже подобную же эволюцию проделал идеолог СФИО Люсьен Лора, который, начав с пропаганды идеи автоматического краха капитализма, скоро оказался в рядах сторонников концепции мирного врастания капитализма в социализм. В 1939 г. Лора писал: «Преобразование экономики и общества в социалистическом направлении началось... Традиционный капитализм отмирает» [2].

Напротив, другой лидер и идеолог СФИО, Ж. Мок, проделал эволюцию в обратном направлении. В период временной стабилизации капитализма Ж. Мок утверждал, что рационализация позволяет капитализму преодолеть его основные противоречия, а с наступлением экономического кризиса он отстаивал тезис, будто расширенное капиталистическое воспроизводство возможно лишь в том случае, если рядом с «капиталистическим сектором экономики существуют сектора, не опирающиеся на всеобщую эксплуатацию: аграрный, ремесленный, колониальный и другие» [3].

Метания социал-демократических теоретиков между двумя, казалось бы, взаимоисключающими концепциями не были случайностью. Обе концепции объединяло глубокое внутреннее родство. Заложенная в них идея социального фатализма отражала неверие в решающую роль революционных действий пролетариата в преобразовании общества. В обоих случаях объективным экономическим процессам отводилась основная роль в сокрушении капитализма, а задача рабочего движения ограничивалась приспособлением к этому экономическому развитию.

В годы временной стабилизации капитализма подавляющее большинство социал-демократических лидеров не отвергали принципов

[1] «Neue Zeit», 1902, N 3 (29), S. 80.
[2] *L. Laurat.* Le marxisme en faillite? Du marxisme de Marx au marxisme d'aujourd'hui? Paris, 1939, p. 236—237.
[3] *J. Moch.* Capitalisme et transports. Paris, 1932, p. 232.

буржуазной экономической политики, ограничиваясь требованием в большей мере учитывать экономические интересы трудящихся в проведении этой политики. В условиях благоприятной экономической конъюнктуры такая политика социал-демократии еще оставляла определенные возможности для защиты повседневных интересов трудящихся. Однако с наступлением экономического кризиса положение коренным образом изменилось.

В буржуазной политике резко возросла роль методов диктата и прямого насилия, усилилось стремление буржуазии использовать политическую власть для навязывания буржуазного пути выхода из кризиса за счет трудящихся масс. В новых условиях курс на приспособление к экономической политике буржуазии все чаще втягивал социал-демократических лидеров в прямой конфликт с рабочими массами и профсоюзами. Именно таким конфликтом завершилась деятельность второго лейбористского правительства в Англии (1929—1931 гг.). Антирабочий характер программы лейбористского правительства был настолько очевиден, что даже реформистское руководство Британского конгресса тред-юнионов вынуждено было выступить против правительства. Лейбористская партия отвергла правительственную программу, а Р. Макдональд и ряд министров, отказавшись подчиниться этому решению, вышли из партии. Однако, по свидетельству Дж. Коула, большинство лидеров лейбористской партии весьма неохотно пошли на разрыв с Р. Макдональдом, ибо им приходилось отвергать политику, «которая была в конце концов не чем иным, как логическим завершением всего того, что они сами делали в предыдущие годы, находясь у власти»[1]. Они, как замечал Дж. Коул, не могли предложить никакой альтернативы отвергнутой политике. Иными словами, в условиях кризиса всякие активные действия в рамках социал-демократической политики давали буржуазные решения и бездействие оставалось единственным способом не компрометировать себя, не нарушать торжественно провозглашенных целей социал-демократического движения. «Я не думаю,— утверждал германский социал-демократ Ф. Нафтали,— что мы можем сделать очень много или добиться чего-либо решающего с точки зрения экономической политики для преодоления кризиса до его окончания... Корректирующие меры ... должны приниматься не во время кризисов, а в периоды процветания»[2].

Рекомендованное Ф. Нафтали циничное устранение от защиты интересов рабочих в самых трудных для них условиях не могло стать официальной позицией социал-демократических партий без риска разрыва с профсоюзами. В то же время руководство социал-демократии не было готово вступить в борьбу против буржуазного пути пре-

[1] *G.D.H. Cole.* The Intelligent Man's Guide through World Chaos. London, 1932, p. 611.

[2] *F. Naphtali.* Wirtschaftskrise und Arbeitslosigkeit. Berlin, 1930, S. 24.

одоления кризиса. На Четвертом конгрессе РСИ в июле 1931 г. социал-демократические лидеры проявили полнейшую растерянность перед неожиданным поворотом в социально-политическом развитии. В отчете Секретариата и в решениях Четвертого конгресса РСИ поразивший капиталистические страны экономический кризис квалифицировался как обычный циклический кризис и не содержалось ни тени анализа его особенностей. Правда, в решениях конгресса отвергался буржуазный выход из кризиса посредством урезывания потребления трудящихся. В проекте резолюции, подготовленном для Четвертого конгресса РСИ, подчеркивалось: «... если хотят преодолеть экономический кризис, то нужно повышать покупательную способность масс»[1]. В качестве мер по преодолению кризиса РСИ предлагал добиваться повышения заработной платы трудящихся, сокращения рабочего дня, введения оплачиваемых отпусков, пособий для безработных и т. д. Однако РСИ игнорировал тот факт, что в условиях кризиса резко снизилась эффективность парламентской деятельности в отстаивании экономических интересов трудящихся, что борьба по вопросу о путях преодоления кризиса имела политический характер и исход этой борьбы в конечном счете предопределялся характером политической власти.

Классовый инстинкт подсказывал социал-демократическим рабочим, что они могли отстоять свой путь выхода из экономического кризиса лишь посредством революционной массовой борьбы. Отражая подобные настроения, левое крыло социал-демократии склонялось к тому, что только внепарламентская массовая борьба позволит рабочему классу создать необходимое давление в пользу экономической политики, учитывающей интересы трудящихся. «По нашему мнению...— заявлял один из авторитетных левых социал-демократических лидеров, Ж. Зиромский,—за фасадом демократии и буржуазного парламентаризма вырисовывается диктатура капитала, и это соображение обязывает социалистические партии сохранить или восстановить политическую стратегию, базирующуюся на сплоченных и интернационально согласованных классовых действиях»[2]. Указывая на классовый характер буржуазно-демократического государства, Ж. Зиромский подчеркивал: «Мы полагаем, что... для изменения государства и существующего соотношения сил необходимо предварительно разрушить сами основы классового государства, капиталистического государства»[3].

Последовательное осуществление рекомендации левого крыла социал-демократии предполагало развертывание массовой борьбы и

[1] «Quatrième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste. Rapports présentés au Quatrième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste», p. 36.
[2] «La bataille socialiste», 1931, N 48, p. 8.
[3] «SFIO. XXVII-e Congrès national. Compte-rendu sténographique». Paris, 1930, p. 390.

установление сотрудничества с коммунистами. Однако этому препятствовали глубоко укоренившиеся в социал-демократическом движении оппортунистическая боязнь массовой борьбы и антикоммунистическая политика. Даже предложения левых социал-демократов не шли дальше использования массовой борьбы как средства давления на буржуазно-демократическое государство и его институты.

Господствовавшие в руководящих кругах РСИ настроения были наиболее полно отражены в высказываниях профсоюзного лидера Ф. Тарнова на съезде СДПГ в 1931 г.: «Ныне мы стоим у постели больного капитализма не только как диагност, но и — что здесь было бы правильнее — как врач, который хочет исцелить, или как радующийся наследник, который не может дождаться конца и охотнее всего помог бы больному посредством яда. В этой картине обрисована вся наша ситуация. Мы, как я полагаю, обречены на то, чтобы быть и врачом, который серьезно хочет вылечить, и одновременно сохранять чувство, что являемся наследником, который сегодня охотнее, чем завтра, вступил бы во владение всем наследством капиталистической системы. Эта двойственная роль — врача и наследника — чертовски сложная задача. Мы могли бы избежать в партии многих споров, если бы всегда сознательно оставались в этой двойственной роли»[1]. Фактически ссылка на роль наследника была данью революционному прошлому социал-демократии, а в 30-х гг. социал-демократические лидеры предпочитали играть роль спасителя капитализма. Это последнее обстоятельство парализовало политику социал-демократии в чрезвычайно трудный для рабочего класса период.

Масштабы и глубина экономического кризиса были таковы, что впервые капитализм не мог рассчитывать на возможность автоматического выхода из него. Широкое вмешательство государства в регулирование экономических и социальных отношений становилось решающим условием преодоления экономического кризиса.

Между тем вся система и идеология частного предпринимательства, отводившая государству роль «ночного сторожа», восставала против государственного вмешательства в экономику, которое расценивалось как угроза демократии. В таких странах, как США и Великобритания, где буржуазия обладала еще значительными экономическими и социально-политическими ресурсами, буржуазно-демократическим государствам удалось наметить пути преодоления экономических трудностей. Напротив, в ряде стран средства, которыми обладали буржуазно-демократические государства, оказались недостаточными и рост государственного вмешательства в экономику сопровождался развитием авторитарных и фашистских тенденций в буржуазной политике.

Надежды социал-демократических лидеров на то, что им удаст-

[1] «Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig 1931 vom 31. Mai bis 5. Juni im Volkshaus. Protokoll». Berlin, 1931, S. 45.

ся подчинить буржуазно-демократическое государство целям социал-демократического движения, оказались иллюзорными. Случилось обратное. «Социал-демократия стала, хотя в разной степени в разных странах, опорой буржуазной демократии, важной составной частью ее политической и общественной системы...»[1]— констатировал О. Бауэр.

Поскольку буржуазно-демократическое государство и его институты не были способны преградить путь фашизму, эта задача могла быть выполнена только революционной борьбой масс. Между тем социал-демократия не была подготовлена к такого рода борьбе. Сказывалось не только негативное отношение лидеров к массовой политической борьбе, но и неверие в способность социал-демократических масс подняться на такую борьбу. Многие годы социал-демократические лидеры выдвигали в качестве основной политической задачи завоевание поддержки избирателей. Это в свою очередь побуждало социал-демократических лидеров замалчивать трудности и препятствия на пути революционной борьбы за власть. Хотя такая тактика помогала завоевывать голоса избирателей, она в то же время снижала боеспособность идущих за социал-демократами масс. Большое место в пропагандистском арсенале руководства социал-демократии отводилось антикоммунизму и антисоветизму. Социал-демократические лидеры утверждали, что Советская власть, разрушив старую экономическую систему, не сможет построить новую и что борьба против коммунистического движения диктуется заботой о защите демократии.

С наступлением экономического кризиса и ростом фашистской опасности эти аргументы обернулись против их авторов. В 30-х гг. советская экономика оставалась единственным оазисом, который не затронули бушевавшие в мире экономические бури. Даже буржуазные экономисты заговорили о преимуществах плановой социалистической экономики, застрахованной от кризисов. С другой стороны, по мере роста фашистской опасности выявлялся мифический характер утверждений об угрозе демократии со стороны коммунистов. Более того, социал-демократы не могли не осознавать явных преимуществ антифашистской стратегии коммунистов. Коммунисты, писал Дж. Коул в 1937 г., «рассматривают события в Италии, Германии, Австрии, а сейчас и в Испании как убедительные доказательства того, что нигде капитализм не уступит место социализму, не попытавшись разгромить социалистическое движение посредством насилия. Даже те, кто еще бездумно твердит: «У нас этого не может произойти», вряд ли могут отрицать, что аргументы в пользу противоположной точки зрения, к сожалению, весьма обоснованны»[2].

[1] *O. Bauer.* Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Bratislava, 1936, S. 298.

[2] *G.D.H. Cole.* The People's Front. London, 1937, p. 55.

Показательна в этом отношении опубликованная центристским лидером О. Бауэром в 1936 г. книга «Между двумя мировыми войнами? Кризис мировой экономики, демократии и социализма», в которой, хотя и со множеством оговорок, фактически признавалась историческая правота коммунистического движения.

О. Бауэр дал суровую оценку деятельности социал-демократии: «Реформистский социализм считает, что рабочий класс смог бы постепенно и постоянно увеличивать свою власть внутри буржуазной демократии, постепенно и постоянно добиваясь от буржуазной демократии дальнейших уступок, постепенно и постоянно наполнять форму демократии социалистическим содержанием, шаг за шагом преобразовывать капиталистическую организацию общества в социалистическую, без слома демократии, постепенно и постоянно развивать буржуазную демократию в социалистическую. История опровергает эту иллюзию»[1].

О. Бауэр призвал социал-демократическое движение кардинально перестроить свою политику, подчеркнув: «В центре исторической концепции рабочего класса должен быть прежде всего поставлен важнейший факт послевоенной истории — факт победоносного развития социализма в СССР»[2].

Прибегнув к такому сопоставлению, О. Бауэр, однако, рекомендовал отбросить не только «демократический социализм», но и коммунистические взгляды и разработать «интегральный социализм»[3].

О. Бауэр выступил против широко распространенного в социал-демократических партиях определения фашизма как мелкобуржуазного движения. «...Если фашистское движение,— писал он,— превратилось прежде всего в массовое движение мелкой буржуазии и крестьянства, то к власти оно пришло лишь потому, что класс капиталистов решил использовать его для подавления рабочего класса»[4]. Решительно возражая против попыток наделить фашизм чертами народного движения, О. Бауэр указывал, что германский фашизм «получает приказы от агрессивных магнатов германской тяжелой промышленности и возглавляется наемниками германской реакции»[5]. В самом факте обращения буржуазии к открыто террористическим методам правления О. Бауэр усматривал симптом истощения ресурсов политического господства буржуазии.

Исходя из такой оценки фашизма, О. Бауэр пришел к выводу о необходимости взять курс на объединение всех рабочих и демокра-

[1] *O. Bauer*. Zwischen zwei Weltkriegen? S. 193.
[2] Ibid., S. 326.
[3] Ibid., S. 312—336.
[4] *O. Bauer*, *H. Marcuse*, *A. Rosenberg u. a.* Faschismus und Kapitalismus. Theorien über die sozialen Ursprünge und die Funktion des Faschismus. Wien, 1967, S. 149.
[5] «Vierter Kongress der Sozialistischen Arbeiter-Internationale, Wien, 25. Juli bis 1. August 1931. Berichte und Verhandlungen». Zürich, 1932, S. 521.

тических сил в единый антифашистский фронт, и прежде всего на достижение сотрудничества социал-демократов и коммунистов. Если разногласия по вопросу о путях борьбы за социализм вызвали раскол социалистического движения, то в вопросе о борьбе против фашизма цели социал-демократов и коммунистов, писал О. Бауэр, были общими. В силу этого он считал, что социал-демократы должны были ответить утвердительно на призывы коммунистов об организации совместной антифашистской борьбы.

Однако О. Бауэр не сумел понять того, что фашизм, будучи отрицанием буржуазной демократии, выступал одновременно и как продукт разложения буржуазной демократии. Касаясь причин возникновения фашизма, он писал: «Класс капиталистов и крупных помещиков передал государственную власть фашистским группам не для того, чтобы... подавить некий революционный социализм, а для того, чтобы уничтожить достижения реформистского социализма... фашистская диктатура возникает, таким образом, как результат своеобразного равновесия классовых сил. На одной стороне стоит буржуазия... Экономический кризис уничтожил прибыли этой буржуазии. Демократические институты не позволяют ей широко навязывать пролетариату свою волю, чтобы восстановить свои прибыли... Демократический правопорядок делает ее слишком слабой для подавления пролетариата с помощью закона и законного государственного аппарата. Но буржуазия достаточно сильна, чтобы оплатить содержание незаконной и противозаконной частной армии для борьбы против рабочего класса. На другой стороне стоит рабочий класс, ведомый реформистским социализмом и профсоюзами»[1].

Согласно нарисованной О. Бауэром схеме, главным противником буржуазии, опиравшейся на фашизм, выступал реформистский социализм в союзе с буржуазно-демократическим государством. Вывод весьма неожиданный, если учесть суровую оценку О. Бауэром итогов деятельности реформистского социализма. В данном случае О. Бауэр не смог освободиться от буржуазно-демократических предрассудков, согласно которым революция и демократия несовместимы.

Но коль скоро сам О. Бауэр признал, что буржуазия превратилась в основной источник реакции, то невозможно было, оставаясь на почве марксизма и вообще классового анализа, считать, что буржуазно-демократическое государство и его сторонники проявят такую же боеспособность в борьбе против фашизма, как и в борьбе против феодальной реакции. О. Бауэр изобразил буржуазную демократию лишь как жертву фашизма, тогда как классовая ограниченность буржуазной демократии была одним из факторов, способствовавших победе фашизма в ряде стран.

Антифашистская борьба представляла собой новый тип демократической борьбы, в ходе которой создавалась новая расстановка

[1] *O. Bauer, H. Marcuse, A. Rosenberg u.a.* Op. cit., S. 154—155.

социально-политических сил. Буржуазная демократия и буржуазные сторонники демократии выступили против фашизма, но они не были последовательными в этой борьбе, ибо не отвергали главной цели фашизма — подавления революционных сил для укрепления буржуазного господства. В силу этого основная тяжесть антифашистской борьбы легла на плечи революционного пролетариата.

Левые и часть центристов на основе анализа изменившихся условий борьбы сделали лишь половинчатый вывод.

Со времени первой русской революции 1905—1907 гг. в рабочем движении существовали разногласия по вопросу о гегемонии рабочего класса в буржуазно-демократической революции и вообще в демократической борьбе. Хотя опыт русских революций убедительно подтвердил глубокую правоту ленинского учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, реформистские социал-демократические лидеры вслед за меньшевиками неизменно отводили рабочему классу подчиненную роль в демократическом движении. Сохраняя верность этой реформистской традиции, подавляющая часть социал-демократических лидеров продолжала считать, что и в антифашистской борьбе буржуазному государству и его институтам должна принадлежать главная роль, а массовой борьбе, возглавлявшейся рабочим классом, — вспомогательная.

Недоверие к массовой борьбе составляло основной недостаток и политики многих социал-демократов, которые начинали понимать необходимость сотрудничества с коммунистами.

С другой стороны, догматическая приверженность реформистской схеме расстановки сил в демократической борьбе порождала и левацкие политические выводы. Например, сам факт выдвижения рабочего класса на роль руководителя антифашистской борьбы послужил основанием для провозглашения левыми и центристскими лидерами социалистических лозунгов в качестве непосредственных задач рабочего движения. Так, в 1931 г. левосоциалистическая Социалистическая рабочая партия Германии (СРПГ), подчеркнув, что только свержение капитализма позволит выйти из экономического кризиса, объявила социализм «непосредственной повседневной задачей нашего времени»[1]. Указанный тезис был принят значительной частью левых и даже центристов. «...Ныне выбор между фашизмом и демократией означает выбор между фашизмом и социализмом...»[2] — утверждалось, например, в решении Тулузского съезда СФИО (1934 г.).

Лидер левого крыла ИСРП Ларго Кабальеро и его сторонники выражали подобную точку зрения в крайне сектантской форме.

[1] Цит. по: *H. Drechsler*. Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands (SAPD). Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung am Ende der Weimarer Republik. Meisenheim am Glan, 1965, S. 113.

[2] SFIO. XXXI-e Congrès National. Compte-rendu sténographique. Paris, 1934, p. 357.

В проекте программы для ИСРП, предложенном ее Мадридской федерацией, говорилось: «Пролетариат не должен соглашаться с необходимостью защиты буржуазной демократии, но обязан добиваться всеми средствами завоевания политической власти для осуществления при помощи ее своей собственной, социалистической революции и гуманной всесторонней демократии — бесклассовой демократии»[1]. Призыв к отказу от защиты буржуазной демократии перед лицом фашистской угрозы сочетался с принижением антифашистских потенций непролетарских слоев.

Подобные установки затрудняли создание единого антифашистского фронта. Опыт революции и национально-революционной войны в Испании, а также Народного фронта во Франции в наиболее полном виде это выявил.

В 1936 г. руководство Испанской социалистической рабочей партии, уступая давлению масс, вынуждено было войти в Народный фронт, объединявший кроме коммунистов и социалистов также и буржуазных сторонников республики.

В ИСРП не было единства мнений относительно политики Народного фронта. К 1936 г. влияние правого лидера ИСРП Х. Бестейро и его сторонников, выступавших против Народного фронта, было незначительным. Господствовавшее в ИСРП центристское течение признавало необходимость создания Народного фронта для борьбы против фашистской опасности и защиты демократии. Вместе с тем центристское руководство ИСРП подчеркивало, что программу Народного фронта следует осуществлять только парламентскими методами[2]. Целиком полагаясь на действия правительства и парламента, центристы настаивали на прекращении массовой борьбы, которую влиятельный лидер центристов И. Прието квалифицировал как проявление революционного инфантилизма[3]. Однако попытки центристов доказать, будто буржуазии надлежало вручить руководство буржуазно-демократической революцией, явно запоздали, ибо рабочий класс и его организации возглавили революционную борьбу. В силу этого массы враждебно встречали призывы центристов прекратить массовую борьбу, а влияние центристов падало.

Напротив, лидер левого крыла Ларго Кабальеро апеллировал к массам, призывая их всемерно углублять революционный процесс, высказывался за единство рабочего класса. Эти призывы, сыгравшие большую положительную роль в деле мобилизации масс на революционную борьбу, обеспечили Ларго Кабальеро огромную популярность.

Но Ларго Кабальеро ошибочно утверждал, что руководящее положение рабочего класса в массовой борьбе обязывало ставить воп-

[1] «El Socialista», 21.IV. 1936.
[2] «El Socialista», 15.III. 1936.
[3] «El Socialista», 19.V. 1936.

рос о борьбе за социализм в качестве практической задачи. «...Теперь наш долг состоит в установлении социализма»[1],— говорил он. В соответствии с такой установкой Ларго Кабальеро отвергал сотрудничество с буржуазными сторонниками республики. Как показали дальнейшие события, позиция Ларго Кабальеро была типичным проявлением мелкобуржуазной революционности, громко заявлявшей о себе в обстановке всеобщего революционного энтузиазма и бесследно исчезнувшей при первых же трудностях. Возглавив первое правительство Народного фронта (созданное 4 сентября 1936 г.), Ларго Кабальеро не смог осуществить свои «социалистические проекты». Под давлением обстоятельств он был вынужден проводить в жизнь выдвигавшуюся коммунистами программу и тем самым внес значительный вклад в организацию защиты республики от фашистских мятежников. Однако колебания Ларго Кабальеро в деле строительства регулярной армии, поддержка кабальеристами акций анархистов и троцкистов по насильственной «социализации» промышленных предприятий и крестьянских хозяйств, акций, дезорганизовывавших тыл[2], привели к падению популярности Ларго Кабальеро и его сторонников. В результате левое крыло ИСРП стало утрачивать свои позиции в стране. Перед лицом неудач в осуществлении левацких прожектов проявилась мелкобуржуазная неустойчивость Ларго Кабальеро и его сторонников. Став главой правительства, он отбросил свои прежние заявления в пользу единства рабочего класса на основе сотрудничества социалистов и коммунистов и взял жесткий антикоммунистический курс, который неминуемо подготавливал почву для победы капитулянтской линии. К осени 1937 г. Ларго Кабальеро оказался в одном лагере с Бестейро, признававшим: «Я в большей степени антибольшевик, чем антифашист»[3].

Поднятый 4 марта 1939 г. анархистами мятеж нанес удар в спину республике. Лидеры ИСРП вошли в созданный мятежниками Национальный совет обороны и тем самым завершили свой переход в стан капитулянтов. Такие видные лидеры ИСРП, как Х. Негрин и Альварес дель Вайо, поддерживавшие курс на сопротивление фашистам, были исключены из партии. Лишь коммунистическая партия до конца осталась верна республике и использовала все ресурсы для организации сопротивления франкистам. Вместе с коммунистами сражались против фашизма тысячи рядовых социалистов.

Французская социалистическая партия была лучше многих других социал-демократических партий подготовлена к борьбе против фашизма. В 1934 г. руководство СФИО установило сотрудничество с коммунистами, а в 1936 г. подписало соглашение о создании

[1] «El Socialista», 14.I. 1936.
[2] См. *С. П. Пожарская.* Социалистическая рабочая партия Испании. 1931—1939. М., 1966, стр. 167.
[3] Цит. по: *A. Saborit.* Julian Besteiro. Buenos Aires, 1961, p. 411.

Народного фронта в целях организации совместного отпора фашистской реакции.

Однако лидеры СФИО, пойдя на установление сотрудничества с коммунистами и на активизацию совместной борьбы, по-прежнему питали недоверие к самостоятельным действиям масс, что сыграло роковую роль, в конце концов взорвало Народный фронт, а затем и саму партию.

Летом 1937 г. правительство Блюма, уступая давлению буржуазной оппозиции, ушло в отставку, испугавшись возможности одержать победу над нею. «Предположим,— заявил Л. Блюм на митинге 4 июля 1937 г.,— что мы согласились бы вести борьбу, разумеется, законными, конституционными средствами, так как никто не мог и думать о других средствах. Она непременно распространилась бы по стране, вылилась бы в широкое народное движение, размах и динамичность которого непрерывно усиливались бы. Однако условия — если считаться с ними, серьезно и тщательно взвешивать значение акций и их последствия — не позволяли ни становиться на такой путь, ни брать на себя ответственность за такое развитие»[1].

Такая позиция принесла беду Франции. Буржуазная демократия не могла перешагнуть пределы политики, определявшейся буржуазией, которая в паническом страхе перед «красной опасностью» стала на капитулянтский путь, приведший Францию в мае 1940 г. к поражению и фашистской оккупации. 10 июля 1940 г. на заседании Национального собрания подавляющее большинство социалистической фракции проголосовало за установление профашистского режима Петена. Это было политическое банкротство СФИО. Ставший в годы войны генеральным секретарем СФИО Д. Мейер, объясняя провишистские настроения французской буржуазии, писал: «Они предпочли жандармов «нового порядка» риску дополнительно лишиться некоторых их привилегий. Такое поведение буржуазии не делало ей чести, но было по крайней мере объяснимо ее классовым эгоизмом». Что касается подобного же поведения лидеров СФИО, то Д. Мейер, не найдя другого объяснения, заявил: «...речь шла прежде всего о проявлении малодушия и нечистой совести»[2]. «Я никогда не думал, что в моей партии так много трусов и предателей»[3],— с горечью признал другой видный лидер СФИО, Ле Трокер.

В этой связи показателен следующий эпизод. Бывший генеральный секретарь СФИО, а затем вишист П. Фор обвинил председателя социалистической группы в парламенте Л. Блюма в трусости, в том, что Л. Блюм побоялся открыто с трибуны парламента выступить против новой, профашистской конституции и тем самым не выпол-

[1] L'oeuvre de Léon Blum (1937—1940). Paris, 1965, p. 34.
[2] *D. Mayer.* Les socialistes dans la Résistance. Souvenirs et documents. Paris, 1968, p. 9.
[3] Цит. по: *D. Ligou.* Histoire du socialisme en France (1871—1961). Paris, 1962, p. 476.

нил свой долг перед партией. Позже Л. Блюм уверял, что его молчание было продиктовано не страхом: «Никто из тех, кто меня близко наблюдал в политической деятельности, сторонник или противник, ни на минуту не допустит, что меня остановил страх... В Виши... я видел, что окончательно изолирован от большинства моих товарищей... Я не мог сомневаться, что в стычке, для которой мое выступление стало бы сигналом, подавляющее большинство моей группы меня покинет. Что сказать мне?.. Я не хотел выставлять публике это отречение. Только это парализовало меня и закрыло мне рот»[1].

В одном Л. Блюм был прав: невозможно было рассчитывать, что его речь побудила бы большинство депутатов-социалистов изменить свое решение. Но вот что характерно: Л. Блюм, принимая во внимание позиции депутатов-социалистов, очень заботясь о впечатлении, которое он произведет на парламент, даже не вспомнил о сотнях тысяч рядовых социалистов и народных массах. Ему не приходила в голову мысль использовать трибуну парламента, чтобы через головы депутатов обратиться непосредственно к народным массам и тем самым спасти честь социалистической партии.

Абсолютизация парламентских форм борьбы в обстановке разложения парламентаризма и его неспособности пресечь фашистскую опасность дезориентировала социалистическую партию относительно эффективных путей антифашистской борьбы. Крах парламентского режима стал крахом социалистической партии.

Следует при этом отметить, что если левые и центристские течения еще как-то заботились о сохранении автономии в системе буржуазной демократии и отвергали крайности антикоммунизма, то правые выступали за безоговорочную поддержку буржуазного государства и были принципиальными противниками любого сотрудничества с коммунистами в антифашистской борьбе.

Даже после того как стала очевидной тесная связь фашизма с крупным капиталом, правые социал-демократические лидеры не изменили своего определения фашизма как мелкобуржуазного движения. За упорным нежеланием считаться с реальностью скрывались вполне определенные политические расчеты. Рассматривая фашизм как мелкобуржуазное течение, правые социал-демократические лидеры оставляли за собой право на проведение политики классового сотрудничества практически с любой фракцией буржуазии.

В Англии, где фашистское движение не выросло в серьезную политическую силу, правые лейбористские лидеры и идеологи предпочитали сотрудничество с традиционными буржуазными партиями на основе формулы «третьей силы» — борьбы и против коммунизма, и против фашизма.

Секретарь лейбористской партийной организации Лондонского университета Р. Фрейзер откровеннее других разъяснил смысл та-

[1] L'oeuvre de Léon Blum. 1940—1945. Paris, 1955, p. 88—89.

кой позиции: «На деле фашизм есть политическое выражение борьбы средних классов за свое существование и власть»[1]. Замечая, что только в определенных условиях эта борьба приводит средние классы в лагерь фашизма, Р. Фрейзер утверждал, будто политика классовой борьбы, революционная деятельность и марксистская пропаганда были главными источниками фашизма. Только в случае усиления влияния коммунистов и марксистов, писал Р. Фрейзер, «возможно, как я полагаю, установление капиталистической диктатуры и даже фашизма»[2].

Как ни чудовищно выглядела эта «теоретическая» схема, она в общем соответствовала настроениям правого руководства лейбористской партии. Виднейшему английскому профсоюзному лидеру У. Ситрину принадлежала постыдная формула: марксизм создает одного фашиста на одного коммуниста. Беспощадно исключая из партии тех лейбористов, которые делали самые робкие шаги к сближению с коммунистами, руководители лейбористской партии, не колеблясь, шли на политическое сотрудничество с консервативной и либеральной партиями.

Фашизм не сумел утвердиться в Англии, и в силу этого не были полностью выявлены все политические последствия подобных антикоммунистических концепций правого лейбористского руководства. Однако политическая история тех стран континентальной Европы, где фашизм получил более широкое развитие, дала убедительные свидетельства того, что ярый антикоммунизм пролагал дорогу сотрудничеству крайне правого крыла социал-демократии с фашизмом. Руководство Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ) во главе с В. Таннером также возлагало на коммунистов основную ответственность за развитие фашизма в стране. В опубликованном СДПФ в 1931 г. воззвании утверждалось: «Эти (фашистские.— *Ред.*) тенденции долгое время были незначительными. Но в последнее время преступно безответственная политика коммунистов чрезвычайно усилила эти тенденции»[3]. В. Таннер объявил борьбу против коммунистов основным средством сдерживания фашизма, но логика этой борьбы привела руководство СДПФ в лагерь соучастников фашизма и союзников гитлеровской Германии во второй мировой войне.

В Германии в начале 30-х гг. угроза прихода фашизма к власти стала настолько реальной, что организация антифашистской борьбы превратилась в центральную задачу рабочего движения. К тому же СДПГ, игравшая ведущую роль в создании Веймарской республики и управлении государством, не могла ограничиться ролью наблюдателя. От политики СДПГ во многом зависело, добьются фашисты сво-

[1] «New Trends in Socialism», ed. by G.E.G. Catlin. London, 1935, p. 83.
[2] Ibid., p. 84, 86.
[3] «Quatrième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste», p. I. 13.

ей цели или нет. Лидеры СДПГ не могли открыто отрицать тот факт, что фашизм, как признавал председатель социал-демократической фракции в рейхстаге Р. Брейтшейд, «обращается против демократии... в интересах сохранения капитализма»[1]. Однако руководство СДПГ решительно отказывалось принять политические выводы, вытекавшие из признания этого факта. Поэтому в руководящих кругах германской социал-демократии получил широкое хождение теоретически несостоятельный, но отвечавший прагматическим политическим расчетам тезис о некапиталистической природе фашизма. Значение фашизма заключалось, как утверждал теоретический орган СДПГ «Гезельшафт», в «окончательном высвобождении средних слоев из-под власти крупного капитала»[2].

Утверждение о некапиталистической природе фашизма имело серьезные политические последствия, породив недооценку фашистской угрозы в Германии. Ведущие лидеры и идеологи СДПГ упорно цеплялись за возникшую в середине 20-х гг. концепцию, согласно которой победа фашизма возможна лишь в экономически и политически отсталых странах, но не в таких, как Германия. Идеолог СДПГ Г. Деккер уверял: «...у нас такое грубое низвержение демократии невозможно»[3]. За полтора месяца до прихода Гитлера к власти председатель правления СДПГ О. Вельс заверял: «Я уже говорил, что дальнейшие события я рассматриваю оптимистически, несмотря на то что конца кризиса не видно. Но я также и не вижу непосредственной угрозы катастрофы. Это точка зрения правления партии...»[4]

Социал-демократические лидеры, утверждая, будто «фашизм и большевизм — братья», делали вывод, что интересы антифашистской борьбы требуют всемерного усиления антикоммунизма. «В Германии,— писал центральный орган СДПГ «Форвертс»,— нельзя вести серьезную борьбу против фашизма, не ведя борьбы против коммунизма»[5]. Более того, лидеры СДПГ считали коммунизм большей опасностью, нежели фашизм. Так, Р. Брейтшейд писал весной 1931 г.: «Мы должны надеяться, что улучшение экономического положения сведет на нет коммунистическую волну, которая сейчас представляет бóльшую опасность, чем нацистская»[6].

Зачислив коммунистов в ряды злейших врагов демократии и рабочего класса, лидеры СДПГ рекомендовали трудящимся и демократическим массам искать защиты от фашизма у буржуазных партий и буржуазного государства. При этом не делалось исключений даже

[1] «Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig 1931...», S. 88.
[2] «Die Gesellschaft», 1930, N 12, S. 498.
[3] «Die Gesellschaft», 1929, N 9, S. 233.
[4] *H. Schulze.* Anpassung oder Widerstand? Aus der Akten des Parteivorstandes der deutschen Sozialdemokratie 1932—1933. Bonn—Bad-Godesberg, 1975, S. 98.
[5] «Vorwärts», 27.II. 1930.
[6] Историко-дипломатический архив, ф. 330, л. 39, 38 об.

для реакционных партий. «В борьбе против диктатуры национал-социалистов,— заявлял один из теоретиков СДПГ, А. Шифрин,— будут участвовать рабочие-социалисты, политические организации католицизма... и, наконец, силы старой, держащей теперь в своих руках государственный аппарат, реакции»[1].

Возражая против развертывания антифашистской массовой борьбы как неэффективной, Г. Деккер утверждал: «Сейчас есть только одна возможность демократической политики и одновременно предотвращения гражданской войны, последствия которой очевидны,— это последовательная антифашистская политика государства»[2]. Недоверие к массовой борьбе и переоценка способности буржуазно-демократического государства самостоятельно пресечь фашистскую опасность породили политику «меньшего зла», которая втянула руководство СДПГ в сотрудничество с правительством Ф. Папена, проложившим Гитлеру путь к власти.

Антифашистские потенции социал-демократии и руководимых ею профсоюзов, отрицательное отношение к нацизму большинства социал-демократических лидеров не были реализованы потому, что их антикоммунизм был сильнее, чем их антифашизм. Они не были готовы вести борьбу как против фашизма, так и против породившей его империалистической системы[3]. Причины банкротства социал-демократии перед лицом фашистской угрозы были еще глубже: потерпела крах социал-реформистская политика. В первые годы Веймарской республики социал-демократические лидеры пытались сочетать защиту повседневных интересов трудящихся с политикой классового сотрудничества и антикоммунизма, которая укрепляла классовое господство буржуазии. Этот порок социал-реформистской политики не обнаруживался в полной мере в обстановке сравнительно спокойного развития.

Когда же наиболее влиятельные фракции буржуазии сделали основную ставку на фашизм, лидеры СДПГ были поставлены перед дилеммой: либо продолжать политику сотрудничества с буржуазными партиями, даже с риском проложить путь победе фашизма, либо порвать с этой привычной политикой, преодолеть свой антикоммунизм и обратиться к массовой антифашистской борьбе, которая способствовала бы политической активизации масс. Однако в торможении массовой борьбы руководство СДПГ на протяжении многих лет видело основную задачу своей деятельности.

Правые лидеры СДПГ предпочли придерживаться старой схемы, которая в новых условиях означала путь к катастрофе.

Характеризуя политическое положение в Германии весной 1933 г., Ю. Браунталь меланхолически замечал: «...фашистский ре-

[1] «Die Gesellschaft», 1932, N 10, S. 287.
[2] «Die Gesellschaft», 1931, N 12, S. 490—491.
[3] «Faschismus Forschung. Positionen, Probleme, Polemik». Berlin, 1980, S. 405.

жим не мог быть разоружен избирательными бюллетенями»[1]. Замечание, прозвучавшее как запоздалое саморазоблачение, ибо с момента возникновения фашистской угрозы лидеры СДПГ неизменно пропагандировали чудодейственную силу голосования и отвергали антифашистскую массовую борьбу. С точки зрения анализа идейно-политических процессов в социал-демократическом движении в условиях наступления фашизма весьма показательна идейно-политическая эволюция одного из течений ее правого крыла, вставшего на позиции так называемого неосоциализма.

Зарождение этого течения связано с именем лидера Бельгийской рабочей партии (БРП) Анри де Мана, опубликовавшего в 1926 г. книгу «О психологии социализма», которая прозвучала как призыв начать активную борьбу за изгнание марксизма из социал-демократического движения. Де Ман не утруждал себя теоретическими аргументами, подчеркивая, что его интересует не само учение Маркса, а практические результаты марксизма.

Отвергая диалектический и исторический материализм, де Ман предлагал социал-демократии руководствоваться «современной философией», которую весьма туманно определял как «прагматическую, волюнтаристскую, плюралистскую и институционалистскую»[2]. Под такое определение подходило любое философское течение, кроме марксизма. Де Ман утверждал, что марксизм искажал перспективу борьбы рабочего класса, ориентируя его на революцию, накладывал оковы на каждодневную реформистскую деятельность рабочего движения, требуя подчинения ближайших целей конечным целям борьбы. Тридцать лет спустя после начала ревизионистского похода Э. Бернштейна де Ман повторил девиз: «Движение— все, цель — ничто». «Имеют решающее значение только конкретные мотивы повседневной борьбы, а не цели, уходящие в будущее»[3],— писал он.

Выдвинув безбрежный прагматизм в качестве основного принципа социал-демократической политики, де Ман объявил пагубной саму идею классовой борьбы — это главное препятствие на пути к политике классового сотрудничества. Особенно яростно обрушился он на марксистское положение о классовом характере буржуазного государства. Утверждая, что государство представляет собой нейтральный по отношению к классам механизм, де Ман писал: «На деле воля государства есть общий прямой результат сложения воль всех лиц, которые постоянно занимаются деятельностью, определяющей развитие государства, а именно государственных служащих, парламентариев, журналистов, но не предпринимателей или капиталистов»[4]. Рабочее движение должно было, по мысли де Мана, отказать-

[1] *J. Braunthal.* Geschichte der Internationale. Bd. 2. Hannover, 1963, S. 402.
[2] *H. de Man.* Au-delà du marxisme. Bruxelles, 1927, p. 382.
[3] Ibid., p. 399.
[4] Ibid., p. 172.

ся от враждебного отношения к буржуазному государству, взять курс на врастание в него.

Антимарксистская вылазка де Мана вызвала противоречивый отклик в социал-демократическом движении. Левые, центристские лидеры и даже Э. Вандервельде выступили против де Мана. Напротив, правые круги социал-демократии шумно приветствовали «программное» произведение де Мана, вдохновившее их на формирование так называемого неосоциалистического течения, которое претендовало на открытие новой эпохи в политическом и идейном развитии социализма [1].

Во Франции лидеры и идеологи правого крыла СФИО М. Деа, Б. Монтаньон, А. Марке, А. Филип и другие, опираясь на взгляды де Мана, разработали платформу так называемого французского неосоциализма [2]. Французские «неосоциалисты» утверждали, что марксистское учение о классовой борьбе и об исторической миссии пролетариата затрудняет социалистической партии работу по привлечению на свою сторону непролетарских масс.

На этом основании «неосоциалисты» выдвинули программу «урезанного социализма», предполагавшую временное удаление из программ социал-демократических партий тех требований, которые могли бы вызвать недовольство средних слоев и мелких собственников.

Подобно де Ману, французские «неосоциалисты» выступили за то, чтобы рабочее движение отказалось от былой враждебности по отношению к буржуазному государству. Социалисты, по мнению «неосоциалистов», должны стать сторонниками сильной государственной власти, даже если они еще и не входят в правительство [3].

Эта система взглядов составила идейно-политическую платформу, отличную от официальных установок СФИО: в качестве цели борьбы «антикапитализм» заменил социализм. Массовая борьба отвергалась, и основная ставка делалась на проникновение социалистов в государство и усиление государственной власти. Внешне идея «антикапиталистической программы» выглядела плодотворной, ведь теоретически под знамя борьбы против господства крупного монополистического капитала можно собрать подавляющее большинство общества, за исключением кучки монополистической буржуазии. Однако, правомерно указывая на необходимость приложить большие усилия для вовлечения крестьянства и средних слоев в союз с рабочим классом, «неосоциалисты» встали на опасный путь решения этой проблемы путем отказа от гегемонии рабочего класса в борьбе за социализм.

[1] *H. de Man.* Le socialisme constructife. Paris, 1933; *его же.* L'idée socialiste. Suivi du plan de travail. Paris, 1935.

[2] О «неосоциалистах» см. *С. С. Салычев.* Указ., соч., стр. 150—161, 215—265.

[3] *B. Montagnon.* Grandeur et servitude socialiste. Paris, 1929, p. 118.

Протест мелкого собственника против капиталистического развития носит противоречивый характер. Как жертва капиталистической концентрации, несущей ему разорение, он протестует против засилья крупного капитала и в этом своем качестве способен участвовать в антикапиталистической борьбе. Как владелец частной собственности, он — враг социализма и революционного пролетариата. В годы кризиса фашизм умело использовал отчаяние разорявшихся мелкобуржуазных слоев для привлечения их на свою сторону. Фашисты демагогически обещали ликвидировать господство крупного капитала и в то же время избавить общество от «революционной опасности». Мелкобуржуазные массы хлынули в фашистское движение. Так нельзя ли использовать такую же тактику, но в «демократической» окраске? Выдвинув лозунг «Обогнать фашизм», М. Деа предложил взять фашистские лозунги на свое вооружение и использовать их, чтобы удержать мелкобуржуазные слои под социал-демократическим влиянием. Это предложение вызвало широкую волну протестов во Французской социалистической партии. Л. Блюм предупреждал против «опасности в борьбе против фашизма применять те же (фашистские.— *Ред.*) методы, а при случае и идеологию»[1].

Предчувствия не обманывали Л. Блюма. В идейно-политической платформе «неосоциалистов» были заложены тенденции, предопределившие их дрейф в сторону фашизма. В 1933 г. «неосоциалисты» вышли из СФИО и создали свою собственную партию «Социалистическая партия Франции — союз Жана Жореса». «Неосоциализм» был объявлен идейно-политической платформой партии. Однако освобождение от «оков марксистского доктринерства» довольно быстро вызвало разброд в рядах «неосоциалистов», причем наиболее влиятельные «неосоциалистические» лидеры эволюционировали в сторону профашистских взглядов, а в период оккупации М. Деа, А. Марке, Б. Монтаньон и другие «неосоциалистические» лидеры активно сотрудничали с нацистами.

Буржуазные и социал-демократические авторы испытывают двойственное чувство к «неосоциализму». С одной стороны, борьба «неосоциалистов» против марксизма, их воинствующий антикоммунизм получают одобрение. «Только в той мере, в какой социал-демократы отбрасывали марксизм, они смогли сохранить контроль над политическим развитием»,— уверяет ректор Европейского колледжа швейцарский социал-демократ Х. Бругманс[2].

С другой стороны, невозможно отрицать, что воинствующий антимарксизм и крайний антикоммунизм «неосоциалистов» проложили им путь к прямому сотрудничеству с фашизмом.

«Как де Ман, так и Деа,— писал Драшкович,— скатились, однако, по одной и той же наклонной плоскости; от недовольства докт-

[1] «La vie socialiste», 1933, N 349—350, p. 21.
[2] *M. M. Drachkovitch.* De Carl Marx à Léon Blum. La crise de la social-démocratie. Génève, 1954, p. 8.

ринальной и политической косностью своих партий, от желания обновить социализм, чтобы более эффективно противодействовать тоталитарным движениям, они эволюционировали к нацистским и фашистским взглядам, которые привели их к постыдному прислужничеству врагам своих стран и отречению от идей, проповедовавшихся ими бóльшую часть их жизни» [1]. Утверждая, будто негативное отношение большинства социал-демократических лидеров к «неосоциализму» помешало выявлению его антифашистских потенций, Драшкович, однако, умалчивает, что руководство Бельгийской рабочей партии в отличие от руководства СФИО проявило бóльшую благосклонность к «неосоциализму». В 1939 г. де Ман стал председателем БРП. Соединение «неосоциализма» с БРП не выявило мифического антифашизма «неосоциалистов», но зато вовлекло всю партию на позицию капитулянтства. После поражения Бельгии де Ман заявил о роспуске БРП, призвав социалистов лояльно сотрудничать с нацистами, и своими действиями являл пример самого активного коллаборационизма.

Таким образом, *по вопросу об отношении к фашизму*, представлявшему собой центральную политическую проблему 30-х гг., *социал-демократия не смогла выработать общей позиции*. На левом фланге социал-демократии крепли голоса в пользу предложенной коммунистами стратегии антифашистской борьбы, а на правом подготавливалась почва для сотрудничества с фашистами.

В августе 1933 г. в Париже состоялась конференция Рабочего социалистического интернационала, посвященная вопросам организации антифашистской борьбы. Выступавшие в дебатах ораторы высказали настолько противоречивые точки зрения, что оказалось невозможным сформулировать сколько-нибудь цельную рекомендацию по обсуждаемому вопросу. Представляя на утверждение проект резолюции, О. Бауэр подчеркнул, что проект никого не удовлетворит, ибо «дебаты выявили глубокие разногласия не только между партиями, но и в недрах самих партий» [2]. В тексте резолюции содержалось резкое осуждение фашизма, но практически отсутствовали рекомендации относительно конкретных путей и средств борьбы против фашизма.

Не сумев выработать общую политику борьбы против фашизма, руководство РСИ оказалось неспособным убедить все партии придерживаться общей линии и в отношениях с коммунистами. Летом 1934 г. руководство СФИО внесло на рассмотрение Исполкома РСИ проект резолюции в пользу единого фронта, предусматривавший сотрудничество с коммунистами. Предложение СФИО было поддержано испанской, итальянской и австрийской социал-демократическими партиями. Однако против этого предложения выступили английская, швед-

[1] *M. M. Drachkovitch.* Op. cit., p. 137.
[2] «La vie socialiste», 1933, N 343, p. 39.

ская, голландская, норвежская, датская, финляндская и чехословацкая социал-демократические партии. Председатель Социал-демократической рабочей партии Нидерландов Ж. Албарда пригрозил вызвать раскол в Интернационале, если будет принято французское предложение[1]. В результате Исполком РСИ предоставил каждой партии право решать этот вопрос по своему усмотрению, заявив, что партии — члены РСИ «свободны действовать в этом вопросе в соответствии со своей независимостью»[2].

Иными словами, руководство РСИ не сумело выработать согласованной политики борьбы против фашизма. В каждой отдельной стране социал-демократические лидеры определяли свое отношение к фашизму, руководствуясь узкими прагматическими расчетами. В документах РСИ борьба против фашизма объявлялась главной задачей социал-демократии, но далеко не все социал-демократические партии руководствовались этим указанием в своей политической практике.

Поскольку в таких условиях любая определенная позиция вела к расколу социал-демократического движения, руководство РСИ предпочло сохранить видимость единства ценой отказа от попыток выработки общей политики антифашистской борьбы. Такое решение не только обрекало РСИ на бездействие, но и превращало его в препятствие на пути формирования антифашистского единства. Чтобы скрыть этот неблаговидный факт, руководство РСИ прибегало к клевете, разжиганию антикоммунистических предрассудков.

В октябре 1934 г. Коминтерн направил руководству РСИ предложение о совместном проведении кампании в поддержку республиканской Испании, а 15 октября в Брюсселе состоялась встреча Ф. Адлера и Э. Вандервельде с представителями Коминтерна М. Торезом и М. Кашеном для обсуждения этого предложения. Однако на переговорах Ф. Адлер и Э. Вандервельде проявили полнейшее равнодушие к идее совместной кампании в поддержку республиканской Испании, потребовав в качестве предварительного условия своего согласия на обсуждение указанного вопроса заявление Коминтерна об ошибочности его политики в буржуазно-демократических странах.

В августе 1935 г. VII конгресс Коммунистического Интернационала обратился к социал-демократам и ко всем демократическим силам мира с призывом объединиться для отпора фашизму. Готовность бороться против фашизма — таково было единственное требование к участникам антифашистского фронта.

И вновь лидеры РСИ отказались рассматривать призыв Коминтерна под тем предлогом, что коммунисты не осудили свою стратегию и тактику революционной борьбы, что остались неизменными

[1] «Het Volk», 17.X. 1934.
[2] Цит. по: *A. Sturmthal.* The Tragedy of European Labor. 1918—1939, p. 267.

основные принципы партийной и организационной работы коммунистических партий. Безответственность такой позиции усугублялась тем, что, требуя от коммунистов самоотречения в пользу социал-демократической политики, лидеры РСИ не могли взамен предложить никакой цельной программы антифашистской борьбы.

Наступление фашизма подвергло суровому испытанию способность всех политических сил бороться за демократию. Из всех политических сил только коммунистическое движение полностью выдержало это жестокое испытание. В этой связи Дж. Коул писал: «Коммунисты многие годы практически в одиночку боролись против всемирных сил, выступавших за войну и сохранение капитализма, тогда как социал-демократы могли предложить лишь красивые слова; они капитулировали в Италии, Германии и даже Австрии, почти не нанеся ни одного удара в защиту рабочего движения... Коммунистам и находившимся в основном под их влиянием левым профсоюзам пришлось играть главную роль в том подпольном движении Сопротивления, которое смогло действовать в фашистских странах»[1].

Социал-демократические авторы, пытаясь объяснить это, чаще всего отделываются ссылками на то, что коммунистические партии лучше приспособлены к ведению нелегальной работы, чем социал-демократические. При этом они умалчивают о главном — о способности жертвовать жизнью ради демократии и о том, что, оценивая коммунистическое движение по этому безошибочному критерию, следует признать, что оно выступило как самая демократическая сила в мире. Дж. Коул был одним из немногих, кто не уклонялся от рассмотрения указанного вопроса по существу, и он пришел к крайне неутешительному для социал-демократии выводу: «В контрасте с преданным служением коммунистов делу своей партии находились расхлябанность и даже равнодушие, с которым огромное большинство социал-демократов относилось к требованиям своих партий... Коммунизм предъявлял намного более высокие моральные требования к членам партий, чем социал-демократия, и на практике проявил, несмотря на свои обличения «идеализма», значительно большую верность идеалам, выработал значительно большую преданность делу и готовность к личным жертвам»[2].

Если Октябрьская революция в России серьезно подорвала авторитет реформизма как социалистической силы, то в годы антифашистской борьбы значительно *пострадала репутация реформизма как защитника демократии*. Опыт антифашистской борьбы выявил ограниченность демократических потенций социал-демократической политики, и в то же время в ходе борьбы против фашизма революционное движение выступило как основной гарант демократического развития.

[1] *G. D. H. Cole.* A History of Socialist Thought, vol. V: Socialism and Fascism. 1931—1939. London, 1960, p. 11, 316.
[2] Ibid., p. 28.

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В решения Учредительного конгресса Рабочего социалистического интернационала, отмечавшие, что Рабочий социалистический интернационал «в качестве своей высшей задачи ставит борьбу против капитализма, ведущего дело к войне»[1], были включены формулировки, прямо заимствованные из документов партии большевиков, в частности указание на необходимость выступить в первую очередь против империалистической «буржуазии собственной страны», «отвергнуть все тайные договоры», и выражалось опасение, как бы Лига наций не превратилась «в орудие реакции и империализма». Претворение в жизнь указанных деклараций смогло бы внести существенный вклад в *борьбу против сил войны* и империалистической реакции на международной арене, если бы энергичные обличения капитализма дополнялись признанием того факта, что Советская Россия и революционное движение стали главным оплотом сил мира, и из этого признания были бы сделаны соответствующие практические выводы.

Между тем призыв Рабочего социалистического интернационала «оказывать сопротивление любой форме интервенции капиталистических правительств против России»[2] был скорее всего данью настроениям масс. В целом же решения Гамбургского конгресса сильно отдавали антисоветизмом.

Социал-демократия сохраняла право критиковать милитаристские тенденции буржуазной политики и одновременно осуждать внешнюю политику Советского Союза. Однако она не могла, оставаясь на почве реальных международных отношений, бесконечно находиться в такой двойственной позиции. И антисоветизм все больше брал верх над пацифизмом.

На Втором и Третьем конгрессах РСИ правое течение добилось пересмотра гамбургских решений. Второй конгресс РСИ фактически отбросил тезис об ответственности капитализма за войны. В своем стремлении взвалить на Советский Союз и национально-освободительные движения ответственность за войны руководство РСИ взяло на вооружение буржуазный тезис об «оборонительном» характере агрессивных действий империализма, будто бы провоцируемых воинственностью революционных сил[3].

Второй конгресс выдвинул формулу, на много лет определившую внешнеполитические установки социал-демократии: «Организованные рабочие убеждены, что безопасность каждого народа и мир на земле должны быть основаны на третейском разбирательстве и на

[1] «Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in Hamburg...», S. 102.
[2] Ibid., S. 105.
[3] «Zweiter Kongreß der Sozialistischen Arbeiter-Internationale in Marseille 22. bis 27. August 1925». Berlin, 1925, S. 362—363.

всеобщем и полном разоружении»[1]. Позже, в 1928 г., Брюссельский конгресс РСИ обязал все социал-демократические партии «оказывать самое сильное, вплоть до самого революционного, давление масс на правительство, которое, отказываясь подчиняться или уважать арбитражное решение, прибегает к войне в случае международного конфликта»[2]. Ориентация рабочего движения на борьбу за разоружение имела положительное значение. Однако эта ориентация в значительной мере обесценивалась тем, что обеспечение мира и разоружения целиком возлагалось на буржуазные правительства и международные арбитражные органы. В условиях, когда на международной арене Советский Союз был единственным социалистическим государством, последовательно боровшимся за мир и социальный прогресс, когда народы обширнейшей части мира еще не завоевали своей политической независимости, а Лига наций представляла прежде всего европейский капитализм, наращивавший вооружения, международный арбитраж грозил вылиться в диктат империалистических держав, направленный против Советского Союза, революционного рабочего и национально-освободительного движения. В решениях Брюссельского конгресса 1928 г. призыв к борьбе против «капитализма, ведущего дело к войне», сменился ориентацией на достижение согласия основных капиталистических держав. В них как на главную заслугу социал-демократии в борьбе за мир указывалось на то, что РСИ «подготовил и обеспечил согласие великих держав Западной и Центральной Европы — необходимую основу мира»[3].

Сняв с капитализма как социального строя ответственность за войны, Брюссельский конгресс выдвинул следующую схему расстановки сил на международной арене: «демократическим нациям» противостоит фашистская диктатура, а также «режим диктатуры террористического меньшинства» в Советском Союзе[4].

Разработанная социал-демократическими лидерами и идеологами система взглядов дезориентировала рабочие массы относительно условий борьбы за мир и за утверждение демократических принципов в международных отношениях. По словам Блюма, в условиях буржуазной демократии стремление народных масс к миру находит наиболее полное отражение во внешней политике буржуазно-демократических правительств, тогда как в условиях «диктатуры» стремление народных масс к миру подавляется и не находит отражения во внешней политике. На этом основании Л. Блюм призывал: «Каждый человек и каждое общество, которые стремятся к миру, должны работать над ликвидацией диктатур... Свободные страны

[1] «Zweiter Kongreß der Sozialistischen Arbeiter-Internationale in Marseille 22. bis 27. August 1925», p. 360.
[2] «Troisième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste», p. IX. 8.
[3] Ibid., p. IX. 4.
[4] Ibid., p. IX.6.

должны развернуть кампанию за мирную ликвидацию диктаторских правительств»[1].

В политической практике борьба за «ликвидацию диктатур» вылилась в поддержку внешнеполитического курса крупного капитала, который направлял усилия на то, чтобы использовать фашистские государства как основную ударную силу против Советского Союза. Борьба за «ликвидацию диктатур» отнюдь не мешала правительству Англии предоставлять займы хортистской Венгрии, а французскому правительству — поддерживать режим Пилсудского.

Высокопарные высказывания социал-демократических лидеров о необходимости «ликвидации диктатур» имели свое продолжение в политической практике как оправдание антисоветских планов империалистических держав. В 1926 г. один из правых лидеров СФИО, Поль-Бонкур, получил скандальную известность, назвав солдат Пилсудского «часовыми цивилизации на границе с Советским Союзом»[2]. Заявление Поля-Бонкура шокировало даже многих лидеров Рабочего социалистического интернационала и вызвало резкие протесты в самом социал-демократическом движении. Однако все эти протесты были направлены скорее против формы, нежели против сути.

К концу 20-х гг. в руководящих кругах социал-демократии стали распространяться взгляды, по существу оправдывавшие контрреволюционное насилие. Опубликованная К. Каутским в 1930 г. книга «Большевизм в тупике» представляла собой прямой призыв к контрреволюционным силам поднять восстание в Советском Союзе. «И сейчас еще,— писал он,— мы можем ожидать великого дня всей Европы, если в России дело дойдет до демократического восстания и оно там победит: преодоление кризиса, усиление мощи социалистических партий, разоружение, Пан-Европу... Демократическая революция в России привела бы в движение всю Европу...»[3]

В 1918 г. К. Каутский, осуждая насилие революционного народа, оправдывал насилие буржуазного государства ссылками на законность, а в 1930 г. он приветствовал насилие контрреволюции против социалистического государства, доказав тем самым, что все его рассуждения о законности и недемократичности насилия лишь маскировали контрреволюционное существо его взглядов.

Во внешнеполитической стратегии РСИ крайне мало внимания уделялось *национально-освободительному движению*[4]. В принятой Брюссельским конгрессом РСИ программе по колониальному во-

[1] *L. Blum.* Les problèmes de la paix. Paris, 1931, p. 190, 192.
[2] «La nouvelle revue socialiste», 1926, N 9, p. 9.
[3] *K. Kautsky.* Der Bolschevismus in der Sackgasse. Berlin, 1930, S. 150.
[4] См. «Социал-реформизм и колониальный вопрос (позиции правых социалистов в связи с распадом колониальной системы)». Под общ. ред. Г. Е. Скорова. М., 1961, стр. 32—38.

просу все колониальные и зависимые страны разбивались на три группы: 1) страны, способные сами управлять своими делами; 2) страны, достаточно развитые, чтобы получить автономию; 3) страны, для которых освобождение от иностранного господства означало бы «регрессивное движение к примитивному варварству». За первой группой стран признавалось право на независимость, за второй — автономия, для третьей — сохранение иностранного господства признавалось за... благо. В программе содержался подробный перечень мер, осуществление которых способствовало бы улучшению условий жизни народов колониальных и зависимых стран.

Что касается путей и средств достижения поставленных целей, то рекомендации были предельно лаконичными: «Рабочий социалистический интернационал предлагает всем партиям — членам РСИ вступить в контакт с движениями за освобождение порабощенных народов с целью оказания им поддержки в борьбе за принципы и требования, изложенные в данном решении, и особенно с целью развития политического и профсоюзного рабочего движения этих стран в направлении демократии и социализма»[1].

Отсутствие в программе по колониальному вопросу анализа проблем национально-освободительной борьбы и сил, ведущих эту борьбу, освобождало социал-демократические партии от необходимости придерживаться общей позиции по отношению к конкретным национально-освободительным движениям и позволяло тем самым объединить в недрах РСИ самые разнородные и противоречивые позиции социал-демократических партий по колониальному вопросу. Социал-демократическим партиям фактически предоставлялась свобода рук в определении своей конкретной политики по колониальному вопросу, свобода руководствоваться принципами, допускавшими самые произвольные толкования. Тем самым создавались широкие возможности для приспособления социал-демократических лидеров к колониальной политике своей буржуазии. Характеризуя тогдашнюю колониальную политику социал-демократии, П. Тольятти писал: «В каждой стране она вела совершенно особую конкретную колониальную политику. Это была политика солидарности или прямого участия в колониальных предприятиях буржуазии»[2].

Имперская психология довлела в политике социал-демократических партий стран, имевших колонии. В странах, не имевших колоний, социал-демократические лидеры чувствовали себя более свободными в поддержке права наций на самоопределение. Однако все социал-демократические лидеры придерживались общей отрицательной позиции в отношении революционной, а тем более вооруженной национально-освободительной борьбы.

Они утверждали, что не революционная борьба, а реформистская

[1] «Troisième congrès de l'Internationale Ouvrière Socialiste», p. IX.19.

[2] *П. Тольятти.* Избранные статьи и речи, т. 1. М., 1965, стр. 81.

политика самих имперских держав решит колониальную проблему. «Что касается колониальных и зависимых стран,— писал Дж. Коул,— то они (социал-демократы.— *Ред.*) выступали за то, чтобы те из этих стран, которые они считают способными самостоятельно управлять своими делами, должны возможно быстрее продвигаться к самоуправлению, но они выступали за то, чтобы это самоуправление устанавливалось не посредством колониальной революции, а посредством нарастающих уступок в вопросе о самоуправлении, на которые пойдут империалистические державы под давлением международной власти, которую предлагалось учредить»[1].

В целом в период временной стабилизации капитализма социал-демократия выступила на стороне буржуазного мира, против Советского Союза и революционного движения. Однако в той мере, в какой социал-демократия была подвержена пацифизму, она вносила и позитивный вклад в антивоенную борьбу народных масс. Пацифизм социал-демократии был созвучен антивоенным настроениям народных масс, их протестам против кровавой бойни и чудовищных разрушений первой мировой войны, их решимости не допустить повторения этого преступления. Позитивную роль играла и поддержка социал-демократическими лидерами пацифистских тенденций в буржуазной политике.

Однако *слабости пацифистской позиции социал-демократических лидеров обнаружились особенно отчетливо, когда тенденция к войне стала преобладающей в политике мировой буржуазии.* Своеобразие подготовки второй мировой войны определялось условиями общего кризиса капитализма. Как ни глубоки были межимпериалистические противоречия, все империалистические державы объединяло общее стремление разрешить эти противоречия за счет Советского Союза. Фашистские правительства открыто объявили своей главной внешнеполитической задачей уничтожение социалистического государства, а правящие круги США, Англии, Франции проводили политику «умиротворения» фашистских агрессоров, рассчитывая направить в конечном счете агрессию против Советского Союза. Более того, даже в странах, ставших жертвами фашистской агрессии, реакция проводила пораженческую политику, широко прибегая к пацифистской фразеологии. Военный отпор фашистской агрессии отвергался как мера, несовместимая с пацифизмом, а единственным средством обеспечения мира объявлялась политика уступок притязаниям фашистских стран.

Такая метаморфоза буржуазного пацифизма подрывала сами основы внешнеполитической платформы социал-демократии, обрекая на неудачу все попытки социал-демократических лидеров приспособиться к новому развитию международных отношений.

[1] *G. D. H. Cole.* A History of Socialist Thought, vol. IV, part I: Communism and Social-Democracy. London, 1958, p. 350.

Весьма показательны решения состоявшейся в августе 1933 г. Парижской конференции РСИ. С одной стороны, в решениях содержались энергичные призывы вести революционную борьбу против фашизма, а с другой — говорилось: «Рабочие демократических стран не должны поддаться соблазну прибегнуть к войне даже под предлогом, что война ведется для освобождения порабощенных народов»[1].

Публикуя самые резкие протесты против действий фашистских агрессоров, социал-демократические лидеры сопровождали эти протесты ссылкой на то, что только разоружение, и даже одностороннее разоружение (в случае отказа Германии и Италии), буржуазно-демократических государств может устранить опасность войны. «Если Германия откажется (от подписания общего договора по разоружению.— *Ред.*)...— заявлял Л. Блюм,— мы будем продолжать надеяться, что соответствующий договор, даже заключенный без участия Германии, будет неизбежно навязан ей единодушием мировой общественности»[2]. Независимо от намерений авторов таких заявлений объективно они затрудняли организацию отпора фашистской агрессии, и прежде всего применение военных санкций против фашистских стран. Нетрудно понять, что такого рода пацифизм стал вызывать раздражение в демократических кругах. Центральный орган английской лейбористской партии газета «Дейли геральд» завоевала в этих кругах печальную известность неизменными осуждениями предложений применить силу против фашизма. «Именно в это время,— иронически писал А. Штюрмталь,— один английский журналист спросил коллегу, не полагает ли он, что пронацистскую внешнеполитическую линию «Дейли геральд» можно объяснить тем, что этой рабочей газете перепадают деньги из ведомства Геббельса. «Дело обстоит даже хуже,— был ответ.— Они делают это бескорыстно»»[3].

После прихода Гитлера к власти подавляющая часть социал-демократических партий ориентировалась преимущественно на внешнеполитический курс англо-французского блока, проводившего политику «умиротворения» фашистских агрессоров. Социал-демократические лидеры не могли открыто одобрить классовые мотивы политики «умиротворения» без риска утратить влияние среди рабочих масс, тогда как «надклассовый пацифизм» еще сохранял способность скрашивать в глазах общественности неприглядные аспекты политики «умиротворения».

Вступление германских войск в Рейнскую область весной

[1] *J. Braunthal.* Geschichte der Internationale, Bd.2. Anhang, S. 575.
[2] Цит. по: *A. Sturmthal.* The Tragedy of European Labor. 1918—1939, p. 250.
[3] Ibid., p. 238.

1936 г. вызвало резкую реакцию правительства Франции, которое первоначально намеревалось даже объявить частичную мобилизацию. Руководство СФИО решительно протестовало против подобных намерений, усматривая в них угрозу миру. Делегация СФИО во главе с генеральным секретарем партии П. Фором посетила главу правительства Сарро и выразила протест против его выступления по радио 8 марта 1936 г., которое, по мнению социалистических лидеров, было выдержано в недопустимо угрожающем тоне по отношению к Германии. В Англии лидеры лейбористской партии выступили за переговоры с Германией и пересмотр статей Версальского договора с учетом германских притязаний. Они потребовали от правительства оказать соответствующий нажим на Францию.

Социал-демократические лидеры проявляли большие колебания в вопросе о применении санкций против Италии, отказавшейся прекратить агрессию в Эфиопии. Французские социалисты с большими оговорками соглашались с применением экономических санкций, но решительно отвергали саму возможность применения военных санкций. Когда английский военный флот появился в водах Средиземного моря, Л. Блюм опубликовал статью, в которой резко протестовал против этой акции.

Показательна в этом отношении история вопроса о французских поставках вооружения республиканской Испании. Правительство консерваторов в Англии, враждебно относившееся к республиканскому правительству Испании, решительно выступило против оказания военной помощи республиканской Испании. Уступая нажиму со стороны английского правительства, Л. Блюм выдвинул идею «невмешательства» других стран в испанские дела. Франция в одностороннем порядке прекратила военные поставки Испании.

Оправдывая политику «невмешательства», Л. Блюм широко прибегал к пацифистской фразеологии и в патетических выражениях говорил о миротворческой миссии французской нации. Фактически это было попустительство фашизму, поджигателям второй мировой войны.

В тогдашних международных условиях правительство Блюма могло серьезно помочь республиканской Испании, но ценой ухудшения отношений с Англией и сближения с Советским Союзом, выступавшим за организацию решительного отпора фашистской интервенции в Испании. Это была слишком высокая, по мнению социалистических лидеров, цена за предотвращение победы фашизма в Испании.

Социал-демократия не смогла выработать единого отношения и к мюнхенскому сговору. В октябре 1938 г. Исполком РСИ опубликовал «протест» против Мюнхенского соглашения, по поводу которого А. Штюрмталь заметил: «Но коль скоро это заявление должно было быть приемлемым для антимюнхенских английских и промюнхенских французских социалистов и не оскорбительным для нейтральных бельгийской, швейцарской и скандинавских социал-демо-

кратических партий, то протест был скорее направлен против формы, нежели против существа «умиротворения»»[1].

Заявление Исполкома РСИ лишь подчеркнуло глубокий разброд в рядах социал-демократии. Как и накануне первой мировой войны, социал-демократические партии оказались в зависимости от буржуазной внешней политики. Только левые течения в ряде социал-демократических партий сумели выступить за проведение самостоятельного внешнеполитического курса. Наиболее влиятельный выразитель этих настроений, лидер левого крыла СФИО Ж. Зиромский подчеркивал, что лишь решительный отпор фашистской агрессии способен отстоять мир в Европе и что организация эффективного отпора невозможна без сотрудничества с Советским Союзом и достижения рабочего единства на основе сближения социал-демократов и коммунистов. Однако влияние левых течений в социал-демократическом движении было незначительным[2].

В социал-демократическом движении нашел отражение разброд в лагере буржуазно-демократических государств. По мере усиления стран фашистской «оси» все более осязаемой становилась претензия фашистской Германии на установление мирового господства. Разрабатывая планы нападения на Советский Союз, Германия намеревалась нанести первый удар по странам Западной Европы. Отсюда появление в правящих кругах этих стран оппозиции политике «умиротворения». Английская буржуазия не считала, что ее господству угрожает настолько серьезная революционная опасность, чтобы допустить перерастание политики «умиротворения» в политику капитуляции. Французская буржуазия, еще не оправившаяся от испуга времен Народного фронта, оказалась более зараженной капитулянтскими настроениями. Соответственно английская лейбористская партия заняла антимюнхенскую, а СФИО — промюнхенскую позицию.

Политические и военные поражения англо-французского блока перед наступлением фашистских стран подорвали авторитет Англии и Франции в глазах буржуазии малых стран, которая пыталась обеспечить безопасность своих государств, заняв позицию нейтралитета. Соответственно в РСИ скандинавские, бельгийская и швейцарская социал-демократические партии перешли на позиции нейтралитета. Хотя социал-демократические партии, как правило, больше буржуазных партий были склонны к принятию энергичных мер против фашистской агрессии, в целом, не сумев преодолеть классовую ограниченность внешней политики буржуазных правящих кругов своих стран, социал-демократические партии также оказались в плену порочной логики политики «умиротворения».

[1] *A. Sturmthal.* The Tragedy of European Labour. 1918—1939, p. 325.
[2] SFIO. XXXV-e Congrès National. Compte-rendu sténographique, p. 569.

Нападение Германии на Польшу знаменовало полный крах политики «умиротворения». Англия и Франция, рассчитывавшие направить фашистскую агрессию на Восток, против Советского Союза, оказались в военном конфликте с Германией. Но и этот крах еще не произвел должного отрезвляющего воздействия на социал-демократических лидеров. Многие из них присоединились к хору нападок на Советский Союз в связи с заключением советско-германского пакта о ненападении.

Антисоветизм и антикоммунизм социал-демократических лидеров достигли апогея в период советско-финляндского военного конфликта. Лейбористская партия обратилась с призывом к «свободным нациям оказать действенную помощь финской нации в борьбе за сохранение ею своих собственных институтов, цивилизации и демократии»[1]. Пацифист Л. Блюм, побивая все рекорды воинственности, «ратовал за оказание всей возможной помощи финнам любой ценой, даже если это приведет к войне с Россией»[2]. Руководство СФИО приняло самое активное участие в травле коммунистической партии, объявленной тогда вне закона.

Враждебный национальным интересам этих стран характер антисоветской истерии был настолько очевиден, что даже такой правый и антикоммунистически настроенный буржуазный деятель, как де Кериллис, писал: «Неописуемая буря поднялась в сознании буржуазии. Дух крестового похода повеял отовсюду... Раздавался только один клич: «Войну России!» Сразу же наиболее пацифистски настроенные стали наиболее воинственными. Те, кто не желал «умирать за Данциг», хотели теперь «умереть за Хельсинки». Те, кто доказывал, что нельзя воевать против одной Германии... доказывали, что можно воевать сразу против Германии и против России вместе... Те, кто ратовал за сохранение полной неподвижности за линией Мажино, умоляли теперь послать армию сражаться к Северному полюсу... Именно в это время горячка антикоммунизма достигла своего пароксизма и приняла формы эпилепсии»[3].

Морально-политическое банкротство руководства социал-демократии вызвало распад РСИ и уход с политической арены крупнейших социал-демократических партий. Лидеры РСИ повторили путь оппортунистических лидеров II Интернационала, продемонстрировав еще раз, что оппортунизм снижает не только революционные, но и демократические потенции рабочего движения.

Крах Рабочего социалистического интернационала подвел оп-

[1] «The Labour Party. Report of the 39th annual Conference held in the Pavilion Bournemouth May 13th — 16th 1940». London, 1947, p. 13.
[2] *H. Dalton.* The Fateful Years. Memoirs 1931—1945. London, 1957, p. 292.
[3] *H. de Kerillis.* Français, voiçi la vérité! New York, 1942, p. 102.

ределенный итог деятельности и идейной эволюции социал-демократических партий в 20—30-х гг.

С одной стороны, социал-демократические массы, профсоюзы, партии проявляли известную активность в борьбе за повседневные требования трудящихся. Социал-демократические партии в своем большинстве занимали в основном позиции в защиту демократических свобод и институтов. Находившиеся под влиянием социал-демократов массы составили значительный отряд антивоенного движения. Антимилитаристские формулы документов социал-демократических партий, выступлений их лидеров в целом были созвучны антивоенным настроениям масс. В Испании социалисты совместно с коммунистами приняли участие в революции и в национально-революционной войне. Социалистическая партия Франции вошла в Народный фронт, преградивший путь фашизму в этой стране. Опыт Испании и Франции особенно убедительно доказал, что сотрудничество социал-демократов с коммунистами создает наилучшие условия для демократического развития и общественного прогресса. Провозглашение социалистических целей в социал-демократической прессе и литературе, признание левыми социал-демократами необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата имело положительное значение в той мере, в какой это содействовало отходу трудящихся от буржуазных партий и формированию их готовности бороться за социалистические цели.

С другой стороны, оппортунистическая практика социал-демократических лидеров предопределяла общий сдвиг социал-демократии вправо, пагубно отражавшийся на рабочем и демократическом движении. Сотрудничество социал-демократов с коммунистами было сравнительно редким и кратковременным, тогда как в целом правым лидерам удалось удержать социал-демократические партии на рельсах антикоммунизма, раскалывавшего рабочий класс и снижавшего его боеспособность. Проводимая социал-демократическими лидерами политика классового сотрудничества содействовала укреплению буржуазного господства в годы временной, частичной стабилизации капитализма. Движимые враждебностью к массовым выступлениям и антикоммунизмом, социал-демократические лидеры нанесли немалый ущерб делу организации антифашистского и антивоенного движения в Германии и ряде других стран. Антисоветский курс социал-демократического руководства усиливал зависимость социал-демократических партий от внешней политики «своей» буржуазии. Вследствие этого социал-демократия в решающий момент не смогла оказать противодействия агрессивным происках империализма, втягивавшего мир в войну. Наконец, оппортунистическая практика социал-демократических лидеров в значительной мере обесценивала пропаганду социалистических идеалов. Более того, антисоветизм и антикоммунизм социал-демократических лидеров оказывали самое негативное идейно-политическое воздействие на рабочий класс, ибо объективно

содействовали усилиям буржуазии по дискредитации реальных путей борьбы за социализм.

В итоге социал-демократические руководители не выполнили своих обещаний о продвижении в направлении к социализму, а избранный ими политический курс объективно снижал демократические потенции социал-демократии. Все это и вызвало глубокий кризис социал-демократии накануне второй мировой войны. Возродить социал-демократическое движение могло только обращение к его социалистическим и демократическим истокам.

Часть III

РАБОЧИЙ КЛАСС В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ

Глава седьмая

РОЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ АЗИИ И АФРИКИ

В 20—30-х гг. в Азии и Африке продолжалось нарастание национально-освободительного движения. При этом постепенно менялись его характер, движущие силы, требования, географические рамки и т. п.

Во-первых, в межвоенные годы в колониальных и зависимых странах заметно ускорилось развитие капитализма, сопровождавшееся ростом численности пролетариата. Формирование рабочего класса в условиях подъема национально-освободительного движения придавало ему ряд специфических черт: сравнительно раннее осознание своих особых интересов как класса, высокую активность, стремление к созданию собственных классовых организаций еще на начальной стадии развития и т. п. Именно этими обстоятельствами наряду с воздействием международного рабочего и коммунистического движения объяснялось возникновение в колониальных и зависимых странах 30 коммунистических и рабочих партий, а также значительного числа профессиональных организаций. Их деятельность, создавая предпосылки для превращения пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя», оказала значительное влияние на ход национально-освободительного движения и содействовала выдвижению рабочего класса в авангард национально-освободительной борьбы.

Выступление рабочего класса в качестве самостоятельной организованной силы практически повсеместно привело к повышению зрелости национально-освободительного движения. Если раньше его целью было получение частичных политических или экономических уступок от империализма, то к 30-м гг. лозунгом национально-освободительного движения становится достижение полной независимости.

Выдвижение рабочего класса в авангард национально-освободительного движения превращало его в составную часть мирового революционного процесса. Расшатывая господство империализма, ограничивая возможности эксплуатации народов колониальных и зависимых стран, сдерживая расширенное воспроизводство капиталистических отношений, а иногда просто подрывая их, национально-освободительное движение создавало предпосылки для крушения колониализма.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

Многоукладный характер экономики колониальных и зависимых стран, принудительное втягивание их в мировое капиталистическое хозяйство и международное разделение труда еще на этапе разложения феодализма, безраздельное господство иностранного капитала и импортных товаров на их внутренних рынках обусловили большую специфичность процессов формирования пролетариата в странах Азии и Африки[1].

В *Китае* разложение традиционных форм докапиталистического производства привело к массовому уходу в город лиц, потерявших источники дохода. К началу 30-х гг. в городах скопилась многочисленная полупролетарская масса, общая численность которой превышала 30 млн. человек. Эти лица были заняты на случайных и поденных работах (рикши, кули, поденщики и т. п.).

Именно из этой полупролетарской массы формировались рабочие капиталистического производства. В середине 30-х гг. численность рабочих фабричной промышленности достигла 1,3 млн. человек[2]. Давление армии безработных оказывало огромное влияние на условия найма и труда. Возможность в любой момент заменить рабочего обусловливала крайне низкие ставки заработной платы, нерегулярность ее выплаты, неограниченную продолжительность рабочего дня и т. д. Поскольку в китайской промышленности доминировали формы абсолютной эксплуатации, то наблюдался чрезмерно быстрый износ рабочей силы. Несмотря на относительно высокую численность рабочих капиталистической промышленности, ядро кадрового пролетариата лишь начинало формироваться.

Доля рабочих всех категорий составляла в 20—30-х гг. около 2,5% самодеятельного населения страны, в том числе фабрично-заводских рабочих — немногим более 0,1%. Характерной чертой Китая было практическое отсутствие наемной рабочей силы в сельском хозяйстве[3].

Несмотря на тяжелейшие условия жизни и труда, китайский рабочий класс сумел организоваться в профессиональные союзы.

[1] См. *А. И. Левковский.* Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963; «Новейшая история Китая (1917—1970 гг.)». М., 1972; *Е. П. Заказникова.* Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии. М., 1971; *Ю. Н. Розалиев.* Особенности развития капитализма в Турции (1923—1960 гг.). М., 1962; *Л. А. Фридман.* Капиталистическое развитие Египта (1882—1939). М., 1963; «Рабочий класс Африки». М., 1966, и др.

[2] См. «Рабочий класс Китая (1949—1974)». М., 1978, стр. 9.

[3] См. «Рабочий класс Китая (1949—1974), стр. 12; *А. В. Меликсетов.* Некоторые особенности формирования рабочего класса Китая к началу новейшего времени.— Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. III. М., 1978, стр. 7,

С 1925 по 1927 г. число членов профсоюзов возросло с 500 тыс. до 2,8 млн.[1]

Во *Вьетнаме* к началу второй мировой войны в капиталистическом производстве было занято около 300 тыс. рабочих, из них две трети работало в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности и на транспорте, а около трети (80 тыс.) составляли плантационные рабочие[2].

В стране насчитывалось также около 1 млн. сельскохозяйственных рабочих, занятых преимущественно в хозяйствах докапиталистических производителей[3]. Основная масса этих рабочих была представлена поденщиками и сезонниками.

Даже промышленные рабочие сохраняли определенную связь с землей. Часть рабочего класса составляли лица китайского происхождения и кхмеры. Характерной чертой вьетнамского рабочего класса была довольно высокая концентрация его основного ядра. Так, более 25 тыс. горняков работало на шахтах компании «Шарбоннаж дю Тонкэн». Тысячи рабочих были заняты на таких предприятиях, как Сайгонский арсенал, Хайфонский цементный завод, текстильная фабрика Намдиня и ряд других.

Условия труда и существования пролетариата были исключительно тяжелыми. До 1927 г. рабочий день не нормировался, но и после установления 10-часового рабочего дня его фактическая продолжительность достигала 11—13 и более часов[4]. Широкое распространение получил женский и детский труд.

В *Индии* в ходе колониальной эксплуатации сложилась большая прослойка рабочей силы, но основная часть рабочих (20 млн. человек) была занята в сельском хозяйстве, где доминировали докапиталистические отношения. Накануне второй мировой войны в капиталистическом секторе экономики насчитывалось около 2 млн. рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, 1,5 млн.— на железнодорожном транспорте и 1,2 млн.— на английских плантациях[5].

Сравнительная отсталость индийской промышленности сочеталась с очень высокой концентрацией производства и рабочей силы: на предприятиях с 1000 рабочих и более было занято свыше половины всего фабрично-заводского пролетариата. Индийский промышленный пролетариат был сосредоточен в немногих районах страны

[1] См. *В. Страхов.* Вопросы китайского профессионального движения.— «Проблемы Китая», 1930, № 2, стр. 31.
[2] *Ch. Robequin.* The Economic Development of French Indo-China. London, New York, Toronto, 1944, p. 248.
[3] См. «История Вьетнама в новейшее время (1917—1965)». М., 1970, стр. 35.
[4] См. *Р. А. Поповкина.* Французские монополии в Индокитае накануне второй мировой войны. М., 1960, стр. 205.
[5] См. *А. И. Левковский.* Некоторые особенности развития капитализма в Индии до 1947 г. М., 1956, стр. 104—105.

и на немногих предприятиях, что облегчало его организацию. Однако пролетариат был многонационален, разноязычен, отмечен печатью кастовых и религиозных различий. Существование огромной армии безработных резко ухудшало положение рабочего класса, создавая условия для понижения уровня заработной платы, увеличения продолжительности рабочего дня и т. п.

В середине 20-х гг. около 10% индийских промышленных рабочих, занятых на предприятиях с числом работающих не менее 20 человек, входили в профсоюзы, в рядах которых насчитывалось 320 тыс. человек. Наибольшей организованностью отличались почтово-телеграфные работники, почти 50% из них были членами профсоюзов. Среди железнодорожников организованные рабочие составляли 15%, среди текстильщиков — 10,5, среди печатников — 1,4% и т. д.

В *Индонезии* сама специфика колониальной эксплуатации сдерживала рост численности кадрового пролетариата: колониальные власти ввели закон, по которому крестьяне должны были в качестве налога отрабатывать определенное число дней на европейских предприятиях или на строительстве государственных объектов. Численность таких «рабочих» в начале 30-х гг. достигала 3 млн. человек. Постоянные рабочие составляли около 1,5 млн. человек. Наиболее крупным отрядом рабочего класса были рабочие сахарных заводов (150 тыс. человек).

Раздробленность пролетариата, размещение большинства промышленных предприятий в сельской местности, связь рабочих с деревней, давление крестьянской психологии серьезно затрудняли организацию рабочего класса. Все это создавало широкие возможности для произвола надсмотрщиков, хозяев и чиновников[1].

В *Турции* в середине 20-х гг. в ремесленно-кустарном производстве было занято 120—140 тыс. наемных рабочих, в фабрично-заводской промышленности — 60—70 тыс., на транспорте — 50—60 тыс. Постоянных сельскохозяйственных рабочих насчитывалось около 300 тыс. Турецкий пролетариат еще до первой мировой войны сумел создать ряд боевых профессиональных организаций[2].

В *Иране* большинство рабочих было занято на мелких и мельчайших предприятиях. В ковроткацких мастерских работало около 150 тыс. человек, $^2/_3$ из которых были дети[3]. Наиболее крупные отряды рабочих были сконцентрированы на нефтепромыслах юга страны, на текстильных предприятиях Исфагана, Тебриза, Решта и др.

В *Афганистане* промышленные рабочие (в том числе на строительстве, транспорте, в ремесленно-мануфактурном производстве)

[1] См. *А. А. Губер.* Положение рабочего класса в Индонезии.— «Революционный Восток», 1928, № 4—5, стр. 132—133.
[2] См. «Мировое профессиональное движение. Справочник Профинтерна», т. III. М.—Л., 1926, стр. 337—341.
[3] См. *Ш. М. Бади.* Рабочий класс Ирана. М., 1965, стр. 92.

концентрировались преимущественно в Кабуле, Кандагаре, Герате, Пули-Хумри, Мазари-Шарифе и других городах[1]. Общая численность работавших по найму в промышленном производстве в конце 30-х гг. превысила 150 тыс. человек[2].

В *Египте*, самой развитой в промышленном отношении арабской стране, численность промышленного пролетариата (на предприятиях с числом рабочих не менее 10 человек) в 1927 г. составляла 95 тыс., в 1937 г.— 160—170 тыс. человек. Главный отряд египетского пролетариата составляли рабочие Каира и Александрии (в 1937 г. соответственно 95,7 тыс. и 44,5 тыс. человек). Жизненные условия рабочих характеризовались сочетанием капиталистической эксплуатации и колониально-феодального угнетения. Пролетариат работал на износ; для предпринимателя он не представлял особой ценности, так как почти всегда мог быть заменен работниками, приехавшими из деревни. Рабочий день длился в среднем около 12 часов. 40% всех рабочих были сезонниками.

В других арабских странах развитие промышленности и рабочего класса было гораздо менее значительным. В *Алжире* в середине 20-х гг. в добывающей и обрабатывающей промышленности было занято 20—30 тыс. рабочих. Поскольку в обрабатывающей промышленности доминировала первичная переработка сельскохозяйственного сырья, то занятость в ней носила преимущественно сезонный характер. В *Сирии* и *Ливане* существовало несколько сот полукустарных предприятий, на них было сосредоточено 20—25 тыс. рабочих. В *Ираке* и *Палестине* промышленное развитие только начиналось. Во многих арабских странах — *Саудовской Аравии*, *Йемене*, *Трансиордании*, *Ливии* — рабочего класса еще не существовало.

Самым крупным и наиболее организованным отрядом пролетариата стран Тропической Африки был рабочий класс *Южно-Африканского Союза*. В начале 20-х гг. здесь насчитывалось около 900 тыс. рабочих, из которых 300 тыс. были заняты в горной, 200 тыс.— в обрабатывающей промышленности и 400 тыс. составляли сельскохозяйственные рабочие. Пролетариат ЮАС имел ряд существенных особенностей, объяснявшихся историческими и экономическими условиями развития этого английского доминиона. Значительную прослойку рабочих составляли выходцы из стран Европы и Америки. Кадры местного рабочего класса пополняли в основном мигранты из соседних колоний Португалии и Англии. Профсоюзное движение среди рабочих — выходцев из стран Европы зародилось здесь еще в 30-х гг. XIX в. В 1911 г. была образована Федерация профсоюзов Трансвааля, а в 1926 г.— Южноафриканский конгресс профсоюзов.

[1] См. *И. И. Черняховская*. Развитие промышленности и положение рабочего класса Афганистана. М., 1965.
[2] См. *А. Д. Давыдов*. Социально-экономическая структура деревни Афганистана (особенности эволюции). М., 1976, стр. 240—243.

Рабочий класс других *стран Тропической Африки* лишь начал формироваться. Общая численность рабочих и служащих в странах южнее Сахары (включая ЮАС) накануне второй мировой войны составляла 3,6 млн., из которых на страны Западной Африки приходилось 572 тыс., Восточной Африки — 1,1 млн., Центральной Африки — более 600 тыс., Южной Африки — 1,3 млн.[1] Из общего числа рабочих и служащих $^1/_3$ была занята в промышленности, на транспорте и в строительстве. Абсолютное же большинство рабочих работало на плантациях, в торговле и сфере услуг.

Формировавшийся пролетариат был распылен, разрознен, разноязычен. Большое значение в формировании рабочего класса стран Африки имело отходничество. Ежегодно десятки и даже сотни тысяч крестьян покидали свои деревни и отправлялись на заработки в соседние страны (в ЮАС, Кению, Танзанию, Берег Слоновой Кости, Конго). Проработав определенное время на плантациях и предприятиях добывающей промышленности колонизаторов, они возвращались домой.

В некоторых колониях Африканского континента действовали законы о принудительном труде местного населения. Такое положение существовало, например, в колониальной Анголе, где власти заставляли население работать на предприятиях колонизаторов соседних стран (ЮАС, Северной Родезии, Конго и др.) по «контрактации», получая за каждого «законтрактованного» рабочего определенное вознаграждение. Большинство «законтрактованных» использовалось в сельском хозяйстве и добывающей промышленности.

Положение африканских рабочих было крайне тяжелым. Колонизаторы платили эксплуатируемым мизерную заработную плату, рабочий день длился 10—12 часов, рабочие находились в условиях строгого надзора и регламентации. Жили они, как правило, в специально отведенных для них местах, окруженных колючей проволокой. Тысячи рабочих, попавших на предприятия колонизаторов, гибли на плантациях и в шахтах.

Вместе с появлением местного африканского пролетариата на континенте стали возникать и профсоюзные организации. Так, первые профсоюзы в Гане (Золотой Берег) и Нигерии были созданы в 1921 г. В 1926 г. образовался Союз железнодорожников Сьерра-Леоне, в 1933 г.— первый профсоюз в Гамбии. В 20—30-х гг. возникли профсоюзы в английских колониях Восточной Африки. К началу второй мировой войны в английских колониях в Африке существовало 14 профсоюзов[2]. Профсоюзы действовали, как правило, под строгим надзором колониальных властей.

[1] См. «Рабочий класс Африки», стр. 10.

[2] См. *М. И. Брагинский.* Формирование африканского пролетариата. М., 1974, стр. 180—182.

Несмотря на известные отличия, общим для *рабочего класса стран Азии и Африки* было то, что он в основном оставался «классом в себе». Политическое и классовое самосознание рабочих масс было выражено очень слабо. Около двух третей армии наемного труда составляли рабочие предприятий кустарно-ремесленного и мануфактурного типа, а также батраки и поденщики, подвергавшиеся как капиталистическим, так и докапиталистическим формам эксплуатации.

Процессы формирования рабочего класса в колониальных и зависимых странах Азии и Африки протекали в крайне сложной обстановке. Несмотря на ускорившееся развитие капитализма, в 20—30-х гг. в этой группе стран господствовали докапиталистические — феодальные, полуфеодальные или даже родо-племенные — отношения. Переплетение нарождающегося капитализма с разложением предшествующих способов производства накладывало отпечаток на всю социальную структуру общества.

Ведущим по численности классом в странах Азии и Африки было крестьянство, составлявшее 80—90% населения. Вместе с тем в колониальных и зависимых странах, особенно в Азии, имелась довольно значительная группа населения, лишенная средств производства (бывшие неполноправные общинники, слуги общины, долговые рабы, члены покоренных племен и т. п.). Эта группа постоянно пополнялась за счет разорявшихся ремесленников и крестьян.

Слои, лишенные средств производства, отличались крайне низким жизненным уровнем. К тому же в их эксплуатации прослеживались черты не только феодальных, но и дофеодальных отношений. Занятые лишь в сезоны наиболее напряженных сельскохозяйственных работ, а остальную часть года перебивавшиеся случайными заработками, они не могли покинуть деревню из-за сохранения традиционных связей и кабалы. Именно из этой категории населения с развитием капитализма стали формироваться наемные рабочие. По характеру найма лиц наемного труда можно условно разделить на три группы.

К первой группе можно отнести всех лиц, лишенных средств производства и занятых в хозяйствах непосредственных сельскохозяйственных производителей,— это главным образом поденные и сезонные сельскохозяйственные рабочие. Как отмечал еще К. Маркс, «в эпоху разложения *добуржуазных* отношений спорадически выступают свободные рабочие, услуги которых покупаются не в целях потребления, а в целях *производства*; но... даже в большом масштабе это имеет место только для производства *непосредственных* потребительных стоимостей, а не *стоимостей*...»[1].

К этой категории лиц, составлявших своеобразный сельский предпролетариат, принадлежало подавляющее число сельскохозяйственных рабочих (около $^3/_4$). Иначе говоря, в многоукладной коло-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 459.

ниальной экономике использование наемного труда еще не обязательно свидетельствовало о капиталистическом характере производства и найма.

Ко второй группе принадлежали рабочие мелкого промышленного производства, которое в 20—30-х гг. носило преимущественно докапиталистический или раннекапиталистический характер.

По своему социальному положению они существенно отличались от рабочих капиталистических предприятий и больше походили на западноевропейского цехового подмастерья, чем на фабричного рабочего; здесь не было резкого различия между хозяином и работником по уровню доходов и социальному положению; формы и условия найма освящались традицией, а зачастую и религией; наблюдался достаточно частый переход из рабочих в самостоятельные производители или мелкие хозяйчики и т. п.

К этим двум категориям принадлежала основная часть наемных рабочих стран Азии и Африки: только в Китае и Индии их численность достигала нескольких десятков миллионов человек. Они представляли собой предпролетариат, опутанный докапиталистическими отношениями, зачастую связанный со своими нанимателями архаично-патриархальными клановыми, родовыми, земляческими связями.

К третьей группе относились рабочие капиталистических предприятий. Архаически-патриархальные формы эксплуатации, отсутствие профессиональной подготовки для использования современных средств производства определили целый ряд специфических черт пролетариата колониальных и зависимых стран.

Во-первых, поскольку рабочий класс в странах Азии и Африки формировался из социально приниженных слоев населения (бывших рабов, пленных, неполноправных общинников и пр.), это определяло низкий уровень стоимости рабочей силы. Отклонению цены от стоимости рабочей силы способствовала и безработица. Эти факторы наряду с особенностями найма лежали в основе большой текучести кадров из-за болезней, высокой смертности, длительного сохранения связей с деревней, которая обеспечивала средства для поддержания семьи рабочего. В результате существенно замедлялись темпы формирования кадрового пролетариата.

Во-вторых, становление капиталистического предпринимательства на колониальной периферии империализма приводило к появлению особых форм найма. Поскольку лица, лишенные средств производства, не могли покинуть деревню из-за наличия традиционных связей и архаичной психологии, капиталистические предприниматели широко прибегали к внеэкономическому принуждению для обеспечения себя рабочей силой. Специальными законами предусматривалось введение так называемого контрактного найма: при найме на работу рабочий получал аванс и подписывал контракт, за нарушение которого он подвергался уголовному наказанию или штрафу.

Контрактный наем привел к появлению посредника между пред-

принимателем и рабочим — контрактора, который вербовал рабочих на основе авансирования, доставлял их на предприятие и нес ответственность за выход рабочих на работу и выполнение ими норм. Контрактор получал у предпринимателя зарплату на всех завербованных рабочих, рассчитывался с ними. В результате рабочий подвергался двойной эксплуатации — со стороны предпринимателя и контрактора. Система контрактации вела к разобщению рабочих: своим непосредственным эксплуататором они считали не владельца предприятия, а контрактора. Поскольку на каждом предприятии было несколько контракторов, то это крайне затрудняло единство действий рабочих.

В-третьих, для рабочего класса колониальных и зависимых стран был характерен низкий уровень квалификации, обусловленный прежде всего структурой капиталистического производства в данной группе стран, представленного главным образом плантационным хозяйством, добывающей и в меньшей мере легкой промышленностью, которые не требовали применения квалифицированного труда. В свою очередь низкая квалификация и низкий уровень грамотности затрудняли рост уровня сознательности рабочего класса и его организацию.

В-четвертых, пролетариат стран Азии и Африки отличался специфической отраслевой структурой занятости. На первом месте по численности шли рабочие плантаций и капиталистических ферм, на втором — рабочие железных дорог и портового хозяйства, на третьем — рабочие капиталистической промышленности. Лишь в ряде стран — Индии, Китае, Турции — промышленные рабочие играли ведущую роль.

Для самого промышленного пролетариата была характерна большая раздробленность. Действительно, превращение этой группы стран в источник сырья для метрополий привело к появлению большого числа предприятий по первичной обработке сельскохозяйственного и минерального сырья. Сам характер технологии требовал создания здесь сравнительно мелких предприятий, расположенных у источников сырья, т. е. в сельской местности. В таких странах, как Индонезия, Цейлон, Бирма и др., бо́льшая часть промышленного пролетариата была сосредоточена на относительно мелких предприятиях, разбросанных в сельской местности.

Такой характер занятости усиливал воздействие традиционной крестьянской психологии на рабочий класс, затруднял создание массовых рабочих организаций. Вместе с тем в результате тесных контактов между рабочими и крестьянами создавались возможности для единства действий пролетариата и крестьянства в будущем.

Наконец, рабочий класс стран Азии и Африки отличался национальной и этнической неоднородностью. Поскольку уровень грамотности и общего развития в колониальных и зависимых странах был крайне низким, в целях сокращения издержек, а зачастую и по по-

литическим мотивам квалифицированная рабочая сила доставлялась из метрополий. За счет рабочей силы метрополий пополнялись кадры машинистов на железных дорогах, телеграфистов, наладчиков станков на фабриках и т. п. В результате квалифицированные и неквалифицированные рабочие принадлежали к разным национальностям.

Национально и этнически неоднородной была и неквалифицированная рабочая сила. Дело в том, что процессы разложения докапиталистических способов производства в колониальных и зависимых странах развивались с разной степенью интенсивности. Наиболее далеко зашли они в Индии, Китае и Египте. Поэтому при строительстве железных и шоссейных дорог, создании капиталистических предприятий в колониях колонизаторы начали широко ввозить рабочую силу из этих трех стран. Миллионы индийских рабочих использовались на иностранных предприятиях в Южной и Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Океании, Восточной Африке и Южно-Африканском Союзе, в странах Карибского бассейна; китайские рабочие доставлялись в страны Юго-Восточной Азии и Океании, а египетские — преимущественно на Ближний Восток и в Тропическую Африку.

С разложением традиционных структур и развитием капитализма в странах Азии и Африки появилась в избытке и местная неквалифицированная рабочая сила. Отличия в обычаях, традициях, нормах поведения, религии и т. п. сами по себе сдерживали процессы как формирования, так и сплочения рабочего класса. К тому же национальные и этнические различия в условиях растущей безработицы всегда могли быть использованы колониальными властями и предпринимателями для подрыва рабочего и национально-освободительного движений.

Несмотря на отмеченные сложности и противоречия, 20—30-е годы явились важным этапом становления пролетариата в странах Азии и Африки. Ускорение развития капитализма сопровождалось, с одной стороны, ростом численности фабрично-заводского пролетариата, появлением его в новых, глубинных районах, некоторым повышением квалификации в связи с возникновением новых отраслей тяжелой промышленности, а с другой — разложением мелкого традиционного производства, созданием капиталистических мануфактур и, следовательно, превращением предпролетариата в пролетариат.

В то же время падение цен на сырье в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и в последующие годы вызвало разорение крестьянства. Результатом были подрыв традиционных отношений в деревне и появление массовой безработицы. Последняя делала излишним внеэкономическое принуждение при найме рабочей силы. Именно этими обстоятельствами были вызваны отмена в 30-х гг. законов о контрактации и переход к свободному найму. Еще од-

ним следствием безработицы и связанного с ней дальнейшего падения цены рабочей силы было сокращение использования женского и детского труда: в новых условиях предприниматель мог купить практически за ту же цену труд взрослого рабочего, который обеспечивал получение большей прибавочной стоимости.

Существенные изменения произошли в уровне организованности и сознательности рабочего класса. Этому содействовала деятельность коммунистических партий стран Азии и Африки, постоянная поддержка, которую оказывали им Коминтерн и Профинтерн, международное коммунистическое движение в целом.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

В основе разрабатываемой Коминтерном политики в отношении национально-освободительного движения было ленинское указание о необходимости союза мирового пролетариата с «революционным и националистическим Востоком», о подготовке к «великим боям и революциям», приближающимся на Востоке.

Национально-колониальная проблема заняла важное место в работе *V конгресса Коминтерна* (июнь — июль 1924 г.). С основным докладом по этому вопросу на пленарном заседании выступил член делегации РКП(б) Д. З. Мануильский. Как указывалось в докладе, постановка национально-колониального вопроса на V конгрессе Коминтерна была вызвана тремя причинами. «Первая заключается в том, что на II конгрессе мы впервые... бросили идею единого революционного фронта между пролетариатом и угнетенными нациями и колониями. Но мы не конкретизировали, да и не могли конкретизировать, за отсутствием опыта в международном масштабе, самих методов осуществления этого единого революционного фронта. За четыре года нашей борьбы накопилось достаточно данных и богатого фактического материала по вопросу о применении единого революционного фронта пролетариата с угнетенными национальностями в разных странах, дабы мы могли позволить себе суммировать этот опыт. Во-вторых, в целом ряде стран нашими молодыми коммунистическими секциями в деле применения единого революционного фронта с угнетенными национальностями, или, вернее сказать, в деле игнорирования его, было совершено немало ошибок... Наконец, в-третьих, за период времени, отделяющий нас от II конгресса, произошло событие крупнейшей политической важности... образование в Советской России Союза Советских Социалистических Республик как опыт решения национального вопроса при диктатуре пролетариата в условиях многонациональной крестьянской страны»[1].

[1] «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. 1. М.— Л., 1925, стр. 591—592.

Докладчик отметил, что конкретный опыт практической работы поставил перед коммунистами новые задачи. Так, в ряде стран среди широких трудящихся масс возникла тенденция к созданию рабоче-крестьянских партий со сравнительно радикальной программой борьбы против империализма. Индонезийским коммунистам Коминтерн предложил «принимать активное участие в тамошней рабоче-крестьянской партии», а китайским — войти в Гоминьдан, что должно было толкнуть эту партию на путь более решительной борьбы против империализма. Д. З. Мануильский указал на опасность «нигилистического игнорирования такого рода новых явлений, революционизирующих Восток» и наряду с этим указал на недопустимость для компартии «вульгарного сотрудничества с мелкой буржуазией с утерей своей самостоятельной классовой физиономии»[1].

С критикой доклада, отражавшего точку зрения ИККИ, выступил индийский коммунист М. Н. Рой, продолжавший отстаивать тезис о необходимости отказа от союза с буржуазно-демократическим, националистическим, антиимпериалистическим движением. Коминтерн дал отпор этим взглядам. На V конгрессе было убедительно показано, что ленинские установки по национально-колониальному вопросу рассчитаны не на короткий срок, а на значительный исторический период, на протяжении которого националистическое движение в угнетенных странах объективно сохраняет большой антиимпериалистический заряд.

В документах Коминтерна, касающихся проблем национально-освободительного и коммунистического движения в колониальных и полуколониальных странах, уже в то время уделялось значительное внимание перспективе некапиталистического развития этих стран. Такая перспектива связывалась с возможностью прихода к власти национально-революционных сил (народных, но еще не пролетарских). При этом Коминтерн опирался на указания В. И. Ленина на II конгрессе о возможности и желательности развития, «минуя капитализм», а также на выводы, содержащиеся в беседе В. И. Ленина с делегацией Монгольской Народной Республики в 1921 г. В этой беседе В. И. Ленин обратил внимание монгольских товарищей на недопустимость искусственного «превращения» народно-революционной партии в коммунистическую: для успешной трансформации такого рода нужна пролетарская масса, а для создания ее в такой стране, как Монголия, «много еще надо будет поработать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством». Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития, является усиление работы народно-революционной партии и власти по созданию нового экономического уклада, новых

[1] «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет», ч. 1, стр. 593.

форм хозяйствования и национальной культуры[1]. Эти ленинские идеи имели громадное значение не только для монгольского народа, становившегося на путь некапиталистического развития, но и для всей зоны антиимпериалистических, национально-освободительных движений.

Национально-колониальный вопрос был детально рассмотрен на V расширенном пленуме ИККИ (март — апрель 1925 г.).

ИККИ подчеркивал, что в историческом плане национально-освободительное движение находится на подъеме и что наступление на Востоке известного затишья не свидетельствует о спаде национально-освободительного движения. Вместе с тем ИККИ отметил, что ситуация, в которой на Востоке, казалось, предстояла вооруженная борьба с целью свержения империализма и за установление рабоче-крестьянской власти, ушла в прошлое.

Коминтерн считал, что поднимающиеся к политической жизни угнетенные массы Востока видят путь к освобождению главным образом в национальной борьбе и постепенно — неодинаковым в различных странах темпом — включаются в нее; при этом в зависимости от конкретных условий, и прежде всего классового характера руководства, национальная борьба оказывается революционной или реформистской, массовой или относительно верхушечной.

ИККИ, указывая на огромные возможности, которые открываются перед компартиями угнетенных стран, когда они активно участвуют в национально-освободительной борьбе, подчеркивал, что такая линия компартий, с одной стороны, создает предпосылки для превращения их в будущем в вождей масс, а с другой — придает национально-освободительному движению размах и мощь, революционизирует его, способствует переходу руководства этим движением к наиболее решительным антиимпериалистическим силам.

ИККИ выдвинул лозунг образования «народно-революционных», «народных», «рабоче-крестьянских партий» и ориентировал коммунистов Востока на необходимость работы внутри этих партий при непременном условии сохранения собственной политической самостоятельности, чтобы превратить их в политические организации антиимпериалистического фронта.

Пленум ИККИ принял резолюции, в которых была дана оценка политического положения в Индии, Индонезии, Египте и содержались рекомендации по программным и тактическим вопросам.

Пленум констатировал, что «усиление репрессивной политики британского империализма против коммунистических элементов, рабочего движения и последовательных националистов, с одной стороны, и противоречия внутри национального движения — с другой, временно ослабили организованное сопротивление индийских масс

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 233.

британскому империализму»[1]. Считая, что это «не означает ни поражения, ни краха национально-освободительного движения в стране, а лишь временный кризис внутри существующих национальных партий», пленум находил, что «одной из важнейших задач для наших товарищей в Индии в настоящее время является активная работа с целью оформления национально-освободительного движения на основе решительной борьбы за независимость Индии»[2]. Пленум рекомендовал коммунистам продолжать работу в Национальном конгрессе с целью «создания массовой национально-революционной партии и Всеиндийского антиимпериалистического блока» и считал необходимым «заставить индийскую буржуазию вести более решительную политическую борьбу, поддерживая всякое ее сопротивление империализму на основе *единого антиимпериалистического фронта*». Основную задачу индийских коммунистов пленум видел в «работе по объединению коммунистических групп и элементов в крепкую партию рабочего класса, коммунистическую партию»[3].

В резолюции, характеризующей положение в Индонезии, говорилось: «Некоторые руководящие яванские товарищи благодаря географической изолированности Явы и недостаточному контакту с Коммунистическим Интернационалом продолжали до последнего времени использовать лозунги советской власти для Явы, лозунги, которые не смогли собрать вокруг национально-революционной партии «Сарекат ракьят» широких масс крестьянства и городской буржуазии». Пленум подчеркнул, что компартии необходимо «выдвинуть лозунг образования антиимпериалистического блока из всех существующих на Яве национально-революционных партий». ИККИ выразил мнение, что Коммунистическая партия Индонезии не должна растворяться в «Сарекат ракьяте».

Сразу после окончания работы V пленума Исполком Коминтерна направил индонезийским коммунистам принятую пленумом резолюцию, сопроводив ее дополнительными разъяснениями. Обращаясь к индонезийским коммунистам, ИККИ подчеркивал: ««Сарекат ракьят» по своему составу и идеологии — мелкобуржуазная организация и как таковая должна иметь программу национального освобождения, а не квазикоммунистическую программу». И далее: «Вы не сможете руководить национальным движением, пока у вас нет коммунистической партии с железной дисциплиной, с ясным — в духе ленинизма — пониманием задач борьбы».

В то же время ИККИ считал неправильными имевшиеся у части индонезийских коммунистов ликвидаторские намерения в отношении «Сарекат ракьята». Когда стали известны решения декабрьской (1924 г.) конференции Коммунистической партии Индонезии, факти-

[1] Цит. по: «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 242—243.
[2] Там же, стр. 243.
[3] Там же.

чески предусматривавшие роспуск «Сарекат ракьята», ИККИ обратился к руководству КПИ с письмом, в котором критиковал это решение, рекомендуя руководству КПИ взять курс на превращение «Сарекат ракьята» в организационно самостоятельную национально-революционную партию. ИККИ подчеркивал в своем решении 17 сентября 1926 г.: «Индонезия принадлежит к числу стран, в которых коммунистическая партия должна строить свою тактику на основе революционного блока с левыми национальными элементами и опираясь кроме рабочих на широкие слои сельского, батрацкого, крестьянского населения, а также добиваясь участия в борьбе ремесленников, интеллигенции и демократических слоев туземной буржуазии»[1]. В качестве одной из важнейших задач коммунистической партии в резолюции указывалось на сплочение всех национально-революционных элементов страны, создание единого национального фронта при полном сохранении организационной и политической самостоятельности партии. Центральным пунктом в рекомендованной программе действий было требование независимости страны. В решении отмечалось, что освободительное движение в Индонезии достигнет победы только на пути революции. Вместе с тем такая программа действий не предполагала непосредственного курса на вооруженное восстание. В решении указывалось, что компартии следует вести кропотливую, повседневную работу, чтобы восстание не оказалось неподготовленным и обреченным на поражение, и партия не должна пытаться «перепрыгнуть» через национально-демократический этап революции, чтобы не лишиться поддержки масс.

Вместе с тем, когда в ноябре 1926 г. восстание против голландских колонизаторов стало фактом, Коминтерн выступил организатором движения солидарности пролетариата и широких слоев трудящихся с героическими повстанцами. В дальнейшем Коминтерн оказал большую помощь индонезийским коммунистам в деле восстановления партии, разгромленной в результате поражения восстания. Он многократно выступал в поддержку непролетарских антиимпериалистических сил Индонезии, которые по мере консолидации и расширения влияния революционно-демократического крыла все больше склонялись к созданию единого фронта с коммунистами.

Вырабатывая тактическую линию по вопросам китайской революции, Коминтерн нашел правильный подход к ряду теоретических и практических проблем, впервые вставших во весь рост перед коммунистическим движением на Востоке. Коминтерн не рассматривал в то время Гоминьдан как обычную буржуазную партию, а видел в нем политический блок, широкую организацию, внутри которой шла борьба между различными классово-политическими силами. Именно поэтому он считал возможным не только сотрудничество компартии с Гоминьданом, но и вхождение в него коммунистов.

[1] «Коминтерн и Восток». М., 1969, стр. 147.

Вопросы стратегии и тактики Коминтерна по национально-колониальному вопросу заняли важное место в работе его *VI конгресса* (август — сентябрь 1928 г.). В тезисах VI конгресса справедливо отмечалось, что буржуазия колоний, отстаивая свои классовые интересы против империализма, тем самым отстаивает национальные интересы и что представление об антинациональной, компрадорской позиции всей национальной буржуазии неправильно.

В решениях VI конгресса указывалось на необходимость учета национальной специфики каждой страны при определении задач коммунистов в национально-освободительном движении: «Чтобы правильно наметить ближайшие задачи революционного движения, важно учесть и взять за отправную точку степень зрелости, которой это движение достигло в отдельных колониальных странах».

Решения VI конгресса Коминтерна содержали также ряд важных положений, в которых подчеркивалась опасность «перепрыгивания» через незавершенный этап революции, отмечалось отличие сил буржуазного национал-реформизма от феодально-империалистического лагеря; национально-революционные мелкобуржуазные партии рассматривались на данном этапе как союзники революции. В тезисах ставилась первостепенная для национально-освободительного движения задача создания в отсталых странах подлинно пролетарских партий[1]. Принятие этих важных решений оказало положительное влияние на развитие революционной борьбы в колониях. Вместе с тем VI конгресс выдвинул ряд ошибочных положений. Так, первоочередной задачей преждевременно объявлялась борьба за преодоление мелкобуржуазного влияния в массах. В основе этих установок лежала сравнительно широко распространенная точка зрения, согласно которой национальная буржуазия в общем утратила значение силы, борющейся против империализма, и что политическая дифференциация классов достигла такой степени, когда массы крестьянства и полупролетарские слои города готовы пойти за рабочим классом, противопоставляя себя национальной буржуазии.

30-е годы были периодом острой антиимпериалистической борьбы народов колониальных и зависимых стран. Участниками этого движения выступали многочисленные антиимпериалистические группы и организации — коммунистические, национал-революционные, национал-реформистские и др. Национально-буржуазные круги в борьбе против империализма тяготели к реформистской политике и компромиссным соглашениям. Однако по мере того, как антиимпериалистическое движение народных масс росло, национально-буржуазные партии стремились овладеть им, возглавить и использовать его, чтобы вырвать у колонизаторов уступки. Нередко они пытались взять под контроль и затормозить народные выступления,

[1] См. «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М. 1933, стр. 832—870.

которые могли бы поставить под угрозу классовые привилегии местной буржуазии. Среди буржуазных националистов было заметно предубеждение против коммунистических партий, доходившее порой до воинствующего антикоммунизма. Связанные с крупной буржуазией, правые национально-буржуазные группировки проявляли склонность к сделкам с внутренними феодальными элементами, а иногда и с колонизаторами.

Мелкобуржуазные по своему составу и руководству партии несли на себе все характерные особенности этого социального слоя. Они выступали совместно с рабочими, были способны к восприятию весьма радикальных политических программ, в том числе социалистически окрашенных. Примечательной чертой мелкобуржуазной радикальной демократии ряда стран (Индии, Индонезии, Филиппин, Бирмы) была тяга наиболее зрелых ее представителей к марксизму-ленинизму, приведшая многих из них в ряды коммунистического движения. Однако далеко не всегда левые националисты шли в ногу с трудящимися массами. Национально-революционные организации нередко проявляли неустойчивость в борьбе, склонность к необдуманным, импульсивным действиям, податливость к пропаганде национальной, расовой или религиозной исключительности, иногда тенденции к политическому авантюризму, к террористическим методам борьбы.

В освободительном движении стран Востока в связи с небывалыми бедствиями народных масс в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и их резко усилившимся недовольством своим положением росли революционные тенденции. В то же время предательство руководства Гоминьдана в 1927 г. вызвало глубокие сомнения в том, следует ли буржуазное национальное движение в Китае и ряде других стран рассматривать впредь в качестве возможного союзника в борьбе против империализма. Все это питало тенденции сектантского характера в молодых и не искушенных в боях коммунистических партиях стран Востока.

Курс некоторых коммунистических партий Востока на непосредственную борьбу за установление диктатуры рабочего класса и крестьянства, на разрыв с национально-буржуазными и мелкобуржуазными политическими организациями отрицательно сказался на результатах отдельных выступлений угнетенных масс. Вместе с тем сама борьба масс служила надежной проверкой тактических установок и лозунгов коммунистических партий, давала возможность осознавать и преодолевать ошибки, вырабатывать стратегию и тактику, отвечающую конкретным историческим и национальным условиям каждой страны, как этого требует марксизм-ленинизм. Успехи и неудачи национально-освободительного движения в начале 30-х гг. многому научили народы Азии и Африки. Они обогатили опыт отдельных коммунистических партий и Коминтерна в целом. Уроки этих лет были впоследствии проанализированы, обобщены и послужили

основой для дальнейшего развития и совершенствования коммунистической стратегии и тактики, в особенности стратегии и тактики единого национального, антиимпериалистического фронта.

Из обзора, опубликованного в июле 1935 г. Бюро Секретариата ИККИ к VII конгрессу Коминтерна[1], вырисовывалась следующая картина коммунистического движения в странах Азии и Африки: Коммунистическая партия Индонезии после поражения в 1926 г. еще не воссоздалась как организованное целое; Коммунистическая партия Индокитая вынуждена была действовать в глубоком подполье; Коммунистическая партия Филиппин вскоре после основания подверглась разгрому, ее руководители были брошены в тюрьмы; Коммунистическая партия Индии пользовалась сравнительно небольшим влиянием в массах, которое стало возрастать лишь после образования единого профсоюзного фронта; Коммунистическая партия Турции была небольшой группой, начавшей работать в легальных профсоюзах только с 1932 г.; коммунисты Кореи еще не восстановили свою партию и по-прежнему были немногочисленны; Коммунистическая партия Палестины не имела серьезной массовой базы; коммунистическая организация Туниса оставалась объединением нескольких кружков европейских рабочих; коммунисты Египта были представлены небольшой группой, подвергавшейся систематическим ударам полиции; в таком же положении находились коммунисты Ирана, в условиях жестокого террора возглавлявшие стачечные выступления рабочих; Коммунистическая партия Алжира начинала завоевывать влияние в широких массах арабских трудящихся; Коммунистическая партия Сирии с 1933 г. повела активную работу по завоеванию масс, стала выступать в авангарде забастовочной борьбы трудящихся, укрепила свои позиции в профсоюзах. Китай был единственной на Востоке страной, где действовала массовая и влиятельная коммунистическая партия.

В середине 30-х гг. Коминтерн начал общий поворот в сторону проведения в жизнь стратегии и тактики единого антиимпериалистического фронта в колониальных и зависимых странах. Накануне VII конгресса Коминтерна журнал «Коммунистический Интернационал» опубликовал статью, в которой намечались контуры политической линии коммунистов по национально-колониальному вопросу применительно к новым условиям борьбы[2].

Главная опора империализма в отсталых странах, подчеркивалось в статье,— феодально-компрадорские элементы, используемые империализмом в борьбе против национальной буржуазии. Национальная буржуазия в экономическом и политическом отношении не представляет сплошной, недифференцированной массы: от национал-

[1] См. «Коммунистический Интернационал перед VII Всемирным конгрессом (материалы)». М., 1935.

[2] См. «Коммунистический Интернационал», 1935, № 20-21, стр. 103–111.

реформистских партий отделяются левые течения, которые развиваются в направлении национально-революционной позиции. Но и национал-реформистские организации в условиях подъема национально-освободительного движения и наступления империализма иногда склоняются к поддержке народной борьбы.

Журнал указывал на несостоятельность взглядов, согласно которым поддержка национально-реформистской буржуазией освободительной борьбы носила лишь характер маневра с целью помешать массам перейти на сторону коммунистической партии. «В первую очередь,— говорилось в статье,— это есть классовая позиция национальной буржуазии, позиция колебания между империализмом и национальной революцией». Левые группировки в национал-реформистских партиях могут стать для масс «мостом в сторону революции». «Нет ничего ошибочнее представления о том,— говорилось далее,— что-де пролетариат «потеряет свою гегемонию» (к тому же еще не завоеванную), если коммунисты вступят во временное соглашение с национал-реформистскими организациями или образуют более тесный блок с национал-революционными партиями для борьбы против империализма при сохранении (это основное условие этих соглашений!) своей организационной и политической самостоятельности». На этом основании в статье делался вывод: «Отказ от проведения тактики единого национального фронта под предлогом тех опасностей, которые влекут за собой совместные действия с национальной буржуазией против империализма, в действительности является отказом от подготовки национально-освободительных революций и неизбежно ведет к изоляции коммунистических партий от широкого народного движения».

Наконец, выдвигая самостоятельную аграрную программу, коммунистические партии, писал журнал, не должны на данном этапе ставить условием антиимпериалистического соглашения с национал-революционерами и национал-реформистами лозунг безвозмездной конфискации помещичьей земли.

В докладе Г. М. Димитрова на *VII конгрессе Коминтерна* индийским коммунистам рекомендовалось вести работу внутри Национального конгресса, способствуя кристаллизации его национально-революционного крыла; китайским коммунистам — добиваться создания «самого широкого антиимпериалистического единого фронта против японского империализма и его китайских агентов», куда вошли бы коммунисты «со всеми теми организованными силами, существующими на территории Китая, которые готовы действительно вести борьбу за спасение своей страны и своего народа»[1].

В резолюции VII конгресса четко ставилась задача активного

[1] См. «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба народов против фашизма и войны (сборник документов)». М., 1975, стр. 170—171.

участия коммунистических партий в возглавляемых национал-реформистами массовых антиимпериалистических движениях и организации совместных антиимпериалистических выступлений на основе конкретных программ[1].

Коминтерн в тот период ориентировал коммунистические партии колониальных и полуколониальных стран на борьбу за создание «народного революционного антиимпериалистического правительства». Предполагалось, что это должно быть по преимуществу правительство, еще не являющееся революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства, так как в него войдут и представители других классов, принимающих участие в борьбе за национальное освобождение.

После VII конгресса Коминтерна борьба за единство действий всех антифашистских и антиимпериалистических сил против фашизма, войны и колониального гнета была положена в основу тактики всех коммунистических партий и в короткий срок принесла большие успехи. Антиимпериалистическое единство действий, складывавшееся в середине 30-х гг. во многих колониальных и зависимых странах, привело к активизации национально-освободительного движения, сыграло важную роль в сплочении международного фронта демократических, антифашистских сил и способствовало укреплению позиций коммунистических партий, которые все больше становились подлинным авангардом борьбы народов за национальное освобождение, демократию и мир.

Ленинская стратегическая и тактическая линия по национально-колониальному вопросу нашла свое наиболее совершенное выражение в решениях II конгресса Коминтерна. Эта линия, обогащенная двадцатилетним опытом ожесточенной борьбы против империализма, опытом великих побед и тяжелых поражений, сыграла исключительно важную роль в развертывании массового антиимпериалистического движения в колониальных и зависимых странах.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Рабочее движение в странах Азии и Африки было тесно связано с общей борьбой народов колониальных и зависимых стран за национальную независимость. Выступления пролетариата были направлены против колониального гнета, политического и экономического господства империализма в колониях и зависимых странах и неизбежно приводили его к конфронтации прежде всего с иностранными монополиями и колониальной администрацией.

Борьба рабочего класса придавала национально-освободительному движению боевой характер, накладывала определенный отпеча-

[1] См. «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба народов против фашизма и войны (сборник документов)», стр. 377—378.

ток на развитие национально-освободительных революций, в ходе которых нередко применялись специфически пролетарские методы борьбы. Вместе с тем в тех колониях и полуколониях, где уже существовали достаточно многочисленный рабочий класс и собственные коммунистические партии, борьба пролетариата преследовала и цели социального освобождения.

Среди стран Азии и Африки, где после Великой Октябрьской социалистической революции наблюдался особенно мощный подъем национально-освободительного и рабочего движения, выделялся *Китай*. В 1923 г. национально-революционная партия Сунь Ятсена — Гоминьдан и Компартия Китая договорились о единстве действий при сохранении политической и организационной самостоятельности обеих партий. Этот политический блок был оформлен в виде компромиссного решения об индивидуальном приеме членов Компартии Китая и Социалистического союза молодежи в Гоминьдан с одновременной реорганизацией последнего.

Обновление Гоминьдана было официально закреплено в решениях его первого съезда, состоявшегося в январе 1924 г. в Гуанчжоу (столице южнокитайской провинции Гуандун) с участием коммунистов. Съезд внес существенные изменения в трактовку идеологической основы партии — «трех народных принципов» Сунь Ятсена (национализм, народовластие и народное благоденствие), придав им более четкую антиимпериалистическую и общедемократическую направленность, а также принял программу-минимум, которая предусматривала отмену всех неравноправных договоров, введение всеобщих выборов и демократических свобод, улучшение жизни крестьян и рабочих, помощь их организации, выработку закона о труде, равноправие женщин, всеобщее образование, возможность выкупа земли государством и переход в его руки предприятий монополистического и общенационального характера с целью ограничения капитала. Декларируя свое намерение «опираться на крестьян и рабочих страны», съезд Гоминьдана выражал готовность сотрудничать на основе этой общей политической платформы со всеми другими участниками «антиимпериалистической и антимилитаристской революции»[1]. Значительной перестройке подвергалась структура партии, заимствовавшей некоторые организационные принципы коммунистического движения. Коммунисты были введены в состав центральных и руководящих органов Гоминьдана.

Решения I съезда Гоминьдана фактически закладывали фундамент единого национального антиимпериалистического фронта. Однако с момента возникновения этого фронта в его рядах существовала и постоянно нарастала внутренняя напряженность, которая была обусловлена неоднородностью его классового состава. Тем не

[1] См. *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. М., 1964, стр. 329—412.

менее складывание единого антиимпериалистического фронта явилось крупным успехом революционных сил Китая, ускорившим вовлечение в политическую борьбу широких народных масс.

Реорганизация Гоминьдана придала новый стимул рабочему движению Гуанчжоу. Главным направлением рабочей политики Гоминьдана была организация рабочих с целью вовлечения их в борьбу с империализмом, политическая мобилизация масс на поддержку антиимпериалистических и отчасти антимилитаристских акций гоминьдановского правительства.

Гоминьдан охотно поддерживал антиимпериалистические выступления рабочих, иногда даже брал на себя функции инициатора, организатора или посредника (например, во время забастовки на территории англо-французской концессии в Гуанчжоу в 1924 г. и знаменитой Гонконг-гуанчжоуской забастовки 1925—1926 гг.).

На подвластной Гоминьдану территории осуществлялся ряд прогрессивных преобразований. Политическая программа Гоминьдана, обнародованная в Манифесте его I съезда, обещала рабочим выработать закон о труде, улучшить условия жизни трудящихся, взять под защиту организации рабочих и способствовать их росту[1]. За трудящимися было признано формальное политическое и общественное равноправие с другими господствующими социальными слоями; существовала довольно широкая свобода слова, печати, собраний и организаций; рабочие профессиональные союзы (как и крестьянские союзы) пользовались покровительством Гоминьдана, стремившегося поставить их под свой контроль и использовать в качестве одной из опор в борьбе против империализма и северных милитаристов; рабочие получили также равное с крестьянами, предпринимателями и помещиками право на создание отрядов вооруженной самообороны, которые использовались Гоминьданом в качестве дополнительного боевого резерва при подавлении контрреволюционных выступлений и при осуществлении некоторых антиимпериалистических акций.

Однако основными принципами социальной программы Гоминьдана были классовое сотрудничество, отрицание классовой борьбы, регулирование социальных конфликтов сверху, подчинение деятельности общественных и профессиональных организаций правительственному контролю. Гоминьдан подчеркивал, что социальные реформы должны осуществляться не в ходе национальной революции, а после ее будущей политической победы.

Революционизирующее значение рабочей политики Гоминьдана, несмотря на ее умеренность, было очевидно. Однако ее практическая реализация с самого начала натолкнулась на множество препятствий. Гоминьдан практически не принимал серьезных мер для улучшения экономического положения пролетариата, как,

[1] См. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения, стр. 441.

впрочем, и других слоев трудящихся. Большинство гоминьдановских лидеров в центре и на местах не считало себя связанными революционными положениями программы собственной партии либо встречало их в штыки. Сунь Ятсен и Ляо Чжункай были исключением из этого правила.

Первоочередной заботой Ляо Чжункая, опиравшегося на немногочисленную группу коммунистов, было стремление преодолеть аполитичность и раздробленность рабочего движения, вовлечь рабочих в политическую борьбу под антиимпериалистическими лозунгами, организовать и сплотить их под централизованным руководством. На передний план выдвигались организационные проблемы — борьба за централизацию профдвижения, против автономистских тенденций.

8 мая 1924 г. была созвана конференция рабочих делегатов Гуанчжоу, в которой участвовали представители 58 рабочих союзов, клубов и обществ, объединявших свыше 100 тыс. организованных рабочих, кустарей и служащих[1]. В принятых на конференции резолюциях предусматривались создание профсоюзных лавок, комиссий по разбору жалоб, рабочих школ, контрактация рабочих без участия подрядчиков, ограничение рабочего дня учеников 9 часами без сокращения зарплаты, равная оплата за равный труд. В специальной резолюции содержалось требование к правительству запретить вмешательство купеческой милиции в дела рабочих союзов, разрешить рабочим создавать собственные отряды самообороны. В решениях по организационным вопросам говорилось о необходимости создать отраслевые профсоюзы и преодолеть цеховую раздробленность. Самым важным организационным решением было образование Совета рабочих делегатов. В Исполком Совета вошел 21 человек, в том числе два коммуниста; председателем Исполкома стал заведующий рабочим отделом ЦИК Гоминьдана Ляо Чжункай. Такую централизованную структуру по замыслу Рабочего отдела ЦИК Гоминьдана предполагалось распространить на все рабочие организации Гуанчжоу, а в перспективе и всего Китая. Однако этот замысел потерпел неудачу. Правые лидеры сорвали объединение и централизацию профдвижения Гуанчжоу.

Вскоре после майской конференции началось создание рабочих дружин, получивших официальное наименование «Корпуса рабочей милиции». Как говорилось в уставе рабочих дружин, они были созданы для помощи правительству в подавлении контрреволюции и для защиты рабочих и профсоюзов[2]. Это было совершенно новое в тогдашнем Китае явление.

Революционной антиимпериалистической ориентации рабочего

[1] См. *М. Альский.* Кантон побеждает. М., 1927, стр. 26—27.
[2] См. «Устав кантонской рабочей армии».— «Рабочий Китай в борьбе против империализма». М., 1927, стр. 165—166.

движения провинции Гуандун содействовала и состоявшаяся в конце июня 1924 г. в Гуанчжоу конференция транспортных рабочих стран Тихого океана, организованная Профинтерном. В ней участвовали делегаты транспортников Филиппин и Явы, железнодорожников Северного Китая, моряков Гуанчжоу и Гонконга, представители Коминтерна (Г. Войтинский) и Профинтерна (Л. Геллер). Конференция прошла под антиимпериалистическими лозунгами, созвучными программе Гоминьдана и основному направлению рабочего движения Китая.

Эти события содействовали кратковременному оживлению рабочего движения в Гуанчжоу. В июне 1924 г. произошла серия экономических забастовок, которые привели к повышению зарплаты рабочих ряда профессий. Ярким эпизодом в рабочем движении Гуанчжоу в 1924— первой половине 1925 г. была стачка на территории англо-французской концессии, проходившая при поддержке правительства Сунь Ятсена и носившая характер антиимпериалистической демонстрации.

Вплоть до осени 1924 г. рабочее движение Гуандуна не имело юридического статуса. В октябре 1924 г. было опубликовано «Положение о профессиональных союзах»[1], признававшее легальность профсоюзов, их самостоятельность и равноправное положение с организациями предпринимателей. Профсоюзам представлялось право заключать коллективные соглашения с предпринимателями, объявлять забастовки и вести переговоры об урегулировании конфликтов, владеть имуществом и объединяться по отраслям производства. Вместе с тем в этом законе были заложены элементы правительственного контроля над рабочими организациями (обязательная регистрация профсоюзов, регулярное представление отчетности местным властям, возможность принудительного арбитража и т. д.), приобретавшего все более жесткий характер в более позднем гоминьдановском трудовом законодательстве[2]. Закон 1924 г. о профсоюзах был максимумом того, что сделало для рабочего движения правительство Сунь Ятсена. Вместе с тем полной свободой в Гуанчжоу пользовались и организации предпринимателей; они часто громили профсоюзы, срывали забастовки, объявляли локауты.

В конце 1924 — начале 1925 г. в Китае нарастал новый патриотический подъем. Государственный переворот в Пекине и поражение крупнейшей клики милитаристов Цао Куня — У Пэйфу способствовали дальнейшей дезорганизации лагеря реакции. Кампания Сунь Ятсена за передачу власти демократическому Национальному собранию, победы гоминьдановских войск упрочили положение гуандунской революционной базы и усилили сопротивление националь-

[1] См. «Конгрессы и конференции Гоминьдана». М., 1928, стр. 43—49.

[2] См. *В. И. Хорьков.* Нанкинский Гоминьдан и рабочий вопрос. 1927—1932. М., 1977, стр. 63—75.

ной буржуазии и рабочего класса наступлению иностранного капитала.

В результате в Северном Китае возникла новая ситуация. Власть в Пекине перешла в руки разношерстной коалиции милитаристов, неустойчивость которой вынуждала ее к политическому лавированию, в частности к заигрыванию с прогрессивными силами. Раздоры в стане реакции открыли возможности для возрождения рабочего движения и восстановления разгромленных в начале 1923 г. профсоюзов на севере и в центральной части страны.

Первый всплеск новой забастовочной волны произошел в начале 1925 г. В феврале состоялись крупные выступления в Шанхае, охватившие более 40 тыс. рабочих 22 японских текстильных фабрик, в апреле — мае забастовали 10 тыс. текстильщиков, работавших на японских фабриках Циндао. Начавшиеся стихийно как экономическое движение протеста против произвола иностранных надсмотрщиков, увольнений и ухудшения условий труда, эти забастовки вскоре приняли ярко выраженный антиимпериалистический характер, были поддержаны широкими слоями населения, включая буржуазию. Кратковременные экономические забастовки происходили в первой половине 1925 г. в Ухане, Пекине, Таншане, Ханчжоу, Сучжоу, Чанша, Нанкине и других городах.

Подъем забастовочной борьбы вызвал активизацию профсоюзного движения, оживил организаторскую работу коммунистов среди рабочих. В мае 1925 г. по инициативе КПК в Гуанчжоу был созван II съезд профсоюзов Китая, представлявший 540 тыс. организованных рабочих. На съезде было принято решение о создании Всекитайской федерации профсоюзов (ВФП) и ее вступлении в Профинтерн. В Исполкоме ВФП преобладающее влияние получили коммунисты (Линь Вэйминь, Лю Шаоци, Лю Вэньсун, Дэн Чжунся и др.). В последующих классовых и национально-освободительных боях ВФП неизменно выступала в качестве руководителя левого крыла рабочего движения[1].

Летом 1925 г. в Китае произошли массовые антиимпериалистические выступления, вошедшие в историю под названием «движение 30 мая». Самыми крупными его событиями были всеобщая антиимпериалистическая забастовка в Шанхае (июнь — сентябрь 1925 г.) и гонконг-гуанчжоуская антианглийская стачка (июнь 1925 — октябрь 1926 г.). Поводом к выступлениям послужили вооруженные расправы над участниками антиимпериалистических демонстраций в Циндао, Шанхае, Гуанчжоу и другие репрессивные меры, попытка свержения гуанчжоуского революционного правительства, угроза иностранной военной интервенции. Инициаторами забастовок были

[1] См. «Рабочее движение в Китае. Революция 1924—1927 гг. Сборник документов профсоюзного движения и других материалов». М., 1966, стр. 31—51.

коммунисты; в Шанхае их инициативу поддержали Главная торговая палата и другие организации китайской буржуазии, в Гонконге и Гуанчжоу — гоминьдановское правительство Юга.

Координирующим органом движения в Шанхае стал Объединенный комитет рабочих, торговцев и студентов, выдвинувший ряд антиимпериалистических требований, включавших право на организацию профсоюзов и забастовок. Стачечной борьбой рабочих руководил Генеральный совет профсоюзов Шанхая, возглавляемый коммунистами Ли Лисанем, Лю Шаоци и др. Генсовет объединил рабочих 108 иностранных и 11 китайских предприятий. Под давлением империалистов и местных милитаристских властей, объявивших в городе военное положение, стачка постепенно пошла на убыль[1]. Рабочие Шанхая потерпели поражение, но не были дезорганизованы. Несмотря на репрессии (закрытие Генсовета профсоюзов, аресты и убийства профсоюзных вожаков) и сокращение численности профсоюзов, основные рабочие организации в Шанхае выстояли и вскоре возобновили борьбу. Всеобщая политическая стачка в Шанхае положила начало национальной революции 1925—1927 гг.

Отличительной чертой гонконг-гуанчжоуской стачки-бойкота, начавшейся 19 июня 1925 г., было широкое сотрудничество между забастовщиками и южным гоминьдановским правительством. Участники забастовки получили право полного самоуправления под руководством делегатского собрания и стачкома и под общим надзором местных властей. Стачком со своей стороны взял на себя осуществление бойкота английских товаров и блокады Гонконга с помощью вооруженных пикетов, заботу о размещении и питании забастовщиков в Гуанчжоу и т. д.[2] По существу стачком выполнял функции полуправительственного органа. Его деятельность являлась составной частью освободительной борьбы на юге страны.

Гонконг-гуанчжоуская забастовка нанесла серьезный удар по позициям британского империализма в Китае, укрепила рабочие организации Юга и их влияние. В результате поддержки гонконг-гуанчжоуской забастовки гоминьдановским правительством упрочилось положение гуанчжоуской революционной базы и авторитет Гоминьдана. 1 июля гоминьдановское правительство, власть которого распространялась пока лишь на провинцию Гуандун, объявило себя Национальным правительством Китайской республики, официальной целью которого стало свержение северных милитаристов и объединение под его властью всего Китая.

События 1925 г. в Китае вызвали широчайший отклик рабочего класса во всем мире. Под лозунгом «Руки прочь от Китая» в СССР, США, Англии, Франции, Австрии, Японии, Чехословакии, Корее,

[1] См. «Рабочее движение в Китае», стр. 51—71; *М. Ф. Юрьев.* Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968, стр. 159—210.
[2] См. *Т. Н. Акатова.* Сянган-Гуанчжоуская (Гонконг-Кантонская) забастовка. М., 1959, стр. 64—74.

Индии, Египте, Турции и других странах проходили многолюдные митинги и демонстрации. Их участники протестовали против вмешательства империалистических держав во внутренние дела Китая. В фонд помощи бастующим поступали средства от рабочих СССР, Берлинского общества помощи международному рабочему движению, Межрабпома, Союза трудящихся Франции и т. д. Огромную роль в организации практической помощи китайскому народу сыграли Коминтерн, Профинтерн и другие международные рабочие организации. Это была яркая демонстрация интернациональной солидарности.

В июле 1926 г. южное гоминьдановское правительство объявило войну пекинскому правительству северных милитаристов. Начался знаменитый Северный поход Национально-революционной армии (НРА)[1]. В успех Северного похода весомый вклад внесли находившиеся в Китае советские политические и военные советники, выполнившие свой интернациональный долг перед китайской революцией.

Северный поход НРА вызвал новый революционный подъем в стране. В результате его первого этапа (июль 1926 — март 1927 г.) власть южного гоминьдановского революционного правительства распространилась почти на половину страны (включая Ухань и Шанхай), наиболее развитую в социально-экономическом и политическом отношении. Окончательная победа Гоминьдана над северными милитаристами стала лишь вопросом времени.

С нарастанием классовой борьбы трудящихся резко обострялись и противоречия внутри единого фронта. Отличительной чертой китайской революции на всем ее протяжении было преобладание военного фактора. Вместе с тем в ходе событий 1925—1927 гг. возникло новое устойчивое явление — симбиоз партии и армии в политическом руководстве и государственном управлении. В Гоминьдане резко усилились позиции военно-диктаторской группировки главнокомандующего НРА Чан Кайши, которая постепенно подминала под себя гоминьдановский партийный и государственный аппарат. Поэтому развитие рабочего движения в период Северного похода происходило в крайне противоречивых условиях.

Поддержка со стороны рабочих и крестьян являлась одной из важнейших предпосылок побед НРА, которые в свою очередь создавали благоприятные условия для кратковременных подъемов массового движения на освобожденных территориях. Группа Чан Кайши, как и другие соперничавшие с ней гоминьдановские группировки, вынуждена была ради военных успехов Северного похода и в борьбе за власть заигрывать с массами, допускать развитие массового движения и продолжать сотрудничество с коммунистами.

[1] См. «Новейшая история Китая». М., 1972, стр. 98—99; «Рабочее движение в Китае», стр. 83—84.

Однако после первых же крупных военно-политических побед гоминьдановское руководство перешло к беспощадному подавлению крестьянского движения, установлению жесткого контроля над рабочим движением и разгрому его левого, руководимого коммунистами крыла.

На первом этапе похода рабочее движение переживало бурный подъем. К весне 1927 г. в профсоюзах номинально состояло уже около 3 млн. человек, т. е. вдвое больше, чем в июле 1926 г. Основными очагами рабочего движения стали Ухань и Шанхай, куда с конца 1926 г. переместился из Гуанчжоу центр политической борьбы. Однако для рабочего движения по-прежнему были характерны распыленность, дробность профсоюзов, конфликты и борьба между ними, нехватка руководящих кадров и оторванность руководства от масс. Коммунисты стремились встать во главе борьбы пролетариата, но явно не поспевали за темпом и размахом массового движения.

В выступлениях рабочих против иностранного капитала в этот период наблюдалось тесное сочетание экономических и политических требований. Рабочие не только добивались уступок в борьбе за улучшение своего экономического и правового положения, но и приняли активное участие в таких крупнейших политических акциях, как захват английских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне, шанхайские всеобщие политические стачки и восстания в феврале и марте 1927 г.

Иная обстановка складывалась на национальных китайских предприятиях. Здесь рабочие вступали в прямой конфликт не только с крупной и средней, но даже и с мелкой буржуазией. Поэтому в интересах сохранения единого национального фронта компартии приходилось даже сдерживать экономические требования трудящихся.

Самыми яркими эпизодами рабочего движения в этот период были вооруженные восстания в Шанхае, предпринятые с целью помочь НРА в освобождении города. Авангардную роль в их организации сыграла КПК, рассчитывавшая с помощью этих восстаний усилить влияние пролетариата на ход политической борьбы в рядах единого фронта, приостановить процесс скатывания Гоминьдана к военной диктатуре. В марте 1927 г., когда части НРА находились уже на подступах к городу, коммунисты, действовавшие в контакте с гоминьдановцами и местной буржуазией, 21 марта объявили всеобщую забастовку, которая переросла в вооруженное восстание. К вечеру 22 марта вся китайская часть города оказалась в руках восставших, после чего в Шанхай вступили войска Чан Кайши.

Империалисты, встревоженные успехами революционных сил Китая, выступили с угрозой прямой военной интервенции. 24 марта 1927 г. англо-американская эскадра бомбардировала Нанкин, занятый накануне войсками НРА, а 11 апреля представители империалистических держав предъявили китайским властям ультима-

тум, потребовав прекращения антииностранных выступлений. Были организованы также антисоветские провокации (вооруженный налет на советское посольство в Пекине, блокада советского генконсульства в Шанхае, потопление советского парохода и арест его команды и т. д.). Военное давление извне сопровождалось интенсивной подрывной деятельностью империалистической агентуры внутри единого фронта, стремившейся толкнуть верхушку Гоминьдана на путь антисоветизма и антикоммунизма. Маневры империалистических держав отвечали умонастроениям группировавшихся вокруг главкома НРА Чан Кайши гоминьдановских деятелей, которые усматривали в массовых выступлениях трудящихся прямую угрозу своим классовым интересам и потому требовали скорейшего усмирения рабочего и крестьянского движения и разрыва союза с коммунистами.

12 апреля 1927 г. Чан Кайши произвел контрреволюционный военный переворот в Шанхае, в апреле— июле 1927 г. аналогичные перевороты произошли во всех провинциях, занятых гоминьдановскими войсками. КПК, недавний союзник Гоминьдана, и все примыкавшие к ней рабочие, крестьянские и прочие массовые организации были объявлены вне закона. Начался террор против коммунистов, а также активистов рабочего и крестьянского движения. Рабочее движение понесло большие потери, его левое крыло было обескровлено и дезорганизовано.

В стране утвердилась диктатура Гоминьдана, выражавшая интересы контрреволюционно настроенных слоев буржуазии и помещиков. Опиравшаяся преимущественно на военную силу, она широко использовала и социальное лавирование под флагом великодержавного китайского национализма.

Накануне и в период национальной революции 1925—1927 гг. китайское рабочее движение развивалось в рамках единого антиимпериалистического фронта, руководимого Гоминьданом в сотрудничестве с коммунистами. В деятельности Коммунистической партии Китая, организовавшей и возглавившей левое крыло рабочего движения, преобладало реалистическое, критическое отношение к политической программе и тактике Гоминьдана, стремление «толкать Гоминьдан влево», к сближению с народными массами, с китайским и международным пролетариатом. На всем протяжении существования первого единого фронта КПК в соответствии с общей линией Коминтерна в национально-колониальном вопросе отстаивала принцип идейно-политической и организационной самостоятельности пролетариата в национально-освободительной борьбе. Вместе с тем принцип самостоятельности пролетариата зачастую истолковывался некоторыми деятелями КПК в левосектантском духе.

После серии переворотов гоминьдановской военщины весной — летом 1927 г. КПК взяла курс на развертывание аграрной революции и организацию вооруженного отпора реакции. В ходе военного выступления в Наньчане 1 августа 1927 г. и «восстаний осеннего

урожая» в деревне под лозунгом Советов КПК удалось создать первые части китайской Красной Армии и партизанские базы в сельских районах юга страны. Наряду с этим КПК было принято решение о немедленных восстаниях в городах, исходившее из неверной оценки сложившейся ситуации. Организованные небольшими силами партийного и рабочего актива, эти восстания (в Ханькоу, Уси, Чанша, Кайфэне, в ряде уездных центров) не были поддержаны массами и кончились поражением[1]. Позиции КПК в рабочей среде были еще больше ослаблены.

В 1928—1930 гг. КПК приложила немало усилий к возрождению революционного профдвижения, но потерпела неудачу. Численность красных профсоюзов, созданных коммунистами в глубоком подполье, составляла в середине 1930 г. во всем Китае 3—4 тыс. человек. Серьезный урон и без того незначительным силам КПК в городах причинила левоавантюристическая линия Ли Лисаня. Под флагом подготовки восстания «в общегосударственном масштабе» лилисаневское руководство осуществило слияние городских партийных, комсомольских и профсоюзных организаций в «комитеты действия», что на практике привело к ликвидации красных профсоюзов и облегчило гоминьдановской охранке раскрытие нелегальных партийных ячеек. КПК на многие годы почти полностью утратила связи с рабочими массами, сохранив некоторые позиции в городах лишь в среде леворадикальной ингеллигенции и студенчества. В 30-х гг. КПК сосредоточила всю свою работу в деревне, где в ходе многолетней партизанской войны формировались вооруженные силы китайской революции. Партизанские действия коммунистов вынуждали гоминьдановские власти учитывать настроение рабочего класса, легализовать рабочие организации и идти на другие уступки рабочим. В то же время рабочее движение, то и дело выходившее за жесткие рамки правительственных ограничений, подрывало стабильность гоминьдановского режима и усиливало социальное брожение в стране, отвлекая на себя значительную часть гоминьдановского репрессивного аппарата и тем самым облегчая положение партизанских баз КПК.

Высокая политическая активность рабочего класса в революции 1925—1927 гг. заставляла гоминьдановское правительство уделять серьезное внимание рабочему вопросу. Сочетая жестокий антикоммунистический террор с широкой социальной демагогией и некоторыми реальными уступками рабочему классу, Гоминьдан стремился полностью подчинить рабочий класс идеологически, политически и организационно, искоренить в рабочих массах влияние коммунистов, сделать рабочих одной из социальных опор установ-

[1] См. «Кантонская Коммуна (к сорокалетию восстания в Гуанчжоу)». М., 1967; *Т. Н. Акатова.* Кантонская коммуна. К 50-летию вооруженного восстания в Гуанчжоу 11—13 декабря 1927 г.— «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 4, стр. 180—189.

ленного им антинародного режима. Это была политика национал-реформизма, основанная на принципах классового мира, сотрудничества труда и капитала.

Одним из первых мероприятий новых гоминьдановских властей стала чистка и перетряхивание профсоюзов. В ее ходе происходила замена революционных профсоюзов, созданных и руководимых ранее коммунистами, правительственными профорганами, а также гальванизация «желтых» профсоюзов, сохранявших формальную независимость от местных властей. Одновременно ликвидировались общенациональные, территориальные и производственные профобъединения, происходило раздробление профсоюзов по профессиональному признаку[1]. Гоминьдановцы добились также переориентации международных связей рабочего класса Китая: Ассоциация труда вошла в Амстердамский интернационал.

Гоминьдан, однако, оказался не в силах противостоять стремлению рабочих к единству. Многие объединенные профсоюзы городов продолжали функционировать явочным порядком, без санкции властей. В 1932 г. рабочие добились официального разрешения на организацию объединения профсоюзов Шанхая, а в 1935 г.— создания Китайской ассоциации труда, в которую вошли крупнейшие легальные профсоюзы страны. Ассоциацию возглавил прогрессивный деятель гоминьдановского профдвижения Чжу Сюэфань.

В конце 20-х — начале 30-х гг. Гоминьданом было выработано трудовое законодательство, в котором получили формально-юридическое признание основные требования рабочего класса, выдвинутые в период революции 1925—1927 гг.: право на организации и забастовки, на равноправное представительство при разборе конфликтов между рабочими и предпринимателями, 8-часовой рабочий день, ежегодные отпуска и регулярные выходные дни, установление минимума заработной платы, ограничение эксплуатации детского и женского труда, а также произвола предпринимателей при найме и увольнении рабочих. В то же время законы носили ярко выраженный ограничивающий и контролирующий характер. С их помощью Гоминьдан ставил профсоюзы в полную зависимость от властей, резко ограничивал забастовочную борьбу путем принудительного арбитража, препятствовал производственному и территориальному объединению рабочих и проявлениям их классовой солидарности[2]. Во всех коренных вопросах рабочего движения Гоминьдан стоял на стороне предпринимателей. В то же время, чтобы завоевать доверие и поддержку рабочих, он до некоторой степени сдерживал аппетиты отечественной и иностранной буржуазии. Гоминьдановские власти нередко поощряли и поддерживали выступления рабочих на

[1] См. *В. И. Хорьков.* Нанкинский Гоминьдан и рабочий вопрос, 1927—1932, стр. 42—84.
[2] См. там же, стр. 112—130.

иностранных предприятиях с целью ослабления позиций иностранного капитала, однако строго следили за тем, чтобы антиимпериалистическая борьба рабочего класса не вышла из-под их контроля.

Гоминьдану удалось на некоторое время подчинить рабочее движение своему влиянию, значительно ослабить профсоюзы, ограничить их функции, создать видимость «классового мира» в стране. В 1928—1930 гг. рабочее движение переживало спад: число стачек и их участников год от года снижалось, а большинство забастовок закончилось поражением рабочих.

Активизация рабочего движения была связана с началом вооруженной агрессии Японии в Китае в сентябре 1931 г. Осознавая неспособность гоминьдановского правительства оказать эффективный отпор японской агрессии, китайский пролетариат постепенно освобождался от реформистских иллюзий, росла его политическая активность. В Шанхае, Ханькоу, Циндао и других городах вспыхнули антияпонские забастовки. Рабочие участвовали в повсеместно возникавших ассоциациях национального спасения, в многочисленных антияпонских митингах и демонстрациях, создавали добровольческие вооруженные отряды. Центром антиимпериалистической борьбы вновь стал Шанхай. Десятки добровольческих рабочих отрядов приняли участие в героической обороне Шанхая в январе — марте 1932 г., рабочие японских предприятий города объявили всеобщую забастовку[1].

Профсоюзы все более выходили из повиновения Гоминьдану. Ширилось забастовочное движение. В 1931 г. было зарегистрировано 395 забастовок и 760 тыс. участников, в 1932 г.— 327 забастовок и 1 216 тыс. участников, в 1933 г.— 359 конфликтов и 691,5 тыс. забастовщиков[2], в 1935—1937 гг. около половины всех трудовых конфликтов вылилось в забастовки[3]. Наиболее крупными в эти годы были антияпонские выступления в Шанхае и Циндао (в ноябрьских стачках 1936 г. участвовало около 100 тыс. рабочих). Стихийные экономические забастовки на японских текстильных фабриках сопровождались разгромом фабричных помещений, уничтожением пряжи, драками с японской полицией и войсками, приобретая политическую окраску и вызывая широкий резонанс среди китайской общественности. Забастовщиков поддерживала и китайская национальная буржуазия. Рабочие приняли также активное участие в известном антияпонском студенческом «движении 9 декабря» 1936 г., охватив-

[1] См. *Т. Н. Акатова*. Пролетариат Китая в борьбе против японской агрессии.— «Проблемы Дальнего Востока», 1977, № 1, стр. 114—126.

[2] См. *М. Пашкова*. Рабочее движение в Китае.— «Проблемы Китая», 1935, № 14, стр. 317.

[3] См. *Т. Н. Акатова*. Основные направления политики гоминьдановского правительства в рабочем вопросе.— «Китай: общество и государство». М., 1973, стр. 311.

шем Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Гуанчжоу и другие университетские центры[1]. По мере развития японской агрессии основным направлением рабочего движения становится участие в борьбе против японской интервенции в рядах складывавшегося в стране нового единого антияпонского национального фронта.

Однако КПК не смогла использовать этот мощный антиимпериалистический потенциал городского пролетариата. Отчасти это объяснялось тем, что под влиянием массовых репрессий в 1931—1933 гг. руководящие органы КПК были вынуждены перебазироваться из городов на территории советских районов, расположенных в южных и центральных провинциях страны, что затрудняло деятельность коммунистов в городах.

После изживания лилисаневщины партия предприняла ряд попыток возродить связи с рабочим классом путем проникновения в легальные профсоюзы, вовлечения рабочих в партию и красные профсоюзы. В июне 1933 г. Всекитайская федерация профсоюзов в соответствии с решениями Профинтерна о едином рабочем фронте обратилась к рядовым членам легальных профсоюзов с призывом к единству действий; предпринимались также попытки переговоров с лидерами легального профдвижения. Все эти меры не дали, однако, ощутимых результатов, так как правительство продолжало проводить репрессии против революционных профсоюзных активистов. В эти годы гоминьдановцами были схвачены и казнены руководитель ВФП Ло Дэнсянь, выдающийся деятель китайского профдвижения Дэн Чжунся и др. В 1933—1934 гг. было разгромлено большинство районных, городских и провинциальных организаций КПК, в том числе шанхайский подпольный центр. В городах продолжали действовать лишь отдельные, разрозненные, глубоко законспирированные группы коммунистов, утратившие связи с центром и между собой.

Экономическая и политическая борьба рабочего класса и в последующие годы развивалась в основном под руководством легальных национал-реформистских профсоюзов либо стихийно.

Во время работы VII конгресса Коминтерна китайская делегация по предложению ИККИ 1 августа 1935 г. опубликовала «Обращение к народу о сопротивлении Японии и спасении Родины» с призывом к созданию единого антияпонского национального фронта, прекращению гражданской войны, созданию правительства национальной обороны и объединенной антияпонской армии. Но поворот Компартии Китая к новому курсу сопровождался большими трудностями.

Руководство партии, в котором лидирующую роль начал играть Мао Цзэдун, придерживалось установки на свержение правительства

[1] *Т. Н. Акатова.* Рабочее движение в Китае (1927—1937 гг.). М., 1979 (докторская диссертация), стр. 303—368.

Чан Кайши, что препятствовало созданию единого антияпонского фронта. Лишь в августе 1936 г. ЦК КПК после настойчивых рекомендаций Коминтерна обратился к Гоминьдану с призывом объединить усилия в борьбе против японской агрессии. В то же время ЦК Компартии Китая по существу отказывался от борьбы за классовые интересы рабочих, фактически признавалась монополия Гоминьдана на руководство рабочим классом. В последующие 10 лет Мао Цзэдун и его сторонники практически игнорировали рабочее движение, ориентируясь почти исключительно на крестьянство и отчасти на средние городские слои.

В 1934—1936 гг. революционные базы (советские районы) в центральной части страны были ликвидированы, а остатки КПК и ее вооруженных сил (Красной Армии) оттеснены в самые глухие и малонаселенные северо-западные районы на стыке провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся. Правительство Чан Кайши накапливало силы для последнего удара в целях окончательной ликвидации КПК и Красной Армии. Партия по существу лишилась массовой базы, оказалась отрезанной не только от рабочего класса, но и от крестьянства. В городах КПК имела связи лишь с революционной частью студенчества и интеллигенции. Поражение армий КПК вызвало острый кризис в ее рядах, который был преодолен к концу 1936 г. благодаря настойчивым усилиям Коминтерна.

В сентябре 1937 г. гражданская война в Китае была прекращена и создан единый антияпонский фронт, включавший Гоминьдан, КПК и другие патриотически настроенные политические и общественные организации.

Во второй половине 20-х гг. во *Вьетнаме* разрозненные, стихийные выступления рабочих на отдельных предприятиях начали переходить в общенациональный антиимпериалистический подъем. Однако этим выступлениям не хватало организованности, единой программы, остро сказывалось отсутствие зрелого политического руководства.

Первоначально идеи марксизма-ленинизма были восприняты небольшой группой вьетнамцев, находившихся за пределами страны. Особая роль среди них принадлежала Хо Ши Мину. В 1925 г., будучи уполномоченным Коминтерна на Дальнем Востоке, Хо Ши Мин создал «Союз угнетенных народов Азии», а затем вместе с группой вьетнамских патриотов сформировал за рубежом «Товарищество революционной молодежи Вьетнама». Это была первая марксистская организация, приступившая к пропаганде марксистско-ленинских идей во Вьетнаме, созданию своих организаций на местах.

Образование в Ханое, Хайфоне, Намдине, Сайгоне, в провинциях Нгеан и Хатинь (Центральный Вьетнам) ячеек «Товарищества революционной молодежи Вьетнама» дало сильный толчок росту организованности среди рабочих. В состав «Товарищества» вошел и первый нелегальный профсоюз, созданный в 1920 г. в Сайгоне Тон

Дык Тхангом, участником восстания французских моряков на Черном море в 1919 г.

В сентябре 1928 г. северовьетнамский комитет «Товарищества» выдвинул задачу пролетаризации своих рядов — вовлечения в него передовых рабочих. Движение за пролетаризацию имело огромное значение для мобилизации сил рабочего класса, воспитания кадров коммунистов. Благодаря этому соединение марксизма-ленинизма с рабочим движением сделало большой шаг вперед. Активисты «Товарищества»[1] руководили большинством выступлений в городах и районах угледобычи в Северном Вьетнаме. Быстро росли красные профсоюзы, действовавшие в городах и на плантациях. Из движения за пролетаризацию возникли первые ячейки будущей Коммунистической партии Вьетнама.

Во Вьетнаме действовали три организации коммунистов. 17 июля 1929 г. в Ханое была создана Индокитайская коммунистическая партия, в августе 1929 г.— Коммунистическая партия Аннама, а 1 января 1930 г. в Центральном Вьетнаме — Индокитайский коммунистический союз. Отсутствие единства снижало эффективность деятельности коммунистов. В соответствии с рекомендациями Коминтерна в Гонконге была созвана объединительная конференция. Под председательством Хо Ши Мина 3—7 февраля 1930 г. была выработана резолюция о создании единой Коммунистической партии Вьетнама, одобрены краткие тезисы Программы партии и ее Устав, избран Временный ЦК КПВ.

Начало мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. ознаменовалось мощным подъемом революционной борьбы. В феврале 1930 г. КПВ руководила борьбой 3 тыс. рабочих каучуковых плантаций в Южном Вьетнаме. В марте коммунисты организовали забастовку 4 тыс. ткачей Намдиня. Вершиной подъема явилось народное восстание в Центральном Вьетнаме — в провинциях Нгеан и Хатинь (восстание Нге-Тинь). С 20 февраля 1930 г. в этих провинциях действовали провинциальный комитет КПВ и руководимые им массовые организации — Красный рабочий союз, Красный крестьянский союз, Союз женщин, Союз молодежи и Антиимпериалистический союз. Из семи коммунистических ячеек в Нгеане три действовали в сельской местности. Отправным пунктом нарастания массовой борьбы стали первомайские манифестации рабочих и крестьян. В сентябре 1930 г. восставшие крестьяне Нгеана и Хатиня устранили местную администрацию. В 116 селах возникли Советы — органы власти восставшего народа. Местные организации КПВ возглавили борьбу крестьян. Парткомы Нгеана и Хатиня мобилизовали актив рабочих и направили его в районы восстания. В сентябре ЦК компартии разработал указания партийным организациям в районах

[1] См. *С. А. Мхитарян.* Рабочее и профсоюзное движение во Вьетнаме. М., 1960, стр. 30.

восстания. По всей стране начались выступления солидарности с борцами Нге-Тиня[1].

Почти год действовали Советы Нге-Тиня. Органы народной власти провели ряд глубоких демократических преобразований, установили новый общественный порядок. В 1930—1931 гг. в восставших провинциях было создано 340 низовых партийных организаций, в которых состояло 3313 членов. Резко возросла численность профсоюзов. В крестьянские союзы вступило 64 тыс. человек, в красные отряды самообороны — около 14 тыс., в Союз женщин — более 12 тыс., в Союз молодежи — около 5 тыс.

Однако нехватка опыта, слабая теоретическая подготовка большинства активистов партии, недостаточная организованность движущих сил революции, трудности объективного характера позволили колонизаторам овладеть положением. Были стерты с лица земли многие восставшие деревни, арестованы десятки тысяч патриотов. Около 500 борцов за освобождение были приговорены к смертной казни[2]. В марте 1931 г. в Сайгоне была арестована бóльшая часть членов ЦК партии, разгромлены многие партийные ячейки. 5 июня 1931 г. полиция Гонконга арестовала Хо Ши Мина. 5 сентября 1931 г. в застенках сайгонской тюрьмы погиб Генеральный секретарь ЦК КПВ Чан Фу.

Международное коммунистическое и прогрессивное движение развернуло широкую кампанию по оказанию помощи жертвам террора колонизаторов. Компартия Франции начала активную борьбу в поддержку вьетнамских патриотов. Давление международной общественности помогло спасти Хо Ши Мина от физической расправы. В 1933 г. он вновь прибыл в СССР.

С целью предотвратить новый революционный подъем, сбить волну недовольства колониальные власти сочетали репрессии с попытками реформ. Провозглашенная французским министром колоний П. Рейно программа реформ в Индокитае обещала «более широкое избирательное право», «более справедливую систему налогообложения», реформы в управлении, оплате наемного труда, помощь мелким предпринимателям, строительство ирригационных сооружений. Однако политика маневрирования дала лишь временный эффект.

Вьетнамские коммунисты были полны решимости продолжать борьбу. В октябре 1930 г. КПВ была переименована в Коммунистическую партию Индокитая (КПИК), а в апреле 1931 г. XI пленум ИККИ принял ее в Коминтерн. В 1932 г. Заграничное бюро ЦК партии разработало новую программу действий, составленную с учетом опыта и уроков подъема и поражения революции 1930—1931 гг. и нацеленную на восстановление партии, на сплочение рядов рабочего класса. На-

[1] См. *С. А. Мхитарян.* Подъем революционного движения в Индокитае в начале 30-х годов XX века. М., 1975, стр. 102.

[2] См. «История Вьетнама в новейшее время. 1917—1965». М., 1970, стр. 98.

чала выходить газета «Большевик», орган Заграничного бюро ЦК; был восстановлен партийный комитет Южного Вьетнама, а затем и другие органы партии во Вьетнаме.

Движение народных масс, и прежде всего рабочего класса, стало оживляться. Оно приобретало новые черты, свидетельствовавшие о расширении социальной базы революции. Выступления протеста распространились на окраинные районы, населенные национальными меньшинствами. Нарастала борьба городских средних слоев, чьи действия находили отклик и поддержку в рабочем классе.

В начале 1935 г. был организован ряд политических выступлений, среди которых выделялись дни памяти Ленина, проведенные в районах Биенхоа, Задинь, Телон, Дыкхоа (Южный Вьетнам) и др. В ряде мест распространялись листовки КПИК, проводились митинги и демонстрации. В мае 1935 г. в провинциях Каобанг и Бакнинь в Северном Вьетнаме, а также в провинции Нгеан в Центральном Вьетнаме вспыхнуло движение, в котором наряду с экономическими требованиями были выдвинуты и политические лозунги («Долой французский империализм!»)[1].

В марте 1935 г. состоялся I съезд КПИК с участием представителей партийных организаций Вьетнама и Лаоса. В решении съезда нашли отражение проблемы нового этапа революции, использования всех форм легальной и нелегальной борьбы, создания и укрепления красных профсоюзов, Союза коммунистической молодежи, Красного крестьянского союза, Красного общества социального обеспечения как основы единого антиимпериалистического фронта. В документах съезда отмечалась необходимость единства рядов партии, неуклонного проведения ее политической линии.

В соответствии с требованиями новой международной и внутренней обстановки и рекомендациями Коминтерна были внесены коррективы в те положения Программы действий КПИК, которые игнорировали возможность сотрудничества в общих целях с патриотическими элементами национальной буржуазии и других слоев населения. Укрепление руководящих органов коммунистической партии, возвращение из-за границы и из тюрем части партийных кадров обеспечивали развертывание политической и организационной работы партии в массах.

Решения VII конгресса Коминтерна, в которых подчеркивалась необходимость создания широкого фронта борьбы против фашизма и войны, нашли широкий отклик во Вьетнаме.

Переходу к новой тактике борьбы во Вьетнаме способствовало и образование правительства Народного фронта во Франции. Действия репрессивных органов колониальной администрации были в определенной мере ограничены. На свободу вырвалась группа политических узников — членов КПИК, в частности Ле Зуан,

[1] Xo Viet Nghe-Tinh. Ha-noi, 1962, tr. 42.

Чыонг Тинь, Фам Ван Донг, Во Нгуен Зиап, Хоанг Куок Вьет и др. Победа трудящихся в метрополии оказала заметное воздействие на позиции тех слоев индокитайского общества, которые до этого стояли в стороне от массовой борьбы, и прежде всего национальной буржуазии.

Пленум ЦК КПИК, созванный для выработки новой линии в практической деятельности компартии и руководимых ею классовых сил, принял новые установки, в частности, по вопросу о едином национальном фронте. Было решено временно снять лозунги «Долой французский империализм!», «Конфискация земель у помещиков и раздача ее крестьянам» и создать широкий Народный единый демократический, антиимпериалистический фронт, который объединил бы все партии, различные политические группировки, религиозные организации, все народы Индокитая в их совместной борьбе за основные демократические права: свободу печати, собраний, уличных шествий, свободу выезда за границу, за всеобщую амнистию политических заключенных, за 8-часовой рабочий день, введение трудового законодательства и т. д.

Исходя из этих установок, КПИК обратилась с Открытым письмом к политическим партиям страны с призывом создать Народный антиимпериалистический фронт, программой которого должны были стать 12 пунктов совместной борьбы, выдвинутые КПИК. Действуя на широкой массовой основе, КПИК приступила к развертыванию на базе союза рабочих и крестьян мощного движения за демократические права и свободы, за сплочение всех революционных сил.

Во второй половине 1936 г. партия возглавила движение за созыв Индокитайского конгресса, призванного вручить комиссии французского парламента требования народных масс Индокитая. Для работы среди широких масс населения создавались комитеты действия как органы Подготовительного комитета Индокитайского конгресса на местах. Это движение охватило город и деревню, сплачивая в единых действиях рабочий класс и крестьянство. Политическая работа среди масс сопровождалась широкой подготовкой кадров, мобилизацией молодежи, женщин, втягиванием их в учебу, что обеспечило укрепление влияния партии в народе.

Власти запретили движение за созыв Индокитайского конгресса. Однако массы продолжали борьбу. Ширились выступления под лозунгами: «Улучшить условия жизни», «Предоставить демократические свободы», «Уменьшить налоги».

Мобилизуя народные массы, КПИК вела борьбу против активизировавшихся троцкистских организаций. Период временного сотрудничества коммунистов с троцкистами (избирательный блок) показал, что это сотрудничество вредит партии, сеет вредные взгляды среди ее членов и последователей. В июле 1937 г. ЦК КПИК принял решение о разрыве блока с троцкистами. Это принципиальное решение расширило возможности для деятельности по созданию Демокра-

тического фронта Индокитая. Укреплялись партийные организации и массовые объединения, работавшие под руководством коммунистов. К марту 1938 г. численность партии возросла вдвое по сравнению с предшествующими годами. Несмотря на контрнаступление реакции, забастовочное движение в городах шло на подъем[1]. В честь Международного дня солидарности трудящихся 1 Мая 1938 г. Коммунистическая партия Индокитая и Демократический фронт организовали в Ханое грандиозный 50-тысячный митинг протеста против японской агрессии в Китае.

В сельской местности партия вела большую работу среди крестьянства, создавая и укрепляя массовые организации Демократического фронта. В середине 1938 г. только в Центральном Вьетнаме имелось около 160 тыс. крестьян, организованных в различные общества взаимопомощи.

Благодаря правильным тактическим лозунгам КПИК добилась расширения своих рядов, упрочения партийных организаций. Она сплотила рабочий класс и крестьянство в союз под руководством пролетариата, вооружила массы пониманием всей сложности создавшейся обстановки и необходимости быть готовыми к новым испытаниям и борьбе в рядах мирового прогрессивного движения.

Рабочий класс *Индии* являлся составной частью национально-освободительного движения, руководимого национальной буржуазией. Партия Индийский национальный конгресс, в 20—30-х гг. действовавшая под руководством М. К. Ганди, ставила своей целью постепенное продвижение к политической независимости. Для достижения этой цели она стремилась объединить классы и слои индийского общества под руководством национально-буржуазных сил. Поэтому лидеры партии выступали за урегулирование всех социальных и классовых конфликтов на базе классового мира. Добиваясь вовлечения в национально-освободительную борьбу не только верхушечных слоев индийского общества, но и крестьян, рабочих и низших городских слоев, национальная буржуазия стремилась в то же время ввести эту борьбу в русло ненасильственных действий.

Однако национальной буржуазии не удалось внедрить идеи классового мира. Забастовочная борьба в стране продолжалась, причем со второй половины 20-х гг. экономические забастовки все чаще дополнялись забастовками солидарности, митингами, политическими демонстрациями.

В конце 20-х гг. возникли революционные профсоюзы, стоявшие на позициях борьбы за полную национальную независимость и последовательной защиты классовых интересов рабочих. Этому способствовала самоотверженная работа левых сил, и прежде всего коммунистов.

Утверждение сильных, революционных профсоюзов в колониальной Индии встречало на своем пути значительные трудности. Полное

[1] См. «Коммунистический Интернационал», 1938, № 12, стр. 114.

политическое бесправие рабочих, большая текучесть состава профсоюзов, почти поголовная неграмотность рабочих, преобладание у них религиозно-кастовых форм связей и взглядов тормозили сплочение рядов и рост классового сознания пролетариата.

Подъем рабочего движения в Индии ускорил организационное оформление коммунистических групп, установление их связей с Коминтерном[1]. В декабре 1925 г. в Каннуре состоялась конференция коммунистов, на которой было объявлено о создании Коммунистической партии Индии[2]. Коммунистический Интернационал оказал большую помощь индийским коммунистам в организации их партии, в выработке политической линии.

В 1926—1928 гг. в Бенгалии, Бомбее, Соединенных провинциях и Пенджабе по инициативе коммунистов были созданы рабоче-крестьянские партии. В руководство этих организаций наряду с коммунистами входили и революционные демократы. Не противопоставляя себя партии Индийский национальной конгресс, они в то же время добивались объединения национально-освободительного движения с борьбой в защиту интересов трудящихся. Эти партии в те годы стали важнейшими каналами влияния коммунистов на рабочий класс, крестьянство и городские средние слои. Под их руководством действовал ряд профсоюзов, а также возникшие в начале 30-х гг. крестьянские союзы («кисан сабха»)[3].

В 1928 г. была создана Социалистическая республиканская ассоциация Индии во главе с известным индийским революционером Бхагат Сингхом; в создании этой организации активное участие принимал и Аджой Кумар Гхош, позже ставший одним из виднейших руководителей КПИ. Одновременно возникли Всеиндийская лига независимости, которую возглавляли Джавахарлал Неру и Субхас Чандра Бос, а также Всеиндийская лига молодежи, Союз новой молодежи и т. п.

1930 год ознаменовался кампанией гражданского неповиновения, которая характеризовалась большой массовостью и разнообразием форм борьбы (харталы, забастовки, митинги протеста, демонстрации, нарушения различных запретов, установленных колониальными властями, прекращение издания газет, отказ от занимаемых постов в колониальной администрации). Накал борьбы достиг такой остроты, что впервые в истории национально-освободительного движения наблюдались случаи отказа армии и полиции стрелять в демонстрантов. Национально-освободительное движение охватило основную массу рабочего класса: наряду с рабочими современной промышленности и

[1] См. «Проблемы коммунистического движения в Индии». М., 1971, стр. 25.
[2] См. *Т. Ф. Девяткина, М. Н. Егорова, А. М. Мельников.* Зарождение коммунистического движения в Индии. М., 1978, стр. 288.
[3] См. «Новейшая история Индии». М., 1959, стр. 164—170.

транспорта в него включились рабочие мануфактур, а также плантационного хозяйства. В ряде случаев рабочие стали превращаться в основную движущую силу антиколониальных выступлений. Это свидетельствовало о растущем соединении рабочего и национально-освободительного движения.

Годы активных выступлений против колониальных властей были периодом приобретения опыта массовой борьбы, роста организованности рабочих, распространения в их среде социалистических идеалов, дальнейшего укрепления коммунистической партии, консолидации левых течений.

Кампания гражданского неповиновения вызвала широкие репрессии против лидеров рабочего и национально-освободительного движений. В 1933 г. в индийских тюрьмах оказалось около 120 тыс. активистов национально-освободительного и рабочего движения. В 1934 г. была объявлена вне закона Коммунистическая партия Индии; это постановление оставалось в силе почти 10 лет[1]. Избранный в ноябре 1933 г. временный Центральный комитет осуществлял руководство нелегальной деятельностью партии вплоть до ее первого съезда в 1943 г.

Поскольку одними репрессиями подавить национально-освободительное движение не удавалось, Англия попыталась расколоть его. В 1935 г. был принят закон об управлении Индией, который давал определенные привилегии местным князьям и помещикам, одновременно разжигая национальные, религиозные, социальные и тому подобные противоречия[2].

Принятие этого закона дало толчок новому подъему национально-освободительного движения.

В ходе подъема антиколониального движения в партии Индийский национальный конгресс значительно усилилось левое крыло. Хотя левые силы были еще крайне разнородны, контакты между ними были слабы, их усиление способствовало распространению социалистических идей в массовом движении, прежде всего рабочем, а отчасти и крестьянском. В национально-освободительном движении появились лозунги социальной перестройки общества. Достижение национального освобождения от колониальной зависимости стало связываться массами с проведением различных социально-экономических реформ и улучшением положения трудящихся.

Подъем национально-освободительного движения сопровождался ростом массовых организаций рабочих, студентов, молодежи и т. п. При активной помощи коммунистов и левых конгрессистов начали возникать первые массовые крестьянские организации — «кисан сабха», позволившие вовлечь широкие слои крестьянства в национально-освободительное движение.

[1] См. *К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Г. Котовский.* История Индии. М., 1973, стр. 433—434.

[2] См. *Дж. Неру.* Открытие Индии. М., 1955, стр. 394.

Результатом подъема антиколониального движения было укрепление позиций левых сил, расширение борьбы за сплочение всех борцов против империализма, повышение организованности трудящихся.

Конец 30-х гг. ознаменовался мощными выступлениями пролетариата. Ежегодно происходило около 400 забастовок, в которых участвовало по 500—520 тыс. рабочих, а потери рабочего времени достигали 9 млн. человеко-дней[1]. Особый след в истории рабочего движения Индии оставила стачка текстильщиков Канпура, которая с перерывами продолжалась в 1937 и 1938 гг. и закончилась победой рабочих.

В знак солидарности с текстильщиками забастовки объявили рабочие других отраслей промышленности и железных дорог. Забастовки сопровождались митингами и демонстрациями солидарности. Власти были вынуждены удовлетворить требования текстильщиков и признать законным существование их профсоюза.

Подъем рабочего движения способствовал значительному росту организованности рабочих: в 1936—1939 гг. число зарегистрированных профсоюзов возросло с 271 до 562, а число их членов — с 261 до 400 тыс. человек[2]. В апреле 1938 г. произошло объединение двух профцентров — Всеиндийского конгресса профсоюзов и Национальной федерации профсоюзов[3].

Усиление массовости и организованности движения, сочетание лозунгов национального освобождения и социально-экономических преобразований вызвали растущую поляризацию сил в партии Индийский национальный конгресс. Резко активизировалась деятельность реакционных и коммуналистских сил. На сессии партии Национальный конгресс в 1939 г. им фактически удалось удалить левых из руководящего органа партии — Рабочего комитета. Развернулась также кампания с целью вытеснения левых из руководства массовыми организациями. Однако, несмотря на усилия правых и маневры английских властей, массовые антиколониальные выступления продолжались.

Рабочий класс *Индонезии* с момента своего зарождения принимал активное участие в национально-освободительной борьбе. 1 мая 1924 г. Компартия Индонезии (КПИ) провела на Яве и в ряде районов Суматры, Калимантана, Сулавеси многотысячные митинги и демонстрации. Через руководимое коммунистами объединение «Сарекат ракьят» (СР) проводилась революционная пропаганда в крестьянских массах. Активизация деятельности партии вызвала волну репрес-

[1] *V. B. Karnik.* Indian Trade Unions. A Survey. Bombay, 1960, p. 89.
[2] Ibidem.
[3] *S. D. Punekar.* Trade Unionism in India. Bombay, 1948, p. 333—334.

сий против коммунистов[1], вынудив их перейти на полулегальное положение.

Стратегия и тактика индонезийской компартии нашли отражение в Уставе и Программе партии, принятых ею на совместном с «Сарекат ракьят» съезде в июне 1924 г.[2] Эти документы, содержащие важнейшие общенациональные и общедемократические требования, лозунг съезда «За организацию!», перевод некоторых важных марксистско-ленинских работ на индонезийский язык способствовали активизации организационной и пропагандистской работы партии среди масс. Большая работа проводилась через организованные «Сарекат ракьят» народные школы, где слушателям давались основы не только грамоты, но и политических знаний. Собрания КПИ и СР посещали тысячи людей.

Вместе с тем обстановка жестоких репрессий, тормозившая формирование политически опытных руководящих кадров, создавала серьезные трудности для КПИ. Так, в 1924 г. возобладал левосектантский подход в руководстве КПИ, полагавшем, что предстоящая в Индонезии антиколониальная революция будет совершена силами одного пролетариата и будет носить социалистический характер. Такая оценка побудила КПИ принять на состоявшейся в конце 1924 г. в Кутагеде конференции решение о подготовке вооруженного восстания. Было решено также реорганизовать партию на нелегальной основе и трансформировать, а по существу ликвидировать «Сарекат ракьят». Его пролетарские элементы предполагалось включить в КПИ, а крестьянские — организовать в кооперативные (т. е. чисто экономические) объединения. Важнейшей задачей КПИ была признана работа по организации пролетариата[3].

С начала 1925 г. компартия, новым председателем которой стал Сарджоно, развернула активную деятельность по созданию отраслевых профсоюзов. К весне 1925 г. в стране насчитывалось 112 профсоюзов с 58 тыс. членов. Объединенные в Красный секретариат профсоюзов, они вступили в Профинтерн (сохранив свои связи с индонезийским профцентром).

Летом 1925 г. в Индонезии началась вторая в ее послевоенной истории крупная волна забастовочного движения, сопровождавшаяся развитием массового профсоюзного движения. Число членов профсоюзов достигло невиданной для страны цифры — 300 тыс. человек. Свои организации образовали даже законтрактованные кули. Большинство профсоюзов находилось под руководством компартии.

[1] См. *М. Муссо.* Индонезия — колония голландского империализма. М., 1931, стр. 28.
[2] О работе съезда см.: *Mc Vey Ruth T.* The Rise of Indonesian communism. New York, 1965, p. 195—196; *A. K. Pringgodigdo.* Sedjarah pergerakan rakjat Indonesia. Djakarta, 1960, hal. 43—44.
[3] См. *А. Губер.* Индонезия. Социально-экономические очерки. М., 1933, стр. 314—315.

В этот период влияние КПИ достигло своего зенита. Ее революционная пропаганда проникла в глубинные районы. Партия издавала 38 журналов и газет — больше, чем все националистические организации. Свои органы печати имели и многие профсоюзы. Число членов КПИ составило 8—9 тыс. членов, «Сарекат ракьят» (расширявшего свою деятельность вопреки решению КПИ) — 100 тыс. Влияние КПИ широко распространилось на мелкобуржуазные националистические организации, ячейки компартии имелись в этнических объединениях, в некоторых армейских подразделениях и даже в системе полицейской службы. Однако вливавшиеся в КПИ массы зачастую рассматривали ее не как классовую партию, а как наиболее радикальную организацию, борющуюся за независимость.

Компартия превращалась по сути дела в широкое антиколониальное объединение. Противоречие содержания и формы рождало и противоречие идеологии. В условиях роста влияния партии руководство КПИ форсировало курс на восстание.

Линия на восстание сохранилась и тогда, когда в мае 1926 г. было закрыто большинство органов печати КПИ, распущены секции партии и «Сарекат ракьят», проведены новые аресты среди их руководства. В этой обстановке в ноябре 1926 г. на Яве и в январе 1927 г. на Суматре произошли вооруженные выступления участников восстания, которые на местах стали кульминацией стихийной, по сути своей антиколониальной и антифеодальной, крестьянской борьбы. Эти выступления, известные как первое национальное восстание в Индонезии, нанесли ощутимый удар престижу колониальных властей и оставили свой след в сознании индонезийского народа. Но, являясь исторически преждевременными, они вскоре были подавлены. Последовала жестокая расправа над восставшими[1]. Рабочему и национально-освободительному движению страны был нанесен тяжелейший удар.

Однако и в последующие годы освободительная борьба в Индонезии носила на себе печать глубокого воздействия коммунистов. Через несколько месяцев после поражения восстания оживились различные формы народной борьбы, во многом еще являвшиеся отголоском недавних событий (например, выступления крестьян под красными флагами), произошли стачки, восстанавливались некоторые (в основном среди служащих) профсоюзы. Активизировали деятельность националистические партии Индонезии, добивавшиеся расширения своей массовой базы.

В 1927 г. Сукарно основал Национальную партию Индонезии (НПИ), проводившую линию наиболее радикальной части национальной буржуазии. В НПИ сосредоточили свою деятельность находившиеся в глубоком подполье коммунисты. В 1928 г. коммунисты в

[1] «Pemberontakan nasional pertama di Indonesia (1926). Disusun oleh Lembaga Sedjarah PKI». Djakarta, 1961.

сотрудничестве с левыми националистами создали Союз рабочего класса Индонезии (СКБИ), влияние которого стало быстро расти. Однако летом 1929 г. СКБИ был разгромлен, руководство Национальной партии арестовано. В рабочем движении усилилось влияние правореформистских организаций. В 1930 г. произошло оформление руководимых ими профсоюзов в профсоюзные центры, вступившие в 1931 г. в Амстердамский интернационал[1]. Наметившийся в 1928—1929 гг. подъем забастовочной борьбы сменился спадом.

В начале 30-х гг., когда в Индонезии стали в полной мере сказываться последствия мирового экономического кризиса, народная борьба вновь усилилась. В апреле 1931 г. возродилась НПИ, принявшая название Партии Индонезии (Партиндо). В ее организации участвовали коммунисты. Выступая за немедленное провозглашение независимости Индонезии и выдвигая принцип несотрудничества с колониальными властями, Партиндо в большей степени, чем НПИ, стала уделять внимание рабочему вопросу. Партиндо удалось создать ряд рабочих объединений; она пыталась основать и профсоюзный центр. Боевая направленность рабочего движения в Индонезии вновь усилилась, и в 1932—1933 гг. в стране произошло наибольшее за предвоенный период количество стачек[2]. В этих условиях коммунисты предприняли усилия по консолидации своих кадров и воссозданию партии. В 1932 г. была выработана новая Программа КПИ[3].

Наиболее крупным выступлением трудящихся было вооруженное восстание голландских и индонезийских моряков на броненосце «Де Зевен Провинсиен» в 1933 г.[4] Подавление этого восстания повлекло за собой расправу не только с его участниками, но и с деятелями левонационалистического движения. Было арестовано и руководство Партиндо.

В середине 30-х гг. в стране активизировалось общественное движение, усилилась тяга к консолидации национальных объединений. В 1935 г. была образована новая, объединенная Партия Великой Индонезии (Париндра), которая стала главной базой легальной деятельности индонезийских коммунистов, создавших ячейки в национальных организациях. Осуществляя линию VII конгресса Коминтерна на создание народных фронтов, коммунисты приняли активное участие в образовании в 1937 г. новой левой партии Движение индонезийского народа (Гериндо), заявившей о своей готовности установить антифашистское сотрудничество с голландскими властями при условии демократизации политической жизни в Индонезии.

[1] См. *В. А. Цыганов.* Национально-революционные партии Индонезии. М., 1969, стр. 95.
[2] *Sandra.* Sedjarah pergerakan buruh Indonesia. Djakarta, 1961, hal. 46.
[3] «40 Tahun PKI». Djakarta, 1960, hal. 33—35.
[4] См. *А. Губер.* Революционное движение в Индонезии на современном этапе.— «Революционный Восток», 1933, № 5.

К концу 30-х гг. выросли и окрепли коммунистические группы; они организовали политические курсы, стали выпускать обращения ЦК. В 1938 г. начал издаваться орган партии «Менара Мерах» («Красная башня»). В 1939 г. в результате усилий Париндры и Гериндо был образован блок важнейших национальных организаций — Политическое объединение Индонезии (ГАПИ), в основном воспринявшее платформу Гериндо. Постоянный орган ГАПИ — Всеиндонезийский народный конгресс представлял 90 партий и общественных организаций. В его руководство наряду с буржуазными деятелями входили и коммунисты. В декабре 1939 г. ГАПИ организовало по всей стране политические собрания в поддержку своих требований; активное участие в их проведении принимали и рабочие.

Национально-освободительное движение в основных *арабских странах*, вобравшее в свои ряды широкие слои трудящихся, развивалось под руководством буржуазии, помещиков, племенной знати, мусульманского духовенства и буржуазной интеллигенции.

20-е годы для молодого рабочего класса Египта, Алжира, Ливана, Сирии были периодом первоначального собирания сил, создания своих организаций, которые охватывали только немногочисленный авангард. В большинстве других арабских стран национальный рабочий класс лишь зарождался. Однако уже в те годы арабские рабочие активно участвовали в антиколониальной борьбе, находясь обычно под влиянием и руководством патриотических партий или мусульманских религиозных организаций.

В *Египте* одновременно с развитием рабочего движения происходило становление коммунистической партии. Компартия работала в профсоюзах и на предприятиях, принимала энергичное участие в забастовках. В 1924 г. она насчитывала 1,5—2 тыс. членов[1]. Коммунистическая партия имела некоторое влияние в городах, но практически не была связана с крестьянством.

В апреле 1923 г. в Египте была введена конституция, предусматривавшая установление конституционной монархии, а в январе 1924 г. состоялись первые в истории страны парламентские выборы, на которых подавляющее большинство голосов получила буржуазно-помещичья партия Вафд, возглавлявшая в тот период национально-освободительное движение в стране. Эта партия сформировала и первое правительство.

Приход к власти вафдистского правительства совпал с подъемом рабочего движения. В конце февраля 1924 г. в Александрии рабочие захватили ряд предприятий и отказались их покинуть до полного удовлетворения своих требований. Европейские капиталисты, которым принадлежали эти предприятия, напуганные размахом движе-

[1] См. *Э. Бернс.* Английский империализм в Египте, М., 1929, стр. 61.

ния, пошли на частичные уступки рабочим, повысив заработную плату.

Первая победа ободрила рабочих. В стране развернулась кампания по захвату предприятий. Управление ими перешло в руки стачечных комитетов. Бастующие требовали установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, а на ряде предприятий выдвигали и политические лозунги или проводили забастовки солидарности. Объективно выступления рабочих были направлены и против интересов местной буржуазии. Поэтому правительство Вафда вело активную борьбу с забастовками, прибегало к помощи армии и полиции. В мае 1924 г. правительство разогнало Египетскую конфедерацию труда и отдало ее руководителей под суд. Вместо революционных профсоюзов, тесно связанных с Профинтерном, партия Вафд создала Всеобщее объединение египетских рабочих. В мае 1924 г. была арестована большая группа руководителей компартии: из 11 членов ее ЦК лишь двоим удалось бежать за границу. В октябре 1924 г. арестованные были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Деятельность вафдистского правительства, несмотря на всю его непоследовательность, затрагивала интересы английского империализма. Поэтому, воспользовавшись убийством главнокомандующего египетской армией английского генерала Ли Стэка, Англия добилась ухода вафдистского правительства в отставку в ноябре 1924 г. Пришедшее к власти новое правительство, опиравшееся на помещичье-компрадорские круги и тесно сотрудничавшее с англичанами, усилило кампанию массовых репрессий против коммунистического и рабочего движения. В июле 1925 г. коммунистическая партия была запрещена, все ее руководители и активные члены арестованы[1]. Генеральный секретарь партии А. Марун умер в тюрьме. В том же году компартия как организованная сила прекратила свое существование. В дальнейшем в стране действовали только отдельные коммунистические группы, мало связанные между собой. Репрессиям подверглось и профсоюзное объединение, созданное вафдистами: оно было разогнано, а забастовки запрещены.

Новый подъем массового движения наметился в 1930 г. Летом в стране началось массовое движение под лозунгами защиты демократии, парламентаризма и конституции. В ряде городов Египта эти выступления переросли в вооруженные восстания. С помощью английских войск эти выступления королевскому правительству удалось подавить.

После разгрома движения была отменена конституция 1923 г., ограничено избирательное право, расширены прерогативы исполнительной власти. Но попытки ввести в действие новую конституцию

[1] См. *А. Шами.* Коммунистическая партия Египта. М., 1929, стр. 61.

и провести на ее основе выборы в парламент вызвали новый взрыв массового недовольства. Наиболее крупные столкновения произошли 14—16 мая 1931 г. в рабочем пригороде Каира — Булаке. Основной движущей силой этого восстания были рабочие, которые строили баррикады, вели бои с полицией и войсками. В ходе столкновений 40 восставших было убито, свыше тысячи ранено.

Антиимпериалистическая борьба в стране не затухала. Летом 1934 г. в Каире и других городах начались массовые забастовки рабочих, требовавших признания профсоюзов, повышения зарплаты в связи с повышением цен на продовольствие. В ряде мест они переходили в прямые столкновения с полицией. Подъем рабочего движения активизировал партию Вафд, которая потребовала возвращения к конституции 1923 г.

В ноябре 1935 г. в стране вновь вспыхнули массовые революционные выступления. 13 ноября в Каире состоялась демонстрация, в которой участвовало 40 тыс. человек, а 14 ноября произошло настоящее сражение с войсками[1]. К концу ноября жизнь в столице была полностью парализована. Рабочие, студенты, ремесленники нападали на полицию и войска, строили баррикады. Размах борьбы принудил и Англию пойти на уступки. Была восстановлена конституция 1923 г., Англия согласилась на заключение нового договора.

Подписанный в августе 1936 г. договор отменял режим капитуляций, предусматривал прекращение оккупации основной территории страны (Англия могла сохранять ограниченные военные силы в зоне Суэцкого канала), ликвидировал преимущественное положение английских офицеров и чиновников в армии и государственном аппарате и т. п. Однако полная независимость не была достигнута. Многие положения договора были выполнены лишь после окончания второй мировой войны.

В марте 1938 г. была создана Федерация профсоюзов Египта, которая развернула массовое забастовочное движение за легализацию профсоюзов. С началом второй мировой войны забастовки были запрещены, Федерация прекратила свое существование.

В *Алжире* в период между двумя мировыми войнами наблюдался значительный рост числа работающих по найму. В 1924 г. в стране насчитывалось 110 тыс. рабочих-алжирцев[2]. Большинство их было занято на транспорте, в доках, на строительстве, в торговле.

Профсоюзное и социалистическое движение в Алжире имело давние, уходящие своими корнями в XIX в. традиции. Однако национальная неоднородность пролетариата Алжира и патерналистско-ассимиляторская позиция социалистов Франции препятствовали развитию массового движения алжирских трудящихся. Против такой

[1] См. «Правда», 16 ноября 1935 г.
[2] *C. R. Ageron.* Histoire de l'Algérie contemporaine. Paris, 1969, p. 83.

позиции вели борьбу коммунистические организации, с 1924 г. объединившиеся в особую Алжирскую федерацию Компартии Франции, которая в 1936 г. преобразовалась в Алжирскую коммунистическую партию (АКП). Коммунисты стремились максимально вовлечь рабочих-алжирцев в организованную классовую борьбу, преодолеть унаследованную от социалистической партии недооценку работы среди коренного населения. Актив коммунистов постоянно подвергался репрессиям, давлению, полицейской слежке.

Несмотря на это, коммунисты и созданные ими прогрессивные профсоюзы добились немалого. Благодаря их усилиям из 23 забастовок в 1924 г. 10 закончились победой трудящихся (повышением заработной платы или введением 8-часового рабочего дня)[1]. В 1925 г. Алжирская федерация Компартии Франции насчитывала 1,5 тыс. коммунистов[2], преимущественно европейцев. Алжирцы вступали в ряды ФКП, в основном находясь в эмиграции во Франции. Именно из среды эмигрантов выдвинулись в 20-х гг. будущий член ЦК ФКП Абд аль-Кадир Хадж Али, Махмуд Бен Лакхаль, профсоюзный руководитель Мааруф Мухаммед и др. В 1926 г. А. Хадж Али организовал примкнувшую к ФКП ассоциацию «Североафриканская звезда», которая впоследствии стала зародышем революционно-демократического течения и самой влиятельной организацией алжирских патриотов. Вплоть до 1936 г. совместные выступления коммунистов и «Североафриканской звезды», не раз выливавшиеся в столкновения многотысячных народных демонстраций с полицией, наводили страх на колонизаторов в Алжире.

С конца 20-х гг. к забастовочному движению городских рабочих стали присоединяться сельские батраки, беднейшие и безземельные крестьяне, выступавшие против репрессий полиции, экспроприации их земель европейскими колонистами. В ряде случаев они оказывали вооруженное сопротивление.

В массовом движении социального и национального протеста участвовали и представители национальной буржуазии, мусульманской интеллигенции, мелкобуржуазных слоев города и деревни. На эволюцию революционно-демократического национализма в Алжире оказывали влияние идеи научного социализма и практическая деятельность компартии, несмотря на разделявшие их разногласия и ожесточенные споры.

С 1932 г. в Алжире начались волнения сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян в районах Блиды, Тлемсена, в горах Ауреса и Уарсениса, в оазисе Эль-Уэд. Они выступали против экспроприации, налогов, запретов пользоваться лесами и государственными землями, требовали отмены власти каидов, т. е. туземных чиновников,

[1] См. «Красный Интернационал профсоюзов», 1926, № 5 (64), стр. 712.

[2] См. *Р. Г. Ланда.* Подъем антиколониального движения в Алжире в 1918—1931 гг. М., 1977, стр. 72.

отличавшихся продажностью, и французских администраторов. Это движение, проходившее под руководством коммунистов, в 1934—1936 гг. вылилось в «походы на города», где сельские труженики участвовали в совместных демонстрациях, митингах и других массовых акциях наряду с городскими рабочими и служащими, алжирцами и европейцами. В массовом движении участвовали все отряды пролетариата — докеры, строители, пекари и пр., нередко объединявшиеся с крестьянами и с новобранцами-призывниками, не желавшими служить в армии колонизаторов. В 1935 г. впервые подняли оружие против властей солдаты-алжирцы французского гарнизона в Сетифе.

Активизация фашистов вызвала новый подъем массового движения в Алжире. Фашистские террористы из партии Дорио стали провоцировать акты насилия. В июле 1935 г. их вооруженные отряды провели в Алжире свой парад. В знак протеста в окрестностях г. Алжира состоялась 15-тысячная демонстрация.

В 1935—1937 гг. борьба против угрозы фашизма и в поддержку Народного фронта во Франции была основной задачей АКП. В 1936 г. она провела 150 митингов протеста, в которых участвовало около 50 тыс. человек; во многих организованных ею шествиях до половины участников составляли алжирцы. В 1935 г. АКП насчитывала в своих рядах 5 тыс. членов. В 1937 г. АКП добилась успеха на кантональных и муниципальных выборах. Совместная работа с национальными и религиозными организациями в рамках Мусульманского конгресса вызвала к АКП уважение со стороны многих националистов. «Коммунисты — это закваска народа»[1],— сказал в 1937 г. президент Ассоциации алжирских улемов шейх Бен Бадис.

АКП активно участвовала в международной борьбе с фашизмом, направив в Интернациональные бригады, сражавшиеся в 1936—1938 гг. в Испании, до 2 тыс. алжирских коммунистов. Вместе с тем за АКП шли в большинстве своем лишь рабочие-европейцы. Рабочие-алжирцы в основном поддерживали преемницу «Североафриканской звезды» — Партию алжирского народа. С началом второй мировой войны эта партия, как и АКП, была запрещена колониальными властями.

В *Тунисе* первые рабочие и коммунистические организации первоначально действовали в качестве филиалов (федераций) соответствующих французских организаций. К 1924 г. Федерация коммунистов была запрещена и продолжала работать в подполье. В департаментское объединение профсоюзов Всеобщей конфедерации труда входило 56 профсоюзов.

Летом 1924 г. в Тунисе начался подъем рабочего движения, сопровождавшийся массовыми забастовками, созданием национальных профсоюзов рабочих-мусульман. В конце года эти профсоюзы объе-

[1] См. *Р. Г. Ланда.* Кризис колониального режима в Алжире (1931—1954). М., 1980, стр. 54—81.

динились в Тунисскую всеобщую конфедерацию труда (ТВКТ), в руководство которой входили и коммунисты. Вскоре ТВКТ подверглась репрессиям, ее организаторы были арестованы и в конце 1925 г. высланы из Туниса. В обстановке преследований и фракционной борьбы тунисская коммунистическая федерация фактически распалась [1].

Новое усиление антиимпериалистической борьбы произошло в начале 30-х гг. Оно было связано с деятельностью группы националистов, руководимых Хабибом Бургибой. Эта группа опиралась на интеллигенцию и национальную буржуазию, а также пользовалась поддержкой части крестьян и рабочих. Х. Бургиба выступал за социальные преобразования, ликвидацию феодальных пережитков и отсталости, против колониального угнетения. В 1934 г. группа, руководимая Х. Бургибой, вышла из националистической партии «Дустур» и образовала новую партию — «Новый Дустур». Эта партия стала ведущей патриотической силой Туниса, имевшей преобладающее влияние на тунисских рабочих.

После образования во Франции правительства Народного фронта в Тунисе был проведен ряд мер, смягчивших колониальный режим,— освобождены политзаключенные, отменены ограничения печати, собраний и т. д. Возобновилась легальная деятельность коммунистов, была восстановлена и единая ВКТ, в которую входили европейские и тунисские рабочие.

С падением правительства Народного фронта во Франции партия «Новый Дустур» перешла в оппозицию французскому правительству, выступив с требованием создать тунисский парламент и правительство. В поддержку этих требований в апреле 1938 г. в г. Тунисе была проведена массовая демонстрация. Колониальные власти бросили против демонстрантов войска, запретили «Новый Дустур» и арестовали более 2 тыс. активистов партии. К началу второй мировой войны французскому империализму удалось временно подавить национально-освободительное движение в Тунисе.

В *Сирии* и *Ливане* молодой рабочий класс принимал активное участие в национально-освободительной борьбе против французского колониального режима. Первые коммунистические группы возникли в Ливане в 1922 г., а в октябре 1924 г. была основана Сирийская коммунистическая партия, общая для Ливана и Сирии [2]. Первое время она называлась Ливанской народной партией. С 15 мая 1925 г. начала выходить партийная газета «Юманите» (вышло пять номеров). В июле 1925 г. партия была запрещена и продолжала свою деятельность нелегально.

[1] См. *Н. А. Иванов.* Кризис французского протектората в Тунисе (1918—1939 гг.). М., 1971, стр. 107.

[2] См. *Н. Шауи.* Требования народа — задачи партии.— «Проблемы мира и социализма», 1974, № 11, стр. 32.

В декабре 1925 г. состоялась первая партийная конференция, на которой был избран Центральный комитет партии. Ее Генеральным секретарем стал рабочий табачной фабрики Фуад Шимали, ранее работавший в Компартии Египта. Другими видными руководителями компартии были Бутрус Хухайми, Фарид Тума, Юсуф Ибрагим Язбак. Но в 1926—1927 гг. руководящее ядро партийных работников было арестовано, и деятельность компартии временно прервалась.

В 1925 г. в Сирии возник первый профсоюз среди рабочих текстильной промышленности[1]. В последующие годы стали возникать профсоюзы и в других отраслях экономики.

Низкий уровень социально-экономического развития Сирии и Ливана обусловил преобладание в движущих силах национально-освободительного движения таких социальных слоев, как ремесленники, мелкие торговцы и крестьяне, а руководство национально-освободительной борьбой находилось в руках национальной буржуазии, общинно-племенной верхушки и мусульманского духовенства. Одной из основных национальных организаций, руководивших движением, была Национальная партия, созданная в 1925 г. Абд-ар-Рахманом Шахбандаром.

В июле 1925 г. в сирийской области Джебель-Друз началось антифранцузское восстание, которое вскоре охватило всю страну. В октябре 1925 г. повстанцы окружили столицу — Дамаск, но под давлением превосходящих французских войск были вынуждены отступить. Принявшая партизанский характер борьба продолжалась до 1927 г.

Напуганные восстанием 1925—1927 гг., колониальные власти прибегли к политическому маневрированию. В 1926 г. Ливан был провозглашен республикой. Аналогичные маневры были предприняты в Сирии, где французский империализм пытался создать марионеточную республику. Поскольку политические партии Сирии отказывались включить в конституцию положение о французском мандате, парламентарное правление неоднократно заменялось прямым колониальным управлением.

В 1930 г. состоялся первый съезд Сирийской коммунистической партии. Секретарем ЦК был избран Халед Багдаш, который под псевдонимом Рамзи участвовал в работе VII конгресса Коминтерна.

В январе 1936 г. рабочие Дамаска начали забастовку, быстро распространившуюся на другие города. Эта забастовка продолжалась 42 дня. В провинциях происходили открытые столкновения с колонизаторами. Французы бросили против восставших танки и авиацию, но не смогли овладеть положением. В стране назревало новое всеобщее восстание.

[1] См. *Я. Гарро.* Становление рабочего класса в Сирии.— «Проблемы мира и социализма», 1977, № 10, стр. 70.

Учитывая накал освободительной борьбы, Франция вынуждена была пойти на переговоры с Сирией и Ливаном. Этому способствовал и приход к власти правительства Народного фронта во Франции. В 1936 г. были подписаны франко-сирийский и франко-ливанский договоры, по которым Франция отказывалась от мандата на эти страны и признавала их суверенными республиками. Договоры должны были вступить в силу через три года после их ратификации.

Проведенные после подписания этого договора выборы в Сирии принесли победу блоку националистов, создавших правительство. В стране установилась более демократичная обстановка, что позволило компартии выйти из подполья, хотя официально она и не была легализована. В 1936 г. компартия начала издавать газету «Саут аш-Шааб». Пленум ЦК, состоявшийся в 1937 г., избрал Генеральным секретарем партии Халеда Багдаша. В 1938 г. при активной поддержке коммунистов в Сирии была создана Всеобщая федерация рабочих профсоюзов.

Однако период либерализации оказался коротким. В 1939 г. правое правительство, пришедшее на смену Народному фронту во Франции, отказалось признать договоры 1936 г. В июле 1939 г. колониальные власти разогнали сирийский парламент и приостановили действие конституции. За этим актом последовали массовые репрессии. В обстановке террора колонизаторов Сирия и Ливан вступили во вторую мировую войну.

Национально-освободительное движение в *Ираке* развертывалось в условиях социально-экономической отсталости страны, политического господства крупных землевладельцев и вождей племен, сохранения многочисленных остатков феодализма. В 1932 г. Ирак был признан независимым суверенным государством. Однако договор о «союзе» с Англией давал последней право иметь на территории Ирака базы ВВС, обеспечивал ей военные, политические и экономические привилегии.

В 1931 г. было создано общество «Аль-Ахали» («Народ»), в которое входили представители интеллигенции, студенчества, офицеров. В его организации участвовали и будущие руководители компартии. Общество выступало за политическую независимость Ирака, требовало защиты интересов национальной и мелкой буржуазии, улучшения социального положения рабочих, легализации профсоюзов. В начале 1935 г. к «Аль-Ахали» присоединился виднейший деятель буржуазно-демократического направления Камиль аль-Чадарчи.

Первый марксистский кружок в Ираке возник в 1927 г. 31 марта 1934 г. на совещании представителей коммунистических групп страны в Багдаде было решено создать единую партию и избрать Комитет борьбы против империализма и эксплуатации[1]. В 1935 г. пар-

[1] См. *А. Ф. Федченко.* Ирак в борьбе за независимость (1917—1969). М., 1970, стр. 69.

тия стала называться Иракской коммунистической партией. Генеральным секретарем ее стал Юсуф Сулейман Юсуф (партийная кличка Фахид). В июле 1935 г. вышел первый номер газеты ИКП «Кифах аш-Шааб» («Борьба народа»).

В марте 1935 г. вспыхнуло восстание племен в районах Дивании, Абу-Сагира, Самавы. В мае 1935 г. восстало население Румайсы и Сук аш-Шуюх. Всего в 1935—1936 гг. произошло шесть крупных народных восстаний, ставших школой революционной борьбы для иракского народа. В 1935 г. возник Антиимпериалистический фронт, в который входили коммунисты. Он требовал уничтожения остатков колониального режима, распределения государственных земель среди крестьян. Недовольство охватило и армию. Сложился широкий блок, в него вошли «Аль-Ахали», группа политиков во главе с Хикметом Сулейманом, настроенная оппозиционно к Англии, офицеры, руководимые генералом Бакром Сидки. 29 октября 1936 г. Бакр Сидки произвел переворот. Новое правительство возглавил Хикмет Сулейман, в него вошли представители «Аль-Ахали», в том числе Чадарчи. Бакр Сидки стал начальником генштаба. 30 октября в Багдаде состоялась 50-тысячная демонстрация в поддержку нового правительства, на которое народные массы возлагали серьезные надежды.

В декабре правительство опубликовало программу, которая содержала обещания наделить племена землей, улучшить социальное положение рабочих и т. п. Однако в правительстве не было единства. Если «Аль-Ахали» через «Общество народной реформы» (в него входили и коммунисты) выдвигало демократические требования, в частности введения трудового законодательства и 8-часового рабочего дня[1], то Бакр Сидки стремился к личной диктатуре. По его настоянию в мае 1937 г. была произведена расправа с племенами в провинции Дивания. Это привело к расколу правительства. Чадарчи и другие министры от «Аль-Ахали» ушли в отставку, а «Общество народной реформы» было обвинено в распространении коммунистической пропаганды и распущено.

Среди военных нарастало недовольство правлением генерала Сидки. 11 августа 1937 г. Сидки был убит, а затем командующий гарнизоном Мосула поднял восстание против правительства Сулеймана. Войска, стоявшие под Багдадом, отказали правительству в поддержке, и 17 августа 1937 г. Сулейман сложил полномочия.

Неудачей движения 1936—1937 гг. воспользовалась проанглийская группировка военных, чиновников и помещиков, вернувшаяся перед началом второй мировой войны к власти.

Рабочее движение в *Южной Африке* развивалось в сложных условиях. Пришедшая в 1924 г. к власти реакционная Националистическая партия стала проводить политику «цветного барьера» в

[1] См. *А. Ф. Федченко.* Указ. соч., стр. 67.

промышленности с целью обеспечить белым рабочим монополию на квалифицированный труд, заразить их расизмом и привлечь на свою сторону. Тем самым закладывались основы политики, которая через четверть века была названа политикой апартеида, исключавшей возможность расовой интеграции и закреплявшей господствующее положение белого меньшинства.

Новый курс правящих кругов оказал пагубное воздействие на белое рабочее движение. В этой связи в программе южноафриканских коммунистов «Путь к свободе Южной Африки» говорилось: «...подавляющее большинство белых рабочих, возглавляемое правыми ренегатами-социалистами, подкупленное уступками и привилегиями, полученными от монополистов, отошло от принципов социализма и единства рабочего класса... Годы, последовавшие за 1922 г.[1], были временем постоянного спада активности белых рабочих и утраты ими классового сознания»[2].

Учитывая эти новые тенденции, III съезд КПЮА (1924 г.) принял решение сосредоточить основные усилия на организации африканского пролетариата, который все активнее включался в классовую борьбу. Коммунисты участвовали в работе Союза рабочих промышленности и торговли (ИКУ) — общенациональной профсоюзной организации, объединявшей примерно четверть миллиона африканцев. После распада ИКУ в конце 20-х гг. коммунисты выступили инициаторами создания профсоюзов, стоявших на позициях классовой борьбы.

Положение в Южной Африке было предметом специального обсуждения на VI конгрессе Коминтерна. В резолюции ИККИ перед Компартией Южной Африки была поставлена задача ориентироваться главным образом на рабочих-африканцев. Там же отмечалось, что в области профсоюзной работы главная задача партии состоит в организации рабочих-африканцев в профсоюзы[3]. Эти решения помогли компартии перестроить свою работу в соответствии с новыми условиями классовой борьбы.

В 1928 г. пять профсоюзов, насчитывавших около 10 тыс. африканских рабочих, объединились в Южноафриканскую федерацию неевропейских профсоюзов, которую возглавили коммунисты М. Котане и Т. Тибеди. В 1929 г. этот профцентр присоединился к Профинтерну. В этот период в коммунистическую партию вступило значительное число африканских рабочих и революционных интеллигентов. Многие из них сыграли выдающуюся роль в истории освободительного, профсоюзного и коммунистического движения. В их числе

[1] В 1922 г. произошло вооруженное восстание шахтеров (см. «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», т. 4. М., 1980, стр. 452—453).

[2] «Говорят коммунисты Африки». М., 1971, стр. 154.

[3] См. *А. Лерумо*. 50 лет борьбы. История Южно-Африканской коммунистической партии. 1921—1971. М., 1973, стр. 198, 203.

были Альберт Нзула — первый африканец Генеральный секретарь компартии, Мозес Котане, Дж. Б. Маркс. В 1929 г. компартия насчитывала в своих рядах 3 тыс. членов.

В 1933—1939 гг. численность африканских рабочих удвоилась и достигла 800 тыс. человек. Африканский пролетариат прочно занял главное место в классовой борьбе. 1 Мая 1931 г. компартия организовала совместную демонстрацию черных и белых рабочих, прошедшую по улицам Йоханнесбурга с требованием работы и хлеба.

Несмотря на многочисленные препятствия, вызванные репрессиями властей, продолжалась работа по организации рабочих в профсоюзы. В промышленных районах Кейптауна и Дурбана были созданы крупные профсоюзы, в частности союзы швейников и транспортников, в которых заметную роль играли коммунисты. Они создавались на нерасовой основе и объединяли всех рабочих, как черных, так и белых.

В рабочем классе Южной Африки крепло стремление к единству и совместным действиям в политической борьбе. Организованное рабочее движение давало отпор попыткам местных фашистов проникнуть в профсоюзы и подчинить их своему влиянию. В 1935 г., когда фашистская Италия напала на Эфиопию, докеры Кейптауна, Дурбана и Порт-Элизабета отказались грузить оружие и военные материалы на итальянские суда.

В 1937 г. в Кейптауне коммунисты вместе с другими антифашистами начали издавать еженедельную газету «Гардиан», которая сыграла важную роль в рабочем и демократическом движении Южной Африки. КПЮА призывала рабочий класс и демократическую общественность к бдительности и сплочению перед угрозой растущей фашистской опасности.

КПЮА действовала легально, но мало кому из ее руководителей и активистов удавалось избежать тюремного заключения; митинги, проводимые партией, подвергались нападениям вооруженной полиции и белых хулиганов-расистов.

Трудности коммунистического и рабочего движения в Южной Африке усугублялись тем, что в 30-х гг. в партии взяли верх ультралевые сектантские элементы. После избрания в 1939 г. нового Политбюро во главе с Генеральным секретарем Мозесом Котане КПЮА начала восстанавливать свои силы, укреплять связи с массами. Новое руководство, опираясь на решения VII конгресса Коминтерна, повело решительную борьбу против сектантства в партии и проводило политику единого фронта.

* * *

Развитие капитализма в странах Азии и Африки в межвоенный период привело к заметному росту численности наемных рабочих. Однако в отличие от периода, предшествовавшего общему кризису капитализма, рост численности пролетариата был связан не столько с

сельским хозяйством, плантациями или транспортом, сколько с добывающей и обрабатывающей промышленностью. Увеличение доли занятости в промышленности сопровождалось усилением концентрации пролетариата на сравнительно крупных предприятиях и некоторым повышением уровня его квалификации.

Изменение структуры рабочего класса, с одной стороны, воздействие подъема национально-освободительной борьбы и международного рабочего движения — с другой, способствовали росту организованности пролетариата колониальных и зависимых стран. Подлинно массовый характер приобретает в этот период профсоюзное движение. Профсоюзы создаются практически во всех капиталистически организованных отраслях народного хозяйства. Несмотря на сопротивление предпринимателей и репрессии колониальных властей, в ряде стран возникают общенациональные профсоюзные центры. Развиваются международные связи пролетариата. Профсоюзные центры ряда стран Азии и Африки входят в Профинтерн. Высокая степень организованности профсоюзного движения создавала реальные возможности для проведения общенациональных кампаний с едиными требованиями экономического и политического характера.

Сама логика борьбы против империализма и местных эксплуататорских классов, с одной стороны, настойчивая и целеустремленная деятельность Коминтерна по распространению идей марксизма-ленинизма — с другой, подводили рабочий класс афро-азиатских стран к осознанию необходимости политической организации. Появление коммунистических и рабочих партий в колониальных и зависимых странах ознаменовало наступление нового этапа в национально-освободительном движении. Распространение идей социализма в рабочих массах создавало возможности для соединения борьбы за национальное и социальное освобождение. Под влиянием компартий происходило усиление взаимодействия и взаимосвязей между различными потоками мирового революционного движения.

Хотя численность рабочего класса в странах Азии и Африки была невелика, высокий уровень профессиональной и политической организации придавал рабочему движению необычайно большое значение в национально-освободительной борьбе.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В 20—30-х гг. в Латинской Америке заметно ускорилось промышленное развитие, способствовавшее укреплению капиталистических отношений. К 1938 г. доля стран Латинской Америки в промышленном производстве капиталистического мира достигла 3,9%, что приблизительно равнялось доле Японии или Италии[1].

По уровню социально-экономического развития страны региона сильно отличались друг от друга. Если Аргентина далеко вырвалась вперед (ее доля в обрабатывающей промышленности в масштабах континента в 1938 г. составляла 31% [2]), то в таких государствах, как Боливия, Парагвай, Эквадор, большинство стран Центральной Америки и бассейна Карибского моря, промышленность еще только делала первые шаги. Между этими двумя полюсами находились Чили и Мексика, а также Уругвай, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Перу и Куба, где капиталистическая индустрия все увереннее набирала темпы. Разрыв в уровнях развития был весьма значительным и в отдельных районах внутри этих стран. Например, в Бразилии, в штате Пиауи, насчитывалось почти в 200, а в штате Амазонас — в 800 раз меньше занятых в промышленности, чем в штате Сан-Паулу. Сосуществование крупных индустриальных центров с обширными сельскохозяйственными зонами, где сохранились докапиталистические отношения, свидетельствовало об уродливом развитии капитализма в Латинской Америке.

Одна из главных причин возникновения такой деформации коренилась во всевозраставшей зависимости экономики стран Латинской Америки от мирового империализма. Латиноамериканский континент стал ареной ожесточенного соперничества ведущих империалистических государств. В этой схватке все более определенно брал верх американский империализм. Вытесняя своих конкурентов с латиноамериканского рынка, империалисты США подчиняли своим интересам внешнюю торговлю латиноамериканских стран, опутывали их тенетами кабальных займов. Экономическую экспансию США сочетали с агрессивной внешней политикой: они неоднократно прибегали к оккупации Гаити, Доминиканской Республики, Кубы, Никарагуа, устраивали провокации против Мексики. Нещадно эксплуатируя природные богатства и трудящиеся массы

[1] См. «Экономика Латинской Америки в цифрах». Статистический справочник. М., 1965, стр. 38; *Ю. Кучинский.* История положения рабочего класса при капитализме. М., 1970, стр. 34.
[2] См. «Экономика Латинской Америки в цифрах», стр. 40.

латиноамериканских стран, иностранные монополии получали огромные прибыли.

Двойной гнет иностранного и местного капитала ухудшал и без того бедственное положение трудящихся Латинской Америки. Быстро росла стоимость жизни. По официальным данным, в 1929—1939 гг. она выросла в Бразилии на 31%, в Чили — на 71%, в 1931—1939 гг. в Боливии — в 7,3 раза[1]. В конце 30-х гг. мексиканский рабочий мог купить на свою зарплату хлеба в 7 раз, мяса — в 3,4, молока — в 4,2, масла — в 9 и сахара — в 4,7 раза, а рабочий-доминиканец — соответственно в 4, 12, 9, 30 и 27 раз меньше, чем рабочий США[2].

Символом крайней нищеты стали бразильские фавелы — фанерные кварталы, где ютились сотни тысяч рабочих семей. В большинстве стран Латинской Америки трудовое законодательство находилось в зачаточном состоянии. До 30-х гг. только в Мексике, Чили и Аргентине функционировала сравнительно развитая система социального обеспечения[3]. В ряде стран (Чили, Аргентина, Коста-Рика, Куба и др.) существовал закон о 8-часовом рабочем дне, однако его положения нарушались предпринимателями. Современные методы капиталистической эксплуатации дополнялись приемами, унаследованными от порядков, характерных для XIX в.,— устным договором, выплатой зарплаты готовой продукцией или предметами труда[4]. В наиболее бесправном положении находились сельскохозяйственные рабочие.

Однако с каждым годом наступление господствующих классов на позиции трудящихся встречало все более упорное сопротивление. Подъем рабочего движения в Латинской Америке в 1918—1923 гг. убедительно показал, что пролетариат превратился здесь в значительную социальную силу.

С 1917 по 1940 г. число рабочих на континенте удвоилось и приблизилось к 10 млн. человек. В наиболее развитых в экономическом отношении странах, например в Чили, численность фабрично-заводского пролетариата возрастала ежегодно примерно на 4%[5]. В Аргентине число промышленных рабочих выросло с 383,5 тыс. в 1914 г. до 544 тыс. в 1935 г.[6] Быстрый рост пролетариата был характерен и для стран, экономика которых развивалась в первую очередь за счет добывающих отраслей. Так, в Венесуэле число рабо-

[1] *G. Soule, D. Efron* and *N. T. Ness*. Latin America in the Future World. New York — Toronto, 1945, p. 338.
[2] Ibid., p. 336—337.
[3] См. *Э. Е. Кузнецова*. Латинская Америка: проблемы социального обеспечения. М., 1973.
[4] *Brandão Lopes, Juares Rubens*. Crise do Brasil Arcáico. São Paulo, 1967, p. 67—70.
[5] См. *А. Бальтра Кортес*. Экономическое развитие Латинской Америки. М., 1963, стр. 141.
[6] См. «Очерки истории Аргентины». М., 1961, стр. 278.

чих-нефтяников с 1925 по 1931 г. удвоилось и достигло 20 тыс. человек [1].

В крупных экономических центрах концентрировались значительные массы пролетариата. Так, в Сан-Паулу (Бразилия) в 1940 г. было сосредоточено 34,9% промышленных рабочих страны [2]. На Федеральный округ Мексики приходилось в 1930 г. около 25% рабочих [3]. Увеличилась доля фабрично-заводского пролетариата в общей массе наемных рабочих: на предприятиях фабричного типа с числом работающих по найму более 50 человек в Мексике было сосредоточено 50,4% (1930 г.), в Аргентине — 65,2% (1935 г.) рабочих [4].

В связи с ослаблением иммиграционного потока резко возросла роль внутренних источников пополнения рабочего класса. Большое влияние на формирование социального облика и идеологии латиноамериканского пролетариата оказывал приток в его ряды значительных масс сельских жителей. Этот растущий поток нес с собой жизненный уклад и взгляды, сформировавшиеся под влиянием пережитков феодальных отношений или плантационного рабства, что усложняло процесс становления пролетариата как революционного класса капиталистического общества.

Различные идейно-политические течения вели ожесточенную борьбу за влияние на рабочий класс. Анархо-синдикализм и социал-реформизм вышли ослабленными из перипетий революционной борьбы 1918—1923 гг. и постепенно теряли свои позиции в рабочем движении. В то же время буржуазия активизировала усилия, направленные на подчинение рабочего класса. В Латинской Америке стали возникать партии национал-реформистского толка, ставившие целью привлечь на свою сторону широкие слои трудящихся. Учитывая растущую силу пролетариата, правительства латиноамериканских стран были вынуждены проводить политику социального маневрирования, сочетая репрессии с уступками требованиям трудящихся. Так, в Чили в середине 20-х гг. были проведены социальные реформы, призванные смягчить классовые противоречия. Были приняты, в частности, законы об обязательном социальном страховании и о 8-часовом рабочем дне. Президент Чили А. Алессандри, объясняя причины, побудившие его избрать реформистский курс, признавал: «Утверждение большевизма в России после мировой войны привело к тому, что в нашу страну проник небывалый поток пропаганды, дававшей понять нашему пролетариату и средним слоям,

[1] См. *Э. Кровс.* Рабочее движение Венесуэлы. Очерки истории. М., 1977, стр. 27, 34.
[2] «Brazil. 1943/1944. An Economic, Social and Geographic Survey». Rio de Janeiro, 1944, p. 238—240.
[3] См. *А. А. Соколов.* Рабочее движение Мексики (1917—1929). М., 1970, стр. 14.
[4] См. «Пролетариат Латинской Америки». М., 1968, стр. 17.

что они бесправные рабы в своей собственной стране. Пробуждение трудящихся и средних классов было столь могучим, что создавалась опасность взрыва пагубной социальной революции с ее ужасными последствиями. Я стремился избежать этой катастрофы, осуществляя своевременно постепенные реформы»[1]. Черты буржуазного реформизма были присущи деятельности аргентинского президента И. Иригойена и некоторых других политических деятелей Латинской Америки.

Большое внимание рабочим организациям стала уделять и церковь, особенно в Чили, где действовали католические профсоюзы[2]. Усиливали свое проникновение в латиноамериканское рабочее движение силы, связанные с американской реформистской профорганизацией АФТ, лидер которой Гомперс стремился привязать профсоюзы стран Латинской Америки к своему объединению.

Всем этим силам, боровшимся за влияние на рабочий класс, противостояли крепнувшие год от года коммунистические партии. В конце 30-х гг. они действовали почти во всех странах континента. В значительной степени благодаря усилиям коммунистов окрепло профсоюзное движение. Повсюду на континенте шел процесс превращения многочисленных мелких профсоюзов, несших на себе печать цеховой разобщенности, в крупные объединения, охватывающие рабочих целых отраслей. В Аргентине, Бразилии, Колумбии, Мексике, Чили, на Кубе были созданы профобъединения национального масштаба. В 1929—1936 гг. действовало объединение левых профсоюзов ряда стран континента Латиноамериканская конфедерация профсоюзов, а в 1938 г. был основан прогрессивный профсоюзный центр Конфедерация трудящихся Латинской Америки, включавшая национальные профобъединения общей численностью 4 млн. человек.

Развитие рабочего движения на континенте шло сложными, нелегкими путями. Восстановив свои силы после классовых битв 1918—1923 гг., пролетариат повел упорную борьбу за свои насущные интересы в неблагоприятных условиях мирового экономического кризиса и во второй половине 30-х гг. стал главной ведущей силой широкого демократического движения — Народного фронта борьбы против угрозы войны и фашизма.

[1] См. *В. И. Ермолаев, А. Ф. Шульговский.* Рабочее и коммунистическое движение в Латинской Америке с Октября до наших дней. М., 1970, стр. 12.

[2] См. *С. И. Семенов.* Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1971, стр. 39.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В 20-х гг.

Ослабление накала классовой борьбы после бурных событий 1918—1923 гг. не означало пассивности рабочего класса. Напротив, вторая половина 20-х гг. была отмечена рядом значительных выступлений пролетариата. В Колумбии в 1928 г. только жестокими репрессиями против забастовщиков властям удалось временно сдержать стачечную волну[1]. Еще не стерлись в памяти события 1921 г. в Сан-Грегорио (Чили), как полиция и карабинеры учинили в апреле 1925 г. новую расправу над рабочими рудника «Ла Корунья». Волна забастовок прокатилась в Венесуэле. В 1925 г. в Эквадоре стачечное движение, вылившееся в открытое выступление против властей, способствовало свержению консервативного правительства Гонсало Кордовы. В Аргентине рабочему классу удалось сорвать планы властей, намеревавшихся отменить закон о пенсиях 1922 г.[2] Ряд крупных забастовок, среди которых выделялась 21-дневная стачка 1924 г., организованная профсоюзом железнодорожников, провел рабочий класс Кубы. Продолжалась забастовочная борьба в Уругвае, где рабочие требовали повышения заработной платы, соблюдения закона о 8-часовом рабочем дне и других законодательных актов, ограничивавших произвол капиталистов. В ряде случаев рабочим удалось добиться выполнения своих требований, хотя низкий уровень организации большинства выступлений и отсутствие сплоченного профсоюзного руководства не позволили уругвайскому пролетариату развить частичные успехи. Упорную борьбу за свои права вели рабочие Мексики. После поражения стачки железнодорожников (осень 1926 — зима 1927 г.) рабочее движение Мексики перешло к оборонительным боям[3]. Власти не останавливались перед физической расправой над рабочими-активистами. В 1929 г. была запрещена компартия.

Заметно возросла активность сельскохозяйственного пролетариата. В 1924 г. вспыхнула забастовка рабочих на плантациях, принадлежавших американской компании «Юнайтед фрут компани», в Гватемале, в 1928 г.— в Колумбии.

Внимание народов Латинской Америки, прогрессивной общественности всего мира было приковано в те годы к Республике Никарагуа. Острая политическая борьба в этой стране вылилась в гражданскую войну. Дабы сохранить власть своих ставленников, США начали в декабре 1926 г. новую вооруженную интервенцию. В ответ на это никарагуанские патриоты развернули вооруженную борьбу против интервентов и их пособников, которая приняла всенародный ха-

[1] *M. Urrutia.* The Development of the Colombian Labour Movement. New Haven — London, 1969, p. 106.
[2] См. «Очерки истории Аргентины», стр. 328.
[3] См. *А. А. Соколов.* Указ. соч., стр. 145.

рактер. Повстанческую армию возглавил талантливый военачальник, мужественный борец за свободу Аугусто Сесар Сандино. В армию Сандино, состоявшую главным образом из крестьян, вступали рабочие, студенты, прогрессивно настроенные военные. Одним из главных требований повстанцев были эвакуация американских интервентов и отказ США от доктрины Монро. Никарагуанских патриотов поддерживали прогрессивные силы всей Латинской Америки. Сотни латиноамериканцев из других стран, в их числе сальвадорец Агустин Фарабундо Марти, мексиканец Хосе де Паредес, колумбиец Рубен Ардила Гомес, сражались в рядах никарагуанских партизан[1].

Несмотря на неравенство сил и предательство либеральной буржуазии, героическая борьба никарагуанцев вынудила американские войска в январе 1933 г. уйти из Никарагуа. Оказавшись не в силах справиться с Сандино в открытом бою, реакция пошла на подлое убийство вождя никарагуанских повстанцев и его соратников, приехавших в феврале 1934 г. в Манагуа на переговоры с правительством. Обезглавив движение, реакция обрушилась на его участников.

Опыт национально-освободительного движения никарагуанского народа показал, что революционные массы даже в небольшой стране в состоянии вести успешную борьбу с империалистами, вынуждая их к отступлению. Он подчеркнул важность объединения в единый фронт антиимпериалистической борьбы различных слоев трудящихся. Никарагуанские события выявили также прочную силу интернациональной солидарности латиноамериканских борцов против империализма.

Важным событием явилось выступление прогрессивных элементов армии в Бразилии — тенентистов (от португальского «тененте» — лейтенант). С октября 1924 по февраль 1927 г. полуторатысячная колонна во главе с офицером-демократом (впоследствии видным руководителем Бразильской компартии) Луисом Карлосом Престесом вела почти непрерывные бои с регулярными войсками и полицейскими силами. Главную задачу руководители восстания видели в том, чтобы своим примером поднять армию против коррумпированного правительства. Но четкой программы социальных преобразований они не имели и не стремились привлечь к борьбе широкие массы. Большинство руководителей тенентистов оставалось в плену антикоммунистических предрассудков. Либеральная буржуазия лишь на словах поддерживала революционеров, рассчитывая использовать их силу и авторитет в собственных политических целях. Коммунисты же не сразу оценили революционную направленность тенентистского движения и пошли на контакты с его лидерами, когда вооруженная борьба была уже по существу закончена. Тенентистское движение свидетельствовало о глубоком кризисе олигархического режима, который

[1] См. *Х. Кампос Понсе.* Янки и Сандино. М., 1965, стр. 129.

вскоре пал под натиском различных социальных и политических сил, требовавших изменения порядков в Бразилии.

Мелкобуржуазная революционная демократия активизировалась и в других странах Латинской Америки. Вооруженную борьбу против диктатора Х. Гомеса начала федерация венесуэльских студентов. На Антильских островах формировалось течение так называемого антильского негритюда, антиимпериалистические, антиколониальные лозунги которого были окрашены, однако, в расово-националистические тона. В Аргентине, Перу и других странах продолжалось движение за университетскую реформу.

Отдельные мелкобуржуазные течения выступали с претензиями на руководство всеми антиолигархическими силами, в том числе и пролетариатом. Наиболее значительным из них стал апризм (от аббревиатуры испанского названия Американского народно-революционного альянса — АПРА). АПРА был создан в Мексике в 1924 г. группой мелкобуржуазных радикалов из разных стран Латинской Америки во главе с Айя де ла Торре[1]. Апристы признавали, что социально-экономическая отсталость Латинской Америки вызвана засильем феодальных пережитков и иностранного империализма, и на первых порах выступали под антиимпериалистическими лозунгами. Однако они считали, что пролетариат Латинской Америки не созрел для самостоятельных действий и должен следовать за средними слоями.

С конца 20-х гг. в революционное движение Латинской Америки стал проникать троцкизм, который находил питательную почву в политически незрелой, склонной к мелкобуржуазному революционаризму части молодежи.

Появление этих новых разновидностей оппортунизма в рабочем и национально-освободительном движении, пытавшихся повести за собой рабочее движение, ставило сложные задачи перед молодыми коммунистическими партиями в их борьбе за влияние на массы.

Во второй половине 20-х гг. *коммунистическое движение* в Латинской Америке значительно выросло и окрепло. Компартии действовали в Аргентине (1918 г.), Мексике (1919 г.), Уругвае (1920 г.), Чили (1922 г.), Бразилии (1922 г.), Гватемале (1922 г.), Гондурасе (1924 г.), на Кубе (1925 г.), в Эквадоре (1926 г.), Парагвае (1928 г.), Перу (1928 г.). Они прочно соединились с рабочим движением, отдавали много сил организации выступлений трудящихся, созданию боевых, революционных профсоюзов, укрепляли связи между собой и с Коминтерном.

Одним из ведущих отрядов коммунистического движения в Латинской Америке были аргентинские коммунисты, деятельность которых во многом служила ориентиром для других коммунистических

[1] *C. M. Rama.* Historia del movimiento obrero e social latinoamericano. Buenos Aires — Montevideo, 1967, p. 82.

партий. Большую роль в развитии коммунистического движения на континенте сыграл VIII съезд Коммунистической партии Аргентины (1928 г.), обсуждавший вопрос о характере будущей революции в Латинской Америке. В 20-х гг. в рабочем и национально-освободительном движении Латинской Америки наблюдалась известная недооценка задач антиимпериалистической борьбы. Анархисты, верные своей доктрине спонтанной «всеосвобождающей» революции, пренебрегали анализом конкретных проблем борьбы с империализмом. Социалисты не усматривали в экспансии иностранного монополистического капитала опасность подчинения стран Латинской Америки мировому империализму.

В полемике с мелкобуржуазными и реформистскими концепциями аргентинские коммунисты подчеркивали, что Аргентина относится к числу государств, формально независимых, но фактически подчиненных английскому и американскому империализму. Усиление этой зависимости могло привести к полной потере национального суверенитета. Поэтому проблема антиимпериалистической борьбы приобретала для латиноамериканских коммунистов важнейшее значение.

Вместе с тем аргентинские коммунисты отмечали недостатки распространенной в ту пору в коммунистическом движении формулы, определявшей страны Латинской Америки как полуколонии. Такая оценка могла привести к умалению социалистической перспективы освободительной борьбы и роли рабочего класса в этой борьбе. Аргентинские коммунисты справедливо указывали на близость Аргентины, Чили и в известной степени Бразилии по уровню социально-экономического развития, размаху и формам классовой борьбы к ряду европейских государств[1].

В решениях VIII съезда КПА предстоящая революция определялась как буржуазно-демократическая, антиимпериалистическая, аграрная революция, которая должна была открыть путь к социалистическому этапу революции[2]. Аргентинские коммунисты связывали борьбу за освобождение от пут иностранного империализма, за независимое развитие экономики с радикальной аграрной реформой, решительной борьбой против земельной олигархии и крупной посреднической буржуазии, которые являлись главной внутренней опорой империалистической политики закабаления страны. Исходя из характера и целей революции, VIII съезд КПА указал на ее движущие силы: антиимпериалистическое содержание революции предполагало союз рабочего класса и крестьянства при возможном участии в нем мелкобуржуазных революционных элементов.

Определенных успехов в завоевании масс, и прежде всего рабо-

[1] См. *В. Кодовилья*. Избранные статьи и речи. М., 1970, стр. 27.
[2] «Esbozo de Historia del Partido Comunista de la Argentina». Buenos Aires, 1948, p. 64—65.

чего класса, добилась в 20-х гг. Бразильская коммунистическая партия (БКП). Несмотря на малочисленность (число ее членов в те годы не превышало тысячу человек), партия пользовалась значительным влиянием среди рабочих Федерального округа, Сан-Паулу и Ресифи. 1 мая 1925 г. вышел первый номер газеты БКП «А классе операриа» («Рабочий класс»)[1]. Партия развернула работу в профсоюзах, направленную на достижение единства пролетариата как условия создания рабоче-крестьянского блока — организации «единого фронта трудящихся масс под руководством сознательного авангарда промышленного пролетариата», как говорилось в резолюции 1-го конгресса блока[2].

Борьба бразильских коммунистов за создание фронта антиимпериалистических сил была очень нелегкой: партия только короткий период — с января по август 1927 г.— действовала легально. И все же Бразильская коммунистическая партия сумела добиться расширения связей с массами и укрепления своего авторитета в стране. Участие рабоче-крестьянского блока в муниципальных и парламентских выборах 1928 г. принесло успех — коммунисты Отавио Брандао и Минервино де Оливейра были избраны муниципальными советниками Рио-де-Жанейро. Упорная борьба коммунистов за единство рабочего движения привела к образованию в 1928 г. Всеобщей конфедерации труда Бразилии, объединявшей более 80 тыс. человек.

Большим авторитетом среди масс пользовалась Коммунистическая партия Чили (КПЧ). Все свои силы отдавал служению делу пролетариата руководитель чилийских коммунистов Луис Эмилио Рекабаррен, являя собой пример подлинного рабочего вожака, народного трибуна[3]. После установления в 1927 г. диктатуры Ибаньеса партия чилийских коммунистов, ушедшая в подполье, была по существу единственной организованной силой, боровшейся за восстановление в стране буржуазно-демократических свобод. Несмотря на тяжелейшие условия работы, преследования, полицейские провокации, выступления право- и левооппортунистических элементов, КПЧ не только выстояла, но и сумела сохранить свои позиции в профсоюзном движении, развернуть работу среди молодежи и крестьянства.

Накапливало силы коммунистическое движение в Мексике. Мексиканские коммунисты выступили с инициативой создания Антиимпериалистической лиги Америки, сыгравшей большую роль в национально-освободительной борьбе латиноамериканских народов. К ней примкнула Национальная крестьянская лига, созданная также

[1] *А. Pereira.* Formação do PCB. 1922/1928. Notas e documentos. Rio de Janeiro, 1962, p. 72.
[2] См. *Б. И. Коваль.* Бразилия вчера и сегодня. М., 1975, стр. 62.
[3] См. *В. И. Ермолаев, Ю. Н. Королев.* Рекабаррен — великий гражданин Чили. М., 1970.

при активном участии Мексиканской коммунистической партии (МКП). Итогом работы коммунистов в профсоюзном движении стала организация в 1929 г. нового профсоюзного центра, стоявшего на классовых позициях,— Мексиканской унитарной конфедерации профсоюзов. Деятельность по сплочению прогрессивных сил подняла авторитет МКП в массах: с 1927 по 1929 г. она выросла с 600 до 2,5 тыс. членов. Дальнейшему укреплению партии помешало наступление реакции. В июне 1929 г. власти запретили деятельность компартии и закрыли ее центральный орган — газету «Эль мачете», а в декабре произвели массовые аресты коммунистов. МКП перешла на нелегальное положение.

В 1925 г. была создана Коммунистическая партия Кубы (КПК), в которую вошли передовые элементы рабочего и студенческого движения. Во главе партии встали истинные патриоты и убежденные марксисты Карлос Балиньо и Хулио Антонио Мелья. Подчеркивая заслуги основателей партии, Фидель Кастро отмечал на I съезде КПК: «Терпеливая разъяснительная работа, опыт и пример коммунистов, начавших свою деятельность еще в славные дни Балиньо и Мельи под воздействием победоносной Октябрьской революции, способствовали распространению марксистско-ленинской мысли таким образом, что она превратилась в притягательное и бесспорное учение для многих молодых людей, у которых пробуждалось политическое сознание»[1]. С самого начала Коммунистическая партия Кубы повела решительную борьбу с диктатурой Мачадо.

Усилиями выдающегося мыслителя-марксиста Хосе Карлоса Мариатеги и его товарищей в 1928 г. была создана Перуанская коммунистическая партия (до 1930 г. называлась социалистической партией). Х. К. Мариатеги внес большой вклад в разработку проблем коммунистического движения в Латинской Америке. В борьбе с мелкобуржуазной доктриной апризма он подчеркивал необходимость доведения революции до осуществления ее социалистических целей. Х. К. Мариатеги дал глубокий анализ роли различных классов латиноамериканского общества в революционном процессе. Указывая на ограниченность революционных потенций латиноамериканской буржуазии, Х. К. Мариатеги писал: «Было бы серьезной ошибкой думать, что этот социальный класс будет охвачен настроениями революционного национализма, подобными тем настроениям, которые в других условиях в полуколониальных странах Азии, порабощенных империализмом в последние десятилетия, являются важным фактором антиимпериалистической борьбы»[2]. Преждевременная смерть в 1930 г. в возрасте 35 лет оборвала кипучую деятельность этого выдающегося революционера-мыслителя.

[1] «I съезд Коммунистической партии Кубы. Гавана, 17—22 декабря 1975 г.». М., 1976, стр. 31.

[2] *Х. К. Мариатеги.* Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1962, стр. 392—393.

23 мая 1926 г. Учредительный съезд Социалистической партии Эквадора «под влиянием коммунистов, имевших большинство в руководящих органах, принял решение обратиться с просьбой о приеме партии в Коминтерн»[1]. Эта дата считается днем основания Коммунистической партии Эквадора (КПЭ) (нынешнее название принято в 1931 г.). Заслугой КПЭ явилось то, что она с самого начала вела работу не только среди городских рабочих, но и среди наиболее многочисленной и угнетаемой части эквадорского народа — индейцев. Один из ее руководителей, Х. Гуалависи, возглавлявший первую среди эквадорских индейцев ячейку компартии, был и основателем первого профсоюза индейцев Эквадора (1926 г.). Огромным авторитетом у индейцев пользовался и Рикардо Паредес, представлявший Компартию Эквадора на VI конгрессе Коминтерна.

В феврале 1928 г. была основана Коммунистическая партия Парагвая, которая в сентябре того же года была принята в Коминтерн. Немалое значение для идейного воспитания членов молодой коммунистической партии, сразу же вынужденной действовать в подполье, имела газета «Лос комунерос».

Еще в начале 20-х гг. предпринимались попытки создать марксистские организации в центральноамериканских странах как секции Коммунистической партии Центральной Америки (основана в 1922 г.), на базе которых сложились затем компартии Гватемалы (1922 г.), Гондураса (1924 г.) и Сальвадора (1930 г.). В те годы это были еще слабые организации, даже Компартия Гватемалы, будучи основой Компартии Центральной Америки, «представляла собой группу пропагандистов социалистических идей, работавших в организациях, насчитывающих около 100 человек»[2]. Тем не менее партии сумели установить связи с массами: они возглавляли борьбу за создание профсоюзов на классовой основе, организовывали митинги и демонстрации трудящихся.

Распространение коммунистического движения на континенте позволило латиноамериканским коммунистам провести в июне 1929 г. в Буэнос-Айресе *первую Конференцию коммунистических партий стран Латинской Америки*. Конференция обсудила важные вопросы стратегии и тактики коммунистического движения, единства рабочего и антиимпериалистического движения, создания союза рабочего класса и крестьянства. «Латиноамериканская коммунистическая конференция 1929 г.,— отмечает руководитель уругвайских коммунистов Родней Арисменди,— дала большой теоретический и политический стимул в постановке коренных вопросов революции: антиимпериалистическое и аграрное содержание революционного процесса на континенте, подъем профсоюзного движения и повышение

[1] *В. М. Гончаров.* Продолжатели традиций освободительной борьбы. К 50-летию Компартии Эквадора.— «Латинская Америка», 1976, № 3, стр. 103.

[2] См. *Уберто Альварадо.* Раздумья. М., 1979, стр. 22.

политической роли партии»[1]. Первая конференция коммунистических партий стран Латинской Америки, в работе которой участвовала делегация Коминтерна, показала, что коммунистическое движение в Латинской Америке поднялось на новую ступень развития, когда вопрос о единстве действий прогрессивных сил стал практической задачей революционеров-марксистов[2].

Основой консолидации рабочего и коммунистического движения стал пролетарский интернационализм. Идеи пролетарского интернационализма побудили чилийца Л. Э. Рекабаррена принять участие в создании компартий Аргентины и Уругвая, кубинца Х. А. Мелью стать деятелем коммунистического движения Мексики, а мексиканца Энрике Флореса Магона оказаться среди создателей Компартии Кубы, привели молодого венесуэльского марксиста Густава Мачадо в освободительную армию Сандино в Никарагуа.

Ширилось движение солидарности трудящихся Латинской Америки с СССР. В Аргентине в мае — июле 1924 г. коммунисты выступили организаторами кампании за установление дипломатических отношений с СССР, которую энергично поддерживали профсоюзы[3]. На Кубе в дни похорон В. И. Ленина в пригороде Гаваны — поселке Регла состоялась торжественная посадка дерева в память о вожде мирового пролетариата. Демократическая и пролетарская печать Кубы публиковала многочисленные статьи, письма и телеграммы, полные глубокой скорби простых кубинцев[4]. Ряд публичных акций, посвященных памяти Ленина, провела Коммунистическая партия Уругвая, рассказавшая «широким народным массам о том деле, которому великий вождь пролетариата отдал всю свою жизнь»[5].

Крепли связи между советскими профсоюзами и профсоюзами латиноамериканских стран. Характерен такой эпизод: в марте 1927 г. ЦК профсоюза железнодорожников СССР в ответ на просьбу Конфедерации транспортников Мексики о поддержке бастовавших железнодорожников направил в кассу профсоюза 50 тыс. руб. Эта помощь была справедливо оценена Конфедерацией транспортников Мексики как акт международной пролетарской солидарности[6].

Осознавая свои интернациональные задачи, коммунисты начали борьбу за создание континентального профсоюзного центра, стояв-

[1] *Р. Арисменди.* Ленинизм — знамя революционного преобразования мира. М., 1979, стр. 278—279.

[2] «El Movimiento Revolucionario Latinoamericano. Versiones de la Primera Conferencia Comunista Latinoamericana. Junio de 1929». Buenos Aires, 1929.

[3] См. «Очерки истории Аргентины», стр. 332.

[4] См. *А. М. Зорина.* Революционное движение на Кубе (1917—1925 гг.). М., 1971, стр. 87—92.

[5] *Франсиско Р. Пинтос.* Профсоюзное движение в Уругвае. М., 1964, стр. 173.

[6] См. *А. И. Сизоненко.* Советский Союз и Мексика — 50 лет. М., 1974, стр. 29—30. Об этом эпизоде говорил на XXVI съезде КПСС представитель мексиканских коммунистов В. Кампа.

шего на классовых, революционных позициях. Таким центром стала Латиноамериканская конфедерация профсоюзов, основанная в мае 1929 г. на конгрессе в Монтевидео. Участники конгресса обсудили проблемы профсоюзного движения в Латинской Америке и наметили пути его развития. Большое внимание было уделено вопросам организации сельскохозяйственного пролетариата, положения женщин, индейцев, негров, иммигрантов, привлечения в профсоюзы рабочей молодежи[1]. Конфедерация, насчитывавшая в первые годы до 100 тыс. членов, сразу же примкнула к Красному Интернационалу профсоюзов.

С позиций пролетарского интернационализма подходили коммунисты и к проблеме создания широкой организации борцов против империализма. В 1925 г. возникла Всеамериканская антиимпериалистическая лига. Особой популярностью деятельность Лиги пользовалась в прогрессивных профсоюзах, в кругах демократической интеллигенции, студенчества, деятелей литературы и искусства. Организации Антиимпериалистической лиги в странах Латинской Америки координировали свою деятельность, устанавливали связи с прогрессивными организациями в европейских странах. В 1927 г. представители организаций Антиимпериалистической лиги из Латинской Америки приняли участие в работе Международного антиимпериалистического конгресса в Брюсселе. Генеральным секретарем американского отделения Антиимпериалистической лиги был избран революционер-коммунист Хулио Антонио Мелья.

Создание отделения Лиги явилось важной предпосылкой для перехода в будущем к формированию движения Народного фронта в странах Латинской Америки. Конкретные действия в поддержку патриотов Никарагуа, в защиту Сакко и Ванцетти, других жертв капитализма, помощь демократам-эмигрантам, изгнанным из своих стран диктаторскими режимами, воспитывали тысячи латиноамериканцев, готовили их к революционной борьбе.

Пролетарский интернационализм, ставший краеугольным камнем коммунистического движения в Латинской Америке, в огромной степени способствовал превращению молодых латиноамериканских компартий в ключевой фактор борьбы за единство рабочего класса, за сплочение антиимпериалистических сил на революционной основе.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. жестоко обрушился на страны Латинской Америки. Резкое сокращение производства, миллионы безработных, разорение мелких и средних предпринима-

[1] «Bajo la Bandera de CSLA. Resoluciones y documentos varios del Congreso Constituente de la Confederacion Sindical Latinoamericana efectuado en Montevideo en May de 1929». Montevideo, 1929.

телей, толпы голодных людей на дорогах — такова была повсеместная картина от Мексиканских нагорий до Патагонии.

В Мексике в годы кризиса добыча серебра сократилась в 1,6, меди — в 2, свинца — в 2,1, цинка — почти в 2 раза, а нефтедобыча упала с 7,1 млн. до 5,4 млн. куб. м. В Бразилии в 1930 г. объем промышленного производства сократился на 28%[1]. Число банкротств, зарегистрированных на двух главных биржах страны — в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу — в 1929—1930 гг., в 3 раза превысило уровень докризисных лет[2], резко упали мировые цены на главный экспортный продукт страны — кофе. По официальным, очень заниженным данным, число безработных в Аргентине и Мексике значительно превышало 300 тыс. человек. В Бразилии безработица охватила огромные массы городского и сельского трудящегося населения — в 1930 г. число потерявших работу достигло 2 млн. человек, что превосходило количество безработных в Аргентине, Мексике, Чили, Кубе и Уругвае, вместе взятых[3].

Кризис с еще большей силой обнажил остроту социальных и экономических проблем в Латинской Америке. Политическая нестабильность, частые смены правительств, как правило насильственным путем, были характерны для большинства латиноамериканских стран. В одних странах буржуазные реформисты отстранялись от власти реакционными союзами земельной олигархии и военщины (Аргентина, Уругвай), в других, напротив, на смену откровенно проимпериалистическим правительствам приходили националистически настроенные круги буржуазии (Бразилия, Боливия, Колумбия).

Причиной политических потрясений в Латинской Америке был глубокий кризис социально-экономических структур, из которого ни буржуазные партии, ни диктаторские режимы не видели выхода. Их программы предлагали решение всех проблем за счет дальнейшего «сотрудничества» с иностранным капиталом и экономии на социальных нуждах.

В годы кризиса резко возросла активность масс. В гуще бурных политических событий, потрясавших в этот период континент, находился рабочий класс. По всей Латинской Америке прокатилась волна манифестаций и митингов безработных. Наиболее упорные классовые бои происходили в Чили и на Кубе.

Забастовка 25—26 июля 1931 г. в Сантьяго, в которой участвовали рабочие, студенты, учителя, служащие, врачи и даже буржуазные слои населения, явилась кульминацией борьбы против диктатуры Ибаньеса и привела к его падению. В августе 1931 г. вспыхнула всеобщая забастовка против голода и лишений, в начале сентября вос-

[1] См. «Очерки новой и новейшей истории Мексики. 1810—1945». М., 1960, стр. 372.
[2] См. «Очерки истории Бразилии». М., 1962, стр. 298.
[3] *H. Bastos.* A Marcha do Capitalismo no Brasil. São Paulo, 1944, p. 170.

стали военные моряки. Под руководством Коммунистической партии Чили в январе 1932 г. разразилась всеобщая 48-часовая забастовка. 4 июня 1932 г. восстал столичный гарнизон, свергший президента Монтеро. Власть перешла к военной хунте, где наиболее видную роль играл министр национальной обороны М. Грове. Хунта провозгласила Чили «социалистической республикой», которая по замыслу ее создателей должна была воплотить мелкобуржуазные идеи «государственного социализма». Программа правительства «социалистической республики» содержала ряд прогрессивных положений, направленных на улучшение материального и правового положения трудящихся и ограничение власти иностранных монополий. Но в самом правительстве наряду с деятелями передовых, демократических взглядов, как полковник М. Грове, были и реакционные, проимпериалистические политики вроде бывшего посла Чили в США К. Давилы.

Это правительство оказалось под давлением различных социальных и политических сил. С одной стороны, готовилась к бою реакция, начавшая организовывать свои вооруженные силы, с другой — возник Революционный комитет рабочих и крестьян (РКРК), возглавляемый коммунистами, в ряде городов были созданы рабочие Советы. В движение пришли массы. Повсюду проходили митинги и демонстрации. Коммунисты «участвовали во всех митингах, внося на обсуждение масс резолюции Революционного комитета рабочих и крестьян, который решил поддержать правительство, но в то же время потребовать от него на деле позаботиться о благе народа, проведя для этого полезные и требуемые широкими массами мероприятия»[1].

Чувствуя, как крепнут левые силы, реакция перешла в наступление. К. Давила, опираясь на контрреволюционные воинские части, совершил 16 июня государственный переворот и начал репрессии против народных масс. Успеху реакции способствовал раскол демократических сил Чили. Между левыми деятелями правительства «социалистической республики» и Революционным комитетом рабочих и крестьян не было согласия. Сам РКРК не смог сплотить вокруг себя все революционно настроенные элементы — его покинули социалисты и анархисты. Тем не менее события 1931—1932 гг. в Чили обогатили рабочее и демократическое движение большим опытом, показали возросшие возможности рабочего класса, сыгравшего решающую роль в свержении диктатуры К. Ибаньеса, остро поставили вопрос о необходимости единства антиимпериалистических сил.

Ведущей силой антидиктаторской, антиимпериалистической борьбы на Кубе также был рабочий класс. В марте 1930 г. в стране началась всеобщая забастовка, проходившая под лозунгами свержения диктатуры Мачадо. Главными организаторами этой забастовки

[1] *Э. Лаферте.* Жизнь коммуниста. Страницы автобиографии. М., 1961, стр. 220.

были коммунисты. В 1931 г. обстановка в стране оставалась напряженной: повсюду проходили демонстрации безработных, число которых достигло полумиллиона человек, вспыхивали стачки. Недовольство диктаторским режимом охватило почти все слои кубинского общества. Пик выступлений против диктатуры и ее американских покровителей пришелся на 1933 г. Мачадо пытался сбить волну возмущения новыми репрессиями. Кубинский пролетариат ответил на акции властей массовыми митингами и забастовками, вылившимися 4 августа во всеобщую политическую стачку, которой руководили Коммунистическая партия и Национальная рабочая конфедерация Кубы. В стране началась революция, свергшая 12 августа 1933 г. Мачадо.

Однако народные массы не удовлетворились падением тирана. Антидиктаторское движение стало перерастать в борьбу против тех социальных и политических сил, которые обеспечивали на Кубе господство американского империализма. На волне антиимпериалистических выступлений трудящихся к власти пришли националистически настроенные представители мелкой и средней буржуазии. Правительство Р. Грау Сан Мартина (10 сентября 1933—16 января 1934 г.) обнародовало ряд прогрессивных законов, в частности о введении 8-часового рабочего дня.

Между тем движение трудящихся ширилось — начались захваты фабрик, раздел помещичьих земель. В некоторых городах возникли Советы. Взявшие в правительстве верх правые элементы во главе с начальником генштаба Ф. Батистой 16 января 1934 г. совершили государственный переворот. У власти оказались политические силы, склонявшиеся к сделке с империализмом и местной олигархией. В марте 1934 г. начались аресты рабочих руководителей, коммунистов.

На II съезде Компартии Кубы (апрель 1934 г.) было принято решение вести борьбу против реакционного режима, за победу антиимпериалистической революции и переход власти в руки рабочих и крестьян, создавать вооруженные отряды и группы самообороны[1]. В марте 1935 г. рабочий класс предпринял новое наступление на позиции реакции. По всей стране проходили стачки, главным лозунгом которых было восстановление демократических порядков. При помощи армии и при поддержке США властям удалось справиться с этой волной стачек, вылившихся во всеобщую забастовку. Так завершилась буржуазно-демократическая революция 1933—1935 гг. на Кубе. Но жертвы ее были не напрасны. Еще в 1934 г. США вынуждены были отказаться от «поправки Платта», дававшей американцам «право» на вооруженную интервенцию. США сохраняли военную базу в Гуантанамо, их экономические позиции на Кубе остались непоколебленными, но отмена «поправки Платта» воспринималась кубинским на-

[1] См. «Очерки истории Кубы». М., 1978, стр. 255.

родом как важная победа на пути завоевания полного суверенитета. Буржуазно-демократическая революция 1933—1935 гг. на Кубе, в которой рабочий класс играл главную роль, имела большое значение прежде всего потому, что она произошла в одной из самых зависимых от империализма США стран Латинской Америки.

В начале 30-х гг. классовые битвы потрясали и другие латиноамериканские государства. Рабочих Бразилии не удовлетворили результаты буржуазной революции 1930 г. В октябре — ноябре 1931 г. пролетариат крупного бразильского города Ресифи активно поддержал восстание революционных солдат. В течение трех дней пригороды Ресифи находились в руках восставших. В том же году в г. Итаке в штате Риу-Гранди-ду-Сул восставшие трудящиеся создали Советы, власть которых просуществовала несколько дней.

Вырос авторитет Бразильской коммунистической партии и Всеобщей конфедерации труда, выдвинувших конкретные требования улучшения материального и правового положения рабочего класса: повышение зарплаты на 30%, свобода профсоюзной деятельности, соблюдение 8-часового рабочего дня и т. д.[1]

Ряд крупных забастовок провели рабочие Аргентины. В 1929 г. было организовано 125 стачек, среди которых выделялись всеобщая забастовка в Сан-Франсиско (провинция Кордова), подавленная войсками и полицией, и всеобщая забастовка в Росарио. Новые крупные выступления рабочего класса имели место в 1932 г., когда бастовали нефтяники, трамвайщики, связисты. Особенно активно выступали в ряде городов страны рабочие мясной промышленности.

В Эквадоре рабочие и безработные участвовали в августе 1931 г. в восстании, организованном радикалами и социалистами против правительства консерваторов и приведшем, правда ненадолго, к власти представителей демократических партий.

Бурно развивались события в Перу. В течение всего лета 1930 г. продолжались забастовки рабочих и служащих, волнения крестьян. Организатором многих выступлений, в частности всеобщих забастовок 1930 и 1931 гг., была созданная Х. К. Мариатеги Всеобщая конфедерация трудящихся Перу. Особенно боевой была забастовка 1931 г., которую поддержали студенты и солдаты.

Качественный скачок происходит в этот период в рабочем движении Венесуэлы, в 1931 г. здесь создается коммунистическая партия.

Важной особенностью рабочего движения латиноамериканских стран в годы мирового экономического кризиса являлись активные выступления сельскохозяйственного пролетариата, индейцев. Наибольший размах они приняли в Центральной Америке. Забастовки сельскохозяйственных рабочих Сальвадора вылились в народное восстание в январе 1932 г. против диктатуры Э. Мартинеса. Это вос-

[1] См. *Б. И. Коваль.* История бразильского пролетариата (1857—1967). М., 1968, стр. 215.

стание вызвало серьезное беспокойство США и Англии, направивших к берегам Сальвадора военные корабли. Восстание было подавлено с чрезвычайной жестокостью — 20 тыс. человек пали жертвами расправ. Тяжелый урон понесла Коммунистическая партия Сальвадора, погибли многие ее руководители, в том числе выдающийся деятель сальвадорского рабочего движения А. Фарабундо Марти. В том же году происходили волнения на плантациях американских компаний в Гондурасе. В Боливии неоднократно поднимались на борьбу против латифундистов индейцы. Выступление сельскохозяйственных рабочих Колумбии в 1929 г., подготовленное Объединенным профсоюзом трудящихся Магдалены, поддержали портовики и железнодорожники. Таким образом возникла прямая связь между движением сельского и городского пролетариата.

В период мирового экономического кризиса латиноамериканский пролетариат выступил как могучая революционная сила. В отдельных странах, прежде всего в Чили и на Кубе, его выступления явились решающим фактором революционной борьбы, направленной на свержение реакционных диктатур. Впервые столь мощно заявил о себе сельскохозяйственный пролетариат. В ходе классовых боев рабочий класс поднимался до таких форм революционной организации, как Советы (Бразилия, Куба, Сальвадор, Чили). И хотя эти зародыши новой власти были задушены реакцией, а их создатели грешили «левизной», сам факт организации Советов имел огромное значение с точки зрения роста классового сознания пролетариата, отказывавшего в доверии правительствам буржуазии. В сражениях этих лет компартии накопили ценный опыт, они сумели в ряде стран стать главным организатором выступлений пролетариата и завоевать большой авторитет у широких масс трудящихся.

Вместе с тем классовые бои 1929—1933 гг. показали, что у господствующих классов было еще немало резервов и что одержать победу над таким противником пролетариат в одиночку не может. Стратегическая цель рабочего и национально-освободительного движения — осуществление антиимпериалистической революции — требовала серьезной работы по организации классовых и политических союзов для борьбы с главным врагом — империализмом. Эта задача стала особенно актуальной в 20-х — начале 30-х гг., когда в революционное движение начали активно включаться непролетарские слои трудящихся и даже отдельные фракции национальной буржуазии.

В БОРЬБЕ ЗА НАРОДНЫЙ ФРОНТ

Кризис до предела обострил социальные и политические противоречия в капиталистическом мире. Перед лицом активизации трудящихся масс господствующие классы стали перестраивать свою стратегию и тактику. Усилились реформистские тенденции в политике правящих кругов, которые путем государственного вмешательства в эконо-

мику, а также при помощи дозированных уступок трудящимся рассчитывали укрепить капиталистическую экономику и разрядить острую напряженность в социальной и политической областях.

Реформистские мотивы были присущи политике правительств Мексики, Чили, Колумбии, Бразилии. Характерна в этом смысле деятельность бразильского президента Ж. Варгаса в первые годы после буржуазной революции 1930 г., когда он приступил к созданию государственного сектора экономики, издал ряд важных декретов по вопросам труда — о 8-часовом рабочем дне для промышленных рабочих, об арбитражных судах, о труде подростков 14—16 лет. В то же время бразильское правительство, выражавшее в первую очередь интересы национальной буржуазии [1], отнюдь не отказывалось от репрессий.

Формой приспособления буржуазии к изменившейся социальной действительности, в которой пролетариат стал играть неизмеримо большую роль, явилось создание так называемых народных, или «популистских», партий. В ряде стран «народные» партии, взяв на вооружение антиимпериалистические и демократические лозунги, выросли в массовые партии, опиравшиеся прежде всего на мелкую буржуазию, городские средние слои, а также значительную часть крестьянства и рабочего класса [2]. Партии такого типа действовали в Перу, Мексике, Коста-Рике, Парагвае, Пуэрто-Рико, а с конца 30-х гг.— в Боливии, Венесуэле, Доминиканской Республике и некоторых других странах. Это были национал-реформистские партии с весьма сильным демократическим крылом. Всем им было присуще стремление увести рабочее движение с революционного пути, бóльшая или меньшая склонность к антикоммунизму и антисоветизму.

С начала 30-х гг. господствующие классы все определеннее стали делать ставку на фашизм. В Латинской Америке возникли фашистские партии и организации: «интегралистское действие» в Бразилии, военизированные террористические организации «гражданский легион» в Аргентине и «авангард родины» в Уругвае, группы «белой гвардии» в Чили и «золоторубашечников» в Мексике и др.

Наиболее угрожающие размеры фашистское движение приняло в Бразилии. Организация интегралистов, говорилось на VII конгрессе Коминтерна, «имеет свои отделения в провинциях, районах, в школах, на фабриках, заводах и поместьях» [3]. За полтора года «интегралистское действие» выросло почти в 5 раз, к концу 1933 г. его численность достигла 200 тыс. человек. Интегралисты, действуя рука об руку с полицейскими, начали кампанию террора и запугивания демократов, профсоюзных активистов, представителей прогрессивно

[1] См. *Б. И. Коваль.* Бразилия вчера и сегодня.
[2] См. *К. М. Обыден.* Партии социал-демократической ориентации в Латинской Америке и Социнтерн.— «Рабочий класс и современный мир», 1974, № 5, стр. 50.
[3] «Коммунистический Интернационал», 1935, № 25, стр. 44.

настроенной интеллигенции. Перешел к тактике бандитских налетов и «гражданский легион» в Аргентине. Фашисты пытались использовать здесь для пропаганды своих идей университетские кафедры — в один из идеологических центров фашизма в Аргентине превратился юридический факультет университета в Буэнос-Айресе[1]. Особенно активно пронацистские элементы действовали в населенных немецкими колонистами районах Бразилии, Аргентины, Парагвая, Уругвая, Чили, Коста-Рики, Мексики. «В ту пору, в пору шумных побед Гитлера,— вспоминал выдающийся чилийский поэт и политический деятель Пабло Неруда,— мне не раз случалось в каком-нибудь селении или городке на юге Чили переходить улицу под настоящим лесом знамен, украшенных свастикой»[2]. Центром распространения фашизма в латиноамериканских странах были посольства Италии и Германии, которые организовывали пропагандистские мероприятия, снабжали деньгами профашистские группы и организации, координировали их выступления. Правящие круги ряда стран обнаруживали явную склонность к заимствованию политических методов, выработанных итальянскими и немецкими фашистами.

Усиление фашистского движения в Латинской Америке, фашизация самих диктаторских и полудиктаторских режимов в странах континента представляли собой серьезную угрозу. Опасность становилась тем значительнее, что в те же годы правящие круги латиноамериканских государств, поощряемые иностранным империализмом, резко усилили военные приготовления. О росте милитаристских тенденций свидетельствовали Летисийский конфликт 1932 г. между Перу и Колумбией и война за Чако между Боливией и Парагваем (1932—1935 гг.).

Антинациональная политика правящих кругов повсеместно вызывала глубокое возмущение. Прогрессивная часть интеллигенции, студенчества, армии, городской мелкой буржуазии приходила к выводу о необходимости сближения с рабочим классом. Преградить путь реакции, фашизму и войне могло лишь контрнаступление демократических, антиимпериалистических сил. Поворот в стратегии и тактике мирового коммунистического движения, закрепленный в решениях VII конгресса Коминтерна, сыграл огромную роль и в развитии революционного движения в Латинской Америке. Идеи VII конгресса Коминтерна были с энтузиазмом восприняты латиноамериканскими коммунистами.

Важным этапом в выработке политики единого антиимпериалистического фронта стала Конференция компартий Южной и Карибской Америки в 1934 г., где обсуждался вопрос о политике антифашист-

[1] См. «Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки». М., 1967, стр. 196.

[2] *Пабло Неруда.* Признаюсь: я жил. Воспоминания. М., 1978, стр. 198.

ских и антиимпериалистических союзов[1]. Борьба коммунистов за создание антиимпериалистических лиг, проведение кампаний солидарности с Советским Союзом, с революционными движениями на континенте способствовали восприятию компартиями Латинской Америки новых установок мирового коммунистического движения. Лозунг единого антиимпериалистического фронта выступал как развитие идеи борьбы за единый рабочий фронт в условиях подъема национально-освободительного движения. Именно там, где были достигнуты наибольшие успехи в борьбе за объединение пролетарских сил, движение за Народный фронт приносило самые значительные результаты. При этом в ряде стран движение Народного фронта не ограничивалось борьбой в защиту демократических институтов и за устранение фашистской угрозы, но поднималось до решения задач антиимпериалистической революции, включая свержение реакционных режимов и установление народной власти.

Борьба за Народный фронт в Латинской Америке развивалась по тем же направлениям, что и в странах Европы. Вместе с тем общие лозунги Народного фронта в Латинской Америке дополнились требованиями, вытекавшими из конкретной обстановки в этих странах. Прекращение военных действий между Боливией и Парагваем, проведение амнистий, признание прав на создание профсоюзов, протест против вмешательства полиции в дела рабочих организаций, сохранение университетской автономии — эти требования в формировавшейся программе Народного фронта по существу являлись ее конкретизацией в соответствии с требованиями обстановки. С общедемократическими лозунгами сочетались и экономические требования рабочего класса — увеличение заработной платы, введение системы социального страхования, сокращение рабочего дня, установление минимума зарплаты.

Одной из первых стран Латинской Америки, где коммунистам удалось развернуть большую работу по созданию организаций Народного фронта, была Бразилия. Осенью 1934 г. здесь возникла массовая демократическая организация «Народный комитет по расследованию», которая занималась публичным разбирательством террористических акций интегралистов и незаконных полицейских репрессий. Народный комитет по расследованию объединил революционно настроенных рабочих, студентов, представителей интеллигенции и вооруженных сил. Комитет стал важной ступенью на пути к широкому фронту антиимпериалистических, антифашистских сил. С начала 1935 г. стали складываться низовые организации Народного фронта, оформившегося 30 марта в новую демократическую организацию Национально-освободительный альянс (НОА).

Компартия выступила главной организующей силой движения Народного фронта. 5 июля 1935 г. НОА обнародовал программу, где

[1] См. *Р. Арисменди.* Указ. соч., стр. 280.

были сформулированы главные задачи: ликвидация господства империалистических монополий в экономике страны путем национализации крупных промышленных предприятий, глубокая аграрная реформа, запрещение фашистской деятельности, создание демократического правительства на базе Народного фронта. Это была программа демократической, антиимпериалистической, антиолигархической революции. Она отвечала интересам огромного большинства населения Бразилии. В НОА вошли прогрессивные профсоюзы, Союз студенческой молодежи, Центр защиты культуры, Бразильский союз женщин и другие демократические организации. К середине 1935 г. Альянс собрал под свои знамена около 1,5 млн. человек[1]. На VII конгрессе Коминтерна его деятельности была дана высокая оценка. «В Бразилии,— говорилось в докладе Г. Димитрова,— коммунистическая партия, положившая правильное начало развитию единого антиимпериалистического фронта созданием Национально-освободительного альянса, должна приложить все усилия к дальнейшему расширению этого фронта путем вовлечения в первую очередь многомиллионных масс крестьянства, ведя дело к созданию частей народно-революционной армии, до конца преданных революции, и к осуществлению власти Национально-освободительного альянса»[2]. Лозунг «Вся власть НОА!» стал лозунгом невиданного в истории Бразилии массового движения.

Правительство Ж. Варгаса и реакционные политические круги, встревоженные укреплением позиций Национально-освободительного альянса, развязали грубую клеветническую кампанию против НОА, чтобы оттолкнуть от Альянса непролетарские слои, расколоть Народный фронт. При покровительстве властей интегралисты стали организовывать террористические вылазки против активистов Альянса, громить помещения рабочих и демократических организаций. Все эти действия не достигали своих целей. Национально-освободительный альянс креп день ото дня. Тогда правительство прибегло к последней мере — 12 июля 1935 г. НОА был запрещен. В ответ на эту акцию в стране начались забастовки и массовые выступления.

Переход Национально-освободительного альянса на нелегальное положение вызвал отток неустойчивых мелкобуржуазных слоев, не готовых к трудной борьбе. С другой стороны, среди части альянсистов стали распространяться настроения немедленного выступления с целью свержения правительства Ж. Варгаса. В ноябре 1935 г. в ряде городов Бразилии вспыхнули восстания. Особенно успешно действовали восставшие в г. Натале, где несколько дней функционировало народное правительство. Однако, несмотря на героические действия революционных сил, восстания были жестоко подавлены правитель-

[1] См. *Б. И. Коваль*. История бразильского пролетариата, стр. 245.
[2] «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны». М., 1975, стр. 170.

ственными войсками. Суровые приговоры были вынесены руководителям НОА.

События 1935 г. показали, что рабочий класс способен возглавить широкое демократическое, антиимпериалистическое движение, что коммунистическая партия превращается в подлинный авангард трудящихся, значительную политическую силу в общенациональном масштабе. Вместе с тем революционные бои 1935 г. выявили и определенные слабости рабочего и демократического движения. Революционные силы еще не обладали необходимой тактической гибкостью, не подходили к восстанию как к искусству, не улавливали перемены в настроениях широких масс.

После поражения Народного фронта и провозглашения в 1937 г. так называемого нового государства, которое являлось диктатурой националистических кругов буржуазии, опиравшихся на армию, рабочее и коммунистическое движение в Бразилии оказалось в тяжелом положении. Компартия начала перестройку своей работы в условиях глубокого подполья.

В трудных условиях вели борьбу за Народный фронт аргентинские коммунисты. Пришедшее к власти в 1932 г. правительство А. Хусто продолжало проводить в отношении рабочего движения политику диктатуры Урибуру. В декабре 1932 г. был принят закон о запрещении стачек. Главный удар реакция стремилась нанести по коммунистическому движению. Заодно с властями действовали вооруженные банды фашистских молодчиков, объединенных в «гражданский легион».

Создание широкого Народного фронта серьезно затрудняла оппортунистическая линия руководства ВКТ — ведущего профобъединения страны. «Пробравшись в руководство нового профцентра,— пишет видный деятель профсоюзного движения в Аргентине Рубенс Искаро,— эти руководители навязали ему проправительственную ориентацию, пассивность и безразличие к нуждам рабочего движения»[1].

Однако аргентинские коммунисты не отступили перед трудностями. К 1935 г. партии удалось провести значительную подготовительную работу по созданию организаций Народного фронта. Демократизации политической жизни и запрещения фашистско-террористических групп в стране потребовали не только коммунисты, но и социалисты, анархисты, представители других политических течений, отвергавших диктатуру и фашизм. Коммунисты активно поддержали создание в палате депутатов так называемого народного фронта, объединявшего социалистов, радикалов и другие антидиктаторские элементы. Компартия справедливо полагала, что замена режима Хусто правительством, стоящим на позициях буржуазной демокра-

[1] *Р. Искаро.* Рабочее и профсоюзное движение Аргентины. История и развитие. М., 1978, стр. 188.

тии, откроет новые перспективы в борьбе за подлинный Народный фронт[1].

Движение за Народный фронт сыграло немалую роль в победе оппозиции на парламентских выборах 1936 г. Однако левые партии не сумели создать избирательный блок на президентских выборах и уступили победу представителю реакции Р. Ортису. Вместе с тем борьба против фашистской угрозы стимулировала развитие объединительных тенденций в рабочем движении — летом 1939 г. на конгрессах ВКТ и УСА были приняты решения об установлении между ними тесных контактов.

Стремление к консолидации прогрессивных сил проявлялось и в Колумбии. Усилия возникшей в 1930 г. коммунистической партии увенчались созданием в 1936 г. Конфедерации трудящихся Колумбии. Колумбийские коммунисты развернули кампанию протеста против политики правительства Олая Эрреры, не только не выполнявшего своих предвыборных обещаний, но и обрушившего жестокие репрессии против трудящихся. В стране все четче выявлялось размежевание политических сил. При широкой народной поддержке в 1934 г. к власти пришел левый либерал А. Лопес, правительство которого провело ряд важных мероприятий: были изданы декреты об отделении церкви от государства, об аграрной реформе, введено бесплатное образование, провозглашено право на забастовку, установлены дипломатические отношения с СССР. Правительство Лопеса проводило все эти мероприятия, опираясь на демократические элементы в парламенте, где с 1937 г. начали работать и коммунисты, и на поддержку внепарламентских прогрессивных организаций. После некоторого отступления, последовавшего за избранием в 1938 г. на пост президента правого либерала Э. Сантоса, левые силы вновь захватили политическую инициативу. Они привели к власти в 1942 г. А. Лопеса. Свой вклад в победу представителя левых сил внесли колумбийские коммунисты. Организационно Народный фронт в Колумбии не был создан, но борьба коммунистической партии и других прогрессивных сил за единство действий принесла серьезные политические успехи.

В Мексике обострение классовой борьбы способствовало поляризации сил: с одной стороны, реакция стремилась к фашизации государства, с другой — наметилась тенденция к образованию широкого союза антифашистских, антиимпериалистических сил. В 1934 г. при поддержке этих сил президентом страны стал генерал Ласаро Карденас — лидер левого крыла национально-революционной партии. Левобуржуазное правительство Карденаса, включавшее и элементы, связанные с мелкобуржуазной революционной демократией, приступило к выполнению программы важных демократических преобразований. В июне 1937 г. оно национализировало железные дороги,

[1] См. *А. И. Строганов.* Борьба за единый рабочий и народный фронт в Аргентине. 1933—1936 гг. М., 1969, стр. 149—150.

а в марте 1938 г.— собственность английских и американских нефтяных компаний. Последняя акция имела особенно большое значение в связи с тем, что она явилась ответом правительства Мексики на отказ иностранных монополий выполнить решение Верховного суда о повышении заработной платы объявившим забастовку нефтяникам. Факт поддержки правительством стачки рабочих произвел колоссальное впечатление во всей Латинской Америке. Большое внимание Л. Карденас уделял укреплению государственного сектора экономики. Были сделаны также серьезные шаги в аграрной области (в 1934—1940 гг. было распределено среди крестьян 19 млн. га плодородных земель)[1], хотя аграрная реформа главную выгоду в конечном счете принесла буржуазии[2]. Во внешней политике правительство Л. Карденаса и руководимая им партия проводили антифашистский курс: Мексика до конца поддерживала Испанскую республику, осудила осуществленный Гитлером аншлюс Австрии.

Антиимпериалистическая, антиолигархическая направленность политики правительства Л. Карденаса вызвала враждебные действия реакции. В мае 1938 г. генерал Седильо, связанный с нацистами и получавший поддержку иностранных нефтяных магнатов, поднял антиправительственный мятеж. Мятежники, рассчитывавшие путем демагогических обещаний привлечь на свою сторону население центральных районов страны, просчитались. С помощью народных масс правительство разгромило банды Седильо. На попытки американских империалистов оказать на Мексику давление в связи с осуществлением программы национализации трудящиеся ответили организацией широкой патриотической кампании.

Возникшая политическая ситуация создала благоприятные условия для складывания Народного фронта. Важной предпосылкой успеха борьбы за Народный фронт явилось создание в 1936 г. Конфедерации трудящихся Мексики (КТМ) — массового профсоюзного объединения, которое выросло с 200 тыс. членов при создании до 1,5 млн. к началу второй мировой войны. Во главе КТМ стал видный деятель мексиканского рабочего движения В. Ломбардо Толедано.

В конце 1936 г. Коммунистическая партия Мексики, Конфедерация трудящихся и ряд независимых профсоюзов образовали Организационный комитет Народного фронта[3]. Идея Народного фронта оказалась настолько популярной, что на нее откликнулась и правящая партия. В марте 1938 г. НРП была преобразована в Партию мексиканской революции (ПМР), которая по своему организационному строению и по целям во многом отвечала идеям Народного фронта.

[1] См. *Е. В. Ковалев.* Аграрные реформы в странах Латинской Америки. М., 1973, стр. 353.
[2] См. *А. Ф. Шульговский.* Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967, стр. 277—279.
[3] См. «Очерки новой и новейшей истории Мексики», стр. 401, 417.

Ее программа не только подтвердила курс на проведение демократических реформ, но и провозгласила своей задачей «подготовку народа для борьбы за создание демократии трудящихся и установление социалистического строя»[1]. Входившие в ПМР организации сохраняли автономию. В Коминтерне отнеслись с пониманием к намерению компартии поддержать ПМР как возможную основу будущего Народного фронта[2]. В Партию мексиканской революции вошли КТМ, Национальная крестьянская конфедерация, независимые профсоюзы, кооперативные, молодежные, женские организации. Коммунистическая партия формально в ПМР не вошла, хотя и высказывалась за присоединение к ней. Таким образом, ПМР стала выполнять функции организации, близкой по типу к Народному фронту.

Однако мексиканская буржуазия, самая политически искушенная в Латинской Америке, сумела овладеть ведущими позициями в движении и подчинить его своим интересам. Пока у власти находился президент Ласаро Карденас, ориентировавшийся на демократические силы, ПМР играла положительную роль, поддерживая прогрессивные мероприятия правительства. С избранием на президентский пост в 1940 г. представителя правого крыла этой партии Авилы Камачо стало очевидным, что буржуазия использует свое ведущее положение в ПМР, чтобы свернуть программу глубоких антиимпериалистических, демократических преобразований.

Итоги развития рабочего и коммунистического движения в Мексике в 30-х гг. достаточно сложны и неоднозначны. С одной стороны, консолидация прогрессивных сил обеспечила серьезные успехи в деле защиты национальной независимости. С другой стороны, то обстоятельство, что аграрные преобразования и ряд важных антиимпериалистических мероприятий (национализация минеральных ресурсов, железных дорог, электроэнергетики и т. п.) были проведены не под руководством рабочего класса, а при гегемонии блока местной буржуазии и мелкобуржуазных слоев, повлияло и на само рабочее движение[3]. Воздействие на него буржуазно-националистической идеологии заметно усилилось.

Борьбу за организацию широкого союза демократических сил развернули коммунисты Кубы. Они выступили инициаторами создания комитетов за созыв Учредительного собрания. Эти комитеты, включавшие кроме коммунистов представителей различных политических и общественных групп, фактически играли роль ячеек Народного фронта. В сентябре 1938 г. компартия вышла из подполья и стала налаживать связи с прогрессивной политической организацией «Революционный союз». Вскоре между ними было заключено

[1] *А. Ф. Шульговский.* Указ. соч., стр. 133.
[2] См. «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения». М., 1972, стр. 262.
[3] См. *Б. И. Коваль, С. И. Семенов, А. Ф. Шульговский.* Революционные процессы в Латинской Америке. М., 1974, стр. 150—151.

соглашение о проведении совместной избирательной кампании, а в августе 1939 г. они слились в единую партию — Революционный коммунистический союз[1]. Большим успехом коммунистов явилось создание в январе 1939 г. Конфедерации трудящихся Кубы, объединявшей более 800 профсоюзов. Ее возглавил рабочий-коммунист Ласаро Пенья. Под давлением крепнувшего рабочего и демократического движения Ф. Батиста, в руках которого находилась реальная власть, вынужден был в 1940 г. ввести новую конституцию, содержавшую ряд важных демократических положений.

Большой размах приняла борьба за единство прогрессивных, антифашистских сил в Чили. И здесь ведущей силой выступала компартия, которая в августе 1935 г. вместе с Рабочей федерацией Чили (ФОЧ), группой социалистов и радикалов обратилась ко всем оппозиционным силам с предложением о создании широкого Народного фронта[2]. 8 марта 1936 г. о вступлении в Народный фронт заявила радикальная партия, а вслед за ней — социалистическая партия, демократическая партия и Фронт профсоюзного единства. Создание Народного фронта и борьба за его укрепление осложнялись противоречиями между входившими в него партиями, каждая из которых претендовала на политическое руководство фронтом. Если коммунисты видели в Народном фронте мощное средство для осуществления глубоких антиимпериалистических преобразований в интересах трудящихся, то многие радикалы и социалисты придерживались иных взглядов. В то время как левые радикалы и часть социалистов выражали готовность сотрудничать с коммунистами в решении революционных задач, правые в социалистической и радикальной партиях рассматривали Народный фронт лишь как предвыборную комбинацию и плели интриги против коммунистов. Несмотря на происки недругов Народного фронта, эта демократическая организация крепла с каждым днем. Принципиальное значение для укрепления Народного фронта имела растущая тенденция к единству рабочего движения, особенно явственно обозначившаяся после всеобщей забастовки железнодорожников в феврале 1936 г. и приведшая к созданию в декабре того же года общенационального профобъединения Конфедерации трудящихся Чили (КТЧ). Генеральным секретарем КТЧ был избран социалист Х. Диас Мартинес, его заместителем — коммунист С. Окампо.

На выборах 1938 г. победил кандидат Народного фронта — радикал Педро Агирре Серда. Программа Народного фронта содержала такие пункты: защита демократических свобод, планирование экономики, ликвидация монополий, бесплатное образование, улучшение системы социального страхования, ликвидация безработицы, аграрная реформа.

[1] См. «Очерки истории Кубы», стр. 263.

[2] См. *Ф. А. Гаранин.* Народный фронт в Чили. 1936—1941 гг. М., 1973, стр. 92.

Первые шаги правительства Агирре Серды отвечали чаяниям трудящихся: была восстановлена свобода печати и собраний, снижены цены на основные продукты питания, повышена зарплата ряду категорий рабочих, создан планирующий орган — корпорация развития производства, открыт банковский кредит для крестьян, начаты реформы в области здравоохранения и образования.

Напуганная таким ходом событий, реакция в сговоре с военщиной попыталась совершить в августе 1939 г. государственный переворот, но потерпела неудачу, встретив решительный отпор чилийского пролетариата. Коммунистическая и социалистическая партии, Конфедерация трудящихся Чили, объединявшая в своих рядах около 400 тыс. членов, сумели организовать мощную поддержку демократическому правительству.

Победа в августе 1939 г. создавала предпосылки для перехода к новому этапу социальных преобразований. Но этого не произошло. Размах классовой борьбы отпугнул те слои чилийской буржуазии, которые поначалу примыкали к Народному фронту или выражали симпатии его лозунгам. Национальная буржуазия, представители которой занимали ключевые позиции в правительстве, по существу остановила процесс преобразований в стране. В то же время в социалистической партии усиливались позиции сторонников антикоммунистически настроенного генерального секретаря СПЧ Оскара Шнаке. В начале 1941 г. Народный фронт в Чили распался, хотя условия для его восстановления, как показали последующие события, сохранялись. Коммунисты, не входившие в состав правительства, не смогли предотвратить раскол Народного фронта. Анализируя позднее причины неудач Народного фронта, Генеральный секретарь ЦК КПЧ Гало Гонсалес, в частности, отмечал, что коммунисты, руководя рабочим классом, «не сумели превратить его в гегемона народного движения», «не добились союза рабочего класса и крестьянства, с тем чтобы заставить буржуазию последовательно выполнять программу Народного фронта»[1].

Несмотря на то что движение Народного фронта в Чили не сумело нанести реакции решающий удар, оно выявило огромные возможности рабочего и демократического движения, доказало его жизненность. Подъем антиимпериалистического, демократического движения в Латинской Америке происходил и в тех странах, где еще не сложились широкие союзы демократических сил. Низовые организации Народного фронта были созданы в Уругвае. Демократическое объединение «Антифашистское движение», включавшее передовых рабочих и студентов, действовало в Перу. Подъем народного движения способствовал приходу к власти в 1936 г., хотя и ненадолго, прогрессивно настроенных групп военных в Парагвае и Боливии.

Огромное значение для консолидации демократических сил в

[1] «X съезд Коммунистической партии Чили». М., 1957, стр. 27.

странах Латинской Америки имела широкая кампания солидарности с испанским народом. Когда началась гражданская война в Испании, из стран Латинской Америки отправились добровольцы, чтобы на испанской земле сражаться против фашизма. Мексиканские коммунисты Карлос Контрерас и Давид Сикейрос, аргентинский коммунист Ортис встали во главе Интернациональных бригад. Коммунисты Аргентины гордились тем, что их товарищ В. Кодовилья выполнял партийное поручение огромной важности — организовывал Международный комитет помощи республиканской Испании и руководил им[1]. Латиноамериканские коммунисты уделяли большое внимание ознакомлению широких слоев населения с успехами братских партий других стран в борьбе против фашизма и угрозы войны.

Могучим стимулом в борьбе трудящихся Латинской Америки за свои права, за создание Народного фронта являлись достижения рабочих и крестьян Страны Советов. Коммунистические партии в своей политической работе большое место отводили ознакомлению широких слоев населения с успехами Советского Союза в социалистическом строительстве. В этом они справедливо усматривали осуществление на практике важнейшего принципа международного коммунистического движения — принципа пролетарского интернационализма. Один из выдающихся латиноамериканских коммунистов, Викторио Кодовилья, рассказывает о том, как глубоко восприняли он и его товарищи слова Генерального секретаря Коминтерна Георгия Димитрова об отношении к Советскому Союзу как «критерии того, по какую сторону исторической черты, разделяющей силы фашизма, войны и капитализма, с одной стороны, и силы мира, демократии и социализма — с другой, находится каждый. Речь идет не о чисто формальном отношении к Советской власти и социализму, а о конкретном отношении к Советскому Союзу» [2].

Напряженный пульс политической жизни отзывался в сознании огромных масс, впервые пришедших в движение. Острая борьба между различными политическими течениями за массы все определеннее складывалась в пользу сил социального прогресса. В это время серьезный кризис испытывали не только правые диктатуры, он захватил в ряде стран и национал-реформистские режимы. Подлинных антиимпериалистов, революционных демократов не могли уже удовлетворить куцые программы национал-реформизма. Характерным в этом смысле был разрыв с национал-реформистами руководителя кубинской революционной молодежи А. Гитераса, который прямо обвинял правительство Грау Сан-Мартина в неспособности придерживаться антиимпериалистической тактики [3]. Создание Национально-

[1] См. *В. М. Гончаров.* Камарада Викторио. М., 1980, стр. 92.
[2] *В. Кодовилья.* Избранные статьи и речи. М., 1970, стр. 396.
[3] *A. Anderle.* Algunos problemas de la evolución del pensamiento antiimperialista en Cuba entre las dos guerras mundiales: comunistas y apristas. Szeged, 1975, p. 39.

освободительного альянса в Бразилии способствовало радикализации позиции многих бывших тенентистов, разочарованных курсом Либерального альянса и его лидера Ж. Варгаса. В условиях угрозы фашизма наиболее последовательные демократы все больше тянулись к самой твердой и решительной силе в борьбе с олигархией и империализмом — коммунистическим партиям. Борьба против фашизма решающим образом способствовала укреплению на позициях научного коммунизма таких выдающихся представителей латиноамериканской прогрессивной интеллигенции, как Э. Тройсе в Аргентине, Ж. Амаду в Бразилии, Р. Рамос Педруэса в Мексике, П. Неруда в Чили и многие другие.

Приток новых сил в коммунистическое движение способствовал его развитию. В то же время усиление левых элементов в профсоюзах, вовлечение профсоюзных масс в политическую, антифашистскую борьбу вели к росту пролетарского ядра компартий и консолидации их основной социальной базы.

Само рабочее движение получило в 30-х гг. новые мощные импульсы. В нем усилились центростремительные тенденции. Поскольку борьба с угрозой войны и фашизма могла успешно развиваться лишь при условии единства действий всех демократических сил, необходимо было в первую очередь добиваться единства самого рабочего класса, представлявшего собой становой хребет Народного фронта. Выполнение рабочим классом ведущей роли в антифашистской, антиимпериалистической борьбе позволило ему успешнее, чем прежде, решать вопрос о преодолении раскола не только в национальном, но и в континентальном масштабе.

События 30-х гг. вписали яркую страницу в историю рабочего и национально-освободительного движения в странах Латинской Америки. Они стали большой революционной школой для рабочего класса, который превратился в наиболее мощную и последовательную силу в борьбе за демократию и социальный прогресс. Эти события идейно и политически закалили коммунистические партии, выросшие в подлинно революционные партии рабочего класса. Народный фронт в Латинской Америке развивался в направлении решения задач, связанных с демократической, антиимпериалистической революцией. Он остановил волну фашизма в Латинской Америке, противопоставил планам реакции волю трудящихся масс, поднявшихся на защиту демократии. Борьба латиноамериканского пролетариата против угрозы фашизма и войны была важной составной частью мирового революционного процесса. Она не позволила превратить Латинскую Америку в опорный пункт фашизма, уже начавшего преступную войну против народов.

Часть IV

В АВАНГАРДЕ АНТИФАШИСТСКОЙ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

НА ЗАЩИТЕ СОЦИАЛИЗМА И МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Переход советского рабочего класса к решению задач упрочения и развития победившего социализма происходил в обстановке перерастания войн между отдельными капиталистическими странами во вторую мировую войну. Империализм не оставлял надежды решить свой исторический спор с социализмом силой оружия. В правящих кругах империалистических стран существовало стремление разрешить межимпериалистические противоречия за счет первого в мире социалистического государства. Фашистская Германия готовилась к войне, а ее империалистические соперники проводили политику «умиротворения», надеясь изолировать СССР, направить против него фашистскую агрессию. Кульминацией этой политики было Мюнхенское соглашение (сентябрь 1938 г.). Правительства Англии и Франции удовлетворили захватнические притязания Германии к Чехословакии. Как было отмечено на XVIII съезде ВКП(б), правительства Англии и Франции «отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»[1]. Советский Союз решительно осудил мюнхенскую сделку как грубое насилие над Чехословакией, как вопиющее нарушение международного права.

Составной частью мюнхенского сговора были англо-германская (сентябрь 1938 г.) и франко-германская (декабрь 1938 г.) декларации, по существу представлявшие собой пакты о ненападении. В июле 1939 г. Англия подписала соглашение с Японией, по которому она фактически признала японские захваты в Китае. Этот «дальневосточный Мюнхен» отводил Китаю такую же роль жертвы агрессии, как и «Мюнхен европейский» — Чехословакии.

Политика «умиротворения» усилила военную угрозу, поощрила фашистские страны на новые акты агрессии. 15 марта 1939 г. гитлеровцы ликвидировали Чехословацкое государство. 21 марта они потребовали включения Данцига (Гданьска) в состав Германии, а на следующий день вступили в литовскую Клайпеду. 7 апреля 1939 г. союзник Гитлера Муссолини развязал агрессию против Албании.

Советский Союз решительно выступил за пресечение агрессивных действий фашистских держав. Советское правительство видело свою задачу в том, чтобы воспрепятствовать созданию единого ан-

[1] «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет». М., 1939, стр. 14.

тисоветского фронта и организовать отпор фашистской агрессии. В трагические дни Мюнхена СССР был единственным государством, заявившим о своей готовности оказать Чехословакии военную поддержку. Однако правительство и президент Чехословакии не обратились к Советскому Союзу за помощью.

Советское правительство резко протестовало против фашистской оккупации Чехословакии и заявило, что не признает включения чехословацких земель в состав германского рейха. Оно продолжало прилагать энергичные усилия с целью склонить правительства Англии и Франции к совместным действиям для пресечения фашистской агрессии. СССР был инициатором начавшихся в марте 1939 г. англо-франко-советских переговоров, предложив заключить договор о взаимопомощи, а затем военную конвенцию.

Однако Англия и Франция по существу саботировали эти переговоры. Более того, весной и летом 1939 г. состоялись секретные англо-германские переговоры, имевшие целью достичь соглашения с гитлеровской Германией о разграничении сфер влияния в мировом масштабе. Но фашистская Германия уже не была заинтересована в новых соглашениях. Фашистские правители, взвесив соотношение сил в Европе и в мире, решили нанести первый удар не по Советскому Союзу, а по своим капиталистическим соперникам. 1 сентября 1939 г. Гитлер двинул свои армии на Польшу. Правительства Англии и Франции, давшие Польше гарантии безопасности, оказались вынужденными объявить войну Германии.

Вторая мировая война началась. Она на этом этапе являлась схваткой между двумя империалистическими группировками, отражала обострение империалистических противоречий. Однако вторая мировая война имела значительные отличия от войны 1914—1918 гг. Решающую роль в изменении характера второй мировой войны сыграло существование Советского Союза. То, что на пути германского империализма к мировому господству стояли не только и не столько буржуазно-демократические государства, сколько социалистическая держава, наложило с самого начала свой отпечаток на развитие мировой войны.

Фашистская военная машина подмяла под себя ряд государств Европы. Народы этих стран, включенные в чудовищную систему гитлеровского «нового порядка», были порабощены, лишены элементарных демократических прав, подверглись жестокому террору. Борьба народов, ставших жертвами фашистской агрессии, с самого начала была освободительной, справедливой, борьбой за свободу и национальную независимость.

Советское государство в этих чрезвычайно сложных условиях проводило целеустремленную и последовательную политику. Прежде всего нельзя было допустить, чтобы линия мюнхенцев восторжествовала. Это было тем более важно, что в 1939 г. для СССР возникла опасность войны на два фронта (на Дальнем Востоке в этот период

шли крупные бои в районе Халхин-Гола против японских войск, вторгшихся на территорию союзной СССР Монгольской Народной Республики). После того как полностью выявилась невозможность склонить Францию и Англию к организации эффективных совместных действий против блока фашистских стран, Советское правительство было вынуждено пойти на заключение 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении.

«ЦК ВКП(б) и Советское правительство,— писал позже маршал Г. К. Жуков,— исходили из того, что пакт не избавлял СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта»[1]. Этот выигрыш во времени в контексте существовавшей обстановки был чрезвычайно важным для подготовки страны к будущей схватке с фашизмом.

В марте 1940 г. был урегулирован спровоцированный реакцией советско-финский конфликт. 13 апреля 1941 г. Советский Союз заключил с Японией договор о нейтралитете. Действия Советского правительства расстроили антисоветские планы реакции, вывели социалистическое государство из-под готовившегося удара объединенных империалистических сил и позволили выиграть время для укрепления обороны страны.

В 1939—1940 гг. успешно завершилась многолетняя борьба трудящихся Западной Белоруссии, Западной Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины за восстановление Советской власти и воссоединение с народами Советского Союза[2]. Тем самым произошло значительное территориальное расширение социализма, что имело и большое оборонное значение в предвидении предстоящего столкновения с фашистской Германией. Однако опасность фашистской агрессии против СССР продолжала оставаться.

И после объявления войны ни Франция, ни Англия не предпринимали активных военных действий против Германии. Фашистский генерал А. Йодль признал позднее на Нюрнбергском процессе: «...и если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших... на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными»[3].

«Странная война» со стороны Англии и Франции по существу не ставила преград фашистской экспансии. В 1940 г. гитлеровские войска захватили Данию, Норвегию, Голландию, Люксембург и разгромили Францию. Весной 1941 г. фашистская Германия овладела южной частью Балканского полуострова.

[1] *Г. К. Жуков.* Воспоминания и размышления, т. 1. М., 1974, стр. 253.

[2] См. об этом подробнее главу вторую данного тома.

[3] Цит. по: «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. 1. М., 1963, стр. 207.

Выведя из строя Францию, ослабив Англию, в огромной степени увеличив свой военно-экономический потенциал за счет покоренных европейских стран, гитлеровцы решили, что созданы благоприятные условия для нанесения удара на Востоке. Они усилили непосредственную подготовку к нападению на Советский Союз.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рабочий класс, все трудящиеся СССР, всемерно укрепляя оборону страны, продолжали строительство социализма.

Состоявшийся в марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) подчеркнул, что Советский Союз вступил в полосу *завершения строительства социалистического общества*. Съезд сформулировал основную экономическую задачу СССР — догнать и перегнать главные капиталистические страны по производству продукции на душу населения. В утвержденном съездом третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства указывалось на необходимость расширить и качественно улучшить материально-техническую базу социализма, совершенствовать социалистические производственные отношения, значительно поднять народное благосостояние, укреплять обороноспособность страны.

Наряду с развитием мирных отраслей экономики предусматривались ускоренные темпы развития военной промышленности. Одновременно с реконструкцией военно-промышленной базы на северо-западе, в центре и на юге европейской части СССР намечалось создать новую базу в районе Поволжья, Урала и Сибири.

XVIII съезд партии указал на огромное значение дальнейшего всестороннего роста квалифицированных технических кадров, на необходимость существенного подъема культурного уровня всей массы трудящихся города и деревни, чтобы «осуществить крупный шаг вперед в историческом деле *поднятия культурно-технического уровня рабочего класса*, передовой и руководящей силы социалистического общества, *до уровня работников инженерно-технического труда*»[1].

Большое внимание было обращено на коммунистическое воспитание трудящихся, развитие социалистических норм жизни, выработку у советских людей моральных качеств строителя социализма.

Организованный набор рабочих из села, игравший прежде важную роль, уже не удовлетворял возросшим потребностям промышленности. 2 октября 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О государственных трудовых резервах СССР», который пре-

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 5. М., 1971, стр. 341.

дусматривал организацию ремесленных и железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения с ежегодным выпуском от 800 тыс. до 1 млн. рабочих различного профиля. Указ нашел широкий отклик среди молодежи. За три года третьей пятилетки в школах и на курсах по подготовке кадров непосредственно на предприятиях было подготовлено 4,2 млн. рабочих массовых профессий[1].

Одновременно с обучением квалифицированных рабочих улучшилась и подготовка кадров инженерно-технической интеллигенции. В течение 1938—1940 гг. среднегодовой выпуск вузов страны вырос по сравнению со второй пятилеткой более чем в 1,5 раза, техникумов и других средних специальных учебных заведений — в 1,8 раза[2].

Для обеспечения постоянными квалифицированными кадрами новых предприятий (в первую очередь на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке) и тех, которые переходили на производство военной продукции, стало необходимым перераспределение рабочей силы между отдельными предприятиями и экономическими районами. В восточные районы рабочих направляли также путем промышленного переселения и общественных призывов. В проведении общественных призывов активную роль играл комсомол, объединявший в своих рядах в 1940 г. около 10,4 млн. юношей и девушек, из которых 1,3 млн. человек было занято в промышленности[3]. Комсомол взял шефство над крупнейшими новостройками третьей пятилетки— «Вторым Баку», Амурсталью, строительством железной дороги Акмолинск — Карталы, развитием Подмосковного и Донецкого угольных бассейнов, созданием большого морского и океанского флота СССР. В 1939—1940 гг. по комсомольским путевкам отправилось на стройки свыше 400 тыс. юношей и девушек[4].

С целью ускорения темпов промышленного развития, диктовавшегося задачами укрепления обороноспособности страны, были приняты меры по увеличению продолжительности рабочего дня и укреплению трудовой дисциплины. Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства могли дать должный эффект только в случае их сознательного одобрения и поддержки трудящимися. Подъем творческой активности масс и трудового энтузиазма свидетельствовал о том, что советский народ глубоко осознавал необходимость суровых самоограничений во имя укрепления обороноспособности страны.

[1] См. *Г. И. Зеленко.* Подготовка квалифицированной рабочей силы.— «Вопросы труда в СССР». М., 1958, стр. 100; «Профсоюзы СССР», 1941, № 3, стр. 17.
[2] См. «Культурное строительство в СССР». Статистический сборник. М., 1956, стр. 204.
[3] См. «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IX. М., 1972, стр. 400.
[4] См. там же, стр. 399—400.

Трудовой подъем масс, выразившийся в новом размахе социалистического соревнования, делал реальными напряженные планы экономического развития. 1 июля 1940 г. началось всесоюзное соревнование металлургов. Его важнейшим условием было выполнение и перевыполнение производственных заданий. Цех у цеха, завод у завода оспаривали первенство под лозунгом: «Дадим больше металла стране, будем неуклонно крепить экономическую независимость нашей Родины!»

Летом 1940 г. во всесоюзное соревнование включились угольщики, в сентябре — работники нефтяной промышленности, в начале 1941 г.— цементники, строители автодорог, машиностроители, текстильщики, работники пищевой промышленности. Развертывалось движение за многостаночное обслуживание, за совмещение профессий и овладение смежными специальностями.

Так, известный новатор криворожский бурильщик А. И. Семиволос обслуживал 18 забоев вместо одного. Его метод был усовершенствован уральским забойщиком И. П. Янкиным, который дополнил многозабойное бурение бурением несколькими перфораторами. Старший машинист Томской железной дороги Н. А. Лунин и члены его бригады освоили ряд смежных профессий, в результате чего сократились объем ремонта и простои паровозов, увеличилось время их работы и пробеги. В начале 1941 г. на железных дорогах страны насчитывалось свыше 9 тыс. лунинских бригад.

Многие новаторы производства были выдвинуты на руководящую работу, совершенствовали свое мастерство на различных курсах повышения квалификации, в учебных заведениях. А. Г. Стаханов, А. Х. Бусыгин, И. И. Гудов и другие учились в Москве в Промакадемии. Знатные шахтеры Н. А. Изотов и Н. Д. Касауров стали начальниками угольных комбинатов в Донбассе, М. Д. Дюканов — секретарем горкома партии. Важнейшие железные дороги страны возглавили вчерашние машинисты-новаторы П. Ф. Кривонос, А. С. Огнев, В. Д. Богданов[1].

Большую роль в развертывании социалистического соревнования, творческой активности трудящихся играли советские профсоюзы — самая массовая организация рабочего класса, насчитывавшая в 1941 г. более 25 млн. рабочих и служащих.

В феврале 1941 г. XVIII партийная конференция подвела итоги экономического строительства за 1940 г. и обсудила народнохозяйственный план на 1941 г. Промышленная продукция за 1940 г. выросла по сравнению с предыдущим годом на 11%[2]. На конференции был принят более напряженный по сравнению с предыдущим годом народнохозяйственный план на 1941 г., который «исходил из

[1] См. «Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917—1973)». М., 1975, стр. 348—349.

[2] См. «КПСС в резолюциях...», т. 5, стр. 471.

задач закрепления самостоятельности и независимости социалистической экономики в условиях начавшейся второй мировой войны и необходимости держать страну в мобилизационной готовности»[1].

Отвечая на решения XVIII партийной конференции, рабочий класс Страны Советов продемонстрировал новые формы творческой активности. Лучший металлургический завод страны — имени Дзержинского (г. Днепродзержинск) обратился ко всем рабочим и служащим черной металлургии с призывом раньше срока завершить полугодовой план[2]. Призыв был поддержан рабочими Макеевского металлургического завода имени Кирова, Днепропетровского завода имени Петровского, московского завода «Серп и молот», Новотульского металлургического завода и многих других. Горняки Криворожья в открытом письме к металлургам страны заявили: «Товарищи металлурги! Выплавляйте больше чугуна и стали, производите больше проката! За железной рудой остановки не будет. Мы дадим столько руды, сколько нужно металлургам для перевыполнения полугодового плана»[3].

Мероприятия, направленные на укрепление трудовой дисциплины и улучшение руководства народным хозяйством, а также развертывание социалистического соревнования сказались на росте производительности труда. Так, по четырем машиностроительным наркоматам производительность труда в начале 1941 г. по сравнению с 1938 г. увеличилась на 30%[4].

Благодаря самоотверженным усилиям рабочего класса Советский Союз располагал накануне Великой Отечественной войны значительной материально-технической базой. Валовая продукция всей промышленности в 1940 г. увеличилась по сравнению с 1913 г. в 7,7 раза, а производство средств производства — в 13,4, машиностроения и металлообработки — в 29,6 раза. Энерговооруженность труда увеличилась к 1940 г. в сравнении с 1913 г. в 5 раз, электровооруженность труда — в 8, а производительность труда промышленных рабочих — в 3,8 раза[5].

По выпуску валовой продукции машиностроения, тракторостроения и производству нефти СССР занял первое место в Европе и второе в мире; по производству электроэнергии, алюминия, чугуна и стали — второе место в Европе и третье в мире; по добыче угля, производству цемента — третье место в Европе и четвертое в мире. На этой индустриальной основе выросла оборонная мощь Советского Союза.

Коммунистическая партия учитывала необходимость подготовки

[1] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1. М., 1970, стр. 44.
[2] См. «Правда», 15 мая 1941 г.
[3] «Правда», 20 мая 1941 г.
[4] См. «Партийное строительство», 1941, № 4-5, стр. 114.
[5] См. «Страна Советов за 50 лет». Сборник статистических материалов. М., 1967, стр. 51—52.

глубокого тыла на случай войны. Промышленное освоение районов Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии диктовалось тремя основными причинами: наличием в этих районах огромных неосвоенных природных ресурсов; необходимостью выравнивания уровня экономического развития бывших национальных окраин для обеспечения всем нациям и народностям нашей страны фактического равенства; военно-стратегической необходимостью создания второй промышленной базы на востоке страны. За 1938—1940 гг. промышленная продукция здесь увеличилась в 1,5 раза; были созданы новые металлургическая и угольная базы. К лету 1941 г. в восточных районах находилась почти пятая часть всех военных заводов страны[1].

В сложнейшей международной обстановке Советский Союз вынужден был значительно увеличить ассигнования на оборону — с 34,5 млрд. в 1939 г. до 83 млрд. руб. в 1941 г. [2] На выполнение программы обеспечения обороны в 1940 г. была выделена почти треть, а в 1941 г.— 43,4% бюджета[3]. Если ежегодный прирост всей промышленной продукции в 1938—1940 гг. составлял в среднем 13%, то оборонной — 39% [4].

Партией и правительством был осуществлен ряд важнейших мероприятий по перестройке оборонной промышленности, расширению военного производства. Это позволило увеличить запасы боевой техники и вооружения, приступить к техническому перевооружению Красной Армии. Однако к началу войны оно еще не было завершено.

Были проведены меры по повышению боевой готовности вооруженных сил. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял новый закон о всеобщей воинской обязанности. Призывной возраст был снижен с 21 года до 19 лет, а для окончивших полную среднюю школу — 18 лет. Вводилась система начальной военной и допризывной подготовки молодежи и военного обучения населения.

Рабочий класс готовил кадры будущих воинов прямо на предприятиях. Партийные и профсоюзные организации заботились о физической подготовке молодежи, об овладении ею военными специальностями (летчиков, танкистов, снайперов, мотоциклистов, радистов). Проводились стрелковые соревнования, занятия служб противовоздушной и химической обороны. Активно готовились к защите Родины и женщины. На предприятиях открывались кружки медицинских сестер. Многие женщины-работницы изучали радиотехнику, военное дело.

В начале 1941 г. Общество содействия армии, авиации и флоту (Осоавиахим) объединяло в своих рядах 13 млн. человек. Свыше 35%

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 120.
[2] См. *Г. С. Кравченко.* Военная экономика СССР. 1941—1945. М., 1963, стр. 64.
[3] См. «Коммунист», 1968, № 12, стр. 65.
[4] См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1980, стр. 455.

состава партии и 31% комсомольцев являлись активными членами этого оборонного общества[1].

К середине 1941 г. численность армии и флота достигла более 5 млн. человек против 1,5 млн. на начало 1938 г.[2] Командный состав армии был тесно связан с народными массами. В середине 1940 г. почти 40% командиров всех рангов были выходцами из рабочих[3].

Широкое участие рабочего класса в военно-патриотической работе, решительная поддержка им всех мероприятий партии и правительства по усилению экономической и оборонной мощи страны имели важнейшее значение для укрепления сплоченности всех трудящихся СССР вокруг Коммунистической партии, повышения общественно-политической активности масс, их готовности с оружием в руках встать на защиту завоеваний Октября.

Оценивая достижения довоенных пятилеток, Л. И. Брежнев отмечал: «Спору нет, что-то можно было сделать быстрее, что-то лучше, что-то с меньшими издержками. Но, чтобы объективно оценить пройденный путь, следует всегда помнить: каждый шаг был для нас поиском, каждое продвижение вперед достигалось в упорной борьбе с врагами внутри страны и на мировой арене»[4].

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

Агрессия фашистской Германии представляла собой беспрецедентную по своим масштабам попытку вооруженной силой уничтожить новую общественно-экономическую формацию, стереть с лица земли социалистическое государство рабочих и крестьян.

Самые реакционные силы империализма в лице фашистской Германии вступили в войну, имея военное и экономическое превосходство.

Для войны против СССР фашистская Германия сосредоточила 190 дивизий общей численностью 5,5 млн. человек, 47,2 тыс. орудий и минометов, около 4,3 тыс. танков и штурмовых орудий, почти 5 тыс. самолетов[5]. Обстановка для Советского Союза и его армии сложилась крайне неблагоприятно. Советские войска в западных приграничных округах насчитывали 170 дивизий и 2 бригады общей

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 129.
[2] См. «50 лет Вооруженных Сил СССР». М., 1968, стр. 234; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 130.
[3] См. «Советский рабочий класс», стр. 353.
[4] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 84—85.
[5] См. «История второй мировой войны. 1939—1945», т. 4. М., 1975, стр. 21.

численностью около 2,7 млн. человек; на их вооружении находилось 37,5 тыс. орудий и минометов, 1475 новых танков и 1540 боевых самолетов (новых типов) [1]. Используя временные преимущества, полученные в результате длительной подготовки армии к войне против СССР, а также созданные внезапностью нападения, имея опыт ведения современной войны, накопленный в ходе военных кампаний на Западе, гитлеровские захватчики глубоко вторглись в пределы СССР.

Причиной временных неудач Красной Армии в приграничных сражениях и вынужденного отступления в глубь страны были также просчеты, допущенные в оценке момента нападения фашистской Германии, и упущения в подготовке к отражению первых ударов агрессора [2]. Для советских войск нападение было внезапным, и они не могли задержать гитлеровскую армию на оборонительных рубежах. Это не позволило более организованно вступить в сражения войскам, подходившим из глубинных районов страны.

Перед Советским государством и Коммунистической партией встала задача, используя преимущества социалистической общественной системы, мобилизовать все материальные и духовные силы общества для разгрома гитлеровских захватчиков.

В сложнейших условиях Коммунистическая партия и Советское правительство сосредоточили основные усилия на перестройке всей жизни страны на военный лад. Программа такой перестройки была определена в Директиве ЦК ВКП(б) и СНК СССР партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. Разъясняя характер начавшейся войны и задачи, вставшие перед страной, партия указывала, что целью фашистского нападения на СССР «является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов... в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение» [3].

ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР призвали отрешиться от настроений мирного времени. Чтобы ликвидировать грозную опасность, нависшую над Родиной, требовалось перестроить всю работу на военный лад, организовать всестороннюю помощь фронту, всемерно увеличить производство вооружения, направить все силы на разгром врага. Партия призывала советских людей развернуть в тылу

[1] См. «История второй мировой войны. 1939—1945», т. 4. М., 1975, стр. 25.
[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 153.
[3] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза». Документы 1917—1968 гг. М., 1969, стр. 299—301.

немецко-фашистских захватчиков партизанскую борьбу, создавать в оккупированных районах «невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»[1].

Партия разъясняла советскому народу и всему миру освободительный характер войны Советского Союза против фашистской Германии как всенародной Отечественной войны советского народа и как войны за освобождение народов Европы, попавших под иго немецко-фашистских оккупантов, за завоевание длительного и прочного мира.

В целях обеспечения быстрейшей мобилизации всех сил на разгром агрессора 30 июня 1941 г. был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО) под председательством И. В. Сталина. В руках ГКО была сосредоточена вся полнота власти, все государственное, военное и хозяйственное руководство. Была создана Ставка Верховного Главнокомандования во главе с И. В. Сталиным, который был назначен также народным комиссаром обороны СССР и Верховным Главнокомандующим.

Партия сосредоточивала свои лучшие силы на решающих участках работы в армии и в тылу. По решению Политбюро ЦК ВКП(б) на военную работу были направлены 54 члена и кандидата в члены ЦК и 13 членов Центральной ревизионной комиссии. Всего в начальный период войны в Вооруженные Силы пришли 500 секретарей республиканских, краевых, областных комитетов партии, горкомов, райкомов партии, 270 ответственных работников аппарата партии, 1265 работников областного и районного звена, входивших в номенклатуру ЦК партии[2]. На военную работу были посланы видные партийные и государственные деятели — Л. И. Брежнев, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Я. Э. Калнберзин, А. А. Кузнецов, Д. З. Мануильский, П. К. Пономаренко, А. Ю. Снечкус, М. А. Суслов, Н. С. Хрущев, А. С. Щербаков и др. Многие видные деятели партии и государства вели большую организаторскую и партийно-политическую работу в армии и в тылу. Пламенным трибуном, призывавшим советских людей на священную войну с гитлеровскими захватчиками, был Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, часто выезжавший на фронт и в тыловые районы страны. Члены ГКО Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник возглавили важнейшие участки народного хозяйства, обеспечивавшие снабжение Красной Армии[3].

Только за первые полгода войны в партийные организации воору-

[1] «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза», стр. 300.
[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 170.
[3] См. там же, стр. 169—170.

женных сил влилось более 1,1 млн. коммунистов — треть состава территориальных организаций[1]. На фронт было послано в качестве политбойцов 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев[2]. Осуществляя перестройку идейно-политической работы, ЦК ВКП(б) исходил из ленинского указания о том, что «во всякой войне победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь», что «убеждение в справедливости войны... поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести»[3].

Призыв Коммунистической партии подчинить все интересам фронта и достижению победы был единодушно поддержан народом.

В авангарде борьбы против злейшего врага свободолюбивых народов шел рабочий класс СССР, руководимый Коммунистической партией. «Надо быть в эти исторические дни на заводах и фабриках для того, чтобы воочию видеть силу рабочего класса, поднимающегося с оружием в руках за правое дело,— писала в те дни «Правда»,— видеть, как рабочий класс сплочен и един, как велика его уверенность в победном исходе поединка, навязанного нашему народу гитлеровской Германией»[4].

Сотни тысяч рабочих в военных шинелях приняли на себя первый удар на суше, в воздухе и на море, проявив необычайную стойкость и героизм при защите рубежей Родины. Ярким проявлением патриотизма советского рабочего класса явилось создание по его инициативе народного ополчения. ЦК партии одобрил этот замечательный почин. Уже к 7 июля 1941 г. в Москве было сформировано 12 дивизий, в десяти из них рабочие составляли большинство. Рабочие-добровольцы завода «Калибр» были сведены в полк, заводы «Серп и молот», ГПЗ № 1, «Красный богатырь», мясокомбинат им. Микояна создали по батальону[5]. В это же время было образовано 25 истребительных батальонов, основным костяком которых были рабочие. Почти половину из них составляли коммунисты. Истребительные батальоны выявляли вражеских лазутчиков, шпионов и диверсантов, охраняли наиболее важные военно-хозяйственные объекты.

Десять дивизий народного ополчения выставил Ленинград, в семи из них большинство составляли рабочие. Одна из дивизий целиком была сформирована из рабочих Кировского завода, другая — из рабочих предприятий Московской заставы.

Истребительные батальоны и части народного ополчения создава-

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 172.
[2] См. там же, стр. 171.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 121.
[4] «Правда», 8 июля 1941 г.
[5] *Г. Г. Морехина.* Рабочий класс — фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1962, стр. 96.

лись на Украине, в Белоруссии, Прибалтике. Центрами формирования ополчения столицы Украины были заводы «Арсенал», «Большевик», «Ленинская кузница», фабрика им. Карла Маркса. На защиту Донбасса к октябрю 1941 г. выступили 175 тыс. патриотов-ополченцев, призванных к оружию партийными организациями Макеевки, Горловки, металлургических заводов и шахт.

Сотни тысяч рабочих вышли на строительство оборонительных сооружений под Ленинградом, Киевом, Одессой, Смоленском, Вязьмой, Брянском, Москвой, в Донбассе. Рабочие коллективы пополняли ряды местной противовоздушной обороны городов, предприятий, железнодорожных узлов. Многие женщины-работницы вступили в группы Красного Креста.

Формирование ополчений[1] было естественным результатом массового движения рабочего класса, поддержанного всеми трудящимися, свидетельством высокого патриотизма и социалистической сознательности ведущего класса советского общества. В тяжелые дни лета и осени 1941 г. были созданы около 60 дивизий народного ополчения, сотни других добровольческих формирований (общей численностью до 2 млн. бойцов), 1755 истребительных батальонов (более 328 тыс. человек), в строительстве оборонительных рубежей приняло участие около 10 млн. трудящихся. К концу 1941 г. было вновь сформировано 286 стрелковых дивизий Красной Армии[2]. За полгода в тяжелейших условиях войны были образованы Вооруженные Силы, превышающие те, которыми располагала страна до нападения фашистской Германии.

Первые месяцы войны были крайне напряженными. Красная Армия отступала. Части, попадавшие в окружение, сражались с исключительным мужеством, но несли тяжелые потери. Те, кому удавалось вырваться из вражеского кольца, продолжали борьбу, вливались в ряды партизан и подпольщиков.

Отходя с боями, советские войска изматывали ударные группировки врага и наносили ему большой урон. Массовый героизм и железная стойкость, проявленные советскими воинами при обороне многих рубежей и городов, свидетельствовали о высоком патриотизме народа. До последней возможности защищались вместе с частями Красной Армии рабочие батальоны Риги, Даугавпилса, Таллина, Могилева, Бобруйска, Орши, Минска, Киева, Смоленска, Ельни и других городов. Среди защитников Киева были рабочие «Арсенала», завода со славным революционным прошлым, и других предприятий столицы Украины. Их усилиями, самоотверженным трудом всех жителей Киева были построены укрепления, баррикады и узлы сопротивления. 73 дня доблестные советские воины и

[1] Подробнее см. *А. Д. Колесник.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974.

[2] «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941—1945». М., 1976, стр. 698.

трудящиеся города стояли насмерть, отбивая многочисленные атаки фашистов.

Неприступной крепостью встал на пути врага город Ленина, колыбель Великого Октября. Душой обороны города были коммунисты. Только в первые три месяца войны на фронт ушло три четверти Ленинградской партийной организации. Когда гитлеровцы подошли к городу, ветераны-путиловцы в обращении к воинам Красной Армии писали: «Помните, что нет в мире такой силы, которая бы заставила нас, путиловцев-кировцев, заколебаться, мы плавим сталь, и мы тверды, как сталь.

Боролись мы с царем и капиталистами — сломали их, боролись мы с белыми генералами и интервентами — сломали их, боролись мы с разрухой и голодом — сломали их. Неужели ослабли наши рабочие руки, забыли мы свое героическое прошлое? Нет, никогда не были так могучи мы, как сейчас, силой и ненавистью к врагу... Побеждает тот, кто презирает смерть, кто не знает страха, кто сквозь огонь неудержимо идет вперед»[1].

В Ленинграде все население встало на защиту города. У самого переднего края линии фронта находились такие гиганты ленинградской индустрии, как Кировский завод, «Электросила», Ижорский завод в Колпино. Ни на один день не прекращали работы их героические коллективы. 900 дней в условиях жесточайшей блокады рабочие Ленинграда вместе с войсками стояли насмерть и отстояли колыбель революции[2].

Исключительный героизм и самоотверженность проявили рабочие при обороне Одессы и Севастополя. Упорная защита этих и других городов, вставших на пути фашистских полчищ, позволила выиграть время, мобилизовать и развернуть войска Красной Армии, эвакуировать оборудование промышленных предприятий и другие материальные ценности в глубинные районы, сорвать расчеты фашистов на молниеносный успех.

Поворотным в ходе войны стало сражение под Москвой. В результате ожесточенных боев враг был не только разгромлен, но и отброшен от советской столицы. Душой обороны Москвы были коммунисты. По призыву партийной организации на защиту города поднялись все жители. Свое веское слово сказал рабочий класс. «Сколько бы ни топтались бешеные фашистские орды на подступах к Москве, Москвы им не видать! На подступах к Москве фашизм найдет себе могилу. Все — на поддержку фронта!» — так заявили металлурги завода «Серп и молот» 20 октября 1941 г. Эти слова стали клятвой всей рабочей Москвы.

В ряды бойцов, защищавших столицу, влились десятки тысяч рабочих. В районах, на предприятиях создавались коммунистичес-

[1] «Гвардия тыла». М., 1962, стр. 178.

[2] См. *А. В. Карасев.* Ленинградцы в годы блокады. 1941—1943. М., 1959.

кие рабочие батальоны, формировались рабочие дружины. Тысячи рабочих уходили в партизанские отряды, стали бойцами местной противовоздушной обороны, работали на строительстве оборонительных рубежей.

Хотя из Москвы было эвакуировано свыше 200 предприятий, а численность рабочих сократилась в 6 раз, столица продолжала оставаться важным военным арсеналом. На помощь ей пришла вся страна. К Москве подтягивались сибирские дивизии, в рядах которых было немало рабочих крупнейших промышленных центров Востока. Из уже осажденного Ленинграда войскам, защищавшим Москву, было отправлено воздушным путем более тысячи артиллерийских орудий и минометов. 28 ноября 1941 г. командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков телеграфировал члену Политбюро, секретарю ЦК, Ленинградского горкома и обкома партии А. А. Жданову, одному из организаторов обороны Ленинграда: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами»[1].

С железной стойкостью сражались рабочие Тулы, ставшей в те дни южным бастионом в обороне столицы. Шесть раз пополнялся Тульский рабочий полк во время сорокапятидневной осады города, но не сдал своих позиций[2].

В битве под Москвой стратегическая инициатива была вырвана из рук врага. Стратегия «молниеносной войны», обеспечившая гитлеровской армии победу на Западе, оказалась несостоятельной в борьбе против социалистического государства. Сокрушительный разгром немецко-фашистской армии развеял миф о непобедимости фашистской Германии и положил начало коренному повороту в ходе всей войны.

Всенародная борьба против оккупантов развертывалась и на временно захваченной ими части советской земли. Основной костяк подпольных групп в городах составляли рабочие и служащие. Массовый героизм проявляли рабочие в партизанских отрядах Прибалтики, Ленинградской и Псковской областей, Белоруссии, Украины, Подмосковья. В составе отрядов ленинградских народных мстителей сражались рабочие Кировского и Ижорского заводов и др.[3]

К концу 1943 г. свыше миллиона вооруженных партизан вели борьбу с фашистскими захватчиками. Рабочие составляли к этому времени 30,1% состава боевых партизанских сил, колхозники — 40,5 и служащие — почти 29,4%[4].

[1] «Кузница победы. Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания». М., 1980, стр. 72.
[2] См. «Известия», 8 декабря 1976 г.
[3] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 2. М., 1963, стр. 132—133.
[4] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 6, М., 1965, стр. 256.

Оккупанты пытались привлечь оставшихся на временно захваченной ими территории рабочих для восстановления и налаживания работы промышленных предприятий. Но, несмотря на свирепый террор, советские люди срывали мероприятия оккупантов, уклонялись от трудовой повинности, применяли многообразные формы саботажа и диверсий. Немало рабочих было расстреляно за отказ работать на оккупантов. От рук фашистских палачей погибли делегат VIII Чрезвычайного съезда Советов СССР, известный всей стране сталевар-новатор М. Мазай, депутаты Верховного Совета УССР металлурги Н. Пузырев, И. Моисеев, знатный горняк Донбасса Н. Гвоздырьков и др.[1] Своей героической борьбой в тылу врага советские патриоты оказывали неоценимую помощь Красной Армии.

Летом 1942 г. началось новое немецкое наступление на южном крыле фронта. Противник рвался к Сталинграду и на Северный Кавказ. Встала задача любой ценой удержать город на Волге. Сталинградская битва стала символом стойкости советских воинов, образцом высокого патриотизма советского народа, вдохновляющим примером для всех борцов против фашизма.

Вместе с войсками 62-й армии под командованием генерала В. И. Чуйкова и 64-й армии под командованием генерала М. С. Шумилова рабочие Сталинграда встали на защиту города. Беспримерную стойкость проявили истребительные батальоны, составленные из рабочих заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и тракторного. Газета «Правда» 5 октября 1942 г. писала: «Никогда не угаснут в сердце советского народа имена рабочих Сталинградского тракторного завода, первенца социалистической индустриализации, которые жизнью и смертью своей преградили врагу путь к городу».

Пытаясь сломить сопротивление защитников Сталинграда, враг обрушил на город десятки тысяч бомб и снарядов, двинул сотни танков и большое количество живой силы. Казалось, нет таких моральных и физических сил, которые выдержали бы это страшное испытание. Борьба в городе шла за каждый метр земли, за лестничную клетку, этаж, отсек в подвале, воронку от снаряда. Весь мир, затаив дыхание, следил в те дни за исходом сражения. Газета «Нью-Йорк трибюн» писала 27 ноября 1942 г.: «...в невообразимом хаосе бушующих пожаров, густого дыма, разрывающихся бомб, разрушенных зданий, мертвых тел защитники города отстаивали его со страстной решимостью не только умереть, если потребуется, не только обороняться, где нужно, но и наступать, где можно... Такие бои не поддаются стратегическому расчету: они ведутся со жгучей ненавистью, со страстью, которой не знал Лондон даже в самые тяжелые дни германских воздушных налетов. Но именно такими боями выигрывают войну».

[1] См. *А. В. Митрофанова*. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971, стр. 551.

Вся Советская страна помогала воинам и рабочим отрядам, отражавшим натиск врага у Волги. Доблесть защитников Сталинграда соединялась с патриотизмом тружеников тыла. В великую победу на Волге свой вклад внесли рабочие Москвы, Урала, Сибири, Средней Азии.

Гигантское сражение под Сталинградом завершилось окружением и разгромом 330-тысячной вражеской группировки, которые осуществили войска Юго-Западного, Сталинградского и Донского фронтов под командованием генералов Н. Ф. Ватутина, А. И. Еременко и К. К. Рокоссовского. Эта победа имела огромное значение для достижения коренного перелома в ходе Великой Отечественной и второй мировой войны. Она высоко подняла авторитет Советской державы как решающей силы в борьбе за освобождение порабощенных фашизмом народов, укрепила антигитлеровскую коалицию, активизировала движение Сопротивления оккупантам.

Великая победа на Волге вызвала чувство глубокого уважения к советскому народу и его армии среди народов антигитлеровской коалиции. На Тегеранской конференции трех великих держав премьер-министр Великобритании У Черчилль вручил советской делегации почетный меч — дар короля Великобритании Георга VI гражданам Сталинграда в ознаменование победы над фашистскими захватчиками. В мае 1944 г. президент США Ф. Рузвельт прислал героическому волжскому городу грамоту, в которой выражалось «восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады с 13 сентября 1942 года по 31 января 1943 года будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии»[1].

На весь мир прозвучали голоса прогрессивных деятелей науки, литературы и искусства. А. Эйнштейн отмечал, что Красная Армия и Красный Флот «мужественно защитили удивительные достижения советской культуры и промышленности и уничтожили смертельную угрозу будущему развитию человеческого прогресса»[2].

С переходом Красной Армии в контрнаступление под Сталинградом началось массовое изгнание немецко-фашистских войск из пределов Советской страны. Красная Армия с этих пор прочно удерживала в своих руках инициативу. Летом 1943 г. гитлеровцы подтянули значительные резервы, переброшенные с Запада, и перевооружили вермахт новыми танками и самоходными орудиями.

[1] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 3. М., 1964, стр. 76.

[2] «Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945). Документы и материалы», сб. VI. М., 1962, стр. 512.

Но, сломив в короткий срок их наступательную силу под Орлом и Курском, войска Западного, Брянского, Центрального и Воронежского фронтов под командованием генералов В. Д. Соколовского, М. М. Попова, К. К. Рокоссовского и Н. Ф. Ватутина перешли в контрнаступление. Один за другим были сметены мощные оборонительные рубежи немецко-фашистской армии. Планы гитлеровцев, рассчитывавших закрепиться на рубеже Днепра, также потерпели крах.

Одним из ярких проявлений патриотической инициативы рабочего класса СССР по оказанию всемерной помощи фронту явилось формирование рабочими добровольческих воинских соединений. Летом 1942 г., когда фашисты рвались к Сталинграду и Кавказу, по инициативе трудящихся Омской, Новосибирской, Кемеровской и Красноярской областей началось формирование Особого Сибирского стрелкового корпуса. В его оснащении приняли участие многие предприятия Сибири. Развернувшееся в начале 1943 г. на Урале соревнование за выпуск сверхплановой продукции для оснащения частей и соединений Красной Армии вызвало возглавленное партийными организациями движение за создание собственными силами крупного бронетанкового соединения. 130 тыс. трудящихся Свердловской, Пермской и Челябинской областей подали заявления с просьбой о зачислении в его ряды. Особый Уральский добровольческий танковый корпус, на организацию которого трудящиеся Урала внесли из своих личных средств свыше 70 млн. руб., был укомплектован уральцами и отправлен на фронт. Танковый корпус прошел славный боевой путь от Орла до Берлина и Праги и был удостоен орденов боевого Красного Знамени, Суворова и Кутузова, а его бригады и части награждены 51 боевым орденом[1].

Сокрушительные удары у Волги и на Курской дуге основательно потрясли фашистский блок, повлияли на международную обстановку. Капитулировала Италия. Пути выхода из войны начали искать другие союзники Германии. События на советско-германском фронте отрезвляюще подействовали на японских милитаристов и правящие круги Турции, питавшие агрессивные замыслы против СССР.

1944 год ознаменовался крупнейшими по размаху и результатам операциями Советских Вооруженных Сил под Ленинградом, на Правобережной Украине, в Белоруссии, Прибалтике и на севере страны. К концу года гитлеровская армия была выброшена из пределов СССР.

С освобождением советской земли перед Красной Армией встала историческая задача — вызволить из неволи порабощенные фашизмом народы Европы, оказать им помощь в восстановлении национальной независимости и суверенитета.

[1] См. «Советский рабочий класс», стр. 404—405.

Завершающим актом в борьбе с фашистской Германией явилась Берлинская операция, осуществленная войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов под командованием маршалов Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского и И. С. Конева. Враг был разгромлен и безоговорочно капитулировал. Водруженное советскими воинами над рейхстагом Красное знамя стало символом победы социализма над фашизмом. Гитлеровский «новый порядок», перед которым померкли самые чудовищные преступления прошлого, рухнул навсегда. Германский фашизм, ставивший целью завоевание мирового господства, потерпел крах.

Пламя войны в Европе было потушено. Но вторая мировая война еще не была закончена. Выполняя свои союзнические обязательства, Советский Союз 8 августа 1945 г. объявил войну милитаристской Японии. Советские войска, главнокомандующим которых на Дальнем Востоке был маршал А. М. Василевский, нанесли сокрушительный удар по Квантунской армии, что предрешило быструю капитуляцию Японии. Великая Отечественная война Советского Союза, а вместе с ней и вторая мировая война окончилась. Народы праздновали великую победу над силами фашизма и милитаризма. Все честные люди Земли воздавали дань глубочайшего уважения советскому народу и его армии, внесшим решающий вклад в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии.

Высокая оценка борьбы советского народа была дана в выступлениях многих зарубежных политических и военных деятелей[1]. Так, Ф. Рузвельт подчеркивал, что «Красная Армия и русский народ наверняка заставили вооруженные силы Гитлера идти по пути к окончательному поражению и завоевали на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов»[2]. Начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл в докладе военному министру признавал: «Без успешных действий Красной Армии американские войска были бы не в состоянии противостоять агрессору и война была бы перенесена на Американский континент»[3]. Английский премьер-министр У. Черчилль отмечал: «Будущие поколения признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед»[4].

Председатель Временного правительства Французской Республики Ш. де Голль отмечал, что «огромные усилия, приложенные

[1] См. *В. А. Секистов, Г. И. Коротков.* Устами американцев. М., 1978.

[2] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.» (далее — «Переписка...»), т. II. М., 1976, стр. 55—56.

[3] Цит. по: «50 лет Вооруженных Сил СССР», стр. 455.

[4] «Переписка...», т. I, стр. 362.

в общей борьбе, либо на полях сражений, либо в труде в тылу, миллионов и миллионов мужчин и женщин Советского Союза, неслыханные жертвы, которые они принесли, способности, проявленные теми, кто руководит ими... столь глубоко тронули наш народ в его вчерашней подавленности и в сегодняшнем энтузиазме, что они подняли на высшую ступень вековое чувство симпатии, которое мы, французы, всегда питали по отношению к русскому народу»[1].

Решающая роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии очевидна. Только в первые два года войны на советско-германском фронте было сосредоточено от 153 до 200 дивизий противника (70—72% всех его сил), в течение третьего года войны — 66% и в последний год войны — 57% дивизий. В 1944 г. на Западном фронте было 18—25% немецких дивизий[2].

Красная Армия разгромила основные силы фашистской Германии. За время войны на советско-германском фронте было уничтожено, взято в плен и расформировано вследствие потерь 506,5 дивизий немецко-фашистских войск. Кроме того, подверглись разгрому не менее 100 дивизий сателлитов Германии. Союзники по антигитлеровской коалиции в Северной Африке, Италии и Западной Европе уничтожили и взяли в плен 176 вражеских дивизий. Из 13 600 тыс. потерь фашистской Германии убитыми, ранеными и пленными потери на советско-германском фронте составили 10 млн. человек[3]. Потери вермахта на советско-германском фронте были в 4 раза больше, чем на западноевропейском и средиземноморском театрах военных действий, вместе взятых. По числу убитых и раненых это соотношение возрастает до 6 1[4]. Из 100 тыс. самолетов, произведенных за годы войны в Германии, 62 тыс. были уничтожены Советскими Вооруженными Силами[5].

Советский народ по праву стяжал себе бессмертную славу народа-богатыря, народа-победителя.

Великая освободительная миссия Советского Союза и его Вооруженных Сил закономерно вытекала из природы советского общественного строя, марксистско-ленинской идеологии и его интернациональных обязанностей. Героическая армия первой в мире страны социализма спасла народы Европы от фашистского порабощения, а народы Азии — от гнета японского империализма. В вооруженной борьбе за освобождение зарубежных стран участвовало более

[1] «Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Документы и материалы». М., 1959, стр. 395.
[2] См. «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970, стр. 566.
[3] См. там же, стр. 567.
[4] См. «Военно-исторический журнал», 1962, № 12, стр. 73, 76.
[5] См. «Вопросы истории», 1961, № 10, стр. 172.

7 млн. советских воинов. Более 1 млн. из них пали в боях за освобождение порабощенных народов[1].

Коммунисты были в авангарде сражающегося народа. Партию великого Ленина по праву назвали сражающейся партией. К началу 1945 г. в Красной Армии и на Флоте находилось почти 60% всего состава партии[2]. В боях за свободу и независимость Родины, за освобождение порабощенных народов геройски пали более 3 млн. коммунистов[3].

Рабочий класс, все советские люди — воины и труженики тыла продемонстрировали в годы Великой Отечественной войны величие духа, верность долгу и готовность к самопожертвованию.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТРУД ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

Использование экономического потенциала оккупированной Европы, захват важнейших промышленных районов Советского Союза на первых порах создали определенные преимущества для фашистской Германии. Однако в дальнейшем возраставшее воздействие на соотношение экономических потенциалов СССР и Германии оказывала более высокая способность советского общества мобилизовать все резервы для военно-экономической победы над захватчиками. Лозунг Коммунистической партии «Все для фронта, все для победы!» стал в годы войны могучей мобилизующей и организующей силой, направлявшей деятельность советских людей в тылу. Труд ратный и труд созидательный в равной мере были подчинены одной цели — разгрому врага.

С первых же дней войны рабочий класс выступил в авангарде патриотического движения трудящихся за оказание помощи фронту. Рабочие и служащие Московского автомобильного завода заявили: «Мы знаем, что наше дело правое, что враг будет разбит, победа будет за нами. Для достижения этой победы каждый из нас с полным сознанием своего долга гражданина Советской страны, не жалея сил, будет работать на своем посту, чтобы героическим, напряженным трудом ковать военную мощь нашей Родины... Мы готовы в любую минуту сменить станок на винтовку»[4].

Миллионы рабочих и служащих заявили о своей готовности работать столько, сколько потребуется для удовлетворения нужд фронта. В резолюции рабочих групп механических цехов Уралмашзавода говорилось: «Ни один рабочий, ни один инженерно-технический работник, ни один служащий не уйдет с завода до тех пор, пока

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», стр. 512.
[2] См. там же.
[3] «Советская военная энциклопедия», т. 4. М., 1977, стр. 280.
[4] «Правда», 24 июня 1941 г.

не будет обеспечено выполнение государственного задания»[1]. А коллектив завода «Красный пролетарий» постановил: «Мы считаем себя мобилизованными и до тех пор не будем покидать своих рабочих мест, пока не будет выполнено любое задание»[2]. Опираясь на эту инициативу рабочего класса, Президиум Верховного Совета СССР при поддержке профсоюзов принял указы об установлении обязательных сверхурочных часов работы и отмене очередных и дополнительных отпусков.

Коммунистическая партия направляла усилия рабочего класса, всего народа на военную перестройку народного хозяйства страны. 16 августа 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, которое одобрило военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, составленный специальной комиссией во главе с заместителем председателя СНК СССР Н. А. Вознесенским. Новый план предусматривал широкое развертывание промышленного строительства в восточных районах страны, перебазирование сюда предприятий из прифронтовой полосы и ускоренный ввод их в действие, развертывание здесь основной военно-экономической базы СССР, увеличение производства вооружения, боеприпасов, танков, самолетов, металла, угля, бензина, расширение основных железнодорожных узлов, станций и путей.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР 24 июня 1941 г. поставили перед партийными, советскими и хозяйственными органами на местах конкретные задачи по эвакуации населения и материально-производственных ценностей из прифронтовых районов. Этой работой руководил Совет по эвакуации. В его состав вошли первый секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник (председатель), заместитель Председателя СНК СССР А. Н. Косыгин, нарком химической промышленности М. Г. Первухин, заместитель Председателя СНК СССР и нарком внешней торговли А. И. Микоян, представитель Госплана СССР М. З. Сабуров и др.[3]

До последнего часа не прекращали выпуска продукции промышленные центры Белоруссии, Украины. Буквально с линии фронта было вывезено оборудование предприятий «Запорожстали», коксохимического, огнеупорного, «Днепроспецстали». Большую помощь в эвакуации предприятий оказали квалифицированные рабочие, прибывшие с металлургических заводов Донбасса—Донецкого, Макеевского, Енакиевского, Алчеевского. С болью в сердце советские люди уничтожали и приводили в негодность то, что невозможно было вывезти.

[1] Многотиражка «За тяжелое машиностроение», 5 июля 1941 г.
[2] Многотиражка «Двигатель», 5 июля 1941 г.
[3] См. «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. X. М., 1973, стр. 86.

Днем и ночью по железнодорожным магистралям страны шли навстречу друг другу два потока: к фронту— эшелоны с войсками и боевой техникой, а в тыл из прифронтовой полосы — транспорты с оборудованием эвакуируемых предприятий. В течение июля — декабря 1941 г. из угрожаемых районов было перебазировано на Восток 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных промышленных предприятия. Для этого потребовалось 1,5 млн. вагонов[1]. В глубокий тыл было эвакуировано более 10 млн. советских людей. Невиданная в истории эпопея перебазирования производительных сил из прифронтовых районов по размаху и значению для судеб Советской страны, для итогов войны равна величайшим битвам второй мировой войны.

Осенью 1941 г. народное хозяйство было в тяжелом положении. Не работал ни один металлургический завод на юге страны, вышли из строя Донецкий и Подмосковный угольные бассейны. С июня по декабрь валовая продукция промышленности СССР сократилась в 2,1 раза. Оборудование многих эвакуированных предприятий еще находилось в пути. На Урале, в Сибири, Поволжье имелся минимум условий для того, чтобы принять эвакуированные предприятия, разместить их, ввести в строй и быстро наладить выпуск военной продукции, ощущался острый недостаток в квалифицированных кадрах, строительных материалах, не хватало жилищ и т. д.

Однако усилия партии, правительства, помноженные на беспримерные героизм и самопожертвование советских людей, преодолели и эти неслыханные трудности.

Ускоренными темпами налаживалось военное производство. По решению ГКО (октябрь 1941 г.) в составе Наркомтанкопрома был образован комбинат по производству тяжелых танков КВ, в который вошли Кировский завод (в Челябинске), танковые цехи Ижорского завода (на «Уралмаше») и некоторые уральские предприятия тяжелого машиностроения. Всего за четыре месяца (сентябрь—декабрь) была завершена грандиозная работа по созданию танковой промышленности на востоке страны. В глубоком тылу в строй действующих вошли восемь танкостроительных, шесть корпусных и три дизельных завода[2].

«Уралмаш», до войны специализировавшийся на производстве отдельных сложнейших машин-уникумов, был переключен на производство бронекорпусов тяжелых танков. Стали выпускать танки Сталинградский тракторный завод, «Красное Сормово» в Горьком. В связи с потерей заводов Южной Украины и Донбасса, где было развито производство качественного металла, перед металлургами Урала и Сибири была поставлена важнейшая военно-хозяйственная

[1] См. «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941—1945», стр. 101.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 296.

задача — дать в короткий срок и в достаточном количестве высококачественный черный металл, необходимый для производства брони. За ее решение взялись коллективы флагманов урало-сибирской индустрии — Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты.

На Магнитке не было печей с кислым подом, в которых варят броневую сталь. Под руководством директора комбината, выдающегося металлурга Г. И. Носова инженер В. А. Смирнов, мастера М. М. Хилько, М. Г. Веразов, Е. С. Сазонов, сталевары А. С. Поздняков, Д. Н. Жуков, Т. Н. Абраменко разработали новую технологию выплавки стали в большегрузных мартенах[1]. Так как не было прокатных станов, по предложению заместителя главного механика комбината Н. А. Рыженко броневой лист стали катать на обжимном стане блюминга. 28 июля 1941 г. опытные прокатчики оператор В. Е. Спиридонов и мастер П. Д. Козинцев дали первый броневой лист. Мировая практика не знала подобных экспериментов. Кузнецкие металлурги в короткий срок разработали и освоили технологию производства специальных сталей и проката их на обычном рельсо-балочном стане. Мастера А. Н. Томилин, П. Д. Никитин, сталевары М. В. Буркацкий, А. Я. Чалков, И. Т. Попов и другие добились рекордных плавок новых марок сталей[2]. Златоустовские металлурги только за первые шесть месяцев войны освоили выплавку 78 новых марок стали, коллектив металлургического завода им. Серова — 50. Восточная металлургия набирала темпы, и это сразу почувствовал фронт.

Успешное проведение эвакуации промышленности, быстрые темпы ее восстановления на новых местах положительно сказались на военно-хозяйственном развитии страны. В марте 1942 г. промышленность восточных районов уже давала военной продукции столько, сколько вся страна до войны. К концу первого полугодия 1942 г. в восточных районах страны действовало 1200 эвакуированных предприятий.

Это была великая победа рабочего класса. Известный английский журналист А. Верт, в годы войны беседовавший с рабочими, эвакуированными на Урал и в Сибирь, пишет о трудовом героизме советских людей: «Эту эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 г. и ее «расселение» на востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны... Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 г.,— это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости. В большинстве мест

[1] См. «Советский рабочий класс», стр. 372.
[2] См. *А. В. Митрофанова*. Указ. соч., стр. 114—115.

условия жизни были ужасающие, зачастую не хватало продовольствия. Люди работали, ибо знали, что это абсолютно необходимо, и они не отходили от станков по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в сутки, они «жили на нервах», они понимали, что никогда еще их работа не была так нужна...»[1]

Одной из сложнейших проблем, которую партии и Советскому правительству пришлось решать с первых недель войны, была мобилизация трудовых ресурсов. Необходимость противопоставить агрессору достаточно многочисленную армию привела к резкому уменьшению контингента рабочих кадров в тылу. Положение осложнялось тем, что в результате оккупации фашистами западных областей СССР значительно уменьшилась численность его населения. На этой территории до войны проживало 88 млн. человек — 45% жителей СССР; в народном хозяйстве здесь было занято около 12 млн. рабочих и служащих, в том числе свыше 4 млн.— в промышленности[2]. К концу 1942 г. население страны сократилось на 60 млн. (130 млн. против 191,7 млн. в 1940 г.)[3]. А число рабочих и служащих в этом году составило 18,4 млн. человек против 31,2 млн. в 1940 г.[4] (меньше, чем в 1931 г.).

Перевод промышленности на военный лад потребовал изменения ее структуры, перестройки производства на выпуск военной продукции, установления новых экономических связей между предприятиями, перераспределения рабочих между отдельными отраслями и экономическими районами страны. Особую остроту приобрели вопросы подготовки и переподготовки кадров в соответствии с требованиями военного производства, обеспечения кадрами предприятий восточных районов страны, на которые легла главная тяжесть военного производства.

Задача создания слаженной и быстро растущей военной экономики требовала от рабочего класса гигантского напряжения. С самого начала войны миллионы советских патриотов из числа колхозников, служащих, домашних хозяек, пенсионеров, учащихся и других жителей городов и деревень добровольно поступали на производство взамен ушедших на фронт квалифицированных рабочих. «Станки наших отцов, мужей, братьев не должны стоять ни часу!» — этот призыв звучал повсюду. В своем обращении через заводскую многотиражную газету женщины — служащие Московского станкостроительного завода писали: «Интересы за-

[1] *А. Верт.* Россия в войне 1941—1945 гг. М., 1967, стр. 144, 148.
[2] См. «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М., 1956, стр. 192; «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков». М., 1946, стр. 429.
[3] См. «Народное хозяйство СССР», стр. 18; *Н. А. Вознесенский.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, стр. 26.
[4] См. «Вопросы истории», 1960, № 6, стр. 29,

щиты Родины сегодня требуют от нас, женщин — работников отделов заводоуправления, возвратиться к своим станкам, специальностям, заменить ушедших на фронт мужей, отцов, братьев и сыновей непосредственно у станка. Станки должны работать, и они будут работать, управляемые нами»[1].

Коммунистическая партия развернула организационную и массово-политическую работу по вовлечению советских женщин в активную трудовую жизнь. Во втором полугодии 1942 г. на производство пришло около 500 тыс. домохозяек. Во многих отраслях промышленности женщины стали решающей силой, показывая образцы высокопроизводительного труда. В промышленности СССР удельный вес женщин увеличился с 41 в 1940 г. до 52% в 1942 г., соответственно на железнодорожном транспорте — с 25 до 36% и в учреждениях связи — с 48 до 67%[2].

Лозунг «Все для фронта, все для победы над врагом!» с воодушевлением был воспринят комсомольцами и всей советской молодежью. Только в июне—июле 1941 г. на производство пришли 150 тыс. студентов[3], во втором полугодии — 360 тыс. учащихся 8—10 классов, а к концу 1942 г. численность рабочих и служащих в возрасте до 18 лет достигла 15% против 6% в 1939 г.[4]

К станкам возвращались и перешедшие на пенсию представители старой рабочей гвардии. В первый день войны на один из заводов в Ростове-на-Дону пришли 20 квалифицированных рабочих-пенсионеров, которые заявили: «Мы дрались с немецкими оккупантами в 1918 г. В минуты грозной опасности для нашей Родины мы не можем оставаться в стороне. Мы снова займем места у агрегатов, чтобы ковать победу нашей родной Красной Армии, Авиации и Военно-Морского Флота»[5]. К концу 1942 г. численность рабочих и служащих в возрасте свыше 50 лет повысилась с 9 до 12%[6].

Добровольный приход на производство сотен тысяч советских граждан сыграл большую роль в обеспечении промышленности, строительства, транспорта рабочими кадрами в тяжелейших условиях первых месяцев войны. Но это не решало до конца проблему трудовых ресурсов. Советскому государству пришлось прибегнуть к целой системе экономических и административных мер. Были проведены мероприятия по перераспределению рабочей силы, а также основных производственных фондов в пользу оборонной промышленности. Увеличение продолжительности рабочего дня и отмена очередных отпусков позволили уже в начальный период войны дополнительно загрузить производственные мощности примерно на одну

[1] «Большевик станкозавода», 3 июля 1941 г.
[2] См. *Н. А. Вознесенский.* Указ. соч., стр. 111.
[3] См. «ВЛКСМ в цифрах и фактах». М., 1949, стр. 53.
[4] См. *Н. А. Вознесенский.* Указ. соч., стр. 112.
[5] «Труд», 3 июля 1941 г.
[6] См. *Н. А. Вознесенский.* Указ. соч., стр. 113.

треть. В массовом масштабе был осуществлен перевод рабочих на предприятия оборонной промышленности. Часть квалифицированных кадров была освобождена от призыва в армию.

Советское государство было вынуждено прибегнуть к такой чрезвычайной мере, как мобилизация трудоспособного населения в масштабе всей страны. Указ Президиума Верховного Совета от 13 февраля 1942 г. объявил мобилизацию всего трудоспособного городского населения для работы по месту жительства на производстве и в строительстве, в первую очередь в авиационной и танковой промышленности, промышленности вооружения и боеприпасов, в металлургической, химической и топливной[1]. Вскоре действие этого Указа было распространено и на трудоспособное сельское население.

Всего за 1942—1945 гг. Комитетом по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР было мобилизовано почти 12 млн. человек, в том числе на постоянные работы в промышленности, строительстве и на транспорте — 3 010,4 тыс., в учебные заведения трудовых резервов — 2 121,4 тыс. и на сезонные работы — 6 751,2 тыс. человек[2].

Учитывая большие изменения в составе индустриальных кадров, Советское государство организовало в широких масштабах подготовку новых пополнений и повышение квалификации имеющихся работников, изыскивая наиболее эффективные пути решения этой проблемы.

На первом этапе войны, когда рабочие кадры обновлялись особенно быстро, главной задачей являлось изыскание такой формы технического обучения новых рабочих на производстве, которая давала бы им возможность в кратчайший срок овладеть необходимым минимумом знаний и навыков и приступить к выпуску продукции. Такой формой стало индивидуально-бригадное обучение непосредственно на рабочих местах.

В первые месяцы войны мастер одного из томских заводов А. Ф. Елисеев и токарь Уралмашзавода П. К. Спехов обучили по 30 новых рабочих[3]. Их почин нашел широкое распространение на предприятиях и стройках. С помощью кадровых рабочих и ветеранов труда, вернувшихся на предприятия, мастеров, инженерно-технических работников новые пополнения рабочих, овладев специальностями непосредственно на производстве, быстро включались в работу. Большая работа по подготовке новичков велась на заводе «Красное Сормово». В октябре 1943 г. партийный комитет завода провел совещание 950 старейших сормовичей, посвященное итогам этой работы. М. И. Калинин в приветствии к участникам совещания писал: «Дорогие товарищи! На вас лежат нравственные обя-

[1] См. «Правда», 14 февраля 1942 г.
[2] См. *А. В. Митрофанова*. Указ. соч., стр. 427, 428.
[3] См. «Комсомольская правда», 14 ноября 1941 г.; «Труд», 28 апреля 1942 г.

занности и государственный долг сохранить старые профессиональные традиции сормовских рабочих и научить новичков так же искусно работать, как работают старые кадровые рабочие»[1].

В среднем ежегодно в течение 1941—1945 гг. на производстве обучалось 2 261 тыс. новых рабочих, повышалась квалификация 1 851 тыс. рабочих. Так было подготовлено свыше 11,3 млн. новых рабочих, повысили свою квалификацию более 9,2 млн. человек[2].

Огромное значение имела подготовка квалифицированных рабочих кадров через созданную в 1940 г. систему государственных трудовых резервов. За годы войны в учебных заведениях трудовых резервов было подготовлено 2 475 тыс. человек[3] — столько же, сколько получила страна из школ фабрично-заводского ученичества за 20 мирных лет.

Быстрое включение во время войны в состав рабочего класса новых социальных слоев — свидетельство высоких мобилизационных способностей советского общества, однотипности его социально-экономических основ, идейно-политического единства советского народа.

Советский патриотизм вызвал к жизни разнообразные формы конкретной помощи трудящихся тыла фронту. Умело направленная Коммунистической партией, эта народная инициатива незамедлительно дала свои результаты. Широко развернулось всенародное движение за создание добровольного фонда обороны. Трудящиеся делали добровольные взносы на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий и другой военной техники. Одной из массовых форм участия в движении за создание фонда обороны стали воскресники, проходившие по всей стране.

Советские люди проявляли заботу о снабжении действующей армии теплыми вещами. На фронт отправлялись вагоны с подарками, которые сопровождали делегации от республик, краев, областей и отдельных предприятий. Всенародным делом стала с первых же дней войны забота о раненых и семьях защитников Родины. Шефство трудящихся города и деревни над госпиталями охватило всю страну.

Патриотический подъем и творческая инициатива рабочего класса вылились также в массовое движение за совмещение профессий, в так называемое многостаночное обслуживание, в движение «двухсотников», «трехсотников», вахты «Все для фронта», движение рационализаторов и изобретателей. Вся страна узнала имена выдающихся передовиков производства — сталеваров А. Я. Чалкова (Кузнецкий металлургический завод), Н. Х. Базетова (Верх-Исетский завод), А. Я. Сорокового (Кушвинский завод), Е. С. Сазонова («Серп

[1] «Правда», 31 октября 1943 г.
[2] См. «Достижения Советской власти за сорок лет в цифрах». Статистический сборник. М., 1957, стр. 264.
[3] См. там же, стр. 262.

и молот»), бурильщиков — новаторов третьей пятилетки А. И. Семиволоса и И. П. Янкина и многих других.

Добившись высоких показателей производительности труда, комсомольско-молодежные бригады М. Ф. Попова на Уралмашзаводе и В. Ф. Шубина на Горьковском автозаводе первыми в стране получили звание фронтовых бригад. Члены фронтовых бригад брали на себя обязательство перевыполнять задания не менее чем в 2 раза. В феврале 1942 г. фрезеровщик Нижнетагильского завода Д. Ф. Босый с помощью изобретенного им приспособления выполнил сменное задание на 1480%, положив начало движению «тысячников».

В середине 1942 г. завершилась перестройка народного хозяйства на военные рельсы. Преодолевая трудности, экономика Советского Союза постепенно набирала темпы, создавая предпосылки для обеспечения материально-технического превосходства над фашистской Германией. Армия стала в возрастающих размерах получать оружие и боевую технику. В 1942 г. страна дала фронту 25 436 самолетов, 24 446 танков и более 33 тыс. орудий. За это же время фашистская Германия выпустила 14 700 самолетов, 9300 танков, 12 тыс. орудий [1].

В течение года была восстановлена танковая и авиационная мощь Красной Армии, значительно сильнее стала советская артиллерия. И когда на подступах к Сталинграду развертывалось одно из величайших сражений второй мировой войны, Красная Армия завершала свое техническое перевооружение. Ее боевая мощь стала по многим показателям превосходить технику и вооружение вермахта.

В переломном 1943 г. рабочий класс страны добился выдающихся успехов в дальнейшем укреплении военной мощи СССР [2].

С 1943 г. на первый план выдвигается задача улучшения качественных показателей работы предприятий, повышения производительности труда. Осуществлялись переоборудование промышленности передовой техникой, совершенствование технологических процессов, увеличение энерговооруженности рабочего. Нашли широкое применение поточные методы производства, скоростные плавки, многостаночное обслуживание.

Повышению производительности труда способствовали политический и производственный подъем, творческая активность рабочего класса. Передовые рабочие ставили новые трудовые рекорды. Увеличивался поток рационализаторских предложений. По инициативе передовых предприятий ширилось Всесоюзное социалисти-

[1] См. «История второй мировой войны. 1939—1945 гг.», т. 5. М., 1975, стр. 36—53.

[2] См. подробнее: «История второй мировой войны. 1939—1945 гг.», т. 6. М., 1976, стр. 339—367.

ческое соревнование за лучшее удовлетворение нужд фронта, мобилизацию внутренних ресурсов, режим экономии и рационализацию, сокращение издержек производства.

В результате широко развернувшегося в 1943 г. среди рабочего класса движения, целью которого являлось «с меньшим числом рабочих давать больше продукции», а также перехода к поточным методам производства предприятия смогли выполнять производственную программу со значительным недокомплектом рабочих.

В целом производительность труда рабочего в промышленности за 1943 г. выросла по сравнению с 1942 г. на 7%, в том числе по наркоматам военной промышленности — на 13%, а численность рабочих и служащих — на 6%. Непрерывное совершенствование технологии и внедрение новых методов производства позволили за год войны увеличить выпуск боеприпасов в 4 раза при увеличении числа рабочих только на 22,8% [1].

1 мая 1943 г. по почину предприятий Куйбышева началось социалистическое соревнование за создание фонда Главного командования. Среди рабочих развернулось соревнование по профессиям, создавались фронтовые вахты, проводились общественные смотры организации труда. Летом 1943 г. рабочими Первоуральского новотрубного завода был организован первый общественный смотр труда, в результате чего были выявлены дополнительные источники роста его производительности и увеличения выпуска продукции. Эта инициатива нашла широкое распространение в других отраслях промышленности. Важное значение приобрело движение молодежных бригад за выполнение и перевыполнение планов, за достижение высоких результатов с меньшим числом рабочих. К октябрю 1943 г. в стране насчитывалось 36 тыс. комсомольско-молодежных бригад, а в 1945 г. число таких бригад достигло 155 тыс., охватив свыше 1 млн. молодых рабочих [2]. Задачами соревнования этих бригад были перевыполнение плана, экономия сырья, топлива, повышение квалификации каждого члена бригады. В ноябре 1943 г. на Первом государственном подшипниковом заводе члены комсомольско-молодежной бригады Е. Г. Барышниковой, сократив вдвое бригаду, стали в 4 раза перевыполнять производственное задание. Уже в апреле следующего года по этому методу работало 13 тыс. молодежных бригад, высвободивших десятки тысяч рабочих.

В 1943 г. был достигнут значительный подъем военного производства. Валовая продукция оборонной промышленности возросла

[1] См. «Труд», 22 ноября 1944 г. Производительность труда в промышленности по сравнению с 1940 г. составляла в 1942 г. 130%, в 1943 г.— 139, в 1944 г.— 142 % (см. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. 6, стр. 74).

[2] См. «Правда», 24 января 1944 г.; «Молодой большевик», 1948, № 11, стр. 40—41.

в 2,2 раза[1]. Было произведено столько танков, что это позволило иметь достаточное количество танковых и механизированных корпусов для крупнейших операций на Волге и в Курской битве. Производство танковой техники было сосредоточено на таких гигантах, как завод № 183 (директор Ю. Е. Максарев), Кировский завод в Челябинске (директор И. М. Зальцман), Уральский завод тяжелого машиностроения (директор Б. Г. Музруков), завод «Красное Сормово» (директор Е. Э. Рубинчик). Мощь советской бронетанковой техники, превосходившей лучшие зарубежные образцы, была достигнута благодаря героическому труду советских танкостроителей, неустанным творческим исканиям конструкторов Ж. Я. Котина, М. И. Кошкина, А. А. Морозова, Л. И. Горлицкого, Н. Л. Духова, Л. С. Троянова и др.

Достижения отечественного авиастроения дали советским военно-воздушным силам возможность завоевать летом 1943 г. господство в воздухе. Под руководством талантливых конструкторов самолетов А. А. Архангельского, С. В. Ильюшина, С. А. Лавочкина, А. И. Микояна, Н. Н. Поликарпова, А. Н. Туполева, А. С. Яковлева и других, конструкторов моторов В. Я. Климова, А. А. Микулина, А. Д. Швецова за годы войны в серийное производство было запущено 25 новых типов самолетов (включая модификации) и 23 типа авиационных моторов[2].

По признанию фашистского генерала Иодля в ноябре 1943 г., решающим фактором для Германии «являлось то, что в результате наступления в неизведанные пространства русской территории мы обнаружили, что противник располагает не только огромными людскими ресурсами, но и обладает таким техническим уровнем военной промышленности, который вынудил нас к ведению тотальной войны и к умножению наших усилий в части военной промышленности»[3].

В успехах советской военной промышленности, как и всей военной экономики, сказались преимущества социалистической системы хозяйства. Советский рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, показал пример быстрой и всесторонней мобилизации сил для перестройки народного хозяйства на нужды войны. В 1945 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР достигла 27,3 млн. человек, в том числе в промышленности — 9,5 млн.[4], что соответственно составляло 87,5 и 86,4% к уровню 1940 г.

[1] См. *А. Н. Косыгин.* В едином строю защитников Отчизны.— «Коммунист», 1980, № 7, стр. 49.
[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 459—460, 464.
[3] См. «Военно-исторический журнал», 1960, № 10, стр. 81.
[4] См. «Народное хозяйство СССР», стр. 190.

Накопленный производственный опыт позволил еще шире развернуть борьбу за наиболее полное использование резервов роста производительности труда. Важное значение приобрели резервы организационно-технического характера. Бригадир-танкостроитель Е. П. Агарков, бригадир вооруженцев А. Федотов предложили упростить структуру управления производством, ликвидировать промежуточные звенья, повысить роль мастера, укрепить руководство отдельными участками, высвободить квалифицированных рабочих и бригадиров и на этой основе повысить производительность труда. Этот почин получил распространение на многих предприятиях авиационной промышленности, промышленности вооружения, боеприпасов, черной металлургии, среднего машиностроения и других отраслей. В 1944—1945 гг. десятки тысяч рабочих и инженерно-технических работников были высвобождены для новых предприятий.

В завершающий период войны восточные районы страны продолжали оставаться основной военно-промышленной базой страны. В 1942—1944 гг. в этих районах было построено и введено в действие 2250 крупных промышленных предприятий[1]. Объем промышленного производства увеличился на Урале в 3,6 раза, в Сибири — в 2,8, в Поволжье — в 2,4 раза[2].

В годы войны в тяжелом положении оказалось сельское хозяйство. В 1943 г. по сравнению с довоенным уровнем посевные площади составили лишь 63%, а поголовье крупного рогатого скота — 62%[3]. Однако, несмотря на эти сложнейшие условия, колхозное крестьянство успешно решало задачи обеспечения страны продовольствием и сырьем.

В ходе войны трудящиеся приступили к возрождению разрушенного народного хозяйства на освобожденной от врага территории. Предметом пристального внимания партии и правительства было возрождение Донецкого угольного бассейна и южной металлургии. ВЦСПС предложил профсоюзным организациям действующих промышленных предприятий установить шефство над разрушенными шахтами и заводами Донбасса, помочь в восстановлении культурных, спортивных и бытовых учреждений. Комсомол страны также организовал шефство над угольным бассейном. Свыше 70 заводов Ленинграда приняли участие в техническом оснащении заводов и шахт Донбасса. В турбинном зале Донецкого металлургического завода установлена мемориальная доска, на которой можно прочесть: «Турбогенератор в 5000 киловатт сделан в Ленинграде в период блокады». 37 промышленных предприятий Москвы оказывали помощь заводам и шахтам Донбасса, Приднепровья и Криворожья.

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», стр. 502.
[2] См. *А. Н. Косыгин.* Указ. соч., стр. 50.
[3] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 465.

Коллективы 57 предприятий братских республик участвовали в восстановлении завода «Запорожсталь».

Шахту № 1—3 «Смолянка» треста «Куйбышевуголь» фашисты при отступлении заминировали и, взорвав ствол, наглухо закупорили. Люди, рискуя оказаться под завалом, работали круглые сутки и метр за метром расчищали проход в шахту. На третий день доступ в шахту был открыт. Запальщики извлекли из шахт более 300 килограммов динамита. Работая по пояс в ледяной воде, горняки-добровольцы подняли затопленное оборудование.

В ходе восстановления разрушенных городов родилось замечательное патриотическое движение добровольческих бригад. Оно возникло в июне 1943 г. в Сталинграде по инициативе А. М. Черкасовой. В свободное от работы время тысячи жителей города добровольно работали на разборке разрушенных зданий, восстанавливали предприятия, школы, больницы. Последователи черкасовского движения появились во всех освобожденных городах.

Уже в годы войны советский народ, несмотря на огромные потери, жертвы, лишения, добился успехов в возрождении городов и сел, а также промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Были восстановлены 7,5 тыс. крупных промышленных предприятий[1], около 51 тыс. км железных дорог, более 1800 совхозов и 3 тыс. МТС, 85 тыс. колхозов, около 6 тыс. больниц, более 70 тыс. школ. В городах, подвергавшихся оккупации, было построено и отремонтировано 17,9 млн. кв. м жилой площади, а в сельской местности — 1,4 млн. домов. Промышленное производство в освобожденных районах было восстановлено примерно на $^1/_3$ от уровня 1940 г., а валовая продукция сельского хозяйства по этим районам в 1945 г. составляла 51% к уровню 1940 г.[2]

Сердцевина военной экономики — промышленность наращивала новые мощности как за счет восстановления хозяйства освобожденных районов, так и за счет огромного капитального строительства. Если исчислить производство военной продукции на 1 млн. выплавляемой стали, то в годы войны в СССР производилось бронетанковой техники в 3 раза больше, чем в Германии, в 3,8 раза больше, чем в Англии, в 6,3 раза больше, чем в США; соответственно самолетов — в 2,6 раза больше, чем в Германии, в 3,2 раза больше, чем в США, в 1,5 раза больше, чем в Англии[3].

А всего за годы войны в СССР было произведено 489 900 ору-

[1] См. «Страна Советов за 50 лет», стр. 191; См. подробнее: *Ю. А. Приходько.* Восстановление индустрии. 1942—1950. М., 1973.

[2] См. «Шаги пятилеток. Развитие экономики СССР». М., 1968, стр. 127.

[3] См. «Вторая мировая война. Общие проблемы», кн. 1. М., 1966, стр. 59, 63.

дий, 102 500 танков и самоходных артиллерийских установок, 136 844 самолета[1].

За годы войны Советский Союз получил по ленд-лизу из США и Англии 9600 орудий, 11 567 танков и самоходных орудий, 18 753 самолета. Поставки союзников СССР составляли менее 2% по артиллерийским орудиям, около 12% по самолетам и 10% по танкам от общего количества вооружения и боевой техники, полученных Красной Армией во время войны[2]. «Наша доля участия в снаряжении советских войск невелика по сравнению с их общими потребностями»[3],— признал представитель правительства США Кроули на пресс-конференции 3 февраля 1945 г.

В сложнейших условиях военного времени рабочий класс СССР, значительная часть которого сражалась на фронтах Великой Отечественной войны, решал военно-хозяйственные задачи огромной трудности, непрерывно увеличивая производство для действующей армии, совершенствуя технику производства, наращивая мощности промышленных предприятий, воздвигая новые фабрики и заводы, обеспечивая перевозки военных и хозяйственных грузов[4]. Советские рабочие, ученые, инженеры создали для своей армии первоклассное вооружение, они выковали меч Победы, сокрушивший фашистские полчища.

ВО ГЛАВЕ АНТИФАШИСТСКОЙ КОАЛИЦИИ НАРОДОВ

Победа Советского Союза во второй мировой войне была триумфом ленинской внешней политики. В годы войны советская дипломатия смело обращалась к народным массам при решении самых сложных международных проблем.

Ленинский наказ «...мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»[5] определял магистральное направление усилий советской дипломатии по обеспечению внешнеполитических условий для победы над фашизмом.

Первые же заявления Советского правительства после нападения Германии на СССР содержали призыв к созданию широкого

[1] См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. 6, стр. 48.
[2] См. там же, стр. 48.
[3] См. *И. А. Гладков.* Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970, стр. 27.
[4] См. подробнее: «Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М., 1970; *Г. С. Кравченко.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1970; *И. А. Гладков.* Указ. соч.; «История социалистической экономики СССР», т. 5. М., 1978; *А. В. Митрофанова.* Указ. соч.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 16.

антифашистского фронта народов. «Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей,— говорил И. В. Сталин в выступлении по радио 3 июля 1941 г.,— является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[1].

Прежде всего Советское правительство добивалось образования *антифашистской коалиции стран.*

12 июля 1941 г. было подписано англо-советское соглашение о совместных действиях против гитлеровской Германии. В июле были заключены соглашения с находившимися в Лондоне эмигрантскими правительствами Чехословакии и Польши. 27 сентября Советское правительство официально признало Национальный комитет «Свободная Франция» и заявило о своей готовности оказать всестороннюю помощь и содействие французскому народу в общей борьбе с фашистской Германией и ее союзниками. В конце сентября — начале октября 1941 г. в Москве открылась конференция представителей СССР, США и Англии, на которой были рассмотрены вопросы взаимной военно-экономической помощи в войне против фашизма.

Формирование военного и политического союза между СССР, Англией и США завершилось в первой половине 1942 г. 26 мая 1942 г. в Лондоне был заключен советско-английский договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе, а также о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. 11 июня в Вашингтоне было подписано советско-американское «Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии». К антигитлеровской коалиции вскоре присоединились «Сражающаяся Франция», патриотические силы Польши, Чехословакии, Югославии и многих других стран.

Создание этой коалиции сыграло большую роль в мобилизации всех антифашистских сил. Однако в странах — участницах антифашистской коалиции влиятельные реакционные, антисоветские круги упорно противодействовали активному ведению военных действий против фашистских агрессоров в надежде свалить всю тяжесть войны на плечи советского народа и, ослабив тем самым Советский Союз, продиктовать ему свои условия послевоенного устройства мира. Мнение этих кругов выразил сенатор Г. Трумэн, впоследствии президент США, заявивший 24 июня 1941 г.: «Если мы увидим, что вы-

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы (22 июня 1941 г.— 31 декабря 1943 г.)», т. 1. М., 1946, стр. 34.

игрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». В то время как Красная Армия вела напряженную борьбу с основными силами фашистского блока, правительства Англии и США под всякими предлогами оттягивали оказание эффективной поддержки СССР как поставками оружия, так и прямыми военными действиями.

В этой связи основные усилия Советского правительства были направлены на то, чтобы вынудить западных участников антифашистской коалиции активизировать военные действия против фашистских стран, и в первую очередь открыть в Европе второй фронт.

Советский Союз вел эту борьбу, используя дипломатические средства воздействия и опираясь на широкое массовое движение за открытие второго фронта. Обращение к массам имело и более широкое значение. Движение за открытие второго фронта, вовлекая народные массы в борьбу за демократический курс во внешней политике, создавало такое давление на правительства «снизу», с которым нельзя было не считаться и которое в немалой мере затрудняло осуществление внешнеполитических планов реакции. На Тегеранской конференции Рузвельт и Черчилль вынуждены были взять на себя твердое обязательство открыть второй фронт в мае 1944 г.

Советский Союз оказывал *помощь антифашистской, освободительной борьбе народов* и движению антифашистского Сопротивления в Европе. Советское правительство содействовало созданию в СССР польских, чехословацких, югославских, румынских и французских воинских частей, снабжению чехословацких, польских, югославских, болгарских патриотов оружием, боеприпасами, продовольствием. Общая численность иностранных формирований, созданных с помощью СССР, достигла 550 тыс. человек.

Национально-освободительным армиям Юго-Восточной и Центральной Европы было передано 515 758 винтовок и карабинов, 176 465 автоматов, 41 929 ручных и станковых пулеметов, 12 689 танковых ружей, 10 954 миномета различных калибров, 6474 орудия различных калибров. Советскими танками были оснащены один танковый корпус и две отдельные танковые бригады Войска Польского, по одной танковой бригаде чехословацких и югославских войск. Для этих братских армий было передано 1146 самолетов[1].

Советские люди участвовали в движении Сопротивления в Европе, помогали в подготовке командных кадров для партизанской войны. В партизанских формированиях, подпольно-диверсионных группах в Польше, Чехословакии, Югославии, Франции, Италии и других странах Европы, по неполным данным, действовало более 40 тыс. советских граждан [2].

[1] См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1, стр. 573—574.
[2] См. там же, стр. 577.

Следует особо отметить политическую и дипломатическую поддержку Советским Союзом организаций, представлявших антифашистские освободительные движения. Советское правительство поддержало созданные в Югославии в ходе войны органы народной власти. В заявлении от 14 декабря 1943 г. оно приветствовало преобразование Антифашистского веча народов Югославии в верховный законодательный и исполнительный орган, подчеркнув, что это будет способствовать «дальнейшей успешной борьбе народов Югославии против гитлеровской Германии»[1]. В 1943 г. Советское правительство не только признало реорганизованный Французский комитет национального освобождения (ФКНО), но и добилось его признания правительствами США и Англии. 12 декабря 1943 г. был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией. Советский Союз сорвал попытки влиятельных кругов западных держав навязать польскому народу реакционное правительство, эмигрировавшее в Лондон, и оказало всемерную помощь в укреплении Польского комитета национального освобождения — первого в истории Польши подлинно демократического органа власти. При поддержке Советского Союза антифашистские, освободительные движения и движение Сопротивления, непосредственно опиравшиеся на народные массы, заняли принадлежавшее им по праву место в антифашистской коалиции.

Стране социализма принадлежит историческая заслуга в пресечении происков реакционных кругов, стремившихся навязать антифашистской коалиции империалистические планы послевоенного устройства мира. Так, на Московской конференции министров иностранных дел 1943 г. английский и американский представители выдвинули проект создания в Центральной и Юго-Восточной Европе различных федераций, предполагавших ограничение суверенитета этих государств. Однако советская делегация решительно отвергла этот проект. На Московской конференции была принята «Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности», в которой заявлялось о необходимости создания всеобщей Международной организации для поддержания мира и безопасности и проводилась мысль о суверенном равенстве всех государств. В декларации Крымской конференции (февраль 1945 г.) указывалось на необходимость обеспечить освобожденным народам возможность «создать демократические учреждения по их собственному выбору»[2].

Советский Союз строго и неукоснительно придерживался этих принципиальных положений. Приход Красной Армии на территории других европейских стран, избавляя эти страны от фашистского

[1] «Історія второї мировоі воіны. 1939—1945», т. 9. М., 1977, стр. 230.

[2] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной воіны», т. III. М., 1947, стр. 105.

рабства, сорвал замыслы реакционных кругов Англии и США заменить гитлеровское господство своим господством, воспрепятствовал попыткам внутренней реакции этих стран затормозить демократическое и революционное развитие. Были созданы благоприятные условия для глубоких демократических и социальных преобразований, предпосылки для проведения которых созревали еще в довоенные годы.

Советский Союз выдвинул широкую программу мер по вопросам обеспечения международного мира и безопасности, избавления грядущих поколений от бедствий войны. Советский Союз добился принятия США и Англией демократических принципов послевоенного устройства мира. Наиболее полно эти принципы были отражены в решениях Крымской и Потсдамской конференций.

Таким образом, в годы войны особенно ярко проявился демократический и интернационалистский характер внешней политики СССР, определяемый органическим единством интересов социалистического общества, с одной стороны, и целей национального и социального освобождения народов — с другой.

КУРСОМ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОМОЩИ

В великой битве против фашизма Советский Союз опирался на поддержку международного рабочего класса, всех антифашистских, патриотических сил мира.

Воспроизводя летопись героической борьбы советского народа против германского фашизма и японского милитаризма, следует особо сказать о помощи Советскому Союзу братской Монгольской Народной Республики (МНР).

22 июня 1941 г. объединенное заседание Президиума ЦК МНРП, Президиума Малого хурала и Совета Министров МНР приняло декларацию, в которой заверило Советское правительство, что МНР останется верна обязательствам, принятым на себя по Договору о дружбе и взаимопомощи, заключенному между СССР и МНР 12 марта 1936 г. На протяжении всей войны Монголия оказывала советскому народу максимально возможную материальную помощь и моральную поддержку.

Интернационалистская солидарность монгольского рабочего класса с советским народом проявилась прежде всего в массовом движении за повышение производительности труда, рост промышленного производства, освоение новых видов продукции. Инициаторами этого движения выступили шахтеры Налайхи, один из старейших отрядов рабочего класса страны, которых поддержали рабочие промкомбината в Улан-Баторе, Хатхыльской шерстомойной фабрики, государственной типографии. По их примеру во всех отраслях народного хозяйства развернулось социалистическое соревно-

вание[1]. Слесарь одной из автобаз Улан-Батора Ц. Мунх-Очир пишет: «...мы в годы войны хорошо знали, что своим трудом должны помочь русским товарищам. Я работал по 8—16 часов в сутки и выполнял плановые и квартальные нормы на 150—200% и более. В годы войны я привел на работу около десяти юношей и обучил их слесарному делу»[2]. Благодаря самоотверженному труду рабочего класса МНР производство продукции только на предприятиях государственной промышленности в 1945 г. возросло в 2 раза по сравнению с 1940 г. и обеспечило примерно $^1/_3$ товарооборота. Значительно расширились и ряды рабочего класса: численность рабочих в 1941—1945 гг. возросла почти на 30%[3].

Стремясь освободить Советский Союз от экспорта в МНР целого ряда товаров, а также резко увеличить вывоз в СССР шерсти, одеял, овчинных полушубков, войлока, седел, шинелей, валяной обуви и т. п., монгольский рабочий класс взял на себя задачу расширить мощности предприятий, выпускающих товары широкого потребления. Особое внимание уделялось выпуску продукции для нужд Советской страны. Рабочий класс сыграл большую роль в сборе средств в фонд помощи Красной Армии. На собраниях и митингах рабочие принимали обязательства вносить в фонд помощи деньги, продовольствие и теплые вещи. Значительная часть подарков, которые МНР отправляла на фронты Великой Отечественной войны, была приобретена рабочими на личные сбережения и средства. Всего за годы войны монгольский народ собрал и отправил Красной Армии подарки на сумму 65 млн. тугриков. Немалые средства были внесены в фонд помощи на восстановление народного хозяйства в освобожденных от немецкой оккупации районах Советского Союза. На средства трудящихся были созданы танковая колонна «Революционная Монголия» и авиаэскадрилья «Монгольский арат», участвовавшие в сражениях с гитлеровскими войсками[4].

Многие граждане МНР подали заявления с просьбой послать их на советско-германский фронт для борьбы с фашизмом.

Рабочий класс МНР возглавил также общенародное движение за укрепление обороноспособности страны, стал одним из резервов пополнения рядов МНРА.

Своим трудом рабочий класс, все трудящиеся Монголии приближали День Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. Войска МНРА в тесном взаимодействии с войсками Забайкальского фронта приняли участие в боевых операциях Красной

[1] «Унэн», 16.X.1942.

[2] «Великая Отечественная война и монгольский народ. Сборник документов. 1941—1945». Улан-Батор, 1970, стр. 44 (на монг. яз.).

[3] См. «История Монгольской Народной Республики». М., 1967, стр. 374.

[4] См. там же, стр. 375—376.

Армии против японских милитаристов. Осуществив трудный переход через Гобийскую пустыню, монгольские воины совершили героический рейд к Ляодунскому полуострову. В спасение Советским Союзом народов Азии от опасности порабощения японским империализмом внесла свой вклад и Монгольская Народная Республика.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Великая Отечественная война имела характер ожесточенной битвы двух общественно-экономических систем — капитализма и социализма, двух противоположных мировоззрений, идеологии марксизма-ленинизма, с одной стороны, и идеологии самых реакционных и воинствующих сил империализма — с другой. Германский фашизм в борьбе против СССР преследовал не только империалистические, но и классовые, политико-идеологические цели — уничтожение Советского государства, социалистического общественного строя, искоренение коммунистической идеологии. Развязанная фашизмом война была «самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма, одним из тягчайших испытаний, когда-либо пережитых нашей Родиной»[1].

Первая страна победившего социализма воплощала в себе высшие достижения социального прогресса, надежды международного пролетариата, угнетенных народов на грядущее социальное и национальное освобождение[2]. Поэтому в войне решалась судьба не только социалистического государства, но и международного коммунистического и рабочего движения, судьба социального прогресса и демократии, самого национального существования многих народов, судьба мировой цивилизации. Решался вопрос, в каком направлении будет развиваться в дальнейшем мировая история: пойдет ли она по пути социального прогресса, или же фашизм, несший народам смерть и разорение, ввергнет человечество в мрак «нового порядка»?

Советский народ с честью выполнил великую миссию защиты

[1] Постановление ЦК КПСС «О 30-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов».— «Правда», 9 февраля 1975 г.

[2] См. подробнее: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. 1—6. М., 1963—1965; «Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945. Краткая история». М., 1970; «Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк». М., 1973; «Всемирно-историческая победа советского народа, 1941—1945 гг.». М., 1971; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. X. М., 1973; «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945». М., 1976; «Великая победа советского народа. 1941—1945». М., 1976.

завоеваний социализма и спасения мировой цивилизации от фашистского варварства. Страна Советов «стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии»[1].

Жизнь еще раз доказала, что империализм не в состоянии — к каким бы жестоким методам борьбы он ни прибегал — остановить поступательное развитие мирового революционного процесса, преградить народам путь к социальному прогрессу, миру и демократии.

Никогда не было доказано с такой убедительностью, что *социализм и мир сильнее капитализма и войны.*

Видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, один из соратников В. И. Ленина, академик Г. М. Кржижановский в январе 1945 г. писал: «И там, где вчера по злодейскому замыслу врага должна была прочно гнездиться зона пустыни, ныне уже снова пробивается свежая поросль воскресшей жизни.

В неистовом пожарище нынешней войны на наших глазах крушатся ценности старого мира и явственно нарождается мир новый.

Неисчислимыми бедами прокладывается дорога к ликвидации истоков этой мировой страды. И весь мир видит, что во главе великого освободительного движения идет наша Родина.

И с каким бы правом Ленин мог сказать всем нам с обычным милым прищуром своих острых глаз и с веселыми искорками в их зоркой глубине: «Ну, что, товарищи, не прав ли я был в своей основной решающей ставке на исполинские силы наших удивительных народных масс: выстоим, выдержим, сломим все препятствия, победим»»[2].

Оценивая результаты исторической борьбы нового, социалистического мира против реакционных сил империализма, выдающийся деятель международного коммунистического движения М. Торез говорил, что «неоспоримое превосходство социалистической системы позволило Советскому Союзу сыграть решающую роль в уничтожении гитлеровского фашизма и тем самым спасти Европу от варварского порабощения»[3].

Первый президент Германской Демократической Республики В. Пик подчеркивал: «Не будет преувеличением, если мы скажем, что Советскому Союзу немецкий народ обязан не только освобождением от гитлеровского кровавого господства, а на одной трети территории Германии — и от реакционных сил германского империализма, но и сохранением своего национального существования»[4].

[1] «Правда», 9 февраля 1975 г.
[2] «Правда», 20 апреля 1962 г.
[3] *М. Торез.* Избранные произведения (1945—1958 гг.), т. 2. М., 1959, стр. 543.
[4] *В. Пик.* Избранные произведения. М., 1956, стр. 414.

Влияние победы Советского Союза на развитие освободительной борьбы народов, в том числе народов Китая и других стран Азии, неоднократно отмечали руководители КПК и КНР. Так, в телеграмме китайского руководства по случаю 40-й годовщины Красной Армии говорилось, что в период второй мировой войны Красная Армия «уничтожила основные силы агрессивных армий германского и японского фашизма и тем самым защитила независимость всех стран и спасла цивилизацию человечества»[1].

Победа социализма над силами империалистической реакции досталась огромной ценой. Советская страна понесла наибольшие людские и материальные потери. Война унесла свыше 20 млн. жизней. Отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистские войска оставляли после себя пепелища сел и руины городов, взорванные заводы и электростанции, затопленные рудники и шахты, разрушенные памятники культуры, ужасы неслыханных кровавых преступлений. Гитлеровцы разрушили на советской земле 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, оставив без крова около 25 млн. человек. Полностью или частично было уничтожено почти 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. км железнодорожных путей, разграблены десятки тысяч колхозов и совхозов.

Колоссальные разрушения, причиненные гитлеровцами народному хозяйству СССР, вместе с военными расходами и временной потерей доходов от промышленности и сельского хозяйства в районах, подвергшихся оккупации, составили 2 569 млрд. руб. (в государственных ценах 1941 г.). Советская страна потеряла около 30% своего национального богатства[2].

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была исторически обусловленным, закономерным явлением. Она убедительно доказала несокрушимую силу социалистического государства рабочих и крестьян, идей Октября, марксистско-ленинского учения. Эта победа — торжество рожденного Октябрьской социалистической революцией советского общественного и государственного строя, социалистической экономики, идеологии марксизма-ленинизма, морально-политического единства советского общества, нерушимой дружбы народов СССР.

Война показала, что народ, вдохновляемый идеями научного коммунизма, преданный социалистической Родине, тесно сплоченный вокруг Коммунистической партии, непобедим. Как подчеркивал В. И. Ленин, «никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям

[1] «Правда», 23 февраля 1958 г.
[2] См. «Народное хозяйство СССР за 60 лет». М., 1977, стр. 17.

обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»[1].

В защите социалистического Отечества в полной мере проявилась революционная энергия рабочего класса, всех слоев советского общества, их преданность коммунистическим идеалам. «Наша победа,— пишет в своей книге «Малая земля» Л. И. Брежнев,— это высокий рубеж в истории человечества. Она показала величие нашей социалистической Родины, показала всесилие коммунистических идей, дала изумительные образцы самоотверженности и героизма — это все доподлинно так»[2].

Советский народ выдержал труднейшие испытания потому, что вдохновителем и организатором всех его побед была ленинская партия. Только партия, пользующаяся высоким авторитетом, любовью, доверием и уважением трудящихся, могла возглавить и привести народ к победе. За Коммунистической партией шли на боевые и трудовые подвиги, на тяжелые жертвы миллионы советских людей, все народы Советской страны.

«Именно партия,— подчеркивал Л. И. Брежнев,— организовывала и сплачивала десятки миллионов людей, направляла их энергию, их волю и действия к одной цели — к победе»[3].

Партия располагала хорошо подготовленными кадрами в области государственной, хозяйственной и военной. Умело распределяя свои силы, сосредоточивая их на тех направлениях, где ковалась победа, партия стала поистине воюющей, сражающейся партией. Мудростью Коммунистической партии, железной волей ее руководства огромная страна превратилась в единый, слаженный, действующий с максимальным напряжением и целеустремленностью организм. Не было участка всенародной борьбы, где не проявлялась бы ее кипучая деятельность. Партия умело раскрывала объективные возможности завоевания победы, заложенные в социалистической системе, в социалистическом образе жизни, активно мобилизовала массы на их претворение в действительность, показала образцы научного решения вопросов руководства фронтом и тылом[4].

В тяжелую пору миллионы советских людей связали свою судьбу с партией. В годы войны более 5 млн. человек, из них 32,1% со-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 315.
[2] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания, т. 7. М., 1979, стр. 53.
[3] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, стр. 288.
[4] См. «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1980; «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 5, кн. 1; «Во главе защиты Советской Родины. Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны». М., 1975; «Партия и армия». М., 1977; подробнее см.: «КПСС — вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне. Историографический очерк». М., 1973.

ставляли рабочие[1], вступили в кандидаты, около 3,5 млн.— в члены партии. К концу 1945 г. в составе партии было 33,8% рабочих[2]. Сплоченность всего советского народа вокруг ленинской партии — один из важнейших источников силы и непобедимости социалистической державы.

Важнейшим условием всемирно-исторической победы советского народа была несокрушимая мощь Советских Вооруженных Сил. Ни одной армии мира не суждено было вынести на своих плечах такие тяжелейшие испытания и одержать на полях сражений столь выдающиеся победы. Опыт истории доказал, что военная организация стоящего у власти рабочего класса, опирающаяся на преимущества советского общественного и государственного строя, на поддержку всего народа, превзошла во всех отношениях военную организацию фашистских государств.

Одним из величайших проявлений непреклонной воли советского народа к победе явилось партизанское движение, вылившееся во всенародную борьбу против фашистских захватчиков на временно захваченной ими территории. История не знает такого массового героизма, какой проявил доблестный советский народ в годы Великой Отечественной войны.

Всемирно-историческая победа советского народа над германским фашизмом и японским милитаризмом является важной вехой мировой истории. Она имела огромное влияние на судьбы всего человечества. Невозможно переоценить ее последствия для развития мирового революционного процесса, международного рабочего и национально-освободительных движений, борьбы за мир, демократию и социальный прогресс. Эта победа показала, что «в мире нет сил, которые могли бы повернуть вспять могучий поток революционных преобразований, начатых Великой Октябрьской социалистической революцией. Разгром фашистской Германии — оплота империализма — во многом предопределил послевоенное развитие мира. Эта победа стала исходным пунктом для нового могучего революционного подъема, который привел к краху капитализма в целом ряде стран Запада и Востока. Эта победа положила начало глубоким изменениям в мировой политике, экономике, идеологии, в сознании миллионов людей»[3].

[1] См. «История Великої Отечественной войны Советского Союза», т. 6, стр. 366; «История Коммунистической партии Советского Союза», стр. 512.

[2] См. «История Коммунистической партии Советского Союза. Атлас». М., 1977, стр. 94.

[3] *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 1. М., 1970, стр. 144.

ВЕДУЩАЯ СИЛА АНТИФАШИСТСКОЙ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

ОРГАНИЗАЦИЯ МАССОВОГО ОТПОРА ФАШИСТСКИМ АГРЕССОРАМ

Вторая мировая война по своим масштабам и напряженности, по числу участников, количеству и качеству вооружения, колоссальным человеческим жертвам и материальным разрушениям не имеет себе равных в истории. В ней участвовало 61 государство с населением 1 млрд. 700 млн. человек, т. е. три четверти человечества.

Вторая мировая война была развязана агрессивным фашистско-милитаристским блоком в условиях, когда капитализм уже не был безраздельно господствующей общественно-политической системой, ибо в мире существовало и крепло первое социалистическое государство — Советский Союз. Этот принципиально новый (в отличие от первой мировой войны) фактор, оказавший решающее влияние на изменение характера второй мировой войны, имел основополагающее значение для определения рабочим классом отдельных стран, международным рабочим и коммунистическим движением своей позиции по отношению к войне, к ее целям и результатам.

Вторая мировая война возникла внутри капиталистической системы в результате крайнего обострения империалистических противоречий и на первом этапе представляла собой схватку между двумя капиталистическими коалициями, ставящими империалистические цели. Вместе с тем необходимо учитывать, что особую опасность для международного пролетариата представляла агрессивная политика фашистского блока, который развязал войну с целью завоевания мирового господства, уничтожения первого социалистического государства, порабощения других стран и установления грабительского «нового порядка», подавления международного рабочего и коммунистического движения, всех прогрессивных сил. Для народов Польши, Югославии и других государств, ставших жертвами агрессии, война с самого начала носила характер справедливой борьбы за свободу и национальную независимость. *Развивался процесс превращения войны в справедливую, освободительную со стороны стран и общественных сил, боровшихся против фашистских агрессоров.*

В сложнейших условиях разраставшегося военного пожара коммунистические партии, международный рабочий класс боролись за сплочение антифашистских сил, организацию действенного отпора агрессии. После нападения фашистской Германии на Польшу компартии Германии, Австрии и Чехословакии выступили с совместным

заявлением, в котором говорилось, что «коммунисты прилагают все силы для того, чтобы объединить освободительную борьбу германского рабочего класса с национально-освободительной борьбой чехов, словаков, австрийцев и поляков и создать нерушимый единый фронт против германского империализма»[1].

В заявлении Французской коммунистической партии 25 августа 1939 г. подчеркивалось, что «в подлинной борьбе против фашистского агрессора коммунистическая партия отстаивает свое право быть в первых рядах»[2]. Коммунисты указывали на настоятельную необходимость придания войне против нацистской Германии антифашистского, народного характера, предупреждая: «Правительство, которое боится народа, идет к поражению»[3].

Правительства Англии и Франции, объявившие войну Германии, ничего не сделали, чтобы оказать действенную помощь Польше, практически отдав ее на растерзание фашистскому агрессору. Такая пассивность была продолжением мюнхенской политики: фашистской Германии недвусмысленно указывали желательное для империализма направление агрессии — против СССР. Более того, правящие круги западных держав проявляли необычайную активность в организации различных антисоветских кампаний. Антисоветская, антикоммунистическая позиция правительств буржуазно-демократических государств по существу лила воду на мельницу фашистской политики, затрудняла развитие и выявление национально-освободительных тенденций в начавшейся войне.

В этой сложной обстановке исключительно важное значение имела позиция международного рабочего класса, и прежде всего его авангарда — коммунистических партий. В опубликованном в ноябре 1939 г. воззвании Исполкома Коминтерна война характеризовалась как империалистическая с обеих сторон и подчеркивалось, что в войне «повинны все капиталистические правительства, и в первую очередь правящие классы воюющих государств»[4]. Вместе с тем указания Коминтерна, практические действия коммунистических партий, международного рабочего движения исходили из учета антифашистских, освободительных тенденций в начавшейся войне. Летом 1940 г. руководство Коминтерна и компартий Голландии, Дании, Норвегии поставило вопрос о развертывании борьбы за восстановление национальной независимости этих стран, в защиту жизненных интересов их трудящихся[5]. Когда наступавшие гитлеровские войска угрожали Парижу, ЦК ФКП передал французскому правительству предложения об обороне столицы, призвал «изменить характер вой-

[1] *В. Ульбрихт.* К истории новейшего времени. М., 1957, стр. 319.
[2] «L'Humanité», 25.VIII. 1939.
[3] «La vie ouvrière», 29.IX. 1939.
[4] «Коммунистический Интернационал», 1939, № 8-9, стр. 4.
[5] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969, стр. 484.

ны, превратив ее в народную войну за свободу и независимость родины»[1]. Руководство Коминтерна ориентировало коммунистические партии на объединение всех здоровых сил народа для борьбы против оккупантов. При этом отмечалось, что ведущую роль в антифашистском, освободительном движении должен играть рабочий класс во главе с коммунистической партией. Как подчеркивалось в директиве Секретариата ИККИ от 22 июня 1940 г., необходимо разъяснять французскому народу на деле, что «только рабочий класс, руководимый коммунистической партией, способен добиться сплочения нации в могущественном фронте защиты ее жизненных интересов и борьбы против чужеземного ига за независимую, подлинно свободную Францию»[2].

Во второй половине 1940 — первой половине 1941 г. коммунистическое движение предприняло новые шаги к осуществлению политики единого антифашистского фронта[3]. В 1940 г. в ряде стран был выдвинут лозунг борьбы за правительство антифашистского единства, в других случаях восстановлен лозунг создания правительства национального единства или национальной обороны[4], имевший важное значение для Югославии, которая оказалась под непосредственной угрозой гитлеровского нападения. После начала фашистской агрессии против Греции и Югославии коммунисты поставили задачу достижения национального единства для защиты независимости своих народов, развертывания борьбы против захватчиков.

Журнал «Коммунистический Интернационал» в апреле 1941 г., подчеркивая связь интернациональных и патриотических интересов рабочего класса, писал: «Защищая свой народ, отстаивая его интересы против корыстных интересов буржуазии, борясь в то же время против порабощения своего народа чужеземным империализмом, а в других странах решительно выступая против империалистических захватов и порабощения своей буржуазией чужих народов, коммунисты служат делу подлинного пролетарского интернационализма, ибо таким образом они оказывают самую действенную помощь как своему народу, так и трудящимся других стран»[5]. 11 мая 1941 г. руководство ИККИ, призывая усилить борьбу народов, подвергшихся фашистскому нападению и порабощению, указывало на необходимость направить удар также против пособников оккупантов — коллаборационистов.

В условиях развертывания фашистской агрессии перед компар-

[1] *М. Торез.* Сын народа. М., 1960, стр. 160—161.
[2] См. «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения». М., 1972, стр. 378.
[3] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 495—502.
[4] См. «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», стр. 382—385.
[5] «Коммунистический Интернационал», 1941, № 4, стр. 12.

тиями, рабочим классом стояла задача сплочения всех патриотических, антифашистских сил, укрепления дружбы с СССР. Г. Димитров в письме к БРП от 10 мая 1941 г. указывал: «Главной задачей партии на данном этапе является разъяснять народу об опасности полного национального порабощения и сплачивать здоровые силы нации на борьбу за национальную независимость». 15 мая 1941 г. ЦК ФКП выступил с призывом к созданию Национального фронта борьбы за независимость Франции, который объединил бы все патриотические силы, был бы широким союзом, направленным на национально-освободительную борьбу против фашистских оккупантов и их пособников.

Таким образом, еще до нападения гитлеровской Германии на СССР коммунистическое движение стало на путь развития и творческого применения в новых условиях политики антифашистского национального фронта, выработанной VII конгрессом Коминтерна.

На начальном этапе войны Коминтерн и компартии обращали главное внимание на мобилизацию и сплочение демократических сил для сопротивления фашистским поработителям. Именно компартии организовали первые антифашистские выступления, именно коммунисты составили ядро первых боевых групп и партизанских отрядов, стали первыми героями Сопротивления. Для пролетариата оккупированных стран период с начала войны до 22 июня 1941 г. стал этапом накапливания сил, организационной и пропагандистской подготовки массовой борьбы, создания и укрепления нелегальных антифашистских организаций.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз открыло новый этап второй мировой войны. Смертельная опасность угрожала не только социалистическому государству, но и международному рабочему и коммунистическому движению, всем демократическим и прогрессивным силам, всей мировой цивилизации.

С началом Великой Отечественной войны Советского Союза *завершился процесс перерастания второй мировой войны в справедливую, освободительную со стороны всех государств и народов, противостоящих фашистскому блоку.* Вступив в войну, Советский Союз стал главной военной, экономической и политической силой борьбы против фашизма и его планов завоевания мирового господства. В героическом противоборстве с агрессорами советский рабочий класс, все трудящиеся СССР отстаивали не только независимость своей Родины, но и свободу других народов, будущее мира, социального прогресса. В этом нашла свое выражение интернациональная миссия рабочего класса — класса-созидателя, класса-борца.

Нападение фашистской Германии на СССР вызвало мощную волну интернациональной поддержки советского народа международным пролетариатом, трудящимися многих стран. В Европе и Азии, Северной и Южной Америке, Африке и Австралии широкие слои населения выражали горячее сочувствие справедливой борьбе

советского народа. Рабочие, профсоюзные и другие организации трудящихся, видные общественные деятели, представители науки и культуры выступали в поддержку Советского Союза, за объединение усилий с Советской страной в войне против общего врага.

Это движение возглавили коммунисты — самые последовательные поборники национального и социального освобождения трудящихся, самые мужественные борцы против фашизма и войны. Выполняя свой интернациональный долг, коммунистические партии обратились к народам своих стран с призывом выступить в защиту СССР.

Руководство Коминтерна в письмах-обращениях, направленных компартиям 22—23 июня 1941 г., указывало, что вероломное нападение фашистской Германии на СССР является не только агрессией против страны социализма, но и покушением на свободу и независимость всех народов мира. Поэтому борьба Советского Союза одновременно являлась и защитой всех порабощенных фашизмом народов, защитой всех, кому угрожал фашизм[1].

Исполком Коминтерна так определил задачи компартий стран, вставших на путь сотрудничества с СССР в борьбе против гитлеровской Германии: противодействовать фашистской агрессии, обеспечивать всемерную поддержку советскому народу в его справедливой войне, вести борьбу против любых пособников фашизма. ИККИ ориентировал компартии на развертывание кампании за образование прочного «единого фронта государств — СССР, Англии, США и правительств других стран, которые ведут борьбу против фашистской Германии»[2]. Тем самым был взят курс на создание мощной коалиции государств и народов с целью разгрома блока агрессоров.

Компартии Англии, США, Канады и других стран добивались мобилизации всех национальных сил на активное участие в войне против фашистских агрессоров и на оказание разносторонней помощи Советскому Союзу. Коммунисты подчеркивали жизненную необходимость сплочения и тесного сотрудничества демократических стран. Стратегическая линия компартий этих стран была нацелена на обеспечение разгрома фашизма, вместе с тем она сочеталась с отстаиванием классовых интересов трудящихся[3].

«Дело Советского Союза,— подчеркивалось в декларации Компартии Великобритании,— дело трудящихся всего земного шара, дело свободы и социализма... Мы требуем немедленного заключения военного и дипломатического соглашений между Англией и Советским Союзом». В декларации Компартии США говорилось: «Амери-

[1] См. «История второй мировой войны. 1939—1945», т. 4. М., 1975, стр. 209.
[2] Цит. по: «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», стр. 394.
[3] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 512—515.

канский народ — рабочие, трудящиеся, фермеры, негритянские массы, средние слои — все, кто ненавидит фашизм и угнетение, кому дороги мир и свобода, считают дело Советского Союза и его народов делом всего передового и прогрессивного человечества»[1].

Вступление СССР в войну против агрессоров дало мощный стимул развертыванию антифашистского движения Сопротивления народов порабощенных фашистами стран. «Гитлеровская агрессия против Советского Союза,— писал Морис Торез,— дала сильный толчок нашему движению Сопротивления, особенно организации вооруженной борьбы... После 22 июня 1941 года патриоты сказали себе: «Мы не одни; с таким союзником, как советский народ, мы можем завоевать свободу, мы можем победить»»[2].

В начале июля 1941 г. руководство Коминтерна рекомендовало компартиям оккупированных агрессорами стран «немедленно приступить к организации единого национального фронта и для этого установить контакт со всеми силами независимо от их политического направления и характера, которые выступают против фашистской Германии»[3]. Это был курс на создание широкого национального фронта для развертывания активной антифашистской борьбы.

Создание антифашистских национальных фронтов в ряде стран свидетельствовало о правильности выработанной коммунистическим движением стратегии и тактики, о росте активности пролетариата, который составлял ядро массовых организаций и вооруженных формирований, сложившихся в процессе развития движения Сопротивления.

ИККИ ориентировал коммунистические партии оккупированных стран на развертывание партизанской борьбы всюду, где имелись соответствующие условия. Резолюция расширенного совещания Секретариата ИККИ в декабре 1941 г. призывала коммунистов отдать все силы задаче «изгнания захватчиков и завоевания своей национальной независимости»[4].

По инициативе коммунистов формировались боевые группы и партизанские отряды. В 1941—1942 гг. Народно-освободительные армии были созданы в Югославии и Греции. Вооруженные организации Сопротивления появились в Албании, Польше, Франции. Партизанские отряды и боевые группы действовали в Бельгии, Дании и других странах. Создание в оккупированных фашистами странах Европы крупных, организованных вооруженных сил движения

[1] «Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945)». М., 1962, стр. 285.
[2] *М. Торез.* Сын народа, стр. 168.
[3] Цит. по: «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», стр. 397.
[4] Цит. по: «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического движения», стр. 400.

Сопротивления — величайшее достижение коммунистических партий, способствовавшее приближению победы.

Ориентируя компартии на развертывание движения Сопротивления, Коминтерн постоянно анализировал и обобщал накопленный опыт борьбы, призывал к творческому его применению. Одним из действенных средств мобилизации масс на борьбу против фашизма стала радиопропаганда [1], в которой принимали участие видные деятели мирового коммунистического движения — К. Готвальд, Д. Ибаррури, В. Коларов, В. Пик, П. Тольятти, М. Торез, В. Ульбрихт и другие. Радио было одним из каналов связи с антифашистским подпольем. В 1943 г. передачи национального радио велись почти круглосуточно на 18 языках [2].

В числе важных практических шагов, предпринятых Коминтерном, следует назвать организацию и обучение партизанских групп добровольцев из политэмигрантов — членов зарубежных компартий, находившихся в СССР. Впоследствии многие из них непосредственно включились в движение Сопротивления, проявив себя политически зрелыми организаторами антифашистской борьбы.

Подлинно интернационалистскую позицию заняли компартии стран фашистского блока, решительно осудившие нападение агрессоров на СССР. ЦК Коммунистической партии Германии в обращении от 24 июня 1941 г. охарактеризовал войну против СССР как тяжкое преступление не только против советского народа, но и против народа Германии. Руководство компартий этих стран выдвинуло задачу расширения антифашистской борьбы. Исполком Коминтерна призывал антифашистов создавать и укреплять нелегальные организации и активизировать их деятельность. Долг истинных патриотов, подчеркивал ИККИ,— разоблачать реакционные цели правящих кругов, организовывать антифашистские выступления, вести решительную борьбу за прекращение преступной захватнической войны и свержение антинародных фашистских режимов.

Коминтерн уделял серьезное внимание работе среди военнопленных, исходя из необходимости освобождения их от фашистского дурмана, осознания ими подлинных интересов собственных народов и пробуждения гражданской активности [3]. Была создана антифашистская школа для политической работы среди военнопленных.

Жестокие репрессии, дезориентирующее воздействие фашистской идеологии и психологическая обработка масс создавали ис-

[1] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 525—528.

[2] См. *Б. Н. Пономарев.* Георгий Димитров в борьбе против фашизма в период второй мировой войны.— «Рабочий класс и современный мир», 1972. № 2, стр. 14; «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк».

[3] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 528—530.

ключительно трудные условия для ведения антифашистской борьбы в странах агрессивного блока. Из всех классов общества пролетариат проявил наибольшую способность к организации сопротивления фашизму.

В условиях войны определенные особенности имела деятельность коммунистических партий в нейтральных странах. Коммунисты Швеции, Турции и других стран настойчиво добивались строгого соблюдения нейтралитета, выступали против сотрудничества правительств с державами «оси», против уступок гитлеровцам.

С началом Великой Отечественной войны о солидарности с советским народом заявили и коммунистические партии стран Азии, Африки и Латинской Америки. Они разъясняли интернациональный характер борьбы советского народа, призывали оказать ему всемерную поддержку, подчеркивали, что фашистско-милитаристский блок агрессоров является самой реакционной силой в мире. Вместе с тем коммунисты колониальных и зависимых стран стремились связать противодействие агрессорам с развитием национально-освободительного движения.

Рост коммунистических партий, необходимость быстро и оперативно решать конкретные вопросы антифашистской борьбы, повышение роли компартий в борьбе за общенациональные интересы требовали от них максимальной самостоятельности и инициативы. В 1943 г. руководство Коминтерна пришло к выводу, что «организационная форма объединения рабочих, избранная Первым конгрессом Коммунистического Интернационала, отвечавшая потребностям начального периода возрождения рабочего движения, все больше изживала себя по мере роста этого движения и усложнения его задач в отдельных странах и становилась даже помехой дальнейшего укрепления национальных рабочих партий»[1].

Необходимо было также учитывать, что война требовала единства действий всех национальных и международных сил, составивших антигитлеровскую коалицию. Интересы борьбы против фашизма диктовали необходимость устранения всех препятствий к развитию сотрудничества различных социально-политических сил. По этим причинам Президиум ИККИ в мае 1943 г. принял решение о роспуске Коммунистического Интернационала, одобренное всеми его секциями.

Коммунистический Интернационал в течение четверти века руководил авангардом международного рабочего класса. Он с честью выполнил свою основную задачу — помочь становлению и укреплению марксистско-ленинских пролетарских партий. В его среде выросли замечательные кадры руководителей и деятелей национальных компартий. Коминтерн стал великой школой пролетарского интер-

[1] Цит. по: «Коммунистический Интернационал», 1943, № 5-6, стр. 8.

национализма, заложив основы единства международного коммунистического движения,— единства, которое осуществляется ныне в новых формах и в неизмеримо более широких масштабах. Он практически развил и укрепил главную гуманистическую традицию революционного рабочего движения — традицию борьбы за мир, против империалистического насилия и войн. Он поднял рабочий класс и народы мира на борьбу против фашизма и подготовил их к героическим битвам второй мировой войны.

Принимая решение о роспуске Коммунистического Интернационала, Президиум ИККИ призвал всех сторонников Коминтерна «сосредоточить свои силы на всемерной поддержке и активном участии в освободительной войне народов и государств антигитлеровской коалиции для скорейшего разгрома смертельного врага трудящихся — немецкого фашизма и его союзников и вассалов»[1]. Рабочий класс разных стран услышал этот призыв. Международный пролетариат наращивал свои усилия как авангард антифашистской, освободительной борьбы.

АНТИФАШИСТСКАЯ, НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы стали жертвами держав «оси» уже в начальный период второй мировой войны (Чехословакия еще раньше), хотя формально их статус был различным. Чехословакия, Польша и Югославия стали непосредственными объектами агрессии германского, а Албания и Греция — итальянского фашизма. Болгария, Венгрия и Румыния превратились в сателлитов фашистской Германии, фактически приблизившись к положению оккупированных государств.

В оккупированных странах данного региона, подобно тому, как в других частях Европы, агрессоры установили так называемый новый порядок — режим террора, угнетения и насилия. Колючая проволока концлагерей и дымящиеся трубы крематориев стали символами этого порядка. Миллионы людей погибли от рук фашистских палачей в концентрационных лагерях — Бухенвальде, Майданеке, Освенциме, Дахау и других. Машина фашистского террора обрушилась на авангард рабочего класса — коммунистов, на всех патриотов. Практика «нового порядка» включала геноцид, ставила под вопрос существование целых народов.

Террор дополнялся политикой ограбления оккупированных народов. Реквизиции, вывоз продовольствия, экспроприации промышленных предприятий стали повседневным явлением в порабо-

[1] «Коммунистический Интернационал», 1943, № 5-6, стр. 10.

щенных странах. Огромные масштабы принял вывоз иностранной рабочей силы в Германию.

Перед *рабочим классом* стран этого региона на весь период войны на первом месте встала *задача освобождения от ига фашизма, восстановления национальной независимости и суверенитета, борьбы за глубокие демократические преобразования*[1].

В 1939—1941 гг. в ряде стран региона произошли существенные изменения в расстановке классовых и политических сил. Усилилась реакционность правящих (имущих) классов, немалая часть которых была связана с гитлеризмом. В странах-сателлитах значительная часть буржуазии, зажиточных мелкобуржуазных слоев города и деревни поддерживала быстро фашизировавшиеся режимы. Другая их часть занимала нейтральную позицию. Сотрудничала с оккупантами часть буржуазии Югославии и Чехословакии.

Усилению реакционности империализма противостояло расширение антиимпериалистического фронта, что открывало новые, более благоприятные возможности в борьбе за демократию и социализм. В оккупированных странах к антифашистскому движению примкнули мелкобуржуазные слои, а в ряде случаев и часть буржуазии. Однако антифашистская часть буржуазии в своем большинстве ориентировалась на эмигрантские правительства и надеялась получить освобождение из рук Англии и США. Даже создавая свои организации Сопротивления (Польша, Чехословакия), она стремилась избежать развертывания массовой антифашистской борьбы. Противоречивость политики буржуазии, раздробленность ее сил, отказ от курса на народную антифашистскую борьбу, застарелый антисоветизм шли вразрез с национальными интересами, лишали почвы ее претензии на сохранение руководящей роли в обществе.

Эта роль переходила к рабочему классу, накопившему в межвоенный период немалый политический опыт. Коммунистические партии при помощи Коминтерна существенно обогатили свою стратегию и тактику и приобрели ценные навыки совместных действий с демократическими, антифашистскими силами и организациями. Проанализировав новые условия и вытекавшие из них задачи, они выработали концепцию национального фронта, творчески развивавшую идею народного фронта, и начали поиски практических путей объединения всех антифашистских сил: в Чехословакии под лозунгами борьбы за свободу своей страны, в Югославии, Греции и Албании — образования народного правительства, представляющего все патриотические силы, в Польше — демократической независимой Польши и т. д. Компартия Румынии в январе 1941 г. предложила другим партиям сотрудничество в борьбе за национальную независимость.

[1] См. *А. И. Соболев.* Диалектика общего и особенного в мировом революционном процессе.— «Вопросы истории КПСС», 1975, № 11, стр. 29.

Компартия Болгарии развернула работу против установления контроля гитлеровцев над страной и вовлечения ее в войну.

Во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы *революционное рабочее движение, коммунистические партии были самой активной силой антифашистской борьбы, ее инициаторами и организаторами.* Коммунистическая партия Югославии уже в июне 1941 г. возглавила вооруженную борьбу против оккупантов и их приспешников. Руководство довоенных буржуазных партий не пошло на сотрудничество с коммунистами. Последние создали массовую организацию Единый народно-освободительный фронт, в рамках которой трудящиеся сплотились непосредственно вокруг компартии. Аналогичная ситуация сложилась в Греции, где центром притяжения всех демократических, антифашистских сил стал ЭАМ.

Образованная в январе 1942 г. Польская рабочая партия (ППР) в условиях роста массового движения Сопротивления взяла курс на образование широкого национального фронта. Несмотря на отказ сторонников лондонского эмигрантского правительства от единства действий или совместных вооруженных акций, ППР настойчиво добивалась сплочения сил народа на борьбу за свободу и независимость страны под лозунгом демократического национального фронта. В Албании в движении Сопротивления осенью 1942 г. оформились два противоположных течения — Национально-освободительному фронту противостоял так называемый национальный фронт, созданный политическими представителями имущих классов прозападной ориентации. Выявилось, что, кроме Чехословакии, антифашистское крыло буржуазии в начале войны выступало против организованного и возглавляемого коммунистами освободительного движения, против освобождения оккупированных стран при непосредственной военной помощи Советского Союза. Особенно ярко это проявилось в Польше, где, несмотря на последовательно проводимую фашистскими захватчиками политику физического уничтожения польского народа и массовое включение представителей всех классов общества в движение Сопротивления, объединить его силы оказалось невозможно из-за антикоммунизма и антисоветизма правого крыла Сопротивления, которое в отдельных случаях даже становилось на путь развязывания гражданской войны.

В Румынии и Венгрии, особенно после их вступления в войну, политическая обстановка была весьма неблагоприятной для развертывания антифашистского движения. Кроме того, в этих странах коммунистический авангард понес очень большие потери, а раскол рабочего движения был особенно глубоким.

Коммунистические партии поставили как первоочередную отвечавшую национальным интересам и настроениям масс задачу организации вооруженной борьбы с оккупационными и прогитлеровскими режимами. Учитывая расстановку сил и социальную динамику ре-

волюционного процесса, коммунисты сформулировали программу, сочетавшую антифашистско-освободительные и национально-демократические цели, направленную как против фашистских захватчиков, так и против связанных с ними крупных капиталистов и помещиков, а также против пережитков феодализма. Вырисовывалась перспектива превращения национальных фронтов в основу новой, демократической власти — особой формы демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Под влиянием коренного перелома в войне в странах Центральной и Юго-Восточной Европы усилилось массовое антифашистское движение. Активное участие в войне с фашистской Германией приняли национальные воинские подразделения, сформированные из антифашистов, находившихся на территории СССР.

Уже в ноябре 1942 г. было создано Антифашистское вече народного освобождения Югославии. В сентябре 1943 г. в Албании был образован Генеральный Национально-освободительный Совет. В Польше в новогоднюю ночь на 1944 г. был создан высший орган демократического национального фронта — Крайова Рада Народова. Было достигнуто соглашение о создании Национального фронта чехов и словаков, основную силу которого составлял рабочий класс. К концу войны в Чехословакии сложился самый широкий блок классовых сил.

В Болгарии на основе выдвинутой в июле 1942 г. программы создания Отечественного фронта (ОФ) удалось сплотить рабочий класс, укрепить союз рабочего класса с крестьянством и средними слоями города. В середине 1943 г. были созданы местные, а затем национальный комитеты ОФ. Наиболее влиятельной силой в них стала БКП, за которой пошло подавляющее большинство трудящихся. В Румынии летом 1943 г. начал складываться Патриотический антигитлеровский фронт; вокруг него после заключения соглашения о сотрудничестве между коммунистами и социал-демократами стала формироваться антифашистская коалиция с участием буржуазных партий. В Венгрии компартия выступала за создание широкой национальной коалиции для борьбы против гитлеровцев и венгерских фашистов. В ходе борьбы за освобождение страны сложился Венгерский национальный фронт независимости.

Освободительное движение народов Центральной и Юго-Восточной Европы слилось с Отечественной войной советского народа против фашистских захватчиков[1]. Решительная поддержка национально-освободительной борьбы этих народов Советским Союзом создала благоприятные условия для демократизации стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

[1] Подробно см.: «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945». М., 1978.

Развитие революции определялось прежде всего внутренними факторами. Условия и ход антифашистской борьбы в разных странах были различными, однако на завершающем этапе второй мировой войны ведущую роль в национальных фронтах и широких народных коалициях стал играть рабочий класс.

В годы войны рабочий класс особенно сильно пострадал: его наиболее революционная часть оказалась в тюрьмах и концлагерях, в штрафных ротах на фронте. Численность занятого в промышленности пролетариата уменьшилась в 2 раза[1]. Он был обновлен по составу, в своей немалой части оторван от крупного производства, нередко распылен и дезорганизован. Однако война многому научила рабочий класс, втянула его различные отряды в борьбу за демократию и социализм. Этот класс оказался достаточно сплоченным и сильным, чтобы возглавить борьбу за решение общенациональных задач, обеспечить мощное развитие массового национально-освободительного движения, в ходе которого он все больше осознавал свои классовые задачи, свою историческую миссию. В некоторых странах рабочий класс на заключительном этапе борьбы, когда первоочередные задачи носили в основном антифашистский, освободительный и революционно-демократический характер, был бесспорным гегемоном, занимал решающие позиции вплоть до осуществления непосредственного руководства[2]. В одних случаях он был объединен вокруг своего коммунистического авангарда, в других — единство действий обеспечивалось сотрудничеством коммунистов с социал-демократами или их частью.

Коммунистические партии региона, находившиеся в годы войны в глубоком подполье и понесшие огромный урон, смогли тем не менее не только выработать соответствующую новым условиям и задачам политическую линию, но и завоевать значительную часть трудящихся, взять на себя осуществление политического руководства реализацией программы национальных фронтов. Сила коммунистов была в том, что в их деятельности органично сочеталась борьба за социальное и национальное освобождение.

Однако, несмотря на стремление компартий объединить все антифашистские силы, находившиеся в оппозиции к оккупантам и местным фашистским режимам, это удалось лишь частично. Значительная часть буржуазии осталась вне рамок национальных фронтов или противодействовала реализации их последовательно демократических программ. Зато значительная часть широких масс превраги-

[1] См. *А. И. Пушкаш.* Развитие рабочего класса социалистических стран Европы.— В кн.: «Из истории социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1979, стр. 108, 109.

[2] См. *Л. Я. Гибианский.* Предисловие.— В кн.: «Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977, стр. 19.

лась в союзника рабочего класса в борьбе за национальное освобождение, хотя темпы формирования этого союза были различными[1].

Освобождение порабощенных фашизмом стран, ликвидация реакционных режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе открыли народам путь свободного, демократического решения социально-политических и экономических проблем. С ослаблением, а затем разгромом фашистской Германии как ударной силы империалистической реакции, а также ее союзников и сателлитов ускорилось дальнейшее развитие мирового революционного процесса, перерастание антифашистского движения Сопротивления и народно-освободительных войн и восстаний в народно-демократические и социалистические революции. При различиях в социально-экономической структуре, в расстановке классовых и политических сил, в политическом устройстве в регионе проявилось единство коренных условий — уровня развития капитализма, характера его противоречий и темпов их обострения. Во всех этих странах сложились революционные ситуации, черты которых были близки и сходны, революционные перспективы взаимосвязаны. Эти революционные ситуации углублялись в ходе освободительной борьбы и наступления Красной Армии, парализовавших крайние формы реакции в ряде стран.

В ходе национально-освободительной борьбы в странах региона стали вызревать *народно-демократические и социалистические революции*. Борьба за решение демократических, антифашистских, антифеодальных, антиимпериалистических задач привела в большинстве стран к переходу власти в руки рабочих, крестьян, средних слоев города, союзником или попутчиком которых была часть буржуазии. На разных фазах революции к власти пришли революционные правительства с большей или меньшей степенью гегемонии рабочего класса[2]. Это обеспечило последовательную демократизацию общественно-политической жизни, вовлечение в революционные преобразования основной массы трудящихся, уничтожение корней фашизма, засилья иностранных и местных монополий. Национально-освободительное, общедемократическое по своему характеру движение приобрело глубокое социальное содержание. В Греции революционный процесс был прерван английской интервенцией.

Национальные фронты, прошедшие сквозь огонь борьбы с фашизмом, оказались действенным союзом основных революционных сил, ставшим опорой в реорганизации системы власти. На их опыте

[1] См. *Я. Б. Шмераль*. Некоторые общие вопросы народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.— «Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977.

[2] См. *А. И. Соболев*. Ленинские традиции Коминтерна и современность.— В кн.: «Коммунисты в борьбе за демократическое единство». Прага, 1975, стр. 241.

был подтвержден вывод международного коммунистического движения о возможности создания особой формы демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, демократических режимов, отличающихся от обычных буржуазных, хотя и не являющихся социалистическими[1].

В революциях, выросших из антифашистской, национально-освободительной борьбы, решались задачи, заложенные в программах национальных фронтов. По объективно происходившему классовому размежеванию и по соотношению сил в новых органах власти эти революции в большей или меньшей степени приобретали пролетарскую окраску, что обеспечивало ускорение революционного процесса в направлении решения социалистических задач[2]. Для процесса развития этих революций, происходивших на втором этапе общего кризиса капитализма, было характерно совершенствование методов осуществления классовых целей пролетариата, дальнейшее сближение борьбы за демократию и национальное освобождение с борьбой за социализм[3].

Итогом углубления общего кризиса капитализма и ускорения развития мирового революционного процесса стало возникновение мировой социалистической системы.

* * *

6 апреля 1941 г. *Югославия* подверглась нападению Германии и ее союзников. Старая антинародная власть капитулировала на двенадцатый день войны. Страна была расчленена на несколько частей. Правые партии, буржуазно-националистические организации, приспешники монархии встали на путь сотрудничества с оккупантами, на путь национальной измены и организации братоубийственной войны.

Однако уже через три месяца после капитуляции развернулась героическая борьба народов Югославии против оккупантов. Организующей и руководящей силой отпора фашистским поработителям стала коммунистическая партия. 22 июня 1941 г. ЦК КПЮ призвал народ готовиться ко всеобщему вооруженному восстанию[4].

4 июля Политбюро ЦК КПЮ приняло решение начать восстание, быстро охватившее страну, и приступило к организации пар-

[1] См. «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 1977, стр. 372.

[2] См. *Л. Я. Гибианский*. Указ. соч., стр. 19.

[3] См. *И. М. Кривогуз, С. М. Стецкевич*. О характере и содержании революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (обзор советской историографии).— «Рабочий класс и современный мир», 1978, № 5.

[4] «Dokumenti istorije omladinskog pokreta Jugoslavije», t. I, knj. II. Beograd, 1954, s. 23.

тизанских отрядов. На их базе с конца 1941 г. стали создавать крупные соединения — пролетарские бригады, значительную часть которых составляли коммунисты и члены союза коммунистической молодежи. Политическая платформа всенародной борьбы, выдвинутая коммунистической партией, вела к сплочению в Едином народно-освободительном фронте рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, молодежи. Компартия подчеркивала антифашистские, антиимпериалистические цели борьбы, призывая все слои народа независимо от политических, религиозных, национальных и других различий к решительной войне против оккупантов и их прислужников внутри страны.

Борьба шла не только с фашистскими агрессорами и оккупантами, но и с реакционными, антинародными и предательскими силами — формированиями усташей в Хорватии, где было создано марионеточное государство, четниками в Сербии во главе с Д. Михайловичем, которого королевское правительство, находившееся в эмиграции, объявило военным министром, белогвардейцами в Словении и другими изменническими бандами.

В ходе этой жестокой схватки в сознании широчайших народных масс все более созревало убеждение в том, что старые правящие классы потеряли всякое право на управление страной: они привели Югославию к национальной катастрофе, выдали ее народ на растерзание фашистским палачам и стали лакеями иностранных захватчиков. Цель антифашистской, освободительной войны, разъясняла КПЮ, состоит не только в том, чтобы освободить страну от поработителей, но и в том, чтобы положить конец отжившему политическому и социальному строю, основать новую Югославию на принципиально новых общественно-экономических и политических началах.

По инициативе коммунистической партии, под ее руководством создавались народно-освободительные комитеты, объединявшие представителей всех патриотических слоев населения. В декабре 1941 г. ЦК КПЮ писал в директиве местным организациям партии: «...вопросом народно-освободительных комитетов должны заниматься партийные организации... Имейте в виду перспективу превращения народно-освободительных комитетов в будущие органы революционной власти...»[1] Руководящую роль в создании новой системы народной власти играл рабочий класс. Развитие системы новой власти в освобожденных от врага районах привело к созданию единого органа народной власти в масштабах всей страны, объединяющего все народно-освободительные комитеты[2]. Это было осуществлено первой сессией Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) в Бихаче 26—27 ноября 1942 г.

[1] «Kako je stvarana socijalistička Jugoslavija». Beograd, 1964, s. 70.
[2] «Prvo i drugo zasjedanje AVNOJa». Zagreb, 1963, s. 171.

К концу 1942 г. силы народно-освободительного движения выросли в Народно-освободительную армию /НОАЮ/, действовавшую на всей территории Югославии и сковывавшую крупные силы фашистских армий. К осени 1943 г. численность вооруженных сил достигла 300 тыс. человек [1]. По данным югославских источников, к этому времени около половины всей территории страны было освобождено Народно-освободительной армией и партизанскими отрядами. В освобожденных районах существовала единая система власти, в которую входили несколько тысяч сельских, районных и окружных народно-освободительных комитетов под руководством антифашистских веч национальных земель.

На второй сессии АВНОЮ 29 ноября 1943 г. Антифашистское вече конституировалось как верховный законодательный и исполнительный народный представительный орган Югославии. Был сформирован Национальный комитет освобождения Югославии под председательством Иосипа Броз Тито — первое народное правительство страны. В декларации сессии говорилось, что АВНОЮ конституируется как верховный представитель суверенитета народа и нового государства и что предательское эмигрантское «правительство» лишается всех прав законной власти.

Вторая сессия АВНОЮ приняла также решение о строительстве новой Югославии на федеративном принципе, на базе полного равноправия и самоопределения наций. Федеративное устройство, основывающееся на самых демократических принципах, говорилось в решении сессии, обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев, всех народов Югославии.

В решении второй сессии АВНОЮ прямо не говорилось о социалистическом характере новой Югославии, но сущность этих важных решений состояла в том, что они представляли собой основу для социалистических преобразований [2]. В ноябре 1943 г. стадия, которой достигла народно-освободительная борьба, еще не ставила вопрос о социалистических преобразованиях непосредственно в порядок дня. В то же время решения АВНОЮ указывали борцам Народно-освободительной армии, партизанам и всему трудовому народу путь коренных общественно-экономических и политических преобразований югославского общества. Трудящиеся Югославии получили широкую историческую перспективу развития страны по новому пути — по пути социализма. Новое государство по своей классовой сути являлось диктатурой пролетариата, осуществляемой в специфической народно-демократической форме рабочим классом в союзе с непролетарскими слоями трудящихся под руководством коммунистической партии.

[1] *J. Marjanović, P. Morača.* Naš oslobodilački rat i narodna revolucija 1941—1945. Beograd, 1958, s. 217.
[2] «Kako je stvarana socijalistička Jugoslavija», s. 16.

Осенью 1944 г. Красная Армия приблизилась к границам Югославии. По согласованию с Национальным комитетом освобождения и Верховным штабом Народно-освободительной армии Югославии советские войска вступили на территорию Югославии. Войска 3-го Украинского фронта плечом к плечу с югославской Народно-освободительной армией и партизанами освободили ряд городов Сербии, а 20 октября 1944 г. после кровопролитного сражения — и столицу страны Белград.

С освобождением Белграда, Сербии и Македонии были созданы условия для дальнейшего укрепления и совершенствования организации Народно-освободительной армии, которая получила существенную помощь оружием и снаряжением от Советского Союза. В наступление за полное освобождение страны двинулись новые части и соединения НОАЮ, включая танковые. Весной 1945 г. они очистили от немецких оккупантов Боснию и Герцеговину, Хорватию и Словению. 1 мая 1945 г. части НОАЮ после тяжелых боев освободили Триест. К Дню Победы в новой югославской армии насчитывалось 800 тыс. воинов [1].

Огромные жертвы понесли народы Югославии во второй мировой войне: страна потеряла 1 700 тыс. человек. Только из числа воинов Народно-освободительной армии было убито 305 тыс. и ранено 425 тыс. человек [2]. Большие потери понесли коммунистическая партия и союз коммунистической молодежи. В боях с врагом пало около 50 тыс. коммунистов, в их числе 9 тыс. членов партии с довоенным стажем [3].

11 ноября 1945 г. в Югославии состоялись выборы в Учредительную скупщину, на которых полную победу одержали кандидаты Народного фронта. Учредительная скупщина приняла декларацию, провозгласившую страну Федеративной Народной Республикой Югославией; новое государство определялось как «союзное народное государство республиканской формы, объединение равноправных народов, которые на основе права на самоопределение, включая право на отделение, выразили свою волю жить совместно в Федеративном государстве» [4].

Под руководством коммунистической партии народы Югославии в тяжелой борьбе против фашистских захватчиков и предательской буржуазии, в тесном союзе с СССР и борющимися народами Европы и всего мира завоевали победу над врагом. Они создали новую государственную организацию, обладавшую всеми основными признаками и функциями диктатуры пролетариата. Сразу же после войны

[1] «30 godina Socijalističke Jugoslavije». Beograd, 1973, s. 165.
[2] *Vlado Strugar*. Jugoslavija. 1941—1945. Beograd, 1970, s. 355.
[3] Ibid., s. 359.
[4] «Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии». М., 1956, стр. 9.

главные усилия рабочего класса и всего народа страны сосредоточивались на создании основных условий для перехода к социалистическому строительству.

Оккупировав *Польшу*, германский фашизм встал на путь порабощения, онемечивания польских земель. В этой стране, которая первой оказала вооруженное сопротивление гитлеровской тотальной войне и не прекращала его до победы над фашистской Германией, репрессии оккупантов носили характер массового геноцида. Из общего числа около 30 млн. жертв гитлеризма на оккупированных Германией территориях на долю поляков пришлось более 6 млн.: 220 человек на каждую тысячу жителей. Польша потеряла 40% своего национального достояния[1].

Перед лицом смертельной угрозы все слои польского общества заняли антигитлеровскую позицию и включились в борьбу за национальное освобождение своей страны. В условиях ликвидации всех польских политических институтов и партий возникло массовое политическое вооруженное подполье: все политические силы, существовавшие в межвоенной Польше, создали свои подпольные центры и вооруженные формирования.

Еще в ходе военных действий движение Сопротивления приобрело всенародный характер. Рабочие батальоны героически защищали Варшаву, в Силезии против захватчиков сражались горняки и шахтеры. Повсюду население оказывало противодействие распоряжениям оккупационных властей. Ширились конспиративная деятельность, саботаж и диверсии в промышленности и на транспорте.

В организации вооруженного Сопротивления возрастающую роль играли коммунисты. С первых месяцев войны они начали создавать свои антифашистские организации, привлекая в них также левых социалистов и радикальных людовцев. Осенью 1941 г., взяв курс на поддержку борьбы, которую вел советский народ, и связывая именно с ней грядущее освобождение и возрождение Польши, коммунисты создали первые партизанские отряды.

5 января 1942 г. в Варшаве была образована Польская рабочая партия (ППР)[2]. Воссоздание партии, во главе которой встал М. Новотко, позволило выдвинуть четкую программу борьбы за национальное и социальное освобождение страны, в которой была сформулирована главная задача — организация вооруженной борьбы с захватчиками. Борьба в общенациональном антигитлеровском фронте за свободу и независимость Польши тесно увязывалась с курсом на последовательную демократизацию польского общества, на ликвидацию корней реакционной внутренней и внешней политики, привед-

[1] *Cz. Madajczyk.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce, t. I—II. Warszawa, 1970. «Zbrodnie i sprawcy (ludobójstwo hitlerowskie przed sądem ludzkości i historii)». Warszawa, 1980.
[2] *M. Malinowski.* Geneza PPR. Warszawa, 1975.

шей страну к национальной катастрофе. ППР ориентировала польский народ на активное взаимодействие с силами антигитлеровской коалиции. Она была единственной партией, которая заявила, что освобождение Польши может быть достигнуто только в союзе с СССР. ППР образовала свою военную организацию — Гвардию Людову (ГЛ) и взяла на себя организацию массовой партизанской борьбы против оккупантов. Коммунисты призывали все патриотические силы покончить с политикой «выжидания», развернуть активную вооруженную борьбу против оккупантов.

Сопротивление польского народа немецко-фашистским захватчикам особенно усилилось после битвы под Сталинградом. Гвардия Людова стала ведущей силой в борьбе против оккупантов. ЦК ППР (во главе которого после гибели М. Новотко встал П. Финдер) нацеливал польский рабочий класс, все патриотические силы на дальнейшее развитие антифашистской борьбы как борьбы всенародной в рамках широкого национального фронта, на подготовку общепольского восстания против оккупантов[1].

Следует отметить, что на рубеже 1939—1940 гг. на территории Польши было более 150 политических, военных и смешанных групп и группок Сопротивления, а в следующие годы их число достигло нескольких сот[2]. Такая распыленность сил тормозила развертывание вооруженной борьбы против оккупантов. Большой вред движению Сопротивления наносила пропагандировавшаяся буржуазными политиками теория «двух врагов», относившая к врагам Польши не только гитлеровскую Германию, но и Советский Союз. Эти политики взяли курс на то, чтобы «стоять с ружьем к ноге», вступив в борьбу как с германскими войсками, так и с Красной Армией в случае продвижения последней на Запад[3].

Сторонники этого курса, отрицавшие необходимость активной массовой антифашистской борьбы, были непримиримыми противниками сотрудничества с коммунистами и их организациями. Правые лидеры, занимавшие руководящие позиции в ППС, в целом поддерживали эти антикоммунистические установки буржуазных политиков. Однако левое крыло ППС, которое конституировалось 1 сентября 1941 г. как Партия польских социалистов, а с апреля 1943 г. именовалось Рабочей партией польских социалистов (РППС), было сторонником развертывания активных действий против оккупантов.

[1] См. *М. Малиновский, Б. Павлович, В. Потеранский, А. Пшигонский, М. Вилюш.* Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. М., 1968, стр. 223.

[2] См. «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945 гг.», стр. 25; *E. Duraczyński.* Struktura społeczna i polityczna podziemia antyhitlerowskiego.— «Miesięcznik literacki», 1970, N 2, s. 90—98.

[3] *T. Walichnowski.* U źródeł walk z podziemiem reakcyjnym w Polsce. Warszawa, 1980, s. 32—33.

В конце 1942 г. в связи с массовым выселением крестьян Замойщины в целях размещения на их землях немецких колонистов на вооруженную борьбу стало подниматься крестьянство. Начало налаживаться сотрудничество между Гвардией Людовой, выступившей на защиту крестьян от произвола оккупантов, и «Батальонами хлопскими» (вооруженными отрядами крестьянской партии «Стронництво Людове»), а также отдельными отрядами Армии Крайовой (АК), образованной путем слияния военных подразделений различных политических группировок, подчинявшихся лондонскому эмигрантскому правительству.

В январе 1943 г. ППР обратилась к делегатуре лондонского эмигрантского правительства в стране с предложением о совместных действиях против оккупантов. Несмотря на то что делегатура и главное командование АК не ответили на это обращение, ЦК ППР весной 1943 г. вновь предложил объединить силы нации в борьбе против фашизма. Однако связанные с эмигрантским правительством силы упорствовали в своем антикоммунизме и антисоветизме, и соглашения достичь не удалось. Более того, с середины 1943 г. реакционная часть подполья стала предпринимать попытки развязать гражданскую войну, совершая нападения на отряды ГЛ, на членов ППР и созданного по ее инициативе Союза борьбы молодых (СБМ), на левых социалистов, людовцев и демократов.

Такая позиция руководителей буржуазного подполья срывала объединение всех патриотических сил, расширение вооруженной антифашистской борьбы. ППР взяла курс на создание демократического союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции[1]. В ноябре 1943 г. в программной декларации «За что мы боремся» ППР выдвинула задачу борьбы за установление власти народных масс в освобожденной Польше, за создание народно-демократического государства с перспективой перехода к социалистическому строю. Декларация образованного в СССР в марте 1943 г. Союза польских патриотов (СПП) также ориентировала на борьбу за быстрейшее освобождение страны, за демократическую Польшу, за установление добрососедских отношений с СССР. Польские коммунисты, находившиеся в Советском Союзе, внесли важный вклад в теоретическую и идейно-политическую разработку концепций народной Польши. По инициативе СПП и при помощи Советского государства были созданы польские вооруженные силы в СССР, с октября 1943 г. сражавшиеся на советско-германском фронте.

В декабре 1943 г. на переговорах руководства ППР, представителей левого крыла РППС, радикальных кругов СЛ (в феврале они оформились как самостоятельная партия СЛ — «Воля люду»), демократической партии, подпольных профсоюзов, молодежных и не-

[1] *A. Przygoński.* Z zagadnień strategii frontu narodowego PPR, 1942—1945. Warszawa, 1976, s. 146—156.

которых других организаций был принят манифест, закреплявший образование демократического национального фронта и политического представительства демократических сил народа — Крайовой Рады Народовой (КРН). Первое заседание КРН состоялось в ночь на 1 января 1944 г. в глубоком подполье. По предложению ППР Крайова Рада Народова взяла курс на консолидацию демократических сил общества и их мобилизацию на активную борьбу с оккупантами. Военно-политический союз был оформлен декретом КРН об объединении вооруженных отрядов всех вошедших в нее организаций в Армию Людову (АЛ). В первые же месяцы после создания КРН были образованы большие партизанские соединения — бригады АЛ. К середине 1944 г. Армия Людова насчитывала более 50 тыс. бойцов, из них более 20 тыс.— в партизанских отрядах[1].

Создание Крайовой Рады Народовой ускорило оформление новой расстановки классовых и политических сил. Число сторонников КРН стало быстро расти. Последовательно патриотическая позиция коммунистов, их роль организаторов вооруженного сопротивления фашистским захватчикам способствовали неуклонному росту авторитета ППР, хотя в силу ряда причин борьба за установление и расширение гегемонии рабочего класса проходила в особо сложных условиях[2].

Крайова Рада Народова развернула организаторскую деятельность по созданию на местах воеводских рад народовых (национальных Советов). Вокруг них продолжалось объединение патриотических, демократических сил, в числе которых оказалась и часть членов АК, перешедшая на позиции сотрудничества. Летом 1944 г. КРН было заключено соглашение с образованной в марте 1944 г. Централизацией демократических, социалистических и синдикалистских партий, в которую входила часть РППС, демократов, крестьянских и профсоюзных деятелей. Эта организация признала идею обобществления промышленности, необходимость объединения левых партий и центра, а также выступила за польско-советское сотрудничество. Ее военная организация — Польская армия людова — присоединилась к АЛ, в рядах которой уже боролись многие отряды «Батальонов хлопских», АК (в том числе социалисты) и других партизанских групп.

После вступления советских войск на территорию Польши делегатура и АК ушли в подполье. С этого момента они вели борьбу не против гитлеровцев, а против сил КРН и персонала советских войск, стараясь толкнуть польский народ на путь гражданской войны. Однако КРН не дала навязать себе эту вооруженную конфронтацию, развернув широкую кампанию за сохранение курса на объединение

[1] См. «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945», стр. 46.

[2] См. *Я. Б. Шмераль*. Указ. соч., стр. 29—30.

всех патриотических, демократических сил в целях решения основной задачи — разгрома гитлеровской Германии. Инициатором этой кампании была ППР, во главе которой после ареста П. Финдера встал В. Гомулка.

21 июля 1944 г. по предложению КРН и Главного правления Союза польских патриотов в Хелме был образован временный орган исполнительной власти — Польский комитет национального освобождения (ПКНО), в который вошли представители политических сил, создавших КРН, и польской эмиграции в СССР. 22 июля 1944 г. был обнародован Манифест ПКНО, в котором подчеркивалось, что этот орган создан для руководства освободительной борьбой польского народа, для завоевания полной независимости, восстановления польской государственной власти и проведения таких преобразований, которые гарантировали бы народно-демократический характер польской государственности. Программа социально-экономических преобразований предусматривала проведение аграрной реформы, переход в руки государства основных отраслей экономики, улучшение социального обеспечения трудящихся, восстановление демократических прав и свобод и другие. Восстанавливалось действие демократической конституции 1921 г. Внешнеполитическая программа нацеливала на установление дружественных отношений с СССР, на возвращение исконных польских земель на западе и на севере. Национально-освободительная борьба перерастала в народно-демократическую революцию. На освобожденной территории власть переходила в руки трудящихся во главе с рабочим классом.

После того как Советское правительство признало де-факто ПКНО, премьер-министр С. Миколайчик приехал в Москву, где состоялись переговоры представителей КРН и ПКНО с делегацией эмигрантского правительства о создании объединенного правительства на основе ПКНО с предоставлением Миколайчику поста премьер-министра и еще трех министерских портфелей для деятелей лондонской эмиграции. Делегатура и командование Армии Крайовой предприняли военно-политическую демонстрацию, подняв 1 августа 1944 г. в Варшаве восстание с целью захвата власти в столице. Таким путем они рассчитывали добиться расширения своего представительства в будущем правительстве Польши. Варшавское восстание было плохо подготовлено. Советское военное командование и вооруженные силы демократического национального фронта не были поставлены в известность об этих намерениях. В политическом отношении восстание было авантюрой.

Население города начало героическую борьбу против гитлеровцев. Поскольку восстание приняло антифашистский, освободительный характер, части АЛ также вступили в борьбу. В ходе восстания ряд демократических организаций, принимавших участие в восстании, признали КРН и ПКНО.

У Красной Армии в тот момент не оказалось достаточно сил, что-

бы немедленно начать наступление на Варшаву. По распоряжению Советского правительства борющейся Варшаве была оказана помощь: с самолетов сбрасывалось оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие. Героическая борьба варшавян из-за авантюристической политики польской реакции закончилась 2 октября капитуляцией командования АК. Столица Польши по приказу Гитлера была превращена в груду развалин.

На освобожденной территории польский рабочий класс установил рабочий контроль над предприятиями, восстановил и начал объединение своих профсоюзов, которые выступили в поддержку ПКНО. В сентябре 1944 г. на базе левого крыла РППС была образована новая ППС, заявившая о своей поддержке ПКНО. Единство действий рабочих партий и профсоюзов стало основой укрепления гегемонии рабочего класса в революционном процессе. Воссозданная новая СЛ и «Стронництво демократычне» (СД) также поддержали ПКНО.

Создание этих партий было важной составной частью процесса складывания политической системы народной Польши, утверждения нового, народно-демократического строя, который представлял собой революционно-демократическую диктатуру рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции, объединявшую вокруг себя мелкую буржуазию и часть средних слоев[1]. В условиях расширения массовой базы народной власти 31 декабря 1944 г. КРН приняла решение о преобразовании ПКНО во Временное правительство Польской Республики.

Народное Войско Польское бок о бок с Красной Армией активно участвовало в освобождении Польши и в окончательном разгроме фашистской Германии. Польский народ внес значительный вклад в победу над фашизмом: всего в регулярных и партизанских частях в 1939—1945 гг. сражалось около 2 млн. польских граждан, существовало около 300 организаций движения Сопротивления, в которых состояло более 1 млн. человек[2]. Рабочий класс сыграл решающую роль в вооруженной борьбе на территории страны, в создании органов народной власти, в защите от разрушения отступавшими фашистами национальной промышленности, в ее восстановлении и пуске, в проведении аграрной реформы и освоении воссоединенных польских земель и т. д. Он был ведущей силой демократического национального фронта в антифашистской, антиимпериалистической, антифеодальной борьбе, в процессе перерастания национально-освободительной борьбы в народно-демократическую революцию, инициатором того поворотного момента в истории Польши, каким стало заклю-

[1] «Zarys historii polskiego ruchu robotniczego (Lipiec 1944—styczeń 1947)». Warszawa, 1971, s. 19.

[2] См. «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945», стр. 75.

чение 21 апреля 1945 г. Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве СССР и ПНР.

Фашистское порабощение *Чехословакии* стало для чехословацкого народа национальной трагедией. Под угрозу было поставлено его дальнейшее существование, ибо фашизм провозгласил своей целью уничтожение славянских народов, их германизацию.

С первых дней оккупации народы Чехословакии начали борьбу с фашистскими поработителями и их приспешниками. Национально-освободительную борьбу возглавили коммунисты. КПЧ рассматривала организацию борьбы против фашистских оккупантов как главную задачу. Она призвала к объединению всех сил народа в движении антифашистского Сопротивления, в котором рабочий класс должен был играть руководящую роль. При этом восстановление национальной самостоятельности, государственной независимости Чехословакии было связано «с международной борьбой против фашизма»[1]. Организационная структура партии была приспособлена к новым условиям подпольной работы. Был создан Заграничный центр ЦК КПЧ во главе с К. Готвальдом. В чешских землях партией руководил подпольный ЦК. Партийные организации на территории Словакии получили организационную самостоятельность. Общее руководство деятельностью партии осуществлял Заграничный центр ЦК КПЧ.

Партия развернула интенсивную политико-пропагандистскую деятельность, нацеливая на всемерное развертывание борьбы против оккупантов, против превращения страны в военный арсенал германского империализма. Партия призывала широко применять саботаж и диверсии на производстве. В 1940—1941 гг. коммунисты организовали стачки и другие выступления под лозунгом защиты экономических интересов трудящихся.

Добиваясь сплочения вокруг рабочего класса всех антифашистских сил внутри страны и вне ее, КПЧ взяла курс на сотрудничество с антифашистски настроенной эмиграцией, группировавшейся вокруг Э. Бенеша. Вместе с тем КПЧ боролась против стремлений прозападной буржуазной эмиграции монополизировать политическое лидерство. Движение Сопротивления, направленное в первую очередь против фашистских оккупантов, наносило удар и по внутренней реакции. В силу этого национально-освободительное по своему характеру движение антифашистского Сопротивления приобретало и важное социальное содержание. В своих рекомендациях руководству КПЧ Исполком Коминтерна, указывая на связь между национальным и социальным освобождением, подчеркивал необходимость для рабочего класса во главе с компартией стать главной силой освободительной борьбы[2].

[1] «VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны». М., 1975, стр. 501.

[2] «Георгий Димитров — выдающийся деятель коммунистического

Движение Сопротивления в Чехословакии активизировалось с началом Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии. Если первоначально в нем преобладали формы пассивного сопротивления, то на новом этапе войны оно все более расширялось, изменялись и его формы. Укреплялась ведущая роль рабочего класса в антифашистской, освободительной войне. Осенью 1941 г. по инициативе компартии был создан Центральный Национально-революционный комитет (ЦНРК) как политический орган национальной антифашистской борьбы внутри страны. В него вошли ряд групп и организаций движения Сопротивления. Подобный же орган был образован весной 1942 г. в Словакии.

Оккупанты ответили на подъем борьбы усилением репрессий и террора. Были арестованы члены ЦНРК, казнены тысячи патриотов, стерты с лица земли деревни Лидице и Лежаки. В борьбе с фашистскими оккупантами за весь период войны погибло 25 тыс. чехословацких коммунистов, более трети довоенного состава партии.

Однако кровавый террор не мог задушить освободительную борьбу. В подпольно издававшейся газете «Руде право» пламенный патриот, несгибаемый коммунист Ю. Фучик, руководивший ее изданием, писал в январе 1942 г.: «Мы, коммунисты, любим свой народ... вот почему мы не щадим сил и не боимся жертв в борьбе за полное освобождение своего народа, чтобы он мог жить свободно между свободными народами мира, как равный между равными» [1]. На территории Словакии широкий размах приняла работа коммунистов среди словацких солдат, которые марионеточным правительством Тиссо были посланы на советско-германский фронт. Многие из них с оружием в руках переходили к советским партизанам. Весной 1942 г. на территории Словакии появились первые партизанские отряды. Летом к организации боевых отрядов приступил подпольный ЦК КПЧ. В развертывании партизанского движения на территории чешских земель и в Словакии немалую роль сыграло использование советского опыта партизанского движения, а затем и непосредственная помощь советских людей.

Важное значение для развертывания национально-освободительной борьбы народов Чехословакии имело формирование чехословацкой воинской части в СССР, которая впервые участвовала в сражении с гитлеровцами в марте 1943 г. у деревни Соколово под Харьковом. Воинская часть была впоследствии преобразована в бригаду, а затем в Чехословацкий армейский корпус под командованием Л. Свободы, ставший основой для формирования чехословацкой Народной армии.

В 1943 г. под влиянием побед советского народа освободительное движение в Чехословакии приобрело более широкий размах. КПЧ

движения», стр. 372—374; «Георгий Димитров — выдающийся революционер-ленинец». М., 1974, стр. 263—264.

[1] *Ю. Фучик.* Избранные очерки и статьи. М., 1957, стр. 154—155.

ориентировала народные массы на подготовку вооруженной борьбы, на развертывание партизанского движения по всей стране. Во многих районах начали действовать партизанские отряды. Компартия Словакии, руководство которой возглавляли К. Шмидке, Г. Гусак и Л. Новомеский, готовила вооруженное восстание словацкого народа. В декабре 1943 г. был создан Словацкий национальный совет (СНС) как центральный орган движения Сопротивления в Словакии, в котором коммунисты играли ведущую роль. Была выработана совместная платформа СНС и сформулированы его задачи. Она предусматривала создание единого демократического государства чехов и словаков, которое проводило бы политику на принципах социальной справедливости, национального равноправия чехов и словаков и во внешней политике ориентировалось на союз с СССР. В чешских землях и в Словакии в ходе борьбы складывался антифашистский и национально-освободительный фронт. Важную роль в развитии освободительного движения в стране и в определении внешнеполитической ориентации Чехословакии после войны сыграло подписание 12 декабря 1943 г. советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве.

Осенью 1944 г. началось освобождение Чехословакии, в котором совместно с Красной Армией участвовал Чехословацкий армейский корпус под командованием Л. Свободы.

Выдающимся событием в борьбе чехословацкого народа за свою свободу и независимость стало Словацкое национальное восстание, вспыхнувшее 29 августа 1944 г. В ходе восстания на территории Словакии произошло идеологическое и организационное сплочение рядов рабочего класса в результате объединения коммунистов и социал-демократов в единую партию. Благодаря участию широких народных масс восстание приобрело всенародный характер, стало началом национально-демократической революции. Словацкое национальное восстание уничтожило на повстанческой территории клерикально-фашистский режим. Углубился процесс его разложения на остальной территории Словакии.

Компартия была главным организатором и руководящей силой восстания и строительства народно-демократической власти на освобожденной территории. Словацкое национальное восстание имело международное значение. Оно явилось составной частью революционного процесса, развернувшегося на заключительном этапе второй мировой войны.

В мае 1945 г. началось восстание чешского народа. Его организатором и руководителем была коммунистическая партия, а главной силой — широкие народные массы, и прежде всего рабочий класс пражских заводов. На помощь повстанцам пришла Красная Армия. Несмотря на попытки буржуазии взять в свои руки руководство восстанием, рабочий класс под руководством КПЧ придал восстанию народный, революционно-демократический характер. Майское вос-

стание стало кульминацией национально-освободительной борьбы чехословацкого народа.

В ходе борьбы КПЧ ее политика возрождения Чехословакии на новых, народно-демократических основах завоевывала все более широкую поддержку. КПЧ стала общепризнанным вождем рабочего класса, укрепился союз рабочего класса и крестьянства. Рабочий класс встал во главе народа. Широкие массы убедились в том, что «КПЧ как политический представитель рабочего класса является единственной силой, способной решить коренные национальные и социальные проблемы»[1].

5 апреля 1945 г. на освобожденной Красной Армией территории в Кошице было образовано правительство Национального фронта чехов и словаков, в котором коммунисты занимали важные позиции. В Кошицкой программе, разработанной главным образом Коммунистической партией Чехословакии, были сформулированы задачи национально-демократической революции, зафиксировано установление гегемонии рабочего класса, руководимого КПЧ, и образование его союза с остальными трудящимися массами. Впервые в истории страны КПЧ стала правящей партией.

В Чехословакии утверждались строй народной демократии, революционно-демократическая власть народа, руководимого рабочим классом. Национально-демократическая революция, гегемоном которой был рабочий класс, руководимый КПЧ, стала исходным пунктом, новой формой перехода к социалистической революции.

В *Болгарии* в период войны репрессии монархо-фашистского режима не сломили классовой борьбы рабочих. В авангарде пролетарского движения шли рабочие Пловдива. По призыву Пловдивского окружного комитета БРП 19 июня 1940 г. рабочие табачных предприятий города организованно прекратили работу. Затем забастовали рабочие табачных фабрик Асеновграда, Софии, Дупницы и других городов. Вскоре забастовка охватила предприятия других отраслей промышленности и приняла общенациональный характер.

Июньская забастовка 1940 г. сыграла большую роль в борьбе болгарского рабочего класса за улучшение своего положения. Напуганное подъемом рабочего движения, правительство было вынуждено частично удовлетворить требования рабочих. Оно санкционировало новый коллективный трудовой договор, согласно которому заработная плата рабочих-табачников была увеличена на 10%, а затем было принято постановление об увеличении на 15% заработной платы всех промышленных рабочих.

Касаясь результатов и значения июньской забастовки 1940 г., VII расширенный пленум ЦК БРП (февраль 1941 г.) подчеркивал, что, «добившись известных частичных завоеваний не только для бас-

[1] *Г. Гусак.* 60 лет борьбы за счастье народа.— «Правда», 14 мая 1981 г.

товавших, но и для рабочих и служащих всех других отраслей и профессий, она оказала и громадное политическое влияние на всю страну, ободрив и вдохновив на борьбу и другие слои трудящихся»[1].

Экономическая борьба трудящихся в этот период переплеталась с борьбой за политические права и свободы, с движением против вовлечения Болгарии в империалистическую войну, за мир и нейтралитет, опирающийся на дружбу с Советским Союзом. Из разных районов Болгарии в адрес правительства и Народного собрания поступали тысячи телеграмм и петиций с требованием заключения договора о дружбе и взаимопомощи с Советским Союзом. В конце 1940 — начале 1941 г. это движение приняло характер народного плебисцита. Лозунг болгаро-советского пакта превратился в политическую платформу антифашистского единства действий. Хотя эта массовая кампания, в которой рабочий класс играл ведущую роль, не достигла конечных целей, она явилась фактором, задержавшим присоединение Болгарии к фашистской «оси», затруднившим осуществление гитлеровских планов на Балканах и оказавшим значительное влияние на дальнейшее развитие антифашистского движения в стране.

22 июня 1941 г. ЦК Болгарской рабочей партии обратился к трудящимся с призывом бороться против использования территории страны и ее ресурсов фашистской Германией. В решении Политбюро ЦК БРП от 24 июня 1941 г. была поставлена задача развертывания вооруженной борьбы против гитлеровцев и их болгарских пособников. Летом 1941 г. были созданы первые партизанские отряды.

В стране развернулось стачечное движение. Во второй половине 1941 г. на предприятиях было совершено 150 актов саботажа и диверсий. В результате выпуск продукции на ряде заводов и фабрик сократился на 40—50%[2].

Крестьянство участвовало в антифашистском движении под лозунгом БРП «Ни одного зерна болгарской пшеницы, ни одного кусочка болгарского хлеба немецким фашистам и грабителям!». Борьба трудящихся под лозунгом «Ни одного солдата на Восточный фронт!» увенчалась успехом — на советско-германском фронте не было ни одного болгарского солдата.

Неустанная работа БРП по объединению всех патриотических сил нации привела к созданию Отечественного фронта Болгарии. В обнародованной в июле 1942 г. программе Отечественного фронта, основные положения которой были разработаны Заграничным бюро ЦК БРП под руководством Г. Димитрова, были поставлены общенациональные демократические задачи: освобождение страны от гит-

[1] «Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите конференциите и пленумите на ЦК», т. 3 (1924—1944). София, 1954, с. 375.

[2] «Материали по история на Българската комунистическа партия». София, 1958, с. 357.

леровского ига и монархо-фашистской диктатуры, переход Болгарии в лагерь антигитлеровской коалиции и установление народной власти[1]. В августе 1943 г. оформилось ядро Национального комитета Отечественного фронта из представителей БРП, левого крыла Болгарского Земледельческого народного союза (БЗНС), политической группы «Звено», левого крыла Болгарской социал-демократической партии и членов культурно-массовых, просветительных и других прогрессивных организаций.

По мере развития антифашистской борьбы движение Отечественного фронта становилось все более массовым. Его комитеты руководили борьбой за социально-экономические и политические требования трудящихся, проводили большую политическую и воспитательную работу. Летом 1944 г. в стране насчитывалось 678 комитетов Отечественного фронта.

В марте — апреле 1943 г. по инициативе БРП партизанские формирования и группы были объединены в масштабе всей страны в Народно-освободительную повстанческую армию (НОПА) с целью подготовки всеобщего восстания. Страна была разделена на 12 повстанческих военно-оперативных зон под общим командованием Главного штаба Народно-освободительной повстанческой армии[2]. Летом 1944 г. в НОПА было 30 тыс. бойцов и командиров[3]. Партизанские отряды громили фашистские гарнизоны, устраивали диверсии на транспортных магистралях, взрывали и поджигали склады. Широкую известность получила борьба партизанских бригад и соединений «Георгий Димитров», «Христо Ботев», «Стефан Караджа», «Чавдар», габровских партизан. В городах действовали многочисленные боевые группы. На сторону Отечественного фронта стали переходить солдаты правительственных войск.

С августа 1944 г. Болгарская рабочая партия, в рядах которой к этому времени состояло 25 тыс. человек, приступила к непосредственной подготовке вооруженного восстания. В августе был обнародован Манифест Национального Комитета Отечественного фронта, в котором говорилось: «Правительство должно немедленно уйти в отставку. Его дальнейшее пребывание у власти гибельно для страны... В нынешний тяжелый момент судьба нашего Отечества может быть облегчена только правительством Отечественного фронта». Усилия БРП, направленные на сплочение демократических слоев болгарского народа вокруг программы Отечественного фронта, увенчались успехом. Коммунисты сумели убедить народ в правильности своего курса и обеспечили себе поддержку широчайших масс рабо-

[1] «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945», стр. 281.
[2] «История на антифашистката борба в България», т. 2 (март 1943—9 септември 1944). София, 1976, с. 38.
[3] См. «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». М., 1962, стр. 242.

чих, крестьян, городской мелкой буржуазии и демократической части армии. 1 сентября Главный штаб НОПА отдал приказ «начать решительные, смелые действия». 7 сентября восставшее население заняло Плевенскую тюрьму и освободило политических заключенных, объявили забастовку горняки Перника, поднялись трудящиеся Пловдива, Варны и других городов.

В ночь с 8 на 9 сентября началось восстание в Софии. Им руководило оперативное бюро во главе с Т. Живковым. Восстание нанесло завершающий удар по монархо-фашистскому режиму. К власти пришло правительство Отечественного фронта, которое объявило об участии Болгарии в общей борьбе против германских агрессоров. Армия народно-демократической Болгарии вместе с Советскими Вооруженными Силами приняла участие в боях за освобождение ряда районов Югославии, Венгрии и Австрии. Восстание 9 сентября 1944 г. открыло путь к строительству социализма на болгарской земле.

Румыния была вовлечена во вторую мировую войну на стороне гитлеровской Германии правящей реакционной кликой вопреки воле румынского народа.

Передовые рабочие ответили на вступление Румынии в войну против СССР актами саботажа на военных предприятиях, срывом правительственных распоряжений, усилением антифашистской борьбы. 25 июня 1941 г. в знак протеста против объявления королевским правительством войны СССР забастовали рабочие Галаца. Распространяемые КПР манифесты и брошюры звали население на борьбу против гитлеровцев и их румынских приспешников. В первые месяцы войны основными формами сопротивления румынского народа были акты саботажа, уклонение от призыва в армию, от подписки на военные займы, от поставок сельскохозяйственной продукции. Со временем под влиянием поражений фашистских войск на советско-германском фронте борьба трудящихся против преступной политики военно-фашистской клики Румынии усилилась.

Организатором и руководителем этой борьбы стала находившаяся в подполье Коммунистическая партия Румынии. В июле 1941 г. КПР обратилась к народу с манифестом, разоблачавшим агрессию германских и румынских фашистов против СССР и призывавшим народ всемерно содействовать победе Красной Армии, включаться в единый фронт борьбы против фашизма, за свободу и национальную независимость. Цели и задачи создания единого антифашистского фронта были сформулированы в предложенной КПР 6 сентября 1941 г. «Платформе единого национального фронта румынского народа против фашистских оккупантов и военно-фашистской клики во главе с предателем Антонеску», где выдвигались следующие требования: прекращение войны против Советского Союза и совместная с СССР и всеми свободолюбивыми народами борьба против гитлеризма; свержение военно-фашистского режима и создание правительства

из представителей патриотических сил, арест и наказание лиц, несущих ответственность за втягивание страны в войну против СССР[1]. Программа призывала румынский народ к осуществлению актов саботажа и ведению вооруженной борьбы[2].

Осенью 1942 г. по инициативе КПР был создан подпольный «Союз патриотов». Предложенную КПР платформу антифашистской борьбы поддержали демократическая крестьянская организация «Фронт земледельцев», организация трудящихся-венгров МАДОС, нелегальный союз «Патриотическая защита», установивший контакты с антифашистами в тюрьмах и концлагерях.

Летом 1943 г. под руководством и при участии КПР был создан Патриотический антигитлеровский фронт, объединивший все эти демократические организации, а также местные организации социал-демократической партии. Программа Патриотического антигитлеровского фронта включила все основные требования сентябрьской платформы КПР 1941 г. С 1943 г. стала издаваться подпольная антифашистская газета «Свободная Румыния» («Ромыния либерэ»).

Составной частью антифашистского движения Сопротивления явилось создание на территории Советского Союза из числа румынских военнопленных добровольческой дивизии им. Тудора Владимиреску, которая с весны 1944 г. включилась в боевые операции в составе 2-го Украинского фронта и впоследствии приняла участие в боях за освобождение Румынии.

Весной 1944 г., изгоняя фашистские полчища из пределов СССР, Советская Армия вышла к государственной границе с Румынией. Советское правительство предложило Румынии условия перемирия, которые явились убедительным доказательством доброго отношения СССР к румынскому народу и были расценены западными политиками как «во многих отношениях необыкновенно великодушные»[3]. Отклонение этих условий кликой Антонеску вызвало протест в самых широких слоях румынского населения.

В апреле 1944 г. было достигнуто соглашение о единстве действий рабочего класса. Изданный 1 мая манифест Единого рабочего фронта (ЕРФ) призвал всех патриотов объединиться для свержения военно-фашистской диктатуры и повернуть оружие против гитлеровской Германии[4]. Коммунистическая партия Румынии приняла меры и к развертыванию вооруженной борьбы. В июне 1944 г. были созданы партизанские группы «Карпаты» и «Мэрэшешть», которые стали наносить фашистским войскам все более чувствительные удары[5].

[1] «Documente din istoria Partidului Comunist din România. 1917—1944» (далее — «DI PCR»). Bucureşti, 1951, p. 318—329.
[2] DI PCR, p. 327.
[3] См. *И. И. Лебедев.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976, стр. 455.
[4] «DI PCR», p. 355.
[5] См. «Вклад Румынии в победу над фашизмом». Бухарест, 1966, стр. 142; *А. А. Языкова.* Народная Румыния. М., 1965, стр. 7.

В создавшихся условиях на сотрудничество с КПР вынуждены были пойти представители буржуазных «исторических» партий — национал-царанистской и национал-либеральной, вошедшие вместе с представителями КПР и СДП в Национально-демократический блок, оформленный в июне 1944 г. Велась подготовка к свержению диктаторского режима Антонеску. На состоявшемся 13—14 июня совещании представителей КПР, дворцовых кругов и армии был принят разработанный коммунистами план свержения военно-фашистской диктатуры и создан Военный комитет по подготовке воинских частей для участия в восстании. На местах создавались патриотические отряды, действовавшие в тесном контакте с КПР.

23 августа 1944 г. начавшееся вооруженное восстание в Бухаресте свергло военно-фашистскую диктатуру и положило начало народной революции. Решающую роль в создании благоприятных условий для победоносного осуществления восстания румынского народа сыграли окружение и разгром Красной Армией 900-тысячной группы фашистских войск «Южная Украина»[1]. Успех восстания в Бухаресте был закреплен вступлением в румынскую столицу 31 августа частей Красной Армии. Обращаясь к советским воинам на митинге в освобожденном Бухаресте, представитель ЦК КПР сказал: «Выражаем нашу признательность славной и героической Красной Армии-освободительнице, которая совместно с румынской армией очистит нашу страну от гитлеровских варваров»[2].

В 1979 г. Генеральный секретарь РКП Н. Чаушеску подчеркнул то громадное влияние, которое оказали на развитие антифашистского движения в Румынии наступление Красной Армии и борьба советского народа, понесшего наибольшие жертвы во имя спасения человечества от фашистского порабощения[3].

В последующие после августа 1944 г. месяцы, вплоть до разгрома фашизма в мае 1945 г., в соответствии с условиями подписанного в сентябре 1944 г. перемирия румынская армия совместно с Вооруженными Силами Советского Союза принимала участие в боях за освобождение Румынии, Венгрии и Чехословакии. Участие в антигитлеровской войне явилось важной формой антифашистской борьбы румынского народа на заключительном этапе второй мировой войны. Оно создало существенные предпосылки также и для ликвидации сил внутренней реакции и фашизма, осуществления в стране глубоких революционных преобразований.

В *Венгрии* развитие антифашистского движения тормозилось не только террором властей, но и политикой правых лидеров социал-демократии и партии мелких сельских хозяев, сотрудничавших с хортистами. И все же лучшие люди Венгрии — рабочие, крестьяне, про-

[1] См. *А. В. Антосяк.* В боях за свободу Румынии. М., 1974.
[2] «România liberă», 31.VIII. 1944.
[3] «Scînteia», 22.VIII. 1979.

грессивная интеллигенция — с первых дней нападения гитлеровской Германии на Советский Союз включились в борьбу против участия Венгрии в войне, смело выступили против прогитлеровского хортистского режима.

Последовательную борьбу против участия Венгрии в гитлеровской агрессии вела Коммунистическая партия Венгрии. Коммунисты разъясняли массам антинациональный характер агрессии фашистского блока, ее глубокую враждебность интересам трудящихся. В листовках, издававшихся коммунистами, разоблачалась антинародная сущность внутренней и внешней политики правительства.

В сентябре 1941 г. в Советском Союзе начала действовать радиостанция имени Л. Кошута. Ее передачи призывали трудящихся к борьбе против фашизма.

Одним из первых антивоенных выступлений антифашистских сил стала демонстрация в октябре 1941 г. в Будапеште у памятника герою венгерского национально-освободительного движения XIX в. Л. Баттяни. 1 ноября 1941 г. состоялось возложение венков на могилы Л. Кошута и М. Танчича — выдающихся борцов за свободу и независимость Венгрии, в котором участвовало 5 тыс. человек. В честь 94-й годовщины венгерской революции 1848 г. 15 марта 1942 г. была организована 10-тысячная демонстрация у памятника Ш. Петефи. Во время этих выступлений выдвигались лозунги антифашистского, антихортистского характера. Власти отвечали на это повсеместным террором. В апреле — июле 1942 г. полиция предприняла тотальное наступление на Коммунистическую партию Венгрии. Несколько сот коммунистов, в их числе члены ЦК КПВ Ф. Рожа, З. Шёнхерц, были схвачены и зверски замучены.

Большое влияние на ход антифашистской борьбы в Венгрии оказала Сталинградская битва. Поражение фашистской армии вызвало рост антивоенных настроений, стремление к единству антифашистских сил. У коммунистов появилась возможность установить сотрудничество с национально-крестьянской партией, с Крестьянским союзом, который выступал за передачу земель малоимущим крестьянам, с левыми элементами из социал-демократической партии и партии мелких сельских хозяев. В апреле 1943 г. ЦК КПВ обратился к населению Венгрии с боевой программой, указывавшей пути выхода из войны и осуществления демократических преобразований в стране.

Усилиями левых сил в сентябре 1943 г. на чепельском заводе «Вайс Манфред» была организована антифашистская забастовка, в которой участвовало 20 тыс. рабочих. В том же месяце состоялась антивоенная демонстрация трудящихся в Диошдьере. Под антифашистскими лозунгами прошел полулегальный съезд сельскохозяйственных рабочих Венгрии во второй половине 1943 г.

Наступление Красной Армии вызвало раскол в правящих кругах. Правительство М. Каллаи начало устанавливать контакты с

Англией и США. 19 марта 1944 г., чтобы воспрепятствовать выходу Венгрии из фашистского блока, гитлеровские войска оккупировали страну. Оккупация сопровождалась репрессиями, массовым рекрутированием в армию, запретом профсоюзов, рабочей печати, партий и организаций. В новых политических условиях, отмеченных, с одной стороны, усилением движения Сопротивления, а с другой — массовыми репрессиями в первой половине 1943 г., в результате которых компартия понесла тяжелые потери, ЦК КПВ постановил в июне 1943 г. продолжать деятельность партии под другим названием. В начале июля 1943 г. компартия стала именоваться Партией мира. Секретарем ее Центрального Комитета был в это время Я. Кадар, в состав ЦК входили И. Сирмаи, П. Тонхаузер, Л. Орбан и другие[1]. В новых условиях СДПВ и ПМСХ, запрещенные властями, пошли на сотрудничество с коммунистами. В мае 1944 г. был образован антифашистский Венгерский фронт, выдвинувший лозунги изгнания из страны немецко-фашистских войск, заключения мира с государствами антигитлеровской коалиции, создания независимой, демократической Венгрии, проведения демократических преобразований. В сентябре 1944 г. был образован Исполком Венгерского фронта, усилила свою активность коммунистическая партия, принявшая название Венгерской коммунистической партии (ВКП).

Создание Венгерского фронта способствовало расширению участия трудящихся масс в антифашистском Сопротивлении, что проявилось в росте саботажа на предприятиях, борьбе против демонтажа промышленных предприятий и их эвакуации в Германию, массовом дезертирстве из хортистской армии, отказе строить оборонительные сооружения.

Новый подъем движения Сопротивления начался в сентябре — октябре 1944 г. со вступлением советских войск на территорию Венгрии. Антифашисты перешли к вооруженным методам борьбы. Участники Сопротивления срывали отправку в Германию вагонов с продовольствием, взрывали железные дороги, задерживали переброску немецких войск. За освобождение Мишкольца бок о бок с советскими воинами сражались венгерские партизаны, которых поддержали 20 тыс. рабочих этого промышленного района. Стремясь предотвратить демонтаж Чепельского комбината, рабочие взяли его под охрану и совместно с перешедшими на их сторону венгерскими солдатами отбили вооруженные попытки фашистов захватить заводские помещения. В деревнях крестьяне саботировали проведение реквизиций продовольствия, скота и инвентаря. Всего на территории Венгрии в партизанских отрядах, в вооруженных группах Сопротивления, в военных подразделениях, повернувших оружие против фашистов, участвовало в общей сложности свыше 7 тыс. человек[2].

[1] ИВРРД, т. 2, стр. 292—298.
[2] ИВРРД, т. 3, стр. 52.

На освобожденных территориях создавались национальные комитеты Венгерского фронта, которые по существу становились местными органами народной власти. Рабочие комитеты в городах вводили рабочий контроль на предприятиях, а крестьянские комитеты приступали к разделу помещичьих земель.

Крах фашистского режима происходил в условиях развертывавшейся в стране с осени 1944 г. демократической, антифашистской, антифеодальной революции, основные задачи которой были определены коммунистической партией. Они сводились к следующему: уничтожение фашизма и завоевание национальной независимости; создание народной власти; осуществление антифеодальной аграрной реформы.

По инициативе компартии 2 декабря 1944 г. в Сегеде был создан Венгерский национальный фронт независимости, объединивший антифашистские силы страны, продолживший дело Венгерского фронта. Наряду с компартией в него также вошли социал-демократическая партия, национальная крестьянская партия, партия мелких сельских хозяев, буржуазная демократическая партия и профсоюзы. Предложенная компартией платформа демократического развития страны была принята партиями Фронта независимости. Были проведены выборы во временное Национальное собрание Венгрии — первый орган народной власти, в котором большинство составили представители рабочих, крестьян, ремесленников, демократической интеллигенции. Из 230 депутатов 71 был членом ВКП, что свидетельствовало о росте ее авторитета и влияния в массах. Временное Национальное собрание сформировало 22 декабря 1944 г. Временное правительство, подписавшее перемирие со странами антигитлеровской коалиции и объявившее войну фашистской Германии.

Заключив перемирие, Временное правительство приступило к реорганизации политической и хозяйственной жизни страны. Практически был упразднен институт регентства венгерского королевства, хотя официально Венгрия еще не была объявлена республикой. По настоянию коммунистов были распущены политические и военные фашистские организации, а также враждебные народу королевская жандармерия и полиция. Одновременно создавалась новая демократическая полиция. Началось восстановление разрушенной в ходе войны экономики. Восстанавливались профсоюзы, деятельность которых в период оккупации была запрещена. Важным революционно-демократическим преобразованием явилась проведенная весной 1945 г. аграрная реформа. Было ликвидировано помещичье землевладение.

Первостепенным условием успешного развития революции была консолидация сил рабочего класса и укрепление единства его рядов. В октябре 1944 г. по предложению коммунистов между коммунистической и социал-демократической партиями было заключено соглашение о совместных действиях в борьбе за демократическую и независи-

мую Венгрию. Выступивший единым фронтом рабочий класс в упорных боях с эксплуататорскими классами расширял свое влияние в стране, успешно продвигал вперед дело революции. В ходе борьбы росла сознательность рабочих масс, марксистско-ленинские идеи завоевывали все более широкие круги пролетариата.

К 4 апреля 1945 г. Красная Армия изгнала последние отряды фашистов с венгерской земли. Народ Венгрии обрел подлинную свободу и национальную независимость. Демократическая, антифашистская, антифеодальная революция с самого начала вышла за рамки буржуазно-демократической революции, содержала в себе элементы социалистической революции — установление рабочего контроля на предприятиях, ограничение капиталистической эксплуатации. В результате революции власть в стране перешла в руки демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, впоследствии переросшей в диктатуру пролетариата. В Венгрии победила народная власть в форме народной демократии.

Итало-фашистская агрессия в *Албании* в апреле 1939 г. не встретила организованного сопротивления. Король и правительство бежали, буржуазно-помещичья верхушка капитулировала перед захватчиками. Однако с первых же дней фашистской оккупации стали возникать очаги антифашистского Сопротивления. В горных районах действовали небольшие партизанские отряды (четы), в городах и селах создавались подпольные группы Сопротивления.

После начала Великой Отечественной войны советского народа антифашистское Сопротивление в Албании вступило в новую стадию. 8—14 ноября 1941 г. в Тиране произошло подпольное собрание 15 представителей основных коммунистических групп, на котором было провозглашено создание Коммунистической партии Албании (КПА) и избран Временный Центральный Комитет. Организационная структура КПА вырабатывалась на основе рекомендаций Коминтерна. К концу 1941 г. в рядах КПА насчитывалось около 200 членов. КПА — единственная политическая партия в стране — выдвигалась на роль руководителя растущего антифашистского национально-освободительного движения. 16 сентября 1942 г. по инициативе КПА в освобожденном районе Центральной Албании, в деревне Большая Пеза, состоялась конференция, на которой присутствовало 20 делегатов: представители КПА, комсомола, командиры партизанских чет[1]. Конференция приняла решение о создании Национально-освободительного фронта (НОФ) и его руководящего органа — Генерального Национально-освободительного совета. Принятая резолюция призывала бороться за свободную, демократическую, независимую Албанию, крепить боевой союз албанского народа, сплачивать все патриотические силы страны в едином Национально-освободительном фронте независимо от классовой принадлежности, полити-

[1] «Historia e Shqipërise», v. II. Tiranë, 1965, f. 718.

ческих и религиозных убеждений[1]. Важнейшее значение имело решение конференции об образовании национально-освободительных Советов, которые должны были стать зародышами новой, народной власти.

Создание НОФ привело к дальнейшему развертыванию движения Сопротивления и в то же время к поляризации классовых сил. В конце 1942 г. в противовес НОФ была создана буржуазно-националистическая организация «Балли комбетар» («Национальный фронт»). Основную задачу лидеры «Балли» видели в подготовке условий для реставрации после освобождения страны власти эксплуататорских классов.

Развитие национально-освободительной борьбы албанского народа шло под знаком интернациональной солидарности с народами, боровшимися против фашизма. КПА широко пропагандировала общность интересов трудящихся, подчеркивала значение борьбы Советского Союза для развития освободительного движения во всех порабощенных фашистами странах. К концу 1942 г. в стране действовали 22 партизанские четы[2], которые контролировали ряд освобожденных районов Центральной и Южной Албании.

В ходе освободительного движения крепла КПА. 17—22 марта 1943 г. состоялась I Всеалбанская партийная конференция, избравшая постоянный ЦК. Принятые конференцией решения определяли задачи на военный период и ориентировали партию на всенародное антифашистское восстание. В развитие этих решений летом того же года была создана Национально-освободительная армия (НОА).

Перелом в ходе Великой Отечественной войны советского народа стал рубежом и для национально-освободительного движения в Албании. Крах фашистской Италии привел к прекращению итальянской оккупации. Но на смену ей пришли гитлеровские войска. Борьба продолжалась.

По мере освобождения частями НОФ территории Албании расширялась сфера деятельности национально-освободительных Советов, закладывались основы новой, народно-демократической власти. На состоявшейся в сентябре 1943 г. II конференции Национально-освободительного фронта Советы были признаны единственной формой власти народа[3]. Была усовершенствована их структура, утвержден устав.

Успехи национально-освободительного движения под руководством Генсовета НОФ и КПА привели в этот период к дискредитации и фактическому распаду «Балли комбетар», остатки которой открыто перешли на сторону оккупантов.

[1] «Dokumenta të organeve të larta të pushtetit revolucionar çlirimtar, 1942—1944». Tiranë, 1961, f. 14.
[2] «Historia e Shqipërisë», v. II, f. 720.
[3] «Dokumenta të organeve të larta...», f. 58.

24 мая 1944 г. в освобожденном городе Пермете состоялся I Антифашистский национально-освободительный конгресс, образовавший Национально-освободительный Совет, который представлял суверенную власть албанского народа. Был избран президиум, определен состав членов первого правительства — Антифашистского национально-освободительного комитета. Подавляющее большинство его членов были коммунистами. Вопрос о форме правления должен был решаться путем волеизъявления народа после освобождения страны, хотя уже на конгрессе было принято решение о запрещении въезда в страну бывшему королю Зогу.

Конгресс в Пермете заложил основы албанского народно-демократического государства, решив вопрос о власти. По мере освобождения территории Албании народная власть утверждалась по всей стране. В октябре 1944 г. Антифашистский национально-освободительный комитет был официально преобразован во Временное демократическое правительство.

В ноябре 1944 г. гитлеровские оккупанты были изгнаны из Албании. В ходе освобождения в стране развернулась народно-демократическая революция. Ее движущей силой были беднейшее крестьянство, рабочие, прогрессивная интеллигенция, ремесленники. Особенностью развития революции было то, что вопрос о власти был решен еще до полного освобождения страны. По своему характеру, задачам эта власть являлась революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства, руководящая роль в которой принадлежала рабочему классу и его коммунистической партии.

28 октября 1940 г. на территорию *Греции* вторглись войска фашистской Италии. Патриотические силы страны активно выступили против захватчиков. Компартия Греции призвала дать решительный отпор агрессорам, развернуть национально-освободительную борьбу. Благодаря самоотверженной работе коммунистов, возглавивших демократические силы страны, война против итальянских фашистов приняла общенародный характер, захватчики были остановлены, а затем изгнаны за пределы Греции. Героическое сопротивление греческого народа и его армии сорвало итальянские планы оккупации Греции, нанесло серьезный удар по престижу фашизма в целом. Германия была вынуждена прийти на помощь своему итальянскому союзнику. Военное вторжение гитлеровской Германии в Грецию в апреле 1941 г. привело к отсрочке ее нападения на Советский Союз.

В апреле 1941 г. Греция (за исключением о. Крит) была оккупирована гитлеровскими войсками. Король и правительство бежали, монархисты пошли на сотрудничество с оккупантами, а буржуазно-демократические партии заняли выжидательную позицию. Борьбу за спасение нации и освобождение родины возглавил греческий рабочий класс, руководимый своим революционным авангардом.

В первые дни оккупации из тюрем и ссылок бежали почти 2 тыс. активистов и членов компартии, которые немедленно развернули ра-

боту по оказанию отпора захватчикам. Уже 28 мая 1941 г. по инициативе КПГ была создана первая организация Сопротивления — «Национальная солидарность», занимавшаяся оказанием помощи жертвам фашизма. Подобно молнии в мрачной ночи фашистского разгула, сверкнул подвиг Манолиса Глезоса и Лакиса Сантаса, сбросивших в ночь на 31 мая 1941 г. фашистский флаг с Акрополя.

В июле 1941 г. собрался VI пленум ЦК КПГ, который нацелил коммунистов на организацию борьбы народа за свержение фашистского ига и оказание всемерной поддержки Советскому Союзу, призвал греческий народ, патриотические партии и организации создать Национальный фронт освобождения (ЭАМ). 27 сентября 1941 г. по инициативе КПГ такой фронт был создан. В него вошли коммунистическая, социалистическая, аграрная партии, Союз народных демократов и некоторые другие группировки и организации. Руководящее положение в нем заняла КПГ как самая влиятельная партия. ЭАМ провозгласил своей целью борьбу за освобождение страны от чужеземного ига и завоевание полной независимости, сформирование временного правительства, проведение свободных выборов в Национальное собрание, за суверенное право греческого народа самому решать вопрос о форме правления.

Оккупанты установили в стране режим жестокого террора, дезорганизовали экономическую жизнь, буквально обрекая греческий народ на вымирание от голода.

С первых же месяцев оккупации греческие патриоты начали вооруженную борьбу против фашистов[1]. В декабре 1941 г. ЭАМ принял решение об объединении разрозненных партизанских отрядов в Греческую народно-освободительную армию (ЭЛАС), которая в дальнейшем развернула активные боевые действия против оккупантов. Летом 1943 г. в результате успешных действий ЭЛАС образовалась обширная территория «Свободной Греции» — освобожденные районы. В 1944 г. ЭЛАС насчитывала в своих рядах 130 тыс. солдат и офицеров. Вооруженные действия ЭЛАС сочетались с массовыми выступлениями трудящихся в городах.

ЭАМ заложил основы народно-демократической власти в освобожденных районах страны. 10 марта 1944 г. был создан Политический комитет национального освобождения (ПЕЕА) — временное демократическое правительство борющейся Греции, который юридически закрепил завоевания народа. В условиях стремительного наступления советских войск на Балканах ЭАМ в сентябре 1944 г. поднял греческий народ на генеральное наступление против оккупантов, которое завершилось в октябре 1944 г. полным освобождением страны.

Под знамена ЭАМ собралось большинство нации. Неизмеримо

[1] См. «История национального сопротивления в Греции. 1940—1945». М., 1977.

вырос авторитет КПГ, в рядах которой насчитывалось свыше 400 тыс. членов и сочувствующих. Около 75 тыс. коммунистов отдали свою жизнь в борьбе за свободу и независимость Греции.

В то время как коммунисты вели героическую борьбу против оккупантов, находившееся в эмиграции буржуазное правительство и его английские покровители готовились к захвату власти в Греции и ликвидации демократических завоеваний греческого народа. Спекулируя на стремлении ЭАМ и КПГ к объединению всех антифашистских сил, в мае 1944 г. в Ливане они организовали так называемую конференцию «национального единства». В результате было создано правительство, в котором все ключевые посты заняли ставленники греческой олигархии и английского империализма. Одновременно из реакционных правых элементов формировались вооруженные отряды для борьбы против антифашистов.

Уже после того как почти вся Греция была освобождена силами ЭЛАС от оккупантов, на ее территорию высадились английские войска. Опираясь на их поддержку, греческая реакция 3 декабря 1944 г. в Афинах расстреляла 500-тысячную демонстрацию, организованную в знак протеста против решения правительства об одностороннем разоружении ЭЛАС. 5 декабря английские войска при поддержке танков, самолетов и флота начали открытые бои против ЭЛАС. Правые круги, опираясь на английские штыки, развязали в Греции невиданный террор с целью разгромить демократическое движение, укрепить свое господство.

СОПРОТИВЛЕНИЕ И БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

К лету 1941 г. агрессивный блок фашистских государств безраздельно господствовал на западе, юге и севере Европы. Германская военная машина оккупировала Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, значительную часть Франции. Австрия еще до начала войны была насильственно присоединена к «третьему рейху». Ряд формально оставшихся нейтральными стран либо открыто симпатизировали и помогали агрессорам (Испания, Португалия), либо попустительствовали действиям гитлеровской Германии и ее союзников.

Опасность фашистского порабощения, потеря национальной независимости многими странами и в ряде случаев угроза физического уничтожения целых народов дали сильнейший импульс развертыванию в Западной и Северной Европе широкого народного движения Сопротивления, вписавшего яркую страницу в историю антифашистской, освободительной войны.

Национальные отряды рабочего класса этой части Европы оказались в чрезвычайно трудных и сложных условиях жизни и борьбы,

перед ними стояли различные задачи, и они осуществляли их разными средствами и методами. Однако все эти национальные цели рабочего класса и его авангарда — коммунистических партий были подчинены высшей интернациональной задаче международного рабочего и коммунистического движения — сделать все для спасения человечества от фашистской угрозы, для достижения свободы, мира и социального прогресса.

Народы захваченных стран решительно отвергали фашистский «новый порядок». На оккупированных территориях развертывалось движение антифашистского Сопротивления — борьба за восстановление национальной независимости, свободу и демократию. Это движение развивалось в тесной связи с событиями на фронтах второй мировой войны. С началом Великой Отечественной войны советского народа вооруженная антифашистская борьба в оккупированных странах приобрела массовый характер, а Сталинградская битва, обозначив перелом в ходе войны, открыла новый этап антифашистской борьбы в Европе.

С первых дней оккупации рабочий класс и его коммунистический авангард действовали как наиболее активная, решающая сила антифашистского Сопротивления. Компартии выступали за создание широкого фронта патриотических сил, за подъем освободительной борьбы на более высокий уровень. Коммунисты проявили себя подлинными патриотами и интернационалистами, последовательными борцами за свободу и независимость народов. Коммунистические партии видели в вооруженной борьбе с фашистскими оккупантами не только средство ослабления противника, уничтожения его живой силы и техники, но и необходимое условие для полного освобождения своих стран и установления в них подлинно демократического строя. Борьбу за восстановление национальной независимости коммунисты связывали с требованиями проведения глубоких демократических реформ, осуществления прогрессивных социальных преобразований.

Последовательно антифашистская политика коммунистов, боевые выступления рабочего класса оказали огромное воздействие на все другие слои населения, призывы коммунистов были услышаны демократическими и патриотическими силами общества. По мере того как ширилась антифашистская борьба рабочих, в социал-демократических партиях, христианских профсоюзах и левохристианских организациях усиливались стремления к активному участию в этой борьбе. Социал-демократы и трудящиеся-христиане в ряде европейских стран приступали к созданию подпольных групп, ставших составной частью движения антифашистского Сопротивления. Под влиянием революционного пролетариата в активные антифашистские действия вовлекались крестьяне. Во многих странах действовали небольшие, но активные организации патриотической интеллигенции.

В оккупированной Европе фашизм не только выполнял контрреволюционную функцию, но и уничтожал национальные независимые государства, создавал угрозу порабощения и даже истребления целых народов. В сложившейся обстановке произошел раскол в рядах господствующих классов. Если крупная буржуазия, по словам известного французского историка А. Мишеля, «в целом склонялась к политическому и экономическому сотрудничеству с оккупантами»[1], то патриотические группы буржуазии избрали путь противодействия фашистским захватчикам, отстаивания национальной независимости. Главной задачей буржуазно-патриотическое крыло Сопротивления считало восстановление государственной независимости при сохранении и укреплении, иногда в реформированном виде, буржуазного или буржуазно-помещичьего строя. Хотя в буржуазно-патриотических организациях Сопротивления было немало честных антифашистов, их лидеры опасались развития массовой вооруженной борьбы против оккупантов, призывали народ к выжиданию исхода второй мировой войны. Консервативные круги пытались противодействовать росту престижа и влияния коммунистических и рабочих партий.

Буржуазно-патриотическое Сопротивление, действовавшее на оккупированной территории ряда стран, установило связи с эмигрантскими правительствами и организациями. Деятельность этих организаций стала составной частью движения Сопротивления.

Антифашистская борьба включала самые различные средства. Патриоты саботировали распоряжения оккупационных властей, вели антифашистскую пропаганду, проводили патриотические манифестации, оказывали помощь лицам, преследуемым фашистами. В Сопротивлении использовалось и такое испытанное средство борьбы рабочего класса, как забастовки, в том числе с политическими целями. Участие в Сопротивлении широких слоев населения сделало возможным проведение мощных демонстраций, сопровождавшихся столкновениями с оккупационными войсками. В 1942—1943 гг. большой размах приобрела организация актов саботажа и диверсий. По донесениям вермахта, на территории, оккупированной гитлеровской группой армий «Запад», в 1943 г. было нанесено 3454 удара по железнодорожным линиям[2]. Удары наносились также по складам горючего и боеприпасов, аэродромам, электростанциям, военным заводам.

В исключительно трудных условиях развертывалась антифашистская борьба в странах агрессивного блока. Фашистские и военно-полицейские режимы обрушили террор и репрессии на авангард рабочего класса, на всех антифашистов. Были запрещены политические партии пролетариата и профсоюзы, молодежные и женские рабочие

[1] «Aspetti sociali ed economici della Resistenza in Europa». Milano, 1967, p. 28.

[2] *H. Kühnrich.* Der Partisanenkrieg in Europa. 1939—1945. Berlin, 1965, S. 424.

организации. Обезглавленный и дезорганизованный, рабочий класс подвергся массированной идеологической обработке. Временные успехи агрессоров и социальная демагогия способствовали подъему мутной волны шовинистических и националистических настроений. В этих условиях значительная часть рабочего класса в Германии, Италии и некоторых других странах утратила понимание классовых интересов, потеряла политическую ориентировку и оказалась на позициях поддержки фашистских режимов. Характеризуя образ мыслей людей в Германии того периода, В. Ульбрихт отмечал: «Большинство их разучилось понимать взаимосвязь политических явлений. Дух милитаризма и расизма глубоко проник также и в ряды рабочего класса»[1].

Вместе с тем в странах фашистского блока осуществлялась строжайшая регламентация и милитаризация труда, вводилась трудовая повинность, ограничивались свобода передвижения рабочих и выбор места работы. Там, где правящая верхушка не отваживалась пойти на официальный запрет профсоюзов и создание организаций типа «Германского трудового фронта», была проведена реорганизация существующих профобъединений, в их руководство назначены правительственные чиновники.

В труднейших условиях политический авангард пролетариата не прекращал антифашистской борьбы, наиболее сознательная часть рабочего класса противостояла фашистской системе насилия и демагогии. Работа коммунистов в массах и недовольство населения затянувшейся войной позволили активизировать и расширить действия антифашистских сил. Коммунистические партии разрабатывали программы сплочения оппозиционных кругов в борьбе против фашистских диктатур, за политику мира и национальную независимость. В странах — сателлитах гитлеровской Германии коммунистические партии в первую очередь выдвигали задачу разрыва с нацистским рейхом, выхода из агрессивной войны. Эта ближайшая политическая цель органически сочеталась с задачей борьбы против антинациональных реакционных кругов, пошедших на сговор с гитлеровцами и ставших соучастниками разбойничьего похода против демократии и социализма. Именно коммунисты, разоблачавшие авантюристическую, агрессивную политику правящих кругов, отстаивали подлинные национальные интересы народов. Таким образом, борьба авангарда рабочего класса против фашизма являлась вместе с тем борьбой за подлинную национальную независимость.

В оккупированной части Западной Европы стойкое сопротивление гитлеровским захватчикам оказал пролетариат *Франции*.

22 июня 1940 г. правительство Петена подписало с фашистской Германией соглашение о перемирии, по существу представлявшее капитуляцию Франции. Две трети территории страны были оккупированы немецкими войсками, а на одной трети установился про-

[1] *В. Ульбрихт.* Указ. соч., стр. 58.

фашистский режим Виши. В ноябре 1942 г. гитлеровцы оккупировали и эту часть страны. Оккупанты и коллаборационистский режим Виши обрушили на коммунистов и все прогрессивные силы жесточайшие репрессии. После капитуляции Франции все партии, кроме фашистских, были поставлены вне закона. Руководители как буржуазных, так и социалистической партий распустили свои организации. Только коммунистическая партия не подчинилась запрету и сразу же приступила к организации сопротивления фашистским захватчикам[1]. В обнародованном 10 июля 1940 г. в подпольной «Юманите» за подписью М. Тореза и Ж. Дюкло Манифесте ФКП подчеркивалось: «Никогда столь великий народ, как наш, не будет народом рабов... Народ — вот с кем связывается великая надежда на национальное и социальное освобождение. И лишь вокруг рабочего класса, пламенного и великодушного, полного веры и отваги, может быть создан фронт свободы, независимости и возрождения Франции»[2].

С первых же дней оккупации коммунисты приступили к организации всенародной борьбы против фашистских захватчиков. На основе Манифеста ФКП в стране стали возникать народные комитеты, возглавившие первые антифашистские выступления народных масс. Созданный осенью 1940 г. коммунистами П. Вийоном, Ж. Соломоном, Ж. Политцером нелегальный журнал «Свободный университет» стал центром антифашистской деятельности в высшей школе.

Осенью 1940 г. коммунисты создали специальную боевую организацию (ОС) с целью ведения вооруженной борьбы против оккупантов. С августа 1940 по июнь 1941 г. группы ОС провели 29 диверсий на железных дорогах[3].

Курс коммунистов на обеспечение руководства пролетариата в наибольшей мере отвечал интересам борьбы против фашистских захватчиков и вишистских предателей. Рабочий класс, выступивший как наиболее последовательный защитник национальных интересов Франции, был инициатором и основной движущей силой антифашистского Сопротивления. В мае 1941 г. свыше 100 тыс. горняков в департаментах Нор и Па-де-Кале начали забастовку, которая вылилась в мощное патриотическое выступление против оккупантов и коллаборационистов. Несмотря на террор, забастовка продолжалась до 10 июня 1941 г. Рабочие Парижа, департаментов Нор и Па-де-Кале первыми в стране начали вооруженную борьбу против фашистских оккупантов.

Вместе с тем коммунисты прилагали большие усилия к вовлечению в антифашистское Сопротивление всех патриотических сил об-

[1] «Histoire du Parti communiste français (manuel)». Paris, 1964, p. 387—397; *A. Tollet.* La classe ouvrière dans la Résistance. Paris, 1969; *В. П. Смирнов.* Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974, стр. 51—68.

[2] *M. Torez.* Сын народа, стр. 163; *M. Thorez.* Oeuvres, t. 19 (octobre 1939 — juillet 1944). Paris, 1959, p. 57—58.

[3] *A. Ouzoulias.* Les bataillons de la jeunesse. Paris, 1967, p. 475.

щества. 15 мая 1941 г. был опубликован призыв ЦК ФКП к созданию Национального фронта борьбы за независимость Франции[1]. Летом 1941 г. был учрежден Национальный фронт (НФ), в который вошли коммунистическая партия, а также группы и организации, социально и политически весьма разнородные, но стоявшие на платформе антифашистской борьбы. Были созданы комитеты Национального фронта на местах, в профессиональных объединениях, на предприятиях. Возглавляли Национальный фронт выдающийся ученый Ф. Жолио-Кюри (в северной зоне) и один из руководителей компартии — Ж. Марран (в южной зоне). Коммунисты играли ведущую роль в военной организации Сопротивления, принявшей наименование «Французские франтирёры и партизаны» (ФТПФ). В составе ФТПФ преобладала рабочая молодежь. Всеми вооруженными действиями руководил Национальный военный комитет партии. Отряды ФТПФ вели активные боевые действия против оккупантов, подрывали железнодорожные составы, взрывали шлюзы, проводили боевые операции против вражеских отрядов и патрулей, вершили суд над предателями. В мае 1942 г. ФКП первой из организаций антифашистского Сопротивления заявила о необходимости приступить к подготовке всеобщего вооруженного восстания[2].

Национальный фронт стал наиболее влиятельной силой в движении Сопротивления и своим примером активизировал действия других антифашистских организаций.

Организации, не вошедшие в Национальный фронт, возглавлялись буржуазными и социалистическими лидерами. Во Франции такими организациями были: «Либерте», «Комба», «Либерасьон-Сюд», «Франс-Либерте», «Либерасьон-Нор», «Сё де ля Либерасьон», «Сё де ля Резистанс», «Организасьон сивиль милитэр» и др. За пределами Франции, в Лондоне, сложился центр антифашистского движения во главе с генералом де Голлем — «Свободная Франция» (с 1942 г.— «Сражающаяся Франция»).

Буржуазно-патриотические организации антифашистского Сопротивления были слабее и малочисленнее организаций НФ. Они считали своей главной задачей распространение нелегальной печати, антифашистскую пропаганду, сбор разведывательных сведений, иногда саботаж, но рассматривали как преждевременную вооруженную борьбу против оккупантов, воздерживались от участия в забастовках, отрицали необходимость массовых демонстраций.

Разгром немецких войск под Сталинградом влил новые силы в антифашистское Сопротивление. В обстановке подъема антифашистской борьбы тяга к объединению сил Сопротивления и активизации борьбы против оккупантов стала непреодолимой. В конце 1942 г. между ФКП и «Сражающейся Францией» было достигнуто соглаше-

[1] «Histoire du Parti communiste français(manuel)», p. 396.
[2] «L'Humanité», mai 1942. Numero spécial.

нне, предусматривавшее тесное сотрудничество с целью подготовки всенародного восстания[1].

Летом 1943 г. был учрежден Французский комитет национального освобождения (ФКНО), объединивший патриотические силы Франции вне ее пределов.

В начале 1943 г. ускорился объединительный процесс и в организациях Сопротивления, действовавших во Франции. В апреле 1943 г. было восстановлено организационное единство Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). Весной 1943 г. был создан Национальный совет Сопротивления (НСС) в качестве органа, призванного осуществлять руководство всеми организациями Сопротивления. В состав НСС вошли представители восьми организаций Сопротивления, коммунистической и социалистической партий, четырех буржуазных партий, а также двух профобъединений — Всеобщей конфедерации труда и Французской конфедерации христианских профсоюзов. Возникновение НСС представляло собой важный шаг в объединении организаций Сопротивления. Опираясь на поддержку рядовых участников движения Сопротивления, коммунисты добились провозглашения в программе НСС курса на вооруженную борьбу против оккупантов и на подготовку всеобщего восстания.

Осенью 1943 г. по настоянию коммунистов НСС принял решение о создании местных и департаментских комитетов освобождения, возглавивших освободительную борьбу на местах. Весной 1944 г. НСС на основе написанного коммунистом П. Вийоном и одобренного руководящим комитетом Национального фронта проекта утвердил программу глубоких демократических и социальных преобразований страны после ее освобождения[2].

В начале 1944 г. все боевые отряды внутреннего Сопротивления объединились во Французские внутренние силы (ФФИ). Главную силу ФФИ составили «Французские франтирёры и партизаны». Коммунист П. Вийон был назначен председателем Комитета военных действий, осуществлявшего общее руководство боевыми действиями ФФИ.

Поражение фашистских войск на советско-германском фронте, а также объединение сил внутреннего Сопротивления, их возросшая мощь и боевая активность создали необходимые условия, чтобы поставить в качестве практической задачи организацию всеобщего вооруженного восстания.

Следует отметить, что противники восстания, не решаясь открыто возражать против идеи всеобщего вооруженного восстания, стремились воспрепятствовать принятию конкретных мер по его подготовке. Однако эта позиция была преодолена коммунистическими руководителями движения Сопротивления, опиравшимися на широкую поддержку рядовых его участников. С момента высадки союзнических

[1] См. *М. Торез.* Сын народа, стр. 173.
[2] См. *В. П. Смирнов.* Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны, стр. 230—239.

войск во Франции вооруженные выступления против немецких захватчиков стали перерастать во всеобщее восстание.

Особое значение имело восстание в Париже. Поскольку из-за противодействия противников восстания НСС не смог принять какого-либо решения, ФКП опубликовала 18 августа 1944 г. обращение с призывом начать восстание. Одновременно ВКТ и ФКХТ объявили всеобщую забастовку, а командующий ФФИ Парижского района коммунист Роль-Танги отдал приказ о переходе к наступательным действиям с целью освобождения Парижа. 19 августа Постоянное бюро НСС и Парижского комитета освобождения приняло решение, одобрявшее начавшееся 18 августа восстание. Восстание было победоносно завершено освобождением Парижа, который удалось спасти от разрушения. Силы Сопротивления самостоятельно освободили десятки департаментов страны.

Благодаря этим победам необычайно возрос авторитет рабочего класса и его революционного авангарда. В начале 1945 г. созданный и руководимый коммунистами Национальный фронт Сопротивления насчитывал 2 млн. человек. Коммунистическая партия принесла самые большие жертвы во имя защиты свободы и национальной независимости, не случайно ее называют «партией расстрелянных». Она потеряла 75 тыс. коммунистов, или четверть своего довоенного состава.

В освобожденной Франции ФКП была самой крупной политической партией. К марту 1945 г. она насчитывала 500 тыс. членов. В первое послевоенное правительство Франции, возглавленное де Голлем, вошли пять коммунистов. Морис Торез стал заместителем премьер-министра (государственным министром).

10 мая 1940 г. гитлеровская Германия вторглась на территорию *Бельгии*. После непродолжительного сопротивления бельгийская армия капитулировала. Оккупационные власти установили в стране жесткий режим: демократические организации были распущены, экономика подчинена интересам Германии, введена система заложников за «провинности» и т. д. Буржуазные партии прекратили свою деятельность. Председатель Бельгийской рабочей партии А. де Ман объявил о самороспуске партии и создал с целью сотрудничества с оккупационными властями «Союз работников умственного и физического труда». Под его давлением съезд профсоюзов, примыкавших к БРП, призвал к активному сотрудничеству с представителями «нового порядка».

Из всех политических партий только коммунистическая не подчинилась решению фашистских властей. КПБ организованно перешла в подполье и возглавила борьбу патриотических сил против оккупационного режима. Коммунисты восстанавливали запрещенные фашистскими властями профсоюзы, проводили акты саботажа и диверсий, выпускали листовки, организовывали антифашистские забастовки и демонстрации, руководили вооруженными отрядами Сопротивления.

По инициативе коммунистов на заводах, шахтах и железных дорогах трудящиеся создавали комитеты профсоюзной борьбы. В движении Сопротивления участвовали широкие слои бельгийцев, но ядром его был рабочий класс. Бельгийские рабочие-антифашисты саботировали военное производство, уклонялись от отправки на принудительную работу в Германию, отказывались от сотрудничества с оккупантами.

10 мая 1941 г., в день годовщины нападения гитлеровской Германии на Бельгию, в Коккериле началась забастовка протеста, которую возглавил один из руководителей КПБ — Ж. Ляо. В забастовке приняло участие 100 тыс. металлургов, она имела огромный политический резонанс не только в Бельгии, но и в других оккупированных Германией странах.

КПБ последовательно добивалась сплочения всех антифашистских сил. В начале 1942 г. был образован Фронт независимости Бельгии, в который вошло несколько групп и организаций движения Сопротивления. В его рядах плечом к плечу боролись коммунисты и социалисты, католики и либералы. Антифашистские силы вели вооруженную борьбу против оккупантов, проводили контрдемонстрации и митинги в ответ на сборища коллаборационистов.

3 сентября 1944 г. от оккупантов был освобожден Брюссель, а 8 сентября в страну из Лондона возвратилось правительство. В феврале 1945 г. территория Бельгии была полностью освобождена от германских войск. Подъем антифашистских и демократических настроений способствовал тому, что правительство Пьерло — Спаака было реорганизовано: в него вошли два коммуниста и один представитель Фронта независимости Бельгии. Влияние КПБ в массах заметно возросло. К концу 1945 г. партия насчитывала около 10 тыс. членов.

В *Нидерландах* лишь коммунистическая партия решительно выступила против любых форм сотрудничества с оккупантами и, организованно перейдя на нелегальное положение, повела борьбу против фашизма, за национальную независимость страны. Руководство КПН развернуло работу по организации боевых групп Сопротивления. Был налажен выпуск листовок, брошюр и нелегальной газеты компартии, создан фонд солидарности для поддержки рабочих, отказывавшихся ехать на работу в Германию.

В октябре 1940 г. коммунисты организовали первые массовые выступления трудящихся Амстердама с требованием улучшения условий труда, изменения введенного оккупантами режима работы, прекращения принудительной высылки на работу в Германию.

Многотысячные демонстрации безработных состоялись в Амстердаме в начале 1941 г. 11 февраля в Амстердаме произошли ожесточенные стычки между патриотическими группами рабочих и отрядами национал-социалистов А. Мюссерта.

Коммунисты проводили активную кампанию по организации де-

монстраций протеста против еврейских погромов в Амстердаме, поддержали забастовку судостроителей порта, которые 17 февраля 1941 г. выступили против отправки рабочих в Германию. В ходе этой забастовки рабочим удалось добиться победы.

Большую и полную опасностей работу провели коммунисты по организации массовой политической забастовки против оккупантов в Амстердаме. Эта забастовка, состоявшаяся 25 февраля 1941 г., стала важной вехой голландского Сопротивления, одной из первых массовых политических забастовок в оккупированной Западной Европе. В ней участвовало более 300 тыс. рабочих Амстердама и других городов провинций Северная Голландия и Утрехт. Февральская забастовка положила начало боевому единству рабочих различной партийной и религиозной принадлежности.

Осенью 1941 г. компартия организовала боевые группы для ведения активной вооруженной борьбы против оккупантов. В ответ гитлеровцы усилили карательные меры против коммунистов, многие из которых были арестованы и казнены. В марте 1943 г. вооруженные группы Сопротивления совершили в Амстердаме налет на бюро учета населения и уничтожили все списки. Весной 1945 г. коммунисты установили связь с восставшим на острове Тексель батальоном советских военнопленных, помогали ему продовольствием и боеприпасами.

Рабочий класс, коммунисты Нидерландов понесли наибольшие жертвы в антифашистской борьбе. В 1943 г. оккупационные власти арестовали и казнили Л. Янсена, Я. Дитерса и других руководителей компартии. Погиб почти весь состав Политбюро ЦК КПН и более половины членов партии. Благодаря самоотверженной борьбе с немецкими оккупантами коммунисты значительно укрепили свои позиции и завоевали большой политический авторитет в стране.

В *Норвегии* движение Сопротивления стало формироваться во второй половине 1940 г. Боевым ядром и руководителем сил норвежского Сопротивления был рабочий класс во главе с Коммунистической партией Норвегии. В августе 1940 г. было опубликовано воззвание ЦК КПН с призывом к единству рабочего класса.

Коммунистам, работавшим в подполье, принадлежала главная заслуга в организации массовых выступлений трудящихся против оккупантов.

9 апреля 1941 г., в первую годовщину вторжения германских войск в Норвегию, на всех предприятиях страны рабочие прервали работу на полчаса. Первомайская демонстрация 1941 г. в Осло носила антифашистский характер[1].

После нападения Германии на Советский Союз движение Сопротивления в Норвегии приобрело более активный характер. В сентябре 1941 г. вспыхнули забастовки, в которых участвовало 25 тыс. рабочих.

[1] См. «Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны», стр. 570—571.

В ответ на выступления трудящихся гитлеровские власти ввели чрезвычайное положение в Осло и других городах, учредили военно-полевые суды.

За годы оккупации погибло более 2 тыс. норвежцев — участников Сопротивления. Репрессии вырвали из рядов антифашистов многих профсоюзных деятелей, членов НРП и КПН. Погибли видные коммунисты: Генеральный секретарь КПН Г. В. Кристиансен, оргсекретарь ЦК Оттар Ли, лидер Коммунистического союза молодежи А. Гаусло; в общей сложности 21 член ЦК компартии [1].

Однако кровавые расправы гитлеровцев не сломили борцов Сопротивления. Потерпела провал попытка нацистов создать в Норвегии «корпоративное» фашистское государство. Рабочие, крестьяне, прогрессивная интеллигенция бойкотировали поставленные под контроль фашистов профсоюзы и в противовес им с 1942 г. стали создавать нелегальные профессиональные организации. Коммунисты вошли в состав подпольного профцентра, что способствовало укреплению единства рабочего класса и повышению его боевого духа. Подпольная пресса Норвегии, центральным звеном которой были издания компартии, насчитывала около 300 названий, выходивших тиражом до 200 тыс. экземпляров [2].

В конце 1943 г. коммунисты выдвинули лозунг о повсеместном переходе к вооруженной борьбе с оккупантами и их пособниками — квислинговцами. В горных районах и на западном побережье страны было сформировано несколько партизанских отрядов.

Развертывание партизанской борьбы тормозили созданные в 1941—1942 гг. организации буржуазно-реформистского Внутреннего фронта. В него вошли военная организация «Милорг» и гражданская — «Координационный комитет». Руководство Внутреннего фронта проповедовало главным образом ненасильственные методы борьбы против оккупантов, сводившиеся к актам гражданского неповиновения.

Однако призывы коммунистов к активным действиям находили отклик среди рядовых членов массовых подпольных организаций. В 1943 г. возглавляемые главным образом коммунистами боевые отряды провели ряд успешных выступлений против оккупационных войск. К этим выступлениям присоединялись и низовые организации «Милорга» [3]. Коммунистическая группа «Освальд» (А. Сунне), взорвав картотеку трудовой службы в Осло, сорвала «тотальную» мобилизацию норвежских граждан на трудовой фронт. В начале 1944 г. совместными усилиями норвежского Сопротивления была сорвана проводимая гитлеровцами мобилизация молодежи на Восточный фронт.

В последние месяцы войны боевые группы компартии объедини-

[1] «История Норвегии». М., 1980, стр. 416, 419.

[2] *E. Lorenz.* Arbeiderbevegelsens historie. 1930—1973. Oslo, 1975, s. 90.

[3] См. *А. М. Носков.* Норвегия во второй мировой войне. 1940—1945. М., 1973, стр. 185.

лись с отрядами «Милорга». С этого времени интенсивность партизанских действий против гитлеровцев значительно усилилась. Крупные диверсии на железных дорогах весной 1945 г. задержали переброску гитлеровских войск из Северной Норвегии на другие фронты. Подпольная армия Норвегии в 1945 г. насчитывала около 40 тыс. человек[1]. Отряды норвежской полиции, сформированные из отправленных через границу в Швецию патриотов, во второй половине 1944 г. насчитывали около 14 тыс. человек[2]. Активными борцами норвежского Сопротивления были советские военнопленные, бежавшие из концлагерей.

После освобождения Северной Норвегии Красной Армией движение Сопротивления заметно активизировалось. Даже руководство Внутреннего фронта начало призывать к активным действиям против оккупантов. В результате совместных действий вооруженных отрядов Сопротивления весной 1945 г. в Норвегии была прекращена работа транспорта и военно-промышленных предприятий. 8 мая 1945 г. фашистские войска на территории Норвегии капитулировали. В июне было образовано правительство, в состав которого вошли участники движения Сопротивления, в том числе два коммуниста.

В *Дании* борьбу против оккупантов возглавила коммунистическая партия, с июня 1941 г. работавшая в подполье. Коммунисты были основными организаторами антифашистской борьбы трудящихся, сплочения всех патриотических сил страны. С осени 1940 г. датские коммунисты вели переговоры с представителями буржуазного крыла Сопротивления. Зимой 1940/41 г. начал функционировать «учебный кружок» — первая нелегальная группа, в которую вошли представители коммунистической, социал-демократической и консервативной партий. В 1942 г. эта организация стала издавать газету «Фрит Данмарк» («Свободная Дания»).

В отличие от буржуазных участников Сопротивления, склонных ограничивать свою деятельность пассивным сопротивлением, коммунисты выступали за развертывание активной борьбы, включая вооруженные действия. Осенью 1941 г. коммунисты создали первые боевые группы. В феврале 1942 г. из отдельных групп выросла крупная боевая организация «Коммунисты-партизаны» (КОПА). Участниками и организаторами КОПА стали прежде всего рабочие-коммунисты, бывшие члены Интернациональных бригад в Испании. Зимой 1942/43 г. была создана объединенная боевая организация, получившая название «Гражданские партизаны» (БОПА). Самой многочисленной частью бойцов нового вооруженного подразделения были рабочие; в БОПА вошли также антифашистски настроенные студенты и представители интеллигенции. После поражения гитлеровских войск под

[1] См. *Л. С. Кан.* История Скандинавских стран. М., 1980, стр. 229.
[2] См. «История Норвегии», стр. 420.

Сталинградом значительно возросла активность сил Сопротивления, и прежде всего диверсионной деятельности вооруженных групп БОПА.

С февраля 1943 г. начались руководимые коммунистами забастовки. В ходе забастовок имели место столкновения войск оккупантов с населением, по стране проходили многотысячные митинги рабочего класса.

29 августа 1943 г. гитлеровцы взяли на себя всю полноту власти в Дании. Последовали аресты заложников из числа видных деятелей Сопротивления, датская армия была разоружена и временно интернирована. Эти события коренным образом изменили положение в стране. Сопротивление переросло в широкую массовую борьбу с оккупантами, его движущей силой был рабочий класс во главе с компартией. 16 сентября 1943 г. по инициативе коммунистов был создан единый общенациональный руководящий орган Сопротивления — Совет свободы, в который вошли коммунисты, социал-демократы и представители антифашистской буржуазии.

В ноябре 1943 г. к движению Сопротивления присоединилась датская армия. При Совете свободы была учреждена военная комиссия. Подпольная армия Сопротивления к осени 1944 г. насчитывала около 23 тыс. человек, а к весне следующего года — более 42 тыс. В 1943 г. число диверсионных актов на промышленных предприятиях возросло в 6 раз по сравнению с первыми тремя годами оккупации, общее число диверсий в 1943 г. равнялось 969 (в 1940—1942 гг.— 151)[1].

С 30 июня по 4 июля 1944 г. в Копенгагене проходила всеобщая забастовка, которая распространилась и на другие города страны. Забастовка показала силу рабочего класса, получившего поддержку широких слоев населения, а также возросший авторитет коммунистической партии.

15 августа 1944 г. по призыву коммунистов и Совета свободы в Копенгагене вновь вспыхнула всеобщая забастовка в знак протеста против убийства нацистами одиннадцати заложников — борцов Сопротивления. Волнения охватили и другие города Дании. Активно действовали партизанские отряды, взрывавшие электростанции, железные дороги, склады горючего. В 1944 г. было совершено более 300 диверсий на железных дорогах, а в первые четыре месяца 1945 г. их число достигло 1300[2].

Мужественное поведение коммунистов в годы Сопротивления поднимало их авторитет в массах. К концу войны численность КПД достигла 50 тыс. человек[3], что было в 5 раз больше по сравнению с до-

[1] См. *Ю. В. Кудрина.* Дания в годы второй мировой войны. М., 1975, стр. 159, 176, 125.
[2] *А. С. Кан.* История Скандинавских стран. стр. 233.
[3] См. *Ю. В. Кудрина.* Указ. соч., стр. 191.

военным периодом. Это отражало возросшую авангардную роль коммунистов в антифашистском Сопротивлении.

В *Австрии* в движении Сопротивления принимали участие различные слои населения. Монархисты создавали группы, которые выдвигали идею борьбы за «Великую Австрию» под скипетром династии Габсбургов. Были группы католиков, которые выступали за восстановление независимости Австрии и порядков, установленных фашистским режимом Дольфуса и Шушнига. Оба течения были реакционные и могли только отвлечь какую-то часть населения от настоящей борьбы против фашизма. Эти организации просуществовали недолго: они были распущены еще в 1938—1939 гг., успев провести лишь работу по вербовке членов и созданию первых денежных фондов.

Группы социалистов пытались организовать борьбу за ликвидацию фашистского режима и восстановление буржуазной демократии. Некоторые из них считали свою деятельность борьбой не за независимость Австрии, а за революцию в масштабе всей германской империи; другие примыкали к коммунистам в борьбе за новую, революционную демократию. Однако значительная часть социал-демократов была дезориентирована заявлением Реннера в пользу аншлюса накануне плебисцита 10 апреля 1938 г. Реннер призывал голосовать за аншлюс, осуществленный гитлеровской Германией. Организации социалистов были раскрыты довольно быстро. Дольше других действовала группа учителя-социалиста Иоганна Отто Хааса, которая имела отделения во многих населенных пунктах и проводила активную антифашистскую пропаганду не только в Австрии, но и в таких городах Германии, как Мюнхен, Аугсбург и другие. В 1942 г. организация Хааса была раскрыта. Было арестовано более 200 участников подполья. Многие из них погибли в тюрьмах, многие были казнены, в том числе Хаас, Эдуард Гет и супруги Бруннер.

В авангарде движения Сопротивления шли коммунисты. Они выступали с ясной программой борьбы — восстановление независимости Австрии на подлинно демократических основах. Первые годы они действовали под руководством подпольного оперативного центра ЦК КПА. Но до вступления СССР во вторую мировую войну преобладали пассивные формы сопротивления: протесты рабочих против введения новой системы оплаты труда, отдельные антифашистские выступления разрозненных групп, уклонения от призыва в армию.

С лета 1941 г. антифашистская борьба активизировалась, хотя ввиду жестокого террора пришлось отказаться от создания нового оперативного центра ЦК КПА. Во второй половине 1941 г. произошли забастовки в Вене, Винер-Нойштадте, акты саботажа и диверсии на военных предприятиях и железных дорогах.

В октябре 1942 г. в горах Австрии была проведена конференция с участием 40 представителей различных слоев населения. Конференция приняла решение о создании Фронта свободы. В воззвании к австрийскому народу ЦК КПА призывал начать «всенародную

борьбу против Гитлера и его войны, за свободную и независимую Австрию». В последующие годы отмечалось нарастание борьбы. Фашистская газета «Нейес винер тагеблатт» 16 ноября 1943 г. признавала: «Не найдешь ни одного предприятия, где бы не было производственных неполадок».

На заключительном этапе войны некоторые антифашистские выступления перерастали в боевые партизанские действия. В ноябре 1944 г. был создан первый австрийский батальон борцов за свободу Австрии в составе югославской Народно-освободительной армии. Им руководили члены ЦК КПА Франц Хоннер и Фридл Фюрнберг. Батальон участвовал в боях до самого конца войны. О масштабе австрийского движения Сопротивления говорят данные о жертвах, понесенных народом: были казнены 1400 коммунистов, в том числе 13 членов ЦК; 4280 коммунистов были брошены в концлагеря, несколько тысяч — в тюрьмы; кроме того, за время с 1938 по 1945 г. были казнены еще 1300 патриотов, 16 493 убиты в концентрационных лагерях, 9687 — в тюрьмах гестапо, 6420 — в тюрьмах оккупированных стран[1].

Изгнав немецко-фашистских захватчиков из Австрии, Красная Армия помогла австрийскому народу восстановить свое государство. 27 апреля 1945 г. было образовано Временное правительство Австрии. Страна вновь стала независимой, суверенной.

В *Италии* антифашистское движение Сопротивления приняло значительный размах[2]. С началом войны связи между итальянским антифашистским подпольем и его заграничными центрами (в Париже) были прерваны, подпольная структура антифашистских партий и групп временно разрушена. В 1941 г. процесс восстановления подпольной структуры антифашистских партий в Италии возобновился. В июле 1941 г. первой восстановила свои подпольные организации коммунистическая партия. С лета 1942 г. вновь стала издаваться подпольная газета КПИ «Унита», а в начале 1943 г. в стране начал работу подпольный руководящий центр партии, который поддерживал регулярные контакты с П. Тольятти, находившимся тогда в Москве в качестве представителя КПИ при Коминтерне. Весной 1942 г. восстановила свою подпольную сеть Итальянская социалистическая партия и стала выходить подпольная газета социалистов «Аванти». Крупной силой левого крыла антифашистского движения стала мелкобуржуазная группа «Справедливость и свобода», которая в конце 1942 г. была преобразована в Партию действия. Большинство в ней составляли интеллигенция и студенчество.

С 1941 г. благодаря усилиям коммунистов возобновился процесс

[1] *М. А. Полтавский.* Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938—1945 гг.). М., 1973, стр. 74—84, 150, 216.

[2] См. *Г. С. Филатов.* Крах итальянского фашизма. М., 1973; *Н. П. Комолова.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943—1947 гг. М., 1972.

консолидации антифашистских сил. Осенью 1941 г. в Париже был создан Комитет действия по объединению патриотических сил, в который вошли КПИ, ИСП и организация «Справедливость и свобода».

Сплочение левых антифашистских сил привело к принятию ими в марте 1943 г. общей политической программы. ИКП [1], ИСП и Партия действия договорились о подготовке всенародного восстания в целях свержения фашистской диктатуры и выхода Италии из войны. Левые партии считали, что на смену фашизму должен прийти новый демократический строй, что должны быть ликвидированы социально-экономические и политические силы, породившие фашизм (финансовый капитал, помещики, монархия), обеспечено участие трудящихся в руководстве государством [2]. Левые партии считали также необходимым расширение антифашистской коалиции Сопротивления за счет включения в нее буржуазных сил.

В 1942 г. в Турине, а затем в Риме и Милане возникли комитеты национального фронта, к которым кроме участников Комитета действия присоединились и представители буржуазных партий. Создавался, таким образом, широкий национальный антифашистский фронт. Буржуазные партии, присоединившись к движению антифашистского Сопротивления, отвергали, однако, путь народного восстания, выступали против развертывания массовой борьбы на предприятиях, делали ставку на верхушечные перемещения в правительстве, поддержку англо-американских войск.

Коммунистическая партия Италии, напротив, подчеркивала, что только сочетание вооруженной борьбы с широкими выступлениями масс обеспечит успех движению Сопротивления. Правоту коммунистов подтверждала сама реальность антифашистского движения.

Начиная с 1942 г. в Италии стало развиваться широкое забастовочное движение. На рубеже 1943 г. экономические забастовки стали перерастать в политические. В марте 1943 г. под руководством коммунистов прошла всеобщая забастовка трудящихся Северной Италии, в которой участвовало свыше 300 тыс. человек [3].

Массовые выступления на предприятиях представляли собой самый эффективный путь расшатывания фашистского режима, вовлечения в борьбу против него других слоев населения, подготовку благоприятных политических условий для антифашистского восстания.

Отсутствие единства между антифашистскими силами в отношении методов борьбы не позволило в рассматриваемый период приступить к подготовке антифашистского восстания. Часть правящих кругов, стремясь предотвратить взрыв снизу, совершила 25 июля 1943 г. «дворцовый переворот». Муссолини был смещен, в стране установился военно-монархический режим Бадольо. 3 сентября 1943 г. Италия

[1] Так с 1943 г. стала называться Компартия Италии.
[2] См. «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 489.
[3] *U. Massola.* Marzo 1943, ore 10. Roma, 1950.

подписала акт о капитуляции. Вслед за этим —8—9 сентября 1943 г.— бóльшая часть страны (вплоть до Неаполя) была оккупирована гитлеровскими войсками. На немецких штыках был восстановлен марионеточный режим — так называемая республика Салó во главе с Муссолини. В те же дни антифашистское движение в Италии вступает в новую фазу — вооруженной национально-освободительной и антифашистской борьбы народа. В стране возникает партизанское движение, ударную силу которого составляли коммунистические гарибальдийские отряды под командованием члена руководства ИКП Л. Лонго [1].

Коммунисты последовательно выступали за координацию действий и организационное единство различных по своей политической ориентации партизанских отрядов. В июне 1944 г. все отряды были объединены в партизанскую армию — Корпус добровольцев свободы (КДС) с единым командованием, в котором видная роль принадлежала Л. Лонго. К марту 1945 г. численность КДС составила 150 тыс. человек [2]. Политическое руководство движением Сопротивления осуществлялось в 1943—1945 гг. Комитетом национального освобождения Северной Италии (КНОСИ), находившимся в Милане в подполье. Важную роль в этом Комитете играли представители левых партий, в том числе коммунисты.

Движение Сопротивления в Италии было широким антифашистским движением, охватившим различные социальные слои: рабочих, крестьян, интеллигенцию, городские средние слои. Решающий вклад в Сопротивление внес рабочий класс. Одной из важных форм движения Сопротивления была борьба рабочих на предприятиях. Забастовочное движение носило организованный характер. Борьбой рабочих руководили подпольные профсоюзные ячейки, объединенные в рамках Всеитальянской конфедерации труда — ВИКТ, и заводские комитеты действия [3].

В марте 1944 г. страну охватила новая всеобщая забастовка, в которой участвовало более 1 млн. человек [4]. Свыше 20 тыс. партизан помогали бастующим [5]. Эффект забастовки был огромным. Она послужила прелюдией к окончательному свержению Муссолини, подготовив политические условия для национального восстания. После мартовской забастовки 1944 г. значительные слои крестьянства, интеллигенции стали переходить на позиции активного антифашизма. Организация национального вооруженного восстания ста-

[1] «Le Brigate Garibaldi nella Resistenza», v. 1—3. Milano, 1979.
[2] См. *Л. Лонго.* Народ Италии в борьбе. М., 1952, стр. 343.
[3] См. *Н. П. Комолова.* Движение Сопротивления и политическая борьба в Италии, стр. 62—74, 141—143, 238—239.
[4] *L. Valiani, G. Bianchi, E. Ragionieri.* Azionisti cattolici e comunisti nella Resistenza. Milano, 1971, p. 348.
[5] См. *Г. С. Филатов.* Итальянские коммунисты в движении Сопротивления. М., 1964, стр. 96.

ла лишь вопросом времени. Забастовка оказала также огромное влияние на ход политической борьбы в Южной Италии, которая привела к созданию в апреле 1944 г. в Салерно первого коалиционного антифашистского правительства П. Бадольо с участием социалистов и коммунистов.

Важную роль в создании правительства, отражавшего широкий политический спектр национального фронта, сыграл Генеральный секретарь ИКП П. Тольятти, который в конце марта 1944 г. получил возможность вернуться в Италию[1]. По инициативе Тольятти ИКП в конце марта 1944 г. предложила всем антифашистским силам сплотиться в целях разгрома фашизма и отложить вопросы государственного устройства Италии до окончания войны, решив их затем путем созыва Учредительного собрания.

Это предложение открыло путь к созданию демократического коалиционного правительства с участием представителей рабочего класса, к сотрудничеству между правительством и КНОСИ. Возникли политические предпосылки для широкого развития партизанской войны и подготовки национального восстания. Буржуазные партии, участвовавшие в движении Сопротивления, вынуждены были солидаризироваться с идеей общенационального восстания.

Идея антифашистского восстания в Италии реализовалась в серии восстаний, имевших поначалу локальный характер, а на завершающем этапе движения Сопротивления принявших общенациональный масштаб. Партизаны и группы патриотического действия (ГАП и САП) во многом обеспечили успех восстания и освобождение Тосканы и части Эмилии летом — осенью 1944 г. Тогда же в тылу у немцев возникли освобожденные партизанские зоны — «республики», контролируемые КНО.

В ноябре 1944 г. командующий англо-американскими войсками в Италии потребовал роспуска партизанских отрядов. Это требование было отвергнуто. Партизаны, сохранив свои ряды, продолжали готовиться к восстанию[2]. К завершающей фазе подготовки общенационального восстания, таким образом, была создана внушительная база, детально разработан план восстания. 24 апреля 1945 г. началась всеобщая политическая забастовка, и уже 25 апреля она переросла в общенациональное восстание, ведущая роль в котором принадлежала рабочему классу. Заводы и фабрики промышленных центров Севера были заняты рабочими и превратились в форпосты повстанцев. В Турине, например, в те дни на крупнейших заводах находилось от 80 до 90% всего состава рабочих и служащих заводов[3]. Вооруженные

[1] См. *И. П. Комолова, Г. С. Филатов.* Пальмиро Тольятти — выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического движения.— «Новая и новейшая история», 1980, № 5, стр. 82—84.

[2] «La Resistenza europea e gli Alleati». Milano, 1962.

[3] *P. Secchia.* Aldo dice 26×1. Milano, 1963, p. 112.

рабочие из отрядов ГАП принимали участие в уличных боях с нацистами. Рабочие составляли ядро партизанских отрядов[1]. В ходе восстания было освобождено более 100 городов, в том числе Турин, Генуя, Милан, Болонья; 250 тыс. партизан участвовали в эти дни в повстанческих акциях[2].

Восстание было закономерным итогом длительной борьбы коммунистов, их воспитательной и организаторской работы в массах. Марионеточный фашистский режим республики Сало́ был свергнут. Муссолини по приговору Главного командования КДС был расстрелян. Вся Италия была освобождена от гитлеровцев. На освобожденной территории власть перешла в руки КНО. На заводах и фабриках, занятых рабочими в соответствии с декретом КНОСИ от 25 апреля 1945 г.[3], создавались советы управления рабочих. Осуществлялась чистка административного аппарата от фашистских элементов. Важнейшие социально-политические цели движения Сопротивления — провозглашение республики и принятие демократической конституции — были достигнуты в ходе последующей политической борьбы в стране.

К началу второй мировой войны антифашистское движение в *Германии* было ослаблено жестокими репрессиями[4]. За время войны 200 тыс. немецких антифашистов пали жертвами фашистского террора. Из 300 тыс. членов КПГ 150 тыс. подверглись преследованиям, арестам, были брошены в концлагеря, десятки тысяч коммунистов погибли[5]. 18 августа 1944 г. в концлагере Бухенвальд был злодейски убит выдающийся деятель немецкого и международного рабочего движения Эрнст Тельман.

Главной задачей антифашистского Сопротивления в Германии была борьба за прекращение агрессивной войны, за свержение гитлеровского режима. Пути достижения этой цели были намечены в принятой 30 декабря 1939 г. «Политической платформе КПГ»[6]. Коммунистическая партия была единственной политической силой в стране, последовательно выступавшей за единство рабочего движения, создание широкого Народного фронта в борьбе за мир, демократические свободы и социальные требования немецкого народа, против фашистской диктатуры и монополий, за свободную, демократическую и миролюбивую Германию[7].

[1] *P. Secchia.* Op. cit., p. 152.
[2] См. *Л. Лонго.* Народ Италии в борьбе, стр. 375.
[3] «Documenti ufficiali del CLNAI». Milano, 1945, p. 21.
[4] *B. Mausbach-Bromberger.* Arbeiterwiderstand in Frankfurt am Main. Gegen den Faschismus 1933—1945. Frankfurt / Main, 1976, p. 152.
[5] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5. Berlin, 1966, S. 436.
[6] Ibid., S. 532—535.
[7] Ibid., S. 550—553.

Взяв курс на развертывание массового антифашистского движения, коммунисты восстанавливали разгромленные партийные организации, налаживали связи в антифашистском подполье с целью консолидации сил противников гитлеровского режима и создания единого руководящего центра Сопротивления, распространяли документы партии, вели пропагандистскую работу. В 1940 г. в Германии удалось вновь создать оперативное руководство нелегальной партийной работой.

Среди германской социал-демократии не было единства по вопросу об отношении к войне и антифашистской борьбе. Орган правления СДПГ в эмиграции газета «Дер нойе форвертс» 10 сентября 1939 г. писала: «Вся тяжесть вины за чудовищное преступление перед миром и человечеством лежит на Гитлере и его системе... Поэтому свержение Гитлера является целью, за которую мы будем бороться вместе со всеми демократическими силами Европы...»[1] Однако правые лидеры СДПГ, остававшиеся на позициях антикоммунизма и антисоветизма, практически ничего не сделали для организации Сопротивления в Германии. Позиция правого руководства СДПГ вызвала возражения части социал-демократической эмиграции. Группа «Ной бегиннен», Социалистическая рабочая партия, группа Революционные социалисты в Голландии открыто отмежевались от антикоммунизма правых.

Несмотря на пассивность лидеров СДПГ, многие социал-демократы в Германии включались в борьбу. Часть деятелей партии присоединилась к буржуазной оппозиции, делая ставку на военный заговор. С другой стороны, в Германии действовало социал-демократическое подполье. Для активного Сопротивления СДПГ было характерно все более тесное сотрудничество и в ряде случаев слияние с руководимыми КПГ антифашистскими организациями.

Ядро антифашистского Сопротивления составил рабочий класс, возглавляемый его революционным авангардом. Уже в первые дни войны рабочие Дортмунда выдвинули лозунг «Работать медленнее!», ставший основным лозунгом борьбы в военной промышленности[2]. Следуя призыву коммунистов всеми способами препятствовать военному производству, рабочие-антифашисты выработали свои средства борьбы: отказ от дополнительных и сверхурочных работ, невыходы на работу «по состоянию здоровья», саботаж, выпуск бракованной продукции и т. п. За нарушения трудовой дисциплины в первой половине 1943 г. были наказаны 14 тыс. немецких рабочих. Во время войны имели место и кратковременные забастовки, преимущественно

[1] Цит. по: *P. Grasmann.* Sozialdemokraten gegen Hitler 1933—1945. München — Wien, 1976, S. 33—34.

[2] *D. Peukert.* Ruhrarbeiter gegen den Faschismus. Dokumentation des Widerstands im Ruhrgebiet 1933—1945. Frankfurt / Main, 1975, S. 267.

социально-экономического характера. С января по сентябрь 1943 г. за участие в забастовках было арестовано 18 900 немецких рабочих[1].

В борьбе против фашизма и войны решалась ключевая для Сопротивления проблема единства рабочего движения. В Рурской области, Берлине, Нюрнберге и других городах действовали антифашистские группы, где вместе боролись коммунисты и социал-демократы. На предприятиях возникали комитеты единого фронта, комитеты действия социал-демократов и коммунистов.

Борьба КПГ за единство антифашистских сил вовлекала в ряды Сопротивления представителей других слоев немецкого народа — передовой интеллигенции, антигитлеровской буржуазии, военных, верующих. Примером такого сотрудничества была деятельность антифашистской организации, руководимой коммунистами Х. Шульце-Бойзеном и А. Харнаком.

Немецкие антифашисты придавали большое значение работе среди военнопленных, узников концлагерей, иностранных рабочих. По инициативе коммунистов в Бухенвальде, Освенциме, Дахау, Маутхаузене, Нойенгамме, Равенсбрюке и Заксенхаузене возникли подпольные интернациональные лагерные комитеты.

Проводимые КПГ политика единого рабочего фронта и курс на создание широкого Народного фронта позволили уже к концу 1942 г. создать центры партийной работы и антифашистской борьбы в масштабах крупных районов. Деятельность таких организаций, как Урига, Шульце-Бойзена — Харнака в Берлине, Бестлейна — Якоба — Абсхагена на Побережье, Шумана — Энгерта — Крессе в Лейпциге, Нойбауэра — Позера в Тюрингии, Лехлейтера в Мангейме, была примером того, как на основе единого рабочего фронта, под руководством нелегальных партийных организаций КПГ практически осуществлялся Народный фронт за окончание войны, за свержение фашистской диктатуры, за спасение нации. В 1943 г. функции партийного руководства КПГ выполняла группа А. Зефкова в Берлине. Осенью начало складываться общегерманское оперативное руководство, подчиненное ЦК КПГ.

О развитии широкого по политическому и социальному составу фронта антифашистской борьбы свидетельствует также деятельность Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ), созданного по инициативе КПГ на территории СССР в июле 1943 г. В НКСГ вошли рабочие, крестьяне, офицеры, представители интеллигенции, среди них — коммунисты, социал-демократы, христиане. Президентом Национального комитета был избран пролетарский поэт Э. Вайнерт; в его составе были Председатель ЦК КПГ В. Пик, члены ЦК А. Аккерман, В. Ульбрихт, В. Флорин. Принятый учредительной конференцией «Манифест Национального комитета «Свободная Германия»

[1] «Faschismus Forschung. Positionen, Probleme, Polemik». Berlin, 1980, S. 344.

к вермахту и немецкому народу» в качестве основной политической задачи предусматривал установление в Германии антифашистско-демократического строя[1]. К программе НКСГ присоединился созданный в сентябре 1943 г. среди немецких военнопленных «Союз немецких офицеров», в котором к весне 1945 г. насчитывалось 4 тыс. офицеров и генералов.

«Образование НКСГ и развитие движения «Свободная Германия» в самой стране и за рубежом... открыли путь к созданию широкого союза немецких антифашистов и патриотов из всех слоев населения, руководящей силой которого была КПГ»[2]. Перед немецкими коммунистами стояла задача превратить движение «Свободная Германия» в широкий национальный фронт борьбы с гитлеризмом. Принятая весной 1944 г. политическая платформа «Мы, коммунисты, и Национальный комитет «Свободная Германия»»[3] в основном совпадала с требованиями и лозунгами НКСГ.

Несмотря на жестокий фашистский террор и шовинистическую истерию, антифашистское движение в Германии росло. К весне 1944 г. оперативное руководство КПГ имело прочные организации и активно действующие опорные пункты более чем в 30 городах и населенных пунктах Бранденбурга, в 18 городах Саксонии и Саксонии-Ангальт, в 37 городах Тюрингии. Под его непосредственным руководством работали 10 тыс. активных антифашистов[4].

Еще звучали последние выстрелы войны, а антифашисты уже приступили к демократическому восстановлению страны. На освобожденной территории возникали органы антифашистско-демократической власти. В Эйслебене антифашисты захватили власть еще до вступления в город западных союзников. В Рурской области антифашистские комитеты, профсоюзные группы и организации КПГ с первых дней освобождения взялись за восстановление нормальной жизни. Органы новой власти возникали в Средней Германии, Баварии, на Побережье. 30 апреля 1945 г. в Германию вернулись руководители КПГ и Национального комитета «Свободная Германия».

Гитлеровский режим рухнул под ударами Красной Армии. Победа, одержанная свободолюбивыми народами во второй мировой войне, стала важной предпосылкой искоренения фашизма, милитаризма и империализма на немецкой земле, условием того, что рабочий класс, возглавляемый его авангардом, мог начать революционное преобразование общества.

22 июня 1941 г. правящие круги *Финляндии* втянули страну в

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 575—578.
[2] «История Социалистической единой партии Германии. Очерк». М., 1980, стр. 71.
[3] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 594—598.
[4] «Deutsche Geschichte», Bd. 3. Berlin, 1968, S. 364.

войну против СССР на стороне гитлеровской Германии. В октябре 1941 г. в своем обращении к народу Коммунистическая партия Финляндии призвала бороться против реакционного правительства, срывать планы германской и финской военщины, помогать справедливой войне советского народа. Эти призывы способствовали оживлению антифашистской борьбы. Участились случаи дезертирства из армии, акты саботажа на предприятиях [1]. Хотя руководство СДПФ, возглавлявшееся В. Таннером, поддержало политику войны, в партии стали нарастать антивоенные настроения.

Первые поражения фашистских войск на советско-германском фронте усилили антифашистские настроения трудящихся. Руководство Центрального объединения профсоюзов Финляндии (ЦОПФ) под давлением рабочих обратилось в 1943 г. к правительству с предложением изучить возможности выхода Финляндии из войны.

Настроения в пользу прекращения войны проникли в ряды и некоторых буржуазных политических партий, Шведской народной партии, Аграрного союза, прогрессивной партии [2]. Эти взгляды разделял тогда, в частности, и видный деятель Аграрного союза У. Кекконен [3].

В сентябре 1944 г. Финляндия подписала с Советским Союзом соглашение о перемирии, в соответствии с которым, в частности, были освобождены из застенков и концентрационных лагерей патриоты-антифашисты, разрешена деятельность коммунистической партии и других прогрессивных организаций. На первом с 1917 г. массовом митинге КПФ в ноябре 1944 г. ее видный деятель Вилле Песси заявил: «Народ Финляндии находится в преддверии новой эпохи. От нас самих зависит, какие условия сложатся в стране» [4]. Выход Финляндии из войны и демократизация внутриполитической жизни создали благоприятные возможности для развертывания рабочего движения.

Свой вклад во всемирную борьбу против фашизма, за демократию и общественный прогресс вносил и рабочий класс нейтральных стран.

В декабре 1939 г. под руководством социал-демократа П. А. Ханссона в *Швеции* было сформировано правительство «национального единства», которое приняло ряд чрезвычайных законов, ограничивавших демократические свободы в стране. Коммунистическая и антифашистская пресса неоднократно конфисковывалась, руководители прогрессивных периодических изданий подвергались судебным пре-

[1] См. «История второй мировой войны. 1939—1945», т. 6. М., 1976, стр. 308.
[2] См. *Л. А. Ингульская*. В борьбе за демократизацию Финляндии (1944—1948). М., 1972.
[3] См. *У. К. Кекконен*. Финляндия: путь к миру и добрососедству. Статьи, речи, письма. 1943—1978 гг. М., 1979, стр. 16.
[4] *В. Песси*. Избранные статьи и речи. М., 1978, стр. 12.

следованиям. Коммунистам было запрещено занимать руководящие должности в профсоюзах и работать в государственных учреждениях.

В то же время правительство попустительствовало фашистским объединениям, шведские нацисты служили в полиции, нередко фашистские митинги и сборища брались под защиту блюстителей порядка. Под нажимом Германии правительство Швеции неоднократно отклонялось от позиций строгого нейтралитета. Через ее территорию осуществлялся транзит военнослужащих и военных материалов из Германии в Норвегию, были сняты ограничения на шведско-германскую торговлю, благодаря которой Германия удовлетворяла часть своих потребностей в военно-стратегических материалах.

Наиболее последовательную антифашистскую позицию занимала Коммунистическая партия Швеции, которая отстаивала демократические и экономические права рабочего класса, требовала соблюдения правительством строгого нейтралитета. В июле 1941 г. КПШ опубликовала в газете «Ню даг» воззвание к рабочим, в котором говорилось: «Требуйте от правительства, чтобы не делалось никаких новых уступок под немецким нажимом!

Требуйте, чтобы право распоряжаться шведской территорией и шведским транспортом принадлежало исключительно шведским властям в интересах шведского народа!

Требуйте, чтобы все ресурсы страны были использованы для защиты национальной независимости и свободы народа»[1].

Призывы коммунистов получали широкий отклик у рабочего класса, возглавившего массовые выступления. С осени 1942 г. в стране развернулось движение протеста против транзита немецких войск по железным дорогам Швеции. Перелом в ходе Великой Отечественной войны способствовал росту антифашистских настроений в Швеции. Усиливались требования строгого соблюдения Швецией нейтралитета и оказания поддержки странам, борющимся против фашистского порабощения. Уступая этому давлению, правительство согласилось с тем, что с 1943 г. в Швеции велась подготовка отрядов для сил Сопротивления в Норвегии и Дании, а в 1944 г. через ее территорию осуществлялся тайный ввоз оружия для сил Сопротивления в соседние Скандинавские страны. В годы войны в Швеции нашли убежище около 200 тыс. иностранцев, в том числе 43 тыс. норвежцев и 18 тыс. датчан, спасавшихся от зверств фашистской оккупации[2].

Несмотря на усилия руководства СДПШ и ЦОПШ, забастовочная борьба в Швеции в годы войны не прекращалась. В 1939—1944 гг.

[1] *S. Linderot.* Svensk arbetarrörelse i brytningstid. Tal och skrifter i urval. Stockholm, 1949, s. 293.

[2] См. *А. С. Кан.* Новейшая история Швеции. М., 1964, стр. 186—187, 193; *U. Torell.* Hjälp. till Danmark. Militära och politiska förbindelser. 1943—1945. Stockholm, 1973, s. 36.

в результате забастовок и локаутов ежегодно в среднем было потеряно около 94, 8 тыс. рабочих дней[1]. В феврале 1945 г. началась стачка металлистов, в которой участвовало около 130 тыс. рабочих. Ведущую роль в этом крупнейшем выступлении рабочего класса Швеции, продолжавшемся пять месяцев, играла коммунистическая партия.

Под влиянием побед Советского Союза, вследствие роста антифашистских настроений и укрепления авторитета компартии к концу войны наметилась тенденция к полевению масс. Выборы в 1944 г. продемонстрировали усиление влияния компартии в стране: за коммунистов отдали свои голоса 318,5 тыс., или 10,3%, избирателей — в 3 раза больше, чем в 1940 г. Это позволило КПШ увеличить число своих депутатов во второй палате риксдага с 3 до 15 человек. К концу войны возрос и численный состав компартии. С июня 1940 до мая 1944 г. ряды КПШ увеличились с 11 200 до 21 234 человек[2], т. е. почти в 2 раза.

Правящие круги *Швейцарии* под предлогом «не раздражать Гитлера» пошли на урезывание демократических завоеваний трудящихся и их социальных прав. Были приняты чрезвычайные законы, введена цензура, запрещены собрания и митинги, создана политическая полиция. 27 ноября 1940 г. была полностью запрещена деятельность Коммунистической партии Швейцарии, закрыты ее печатные органы, коммунисты были исключены из органов самоуправления. В 1941 г. была распущена Социалистическая федерация, образованная в 1939 г. из левых социалистов.

Однако коммунисты и левые социалисты не прекратили борьбу. Уйдя в подполье, они издавали газеты, распространяли листовки, организовывали митинги трудящихся, будили классовое сознание швейцарских рабочих, вовлекали их в борьбу против прогерманской ориентации правящих кругов. Велась борьба против поставок Германии вооружения, боеприпасов, станков и оборудования, против швейцарских нацистов, против выдачи германским властям беженцев-антифашистов из других стран и т. д.

Недовольство трудящихся, а также перелом в ходе второй мировой войны заставили швейцарскую буржуазию скорректировать политику: в октябре 1944 г. был снят запрет с деятельности коммунистической партии и Социалистической федерации, отменены дискриминационные и репрессивные меры в отношении антифашистского движения. 14—15 августа 1944 г. в Цюрихе состоялся учредительный съезд Швейцарской партии труда, ядро которой составили коммуни-

[1] *T. Karlbom.* Den svenska fackföreningsrörelsen. Stockholm, 1955, s. 372.

[2] *J. Hirdman.* Sveriges Kommunistiska Parti 1939—1945. Stockholm, 1974, s. 8, 276; *H. Kjellvard.* Arbetarörelsen i Sverige. Kortfattad historisk och statistisk översikt. Stockholm, 1962, s. 134.

сты и левые социалисты. Эти изменения во внутриполитической жизни страны создали условия для послевоенного подъема рабочего движения.

В годы войны правительство *Ирландии* проводило политику нейтралитета. По словам лидера партии Фианна Файл, основанием нейтралитета было нежелание ирландского народа воевать на стороне Великобритании — виновницы раскола Ирландии. Эта позиция была связана с национальными традициями и учитывала антианглийские настроения, но она игнорировала антифашистский характер второй мировой войны, оставляла Ирландию в стороне от борьбы против фашизма.

Вместе с тем годы войны были отмечены рядом выступлений рабочего класса Ирландии, что было вызвано ухудшением его экономического положения, мероприятиями правительства по регулированию заработной платы, вмешательством государства в деятельность профсоюзов.

Широкое недовольство рабочих масс вызвали принятые в 1941 г. постановление о «замораживании» заработной платы и закон о тред-юнионах, предписывавший принудительное укрупнение и обязательную регистрацию союзов. На улицах Дублина и других городов прошли демонстрации и митинги. Протест против правительственных действий был поддержан интернационалистским крылом Ирландского конгресса тред-юнионов (ИКТ). Специальная конференция 1941 г. и ежегодный конгресс 1942 г. ИКТ высказались против правительственных мер.

Что касается политики руководства лейбористской партии Ирландии, то в ней заметно усилились оппортунистические тенденции. В 1940 г. руководство изъяло из партийной программы слова «Рабочая республика» — лозунг ирландского рабочего движения со времен Конноли[1]. В 1939 г. представители лейбористской партии приняли участие в реакционной затее ирландских клерикалов — разработке планов создания корпоративного государства по португальскому образцу[2]. Под предлогом заботы о соблюдении нейтралитета в годы войны лейбористская и тред-юнионистская верхушка отказалась принять резолюцию, осуждающую германский фашизм.

В 1944 г. на конгрессе ИКТ в Дрогеде было принято решение об участии Ирландии в назначенной на начало 1945 г. конференции Всемирной федерации профсоюзов. Однако правые профсоюзные лидеры, выступившие против этого решения, пошли на раскол. В 1945 г. десять тред-юнионов «чисто ирландского происхождения» приняли решение образовать свой Конгресс тред-юнионов. Раскол 1945 г. нанес тяжелый удар по единству рабочего движения. Вновь образо-

[1] *J. Hawkins.* The Irish Question Today. London, 1941, p. 13—14.
[2] *H. Shearman.* Anglo-Irish Relations. London, 1948, p. 263.

ванный Конгресс ирландских союзов сразу же получил правительственную поддержку[1].

В *Испании* в труднейших условиях режима террористической диктатуры продолжалось сопротивление франкизму. В Андалузии и Валенсии, Арагоне и Галисии, Астурии и центре страны действовали партизанские отряды, созданные еще во времена гражданской войны. Из всех оппозиционных франкизму сил только Коммунистическая партия Испании поддерживала всеми доступными ей способами эти отряды. Их существование, временами трагическое, было одним из компонентов, на основе которых складывалась политическая неустойчивость режима, помешавшая Франко принять участие в войне на стороне Гитлера[2].

Почти во всех крупных городах Испании существовали ячейки бывших политических партий. Подпольные организации различной политической ориентации не были связаны между собой: старые распри времен гражданской войны не были забыты, что снижало эффективность их борьбы. Наибольших успехов в создании нелегальных организаций удалось добиться коммунистической партии. С началом второй мировой войны компартия попыталась объединить не только противников диктатуры, но и всех, кто выступал против планов вовлечения Испании в войну, выдвинув лозунг последовательного нейтралитета.

В августе 1941 г. ЦК КПИ принял манифест, в котором призвал бороться за то, чтобы Испания не сыграла роль пособника германского империализма в войне против СССР. В сентябре 1942 г. компартия вновь обратилась с призывом бороться против всех форм сотрудничества с Германией: «Значение переживаемого нами периода обязывает отмести разделявшие нас до нынешнего дня разногласия, ненависть и страсти... и спасти наш народ от войны и гибели, в которую хотят ввергнуть его Франко и фаланга»[3].

Начиная с 1943 г. антифранкистская оппозиция становится массовой. Компартии временами удавалось наладить подпольное издание «Мундо обреро», а также «Вердад» в Валенсии, «Унидад» в Малаге. Постепенно активизировались и другие силы антифранкистской оппозиции.

Для десятков тысяч испанских республиканцев, перешедших франко-испанскую границу трагической весной 1939 г., борьба с фашизмом не закончилась, и многие из них приняли в ней самое активное участие всюду, куда их забросила судьба эмигранта.

Испанские республиканцы участвовали во многих сражениях второй мировой войны. Когда Германия напала на Советский Союз,

[1] «Irish Times», 6.VII. 1945.

[2] Подробнее см.: «Libro Blanco. Resistencia española al fascismo». Ediciones «Especial Emigracion», s. l. s. d., p. 36.

[3] «История Коммунистической партии Испании». М., 1961, стр. 219.

сотни испанских республиканцев, нашедших здесь приют, добровольно вступили в Красную Армию. Оборона Москвы и Ленинграда, Сталинградская битва и бои за Крым, прославленные партизанские отряды Медведева — всюду принимали участие испанские республиканцы; 723 из них были награждены орденами и медалями Советского Союза [1].

Свыше тысячи испанских добровольцев участвовали в боях за Нарвик; бывшие бойцы республиканской армии сражались у Дюнкерка, в рядах дивизии генерала Леклерка в Африке, на Крите. Испанцы участвовали в бельгийском и итальянском движении Сопротивления. Особенно массовым и активным было их участие во французском Сопротивлении — в нем сражалось около 4 тыс. испанцев [2]. Из 300—500 тыс. испанских республиканцев, оказавшихся за пределами Испании, каждый двенадцатый пал в борьбе с германским фашизмом в годы второй мировой войны [3].

В объявившей себя нейтральной фашистской *Португалии* положение трудящихся в годы второй мировой войны было крайне тяжелым. Дороговизна, бесправие вызвали сильнейшие антиправительственные настроения в массах. Летом 1942 г. в Лиссабоне прошли массовые забастовки. Тысячи рабочих вышли на улицу. Вторая волна забастовок прокатилась по стране летом 1943 г., когда функции забастовочного комитета осуществлял секретариат Португальской коммунистической партии.

В ноябре 1943 г. III (подпольный) съезд ПКП взял курс на создание единого антифашистского фронта. За съездом последовало создание подпольного движения национального антифашистского единства (РНАЕГ), в которое вошли коммунисты, социалисты, буржуазные республиканцы и ряд других оппозиционных группировок. Особенно активизировались антифашистские силы накануне и после поражения нацистской Германии в войне. В мае 1945 г. по стране прокатилась волна многотысячных демонстраций протеста против диктаторского режима.

РАБОЧИЙ КЛАСС США, АНГЛИИ, КАНАДЫ И АВСТРАЛИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО БЛОКА

США и Англия были вынуждены вступить в коалицию с Советским Союзом, поскольку у них и у СССР оказался общий опасный враг, взять верх над которым было невозможно без решающего участия Советских Вооруженных Сил. Наряду с этим на политику правительств названных держав оказывал воздействие чрезвычайно важный

[1] Подробнее см.: «Libro Blanco. Resistencia española al fascismo», p. 32—35.
[2] *A. Fernandez.* La España de maquis. Milano, 1967, p. 9—17.
[3] Ibid., p. 104—105.

(особенно в условиях войны) фактор — давление английского и американского народов, рабочего класса обеих стран в пользу союза с СССР. Образование антигитлеровской коалиции нанесло сильнейший удар по планам фашистских агрессоров расколоть фронт миролюбивых народов. Однако правящие круги западных держав, руководствуясь своекорыстными интересами и антикоммунистическими предрассудками, проявляли медлительность в переходе к активным действиям против стран фашистского блока, приберегая силы на конец войны, когда, по их расчетам, взаимное истощение Советского Союза и Германии позволит им продиктовать свои условия послевоенного устройства мира. Напротив, пролетариат стран антигитлеровской коалиции был наиболее последовательным сторонником самых энергичных действий против фашистских держав.

Выступив как твердый защитник свободы и национальной независимости своих стран, рабочий класс Англии и США завоевал высокий авторитет во всех слоях общества. С другой стороны, героическое сопротивление советского народа фашистским полчищам способствовало развенчанию многих антисоветских мифов, утверждению в сознании масс правдивых представлений о природе социалистического строя, источниках его силы.

В условиях войны в Англии и США были приняты меры по жесткому государственному регулированию отношений между трудом и капиталом. В июне 1940 г. в Англии Объединенный консультативный комитет с участием представителей предпринимательской федерации и тред-юнионов выработал соглашение о регулировании конфликтов путем переговоров, а в случае неудачи решение вопроса передавалось во вновь созданный Национальный арбитражный трибунал. За этим последовал Приказ № 1305, которым стачки и локауты объявлялись незаконными[1]. В США национальная конференция представителей профсоюзов и предпринимателей 17—23 декабря 1941 г. в Вашингтоне приняла взаимное обязательство: рабочих — избегать стачек, а предпринимателей — не прибегать к локаутам, улаживать путем переговоров возникающие конфликты. 12 января 1942 г. было создано Национальное военное управление труда, на которое возлагались функции принудительного арбитража[2].

Указанные меры способствовали наращиванию военного потенциала стран антигитлеровской коалиции. Трудящиеся пошли на серьезные самоограничения, согласившись на удлинение рабочего дня, интенсификацию труда, запрет забастовок и т. д. Усилия, предпринимавшиеся компартиями и рядом профсоюзных объединений по

[1] *A. Calder*. The People's War. Britain 1939—1945. London, 1969, p. 115—116.

[2] Подробно об этом см.: *Н. В. Сивачев*. Рабочая политика правительства США в годы второй мировой войны. М., 1974, стр. 84—105.

развертыванию военного производства, служили целям увеличения вклада в борьбу с общим врагом и помощи советскому народу, принявшему на себя основной удар фашистских агрессоров. На предприятиях, выполнявших военные заказы для Советского Союза, рабочие трудились с особой самоотверженностью, а профсоюзы разрабатывали специальные программы обеспечения эффективности производства. В Англии, например, в сентябре 1941 г. прошла неделя производства танков для СССР, причем рабочие добровольно пошли на удлинение рабочего дня.

В то же время предприниматели, пользуясь военной конъюнктурой, гарантированными государственными заказами, непомерно интенсифицировали труд, получали огромные прибыли. Так, в США годовые прибыли за период 1940—1945 гг. в среднем (за вычетом налогов) составили около 8,7 млрд. долл. (в 1936—1939 гг. они составляли 3,3 млрд. долл.)[1].

В *Англии* рабочий класс выступал за укрепление сотрудничества с Советским Союзом, за более активное участие английских вооруженных сил в общей борьбе против фашистских агрессоров.

В заявлении Компартии Великобритании, обнародованном 23 июня 1941 г., содержался призыв к заключению договора с СССР, к единству действий рабочего класса и всех патриотических сил [2]. Делегации ряда рабочих организаций посетили советское посольство в Лондоне, чтобы выразить свою солидарность и стремление к единству с советским народом. Под этими же лозунгами состоялись массовые митинги в Лондоне, Манчестере, Бристоле. В августе 1941 г. английские шахтеры выступили с инициативой, которая впоследствии приняла характер широкой общественной кампании во многих странах антифашистской коалиции: речь шла о даре Британской федерации углекопов на сумму в 70 тыс. ф. ст., предназначенном для советских рабочих[3]. Были установлены прямые контакты между советскими и английскими профсоюзами и создан Англо-советский профсоюзный комитет.

Наиболее действенной формой помощи Советскому Союзу было бы своевременное и полновесное участие США и Англии в военных действиях на западе Европы. Этого, как известно, не произошло ни в 1942, ни в 1943 г. вопреки твердо зафиксированной договоренности. При этом на общественное мнение западных стран оказывали немалое давление влиятельные противники открытия второго фронта из среды

[1] См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. 2. 1939—1965. М., 1971, стр. 107.
[2] «Daily Worker», 23.VI. 1941.
[3] См. «Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945)», стр. 327.

как буржуазных политиков и идеологов, так и правых реформистских лидеров [1].

Тем более велика была заслуга рабочего и демократического движения, развернувшего активную борьбу за немедленное открытие второго фронта. В Лондоне и других городах проходили многотысячные митинги в поддержку требования открыть второй фронт. В адрес советских общественных организаций, воинов Красной Армии поступали письма от английских трудящихся с выражением готовности принять непосредственное участие в совместной борьбе. Развернулась традиционная для Англии петиционная кампания, во время которой делегации, представлявшие 350 избирательных округов, посетили парламент и правительство, вручив резолюции, содержавшие призывы к скорейшему открытию второго фронта. Профсюзные активисты, шоп-стюарды, низовые организации тред-юнионов повсеместно поддерживали этот призыв.

Активная борьба рабочих и демократических масс за открытие второго фронта и усиление поддержки Советскому Союзу оказывала значительное давление на правящие круги, противодействовала маневрам реакционных сил, стремившихся ослабить военные усилия стран антифашистской коалиции.

Вместе с тем победы Красной Армии, пробуждая в широких массах интерес и симпатии к Советскому Союзу, содействовали росту авторитета рабочего движения, коммунистической партии, всех прогрессивных сил Англии. Растущее влияние коммунистической партии вынудило английское правительство снять в августе 1942 г. запрет на выпуск центрального печатного органа КПВ газеты «Дейли уоркер», тираж которой вскоре достиг 100 тыс. экземпляров. В 1943 г. Генеральный совет БКТ отменил запрет избирать коммунистов на руководящие посты в профсоюзах, и в 1944 г. коммунист А. Папуорс был избран в его состав.

Состоявшийся в октябре 1944 г. VII съезд КПВ выдвинул широкую программу демократических преобразований и призвал к созданию единого рабочего фронта. Хотя призыв коммунистов был отклонен руководством лейбористской партии, он получил широкий сочувственный отклик в рабочих и демократических массах. Лейбористские лидеры вынуждены были считаться с ростом левых настроений в рабочем движении. В принятой в апреле 1945 г. программе лейбористской партии признавалась необходимость сохранения сотрудничества с Советским Союзом и осуществления ряда демократических реформ, в частности национализации некоторых отраслей промышленности.

В *США* организация массовых выступлений за активное участие страны в войне против гитлеровской Германии осложнялась тем,

[1] *W. P.* and *Z. K. Coates*. A History of Anglo-Soviet Relations, vol. II. London, 1958, p. 27.

что большинство рабочего класса находилось под влиянием правых профсоюзных лидеров, изоляционистских настроений. Начало Великой Отечественной войны советского народа дало сильный импульс росту антифашистского движения в США. 23 июня 1941 г. была опубликована Декларация КП США с призывом к полной поддержке СССР и сотрудничеству с ним. На состоявшемся 28 июня внеочередном пленуме ее Национального комитета было принято воззвание к народу, гласившее: «Долг рабочего класса — вести борьбу за установление сотрудничества между Америкой, Советским Союзом и Англией для разгрома гитлеризма, сделать это сотрудничество официальной и активной политикой правительства»[1].

В конце июня 1941 г. руководство Конгресса производственных профсоюзов приняло решение в пользу оказания всемерной поддержки Советскому Союзу. Выражения солидарности с советским народом и его борьбой звучали на массовых митингах в Нью-Йорке, Чикаго, Филадельфии и других городах. «Требования оказания Советскому Союзу американской помощи во всех возможных формах... приобрели общенародный характер»[2],— констатировал заместитель государственного секретаря США С. Уэллес. Изоляционистским настроениям был нанесен серьезный удар. В октябре 1941 г., по данным опроса общественного мнения, свыше $^2/_3$ опрошенных считали разгром фашистских держав более важным, чем неучастие США в войне.

В конце 1941 и в 1942 г. движение в пользу скорейшего открытия второго фронта приобрело значительный размах. Требования начать активные боевые действия на Западе были приняты профсоюзными советами многих городов и штатов, рядом крупных отраслевых профсоюзов. Объединенный профсоюз рабочих автомобильной промышленности, насчитывавший более полумиллиона членов, призвал правительства США и Англии к немедленному открытию второго фронта. С аналогичным призывом обратились к президенту США многие видные деятели Конгресса производственных профсоюзов. В массовых выступлениях нередко участвовали солдаты и моряки, заявлявшие о своем желании отправиться в Европу. Трудящиеся США выступали за оказание материальной помощи Советскому Союзу.

После победы Красной Армии под Сталинградом в ряде городов США прошли недели Сталинграда, а в ноябре—декабре 1942 г. в масштабах всей страны — Месяц благодарности России.

Вместе с тем уже в годы войны реакционные круги США принимали меры, чтобы нейтрализовать растущее влияние Советского Союза, предупредить полевение масс.

Буржуазные политики и правые профсоюзные лидеры развернули пропагандистскую кампанию с целью доказать, будто в США нет причин для классовой борьбы, а следовательно, существования партии

[1] «Коммунистический Интернационал», 1941, № 6-7, стр. 120.
[2] *S. Welles.* The Time for Decision. New York, 1945, p. 171—172.

рабочего класса. Это идейно-политическое давление оказало определенное воздействие, усилив в Коммунистической партии США ликвидаторское течение, возглавляемое Э. Браудером, который выступал за практически безоговорочное «национальное единство» рабочего класса и буржуазии. В мае 1944 г. Э. Браудеру и его единомышленникам удалось провести решение о роспуске коммунистической партии. Восстановление партии потребовало немалых усилий и было достигнуто в июле 1945 г. при содействии братских партий[1].

Во вторую мировую войну *Канада* вступила на стороне Англии и ее союзников. Помимо непосредственного участия в военных действиях (противовоздушная оборона Англии, экспедиционные корпуса в Италии и Франции) вклад Канады в войну определялся ее поставками вооружения, транспортных средств, стратегического сырья, боеприпасов странам антигитлеровской коалиции, и прежде всего Англии и США. Закон о мерах военного времени наделил правительство широкими полномочиями и правом издания распоряжений без одобрения парламента.

Профсоюзное движение одобрило вступление Канады в войну, что соответствовало уже упрочившимся в стране антифашистским настроениям. По мере того как вторая мировая война приобретала все более ярко выраженный антифашистский, освободительный характер, создавались возможности для широкого единства всех национальных патриотических сил, для мобилизации всех ресурсов страны во имя победы. Профсоюзы заявили о добровольном отказе от забастовок, о том, что рабочие готовы нести определенные жертвы во имя победы над фашизмом, но не ради обогащения военных спекулянтов и предпринимателей, как это было в годы первой мировой войны. По мнению профсоюзов, правительство должно было принять во внимание традиционные требования рабочих о признании права на организацию, на заключение коллективного договора, на стачку и запретить предпринимателям вмешиваться в дела профсоюзов, создавать компанейские союзы. Рабочее движение продолжало требовать введения социального страхования. Однако правящие круги Канады и предприниматели, взывая к патриотическим чувствам рабочих, не проявляли желания считаться с указанными требованиями.

Сложные проблемы для рабочего движения создала правительственная политика жесткого контроля над заработной платой. Замораживание весьма заниженных тарифных ставок, которые существовали в канун войны, не могло удовлетворить рабочее движение. Стабилизация заработной платы подрывалась и инфляцией, ибо контроль над ценами не осуществлялся столь жестко, как над заработной платой. Все это побуждало профсоюзы прибегать к забастовкам.

[1] «Daily Worker», 24.V. 1945; «История рабочего движения в США в новейшее время», т. 2, стр. 152—160; *Т. Т. Тимофеев.* Пролетариат против монополий. М., 1967, стр. 174—200.

За период 1940—1944 гг. в Канаде произошло свыше 1300 забастовок[1]. Но, прибегая к этому крайнему средству, рабочие стремились свести к минимуму перерывы в работе: в 1942—1943 гг., в период наивысшей забастовочной активности, примерно 80% стачек длилось менее пяти дней[2]. Профсоюзы постоянно подчеркивали, что они всецело поддерживают военные усилия страны, но вынуждены прибегать к стачкам в ответ на наступление монополий. Достаточно отметить, что каждая четвертая стачка в 1942 г. проводилась в ответ на отказ предпринимателей признать профсоюз.

Укрепление профсоюзного движения, выразившееся в росте его рядов к 1945 г. до 724 тыс. членов, и наступательный характер борьбы рабочих заставили правящие круги страны принять в феврале 1944 г. закон о трудовых отношениях военного времени, в котором фиксировалось право на организацию профсоюза и признавался институт коллективных договоров.

В годы войны возросло классовое и политическое сознание канадских рабочих. В профсоюзном движении наметился существенный сдвиг в сторону отказа от традиционной «аполитичности». В условиях Канады политизация рабочего движения привела к росту влияния социал-демократической ФКС. В 1942 г. Канадский конгресс труда заявил на своем съезде о поддержке ФКС, в том числе и материальной. ФКС прочно заняла третье место в партийно-политической системе страны и одержала важную победу на провинциальных выборах в Саскачеване в 1944 г., сформировав первое социал-демократическое правительство в Северной Америке. На всеобщих выборах 1945 г. ФКС упрочила свое место и в федеральном парламенте, получив 15% голосов.

В годы войны Коммунистическая партия Канады поддерживала военные усилия страны и осуществляла свою деятельность под лозунгом: «Мобилизуем Канаду на всеобщую войну!»[3] Хотя компартия действовала в 1940—1943 гг. в условиях запрета, коммунисты выступали как важная политическая сила в стране. В августе 1943 г. партия была воссоздана и развернула легальную деятельность, приняв новое название «Рабоче-прогрессивная партия». Она упрочила свои позиции в профсоюзном движении, возглавив ряд крупных производственных профсоюзов. О росте влияния компартии свидетельствовал ее успех на федеральных выборах 1945 г.: коммунисты получили 110 тыс. голосов и впервые завоевали представительство в парламенте.

3 сентября 1939 г. вслед за Англией войну Германии объявила *Австралия*. На средиземноморский театр военных действий был направлен австралийский экспедиционный корпус. Однако правительст-

[1] «Strikes and Lockouts in Canada», 1970, p. XIII.
[2] См. «Канада. 1918—1945. Исторический очерк» М., 1976, стр. 420.
[3] См. *Тим Бак*. Избранные произведения. М., 1972, стр. 283—350.

во либералов во главе с Р. Мензисом участвовало в войне весьма пассивно. В этих условиях Коммунистическая партия Австралии потребовала отставки правительства Р. Мензиса и создания народного правительства, которое могло бы эффективно вести борьбу против агрессоров. Лейбористские массы, прежде всего левая оппозиция в профсоюзах, поддерживали лозунги компартии.

15 июня 1940 г. правительство Р. Мензиса запретило коммунистическую партию. Репрессиям подверглись и профсоюзы, общества «Друзья Советского Союза» и «Движение против войны и фашизма». ЦК КПА обратился к рабочим с призывом протестовать против антидемократического курса властей. В стране прошли выступления в поддержку компартии. Сиднейский совет профсоюзов, несмотря на саботаж реформистских лидеров, провел однодневную всеобщую забастовку.

В трудных условиях подполья коммунисты продолжали борьбу в профсоюзах, в Комитете защиты юридических прав, созданном в связи с запретом КПА, издавали многочисленные нелегальные брошюры, листовки. После нападения Германии на Советский Союз компартия выступила за развитие тесных отношений с СССР и развернула кампанию за открытие второго фронта в Европе.

7 октября 1941 г. к власти пришло лейбористское правительство Кэртена, которое в декабре 1942 г. отменило запрет КПА. О росте влияния коммунистов говорит тот факт, что тираж их газеты «Трибюн» удвоился, а теоретического органа «Коммюнист ревью» — утроился. Увеличилась и численность КПА. К концу 1943 г. она насчитывала 20 тыс. членов[1]. КПА стала значительной политической силой. Усиливались и левые течения в профсоюзном движении.

В стране развернулась кампания поддержки Советского Союза. Митинги и собрания трудящихся принимали резолюции об укреплении отношений с СССР и усилении материальной помощи советскому народу, о скорейшем открытии второго фронта в Европе.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В АЗИИ И АФРИКЕ

Страны Азии и Северной Африки также стали жертвами агрессии. В Азии в роли главной ударной силы фашистского блока выступала Япония. Японские войска оккупировали Северо-Восточный Китай, Филиппины, Индонезию, Малайю, Бирму, Индокитай, постоянно угрожали расширением агрессии на другие страны континента. В Африке фашистская Италия захватила Эфиопию, ее войска совместно с германскими высадились в Северной Африке. В африканских и ближневосточных колониях Франции при содействии правительства Виши насаждались профашистские порядки.

[1] См. *Э. Росс.* Великий Октябрь и рабочее движение Австралии. М., 1967, стр. 118, 120.

Народам Азии и Африки оказалось значительно сложнее, чем народам Европы, определить подлинный характер мирового конфликта. Спекулируя на ненависти угнетенных народов к колониальному господству, фашистская пропаганда, обращенная к населению Азии и Африки, утверждала, что победа Германии приведет к освобождению колониальных стран, тогда как японская пропаганда велась под лозунгами: «Азия для азиатов!», «Вон белых варваров из Азии!»

Ряд лидеров национально-освободительного движения надеялись, что война побудит метрополии пойти на реальные уступки колониям и зависимым странам или хотя бы дать заверения на будущее об удовлетворении национальных чаяний их народов. Но эти надежды оказались тщетными. Политика сохранения господства стран-метрополий объективно содействовала росту прояпонских и прогерманских иллюзий, затрудняла формирование в колониях национального фронта на антифашистской основе, который подготовил бы народы к отпору агрессорам. На начальном этапе мировой войны даже многие руководители национально-освободительного движения проявили серьезные колебания относительно участия в антифашистской борьбе.

Лишь по мере развертывания фашистской агрессии, установления в покоренных странах «нового порядка», сопровождавшегося ограблением оккупированных государств, массовыми репрессиями и пр., у народов колониальных и зависимых стран, руководителей национально-освободительного движения стало расти осознание угрозы, которую нес человечеству фашизм. В этой связи особенно большое значение имела деятельность Коммунистического Интернационала по разъяснению подлинной сущности фашизма. Разоблачая антиколониалистскую демагогию фашистских держав, Коммунистический Интернационал подчеркивал, что сами страны агрессивного блока стремятся к захвату колоний, проводят политику порабощения и угнетения народов. Поведение итальянских захватчиков в Эфиопии, японской военщины в оккупированных провинциях Китая не оставляло сомнения в том, что́ несло с собой господство фашизма и милитаризма народам Азии и Африки.

Инициаторами развертывания антифашистской борьбы стали коммунисты и руководимые ими организации.

Бирманская партия «Добама асиайоун», в которой коммунисты составляли большинство, в заявлении своего Рабочего комитета, сделанном после начала войны, подчеркнула: «Мы осуждаем фашизм не только тогда, когда это нам удобно, а всегда, поскольку он находится в противоречии... с принципами и идеалами, за которые мы стоим» [1].

[1] См. *В. Ф. Васильев.* Очерки истории Бирмы. 1885—1947. М., 1962, стр. 219.

Коммунистическая партия Филиппин разоблачала паназиатскую пропаганду Японии и происки германской и испанской агентуры на Филиппинах, требовала от правительства США прекратить снабжение японских милитаристов стратегическими материалами.

В Индонезии антифашистскую позицию заняла влиятельная партия Гериндо, в которую входили и коммунисты. «Великие события, потрясшие мир,— заявила Гериндо в связи с началом войны,— обусловлены столкновением не между народами и не между Азией и Западом, а между демократией и фашизмом»[1].

Коммунистическая партия Индокитая заклеймила капитуляцию вишистских колониальных властей перед Японией и призвала народ бороться против вишистов и японских агрессоров[2].

В тех колониальных и зависимых странах, народы которых не испытывали ужасов оккупации, атмосфера общего политического подъема в годы войны вызывала медленно, но неуклонно перемены в настроениях общественности. И в этих странах люди все яснее стали осознавать неотделимость своей судьбы от судеб народов всего мира, от судеб тех, кто на полях сражений или в опасной подпольной борьбе идет на жертвы и лишения, чтобы уничтожить фашизм и милитаризм.

После победы Красной Армии под Сталинградом, а потом и на Курской дуге в ряды движения Сопротивления в Азии и Африке стали вливаться новые силы. Азиатские и африканские народы убедились, что поражение агрессоров не за горами. В статье, посвященной 1 Мая 1943 г., журнал «Коммунистический Интернационал» указывал: «Ныне у трудящихся и у народов всех стран имеется только один общий враг — фашизм. Ныне на решение поставлен лишь один вопрос: уничтожение гитлеризма». Журнал подчеркивал при этом: «Действенное антифашистское единство нации не может быть достигнуто стихийно. В борьбе за его создание решающее значение имеют организующая, целеустремленная деятельность, дерзание, самопожертвование передовых антифашистов»[3].

Движение Сопротивления приобретало характер общенационального освободительного движения. Его целью было не только изгнание оккупантов, но и утверждение права на суверенитет. Хотя внутренние классовые противоречия давали о себе знать, они все же отступали в этот период на второй план. Основой политического курса коммунистических партий оккупированных стран было создание и укрепление единого фронта всех национальных, патриотических, антиимпериалистических сил.

В *Китае* антияпонское движение развертывалось под лозунгом

[1] *Л. М. Демин.* Японская оккупация Индонезии. М., 1963, стр. 59.
[2] См. «Коммунистический Интернационал», 1940, № 10—11, стр. 64.
[3] «Коммунистический Интернационал», 1943, № 4, стр. 5, 10.

сплочения всех сил народа для отпора агрессору. На призывы и обращения китайского правительства о помощи стране, подвергшейся агрессии, западные державы предпочитали просто не отвечать, а США в первые годы японского вторжения в Китай продолжали расширять свою торговлю с Японией машинами и стратегическими материалами.

Только трудящиеся СССР откликнулись на призыв из Китая о помощи. В счет советских кредитов, предоставленных Китаю в самый критический период войны, он получил вооружение, боеприпасы, медикаменты, нефтепродукты. Вступая в 1937 г. в переговоры с Советским Союзом, Гоминьдан вынужден был прекратить карательные операции против китайской Красной Армии и все свои усилия направить против внешнего врага.

Советская помощь Китаю, обусловленная, в частности, обязательством со стороны Гоминьдана прекратить гражданскую войну, оказала непосредственное влияние на политическую обстановку в стране. Гоминьдановское правительство пошло на официальное заключение соглашения о едином антияпонском фронте с КПК[1]. Регулярные соединения КПК были официально включены в состав вооруженных сил Китайской республики. Компартия учредила в соответствии с соглашением о едином фронте свое представительство в военной столице Китая г. Чунцине; коммунисты включились в работу политотдела национальной (гоминьдановской) армии, получили возможность в относительно широких пределах вести работу на гоминьдановской территории через свой печатный орган—газету «Цзефан жибао» и другие издания.

Поскольку вооруженные силы КПК выполняли относительно самостоятельные боевые задачи и находились под командованием командиров-коммунистов и под общим руководством партии, КПК активно использовала это положение для переформирования своих частей, их дальнейшего пополнения и укрепления. В ходе войны в различных частях Китая образовались освобожденные районы, руководимые КПК, в которых была создана своя, независимая от Гоминьдана администрация. В апреле 1945 г. в стране было 19 освобожденных районов с населением свыше 95 млн. человек[2].

К моменту окончания войны, в августе 1945 г., в КПК насчитывалось 1,2 млн. членов, т. е. в 6 раз больше, чем в начале войны. Вооруженные силы компартии достигли почти 1 млн. бойцов (на апрель 1945 г.); их резерв — отряды народного ополчения уже в 1944 г. насчитывали в своих рядах 2,2 млн. бойцов[3].

Сопротивление китайского народа японским агрессорам оказывало большое воздействие на ход национально-освободительной борьбы в Центральной и Юго-Восточной Азии, способствовало активиза-

[1] «Очерки истории Китая в новейшее время». М., 1959, стр. 305.
[2] Там же, стр. 353.
[3] Там же, стр. 352.

ции рабочего и коммунистического движения в странах, подвергшихся японскому вторжению.

Однако в политике КПК в период войны выявились и негативные тенденции: мощная волна национализма, вызванного японским вторжением, захлестнула и компартию. Она широко проникла в ее руководящие звенья. Этому способствовало и то, что Мао Цзэдун постоянно использовал националистические мотивы во внутрипартийной борьбе.

В начале антияпонской войны значительная часть рабочих была эвакуирована в глубинные районы, где китайский рабочий класс самоотверженно трудился на нужды обороны. Но определившееся в 1940 г. расстройство экономики, массовая спекуляция и мародерство чиновников правительственного аппарата привели к вспышкам резкого недовольства в рабочей среде. Применяя чрезвычайные законы военного времени, Гоминьдан сумел предотвратить открытые выступления рабочих. Руководство же КПК не использовало обстановку для укрепления и расширения связей с рабочими гоминьдановских районов. Руководство КПК проявляло пассивность и в отношении той части рабочего класса, которая осталась на оккупированной японцами территории, хотя и поддерживало экономические и политические связи с буржуазными элементами этих районов.

Фактический отказ от работы среди городского пролетариата нашел теоретическое обоснование в доктрине окружения «реакционного» буржуазного города «революционной» деревней. Широкое распространение получила идея о том, что китайский крестьянин-бедняк революционнее пролетариата любой капиталистической страны. В области идейно-политической и организационной деятельности Мао Цзэдун и его сторонники развернули в КПК в начале 40-х гг. кампанию за «исправление стиля работы» (чжэнфэн). На деле же целью этой политической кампании, которая велась террористическими методами, было установление единоличной диктатуры Мао Цзэдуна. В ходе нескольких волн этой кампании были ошельмованы и даже истреблены многие китайские коммунисты-интернационалисты, проводилась дискредитация опыта международного коммунистического движения, насаждались отчуждение и недоверие к СССР и ВКП(б).

Фактором, определившим исход освободительной борьбы китайского народа против японских милитаристов, было вступление Советского Союза в войну против Японии. Хотя гоминьдановские армии фактически не принимали участия в боевых действиях, а 4-я и 8-я армии, находившиеся под командованием коммунистов, не были достаточно оснащены для ведения крупных военных операций, расчеты японцев на организацию длительного сопротивления были сломлены стремительным наступлением Советских Вооруженных Сил, разгромивших Квантунскую армию. 2 сентября 1945 г. Япония вынуждена была подписать акт о капитуляции.

Освободительная борьба китайского народа, сплотившегося в Единый национальный антияпонский фронт, разгром японского милитаризма, решающая военная и политическая поддержка со стороны Советского Союза создали внутренние и международные условия для победы китайской революции в 1949 г.

Во *Вьетнаме* условия, сложившиеся в связи со вступлением Франции в войну и введением ею репрессивного законодательства, потребовали от Компартии Индокитая изменения форм и методов борьбы. Пленум ЦК КПИК, состоявшийся в ноябре 1939 г., принял решение о создании Антиимпериалистического союза рабочих Вьетнама как коллективного члена Единого национального антиимпериалистического фронта. Формы организации и деятельности Союза были приспособлены к изменившейся обстановке. На предприятиях и плантациях создавались подпольные рабочие группы; в каждую из них входило три-четыре рабочих, руководимых коммунистом или профсоюзным активистом.

Летом 1940 г. Япония приступила к «мирной» оккупации Вьетнама, не устраняя при этом колониальной французской администрации, подчинявшейся правительству Виши. Двойной гнет — французских колонизаторов и японских оккупантов — привел к быстрому нарастанию подъема национально-освободительной борьбы. Его наиболее ярким проявлением были восстания, охватившие Северный и Южный Вьетнам.

После подавления восстаний французской армией, VIII пленум ЦК КПИК (май 1941 г.) принял решение о создании всенародного патриотического объединения — Лиги борьбы за независимость (фронта Вьет-Минь). В числе основателей Вьет-Миня было 14 организаций, в том числе и Союз рабочих за спасение Вьетнама. Эта форма объединения была реализована в Северном и Центральном Вьетнаме. На Юге же страны, где приходилось действовать в обстановке особо жестокого колониального террора возрождались красные рабочие профсоюзы, а легальную и полулегальную деятельность вели «союзы дружбы», «общества взаимопомощи», мобилизуя народные массы.

К середине 40-х гг. во Вьетнаме стала складываться революционная ситуация. Обострились противоречия между колониальной администрацией и японскими оккупантами, назревал экономический кризис, усиливались эксплуатация и обнищание народных масс. Вьет-Минь упрочил свое положение в ряде сельских местностей страны, особенно среди рабочих каучуковых плантаций, создал организованное движение в городах, сформировал вооруженные силы, хотя и немногочисленные, но состоявшие из наиболее активных борцов за освобождение.

Огромное значение в вызревании революционной ситуации имели победы Советского Союза на фронтах второй мировой войны. Так, сообщение о разгроме фашистских войск под Сталинградом всколыхнуло весь Вьетнам: в городах прошли многочисленные демонст-

рации, в которых участвовали не только рабочие, но и другие слои трудящихся и мелкая буржуазия.

Социально-экономический и политический кризис во Вьетнаме достиг высокой точки накала в марте 1945 г., когда японские силы во Вьетнаме совершили так называемый государственный переворот, арестовав французскую колониальную администрацию и интернировав ее вооруженные силы.

16 марта фронт Вьет-Минь призвал население ко всеобщей вооруженной борьбе. Этот призыв нашел широкий отклик в стране. С конца марта партизанские отряды стали вооружаться за счет оружия, отобранного у французских солдат, нападать на мелкие подразделения японских войск, разрушать коммуникации, уничтожать склады и т. п. К июню 1945 г. от оккупантов было освобождено шесть провинций страны, власть в которых перешла к революционным органам, избираемым народными массами.

Вступление Советского Союза в войну против Японии намного улучшило условия для развертывания национально-освободительной борьбы. 16 августа национальный съезд компартии призвал народ ко всеобщему восстанию. Восстание, победившее в г. Ханое 19 августа, быстро распространилось на другие районы. Император Бао Дай отрекся от престола, и власть перешла к Национально-освободительному комитету, созданному Вьет-Минем. Затем на его основе было сформировано временное правительство во главе с Хо Ши Мином. 2 сентября 1945 г. это правительство провозгласило Вьетнам демократической республикой.

Характерная черта вьетнамской революции — руководство КПИК и прочный союз рабочего класса и крестьянства — проявилась в тесном взаимодействии городского и сельского потоков революции. Освобожденные районы, где уже до всеобщего восстания сложился костяк народной власти в виде комитетов освобождения или народно-революционных комитетов и вооруженных отрядов спасения родины, послужили основой народной власти, порожденной революцией в городских центрах.

В *Корее* господство японских колонизаторов не уничтожило стремления народа к свободе. Великая Отечественная война советского народа способствовала пробуждению в народных массах Кореи воли к сопротивлению. Корейские партизанские отряды, действуя в составе Северо-Восточной Народно-освободительной армии Китая и при поддержке трудящихся провинции Цзяндао, рабочих японских военных заводов на юге Маньчжурии, усилили вооруженную борьбу против японских гарнизонов. Коммунисты Кореи готовили народные массы к революционному свержению колониального гнета.

Вступление Советского Союза в войну против милитаристской Японии, разгром японской Квантунской армии открыли путь для национального освобождения и развития Кореи по пути демократии и социализма.

17 декабря 1945 г. на III расширенном заседании Исполкома Северокорейского организационного комитета Коммунистической партии Кореи Ким Ир Сен говорил: «Героическая Красная Армия Советского Союза, изгнав с территории нашей Родины японских милитаристов, принесла корейскому народу свободу и независимость. Перед освобожденным корейским народом открылся путь к светлому будущему»[1].

На *Филиппинах* антияпонское сопротивление возглавила Коммунистическая партия Филиппин (КПФ). Исходя из национальных и интернациональных интересов трудящихся, филиппинские коммунисты связывали борьбу за независимость страны с борьбой против экспансии японского милитаризма. КПФ выдвинула задачу мобилизации всех патриотических сил страны, консолидации и укрепления рабочего движения как «основополагающего фактора, движущей силы, наиболее мощной опоры и неисчерпаемого организационного источника»[2] широкого национального антиимпериалистического фронта. В октябре 1941 г. руководство КПФ разработало план организации вооруженного партизанского движения в случае захвата страны японскими агрессорами[3]. 7 декабря 1941 г., в день нападения Японии на Пёрл-Харбор, экстренное заседание ЦК КПФ призвало к созданию единого антияпонского фронта и обратилось к автономному правительству и американскому командованию с предложением объединить усилия для отпора агрессору. Но инициатива коммунистов не получила поддержки со стороны США и правительства Кесона[4]. Поскольку США оказались неспособны сдержать агрессора, к лету 1942 г. японцы овладели всей территорией архипелага.

Японские власти, опираясь на военно-полицейскую машину и местные коллаборационистские круги, предприняли репрессии против патриотических элементов филиппинского общества. В конце января 1942 г. был арестован ряд руководителей КПФ, в их числе Председатель партии К. Эванхелиста, его заместитель П. Абад Сантос и Генеральный секретарь Г. Кападосия. Несмотря на то что партия лишилась опытных и закаленных лидеров, Политбюро КПФ в короткий срок сумело возобновить свою деятельность. К работе приступило новое руководство КПФ во главе с Генеральным секретарем Висенте Лавой[5]. В январе 1942 г. на территории Центрального Лусона уже действовали первые партизанские отряды, руководимые коммунистами[6]. На организованной коммунистами конференции

[1] «Освобождение Кореи». М., 1976, стр. 53—54.
[2] «Daily Worker», 2.XII. 1938.
[3] *R. Constantino.* The Philippines: the Continuing Past. Manila, 1978, p. 139.
[4] См. *Ю. О. Левтонова.* История Филиппин. М., 1979, стр. 215.
[5] См. *Г. И. Левинсон.* Филиппины на пути к независимости. 1901—1946. М., 1972, стр. 275.
[6] *Ю. О. Левтонова,* Указ. соч., стр. 216.

(16 февраля 1942 г.) представителей ряда рабочих и крестьянских организаций было провозглашено создание Национального антияпонского единого фронта, выдвинувшего лозунг «Борьба против японцев — прежде всего» и выступившего за достижение полной независимости, создание демократического правительства.

В марте 1942 г. была создана Народная антияпонская армия (Хукбалахап), в которой объединились руководимые коммунистами партизанские отряды и стихийно возникшие в деревнях отряды самообороны. Ведущая роль в ее политическом руководстве принадлежала КПФ, которая сумела сплотить в рядах Хукбалахап представителей различных социальных слоев. В результате она превратилась в боеспособную, пользовавшуюся широкой поддержкой местного населения армию. К концу 1942 г. Хукбалахап освободила ряд территорий Центрального Лусона, создав на них демократические органы самоуправления[1].

Компартия не прекращала усилий по сплочению в едином антияпонском фронте всех патриотических, антифашистских сил, но консолидации их мешала разобщенность движения Сопротивления в целом. Хотя по всей стране действовали многочисленные партизанские отряды и группы, лишь немногие из них договаривались о координированных совместных действиях с Хукбалахап.

Затрудняло создание единого фронта и отсутствие действенного союза рабочего класса и крестьянства[2]. В условиях оккупационного режима были разрушены связи между трудящимися города и деревни, так как города полностью контролировались оккупационными властями. В то же время рабочие, которым удалось покинуть оккупированные города и присоединиться к Народной армии, героически боролись против захватчиков, вносили в среду крестьян свой политический опыт, сознательность и дисциплину[3].

На завершающем этапе войны на Тихом океане Хукбалахап насчитывала в своих рядах 10 тыс. бойцов и около 30 тыс. резервистов. Хукбалахап оказала большую помощь американской армии при вторжении ее на Лусон (январь — февраль 1945 г.), играла самую активную роль в разгроме японцев. Очистив архипелаг от японских оккупантов, американские власти повели наступление на демократические силы, осуществив ряд репрессивных акций в отношении Хукбалахап. Однако они встретили активное сопротивление Хукбалахап, так как за годы войны КПФ накопила большой опыт организаторской и политической работы в массах, позволивший активизировать рабочее движение, восстановить союз рабочего класса и крестьянства, заложить основы единого антиимпериалистического фронта.

[1] *E. Lachica.* Philippine agrarian Society in Revolt. Manila, 1971, p. 114—115.
[2] См. *Г. И. Левинсон.* Указ. соч., стр. 290.
[3] См. там же, стр. 289—290.

Бирма вступила в войну как часть Британской колониальной империи. Отказ английского правительства рассмотреть требование о предоставлении Бирме независимости и ужесточение репрессий против ее сторонников, аресты руководителей национально-освободительного движения вызвали в стране взрыв антианглийских настроений, побудивших ряд руководителей национально-освободительного движения пойти на сотрудничество с Японией, обещавшей содействие в достижении Бирмой независимости[1]. Против такого сотрудничества выступали лишь бирманские коммунисты.

В течение 1941 г. на территории Таиланда японцами была сформирована «Армия независимости Бирмы», офицерский корпус которой составляли бирманские националисты. Отряды этой армии вступили в Бирму совместно с японской армией.

Разгром английских войск в Бирме в середине 1942 г. и бегство англичан создали возможности для организации в населенных пунктах страны национальных органов власти. Однако, закрепившись в Бирме, японское командование отказалось от своих обещаний. Бирманские местные органы власти были ликвидированы, а «Армия независимости» распущена; на ее основе была сформирована армия обороны Бирмы под контролем японских советников[2]. 1 августа 1942 г. была образована «бирманская администрация» с совещательными функциями. Бирма фактически превратилась в оккупированную страну.

В ответ в 1942 г. возникло движение антияпонского Сопротивления, во главе которого встали бирманские коммунисты. Они организовали подпольные группы и партизанские отряды. В начале 1943 г. в Дедайе состоялся первый подпольный съезд КПБ, принявший тезисы «О свободе Бирмы»[3].

Несмотря на то что в 1943 г. Япония пошла на предоставление стране формальной независимости, разочарование в союзе с Японией было так велико, что движение Сопротивления охватило всю Бирму. В начале 1944 г. в результате переговоров между представителями коммунистов и других противников оккупации был создан единый фронт национального освобождения, который получил название Антифашистской лиги народной свободы (АЛНС). В августе 1944 г. на конференции представителей национально-освободительного движения был избран Высший совет АЛНС, ставший практически подпольным правительством страны[4].

К началу 1945 г. Лигой был разработан план восстания против

[1] См. *И. В. Можейко, А. Н. Узянов.* История Бирмы. М., 1973, стр. 218—223; *В. Ф. Васильев.* Очерки истории Бирмы. 1885—1947 гг., стр. 232—235.
[2] *Mountbatten of Burma.* Report to the Combined Chiefs of Staff. 1943—1945. London, 1951, p. 143.
[3] «Amerasia», 1.IV. 1943, p. 43.
[4] *Moung Maung.* Burma's Constitution, p. 65.

оккупантов и большинство партизанских отрядов и подпольных групп было подчинено общему руководству[1]. С вступлением английских войск в Бирму к ним присоединились партизанские отряды и подразделения бирманской армии, которые участвовали во многих боях при освобождении страны.

Восстание в Бирме способствовало укреплению позиций АЛНС в стране, ее Высший совет практически стал национальным правительством, а отделения Лиги на местах — местными властями. Превращение АЛНС в общенациональную массовую организацию сыграло решающую роль в последующей борьбе за независимость Бирмы.

В *Индонезии* в мае 1940 г. на нелегальном совещании коммунистов, представителей Гериндо, профсоюзов и других видных общественных деятелей была образована нелегальная организация Антифашистское движение Индонезии (Гераф). В сентябре 1941 г. существовавший в стране профцентр государственных служащих вошел наряду с ГАПИ и Федерацией мусульманских женских и молодежных организаций в наиболее представительное политическое объединение — Народный совет Индонезии (МРИ), созданный в поддержку требований ГАПИ о предоставлении Индонезии статуса доминиона.

Процесс консолидации происходил и в рабочем движении: летом 1941 г. произошло объединение профсоюзов персонала частного сектора. В дальнейшем предполагалось слияние его с уже существовавшим профцентром в единую организацию. После объявления в декабре 1941 г. правительством Нидерландской Индии состояния войны с Японией оба профцентра заявили о своей поддержке голландских властей без каких-либо условий. Однако в начале января 1942 г., несмотря на продолжавшиеся переговоры колониальной администрации с ГАПИ, была арестована новая группа видных деятелей национально-освободительного и рабочего движения страны. В том же месяце началась высадка в Индонезии японских войск.

Оккупационный режим, террор, установленный японцами, усиление эксплуатации, снижение жизненного уровня, разочарование в «освободительной миссии» Японии — все это вызвало подъем национально-освободительной борьбы индонезийского народа. Начались стихийные выступления трудящихся, в основном крестьян, в различных районах архипелага, направленные против принудительных поставок и реквизиций, трудовой повинности и т. п.[2]

Активизировалась деятельность подпольных антияпонских организаций. Одной из первых подпольных организаций была группа, возглавляемая Амиром Шарифуддином, видным деятелем довоенного национально-освободительного движения. Многие члены этой груп-

[1] *Moung Maung.* The Forgotten Army. Rangoon, 1946, p. 5.
[2] *M. Dimyati.* Ledjarah perdjuangan Indonesia. Djakarta, 1951, hal. 64; *A. N. Nasution.* FNJ Tentara nasional Indonesia, dj I. Djakarta, 1956, hal. 62.

пы, включая Шарифуддина, принадлежали к компартии. В начале 1943 г. группа Шарифуддина была раскрыта и разгромлена оккупантами[1]. Влияние коммунистов ощущалось также в подпольной организации Гериндо. Заметную роль в движении Сопротивления сыграли группа Шарира и «Персатуан Махасисва» («Объединение учащихся»), куда входили студенты и преподаватели колледжей и высших школ в Джакарте, Богоре, Бандунге и Сурабае[2]. Связи подпольных организаций, руководство которыми находилось в основном в руках буржуазных и мелкобуржуазных элементов, с народными массами были слабы; отсутствовало и единство действий между различными группами.

Национальная буржуазия рассматривала сотрудничество с японцами прежде всего как политический маневр, как возможность распространять свое влияние через легальные организации, находившиеся под японским контролем. Лидеры национальной и мелкой буржуазии, стоявшие во главе этих организаций, были связаны с подпольным антияпонским движением.

К концу войны движение сопротивления в Индонезии усилилось. Различные его потоки — выступления крестьянства и городской бедноты, восстания на окраинах, волнения в «армии добровольных защитников отечества», созданной японцами, деятельность подпольных организаций, требования национальной буржуазии, неудовлетворенной уступками и маневрами оккупантов,— подготавливали революционную ситуацию в стране. Разгром Японии в августе 1945 г. сделал возможной победу индонезийской революции.

С началом второй мировой войны вице-король *Индии* объявил ее воюющей стороной без каких-либо предварительных консультаций с политическими партиями Индии. Это вызвало глубокое возмущение в стране. Всеиндийский комитет партии Индийский национальный конгресс (ИНК) принял специальную декларацию, в которой поддержка военных усилий Англии обусловливалась признанием английским правительством права Индии на самоопределение, незамедлительным созданием правительства, ответственного перед Центральным законодательным собранием, созывом учредительного собрания и т. п.[3] Компартия Индии выступила с призывом развернуть широкое антиимпериалистическое движение.

Поскольку Англия уклонилась от конкретного ответа на требования Индийского национального конгресса, в октябре 1940 г. М. Ганди объявил о начале новой кампании гражданского неповиновения. Колониальные власти арестовали свыше 20 тыс. конгрессистов, в том числе почти всех руководителей партии.

[1] См. «Национально-освободительное движение в Индонезии (1942—1965)». М., 1970, стр. 51.
[2] «Nedereandseh-Indie on der Japanese bezetting. Gegevens en documenten over de jaren 1942—1945». [s. l.], 1960, blz. 597.
[3] См. *Дж. Неру*. Открытие Индии. М., 1955, стр. 464—465.

После нападения Германии на Советский Союз Компартия Индии призвала к продолжению борьбы за независимость при одновременном превращении борьбы против фашистских стран в народную войну и к поддержке военных усилий Англии. Позднее, в июле 1942 г., был снят запрет с деятельности компартии. Партия Индийский национальный конгресс также выразила сочувствие советскому народу, подвергшемуся фашистскому нападению, и отметила всемирно-историческое значение построения социализма в СССР.

Ухудшение положения Англии, особенно после вступления Японии в войну, вынуждало ее правительство стремиться к достижению договоренности с Индийским национальным конгрессом. В связи с этим в марте 1942 г. в Индию прибыл член военного кабинета Англии С. Криппс для переговоров с руководителями индийских политических партий (к этому времени руководители ИНК были выпущены из заключения).

Англия согласилась предоставить Индии статус доминиона, однако те провинции и княжества, которые не пожелали бы войти в этот доминион, могли сохранить прежние отношения с Англией либо образовать самостоятельные доминионы. Индийский национальный конгресс отверг эти предложения и в августе 1942 г. принял решение о проведении кампании гражданского неповиновения, если Англия не создаст национального правительства. В ответ колониальные власти арестовали руководителей партии, включая М. Ганди. После этого в стране развернулись стихийные антианглийские выступления, получившие название «августовской революции». В ходе этих выступлений крестьяне жгли помещичьи усадьбы, нападали на полицейские посты и почтовые конторы. Руководимые преимущественно левыми конгрессистами, социалистами и коммунистами, отряды молодежи взрывали железнодорожные мосты, пути и линии связи. В ряде мест повстанцы перешли к партизанским действиям. Английские войска и полиция подавляли эти выступления. Было убито около 2 тыс. и арестовано свыше 60 тыс. человек[1].

В 1943—1945 гг. национально-освободительная борьба приняла формы забастовок, крестьянских выступлений и т. п., в которых сочетались экономические и политические требования. Все большую роль в организации этих выступлений играли коммунисты. Быстро росла численность компартии (с 4 тыс. человек в 1942 г. до 30 тыс. в 1945 г.) и руководимых ею организаций: Всеиндийского конгресса профсоюзов (с 330 тыс. человек до 509 тыс.), Крестьянского союза (с 225 тыс. человек до 825 тыс.), отрядов волонтеров компартии (до 25 тыс. человек)[2]. Таким образом, ко времени решающих схваток с английским империализмом организованное рабочее и крестьянское движение в Индии превратилось в заметную политическую силу.

[1] См. *К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Г. Котовский.* История Индии. М., 1979, стр. 463.
[2] См. «Новейшая история Индии». М., 1959, стр. 417—419.

Расширяя агрессию против других народов, японский империализм проводил политику подавления рабочего движения в самой *Японии*. В 1940 г. правительству Коноэ при поддержке правых социал-демократов удалось добиться «самороспуска» профсоюзов и вовлечения большинства их членов в «общества служению отечеству через производство» (Сампо), созданные во всех отраслях промышленности, на каждом предприятии. Все политические партии — от буржуазных Сэйюкай и Минсэйто до Социалистической массовой партии — «самораспустились» и вступили в «Ассоциацию помощи трону». В стране воцарилась монархо-фашистская диктатура. Бóльшая часть профсоюзных лидеров отошла от активной деятельности, некоторые были брошены в тюрьмы, а ряд профсоюзных руководителей включились в шовинистическое движение «помощи трону».

Все это создавало крайне сложную обстановку в освободительной борьбе трудящихся Японии.

Лишь находившиеся в глубоком подполье коммунисты продолжали борьбу, организуя сопротивление трудящихся, которое не смогли сломить ни террор, ни жестокая система контроля над рабочими в рамках организации Сампо.

Развивалось стихийное сопротивление рабочих системе эксплуатации, проявлявшееся в опозданиях и преждевременных уходах с работы, прогулах, дезертирстве (среди лиц, работавших по трудовой мобилизации), выпуске бракованной продукции, саботаже и т. д.

С 1941 по 1944 г. произошло 1303 трудовых конфликта, в которых участвовало более 53 тыс. человек[1]. Наиболее значительные выступления рабочих во главе с коммунистами состоялись в 1942 и 1943 гг. на заводе «Икэгай» военно-морского ведомства, на металлическом заводе компании «Кавасаки дзюкогё» в Кобэ, на заводе компании «Хитати» в Токио.

С началом второй мировой войны в *Алжире* прекратилась легальная деятельность всех национальных партий и организаций. Секретарь ЦК Алжирской коммунистической партии (АКП) Каддур Белькаим, ветераны АКП Али Рабиа и Франсуа Серрано, глава профсоюза докеров Ж. Торресилас и другие погибли в заключении. Лишь нескольким членам ЦК— Ахмеду Смаили, Морису Лабану, Жоржу Раффини — удалось скрыться и наладить нелегальную работу партии[2]. 28 лидеров Партии алжирского народа (ПНА) во главе с Ахмедом Мессали Хаджем, М. Хидером также оказались в тюрьме.

После поражения Франции АКП направила основные усилия на организацию борьбы с вишистами, саботаж действий итало-германских «комиссий по наблюдению за выполнением условий перемирия».

[1] «Тайхэйё сэнсо ка-но родо ундо» (Рабочее движение во время войны на Тихом океане). Токио, 1965, стр. 14 (на япон. яз.).
[2] См. *Р. Г. Ланда.* Кризис колониального режима в Алжире (1931—1945). М., 1980, стр. 207—208.

АПК выступала за создание в Алжире единого Фронта свободы, объединяющего всех борцов Сопротивления[1].

Освобождение Алжира в конце 1942 г. сопровождалось подъемом демократического движения в стране, заставившим военное командование Англии и США пойти на уступки. Весной 1943 г. были освобождены из тюрем и концлагерей тысячи коммунистов и демократов, отменены законы Виши, власти вынуждены были считаться с возрождением легальной деятельности АКП и алжирских националистов.

Остававшаяся под запретом ППА также играла активную роль в антифашистском Сопротивлении. К концу 1940 г. новое руководство ППА (Ламин Дабагин, Мухаммед Талеб, Хосин Аслах) создало по всей стране сеть подпольных ячеек, преимущественно из студентов и молодых интеллигентов, а также крестьян. Была проведена реорганизация партии, налажен выпуск трех газет, установлен более строгий порядок приема в партию. В своей работе ППА делала основной упор на агитацию за независимость Алжира и пропаганду лозунга «Алжир — алжирцам», на разоблачение преступлений колониальных властей и их репрессий против ППА[2]. Сотрудничество некоторых членов ППА с оккупационными властями во Франции было использовано колониалистской пропагандой для очернения ППА и клеветы на национально-освободительное движение в целом[3]. Следует, однако, отметить, что, хотя наличие прогерманских иллюзий у части актива ППА мешало выработке ею четкой и единой позиции[4], ППА как партия никогда не стояла на прогерманских позициях, а сторонники ориентации на державы «оси» в основном были исключены из ее рядов еще до начала войны.

10 марта 1943 г. 56 лидеров националистических организаций опубликовали «Манифест алжирского народа», в котором они требовали «немедленного и эффективного участия алжирских мусульман в управлении страной» и создания после войны «автономного государства» в Алжире[5]. Но власти предоставили полные права французских граждан лишь феодалам, буржуазии, чиновникам и интеллигенции, а остальные алжирцы получили право избирать $^2/_5$ членов муниципальных и генеральных советов[6]. Тогда либералы во главе с Ф. Аббасом, улемы во главе с Б. аль-Ибрахими, подпольная ППА во главе с А. Мессали создали ассоциацию «Друзья Манифеста и свободы», которая выдвинула идею федерации автономного Алжира с освобожденной Францией. В рядах этой ассоциации насчитывалось

[1] *J. Duclos.* La France et l'Algerie. Paris, 1955, p. 6.
[2] «Realités algériennes». Alger, 1953, p. 126.
[3] *M. Benazet.* L'Afrique du Nord en danger. Paris, 1947, p. 76.
[4] *M. Harbi.* Aux origines du FLN: le populisme revolutionnaire en Algerie. Paris, 1975, p. 105, 107.
[5] «Du Manifeste á la République Algerienne». Alger, 1946.
[6] См. «Алжир» (справочник). М., 1977, стр. 61.

около 500 тыс. человек. Власти ответили на эти действия ужесточением репрессий. Провокационный расстрел полицией демонстраций в городах Сетиф и Гельма 8 мая 1945 г. вызвал антиколониальное восстание. После недели боев восстание было потоплено в крови. 40 тыс. патриотов погибло, около 5 тыс., в том числе большинство лидеров «Друзей Манифеста», было арестовано[1].

Майское восстание 1945 г. показало решимость патриотов бороться за независимость с оружием в руках и явилось началом отхода большинства алжирцев от прежних иллюзий о возможности «франко-мусульманского» сотрудничества.

В сентябре 1939 г. правительство *Египта* порвало дипломатические отношения с Германией. Было введено военное положение, ликвидированы демократические свободы и введена строгая цензура.

Египетское общество не было единодушным в своем отношении к воюющим коалициям. Дворцовые круги во главе с королем, декларируя свою готовность сотрудничать с Англией, на деле симпатизировали державам «оси». В Египте была и фашистская партия «мыср аль-фатат» («молодой Египет»), члены которой по заданиям германской и итальянской разведок занимались шпионажем и диверсиями. На державы «оси» ориентировались и наиболее влиятельные элементы в партии либералов. Другая группировка буржуазии, объединенная вокруг партии Вафд, выступала за активное сотрудничество с Англией и требовала объявления войны державам «оси».

В сентябре 1940 г. итальянская армия вторглась в Египет со стороны Ливии. Однако, получив подкрепление, английская армия изгнала итальянцев обратно в Ливию. В марте 1941 г. Германия перебросила в Ливию на помощь Италии танковый корпус генерала Роммеля. В Египте активизировалась фашистская агентура. Ряд египетских тайных организаций вступил в прямой контакт со штабом Роммеля и германской разведкой. Некоторые политические партии развернули широкую антианглийскую пропаганду. Дворцовые круги, считая момент подходящим, стали подготавливать профашистский переворот. Английское посольство потребовало положить конец деятельности фашистской «пятой колонны» в Египте, и под давлением Англии было сформировано вафдистское правительство во главе с Наххасом, которое обеспечило надежный тыл и тем самым облегчило Великобритании дальнейшее ведение военных действий. Правительство Наххаса повело энергичную борьбу против профашистской агентуры.

К весне 1942 г. начался перелом в египетском общественном мнении в сторону поддержки антифашистской коалиции. Этому в значительной степени способствовала героическая борьба советского народа против гитлеровского нашествия. В Египте вырос интерес к СССР, активизировали свою деятельность антифашистские силы сре-

[1] См. *Р. Г. Ланда.* Указ. соч., стр. 119, 123, 220.

ди рабочих, учащихся и интеллигенции. 26 августа 1943 г. между Египтом и Советским Союзом были установлены дипломатические отношения.

Правительство Наххаса провело ряд социальных и экономических реформ в интересах народных масс. Были приняты законы о снижении налогов с мелких землевладельцев, закон об индивидуальном контракте при найме рабочих и об обязательном страховании от несчастных случаев на производстве и др. В сентябре 1942 г. был принят закон о легализации профсоюзов.

К маю 1943 г. вся Северная Африка была освобождена союзническими армиями.

По мере удаления театра военных действий от Египта все шире стало развертываться возглавлявшееся партией Вафд освободительное движение. Главными его требованиями были ликвидация договора 1936 г., эвакуация английских войск из долины Нила и единство Египта и Судана. 26 августа 1944 г. Наххас выступил с речью, в которой сформулировал основные требования египетского народа. Это выступление вызвало резкое недовольство английских властей. 8 октября 1944 г. кабинет Наххаса был вынужден уйти в отставку.

Был образован коалиционный кабинет из представителей правых партий во главе с лидером партии Саад Махиром. Главное, что объединяло эти разнохарактерные силы,— ненависть к партии Вафд и Наххасу. Первым актом нового правительства было освобождение из заключения реакционных политических деятелей, арестованных в годы войны. Начались репрессии против рабочих, демократов и вафдистов.

26 февраля 1945 г., уступая нажиму Англии и США и стремясь получить доступ в создаваемую Организацию Объединенных Наций, египетское правительство объявило Германии войну.

Первой независимой страной мира, подвергшейся агрессии со стороны европейского фашизма, была *Эфиопия*, против которой итальянские фашисты начали захватническую войну 3 октября 1935 г. На протяжении более чем пяти лет патриотические силы Эфиопии вели борьбу против хорошо вооруженных армий фашистской Италии.

В апреле 1941 г. массовое вооруженное выступление эфиопского народа, поддержанное английским экспедиционным корпусом, французским и бельгийским отрядами, завершилось разгромом итальянской армии, освобождением патриотическими силами Аддис-Абебы и освобождением страны[1].

Эфиопское Сопротивление, основной движущей силой которого были широкие массы крестьянства и трудового люда городов, на протяжении 1936—1941 гг. сковывало весьма значительные вооруженные силы итальянского фашизма. В августе 1936 г. в Эфиопии

[1] См. *В. А. Трофимов.* Итальянский колониализм и неоколониализм. М., 1979, стр. 185—195.

находилось свыше 240 тыс. итальянских солдат и офицеров, в начале 1938 г.— 88 тыс., в 1940 г.— 90 тыс. (не считая навербованных солдат-африканцев, число которых достигло в 1940 г. 200 тыс.). Общее число человеческих жертв, которые понесли народы Эфиопии в борьбе против итальянских фашистов, превысило 750 тыс. человек[1]. Своей активной борьбой против итальянских захватчиков, успехами в освобождении родины от фашистского господства патриоты Эфиопии внесли существенный вклад в антифашистскую борьбу народов.

Участие в борьбе против германского и итальянского фашизма народов многих других африканских стран и территорий, являвшихся, как правило, колониями капиталистических держав, проявлялось в двух основных формах.

Во-первых, в увеличении производства сырья и продовольствия, которое широко использовалось Англией и США, входившими в антигитлеровскую коалицию. Африка поставляла в эти страны железную, марганцевую, хромовую, урановую, кобальтовую руду, медь, олово, бокситы, алмазы и другие ценнейшие материалы. Например, в Англию в 1944 г. из Африки было ввезено товаров на 80% (по стоимости) больше, чем в 1938 г., в то время как общий импорт Англии увеличился на 42%. Поставки из Африки играли существенную роль и в сырьевом снабжении США. Например, доля Африки в американском импорте меди выросла с 2,6% в 1938 г. до 21, 9% в 1945 г.[2]

Вклад африканских народов в антифашистскую борьбу выражался в участии сотен тысяч африканцев в составе войск «Сражающейся Франции» и британских вооруженных сил в боевых действиях против стран фашистского блока. Достаточно сказать, что только Французская Западная Африка направила в 1943—1945 гг. в состав французских антифашистских сил 100 тыс. солдат-африканцев[3].

Войска Британской Восточной Африки (так называемые королевские африканские стрелки) принимали участие в военных операциях в Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В общей сложности в рядах британских вооруженных сил Танганьики и Занзибара насчитывалось около 300 тыс. африканцев из Кении и Уганды. Общая численность африканцев, участвовавших в войне против нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, приближалась к миллиону.

Руководство Коммунистической партии *Южной Африки* (КПЮА) оценивало характер второй мировой войны с позиций пролетарского интернационализма. В докладе ЦК КПЮА, одобренном национальной конференцией партии в марте 1940 г., подчеркивалось, что долг партии — одновременно выступать против войны и давать отпор профашистскому наступлению Националистической партии в Южной

[1] См. *В. А. Трофимов.* Указ. соч., стр. 195.
[2] См. там же, стр. 28—29.
[3] См. «История национально-освободительной борьбы народов Африки в новейшее время». М., 1978, стр. 266.

Африке. Интересы борьбы против империализма требовали совместных действий африканского, цветного и индийского населения страны.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз КПЮА заявила, что решающий фронт всей войны находится там, где советский народ ведет битву с нацистами, исход которой определит судьбу всего человечества.

Несмотря на преследования полиции, компартия активизировала свою деятельность. С 1941 по 1943 г. число ее членов увеличилось в 4 раза. Два коммуниста были избраны в городской муниципалитет Кейптауна и один — в муниципалитет Йоханнесбурга. Стала издаваться партийная газета «Инкулулеко» («Свобода»), тираж которой постоянно увеличивался. В 1942 г. развернулась кампания «Защитим Южную Африку!». По всей стране прошли многолюдные митинги, на которых выступали руководители компартии. Выдвигались требования дать оружие африканцам, призываемым в армию, отменить цветной барьер в промышленности и предоставить угнетенным массам гражданские права в стране, которую их призывают защищать. Печатались и распространялись десятки тысяч листовок. Одна из них называлась «Вооружить народ!».

Упорная и самоотверженная работа коммунистов привела к росту численности и боевитости профсоюзного движения. В годы войны африканские рабочие вели борьбу за повышение заработной платы, за признание права на профсоюзы. В 1939—1945 гг., по официальным данным, произошли 304 забастовки[1]. В ноябре 1941 г. был создан Совет неевропейских профсоюзов, объединявший к 1945 г. в своих рядах 119 профсоюзов, насчитывавших 158 тыс. членов. Профцентр возглавлял Дж. Б. Маркс, впоследствии председатель КПЮА. В феврале 1941 г. был создан профсоюз рабочих пищевой и консервной промышленности. В этом же году возник профсоюз африканских горняков, объединивший в своих рядах 25 тыс. шахтеров.

Период войны был отмечен развитием революционного национального самосознания африканцев, особенно среди молодежи и интеллигенции. В Африканском национальном конгрессе (АНК) возросла роль Молодежной лиги, члены которой (А. Лембеде, Н. Мандела, У. Сисулу и др.), найдя общую с коммунистами платформу, выступали за переход к более революционным и массовым действиям в борьбе против системы национального угнетения.

В 1944 г. ЦК компартии заявил, что требования национальных организаций уничтожить расовую дискриминацию и создать свободный и прогрессивный социальный порядок должны быть поддержаны движением рабочего класса, которое во имя своего собственного существования «должно полностью солидаризироваться с борьбой не-

[1] *K. Luckhardt, B. Wall.* «Organize... or Starve!». London, 1980, p. 63.

европейских народов»[1]. Продолжало развиваться сотрудничество между компартией и АНК.

В 1939—1945 гг. в Южной Африке возросла активность масс, усилилось рабочее движение, были сделаны важные шаги к достижению единства сил национального освобождения и рабочего класса. Участие африканцев в борьбе против фашизма во второй мировой войне способствовало подъему национального самосознания африканских народов, росту организованности, классового сознания африканского пролетариата, создавало предпосылки для последующей активизации борьбы за национальное освобождение, против колониализма.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Народам Латинской Америки не пришлось испытать в годы второй мировой войны те бедствия, какие выпали на долю Европы и многих стран Азии. Только бразильцы (экспедиционный корпус численностью около 26 тыс. человек, сражавшийся в Италии) и мексиканцы (эскадрилья ВВС в составе войск США) участвовали в боевых действиях. Тем не менее война сразу же оказалась в центре политической жизни Латинской Америки.

В правящих кругах большинства стран имелись влиятельные силы, стремившиеся не допустить участия стран Латинской Америки на стороне антигитлеровской коалиции. Эти силы опасались, что борьба против фашизма может обернуться внутренними потрясениями, способными разрушить авторитарные политические системы в латиноамериканских странах. Правящие круги не отказывались от реакционного курса во внутренней политике, который находил полную поддержку со стороны США. Проводились пропагандистские кампании, призванные отвлечь рабочее движение от революционных целей. Стержнем буржуазной пропаганды являлся национализм, нередко приправленный демагогическими лозунгами «борьбы с империализмом», но всегда острием своим направленный против коммунистов. В то же время некоторые национал-реформистские деятели внушали рабочему классу мысль о необходимости свернуть всякую деятельность, направленную против американского империализма[2].

США воспользовались военной конъюнктурой, чтобы поставить латиноамериканские страны в еще большую экономическую зависимость. Система экономического подчинения Латинской Америки американскому империализму дополнялась политическими и военными соглашениями, привязывавшими этот континент к США.

[1] Цит. по: *B. Bunting.* Moses Kotane — South African Revolutionary. London, 1975, p. 168.

[2] См. *М. В. Антясов.* Современный панамериканизм. М., 1960, стр. 284—285.

Массовые прогрессивные организации латиноамериканских стран развернули широкую кампанию за включение в борьбу против фашизма. Центральный комитет Конфедерации трудящихся Латинской Америки еще в июне 1940 г. принял резолюцию, в которой призвал трудящихся континента подняться «против фашизма как социальной теории, против всяких проявлений фашизма в политической, экономической и культурной областях, за создание общего фронта противодействия диктаторским и фашистским режимам на Американском континенте»[1].

С момента вступления Советского Союза в войну антифашистская борьба поднялась на новую ступень. Во всех странах Латинской Америки развернулась кампания солидарности с советским народом. Во главе этого движения стояли коммунистические партии и прогрессивные профсоюзы. На 1-м съезде Конфедерации трудящихся Латинской Америки в ноябре 1941 г. было принято решение об организации материальной поддержки народам, непосредственно вступившим в схватку с фашистскими агрессорами.

В Аргентине в августе 1941 г. ВКТ объявила кратковременную всеобщую забастовку солидарности с народами, сражавшимися против фашизма. Представители прогрессивной аргентинской интеллигенции Э. Тройсе, А. Бунхе, Х. Гонсалес Ирамайн и другие организовали Демократическую комиссию помощи народам, борющимся против фашизма[2]. При ее содействии в СССР было отправлено семь партий грузов, в том числе 32 тыс. пар обуви[3]. На известие о вероломном нападении на СССР трудящиеся Мексики откликнулись многотысячным митингом в столице страны, на котором была принята резолюция с требованием к правительству восстановить дипломатические отношения с Советским Союзом. Мексиканский пролетариат в 1942 г. развернул широкую кампанию, обращенную к США и Англии, с требованием скорейшего открытия второго фронта в Европе. Национальная ассамблея молодых кубинцев провозгласила 1 сентября 1941 г. Днем интернациональной солидарности молодежи и сбора подарков для советских воинов, а в ноябре того же года кубинские рабочие решили внести в фонд Красной Армии свой дневной заработок[4]. В Чили возникло движение «Союз для победы», которое способствовало укреплению симпатий чилийского народа к Советскому Союзу. Группы и комитеты солидарности были созданы во многих других странах Латинской Америки. Под давлением общест-

[1] CTAL: 1938—1948. Resolucions de sus asambleas. México, 1948, p. 27—28.
[2] См. *Родольфо Гиольди*. Избранные статьи и речи. М., 1979, стр. 47—48.
[3] «Esbozo de historia del Partido Comunista de la Argentina». Buenos Aires, 1947, p. 94.
[4] *A. Garcia, P. Mironchuk*. Esbozo histórico de las relaciones entre Cuba — Rusia y Cuba — URSS. La Habana, 1976, p. 184.

венности правительства ряда латиноамериканских стран приняли решения об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом.

Движение солидарности с СССР вносило свою лепту в достижение победы над фашизмом, создавало предпосылки для консолидации прогрессивных сил стран Латинской Америки.

Призыв коммунистов к совместным действиям находил отклик в различных политических кругах. В 1940 г. в Аргентине в ряде провинций радикалы и социалисты пошли на образование комитетов единства [1]. В Чили на президентских выборах 1942 г. объединенными усилиями коммунистов, социалистов и радикалов, поддержанных частью либералов, были сорваны попытки правых сил добиться избрания президентом бывшего диктатора Карлоса Ибаньеса. В 1942 г. благодаря поддержке всех прогрессивных сил президентом Колумбии был вновь избран А. Лопес. Укреплялись позиции прогрессивных сил на Кубе. «Победа движения, начатого нашей партией, за созыв свободного и суверенного Учредительного собрания в 1938—1940 гг.,— отмечали впоследствии кубинские коммунисты,— явилась крупным успехом масс, который на некоторое время повлиял на обстановку и вместе с международными факторами этого момента (антифашистская война, участие в международной коалиции, возглавляемой СССР, и т. д.) и с политикой народно-социалистической партии по отношению к Батисте, Грау и им подобным способствовал парализации сил реакции в тот период» [2]. Народно-социалистическая партия (в 1939—1944 гг. называлась Революционным коммунистическим союзом), которая «представляла самые передовые элементы рабочего класса как в городе, так и в деревне» [3], стала в годы войны важнейшим фактором политической жизни страны. Большую работу по сплочению рабочего класса и всего народа проводила Коммунистическая партия Уругвая [4].

Победы Красной Армии над фашистскими полчищами укрепляли силы народов, вселяли в них новые надежды. На всю Латинскую Америку прозвучали слова пламенной книги стихов «Песни любви Сталинграду», написанной великим чилийским поэтом Пабло Неруда. Латиноамериканские коммунисты разъясняли массам, что победа над фашизмом обеспечивалась в первую очередь советским народом, советским строем [5].

[1] См. «Очерки истории Аргентины». М., 1961, стр. 400.
[2] «VIII Национальный съезд Народно-социалистической партии Кубы (Гавана,16—21 августа 1960 г.)». М., 1961, стр. 252.
[3] *Ф. Кастро.* Речи и выступления. 1961—1963. М., 1963, стр. 442.
[4] См. *Ф. Пинтос.* Профсоюзное движение в Уругвае. М., 1964, стр. 259—261.
[5] См. *В. М. Марченко, А. И. Сизоненко.* СССР и Латинская Америка в годы второй мировой войны.— «Латинская Америка», 1971, № 5, стр. 136.

Коммунисты Латинской Америки рассматривали борьбу с фашизмом как важнейшую составную часть борьбы против империализма. По мере того как развивались события на фронтах войны в пользу антифашистских сил, в Латинской Америке крепло рабочее и демократическое движение. Ни маневры буржуазных национал-реформистов, ни репрессии агонизировавших диктатур не могли сдержать натиск трудящихся на позиции капитала и реакции. Разгром фашистских орд на полях сражений второй мировой войны породил невиданный в латиноамериканской истории энтузиазм масс, веру в победу над олигархией в своих странах. Рушились тиранические режимы. В декабре 1943 г. пала диктатура Пеньяранды в Боливии. В мае 1944 г. всеобщая забастовка трудящихся в Сальвадоре оказала решающее воздействие на свержение кровавой власти Мартинеса. Тогда же народные массы Эквадора поддержали армию, свергшую коррумпированное правительство Арройо дель Рио.

В октябре 1944 г. началась буржуазно-демократическая революция в Гватемале. Провозглашенная в марте 1945 г. конституция предусматривала широкие буржуазно-демократические свободы, а также проведение аграрной реформы на основе ликвидации помещичьего латифундизма. Было введено бесплатное всеобщее обязательное обучение детей от 7 до 14 лет.

В Бразилии со второй половины 1943 г. начались стачки и демонстрации, расшатавшие «новое государство» Ж. Варгаса. В апреле 1945 г. была объявлена амнистия и коммунистическая партия вышла из подполья. Наибольшего размаха стачечное движение достигло в мае 1945 г., когда за один месяц было проведено 365 забастовок, многие из которых завершились победой трудящихся[1]. Наряду с экономическими требованиями бразильский пролетариат выдвигал и политические — ликвидацию диктатуры, восстановление демократических порядков. Быстро росли авторитет и численность компартии, в 1944—1945 гг. число ее членов выросло с 2—3 тыс. до 50 тыс. человек.

Несмотря на репрессии, аргентинский пролетариат не складывал своего оружия. В начале 1945 г. он добился изменений во внутриполитической жизни страны: из тюрем были освобождены демократы и коммунисты, разрешена деятельность политических партий и независимых профсоюзов.

В январе 1945 г. в Парагвае разразилась всеобщая забастовка против диктатуры Моринго, проводившаяся нелегальным профсоюзным центром — Рабочим советом. Эта забастовка основательно поколебала устои диктатуры. Венесуэльские профсоюзы добились в 1945 г. правительственного декрета, объявившего 1 Мая национальным праздником — Днем трудящихся[2]. В 1944—1945 гг. под давлением

[1] См. *Б. И. Коваль.* История бразильского пролетариата (1857—1967). М., 1968, стр. 307.

[2] *Э. Кроэс.* Рабочее движение Венесуэлы. М., 1977, стр. 61.

организованного рабочего движения начались демократические перемены в Эквадоре и Перу. Рабочий класс Колумбии оказался той решающей силой, которая сорвала попытку реакционного переворота, предпринятого консерваторами в июле 1944 г. В результате борьбы кубинских трудящихся в конце войны была «повышена на 20% зарплата рабочим сахарных заводов и на 10% — рабочим плантаций, запрещено выселение съемщиков квартир и повышение квартплаты, запрещен сгон крестьян с земли»[1]. Рабочее движение Кубы, выступавшее под антиимпериалистическими лозунгами, вынудило лидеров «Кубинской революционной партии» на выборах 1944 г. выйти к избирателям с программой, в которой содержались обещания твердо защищать национальные интересы.

В Уругвае правительство Амесаги пошло на некоторые меры по улучшению материального и правового положения рабочих и служащих, в частности приняло декрет о пособиях по безработице в ряде отраслей[2]. В 1942—1945 гг. правительство левого либерала Альфонсо Лопеса в Колумбии осуществило ряд мероприятий, способствовавших улучшению материального и правового положения трудящихся. Под напором рабочего и демократического движения в Коста-Рике был издан кодекс законов о труде, включавших статьи о правах трудящихся на создание собственных организаций, на забастовки и социальное страхование. В годы войны рабочий класс добился издания законов о минимуме зарплаты в Бразилии, Доминиканской Республике, Пуэрто-Рико, Парагвае, Уругвае, Боливии[3]. Сильное влияние на политику своих правительств оказывали в годы войны демократические элементы в Чили, Мексике и других странах, где сохранялись институты буржуазной демократии.

В период второй мировой войны в странах Латинской Америки окрепло профессиональное движение. В 1943 г. была основана Конфедерация трудящихся Коста-Рики, а в 1944 г.— Конфедерация трудящихся Перу и Конфедерация трудящихся Эквадора. В том же году возникла Профсоюзная организация горняков — ведущий профцентр Боливии, в октябре 1944 г.— Конфедерация трудящихся Гватемалы. Компартия Сальвадора была главной силой, сумевшей довести до конца дело создания Национального союза трудящихся (1944 г.), ставшего вскоре единым профсоюзным центром страны.

Борьба коммунистов за единство рабочего движения получала признание широких рабочих масс. Так, Конфедерацию трудящихся Кубы возглавлял член Национального комитета Народно-социалистической партии Ласаро Пенья, а Конфедерацию трудящихся Эква-

[1] *Э. Л. Нитобург.* Похищение жемчужины. М., 1968, стр. 170.
[2] *N. M. Lopez.* Las organizaciones de los trabajadores y el conflicto industrial. Su evolución en el Uruguay. Montevideo, 1966, p. 46.
[3] *J. R. Ramos.* Labor and Development in Latin America. New York and London, 1970, p. 176.

дора — также коммунист Педро Саад. Коммунисты Аргентины поддержали деятельность «Объединенного рабочего руководства» — независимого профобъединения, созданного в конце 1944 г. в противовес официальным профсоюзам, контролировавшимся правительством. Большую работу по созданию общенационального профсоюзного центра развернули бразильские коммунисты. Крупные профсоюзные объединения существовали в Колумбии, Мексике, Чили. Выдающийся вклад в борьбу за единство действий пролетариата в континентальном масштабе внесла Конфедерация трудящихся Латинской Америки (КТЛА), объединявшая в середине 40-х гг. свыше 4 млн. трудящихся, т. е. примерно половину всех рабочих континента. КТЛА явилась одним из инициаторов созыва Всемирного конгресса профсоюзов. Большим влиянием в КТЛА пользовались латиноамериканские коммунисты.

Огромный скачок в своем развитии за годы войны сделало само коммунистическое движение Латинской Америки. Если в 1939 г. на континенте было всего 90 тыс. коммунистов, то в 1947 г. число их выросло до 370 тыс. человек[1]. За коммунистами шли миллионы. В ряде стран компартии стали первостепенным фактором политической жизни. На Кубе и в Эквадоре в годы войны коммунисты входили в правительство. Коммунистические партии явились важной организующей силой при формировании политических союзов, обеспечивших победу левых сил и преградивших дорогу кандидатам реакции. Так было в Чили, Эквадоре, Коста-Рике, на Кубе. В результате демократического подъема, вызванного победой над фашизмом, компартии Бразилии, Перу, Венесуэлы и Аргентины добились права на легальное существование и на первых же послевоенных выборах провели в муниципалитеты и парламенты своих представителей. В 1944 г. возникла Доминиканская коммунистическая партия, которая, несмотря на нелегальные условия деятельности, быстро завоевала авторитет у трудящихся.

В годы войны коммунистические партии окрепли идейно и организационно. Большую работу проводили латиноамериканские коммунисты по пропаганде марксистско-ленинского учения. С начала 40-х гг. наладилось широкое распространение марксистской литературы. Буэнос-Айрес и Мехико стали крупными центрами по изданию трудов основоположников марксизма-ленинизма на испанском языке[2].

Революционный и демократический подъем в странах Латинской Америки носил общенародный характер: он захватил не только рабочий класс, но и городские средние слои, крестьянство, молодежь, вызвал рост демократических настроений в армии. Основой этого

[1] См. «Великий Октябрь и коммунистические партии Латинской Америки». М., 1978, стр. 35.
[2] См. «К. Маркс и Латинская Америка». М., 1970, стр. 54.

подъема, стержнем всего национально-освободительного движения было движение пролетариата — самого революционного класса современности. Его боевой авангард — коммунистические партии, становясь все более массовыми, превратились в политическую силу, способную возглавить борьбу латиноамериканских народов за демократию и социализм.

* * *

Годы второй мировой войны представляют собой один из наиболее героических периодов в истории международного рабочего класса. Закономерно, что именно рабочий класс первого социалистического государства стал той силой, которая обеспечила победу над агрессорами, спасла мировую цивилизацию от фашистского варварства. Активно боролся во имя победы рабочий класс других стран антигитлеровской коалиции. Пролетариат был ядром и основной силой антифашистского Сопротивления. Отмечая вклад людей доброй воли в дело Победы, Л. И. Брежнев подчеркивал 9 мая 1981 г. в речи на открытии мемориального комплекса в городе-герое Киеве: «В борьбе против фашизма мы не были одиноки. Мы помним наших бесстрашных соратников — партизан, героев Сопротивления во многих странах, оккупированных гитлеровцами. Мы помним солдат наших союзников по антигитлеровской коалиции. Но мы не можем забыть и того очевидного факта, что главная тяжесть в войне пала на долю советского человека»[1].

В ожесточенной схватке с фашизмом, в борьбе за свободу, демократию и социальный прогресс международный рабочий класс, коммунистическое движение понесли огромные жертвы, потеряли многих своих лучших сынов и дочерей.

Война была суровым испытанием на прочность социально-политических систем, классов, партий, определившим их место и роль в борьбе, охватившей мир. На фоне огромных разрушений и бедствий, обрушившихся на человечество, с особой очевидностью проявился морально-политический кризис капитализма как системы, породившей фашизм и войну. Реакционная буржуазия и ее партии либо капитулировали перед фашистскими агрессорами и в стремлении спасти свои привилегии пошли на сотрудничество с врагом, либо не смогли и не захотели организовать эффективный отпор захватчикам. В сущности правящие круги как государств-агрессоров, так и оккупированных ими государств привели свои страны к национальной катастрофе.

Война и ее итоги показали зрелость и ответственность рабочего класса, его способность защищать не только классовые, но и национальные и общечеловеческие интересы, предложить эффективную программу развития по пути мира, демократии, социального прогрес-

[1] «Правда», 10 мая 1981 г.

са. В годы второй мировой войны с исключительной силой проявился интернационализм рабочего класса, его умение сочетать национальное и интернациональное в своей политике и действиях.

В то же время в ходе борьбы со всей очевидностью были продемонстрированы огромные преимущества — экономические, военные и морально-политические — социалистического строя, преимущества рабочего класса как правящего класса, как ведущей силы общественного развития в деле отстаивания свободы и независимости народов. Первое социалистическое государство трудящихся было центром и оплотом борьбы против фашистских агрессоров, выполнило великую освободительную миссию в отношении народов Европы и Азии. Красная Армия изгнала гитлеровских захватчиков не только с территории Советского Союза, но и из Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, части Югославии, Австрии, Северной Норвегии, Северо-Восточного Китая, Северной Кореи. Советский народ внес огромный вклад в освобождение от фашистского ига народов Франции, Бельгии, других оккупированных стран, а также Италии и Германии. Многие советские люди бесстрашно боролись в антифашистском Сопротивлении различных стран.

Во имя общей победы боролись патриоты Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Греции, Албании, Франции, Норвегии, Италии и других стран. На советско-германском фронте против фашистских полчищ сражались польские и чехословацкие воинские части, к концу войны к общей борьбе присоединились войска Румынии и Болгарии. В Азии против японских оккупантов боролись народы Китая, Кореи, Вьетнама, других стран. Вместе с Красной Армией против милитаристской Японии сражались войска Монгольской Народной Республики. Национально-освободительную борьбу вели народы Африки и Латинской Америки.

Мощные революционные процессы, развернувшиеся в ходе и после второй мировой войны, привели к фронтальному прорыву цепи империализма. Благодаря решающему вкладу советского народа в победу над германским фашизмом и японским милитаризмом сложились благоприятные международные условия для победы революций в ряде европейских и азиатских стран. От капиталистической системы отпало 11 государств с населением более 700 млн. человек. Социализм вышел за пределы одной страны, образовалась мировая социалистическая система. Это наряду с развалом колониализма под ударами национально-освободительного движения свидетельствовало о коренном изменении соотношения сил между двумя противоположными общественными системами. Экономические и политические позиции международной буржуазии оказались серьезно подорванными.

Прямым следствием решающего вклада рабочего класса в борьбу за свободу и независимость народов явилось возрастание его роли и воздействия на общественно-политическую жизнь как в отдельных странах, так и в международном масштабе.

В отпавших от капиталистической системы странах рабочий класс во главе со своим коммунистическим авангардом возглавил строительство социализма. Значительно окрепло пролетарское движение в развитых капиталистических государствах. На международную арену вышло молодое рабочее движение освободившихся, зависимых и колониальных стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Намного усилилось влияние коммунистических партий, возросла их политическая зрелость. Основываясь на опыте и решениях Коминтерна, на уроках борьбы в Сопротивлении, коммунисты разработали стратегию борьбы за широкие демократические преобразования, связав их с социалистической перспективой. Коммунистические партии, особенно в таких странах, как Франция и Италия, превратились в массовые партии, усилилось их воздействие на политическую жизнь, на выработку политики. В 10 капиталистических странах (Франция, Италия, Бельгия, Люксембург, Норвегия, Дания, Финляндия, Исландия, Австрия, Чили) коммунисты в первые послевоенные годы входили в правительства, выступая за осуществление прогрессивной внутренней и внешней политики. В некоторых странах сложилось единство действий коммунистов и социалистов. Благодаря активной борьбе рабочего класса, широких слоев трудящихся удалось добиться осуществления важных реформ в экономической и социально-политической сферах. В международном масштабе, как и в рамках отдельных стран, были впервые созданы единые демократические профсоюзные и массовые общественные организации.

Изменение в соотношении сил между социализмом и капитализмом оказывало возрастающее влияние на всю политико-идеологическую обстановку в послевоенном мире, на условия классовой борьбы, на изменение соотношения социальных и политических сил внутри капиталистических стран. Рост международного коммунистического и рабочего движения, превращение его во влиятельную силу исторического развития имели исключительно важное значение для ускорения мирового революционного процесса. Коммунисты привели в движение мощные общественные силы, активизировали борьбу за мир, демократию и социализм.

ГЕГЕМОН НОВОЙ ЭПОХИ

В истории общества 20—40-е годы XX века занимают особое место по масштабности происходивших событий, по значению для судеб планеты.

Событием всемирно-исторического значения явилось построение социализма в СССР, подтвердившее глубокую правоту вывода марксизма-ленинизма об исторической обусловленности перехода человечества от капитализма к социализму. Деятельность советского рабочего класса, ставшего первым отрядом международной армии труда, который создал мир новый, социалистический[1], прокладывала человечеству путь в будущее. «Дорога, которая привела Россию к социализму,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— это столбовая дорога мировой истории, всей человеческой цивилизации»[2].

Пример советского рабочего класса, практически показавшего возможность преодоления противоречий капитализма и ликвидации его социальных язв, дал новый мощный стимул развитию рабочего движения в странах капитала. Повысился уровень борьбы рабочего класса благодаря укреплению коммунистических партий и расширению их влияния в массах. Хотя рабочему классу не удалось пресечь появление и распространение фашизма, усилия коммунистов по созданию массового антифашистского движения на платформе Народного фронта внесли значительный вклад в организацию отпора фашистской реакции. Именно Народные фронты нанесли первые удары фашизму, что в свою очередь повысило авторитет рабочего класса как руководителя демократических сил. Активное участие рабочего класса в борьбе против колониального гнета позволило ему стать влиятельной силой в национально-освободительном движении.

Решающий вклад первого пролетарского государства в разгром фашистской группировки империализма, авангардная роль рабочего класса в антифашистской, освободительной войне свидетельствовали о значительном возвышении рабочего класса как ведущей силы мирового развития.

Эти всемирно-исторические свершения рабочего класса являли собой убедительное доказательство органического единства социального освобождения трудящихся и прогресса человечества в целом.

[1] См. *Л. И. Брежнев.* Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 98.
[2] Там же, стр. 77.

Они *окончательно определили положение рабочего класса как гегемона новой исторической эпохи*, открытой Великим Октябрем.

Рассматриваемый период ознаменовался новыми крупными победами марксизма-ленинизма. Создание первого в мире социалистического общества решило исторический спор в пользу ленинской теории социалистической революции. Деятельность коммунистов, классовые битвы пролетариата в период временной, частичной стабилизации капитализма, антивоенная, антифашистская борьба рабочего класса в годы мирового экономического кризиса (1929—1933), его опыт в качестве ведущей силы антифашистской, освободительной войны, участие рабочего класса в национально-освободительном движении существенно обогатили марксистско-ленинскую стратегию и тактику революционной борьбы, в том числе борьбы за единство рабочего класса и объединение вокруг него других демократических сил и за союз рабочего класса с национально-освободительным движением[1].

ПРОКЛАДЫВАЯ ПУТЬ В БУДУЩЕЕ

Определяя место социализма в истории человеческого общества, Ф. Энгельс подчеркивал: «Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и всевозрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»[2]. Предвидение Энгельса становилось реальностью с победой социализма в Советском Союзе.

В Советском Союзе утверждение курса на строительство социализма происходило в острейшей идейной борьбе против троцкизма, ставшего основой антипартийного блока, в котором объединились самые различные антисоциалистические силы. Троцкий и его сторонники предрекали падение диктатуры пролетариата из-за неизбежных, по их словам, враждебных действий крестьянства, составлявшего большинство населения. Троцкий утверждал, будто в СССР невозможно построить социализм без «прямой государственной поддержки» пролетариата Запада, и на этом основании предлагал проводить авантюристический курс на «подталкивание» мировой революции любыми средствами вплоть до развязывания войны[3]. Взгляды Троц-

[1] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 227—228.
[3] См. «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 257—258.

кого нашли питательную почву среди некоторых членов партии, проявивших по сути мелкобуржуазную неустойчивость и растерянность перед трудностями и своеобразием революционной борьбы в новых условиях.

В дальнейшем троцкисты, изгнанные из компартий, в полной мере проявили себя как течение, которое под прикрытием псевдолевой фразеологии вело и ведет яростную борьбу против реального социализма и коммунистического движения. Буржуазные идеологи уже давно используют троцкизм в целях раскола революционного и демократического движения, клеветы на Советский Союз и коммунистические партии, дискредитации ленинизма.

Поэтому разгром троцкизма, устранявший препятствия осуществлению созидательных задач социалистической революции, имел более широкие последствия в плане идейного развития международного рабочего класса, консолидации мирового коммунистического движения на основе ленинизма и разработки последовательно революционной политики в условиях общего кризиса капитализма. Разгром троцкизма стал важной вехой в росте идейно-политической зрелости и укреплении рядов международного коммунистического движения.

Вместе с тем *построение социализма в СССР* нанесло серьезный удар буржуазной идеологии, продемонстрировав способность рабочего класса создать новую, более высокую цивилизацию, практически доказав историческую ограниченность миссии буржуазии в развитии производительных сил общества и общественном прогрессе.

Успехи в ходе строительства социализма порождали позитивные идейные сдвиги в сознании широких демократических кругов. Вождь американских коммунистов У. Фостер писал: «Кампании клеветы против СССР был нанесен чувствительный удар (в результате первой пятилетки.— *Ред.*). Это было первым настоящим поражением, которое молодая социалистическая система, пережившая в течение пятнадцати лет империалистическую и гражданскую войну, капиталистическую блокаду и трудности экономического восстановления, нанесла господствующей в мире системе капитализма»[1].

Правда о Советском Союзе уверенно пробивала себе путь во всем мире. Большое впечатление на общественность производили свидетельства видных деятелей культуры, посетивших СССР. «Революция, изменившая общественный строй, создала безграничное поле для творческих дерзаний нового»[2],— писал в 1930 г. о Советском Союзе индийский писатель-гуманист Рабиндранат Тагор. «Все, что пишут буржуазные газеты о СССР,— ложь, ложь и еще раз ложь»,— говорил Бернард Шоу, подчеркнувший, что советская система «ра-

[1] *У. З. Фостер*. Очерк политической истории Америки. М., 1955, стр. 564.
[2] *Р. Тагор*. Соч., т. 8. М., 1957, стр. 210—211.

боты и производства может быть распространена на все страны»[1]. Герберт Уэллс, посетивший в 1934 г. Советский Союз, заявил, что «плодотворные идеи Ленина продолжают оказывать воздействие и после того, как перестал творить их создатель»[2]. Немецкий поэт Иоганнес Бехер писал о социально-экономических достижениях Советского Союза как о «великой силе, возрождающей человечество», источнике прогресса, «превращающего старое человечество в новое»[3].

Показательным для настроений передовой интеллигенции было опубликованное в октябре 1932 г. заявление «Культура и кризис», подписанное Т. Драйзером, Ш. Андерсоном и другими известными американскими писателями, критиками, журналистами. В нем, в частности, делался вывод: «Именно капитализм разрушает культуру и именно коммунизм стремится спасти цивилизацию и ее культурное наследие от хаоса, который создается мировым кризисом»[4].

Успешное хозяйственное строительство в Советском Союзе на фоне экономических потрясений в капиталистическом мире 30-х гг. порождало подлинный кризис сознания в реформистском потоке рабочего движения. Видный лидер австрийских социалистов и международной социал-демократии О. Бауэр, осуждавший в свое время Великую Октябрьскую социалистическую революцию, в 1936 г. заявил: «Международная социал-демократия считала утопичной авантюрой построить в отсталой России социалистическое общество. Она полагала, что попытка обречена на неудачу... Но сегодня это мнение опровергнуто историей. В Советском Союзе строится социалистическое общество». О. Бауэр призывал: «Следует преодолеть мещанские, вульгарно-догматические предубеждения против Советского Союза, которые еще существуют в реформистском социализме»[5]. По мнению О.Бауэра, победа социализма в Советском Союзе обязывала социал-демократию коренным образом перестроить свою политику и взять курс на сближение с коммунистами.

Большой резонанс в рабочем движении и в обществе вызвала опубликованная в 1935 г. книга представителей фабианского социализма Беатрисы и Сиднея Вебб «Советский коммунизм: новая цивилизация?», в которой они показали, что в Советском Союзе построен новый, более высокий тип цивилизации. Касаясь будущего развития человечества, Сидней и Беатриса Вебб писали: «Распространится ли на другие страны эта новая цивилизация, в которой упразднен стимул погони за прибылью, устранена безработица, плановое развитие

[1] Цит. по: *А. Е. Иоффе*. Интернациональные научные и культурные связи Советского Союза. 1928—1932. М., 1969, стр. 146.
[2] «Мир и Страна Советов». М., 1967, стр. 258—259.
[3] «Глазами иностранцев. 1917—1932». М., 1932, стр. 253—254.
[4] «Culture and the Crisis». New York, 1932, p. 30.
[5] *O. Bauer*. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Bratislava, 1936, S. 193, 286, 326.

производства подчинено удовлетворению общественных потребностей, а помещики и капиталисты, следовательно, ликвидируются? Мы ответим: «Да, она распространится»»[1].

Вместе с тем успехи социализма в СССР вызвали резкое обострение идеологической борьбы на международной арене — по всему фронту основного противоречия эпохи.

До победы социализма в СССР буржуазные идеологи в обоснование «вечности» буржуазных порядков апеллировали к историческому опыту. Но с построением социализма в Советском Союзе появился новый опыт, говорящий в пользу рабочего класса. И буржуазные идеологи в борьбе против социализма все чаще стали прибегать к прямому искажению исторических событий и фактов, к фальсификации, а эклектичность превратилась в характерную черту буржуазных концепций. В буржуазной литературе все более модным становился главный «аргумент» оппортунистов, оправдывавших свое отступничество от революции ссылками на то, будто советское общество не является социалистическим. «Ныне стало очевидным,— писал американский профессор Т. фон Лауэ,— что советский социализм (или коммунизм) никак не раскрывает характера социализма (или коммунизма) как социально-политического учения. Советская практика представляет собой чистейший продукт условий России»[2].

В свою очередь если в первой половине 20-х гг. значительная часть социал-реформистских лидеров и идеологов хотя бы на словах осуждала агрессивные акции империализма в отношении Советской России, то в конце 20-х гг. бóльшая их часть фактически поддержала антисоветские планы буржуазии и борьбу против коммунизма во имя защиты буржуазного строя[3]. Касаясь причин такой эволюции, английский историк Дж. Коул писал: «Социалисты западных стран... наблюдали со смешанным чувством за успехами русского коммунизма». С одной стороны, «эти успехи опровергали сами основы реформизма и агитировали за коммунизм». С другой стороны, «они (социал-демократы.— *Ред.*) верят в социализм, и поэтому их весьма привлекает самый крупный эксперимент социалистической организации, который когда-либо видел мир. Раздираемые этими противоречиями, одни пошли в одну сторону, другие — в другую...»[4]. Таким образом, антисоветизм мог сохраняться в социал-демократи-

[1] *S.* and *B. Webb.* Soviet Communism: A New Civilization?, vol. II. London, 1935, p. 114.

[2] *Th. von Laue.* Why Lenin? Why Stalin? Philadelphia and New York, 1964, p. 218.

[3] *K. Kautsky.* Le bolshevisme dans l'impasse. Avec une préf. inédite de l'auteur pour l'édition française. Paris, 1931; *L. Laurat.* L'économie sovietique. Valois, 1931; *O. Rosenfeld.* Le Plan quinquennal. Paris, 1931; *E. Vandervelde.* L'alternative: capitalisme d'état ou socialisme démocratique. Bruxelles, 1933.

[4] *G. D. H. Cole.* The intelligent Man's Guide through World Chaos. London, 1932, p. 566, 567.

ческих партиях только за счет дальнейшего и все более преднамеренного отхода от социалистических целей движения.

Примерно такую же эволюцию проделали «левацкие» течения[1], значительная часть которых черпала аргументы из арсенала троцкистов.

Приверженность антисоветизму объединяет самые различные направления в историографии: от буржуазно-консервативных, защищающих капитализм, до «ультралевых», претендующих быть революционнее коммунистов. Такая общность безошибочно указывает на то, что отношение к Советскому Союзу является осью идейной битвы между буржуазией и рабочим классом.

Показательна эволюция взглядов буржуазных историков на *проблемы экономического строительства в СССР*.

«Первоначально большинство западных наблюдателей полагали,— писал профессор Ф. Шуман (США),— что эти усилия (по осуществлению индустриализации в Советском Союзе.– *Ред.*) должны закончиться провалом. Столкнувшись же с потрясающим успехом советской индустриализации, они часто пытались «объяснить» то, что казалось просто немыслимым, таким образом, который свидетельствовал скорее об их замешательстве и раздражении, нежели о тщательном анализе»[2].

Достижения Советского Союза выявили основной просчет буржуазных идеологов — абсолютизацию законов развития капиталистической экономики. Буржуазные исследователи предпочитают не замечать этих достижений либо спасают свои концепции, прибегая к фальсификации значения процесса социалистического строительства.

Если в начале 30-х гг. буржуазные историки открыто осуждали социалистические принципы организации советской экономики, то успехи первых пятилеток побудили их замалчивать и даже отрицать социалистический характер хозяйственного строительства в СССР[3]. В современной буржуазной литературе признания тех или иных достижений индустриализации в СССР чаще всего сочетаются с изображением этой индустриализации как запоздалого варианта капиталистической индустриализации. Английский историк А. Тойнби сводит содержание экономического строительства в СССР к спасению независимости страны «посредством осуществления «суровой» про-

[1] *J. P. Cannon.* The End of the Comintern. New York, 1943; *C. L. R. James.* World Revolution. 1917—1936. The Rise and Fall of the Communist International. London, 1973; *E. Mandel.* Revolutionäre Strategien im 20. Jahrhundert. Politische Essays. Wien — München — Zürich, 1978; *A. Rosmer.* Moscou sans Lenine. Paris, 1953.

[2] *F. L. Shuman.* Russia since 1917. New York, 1957, p. 330.

[3] «Revolutionary Russia». Ed. by R. Pipes. Cambridge (Mass.), 1968.

граммы технологической вестернизации»[1]. Объявляя советский опыт экономического развития неприменимым для стран развитого капитализма, буржуазные авторы утверждают, что Советский Союз дает в лучшем случае лишь для развивающихся стран «пример того, как страна может быстрыми методами достичь экономической зрелости»[2].

Стремление ряда буржуазных историков отрицать принципиальное отличие социалистической индустриализации от индустриализации капиталистической отражало известное идейное отступление буржуазии перед растущим авторитетом реального социализма, но одновременно и поиски новых аргументов с целью дискредитации социализма в СССР.

Так на основе игнорирования различий классовой природы двух типов индустриализации (социалистической и капиталистической) родился и поныне живет миф о «высокой» цене индустриализации в Советском Союзе. Американский историк С. Хук утверждает, будто капиталистическая индустриализация дала лучшие результаты с меньшими для общества издержками, нежели социалистическая индустриализация[3]. По словам американского исследователя С. Блэка, успехи индустриализации в Советском Союзе достигнуты «наивысшей ценой, когда-либо заплаченной модернизирующимся обществом»[4].

Между тем сопоставление социальных целей и результатов социалистической индустриализации с индустриализацией капиталистической вскрывает фальшь этих утверждений. В условиях капитализма индустриализация сопровождалась чудовищным усилением эксплуатации и обострением классовых антагонизмов, а рост производительных сил сочетался с хищническим отношением к самому ценному, чем обладает общество,— к здоровью и жизни трудящихся. Каторжные условия работы, использование труда малолетних детей и подростков, торговля людьми и даже применение рабского труда, абсолютное обнищание трудящихся, огромный рост смертности — такова была оборотная сторона технико-экономических успехов капиталистической индустриализации. Слова английского буржуазного экономиста Б. Мандевиля, цинично заявлявшего: «Чтобы сделать общество счастливым, необходимо, чтобы было много несчастных и бедных», отражали общее мнение пионеров капиталистической индустриализации, провозглашавших нищету и страдания трудящихся необходимым фундаментом «общественного блага».

[1] «The Impact of the Russian Revolution. 1917—1967. The Influence of Bolshevism on the World outside Russia». London — New York — Toronto, 1967, p.8.
[2] *A. Gruchy.* Comparative Economic Systems. Competing Ways to Stability and Growth. Boston — New York — Atlanta, 1966, p. 796.
[3] «Survey», January 1967, p. 137.
[4] *C. Black.* The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. New York — Evanston — London, 1966, p. 146.

В свое время Ф. Энгельс бросил гневное обвинение в адрес капитализма: «...если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить *не могут*; если оно сильной рукой закона удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть...; если оно знает, великолепно знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и все же этих условий не устраняет,— это тоже убийство, в такой же мере как убийство, совершенное отдельным лицом, но только убийство скрытое, коварное...»[1]

Справедливость этого обвинения подтверждается неопровержимыми фактами и свидетельствами. Сидней и Беатриса Вебб признавали: «Мы склонны забывать ужасающие свидетельства о настоящем порабощении тысяч маленьких детей на текстильных фабриках, о фактической закупке сирот (среди которых «один из двадцати был умственно неполноценным») фабрикантами в церковных приходах и в попечительских домах; о мальчиках и девочках, нагими работающих в угольных шахтах; о неописуемых условиях в тюрьмах и в смешанных работных домах; о бедняках, насильственно депортированных в колонии; о ежедневном убийстве и калечении рабочих всех возрастов от «несчастных случаев на производстве», которые вполне возможно предотвратить, но это стоило бы слишком дорого; о невероятном антисанитарном состоянии из поколения в поколение новых индустриальных центров; обо всем том, что, как мы сейчас признаем, составило в XIX в. безобразный фон блестящей коронации юной королевы Виктории»[2].

Напротив, в ходе социалистической индустриализации окончательно устранялись эксплуатация человека человеком, социальное неравенство, безработица, классовые антагонизмы. В Советском Союзе в 30-е гг. по сравнению с 1914 г. смертность упала наполовину, неуклонно повышалась заработная плата, сложилась самая передовая в мире система социального обеспечения. Иными словами, в процессе социалистической индустриализации создавались основы нового, высшего типа цивилизации, в которой всестороннее возвышение рабочего класса обеспечило освобождение общества от эксплуатации и угнетения. Игнорируя это качество социалистической индустриализации, невозможно дать объективную оценку ее реального значения, ее роли в общественном развитии.

Классовая подоплека буржуазной критики социалистических преобразований в промышленности и в сельском хозяйстве наглядно раскрывается в особом ожесточении, с которым буржуазные историки осуждают политику ликвидации кулачества как класса, изо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 329—330.
[2] *S.* and *B. Webb*. Op. cit., vol. II, p. 597—598.

бражая ее как «войну» против крестьянства[1]. В действительности же политика ликвидации кулачества как класса осуществлялась при поддержке широчайших крестьянских масс и ими самими, ибо кулачество являло собой один из самых зловещих типов эксплуататора, снискавшего острую ненависть трудового крестьянства. Вопреки надеждам антисоциалистических сил ликвидация кулачества не вызвала враждебности крестьянства к социализму, напротив, она способствовала образованию социально-политической общности в деревне.

Страх перед революционизирующим воздействием советского опыта довлеет над оценкой, которую дают буржуазные и правосоциал-демократические историки международному значению социалистического строительства. Западногерманский социал-демократ Р. Лёвенталь уверяет, будто опыт социалистического строительства в Советском Союзе «начинает выглядеть во все большей мере не отвечающим интересам рабочего класса передовых индустриальных обществ»[2].

Однако подобные утверждения настолько противоречат очевидным данным, что вызывают возражения даже некоторых буржуазных историков, призывающих считаться с фактами.

Говоря об индустриализации в СССР, Ф. Шуман писал: «... события (индустриализация.— *Ред.*), занявшие во всех других странах полстолетия или даже больше, заняли здесь какие-нибудь десять лет... Потрясающий переворот в жизни людей может быть выражен в следующих выводах: это смелое предприятие привело от неграмотности к грамотности, от нэпа к социализму, от примитивного земледелия к коллективной обработке земли, от преобладания сельского быта к преобладанию городского быта, от всеобщего технического невежества к всеобщему овладению современной техникой»[3]. «Успехи советской экономики с 1928 г. стали одним из доминирующих факторов нашего времени»[4],— признает, например, американский буржуазный историк А. Эрлих.

Достижения социалистической экономики подрывали рабскую покорность бесчеловечным законам капитализма, укрепляли веру трудящихся в возможность ликвидации капиталистической эксплуатации, подчинения экономического развития нуждам человеческого общества и тем самым способствовали упрочению сил революции во всем мире. «Успешное осуществление пятилеток означало не только укрепление социалистической политической системы в обширной и важной части мира, но также и возбуждение в умах тех живущих

[1] *H. Seton-Watson.* From Lenin to Malenkov. The History of World Communism. New York, 1953, p. 157.
[2] «The Impact of the Russian Revolution. 1917—1967», p. 292.
[3] *F. L. Schuman.* Russia since 1917, p. 144—145.
[4] *A. Erlich.* The Soviet Industrialisation Debate 1924—1928. Cambridge (Mass.), 1960, p. XX.

в других странах людей, которые имеют основания быть недовольными капиталистическим строем»,—констатировал Дж. Коул.

В ходе строительства социализма были практически опровергнуты принципы неприкосновенности частной собственности и представления о неуничтожимости социального неравенства, а социалистические принципы экономической организации, воплотившись в практику, стали воздействовать на умонастроения как трудящихся, так и более широких слоев населения, подтачивая прежнее преклонение перед институтом частной собственности.

Идея необходимости ограничения права частной собственности глубоко проникала в сознание широких масс. Под влиянием социального прогресса в СССР неизмеримо возросла решимость рабочих отстаивать свои социальные и экономические требования. Эта тенденция особенно ярко проявилась в 30-е гг., когда капиталистический мир поразил невиданный по своим масштабам экономический кризис. В ходе предыдущих экономических кризисов капитал с большей легкостью принуждал народные массы приносить громадные человеческие и материальные жертвы молоху капитала, опираясь на то обстоятельство, что человечеству не известны были иные, требующие меньших жертв пути экономического развития. Однако в 30-х гг. пример бескризисного развития социалистического хозяйства способствовал тому, что самые широкие слои общества несравненно более решительно отвергали шантаж капитала. Беспримерно интенсивная для условий кризиса стачечная борьба, движения безработных, голодные походы и другие массовые выступления трудящихся оказали серьезное противодействие натиску капитала и реакции.

В буржуазной и социал-демократической литературе принято обычно изображать социально-экономические завоевания рабочего класса капиталистических стран исключительно как результат дальновидности буржуазии и эффективной деятельности социал-демократических реформистских лидеров. Между тем эти достижения были бы неизмеримо скромнее, если бы не пример социалистического строительства в Советском Союзе. Даже идеологи правой социал-демократии не могут не признать, что пример Советского Союза, страх «перед его возможным влиянием на европейские страны побудили господствующие классы к уступкам организованному рабочему движению...»[1].

По мере того как надежды буржуазии на крах советской экономики становились все более призрачными, буржуазные идеологи стали выдвигать тезис, будто экономические успехи Советского Союза достигались за счет ликвидации демократии и политических свобод. В буржуазной литературе утвердилось клише «советской тоталитар-

[1] «Rote Markierungen. Beiträge zur Ideologie und Praxis der österreichischen Sozialdemokratie». Wien, 1972, S. 142.

ной модели», которое заменяет буржуазным исследователям научный анализ социалистического государства.

Определяя суть советской демократии, Л. И. Брежнев пишет: «Провозглашение и обеспечение экономических, социальных и культурных прав, наряду с отказом в праве кому бы то ни было на эксплуатацию и присвоение плодов чужого труда, означало переход от равенства формального к равенству по существу и подвело материальное основание под политические права и свободы граждан»[1]. С победой социализма в СССР в полной мере выявились преимущества *социалистической демократии*. Однако буржуазные историки тщательно избегают даже упоминаний об этом и безапелляционно объявляют любое отличие правовых норм социалистической демократии от правовых норм буржуазной демократии свидетельством «недемократичности» советского общества.

Идейно-политическая консолидация советского общества в ходе строительства социализма, возрастание роли государства и Коммунистической партии в управлении обществом предстают в буржуазной литературе как процесс урезывания и даже ликвидации демократии. Итальянский историк Д. Пертиконе клеветнически утверждает, будто «русский коммунизм» на первых порах воспользовался демократией, «а затем выбросил ее на свалку»[2]. Не рассчитывая на научную убедительность своих аргументов, буржуазные историки взывают к предрассудкам, питаемым абсолютизацией буржуазной демократии.

Так, по словам буржуазных историков, изживание политической оппозиции в СССР подрывало демократию, ибо вело к исчезновению «политического плюрализма», который объявляется исчерпывающим критерием «чистой» демократии безотносительно к ее классовому содержанию и конкретным историческим условиям. Фактически же «политический плюрализм», многопартийность как атрибуты буржуазной демократии — явления исторические, рожденные высоким накалом классовой борьбы. Легализацию политических разногласий буржуазия рассматривает как наименьшую цену за сохранение своего политического господства.

Многопартийная система, предоставляя демократическим силам известные возможности воздействовать на политику в условиях капитализма, бесконечно далека от того, чтобы обеспечить подлинную демократию. Дж. Коул указывал на объективную невозможность двухпартийной системы (как и многопартийной) выйти за рамки буржуазного политического господства, стать на путь глубоких демократических преобразований: «...если две партии, имеющие различные позиции по коренным вопросам, будут сменять друг друга в прави-

[1] *Л. И. Брежнев.* Социализм, демократия и права человека.— «Коммунист», 1981, № 2, стр. 14.
[2] *G. Perticone.* La storia del socialismo. Roma, 1974, p. 518.

тельстве и оппозиции, то ясно, что каждая из них будет тратить основную часть своего времени пребывания в правительстве, чтобы ликвидировать результаты деятельности своей предшественницы»[1].

Советская демократия формировалась в иных условиях. Завоеванию рабочим классом политической власти и социалистическим преобразованиям сопутствовало резкое обострение классовой борьбы, вызванное отчаянным сопротивлением эксплуататорских классов. Однако с ликвидацией эксплуататорских классов и формированием социально-политического единства социалистического общества преобладающими в отношениях между классами стали сплочение и сотрудничество, создавшие основу для дальнейшего расширения демократии. Ограничения политических прав определенных слоев общества, которые после буржуазных революций сохранялись десятилетиями и даже веками, в Советском Союзе были отменены всего 19 лет спустя после Великой Октябрьской социалистической революции. Главное же заключается в том, что расширение демократических прав и свобод, которое в буржуазном обществе происходит в условиях обострения классовой борьбы и является вынужденной уступкой правящих классов требованиям рабочего и демократического движения, в Советском Союзе отражало политическую консолидацию общества, устранявшую объективную основу для существования политической оппозиции и внутрипартийных оппозиций.

Сами буржуазные исследователи признают, что в ходе социалистического строительства было достигнуто невиданное в истории классового общества единство правительства и народа. В годы советских пятилеток, пишет Т. фон Лауэ, «правительство и народ были отныне едины; народ интегрировался в государство; правительство и народ с поразительным единодушием принялись за осуществление задач экономической модернизации»[2].

Признание того, что в основе политического единства советского общества лежит объективный социальный источник, свидетельствует о беспочвенности сетований буржуазных «советологов», изображающих отсутствие многопартийной системы в СССР как проявление некой «антидемократичности». Политическая история Советского Союза и других социалистических стран свидетельствует о том, что в определенных исторических условиях после завоевания пролетариатом власти и в ходе социалистического строительства может сохраниться многопартийность, но в системе мер, гарантирующих социалистическую демократию.

Буржуазные историки, абсолютизирующие многопартийную систему как таковую, закрывают глаза на реальные процессы укреп-

[1] *G. D. H. Cole.* The Intelligent Man's Guide Through World Chaos, p. 604.
[2] *Th. von Laue.* Op. cit. p. 219.

ления народовластия в СССР, представлявшего собой качественный скачок в развитии демократии. Победа социалистических производственных отношений не только обеспечивала социальное и экономическое равноправие, но и расширяла участие трудящихся в управлении государственными делами.

Миллионные массы рабочих и крестьян были привлечены к решению экономических, политических, культурных вопросов, к составлению планов предприятий, учреждений, контролю над их деятельностью и т. д. Невиданные масштабы сознательного участия трудящихся в созидании нового общества раскрывали новые грани социалистической демократии.

В социалистическом обществе все сферы жизни организовывались на подлинно демократических принципах, люди труда стали его подлинными хозяевами. Руководящая роль революционного авангарда рабочего класса позволяла добиваться такого единства экономических, политических и идеологических рычагов управления общественными процессами, которое обеспечило огромные преимущества социалистической организации общества над капиталистической.

Возрастание руководящей роли Коммунистической партии как носителя социалистического сознания отражало дальнейшее расширение демократии. Вопреки клеветническим измышлениям буржуазных историков партийное руководство по своей природе глубоко демократично, ибо опирается в первую очередь на авторитет партии в массах. «...Советская власть,— отмечал В. И. Ленин,— есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя»[1].

Попытки буржуазных историков представить дело так, будто факты нарушений законности в период культа личности И. В. Сталина определяли суть политического развития советского общества, — не что иное, как фальсификация. Указанные нарушения, наносившие немалый ущерб советскому обществу, не могли, однако, воспрепятствовать демократической активности масс, без которой было немыслимо успешное строительство социализма.

Невозможно переоценить воздействие примера советской демократии на общественные процессы во всем мире. Правда о впечатляющих достижениях советской демократии проникала в другие страны, привлекая на сторону социализма новые миллионы людей.

Трудящиеся всего мира видели в Советском государстве воплощение своих представлений о справедливом устройстве общества. «Рабочие всего мира,— признавал в этой связи лидер английской лей-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 196.

бористской партии Г. Ласки,— видят в России скорее всего не то, что ее революция отрицает, а то, что она утверждает. Они видят государство, которое со всеми ошибками и слабостями кажется им стоящим на службе таких же людей, как они сами. Они узнают в требованиях этого государства и в прокламированных им принципах свои собственные требования и принципы... Для рабочих важны принципы, согласно которым все должны трудиться, общественная деятельность должна проводиться в интересах масс, ни одному человеку не должно отдаваться предпочтение перед другими...»[1]

Трудящиеся других стран улавливали социальную сущность советской демократии. «Демократия буржуазная,— писал Э. Карр,— не ослабила экономических тисков, в которых предприниматель держит рабочего; свобода прессы и собраний на деле не обеспечивает всем равные возможности для выражения своих взглядов... Советский вызов способствовал широкому и быстрому осознанию этих недостатков и тем самым в громадной степени содействовал ослаблению веры народа в демократические институты западного мира»[2].

Осуществление в Советском Союзе возможности использовать власть в интересах народа усиливало стремление рабочих в капиталистических странах к борьбе за политическую власть и способствовало вовлечению их в демократическую борьбу. Это в свою очередь содействовало повороту широких слоев населения к поддержке требований рабочего класса. Значительное место, которое отводилось социальным требованиям в программах народных, национально-освободительных фронтов, движения антифашистского Сопротивления, свидетельствовало о том, что лозунг социального равноправия получил поддержку широких демократических слоев. В результате углублялось само понятие демократии. В демократической борьбе усиливались антикапиталистические тенденции, ибо социальное равноправие неосуществимо без ограничения и ликвидации власти капитала.

Рост фашистской опасности в полной мере показал, какими последствиями чревато отсутствие подлинного равенства в условиях буржуазной демократии. «...Отсутствие равенства или ощущение этого отсутствия,—писал Дж. Коул,— в значительной мере разрушали демократию в западных странах, несмотря на их формальную приверженность всеобщему избирательному праву»[3]. С одной стороны, влиятельные фракции буржуазии проявили склонность прибегнуть к фашизму ради сохранения своих привилегий, с другой — несостоятельность буржуазной демократии в обеспечении коренных

[1] *H. Laski.* Communism. London, 1927, p. 242—243.
[2] *E. H. Carr.* The Soviet Impact on the Western World. London, 1947, p. 12—13.
[3] *G. D. H. Cole.* Europe, Russia and the Future. New York, 1942, p. 177.

интересов народных масс питала недооценку значительной частью трудящихся политической борьбы в защиту буржуазно-демократических свобод, в ряде случаев перераставшую в нигилистическое отношение к демократическим завоеваниям.

Наступление фашистской реакции, разочарование значительных слоев трудящихся в буржуазной демократии грозили создать опасный тупик в политическом развитии. Между тем пример Советского государства свидетельствовал о том, что только расширение демократии, соответствующее подлинным интересам общества и трудящегося большинства, делало ее неуязвимой от атак ее противников. Тем самым этот пример указывал путь эффективного противодействия реакционным тенденциям, усиливавшимся в обстановке кризиса буржуазной демократии.

Наконец, неоценим вклад советского рабочего класса в *культурное и идейное развитие советского общества*. Грандиозные культурные достижения Советского Союза не оставили камня на камне от сочиненного буржуазными пропагандистами мифа о «большевиках — разрушителях культуры». Большинство современных буржуазных историков, не решаясь отрицать достижения культурной революции в СССР, делают основной упор на искажении их характера. В немарксистской историографии преобладающей является тенденция к отрицанию качественного отличия социалистической культуры от буржуазной. Западногерманский «советолог» Д. Гейер уверяет, например, что культурное строительство в Советском Союзе сводилось к реставрации буржуазной культуры[1]. Нередко советская культура изображается как вариация старой буржуазной культуры, приспособленная к нуждам «тоталитарного» общества[2].

Особенно злобный характер носит критика социалистической идеологии. Буржуазные историки, как правило, подменяют серьезный сравнительный анализ буржуазной и социалистической идеологий, сопоставление их с конкретным социально-политическим развитием социалистического и буржуазного обществ абстрактными рассуждениями о превосходстве «идеологии индивидуализма» над «идеологией коллективизма».

Однако все эти абстрактные аргументы рассыпаются, как только сверяются с реальностями исторического процесса. Прогрессивное значение буржуазного индивидуализма имеет исторический характер. Подлинное значение формулы капитализма «личность превыше общества» сводится к обеспечению привилегированного положения собственников средств производства. «Индивидуализм,— пишет Э. Карр,— означает претензию избранной личности отличаться от безликой массы обычных людей, выделяться своими достижениями и

[1] «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1962, H. 1, S. 55.
[2] См., например: *N. A. Riasanovsky*. History of Russia. New York, 1963, p. 626—627.

получением соответствующих привилегий. Но для простого рабочего в основном иллюзорна свобода выбора профессии, когда она дополняется свободой голодать. Отсутствие обязанности трудиться может выглядеть благом, но купленным слишком дорогой ценой, когда общество в свою очередь не обязано обеспечивать работой безработных»[1].

Реальный социализм практически доказал, что подлинный гуманизм заключается не в провозглашении принципа, согласно которому интересы личности ставятся выше интересов общества, а в обязанности общества создать каждой личности условия для ее всестороннего развития. Ликвидировав эксплуатацию человека человеком, социализм доказал, что подлинно гуманистическая мораль формируется только на основе признания взаимообусловленности общественных и личных интересов. В социалистическом обществе забота об общественном благе — важнейшая предпосылка всестороннего развития личности, а забота о личности — высшая цель политики государства.

Строительство социализма предъявляет особенно высокие требования к уровню сознания трудящихся. В эксплуататорских обществах материальный интерес правящего класса играл роль главного стимула экономического развития. Необходимыми условиями успешного социалистического строительства были высочайший уровень сознательности правящего рабочего класса, его способность поставить интересы общественного развития выше своих непосредственных материальных интересов. В процессе приобщения трудящихся масс к культуре и знаниям, необходимым для управления обществом, формировался новый человек.

Культурная революция в Советском Союзе — важнейший этап как в идейном возвышении советского рабочего класса, так и в идейном развитии всего человечества. «Другие общества, особенно в течение последних одного-двух веков,—писали С. и Б. Вебб,— прилагали усилия к созданию образованных и даже культурных классов внутри общества. Советский Союз первым в истории человечества прилагает усилия к тому, чтобы сформировать не просто интеллигенцию, а культурную нацию, не знающую различий между полами и расами, богатством и социальным положением»[2].

Создание социалистического общества в СССР значительно укрепило идейные позиции революционного пролетариата. Пока социализм оставался идеалом, буржуазия сохраняла значительно больше возможностей для противодействия социалистическому влиянию, объявляя социалистические цели утопией. Превращение социализма из теории в реальность лишило буржуазию этого преимущества. Общественно-историческая практика пролагала новые пути распространения марксистско-ленинской идеологии. Под воздействием достижений Советского Союза открывались широкие возможности для усвоения миллионными массами социалистических идеалов.

[1] *E. H. Carr.* The Soviet Impact on the Western World, p. 102.
[2] *S.* and *B. Webb.* Op. cit., vol. II, p. 1128.

ВО ГЛАВЕ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

Триумф марксизма-ленинизма, воплотившийся в исторических свершениях советского рабочего класса, прокладывал революционному пролетариату путь к утверждению его в качестве ведущей идейной силы новой исторической эпохи — эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Главным фактором идейного возвышения международного рабочего класса было коммунистическое движение. Именно поэтому коммунистические партии были и продолжают оставаться объектом ожесточенных нападок буржуазных и оппортунистических идеологов.

Если в прошлом буржуазия, как правило, осуждала социалистическое движение в целом, то по мере роста влияния коммунистов буржуазная критика все чаще стала направляться против революционной его части.

В годы первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции буржуазные исследователи делали первые попытки вывести из-под критики отдельных социал-шовинистических и контрреволюционно настроенных рабочих вождей. По мере того как усиливалась враждебность социал-демократических лидеров к Советскому Союзу и коммунистическому движению, возрастала благосклонность буржуазных историков ко всему реформистскому течению.

Подобный поворот соответствовал переходу буржуазии от тактики преимущественно фронтальной борьбы против социалистического движения в целом к политике, делающей упор на углубление раскола между революционным и реформистским течениями путем привлечения реформистских рабочих лидеров к классовому сотрудничеству. Буржуазная историография стала шире использовать антикоммунистические аргументы социал-демократических и «ультралевых» авторов.

В антикоммунистической литературе весьма распространен тезис о неосуществимости пролетарской революции в капиталистическом мире. «Только один вывод (марксизма.— *Ред.*) определенно неверен,— писал один из столпов антикоммунистической историографии, Ф. Боркенау,— идея, будто в кульминационном пункте кризиса (капитализма.— *Ред.*) поднимется пролетариат и, обратив в прах все имущие классы, возглавит руководство обществом, ликвидирует частную собственность на средства производства и построит бесклассовое общество. Эта идея руководящей роли пролетариата в современных общественных переворотах оказалась утопическим элементом марксизма.

...На Западе... выявилась полнейшая иллюзорность пролетарской революции... В наиболее развитых современных странах все

классы и группы слишком «буржуазны», чтобы пролетарская революция могла стать практической задачей борьбы»[1].

По схеме Боркенау, в странах развитого капитализма возможны лишь два пути: фашизм или путь классового сотрудничества, «типичный для прогрессивной или эволюционной демократии»[2]. Поэтому революционная деятельность Коминтерна, по утверждению Боркенау, была обречена на неудачу. «Историю Коминтерна,— писал он,— можно суммарно охарактеризовать как серию надежд и разочарований»[3].

Большинство социал-демократических историков по существу поддерживают тезис о нереальности социалистической революции. Влиятельный идеолог международной социал-демократии Ю. Браунталь квалифицировал цели Коммунистического Интернационала как «великую революционную утопию, неосуществимую в условиях суровой реальности»[4].

Для «доказательства» этого тезиса приводятся два аргумента: во-первых, в рассматриваемый период не произошло социалистических революций в основных капиталистических странах, и, во-вторых, в борьбе против фашизма и войны коммунистические партии выдвигали на первый план задачи демократического характера, а не установку на социалистическую революцию.

Однако названные факты ни в коей мере не опровергают идейных и политических позиций коммунистического движения. За рассматриваемое двадцатилетие революционное движение пережило немало трудностей. Эти трудности легко приводили в отчаяние тех, кто поверил упрощенным троцкистским концепциям мировой социалистической революции. Что касается марксистско-ленинских партий, то они всегда учитывали прозорливые предостережения Маркса против легкомысленного оптимизма относительно возможности быстрой, без осложнений победы будущих пролетарских революций.

К. Маркс указывал, что в отличие от буржуазных революций, которые «стремительно несутся от успеха к успеху», пролетарские революции «постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова...»[5].

Как свидетельствует исторический опыт, рельный революционный процесс не имеет ничего общего с надуманными схемами «чистой» социалистической революции, в которых игнорируются трудности

[1] *F. Borkenau.* World Communism. A History of the Communist International. University of Michigan Press. Ann Arbor, 1962, p. 420—421.
[2] Ibid., p. 421—422.
[3] Ibid., p. 413.
[4] *J. Braunthal.* History of the International, vol. II, 1914—1943. New York — Washington, 1967, p. X.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 122—123.

революционного пути, искусственно разрывается связь демократических и социалистических задач, а социалистическая революция предстает как антипод демократического движения. «Нельзя представлять себе социалистической революции,— писал В. И. Ленин,— в виде одного сражения по одному фронту: империализм против социализма. Эта революция будет целой эпохой обостренной классовой борьбы и всяческих социальных потрясений, целым рядом битв по самым различным фронтам, из-за самых разнообразных экономических и политических преобразований, назревших и требующих коренной ломки старых отношений»[1]. В. И. Ленин подчеркивал: «Кто ждет «чистой» социальной революции, тот *никогда* ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции»[2].

Историческая заслуга коммунистов состояла в том, что, обогащая демократическую борьбу социальным содержанием, они укрепляли силы демократии в критический момент поворота влиятельных фракций буржуазии к фашизму и одновременно усиливали позиции рабочего класса в борьбе за политическое влияние и политическую власть. Развитие классовой борьбы в 20—40-х гг. подтвердило правильность марксистско-ленинского взгляда на мировой революционный процесс как сочетание пролетарской революции с демократическими и освободительными революциями и курса коммунистического движения на объединение всех этих революционных потоков в борьбе за социальный прогресс. Благодаря революционный борьбе пролетариата, историческим свершениям социалистической державы и ее решающему вкладу в спасение человечества от фашизма был открыт путь к образованию мировой системы социализма, к укреплению демократических сил в капиталистическом мире, к углублению кризиса колониальной системы империализма и ее крушению. Главный итог развития — изменение соотношения сил в пользу социализма и рабочего класса представляет собой исторический факт, который бессильны опровергнуть самые изощренные аргументы.

Не случайно антикоммунистические историки весьма неохотно обращаются к анализу конкретных событий и фактов, предпочитая готовые клише, которым придается характер аксиом. Одно из таких клише— выдвинутое социал-демократами обвинение коммунистов в расколе рабочего класса. «Эта борьба (революционная борьба коммунистов.— *Ред.*), расколовшая и обессилившая рабочий класс, стала бедствием для социализма и в конечном счете для всего мира»,— писал, например, Ю. Брауншталь. Современные буржуазные историки поддерживают этот тезис. «Безрассудной была уже сама борьба против западной социальной системы от имени рабочих,— писал, на-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 54, стр. 464.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 54.

пример, австралийский буржуазный исследователь Маклиннс,— но было абсурдом раскалывать рабочих и осуждать их на ведение войны на два фронта (и против буржуазии, и против социал-демократии.— *Ред.*)...»[1] «Их (коммунистов.— *Ред.*) очевидное влияние,— писал он,— часто проявлялось в том, что подрывало уверенность в своей правоте (а следовательно, и снижало эффективность действий) западных социалистов, стремившихся к сотрудничеству со строем, который они уже не могли надеяться и желать ниспровергнуть»[2]. Маклиннс признал то, о чем не принято открыто говорить в социал-демократических кругах: он выразил недовольство, что деятельность коммунистов затрудняла соглашательство социал-демократических лидеров с буржуазией.

Что касается единства рабочего класса, то социал-демократические лидеры по существу прикрывали разговорами о таком единстве свои антикоммунистические и узкопартийные расчеты, курс на подрыв коммунистического движения[3]. Хотя в капиталистических странах не было условий для преодоления основных разногласий между реформистским и революционным течениями, существовала объективная основа единства действий рабочего класса в борьбе за конкретные социальные и демократические требования. Социал-демократические лидеры, широко практиковавшие сотрудничество с буржуазными партиями, решительно противились предложениям коммунистов о налаживании единства действий рабочих масс, ссылаясь на сохранение идейных разногласий между социал-демократами и коммунистами. Более того, социал-демократические руководители приняли участие в репрессиях против революционного течения, присоединившись к усилиям буржуазии по созданию атмосферы враждебности против коммунистов.

Такая позиция социал-демократического руководства крайне сужала шансы на достижение единства действий рабочего движения, она порождала ответную враждебность революционно настроенных рабочих, питавшую левосектантские ошибки в политике коммунистических партий. Попытки антикоммунистических историков изобразить самокритику коммунистами допущенных ошибок как доказательство их ответственности за раскол рабочего класса представляют собой фальсификацию. Напротив, эта самокритика возникла лишь на основе плодотворной практики борьбы за объединение рабочих масс. Следует подчеркнуть, что только принципиальная позиция Коммунистического Интернационала, предлагавшего начать объединение рабочего класса с организации единых действий всех трудящихся по конкретным вопросам социальной и политической

[1] «The Impact of the Russian Revolution. 1917—1967», p. 121—122.
[2] Ibid., p. 34.
[3] *J. Braunthal.* Geschichte der Internationale, Bd. II, 1914—1943. Hannover, 1963, S. 13.

борьбы, не обусловливая их предварительным разрешением существующих между рабочими партиями идейно-политических разногласий, позволяла преодолеть тупик в борьбе за единство рабочего класса. Хотя это не устраняло разногласий в рабочем движении, возможности буржуазии использовать эти разногласия в ущерб интересам рабочего класса были бы существенно ограничены.

Историческое значение имела принятая VII конгрессом Коминтерна программа практических мер по объединению рабочего класса, всех антифашистских сил в решающей для судеб демократии битве против фашизма и войны.

Коммунистические партии были инициаторами и ведущей силой движений Народного фронта, сыгравших выдающуюся роль в борьбе против фашизма и войны. Исследователи, считающиеся с фактами, дают высокую оценку Народному фронту. Известный французский историк Ж. Дельперье де Байяк писал: «Истерии привилегированных, предательству правых Народный фронт противопоставил права и волю народа Франции в его борьбе за справедливость, за высокое благородство труда и человеческое достоинство... за мир и братство между народами и нациями, за национальную независимость»[1].

В целом, однако, признания заслуг Народного фронта тонут в потоке антикоммунистических и антисоветских вымыслов. Реакционные историки изображают Народный фронт как анархический разгул черни, угрожавший обществу и цивилизации[2]. По их словам, «Народным фронтом руководила Москва», стремившаяся «создать мощное левое течение и через него в конечном счете контролировать политику всех нефашистских европейских стран в соответствии с интересами России»[3]. Реакционные авторы даже пытаются доказать, будто создание Народного фронта отталкивало от антифашистского союза настолько значительные отряды «правых антифашистов в Европе», что возникали более благоприятные условия для развития фашизма[4]. По существу все эти фальшивки предназначены задним числом оправдать позорный лозунг реакции «Лучше Гитлер, чем Народный фронт!», который бессильна обелить самая искусная софистика.

Большинство буржуазных историков, не рассчитывая на убедительность подобных одиозных оценок, предпочитают более гибкие методы: вынужденные признания отдельных достижений Народного

[1] *J. Deloperrié de Bayac.* Histoire du Front populaire. 1934—1939. Paris, 1972, p. 497.
[2] См., например: *J. Valdour.* Le désordre ouvrier. La révolution en marche. Paris, 1937; *J. Chastenet.* Histoire de la Troisième République, t. 6. Déclin de la Troisième République, 1931—1938. Paris, 1962.
[3] *F. Borkenau.* Op. cit., p. 424.
[4] «The Impact of the Russian Revolution. 1917—1967», p. 125.

фронта сочетаются с абсолютизацией его поражений, призванной доказать бесперспективность такого направления борьбы[1].

Враждебность к Народному фронту характерна и для историков «ультралевого» направления. Отправной точкой их критики является утверждение, будто Народный фронт воспрепятствовал социалистической революции[2]. Французский историк «ультралевого» направления Д. Гэррэн обвиняет партии Народного фронта во Франции в предательстве социалистической революции[3]. Историки «ультралевого» направления и ревизионисты нередко черпают аргументы из арсенала реакции. В этом отношении особенно неразборчив Клаудин, утверждающий, будто «политика Коминтерна запугала все фракции буржуазии и заставила их пойти на компромиссное соглашение с Германией»[4].

Совпадения позиций «ультралевых» и буржуазных историков отнюдь не случайны. «Ультрареволюционер» или ревизионист, пропагандирующий аргументы реакционных идеологов, и буржуа, упрекающий коммунистов в «утрате революционности», движимы одним стремлением — опорочить любой реальный шаг вперед революционного пролетариата.

Историки-марксисты, опираясь на обширный документальный материал, доказали полнейшую беспочвенность клеветнических вымыслов о «диктате Москвы» в коммунистическом движении. Политический курс Коминтерна, в частности политика Народного фронта, был плодом коллективных усилий всех коммунистических партий, результатом обобщения и теоретического осмысления опыта борьбы за демократию и социализм, за объединение всех рабочих и демократических сил[5]. Подлинный научный интерес представляет выявление тех закономерностей, в силу которых коммунистические партии возглавили демократическое движение, ставшее основным оплотом борьбы против фашизма. Такое положение коммунистических партий в движении Народного фронта было подготовлено всей их предыдущей политической деятельностью. Во-первых, благодаря идейно-политической самостоятельности по отношению к буржуазии коммунистическое движение избежало разлагающего воздействия кризиса буржуазной демократии, значительно снизившего спо-

[1] *H. Seton-Watson.* From Lenin to Malenkov, p. 178.
[2] *A. Sochy.* Anarcho-Syndikalisten über Bürgerkrieg und Revolution in Spanien. Darmstadt, 1969, S. 76.
[3] *D. Guérin.* Front populaire, révolution manquée. Paris, 1963, p. 121.
[4] *F. Claudin.* The Communist Movement... Penguin Books, 1975, p. 184.
[5] См., например: «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969; *Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1975; *К. К. Шириня.* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939 гг.). М., 1979.

собность буржуазно-демократических и даже социал-демократических партий сопротивляться фашизму, вести против него эффективную борьбу. Более того, в огромной мере возросла активность коммунистов в демократической борьбе. Во-вторых, коммунисты, игравшие авангардную роль в массовой политической борьбе, которая идейно и политически подготавливала почву для возникновения движений типа Народного фронта, имели наиболее высокий авторитет среди демократических масс, видевших в коммунистах своих испытанных руководителей. Партии же, привыкшие полагаться на парламент и другие буржуазно-демократические институты, с недоверием относились к массовой борьбе. Поэтому, даже когда социал-демократические и буржуазно-демократические партии оказывались в руководстве Народного фронта, они проявляли пассивность в организации массового движения, которое было фундаментом силы Народного фронта.

Иными словами, выдвижение коммунистов в авангард Народного фронта не было случайностью, как это пытаются изобразить буржуазные историки, а отражало процесс возвышения революционного пролетариата в качестве руководителя и ведущей силы демократического движения. То обстоятельство, что Народный фронт не получил накануне второй мировой войны повсеместного распространения, объясняется прежде всего сопротивлением и колебаниями социал-демократических лидеров. В 1935 г. секретарь РСИ Ф. Адлер, высказываясь против предложения VII конгресса Коминтерна о сотрудничестве, утверждал, что «маневры единого фронта, направленные на подрыв демократии, предоставили лишь новые возможности для фашизма»[1]. Хотя дальнейшие победы движений Народного фронта над реакцией опровергли подобные суждения, немарксистские историки и поныне уверяют, что недоверие к коммунистам было главной причиной отказа большинства социал-демократических партий от сотрудничества с коммунистами в создании Народного фронта. Правда заключалась, однако, в том, что руководство РСИ просто не могло согласовать позиций своих партий по вопросам борьбы против фашизма и поэтому ему не с чем было идти на переговоры с руководством Коминтерна. Если все партии, входившие в Коминтерн, были согласны относительно необходимости объединения рабочего класса для борьбы против фашизма, то принятие подобного решения Рабочим социалистическим интернационалом грозило взорвать эту организацию, ибо различные течения социал-демократии занимали противоречивые позиции по этой центральной проблеме политической жизни.

Таким образом, социал-демократия была источником центробежных сил в рабочем и демократическом движении. В ходе Великой Октябрьской и послеоктябрьских революций реформистские социал-демократические лидеры вызвали раскол рабочего класса во имя

[1] Цит. по: *J. Braunthal.* Op. cit., Bd. II, S. 526.

защиты «чистой» демократии от революции; в 30-х гг. раскольнические действия руководства социал-демократии наносили ущерб делу защиты демократии, именем которой они клялись.

Что касается обвинений коммунистов в демагогическом возбуждении масс с целью дискредитации своих союзников по Народному фронту, то и эти обвинения убедительно опровергаются историческими фактами.

В этот крайне ответственный исторический момент ультрареволюционными фразами, призванными «возбудить» массы, увлекались не коммунисты, а другие политики, включая и лидеров влиятельных социал-демократических партий. Так, характеризуя ход переговоров о программе Народного фронта в 1935 г., заместитель генерального секретаря СФИО Ж.-В. Северак заявлял: «Коммунисты, заботясь о создании возможно более широкого Народного фронта, упорно настаивают на включении в общую программу только реформ, осуществимых в рамках капиталистического строя, социалисты, напротив, хотят соединить эти реформы с более высокими целями преобразования капиталистического общества в коллективистское или коммунистическое»[1].

В 1935 г. Л. Блюм предложил вполне серьезный критерий оценки морально-политического уровня партий Народного фронта. Он сказал: «...я считаю несомненным, что единство действий обладает свойством освобождаться, если возникает такая необходимость, от расчетов, соперничества и вероломства, которые могут еще нанести ему ущерб. Я полностью уверен именно в том, что народные массы... с отвращением отвернутся от всего, что им покажется двойной игрой или заговором»[2].

Что ж, народный приговор известен. Народные массы дали самую высокую оценку поведению коммунистов. Именно на 30-е гг. приходится бурный рост численности и влияния коммунистических партий во Франции, Испании и других странах[3].

Поражения движений Народного фронта не могли перечеркнуть их исторических заслуг. Движения Народного фронта нанесли первые серьезные удары фашизму и обеспечили значительные социальные и демократические преобразования, политически и идейно подготовили почву для возникновения в последующем антифашистского Сопротивления и национально-освободительных фронтов. Даже историки, стремящиеся дискредитировать Народный фронт, не могут не признать этого. «Различные народно-освободительные фронты,— пишет, например, Сетон-Уотсон,— представляли собой более эффективную форму предвоенных Народных фронтов»[4].

Народный фронт являлся закономерным результатом усилий

[1] «SFIO. XXXII-e Congrès national. Rapports», p. 44.
[2] *L. Blum.* L'oeuvre. 1934—1937. Paris, 1964.
[3] См. подробнее главу пятую данного тома.
[4] *H. Seton-Watson.* From Lenin to Malenkov, p. 212.

коммунистического движения и отражением общего повышения уровня борьбы народных масс, объединявшихся для прямого воздействия на решение основных проблем общественного развития.

Историки, стоящие на позициях антикоммунизма, клеветнически искажают смысл политики коммунистов в *национально-освободительном движении.* В рассматриваемый период коммунистические партии добились очевидных успехов в осуществлении ленинской интернационалистской политики в отношении национально-освободительного движения. Эти успехи опровергли буржуазные вымыслы, будто коммунисты — враги движений за национальную независимость. В результате в буржуазную литературу все чаще стали проникать спекулятивные обвинения коммунистических партий в том, что их участие в национально-освободительном движении якобы противоречило интересам... социалистической революции. Сетон-Уотсон считал такое участие проявлением «беспринципности коммунистов»[1]. «В этих странах (Юго-Восточной Азии.— *Ред.*) коммунизм нашел привилегированного союзника в социально-политических силах, которые на Западе рассматриваются как реакционные и мелкобуржуазные...»[2] — говорится в работе французских историков «Общая история социализма. 1918—1945».

В данном вопросе буржуазные историки демонстрируют свое единение с троцкистами, утверждающими, будто национально-освободительная борьба отвлекала рабочий класс от выполнения своей всемирно-исторической миссии. Буржуазных авторов вполне устраивает подобная «ультрареволюционность», ибо она служит целям изоляции друг от друга национально-освободительного и рабочего движений.

Между тем объединение этих двух потоков было велением времени. В 20—30-х гг. нарастание враждебности между национально-освободительным движением и империалистической буржуазией привело к участившимся вооруженным восстаниям, и в первую очередь к китайской революции. В таких условиях даже буржуазные руководители национально-освободительной борьбы вынуждены были искать поддержки со стороны международного рабочего класса.

Следует отметить, что социал-демократические деятели прилагали немалые усилия для проникновения в национально-освободительное движение. Однако социал-демократические лидеры, хотя и говорили о своем сочувствии народам колониальных и зависимых стран, категорически возражали против революционных форм национально-освободительной борьбы. «Осуждая революцию в своих странах,— писал Коул,— они (социал-демократические лидеры.— *Ред.*) были

[1] *H. Seton-Watson.* The Pattern of Communist Revolution. A Historical Analysis. London, 1960, p. 128.
[2] «Histoire générale du socialisme de 1918 à 1945», t. 3. Paris, 1977, p. 639.

склонны осуждать ее в колониальных и полуколониальных странах...»[1]

Именно объективная необходимость побуждала буржуазных националистических лидеров идти на сотрудничество с коммунистическим движением — наиболее последовательной силой в борьбе против империализма. Широкое участие рабочих масс в национально-освободительной борьбе вынуждало буржуазное руководство национально-освободительного движения к проведению определенных социальных и демократических преобразований. Одновременно в ходе борьбы за национальное освобождение рабочие массы подходили к осознанию органической связи национальной независимости и коренных интересов рабочего класса, завоевывали авторитет среди крестьян и других промежуточных слоев.

АВАНГАРД АНТИФАШИСТСКОЙ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Касаясь политических следствий первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «Как всякий кризис, война обострила глубоко таившиеся противоречия и вывела их наружу, разорвав все лицемерные покровы, отбросив все условности, разрушив гнилые или успевшие подгнить авторитеты»[2]. Вторая мировая война обладала этим качеством еще в большей степени, нежели первая[3]. Она подвергла суровому испытанию позиции всех классов и партий, просветила народные массы относительно этих позиций. Рабочий класс, проявивший глубокое понимание своей исторической ответственности за судьбы социального прогресса и цивилизации, с честью выдержал испытания и стал ведущей силой всенародной антифашистской войны. Напротив, морально-политический авторитет буржуазии упал.

Буржуазная историография стремится всячески затушевать этот важнейший идейно-политический итог второй мировой войны.

Буржуазные историки рассматривают вторую мировую войну как конфликт «между государствами с применением силы»[4], выпячивая при этом дипломатический и военный аспекты войны и, как правило, игнорируя решающую роль страны социализма и рабочего класса в том, что вторая мировая война стала освободительной, антифашистской. Особенно большие усилия прилагаются с целью преуменьшить значение участия Советского Союза в войне. В ход пускается и ирония. Когда гитлеровские войска вторглись на

[1] *G. D. H. Cole.* A History of Socialist Thought, vol. IV, part II, 1914—1931. London, 1958, p. 877—878.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 102—103.
[3] См. «Вторая мировая война», кн. 1. Общие проблемы. М., 1966; «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», в 6-ти томах. М., 1965.
[4] Encyclopedia Americana, vol. 28. New York, 1970, p. 322.

территорию Советского Союза, язвительно писал Браунталь, «вчера «несправедливая война» сегодня стала «справедливой войной», «империалистическая война» стала «битвой за свободу»»[1].

Однако эти иронические стрелы бьют мимо цели. Без раскрытия диалектики перерастания империалистической войны в антифашистскую, освободительную нельзя понять ни политики «умиротворения» фашистских агрессоров, которую проводили западные державы, ни характера «странной войны», нельзя объяснить легкие военные победы Германии в ходе военной кампании на Западе, нельзя выявить смысл крутого перелома в войне после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Решающая роль Советского Союза в окончательном изменении характера второй мировой войны складывалась из очень весомых фактов. Во-первых, участие Советского Союза в войне обеспечило антифашистский характер программы антигитлеровской коалиции. Не следует забывать, что влиятельные фракции буржуазии стран — участниц антигитлеровской коалиции, выступая за лишение фашистских стран захваченных ими территорий, по существу не возражали против сохранения фашизма как такового. Не случайно требование безоговорочной капитуляции фашистской Германии подвергается ожесточенной критике со стороны реакционных историков.

Во-вторых, именно на советско-германском фронте решался исход второй мировой войны. Советский Союз, принявший на себя основной удар фашистской группировки, внес решающий вклад в ее разгром. Это подтверждается самыми авторитетными свидетельствами западных политических деятелей. «Именно русская армия выбила дух из немецкой армии»,— говорил в 1944 г. У. Черчилль, подчеркивая, что «в мире не существовало другой силы, которая смогла бы это сделать»[2]. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус писал: «Американскому народу не следует забывать, что в 1942 г. он был недалеко от катастрофы. Если бы Советский Союз не смог удержать свой фронт, у немцев создалась бы возможность захватить Великобританию. Они смогли бы также захватить Африку, и в этом случае им удалось бы создать свой плацдарм в Латинской Америке»[3].

Не могут отрицать буржуазные историки и авангардного положения коммунистов в антифашистской, освободительной войне, широко признанного и в кругах, весьма далеких от коммунизма. «Французские коммунисты...— писал, например, один из сотрудников Французского комитета национального освобождения в Лондоне, П. Агльон,— играли самую важную роль в движении Сопро-

[1] *J. Braunthal.* Op. cit., Bd. II, S. 544.
[2] Цит. по: *W. M. Mandel.* A Guide to the Soviet Union. New York, 1946, p. 136—137.
[3] *E. R. Stettinius.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. New York, 1949, p. 7.

тивления»[1]. Политический директор влиятельной французской газеты «Монд» Бев-Мери называл коммунистов «ударной группой движения Сопротивления»[2].

Однако в подавляющем большинстве исследований, посвященных движению Сопротивления, нет и намека на попытку научного объяснения этого факта. Буржуазные, а порой и социал-демократические авторы чаще всего отделываются ссылками на непостижимое стечение случайных обстоятельств, а иногда прибегают и к клевете. Так, бывший генеральный секретарь СФИО Д. Мейер пытался доказать, будто беспримерный героизм коммунистов в антифашистской борьбе был проявлением их некоего «примитивизма». «Они (коммунисты.— *Ред.*) выполняли приказы, способны были умирать, когда от них этого требовали или когда этого требовали обстоятельства. Для них это было частью их примитивной верности принципам. Для других (некоммунистов.— *Ред.*) дело обстояло иначе... Верность каждого из них принципам была обдуманной»[3].

Авангардная роль Советского Союза, международного рабочего класса в антифашистской, освободительной борьбе отражала глубокую закономерность развития общества в новую историческую эпоху.

То, что буржуазия не смогла стать руководителем освободительных сил в войне, было результатом естественной эволюции этого класса в эпоху заката капитализма. Влиятельные фракции буржуазии нередко оказывали прямую поддержку фашизму. В официозном издании госдепартамента США говорилось: «Французский патриотизм был парализован классовой ненавистью до такой степени, что некоторые руководители бизнеса и политические деятели больше думали об интересах своих кошельков, чем о судьбах страны. Они составили «пятую колонну», в которую вошли те, кто предпочитал сотрудничество с Гитлером и даже установление его власти во Франции»[4]. Даже те буржуазные круги, которые стали на путь борьбы против фашизма, продолжали проявлять значительные колебания, затруднявшие использование всех имевшихся возможностей для организации борьбы против фашизма. «Следует признать,— авторитетно свидетельствовал У. Черчилль,— что все наши военные операции осуществляются в незначительных масштабах по сравнению с огромными ресурсами Англии и Соединенных Штатов, а тем более по сравнению с гигантскими усилиями России»[5].

В движении антифашистского Сопротивления буржуазные круги, опиравшиеся на поддержку правительств США и Англии, как пра-

[1] *P. Aglion.* The Fighting French. New York, 1943, p. 251.
[2] *H. Beuve-Méry.* Réflections politique. Paris, 1951, p. 152.
[3] *D. Mayer.* Les socialistes dans la Résistance. Paris, 1968, p. 114.
[4] «The World at War 1939—1944. A Brief History. War Department». Washington, 1945, p. 47.
[5] *W. Churchill.* The Second World War, vol. VIII. London, 1965, p. 245.

вило, отстаивали тактику выжидания, выступали против вовлечения широких народных масс в антифашистскую войну, против активной вооруженной борьбы, а тем более всеобщего вооруженного восстания.

Англо-американское союзническое командование требовало, чтобы все участники Сопротивления, прямо не выполняющие его задания, прекратили борьбу. «Каждый из вас должен продолжать свою обычную работу, если он не получит другого приказа»[1],— говорилось в обращении Эйзенхауэра к населению Франции.

Характеризуя отношение США и Англии к партизанскому движению в Италии, американский историк Н. Коган писал: «Военные руководители союзников, включая американцев, с подозрением относились к партизанам как из-за понятного недоверия ко всякого рода неконтролируемым действиям, так и из-за руководящей роли в движении левых партий. Они хотели, чтобы партизаны занимались разведывательной работой, диверсионной деятельностью. Но партизаны хотели сформировать организованную армию, захватить обширные территории и управлять ими. Это создавало угрозу конкуренции с правительством Бадольо, чего американцы опасались не меньше, чем англичане»[2].

Естественно, что по мере расширения антифашистской борьбы уменьшалось влияние буржуазных партий и организаций, противившихся такому ходу событий.

Английский журналист и историк А. Верт правомерно связывает ведущую роль коммунистов в движении Сопротивления с активностью рабочего класса в антифашистской борьбе, приводя слова известного французского писателя Ф. Мориака: «Только рабочий класс в своей массе остался верен униженной Франции». Признавая высокий моральный авторитет коммунистов, А. Верт писал: «Многие некоммунисты не могли не восхищаться единодушием и храбростью коммунистов, участвовавших в Сопротивлении»[3]. Весьма интересна оценка видного деятеля левокатолического движения Ж.-М. Доменака: «Поведению почти всех коммунистов в 1941—1944 гг. было свойственно презрение к смерти и пыткам. Многие другие французы проявили такую же храбрость, но ни одна другая организация не проявила этой храбрости так полно и в такой мере, что она стала скорее коллективной, нежели индивидуальной, чертой»[4].

Следует, однако, подчеркнуть, что моральное и идейное превосходство коммунистов опиралось на политику, в высшей степени отвечавшую целям антифашистской, освободительной войны. Используя опыт Народного фронта, коммунисты добивались активизации

[1] Цит. по: *R. Aron.* Histoire de la libération de la France. Paris, 1959, p. 70.
[2] *N. Kogan.* American Policies towards European Resistance Movements. Milano, 1961, p. 7.
[3] *A. Werth.* France. 1940—1945. London, 1956, p. 150.
[4] «Communism in Western Europe». New York, 1951, p. 75.

борьбы против фашизма, расширения массовой базы движения Сопротивления, организации боевых выступлений. Линия революционного авангарда рабочего класса, ставшая преобладающей в движении антифашистского Сопротивления, обеспечила авангардное положение пролетариата и активное вторжение широчайших масс в решение проблем войны и мира. Итальянский генерал Кадорна, признавая, что Итальянская коммунистическая партия была ведущей силой движения Сопротивления, объяснял это так: «...коммунисты являются единственной партией, которая ведет борьбу во всеоружии, располагая тыловым хозяйством, организационными центрами, мастерскими, типографиями, умелыми и надежными связными. Коммунисты наиболее решительно ведут борьбу против немцев и фашистов: они неуклонно выступают против всяких соглашений и компромиссов с противником»[1].

Большинство социал-демократических партий участвовало в движении Сопротивления. Опыт сотрудничества коммунистов и социал-демократов в Сопротивлении доказал, что такое сотрудничество благотворно сказалось на результатах деятельности рабочих партий, значительно повысило роль рабочего класса в политическом развитии.

Вместе с тем социал-демократы проявили меньшие, чем коммунисты, единодушие и активность. Признавая это, Д. Мейер пытается даже увидеть в этом проявление их высшей демократичности[2]. Однако подобные утверждения не имеют ничего общего с реальностями антифашистского Сопротивления.

Недостаточный динамизм социал-демократических партий в движении Сопротивления объяснялся вполне конкретной политической позицией социал-демократического руководства. Так, известное замешательство среди социал-демократов на начальном этапе движения Сопротивления было вызвано отнюдь не их особой демократичностью, а крушением прежней политической линии. Касаясь перехода СФИО на позиции антифашистского Сопротивления, американский профессор Е. Годфрей замечал: «Самую важную роль играли, однако, тысячи разбросанных по всей Франции рядовых членов партии, которые в отличие от парламентариев в июле 1940 г. не были так внезапно поставлены лицом к лицу перед своей совестью, пережили истерию первого петеновского лета и были лучше подготовлены, чем их центральное руководство, для принятия решений в соответствии с их политической идеологией»[3]. Иными словами, приверженность рядовых социалистов социалистическим идеям и целям способствовала их вовлечению в антифашистскую борьбу, тогда как прежняя политическая линия руководства СФИО затрудняла это.

[1] *R. Cadorna.* La Riscossa. Milano, 1948, p. 181.
[2] *D. Mayer.* Op. cit., p. 114.
[3] *E. D. Godfrey.* The Fate of the French Non-Communist Left. New York, 1955, p. 37.

Фактически на первых порах социал-демократические лидеры не столько руководили переходом масс на позиции активного антифашистского Сопротивления, сколько следовали за массами. Хотя в дальнейшем устремления масс в антифашистской борьбе стали более полно учитываться социал-демократическими лидерами, в целом в их политике сохранялось немало элементов, снижавших боеспособность социал-демократического движения, в частности ориентация на политику буржуазных участников Сопротивления, на правительства США и Англии.

Сопоставление вклада социал-демократических и коммунистических партий в антифашистскую борьбу позволяет подвести определенный итог историческому спору о смысле раскола рабочего движения. Если победа социализма в Советском Союзе и крах попыток социал-демократических лидеров прийти к социализму реформистским путем доказали, что только революционное течение способно открыть обществу перспективу социалистического развития, то опыт антифашистской борьбы подорвал и второй аргумент социал-демократических лидеров, оправдывавших свою враждебность к революционному течению заботой о защите «демократии».

В годы второй мировой войны выявилось неизмеримое превосходство революционной политики коммунистических партий в деле защиты демократии, национальной независимости и общественного прогресса от фашистского варварства. Ведущая роль коммунистов в антифашистской борьбе доказала и превосходство идейных принципов коммунистического движения. С точки зрения политической секрет огромного динамизма политики коммунистов, их единодушия и беззаветного героизма, небывалого роста их влияния заключается в том, что сам ход антифашистской войны неизменно подтверждал глубокую правоту линии коммунистического движения. Коммунисты всегда разъясняли, что самый надежный защитник демократии — мощное массовое движение, объединяющее рабочий класс, все демократические силы. Этот политический курс коммунистов клеймился буржуазными и социал-реформистскими критиками как опасный для демократических свобод. Создание антифашистского Сопротивления фактически означало торжество линии коммунистов в демократической борьбе.

В капиталистических странах коммунисты подвергались травле за их поддержку Советского Союза. Некоторые социал-демократические деятели не только обвиняли коммунистов в отсутствии патриотизма, но и поддерживали буржуазную клевету, будто коммунистическое движение считало необходимой новую мировую войну[1]. Они

[1] « В Программе Коммунистического Интернационала 1928 г.,— писал Брауналь,— заявлялось, что такая (мировая.— *Ред.*) война «неизбежна и необходима»» (*J. Braunthal.* Op. cit., Bd. II, S. 468). Брауналь по существу прибег к сознательному подлогу. Закавыченных слов «неизбежна и необходима» нет в до-

утверждали, что внешнеполитический курс РСИ представлял собой подлинное выражение «пролетарского интернационализма». Однако вторая мировая война развеяла все иллюзии и вынудила сделать ясный выбор между противоборствующими лагерями. Выяснилось, что внешняя политика социал-демократических лидеров в довоенный период по существу оказалась подчиненной внешней политике «своей» буржуазии.

Напротив, решающая роль Советского Союза в антифашистской, освободительной войне доказала историческую правоту внешнеполитического курса коммунистического движения и побудила антифашистские силы присоединиться к поддержке Советского Союза как отвечающей интересам международного пролетариата и общественного прогресса во всем мире.

Невозможно переоценить *идейные последствия политического опыта, накопленного широкими слоями населения в суровые годы борьбы против фашизма.*

Авторитет буржуазной идеологии был еще более подорван возникновением фашизма. Написанные на знаменах буржуазных революций лозунги свободы, равенства, братства всегда находились в противоречии с духом буржуазного индивидуализма, «свободного предпринимательства», рождающего хищнический принцип «человек человеку — волк». Фашизм устранял эту непоследовательность буржуазной идеологии, подавляя гуманистические традиции. Буржуазный индивидуализм, не сдерживаемый гуманистическими идеалами, выродился в эгоцентризм, ставший важнейшим компонентом идеологии фашизма — человеконенавистнической доктрины, угрожавшей самим основам цивилизации. Фашистская идеология не встретила эффективного сопротивления со стороны других буржуазных идейных течений. Первым военным победам фашистской Германии в Европе в немалой степени способствовало то, что классовый эгоизм питал антипатриотические настроения значительной части правящих кругов буржуазных стран, подвергшихся фашистскому нападению.

В сложившейся обстановке идеология советского общества стала основной опорой защиты идейных завоеваний человечества и самой цивилизации. Бернард Шоу проницательно писал: «...если опыт, который Ленин предпринял, опыт социализма не удастся, то современная цивилизация погибнет, как уже много цивилизаций погибло в прошлом»[1]. Действительно, в годы второй мировой войны народы всей Земли обращали свои взоры к Советскому Союзу, который нес им спасение от фашизма. Главнокомандующий войсками США на Филиппинах Макартур отнюдь не преувеличивал, заявляя в февра-

кументах Коминтерна. Это плод «творчества» Браунталя, который произвольно толковал слова Ленина о справедливости национально-освободительных и революционных воин как признание коммунистами необходимости новой мировой войны.

[1] «Глазами друзей». Л., 1959, стр. 88.

ле 1942 г.: «Надежды цивилизации начертаны на славных знаменах доблестной русской армии»[1]. То обстоятельство, что Советский Союз оправдал эти надежды, неизмеримо повысило морально-политический авторитет страны социализма.

Именно в годы войны в широких кругах общественности заговорили о советской демократии как демократии высшего типа. В 1942 г. Дж. Коул писал: «В своей основе советский строй намного демократичнее любого известного мне парламентского режима»[2]. Главное преимущество советской демократии заключалось, по мнению Коула, в достижении подлинного равенства, которое, обеспечивая качественное расширение демократии, способствовало формированию активной демократии. «Советская демократия, как это доказывает сплочение масс перед лицом нацистской опасности, успешно прошла испытание на активность...»[3] — отмечал Дж. Коул. Заметив, что идея Советов оказала значительное влияние на движение антифашистского Сопротивления, Коул подчеркивал: «...социал-демократы не смогут совершить революции в Европе или направить развитие европейских стран по социалистическому пути, не прибегая к средствам советизма... Во всей оккупированной нацистами Европе Советы будут необходимым орудием грядущих революций»[4]. Подобные суждения неслучайны. Возникшие в ходе борьбы против фашизма движения Народного и Национально-освободительного фронтов, антифашистского Сопротивления, несомненно, опирались на традицию, заложенную Советами, и эти движения не ограничивались борьбой против фашизма, но организовывали массы для политической борьбы в пользу демократических и социалистических преобразований общества.

Великая Отечественная война советского народа с неопровержимой силой продемонстрировала идейное превосходство новой цивилизации. Весь мир выразил восхищение духовным величием народа, проявившего беспрецедентный в истории человечества массовый героизм на фронте и в тылу. Американский генерал Стилуэл писал в 1945 г.: «Весь цивилизованный мир должен особенно ценить заслуги центральной фигуры в этой борьбе — русского солдата»[5]. Попытки реакционных буржуазных авторов объяснить героизм советских людей «шовинистической гордостью» и даже панславизмом[6] не выдерживают никакой критики. Только подлинно свободный, впитавший все

[1] Цит по.: *E. Schuman.* Soviet Politics at Home and Abroad. New York, 1947, p. 432—433.
[2] *G. D. H. Cole.* Great Britain in the Post-war World. London, 1942, p. 112.
[3] *G. D. H. Cole.* Europe, Russia and the Future, p. 179.
[4] Ibidem.
[5] Цит. по: «Известия», 3 июня 1945 г.
[6] *A. Mazour.* Russia Past and Present. Toronto — London — New York, 1952, p. 643.

духовное богатство человечества народ способен был на такой героический порыв. Как правомерно подчеркивали авторы «Общей истории социализма. 1918—1945», именно социалистические основы советского общества были главным источником его силы[1].

Было исторически доказано, что социалистическая идеология, вдохновлявшая трудящихся на борьбу за свое социальное освобождение, являет собой гигантский прогресс в идейном развитии человечества. Резюмируя итоги идейного противоборства рабочего класса и буржуазии, Карр писал: «Опасная сторона современной революции состоит... в том, что марксизм разрушил былую уверенность привилегированных, подорвав их собственную веру в искренность и эффективность принципов, на которых покоится их моральный авторитет»[2]. Заметно усилились прогрессивные, левые тенденции в самом широком спектре идейных течений, включая и некоторые религиозные. Завоевание революционным рабочим классом новых плацдармов в идеологической борьбе было прямым следствием его ведущей и авангардной роли в битве против фашизма.

Таким образом, начав всенародную антифашистскую борьбу, рабочий класс в лице прежде всего социалистического государства не только сыграл решающую роль в разгроме фашизма, но и способствовал ускорению общественного прогресса. Народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, глубокие социальные и демократические преобразования на значительной части планеты, подъем национально-освободительных движений были прямым результатом гегемонии рабочего класса в антифашистской, освободительной борьбе. Авангардная роль рабочего класса в защите человеческой цивилизации создавала прочный фундамент его будущих побед.

[1] «Histoire générale du socialisme de 1918 à 1945», t. 3, p. 67.
[2] *E. H. Carr.* The Soviet Impact on the Western World. London, 1947, p. 94—95.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас Ф. 684
Абендрот В. 288
Абраменко Т. Н. 575
Абрамович Р. 343
Абсхаген Р. 656
Абэ И. 407
Авереску А. 175
Аврус А. И. 114, 414, 415
Агарков Е. П. 583
Агерон К. Р. 511
Агльон П. 724, 725
Адлер Ф. 141, 450, 720
Акамацу Кацуморо 226
Акатова Т. Н. 489, 493, 495, 496
Аккерман А. 656
Албарда Ж. 450
Александр Карагеоргиевич 198
Алексеев Г. М. 39
Алессандри А. 523
Алешкевич В. А. 96
Аллен Ю. С. 92
Альварадо У 531
аль-Ибрахими Б. 684
Альский М. 486
Альфонс XIII 315
Амаду Ж. 550
Амесага Х. Х. 693
Андерле А. 549
Андерсон С. 701
Андреев А. А. 562
Антикайнен Т. 396
Антонеску Й. 626—628
Антонова К. А. 504, 682
Антосяк А. В. 628
Антясов М. В. 689
Арисменди Р. 531, 532, 541
Арнот Р. П. 152, 421
Арон Р. 726
Арройо дель Рио 692
Архангельский А. А. 582
Асаньи М. 318
Аслах Х. 684
Атамукас С. 67

Багдаш Х. (Рамзи) 515, 516
Бади Ш. М. 467
Бадис Б. 513
Бадольо П. 651, 653, 726
Базетов Н. Х. 579
Байков А. 42
Баймлер Г. 415
Бак Т. 225, 404, 406, 669
Балиньо К. 530
Бальтра Кортес А. 522
Бантинг Б. 689
Бао Дай 676
Барбе А. 159, 251
Барбюс А. 300, 410, 411
Бардин И. П. 40
Барлицкий Н. 342, 343
Барышникова Е. Г. 581
Бастос У. 534
Батиста Ф. 536, 547, 691
Баттяни Л. 629
Батя 182
Бауэр О. 167, 295, 419, 435—437, 449, 701
Бебель А. 130
Бев-Мери З. Х. 725
Бедо Ш. 95, 97
Бел Т. 135
Белькаим К. 683
Беназе М. 684
Бенеш Э. 620
Беннет Р. Б. 404
Берзин Я. К. 21
Бернс Э. 509
Бернштейн Э. 446

Бертольд Л. 283
Бестейро Х. 439
Бестлейн Б. 656
Бехер И. 701
Бирнат К. Г. 292
Благоев Б. 356
Бланк А. С. 289, 292
Блейлсфорд Х. Н. 148
Блэк С. 704
Блюм И. 169
Блюм Л. 156, 270, 302, 303, 305, 306, 308, 310—312, 411, 419, 424—427, 441, 442, 448, 453, 454, 457, 458, 460, 721
Блюме Д. 425
Богданов В. Д. 557
Боденман М. 387
Болдуин С. 149, 152
Болен 185
Бонгард-Левин Г. М. 504, 682
Бонев В. 189
Бордига А. 203, 204
Боркенау Ф. 714, 715, 718
Борковский Я. 341
Бос С. Ч. 503
Босый Д. Ф. 580
Ботев Х. 625
Бояджиев А. 187
Брагинский М. И. 469
Брандао Лопес 522
Брандао О. 529
Брантинг Я. 214
Брантинг Г. 394
Браудер Э. 273, 402, 668
Браун О. 284
Брауналь А. 291, 457
Брауналь Ю. 141, 146, 445, 446, 715—717, 720, 724, 728, 729
Брежнев Л. И. 22, 560, 562, 594, 595, 695, 698, 708
Брейтшейд Р. 291, 444
Брехт Б. 284
Броз Тито И. 198, 373, 612
Броквей Ф. 381
Бругманс Х. 448
Брукер Л. де 170
Бруннер 649
Брюа Ж. 110, 111, 301
Брюнинг Г. 282
Бубник Й. 185
Буиссон Ф. 306
Бульхос Х. 251
Бунхе А. 690
Бургиба Х. 514
Бурдерон Р. 425
Буркацкий М. В. 575
Бусыгин А. Х. 40, 557
Бухарин Н. И. 29, 45, 46
Бьянки Дж. 652
Бялый В. 178

Ваги И. 192, 193
Вагнер Р. 401
Вайнерт Э. 656
Вайнкоп Д. 170, 171
Вайо А. дель 440
Вайян-Кутюрье П. 410
Валихновский Т. 615
Валлиш К. 297
Валь Б. 688
Вальдур Ж. 718
Вальяни Л. 652
Вандервельде Э. 141, 169, 170, 427, 428, 447, 450, 702
Ван Мин 254
Ванцетти Б. 23, 220, 232, 533
Варга Е. С. 123, 236
Варгас Ж. 539, 542, 550, 692
Варес-Барбарус И. 73
Варский А. 180
Варславан А. 65
Василев В. 355
Василевский А. М. 570
Васильев В. Ф. 671, 679
Васильчук Ю. А. 88, 94
Ватанабэ М. 227
Ватутин Н. Ф. 568, 569
Ваш З. 190
Вебб Б. 239, 701, 702, 705, 713
Вебб С. 239, 701, 702, 705, 713
Вейсл Г. 297
Великжанин Ф. К. 40

Вельс О. 288, 444
Веразов М. Г. 575
Верт А. 575, 576, 726
Вигфорс Э. 214
Вийон П. 640, 642
Виллар К. 301, 410
Вилюш М. 615
Виноградова Е. В. 41
Виноградова М. И. 41
Винцер О. 289
Витвер И. А. 87
Владимиреску Т. 627
Воевудский С. 179
Вознесенский Н. А. 562, 573, 576, 577
Войков П. Л. 16
Войтинский Г. 487
Вольф М. 117, 118
Во Нгуен Зиап 501
Воробьев Ю. В. 55
Воровский В. В. 171
Ворожейкин И. Е. 34, 40
Ворошилов К. Е. 562
Воскресенская М. 35
Воткинс У. П. 120
Вретлинг А. 392
Вылцан М. А. 48

Габсбурги 649
Гайда Р. 175, 331
Галкин А. А. 103, 257
Галлахер У. 123, 150, 381
Ганди М. К. 149, 502, 681, 682
Гаранин Ф. А. 547
Гарро Я. 515
Гарсиа А. 690
Гарус Я. 184
Гаусло А. 646
Гвоздырьков Н. 567
Геббельс Й. 457
Гейер Д. 712
Гейльман Э. 285
Геккерт Ф. 254
Геллер Л. 487
Генлейн К. 346
Георг II 376
Георг VI 568
Георгиев А. 355
Георгиу-Деж Г. 366
Геринг Г. 409
Герцен А. И. 301
Гет Э. 649
Гёгёш И. 190, 191
Гибианский Л. Я. 608, 610
Гильфердинг Р. 122, 123, 141, 160, 420, 431
Гинденбург П. фон 163, 284, 285
Гинцберг Л. И. 163, 240, 283, 285, 291
Гиольди Р. 690
Гитерас А. 549
Гитлер А. 18, 163, 240, 242, 244, 285—290, 292—294, 299, 351, 352, 412, 444, 445, 457, 540, 545, 552, 553, 570, 586, 619, 650, 655, 662, 718, 725
Гичев Д. 353
Гладков И. А. 585
Глезос М. 635
Глинка А. 346
Гобсон Дж. А. 148
Гогенцоллерны 161
Годжа М. 352
Годфрей Е. Д. 727
Годфруа Ф. 119
Голль Ш. де 570, 641, 643
Гомес Р. А. 526
Гомес Х. 527
Гомперс С. 524
Гомулка В. 618
Гонсалвес Т. Б. 212
Гонсалес Г. 548
Гонсалес Ирамайн Х. 690
Гончаров В. М. 531, 549
Горбатов Б. 33
Горлицкий Л. И. 582
Горошкова Г. Н. 292
Гортер Г. 170
Горький А. М. 23
Готвальд К. 184, 185, 186, 251, 347—349, 602, 620
Гоше Ф. 430

Грабовски О. 292
Грамши А. 203—208, 210, 328
Грасман П. 655
Грау Сан-Мартин Р. 536, 549, 691
Гржезинский А. 163, 291
Григорьева И. В. 204
Гриеко Р. 327
Грин Г. 400
Грир Т. Х. 398
Грове М. 535
Гроза П. 367
Гроссе Г. 292
Гручи А. 704
Грюнвальд Г. 414, 415
Гуалависи Х. 531
Губер А. А. 467, 506
Гувер Г. К. 240, 397
Гугенберг А. 289
Гудов И. И. 41, 557
Гурвич С. Н. 155, 158
Гурович П. В. 153, 231
Гусак Г. 350, 352, 622, 623
Гхош А. К. 503
Гэррэн Д. 719
Гюисманс К. 170

Дабагин Л. 684
Давидович Д. С. 240
Давила К. 535
Давыдов А. Д. 468
Даладье Э. 301, 302, 306, 312, 352
Далем Ф. 415
Даль Х. Ф. 215
Дальгрен Б. 392
Дальтон Х. 460
Данилюк А. 180
Дауэс Ч. Г. 121
Деа М. 447, 448
Дегрелль Л. 384
Девяткина Т. Ф. 503
Деккер Г. 444, 445
Дельперье де Байяк Ж. 718
Демин Л. М. 672
Денгель Ф. 135
Джакович Д. 198, 199
Джеймс С. 703
Джексон Дж. 400
Джемисон С. М. 224
Дженнари Э. 203
Дзержинский Ф. Э. 558
Диас Х. 267, 268, 317, 324
Ди Витторио Дж. 207
Диксон Р. 229
Димитров Г. 24, 67, 123, 188, 252—254, 256—260, 266, 267, 270, 274, 276, 280, 287, 297, 307, 324, 351, 354, 355, 378, 409, 410, 412, 415, 482, 542, 546, 549, 598—602, 620, 621, 624, 625
Дитерс Я. 645
Доби И. 364
Додолев М. А. 204
Дольфус Э. 295, 298, 649
Доменак Ж.-М. 726
Домнич М. Я. 115
Дорио 513
Драбкин Я. С. 291
Драге Фл. 366
Драгунов Г. П. 171, 387
Драйзер Т. 701
Драшкович М. М. 141, 448
Дрекслер А. 438
Дризул А. А. 68, 72
Думерг Г. 301, 302, 306
Дурачиньский Э. 615
Духов Н. Л. 582
Дымек Б. 179
Дэвис Б. 400
Дэн Чжунся 488, 496
Дюбуа С. 342
Дюкапов М. Д. 557
Дюкло Ж. 132, 157, 300, 303, 640, 684

Егоров Ю. В. 102, 301, 308
Егорова М. Н. 503
Елисеев А. Ф. 578
Еременко А. И. 568
Ери К. 190
Ермолаев В. И. 524, 529
Ершов С. А. 95

Жагар Э. А. 75
Жакмот Ж. 123, 383, 384
Жарновский Я. 345
Жданов А. А. 562, 566
Живков Т. 354, 626
Жоанес В. 300
Жолио-Кюри Ф. 641
Жорес Ж. 448
Жуков Г. К. 554, 566, 570
Жуков Д. Н. 575

Загасбалдан Д. 79
Загер Ф. 392
Загладин В. В. 265
Займис А. 200
Заказникова Е. П. 465
Залка М. 415
Зальцман И. М. 582
Запотоцкий А. 347
Зегерс А. 284
Зееланд ван 384
Зейпель И. 167
Зейц К. 296,
Зеленко Г. И. 556
Зефков А. 656
Зиг И. 292
Зиновьев Г. Е. 32
Зиромский Ж. 300, 433, 459
Зогу А. 200, 201, 378, 634
Зорина А. М. 532

Ибаньес К. 534, 535, 691
Ибаррури Д. 62, 314, 315, 320, 322, 324, 602
Иванов А. 187
Иванов Н. 356
Иванов Н. А. 514
Ивницкий Н. А. 46
Изотов Н. А. 39, 557
Илек 185
Ильюшин С. В. 582
Ингульская Л. А. 658
Инсуэ Киоси 406
Ионице Г. 368, 369
Иоффе А. Е. 701
Иригойен И. 524

Искаро Р. 543
Исусов М. 355

Йодль А. 554, 582
Йоцов Я. 356, 357

Кабальеро Л. 211, 269, 316, 321, 322, 418, 438—440
Кабанов П. И. 51
Каванаг Дж. 229
Кадар И. 359
Кадар Я. 630
Кадир Хадж Али 512
Кадорна Р. 727
Калинин М. И. 25, 26, 128, 562, 578
Каллаи Д. 364
Каллаи М. 629
Калнберзин Я. Э. 562
Камачо А. 546
Каменев Л. Б. 32
Кампа В. 532
Кампос Понсе Х. 526
Кан А. С. 213, 391, 647, 648, 659
Кападосия Г. 677
Караджа С. 625
Карасев А. В. 565
Карвер Т. 222
Карденас Л. 544—546
Карлбум Т. 660
Карлссон Х. 217
Карлссон Х. 391
Карник В. Б. 505
Кароль II 369
Карр Э. Х. 141, 704, 711—713, 731
Касадо С. 324
Касауров Н. Д. 557
Кастро Ф. 530, 691
Катаяма Сэн 135
Катунцева Н. М. 52
Каутский К. 123, 141, 423, 425, 431, 454, 702
Качанов К. М. 21
Кашен М. 157, 303, 412, 450
Квислинг В. 391
Кекконен У К. 658
Келлерман Б. 165

Кельвард Х. 660
Кеннон Дж. П. 223, 703
Кериллис А. 460
Кесон М. Л. 677
Ким Ир Сен 677
Кинг У. Л. Макензи 405
Киран Р. 399
Киров С. М. 558
Кирхенштейн А. 72
Кирш Ю. 65, 66
Клаудиш Ф. 719
Клаусен Фр. 391
Климов В. Я. 582
Ковалев Е. В. 545
Коваленко И. И. 228
Коваль Б. И. 529, 537, 539, 542, 546, 692
Ковальский Ю. 179, 181, 341, 343, 344
Коган Н. 726
Коджейков Д. 356, 357
Кодовилья В. 266, 528, 549
Кодряну К. 331
Козинцев П. Д. 575
Козловский Ч. 178, 182
Коларов В. 123, 135, 355, 602
Колдер А. 664
Колев С. 356
Колесник А. Д. 564
Колтунов В. М. 98
Колумбо И. 199
Кольвиц К. 162, 165
Комолова Н. П. 209, 241, 325, 650, 652, 653
Кон Ф. 114
Конев И. С. 570
Конноли Р. 390, 661
Коноэ Ф. 683
Конрад Г. 119
Константинеску-Яшь П. 368
Константино Р. 677
Контрерас К. 549
Коньо Ж. 300, 304, 307
Копленинг И. 165—167, 295
Коппи Г. 292
Кордова Г. 525
Королев Ю. Н. 529
Коротков Г. И. 570
Косгрейв У. 172
Косыгин А. Н. 573, 582, 583
Котане М. 518, 519
Котин Ж. Я. 582
Котовский Г. Г. 504, 682
Коул Дж. Д. Х. 417, 432, 435, 451, 456, 702, 707—709, 711, 722, 723, 730
Коутс З. 666
Коутс В. 666
Коферджиев Н. 353
Кошкин М. И. 582
Кошут Л. 629
Кравченко Г. С. 559, 585
Кравченко Е. 301, 303, 305
Краль В. 348
Красин Ю. А. 262
Крастынь Я. 395
Краусхаар Л. 292
Крейгер И. 390
Крессе К. 656
Кржижановский Г. М. 592
Кривогуз И. М. 417, 610
Кривонос П. Ф. 41, 557
Криппс С. 380, 381, 682
Кристиансен Г. В. 646
Кроули 585
Кроэс Э. 523, 692
Крупп 292
Кудрина Ю. В. 648
Кузнецов А. А. 562
Кузнецова Э. Е. 522
Кукушкин Ю. С. 47
Кулишова А. 206
Кульбакин В. Д. 284
Кун Б. 191, 254, 362
Куньял А. 212, 388
Курелла А. 409
Курьянов Н. Ф. 41
Кутузов М. И. 569
Куули О. 70
Куусинен О. В. 123, 141, 251, 254, 266
Кучинский Р. 162

Кучинский Ю. 96, 99, 521
Кьосеиванов Г. 354, 355
Кэртен Дж. 670
Кюнрих Х. 638

Лабан М. 683
Лава В. 677
Лавочкин С. А. 582
Лазич Б. 141
Лайнс Д. 408
Лакхаль М. Б. 512
Ланда Р. Г. 512, 513, 683, 685
Ландау З. 337
Ландауэр К. 141
Ландлер Е. 191
Ланжевен П. 410
Ларкин Дж. 172
Ларсен А. 216
Ласки Г. 380, 711
Лауэ Т. фон 702, 709
Лафарг П. 130
Лаферте Э. 535
Лашица А. Х. 293
Лашица Е. 678
Лебе П. 163
Лебедев Н. И. 244, 627
Леверенц Е. 257
Левинсон Г. И. 677, 678
Левковский А. И. 465, 466
Левтонова Ю. О. 677
Ле Зуан 500
Лейбзон Б. М. 113, 719
Лейхтер О. 167
Леклерк Ф. М. (де Отклок) 663
Лембеде А. 688
Ленин В. И. 14, 15, 26, 27, 31, 35—38, 41, 44, 45, 49, 53, 56, 61, 81, 86, 87, 90, 92—94, 96, 97, 99, 104, 105, 128, 129, 132, 134, 137, 146, 193, 203, 241, 244, 245, 261, 262, 264, 266, 302, 475, 476, 500, 532, 563, 565, 572, 585, 592—594, 701, 710, 716, 723, 729
Ленский Ю. 180
Лерумо А. 518
Лето Г. 326
Ле Трокер 441
Леув А. де 256
Лехлейтер 656
Лёвенталь Р. 706
Ли О. 646
Либкнехт В. 130
Либман А. Б. 67
Лигу Д. 156, 441
Ли Каузи Дж. 207
Ли Лисань 489, 493
Линдерут С. Х. 216, 659
Линь Вэйминь 488
Литвинов М. М. 18
Лихтхейм Д. 141
Ловстон Дж. 223
Ло Дэнсянь 496
Лозовский С. 123
Лонго Л. 328, 329, 415, 652, 654
Лопес А. 544, 691, 693
Лопес Н. М. 693
Лопухов Б. Р. 205, 209
Лора Л. 431, 702
Лоре Л. 223
Лоренц И. 213, 218, 646
Лорио Ф. 156
Лунин Н. А. 557
Льюис Д. 399, 400
Лю Вэньсун 488
Люкхарт К. 688
Лю Шаоци 488, 489
Ляо Ж. 169, 383, 644
Ляо Чжункай 486
Ляпчев А. 186, 189, 190

Магон Э. Ф. 532
Мадайчик Ч. 614
Мазай М. 567
Мазур А. 730
Майданик К. Л. 320
Майлс Дж. Б. 229
Макартур Дж. Б. 729
Маквей Р. Т. 505
Макдональд Дж. Р. 149, 245, 379, 380, 421—423, 432
Маккензи К. 141
Маклиннс Н. 717

Максарев Ю. Е. 582
Макстоун Дж. 380, 381
Малаховский К. В. 408
Малиновский М. 614, 615
Мальков В. Л. 236, 397, 398, 402
Мальро А. 410
Маммах К. 283, 292, 293
Ман А. де 170, 383, 446—449, 643
Мандевиль Б. 704
Мандела Н. 688
Мандель В. М. 724
Мандель Э. 703
Манн Г. 165, 284, 291
Манн Том 148
Манн Томас 284
Мануильский Д. З. 123, 135, 247, 254, 266, 274, 474, 475, 562
Мао Цзэдун 496, 497, 674
Марганович П. 199
Мариатеги Х. К. 530, 537
Марке А. 447, 448
Маркович С. 197
Маркс Дж. Б. 519, 688
Маркс И. 221
Маркс К. 17, 27, 35—37, 92, 93, 96, 104, 128, 129, 132, 193, 381, 418, 431, 446, 448, 470, 564, 694, 699, 705, 715
Маркузе Г. 436, 437
Маркузон Ф. 98
Марош Д. 190
Марран Ж. 641
Мартелли Р. 308
Марти А. Ф. 526, 538
Мартинес Х. Д. 547
Мартинес Э. 537, 692
Марун А. 510
Марченко В. М. 691
Маршалл Д. 570
Марьина В. В. 336
Марьянович И. 612
Маслов А. 144
Массола У. 651
Матвеева Г. С. 78
Маттеотти Дж. 205, 206, 326, 415
Маттеотти М. 103
Матушевская В. 344
Маунбеттен бирманский 679
Маусбах-Бромбергер Б. 654
Маффи Ф. 204, 207
Махир А. 686
Мацуока Есукэ 407
Мачадо Г. 532
Мачадо Х. 530, 535, 536
Мачек В. 374
Медведев Д. Н. 663
Мейер Д. 441, 725, 727
Меликсетов А. В. 465
Мельников А. М. 503
Мельникова И. Н. 184
Мелья Х. А. 530, 532, 533
Мензис Р. 670
Мерецков К. А. 21
Мессали А. 684
Метаксас И. 336, 377
Мещеряков М. Т. 21, 268, 321—323, 394
Миколайчик С. 618
Микоян А. И. 562, 563, 573
Микоян А. И. 582
Микулин А. А. 582
Милев Й. 187, 356
Милибенд Р. 379, 381
Миллер В. О. 72, 76
Мильеран А. 422
Мильоли Г. 208
Мирончук П. 690
Митрофанова А. В. 567, 575, 578, 585
Михайлович Д. 611
Михутина И. В. 336, 343
Мичев Д. 114
Мишель А. 638
Младенов Д. 355
Мнухина Р. С. 24
Модильяни Р. 202
Можейко И. В. 679
Моисеев И. 567
Мок Ж. 431
Молчанов Ю. Л. 429
Монат П. 157
Мондольфо Р. 202
Монро Дж. 526

Монтаньон Б. 447, 448
Монтеро Х. Э. 535
Морача П. 612
Морехина Г. Г. 563
Мориак Ф. 726
Мориниго И. 692
Морозова А. А. 582
Моррис Дж. 400
Мортимер В. 399
Москвин Л. Б. 242
Москов Г. 353
Музруков Б. Г. 582
Муни Т. 24, 239
Мунх-Очир Ц. 590
Муссо М. 506
Муссолини Б. 201, 203, 207, 208, 244, 352, 552, 651, 652, 654
Мухаммед М. 512
Мхитарян С. А. 498, 499
Мырзеску 195
Мюллер Г. 165, 282
Мюнихрейтер К. 297
Мюнних Ф. 415
Мюссерт А. 386, 644

Наджафов Д. Г. 398, 399
Напетов П. 353
Насутион А. Н. 680
Нафтали Ф. 432
Наххас-паша М. аль 685, 686
Негрин Х. 322, 440
Недев Н. 356
Нейман Г. 251, 283
Нельсон Ч. 408
Ненни П. 326
Неру Дж. 503, 504, 681
Неруда П. 540, 550, 691
Несс Н. Т. 522
Нзула А. 519
Никитин П. Д. 575
Нильсен М. 216
Нильссон Г. 394
Нисио 407
Нитобург Э. Л. 693
Новомеский Л. 622
Новоселов Л. 35
Новотко М. 614, 615
Нойбауэр Т. 656
Ноли Ф. 201
Носек В. 347
Носков А. М. 646
Носов Г. И. 575

Обер Г. 101
О'Брайен У. 389
Обыден К. М. 539
Огнев А. С. 557
Озеров Л. С. 23
Окампо С. 547
Оливейра М. де 529
Орбан Л. 630
Орджоникидзе Г. К. 57
Орешки М. 199
Ориоль В. 303
Орр У. 408
Ортис Р. 544
Ортис 549
Осецкий К. фон 162, 284
Ояма Икуо 227

Павлович Б. 615
Паз М. 157
Палецкис Ю. 72
Палм Датт Р. 256
Пангалос Ф. 199
Панекар С. Д. 505
Панксеев А. К. 67
Папен Ф. 285, 445
Пануорс А. 666
Паредес Р. 531
Паредес Х. де 526
Паркер Р. 222
Патрашкану Л. 194
Пашкова М. 495
Певзнер А. Я. 96, 100
Пейдль Д. 193
Пейер К. 193
Пенев Н. 356
Пенья Л. 547, 693
Пеньяранда Э. 692
Пеппер Дж. 223
Первухин М. Г. 573

Перейра А. 529
Пертиконе Д. 708
Песси В. 658
Петефи Ш. 629
Петровский Г. И. 558
Пик В. 254, 285, 289, 291, 592, 602, 656
Пилсудский Ю. 175, 180, 182, 454
Пинтилие И. 366
Пинтос Ф. Р. 532, 691
Пиоло М. 110, 111
Пиркер Т. 141
Пискатор Э. 162
Платт О. Х. 536
Плеханов Г. В. 130
Пожарская С. П. 211, 269, 313, 316, 324, 440
Поздняков А. С. 575
Позер М. 656
Пойкерт Д. 655
Покровская С. А. 299, 300
Полетаев В. Е. 56
Поликарпов Н. Н. 582
Политцер Ж. 640
Поллит Г. 148, 150, 266, 381, 382
Полтавский М. А. 650
Поль-Бонкур Ж. 454
Пономарев Б. Н. 123, 132, 256, 280, 602
Пономаренко П. К. 562
Попов И. Т. 575
Попов М. М. 569
Попов М. Ф. 580
Поповкина Р. А. 466
Потеранский В. 615
Прахов Т. 356
Престес Л. К. 526
Престон П. 314
Прието И. 439
Примо де Ривера М. 211, 245, 314, 315
Прингодинго А. К. 506
Притт Д. Н. 380
Приходько Ю. А. 584
Прухник А. 342
Прухняк Э. 180
Пуанкаре Р. 154, 156
Пузырев Н. 567
Пушкаш А. И. 608
Пшигонский А. 615, 616
Пын Мин 20
Пьерло Ю. 644
Пятс К. 73

Рабиа А. 683
Радев Г. 275
Раденкова П. 252
Раджоньери Э. 652
Радич С. 195, 196
Райсберг А. 295, 296
Ракоши М. 190
Рама К. М. 527
Рамос Педруэса Р. 550
Рамос Х. Р. 693
Раффини Ж. 683
Рахман Шахбандар 515
Реваи 364
Рейно П. 499
Рекабаррен Л. Э. 529, 532
Реммеле Г. 251
Ренн Л. 284, 415
Реннер К. 298, 649
Рил В. 171
Робекин Ч. 466
Рожа Ф. 629
Розалиев Ю. Н. 465
Розенберг А. 436, 437
Розенфельд О. 702
Рой М. Н. 475
Рокоссовский К. К. 568—570
Роланд-Голст Г. 170
Роллан Р. 299, 411
Роль-Танги 643
Ромео Р. 202
Роммель Э. 408, 685
Росмер А. 157, 703
Росс Э. 408, 670
Рубенс Ж. 522
Рубинский Ю. И. 240, 306, 308
Рубинчик Е. Э. 582
Рубинштейн М. 89
Руге В. 163, 164

Рузвельт Ф. 245, 274, 398, 401, 403, 568, 570, 587
Рундберг А. 99, 105
Рундштет Г. фон 240
Рустеми А. 201
Рыженко Н. А. 575
Рыжиков В. А. 381
Рыков А. И. 46
Рязановский Н. А. 712

Саад П. 694
Саборит А. 440
Сабуров М. З. 573
Саву Ал. 370
Садовяну М. 369
Сазонов Е. С. 575, 579
Сакко Н. 23, 220, 232, 533
Салазар А. ди О. 388
Салычев С. С. 155, 299, 302, 425, 447
Самюэльссон О. 215, 216
Сандино А. С. 526, 532
Сандлер Р. 214
Сандра 508
Сантас Л. 635
Санто З. 363
Сантос П. А. 677
Сантос Э. 544
Сарагат Дж. 326
Сарро А. 458
Сверчевский К. 415
Свинхувуд Т. Э. 394
Свобода Л. 621, 622
Свобода Э. 297
Северак Ж.-В. 721
Седильо С. 545
Секистов В. А. 570
Секкья П. 653, 654
Селор П. 159, 251
Селунская В. М. 47
Семар П. 157
Семенов С. И. 524, 546
Семиволос А. И. 557, 580
Семков М. 252
Сенявский С. Л. 34, 40, 56
Сепре О. 65
Серда П. А. 547, 548
Серрано Ф. 683
Серрати Дж. М. 204, 207
Сетон-Уотсон Х. 141, 706, 719, 721, 722
Сивачев Н. В. 664
Сидки Б. 517
Сизоненко А. И. 532, 691
Сикейрос Д. 549
Силлен Х. 215, 216
Симонов Б. И. 21
Сингх Б. 503
Сиполс В. 65
Сирмаи И. 630
Сисулу У. 688
Ситрин У. 443
Скеллин Дж. Х. 408
Скоров Г. Е. 454
Скоччимарро М. 203
Слоан П. 54
Слободской С. М. 100
Слука А. Е. 87
Смаили А. 683
Сметанин Н. С. 41
Сметона А. 71
Смирнов В. А. 575
Смирнов В. П. 640, 642
Смирнова Н. Д. 378
Снефлит Г. (Маринг) 171
Снечкус А. Ю. 562
Сноуден П. В. 149
Соболев А. И. 605, 609
Соколов А. А. 523, 525
Соколовский В. Д. 569
Сол Г. 522
Соломон Ж. 640
Соня Г. 369
Соня Е. 369
Соркин Г. З. 132
Сороковой А. Я. 579
Сороко-Цюпа О. С. 225
Софианопулос И. 376
Спаак П. А. 385, 644
Спехов П. К. 578
Спинасс Ш. 419
Спиридонов В. Е. 575
Сприано П. 202, 205—207

Сталин И. В. 60, 134, 279, 562, 586, 710
Станек Ф. 297
Стасова Е. Д. 23, 114
Стаунинг Т. 214, 245
Стаханов А. Г. 40, 557
Стейнке 393
Стеттиниус Э. 724
Стецкевич С. М. 610
Стилуэл 730
Стоянов А. 187
Страхов В. 466
Стрём Ф. 215
Строганов А. И. 544
Стругар В. 613
Струмилин С. Г. 30
Стэк Ли 510
Суворов А. В. 569
Сулейман Х. 517
Сумарокова М. М. 373
Сунне А. 646
Сунь Ятсен 20, 484—487
Суслов М. А. 249, 250, 262, 562
Суши А. 719

Тагор Р. 700
Талашова В. А. 22
Талеб М. 684
Танака Г. 228
Таннер В. 218, 443, 658
Танчич М. 629
Тарнов Ф. 434
Тельман Э. 24, 25, 123, 135, 161—163, 240, 251, 281, 283, 285—287, 289, 290, 351, 410, 654
Тепер Е. М. 317
Тибеди Т. 518
Тимофеев Т. Т. 668
Тисс В. 292
Тиссен Ф. 243
Тиссо Б. 621
Тойнби А. 703
Токуда К. 227
Толедано В. Л. 545
Толле А. 640
Тольятти П. 123, 126, 132, 135, 203, 208, 209, 241, 254, 256, 267, 415, 455, 602, 650, 653
Томашевский Е. 337
Томилин А. Н. 575
Томский М. П. 46
Тон Дык Тханг 498
Тонхаузер П. 630
Торез М. 102, 103, 105, 146, 157, 159, 255, 266, 300, 302, 304—310, 450, 592, 598, 601, 602, 640, 642, 643
Торре А. де ла 527
Торресилас Ж. 683
Трапезников С. П. 44, 47, 48
Трилья Г. 251
Трифонов И. Я. 46
Тройсе Э. 549, 690
Трофимов В. А. 686, 687
Троцкий Л. Д. 32, 133, 699
Троянов Л. С. 582
Трумэн Г. 586
Трухановский В. Г. 149
Тудэв Б. 79
Тума Ф. 515
Туполев А. Н. 582
Турати Ф. 206, 428
Турелл У. 659
Турок В. М. 294, 296
Тухольский К. 162, 284
Тыменецкая А. 180
Тэйлор Ф. 94, 95, 97

Узулья А. 640
Узянов А. Н. 679
Уинстон Г. 400, 401
Ульбрихт В. 285, 290, 291, 597, 602, 639, 656
Ульманис К. 72
Ундасынов И. Н. 381
Уотсон 222
У Пэйфу 487
Урибуру 543
Уриг Р. 656
Уррутиа М. 525
Уэллес С. 667
Уэллс Г. 701

Файн С. 398
Фам Ван Донг 501
Фаустов С. А. 40
Федотов А. 583
Федченко А. Ф. 516, 517
Фейхтвангер Л. 284, 291
Фернандес А. 663
Фидеркевич А. 179
Филатов Г. С. 209, 241, 326, 650, 652, 653
Филип А. 447
Филипович Ф. (Б. Бошкович) 196, 197, 372
Филиппов С. В. 92
Финдер П. 615, 618
Фирсов Ф. И. 410
Фитцке З. 293
Фишер Р. 144
Фланден П. Э. 306
Флик Ф. 243
Флорин В. 291, 656
Фокс Р. 415
Фор П. 441, 458
Форд Г. 88, 95, 122
Форэн У. 389
Фостер У. З. 115, 223, 397, 401, 700
Франко Б. 319, 344, 662
Фревиль Ж. 54
Фрейзер Р. 442, 443
Фридман Л. А. 465
Фукумото Кадзуо 227
Фут М. 380
Фучик Ю. 621
Фюрнберг Ф. 297, 650
Фюршт Ш. 360

Хаас И. О. 649
Хадениус С. 214
Хадж А. М. 683
Хаджиниколов В. 355—357
Халачев Х. 187
Хаман К. 190, 191
Ханссон П. А. 214, 658
Харби М. 684
Харнак А. 292, 656
Хатт А. 102, 380
Хаукинс 661
Херст У. Р. 401
Хёглунд Ц. 215
Хидер М. 683
Хилквит М. 222
Хилько М. М. 575
Хирдман И. 660
Хоанг Куок Вьет 501
Холл Г. 400
Хоннекер Э. 292
Хоннер Ф. 650
Хориэ М. 89
Хорнсрюд Кр. 215
Хорти М. 175, 190
Хорьков В. И. 487, 494
Хо Ши Мин 497—499, 676
Хрущев Н. С. 562
Хук С. 704
Хусто А. 543
Хухайми Б. 515

Цалдарис П. 376
Цанков А. 186, 244, 373
Цао Кунь 487
Цвейг А. 165, 284, 291
Цветкович Д. 374
Цеденбал Ю. 79, 81
Цергибель К. 165
Цеткин К. 114, 123, 135, 144
Цилле Г. 162, 165
Цуккер-Шиллинг Э. 167
Цыганов В. А. 508

Чадарчи К. аль 516, 517
Чалков А. Я. 575, 579
Чан Кайши 490—492, 497
Чан Фу 499
Чаушеску Н. 628
Чемберлен Н. 352, 382
Черкасова А. М. 584
Черников Г. П. 87
Чернышева О. В. 216, 393
Черняховская Н. И. 468
Черчилль У. 568, 570, 587, 724, 725
Чжу Сюэфань 494
Чиано Г. 373

Чильбум К. 215, 216
Чопич В. 415
Чубинский А. 340
Чуйков В. И. 567
Чыонг Тинь 501

Шаллаи И. 360
Шамба Ж. 299, 301
Шами А. 510
Шарапов Г. В. 45
Шарир С. 681
Шарифуддин А. 680, 681
Шарки Л. 229
Шастене Ж. 718
Шауи Н. 514
Шахт Я. 243
Шверма Я. 184, 347
Шверник Н. М. 23, 562, 573
Швецов А. Д. 582
Шеель Г. 292
Шеер И. 285, 290
Шёнхерц З. 629
Шиллер И. 296, 297
Шимали Ф. 515
Шириня К. К. 113, 132, 237, 254, 257, 266, 274, 335, 337, 413, 414, 719
Ширман Х. 661
Шифрин А. 445
Шлейфштейн И. 249
Шлейхер К. 286
Шмераль Б. 135, 254
Шмераль Я. Б. 609, 617
Шмидке К. 622
Шнаке О. 548
Шотан К. 312
Шоу Б. 700, 729
Шрёдер К. 243
Штампфер Ф. 288
Штерн Г. М. 21
Штерн Л. 415
Штраус П. 381
Штюрмталь А. 423, 450, 457—459
Шуберт Г. 290
Шубин В. Ф. 580
Шульговский А. Ф. 524, 545, 546
Шульце Ф. 290
Шульце Г. 444
Шульце-Бойзен Х. 292, 656
Шуман Е. 730
Шуман М. 656
Шуман Ф. Л. 703, 706
Шумахер Х. 249, 257
Шумилов М. С. 567
Шушниг К. 649

Щербаков А. С. 562

Эванхелиста К. 677
Эйзенхауэр Д. 726
Эйнштейн А. 162, 165, 568
Эйххольц Д. 103
Экман К. Г. 217
Эмерсон Р. У. 97
Энгельс Ф. 17, 36, 92, 96, 128, 129, 132, 193, 470, 699, 705, 715
Энгерт О. 656
Эриксен Б. 391, 394
Эрлих А. 706
Эррера О. 544
Эррио Э. 154
Эфрон Д. 522

Юсуф Ю. С. (Фахид) 517

Язбак Ю. И. 515
Язькова А. А. 368, 627
Якоб Ф. 656
Яковлев А. С. 582
Ямакава Кин 226, 227
Янкин И. П. 557, 580
Янсен Л. 645

В редакционно-технической
и вспомогательной работе участвовали:

К. М. АНДЕРСОН
Л. М. БУХАРМЕДОВА
М. А. ГОЛОВИНА
Н. С. ИВАНОВ
В. П. КАЗАКОВ
Р. М. КАПЛАНОВ
С. В. ЛИСТИКОВ
А. Б. ЧЕРНОВ

Бригадир тома

М. Б. КОРЧАГИНА

Составитель именного указателя

Л. В. ТАРЛЕЦКАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

Часть первая

СТРОИТЕЛЬ ПЕРВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 13

Глава первая

ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА В СССР 14

БОРЬБА ПРОТИВ АГРЕССИВНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА 15

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА 26

НОВЫЙ ОБЛИК СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 54

Глава вторая

КУРСОМ НА СОЦИАЛИЗМ 64

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1940 г. В ПРИБАЛТИКЕ —

К СОЦИАЛИЗМУ, МИНУЯ КАПИТАЛИЗМ 77

Часть вторая

КЛАССОВЫЕ БИТВЫ ПРОЛЕТАРИАТА . . . 83

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЛИК РАБОЧЕГО КЛАССА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН 84

РОСТ РЯДОВ РАБОЧЕГО КЛАССА . . . . . —

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА 92

УРОВЕНЬ БОРЬБЫ И ОРГАНИЗАЦИИ 104

Глава четвертая

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ВРЕМЕННОЙ, ЧАСТИЧНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАПИТАЛИЗМА . . . 121

ПРОТИВОРЕЧИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ 121

ПОЛИТИКА КОММУНИСТОВ НА НОВОМ ЭТАПЕ 127

КЛАССОВЫЕ БОИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА 147

МАССОВАЯ БОРЬБА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 173

ТРУДНЫЕ ПУТИ ОРГАНИЗАЦИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ РЕАКЦИИ И ФАШИЗМУ 201

ПРОБЛЕМЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ 213

РАБОЧИЙ КЛАСС В США, КАНАДЕ, ЯПОНИИ И АВСТРАЛИИ 219

ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ 230

Глава пятая

В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА И УГРОЗЫ ВОЙНЫ 235

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1929—1933 гг. И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ . . . . . —

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА БОРЬБЫ ПРОТИВ ФАШИЗМА И СИЛ ВОЙНЫ 247

АНТИФАШИСТСКАЯ БОРЬБА ГЕРМАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА 281

АНТИФАШИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ 1934 г. В АВСТРИИ 294

НАРОДНЫЙ ФРОНТ ВО ФРАНЦИИ 298

НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 313

АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ 325

БОРЬБА ПРОТИВ РЕАКЦИИ И НАСТУПЛЕНИЯ ФАШИЗМА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 329

ВЫСТУПЛЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ В ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ 379

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В США, КАНАДЕ, ЯПОНИИ И АВСТРАЛИИ 396

ЗА ЕДИНСТВО В БОРЬБЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ . . 408

Глава шестая

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ 417

УСИЛЕНИЕ ОППОРТУНИСТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ 418

ПЕРЕД ЛИЦОМ КРИЗИСА И ФАШИСТСКОЙ ОПАСНОСТИ . . . 430

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ 452

Часть третья

РАБОЧИЙ КЛАСС В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ 463

Глава седьмая

РОЛЬ РАБОЧЕГО КЛАССА В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ АЗИИ И АФРИКИ 464

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ 465

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ 474

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 483

Глава восьмая

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ 521

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В 20-х гг. 525

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГОДЫ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 533

В БОРЬБЕ ЗА НАРОДНЫЙ ФРОНТ 538

Часть четвертая

В АВАНГАРДЕ АНТИФАШИСТСКОЙ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 551

Глава девятая

НА ЗАЩИТЕ СОЦИАЛИЗМА И МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 552

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 555

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ 560

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТРУД ВО ИМЯ ПОБЕДЫ 572

ВО ГЛАВЕ АНТИФАШИСТСКОЙ КОАЛИЦИИ НАРОДОВ . . . 585

КУРСОМ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОМОЩИ 589

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА 591

Глава десятая

ВЕДУЩАЯ СИЛА АНТИФАШИСТСКОЙ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ 596

ОРГАНИЗАЦИЯ МАССОВОГО ОТПОРА ФАШИСТСКИМ АГРЕССОРАМ 596

АНТИФАШИСТСКАЯ, НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 604

СОПРОТИВЛЕНИЕ И БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ 636

РАБОЧИЙ КЛАСС США, АНГЛИИ, КАНАДЫ И АВСТРАЛИИ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО БЛОКА 663

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В АЗИИ И АФРИКЕ 670

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ 689

Глава одиннадцатая (заключительная)

ГЕГЕМОН НОВОЙ ЭПОХИ 698

ПРОКЛАДЫВАЯ ПУТЬ В БУДУЩЕЕ 699

ВО ГЛАВЕ СИЛ РЕВОЛЮЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА 714

АВАНГАРД АНТИФАШИСТСКОЙ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 723

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 732

Международное рабочее движение: Вопросы истории
М 43 и теории. Т. 5. Созидатель социализма, борец против фашизма /Редкол.: С. С. Салычев (отв. ред.) и др.; Введ. Б. Н. Пономарева.— М.: Мысль, 1981.— 750 с.— В надзаг.: АН СССР. Ин-т всеобщ. истории.

В пер.: 4 р.

В томе исследуются проблемы международного рабочего и коммунистического движения в 1924—1945 гг. Основное внимание уделяется рассмотрению созидательной деятельности советского рабочего класса, построившего первое в истории социалистическое общество, революционной борьбе рабочего класса капиталистических государств и национально-освободительному движению в колониальных и зависимых странах. Показана роль международного пролетариата как руководителя всех сил демократии и общественного прогресса в освободительной борьбе против фашизма.

М $\frac{10302\text{-}191}{004(01)\text{-}81}$ подписное

ББК 66.61 (0) 6
9 (М) 7

ИБ № 1756

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Вопросы истории и теории

Том пятый

СОЗИДАТЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА,
БОРЕЦ ПРОТИВ ФАШИЗМА

Заведующий редакцией А. Л. ЛАРИОНОВ
Редактор Н. И. КАЛАШНИКОВА
Младший редактор З. В. МАКАРОВА
Оформление художника В. М. ДОБЕРА
Художественный редактор И. А. ДУТОВ
Технический редактор О. А. БАРАБАНОВА
Корректоры Ч. А. СКРУЛЬ, Т. М. ШПИЛЕНКО

Сдано в набор 10.07.81. Подписано в печать 03.11.81. А02671. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печатных листов 47. Учетно-издательских листов 52,76. 48 усл. кр.-отт. Тираж 30000 экз. Заказ № 3049. Цена 4 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28